

ВЕНОК АЛЬЯНСА

По сюжету "Затерянных сказаний", Джон Шеридан пригласил принца Винтари пожить у него на Минбаре, чтобы спасти его от участи стать тираном и убийцей миллионов. Ну, в принципе, спас... Это история о следующем поколении — молодёжи анлашок и Альянса в целом.

==== Часть 1. ЛОТРАКСА. Гл. 1. Прибытие =====

Гл.1 Прибытие

Когда принц Винтари получил от президента Шеридана приглашение пожить в его резиденции на Минбаре, он был, мягко говоря, потрясён. Он предполагал, конечно, что удивление ждёт его, в немалых объёмах, всё это необыкновенное путешествие, и старался себя к этому подготовить... Хотя времени, которое занимал путь «Валена» до Минбара, для этого было явно недостаточно.

Президент Межзвёздного Альянса Джон Шеридан, в силу занятости с одной стороны и какой-то природной тактичности с другой, был весьма ненавязчив, что только на руку было Винтари, которому требовалось успокоиться и привести мысли в порядок. Он многого ожидал от этой поездки на «Вавилон», но не такого поворота точно. Однако конечно, если бы он не был рад этому повороту, его бы сейчас здесь не сидело. Но всё равно, осмыслить саму идею — что он летит на Минбар, с бессрочным приглашением от человека, которому он пока не успел сделать ровным счётом ничего такого, чтоб заслужить подобное внимание... это требовало времени. Поэтому принц уединился в своей каюте, которая, несмотря на минбарский минимализм, кстати, произвела на него весьма благоприятное впечатление.

Какое там, в каюте, было спальное место — минбарское наклонное или земное горизонтальное, он так потом и не смог вспомнить... потому что не прилёт ни на минуту. В компьютере кстати нашлось много интересного о земной и минбарской культурах. Винтари решил, что необходимо как можно больше знать о том, с чем предстоит иметь дело. Земной универсальный язык он знал довольно неплохо, минбарского же не знал вовсе, приходилось пользоваться услугами электронного переводчика, но это Винтари не останавливало. Центаврианские источники он изучил, наиболее заслуживающие внимания, давно, и относился к ним весьма реалистически — даже лучшие, грамотнейшие из них не были лишены пристрастного, с налётом «патриотической» пропаганды, слога. Немало порадовало его и найти в базе несколько художественных произведений, здесь трудности перевода пугали куда больше, и всё же центаврианин решил рискнуть. В наиболее сомнительных и трудных местах он делал себе закладки, с тем, чтобы спросить потом хотя бы у Шеридана. Да, с земной литературой было несколько проще, всё-таки их культуры действительно имеют много общего, минбарскую же ему пришлось покуда отложить — переводить со словарём глубокие художественные образы было сложно. Но и того, что он уже прочёл, хватило, чтоб погрузиться в состояние, которое правильно бы было назвать хаосом мыслей и чувств. Большую часть из них он даже не мог внятно осмыслить и оформить — как будто внутри него тоже сейчас шла сложная переводческая работа. Винтари всегда гордился своей дотошностью и решил, что обязательно подумает об этом в ближайшее время и во всём разберётся.

Да, таким образом получилось, что из своей каюты он всё время перелёта не выходил, погружённый в чтение. Что, наверное, было неплохо, усмехнулся он про себя, выход, чтоб не смущать себя наблюдением множества снующих туда-сюда минбарцев.

Правда, к снующим туда-сюда минбарцам всё-таки следовало привыкать.

Незадолго перед посадкой зашёл Шеридан, осведомился о самочувствии, Винтари заметил, что оно прекрасное, хотя глаза от долгого сидения перед монитором, признаться, устали. Шеридан предложил полюбоваться панорамой Минбара, и Винтари, конечно, не нужно было предлагать дважды. Тому, кто влюблён в космос, космические пейзажи и панорамы планет, на которых до сих пор не бывал, в принципе не могут быть неинтересны... А зрелище и правда было впечатляющее.

Когда Винтари впервые увидел Землю на мониторе — она показалась ему такой хрупкой. Голубая слеза, повисшая в чёрной бездне космоса. Сейчас он понял, что был не прав. Земля в сравнении с Минбаром смотрелась как-то весомее и основательнее. Минбар выглядел по-настоящему хрупким, и в то же время... не то чтобы ярким — он светился утончённым, нежным голубым светом, наверное, конечно, из-за обширных шапок льда, против воли навевающим тихую торжественность. И это тоже было ново и интересно.

Когда Винтари первый раз увидел Деленн — конечно, он и до этого видел её, но на экране, а вот вживую первый раз — его поразила новизна испытанных эмоций, которых он, опять же, не мог определить и описать сразу.

Нормальным для центаврианина — вне зависимости от того, сколь почтительно и сдержанно он общался с той или иной женщиной, было оценивать по параметру, представляет ли он себя с нею в постели. Это никоим образом не означало каких-то планов и реальных намерений такого рода, а скорее было культурной особенностью. Ценность женщины определялась двумя вопросами — красива ли она и влиятельна ли. Если она и красива, и влиятельна — уместна была любая степень подобострастия. Если влиятельна, но некрасива — градус лести ограничивался возможными выгодами, а так же умом и проницательностью женщины. Флирт был такой же частью делового этикета, как разговоры о погоде. Если женщина была не влиятельна, но красива — с декларацией намерений вообще не было никаких сложностей. Если же женщина была и не красива, и не влиятельна, максимум ей можно было посочувствовать.

Так вот, после встречи с Деленн, анализируя свои мысли и поведение, Винтари заключил, что, вероятно, Деленн не следует считать красивой, коль скоро никаких эротических мыслей в её присутствии у него даже не возникло.

Что ж, она была, во всяком случае, несомненно влиятельна, но от несомненности этого факта выбирать стиль общения было не проще — и дело было даже не в том, что цели и возможные выгоды пока не были определены, и не в том, что она была столь же несомненно умна, поэтому с градусом лести следовало быть осторожным, а Винтари был совершенно неопытным в таких делах. Прежде всего — она была минбаркой, существом чуждой и непонятной культуры, следовало куда больше знать о её особенностях восприятия.

После обеда, бесед о впечатлениях от дороги — Винтари не смог удержаться, чтоб не задать несколько вопросов о прочитанном, и Деленн пообещала, что они после непременно вернуться к этому разговору, так как вопрос глубокий и сложный, и не хотелось бы говорить о нём не обстоятельно, расспросов о ситуации на Центавре — здесь Винтари было проще всего, так как дипломатические формулы он выучил в совершенстве — Шеридан позвал его

познакомиться с сыном. Участия во взрослой беседе юный наследник, естественно, не принимал, и был сейчас в своей комнате. Знакомство предстояло кратким, так как гостю нужно было распаковать вещи и отдохнуть с дороги, а у юного Шеридана были сегодня ещё то ли какие-то учебные занятия, то ли тренировки.

Винтари, надо сказать, разбирало чисто житейское любопытство — на кого больше похож этот мальчик, на отца или на мать, на землян или на минбарцев.

Дэвид Шеридан был ещё одним его удивлением. При их появлении он встал — он собирал на середине комнаты на низенькой подставке сложную конструкцию из пластин и кристаллов, Винтари не смог бы даже предположить, игрой это было, медитацией или серьёзным учебным занятием, как посмотреть, так минбарцы занимаются чем-то подобным большую часть времени, свободного от переговоров, войн и религиозных обрядов — подошёл и церемонно поклонился — в соответствии с минбарскими традициями, Винтари поприветствовал его по-центавриански.

Дэвиду было, как сказал его отец, 8 лет. Он был строен, даже худ, у него были тёмные, как у матери, волосы, только прямые, и большие, ясные глаза — такие же лучистые и спокойные, как у неё. Редкие, почти незаметные брови и зачаток гребня, виднеющийся на висках и топорщащийся под волосами, не делали его внешность более минбарской — эти признаки достаточно были сглажены земными чертами. Винтари было интересно в этот момент, воспринимается ли его взгляд сейчас именно так, как он сам его ощущает — как бесцеремонное и даже бестактное разглядывание, но это было нечто выше его воли — невозможно не понимать, что перед тобой существо совершенно особенной природы, подобного которому во вселенной просто нет, оно существует в единственном числе как исключение из всех мыслимых правил. Верно, так же когда-то таращились на Деленн, позабыв всякое приличие, и сложно сказать, что диковиннее — изменение уже существующей природы или же рождение гибрида, которого нельзя было и вообразить. Полуминбарец, полуземлянин — больше в нём, по идее, земной крови, но воспитанием, культурой он несомненно должен быть ближе к минбарскому народу. И не может не будоражить вопрос, как сам он ощущает и воспринимает себя, не тяжело ли ему, не одиноко ли — ведь он никогда в полной мере не может принадлежать ни к одному миру, он стоит на грани их. Он один, других таких просто нет. Впрочем, он вряд ли имеет из-за этого какие-то фактические проблемы, учитывая, кто его родители... Однако это тоже определённо не было однозначным моментом. Когда Винтари, совершенно машинально, обратился к нему «Ваше высочество», в глазах мальчика не было ничего подобного тому, как если б он был горд или польщён. Удивление, подобное тому, как если б его назвали не его именем. Они обменялись лишь парой фраз, но этот недолгий разговор стал для Винтари залогом множества интереснейших бесед.

Проснулся наутро он от звонка в дверь — Деленн в переговорник осведомлялась, проснулся ли он, одет ли, и когда сможет спуститься для приёма пищи. Винтари понял, что завтрак он проспал, при чём проспал очень основательно. Давно ему не было так стыдно.

Для центаврианина является нормой вставать рано, если того требует служба, и столь же естественным нежиться в постели до обеда, если спешить некуда. На Минбаре же, вспомнил он, принято встречать каждый рассвет.

Вещи, конечно, были разобраны лишь на малую часть. Винтари сразу отказался от варианта церемониального мундира с регалиями наследника центаврианского престола, как

неуместного, но и появляться перед женщиной в халате было верхом неприличия. Поэтому он облачился в костюм попроще, который использовался для выходов в город.

Делен заверила его, что прекрасно понимает, насколько необходимо выспаться после утомительной дороги — минбарцы всегда готовы извиниться за тебя прежде, чем ты сам это сделаешь, подумал Винтари, как будто, в самом деле, это не звездолёт нёс его к Минбару, а он нёс звездолёт на себе, что так устал. И в свою очередь извинилась перед ним за то, что подаёт простой завтрак, приготовленный на скорую руку (насколько это вообще возможно у минбарцев), а не по всем правилам торжественное угощение. Вчерашний обед по настоянию Джона был смесью традиций земных и центаврианских, но время для торжественных обедов у них ещё будет.

После завтрака — Винтари неожиданно был рад тому, что был он непривычно для центаврианского желудка лёгким, бодрящим, а не отягощающим — ему было предложено выйти для прогулки в сад. Позже они вместе составят культурную программу, сейчас же у Деленн важная видеоконференция, которую никак нельзя отложить.

Сад был смешанным. Те из растений, которые не требовали специфической только земной или только минбарской почвы, росли рядом. Винтари узнал и несколько центаврианских кустарников — правда, заметил, что выращиваются они здесь совсем не так, как на Центавре, без перекручивания корней и формирования кроны — похоже, всегда строгие к себе минбарцы не были столь же строги к растениям.

Он пошёл по присыпанной гравием дорожке, вспоминая всё, что читал о минбарской фауне и традициях местного садоводства, и вышел к лужайке. Здесь его ждал сюрприз — в саду в этот час он был не один. На лужайке президент Шеридан с сыном играли в спортивную игру, названия которой он не мог вспомнить — с помощью двух деревянных обручей с сеткой, на длинных ручках, перекидывали друг другу мелкий предмет, представляющий собой мячик с юбочкой из сетки. Игра, должно быть, длилась давно, Шеридан-старший, раскрасневшийся и запыхавшийся, обернулся к нему, согнулся, уперев руки в колени:

— Принц, как хорошо, что вы подошли — не смените ли меня? В моём возрасте против молодой энергии — дело безнадёжное.

— Признаться, я не умею, — покачал головой Винтари, вертя в руках орудие для отбивания мячей, — я никогда не играл в эту игру.

— Правила совсем простые, — подбежал Дэвид, явно обрадовавшийся свежей крови, — я объясню. Если, конечно, вы не будете против. Отцу и правда хорошо бы уже пойти отдохнуть перед приёмом послгов, я совсем его замучил.

— Нет, я не против, я охотно сыграю в эту игру. Если, конечно, вы меня научите...

Чувствуя, что Винтари снова начал пытаться подобрать какой-то титул, мальчишка рассмеялся:

— Просто Дэвид. Пышные звания мне пока рановато. Эта игра, принц, называется бадминтон. Суть состоит в том...

Шеридан-старший пожал Винтари руку, потрепал по голове сына и поспешил к дому.

— Ракетку держат вот так! — широкие ладони Винтари почему-то никак не хотели облегать рукоять так же легко, как узкие ладошки Дэвида, но у Шеридана же как-то получалось, и Винтари не сдавался, — подача...

Конечно, ждать сразу каких-то феноменальных успехов было б странно. Поддачи Дэвида Винтари отбивал через раз, но и когда отбивал — посылал мяч высоко в небо или в

окрестные кусты, где то ему, то Дэвиду его потом приходилось, иногда очень долго, разыскивать.

Костюм, конечно, проверки в полевых условиях не выдержал. Винтари решил, что для повседневной жизни ему нужно что-то более простое и удобное.

Впрочем, в основном мысли его были далеки и от игры, и от проблем гардероба тоже. Видимо, физическая активность так стимулировала работу мозга, что именно сейчас ему пришла охота проанализировать накопившийся пласт мыслей и ощущений.

Он размышлял, почему его так впечатлил образ Шеридана в домашней серой футболке и перепачканных землёй и травяной зеленью брюках, встрёпанного, вспотевшего, смеющегося. Нельзя было сказать, чтоб он увидел в этот момент какое-то новое и неожиданное лицо Шеридана. Для него привычным и нормальным было, что известные, облечённые властью люди имеют множество масок-лиц, он знал эти парадные маски пышных приёмов, парадов и балов, и имел некоторое представление о личинах закулисных — он видел мертвецки пьяного Лондо, едва не падающего с трона, и хихикающих придворных, тискающих по укромным уголкам дам. Но всё это было не про Шеридана. Нельзя было сказать, чтоб это был какой-то другой Шеридан, нет, как раз дело в том, что был он один и тот же и там, на корабле и на «Вавилоне», и здесь, в своей резиденции, и Винтари вновь размышлял, как ему это удаётся. Либо этот человек врёт виртуозно, подумал он тогда, либо, что совершенно невероятно, не врёт вовсе. Между их расами, особенно в отношении к власти, политике, дипломатии, всё же очень много общего. Они подчиняются одним и тем же законам, и в целом между видными деятелями Центавра и Земли различия заметнее биологические, нежели психологические. Но Шеридан, при своей простоте, не укладывался в простые схемы. На Центавре о нём одни говорили, как о недалёком простеце-солдафоне, которого занесло в политику волей случая, по ошибке, другие — как об очень хитром и расчётливом интригане, сумевшем взлететь на гребне волны истории.

— Вы устали, принц. Думаю, пока нам стоит остановиться на достигнутом, вы согласны? Быть может, просто прогуляемся, или посидим в беседке?

Они пошли по тенистой боковой аллее — кроны высоких кустарников сплетались над их головами, как шатёр, от чего в аллее стоял приятный зелёный сумрак.

— Скажите, ва...

— Дэвид, просто Дэвид.

— Извините, Дэвид. Видите ли, я никак не могу отделаться от манер придавать самому обычному разговору официальный тон и нагружать речь соответствующими формулами... Это, если угодно, как акцент. Это тем более странно, что разговор, который я хочу с вами завести, лежит в сфере, официоза чуждой и потому непривычной для меня...

Дэвид остановился, повернулся, чуть склонив голову с лёгкой улыбкой.

— Принц, поверьте, не всегда отсутствие отточенных и выверенных фраз препятствует пониманию. И если вы сейчас не найдёте подходящих слов и настроя для этого разговора, я просто подожду, пока найдёте и попробуете снова.

— О нет, я найду. Никуда не денется то обстоятельство, что я просто имею мало опыта в ведении простых и по-настоящему интересных мне разговоров... Если я не спрошу сейчас, то потом могу просто не решиться. Но не воспримете ли вы мой вопрос как слишком неуместный и бестактный?

Они дошли до беседки, Дэвид приглашающим жестом пропустил гостя вперёд, предложив ему удобное место в центре.

— Сначала задайте ваш вопрос, ваше высочество, и тогда я смогу сказать, бестактен ли он.

Винтари кивнул. В беспредметных извинениях действительно мало толку.

— Скажите... Дэвид, вы любите своего отца?

Вопрос, может, и не обескуражил, но удивил точно.

— Конечно! Разве может быть иначе? А почему вы об этом спросили? Мой отец... показался вам плохим человеком? Поверьте, я способен понять, что взгляд с совершенно другой позиции, обусловленной... определёнными историческими и политическими обстоятельствами, может быть иным.

— Дело не во взгляде... Дэвид. Хотя... о взгляде и обстоятельствах позже. Нет, меня заинтересовало само... Знаете, по дороге сюда я читал некоторые земные книги. Поэзию... и прозу тоже... Меня заинтересовало то, как там описывается отношение к семье, к родителям. Очень...

— Сентиментально, вы хотели, должно быть, сказать?

— Не уверен, что здесь смогу подобрать слова. По части сентиментальности, или, во всяком случае, пафоса наша литература всегда была богата... Нет, знаете, Дэвид, слово «любовь» есть в каждом языке, только одинаковое ли у этих слов значение? Вы сказали — как может быть иначе... Я понимаю, ваша культура предписывает вам любить родственников... — Винтари запоздало сделал себе замечание, что не уточнил, которую культуру он имеет в виду, ведь всё же родители его собеседника принадлежат к разным культурам, но кажется, это сейчас не имело большого значения для разговора.

— Разве любовь можно предписать, принц? Да, культура, как вы говорите... почти любая культура, какую я с ходу могу назвать... скорее не предписывает, а воспевает искренние и горячие отношения между родственниками, любовь к детям, любовь к отцу, к матери... это естественно, это основа жизни, это возникает не потому, что восхваляется, а восхваляется потому, что невозможна сама жизнь без этого... А вы? Разве вы не любите своего отца?

От этих совершенно, в общем-то, логичных и невинных слов Винтари едва не стало плохо.

— Дэвид... вы знаете, кто мой отец? Кем он был? Нет... возможно, вы слышали, но не понимаете в полной мере. Это сложно понять тому, кто не встречался с ним лично, или не жил на Центавре, не слышал, каким зловещим эхом отражается это имя от стен, или хотя бы не видел последствий... его великих деяний... Но прежде, чем вы спросите меня, мог ли я знать его с иной, лучшей стороны, и мог ли простить ему... всё, что он сделал... Я просто скажу, что практически не знал его. Я, можно сказать, рос сиротой, родители не занимались мной — это тоже часто бывает у нас в знатных семьях... Я знал моих отца и мать по имени, по титулу, и даже знал в лицо, но как людей, как личностей я знал их лишь со слов... В большей мере слов окружающих, чем их собственных. В большей мере видел их отражения в кривых и правдивых зеркалах нашей жизни. У нас могут говорить о любви, почтении и признательности к роду, могут не говорить — суть от этого не меняется, в этом ряду нет места любви. Мы служим роду, фамилии, а род служит нам. Маскам, фигурам на политической арене, не людям. Иными словами, Дэвид — возможно, я скажу сейчас очень бредовое... Но я хотел бы послушать от вас именно об этом настоящем, не отравленном выгодами и условностями чувстве любви к родителям.

И в этот момент Винтари накрыло. Он понял, что удивило его не столько в Шеридане,

сколько в себе самом. Пропустив ещё раз через память прочитанное из земных книг, он нашёл своему смятению, бушевавшим его эмоциям верный эквивалент. Он воспринимал Шеридана как отца. Это было тем более дико, что подобных эмоций к своему собственному отцу он никогда не мог даже представить. Он действительно не знал отца — родители жили раздельно, это тоже не редкость у знатных центавриан, поженившихся по велению семей, отец приезжал в их поместье лишь пару раз на его памяти, и, положив руку на сердце, никакой грусти и чувства потери у него не было. Мать, впрочем, родительской нежностью его тоже не баловала — просто не испытывала к тому склонности. Дети (брат Винтари, увы, родился неполноценным и прожил недолго) были частью её обязанностей, её статуса, но никак не её личных интересов — в доме было достаточно слуг и учителей, которым можно было препоручить наследника. И оглядываясь сейчас назад, он мог сказать, что никогда до сего дня не видел в таком мироустройстве ничего странного и прискорбного, в общем-то и не предполагая, что может быть иначе. До этой встречи, радушной улыбки первого лица Межзвёздного Альянса, его неожиданного гостеприимства, тех книг в компьютере корабля, этого утра и наблюдения за игрой отца и сына — он и не знал, что такое бывает. Что такое может быть и с ним. И именно поэтому при встрече с Деленн он не испытал ни малейших эротических эмоций — как в целом ввиду глубокого уважения к Шеридану, так и потому, что в ней он так же увидел мать. Мать, которой прежде у него не было.

Винтари не брался, конечно, предсказывать свою дальнейшую жизнь на много лет вперёд. Но именно сейчас, он точно знал, ему необходимо быть здесь. Чтоб дать себе сполна насладиться этими новыми для себя чувствами, этим тайным счастьем обретения. Если прямо сейчас лишит его этого — он будет чувствовать себя обкраденным всю оставшуюся жизнь.

Его взгляд натолкнулся на мягкую тонкую травку с бледными цветочками, пробивающуюся между плит у подножия беседки.

— Дэвид, скажите... что это?

— Удивлён, что вы спрашиваете у меня об этом, принц. Ведь это растение с Центавра. Неприхотливый достаточно распространённый сорняк, обычно растущий в тени более крупных сородичей. Его семена попали к нам вместе с семенами клумбовых люрий, по всей видимости, у них очень мелкие семена... Нам пришлось покопаться в справочниках, чтобы определить, что это. Это же лотракса.

Винтари кивнул. Лотракса, да. Обычно это растение просто не замечают — его стебли не видны под раскидистыми ветвями и листьями кустов, его аромат сливается с ароматами других трав, глушится более резкими запахами цветов. Но всё же оно есть. Его чувство подобно этому растению. Невидимое обычному взгляду, неведомое до сих пор даже ему самому. Только на Минбаре он и смог разглядеть его.

— Увы, мне пора собираться. Через час у меня занятия при храме...

— Понимаю. Скажите, Дэвид, завтра я смогу сыграть с вами так же, в это же время?

— К сожалению, завтра я никак не могу, принц. С завтрашнего дня на двое суток я буду плотно занят в обряде...

— Обряде?

— Приготовления торжественного обеда в вашу честь. Мне повезло удостоиться чести приготовить этот обед самому.

Винтари снова кивнул. Что отказываться, говорить, что не стоит ради него так хлопотать — бесполезно, он прекрасно понимал, не перед минбарцами отказываться от

особых почестей, да и не центаврианину. Так же прекрасно понимал и ещё кое-что. Что сегодня придёт в свою комнату и перечитает всё, касающееся этого обряда, выучит назубок все действия, которые ему следует во время этого обеда совершить, все слова, которые следует сказать. Потому что он просто не допустит, чтоб была совершена хоть малейшая ошибка и Дэвиду пришлось выдержать ещё двое суток бдений. Это и для минбарца не плёвое дело, хотя они на порядок выносливее и землян, и центавриан, вместе взятых, раз выдерживают многодневные посты и медитации, но Дэвид-то на большую часть — землянин...

— Господин президент, мне нужно поговорить с вами. Если, конечно, вы не слишком заняты.

— Нет-нет, проходите, Винтари. Что-то случилось?

Центаврианин осторожно сел в глубокое кресло, принялся сосредоточенно очерчивать взглядом бледный узор столешницы, стесняясь смотреть в улыбающиеся глаза Шеридана. Слова давались трудно. Наконец он собрался с духом.

— Господин президент, когда вы пригласили меня погостить в вашей резиденции, вы, помнится, не поставили мне чётких сроков...

— Это так. Я сказал, что вы можете жить здесь, сколько пожелаете, и сейчас повторю вам то же самое. Что-то изменилось у вас? Рискну предположить, вы соскучились по дому, или просто заскучали здесь? Вы решили покинуть Минбар и вернуться на Центавр?

Винтари усмехнулся от этих ожидаемых, в общем-то, слов.

— Напротив. Мне нравится здесь, господин Шеридан, и мне хотелось бы быть здесь... я не знаю, насколько долго. Но мне не хотелось бы обременять вас...

Шеридан рассеянно переложил какие-то бумаги перед ним на столе с места на место.

— Мы уже говорили об этом. Вы не обременяете меня. И Деленн, и уж тем более Дэвида, не обременяете уж точно.

Пальцы центаврианина, нервно теребящие подлокотник, на миг замерли.

— Спасибо вам за эти слова, господин Шеридан... Всё же я продолжу. Всё же мне необходимо это сказать. Для того, чтоб нам всем ни сейчас, ни впоследствии не испытать никакого стеснения, я хотел бы сам оплачивать своё проживание. Поверьте, деньги у меня есть.

— Но...

— Но это ещё не всё, — Винтари встал, нервно прошёлся по кабинету, — прекрасно понимая, что у вас тут не гостиница для богатых бездельников, я хотел бы найти себе дело, которое оправдало бы моё здесь пребывание. Я заметил, что, несмотря на давность общения, полноценного культурного обмена между нашими расами так и не было. Общение было слишком разрозненным, рваным, и, что уж говорить, местами тяжёлым... Мне бы хотелось внести посильную лепту в исправление этого положения. Я мог бы заняться переводами... Для начала, конечно, мне необходимо будет выучить в совершенстве язык... все три главных языка — и лучше места, чем метрополия, для этого не найти. Мне хочется надеяться, что эта моя деятельность будет нужна не мне одному.

Шеридан выронил ручку.

— Принц, я... У меня нет слов. Вы уже говорили об этом с Деленн? Если хотите моего мнения, то я считаю, что это замечательная идея. Но не могу не сказать сразу — такая масштабная задача ведь потребует много, очень много времени...

— Что меня вполне устраивает. Родина меня не манит, поверьте, господин президент. Мне нечего там делать, и никто там меня не ждёт. Во всяком случае, не ждёт ни для чего хорошего.

— А как же ваша семья? Я знаю, у вас много недоброжелателей, но... Есть ведь и родные люди. Вы не скучаете по ним, а они по вам?

Винтари остановился возле стеллажа, где рядом с золочёными корешками книг и папок, футлярами свитков и «деревцами» информкристаллов переливчато сияло хрупкое чудо — модель «Белой звезды». Пальцы так и жгло от желания прикоснуться к ней, огладить сверкающий корпус, кольнуть подушечки кончиками крыльев.

— Семья? Господин Шеридан... Я немного говорил уже об этом с вашим сыном. Признаться, столкнулся с проблемой... Мне сложно подобрать слова, чтоб объяснить. Не всё можно описать банальными словами «не любят». Просто поверьте, никто из моих родственников не привязан ко мне и не испытывает грусти из-за моего отсутствия.

— Вы уверены в этом, ваше высочество?

— Поверьте мне — абсолютно.

Шеридан тоже поднялся, прошёлся у противоположной стены, Винтари вслушивался в его медленные, тихие шаги.

— Да, я знаю о... вашем отце... И допускаю, что из его семьи... вы так же ни с кем не близки... А ваша мать?

Винтари совершил над собой усилие — разорвал этот гипнотический контакт с белофиолетовым чарующим светом, обернулся.

— Я читал, что в прежние времена в вашем мире тоже существовала практика насильственных, династических браков, когда партию молодым выбирали старшие, и часто супруги даже не встречались до свадьбы. Сейчас подобного, кроме отдельных узких специфических кругов, у вас уже нет. Не могу не сказать, что в целом рад за ваш народ. Я так же знаю, что несмотря на это, многие семьи, созданные по принуждению, всё же получались счастливыми, супруги проникались друг к другу если не любовью, то сочувствием, их сближали дети, совместная жизнь... У вас об этом есть поговорка — «стерпится-слюбится», кажется, так? Странно, что такой поговорки нет у нас... Но у нас тоже есть счастливые семьи, в которых мир и лад. Мужья и жёны, которым повезло сойтись характером по крайней мере настолько, чтоб не приходилось селиться по разным домам, которые смогли найти друг в друге качества, достаточные во всяком случае для... дружбы, если можно так выразиться... которые заслужили любовь своих детей, по крайней мере, и их глазами смогли взглянуть друг на друга... Я завидую им, потому что всё это не про мою семью. Когда моих родителей поженили, они оба были вопиюще молоды — но достаточно сведущи в законах жизни, чтоб не иметь иллюзий. Мой отец тогда ещё не был тем, кем его помнят ныне, но уже обнаруживал... признаки психического нездоровья, будем говорить честно. Моя мать прожила с ним под одной крышей полгода — столько длится наш медовый месяц... и ей этого хватило. После моего рождения они встречались лишь на официальных мероприятиях, и, в общем-то, это устраивало обоих. Его супружеские обязанности выражались в отчислении положенного содержания, её — в том, что в её доме жил я. Поверьте, это весьма щадящий вариант, это везенье. Некоторые такие семьи, «чтобы соблюсти приличия», родственники заставляли съезжаться — и ничего хорошего из этого не получалось. Да, господин Шеридан, я жил с матерью, я видел её, конечно, куда чаще, чем отца... но это ничего не меняло. Ко мне мать относилась так же официально, как к супругу. Отец, мать,

сын, дочь — у нас это тоже вроде должности, сана, статуса... Дворец большой, и мы жили в противоположных его частях. Без важного повода она ко мне не заходила, даже не интересовалась, как я там. Она заботилась о том, чтоб я был всем обеспечен, хорошо одет и подобающе воспитан и обучен, но она сама не одевала меня по утрам и не укладывала спать, не читала мне книг и не вела со мной бесед. Кормилицы, няньки, учителя — кого угодно я видел чаще и знал лучше, чем её. У меня не было... мамы, господин Шеридан. У меня была леди Вакана из рода Горгатто, моя мать. Конечно, после... отцовского возвышения... она провела со мной несколько... больших, обстоятельных бесед. Стремясь разъяснить новую политическую ситуацию и мои перспективы, выдать рекомендации, к чему стремиться и как себя вести... Вы сказали бы, что это несколько не то, что хотел бы слышать и постигать ребёнок, но у нас вот так. После того, как... отца не стало, она так же провела со мной беседу. Сказала, что политическая ситуация мрачна и нестабильна, но род наш теперь совершенно точно в опале, и мне нужно будет расти, думая, как сумеет выбиться, устроиться в жизни. Сейчас — уже прошло много времени, и опала с нашего рода снята, моих родственников по матери снова приглашают на официальные приёмы и рады видеть в знатных домах — моя мать занята важной задачей. Закрепить этот зыбкий пока успех. В том числе лично для себя. Всё-таки, как ни крути, она остаётся вдовой человека, с именем которого связаны ещё не утихшие скандалы. Она планирует выйти снова замуж, и я, как живое напоминание о её связи с отцом, ей в этом совсем некстати. Да, я третий претендент на императорский трон, это верно... Но я в этом смысле слишком ненадёжная валюта, два первых претендента живы, здравствуют и не собираются уступать мне дорогу. В мои шансы мать откровенно не верит, не верит, что я сам способен проложить эту дорогу, а у неё возможности проложить её для меня сейчас нет. Поверьте, она только счастлива будет, если я как можно дольше не буду маячить на горизонте. Она без колебаний отравила бы меня, если это потребуется для личного успеха.

— То, что вы говорите — ужасно... И я бы не смог поверить... Если бы несколько не знал уже центавриан. Представляю, как вам сейчас тяжело...

Винтари поднял на него светлый, счастливый взгляд.

— Вот тут вы не правы, господин президент. Сейчас мне — очень хорошо. И я неопишимо благодарен за это вам.

==== Часть 1. ЛОТРАКСА. Гл. 2. Гравилёт =====

Гл.2 Гравилёт

Дэвиду было 11 лет, когда случилась эта история. Это был один из тех редких дней, когда они были полностью предоставлены сами себе — очередная реорганизация учебного процесса преподнесла им неожиданный выходной. Было принято спонтанное решение посетить имеющееся неподалёку «кладбище гравилётов» — нечто среднее между не слишком-то охраняемым складом и нечасто посещаемым музеем. Старые, вышедшие из употребления модели гравилётов стояли в небольших ангарах, даже не запертых на замок. Воровство для сверхправильных минбарцев было, по-видимому, чем-то запретным и немислимым — даже не в том плане, что позорным и осуждаемым, а в том, что до этого ещё додуматься надо. Во всяком случае, никому на всём Минбаре пока не приходило в голову украсть гравилёт. Примерно раз в месяц сюда приходили ученики из мастерских и школ

технических специальностей — чтобы наглядно изучить эволюцию гравилётостроения, почтить историю, вытереть пыль с почтенных экспонатов и так далее. Учитывая, что в наиболее крупных школах свои такие гравилёты в мастерских и музеях стояли — могли приходиться и реже.

Отправляться было, собственно, не у кого — Шеридан был по делам Альянса в секторе дрази, связь ввиду проходящих метеоритных дождей была плохая, Деленн участвовала в церемонии избрания верховного жречества в Кайли, прерывать тоже категорически не рекомендовалось. Райелл, первая помощница и управляющая, только махнула рукой — дел, в отсутствие первых лиц, у неё было по горло, не до придумывания занятий для двух мальчишек.

Итак, они отправились. Путь, учитывая, что пешком, был неблизкий, но никого это не пугало — за эти три года общения с младшим Шериданом Винтари привык и к долгим пешим прогулкам, и к физическим нагрузкам вообще.

Могла, наверное, показаться странной такая дружба, при разнице не только культурной, но и возрастной, можно было, вероятно, сказать, что дружба эта от безысходности — ведь образ жизни центаврианский принц вёл довольно замкнутый, редко покидая территорию резиденции, и попросту не имел других вариантов, с кем проводить часы досуга. На самом деле такой вариант его прекрасно устраивал — он и не представлял себе сколько-нибудь органичной своей интеграции в минбарскую общественность и откровенно робел с нею соприкасаться слишком часто, полагая, что к «выходу в свет» он не готов, а подготовка такая не то, что можно осуществить экстерном, коль скоро даже в родном мире это многолетний и трудный процесс обучения этикету, наукам, искусствам, истории, и пока лучше ограничиться взаимодействием с теми, кого так или иначе обрекло на это взаимодействие гостеприимство влиятельных лиц. Да и учебная программа, которую он себе назначил, требовала уединения, сосредоточенности и тишины. Обитателей резиденции вполне достаточно было для проверки и закрепления знаний, в особенности языков, и помощи в разьяснении материалов. Дэвида в этой роли он предпочитал более, чем кого-либо другого — перед ним он чувствовал меньше скованности именно ввиду того, что это ребёнок и что дитя двух миров. Та же Райелл, ему казалось, относится к нему достаточно пренебрежительно, хотя воспитание никогда не позволит ей показать это явно.

Погода стояла прекрасная — слегка припекало, ветер ласково играл с волосами. Винтари давно уже ленился укладывать волосы в гребень, эта пьянящая свобода стала ему слишком дорога.

«Кладбище» встретило их тишиной — нисколько не музейной и тем более не мёртвой. Скорее покоем. Тихо шелестела колеблемая ветром трава, стрекотали какие-то насекомые. Солнечные блики играли на блестящих поверхностях. Винтари и Дэвид ходили от ангара к ангару в отнюдь не немом благоговении. Восхищаться молча здесь просто не было сил.

— Удивительно! Они ведь все совсем как новенькие! Хотя сейчас в путь! Не верится, что этой модели... более пятисот лет, получается?

— Старение этого материала происходит куда медленнее. К тому же, за ними хорошо ухаживают. Для нас важно чтить историю, поэтому все модели поддерживаются в работоспособном состоянии. Для них даже выпускаются детали в случае необходимости замены. Такие музеи стараются иметь поблизости от всех крупных городов, чтобы учащиеся могли проследить, повторить, пропустить через себя весь эволюционный путь.

— Сколько же их... Здесь что же, представлены все модели, какие когда-либо были выпущены?

— Не совсем. Для всех потребовалось бы в десять раз больше места... Наиболее знаковые, значимые. Знаете, последнюю тысячу лет, выпуская что-либо, мы предусматриваем возможность апгрейда, и такая усовершенствованная модель не считается новой, хотя и полностью прежнее название не сохраняет, а присоединяет к нему какой-либо эпитет... Это получается как ветви одного дерева...

— Да, у нас примерно так же, разве что с названиями не так замысловато...

И тут они увидели его.

Сияние матовых поверхностей было совсем тусклым — материал корпуса был очень древним, ныне вышедшим из употребления, и признаки старения на нём уже были заметны, но мерный, спокойный свет этот был лишь притягательнее. Если возле других экспонатов Винтари просто знал, что видит перед собой настоящую реликвию, то здесь ощущал дыхание истории, и оно заворожило, околдовало его. Древнюю вязь он расшифровать пока не мог, кажется, это был один из диалектов касты мастеров, но спрашивать у Дэвида не стал — решил, что обязательно разберётся сам. Будет потом, чем гордиться.

— Невероятно... Это же он, Синий Вихрь?

— Синий Вихрь-Безмолвие, если точнее. В отличие от основной модели, его двигатель абсолютно бесшумен, не издаёт даже тихого рокота. Это был прорыв — неоценимое качество для ночных рейсов, такой транспорт не тревожил покой спящих.

— Каких спящих? — Винтари оторвал от своего зыбкого отражения удивлённый взгляд, — разве Вихри не использовались для междугородних перемещений? Они, конечно, четырёхместные, по сравнению со Стрелами полезная площадь здесь больше... Но места всё равно сидячие, не спальные. Кого будить-то?

— Зверей и птиц в полях, принц. Серия Вихрь ценилась именно за бесшумность и за то, что в полёте практически не использовалось освещение, гравилёт шёл по приборам.

— У меня определённо пробелы в знаниях. Я отметил лишь быстроту и эргономичность.

Они встретились возле подъёмника к кабине, разом повернулись друг к другу...

Винтари мог поклясться, что первому эта идея пришла ему, но так же он мог бы поклясться, что Дэвид идеально прочёл её и поддержал.

В самом деле, почему бы нет? Преступления в этом нет — они не проникали сюда незаконно, доступ открыт, учебные полёты на гравилётах проходящими сюда учениками совершаются... Правда, под присмотром наставников... Но что ж поделаешь, если наставников сейчас здесь нет?

Принципы управления, конечно, в теории, знали оба. Самое сложное было выкатить аппарат из ангара — старт необходимо производить на открытом месте. Завести двигатель оказалось не проблема — он запускался механически, с более поздними моделями Винтари уже не был бы так уверен, они частично управлялись движением руки и голосовыми командами, и могли не отреагировать на инопланетную ДНК.

Вдвоём они произвели поверку приборов, рассчитали курс... Планировалось на небольшой высоте сделать пару кругов вокруг полигона — ровная открытая поверхность, ни холмов, ни оврагов, никаких сложностей возникнуть не должно. По правде, единственное, чего им приходило в голову бояться — это что-то повредить, первое время в кабине они боялись лишней раз пошевелиться.

Гравилёт шёл ровно — и, святая правда, совершенно бесшумно, и только успокоившись наконец, Винтари понял, какой всё-таки нешуточный его бил мандраж. И как же он при этом был счастлив... Такое дикое детское счастье, какое бывало, когда удавалась какая-нибудь грандиозная шалость... Невольно он начал вспоминать, постепенно вслух.

Когда ему было чуть больше, чем сейчас Дэвиду, он гостил у своей тёти Дилии, и они с троюродными братьями, несмотря на запрет взрослых, ночью забрались в давно закрытое крыло замка, зажгли свечи и всю ночь рассказывали друг другу страшные истории — благо, кормили ими няньки в изобилии, на всю ночь хватило. Было жутко, казалось, что из-за обветшалых портьер за ними кто-то наблюдает, что с потемневших портретов недобро смотрят коварные отравители и мрачные ревнивцы, предательски зарезанные ночью в постели и отправленные на плаху по ложному доносу, что где-то совсем рядом в коридоре шуршит платьем сумасшедшая дочь лорда Морака, которую держали взаперти двадцать лет, пока однажды она не убежала и не утопилась ночью в том самом пруду, что прямо под этими окнами, а в стене тихо скребётся вмурованный скелет неверной жены лорда Акаро... Пятна грибка на стенах казались пятнами крови, от скудного света казалось, что тяжёлые капли медленно текут вниз... Наутро предстоял важный приём в честь двадцать пятой годовщины жалования дяде Варагии орденской ленты и позволения стоять во время приёмов в императорском зале возле третьей колонны вместо восьмой, неисчислимая толпа гостей, нескончаемый поток речей... приходилось мужественно держаться, чтоб не заснуть прямо стоя. Дядя и тётя долго ворчали на тему ветреной молодёжи, не осознающей важности момента, а молодёжи хотелось одного — дойти до кровати... Спустя годы, кстати, Акино проболтался о той их ночной вылазке... но родители не поверили, считая его трусоватым для такого. Да и времени много прошло, никто не хотел разбираться.

А вот в колледже, где он учился следующие три года, «стукачей» вычислять и отсекал старались на подлёте, потому что раскрытие планов грозило крупными неприятностями...

— Похоже, у вас всё же было весёлое детство, принц?

— Как вам сказать, Дэвид — местами. Теми местами, до которых не могли добраться мои дорогие родственнички. А они старались. Парадокс состоит в том, мой юный друг, что более-менее доволен жизнью и счастлив я был, когда обо мне забывали. Действительно, не могу сказать, чтоб я страдал от отсутствия внимания. Потому что когда оно ко мне было, я страдал куда больше.

— Я уже понял, что ваша семья... была не слишком дружной и любящей?

— Да не более и не менее, чем очень и очень многие. Уважение, почтение и тому подобное с лихвой заменяло сердечную привязанность. Привязанность рождалась пониманием того, что от семьи ты зависишь, имя и состояние, которое они тебе дали — это путёвка в жизнь, твои основы, твои гарантии... Знаете, я всегда считал, что наша и ваша культуры — это небо и земля, между ними невозможно найти общее. Это не совсем так. И наша и ваша жизнь с детства подчинена куче обязательств и условностей. И нам, и вам постоянно твердят о долге перед обществом, о служении. Но в вашем случае это как-то даже обоснованнее, оправданнее... Да, несмотря на всю эту вашу кучу церемоний, обрядов, абсурдных верований. Не думал, что когда-нибудь скажу такое... Вас учат служить обществу — и вы реально служите, и общество реально за это благодарно. У нас все разговоры о чести, верности, труде на благо республики остаются на практике такой же дипломатической формулой, как пожелания доброго здоровья. Те, кто воспринимает их всерьёз и

руководствуется ими в жизни — высоко не поднимаются, а однажды из-за своей наивности попадают в дурную ситуацию и кончают плохо. А служение нам достаётся — себе, своей семье, своей фамилии, общественным требованиям, стереотипам, традициям, которые никому не помогают, а многим смертельно надоели — но без них жить просто не мыслят, просто страшно что-то менять. Укрепление стен тюрьмы.

— Вы пессимистичны...

— Отнюдь, мой друг. Я просто жил среди всего этого... В колледже я поверил было, что у меня появились друзья. Знаете, мало кто хотел со мной знаться — потому что семья моя не имела уже былого влияния, а имя моего отца было слишком одиозным, многие от меня шарахались... Да, я третий претендент на императорский трон, но отношение ко мне более чем противоречивое. Но несколько человек нашлись — сорвиголовы, а как говорила моя мать — отребье, грязь. Они не были высокого происхождения, всего лишь их отцы получили хорошие места и звания... ну, хорошие в сравнении с их отцами, которые были весьма мелкими сошками... Мать постоянно требовала, чтоб я перестал с ними общаться, считая, что они меня позорят, что нужно заводить более полезные знакомства... Ага, все ж так рады их заводить... Да и, я верил этим ребятам, я полюбил их, считал своими верными друзьями и благородными людьми. Я до хрипоты спорил с матерью... А потом однажды во время одной нашей хулиганской выходки меня подставили, свалив на меня всю вину. Я не мог поверить, что они могли со мной так поступить... Но поверить пришлось. Директор обещал не исключать меня, если я назову, кто ещё был со мной. Я решил, что строить жизнь и решать свои проблемы с помощью предательства низко, и отказался. Меня исключили. Можете себе представить, какой был скандал... А потом я узнал, что общались эти ребята со мной исключительно потому, что хотели показаться в обществе наследника знатной фамилии. Пусть хотя бы и такой. Им не очень-то приходилось выбирать. Они надеялись, что, свалив всё на меня тогда, сыграют беспроигрышную партию. Что я сумею выкрутиться, а о их роли так и не узнаю. Потом у меня состоялось несколько неприятных разговоров... В общем, с тех пор я в дружбу не верю.

— Но вы называете меня другом...

— Вы...

Он не договорил — машину вдруг резко качнуло — раз, другой...

— Гравитационная аномалия?

— Магнитная, по-видимому. Где-то здесь, очевидно, залегает пласт руды...

— Ну, откуда ж было знать... Видимо, большой, зараза — приборы с ума сходят... Что теперь делать?

— Думаю, лучше всего попробовать развернуться, чтоб выйти из опасной зоны.

— Ага...

Всё-таки нервничал Винтари слишком сильно, потому что разворот у него... получился, но совсем не так, как он рассчитывал. Гравилёт трянуло так, словно он был щепкой, попавшей в вихревой поток, он словно налетел на невидимую преграду, встал на секунду почти вертикально, затем опрокинулся и рухнул плашмя с высоты полутора метров.

Первым пошевелился Винтари. Тревожный вой приборов превращался в ушах в немолчный набат, к мокрой щеке липли волосы — ясное дело, кровь, но кости вроде целы... Надо выбираться и спасать ситуацию, как только возможно.

Он повернул голову. Дэвид лежал в своём кресле без сознания, по его бледным щекам медленно стекали струйки крови.

Всё это время, пока выбирался из перевёрнутой машины сам, вытаскивал Дэвида (да, он знал, что это рискованно — вдруг что-то сломано и перелом сместится, но учитывая, что вызвать помощь им просто не с чего, средств связи они с собой не взяли... не оставлять же его вот прямо так?), Винтари много всего высказал последовательно всем богам своего мира за то, что они позволили родиться и взрасти под их небом такому идиоту.

Где были его мозги, а? Что за затмение на него нашло? Дэвиду — одиннадцать лет, ему прощительно такое мальчишеское безрассудство... Но старший товарищ должен был убедить его, остановить, предостеречь... а никак не кидаться в ту же авантюру самому. Где же его взрослость, сознательность, для чего его приставили к юному наследнику?

Нет, конечно, он и мысли не допускал, чтоб с Дэвидом... могло случиться что-то непоправимо ужасное. Не так, не сейчас, не настолько абсурдно... Он ведь рождён быть героем, а не погибнуть в результате нелепой мальчишеской выходки. Он приложил ухо к груди мальчика, услышал стук сердца и немного успокоился. Да, разумеется, самое логичное, что сделает с ним Шеридан-старший — это выкинет с Минбара... При чём не в смысле на Центавр, а в смысле вообще, в открытый космос... Но это уже не важно, главное, чтоб Дэвид...

Мальчик застонал, всё так же не открывая глаз.

— Дэвид! Дэвид, ты меня слышишь? — Винтари от волнения сбился на родную речь, более того — на артикли, принятые в близком, неформальном общении, — великий создатель, только бы ничего серьёзного... Надо тебя осмотреть... Открытых переломов как будто нет, но кто знает... А тут и носилки соорудить совершенно не из чего... И связи нет...

Винтари говорил больше для того, чтоб самому успокоиться звуками собственного голоса. Конечно, с ним всё в порядке. Иначе и быть не может. Просто ушиб, просто шок. Головой-то он ударился, наверное, посильнее, это у минбарцев гребень защищает голову получше любого шлема, а у Дэвида с его декоративного гребешка толку немного... Оторвав рукав от своей рубашки, он вытер кровь с лица мальчика — царапина на щеке, осмотрел голову — нет, голова как будто цела... Осторожно ощупал руки, ноги, грудную клетку. Нет, похоже, ничего не сломано, но чтобы убедиться, лучше снять одежду и осмотреть как следует, в местах наиболее сильных ушибов уже должны начать проявляться гематомы... За осторожным стаскиванием с себя рубашки его и застал очнувшийся Дэвид.

— Принц, что вы делаете?

Винтари смутился.

— Простите... Хотел убедиться, что у вас нет переломов. Конечно, я не врач, но правила оказания первой помощи я изучал... Правда, не инопланетянам... Просто, учитывая, что вызвать помощь нам тут просто нечем... Мне нужно было знать, можно ли отнести вас, наложив жгуты, или лучше оставить здесь, а самому сходить за помощью.

— Да всё со мной в порядке, — мальчик поморщился и сел, ощупал поцарапанную щеку, — ну да, головой ударился сильно...

— Осторожней, не стоит так резко. У вас может быть сотрясение мозга...

— С той же вероятностью, что и у вас, а вы вылезли сами и меня вытащили. Принц, салоны гравилётов уже давно конструируют так, что даже при серьёзных авариях редко кто-то что-то ломает. При сигнале об отказе оборудования и потере высоты обивка крыши кабины и кресел дополнительно подкачивается, чтобы смягчить удар. Это не опаснее, чем упасть дома с табуретки. Ну или ладно, со стола... но на ковёр. Нам, как ни странно, повредила нехватка высоты. Пары секунд не хватило обивке, чтобы накачаться полностью. А

мне досталось чуть больше потому, что система среагировала на ваши габариты, и меня болтануло сильнее. В последующих моделях, кстати, учли этот нюанс, и разграничили посадочные места. Вот насколько сильно мы угробили гравилёт — это действительно хороший вопрос... Как думаете, мы сможем перевернуть его сами?

Грядущей выволочки Винтари решил ждать спокойно и с достоинством. Хотя под конец тех двух дней, что прошли до возвращения президента на Минбар, ему уже очень остро хотелось убиться собственноручно, только чтоб прекратить эту муку ожидания... Но нельзя. Убить его — священное право отца Дэвида, и низко его этого права лишать. В конце концов, главное — что Дэвид цел и практически невредим, и покидая Минбар, он сможет утешить себя этим фактом.

Но когда Шеридан вызвал их к себе для разговора, всё пошло совсем не по тому сценарию, который нарисовал себе Винтари.

Дэвид заговорил первым — вышел вперёд, опустив глаза, красный до кончиков ушей (тоже чисто земное свойство, как знал уже Винтари, минбарцы обычно не краснеют, у них сосуды залегают под кожей глубже).

— Отец, я знаю, что виноват. Я подговорил моего друга на эту шалость, подвергнув его жизнь и здоровье опасности. Меня обуяла гордыня, я решил, что справлюсь. Я ошибся и получил хороший урок. Готов понести любое наказание.

— Что ж, — непроницаемое лицо Шеридана Винтари немного пугало, и он не решился прерывать его возражением, что Дэвид, мягко говоря, необъективен, приписывая всю вину себе, — я рад, что ты демонстрируешь высокую сознательность и понимание глубины... своей неосмотрительности. Но для меня очень важно, чтобы ты понимал цену словам, которые говоришь. Потому что, Дэвид, я был на твоём месте. Мне, правда, было побольше лет, чем тебе, когда мы с другом решили прокатиться на машине его отца. Результат — смятый передний бампер, разбитое лобовое стекло, друг месяц в больнице со сложным переломом, а я получил такую выволочку от родителей, равной которой не было ни до, ни после. Вам ещё повезло. И я хочу, чтобы осознание этого везения привело тебя не к заключению, что ты особенный, у Христа за пазухой, и можно куролесить в подобном духе и дальше, а к пониманию, что повезло тебе не потому, что ты сильный, умный и умелый, а потому, что минбарский гравилёт — техника более безопасная, чем земной автомобиль. И что понимание, что всё могло кончиться куда хуже, для тебя страшнее моего гнева и грядущего наказания.

Дэвид опустил голову ещё ниже.

— Да, отец, поверь, я очень хорошо это понимаю. Мысль о том, какую боль я мог причинить тебе, маме, Винтари, мучит меня и будет моим кошмаром долго.

— Хорошо, — Шеридан сел обратно за стол, сплёл руки в замок, — теперь скажи, в чём, по-твоему, была ваша главная ошибка.

— В том, что отважились на это путешествие без наблюдения инструктора.

— Тоже верно, конечно.

— В том, что набрали рискованную высоту... Достаточную для того, чтоб перевернуться, но недостаточную для того, чтоб аварийная система включилась в полную силу.

— В том, дурья твоя башка, что, отправляясь в безобидную, как вам казалось, прогулку вокруг полигона, вы не удосужились свериться с картой магнитных аномалий. Не

вспомнили, что у ряда моделей Вихрь нет автоматического глушения магнитных помех... Излишне, думаю, говорить, что именно теперь ты должен повторить и выучить наизусть — это ты соображаешь и без меня. От себя добавлю, что отныне никаких самостоятельных вылазок в сторону потенциально опасной для вашей жизни техники без моего дозволения вы двое не совершаете. По крайней мере до тех пор, пока я не решу, что за вас уже можно быть относительно спокойным... Ну, а что касается наказания... Поскольку, судя по заключению врача, от пережитого ты полностью оправился, сотрясения нет, а шок сошёл... Думаю, небольшая трудотерапия будет в самый раз. Как помнишь, последнюю неделю у нас гостила делегация с Пак'Ма'Ра, по межкультурным связям... Только вчера отбыли. Занимали две комнаты в третьем коридоре третьего этажа... Можешь себе представить, что там сейчас. У самых мужественных руки опускаются. А это они ещё прибрали за собой... ну, как сами уверены... Да простит их бог, не самая чистоплотная раса, при множестве своих достоинств. Так вот, с завтрашнего дня, прямо с утра, займёшься уборкой. Подобная деятельность, считает твой учитель Шуэнн, способствует воспитанию смирения и величия духа, а так же размышлениям о смысле всего. Я не нашёл, что ему возразить. Да, это всё, ты свободен.

Дэвид поклонился и развернулся на выход. Но был окликнут в дверях.

— Сынок... Пожалуйста, не пугай меня так больше.

Винтари остался, когда за Дэвидом закрылась дверь, подождал, пока он, по его расчётам, отойдёт на достаточное расстояние, и затем заговорил.

— Господин Шеридан, я считал вас умным человеком... Неужели вы могли поверить, что автор этого безумия — Дэвид? Да, конечно, он храбрый и отчаянный парень для своих лет, он влюблён в технику... Но он воспитан на Минбаре, где с детства приучают к дисциплине, где о многих подобных вещах невозможно даже помыслить. А я центаврианин. Мы авантюристы по природе своей, по крови. Это я виноват. И именно я должен понести наказание.

— Интересно... Почему же вы не сказали этого при Дэвиде, принц?

— Потому что... не решился.

— Но решились теперь? Поверьте, Винтари, я всё прекрасно понимаю. Жизнь приучила. Знаете ли, вы три года живёте на Минбаре, а я тринадцать лет. И Дэвид, как вы правильно заметили, дитя Минбара. Здесь практически любого хлебом не корми, а дай оговорить себя ради спасения ближнего. Но он так же и моё дитя, и я знаю, на что он способен в плане авантюризма, потому что помню, на что был способен я сам. Думаю, кто из вас был автором идеи, сейчас сам господь не разберёт.

— Я подвёл вас...

— Не думаю. Конечно, было бы здорово, разумно и педагогически правильно, если бы вы остановили его... и себя... Но я так же вижу и другое. Вы стали очень дороги друг другу. Настолько, что он взял всю вину на себя... и настолько, что вы не вмешались, понимая, как это важно для него. И это не может меня не радовать. Я не могу не волноваться... родители всегда волнуются... И поэтому ругают детей, подвергших себя опасности, и поэтому наказывают. По правде, когда я услышал о случившемся, первым моим желанием было надрать вам обоим уши. Или выпороть. Но вы многое поняли. Прочувствовали, что не одни на свете, и как страшно причинить боль тем, кто тебя любит.

Закрывая дверь кабинета, Винтари на миг приложил к ней ладонь, постоял, закрыв глаза.

— Спасибо... отец...

Перед сном он, не удержавшись, постучал в комнату Дэвида. Мальчик ещё не спал, лежал на кровати — кровать была откидная, но горизонтальная, земная.

— Ваше высочество? Что-то случилось?

— Я... зашёл спросить кое-что. Полчаса бьюсь над одним абзацем в Мольбе о Даре, рановато я взялся за эти поэмы, моё знание адронато пока слабовато... Несколько слов с десятком вариантов перевода, от этого смысл меняется... Нет. По правде я просто зашёл проведать вас.

— Как хорошо, что вы куда смелее меня, принц. Потому что я тоже хотел проведать вас, но боялся, не будет ли это расценено как назойливость.

Винтари присел на край Дэвидовой кровати.

— Я... так странно. С одной стороны, происшедшее заставляет меня гореть со стыда и досады... с другой — я испытываю радость... настоящую чистую радость, как в Песне о вечере... Помните этот отрывок, о поклоне двери?

— Помню, конечно. «Я вновь познаю радость откровения о том, что у меня есть, в тот миг, когда склоняю голову перед дверью своего дома»... А почему именно это?

— Не знаю... Потому что никто и никогда не хотел надрать мне уши. Никто и никогда.

Он с интересом оглядывал комнату. Он ведь не разглядел её тогда, а позже они в комнаты друг друга не заходили, как-то не пришлось. Минбарский минимализм здесь, конечно, несколько разбавлялся привнесением земных черт, но всё было удивительно гармонично. Минбарские свечи и кристаллы, земные картины на стенах, земной и минбарский глобусы рядом на ученическом столе... И тут взгляд его наткнулся на нечто, слишком выбивающееся из общего стиля. Что-то знакомое мелькнуло для него в этой вещи, в самом материале и узорах... центаврианское...

— Дэвид, позвольте спросить... Что это у вас там, в стенной нише?

— Это?... Кубок, подаренный Императором Моллари, ещё до моего рождения. Старинная реликвия, вручавшаяся на Центавре наследникам престола. Я должен вскрыть его, в одиночестве, в день своего шестнадцатилетия.

— Странно, но я не знаю такой традиции на Центавре. Конечно, в последнее время правителями Центавра становились не те, кто были рождены наследниками, но тот же Турхан... Я предполагаю...

— Что, принц?

— Нет, ничего... Скажу, когда оформлю...

Наутро они вместе приступили к уборке комнат — Винтари настоял, что его долг разделить с Дэвидом наказание, впрочем, всё оказалось не так страшно, как ожидалось... а через какое-то время даже весело. Требовалось всего лишь вымыть пол и частично стены раствором, уничтожающим запахи, Винтари провозгласил себя первым в истории Центавра рыцарем Священной Очищающей Тряпки, Дэвид умудрился попасть ногой в ведро, пришлось снять промокшую обувь, и он в свою очередь стал Босоногим Служителем, Идущим По Следам Благоуханных Старцев, Винтари сочинил первую часть песни о героях, бесстрашно бившихся вдвоём за возвращение Императору двух потерянных Империей областей, Дэвид — духовную песнь Скорби о потерянной другом запонке... Словом, по словам Шеридана, они даже наказание превратили в балаган.

Дэвиду было около четырнадцати лет, когда произошли ещё некоторые знаковые в их жизни события.

Конечно, живя в Тузаноре, древней столице, ныне сердце Альянса и центре жизни рейнджеров, не быть с ними знакомым практически невозможно, однако Винтари, можно сказать, удалось. При том, что рейнджерские учителя и сама Энтилза в резиденции, конечно, бывали не раз, да и тренировочный лагерь Эйякьян находился совсем недалеко отсюда. Первые три года добровольно-затворнической жизни это было по большей части осознанным выбором — хотелось изучить по истории ордена как можно больше, чтоб «не ударить в грязь лицом», и в этом, опять же, у центаврианина был неоценимый помощник — Дэвид, собирающийся в будущем вступать в орден, а пока проходящий начальную подготовку в храме, куда иногда, для встреч и бесед, приходили наставники из лагеря. Винтари регулярно боролся с искушением просить о возможности посещения этого лагеря — рейнджеры до сих пор были легендой, загадкой и предметом интереса для всей вселенной, а на Центавре о них толком никто ничего не знал, кроме размытых слухов, и было бы замечательно, если в числе его трудов будет и книга о рейнджерах... Кто на Центавре мог бы себе вообразить хоть малую часть из этой более чем тысячелетней истории, когда таинственная сила, которую нельзя в полной мере назвать ни воинской, ни религиозной организацией, незримо стояла на страже рубежей и раздвигала границы познанной и исследованной вселенной, первыми проходя по неведомым и смертельно опасным тропам, первыми встречая и новую угрозу, и новые откровения? Центавриане любознательны по природе, честолюбивы по природе, они прирождённые первооткрыватели, и первопроходцы — и однако же этот орден появился не у них, и теперь они одна из тех рас, что меньше всех знают о нём. Правда, большая часть из этой истории относится, естественно, только к минбарской культуре, но вот уже более десяти лет в орден принимают и землян, и вообще любого, кто докажет искренность желания такого служения... кроме центавриан. Да, современная история, часть не одного только мира, а всей галактики, будет тут куда как полезнее. Но подозревал, что ему откажут — всё-таки это военная база, что ему там делать. И вот одним прекрасным утром Дэвид выбежал в гостиную с горящими глазами:

— Принц, вы слышали? Рейнджеры здесь! Я слышал, что планируется слёт, но не думал, что так скоро... Торжественный приём через два часа в Большом Зале Дома Сборов, у нас ещё куча времени...

Однако получилось даже ещё быстрее. Буквально вслед за Дэвидом в гостиную выбежала Райелл:

— Как хорошо, что вы здесь... Можете отвезти кое-что в Дом Сборов? У них ретрансляторов на всех не хватает, а они только сейчас сообщили... Похоже, возникла путаница со списком гостей... А мне совершенно некого послать, рук просто чудовищно не хватает...

Конечно, дважды просить их не пришлось. Правда, речи о том, чтоб переодеться в парадное, тоже не было, поехали как есть.

В Доме Сборов до этого Винтари был один раз. Главное, после всяких храмов, средоточие общественной жизни в городе. Здесь проходили собрания совета старейшин, объявлялись указы, проводились важные встречи, в том числе инопланетных гостей. Здание

из серого с золотыми прожилками камня, возрастом более двух с половиной тысяч лет, впечатляло. Сколько Винтари смотрел старинную архитектуру Минбара, столько не мог совладать с потрясением — каким же невероятным инженерным талантом нужно было обладать, чтоб высечь столь сложное здание в цельном камне? Снаружи оно казалось огромным, а изнутри — ещё больше. Бесчисленные галереи, залы, комнаты... И непривычнолюдно после тихих, объятых тишиной и торжественностью храмов — в Йедоре, где гораздо больше открытых для посещения иномирцами культурных объектов, некоторые из них почти что в туристические объекты, говорят, и превратились, и там практически каждую минуту можно встретить существо из любого уголка изведенного мира, но Тузанор, древняя столица, хоть и стал сердцем Альянса, сердцем анлашок, сохранил эту тишину и таинственность... или же бывать в храмах Винтари всякий раз везло в не самые посещаемые часы. А Дэвид ориентировался здесь легко и свободно, хотя не был здесь ни разу. То ли схемы предварительно изучил, то ли природное чутьё... Коробки были переданы с рук на руки, а затем Дэвида, как в совершенстве владеющего земным и минбарским языками, попросили помочь с настройкой ретрансляторов — ретранслятор, как машина, не способен к автоматическому переводу речевых идиом, если только их в него специально не вложить, а Винтари вышел на одну из смотровых площадок. На площадке никого не было — защитное ограждение по периметру было снято на профилактический ремонт, все об этом знали... кроме него. Он только удивился тому, что стеклопластик настолько прозрачен, потом удивился, откуда такой сильный ветер... Город, разноцветно сверкающий шпилями и башнями домов и храмов, был подобен сказочному видению. В детстве у Винтари была игрушка-каллейдоскоп, он мог смотреть в неё очень долго, любуясь, как сплетается и рассыпается вновь радужное многоцветье... Но это было прекрасней в тысячу раз. Такое высокое небо, такой простор, такая чистота... Винтари пролетал над этим всем в тренировочных полётах с Шериданом, и часто пропускал момент делать вираж, залюбовавшись панорамой. Он подошёл к краю площадки, думая обо всём разом — об этих сверкающих кристаллах, о тех полётах, о предстоящей встрече с рейнджерами... Нет, не совсем об этом. Совсем не об этом. Он думал о том, что Дэвиду через несколько лет тоже предстоит вступить в ряды рейнджеров... Его тренировки при храме являются первой ступенью к тому. Его поразило нахлынувшее неожиданно предчувствие разлуки. Казалось бы, несколько лет... далеко не завтра и не послезавтра... И никто не сказал, что он сразу отправится куда-то на дальние рубежи... Но когда ты знаешь, что срок ограничен, ты уже не можешь об этом забыть.

Он очень привязался за эти годы к Дэвиду. Младшего брата у него никогда не было — своего он потерял раньше, чем понял, что это вообще значит. С Дэвидом, несмотря на большую разницу в возрасте, он не скучал никогда. Это, конечно, не было похоже на ту недолгую дружбу в колледже, никакой развязной удали и грёз о завоеваниях в личной и политической жизни. Образование другомирца, глубокое и отличное от его образования, не просто позволяло им общаться на равных — оно делало неиссякаемыми темы их диалогов. Это было как постигать другую вселенную — в Дэвиде он постигал и людей, и минбарцев так, как по книгам не смог бы. А центавриане всегда были упорными исследователями... В Дэвиде он приближался к самым дорогим для него существам — Шеридану и Деленн. Прикасаясь к нему, разговаривая с ним, он входил в поле их любви и тепла, чувствовал его, грелся в его сиянии. Младший брат. Иногда он чувствовал даже что-то вроде ревности к нему, но ревности светлой, которой раньше и не представлял себе. И тогда абсурдно

стремился стать лучше, чтобы родители и им были довольны. И чтобы младший брат смотрел на него с восхищением и уважением. А иногда ему хотелось учиться у него... сложно сказать, чему.

Ему вспомнился недавний разговор с Арвини — торговцем, прибывшим по очередным делам своей маленькой фирмы на Минбар. Шеридан, конечно, не преминул сообщить ему о том, что после стольких лет предоставилась возможность поговорить с кем-то из соплеменников. Центавр, разумеется, в этой самоизоляции не прерывал торговлю с другими мирами напрочь, но визитов центавриан — рядовых центавриан, не политиков или дипломатов — в другие миры уже долгие годы почти не было. Однако маленькая фирма Арвини, торгующая произведениями искусства и посудой, в прицел не попала. Поэтому Арвини смог беспрепятственно попасть на Минбар. Они поговорили о доме — из уклончивых ответов старого торговца Винтари понял, что к лучшему там ничего не меняется, хорошо, если не к худшему, император Моллари слабеет здоровьем и почти не показывается на людях, претенденты на престол наверняка начали тихую грызню... В конце беседы Арвини спросил, планирует ли принц и дальше оставаться на Минбаре. Спросил тоном утверждения.

— Мне здесь хорошо, Арвини. Много работы, много впечатлений.

Старик покачал головой.

— Работа, впечатления... Вы здесь уже не месяцы — годы, принц. А ведь вы очень молодой центаврианин. Да, дома сейчас... не золотой век, далеко... Не так много веселья, что уж говорить. Но всё же... Балы у ваших именитых родственников с танцами до упаду под лучших музыкантов, что можно найти на Центавре, приёмы у сиятельных лиц, когда блеск орденов и украшений затмевает все светильники, состязания молодых удальцов в фехтовании и количестве выпитого, родная кухня, убранство родного дома... сладкогласейшие певицы и изящнейшие танцовщицы во вселенной... Не верю, принц, что вы не думаете обо всём этом, не скучаете. Вы молоды, ваша кровь кипит. Здесь ли вам быть, среди этой бледности, унылости... О нет, я глубоко уважаю минбарцев... Но они далеки от нас культурой, у них нет того, что нужно, как воздух, нам. Нет вкуса жизни... который надо пить, пока молод, вливать его в жилы полными чашами, чтоб питать свой огонь, чтобы этого огня хватило до старости... Центавриане знают толк в развлечениях. Минбарцы и развлечения — несовместимы.

Винтари улыбнулся благодарно и с оттенком извинения — в самом деле приятно было видеть эту искреннюю, можно сказать, отеческую заботу, действительно несущую отпечаток чего-то родного, как воздух сада, дорожки которого ещё помнят ноги, или вкус любимого вина, который, кажется, появляется на губах. Но забота эта, как ни мила, так же запоздала, как детская игрушка, когда её дарят на совершеннолетие.

— Вы ошибаетесь, Арвини... Точнее, вы не совсем правы. Знаете, моё положение, мой недостаток позволили мне хлебнуть удовольствий, несмотря на мой юный возраст... И порой я был счастлив, не скрою. Но слишком часто у этого веселья был привкус отчаянья, такого пира во время чумы... слишком часто в сладости сквозила горечь. Пить, и не мочь хоть ненадолго оставить страх, не подмешан ли в бокал яд. Танцевать с красавицами, чувствуя спиной взгляды завистников. Видеть угодливые улыбки, а за ними оскал... У меня было это всё, и ещё, наверняка, будет, ведь однажды я вернусь... Но пока я хочу пожить другой жизнью. Получить с этого каплю личного удовольствия — от великой Республики Центавр не убудет. И сделать, по возможности, что-то полезное — своими трудами. Да, здесь нет

роскоши, ломящихся столов и вин рекой... здесь вин вообще нет... Но я не настолько слаб, чтоб ещё несколько лет не обойтись без этого.

Арвини прищурился. Сеть морщин по его лицу разбегалась, как сложный узор на розетке над храмовыми воротами, и была такой же тёплой, как нагретый солнцем и миллионом прикосновений старинный камень этих ворот.

— Аскетизм — обратная сторона несдержанности, знаю. Многие богатые центавриане по молодости лет баловались такими практиками — усмирение плоти, посты, сон на гвоздях... Всё ради новых ощущений, ради контраста. Я не осуждаю вас, молодость идёт причудливыми путями. Но куда они могут завести? Я слышал краем уха о первом нашем после на Минбаре... сейчас уже не разобрать, конечно, что из этого правда, что слухи, усердное замалчивание порождает волну домыслов... Но достоверно известно, что он настолько увлёкся минбарской культурой, что отказался от гражданства Центавра.

— Я тоже слышал эту историю, — хмыкнул Винтари, — она уже навроде страшилки, передаваемой шёпотом. То, о чём нельзя говорить, и чем можно напугать... Я знаю, что я центаврианин, и никакая сила не может сделать из центаврианина минбарца, но речь не об этом. Мы не можем изменить свою природу, свой вид... но мы многое можем изменить в себе в том пределе, который нам отпущен природой. Вы боитесь дурного влияния других рас... но ведь с соседями вы разговаривать не боитесь? А в галактике мы все соседи.

Старый центаврианин странно улыбался, покачивая головой, жидкий седой гребень его печально колыхался.

— Минбар, принц — это странное место... Большинство из нас оно пугает и отвращает, по крайней мере издали. Это всё такое холодное, такое выморочное, такое не наше... Эти постные физиономии, бесчисленные невразумительные обряды и традиции, фанатизм и полуправда, полу-ложь... Но когда один из нас попадает в эти сети... я не знаю, что с ними происходит, что привлекает их там, где нет чувственных удовольствий и пиров честолюбия... Бывало, я сам шёл по этим улицам и себя не помнил от восторга: Великий создатель, красота-то какая! Но я держусь памяти, держусь корней... я стар, принц. Но вы молоды и нестойки... Родина пугает вас сейчас, и это можно понять — там сейчас для вас... не безопасно... как и для многих... Минбар — сияющая бездна. Вы будете убеждать себя, что это только на время, из соображений безопасности, потом будете убеждать себя, что это только интерес исследователя... Чем дальше, тем всё меньше вам будет хотеться возвращаться домой, родина станет для вас одним невнятным тёмным пятном в вашей памяти. В конце концов вы примете их религию, женитесь на минбарке...

— Ну, уж это вряд ли...

— Кстати, выбранная вам матерью невеста вышла замуж за другого...

— Слава богам.

— Будьте очень осторожны, принц. Минбар — сияющая бездна... Быть может, само сияние этих кристаллов околдовывает...

Сейчас Винтари думал о том, что, возможно, это так. Слишком странно сейчас было на сердце... И легко, и сладко, и щемящее, и больно. Сияющая бездна перед ним... Бездна новых чувств, бездна тоски, неясных страхов... Увидит ли он ещё Дэвида, когда тот уйдёт в рейнджеры? Не станет ли он после этого не нужен Шеридану и Деленн — когда не за кем будет присматривать, некому быть старшим братом? Тогда, когда сердце его слишком привяжется — к голосам и лицам, к тихому шелесту адронато и мелодичному перезвону колокольчиков, к прохладной неге ткани его повседневной одежды — длинная рубаха и

халат ученика, такие же, как у Дэвида, к камням и воздуху... Быть может, и правда он тогда... глупости, конечно... Непрошненным, вспомнилось событие полугодовой давности — их с Дэвидом шуточный спарринг. При несопоставимости весовых категорий, ввиду разности подготовки это было интересное состязание... И Дэвид таки уложил его на лопатки. И в этот момент, нечаянно — тело Винтари уже не защищал центаврианский жилет — коснулся одного из его органов. Винтари вздрогнул, почувствовав, как он пришёл в движение.

— Ваше высочество! Что случилось? Вам больно? Я...

— Нет, ничего... — Винтари повернулся на бок, стараясь скрыть шевеление органа. Лучше умереть, чем позволить заметить такое! Как же глупо и постыдно, как не вовремя, господи... Минбарская одежда делает тело центаврианина таким беззащитным...

«Минбар — сияющая бездна»... Сейчас сияющая бездна разверзлась перед ним, и он не в силах был противиться её притяжению.

...Падая, он успел ухватиться за основание защитного ограждения, но спасение это было призрачным, пальцы медленно скользили и разжимались. Ноги на гладкой стене здания не находили опоры. Быстрые шаги... Чья-то сильная, словно из свинца отлитая рука схватила его и вытащила обратно.

— Неосмотрительно подходить так близко к краю... Разве вы не знали, что ведутся ремонтные работы?

— Я...

Винтари поднял голову, взглянул в лицо своего спасителя и едва не попятился и снова не сорвался с площадки. Перед ним стоял нарн. Нарн не в традиционной нарнской одежде, а в длинной тёмной мантии с таинственно мерцающей на груди крупной брошью. Винтари видел в своей жизни не столь много нарнов, а уж так одетых и дружелюбно улыбающихся — никогда. Поэтому, отходя от ступора, он просто переминался с ноги на ногу.

— Вы ведь, судя по одежде, не рабочий? Как же вас сюда пропустили?

— Я просто сказал, что пошёл посмотреть. Меня пропустили, никто ничего не сказал...

— Вы сказали: «посмотреть»? странно... а как дословно вы сказали?

Ничего не понимая, Винтари повторил. Собеседник рассмеялся.

— Вам следует детальнее подучить лен-а. Есть один нюанс... То, что вы сказали, означает не «посмотреть праздно на окрестности», а «последить, всё ли делается как надо». Они приняли вас за руководителя работ, потому и пропустили беспрепятственно в опасную зону. Хорошо, что всё закончилось благополучно. Больше не рискуйте так.

Нарн попрощался кивком и повернулся, чтобы идти, и Винтари наконец отошёл от ступора.

— Позвольте мне спросить имя своего спасителя...

— Тжи'Тен. Но, прошу вас...

— Я должен сказать ещё кое-что... Должно быть, мой внешний вид, отсутствие причёски и одежда ввели вас в заблуждение, и вы приняли меня за человека... Я центаврианин. Я принц Винтари.

— Тут вы ошибаетесь, я прекрасно понял, что вы центаврианин, хотя имя ваше на вашем лице, конечно, прочесть не мог...

— Тогда почему? Почему вы меня спасли?

Нарн подошёл к нему.

— Потому что это естественно и необсуждаемо... Вы имеете в виду, почему я помог

вам, если я — нарн, а вы — центаврианин? Ваша одежда не обманула меня, а моя многое должна пояснить вам. Я рейнджер. Для нас это и долг, и образ мыслей, не подвиг и не повод для похвал, а повседневное и естественное. Помогать только тем, кто тебе приятен — для этого вовсе не обязательно становиться рейнджером, это может любой.

Винтари на короткий миг растерял все слова, которые мог бы по такому случаю произнести. В самом деле... Видя рейнджерскую брошь и мантию, он мог бы не говорить такой очевидной и вопиющей глупости. Но что поделать, в таком состоянии шока, когда оба сердца наперебой колотятся о грудную клетку, эта глупость вышла из него как шумный, отчаянный выдох. Естественно, как все наши настоящие страхи и предубеждения.

— Удивительно... Ещё вчера я думал о том, что мне, наверное, ещё долго не посчастливится познакомиться с рейнджерами, что достаточно досадно... и вот...

— Что ж, тогда могу вам предложить пойти познакомиться с моими товарищами. Правда, одни в ожидании начала повторяют свои речи — требуется несколько коротких речей об истории вступления в орден, мы жребием определили, кто из нас это будет, остальные тоже время от времени носятся с какими-нибудь поручениями... мы помогаем тут чем можем...

Тжи'Тен привёл его в небольшую комнату двумя этажами ниже, где за двумя столами расположилась куча разномастного народа в одинаковых тёмных мантиях. За одним столом собирали какой-то мудрёный механизм, за другом на портативном компьютере просматривали информацию с кристалла. Ещё двое о чём-то тихо беседовали у окна.

— Здесь, конечно, не все... Всего в нашем лагере 33 воина, три отряда по 11. Полностью сформирован всего год назад, когда к нам присоединились последние члены... Состав мультирасовый, специально подбирали так, чтоб были представители всех рас, каких возможно.

— Зачем?

— Помогает нахождению взаимопонимания между культурами, знаете ли. Хотя бы даже изучению языка. Если формировать отряды во время обучения из одной-двух рас... Какова вероятность, что при распределении на твоём корабле будут представители только этих рас?

Винтари думал о том, что, конечно, за последние годы он много раз чувствовал себя, иначе не скажешь, странно, и наверное, это чувство стало ему привычным. Когда центаврианин стоит рядом и мирно и непринуждённо беседует с нарном, это по определению не должно восприниматься как что-то естественное — и не воспринималось, и однако же эта неестественность не несла никакого дискомфорта. Ослепляющая разум бездна по имени Минбар допускала и не такое... Но не вносила чего-то нового и чуждого, определённо, всего лишь, ярким светом своей бриллиантовой короны, как прожектором, освещала уже существующее, но потаённое, то, что обычно в центаврианском разуме оставалось в тени, невидным и неосознаваемым. Можно было сказать, разумеется, что он, как положено высокородному представителю его мира, ненавидел нарнов — можно, как всякую ложь, которая говорится на Центавре легче и охотнее, чем правда. Это одно из тех чувств, которое принято разыгрывать перед близкими или дальними, как принято укладывать гребень, почти убеждая себя, что волосам и положено расти вверх. Но была ли эта ненависть когда-нибудь сколько-то настоящей, да и откуда бы ей на самом деле взяться? Взяться именно в нём, в его личном опыте, а не в воздухе вокруг, в правилах речи и поведения... Особенно если вспомнить о старой служанке, за руки которой он держался в

минуту величайшего ужаса в своей жизни...

— Ну да... И вы... Находите взаимопонимание?

Нарн рассмеялся.

— Вполне. Конфликты поначалу случались, но редко и несерьёзно, больше курьёзов от недопонимания. Всё-таки, тот, кто решил пойти в рейнджеры, предполагается, что он кое-что для себя уже понял, и идёт сюда не помериться силушкой и не подоказывать своё превосходство, для этого есть и более простые способы.

— А как вы решили стать рейнджером?

В этот момент к ним, от одного из столов, подошёл ещё один нарн. Его взгляд показался Винтари странным. Дождавшись, когда на него обратят внимание, он взволнованно облизнул губы и выпалил:

— Простите, что прерываю вашу беседу, но это очень важно для меня... Скажите... — взгляд его впился в Винтари двумя малиновыми лучами, — скажите пожалуйста, ваша фамилия не Линкольни?

Винтари оторопел.

— Э... нет.

— Простите. Мне подумалось... вы на него похожи. Подумалось, это ваш отец. Что он здесь. Зная, как редко центавриане посещают Минбар и тем более Тузанор, другого шанса могло не представиться, и один — слишком большая милость судьбы. Что ж, простите мою дерзость.

— Кто? О ком вы?

Голос нарна дрогнул от смущения и благоговения.

— Линкольни Абрахамо, человек... центаврианин, то есть, которого... которого я очень надеюсь однажды встретить... Мне показалось, что я видел... его и вас, в кабине того истребителя, тренировочный полёт которого нам показывали не столь давно для примера.

— Если я правильно могу предположить, о чём вы говорите... то тренировочный полёт я совершал с президентом Шериданом. Разве вы не узнали его?

Нарн потупился.

— Честно говоря... я никогда не видел президента Шеридана. Что ж, значит, я ошибся, простите. Но может быть, вы что-то знаете о Линкольни Абрахамо, в особенности о том, где он сейчас может находиться?

Центаврианин, всё ещё, на самом деле, не отошедший от постепенно догоняющего его осознания прошелестевшей у самого уха смерти, честно постарался извлечь из своей памяти хоть что-нибудь, но видно, нельзя извлечь то, чего в ней попросту нет.

— Нет... Жаль, но не знаю. Я никогда не был знаком ни с кем с таким именем. А кто это?

— Не странно, что вы не знаете. Я не удивлён, что центавриане предпочли утаить деяния этого великого сына своего народа. Когда-то, более 15 лет назад, он спас мне жизнь. Мне и ещё многим.

Винтами понял, что рискует жизнью вторично, ведь если он не узнает, о чём речь, он попросту умрёт от любопытства, и попросил рассказать ему всё, не особенно обещая, но всё же выражая надежду, что в таком случае он всё же сможет что-нибудь вспомнить или хотя бы разузнать в дальнейшем. Пожалуй, его опьянял и захватывал внешний абсурд этой ситуации, что ж, пусть будет прав старик Арвини, говоривший, что молодёжь готова на самые нелепые и трудные для собственной природы вещи, лишь бы это было достаточно

дерзко и эпатажно. Разве в колледже он не дружил с самыми сомнительными элементами из всех, кто окружал его тогда? Что ж, вот теперь он беседует с нарнами, и это ему вполне приятно и интересно. Минбар не сделал его каким-то другим. Он всего лишь научил его называть свои побуждения по имени. Они расположились возле одного из окон. Нарн, назвавшийся Ше'Ланом, продолжал:

— Это было во время второй центаврианской оккупации, 16 лет назад, когда центавриане вновь захватили наш мир, разрушая наши города и опустошая сёла... В нашей деревне остались лишь малые дети и старики, неспособные держать в руках оружие, и ухаживающие за ними женщины. Центавриане огородили нашу деревню и собирались наутро сжечь её вместе со всеми нами — они узнали, что из этой деревни больше всего мужчин ушло в партизаны, и хотели, чтоб это послужило другим уроком... Я был несмышлёнышем, ещё не знавшим грамоты, не понимавшим всех звучащих вокруг слов... Но я понял, что наутро нас ждёт нечто ужасное. Ждёт конец. Моя мать всю ночь молилась, обнимая меня и сжимая подаренный отцом кинжал — чтоб с первыми лучами рассвета убить меня, чтоб не дать мне мучиться в огне. Но не ранее, хотела как можно дольше пробыть вместе, пусть и в тягостном ожидании конца... А наутро к деревне подъехала большая машина. Пришёл приказ — нас всех перевозят куда-то... Мы не знали, чего ждать. Быть может, в конце этого пути нас убьют. Но по крайней мере, не прямо сейчас. И возможно, менее жестоко... Нас погрузили на корабль, нам сказали, нас отправляют в трудовой лагерь на далёкой колонии... решили заменить смерть пожизненной каторгой. На корабле была ещё сотня смертников из другой деревни, мы в дороге спорили о предположениях, куда нас везут... Но когда мы прибыли к месту... Смешно, долгие годы мы даже не знали названия этой планеты! Это была давно покинутая колония — жизнь на ней сочли невыгодной и тяжёлой, ископаемых оказалось меньше, чем предполагалось, от метрополии слишком далеко — долго идут грузы со всякими предметами удобства, не ловятся почти никакие каналы... Нам сказали, что мы можем жить здесь, ничего не опасаясь — по документам мы все считаемся мёртвыми, единственное условие — мы должны были даже не прикасаться ни к каким приборам связи, чтобы ни один сигнал не дал понять, что планета обитаема. Мы получили в наследство покинутые дома, почти не тронутые временем, обширные поля и даже немного машин. И центавриане не придут забирать плоды нашего труда. Они вообще не придут сюда. Нас не будут искать... Мы вознесли хвалу Создателю и нашему новому солнцу, мы развели огонь в очагах и распахали поля... Один старик сказал, что слышал имя нашего избавителя, кто подписал эти документы — Абрахамо Линкольни. Неизвестно, что двигало этим центаврианином, но он спас наши жизни, вырвал из костра войны. Прошли годы, выросли дети и родились новые дети — дети уже этой планеты, нового Нарна, и в нашем селении звучали песни и смех, и ни один корабль не бороздил наше небо... Лишь десять лет назад на нашей планете сел корабль. Вышедшие из него люди назвались рейнджерами. Они рассказали, что война кончилась, что Нарн теперь свободен, и хоть он неимоверно опустошён войной, на него возвращаются все те, кто был спасён и вывезен на колонии... в том числе те, кого спас Линкольни, но их сложнее всего было отыскать — он надёжно прятал все сведения... Они прибыли узнать, сколько нас, чтоб прислать за нами транспорт. Тогда я получил портрет Абрахамо Линкольни, и с тех пор храню его у сердца. Ещё ребёнком я поклялся, что найду этого центаврианина и принесу ему благодарность от всей нашей колонии. Вся наша колония поклялась, что пока хоть один родственник Линкольни живёт на Центавре — мы не поднимем оружия на Центавр... Рейнджеры

рассказали много удивительного. Об Альянсе, о новом мире... и о своём деле. И я решил, что когда вырасту — тоже стану рейнджером. Не я один, многие молодые нарны в нашей колонии... И двое рейнджеров остались тогда с нами, чтобы учить нас.

— Вы позволите... Взглянуть на портрет?

Молодой нарн кивнул и вынул из-за пазухи портрет, обрамлённый в рамку нарнскойковки.

— Он действительно необыкновенно похож на президента Шеридана... Невероятно.

— Возможно, по-настоящему великие люди могут быть похожи между собой.

— Я действительно никогда ничего не слышал о нём... Не слышал о роде Линкольни, что странно — он должен был иметь высокое происхождение, раз имел такую власть... Возможно, вокруг него сложился заговор молчания. Но я попытаюсь узнать... Что смогу.

— Благодарю вас...

— Винтари. Моя фамилия Винтари, я третий претендент на трон Центавра и в настоящий момент гость президента Шеридана.

Однако это представление не произвело на нарна, кажется, должного впечатления. Вероятно, он совсем недавно покинул свой затерянный мир, и уж точно не знает, с чьим именем неразрывно связано имя его собеседника...

В комнату заглянул человек, быстро проговорил что-то — Винтари не разобрал — и Ше'Лан, извинившись, выбежал, за ним ещё несколько, прихватив собранный агрегат. Тжи'Тен посмотрел вслед.

— Он верит... Жаль будет, если он узнает, что Линкольни убит собственными соплеменниками. А ведь скорее всего, так и произошло... Он много великого сделал во время войны. Великого не с точки зрения Центавра.

— Вы тоже были спасены им?

— Я — нет, но знаю многих, кто был. Я не попал в его поле зрения, потому что так и не был схвачен центаврианами. Я старше Ше'Лана, я сражался... насколько мог это ребёнок, только получивший имя. Мы с моей сестрой Тжи'Ла единственные остались в живых из всей семьи. Мы прятались в глубоких подвалах, подземных ходах, а ночью выбирались и нападали на патрули центавриан... они не ходили по одному, но мы поджидали, когда кто-нибудь отстанет, или отвлекали их, заставляли, погнавшись за нами, побежать в разные стороны... Один раз ситуация сложилась не в нашу пользу, я был ранен, Тжи'Ла не хотела бросать меня... Центаврианин уже занёс над нами меч... И тут упал, сражённый насмерть. Меня спас человек, назвавшийся Артуром. Он действовал в организованном нарнском подполье, и меня забрал туда. Меня вылечили, нас с Тжи'Ла посадили за аппараты связи, а в перерывы между сменами Артур учил нас... всему. Грамоте, языкам, наукам, фехтованию. Это был прекрасный, кристальный человек. Я узнал о рейнджерах от него. Он дожил до объявления о свободе Нарна... Но увы, умер вскоре после этой радостной вести — он был тяжело ранен, а нам недоступна была серьёзная медицинская помощь. Он до последнего своего мгновения жил ради нас, ради мира на Нарне... Мы похоронили его по обычаям наших предков. Мы с Тжи'Ла продолжали работать связистами — налаживали порушенные коммуникации... А когда стали старше, прибыли сюда. Сделать всё возможное, чтоб больше ни в один мир не пришла война.

Тжи'Тена отвлекли, и Винтари принялся слоняться по помещению, стараясь не мешаться под ногами и в то же время жадно впитывая информацию. Сколько разных, ярких судеб, сколько... счастливых. Несмотря на пережитые ужасы войны. Прошли годы, но война,

конечно, бросает тень всё ещё на тысячи жизней, носится эхом во множестве миров. Она долго не сойдёт с уст, возможно, много дольше, чем он будет жит на свете, и никто не знает, сколько поколений должно родиться и умереть, чтобы однажды затянулись раны и заросли пепелища, чтобы горечь, которую оставляют эти речи на губах, стала сравнима хотя бы с горечью самых ядовитых сорных трав... Чтобы стала меньше пропасть между мирами, которой только для рейнджера — существа иного духа, может не быть. Не рейнджеру — как можно с этим справиться, это вместить? Выжившие несут бремя памяти, увечья памяти. Нельзя выйти невредимым из огня, и всё же в них, озарённых непостижимой, абсурдной идеей анлашок, нет ненависти, нет отчаянья. Они счастливы, потому что выжили. Счастливы, потому что нашли цель. Нашли дело, нашли дружбу. И наверняка, счастлив был Абрахамо Линкольни, понимая, что дал им — больше, чем просто сохранность жизни. Шанс дожить до этого дня...

Несколько раз Винтари сталкивался с высокой темноволосой девушкой с тёплыми карими глазами, которую принял за землянку — она сновала туда-сюда с коробками, мотками проводов, передавала поручения для остальных — то на земном, то на минбарском, то на нарнском, на всех трёх языках она говорила одинаково хорошо. Но когда она споткнулась — то выругалась на родном языке... Винтари моментально подскочил, как ошпаренный.

— Ты — центаврианка?

Девушка вздёрнула подбородок.

— Да. Сдадите меня, принц?

— Вообще-то, я мог бы то же спросить у вас.

Центавриане одна из немногих рас, не присылающих добровольцев в рейнджеры... Откуда здесь эта девушка? Не странно ли, что Шеридан ни словом ни полусловом не обмолвился о её существовании, хотя сообщил о приезде Арвини? Осознав степень съедающего его любопытства, девушка отвела его подальше в коридор.

— Меня зовут Амина Джани. Да, я сбежала из дома.

Испуг в этих глазах — ничтожно мал, его может угадать только опытный глаз, как у астронома, видящего в небе самую далёкую, малую звезду. Рейнджер не должен знать страха. Но всё же в груди, украшенной тёмной мерцающей брошью — центаврианское сердце.

— Сбежала и сбежала, я тоже в некотором роде сбежал... Правда, несколько более официально... Я не собираюсь вас выдавать. Мне это, чёрт возьми, совершенно незачем. Но расскажите мне — как, почему?

К ней окончательно вернулось самообладание. Могла ли она не знать, что он на Минбаре? Это едва ли. Скорее, полагала, что едва ли их угораздит встретиться...

— Скорее я удивлена, что только я. Думаю, вы в курсе, принц... Наша родина — не рай земной. Сильно не рай, для каждого, для дворянина и слуги... Но увы, я ничего не могу сделать для того, чтоб она таковой не была. Что может на Центавре женщина, если даже большинство мужчин не могут ничего, иногда даже надеяться дожить до спокойной старости? У меня не было возможностей для действия, для развития. А здесь я, по крайней мере, могу что-то делать.

— Поверьте, в этом я понимаю вас. Я тоже только здесь получил возможность что-то делать.

В комнату заглянул Ше'Лан:

— Давайте! Скоро начнётся!

Когда на трибуну взошёл Шеридан, Винтари почувствовал прилив чувства, которое уже не ожидал испытать — во всей первозданной чистоте и полноте.

Для центаврианина нормально и необходимо испытывать его. Гордость. Её впервые познают ещё в самом раннем детстве, перед портретом именитого предка — основателя рода, к нему подносят на руках — чтоб оказался на одном уровне, мог взглядеться в это волевое, исполненное сознания власти лицо, чтоб запомнил, на кого нужно равняться. Эта гордость возвращается, вскармливается, трепещет крепнущим ростком с каждым упоминанием: «Отличившийся при...», «Награждённый за...», «Советник...» — «Мой предок, член моего рода». Перед учителями в колледже, перед сверстниками, перед обольстительно улыбающимися красавицами — знать: есть, чем гордиться.

Странно было почувствовать это теперь — после того, как узнал, что «отличившийся при» присвоил себе славу менее именитого товарища, который вёл первый взвод в атаку — и полёг на поле боя, что «награждённый за» выменял эту награду за устранение неудобного двору, что «советник» за свою недолгую службу не насоветовал ровно ничего полезного сам, лишь ловко лавировал между фракциями, искусно симулируя мудрость и незаменимость... Всё это было, впрочем, даже не большим жизненным разочарованием, к тому времени стал понятен порядок вещей. Просто гордость стала другой. Взрослой, отчужденной и в немалой степени фальшивой. Гордость слов, не сердца. Он и не думал, что ещё испытает ту, позабытую, детскую... Гордость, которой он не мог выразить и определить, была так велика, что заполняла весь этот огромный зал. Он знал, ничьи головы не повернутся в его сторону, видя в нём луну, отражающую свет великого солнца. Шеридан не его отец. Он просто крепко сжимал руку Дэвида и был счастлив — без всякого признания всех вокруг. Пожалуй, это было даже многовато.

Было ещё много выступлений — представителей миров, религиозных деятелей, минбарских старейшин, руководителей рейнджерских отрядов, простых рейнджеров (из знакомых Винтари был Ше'Лан). Была демонстрация рейнджерского мастерства — на экранах и вживую, товарищеские поединки рейнджеров из разных отрядов. Ведь на съезде присутствовали представители новых рас, которые ещё только думали, вступать ли им в Альянс, допускать ли патрулирование рейнджерами границ их миров, и уж тем более — присылать ли своих новобранцев. Важно было показать им суть и смысл рейнджерства со всех сторон.

В перерыве Винтари вышел на балкон. Солнце сместилось, и свет другими красками играл на гранях кристаллов. Теперь Винтари понял, как поэты могли написать столько стихов об этом городе и не повторяться. Город, который всегда разный, город, который всегда неизменен...

— Прекрасный мир... Волшебный... Вижу, вы тоже заморожены картиной?

Винтари обернулся. Ему улыбался высокий светловолосый инопланетянин.

— Я живу на этой планете уже пятый год, но кажется, мне никогда не надоест любоваться этими пейзажами... Я центаврианин, а мы умеем ценить прекрасное, хоть и не всегда готовы к тому, какую форму оно принимает и чему нас пытается научить. Я видел вас в зале, но вы не выступали с докладом.

— Мне нечего рассказать по существу вопроса, я прибыл как гость. Так сложилось, что

я бывал во множестве миров, но на Минбаре до сих пор — не бывал. Я доктор Шон Франклин, ксенобиолог.

— Ещё одна загадка Вселенной...

— Простите?

— Это вы меня простите, уже начал разговаривать вслух. Как раз сегодня один нарн поведал мне историю времён войны... О центаврианине Абрахаме Линкольни, спасшем множество нарнов от ужасной бессмысленной смерти. Спросил меня, знаю ли я что-то о его дальнейшей судьбе... А я даже не слышал о нём никогда. До сего дня. Представляете? При моем положении я неизбежно знаю генеалогию большинства знатных центаврианских родов. Я допускаю, что о самом Абрахаме стало не принято говорить — после того, что он совершил... Что само его имя изъяли из обихода. Но изъять из обихода целый род... Нет, то есть, физически — допускаю. У нас частенько такое делалось. Но изъять сами упоминания — из летописей, из семейных деревьев, из памяти... Не всё я знал о родном мире... Потом я вспомнил ещё кое-что любопытное. Дэвид рассказывал мне многое из земной истории — сам я изучал её не слишком подробно... Несколько веков назад в одной земной стране был президент по имени Авраам Линкольн, знаменитый в частности тем, что освободил в своей стране чернокожих рабов... Земляне ведь относятся к расам, отличающимся завидным внутривидовым разнообразием, но долгое время у них считалось, что не все подвиды равны между собой... И вот теперь вы говорите мне, что ваша фамилия Франклин, и вы ксенобиолог. Я уже слышал об одном ксенобиологе ФранкLINE, старом друге президента Шеридана... Скажите, вы слышали о земном ксенобиологе ФранкLINE? Или, может быть даже знакомы с ним?

— Некоторым образом. Это мой отец.

Винтами подумал бы, что ослышался, но сказано это было весьма громко и чётко.

— Простите... Но как? Ведь вы... не землянин? Простите мне нескромный вопрос... Я не смог определить вашу расу, думал, вы из какого-то мира из тех, с кем недавно установили контакт.

— Я ондрин. Вижу недоумение на вашем лице... Видите ли, моё усыновление было не вполне законным... как, впрочем, многое, что происходило тогда и позже на Вавилоне-5. Но сейчас, за давностью и отсутствием тех, кто мог бы предъявить претензии, это уже никому не важно. Меня обнаружили среди покойных, которых некому было забрать, которых хоронили, отправляя капсулы на ближайшую звезду. По правилам — не знаю, кто и почему завёл это правило, если у всех погребаемых обычно есть подобающе оформленные заключения о смерти — перед погружением в капсулу каждого проверяют биодатчиком. В моём случае правило оправдало себя, я оказался ещё жив. Ещё несколько минут — и датчик ничего бы не показал, сильнейшее отравление, моё сердце уже не билось... Но мозг посылал импульсы. Когда доктор Франклин увидел меня... я не берусь представить, что он испытал. Если вы слышали о докторе ФранкLINE от президента Шеридана, то могли слышать и историю о том, как он пытался спасти мальчика, который умирал от запущенной опухоли в дыхательной системе, потому что его родители, по религиозным соображениям своего мира, отказались от операции. Как Франклин всё же сделал эту операцию, и как родители убили своего сына, считая его потерявшим душу, осквернённым... Когда я открыл глаза, я ожидал увидеть перед собой Реку Времени и Запредельные места... Но увидел знакомую больничную палату и лицо доктора Франклина. Мои родители к тому времени были уже далеко на пути к родному дому. Было принято решение не извещать их — я умирал два раза,

и ни к чему мне было умирать в третий. Мне сказали, что если я выжил вопреки всему — значит, это было зачем-то нужно. Я остался на Вавилоне-5, пошёл в школу — учился с детьми торговцев и докеров. Когда на меня напала тоска по родному миру, отчаянье из-за своей отверженности — я просто представлял, что это моя загробная жизнь... А потом я полюбил эту жизнь — не меньше, чем прежнюю. А потом больше... Во время войны Тьмы и Света, когда Тени метались, рассеянные по галактике, они потребовали у моего мира территории для размещения своих кораблей. Мои сородичи слышали о том, что Ворлон уничтожают все планеты, где базировались Тени. Да и просто не хотели осквернять свой мир такими гостями... Они отказали. Тени в бешенстве взорвали планету. У нашего мира не было колоний, это не сочеталось с нашей культурой, переселение в другие миры считалось недопустимым... По иронии, я остался единственным живым ондрином в галактике. Единственным, кто мог оплакать и похоронить их в своём сердце, единственным, кто помнит язык, песни и легенды погибшего мира. Я не должен был жить, как позор нашей расы... А теперь только во мне она жива. Быть может, об этом слова из земной религиозной книги: «Камень, отвергнутый строителями, стал во главу угла»... Как бы то ни было, я жив и рад этому. Я рад, что на моём пути встретился мой приёмный отец... Из-за своей работы, из-за всех последовавших событий он не мог, конечно, уделять мне много времени... Но я ценил сам факт его существования. Когда он отбыл на Землю, я остался на Вавилоне — он оплатил мою учёбу и проживание, и писал мне, когда только мог. Когда победили чуму дракхов, я тоже прилетел на Землю, там продолжил образование... Думаю, неудивительно, что я решил стать врачом, как он.

Они беседовали ещё сколько-то времени, Винтари обнаружил, что испытывает искреннее любопытство к декоративной флоре миров дрази (до этого он и не предполагал, что у миров дрази есть какая-то прямо флора, хоть декоративная, хоть какая), и в свою очередь порекомендовал несколько толковых, на его взгляд, источников по ботанике Центавра — пересматривал сам после экскурсии с Дэвидом по саду. Упомянул, в частности, и о лотраксе.

— А вы знаете, что лотракса является важным симбионтом декоративных садовых растений Центавра? Сплетаясь корнями с корнями культурных растений, она выделяет в их системы важные вещества, позволяющие бороться с большинством заболеваний. Вы ведь знаете, у сорняков всегда иммунитет на порядок выше, чем у гибридных культур, к которым относится большинство садовых цветов... А у лотраксы иммунитет практически абсолютный. Выпалывая её, садовники потом удивляются, почему цветы хиреют и погибают, несмотря на многочисленные подкормки.

— Это лишнее доказательство того, что всё хорошо в меру. Бороться с сорняками необходимо, так как они способны задушить культурные растения вплоть до полного их исчезновения, но выпалывание некоторых сорняков критично нарушает экосистему...

Прозвучал сигнал к окончанию перерыва, и они вернулись в зал. Доктор Франклин обещал, что нанесёт визит в резиденцию — приглашение от президента он уже получил, но сможет только через пару дней — сначала ему нужно, воспользовавшись удачным случаем, встретиться с коллегами и посетить несколько презентаций научных трудов по вирусологии.

Большой ажиотаж вызвало выступление энтил'за — сам факт этого выступления. Многие предполагали, что ввиду семейных обстоятельств она взяла отпуск, если не вообще увольнение... Хотя в резиденции об этом обывательском представлении шутили, что

рейнджер может быть освобождён от обязанностей только по причине смерти, и то не факт. Шеридан, знавший Иванову много лет, напротив, совсем не удивился — оставить её на больничном, когда она того не хотела, было и раньше нереально.

— Сказала: «Беременность пока к тяжёлым заболеваниям не относится, и уж от торжественной говорильни не освобождает точно».

Винтари оставил своё удивление ещё после того разговора три года назад, когда впервые увидел, тогда только по видеосвязи, Иванову, пребывавшую, собственно, в том же состоянии, что и сейчас.

— Разве... Разве рейнджеры — женятся? Или руководителям — разрешается?

— Строго говоря, запрета как такового никому нет. Но семья — это ответственность... а рейнджер посвящает себя своему делу, он должен быть готов в каждую минуту сорваться в любой сектор галактики, и должен быть готов к тому, что не вернётся оттуда... Не каждому по силам такое принять — провожать близкого человека, не зная, увидятся ли они вновь. Но муж Ивановой — сам рейнджер, ему такие вещи объяснять не нужно.

— Но наверное, сложно будет совмещать обязанности энтил'за с обязанностями матери? Или же она найдёт, кому поручить ребёнка?

— Ну, вообще-то, она уже совмещает. И успешно. Как до этого совмещала Деленн — она ведь передала этот пост Ивановой в том году, когда ей самой пришлось возглавить Межпланетный гуманитарный фонд, подразделение Альянса, занимающееся организацией помощи отсталым расам и расам, пережившим катаклизмы и военные конфликты... Эта работа подходила ей больше, чем кому бы то ни было, а Иванова к тому времени уже смертельно устала от своей работы на Земле, почивать на лаврах ей категорически не хотелось, а в дальние экспедиции её назначать, ввиду семейного положения и маленького ребёнка на руках, не хотели... Да и просто устала от необходимости частых разлук, хотелось жить с вновь обретённым любимым человеком одной жизнью. Дети... Дети многое способны понять на самом деле, принц. Если не сразу, то однажды потом. Каждому родителю приходится жертвовать частью времени и сил, которые он мог бы отдать ребёнку, на что-то другое — работу, карьеру, дело жизни. Немногие могут позволить себе роскошь посвятить себя исключительно детям. И дело не только в личных амбициях — деловых, карьерных... Дело в том, что мы несём ответственность не только перед своими детьми, но и перед многим другим. Перед многими другими. И мы не сможем себе простить, если не будем там, где должны были быть, не сделаем того, что должны сделать... Последние три года всё довольно спокойно, военных конфликтов нет, лишь локальные стычки с пиратами на окраинах. И Сьюзен занимается координацией деятельности тренировочных баз и разведывательных отрядов, а когда придётся куда-то лететь лично — у неё есть, на кого оставить детей. Пока они малы, а когда подрастут — скорее всего, будут отданы в одну из школ при храме. Кстати, Иванова планирует заглянуть к нам в гости — завтра ближе к обеду, с утра у неё важное совещание с руководителями тренировочных баз. К сожалению, придёт только она, без Маркуса — его упросили принять участие в моделировании сценариев тренировочных боёв в космосе... Жаль, откровенно говоря — я давно не видел Маркуса... Но таковы издержки, что поделаться. На этот день рождения Дэвида, во всяком случае, он обещался быть.

Иванова была вторым, после Дэвида, источником знаний о рейнджерах, но бывала в резиденции она вопиюще редко — издержки должности, рейнджерских баз по вселенной много, а энтил'за одна.

Они возвращались домой вместе. Возвращались домой... Усталые Шеридан и Деленн вполголоса беседовали о чём-то — возможно, обсуждали прошедшую встречу, а возможно, говорили о каких-то отвлечённых пустяках, по крайней мере, время от времени слышен был их тихий счастливый смех. А они с Дэвидом снова держались за руки, обсуждали цветистую и многословную речь делегации ипша, но больше, конечно, их новое, довольно экстравагантное одеяние, и было так легко, хорошо, как бывает только в конце долгого, но прекрасного дня...

==== Часть 1. ЛОТРАКСА. Гл. 4. Над сияющей бездной =====

Гл.4 Над сияющей бездной

Неожиданно приятным сюрпризом было то, что на следующий день Иванова посетила резиденцию, в сопровождении помощницы, рыжеволосой землянки, имя которой Винтари не запомнил, хотя она была в числе выступавших. Дэвид заметил подъезжающую машину с балкона и побежал вниз, потянув за собой и Винтари.

— Тётя Сьюзен!

— «Тётя Сьюзен»... Хороша тётя Сьюзен, видит тебя примерно раз в год, хотя вроде как в одном городе живём. Увидела тебя вчера в зале и что-то так совестно стало, как раз и время нашлось не то чтоб свободное... но не совсем занятое... Здравствуйте, ваше высочество, я, собственно, и к вам тоже. Жалею, что не выбралась раньше. Джон все уши прожужжал о вашем намерении привезти на Центавр книгу о рейнджерах... Я привезла вам кое-что, что может вам пригодиться — тут вступительные речи для новобранцев из истории ордена, несколько лекций для наставников... Кроме того, я договорилась с Рикардо, руководителем учебной базы в Эйкьяне, он устроит для вас посещение в самое ближайшее время...

— Это... Это было б просто чудесно! Благодарю вас, энтил'за Иванова, — Винтари крепко сжал информкристалл, — вы не представляете, как много для меня сделали...

— Думаю, Сьюзен, дальнейшее знакомство и обмен накопившимся продолжим за столом?

— Можно и за столом... Я как раз не с пустыми руками к столу... От дрази иду, напихали столько, сколько смогла унести. У них, если кто не знал, некий прямо культ беременных женщин, их принято закармливать и задаривать... А я для них до сих пор... э... что-то вроде авторитета... Вот это — я уже один раз такое пробовала — должно напоминать по вкусу старое доброе малиновое варенье. Их технологии консервации, признаться, поражают... Если понравится, пришлю ещё — у меня теперь запасов на пять лет войны. Дети, разумеется, в восторге... Вот уж не думала, что продовольственным снабжением моей семьи будут заниматься дрази... Да, они почему-то уверены, что в этот раз у меня родится мальчик, даже, кажется, выбрали имя, с перечислением всех возможных воинских доблестей.

— Советую согласиться, сами-то вы, как понимаю, варианта не подобрали?

Иванова сделала глоток сока.

— Я на это рукой махнула, Джон, уже давно. Выберешь тут... кое с кем... У меня с фантазией на этот счёт откровенно не очень, а Маркус, ещё когда мы ждали Софочку,

сказал, что знает только одно по-настоящему прекрасное имя — Сьюзен... На мой вопрос, не собирается ли он в таком случае и сына назвать Сьюзен, он ответил, что вот чтоб такого не произошло, он и доверяет в этом вопросе мне. Шантажист и паразит.

— Дай угадаю, в следующий раз произошло то же самое?

— Абсолютно. Надо сказать, он в обоих случаях предрекал, что будут девочки... А я ждала — мальчика... Вот вам и материнское чутьё. Ну, если Софья вела себя смиренно, то Талечка пиналась как настоящая хулиганка... Заверяю, мне за всю жизнь столько по печени не доставалось.

— Третий ребёнок... Многие сказали бы, что вы безумцы.

Иванова улыбнулась.

— Джон, я уже не верила, что у меня когда-нибудь будет семья. Мы оба слишком долго ждали... Мы оба были на грани смерти, если не за гранью. Когда восемь лет назад я в той экспедиции нашла этот артефакт, способный вернуть к жизни Маркуса, вырвала его у тилонов с боем, едва не стоившим жизни мне и команде... Хотя тут меня поняли, конечно, все, оставлять его в таких руках точно было нельзя, только хрестоматийного Тёмного Властелина на наших границах нам не хватало... Когда потом мы ещё два года ходили вокруг друг друга, выясняя, кто конкретно ради кого не должен был жертвовать жизнью... Мы много времени потеряли, по нашей вине и по вине обстоятельств. И больше терять время я не намерена. И... Джон, у моих родителей было двое детей. Я часто думала, что, может быть, если б было трое — у меня сейчас был бы хотя бы один живой родственник... Мы справимся, это я точно знаю. И даже если с нами что-то случится — хотя почему с нами должно что-то случиться, всё, что должно, уже случилось... о наших детях будет, кому позаботиться.

Дэвид, к тому времени давно закончивший приём пищи, аккуратно перехватил инициативу в разговоре. Как-никак, в собравшейся за столом компании даже тени официоза не было уже давно.

— Тётя Сьюзен, вы приведёте Софью и Талечку на мой день рождения?

— Дэвид, они ведь совсем малышки, разве тебе будет с ними интересно? Мальчишки обычно не очень любят возиться с малышняй, особенно с девчонками. Помню, я очень обижалась, когда брат и другие мальчишки отказывались принимать меня в свою команду... То есть, не то чтоб их игры были всегда для меня принципиально интересны, но как-то обидно, когда тебя не принимают просто потому, что ты девчонка, слабый пол...

— Потом они приняли вас?

— Конечно! Однажды я так разозлилась, что здорово поколотила соседского забияку. Соседи потом даже выговаривали моим родителям за моё недопустимое поведение... Но мой отец ответил: «Если вашего сына смогла одолеть девчонка, то это проблема вашего сына, а не моей дочери». Правда, дружба наша продлилась недолго, потом моя семья переехала... На новом месте у меня появились друзья среди девчонок, там было много моих сверстниц и с ними при том оказалось достаточно интересно. Но я всегда гордилась этим эпизодом моей жизни. Ганя, кстати, гордился тоже.

Винтари любовался лицом женщины, возможно, из-за озорной улыбки казавшимся нереально молодым. А ведь она немолода... В прежние их встречи он часто думал, есть ли на Центавре женщины, с которыми он мог бы её сравнить. Как будто, таких было немало — привлекательных, обладающих умом, волей, властью, умеющих влиять и производить впечатление. Однако большая часть из них при более детальном сопоставлении начинала

меркнуть, ведь при всей своей силе, при всех своих талантах они оставались лишь тенью своих мужей. И не их в том, конечно, была вина... Пожалуй, чего не хватало в полной мере даже лучшим из них — это той потрясающей свободы зрелости, которой землянка, казалось, была полна вся. Быть может, это было впечатление юного перед взрослым, но ему Иванова казалась по-настоящему всемогущей, могущей позволить себе всё, что сочтёт нужным, ограниченная лишь тем, что сама возложила на себя подобно легендарному древнему богу, привязывавшему себе к ногам два огромных камня просто для того, чтоб ходить по земле, а не парить в воздухе. И он странно понимал её, в этом жарком желании успеть всё, охватить всё. Понимал, почему, имея двух дочерей-погодок, старшей из которых было всего пять лет, она не побоялась завести третьего ребёнка, и понимал, почему при этом не оставляет работу. Понимал, почему нормальным считает отрываться от чтения донесений, чтобы поцеловать дочек, играющих на полу с трофейными кусками обшивки кораблей, и надиктовывает письма, помешивая кашу на плите. Потому что радуется всему, что успевает... Потому что так могут только молодые. Пожениться, ещё не зная точно, где будут жить и где будут работать, веря, что неопределённость побеждается одной только любовью, и ещё энтузиазмом. Взрослые, степенные люди не могут что-то начать, не распланировав, не будучи уверены... А Сьюзен устала от взрослости, степенности и стабильности, в которой у неё не было ни капли личного счастья. И при том это мало напоминало чудачества некоторых немолодых центавриан — запоздалый бунт против условностей, лишивших их свободы и жизни все годы до того. Если против чего Иванова и бунтовала, то против себя прежней, неподобающе мало верившей в себя.

— А с братом ты дралась? — рассмеялся Шеридан.

— Случалось. Ганя, когда мы были маленькими, проявлял нездоровый интерес к моим куклам... Реально нездоровый. Он любил раскрашивать им лица и делать причёски на манер, знаете ли, панков... Однажды отец вышел из себя и купил ему тоже кукол. Думал, что это его заденет — мальчишке подарить кукол... Куда там! Он вырядил их всех панками и металлистами, и потом эти чучела, значит, вроде как гонялись за моими приличными девушками с неприличными предложениями... Бывало, впрочем, очень весело. А Маркус с братом, как рассказывает, дрались прямо в кровь и синяки, родители были просто в ужасе. Ну а что они хотели — погодки, сферы интересов одни и те же... Мирились они только под праздники, показательно, чтобы родители за примерное поведение подарили то, что было заранее выпрошено. Как-то на Рождество...

— Не напоминай про Рождество. Как-то наши родители укатили в сочельник за покупками, оставив меня присматривать за Лиз. Присматривать, ты понимаешь? Восемь лет дылде, могла и сама за собой присмотреть. Мы передрались за пульт от телевизора... До чего она больно пиналась!

Винтари на миг прикрыл глаза, настолько ярко и живо, без каких-то дополнительных усилий с его стороны, ему явилась эта фантазия — что так было всегда. Что это один из рядовых, обычных обедов в его жизни, обычный день в семейном кругу. А вся другая жизнь ему просто... приснилась. Что в его жизни тоже было это... Рождество. Он так до конца и не разобрался в сущности этого праздника, имеющего совершенно разные, светские и религиозные традиции, как они связаны между собой, он так и не понял. Он только знал, что праздник этот очень важен для землян, потому что служит сближению, укреплению семейных уз. Ему представилось, что и в его жизни были подарки под ёлкой, медленно кружащийся пушистый снег за окном и детская вера в чудо. Как-то, было ему, быть может,

лет пять или семь, он пробрался в крыло для слуг, увидел, кажется, кухню... Ведь наверное, та женщина была кухаркой, раз уж на ней поверх грубоотканого невзрачного платья был большой изжелта-белый фартук. Вокруг этой немолодой, полноватой женщины столпились трое детей — старший был, вероятно, года на два старше его, младшая девочка была совсем малюсенькая и ещё невразумительно лепетала. Женщина раздавала детям подарки — мальчику сапоги, средней вышитый платок, младшей бусы из крупных, фальшиво гремящих разноцветных бусин. Он смотрел, как дети прыгают от радости, и хмурился. «Чему они радуются? Это же... такая ерунда! Одежда... совершенно обычные вещи... А бусы и вообще бессмысленны и безвкусны!» Женщина вынула из кармана фартука горсть конфет. Девочка порывисто обняла её, уткнув лицо в этот огромный белый фартук. Винтари не выдержал и убежал. Заперся в своей комнате и ревел от досады, не в силах даже самому себе, не то что ещё кому-то, объяснить, что же его так расстроило. Он просто почувствовал, что у этой девочки, которая может вот так уткнуться в фартук матери, есть что-то, чего нет у него. И это что-то — вовсе не платок или бусы... В коридоре раздавался резкий, требовательный голос леди Ваканы, пытающейся добиться ответа, почему наследник плачет и мешает её послеобеденному отдыху. Уткнуться в благоухающее дорогими духами, сверкающее мелкими драгоценными камушками платье леди Ваканы могло придти в голову только идиоту. Он забыл этот эпизод — как малозначительный, а может быть — слишком болезненный. Вспомнил только сейчас, думая о праздниках, которых в его жизни не было...

Дети тоже дарят родителям подарки. Особенно ценятся сделанные своими руками. И потом эти первые корявые рисунки, аппликации и поделки родители ставят на полки и хвастаются всем знакомым. Так, по крайней мере, поступали отец и мать тёти Сьюзен. Леди Вакана, застав однажды сына за рисованием, была рассержена. «Кажется, сейчас ты должен учить историю войны с зонами! Через час тебя ждут в зале для бальных танцев! И что это за бред ты малюешь?» Винтари скомкал и выкинул листок. Что за бред он тогда малевал, он сейчас не мог вспомнить.

Он всегда был один. Своего брата он даже не видел, само его недолгое существование осталось в памяти смутным фактом. Какое-то время он очень завидовал своим двоюродным и троюродным братьям, ему казалось, что там, у них в семьях, как-то лучше... Возможно, отчасти, это так и было. Тётя Дилия, например, особенно любила своего среднего сына Элаво, хотя вроде бы, ничем особенным он не превосходил старшего и младшего братьев, разве что был несколько простодушнее и добрее. Он помнил, как тётя Дилия, прижимая Элаво к своей пышной груди, повторяла, что он её главная радость и надежда, Элаво придушенно шептал, что, разумеется, помнит и понимает это, только не могла бы мамочка его уже отпустить? А отец больше любил старшего — самого «удавшегося в породу», заводилу во всех затеях, чемпиона в верховой езде и стрельбе и, честно говоря, самого драчливого... Как потом донеслось из слухов — их семьи тогда уже мало общались — Дармо погиб случайно во время какой-то спортивной игры. Досадная оплошность, помноженная на его неукротимый нрав, не обратил внимания на требования безопасности и переоценил свои силы. Элаво, почему-то винящий в смерти брата себя, повредился рассудком. И надеждой семьи вдруг стал младший, Акино, трус и плакса, никогда до этого никем не ценимый и не замечаемый... Пожалуй, из всех троих сейчас Винтари жалел лишь об Элаво, всё же случившееся с ним — хуже, чем смерть...

Сквозь туман образов из прошлого он слышал голоса беседующих, и он даже улыбался и

что-то отвечал им, так что никто, кажется, даже не заметил, что он на большую часть не здесь. И не в прошлом даже — в фантазиях, которые как бы исправляли, заслоняли на время — то время, пока он не сможет с ними совладать и загнать в рамки — это прошлое. Быть может — Земля, на которой он не бывал, и эта самая рождественская ёлка, сверкающая волшебными огнями в окне родного дома, и медленный сказочный танец снега, и игра в снежки всей семьёй... Снег он, конечно, видел не раз. Но где бы он его ни видел — в снежки им не играли. Долгожданный подарок в яркой обёртке — он не конкретизировал, что бы это мог быть за подарок, останавливаясь лишь на этой яркой обёртке и общем чувстве восторга в момент разворачивания... Просто получает то, о чём мечтал — и радостно бросается на шею отцу, трётся щекой о его колючую бороду, чувствует ладонь матери, гладящую его волосы... Он встречает отца из долгой поездки, забирается к нему на колени, крутит пуговицы мундира, требует рассказать всё-всё, хотя знает, что не поймёт и половины... Он просит мать почитать ему на ночь сказку — например, ту самую «Мудрец и гоки», и засыпает, убаюканный её нежным, ласковым голосом... Его учат играть в бадминтон, ему помогают делать домашнее задание, его первый раз берут в гости к родственникам, живущим в другом городе... К нему подносят крохотный сопящий свёрток: «Смотри, милый, это — твой брат Дэвид». И он вот так же злится, когда этого младшего брата поручают его заботам, и его надо кормить молочной кашей на завтрак, делиться с ним игрушками, на прогулках следить, чтоб он не упал, не промочил ноги, не потерялся... А потом появляется интерес — ведь его же можно столькому научить, воспитать из него помощника и друга... А потом ответственность — убедить родителей, что их можно отпускать вдвоём, научить младшего брата ездить на велосипеде, защитить от старших задир — пусть знают, у него есть старший брат, ещё только раз пальцем тронут и пусть пеняют на себя... А потом гордость — такая, как выразил некогда Ганя: «Ведь эта мелкота на моих глазах выросла!» У них есть общие детские секреты, есть вместе набитые шишки, и брат смотрит на него с восхищением и доверием — как на старшего, умного, сильного... Как на пример...

Довольно, он помнит, кто он и где он, он взял себя в руки, вырвал из яркого, сказочного, увы, не принадлежащего ему мира. Из сияющей бездны... Он знает, что отдал бы всё, чтоб кануть в неё весь, без остатка... Но что он может отдать? Что у него есть?

— ...Ну, тут-то за них можно не беспокоиться... Взрослые уже, да и там простор для выдумок небольшой, есть, кому присмотреть, не до баловства...

— Думаю, да... Хотя уверен, они всё равно что-нибудь придумают.

— По-моему, замечательно, что они смогут пробыть там два дня... Два дня это мало, конечно, но для начала в самый раз. Я жду вашу книгу первой, Винтари, имейте в виду! Потому что возлагаю на неё большие надежды. Может быть, она пробьёт наконец стену молчания между мирами. Я действительно надеюсь после неё увидеть хоть сколько-то молодых центавриан в наших рядах. Я не хочу, чтоб они восприняли рейнджеров как романтическую сказку, но я хочу, чтоб у них была информация. Объективная информация. Просто чтобы они знали, что такое анлашок. Чтобы те, кто чувствуют такой зов в своём сердце, просто знали, куда им идти. Пока что, за всю историю, из вашего мира пришёл всего один рейнджер. Вам непременно стоит познакомиться с Аминой Джани, это замечательная, очень сильная и умная девушка. Я рада, что ей удалось добиться своего, уверена, она пойдёт далеко.

— А мы уже знакомы. Вы правы, она замечательная. И я очень горжусь, что она

представляет наш мир в анлашок.

Утром они вышли в гостиную одновременно. Дэвид уже был одет на выход.

— Как удачно, что вы уже готовы! Можем выдвинуться прямо сейчас, нас уже ждут.

— Сейчас? Но... не завтракая?

— Искренне не советую.

— Что?

— Отправимся сейчас. Не волнуйтесь, от этого не потеряете ни вы, ни кто-либо ещё только приобретёте.

— Предполагается, что мы позавтракаем там?

— Поверьте мне.

— Что ж... Тогда я быстро, возьму свои вещи.

Что сказать, в центаврианские традиции вполне укладывалось приходиться в гости голодным, чтобы суметь оценить хозяйский стол как можно более глубоко и всесторонне, иногда, отказавшись что-то попробовать, можно и оскорбить невзначай. Минбарские традиции были в этом плане куда более сложными, а главное — кулинария Минбара... ну, совершенно схожа была с центаврианской. И если уж рейнджеры питаются скромно по минбарским-то меркам — значит, приходиться туда лучше сытым, чтобы не огорчать своей голодной физиономией. Как они умудряются при таком рационе показывать чудеса физической подготовки, вот что надо как-то уложить в голове... Но если Дэвид считает, что в данном случае правильнее так, то ему виднее, менее всего хотелось бы сейчас тратить даже минуту на споры.

Отправиться только вдвоём, на целых два дня, в лагерь рейнджеров! Иметь возможность всё увидеть своими глазами, присутствовать на тренировках и даже попросить несколько уроков, задать вопросы не только простым рейнджерам, но и мастерам, наставникам... О таком разве что мечтать можно было. Действительно, более тесное знакомство Дэвида со своей дальнейшей будущностью должно было однажды состояться, но то, что это коснётся и его — большая удача. Невозможно переоценить, что сейчас анлашок стали гораздо более открытой миру структурой, это не уменьшает интереса к ним, но делает меньше страх, прежде останавливавший тех, кто просто хотел узнать больше, без намерения присоединиться к ним. Интересно, насколько реально попросить о помощи Амину Джани? Она могла бы быть его рецензентом, оценить качество его переводов на центаврианский, конечно, она изучает минбарские языки всего год — зато, как рейнджер, имеет ни с чем не сравнимую практику...

Эйякьян был, как и многие рейнджерские лагеря, хорошо сохранившейся покинутой базой касты воинов, ещё с доваленовских времён. Расположенный на берегу реки, идеально вписанный в рельеф, он произвёл на Винтари впечатление с первого взгляда, и он тут же сунулся в рюкзак за блокнотом, в котором делал путевые заметки. Скомканный лист из детства всплыл в памяти. Если б он не был тогда хорошим мальчиком, серьёзным, послушным, понимающим. Если б не забросил «нелепую мазню». Может быть, сейчас он мог бы запечатлеть открывшуюся ему картину, вряд ли это было бы просто, найти самые правильные, самые близкие штрихи и краски, чтобы передать простор и чистое сияние неба вокруг, древних камней, молчаливых свидетелей истории и славы, но гораздо сложнее искать для этого слова. Ещё издали они заметили скопление народа, напоминающее больше

стихийное собрание, нежели тренировочное построение, и это не огло не быть интересным. Подойдя ближе, они увидели увитую цветами каменную глыбу, у подножия которой лежали большие плетёные корзины.

— Что это? Какой-то праздник?

— Верно, — обернувшись, они узнали Ше'Лана, — древний нарнский Праздник Даров. Вступление в ряды рейнджеров не означает отказа от своей религии и своих традиций — в той, конечно, части, что не противоречит принципам анлашок... Г'Кар, ещё когда был с нами, часто говорил, что хорошие традиции нужно возрождать, а плохие забывать. Праздник Даров — несомненно хорошая традиция. В прошлом году, к сожалению, мы не смогли его провести... Изначально это праздник деревенский, праздник крестьян, но постепенно он проник и в города. К этому дню каждая семья, кроме самых бедных и неимущих, плетёт большую корзину и наполняет её пирогами, которые пекутся в ночь перед этим днём, чтобы наутро они были ещё горячими. Ночью, тайно, чтобы никто не видел, эти корзины выставляются к столбу на центральной площади или к воротам деревни. Дары предназначались главным образом для нищих и сирот, для проходящих через деревню путников, но любой мог подойти и вкусить от любого пирога. Корзины совершенно анонимны, никто не знает, где чьи дары, более того, объявлять об этом, хвастаясь количеством принесённого, считалось дурным тоном. Это общий стол, к которому приглашаются все, но главное место за ним уступается самым нуждающимся. Так же в этот день в домах принимали бедняков и путников, и девушки в каждой семье, непременно девушки на выданье, одаривали их специально сшитой для этого одеждой и обувью. Девушки готовились к этому дню заранее и усердно — случалось, под видом нищих бродяг из далёких деревень приходили в поисках невест... «Если нищего одела и накормила — так и семью оденет и накормит». Эту традицию мы здесь не воспроизвели — девушек у нас тут вообще всего две, и на рукоделие тоже как-то времени нет... Ну, сельское хозяйство в военном лагере тоже не особо процветает, но всё необходимое мы загодя купили и оставили в общем доступе на складах... Странно...

— Что такое?

— Я вижу тут десять корзин. Но нарнов в нашем лагере всего десять.

— И... что не так?

— Корзина приносится одна от одной семьи. Тжи'Тен и Тжи'Ла — одна семья. От кого ещё одна корзина?

— Может быть, они принесли Дар порознь?

— Обычно так не делается... Впрочем, проблемы в этом нет. Десять так десять. Просто странно. Ну и... поскольку нищими, хоть нарнами, хоть какими угодно, на Минбаре как-то небогато... Угощайтесь! Пироги есть мясные, овощные, сладкие... В качестве питья есть отличный цветочный чай.

Подошёл, уже с набитыми щеками, Рикардо, поздоровался.

— Идею следует пустить в массы. Я такой вкуснятины с детских лет не ел, после пирогов матери... Рекомендую воон тут корзину, и приступим, наверное, к экскурсии?

О зете Рикардо Винтари слышал много восторженного ещё в беседе с Тжи'Теном и Ше'Ланом, да и ранее — от Дэвида и Ивановой, последнее особенно дорогого стоило, об Ивановой как о начальнике в земной армии, говорят, до сих пор ходят легенды. Тем удивительнее было увидеть не престарелого строгого учителя, от одного взгляда которого душа уходит в пятки, не воина богатырского роста, способного шутя победить любого

соперника. Позже, конечно, Винтари убедился, что соответствующих таким стереотипам среди рейнджерских учителей вообще не так уж много. Большинство из них с первого, невнимательного взгляда можно назвать «обыкновенными». И даже несерьёзными, как казалось об этом сорокалетнем землянине в соломенной шляпе, жизнерадостно болтающем с набитым ртом.

Сначала Рикардо обвёл их по периметру, прочтя краткую лекцию о фортификационных сооружениях прошлого и практики их приспособления к нуждам дня настоящего. Показал полигон, спортивные площадки, познакомил с планировкой лагеря.

— Казармы три, по числу взводов. В каждом взводе по одиннадцать воинов, есть старший, следящий за порядком, два его помощника... Внутри казарма — единое помещение, разделённое на общую зону и маленькие келейки со спальными местами, по два спальных места — напарники живут вместе.

— Можно вопрос, Рикардо? Напарники назначаются как? Жребием, случаем?

— В большей мере случаем. Воин должен уметь сработаться с кем угодно — на войне не всегда приходится выбирать, с кем идти на задание или бежать из плена.

— Но ведь... Как я понимаю, в одном взводе хоть как не окажется равное количество мужчин и женщин. Как же...

Рикардо посмотрел на него даже как-то удивлённо.

— Любой мужчина в анлашок, вне зависимости от возраста и расы, не допустит непорядочного отношения к женщине, если вы об этом, принц. Уличённый в подобном, кроме исключения из ордена, понесёт суровое наказание по минбарским законам. Но те, кто сюда пришёл — пришёл не за плотскими утехами. Мы умеем держать под контролем помыслы, не то что порывы тела.

— Медитация? Понятно...

— Конечно, случается, что двое разнополых воинов проникаются друг к другу взаимной симпатией — это естественно, все молодые и жизнь — везде жизнь... В таком случае они могут попроситься в напарники... Но при этом они помнят, что дело — прежде всего.

— А как же в расовом отношении? Допускаю, минбарцы и люди у вас научились уживаться... А другие расы? Дрази, нарны, пак'ма'ра, наконец?

Рикардо дожевал и проглотил последний богатырский кусок, его загорелое лицо при этом было таким счастливым и умиротворённым, что это невольно заставляло снова вспомнить о сходстве людей и центавриан, в части удовольствия от хорошей, сытной еды.

— Не сумеют ужиться могут и двое людей, и двое минбарцев — если не будут прилагать к тому никаких усилий принципиально. Расовые и прочие предрассудки воины оставляют за порогом, когда приходят вступать в орден. Прежде всего каждый из них — анлашок, а потом уж дрази, нарн или человек. Пак'ма'ра у нас двое, оба при жребьёвке, так получилось, попали в один взвод. Конечно, их напарники сперва были уверены, что это какое-то особое испытание им от меня, потому что они вызвали чем-то моё недовольство... Потом познакомились поближе — и ужас как-то постепенно сошёл на нет. Тем более что, между нами говоря, при ограниченных возможностях к привычному питанию — вместо выдерживания мяса до нужной стадии, ну нет у нас просто такой возможности, мы даём им специальный субстрат, помогающий частичному разложению — не так уж от пак'ма'ра и смердит. Вообще наши реакции в плане обоняния — в немалой степени привычка, воспитание. Конечно, и физиология тоже, работа рецепторов, химия... Но не быть рабом этой химии вполне реально. Человек ко многому привыкает... При том они весьма

миролюбивы и старательны. Бойцы из них, конечно, по-прежнему неважнецкие, но у каждого свои сильные и слабые стороны. Уметь круто драться — не главное достоинство рейнджера.

Винтари заметил Амину на высоком уступе над рекой. Лёгкий ветер шевелил её короткие тёмные волосы и полы длинного балахона.

— Отдыхаете?

— Да. Через полчаса у нас лекция, потом медитация... Вы уже успели осмотреть лагерь, принц?

— Прошу, хотя бы здесь — без титулов? Мы ведь не на Центавре. Так непривычно видеть центаврианку необритой...

— Здесь это как-то незачем, и я просто забываю об этом. Ну и, мне тут сказали, что мне идёт с волосами, — она рассмеялась, — лично мне всё равно, но почему не попробовать походить так.

Винтари присел рядом. Да уж, кому бы и чем попрекать... Его-то собственные волосы, тоже уже давно не помнящие укладки, так же сейчас развеивает ветер.

— К тому же, неплохая маскировка. Даже я не догадался. Хотя не думаю, что какие-то проблемы могут возникнуть, если уж твоя семья до сих пор не бросилась в погоню, и если энтил'за Иванова приняла тебя без какого бы то ни было направления.

Амина рассеянно поглаживала горячий от солнца, покрытый сетью трещин камень, как поглаживают подлокотник знакомого, много лет прослужившего кресла, и странно, так трудно было представить её в декорациях Центавра, в платье, с традиционной причёской, казалось, только здесь, среди этих камней и холмов, она и могла бы существовать, при том, что он ни на миг не обманывался её видом, он помнил, что перед ним центаврианка, более того — он чувствовал это, так ясно, как может только тот, кто прожил в окружении практически одних иномирцев почти пять лет.

— Моя семья, по счастью, не столь богата и влиятельна, чтоб гоняться за мной по галактике. Мы мелкопоместные дворяне из Тулани, в моём родном городе на каждом шагу встретишь что-то, к чему имел отношение мой отец — к строительству, учреждению, содержанию... Древняя дворянская фамилия, но у себя в столице вы её могли и не слышать никогда. Джани никогда не были слишком амбициозны, держались корней и не лезли в большую власть. «Не летай высоко, чтоб не было больно падать» — девиз, доставшийся от дедов.

— Редкость... А вас что же, не устроила тихая жизнь? Я думал, вдали от дворцовых интриг и кровавых перепитий...

— За минусом интриг и крови всё то же самое, ва... Винтари. Думаю, я не скажу ничего нового и удивительного, чего не могли б сказать многие... Мне нужны были возможности, которых они просто не могли мне дать. Я росла балованным ребёнком, Винтари, две мои старшие сестры давно вышли замуж и покинули родное гнездо, я была отрадой семьи и мне многое позволялось. Я получила лучшее образование из возможных, но мне и этого было мало. Мне хотелось кем-то стать... Быть может, врачом, или учёным... Именно самой стать, самой что-то делать, не представлять род отца или мужа, вкладывать что-то от себя, а не быть членом попечительского совета или меценатом, не просто сопровождать мужа или передавать кому-то его слова. А мне готовили роль жены и матери, продолжательницы чьего-то знатного рода, украшения балов. Говорящей куклы. Моя мать, конечно, была

властной женщиной и заправляла в семье — но не такого мне хотелось. Она умна, образованна — знает в совершенстве историю, литературу, читает на трёх языках... И для чего это всё? Для того лишь, чтоб поддерживать светскую беседу? Женщины Центавра ничем, в общем-то, не хуже мужчин. Но они не занимают постов, не совершают открытий, не спасают жизни, не летают к далёким звёздам. Просто так не принято. Почему? Какой в этом смысл, зарывать такой потенциал, в Звёздную эру жить по феодальным законам? Разве я многого хотела, скажите? У тех же нарнов, которых так любят называть варварами, женщины могут служить в армии, становиться чиновниками, изобретателями, исследователями космоса. Говорят, даже среди Кха'ри была одна женщина. У землян, у минбарцев давно нет такого неравноправия полов. Я хотела подать документы в Академию, надеялась уломать отца — сложнее было б уломать мать... Но в один прекрасный день к нам приехал гость — старинный друг отца, когда-то сделавший для него нечто очень важное, я так и не поняла, что... Отец захотел сблизить наши рода, выдав меня замуж за его сына. Вся семья была единодушна в том, что это хорошая партия... Винтари, я готова глубоко уважать этого человека, так много значащего для моего отца, но я совершенно точно не хочу замуж за его сына — это скверный, пустой человек, отец в своей любви слеп и не видит этого... Я понимаю, мой отец испытывает к нему признательность, благодарность... Но скажите, при чём здесь я? Почему эту благодарность надо оплачивать моей жизнью, и ничем другим? Видит бог, я хотела бы послужить роду, послужить всему Центавру... Но не в качестве же очередной проданной невесты, каких много было до меня и много будет после? Брак поставил бы крест на всех моих мечтах и возможностях, этот человек не позволил бы мне продолжать образование, тем более заниматься какой-то деятельностью, не нужной лично ему. Кроме того, я просто не хочу связывать свою жизнь с не то что нелюбимым, а глубоко неприятным мне мужчиной. Да, я сбежала. Я пробралась тайком на торговый корабль, потом на другой... Придумала очень хороший маскарад — балахон пак'ма'ра, даже горб соорудила. Никого не тянуло заглянуть под капюшон, и меня никто не беспокоил... Конечно, денег у меня было с собой совсем немного, поэтому я не собиралась бродяжить долго, надеялась прибыть в такой мир, где я по крайней мере смогу дальше учиться... Мне очень жаль, что я расстроила этим отца, я действительно люблю своего отца... Но может быть, он однажды поймёт меня. Когда вспомнит, что хоть он всё же смог полюбить мою мать — она так и не смогла полюбить его.

Винтари покачал головой. Центаврианский образ мыслей требует называть подобное возмутительным эгоизмом, неблагодарностью, предательством интересов рода. Как же много оттенков у смелости центавриан, но смелости эгоизма большинству из них не хватает...

— Но ведь вы так и не стали ни врачом, ни учёным...

— Я нашла путь лучше, достойнее. О рейнджерах я слышала на Центавре лишь самое общее, я думала, что это какой-то закрытый, элитный рыцарский орден... я и мысли не держала, что мне туда дорога. Но когда в скитаниях по галактике я услышала о них больше — я поняла, что это именно то, чего я хочу. Лучшая возможность, какой можно пожелать. И познание, и служение, и изменение — себя и мира. Да, энтил'за приняла меня, несмотря на отсутствие разрешения от семьи или правительства — просто выслушав мою историю. И я делаю всё, чтоб не разочаровать её. Каждый свой успех — в учёбе, в боевых искусствах — я посвящаю тем, кто в меня поверил.

Он следил за тем, как пальчик Амины задумчиво обводил пальцем узор трещин.

— И вы готовы... «Жить ради Единственного и умереть ради Единственного»? Готовы не только к этим тренировкам, но и к настоящим боям, к неизведанному?

— Готова. Поверьте, я здесь не от безысходности, не потому, что прячусь. Я мечтала сделать что-то большое не только для своего рода, но и для всего Центавра. Здесь я могу сделать что-то для всего мира. Да, быть может — погибнув рядовым солдатом. Это именно та свобода и то величие, которых я искала — не носить высокое имя, как вериги, не занимать высокую должность, на которой была б не вольна творить благое. Служить. Делать малое в составе одного большого дела. И своим служением прославить своё имя, если будет суждено. Я ношу звание первой центаврианки-рейнджера с гордостью, и я всё сделаю, чтоб оно осталось чистым, чтоб послужило достойным примером. Нет, мне не нужно, чтоб меня знала вся вселенная. Мне достаточно того, что меня знают здесь, и считают достойной.

Винтари рассеянно повертел в руках рюкзак. Сунул в него руку — за блокнотом, а рука попала в то отделение, где остался ещё один пирог из плетёной корзины.

— Кстати... Угощайтесь, если хотите. Меня однажды погубит жадность. Взял больше, чем смог съесть, но уж очень вкусны эти пироги... А как складываются ваши отношения с сослуживцами других рас? Ведь они-то знают, что вы центаврианка. Извините за такой вопрос, но мне интересно.

Амина приняла из его рук пирог, улыбнулась.

— Поверьте, прекрасно складываются. Из мест во вселенной, куда я могла попасть, это, кажется, последнее, где я могла б встретить расовые предрассудки. Проявление нетерпимости для рейнджера — как минимум нарушение дисциплины. Старший в нашем взводе — Тжи'Тен, поверьте, нет советчика мудрее и надёжнее его. Когда меня одолевали комплексы по поводу моих недостаточных, по моему мнению, успехов в рукопашном бою, я пришла к нему. Он предложил устроить мне несколько дополнительных тренировок. Мы боролись почти до полного изнеможения, в отчаянии я воскликнула: «Вот видишь, я не могу победить тебя!» Он ответил: «Нет, не так надо говорить. Ты до сих пор не побеждена, до сих пор стоишь. Вот это и имеет значение. Не каждого на своём пути ты сможешь победить. Главное — чтоб ни один не заставил тебя сдать». Ведь он реально намного сильнее меня, и при этом я чувствовала, что он не подыгрывает мне... С тех пор я поверила в себя. А моя напарница — девушка из бракири, Табер. Это чудеснейшая подруга, какую можно б было встретить. Другая моя лучшая подруга — Эмилия, землянка. Мне пора на лекцию, Винтари. Вы тоже собираетесь присутствовать? Тогда поторопимся.

Быстрым шагом, почти вприпрыжку, они устремились к виднеющемуся вдалеке учебному корпусу.

За уступом крепостной стены они едва не налетели на держащуюся за руки парочку. Быстро поздоровавшись, Амина потащила Винтари дальше.

— Упс... Надеюсь, не слишком мы смутили их. Они всё же объяснились... Похоже, за Табер можно начинать радоваться.

Винтари отметил, что, может быть, ему показалось, но юноша рядом с Табер был... землянин?

— Теперь она, должно быть, попросится в напарники к нему?

— Вовсе не обязательно. Хотя если попросится — я пойму, разумеется. Но Табер весьма щепетильна в таких вопросах, она не считает, что какие-то изменения в личной жизни должны что-то менять в дружбе.

— Складывается какое-то прямо идиллическое ощущение...

Амина обернулась с лукавой улыбкой.

— Не берусь судить уверенно, но возможно, ваше ощущение верно, Винтари? Рискну предположить, вы слишком недоверчивы к хорошему.

— Это верно... Я ведь центаврианин. Хотя... не аргумент... вы тоже... Просто... Когда Тжи'Тен поймал меня, свалившегося со смотровой площадки, я был в шоке. Я думал, что единственный достижимый максимум между нашими расами — это не вцепляться при встрече друг другу в горло. Что есть расы, духовно, телесно, генетически не способные выносить друг друга, и мы вот как раз такой пример.

Девушка остановилась, серьёзно взглянула ему в глаза.

— Вы ошибаетесь, принц. Разумеется, сложно перешагнуть и оставить в прошлом огонь, кровь, вероломство, жестокость, раны, нанесённые обеим сторонам. Никто не ждёт, что это произойдёт быстро, никто не ждёт, что это произойдёт со всеми. Но кому, как не нам, молодым... Г'Кар сказал, что хорошие традиции надо чтить, а дурные забывать. Он первым подал нам всем пример... А ещё — знаете, ещё на Центавре я слышала одну легенду. Возможно, это лишь романтическая выдумка, но непонятно, зачем она существует на Центавре, хоть и передаётся шёпотом, как страшная сказка... Но такие легенды есть, наверное, у каждого народа во вселенной. О том, как давным-давно, ещё во времена первой оккупации Нарна, одна центаврианка и один нарн полюбили друг друга. Звучит как нечто невозможное, немислимое... и именно поэтому, наверное, такие истории запоминаешь и думаешь о них потом очень часто. Они сбежали... но на всей планете, конечно, не было для них места, где они могли укрыться. Их поймали... нарна приговорили к смерти, а девушку собрались выдать замуж за богатого друга семьи, чтоб он увёз её в далёкую колонию... Ночью она отдала слугам все свои драгоценности, чтобы они тайно провели её к любимому. Она принесла ему не еду или питьё, и не лекарство для его ран. Она принесла меч, которым они, одним ударом, пронзили свои сердца, чтобы уже никто никогда не смог разомкнуть их объятий. Я не думаю, что эти близкие души были единственными на две наших расы. Но это не главное, о чём я думаю. Я думаю о том, что тогда, в то скорбное время, лишь в смерти души получали освобождение, отдавая нам свой свет верности и мужества, чтобы мы однажды отплатили им не только молитвами и памятью, но и — построенным нами миром, протянутыми друг другу руками. Даже если этой истории на самом деле не было, её стоило выдумать.

— Вообще-то, я тоже слышал эту легенду, хотя и в несколько другой, конечно, редакции.

— Когда я спросила об этой истории Тжи'Тена, он сказал, что слышал другое — нарна обвинили в изнасиловании центаврианки, но казнить не успели — он покончил с собой. А девушку да, хотели выдать замуж... Но жених отказался от опозоренной, и она была убита собственными родственниками. С моим вариантом его роднит то, что девушка прислала нарну в камеру меч, спасая его от смерти куда более мучительной... А я сказала, что, в общем-то, мы никогда не узнаем, как было на самом деле, но можем верить, что души эти хотя бы после смерти получили покой.

— Мой вариант никуда не годится. Мне рассказывали, что сбежавшие были убиты нарнами. И хотя такое вполне могло произойти... Я почему-то хочу верить в ваш вариант. Каким бы детским романтическим бредом это ни звучало — мне доказали, что любовь не признаёт границ рас, политических реалий и законов, она сильнее войны и смерти. Доказала та пара, у которой я сейчас живу.

На ночлег их с Дэвидом определили в одном из тренировочных залов. Что было даже удобно — Винтари опасался, что своей болтовнёй они не дали бы соседям спать. Поскольку не весь день они провели вместе, впечатления были различными, и ими хотелось поделиться.

— ...Одна из любимых курьёзных историй Кейта, старшего во втором взводе — как он, задумавшись, промахнулся кельей и зашёл в келью Эмилии...

— Застал её переодевающейся и получил травму?

— Лучше! Застал там с нею дрази, наряженного в её платье, да ещё и покрашенного! В шоке заорал, что в лагере извращенцы... Получил от Эмилии по голове, да. Оказалось, Хорн — женщина-дрази, у них с Эмилией был культурный обмен, Хорн показывала ей моду дрази, а Эмилия, соответственно...

— Ну да, этих дрази поди определи, где у них мужчина, где женщина, как сами-то не путаются...

— С тех пор всякие разговоры про извращения Кейт не любит и пресекает на корню, вспоминая о собственном невежестве... Говорит, нет извращений, есть недостаток знания.

Сквозь матовый пластик раздвижных створок в комнату лился лунный свет, ложился на пол вытянутыми квадратами и треугольниками. Винтари размышлял, как же плохо, что он не додумался взять с собой какое-нибудь записывающее устройство, лекция учителя Зехси была очень интересной, а он едва успевал записывать... Честно говоря, хотелось засыпать его вопросами, но он постеснялся — всё-таки он здесь не один, да и не хотелось блистать невежеством — рейнджеры-то учились уже давно... Хорошо, что удалось так много спросить у учителя Аана — им разрешили присутствовать при медитации, и даже не шикали, когда они говорили громко — рейнджера ничто не должно отвлекать, хоть бы даже вокруг шумел целый базар... Всё равно это удивительно, как они так могут. Дэвид немного учил его медитации, но честно говоря, так ничего у него и не получилось. Он не может успокоить свой дух, хаос своих мыслей.

И конечно, продолжался разговор, начатый ещё два года назад, когда он впервые решился спросить:

— Дэвид, а почему вы непременно должны стать рейнджером? То есть... это было именно ваше желание?

— Разумеется. Рейнджером нельзя приказать быть. К этому надо быть готовым... И не каждого, кто только изъявил такое желание, примут. Я высказал такое желание — и мне сказали: что ж, у тебя есть время определиться в своих потребностях и способностях.

— Да, я понимаю, в вашем мире... Это почётно и романтично, в каждом мире есть своё представление о том, кем следует стремиться стать...

— Опять вы говорите — «следует». Возможно, в этом есть правда, в других мирах есть такие... престижные, как вы говорите, профессии. Но на Минбаре нет «не престижных». Почётно любое дело, любой труд, который несёт благо обществу. Не почётно — не делать ничего.

— И всё же — вы выбрали именно это. Что-то повлияло ведь на ваш выбор?

Он понимал, что наверняка несвоевременно задаёт такие вопросы, что Дэвиду, как всякому ребёнку, важно мечтать о том, что является образцом, идеалом в его мире, и однажды, став старше, он как-то сам, тихо, оставит эти честолюбивые мечты в пользу чего-то более прозаического, но преступно пытаться отнять у него эту мечту сейчас... Но

Винтари осознавал свой эгоизм, он оставался эгоистом и здесь. Он не хотел терять. И чем скорее он получил бы уверенность, что этой нависающей в далёком завтрашнем дне угрозы разлуки не стало, тем ему было бы спокойнее.

— У кого бы здесь вы ни спросили о подобном — вам скажут о велении сердца и о долге. И вам покажется, что вам говорят о противоречащих, взаимоисключающих вещах. Но на Минбаре веление сердца и есть долг. Сердце велит каждому минбарцу следовать долгу. Конечно, вы скажете — окружение влияет, и это во многом правда, я с детства общаюсь с Ивановой и Маркусом, другими учителями... И... Понимаете, мои отец и мать...

— Герои.

— Ну да. Но одного лишь желания быть достойным своих родителей мало. Я хотел бы не оставаться вечно лишь сыном Шеридана и Деленн, я хотел бы сам сделать... что-то значительное... Но чтобы делать что-то значительное, надо начинать с малого и терпеливо, шаг за шагом, работать над этим, работать над собой... Надо много работать. Тогда вселенная устроит для тебя путь.

Винтари живо помнил тот вечер, комнату, освещённую мягким призрачным сияние разноцветных пластин, собранных в причудливый светильник — их можно было компоновать множеством разных способов, в зависимости от этого менялся рисунок, отбрасываемый их светом на стены. Чаще всего это были абстракции, но иногда довольно сложные картины, некоторые такие светильники состояли из ста и более элементов, и он не представлял, как можно было рассчитать, подобрать их так. А иногда пластины были из такого материала, который при нагреве мог издавать тихий, едва различимый ухом звук, и собрать из отдельных элементов можно было не только картину, но и мелодию...

— Да. Я тоже в это верю... теперь. Знаете, теперь мне очень стыдно... За то, что в колледже я часто пренебрегал занятиями, предпочитая развлечения... Я многое упустил из того, что мне давалось. Правда, потом я осознал это, и довершал образование самостоятельно, благо, возможности у меня были. Если я однажды стану императором... я должен знать, по возможности, всё. Очень плохо, когда верховный правитель оказывается совершенно несведущим хотя бы в какой-то одной отрасли. Это даёт очень много возможностей для злоупотреблений, им становится легко манипулировать.

Дэвид рассмеялся, словно не он был в этой комнате младшим, словно он слушал сейчас наивный лепет ребёнка. Впрочем, это был совсем не обидный смех, в этом он очень напоминал отца.

— Невозможно одному человеку вместить в свою голову всего. Правильно бы было окружить себя доверенными, компетентными помощниками.

— Где ж их возьмёшь... То есть, может потребоваться очень много времени, чтобы понять, компетентен ли этот человек и стоит ли ему доверять. В этом смысле очень тяжело, когда ты уже сразу обладаешь именем, титулом... Все вокруг рады заверить тебя в своей преданности и готовности служить верой и правдой! Если б у меня была возможность пройти с ними какой-то долгий и трудный путь, который мог бы проверить меня и их... Случай обнаружил ненадёжность моих друзей в колледже. А ведь могло случиться так, что мы выросли бы и я всё так же верил бы им. И мог назначить их на какие-то ответственные посты...

— Здесь нельзя руководствоваться одним лишь дружеским расположением. Друг может быть золотым человеком, но ничего не смыслить в том, что ему поручено... Хотя, ради дружбы, ради оправдания доверия он сделает всё, чтоб справиться, и если не умел —

научиться.

Теперь уже Винтари улыбался этим наивным речам, и надеялся, что его улыбка не выглядит насмешкой. Но Дэвид не смотрел на него, он смотрел на отсветы на стене с нежностью и, кажется, лёгкой грустью.

— У нас смеются — трудно быть минбарцем, с таким сверхсерьёзным отношением ко всему. А ведь в самом деле трудно...

— Про центавриан тоже говорят, что ими трудно быть.

— И это тоже верно... Про вашу расу некоторые говорят, что вы всё время молитесь, а про нас — что мы всё время пьём. Интересная характеристика, да?

— Глупая.

— Знаете, зачем нам нужны пиршества с обильными возлияниями, Дэвид? Мы очень часто в своей жизни говорим друг другу пышные слова о дружбе, верности и преданности. Это не более чем формула вежливости — ведь как-то некрасиво б было, в самом деле, говорить что-то противоположное... Но там, где много вина, музыки, веселья — сердце расслабляется, теряется контроль. И могут прозвучать слова настоящего признания, настоящего расположения... Эти моменты мы очень ценим. Вы... вы думаете, должно быть, что мы очень жалки, Дэвид?

— Отнюдь. Я думаю, что вы очень сильны. Вам приходится, словно молодой траве, пробивающейся сквозь камень, бороться слишком со многим... Бороться с теми словами, которые слышите о себе, бороться с теми словами, которые есть внутри вас и которые вы по тем или иным причинам не смеете произнести.

Сколько их было, подобных разговоров, за те годы, что он живёт здесь, и сколько потом, оставаясь один, он удивлялся тому, что происходили они без капли спиртного! Было подобное в годы учёбы, да. О, о каких только глубоких вселенских вопросах они не говорили, какие мировые проблемы не обсуждали дерзко, горячо, не скупясь на умные слова — покуда язык справлялся с их выговариванием... Сколько громких имён, теорий и терминов сыпались, звеня, как осколки разбитых бокалов... Несомненно, услышь их, юнцов, кто-нибудь взрослый, он смеялся бы долго. Наверное, и сейчас над их разговором кто-нибудь посмеялся бы. Но как тогда он чувствовал опьянение не от искрящихся вин, а от тех разговоров, так и сейчас счастлив был сидеть и говорить с этим серьёзным ребёнком, с которым сам позволил себе говорить о чём угодно — и ни разу не встретил отказа... Всё-таки есть в этом хорошее, что минбарцы загружают мозги философией с детства. И пресловутый минбарский запрет на ложь... Дэвид ещё не научился изящно обходить его с помощью образности и недомолвок, и можно не гадать, что он думает на самом деле внутри себя. Он ещё не способен подумать о том, как неловко должно быть Винтари от осознания бескультурности, бестактности своего поведения — от того, что он откровенно рассказывает о семье, о своей жизни, своём мире, не щетинясь на простодушные и неудобные вопросы, которых больше всего задал ему именно Дэвид, ещё не научившийся, как взрослые, не трогать там, где болит, не вздёргивая гордо подбородок, не выгораживая тех, кого меньше всего хотелось выгораживать. От того, что иногда это звучит как откровенные жалобы. Он принял это как данность, болезнь, поражающая центаврианина в сияющей бездне — говорить, говорить о том, о чём естественно было б молчать.

Сейчас однотонная лунная картина лежала на полу и стенах, не было тихого, аскетичного уюта маленькой комнаты, где выбивался из интерьера только странный сосуд в нише. А разговор продолжался.

— Нет, я не обижаюсь, вы правы, тысячу раз правы, поднимая снова этот вопрос. Плохо б было, напротив, если б вы уговаривали меня... Вы понимаете это так, что возражения сеют сомнения, смущают ум, сбивают с цели — нет, с настоящей цели ничто не собьёт. Моя задача — понять, настоящая ли это моя цель.

— Но вы хотели бы, чтоб она была настоящей.

Губы Дэвида вдруг сжались в упрямую горькую складку.

— Вы всё время говорите мне, Диус: «Вы, минбарцы»... Иногда говорите так же: «Вы земляне»... Хотя не забываете, я думаю, что я всё-таки дитя двух миров, но не понимаете в полной мере, что это значит. Я и то, и другое. И я ни там, ни там.

— И вы, полагая, что ни один мир не мог бы принять вас полностью, стремитесь туда, где больше, чем где-либо ещё, не важны расовые различия, где каждый в первую очередь — рейнджер, и уже во вторую — землянин ли, минбарец или нарн...

— Да. Как ни крути, это лучший путь для меня, и хоть постыдно делать выбор от безысходности, это вообще не выбор, но другого пути я не вижу. Любовь моих родителей велика, как вселенная, но сама вселенная от этого никуда не делась.

Ему рано думать о таком, внутренне негодовал Винтари. Он не должен допускать кощунственной мысли о том, что его родители не подумали, каково будет жить ребёнку, соединяющему в себе две природы...

— Мне не представить, конечно, что вы чувствуете. Ведь попытаться выбрать что-то одно, отринув свою вторую часть, было бы иллюзией...

— Это просто невозможно. На большую часть я, биологически, землянин. Но родился и вырос я на Минбаре, по воспитанию я минбарец. Мне обрести гармонию двух моих природ ещё сложнее, чем было моей матери.

— Понимаю.

— Простите, но не думаю. Каждый раз во время тренировок или во время медитаций я вспоминаю, что я не минбарец. То, что легко для моих сверстников, бывает неподъёмным для меня. И именно рейнджеры напоминают мне, что это преодолимо. Что я могу стать выносливее, могу смирить свою гордыню и научиться послушанию и дисциплине, которые считаются неотъемлемым свойством нашего народа...

— Вы ненавидите свою земную часть? Ох, простите, я не хотел этого говорить...

— Это правда. С этой ненавистью я борюсь, я обязан её победить. Вы знаете, я безмерно люблю своего отца, я люблю тётю Сьюзен, Маркуса... Но я не знаю Земли, я боюсь её и не могу любить.

— Может быть, вам стоило бы... побывать там однажды?

— Возможно, конечно, и так. Но... вам не кажется, что Земля не готова принять меня? Вы скажете, конечно — с войны прошло так много времени, это уже не важно... Скажете ли вы то же самое о войне с Нарном лет через десять? Но не только в этом дело. Просто я знаю о Земле слишком много плохого, при том, что мой отец — патриот своего мира, и любит его несмотря на всё, что он ему сделал... и это жжёт мне сердце. Земля, может быть, и готова, или могла б так сказать, им ложь, в отличие от нас, не запрещена. Я не готов.

Ещё долго, когда Дэвид заснул, Винтари смотрел в его спокойное красивое лицо, озарённое лунным светом и неведомыми, наверняка чистыми и героическими снами, которые много лучше, чем муки и тревоги реальности, и перебирал их в уме — все те слова, с которыми он боролся...

Комментарий к Часть 1. ЛОТРАКСА. Гл. 4. Над сияющей бездной

В озвучке я не разобрал, как звучит звание рейнджерского учителя — “зет” или “сех”, использую первый вариант.

Ну и конечно, позволил себе придумать некоторые обычаи и традиции, не упомянутые в каноне.

==== Часть 1. ЛОТРАКСА. Гл.5 Дар от сердца и новый Заговор Света

Прошёл год, или чуть менее, с этих событий, и они возымели неожиданное драматичное продолжение. Когда Шеридан вызвал Винтари в свой кабинет, лицо его было очень серьёзным, правильной даже сказать — расстроенным.

— По правде, принц, вы не только первый, но и единственный, с кем я могу об этом поговорить, от кого могу просить совета и помощи... Это касается Амины Джани.

— Амина? Что с ней? — Винтари только вчера говорил с ней по видеосвязи, она жарко критиковала завершающую главу его книги о рейнджерах, заявляя, что он неверно указал источники и по-прежнему пугается в хронологии. Распрощались они на совершенно позитивной ноте — Винтари принял все её поправки, она обещала помочь с редактированием глоссария...

— С Центавра пришёл запрос о её возвращении на родину. Запрос в форме приказа, если вы понимаете, о чём я... С одной стороны, Амина — член анлашок и подотчётна Альянсу, а не Центавру... Но с другой стороны — мы обязались не вмешиваться во внутренние дела даже миров, входящих в Альянс, а Центавр не член Альянса... И они не присылали Амину, она пришла сама. Да, любой желающий может придти и вступить в анлашок, у нас тут не закрытый клуб по протекциям... Но ситуация с Центавром особая, прецедентов, как вы знаете, не было... Я пытаюсь понять, как лучше всего поступить, пытаюсь понять, как сложится ситуация исходя из моего ответа.

Не то чтоб хоть малую каплю это удивляло. К такому повороту, к такому разговору Винтари был давно готов и всё для себя решил, все слова были подогнаны друг к другу, как камни в кладке эйякьянских стен. Нет, конечно, он не ждал, что это случится, ему хотелось верить, во всяком случае, что милосердное провидение подобного не допустит. Слишком жестоко и абсурдно это было бы. Но он помнил, что жестокий абсурд и порядки их родины были часто синонимичными понятиями. И он держал в себе эти слова, как человек, знающий, что у него есть враги, держит под подушкой кинжал, даже если не знает, придут ли эти враги когда-нибудь.

— Не может быть речи о её выдаче. Амина уже не простая центаврианка, жизнью которой наш мир мог бы распоряжаться по своему усмотрению, здесь у неё дело, обязанности, здесь её место... Здесь она счастлива, как бы банально это ни звучало. И по правде, я сомневаюсь, что Центавр решится развязать какой бы то ни было конфликт в случае вашего решительного отказа. Ни одна женщина, разве только она особа королевской крови, не стоит того, чтобы ради неё ломалось столько копий и создавался ненужный конфликт... Но мне, по правде, интересно, что такое вообще произошло. Она говорила, что её семья, хоть и знатна, имеет недостаточно широкие возможности, чтобы преследовать её... Да и почему они ждали два года, чтобы объявиться только теперь?

— Вот в том-то и дело, принц. Требование о её выдаче пришло не от её семьи. А от её

жениха. От её нового жениха. Как нам удалось выяснить — в общих чертах и без подробностей, увы — на Центавре сейчас происходят некоторые перемены... Локальные, но значимые. Перетурбации во власти. Император Моллари плох — плох, видимо, настолько, что претенденты воспряли духом и открыли очередную партию своих закулисных игр. Случилось так, что первый претендент на трон, Кутария из рода Киро, неделю назад ушёл из жизни. Насколько мы поняли, это не было убийством, смерть по естественным причинам. Первым претендентом автоматически становится Вир Котто, ставленник Моллари, вторым — вы... На фоне этих перемен четвёртый претендент, как раз Дантория, решил стать сразу вторым. Воспользовавшись вашим отсутствием и воспользовавшись... Вы не хуже меня, если не лучше, знаете положение и характер Дантории. Он не знатен, своим восхождением он обязан Картажье, который жаловал ему имение и титул, отобранные у рода Муто...

— За верную службу — за то, что он и помог погубить род Муто. Знаю. Дантория, как и многие другие, не понёс наказания, потому что преступления периода Картажье так и не были у нас как следует расследованы. Однако в случае с Данторией очень жаль... Если б им в его действиях тогда руководили лишь страх за свою безопасность и необходимость подчиняться верховной власти, он мог бы и не быть столь усерден.

Шеридан кивнул.

— Итак, Дантория богат. Главным образом богат. Единственное, чего ему не хватает для того, чтоб чувствовать себя более уверенно на политической арене — это доброго имени. Имя, отобранное у обезглавленного — всё же немножко не то... Женитьба на девушке из древнего, благородного рода, к тому же не запятнавшего себя в событиях последнего времени никоим образом, была б решением проблемы. Он планирует заключить два таких брака, один из них — с Аминой Джани. Как я понимаю, её семью подкупили богатство и статус, и уже куда более реальная и осязаемая вероятность однажды увидеть свою дочь императрицей.

Винтари вскочил, взволнованно заходил по комнате.

— Плохо дело. Но ведь это бесчестье! Дантория бандит, и никакие ордена на его груди не закроют черноты и гнилости его души! Такого человека вовсе нельзя было пускать во власть, там и без него подонков хватает... И уж точно нельзя, чтобы древний, славный род пятнал себя такой связью... Неужели они не понимают?

— Вероятно, нет. Решение уже принято, и Амина — единственная девушка на выданье в семье Джани, им кроме неё больше и предложить некого. Я подумал, принц... Что может быть, если б вы сделали заявление, что Амина находится здесь с вашего высочайшего изволения — они б отступились. Вы всё-таки член императорской семьи...

Винтари остановился возле окна, постоял, перекатываясь с пятки на носок.

— Ну разумеется, я сделаю такое заявление! Я очень не люблю, господин президент, когда разбойная чернь позволяет себе творить всё, что ей вздумается, но ещё больше я не люблю, когда благородные, те, кто должны бы быть хранителями и столпами наших устоев, им в этом потворствуют. Есть только одна проблема, господин президент — я не знаю точно, возымеет ли на него действие моё заявление.

Шеридан нахмурился, глубокая складка пролегла между его бровями.

— Проблема в том, что мы не знаем, насколько принципиально для него забрать Амину... Объективно ведь она не единственная дворянка, на которой он мог бы жениться. Так зачем надо пытаться дотянуться аж до Минбара, рационально ли это?

Центаврианин кусал губы, пытаясь оформить в слова набегающие мысли, чему

беснующаяся в крови ярость не очень способствовала. Отвык, так отвык он от традиций и обычаев своего мира, от прежней среды своего существования...

— Если только... Если только это не тоже часть кампании по созиданию имени. В самом деле, тот, кто не только сумел породниться со знатным родом, но и сумел вернуть невесту домой, указав Альянсу, чтоб не смел вмешиваться... обратит на себя внимание.

Президент кивнул — определённо, слова принца подтверждали его собственные мысли.

— Да, скорее всего, его расчёт таков. На руку нам то, что он-то тоже точно не знает, как далеко мы готовы пойти, защищая Амину Джани. Вряд ли у него есть роскошь располагать всем Центавром... Это всё очень гадко, принц. То, что государство вспоминает об отдельном человеке тогда, когда хочет его как-то использовать. То, что один человек сам по себе — недостаточная величина... Его жизнь, его потребности, его счастье... Одна только Амина Джани не стоит, конечно же, того, чтоб Центавр хоть в чём-то поступился своей гордостью, своими правами... А того, чтоб Альянс пошёл на принцип?

Винтами стиснул зубы. В самом деле, его ли соотечественников гневно вопрошать, неужели нельзя оставить в покое одну славную, никому не сделавшую дурного девушку? Он наивно полагал, что оставили в покое, забыли его самого... Наивности пора умереть. Дантория сделает всё, чтоб добиться возвращения невесты — тем более он сделает всё, чтоб устранить политического соперника. Не так уж легко заслать наёмных убийц в столицу Альянса, но когда путь к власти был лёгким? Теперь нужно, воистину, быть готовым ко всему...

— Я думаю, вы и не окажетесь в сложном положении. Моего слова им должно быть достаточно. Я всё же не последний человек на Центавре... Хотя то, что я не был там шесть лет, тоже может сказаться... Но ведь не искав её всё это время, они тоже, получается, подтвердили её право самой решать свою судьбу. Центавр не обеднеет от того, что одна его гражданка останется там, где ей хочется остаться.

Шеридан откинулся на спинку кресла.

— Надеюсь, что так... Хотелось бы вообще избежать скандала... Но вариантов у нас, честно говоря, немного. Решать, конечно, всё-таки ей, и ей не хотелось прибегать к радикальным заявлениям, вообще привлекать нездоровое внимание к своей персоне... но в крайнем случае, изобразив её мученицей за веру, мы могли бы добиться своего. Вряд ли Центавру нужна такая слава, а притеснения по религиозным мотивам — это уже аргумент, когда Альянс может вмешаться, и предоставить убежище на законных основаниях.

Винтари, в уме протраивавший возможные ходы Дантории и планировавший свои контрходы, воззрился на него недоумевающе.

— Господин президент... Вы сейчас о чём?

На лице Шеридана мелькнуло минутное замешательство, позже Винтари с улыбкой размышлял — легко ли помнить, кто о чём знает, кто нет? Он полагал, что ни один ум так не упражняется с юности, как центаврианский, в планировании слов и действий, но вряд ли он мог бы представить себя на месте Шеридана в те дни. Чего стоило уложить в голове малую часть из того, что открылось... Если б он знал, сколько открытий следует по пятам, он бы, наверное, меньше удивился в тот момент.

— Амина — последовательница учения Г'Квана, вы не знали? Едва ли ей на родине позволят свободно исповедовать свои принципы. Она не хочет прибегать к этому аргументу, считая веру делом сугубо личным, интимным, неподходящим для того, чтобы размахивать им, как флагом... Но если её попытаются забрать силой, если заберут — это так или иначе

откроется, такое надолго не скроешь.

— Вот оно что... — Винтари рухнул в кресло, потрясённый, — но ради всех богов — как? Как это может быть правдой, господин Шеридан? В то же время, вы не похожи на человека, который шутит на такие темы.

— Я был в шоке не меньше, чем вы, поверьте. Но, каким бы невероятным мы это ни считали — это факт. Когда мне пришло это сообщение, я вызвал её сюда. Она при мне читала это сообщение... весьма резкое и дерзкое по форме, кстати. Амина сильная и мужественная девушка, но есть ситуации, когда нервы не выдерживают у любого. Пытаясь унять её рыдания, я поднёс ей воды с бальзамом... лечебным бальзамом, Сьюзен привезла мне его с Земли... Содержание алкоголя в нём совсем небольшое, но Амина, машинально хлебнувшая, выплюнула, на лице её был неподдельный ужас. Я осторожно сказал, что, насколько знаю, сейчас здесь из неминбарцев категорически не употребляет алкоголя только одна категория, ввиду начавшихся священных дней Г'Квана... Просто, уж извините, центаврианин-трезвенник для меня примерно то же, что пак'ма'ра-вегетарианец. То есть, может, где-то и бывает, но наукой не установлено... Она сказала, что исповедует веру нарнов. Она сказала об этом Сьюзен, когда только приехала, Сьюзен сейчас, с её согласия, подтвердила это. Как ещё один из факторов, осложняющих ситуацию... Если вы в таком шоке — представьте, как отреагирует её семья. Для них она совершила двойное предательство — сбежала, да ещё и сменила веру.

Мир упорно отказывался обратно собираться в сознании в цельную картину, вертясь хаотичными яркими пятнами. А нужно было осознавать, соображать, думать, что делать. Как сберечь ту картину мира, которую выстроил здесь, собрал, как отсвет из пластин светильника...

— Не сменила... Если вы говорите, что она сказала об этом энтил'за сразу по прибытии — значит, она уже была... последовательницей Г'Квана... великий создатель, в таких случаях говорят: «Не думал, что доживу до такого бреда», но я-то точно ещё молод, чтобы... доживать... Я думаю, я должен поговорить с ней лично.

— Именно этого я от вас и хотел. Вместе, я уверен, мы найдём... Какой-нибудь выход... Все эти два года, что Амина провела здесь, она показала себя исключительно с хороших сторон. Способная ученица, дружелюбная и приветливая со всеми, всегда готовая помочь, всегда устремлённая к цели... Не было ни одного, совершенно ни одного, от самых строгих учителей, нарекания к ней. Если мы будем вынуждены отослать образцовую ученицу — это будет не лучшим примером в нашей истории. Но я не знаю, что творится в её голове, я не знаю её жизни... её внутренней жизни, того, что руководит её поступками... Поговорите с ней, Винтари. Я думаю, сейчас для неё будет особенно важно почувствовать поддержку соплеменника. Ведь вы поддерживаете её?

— Господин президент, я получил возможность жить здесь благодаря вашей доброте. А она — заслужила. Было бы несправедливо теперь, если бы она улетела, а я остался.

Дороги до Эйякьяна он почти не заметил, погружённый в размышления. К настоящему скверным вещам никогда не бываешь готов, это верно. Шеридан сказал, Сьюзен собирается отправить Эйякьянский отряд на плановые учения в сектор дрази, может быть, уже завтра — это позволит как-то оттянуть время... Какой закон победит — центаврианский, по которому браки заключаются без согласия молодых, или закон Альянса, по которому пришедшему не отказывают в помощи? Как далеко может простираться

решимость каждой из сторон? Что может заставить Данторию отступить?

Амину ему пришлось подождать — она в классе заканчивала какое-то задание с географическими картами. Он отметил с первого взгляда, насколько хорошо она держит себя в руках, как величаво спокойна, хотя веки, кажется, припухли...

— Вы уже знаете, не так ли?

Они зашли за крепостную стену, смотрели в сторону реки — где провели тогда беспечный вечер всем отрядом... И река взметала бриллианты брызг и их смеха, и он думал тогда, сидя на берегу — он не взял с собой, во что мог бы переодеться для купания — что издали Амину и землянку Лори в одинаковых купальниках можно спутать... Минбарцы, ввиду отсутствия необходимости мыться, в купании обычно не принимали участия, для них вода имела в основном ритуальное значение, но терпимо относились к причудам других рас. Сидели на берегу на песке, мужчины отпускали, видимо, какие-то остроты, женщины посмеивались... Каким же тёплым и славным был тот вечер...

— Знаю. Амина, если моё слово будет что-то значить — ты не уедешь отсюда.

— Ваше слово против его слова... я б не решилась тут делать ставки, принц.

Он взял её маленькую ручку — ладонь была горячей и шершавой от постоянных тренировок с денн'боком. Почему этому мерзкому созданию угодно было избрать себе в жертвы именно её? Почему ему непременно хотелось повыше, побольше — не только выгодно жениться, но и чтобы его имя прозвучало... Вернуть заблудшую дочь на родину. Доказать Альянсу преимущественное право Центавра. Да, в его игре годились все средства. Как же он отвык тут, отказывается, от правил этих игр.

— Я хочу, чтоб вы знали — если не будет другого пути, я подчинюсь и вернусь. Я не позволю, чтоб кто-то страдал из-за меня. Я вернусь и буду нести своё бремя с достоинством, и сделаю всё, всё от меня зависящее... хотя зависеть от меня уже почти ничего не будет, — она не выдержала и зарыдала, и он не мог осуждать её за это.

...Шаловливые волны тогда смывали отпечатки его босых ног — он подходил к самой кромке воды, решил, что непременно ещё искупается... Думал о том, что расово больше повезло земным мужчинам и даже Дэвиду, которые могли раздеться до плавок и с разбега врезаться горячими телами в бриллиантовую прохладу, смеяться, беситься, как малые дети, выделяться перед девушками, демонстрируя навыки плавания в различных стилях... Минбарец Леханн шепотком сообщил, что первое время случались курьёзы, потому что у некоторых рас в купании в обнажённом виде нет ничего постыдного, что привело, логично, к печали по нескольким утопленным полотенцам...

— Амина, это правда, что вы последовательница учения Г'Квана?

— Да. И я хочу сказать... Поймите, поверьте, главное, что я хочу сказать — я не буду прикрываться своей верой, чтобы остаться тут, это было бы некрасиво, но и не отрекусь от неё никогда. Я не хочу, чтоб вы подумали, чтоб у вас создалось впечатление... Это не причуда романтической натуры или что-то в этом роде, это не какой-нибудь синдром войны, о каких вы и я слышали. Это не потому, что я хотела бы... изменить то, что я есть... Я то, что я есть, в этом и во всём... Г'Кар говорил, что те, кто много говорит о вере, хуже тех, кто не говорит о ней вовсе. Пока меня никто не спрашивал — я не говорила, во что я верю, я не стремилась подавать свой голос везде, где бы звучали другие голоса. Но если б кто-то спросил меня — я б ответила, честно и ничего не стыдясь.

Он усадил её на камень и легко поглаживал её плечи, всё ещё содрогающиеся от всхлипываний.

— Поверь, Амина, я хочу сейчас слушать, а не говорить. Я хочу понять. Чистоты и искренности, подобной твоей, я ещё не встречал в своей жизни, и в другой ситуации я бы позавидовал Дантории, потому что нет большего благословения богов, чем иметь такую жену... Но я боюсь, он подобен глупцу, приобретающему реликвию для того, чтоб она лежала среди его прочего добра и скарба, не принося блага его душе. Скажи, Амина, почему ты избрала веру другого народа?

— Я не была с детства религиозна, принц. Как, пожалуй, и никто в моей семье не был религиозен. Я не искала бога, нет, потому что не видела его в сердцах тех, кто меня окружал. Я не знала иных понятий, чем те, что слетали с уст отца и матери, в молитвах пантеону нашего рода. Я привыкла к тому, что они молились... Но не могла молиться сама. Не могла, потому что мне было... стыдно. Я не могла всё время о чём-то просить богов, будто они были как мой отец для тех просителей, что ждали от него ссуды на строительство нового величественного особняка, который несомненно украсит облик города, или разрешения на переименование улицы, или пожертвования городскому театру — частицы своего достатка, которой он поделился бы с ними. Неужели боги нужны лишь для того, чтоб благоволить в банковских операциях, посылать благосклонность влиятельных лиц, укреплять наше тело, но не наш дух? О да, многие говорят: у нас кризис веры... я не понимала, что это значит — кризис веры. Как могут лики богов превратиться для людей в политические образы, имена богов — в другие имена для их страстей? Среди нас нет атеистов, но нет и истинно верующих, для которых бы молитвы не были бы чем-то сродни заговору, произносимому на всякий случай... Я много спорила об этом с отцом, любившим доказывать мне несостоятельность и нелепость религий других рас. Я не стремилась принижать нашу веру, я лишь говорила, что у неё нет оснований превозноситься. Я не принижала нашу веру... Потому что не могла понять, где здесь вера... Особенно дурно отец отзывался о нарнах, величая их примитивными язычниками, а их религиозные книги — полным бредом. Я не сомневалась, что он никогда не читал их. Я стала изучать Г'Кван в пику ему, чтобы аргументировано доказать ему, что он неправ... Увы, я могла найти Г'Кван лишь в переводе, на Центавре нет нарнских книг... Но я достала несколько переводов, выбирая наиболее качественные, опуская пропагандистские критические статьи, стремясь вычлнить именно сам текст. Мне было очень непросто — полного перевода нет, я до того, как попала на Минбар, не читала Г'Кван целиком... Но и того, что я прочла, хватило, чтоб... Откровение — оно всегда простое, Винтари. Я увидела, что в религии нарнов всё очень просто. Без вычурностей, без наносного. Благодарить за то, что жив. Благодарить солнце за то, что оно светит, землю за то, что даёт плоды. Благодарить бога за то, что дал разум, способность постигать красоту, слагать и петь хвалебные песни. Благодарить, не просить, понимаете? Не устраивать с богом торговых отношений, не низводить его до уровня лысоватого банкира, решающего, какую же ссуду тебе выделить. Бог разлит во всё, бог имеет тысячи имён, и ни одно не отразит его. Бог — это дар нам, всё то, что у нас есть. Это не противоречит ни любви, ни созиданию, ни труду, ни светлому помыслу. Почему так нельзя было говорить о Венцене, и Ли, и Моготе? Наверное, ведь можно. Благодарить — за изобилие, и любовь, и удачу, и каждый новый день, и каждое приятное воспоминание. И если просить — то о понимании, об очищении помыслов, о наставлении в пути. Я верю, что тут нет противоречия. Венцен, и Ли, и Могот, и Гон — всё это имя бога, и нет никакого смысла спорить, один он или их множество, никакого. Разница лишь в способе поклонения, в качестве отношения... Я прочитала там одну простую фразу, которая перевернула мой мир.

«Если ты принимаешь это сердцем — ты верующий». Я не готовила себя принять — я осознала, что приняла. Осознала, что верующая.

— Это твоей была та десятая корзина.

— Да, моей. Я была счастлива поучаствовать в этом обычае, потому что Праздник Даров как нельзя лучше отражает моё понимание... того, как надо верить... Радоваться Дару и стремиться делиться им. И я была счастлива, что мне удалось в тайне, как и полагается, принести свою корзину, и была счастлива получать от сослуживцев и от вас пироги из своей же корзины с похвалами, как они вкусны... Я готовила их с усердием и любовью, как самое важное религиозное действие. Потому что это не фимиам, бесцельно сжигаемый на алтаре, не золото храмов. Это дар от сердца сердцу.

— Амина...

— Я не вижу, почему, если я центаврианка, я не должна назвать правду правдой там, где её встречу. Будто мы должны поклониться богу только если он воссядет в славе на золотом троне в своём храме, а если встретим его в чужом краю на просёлочной дороге — так можно и мимо пройти. Мы все здесь принимаем часть религиозных практик минбарцев — потому что они полезны нам. Они не оскверняют нас, а очищают. Бог не обидится на это, как не обиделся бы добрый родитель, если, замерзая в дороге, ты сменишь ветхую одежду, что взял из дома, на тёплую, пусть и чужеземную. Всё, что помогает нам стать лучше — полезно... Г'Кван прочно вошёл в моё сердце, и всё, что я делаю по предписаниям Г'Квана, помогает мне продвигаться на моём пути.

— Даже... эта их церемония... как её...

— Праздник Г'Кван-Эд? Да. Знаете, за те два года, что я здесь... На первое празднование я опоздала, прибыв вскорости после него. Мне было грустно от этого, но это было не в моих силах. В прошлом году мы отмечали этот праздник всем лагерем — нарны сказали, что здесь все одна семья, и если хотим, мы можем присутствовать. Мы стояли внешним кругом, но и это было для меня... так много... Я вознесла хвалы в своём сердце — мне хотелось петь вместе со всеми, но голос не слушался, настолько меня переполняло счастье. И если сейчас меня заберут на Центавр — через две недели, когда солнце озарит священную гору, я проведу этот ритуал, пусть и буду единственной на всей планете. Потому что он важен для меня. Потому что это молитва благодарности. Потому что это свидетельство бодрости твоего духа. Потому что дым этого фимиама напоминает нам о том, что сами мы сгораем в жертвенном огне веры, посвящая себя богу — в благодарность за то, что он посвятил себя нам. Перед отлётом я попрошу Тжи'Тена о том, что очень важно для меня, и уповаю, он не откажет мне. Подарить мне семена священного цветка.

— Амина, ты понимаешь, что если это увидят на Центавре, увидят, когда ты будешь замужем за Данторией... Последствия могут быть... непредсказуемыми?

— Это уже будет не в моей власти. Я не иду со своей верой в храмы или на площади, или туда, где могу быть не принята. Но если они найдут её в потайных комнатах или в поле, куда я удалюсь — я не виновата. Я очень хочу остаться здесь, принц. Если б мне удалось убедить отца отказаться от этого брачного союза...

— Хочешь, я поговорю с ним?

— Правильно ли, если это будет делать кто-то за меня?

— Ну ведь твой брак они за тебя решили. Амина... — Винтари помолчал, собираясь с духом, — насколько я понимаю — хотя разумеется, могу быть не прав, потому что не вижу всей картины целиком... К тому, чтоб оставить тебя здесь, есть несколько способов.

Возможно, их охладит решительный отказ Шеридана и Ивановой, и не будут дальше ломать копыя... Возможно, тебе всё же следует во всеуслышанье сказать о своей вере — с вероятностью, тогда Дантория откажется от брака, такой славы ему не надо. Возможно... Он в любом случае не преуспееет, если у тебя уже будет другой жених. Здесь, на Минбаре.

— О чём вы говорите, принц?

— Мне тяжело это говорить, на самом деле... И ещё сложнее будет исполнить, учитывая характеры наших семей... Но я мог бы... сделать тебе предложение. Уверен, оно перекроет предложение Дантории для твоих родителей, всё же я пока второй претендент, а он третий, к тому же я родственник Турхана, а не он. С моей стороны... с частью моих дядей проблем не будет точно, другую часть, конечно, может не впечатлить фамилия Джани...

— Принц, зачем?

— Чтобы спасти тебя от отправки на Центавр и от Дантории в частности.

Амина посмотрела ему прямо в глаза.

— Разве вы любите меня, принц? Разве так должно звучать подобное? Разве мало вы встречали в нашем мире несчастья, что готовы прибавить к нему ещё и собственное?

— Почему ты считаешь, что я буду несчастен? Уже тем, что помогу тебе, я буду счастлив, браки в нашем мире совершаются по куда более идиотским поводам. В тебе я вижу женщину прекрасную, сильную, добрую, обладающую высокими моральными качествами. Если я и не буду любить тебя, я буду достаточно восхищаться тобой, чтоб полюбить тебя со временем, потому что ты объективно достойна этого. Но любя или не любя тебя так, как мужчина любит женщину, я никогда не причиню тебе никакого стеснения. Если моё имя может подарить тебе свободу — разве это не достаточный повод? Не это ли лучший путь для центаврианина?

— А как же ваша свобода, принц? Что же будет, когда вы встретите ту, которую полюбите?

Винтари рассмеялся.

— Возьму её второй женой, конечно. А кроме того — я дам тебе развод, как только попросишь. Но ты права, я идиот, я подумал лишь о себе... Что будет, если ты встретишь того, кого полюбишь, будучи замужней женщиной...

— А я уже встретила, принц. И... знаете, когда любовь озаряет вашу душу, даруя столь совершенное счастье и навсегда похищая покой... Когда это случится, вы поймёте меня. Одна часть меня в панике от одной только мысли, что я могу больше не увидеть его прекрасного лица, что чужие, мерзкие руки посмеют взять то, что предназначено лишь ему... Мне хочется, подобно той девушке из легенды, наложить на себя руки. Но другая часть меня знает, что всегда его светлый образ будет со мной, ничто не выжжет его из моего сердца. Моя гордость центаврианки предписывает мне быть сильной. Моя гордость рейнджера не позволяет мне сдаваться без боя. Моя вера требует от меня жертвы. И если я отправлюсь туда, где мне будет темно — я просто буду светить... столько, сколько смогу. Его свет поможет мне в этом. В любой неволе я буду продолжать делать своё дело — столько, сколько смогу. Я буду пытаться добиться хотя бы места учительницы. Я буду помогать всякому, нуждающемуся в моей помощи, всем, чем только смогу. Я по крайней мере, воспитаю порядочными людьми своих детей, если они у меня будут.

Винтами уронил лицо в ладони, пытаюсь охладить бросившийся в лицо жар — увы, и руки горели тем же огнём. Слишком много этого всего, слишком много пробудилось дремавшего... Разве не было этого пусть краткого мгновения, когда, любяясь изящным

профилем Амины, слушая её весёлый голос, распекающий его за допущенные в тексте ошибки, он думал — может быть, вот она, настоящая любовь? Нет, наверное, такого мгновения не было. Страшно об этом думать, страшно представлять такую любовь. Перед ней, намного более низкого рода, чем он, к кому он имел право обращаться без всяких уважительных эпитетов, он чувствовал слишком большой трепет. Полюбив её, он никогда не посмел бы признаться в этом, как если б это он был бедным провинциальным аристократом, а она — принцессой. Да, глядя на энтил'зу и её мужа, на Табер и её возлюбленного, он не решился бы признаться в любви рейнджеру. Это слишком серьёзно, это слишком хрупко и интимно. Это именно то, где центаврианин, призванный брат от жизни всё, должен остановиться и спросить себя: достоин ли? Заслужил ли? Чем можешь оплатить? Ничем и никогда. Неужели любовь должна быть такой — без права на признание, без права быть вместе?

— Это звучит прекрасно, Амина, если б мы говорили хотя бы просто о Центавре, а не о Дантории. Я имел сомнительное счастье немного общаться с ним и его семьёй. Он не позволит тебе «позорить его имя», работая учительницей. Он просто запрет тебе в доме. В богатом особняке, в золотой клетке. Приставит к тебе сотню слуг, готовых не спускать с тебя глаз. Он не позволит тебе сорить его деньгами, жертвуя их на сиротские приюты и школы для бедных. Поверь, он и твоими собственными деньгами, твоим приданым, тебе не позволит сорить. Он не позволит тебе ни одного действия, необходимого для твоих религиозных церемоний. И едва ли он допустит, чтоб твоё влияние на детей было достаточным. И как считаешь, кто из твоего рода сможет решиться вступить за тебя? Твой отец, известный своей мягкостью и неконфликтностью, или твоя мать, полагающая, что именно так всё и должно быть устроено в семье, а может, твои сёстры, счастливые в браке главным образом потому, что мужья купают их в золоте?

Девушка сникла.

— Но что же... Что же мне делать...

И это прекрасно, боги, прекрасно, что они не влюблены друг в друга. Если б единственные на Минбаре центаврианин и центаврианка полюбили друг друга — это было б слишком пошло. Снова его оценка женщины вошла в противоречие с центаврианской традицией, показав чувство возвышенное и лишённое даже намёка на эротику. Восхищение, уважение, сочувствие, приязнь — без желания обладания. И свежесть этого чувства не сравнима ни с чем.

— Убивать себя — не вариант точно, от смерти потом так просто не вылечишься. Ты рейнджер. Не сдавайся, дерись! Докажи Дантории, что он недостоин тебя, что если ты и выйдешь замуж не по большой любви — так уж точно не за него. И ... откройся ему.

— Кому?

— Да уж не Дантории. Тому, кого ты любишь. Ты подобна цветку тлол, что большую часть своей жизни держит свои лепестки плотно сомкнутыми, будто сросшимися. Ты скрываешь свою веру, и ты скрываешь свои чувства. Но знаешь ли ты, что однажды и цветок тлол распускается, и тогда его чудный аромат далеко разносится за пределы сада? Кто знает, как сложится. Быть может, это будет твоей последней возможностью рассказать о чувствах. Это как ночь перед боем, Амина. Есть лишь этот миг.

Приняться снова за работу не получалось никак — мысли и эмоции не давали. Всё то, что он узнал, и в большей мере то, чего он пока не знал, что только смутно угадывалось за

разрозненными фактами. «На Центавре что-то происходит»... На Центавре всё время что-то происходит, и хоть бы раз что-то хорошее. Не стоит и спрашивать, как вообще там узнали, где сейчас находится Амина, если её имя пока не успело прогреметь по вселенной, вообще лагерь Эйякьян ничем не выделяется в ряду других кроме того, что находится возле Тузанора. Не стоит и спрашивать, откуда сведения о происходящей на Центавре подковёрной борьбе. Разведка. Чего стоит разведка для миров, которые практически не контактируют между собой, тоже не надо объяснять. И это естественно, коль скоро стороны едва ли могут ожидать друг от друга приязни и дружелюбия. Нет, отсюда он видит несомненным, что Альянсу делать нечего, как нападать на Центавр, а вот оттуда многие вещи видятся иначе. Вот если подумать — а почему проблемную новобранку оставили здесь, а не услали куда-нибудь на дальние рубежи, которых и на карте-то не найдёшь? С одной стороны — в центре, под боком, её убереечь легче... Только вот анлашок — не то место, где кого-то берегут. Может быть, резонное допущение, что Амина с её жалостной историей — разведчик Центавра? Держи друга рядом, а врага ещё ближе... А может, чтоб её саму использовать для получения сведений о Центавре? При её простодушности, она и ненамеренно выдаст всё... Тогда главный вопрос — простодушна ли Амина. Сколько общего с реальностью имеет его впечатление о ней как о девушке умной, но слишком искренней и честной? а сложившееся впечатление о Шеридане, Ивановой, Альянсе в целом? Недостойно центаврианина так говорить, быть может, но если это впечатление ложно, то лучше умереть с этой иллюзией вместе, чем пережить её смерть.

Если б Амина была хитра, она б ухватила за его предложение. Что там, любая нормальная центаврианка на её месте ухватила бы за него с визгом восторга! Трона ему, может, и не увидеть, ну так и синица в руках, как говорят земляне, не дурной вариант — солидное состояние и в перспективе управление колонией тоже завидный куш для дочери главы маленького городишки... Кого б там ни любила Амина, он совершенно точно иномирец, и даже если это землянин — для Центавра это гарантированный скандал. Возможно, кому-то и нужен скандал...

Но скорее — прав он, отходя от привычных шаблонов восприятия. Иногда бывает так, что цели, проблемы, потребности одного человека, его одинокая, отчаянная борьба удачно ложится на волну общих исторических процессов, вскрывает противоречия, дошедшие до критической точки ещё до его рождения, и служит не удобным поводом для тех или иных сил, хотя и это тоже, а спусковым крючком для выстрела, который всё равно должен был однажды прозвучать... И как ни пытается разум избежать, ускользнуть от этой темы — приходится признать, ты не можешь отменить неизбежное, ты можешь только определить своё отношение к нему.

Удивительно ли, что они с Дэвидом всё больше стали понимать друг друга, всё ближе становились по мере его взросления? Можно сказать, связаны круговой порукой преступления — оба жаловались на недостатки своих миров и закрывали глаза на сомнительное поведение друг друга. Правда, для Дэвида Земля мир второй и необязательный, а вот теперь уже второй претендент на трон Центавра показал себя как совсем не патриота...

Ну и Нарн с ним, если честно. У него своё понятие патриотизма, и в нём не прикрытие очевидных недостатков, а отчаянное сопротивление им — естественная реакция патриота. Те, кто хвалит Центавр таким, какой он есть, кто пытается скрыть и замолчать то, от чего вся их несчастная родина стонет непрерывным стоном — те, видимо, на враждебные

державы как раз и работают. Раз хотят, чтоб величие Центавра оставалось глупой, пустой фразой, вызывающей усмешку у своих и чужих...

Винтари беззвучно рассмеялся, оформив в голове эту мысль. Опасная грань, да... Но кажется, он её уже перешёл. Когда решил, что будет служить величию родины так, как сам считает нужным. И если его осудят, заклеят, проклянут за это — что за беда, для сына проклятого императора? Есть особая сладость в том, чтоб поддержать чужих, а не своих, встать под сенью флага Альянса, с распущенными, без гребня, волосами. Амина останется здесь. Останется. Даже если весь Центавр будет против... полно! Двор — это не весь Центавр.

— Вы здесь, Диус? Или... я не вовремя нарушил ваше уединение?

Хорошо, что это Дэвид. Очень хорошо. Кому-то другому было б сложно объяснить, но их давно сроднило то, что сложно говорить взрослым, мудрым, патриотам своего мира.

— Очень вовремя. Я как раз думал о том, что... помните, первое время я постоянно пытался обратиться к вам как... к равному по рангу, так скажем. К счастью, вы не посчитали, что я пытаюсь вас проклясть.

— О чём вы?

— Не важно. Теперь я думаю, что вам повезло в сравнении со мной. У вас есть Земля, которую вы ненавидите, и Минбар, который вы любите. У меня есть Центавр, который я и люблю, и ненавижу разом.

— Не всё так просто, Диус, но если вы видите это так, пусть будет так.

Не так это, конечно. В этой же беседе было уже несколько их разговоров, когда Дэвид рассказывал о своих обидах на земной мир, а он — о своих, на родной. Об этом, надрывном и больном, говорить почему-то становилось всё легче и легче. Но тяжелее говорить о... лёгкой обиде на несбывшееся. В самом деле, куда проще было бы всё, если б они любили друг друга. О, десяти тысячам Данторий было б его не остановить, он как дрался бы как безумный за такую девушку. Но теперь его останавливает то, что кто-то есть в её сердце, и это не он. Первые месяцы здесь — вот не слышал этого Арвини — бывало непросто. Юности в их мире — пора развлечений, порой безудержных, разнузданных, однако все слова мудрого старика запоздали. Тогда, когда органы под тонким минбарским покрывалом тёплыми летними ночами свивались, как сумасшедшие змеи — в чём центаврианину проще, чем землянину, знал он, так это в возможности самоудовлетворения — быть может, они возымели бы эффект. Тогда временами на него накатывала безумная лихорадка, и знай он тогда об Амине — верно, это было б непреодолимей притяжения магнита, это виделось бы судьбой. Разве не прекраснейшей романтической историей это могло б быть, разве было б хоть одно сердце, которое она б не тронула? Но Амины не было тогда в его мире, и пожалуй, это скорее хорошо, чем плохо. И он, после быстрой, чисто механической разрядки принимался за работу — за языки, за практику чтения или словари... Медитации, конечно, ерунда, это для минбарца медитация спасение, а центаврианину нужна деятельность. И теперь он способен постичь счастье, всё ещё неведомое многим жителям его мира — жажду видеть женщину не любовницей, а другом. Этого Дэвиду пока не понять, просто по возрасту.

— Диус, я рискну предположить, о чём вы думаете. Правда, я мало знаю об этом, но невозможно совсем ничего не знать. Я... я очень хочу верить, что войны между нашими мирами не будет.

— Дэвид, побойтесь своих богов, о чём вы говорите. Какая война!

— Это не так уж смешно, если честно. Для войн порой достаточен любой малый

предлог, говорит история многих миров... На самом деле, конечно, я хотел спросить — если Амина уедет, можете ли вместо неё стать учителем центаврианского для рейнджеров. Но сказал вот это...

— Амина учит рейнджеров центаврианскому языку?

— Языку, культуре, всему... Только вы могли б делать это вместо неё. Это очень важно, вы должны понимать, ваш мир столько времени был в изоляции, и неизвестно, сколько ещё будет, и чего будет стоить возведение мостов с нуля, если... если это затянется надолго?

— Я предпочитаю не рассматривать пессимистичные сценарии. Полагаю, Амина будет продолжать заниматься, чем занималась.

В голосе, наверное, уверенности было больше, чем внутри, но теперь непременно нужно сделать так, чтоб... Пусть это и покажется кому-то шагом против собственного мира, но пока сердце говорит, что это верный шаг — он будет твёрдым.

— А если бы... всё же случилась такая война? Что было бы тогда, Дэвид?

Он часто вспоминал потом эти сверкнувшие чистым безумием глаза, думая — не безумием ли он сам называл то, что их сроднило? Не сам ли он помогал взращивать безумие?

— Тогда я запру, свяжу, спрячу вас... но не позволю отправиться на эту войну. И сам стану вашим сторожем.

— Забавно... Нет, я знаю, что вы ненавидите войну. Но... Вы ведь помните, что вы сын военного?

— Помню. Очень хорошо помню.

Винтари как раз совещался с Шериданом по поводу его планируемого письма Дантории — поскольку Амина прямо и категорично не отказывала ему во вмешательстве, он решил всё же прибегнуть и к этому средству, и в достаточно резкой и непреклонной форме потребовать от Дантории «оставить в покое девушку, которую он планирует сделать своей невестой».

— Планировать и сделать — это ведь не одно и то же, так, господин Шеридан? Я выражаю намерение — и если Дантория сохранил остатки рассудительности...

В этот момент в кабинет вбежала Амина. Лицо её настолько ярко светилось радостью, неподдельным счастьем, что Винтари невольно встал, дабы приветствовать эту новость стоя.

— Всё разрешилось, господин Шеридан, ваше высочество! Разрешилось так, как мы и не ожидали... Совершенно правы те, кто говорит, что вселенная устроит для нас путь, если только быть честным и непреклонным в выбранном пути... Они оставят меня в покое. Я не нужна им больше. Как оказалось, я — незаконнорожденная!

— Впервые вижу, чтобы этому так радовались, — пробормотал Винтари, садясь.

— Но ведь это действительно чудесно! Какой-то недруг Дантории, да украсят боги его дни всеми благами, решил расстроить его брак, для чего взялся раскапывать скандальные тайны. Ну, о самом Дантории копать было уже неинтересно... и он взялся за меня. Уж не знаю, как он это сумел раскопать... Семейной тайной было то, что я дочь своего отца, но не своей матери. Тайной от меня в том числе... Отец в письме сейчас объяснил мне. Это было тогда, когда их с матерью отношения переживали глубочайший кризис. Отчаявшись преодолеть эту холодность, отец решил, что брак этот, несмотря на наличие двух моих сестёр, уже не спасти. Он уехал по каким-то делам в колонию, а по возвращении собирался развестись. Мать, хоть и не любила отца, отчаянно не хотела терять статус. И она сообщила

ему, что беременна, хотя это и не было правдой. Она планировала купить ребёнка у каких-нибудь бедняков, хоть на время, но обман сработал бы. Но вышло даже лучше — умерла при родах служанка, с которой отец, уставший от холодности матери, состоял в любовной связи. Мать присвоила её ребёнка — то есть меня — выдав за своего. Верные ей слуги и врачи покрыли обман. После моего рождения отношения их потеплели, возможно, я напоминала отцу свою настоящую мать... Подозрения у отца возникли лишь через несколько лет. Дело в том, что по материнской линии в семье моей приёмной матери наблюдался специфический недуг — в возрасте от 12 до 16 лет с ними всеми, со всеми девочками, случались приступы длительных обмороков. Так было с моей матерью, и её матерью, и её сёстрами, и моими сёстрами. Но этого так и не случилось со мной. Отец встревожился, гадая, не означает ли это, что меня ждёт что-то ещё более страшное... Он пригласил других врачей меня обследовать... И постепенно выяснил правду. Он простил мою приёмную мать, потому что успел полюбить её, а от меня предпочёл скрыть правду. Теперь же, когда этот... доброжелатель... раскопал правду и предал гласности... Дантория, конечно, сказал, что не желает связывать своё гордое имя с ублюдками, и потребовал объяснений. Отец заявил, что это клевета, в которой есть лишь доля правды. Что моя мать потеряла только рождённого ребёнка и жестоко горевала из-за этого, и он принял в дом сироту, чтобы утешить её горе, и воспитал её как собственную дочь, что удочерение произведено по закону и я полноправный член рода Джани. И что теперь, конечно же, даже если Дантория принесёт извинения, он ни за что не даст согласие на мой брак с человеком, который поверил гнусной сплетне, и впредь будет тщательно и пристально изучать любого кандидата в мужья для своей приёмной дочери, потому что напрасно, как дворянин, считал, что каждый человек с именем есть человек с честью. Ещё и взыскал с Дантории и его доброжелателя приличную компенсацию... Я полагаю, ко мне ещё долго никто не посватается. И я не потребуюсь ещё долго никому из них... — Амина перевела дух после своей быстрой речи, и вдруг опомнилась, густо покраснела, — простите меня, пожалуйста, за то, что вывалила это всё на вас! Ворвалась, как неразумное дитя, да ещё и... о таком... Моя нескромность непростительна!

— Ничего в этом нет страшного, — улыбнулся Шеридан, — ты высказала то, что было у тебя на сердце, потому что не могла не поделиться... Потому что мы ведь не чужие тебе. Откровенность, в горе или в радости, сближает и очищает. Тебе нечего стыдиться, что бы ни происходило в твоей семье более двадцати лет назад — это дело прошлого, а ты живёшь здесь и сейчас. Здесь и сейчас, где не имеет значения, сколько веток на твоём родословном древе, а имеет значение лишь, кто ты сама. К тому же, твой род мастерски отразил нападки клеветников и проявил мудрость, избавив тебя от союза с недостойным. Быть может, не всё безнадежно в ваших отношениях? Ты ведь планируешь теперь поговорить с ним?

— Да. Я собираюсь сделать это сегодня, он обещал позвонить... я хотела бы просить вас присутствовать. Потому что вы, это правда, не чужие мне.

Когда состоялся сеанс связи с Центавром, Винтари встал поближе к Амине — чтоб её отец видел его, чтоб, если они там всё ещё колеблются — это тоже могло послужить аргументом... Кроме него и Шеридана, в комнате присутствовали зет Рикардо и Тжи'Тен.

— Моя дорогая дочь... — голос пожилого центаврианина был тих, но Винтари мог поклясться, что в нём не было ни раздражения, ни тем более презрения, а скорее усталость, — наконец я вижу тебя, хотя бы на экране... Я должен многое тебе сказать, и не

знаю, смогу ли... Я готовился к этому разговору долго — и всё равно не чувствую себя готовым... Я должен признаться тебе, что я, всегда последовательный в своих решениях и поступках, здесь претерпел слишком много... метаний и сомнений, испытал слишком много противоречивых чувств. Когда ты сбежала... Первое время я просто злился. Твоя мать могла бы подтвердить, нечасто можно увидеть, как я мечусь по дому, кричу и топаю ногами, но тогда был именно такой случай. Я был разгневан — и потому решил не искать тебя. «Ну и пусть уходит из нашего дома эта недостойная! — сказал я, — пусть, если так мало ценно для неё всё то, что я ей дал, пропадёт там в неведомых краях, погубит свою жизнь... Не стану ей мешать!» После того, как злость схлынула, меня охватила тоска... Ты всегда была светом моей жизни, Амина. Цветком весны в осени моей жизни, отрадой моей старости. Не каждый отец бывает так счастлив, любясь, как растёт его дочь, радуясь её красоте и талантам. Ты знаешь, в жизни для меня было лишь две цели — благо моего города и благо моей семьи. Моего большого гнезда и моего малого гнезда. Я не считал, что должен замахиваться на большее, решать судьбы, вести народ... Каждый должен делать своё дело, кто-то большое, кто-то малое. Но я не считал, что моё дело — забота о моём городе и о моей семье — это мало. Это те кирпичи, из которого строится благополучие всего мира, и качество каждого кирпича определяет качество стены. И охваченный тоской, я всё спрашивал себя, в чём же была моя ошибка, что я сделал неправильно, или чего не сделал, что ты так поступила... И признаюсь, моё согласие на твой брак с Данторией было продиктовано, в немалой степени, желанием, чтоб он нашёл и вернул тебя, чтобы мы наконец смогли поговорить. Это было недостойной слабостью с моей стороны — что я не хотел заниматься этим сам, не хотел отступить от своей гордости... Сейчас я думаю о том, что, говоря, что ты погубишь себя, едва сам не погубил тебя ещё вернее и хуже... Сейчас, моё дорогое дитя, я хотел бы послушать, как ты там, какова твоя жизнь вдали от родного дома.

Амина вышла вперёд, молитвенно стиснула руки на груди. Винтари заметил в её глазах слёзы — так она была взволнована.

— Отец, ты знаешь, мне всегда хотелось служить и быть полезной. Быть полезной родному дому, быть полезной Центавру... Такой ты меня родил и воспитал, и я не могу быть другой. Я не хочу, чтобы ты или кто-нибудь думал, что я ушла потому, что не хочу быть центаврианкой, что выбросила родину из моего сердца. Нет, другие, возможно, пусть так думают... но только не ты. Не бывало утра, когда бы я проснулась без мыслей о тебе и родном доме. Но иногда быть всего полезней можно, будучи вдали от родного дома. Мне повезло стать анлашок, членом организации, о которой во вселенной ходят восторженные легенды. Я горжусь тем, что я первая центаврианка в их рядах. Каждая похвала в мой адрес — это похвала и Центавру тоже, тебе, воспитавшему меня, земле, которая меня вскормила. Всё, что я приобретаю здесь — я приобретаю и для Центавра, для всего мира. Да, я не вышла замуж, как ты того хотел, огорчила тебя, нарушив твою волю... Поверь, мне так хотелось, чтоб ты однажды понял меня. Быть может, я и проявляю излишнюю амбициозность, не подобающую роду Джани, но мне было мало того, что мне могли дать там, я желала знаний, желала действий. И сейчас я хочу и дальше, как все эти два года, представлять наш мир в анлашок, и если однажды беда подойдёт к родному порогу — хочу быть в первых рядах тех, кто сможет дать отпор, защитить.

— Моё возлюбленное дитя... Нет, наверное, отца, который не был бы разгневан и огорчён, когда нарушают его отцовскую волю. Но нет, пожалуй, и такого отца, который не был бы горд за ребёнка, достигшего успеха. Проявившего настойчивость и волю. Я слышал,

что служить в анлашок трудно... И я долго не хотел этого признавать, но я горжусь тобой. Конечно, мне хотелось бы видеть тебя здесь, дома, живущей по нашим правилам и традициям. Мне не хотелось бы слышать о своей дочери, что она ослушница и отступница... Но если мы делаем только то, что нам позволено, в чём нам готовы помочь — велика ли наша доблесть, наша ли это доблесть? Ты поступила вопреки — и преуспела. Так может быть, ты и в самом деле будешь полезней там, будучи голосом нашего мира и примером того, насколько сильны и мужественны могут быть центавриане?

Шаг вперёд сделал Рикардо.

— Позвольте мне сказать... Я руководитель отряда, в котором состоит Амина Джани, и могу вас заверить — у меня было немало, конечно, поводов для гордости среди учеников, но сказать вам, что Амина — один из таких примеров, я б не мог. Амина — это в большей мере не моя гордость, а... ваша. Гордость учителя — суметь обучить трудного ученика, преодолеть барьеры непонимания, страха, комплексов, свойственных молодости. Амина не такова. Она с радостью и энтузиазмом берётся за любое задание, рутинные дела не вызывают у неё скуки, а сложные — протеста. Она сочетает в себе любознательность с дисциплинированностью и исполнительностью, что с точки зрения учителей, поверьте, просто подарок. Она обнаружила потрясающие способности к языкам, что позволяет ей, в частности, оказывать неоценимую помощь принцу Винтари в его трудах, а её дружелюбие и отзывчивость служит прекрасным примером для остальных членов отряда. В отряд входят представители разных рас, он один из самых пёстрых по составу, и очень важно найти то, что всех бы объединяло. Сейчас всех объединяет тревога за Амину и желание, чтобы она осталась с ними. Несомненно, вы могли б гордиться своей дочерью, если б она вернулась на Центавр и, как примерная центаврианка, вышла замуж и заботилась о семье. Но такие дочери есть в каждом роде. Однако гораздо больше вы можете гордиться первой центаврианкой-рейнджером, которая сумела стать образцом в отряде и примером для других представителей рас. Такая девушка есть только в роде Джани.

— Отец, я хотела бы быть твоей гордостью, а не твоим позором. Конечно, если ты настоишь на моём возвращении, на моём замужестве — не за Данторией, конечно, а пусть и за самым достойнейшим из центавриан... Мне ничего не останется, как подчиниться. Но в большей мере, чем даже тебе, я подчиняюсь долгу, зову своего сердца, и если смирение моё порадует тебя, то моё следование долгу — едва ли. Следование своей вере и своей любви. Я полюбила, отец, полюбила горячо и на века, как бывает, когда пленяешься не красотой лица, а красотой души, когда тот, кого ты любишь, един с тобой в деле жизни и вере... И любой, кто стал бы теперь моим мужем, получил бы лишь моё тело, но не мою душу. Конечно, ты можешь сказать, что это в целом нормально и жертвовать личным во имя общественного...

Пожилой центаврианин прервал её.

— Дочь моя, теперь ты меня послушай. Мне важно было послушать тебя, прежде чем сказать то, что скажу. Для нашего разговора император Моллари выделил мне непрослушивающийся канал, и времени у нас не так много... Он был, честно говоря... не вполне в ясном сознании, и не всё из того, что он сказал, я понял... Но если император сказал, что это важно — я должен подчиниться. Он сказал, что не может говорить прямым текстом... Что я, как отец, если дорожу жизнью дочери, должен изыскать любые причины, чтобы она не вернулась на Центавр. Чтобы не только семья, но и никто другой не вздумал требовать её возвращения. «Пусть окажется, что она умерла, сменила пол, беременна от нарна — что угодно, что лучше, чем то, что ждёт её здесь. Потому что даже я не смогу

гарантировать её безопасность — они не допустят, чтоб хоть один рейнджер ступил на эту землю» — так он сказал. Не спрашивай меня, кто такие эти они — я сам этого не знаю. Я только знаю, что если кто-то или что-то угрожает самому императору, так что он в приватной беседе не может сказать всего, что хотел бы — значит, опасность, нависшая над нами, серьёзнее, чем все дворцовые склоки и подковёрная борьба за власть. И приехав сейчас на родину, Амина, ты погибнешь, но родине не поможешь. А оставшись там, можешь помочь. Выясни, что происходит...

— Как я выясню, если вы там, а я здесь?

— Ты рейнджер, у тебя есть доступ к информации, к которой нет доступа у меня. Император, хоть и не мог говорить прямо, дал несколько намёков-ключей. Он сказал: «Скоро наследнику будет шестнадцать. Это должны видеть. Есть те, кто способен видеть. Жаль, что я тогда не смог выпить с Шериданом». Я не знаю, что это значит. Ещё он сказал: «То, чего нет у нарнов и чего скоро не будет у нас. Чего нет подле меня, хотя должно быть». И сказал так же: «Их высочество помнит, что сделал некогда его отец и что сделал я. Он должен понять, что у господ остаются слуги». Так вот, я поручаю тебе, Амина, разобраться, что всё это значит, и найти способ помочь Центавру. В том, что император Моллари — да, стар, да, злоупотребляет спиртным, но никак не сумасшедший — я уверен. Я никогда до сего дня не был во дворце... Но уж точно не думал, что он произведёт на меня столь тягостное впечатление. Впечатление, как будто сами стены недобро наблюдают за тобой... Я никогда в жизни не видел призраков, дитя моё, но думаю, даже призрак покойного предыдущего императора не мог бы... создать такую атмосферу... Разве что была бы сотня таких призраков. Амина, я объявлю теперь, что позволяю своей дочери находиться на Минбаре и учиться в анлашок. Более того, император велел, чтоб принц Винтари прислал свою книгу лично мне, и я займусь её изданием... пока я это могу. Вскоре они доберутся до этой записи... Доверенные люди перемонтируют её, избавив от всех нежелательных упоминаний, секретность разговора будет объяснена лишь шепетильностью ситуации и защитой чести древнего рода. Но я всё равно попаду под прицел, и тогда едва ли смогу много... Но если до тех пор я смогу устроить так, чтобы ещё хотя бы один молодой центаврианин покинул Центавр и присоединился к рейнджерам — и это будет хорошо. Чтобы вы вернулись, когда будете знать, что делать... Если же на меня начнут давить, требуя твоего возвращения, я поспособствую обнародованию причин, которые заставят их отступить, и это должно быть что-то посерьёзнее того, что ты не дочь твоей матери. Скажи, Амина, ты что-то упомянула о вере... Ты прониклась местным духом? И кто твой избранник? Он человек, минбарец?

— Он нарн, отец. Но я не понимаю...

— Это годится. Итак, я буду вынужден признать, что моя дочь оставила нашу веру и традиции и обесчестила своё имя с нарном. После этого формальные поводы к твоему возвращению отпадут сами собой. Ты очень помогла мне — ты обеспечишь, чтоб мои слова не были... пустой клеветой... Чтоб они оказались постыдной тайной, вышедшей наружу, только тогда им поверят. Пусть род Джани и будет подвергнут позору — но это даст вам необходимое время... Ради спасения империи можно пожертвовать честью рода. Это самое малое, что я могу сделать.

— Отец...

Губы старого центаврианина дрожали. Тжи'Тен опустил голову — похоже, тоже скрывая наворачивающиеся слёзы.

— Не думал я, что так повернётся, моя дорогая. Но сейчас именно то время, когда мало

значат наши желания. Я думаю о том, что мне придётся сказать много скверных, жестоких слов о тебе, и сердце моё заранее обливается кровью... но я должен, Амина. Возможно, это последний мой откровенный разговор с тобой, дочка. И я хочу, чтоб ты знала — я благодарен твоей матери, леди Лукусе, за то, что она сделала. Сам я не посмел бы... А она подарила мне высшую радость — позволить тебе вырасти дворянкой, получить образование, подарила нам объятья друг друга... Я люблю тебя и горжусь тобой, дочь моя.

Когда сеанс связи был окончен, долго царила тишина. Все пятеро сидели вокруг стола, погружённые в хаос мыслей.

— Я ждала, что отец не поймёт меня, осудит, проклянёт... — нарушила наконец тишину Амина, — не ждала я его... радости... такой.

Лицо Тжи'Тена было сосредоточенным и хмурым.

— Если сам Моллари поручает тебе быть здесь, но при том не может дать прямого объяснения даже твоему отцу... Что же там происходит? Не то, чтоб поведение центавриан не казалось странным все эти годы... да оно всегда было странным... Но эта изоляция, делящая годы, никто не допускается в их мир и почти никаких контактов не имеют они сами... мягко говоря, неестественно для расы, вечно всюду совавшей свой нос. Или у них проблемы... или у нас скоро будут проблемы.

— Мы не вмешивались, потому что никто не просил нашей помощи, — молвил Рикардо, — но это-то — уже призыв о помощи... Завуалированный, но тем и страшней. Насчёт проблем — ситуация с Центавром такова уже много лет, а пока всё тихо. Чего они ждут? Три загадки императора... Ответ, как я понимаю, должен быть один?

— Как он сказал? «Скоро наследнику исполнится шестнадцать»... Кого он имел в виду? Их высочеству давно уже больше шестнадцати лет, другим претендентам тем более.

— Я думаю, господин Шеридан, имелся в виду ваш сын Дэвид. Вы, верно, заметили, что центавриане склонны специфически воспринимать Альянс как галактическую империю, а вас как императора, и поэтому, видимо, порываются называть его принцем... Когда так машинально назвала его Амина, он вспыхнул: «Да вы что, все такие?»

— Но это бред! Что он наследует? У нас выборное правление. Я пытался это объяснить Моллари в ту нашу последнюю встречу, когда он... — выражение лица Шеридана менялось на глазах, — вручил подарок Дэvidу... На шестнадцатилетие...

— Может быть, ответ — в подарке?

— Видимо.

Шеридан помотал головой, словно отгоняя дурную мысль.

— Не верю, что Лондо... мог желать зла моему сыну...

— Он — наверняка, нет. Вы ведь слышали, он не мог говорить напрямую.

— Он сказал: «Это должны видеть. Те, кто могут увидеть». Что это значит? Что это, что не каждый может увидеть? Он сказал тогда, что Дэвид должен вскрыть сосуд, будучи один. Значит ли это, что мы должны нарушить это условие?

— Может быть, в сосуде отравляющий газ?

— Меня беспокоит вторая загадка, — подал голос Тжи'Тен, — «чего нет у нарнов и чего скоро не будет у нас». Что он имел в виду? Чего у нас нет? Не волосы же он имел в виду.

— «Чего нет подле меня, что должно быть». Мало ли, что это может быть... Ну не имел же он в виду, что у него так и нет ни императрицы, ни наследника.

— «Их высочество знает, — Винтари нервно покусывал губу, — что сделал я и что

сделал его отец». Что объединяет Моллари и моего отца кроме сана императора?

— Картажье стал императором после кончины Турхана, и совместно со своими приспешниками... сделал много, чтоб остаться в истории не с лучшим именем. Развязал войну едва ли не со всей вселенной, заключив сотрудничество с Тенями... Вернее, заключил его, как выяснилось, ещё Моллари...

Тжи'Тен просиял.

— Вот оно! Вот оно, что сделал Моллари и что сделал Картажье, что их объединяет! Оба служили Теням! Но ведь Тени ушли за редел, вместе с другими Изначальными, так какая разница, кто кому когда-то служил? Больше у нас этой пакости нет, это главное. Если всё время поминать прошлое — так никогда мира не будет.

Голубые глаза Рикардо встретились с алыми.

— Он говорил: «У господ есть слуги». Одних таких слуг мы знавали довольно тесно. Флот дракхов был разбит наголову в финальной битве в секторе Земли, когда была побеждена чума дракхов... Но был ли это весь их флот? Плюс, дракхи ведь наверняка были не единственными слугами Теней. Как раз перед тем, как Центавр ушёл в эту изоляцию, когда регент воспользовался технологиями Теней, чтобы... чёрт... Я знал, я чувствовал, что история на этом не закончена. Эти блоки дистанционного управления — не единственное... Где б этому наследию сейчас быть, как не на Центавре?

— Я не знаю, если уж говорить о Тенях, — снова подал голос Винтари, — верно ли предположить... То, чего нет у нарнов — это телепаты. Будучи ещё на Центавре, я слышал — об этом не говорилось, конечно, прямо, но слухами земля полнится — что телепаты многих именитых родов, приближенных ко двору, были убиты. Кто-то казнён по надуманным обвинениям, кто-то просто устранён тайными убийцами... На это не обращали особенного внимания, во времена Картажье лилось много крови. Но и при Моллари этим родам не было позволено взять себе новых телепатов. А это уже явное нарушение традиций. Почему, если Теней больше нет? Кроме того, император Моллари — уже второй император, при котором нет лидера — четырёх прислужниц-телепатов, по обычаю сопровождающих императора всюду. Последним императором с лидера был Турхан. Картажье нарушил эту традицию, потому что сотрудничал с Тенями, боящимися телепатов как огня. Почему его линию продолжил Моллари? Да, те лидера, что служили Турхану, были убиты по приказу Картажье... Но он даже не отдал приказа о поиске новых детей-телепатов, которые в будущем могли бы быть лидера. Почему?

— Тогда всё сходится — потому что на Центавре осталось что-то из наследия Теней. Что-то, что телепаты могут обнаружить и, возможно, обезвредить. Как всё это связано с шестнадцатилетием Дэвида — не знаю, и честно говоря, не очень хочу знать. Предпочёл бы, чтоб эта угроза перестала существовать гораздо раньше.

— Вот что, Амина. Это теперь ваша личная война. В кратчайшие сроки помогаете Винтари заканчивать его книгу, пересылаете её отцу... Это важно сделать до того, как на него там обратят нездоровое внимание. И к книге присовокупите всю имеющуюся у нас информацию по дракхам — весь доступ Иванова тебе даст, я распоряжусь... Больше стоило б надеяться на нелегальные каналы, но пока есть хоть какие-то легальные — надо пользоваться. Пока книги принца там печатаются — в безобидных сказках ничего угрожающего не усматривают — могут пропустить и что-то... уже не столь безобидное. Кроме того, надо подумать, как переслать на Центавр вакцину от чумы дракхов — центавриане единственная раса, которая не была от неё вакцинирована. На всякий случай

просто... Мало ли, какой сюрприз могут выкинуть эти «они»... Я не знаю, насколько это реально — доставить сразу большую партию, да ещё и распространить...

— Об этом я позабочусь, господин Шеридан, — хлопнул ладонью по столу Винтари, — Арвини, торговец, до сих пор имеющий беспрепятственный доступ во все миры, прибывает на Минбар через неделю. Я поручу ему это. Он очень стар, но думаю, не откажется послужить империи... по-настоящему... Дадим ему столь крупную партию, какую он только сможет увезти. Его грузы обычно не привлекают пристального внимания.

— Хорошая идея, Винтари, я сам думал о том же. Недели нам как раз хватит, чтобы собрать нужное количество вакцины, необходимую информацию...

Винтари не сводил с Шеридана глаз. Он видел сейчас — словно вдруг помолодевшего, подобравшегося перед сражением, готового броситься на защиту воззавшего о помощи — того самого человека, выигравшего войну Теней, и в груди у него закипала звериная нежность.

«Просто всегда будь... Я всегда буду рядом с тобой. Идти за тобой, идти по твоему слову... Я всё для тебя сделаю... Отец...».

— Когда Арвини прибывает в наш мир в следующий раз?

— Ну, обычно его рейсы нечасты, но если сделать ему какой-то заказ... То хоть через неделю обратно.

— Нет, привлекать внимание не следует. Следующую партию Арвини заберёт не с Минбара, а, скажем, из сектора аббаев.

— Но позвольте вопрос, господин Шеридан... Вакцину ведь нужно адаптировать под каждую расу, разве нет? Откуда же у вас вакцина, адаптированная под центавриан? Ведь тогда, когда бушевала эпидемия, Центавр почти не имел контактов с вашими мирами...

— Однако те, кто хотели сотрудничать, находились, принц. Несколько мелких торговцев, пара солдат из колонии Кутор... Кроме того, всё это время на Минбаре был один центаврианин.

— Кто?

— Ваш первый посол, принц. Тот самый, кто отказался от гражданства Центавра и сбрил свой гребень, оставшись жить и прислуживать при храме Дома Майра. Узнав о чуме дракхов, он вызвался добровольцем для испытания вакцины для своего народа. И вакцина оказалась действенной. Вскоре после этого он скончался — он был уже стар, и эксперимент подорвал его здоровье.

Винтари почувствовал, что количество шокирующих новостей за последнее время было чересчур велико.

— Великий создатель... На родине его клеймили, считая предателем и сумасшедшим... А он отдал жизнь за свой народ. Как сказал доктор Франклин: «Камень, отверженный строителями...». Эти слова следовало бы высечь на надгробии этого великого мужа.

Ркардо грустно улыбнулся.

— На его могиле был разбит кристалл, создающий свечение... В храме, где он служил, его почитают почти за святого — когда шла война Теней, когда на Центавре царил мрак, он много ночей простаивал в молитве, говорят, его слёзы прожгли следы в плитах храма.

— Следовало не молиться, а поехать на Центавр и оторвать голову моему отцу... Простите. Что теперь об этом. Но перед ним, перед его светлой памятью мы теперь тоже обязаны изгнать тьму с родной земли.

— Амина, ступайте. Передадите моё распоряжение энтил'за и Деленн. Чем раньше мь

начнём, тем лучше.

— Да, господин президент.

— Рикардо, думаю, имеет смысл послать ваш отряд на тренировку в тот сектор космоса, где у нас сейчас есть всё для реконструкции боёв с дракхами. Последними их тактику отработывали, кажется, ллорны... Свяжитесь с ними, пусть всё подготовят. Ну и... особые части по-прежнему на тебе. Надо бы шевельнуть этот вопрос.

Когда дверь за Аминой закрылась, Тжи 'Тен вымолвил:

— Странная штука — вселенная... Мы думаем, что путь наш хаотичен и случаен, а она приводит нас туда, где мы должны быть. Амина металась, желая лишь вырваться из тисков аристократической неволи... А теперь она спасает Центавр. Меня, конечно, интригует вопрос, кто тот нарн, из-за которого она отвергла авансом всех благородных центавриан, которым может придти в голову постучаться в двери её отчего дома... Ведь ему нужно будет... поддержать её в трудный час, чтобы сделать их союз... ну, несомненным для Центавра...

— Ну, судя по тому, что ты это спрашиваешь — Амина таки решила отложить объяснения до совсем уж драматического момента. Я полагаю, — усмехнулся Винтари, — то есть, готов поклясться своим гребнем, что это ты, Тжи'Тен.

— У вас нет гребня, принц.

— Потому и клянусь.

— Эти центавриане... их невозможно понять!

— Ну... просто тебе я ещё согласен уступить такую девушку. Кстати, теперь-то ваш круг примет последовательницу Г'Квана как равную? Я уже сам с нетерпением жду этого вашего праздника, мне не терпится выпить с Аминой за выход моей книги.

Арвини сделал своё дело как нельзя лучше. Этот пожилой центаврианин вовсе не рвался в герои и предпочёл бы, конечно, прожить конец своей жизни так же тихо, как её всю. Но он был торговцем, а торговля очень страдала от режима изоляции. Узнав, что за происходящее есть с кого спросить ответ, он был рад оказать посильную помощь. Книга Винтари разошлась большим тиражом, под такое настроение два из издательств перевыпустили две предыдущие книги Винтари — очерк по истории контактов Минбара с другими расами — большая глава там была посвящена Центавру, позже Винтари планировал предоставить по этой теме проработанную монографию, и сборник летописных сказаний периода Валена. Информация о дракхах, надо думать, тоже имела распространение — на сей счёт Арвини ничего определённого сказать не мог.

Первая партия вакцины отправилась на Центавр. Арвини обещал подключить к делу так же племянников — по торговым делам они бывали в разных уголках планеты и могли собирать информацию.

— Начало положено... Теперь остаётся ждать. Формального повода для вмешательства у нас по-прежнему нет, и геноцид телепатов сюда тоже не приплетёшь, данных слишком мало. Если Арвини удастся организовать толковую агентурную сеть и мы получим доказательства, в идеале — живого сбежавшего телепата... Тогда может быть...

Винтари скучать и тревожиться становилось всё более некогда. Кроме переводческой деятельности — сейчас он переводил несколько книг по центаврианской истории для Минбара, до сих пор эти издания не имели переводов вообще, так как и на Центавре по причине «антипатриотической позиции», то есть, критичности и объективности, имели

малое распространение, но сам он со студенческих времён сохранил их в личной библиотеке — его подключили к преподаванию центаврианского. Его учениками были не эйжкьянские рейнджеры, и он много бы отдал за то, чтоб узнать, откуда вообще такие. Насколько открытыми и общительными были эйжкьянцы, настолько замкнуты и странноваты — эти юноши и девушки, к тому же были это исключительно земляне, а ни один рейнджерский лагерь не был абсолютно однообразен по составу, хотя бы одного иномирца включали всегда. Порой, он должен себе признаться, от общения с молчаливыми, словно бы вечно погружёнными в себя молодыми людьми у него по спине продирает холодок. Впрочем, учились они прилежно, хотя особых педагогических талантов он за собой не чаял.

Под конец года их ждали и другие организационные проблемы — смена энтил'за. Винтари узнал об этом уже как о свершившемся факте. Впрочем, и Шеридан, пожалуй, тоже. Иванова поставила его перед фактом своей отставки, вызвав для разговора к себе в резиденцию.

— Мне стыдно возвращать пост Деленн, ей и своей работы хватает. Я сама подберу себе замену, до конца года это будет сделано. Ты знаешь, я никогда не ставила личное выше общественного, никогда б не поставила — так я думала. Ничто из возможного не заставило б меня так поступать — но случилось невозможное.

— Понимаю... Точнее, ничего не понимаю. Если тебе требуется отпуск, всё-таки три ребёнка это сложнее, чем два... То отставка — это слишком радикально. Ты прекрасно справлялась все эти годы, и лучше тебя на этот пост я не могу никого сообразить. Есть что-то, чего я не знаю?

— Дети тут ни при чём, Джон. Да, есть кое-что, чего ты не знаешь... Я не думала, что появится что-то, что потребует... куда больше моего времени. Всё моё время, возможно. Прости, что не сказала тебе раньше. Просто не знала, как. Я сама говорила, что пост энтил'за — это то, что можно оставить только ногами вперёд. Будь у меня двадцать детей, это мало что изменило бы. Видимо, жизнь решила хорошенько проучить меня за самонадеянность.

Она сделала ему знак следовать за ней. Вглубь дома, к запертой комнате, где, он слышал, кто-то тихо возился. Переступив порог, Шеридан невольно зажмурился, привыкая к неожиданной темноте.

— Извини, но она не позволяет никакого света. И не позволяет мне отлучаться от неё куда-то дольше, чем на полчаса. Я даже помыться нормально не могу, только ионный душ.

Вглядевшись в дальний угол, Шеридан разглядел на матрасе в углу скрюченный силуэт женщины. Кажется, она смотрела в его сторону.

— Кто это?

Такого горестного вздоха он не слышал от Ивановой уже давно...

— Помнишь, меня неделю назад вызывали в колонию Кита? Мне сказали, там есть нечто, что... нужно увидеть именно мне. Я была, мягко говоря, озадачена, но всякое ведь бывает. Ты, может быть, помнишь, слышал, что через Кита проходили маршруты эвакуации во время войны с Пси-Корпусом? Её нашли на одной из покинутых баз Пси-Корпуса. В нижних, подвальных помещениях, где у них были... лаборатории. Там всё было разворочено взрывом, и доступ к нижним этажам был запечатан намертво, потому, видимо, их и не забрали при бегстве корпусовские — просто не смогли, не успели туда пробраться. Её и ещё семерых выживших выкопали оттуда спустя семь дней, чудо, что они уцелели. Да, чудо... те,

кто был ближе к обвалам, погибли, и сдаётся мне, им больше повезло. Все эти люди... Тех, остальных, смогли идентифицировать. Это были подпольщики, бойцы Сопротивления, отловленные агентами Корпуса и... Думаю, ты представляешь себе, во что они превратились. Трое умерли вскоре. Четверых забрали родственники, друзья — кто-то, кто мог о них позаботиться. Её не забрал никто — никто не смог установить, кто она такая, все файлы базы были уничтожены. Она сама... тем более не смогла помочь. Меня предупредили, что она совершенно слепа, и полностью утратила рассудок. Она не говорила ни слова, только иногда кричала. Думали, что говорить она и не способна. Но однажды при ней кто-то произнёс имя Сьюзен... Кажется, так звали одну из сиделок. Она закричала: «Сьюзен, да, Сьюзен!» — это единственное, что от неё слышали с тех пор... членораздельного, то есть... Но не общаясь речью, она общалась по-другому. Говорили, с ней рядом с самого начала было тяжело находиться, она посылала в мысли присутствовавших совершенно невообразимые кошмары. И вот однажды, очередной сиделке, она послала мой образ... Сиделка узнала меня, и связалась с анлашок. Джон, когда я её увидела... Когда я подошла к ней... Она вцепилась в меня мёртвой хваткой, я поняла, что без неё уехать не смогу, просто не получится. Все, в общем-то, хотели того же — там не могли ей помочь. «То, что с ней сделали, у нас не умеют лечить. Может быть, на Минбаре ей помогут». Джон, это был сложный выбор, но я не колебалась. Я должна сделать всё, чтобы помочь ей, моей Таллии.

Шеридан снова посмотрел на женщину — теперь он разглядел её лучше. Незрячие глаза смотрели безумным, страшным взглядом. Что ни говори, человек никогда не бывает готов к встрече с призраками прошлого, тем более — с такими. Из всех воскресений из мёртвых это — одно из самых кошмарных.

— Сьюзен, то, что тогда произошло...

— Сьюзен! — простонала женщина.

— Я здесь, милая, всё хорошо, — Иванова шагнула к женщине, погладила её по сухим седым волосам, та вцепилась в её мантию и уткнулась в её колени, — я помню, Джон. Это не её вина. То, как с ней поступили... Мы все залечили раны тех лет, насколько смогли. Пора бы сделать то же и для неё.

— Я знаю, Сьюзен. Я понимаю тебя. Но... возможно ли это? Я знаю, что если человек верит во что-то — преступно отнимать у него эту веру... Но если все твои усилия будут напрасны... Не убьёт ли это тебя?

— Я буду делать столько, сколько потребуется. Я её слышу, Джон. Я всё время её слышу. Это впервые, когда я так кого-то слышу, после мамы. Дети не в счёт... Я её вытащу. Клянусь. Чего бы мне это ни стоило, вытащу.

Итак, с начала следующего месяца анлашок возглавил Маркус — Иванова решила далеко не ходить с подбором замены, и выбор её был логичен — всё же Маркус, несмотря на семилетнее выпадение из жизни, стаж и опыт имел колоссальные, к тому же, живя с ним в одном доме, Иванова всегда могла быть в курсе происходящего. Винтари потребовалось, конечно, некоторое время и необычный экскурс в прошлое, чтобы понять, что вообще произошло и почему всё так непреодолимо и трагично. Он подумал бы первым делом, что таинственная больная — сестра Ивановой, если б не слышал не единожды, что у неё был только брат. Суть и причину этой странной привязанности ему было сложно постичь, с учётом истории взаимоотношений телепатов и нормалов на Земле (и то, что он слышал об этом на Центавре, вводило его в немалый шок, а после одного разговора с Дэвидом, о тех

самых его обидах на вторую родину, он решил узнать об этом побольше), но он понял главное — больной и физически, и психически необходимо постоянное присутствие именно Ивановой. Сиделку тут не наймёшь, сиделок у неё уже много было, и ломать психику ещё одному человеку было б бессмысленной жестокостью. Незащищённый мозг нормала не выдерживает ментальных атак больного сознания. Да, выглядит это всё бессмысленным и безнадёжным, но что тут можно предложить? Прервать страдания больных тела и души? Такую мысль если кому и допускать, то самой Ивановой. Конечно, воспринимались эти неожиданные пертурбации в такой непростой, нервный период, как особая злокозненность богов. Но увидев, что Шеридан успокоился, перестал переживать и Винтари. Нормальный ход подготовки не нарушился, волнения среди рейнджеров улеглись достаточно быстро... Что подтверждает догадку о том, что готовиться на самом деле начали задолго до. И это не странно, любой нормальный человек с минимумом дальновидности пришёл бы к этой мысли — что неестественная самоизоляция Центавра чревата неприятными сюрпризами. И даже смутно предполагать, какими. Слова императора всего лишь внесли некоторые уточнения... Полной ясности, конечно, не наступило, и наверное, не наступит ещё долго, так что и остаточная нервозность долго не пройдёт. Но Винтари уже нашёл от неё средство — довериться и работать. Прав он или ошибся — время очень скоро покажет.

==== Часть 2. ДЖАТИЛ. Гл. 1 Наследник =====

Комментарий к Часть 2. ДЖАТИЛ. Гл. 1 Наследник

Небольшое предисловие ко второй части.

Начиная отсюда, мы с Саша Александер работали уже, можно сказать, в соавторстве. Нет, каждый писал своё произведение сам, но сюжетно они взаимосвязаны, и в процессе мы совещались по тем или иным вопросам. Саша Александер выложит (если выложит) своё, будут добавлены ссылки.

Ссылки на иллюстрации (к сожалению, как ссылки, похоже, не работают, можно только скопировать в отдельную адресную строку...)

Андо Александер, коллаж авторства Саша Александер

<http://img843.imageshack.us/img843/3413/23680988.jpg>

Год начинался достаточно спокойно. Новости с Центавра приходили, правда, реже и в меньшем объёме, чем хотелось бы. В общем-то, главными источниками информации об обстановке стали прибывшие ближе к весне два юноши — кандидаты в анлашок, Иржан Каро и Милиас Нерулия. Как и Амина, они прибыли без какого бы то ни было официального ведома, но с негласного благословения своих семей. Одному только исполнилось шестнадцать, другому скоро должно было — восемнадцать, происходили они из соседних провинций и роднило их главным образом то, что обе семьи, существенно пострадавшие при Картажье (подверглись репрессиям за неосторожно высказанную оценку государственной политики и наличие в роду не приёмных, а собственных телепатов, род Каро в этой связи даже был сослан из столицы в провинцию) недавно потеряли основных кормильцев — отцы юношей были арестованы и их судьба на данный момент была неизвестна. В ожидании формирования новой команды они были в немалой степени препоручены заботам Амины — которая, отлетав сколько-то с тренировками отряда в космосе, была оставлена в Эйякьяне чем-то средним между старшим отряда и младшим учителем — в частности, помогала

новоприбывшим подтягивать языки. Для них, правда, она явно была вполне полноценным учителем и вообще предметом восторгов, они забавно обращались к ней с кучей уважительных эпитетов, ходили по пятам и всячески заглядывали в рот, чем невероятно смущали её и смешили Рикардо.

— Натурально, как птенцы за мамкой!

Прибывший весной с очередным визитом Арвини принёс будоражащие новости. Император Моллари скончался, отец Амины, с которым он как раз на днях снова встречался, взят под стражу, но чётких свидетельств, что Они напали на какой-то след диверсионной деятельности, пока нет. Само собой, новость была на полустихийном совещании у Шеридана повесткой дня.

Винтари вспоминал, как сперва робел, заходя в этот кабинет... Нет, он и сейчас робел, но по-другому. Всё здесь стало до странности родным и... Если раньше эти стены, эти стеллажи, эти голографические проекторы и сам льющийся в окна свет как бы спрашивали его: «Что ты здесь делаешь?», то теперь как бы говорили: «Пришёл дело делать? Смотри, делай хорошо!» У него было за этим столом своё место, у него был свой голос в этом собрании...

— Сейчас в верхах, надо думать, будет традиционная неразбериха и делёж власти, со сведением счётов и припоминанием старых заслуг и обид. Что позволит нам, надеюсь, многое успеть, пока их внимание направлено на другое.

— Смотря чьё — их. Если они убрали Моллари, пронюхав про его сговор с Джани...

— Это ещё не факт. Император болел не первый год, его смерть сейчас могла быть и совпадением. Проблемы с малым сердцем у него были ещё на «Вавилоне»... А Джани могли обвинить, допустим, в его отравлении просто по старой доброй традиции, им для этого никакая логика и не нужна...

— Печально, если он за это время не смог организовать хорошую агентурную сеть... Нельзя не сказать, они работают быстро... Сможет ли Арвини вывезти ещё кого-то с Центавра, как того хотел Джани? Думаю, мы узнаем больше после официального заявления...

Рикардо повернулся к Винтари:

— Кстати, ваше высочество, разве, в создавшейся ситуации, вам не логично быть на Центавре?

— Да-да, передо мной сейчас стоит та же проблема, что и перед семейством Джани — как поделикатнее отмазаться. Видите ли — конечно, логично, что я полечу туда и приму участие в грызне за власть. Ещё более логично, что под этим предлогом я смог бы осуществить кое-какую разведку... Вот только я не настолько наивен, чтоб полагать, что силы, грозившие смертью Амине Джани, выпустят живым автора книги о рейнджерах. Чтс бы мне придумать? Заболеть, посвататься к Тжи'Ла?

Шеридан улыбнулся:

— Официального заявления пока не было, официально вы и не знаете о кончине императора. Да кстати, и не факт, что официальное заявление вообще будет, учитывая нынешнюю общительность Центавра. Если б не хоть какие-то сохранившиеся торговые связи, мы б запросто могли не узнать, даже если б они вымерли всей планетой. Ну, а если преемником Моллари изберут вас...

— Надеюсь, что нет...

— ...То вас и тут найдут. Ведь Моллари о его избрании сообщили, когда он был на «Вавилоне».

Официальное заявление последовало через три дня. Вир Котто объявил, что император Моллари был найден скончавшимся вместе со своим телохранителем Г'Каром. После пышных похорон и траура совет министров объявит, кто станет новым императором.

— Пышных похорон? Интересно, они и Г'Кара собрались хоронить на Центавре? Часом, не в одной могиле похоронят? Или всё же свяжутся с его семьёй? Это, возможно, позволило бы нам заслать соглядатаев...

Шеридан погасил экран.

— Не знаю. Но скоро сюда прибывает наследник Г'Кара...

Не всякой короткой обыденной фразой можно поразить слушателей так.

— У Г'Кара был наследник?

— Я сам в шоке. Семья Г'Кара была убита во время второй центаврианской оккупации и другой у него, насколько я знаю, не было. Но утром мне звонила На'Тот с повелением встретить сына Г'Кара. Дату и подробности обещала позже.

— Загадочно... Хотя, если он скрывал сына — я вполне понимаю мотивы, которые могли его на это побудить. Но теперь-то бедному парню точно не избежать общественного внимания...

Ночью Винтари долго не спалось. Он думал обо всём сразу — о происходящем на Центавре, о их новом «заговоре света», о надвигающемся шестнадцатилетии Дэвида... Минимальная возрастная граница для приёма в анлашок достаточно размыта, ввиду разных порогов совершеннолетия в разных мирах. Не вступит ли он в их ряды сразу после дня рождения? Конечно, он сможет навещать его в Эйякьяне, но... Кто знает, что ждёт их впереди, может быть, война с неведомым врагом за освобождение Центавра... Если так, им придётся расстаться — он должен быть в авангарде... А может, ему тоже вступить в анлашок? В этой ситуации уже ничто не было бы слишком диким...

Но ему ведь снова снились сны, которые он склонен был считать вещими — он в рубке огромного центаврианского крейсера, он капитан этого корабля... Сложно было сказать, вёл ли он за собой огромный флот, или же крейсер этот был в составе флота, ведомого кем-то другим, но было ощущение, что никого нет впереди, что великая миссия лежит именно на его плечах...

Что ждало его, по сюжету этого сна — праведная война или неправедная? Может быть, на бой с дракхами он вёл этот корабль?

«Прошу тебя... молю тебя... Будь со мной как можно дольше, позволь мне впитать это солнце. Не дай мне свернуть с правильного пути...»

Чем Винтари всегда восхищался — это их умением организовать встречу торжественно и в то же время ненавязчиво, просто. Сын Г'Кара на своём пути на Минбар посетит «Вавилон-5», там его встретит Зак Аллан, у которого как раз в это же время дела на «Вавилоне», а уже по прибытии сюда их в порту встретит Маркус и доставит сюда, в резиденцию. Без лишнего шума — это ни к чему сейчас... И здесь будут преимущественно лишь близкие. Те, кто знал Г'Кара. Кто будет рад видеть его сына и выразить ему поддержку в эту тяжёлую минуту.

Весь этот день, когда Шеридан руководил приготовлением второй гостевой комнаты (выяснилось, что гость прибывает не один, а в компании друга), не забывая отдавать распоряжения и по другим вопросам и поминутно бегать к каналу связи, Деленн о чём-то совещалась по видеосвязи с Рикардо и эйякьянскими учителями — кажется, нарнская часть Эйякьяна живо интересовалась, когда и как они могут увидеть удивительного гостя, Дэвид помогал Райелл на кухне, а Винтари ходил из комнаты в комнату, обстановка, взволнованные разговоры не беспокоили его... Может быть, потому, что причины для волнений он находил свои. Винтари размышлял, как сложится эта встреча, и лично у него оснований для радостных предчувствий не было. Едва ли нарнский юноша отнесётся спокойно, увидев его здесь. Да, война давно закончена, да, политика Альянса требует не поминать обид, не растравливать ран, а вместе строить будущее. Но можно ли требовать от этого молодого нарна, чтобы он пожал руку сыну центаврианина, который бросил в тюрьму и пытал его отца, который столько зла причинил его миру? Вот он, например, совсем не был уверен, что смог бы оставаться спокойным в присутствии тех людей, что сторожили Шеридана в застенках Кларка, не говоря уж о кларковских палачах... Да если он сейчас вцепится ему в глотку — его можно понять... Сперва Винтари хотел предложить не присутствовать при первой встрече. Но потом решил, что бежать и прятаться будет недостойным. Он должен лично принести извинения этому юноше за действия своего отца. Пусть он в них не виноват никоим образом, конечно. Для них это значимо, у них сын отвечает за отца — значит, он сделает это.

К назначенному часу все собрались внизу. «Солнце и луна» — думал Винтари, любуясь Шериданом в парадном президентском мундире и Деленн в торжественном жреческом одеянии. Благородная седина в их волосах, морщины у их глаз щемили ему сердце и вместе с тем заставляли трепетать от уважения. Сам он с некоторым трудом уговорил себя всё же одеться в мундир для парадных выходов, а вот гребень поставить... забыл. Возможно, потому, что было как-то откровенно лень. Да слава богу, здесь и некому осудить его за это.

— На'Тот так и не звонила больше?

— Увы, нет. Мне с ней связаться не удалось, кажется, у неё какие-то неотложные дела... Ничего, не думаю, что возникнут какие-то проблемы.

— Ну, если не считать того, что я не знаю даже имени, по которому должна обратиться...

— Всё, что я сам успел узнать о сыне Г'Кара — он воспитывался в колонии Драс, в обычной военной школе, а на Минбар отправлен для обучения.

— Обучения? — вскинулся Дэвид, — в анлашок? Должно быть, мы поступим вместе, может быть, даже попадём в один отряд.

— Этого На'Тот не говорила. Сказала, мы всё поймём при встрече.

— При встрече... Чего они там мудрят? Почему она хотя бы имя не назвала, неужели это тайна?

Прошло, должно, быть, около получаса, как пришёл вызов от Маркуса, с сообщением, что гости встречены и они все вместе направляются в резиденцию.

— Ну слава богу, доехали.

— Интересно, он похож на Г'Кара? — шептал рядом Дэвид, — мой ровесник... Подумать только...

Дверь отворилась. Винтари, да и остальные, потом размышляли о превратностях судьбы — если б первым они увидели того, кто шёл вторым, спутника их гостя, они бы обознались

— и не были бы так шокированы в первый же момент.

Приветственная речь замерла на устах Шеридана. Нет, ошибки быть не могло — вошедшего сопровождали Маркус и Зак Аллан.

Ну да, от шеи это, в общем-то, был нарн... Нарнское воинское одеяние смотрелось на долговязой фигуре почти гармонично. Но юноша не был нарном. Он был человеком. Высокий, очень загорелый, с небрежно собранными в хвост рыжими волосами, с тревожными голубыми глазищами, смотревшимися на обветренном лице просто огромными. Человек? Землянин?

— Вы... — попытался наконец выдать Шеридан.

— Г'Андо, сын Г'Кара, — выговорил юноша на земном, но с очень сильным акцентом, — другое имя Андо Александер. А вы, должно быть, Джон Шеридан?

— Да... — слова давались президенту с явственно зримым трудом, — добро пожаловать на Минбар, будьте гостем в моём доме... Вы сказали — Александер?

— Во имя Валена, — охнула Деленн.

Молодой человек сделал шаг... Потом бросился к Шеридану — только плеснули по ветру рыжие волосы, стиснул его руку.

— Джон Шеридан... я так счастлив наконец с вами познакомиться. А вы — Деленн... А вы... — молодой человек натолкнулся взглядом на Винтари, пытаюсь, видимо, сообразить, кто он такой, — вы их сын... Нет, не Дэвид...

Винтари покачнулся, чувствуя, что падает, и наощупь нашёл плечо Дэвида. У него было такое ощущение, словно в его потайную комнату, куда никто никогда не входил, ворвался чей-то взгляд. Именно так — ворвался, пронёсся ураганом, и ничто не ускользнуло от него.

Никакой обычный взгляд невозможно так чувствовать. Он словно был изнутри и снаружи этого взгляда, он понимал, что его видят. Он понимал, что видят.

— Простите... конечно, это вы — Дэвид... — донёсся до него голос откуда-то издалека.

Внутри, в голове звучал другой голос. И сложно было сказать, что он спрашивал. Но он против воли вызывал в памяти то надменное лицо леди Ваканы, то смеющийся ласковый взгляд Деленн, когда они обсуждали юмористические стихи и басни, которые тогда пытался переводить Винтари, то лицо Картажье, склонившееся над детским манежиком — улыбающееся, почти счастливое, но такое пугающее лицо, то запыхавшегося, вспотевшего Шеридана с бадминтонной ракеткой в руках, и ту оборванную на полукадре фантазию — медленно кружащийся за окном то ли земной, то ли минбарский снег, мерцающая сказочными огнями рождественская ёлка, и они с Дэвидом...

«Так кто ты?»

Винтари никогда раньше не чувствовал вторжения чужого сознания в своё. Может быть, его кто-то когда-то и сканировал — ведь не знал же он всех телепатов Центавра поимённо, и не все они носили какие-то знаки отличия, лидера были скорее исключением, чем правилом — но делали это определённо более аккуратно.

— Андо, — Винтари ухватился за донёсшийся до него голос Шеридана, чтобы немного успокоить кручение-верчение тайной комнаты в его голове, — ваше... другое имя, оно мне знакомо... Как и ваше лицо. Кто ваша мать?

— Вы правильно поняли, господин Шеридан. Я сын Литы Александер. Я знаю, вы помните мою мать. И моего отца. Моего другого отца.

Освобождённый от ментального контакта, Винтари сидел на стуле и пытался прийти в себя. Ладони Дэвида, стискивающие его руки, обжигали до кости. Телепат. Этот юноша —

телепат. Очень сильный... И совершенно не контролирующий свои способности. Вот так пройти, словно стен вообще не существует... На миг дольше — он смог бы, может быть, считать всего Винтари, всю память, всю суть, все мысли, все движения души.

— А говорят, на Нарне телепатов нет...

Голоса беседовавших слышались сплошным неразборчивым гулом — так он был оглушён голосом внутри. Только голос Дэвида прорывался сквозь пелену шока.

— Он нарн не по рождению. Его мать — Лита Александер, телепатка с Земли, помните, мы много говорили о... той истории?

— Помню. Героиня войны Теней, единственная, кто побывал в мире ворлонцев — разве я мог такое забыть? Но я не знал, что у неё были дети...

— Три дня назад мы не знали, что у Г'Кара был сын, — неловко улыбнулся Дэвид.

— Но это не может быть их общий ребёнок, нарны и люди не...

— Конечно, нет. Вспомните, мы говорили и о том, что было после. О войне с Пси-Корпусом, и что привело к этой войне... О Байроне. Он был возлюбленным Лить Александер. Тогда, отбывая с Г'Каром в совместное путешествие по космосу, она унесла под сердцем их ребёнка. Он родился во время этого путешествия, а когда Лита через два года вернулась, чтобы продолжить свою вендетту Корпусу, и погибла, Г'Кар усыновил её ребёнка и поселил его в колонии Драс. Андо — гражданин Нарна, он вообще никогда не видел других людей... да и представителей других рас. И понятно, он не умеет контролировать свои способности — его просто некому было этому научить. Потому он и прибыл на Минбар — чтобы учиться у наших телепатов.

Конечно, Винтари помнил, хотя возможно, хотел бы не помнить. Это был один из очень надрывных, драматичных разговоров, когда он без слов понял — это то, о чём Дэвид мало с кем может говорить. Только с семьёй. О чём ему тяжело говорить, потому что семье он хотел бы дарить только радость. В этот момент Диус ощутил, как одно из самых странных откровений своей жизни, что нужен этому мальчику. Братья нужны друг другу. Братья могут поделиться тем, чем не хочется огорчать, тревожить сердца родителей. Можно удивляться, как задела этого ребёнка чужая трагедия, произошедшая ещё до его рождения — но это если не знать впечатлительную, не терпящую несправедливости его натуру. «Земля — гнездо розни и ненависти, — с гневом говорил он тогда, — это ли не лицемерие — протягивать руку дружбы другим расам, когда друг другу они веками были чужими, врагами? Ненавидели другие нации, другие религии, потом для ненависти у них появились телепаты... Быть едиными они могут только против кого-то! Это грешно, это ужасно, но когда я впервые услышал об этом — я подумал, почему же все они не вымерли от дракхианской чумы, быть может, этим они искупили бы свои преступления... Я не знаю, как мне суметь раскаяться в этой мысли, а без этого моя душа никогда не будет чиста!». И хотелось возразить, что это всё в прошлом, а жить нужно будущим... но знает ли он это наверняка? И хотелось возразить, что грехи, если на то пошло, есть и у минбарцев... Но тысячу лет действует закон Валена, и хотя исключения по-прежнему бывают, но насколько отношение к ним несравнимо с отношением в любом другом мире!

— Почему же мы не знали ничего об этом?

— Вероятно, так было нужно. Вы сами можете представить, как определённые силы на Земле... могли быть заинтересованы в нём. Да и быть наследником Г'Кара не очень безопасно для жизни.

— Действительно...

Винтари наконец смог сфокусировать взгляд на встревоженном лице Дэвида.

— Вы в порядке, ваше высочество?

— Думаю, уже да.

Только всё ещё вспыхивали перед глазами огни рождественской ёлки. Огни «Старфьюри» Шеридана в тот их первый полёт. Огни далёких звёзд, к которым он снова тянул доверчивые детские руки.

— У меня есть имя, Дэвид. Не зовите меня высочеством... даже при других. Не после... всего, чем мы делились друг с другом.

Вечером, не в силах совладать с настойчивыми мыслями, Винтари постучался в комнату Дэвида.

— Вы не спите?

— Нет. Столько впечатлений...

— В общем-то, у меня то же самое.

Винтари прошёл в комнату, в сиянии разноцветных призм ночника выглядящую так маняще уютно. Сколько вечеров прошло здесь, под этой мягкой искусной иллюминацией, за тихими, самыми интимными в жизни разговорами. Странно ли, что самым доверенным, самым интересным и незаурядным собеседником в его жизни оказался настолько не равный ему по возрасту? Но за эти годы странное стало его воздухом и пищей.

— Всё хорошо? — Дэвид легко коснулся его руки, выводя из задумчивости.

— Да... Наверное... — Винтари повёл плечами, наслаждаясь лёгкостью и мягкостью домашней одежды после парадной, — не знаю. Видите ли, со мной никогда такого не происходило. Я слышал, глубокое сканирование бывает даже болезненным... Но это не было глубоким сканированием, Дэвид. При сканировании телепат как бы идёт из комнаты в комнату в твоём сознании, ища то, что ему нужно, кидая некие позывные, позволяющие этому чему-то поскорее найтись. Здесь же... Он оказался сразу везде, понимаете? Он не проходил по этим комнатам, он пронзил их, как лучи радиации. О чём только думал Г'Кар...

— О чём вы?

Центаврианин неуверенно коснулся гирлянды колокольчиков у стены, они не зазвенели, а засветились.

— Принять под свою опеку ребёнка-телепата... ребёнка настолько сильных телепатов! Будучи настолько... давно исторически не готовыми к этому. Я понимаю, нарнам очень хотелось компенсировать историческую несправедливость, но... Он мог бы сжечь кому-то мозг, не желая этого. Что будет, если он этого пожелает!

— Он... Затронул в вас какие-то неприятные воспоминания?

— Приятные тоже, от чего страшнее. Нет, я... Наверное, я на самого себя злюсь.

— Ваш шок — это нормально...

Они опустились рядом на тонкие подушки, разложенные вокруг низенького столика. На столике громоздились главным образом книжки — Дэвид, похоже, писал какую-то домашнюю работу на тему старинных иллюстраций. На краю стола лежал карандашный набросок — попытка разбить некий сложный узор на простые элементы.

— Если вы боитесь, что он теперь может... кому-то что-то о вас рассказать...

Винтари раздражённо махнул рукой.

— Он дик и наивен, он просто не знает, что можно, а чего нельзя! Ребёнок со смертоносной силой. Да, я должен... Должен поговорить с ним. Когда найду слова,

конечно...

— Отец как-то сказал: «Главная причина, по которой люди боятся телепатов — это то, что они не могут разобраться в себе, и боятся, что в них разберётся кто-то другой». Вы знаете, я никогда не боялся телепатов. Может, потому, что минбарские телепаты никогда не позволяли себе никаких неделикатных действий, а может, потому, что мои мысли едва ли являются настолько интересными, чтобы все стремились узнать их. Знаете, он коснулся и моего сознания. Вы правы, это так страшно... Думать, спрашивать себя — достаточно ли чисты твои мысли, не откроется ли в них что-то тёмное, пугающее.

— Вот с такой стороны я не смотрел, честно говоря. ... Да что нечистого может быть в мыслях у минбарцев? Что вы вообще о нечистых мыслях знаете?

Подросток рассмеялся, на его щеке проступила ямочка — такая же, как у отца. Винтари вспомнил фотографии с «Вавилона-5» — Шеридан в форме космофлота Земли, Шеридан в форме времён мятежа... Открытое, ясное лицо с самой солнечной улыбкой на свете, за одной этой улыбкой можно было пойти — и во тьму, и в огонь...

— У каждого из нас есть тайны, — молвил Дэвид, уставившись на свои руки, будто внезапно нашёл в них что-то очень занимательное, — то, что нам кажется в себе смешным, или постыдным, или недопустимым, недостойным. У каждого есть то, о чём он избегает думать, что несёт слишком сильную боль... или слишком сильное наслаждение. Я напоминаю себе об этом, о том, что никто из живущих не может считать себя чистым, никто никогда не открыт для собственного взгляда — даже среди учителей, мастеров, величайших людей. Я напоминаю себе об этом, чтобы не впадать в опасное заикливание на своих слабых местах, на том, чтоб избегать своих слабостей. Как ничто другое, это ведёт к ослаблению духа.

Сумел ли он преодолеть то, что мучило его больше всего, что, по его собственному признанию, разъедало ему душу — ненависть к Земле? Обиду за отца, спасшего эту неблагодарную планету и за это пошедшего под трибунал, боль и гнев за столетний кошмар телепатов? Винтари не хотелось спрашивать. Хотелось верить, что да. У минбарцев ведь куча способов очищать и успокаивать свой дух, который-то должен был подействовать... Уж точно, он не станет лишним раз напоминать, тревожить эту рану. Хотя она и так растревожена появлением рыжеволосого нарна.

— А что делать, если о чём-то и правда тяжело думать, и хочется стереть, выжечь это из своей памяти? Когда кажется, много б отдал, чтоб переправить какую-то страницу в своей книге?

Подросток завозился, устраиваясь на подушках поудобнее, на стене качнулась тень остреньких рожек.

— Если б вы взглянули на эти страницы... вполне вероятно, вы и не нашли бы, чему там ужасаться. Уж точно, они, если б прочли ваши мысли, не поняли бы, чему ужасаетесь вы. Свой стыд самый стыдный, потому что свой. Но будем объективны, мы в нашем возрасте не успели совершить ничего по-настоящему ужасного. Глупого — ладно, допустим... Однажды на уроке, когда учитель объявил новую тему и спросил, не имеет ли кто что сказать по ней, я вызвался. Мне казалось, что я знаю. Лишь когда слова уже слетели с моих уст, я понял, какой сморозил откровенный бред. Да, в тот момент я дорого б отдал, чтоб отменить своё последнее действие! Я сел весь красный, учитель как-то прокомментировал сказанное, и мне хотелось провалиться сквозь землю, мне казалось, что все, абсолютно все смотрят на меня — хотя я, конечно, не отслеживал, я не мог оторвать взгляда от пола. Уж лучше бы

промолчал, честное слово! Я ел себя этим неделю, не меньше, спать спокойно не мог. А потом тот же учитель, объясняя уже новую тему, рассказал, как некогда на уроке очень долго спорил с учителем, пытаясь доказать ему, что тот не прав, спорил задорно и даже с апломбом. И опозорился в пух и прах, когда оказалось, что примеры, которые он приводил, были совсем из другой темы, которую он проходил и должен был знать хорошо. В моём представлении, от такого вообще умереть можно было, но странно, учитель говорил об этом с улыбкой. Именно тогда я понял, как это важно — умение переживать и отпустить. Как важно уметь взглянуть на свои проблемы отстранённо, сторонним взглядом. Проходит время — и то, что заставляло нас мучиться и переживать когда-то, больше не имеет на нас влияния.

Что ж, это прекрасно, что он говорит о чём угодно, только не об этом...

— Пожалуй, тут вы правы. Хотя я очень самолюбив, но я уже замечал, что боль от неудач и поражений притупляется со временем. Наверное, телепаты в этом плане счастливее, чем мы, они не настолько наедине с собственными мыслями.

Дэвид усмехнулся.

— Редко от кого услышишь, как телепатов называют счастливыми.

— Ну, я говорю больше применительно к телепатам Центавра, у нас они привилегированный класс. Детей-телепатов, родившихся в бедных семьях, забирают на усыновление в знатные дома, они получают щедрое вознаграждение за свою работу, и наша гильдия телепатов не налагает на них таких ограничений, как на телепатов-землян Пси-Корпус. Мы не заставляем их подчиняться какой-то единой структуре, не ограничиваем их в проявлении их способностей. Телепат подчиняется в первую очередь роду, ну, как и любой из нас. Гильдия служит больше для организации, объединения, например, чтоб семьи, которым не повезло иметь своего телепата, знали, куда обращаться для найма.

— Значит, у вас не могло бы произойти подобной истории родителей Андо?

— Это действительно маловероятно. Наши телепаты не скованы неволей большей, чем все остальные, по крайней мере. И нормалу, и телепату условия жизни диктует семья, в которой он вырос. А в некоторых случаях им даже позволено больше — как привилегированному классу, им делаются поблажки. Ну, например, были случаи, когда давалось разрешение на поиск биологической семьи... Такое желание, впрочем, выражалось нечасто, телепатам более чем привольно живётся и в приёмных семьях, они являются сокровищем и предметом гордости принявшего их рода, а семьи получают за ребёнка-телепата солидное вознаграждение, позволяющее вырастить двух обычных детей или дать полноценное образование по крайней мере одному, это сделка, выгодная для обеих сторон. У нас так же не существует запрета на брак телепатов с нормалами, это было глупо — их мало... К тому же, хотя союз телепата с телепатами и повышает шанс передачи способностей, твёрдой гарантии нет — известен случай, когда у родителей, уровень которых соответствовал земному П11, все трое детей родились без способностей. Но это, конечно, просто образец чудовищного невезения.

— То есть, получается, вторжение в частную жизнь, которого так боятся земляне, вас не пугает?

— У нас свободная конкуренция, — усмехнулся центаврианин, — разумеется, никому не хочется, чтобы его секреты были раскрыты. Но хочешь защититься — умей избегать встреч с телепатами враждебных тебе родов. Да лишний раз и с телепатами родов дружественных. Либо ходи в сопровождении собственного телепата, чтобы он мог засечь и

заблокировать вторжение. Владеющий информацией владеет миром, это понимаем мы и понимают земляне. Разница в том, что мы делаем это открыто.

Дэвид прикрыл глаза. Нет, это не прошло, думал Винтари, глядя на скорбную складку между бесцветными бровями. Разве что — он смог обуздать эту боль, но едва ли излечить. Обида за отца разделяет его с отцом же, остающимся патриотом Земли. «Это... как «любить родителей такими, какие они есть»! Я не мог бы любить недостойных родителей, не представляю этого, мои родители — идеальны!». Обида за телепатов... Если честно, непостижима разуму. Сколько людей узнал он на Минбаре? Ни в ком больше он не встретил такого надлома, они могли вспоминать о телепатах, о связанных с ними моментах истории спокойно. Разве что — Иванова... Но ведь у неё особый случай. А у Дэвида даже нет близких друзей-телепатов, если не считать таковыми девочек Коул! В этот момент Диусу абсурдно захотелось подобный дар, чтобы заглянуть в мысли Дэвида. Он никогда не лгал, но не говорить — это не то же, что лгать.

— На Минбаре телепатия считается великим даром... На Земле — великим проклятьем... По большому счёту, Пси-Корпус ведь расформировали не из-за сочувствия к телепатам, а из-за всё возрастающих властных амбиций, из-за нехорошей роли на политической арене. Хотя наверное, просто надо верить — что люди научатся бок о бок с телепатами работать, жить, идти к общему будущему. Что хотя бы по малой капле в день, но преодолеют это параноидальное недоверие. В конце концов, за эту веру родители Андо отдали жизнь.

Винтари покачал головой.

— Ничего не скажешь, повезло парню. Вырасти в мире, где он — единственный телепат... Как он вообще выжил там?

— Интересно, каково это — после стольких лет встретить наконец себе подобных...

— «Себе подобных»... Мне вот интересно, почему он для обучения отправился не на Землю, а сюда, и почему только сейчас?

— Это было завещание Г'Кара. Г'Кар, выполняя волю Литы, сделал всё, чтоб об Анде не знали как можно дольше. Но теперь развитие его способностей больше не позволяет ему жить, как жил. Однако на Землю... Думаю, это можно понять. Пси-Корпуса больше, конечно, нет, но память, для него — ещё жива, он пока не готов к встрече с родиной родителей — потому что это родина и тех, кто оставил его сиротой.

— Хорошо, что он был так мал, когда это случилось, а отца и вовсе не знал. Боль его была бы сильнее. Я вообще не хочу представлять, что чувствуют телепаты, теряя друг друга — это ведь потеря целого мира, для них... Мы теряем лицо, голос, сказанные слова. Они — весь внутренний мир, который они знали. Сейчас он словно изучает само понятие семьи, ищет в чужих сознаниях, на что похожи чувства к родителям.

— Он проник туда, куда не следовало бы, задел струны, больше которых нет... но я не в силах обижаться на него за это. Он искал не только определения чувств, но и определения потери. И напомнил мне о потере, которая и меня ждёт.

— Ему больно. Его родители покинули его раньше, чем он мог их хотя бы запомнить, а ваши родители живы и проживут ещё много лет...

Лицо Дэвида помрачнело, и у Винтари кольнуло оба сердца. И ему даже, кажется, смутно хотелось, чтоб Дэвид не продолжал, сдержал эту откровенность, оставил его в счастливом неведении...

— Вы не всё знаете, Диус. Это мало кто знает... Но от меня не скрывали, не смогли

скрыть. Тогда, на За'Ха'Думе, когда мой отец взорвал цитадель Теней... Он погиб. Погиб по-настоящему. Лориен, один из Изначальных, задержал и продлил уходящую жизнь, но лишь на время. Он не отменил его смерть, он только дал ему отсрочку. Жизненной силы, которую он ему передал, было лишь на двадцать лет.

— Что?!

— И когда это время пройдёт... «Он просто остановится».

В глазах Винтари стоял физически, им самим ощущаемый, ужас.

— Но... Это было в 2261 году... Значит... Дэвид, почему вы сказали мне об этом только теперь?

К чёрту всё... И гордость, и комплексы, и всё, как ещё это может называться. Пусть он не может выразить свои чувства — он не может их не чувствовать, не может не погибать сейчас в их пучине. Пусть он не может прямо сейчас закричать от ожидания грядущей боли, броситься прочь, по коридору дальше — найти, припасть к дорогим рукам, поклясться, что каждый день, каждую минуту будет рядом, что сделает всё... Но сдержаться сейчас, перед Дэвидом, он не может тоже.

«Сколько, сколько у меня осталось на то, чтоб бороться с единственным настоящим желанием — обнять своего отца и сказать, как сильно я его люблю? Я думал, что у меня на это вся жизнь, что я могу позволить себе роскошь всю жизнь бежать, как маленький глупый ребёнок, от правды, что привязался... Что у этой привязанности есть имя. Что мне должно быть безумно стыдно... И мне стыдно... Я должен был принимать свою жизнь, свою судьбу такой, какая она есть — но я захотел другой судьбы... Я захотел присвоить то, что не моё. Как мне пережить, когда его не станет, как напомнить, что он мне вовсе не отец? И как ещё оставить сил на то, чтоб бороться с желанием обнять и утешить свою мать в этой потере?»

— Диус, — руки Дэвида легли на сотрясаемые рыданиями плечи, — Диус, это...

— То, чего не изменишь, да? — Винтари вытирал злые и отчаянные слёзы, а они всё набегали и набегали, — сколько в жизни того, чего не изменишь... Я ничего не могу изменить. Ничего по-настоящему важного. Я всю жизнь желал только одного — сделать что-то по-настоящему важное, прожить жизнь не зря... Но я проживу её зря, потому что напишу сколько-то книг, займу какое-то место в истории и может быть, даже стану императором Центавра... но не смогу защитить единственное, что для меня по-настоящему значимо. Вашу семью, Дэвид.

Мальчик смотрел на него потрясённо, этими огромными материнскими глазами. Он потрясён этим откровением? Наверное, он и не предполагал, что загостившийся у них гость настолько отчаянно не хочет уезжать?

— Какого чёрта, Дэвид, какого чёрта? Он сделал так много... Он сделал столько, что уже бы хватило... Почему он должен был сделать ещё и это? Неужели победить Теней нельзя было без этой жертвы?

— Этого уже не узнать. Он только говорил, что видел будущее... Будущее, в котором флот Теней всё-таки достаточно силён, чтобы, отступая под натиском сил Света, причинить ещё много зла. Он видел разрушенный Центавр...

— Центавр?

— Да. В том варианте будущего они, уже проиграв, отыгрались на Центавре.

— Так он это... он это сделал ради Центавра?

— Ради Центавра в том числе, но и в целом... Это ведь было поворотным моментом — ударом в самое сердце тьмы, взрыв цитадели, считавшейся неприступной. До этого

немногие верили, что Теней можно победить. Теперь уже — мир знал.

— Какая ирония... Что ж, хотя бы так... он подарил жизнь и мне...

Совместные завтраки и ужины в те дни дали Винтари неплохое представление о том, что такое чувство неловкости, при том коллективное. Андо оказался... довольно тяжёлой и бестактной в общении личностью. Попросту говоря, для него за столом существовали только трое — Шеридан, Деленн и Дэвид. Прочих будто и не было здесь, он не обращал на них никакого внимания, мог не отвечать на их вопросы. Винтари вполне понял бы такое отношение к себе — пора вспомнить, в конце концов, что не все нарны рейнджеры, но не более тёплого обращения удостоивалась и Райелл, которая, как минбарка, может, и казалась холодной и отстранённой, но точно не была невежлива и невнимательна, и присутствовавшие иногда Маркус и Зак Аллан. Зака Аллана Винтари до этого видел раз или два и не имел о нём ровно никакого представления как о человеке, разве что он казался несколько мрачноватым и нервным, но это тоже не казалось поводом вести себя с ним так пренебрежительно и даже резко. Порой казалось, что, по земному выражению, между ним и Андо успела пробежать какая-то кошка, и это было удивительно — разве они не познакомились только на Вавилоне? Но по-видимому, Андо тот человек, что может испортить ещё не начавшиеся отношения. Глубоко потрясло Винтари, когда он, на брошенную Шериданом фразу «Ваш друг» спокойно ответил: «У меня нет друзей». И это при сидевшем там же К'Лане! Среди не приходившего в голову абсурда было и такое, чтоб когда-нибудь ему захотелось вступить за нарна, но в этот момент ему захотелось ударить Андо. Но он так долго учил себя не делать скоропалительных выводов, не поддаваться первым импульсам, и решил просто послушать дальше.

— Мне это просто не нужно.

На это, в самом деле, сложно с ходу придумать, что ответить. Сникший Дэвид преувеличенно внимательно ковырялся в тарелке, на лице Деленн была написана болезненная досада.

— Почему вы так говорите? Понимаю, со своим даром, да ещё и при внешнем отличии от окружающих, вы чувствовали себя, должно быть, очень одиноко... Но друзьями становятся не только те, кто во всём похож между собой. Даже если вас... не принимали до сих пор...

— Нет, не могу сказать, чтоб это было так. Я не ребёнок-изгой, если вы об этом. Мне самому не нужно.

У него сильный акцент, иногда он совершенно неправильно строит фразы — Винтари даже в какой-то момент почувствовал лёгкое превосходство. Понятно, у него было маловато практики в земном языке, ещё научиться... И он отвечает, не дожидаясь окончания фразы, что тоже бывает у телепатов, не выработавших необходимой деликатности.

— Может быть, сейчас вы и думаете так. Но человек не может без привязанностей...

— Друзья и привязанности нужны, быть может, всякому, но не мне. Это лишнее. Мне не нужны ни развлечения, ни утешения. У меня есть цель.

— Какая же?

— Служить Богу. А Богу нужно отдавать себя целиком, не разделяя.

— Ну... — видно было, Шеридан старательно подбирал слова, — я понимаю, вы, воспитываясь как нарн, восприняли и религию нарнов, это естественно, однако...

— Нет, это ни при чём. Конечно, я соблюдаю все законы Г'Квана, но Бог — больше

священных книг и обычаев мира. Другие могут искать Бога и гадать о нём. Я видел и чувствовал Бога, ничто иное мне не нужно.

Винтари видел, что каким-то особенно мрачным становится лицо Дэвида, хотя не мог понять причину. Впрочем, ему этот разговор тоже не особо нравился.

— Вы полагаете, значит, что другие верующие служат с недостаточным рвением? — решил всё же закончить свою мысль Шеридан, — потому что отвлекаются на дружбу, любовь, добрососедские отношения? Но религия...

— Это не важно, что и почему они делают. Это их жизнь. Их не касалось то, что касалось меня.

— И каким же образом вы намерены служить? — решила вклиниться Деленн, — что вы намерены делать для этого?

— Кое-что я уже сделал. Я здесь.

— Но... как это связано? — лицо Шеридана было обескураженным, даже до того, как он услышал ответ на свой вопрос, — вы здесь намерены обрести Бога?

— Я обрёл. Вас.

— Он обожает моего отца, — вымолвил Дэвид, когда они остались одни.

— Да, я заметил.

— Интересно, заметил ли он, насколько отцу это не по нраву? Такие вещи, при таких способностях, надо бы чувствовать.

Винтари присел, досада Дэвида, он мог поклясться, ощутима вполне и нормалу, и сейчас ему нужно выговориться, желательно тому, с кем привык делиться не только приятным. Прибавлять негатива родителям он сейчас точно не будет, их чувства в этой связи и так далеки от восторга. И чем скорее он выплеснет это, тем легче ему будет вернуть минбарское самообладание, и без того дающееся ему труднее, чем чистокровным.

— Сейчас как-то с этим стало попроще, а сколько отцу пришлось перенести этого... фанатизма в первое время — после всего, что... Почему почитатели совершенно не шадят почитаемых? Великие люди бегут от чествований, удаляются в пустыни, но их находят и там. Мой отец не тот, кто хотел бы отгораживаться, охраняться от народа, почему из-за подобного он должен делать то, что ему неприятно? Как объяснить им, что великому человеку вполне довольно и этого величия, чтоб нагружать его восхвалениями, чаяниями и божескими почестями? Вот Андо как объяснить?

— Интересно, и почему он такой? Какими бы там религиозными ни были нарны (тем более, не все) — это не причина.

— Есть у меня кое-какие соображения...

Увидев на своём пороге Зака, Иванова нисколько не удивилась. Поскольку никого сейчас не могла посещать она, все, кто мог, когда только могли, посещали её. Она провела Зака вглубь дома, вновь извинившись за невозможность предоставить какую-то другую обстановку, кроме очень специфической, распорядилась Софье насчёт чая и пододвинула, за неимением стульев в этой комнате, одну из подушек. Таллия на вошедшего не отвлеклась, продолжая на полу свою странную игру.

— Что она делает?

— Честно? Не знаю. Ну, то есть, пока не понимаю до конца. Знаешь, в больницах... в специальных больницах, ты понимаешь, что я имею в виду... они ведь чем только не

занимаются. Рисуют, лепят из пластилина, аппликации клеят. Уж не знаю, каким образом, но считается, что им это полезно... Она вот складывает кубики. Рисовать не может — она ничего не видит... Врачи предполагали, что она, возможно, и звуков не слышит, а реагирует на мысли... Рассказывай, что там у вас нового. Встретили гостя? Я ведь здесь практически без новостей сижу, только иногда отбегаю к мониторам... Похож он на Г'Кара? Хотя, что б я понимала в нарнском фамильном сходстве.

Зак потёр ладонями лицо.

— В том и дело, Сьюзен... Он не нарн.

— То есть как?

— История не на пять минут... Чёрт бы меня побрал, Сьюзен. Вроде бы я не особенный какой-то, чтобы жизнь устраивала мне подобные экзамены...

Таллия кончиками пальцев огладила получившуюся башенку. По лицу Ивановой пробежала минутная тень боли.

— Извини, Зак, что?

— Нет, это ты извини, если я не вовремя... Ты плохо себя чувствуешь?

— Я просто не расслышала, она... перебила тебя, можно сказать. Видишь ли, она общается со мной мысленно. Это бывает немного больно, всё-таки я... отвыкла. Сейчас она спросила меня, нравится ли мне её башенка.

Зак вспомнил Таллию, какой видел её когда-то каждый день на «Вавилоне» — молодую привлекательную женщину, безупречный костюм, лицо как с обложки... Что, что с ней надо было сделать, чтоб превратить её в это?

— Много всего, поверь — чего ты не захочешь знать. Не удивляйся, она передаёт мне мысли тех, кто оказывается рядом. Говорить она не хочет, предпочитает заставлять меня делать то, чего я никогда не делала и думала, что не буду делать... Когда я не могу дождаться её ответа, мне приходится спрашивать её... по-другому...

Они недолго молчали. Зак думал о том, насколько лучше Сьюзен с распущенными волосами, сразу видно, какая она красивая, а Сьюзен думала о том, что форма анлашок идёт Заку куда больше, чем форма СБ, в которой он выглядел так, словно только что её примерил и она ему не подошла.

— Страшное они всё-таки... явление... Жестоко, когда тебя заставляют... вспомнить о чём-то и переоценить это. Не знаю, поймёшь ли ты. Вот бывает в жизни что-нибудь такое, о чём ты... не забываешь, конечно, нет... Просто не вспоминаешь, или, если вспоминаешь, думаешь об этом иначе, чем потом оказывается... Ну, успокаиваешь себя... делаешь вид, что пережил, или что переживать особенно нечего.

— Ты это мне? Пойму, поверь.

Зак бросил нервный взгляд на Таллию... Но к чёрту, такое ли уж это присутствие третьего лица, когда лицо это таково, да как ни крути, ничего странного, что приватный разговор о телепатах приходится вести в присутствии другого телепата, какая жизнь паскудная штука, он убедился задолго до этого дня. И не в состоянии Таллия сейчас развонить что-либо всему Минбару, а и могла бы — кашу маслом уже не испортишь.

— Ты знаешь, в историю, говорят, можно или войти, или вляпаться. Так вот, войти в историю я никогда не стремился, нечего мне там делать. Я человек простой, многого не понимаю, многое и не хочу понять. А вот не вляпаться не получается... Я даже и спорить не буду, что полный профан в отношениях, у меня их сколько и было-то... Я не умею их начинать и не умею их строить. Мне вот как-то надо, чтобы оно сложилось, чтобы пришло к

этому, я не могу так, чтоб не серьёзно... А какое тут могло быть серьёзно? Я сразу сказал себе, что мы слишком разные, ну и как будто это помогло... Она на меня не обращала внимания, я из этого не делал трагедии. Когда она улетела, я жил, как жил до этого, работал, как работал... Я по-другому не умею. Просто сказал себе: где-нибудь там ей будет лучше, чем здесь. Что ей от всей моей поддержки проку и пользы. Когда я узнал, что она мертва... Сьюзен... Мне кажется, я до сих пор этого... не знаю. Всё-таки одно дело — если куда-то уехала, пусть даже очень далеко, всё равно ведь однажды свалится, как снег на голову, и совсем другое — знать, что больше не увидишь никогда. Но я принял, что не увижу... и успокоился. Думал, что принял. Думал, что успокоился. И зачем это надо было — через столько лет увидеть её лицо у другого человека, и понять, что ничерта мне не спокойно? Я два дня назад понял, что она умерла, что я её больше не увижу... а хочу видеть. Слишком сильно хочу. Хотя и бессмысленно это. Я с ней не прощался. Я ей никем не был. Я ей никем не мог быть. Для отношений ведь основания нужны. Жизнь должна свести вместе, найти общее. Что общего может быть у телепатки с нормалом? Подобное к подобному тянется, ей нужен был кто-то такой же, как она. Г'Кар и то больше мог для неё сделать. Увёз её тогда от греха подальше, а потом вырастил её сына... Теперь он здесь, а я не знаю, что мне делать. Потому что сделать-то мне совершенно нечего. Только снова жить, убеждая себя, что никакой такой любви быть не может... Любовь к тому, кто умер — это вообще как-то неправильно, ты словно с самой смертью споришь, смерть уже провела черту, а ты за эту черту тянешься, пытаешься что-то ухватить... Почему же он так похож на мать-то? Не для того же, чтоб судьбе вот было угодно поиздеваться именно над Заком Алланом?

Экс-энтил'за покачала головой.

— Знаешь, я была почти уверена, что Таллия мертва. Моя Таллия была мертва, хуже, чем мертва, а в том, что Корпус её уморит, пытаюсь добраться до секретов Айронхарта, тоже как-то не приходилось сомневаться... И я продолжала её любить.

— Ты по крайней мере нашла в себе мужество это признать.

— Ошибаешься. Только сейчас. Я же нормальная женщина... всегда считала себя такой. Я еврейка по рождению, я не могла любить женщину... А теперь я закрываю вот эту дверь — и оставляю за ней всю свою жизнь, которую я с таким трудом построила, теперь я оставила всё, даже не ради неё... Ради призрака надежды на то, что было ею. И мне больно. И я часто спрашиваю себя, как же я так могу. У меня обязанности, у меня семья, которую я люблю и которая любит меня. Но я сижу здесь, смотрю, как она складывает кубики, и даже не пытаюсь ставить блоки, когда она показывает мне, что с ней было там. И я не уйду, как бы мало у меня ни было надежды, потому что хотя бы какая-то, она у меня будет всегда. Знаешь, легко уйти за кем-то, когда у тебя ничего нет, легко оставить то, что тебе совсем не дорого. Я любила свою работу и свою семью. И я не знаю, совершенно не могу себе представить, что с нами будет дальше, чем всё это кончится. Просто я нужна ей — и это сейчас всё для меня.

— Даже если нужна для того, чтоб мучить тебя? ...Я и для этого не нужен. Надс поговорить с Маркусом, чтобы послал меня... подальше... На окраинах всегда что-то интересное происходит, и будет объективная причина... Того, что больше её не увижу.

— Как показывает жизнь, от себя не убежишь, Зак.

Зак снова с силой потёр лицо, потом хлопнул себя по коленям, произнёс преувеличенно бодро:

— Да справлюсь как-нибудь... Как всегда справлялся. Всё равно, а здесь я что такого делаю? Вот делом заняться надо. Дело — оно всегда помогает. Чем дальше буду — тем

здоровее буду. Я вообще не люблю, когда у меня в мозгах копаются, как помнишь. Тем более уж не хватало, чтоб это делал нарн с лицом Литы Александер...

==== Часть 2. ДЖАТИЛ. Гл. 2 По душам =====

Совершая на следующее утро прогулку по саду, Винтари увидел возле одной из клумб коленопреклонённого нарна. Сначала он подумал, что тот молится, но приглядевшись, понял, что он просто любуется какими-то цветами.

— Доброе утро. Вы ведь прибыли вместе с Андо Александером, его друг? Извините, что не помню вашего имени, если оно при мне вообще звучало.

— К'Лан, — юноша распрямился и поприветствовал, прижав кулак к груди, Винтари отметил, что у него удивительно для нарна круглая добродушная физиономия, а акцент даже сильнее, чем у Андо, — да, надеюсь, я друг Г'Андо, как вы — друг юного Дэвида. Вчера вь рано удалились... Сегодня вам лучше?

— Долго, наверное, меня ещё будут спрашивать об этом... Благодарю, лучше. Хотя как раньше, конечно, мне не будет уже никогда.

— Я сожалею... Думаю, Андо, если б умел, сожалел бы тоже.

— Вы ведь знали, что ваш друг...

— Нафарик? Да, знаю, хотя не столь давно. Жалко, что ваше знакомство состоялось... вот так. Он... не слишком компанейский, наш Андо, так, что ли, сказать...

— Да, я заметил.

— Не злитесь на него — он просто не умеет. Не умеет сдерживаться, не умеет общаться, не умеет жить. Но у него всё получится, он ведь для того сюда прибыл. Главное, не отталкивайте его сразу. Вы знаете, что это за цветок?

— Ну... Кажется, какое-то нарнское растение, флору Нарна я знаю слабовато, поэтому боюсь ошибиться. Но оно точно с Нарна, вы ведь поэтому возле него остановились?

— Да. Это джати́л, нарнская роза. Вы ведь слышали, читали, когда-то наша планета была цветущей... У нас было развитое сельское хозяйство, это было главное, чем мы занимались. И цветники у нас тоже были — мы окультуривали некоторые дикие растения просто для того, чтоб они радовали наш глаз возле наших домов. Ещё тогда мы заметили, что некоторые растения растут лучше и цветут пышнее просто от того, что их перенесли в другую, более мягкую, влажную почву. В диких условиях джати́л — мелкие, корявые кустики с бледными ломкими листочками, да и цветы у него некрупные. А здесь — посмотрите, ведь это тот же джати́л, без всякой селекции, просто растёт на хорошо вскопанной клумбе, а не на камнях и глине, получает вдоволь воды. Конечно, от этого у него более слабая корневая система, дикая жизнь, суровые условия — закаляют... Но ведь это цветок, почему бы ему не цвести, так ярко, как он способен? Так и человека иногда просто нужно пересадить на другую почву — пусть не его родную, да более ласковую.

— У минбарцев есть поговорка: «Перемещая тело с места на место, тьму из сердца не изгонишь».

— Я не думаю, что у Андо тьма в сердце.

Винтари не ответил. Он смотрел на джати́л — тёмно-багровые махровые гроздья клонили стебли к земле, молодые побеги светили золотистыми прожилками. Это ведь не только об Андо, это и о нём...

И тут он услышал самый странный вопрос в своей жизни.

— А вы... правда центаврианин?

— Что?

— Не похожи. То есть, я сам не видел живых центавриан, я в войну только родился, да и нашу колонию война затронула мало... Вы не носите гребень, не одеваетесь в центаврианскую одежду. Вчера Андо ошибочно принял вас за Дэвида... странно, ведь вы намного старше! Я подумал, может быть, вы старший сын Джона Шеридана, у него ведь были жёны до Деленн... Когда потом я услышал ваше имя, я не мог поверить. То есть, не то чтоб я верил всему, что говорят о центаврианах...

— Вас ещё ждёт главное удивление в центаврианах, по имени Амина Джани. Когда попадёте в Эйякьян, убедитесь — сейчас она работает там с новым набором. А я... Я гость планеты Минбар и лично Джона Шеридана. Ну да, смешно звучит, уже много лет как гость... Но я нашёл себе здесь работу, и работы этой много. Можно сказать, центаврианскими определениями, что я воспитанник дома Шериданов...

Они разом обернулись. От дома к ним спешил Дэвид.

— К'Лан, у меня хорошие новости для вас! С вами хотят увидеться Тжи'Тен и Ше'Лан они как раз возвращаются с учений, планируют посетить и Эйякьян...

— Тжи'Тен решил не упускать в кои веки появившуюся возможность? Мудро с его стороны, учитывая, как им с Аминой не повезло с распределением. И как надолго они сюда? А то я слышал, отряд Тжи'Тена планируют послать на какое-то особенно ответственное задание... Оно может быть надолго. Нет, мне всё равно ничего не светит, это я помню, я просто исключительно за друзей радею.

— Диус, если хотите смущать — смущайте непосредственно Тжи'Тена и Амину, меня и гостя-то за что?

Лицо К'Лана сияло от предвкушения.

— Надо сказать Андо... Или ему уже сказали? Мне так хотелось бы, чтоб он вступил в анлашок вместе со мной... Но я понимаю, что у него сейчас есть и другие задачи. Но у него получится, он способный, только бы нашлись ему учителя.

Дэвид улыбнулся.

— Найдутся. Мама сейчас как раз разговаривала с несколькими жрецами, выбирает наиболее подходящий вариант... В Йедоре много храмов, в которых хорошо обучают телепатов... Лучший всё же в Анидаре, но это далеко, это место для отшельников... Не лучший вариант.

— Совершенно не лучший, — кивнул К'Лан, — Андо достаточно отшельничал сам в себе дома, сейчас его надо от этого отучить. Он должен научиться видеть и людей, не только мыслеобразы и память.

— Вот и мама сказала то же самое. Она не хочет выпускать его из наблюдения. Свезить его в Анидар — можно, но не оставлять там. Большинство людей приходится учить тишине, чтобы во внутреннем молчании они слышали настоящий голос своего сердца. Тут другое... Ему нужно слышать другие сердца. Ему нужны не только учителя. Но и все встречи, какие могут тут быть.

К'Лан снова усиленно закивал.

— Андо слишком долго был один. И потом не смог научиться быть не один. Он так умён, он на такое способен — но не понимает простых вещей. Он видит то, что скрыто от него стенами, видит каждую мысль каждого из нас, но он не видит истины. И он очень горд, он считает, что никто никогда не чувствовал того, что чувствовал он, никто никогда не

страдал, как он, никто, как он, не слышал голос бога... Он не понимает, что голос бога звучит в каждом, хотя об этом написано в священной книге. Он читает священные книги, но не понимает того, что в них написано. У него есть он и есть весь остальной мир.

— Такое бывает. Большинство телепатов растут... непростыми детьми. Я имею в виду, по крайней мере, телепатов-землян. Андо не сломала земная система, но он постарался сломать себя сам... Но нет ничего безнадёжного.

— Вы поможете ему... преодолеть это?

— Наши учителя не боятся никаких трудных случаев. А для начала ему, думаю, очень поможет встреча с людьми Ледяного города.

Винтари, в это время размышлявший, как же можно одновременно так бояться живого общения и быть таким необузданным в ментальном, вскинулся.

— Ледяной город? Дэвид, я ведь давно хотел спросить вас об этом, но всё забывал. Когда я впервые услышал это выражение, я подумал, что это какая-то минбарская поговорка. Звучало вроде «Это всё равно что растопить Ледяной город» — как сравнение для чего-то одновременно бессмысленного, жестокого и невозможного. Но нигде в фольклоре я не нашёл таких упоминаний.

Кажется, почувствовало его сердце раньше, чем Дэвид разомкнул уста, сейчас его ждёт ещё одно потрясение.

— Потому что на самом деле это выражение совсем свежее. Ледяной город появился на Минбаре в 2262 году. Вы ведь знаете, у нас очень много незаселённых территорий — потому что четверть поверхности планеты покрыта шапками льда. А вы помните, кому в 2262 году нужны были именно незаселённые территории? Негласно, мы предоставили их. Они согласны были на любые условия, к суровым условиям они привыкли. А жизнь в этих широтах даёт отличную гарантию обнаружения... На Земле об этом поселении не знают до сих пор. А город — точнее, это даже система городов — с населением уже более пяти тысяч.

— Это беглые телепаты с Земли?

— Да. Ледяной дом после всего пережитого они восприняли как рай. Мы могли, по крайней мере когда уже не обязательно было соблюдать строжайшую секретность, предоставить им и более жилые места... Но они сами не хотели. Они живут там, занимаются, по сразу установленному соглашению, изготовлением, по заказам храмов и художественных школ, различных изделий ручной работы, вышивкой, репродукциями, мозаикой — такая работа им очень нравится. А в обмен получают продукты, вещи... Это, на самом деле, не очень хорошо — такая изоляция... Но мы не навязываемся им. Мы ждём, когда они сами выйдут к нам. И некоторые уже выходят. Они ведь не оставались без контактов с внешним миром насовсем — когда привозят необходимые им вещи, они так или иначе узнают новости, и не только читая мысли, но и спрашивая — это уже хорошо. Некоторые семьи минбарских телепатов поселились по соседству — это логично, для обеспечения нужд товарообмена, там должен быть порт... В последние годы дети этих деревень стали встречаться и играть с детьми Ледяного города. Это, конечно, несколько тревожит взрослых с обеих сторон, потому что им приходится, навещаясь в гости, преодолевать ледяное море на лодках, а иногда и на льдинах. Но это даёт надежду. За детьми выйдут и взрослые.

Винтари честно пытался представить себе это. Во многих мирах всё ещё есть изолированные поселения каких-нибудь этнических меньшинств, нередко отстающих от

остальной цивилизации лет на сто, но чаще всего количество их медленно, но верно сокращается — молодёжь уезжает в города, «отрывается от корней». Обратная миграция — куда как более редкое явление. А жить так ещё и не в своём мире...

— Как они вообще там живут, среди вечной зимы? Это же ужасно!

— Они считают, что ужасно было на Земле в Пси-Корпусе, в космосе на ржавых корытах — давно списанных кораблях, которые им чудом удалось выкупить для своего бегства, в трущобах захудалых колоний. А здесь... мирно. На самом деле, суровых морозов там почти нет. А высеченные прямо во льду дома очень тёплые.

— Они живут прямо во льду? А как же отопление? Лёд не тает от огня?

— Лёд умеет жить рядом с огнём, если всё в равновесии. На Земле некоторые северные народы так и жили — строили дома из единственного материала, которого у них было в изобилии — снега. Тепло разведённого внутри очага подтапливает снег, но не растопляет полностью, только повышает прочность. Здесь, конечно, не живой огонь, в основном нагревательные приборы. Бытовая техника у них есть — у них стоит несколько солнечных генераторов и один ветряной. А вот средств передвижения, кроме собственных ног, ну и, для моря, лодок — нет. Это очень самобытный и интересный мир... Надеюсь, мне позволят отправиться в этот визит вместе с Андо. Я много читал и слышал об этом, но хотел бы увидеть своими глазами.

Когда Винтари вернулся в дом, Андо уже сидел в гостиной — изучал что-то на голографическом проекторе. Винтари мысленно взмолился всем богам, но храбро сделал шаг вперёд.

— Здравствуйте, Андо. Я хочу вручить вам этот цветок, как символ. Это цветок с Нарна, поэтому вы поймёте этот символ. Он означает память, боль, одиночество, обретение, мир, покой, заботу. Я хочу сказать, что я прощаю вам это вторжение и ту боль, которую вы мне невольно причинили, я говорю это и на тот случай, если вы вовсе не считаете себя виноватым. Если вам хоть чем-то было полезно то, что вы во мне прочитали — я рад. Возможно, это было даже лучше, мне не придётся подбирать слова для того, для чего всё равно любые слова недостаточны. Всё, чего мне хотелось бы — чтобы и вы однажды сумели простить.

Андо поднял на него пристальный взгляд огромных голубых глаз. Винтари сложно было как-то определить этот взгляд, кроме как «изучающий», но выражение в них было странное. А ещё он думал... Думал о том, что, применительно к Андо, он больше слышал разговоров с Лите, его матери. А вот он сейчас почему-то подумал о его отце. У Андо глаза отца — Винтари ночью просматривал файлы и видел фотографию. Ещё он думал о том, что где-то видел похожее лицо, не мог вспомнить, где именно... Да мало ли на свете лиц, мало ли похожих людей. Если уж даже некоторые люди и центавриане умудряются быть похожими.

— Мне недавно сказали, что я говорю как настоящий нарн. А вам мне хочется сказать, что вы говорите совсем не как центаврианин.

— Я живу в Риме по римским законам, как выражаются земляне. И я не настолько наивен, чтобы пытаться лгать телепату.

— Но вы ведь лжёте сами себе, придумывая себе другую жизнь и чувства, которых у вас никогда не было. Я напомнил вам, кто на самом деле был ваш отец, и вам неприятно из-за этого. И из-за того, что ваши извинения мне совершенно не нужны.

Несомненно, он видел, как дёрнулся от этих слов Винтари, однако на его лице не

отразилось никаких эмоций.

— Мне не нужна ваша боль о прошлом, которое легло между нами из-за наших отцов. Мне не нужны извинения за то, чего всё равно не изменить. И мне не нужны покой и забота наподобие вашей иллюзии другой жизни. Мне ничего не нужно от вас, как, впрочем, и от кого-либо другого.

Это правда, думал Винтари. Он может читать окружающих как открытую книгу — и при том ничего не видеть. Ну или возможно, некоторые растения предпочли бы остаться на бесплодной земле отчужденности и ненависти. Точнее, растения-то не обладают волей и способностью к выбору, поэтому любые такие сравнения так же смешны, как иллюзия другой жизни.

— Ну, это всё-таки не совсем правда. От одного человека вам всё же что-то нужно. Но и этот человек хотел бы от вас... большей сердечности к окружающим.

— И поэтому вы говорите сейчас со мной? Ради него?

— Вообще-то нет. Хотя это правда, одного его слова достаточно бы было, чтобы я пошёл вам навстречу. Когда я прибыл сюда, я был таким же, как вы. Одиноким. Колючим. Жадным. Как голодный ребёнок, который хватает со стола всё подряд, боясь, что в следующий миг этот праздник жизни у него отнимется. Что нужно всегда помнить, всегда бдиль, всегда быть готовым. Я был таким же вот несчастным зазнайкой, уверенным, что могу полагаться только на себя, что я знаю жизнь — раз знаю её с плохих сторон.

— А сейчас вы стали другим?

— Не вполне. Но я не отказываю себе в самой возможности. Если были те, кто влиял на меня дурно — почему бы не позволить и доброе влияние? Когда-то я был уверен, что мне никто не нужен. Но однажды мне встретился человек, который изменил это. Человек, который дал мне прокатиться на «Старфьюри» — уже этим одним мог купить меня с потрохами, на самом деле. Я позволил себе быть очарованным им — и я позволил себе поверить ему. И это моё желание. Я не собираюсь набиваться вам в друзья. То есть, я вполне готов к тому, что сейчас вы скажете, что вам вовсе не нужны друзья, или по крайней мере, вам не нужен в качестве друга я. Я просто буду рядом, на другом берегу вашего ледяного моря. Когда вы захотите, вы сами найдёте лодку.

— Я знаю об этом.

В дороге до Эйякьяна все, пожалуй, чувствовали некоторое напряжение. Сложно было однозначно сказать насчёт Тжи'Тена и Ше'Лана — они вполголоса обсуждали что-то, кажется, сугубо деловое-учебное. К'Лан, очевидно, волновался, и волновался настолько сильно, что не находил слов. Молчал и Андо. Винтари снова чувствовал, что ревнует Дэвида к его рейнджерскому будущему, и злился на себя. Дэвид вёл, и казался сосредоточенным на дороге, но едва ли это было на самом деле так.

Щедро залитая солнцем посадочная площадка была почти пустынной. Рикардо, загодя извещённый об их прибытии, встречал их лично. По случаю щедрого весеннего солнца — деревьев здесь было маловато, и тени, соответственно, тоже — на голове у него снова была широкополая соломенная шляпа, довольно странно сочетавшаяся с рейнджерским одеянием, точнее, не сочетавшаяся совсем, из-под неё выбивались порядком отросшие спутанные волосы.

— Приветствую. Это ты, парень, стало быть, сын славного Г'Кара? — он сразу протянул руку Андо. Рты поотворяли все, включая одного, что само по себе было сильно.

— Вам уже сообщили, да? — против воли вырвалось у Винтари.

— О вашем приезде-то? Ну так...

— Нет, о том, что... ну, что Андо... ну, не совсем нарн.

Рейнджер пожал плечами.

— А, вы об этом? Да нет, сам догадался. Ну, вообще-то, хотя наружность славного юноши мне никто по видеосвязи, конечно, не описывал, но о главном-то упомянули. Что гражданин Г'Андо прибыл сюда не пополнять славные ряды анлашок — хотя по-честному, одно другому не мешает — а учиться у минбарских телепатов. Ну а в то, что это может потребоваться урождённому нарну, я пока, извините, с ходу не готов поверить.

— Так вы что, и ожидали увидеть человека?

— Ну... вообще зная Г'Кара, я ничему не удивлён.

— Вы знали Г'Кара? — подпрыгнул К'Лан.

— Общались. Одно время он часто пересекал свои пути с нашими. Я служил тогда на корабле... Так, если вы меня не заткнёте, я ведь прямо здесь начну байки травить. Давайте лучше пойдёмте, покажу вам тут всё. Имя второго молодого человека правильно запомнил, К'Лан? Вам эта экскурсия будет особенно полезна, запоминайте всё сразу, чтоб потом не бегать, старших по десять раз не дёргать.

На лицо К'Лана было любо-дорого посмотреть.

— Так вы... Так вы меня примете, да?

— Ну, решение принимаю не я... Не только я, в смысле. С вами, конечно, ещё побеседуют... Но энтил'за дал добро, я тоже никаких возражений не имею... Вообще-то, мы никого и не гоним. Сюда человек приносит своё сердце, этим не кидаются. Конечно, когда мы видим, что на самом деле этот путь не подходит пришедшему, мы стараемся мягко его переубедить, прояснить для него его заблуждение и его причины... Но если он настаивает, мы принимаем. В конце концов, бывает, что и мы ошибаемся, а вселенной виднее.

На полянке перед учебными корпусами два центаврианина — Винтари узнал их, первые, кого привёз Арвини — упражнялись в рукопашном бое и шуточных перепалках на тему заслуг родов. Чуть поодаль дрази и землянка жарко обсуждали какую-то книгу, поминутно то он, то она начинали что-то ожесточённо искать, резво шелестя страницами. К'Лан восторженно стрекотал о своём брате, пересказывая всё то, что слышал от него об анлашок. Рикардо улыбнулся.

— Напомните-ка мне его имя, сдаётся мне, где-то мы с ним пересекались.

— Ой, в самом деле? Да нет, наверное, вы ошиблись, иначе он мне о вас непременно бы рассказывал. Он рассказывал про весь свой отряд... А вы давно в анлашок?

— Двенадцатый год, если не изменяет память.

— Ого! ...Значит, войну Теней вы не застали?

— Нет, войну Теней не застал, тогда у меня была ещё мирная гражданская профессия.

— А с дракхами вы сражались?

— Самую малость захватил. Тогда меня уже поставили руководить подготовкой молодняка, ещё не здесь, правда... Вот во время одного из тренировочных вылетов мы случайно на один их корабль напоролась.

— И?

— Ну, мы потрепали их, они — нас, нас, конечно, сильнее... Вообще-то нам бы крышка была, но вовремя подоспела подмога потяжелее, размазали их ровным слоем по сектору. Очень плодотворная вышла тренировочка, ребята наглядно увидели, какие бывают враги и с

чем их надо есть.

Дальше они разделились — Рикардо повёл Андо и К'Лана в тренировочный зал, а Винтари и Дэвид вместе со старшими нарнами отправились повидать знакомых учителей и Амину. Винтари отметил про себя, насколько удивительно разные реакции двух друзей, насколько вообще они разные. И вовсе не в том, что один человек, другой нарн. К'Лан был открыт, понятен. Этим и дружелюбными манерами он располагал к себе. И отлично верилось, что в Эйякьяне он будет на своём месте. А вот Андо, судя по его хмурой, безучастной физиономии, едва ли вступит в анлашок... Слишком похоже, что всё происходящее вокруг его не интересует. По всей видимости, К'Лан только вследствие своей наивности полагает, что Андо пойдёт вместе с ним и что для него вообще имеют какое-то значение проведённые вместе детские годы, а Андо не разубеждает его лишь по причине всё того же тотального равнодушия. Винтари не хотелось думать, что, скорее всего, это обычное презрение телепата к нормалам. И на проблемы из детства не спишешь тоже, глядя на терпение, порой непостижимое, того же К'Лана, да и вряд ли кто-то мог бы выказывать явное пренебрежение сыну Г'Кара, будь он хоть с волосами, хоть с чешуёй. Разве только он видел в мыслях их настоящее отношение... Но, зная пунктик нарнов относительно пси-способностей, больше представляется, что Андо могли утомить обожанием.

— Думается что-то, Андо не горит желанием поступать в анлашок, — озвучил ту же мысль Дэвид, — зачем тогда он поехал с нами? Просто от скуки?

— И вот как-то жаль, — зло пробурчал Винтари, — представляется, Рикардо сбил бы с него спесь. Как бы он ни изображал из себя эдакого компанейского простачка — я как-то верю, что он умеет быть очень серьёзным, когда надо. Иначе б дисциплину в таком винегрете нипочём не удержал.

— Учителя-фриди* тем более умеют быть серьёзными, а с ними он вроде как вынужден будет иметь дело.

— Да уж... Надеюсь, это пойдёт ему на пользу. Вот им пусть и расскажет, что, видите ли, он Богу служит... Он один, а остальные рукавами машут...

— Я думаю, мне необходимо попробовать поговорить с ним. Надо же понять...

— Почему он такой?

Дэвид раздражённо пытался заправлять за уши и рожки растрёпанные ветром пряди, но у него мало что получалось.

— Всё-таки, кажется, ради тех, кто имеет для него значение, он многое готов делать. В своей школе он был не из худших учеников. Имя приёмного отца заставляло его держать высокую планку, хотя человеческая физиология и проблемы из-за его дара очень мешали в этом. Сейчас для него важно научиться пользоваться этим даром, не причиняя вреда себе и другим... И ему важно одобрение моего отца.

— Ну да, если хотя бы ради чьего-то одобрения он способен вести себя прилично — надеюсь, так и будет.

Дэвид рассмеялся.

— Диус, изначально всякий ребёнок делает что-либо главным образом ради одобрения старших. Конечно, более опытная и мудрая душа проявляет больше склонности к добропорядочному поведению, больше тяги к познанию и альтруизму... Но если б можно было положиться единственно на врождённые задатки, зачем нужны б были семья, учителя, общество? Кем мы выросли бы, если б не было тех, кого мы боялись огорчить или желали порадовать?

— Это понимать как — что у него душа не очень мудрая, или что с учителями не свезло?

— Думаю, мы торопимся думать о нём плохо. Мы слишком мало знаем о нём, о его жизни. Мы не можем представить, как это — нести тройной груз. Груз такого дара, когда ты с ним единственный в своём мире, груз великого имени отца, груз расового отличия от всех вокруг...

— За минусом пси-способностей, у вас то же самое.

А про груз великого имени, подумал Винтари про себя, вообще лучше не надо. У Андо это величие по крайней мере было с положительным зарядом...

Вспомнилось, как кто-то из колледжевских недругов бросил походя: «Но ведь вас не воспитывали как принца». Это должно было, конечно, звучать уничижительно, но Винтари и тогда было как-то всё равно. А по прошествии некоторых лет и вдумчивом анализе было очевидно, что только юный возраст представитель рода, давно ко двору не приближенного, мог полагать, что есть какое-то преимущество в том, чтоб с колыбели зваться наследником престола. Иллюзия ясности будущего имеет свою цену. Во-первых, ещё не факт, что ты до этого престола доживёшь, при наличии младших братьев и дядей, имеющих свои виды и планы. Благо, примеров в истории достаточно. Во-вторых, перспектива наместничества колонии может показаться синицей в руках только тому, кого жизнь ещё не вылечила от неадекватных амбиций. Нет, и в те времена, когда звание третьего претендента ещё грело душу, он не страдал от того, что первые семь лет жизни не были украшены наивысочайшими ожиданиями. Он и тогда был внучатым племянником бездетного императора, но леди Вакана была достаточно благоразумна, чтобы, если имела в этом смысле какие-то надежды, держать их при себе. Между родством по женской линии и более дальним по мужской выбор был не столь уж очевидным, на каждый вариант нашлись бы примеры актов о престолонаследии в путаной, бурной истории Центавра. Надо быть тут справедливым к отцу, о верховной власти он и не помышлял, она свалилась на него крепким ударом по голове, он был слишком праздным и легкомысленным, чтобы самому прокладывать к ней дорогу и чтобы отказаться от неё, преподнесенной на блюде. Многие говорили, что, дескать, шок от такого неожиданного поворота вскружил голову, многие говорили — вот если б был он старше лет хотя бы на десять, не совпали бы трудные и трагические страницы истории с проводимой в общепринятых кутежах юностью... Винтари обтекаемо поддакивал тому и другому, по сути отмахиваясь, чтобы не мешали его собственному внутреннему анализу. И хоть как по этому анализу выходило, что великие имена, обласканные судьбой — самые несчастные щепки в бурном жизненном потоке. Объективно говоря — отец не стремился никогда и ни к чему, кроме единственно значимого для него — наслаждений, впрочем, разве чем-то он тут выделялся среди тысяч таких, как он? Чуть больше грубости в шутках, которыми он сыпал за теми немногими общими семейными обедами, которые Винтари помнил в своём довоенном детстве, на большинстве из них он не присутствовал по малому возрасту, но из-за приоткрытых дверей, в которые он смотрел на нечастого гостя, слышал многое, чуть меньше хотя бы напускного интереса к наукам — о том, как сбегал с занятий и глумился над учителями, он сам охотно и с удовольствием рассказывал, к искусствам — если не называть таковыми те довольно вульгарные образцы, которые вызывали у него одобрение. Нельзя сказать, конечно, что он ничем не интересовался — он читал, смотрел или слушал то, что ему было интересно, что отвечало его запросам. И в этом никто, в общем-то, не видел бы беды, если б он, невзирая на статус и

правила приличия, не полюбил с юных лет эпатировать публику. Да, всё это было ещё тогда — когда он потехи ради рассказывал матери о последнем походе с друзьями по значным местам, о шутках и розыгрышах, иногда совсем не невинных, а она слушала с непроницаемым лицом, и его в самом деле никто не воспринимал всерьёз — ни она, ни те считавшие себя удачливыми и мудрыми, кто надеялся, что с именем легкомысленного, посредственного по своим задаткам юнца они смогут беспечально делать то, что сочтут нужным, достаточно будет лишь оплачивать его развлечения. Какой же их всех ожидал сюрприз...

Разумеется, сообщение, что отец его теперь император, а сам он — будущий наследник престола, должно было разделить жизнь малолетнего Диуса на до и после, однако по факту в этой жизни мало что поменялось. В дворцовую жизнь они с матерью были не очень вхожи — новоиспечённый император смотрел на свой статус иначе, чем тот же Турхан, и семейное положение воспринимал не то чтоб как помеху (мешать ему вообще мало что могло), но как нечто совершенно ему не интересное. Что, впрочем, не особо скандализировало общественность — отдельные дворцы для императриц были нормальной практикой всегда, в этом смысле вся аристократия жила по единым законам. На то же, что императрица и наследник присутствуют не во всех полагающихся церемониалах, а лишь по прихоти вседержителя, уже никто не обращал внимания за всеми прочими прелестными событиями и тенденциями. Да, период правления незабываемого Картажье был, конечно, недостаточным для того, чтоб осознать себя принцем и проникнуться этим статусом, зато для этого более чем хватило всего времени после...

Амина спускалась к реке своей любимой тропинкой — мимо цветущих кустов шиповника. Шиповник был обыкновенный, земной, завезён и высажен первым набором эйякьянских рейнджеров, удивительно прижился и разросся, и сейчас цвёл и благоухал вовсю. Рановато, по сравнению с Землёй, но здесь климат другой...

Река в лунном сиянии тихо несла свои воды, из зарослей травы слышался стрёкот насекомых. На утёсе на противоположном берегу трепетало сияние над могилой Дарона, одного из великих учителей анлашок, обучавшего Рикардо и ещё нескольких учителей Эйякьяна. Уже спустившись, Амина услышала тихие всплески — кто-то умело грёб к берегу. Подойдя к своим любимым камням почти у самой воды, Амина узнала в стоящей по пояс в воде фигуре Тжи'Тена.

— Ой...

— Извини, я тоже люблю искупаться ночью. И да, кстати, если не хочешь, чтоб я простоял так всё то время, что ты на берегу — кинь мне, пожалуйста, свой халат.

Амина покраснела, сообразив, что нарны — одна из тех рас, у кого принято купаться полностью обнажёнными.

— Ночью здесь особенно волшебнo... Мне не спалось, я решила придти сюда, просто посидеть, разобраться со своими мыслями.

— Сожалею, что помешал.

— Ты никогда не мешал мне, Тжи'Тен.

Взявшись за руки, они отошли за камни, сели на траве.

— Радостные или грустные мысли привели тебя сюда, Амина? Что-то беспокоит тебя?

— Сложно сказать... Может быть, всё сразу. Я увидела тебя после долгой разлуки — и онемела от радости. И эта радость затмевает грусть от того, что встреча эта ненадолго, что

скоро ты улетишь вновь... Но всё же я не могу не думать об этом. Просто думать, никакого протеста во мне нет, я счастлива за тебя, за твои успехи, и мне лишь немного досадно, что я в это время отсиживаюсь здесь.

Нарн обнял девушку со спины, легонько прислонился щекой к её волосам.

— Ты нужна здесь. Конечно, пока ты не налетаешь достаточно часов, не поучаствуешь в нескольких операциях — звание учителя тебе не присвоят... Но благодаря тому, что ты делаешь здесь, мы уже знаем, что однажды славу Эйякьяна увеличит и зет Амина.

— Тжи'Тен...

— Я серьёзно. Твои успехи, твои способности не могли остаться незамеченными. Ты хороший пример для новичков и хорошая помощница для учителей. Я бы не хотел, чтоб ты думала, что жизнь проходит мимо тебя, что тебя заставляют отсиживаться в тылу.

— Поверь, я и не считаю так. Я там, где мне велено быть, где нужно.

— Вот это — самая восхитительная в тебе черта... Многим юным воинам приходится объяснять, что задания могут показаться не только трудными, но и скучными, героизм повседневности им долго остаётся неведомым. Ты же, наверное, восприняла бы с энтузиазмом, даже если б тебе велели целыми днями штамповать конверты, следить за свечами в храме или пересчитать все песчинки на этом берегу и потом сложить их, как было.

Девушка благодарно стиснула его руки.

— Я действительно восхищаюсь этим, Амина. Я вырабатывал в себе качества, необходимые анлашок, долго. Ты превзошла меня в этом. Ты думала, что училась у меня — но на самом деле я учился у тебя.

— Тжи'Тен, милый мой, моё солнце...

Нарн сплёл пальцы с пальцами девушки.

— Нет ничего прекраснее, чем когда учишься друг у друга. Я поражён той силой, что ты явила мне, силой хрупкого и прекрасного создания. И я был в шоке, когда узнал, что и у тебя ко мне... нечто большее, чем... Я надеялся быть тебе другом и опорой, твоим рыцарем — хоть и недостойно говорить так применительно к тому, кто воин не хуже, чем ты сам... Я получил больше, чем мог надеяться. Право возвращаться к тебе.

Девушка откинулась на его грудь, запрокинув голову. Тихо несла свои воды река, серебряная в лунном свете, вторая луна едва виднелась над горизонтом, молчалили прибрежные кусты, и так нежен, так тонок был аромат цветов. Такие ясные, такие тёплые звёзды сияли над головой — казалось, вся любовь вселенной льётся сейчас с небес.

— Пусть наша встреча будет сколь угодно короткой — ты умеешь дарить счастье каждой минутой. Я до сих пор не могу до конца поверить в это счастье, мне кажется, что это прекрасный сон, который однажды кончится... Может, поэтому мной владеет эта неясная тревога, но мне снились странные сны... Мы, центавриане, верим, что в снах нам открывается будущее. Я чувствую, что-то ждёт нас... какое-то испытание. Что-то зреет.

— Всегда что-то, да зреет, что будет однажды нашей работой. Не тревожься, Амина, путь наш ясен, озарён звёздами.

— Я знаю, Тжи'Тен. Я лишь о том молюсь, чтоб быть готовой, чтоб справиться... Ты знаешь, я много думала о том, что меня оставили здесь из-за способности к языкам. Раньше центаврианский входил во все учебные программы, что естественно — центавриане долго господствовали в космосе, вся техническая документация и все переговоры велись на нём... Но после того, как единым дипломатическим стал земной язык, часы, конечно, сократили.

После изоляции Центавра и подавно. И вот для чего мне, единственной центаврианке во всём анлашок, было вести углубленное изучение центаврианского? Но не моё дело рассуждать, моё дело исполнять. Вот теперь многое становится понятным...

— Я думаю, это добрый знак, Амина. Центавр выйдет из изоляции и снова займёт своё место как полноправный член Альянса. Твой несчастный народ много и долго платил за ошибки... Пора уже над ним взойти солнцу нового дня.

— Спасибо тебе... Но не стоит утешать меня так, ты не скроешь от меня ту же тревогу. Ты видишь то же, что и я. Мы не к радостному воссоединению готовимся, а к войне. Принци преподаёт центаврианский телепатом. Твой отряд отрабатывает антидракхианскую тактику. Новая партия вакцины ушла месяц назад, и подтверждения о получении мы всё ещё не получили... Они там, Тжи'Тен. Они там, они были там всю мою жизнь, и я не знала... Весь мой народ в их власти, и весь мой народ слеп.

— Он начал прозревать — значит, им недолго осталось. Они не поднимут твой народ на войну. Если им захочется войны — им придётся воевать и с твоим народом, и с Альянсом. Будет воссоединение, Амина, будет.

— Да запечатлит Г'Кван твои слова, Тжи'Тен.

— Любя тебя, Амина, как могу я не желать спасения твоему народу? Если нарн и центаврианка любят друг друга — значит, тьма непременно отступит, и мы будем теми, кто разгонит тучи, закрывающие звёзды.

— Ох, Тжи'Тен...

— Что, что такое?

— Нет, ничего, я... невольно... Просто... ты прижимаешься к моей спине...

— Я доставляю тебе неудобство, моя любовь?

— Не сказала бы именно... Просто, особенности нашей физиологии...

Тжи'Тен подумал, что это как-то даже несправедливо, что нарны не краснеют.

Физиология большинства гуманоидных рас всё же схожа. Они могут иметь существенные различия, внешние и внутренние, но общего как правило больше. Они дышат кислородной атмосферой, имеют по два глаза, по две пары конечностей и чаще всего прямоходящи. Они размножаются половым путём, и половые органы... у большинства располагаются между ног. Но центавриане в этом плане исключение, центаврианские мужчины имеют шесть очень гибких органов-щупалец, которые располагаются у них на боках, центаврианские женщины — соответственно, шесть отверстий на спине, в районе поясицы. И именно туда сейчас упирался, расположенный, здесь законы физиологии те же, что у землян и минбарцев, внизу живота, член Тжи'Тена. Он, помилуй всевышний, сам того не заметив, прикасался к ней так, что интимнее невозможно.

— Одна из величайших загадок вселенной, — голос Тжи'Тена едва его слушался, — что представители разных рас способны к соитию... Даже такие разные, как нарны и центавриане.

— Что же в этом странного? — пальчики Амины ласково гладили его руки, и от этих лёгких, почти невинных прикосновений словно пробежал ток, — мы не настолько и разные.

— Но наше физиологическое устройство... Не предназначено друг для друга.

— Оно не предназначено, разве что, для создания общего потомства, но неужели двое, если не могут зачать ребёнка, меньше любят друг друга, меньше получают радости от близости? Бесплодные пары поспорили бы с тобой. Если ты испытываешь ко мне не только духовную сторону любви... А я чувствую, что испытываешь... То какие преграды могут

чинить нам расовые различия?

— Мой орган... — молодой нарн чувствовал, что в спокойной воде, где он купался сейчас, начали подниматься высокие волны, и на гребне такой волны его поднимает сейчас — так что кажется, где-то далеко внизу останется спящий берег, а звёзды... звёзды совсем близко, к ним можно протянуть руку, — сильно отличается от органов центаврианина. Я не уверен...

— Что можешь доставить мне удовольствие, а не неприятные ощущения? У меня, знаешь ли, не было возможности оценить то и другое... Но задумайся сам, мы не первые нарн и центаврианка, стоящие на пороге близости. Разве столько раз в нашей непростой истории центаврианские аристократки отдавались бы рабам, если б им не доставляло это удовольствия?

— Амина...

— Что? Неужели ты думал, что всё это ложь и домыслы? Или что я должна бы, отстаивая честь расы, отрицать саму возможность подобного? Я всё же поищу честь в чём-нибудь другом! Тжи'Тен, если б мир не был устроен так, что большинство рас не могут иметь от межвидовых связей потомство естественным путём... Неизвестно, сколько молодых центавриан сейчас было бы пятнистыми и красноглазыми! Списать всё это на насилие не получилось бы при всём желании самых фанатичных нетерпимцев. Центаврианка не будет делать того, что не доставляет ей удовольствия — если уж оно сопряжено с таким риском. И раз уж, несмотря на весь возможный риск, центаврианка не отказывает себе в этом удовольствии — значит, оно многого стоит, поверь.

— Ты убедила меня, Амина, — улыбнулся нарн, целуя девушку, — узнаю и властность центавриан, и их авантюризм...

Амина обернулась и накрыла губы Тжи'Тена своими. Немного сладких ягод и пьянящих вин пробовал в своей жизни молодой воин, но знал сейчас — даже если б перепробовал их все, что есть во вселенной, не нашёл бы ничего слаще, нежнее и крепче этого поцелуя. Руки её — тонкие, ловкие, сильные — обвили его плечи, ни за что не разомкнуть этих объятий. Шёлк её волос пробежал между его пальцами и казался ему песней. «Какой восторг дарит одно лишь прикосновение к тому, кого любишь... Как могут эти несчастные обрекать себя на брак не по любви?»

И то он замирал, когда она осыпала поцелуями его плечи и грудь, уже высвобожденные из халата, то она таяла в его сильных и нежных руках, трепетала под его пальцами, скользящими по её коже. Всё теснее сплетаясь в объятьях, они упали в мягкую траву, обволакивающую запахом грядущего лета, шепчущую о жизни вечной.

Пальцы Тжи'Тена осторожно коснулись краёв её отверстий. Амина застонала, выгибаясь.

— Амина, мы всё ещё можем остановиться.

— Только попробуй! Я слишком долго этого ждала. Я ждала бы и больше, клянусь, сколько угодно, сколько нужно... Но если дело только за моим словом — я не желаю ждать ни одной лишней минуты!

Тжи'Тен отбросил их одеяния прочь.

— Единственное, о чём мне жаль... Я не смогу видеть твоего лица.

— Разве это нужно? Ты всегда можешь знать, каким оно будет... рядом с тобой.

Когда-то сад при резиденции казался просто огромным. Сейчас уже было известно и

понятно, что он не бескрайний, но порой Дэвид, прогуливаясь по дальним его участкам, забывал об этом. Очень талантливо в этом смысле он был спроектирован — деревья, кустарники, ярусные клумбы были расположены так, что создавали хитроумные лабиринты, в которых можно блуждать часами — что вполне удобно, если нужно предаться размышлениям в одиночестве или поговорить с кем-то по душам с глазу на глаз.

— Вам понравился Эйжкьян?

Он не видел в этот момент лица Андо, так как шёл по узкой, едва угадывающейся тропинке, впереди, порой порываясь оглянуться, всё ещё идёт тот следом или отстал, но всякий раз отказываясь от такого проявления недоверия.

Ответ был даже неожиданным.

— Да.

— Но вы, кажется, не горите таким желанием вступить в анлашок, как ваш друг.

— Я не уверен сейчас, что это то, что будет мне полезно. Но если будет полезно — то, конечно, вступлю. Мне нравится их серьёзность и ответственность, их подготовка, то, как они говорят о самоотречении и преданности делу. Но надо понять, то ли дело, которое моё. На взгляд со стороны, много лишнего.

Низкие ветви цеплялись за волосы. Наверное, ещё труднее в этом отношении Андо, хотя сейчас его волосы хотя бы собраны в небрежный хвост. Интересно, почему он не стрижёт их, почему носит настолько длинными? Живя среди нарнов, логично, наверное, было б брить голову... Хотя то же самое, наверное, можно б было спросить и у самого Дэвида. Впрочем, он-то живёт не совсем среди минбарцев. У него вся семья с волосами.

— Лишнего?

— Мне лишнего. Будь то медитации или много общения.

— Понятно, — кивнул Дэвид, — командная работа не для вас. Ну, вы лично полагаете так. Действительно, кому-то другому можно б было возразить, что у каждого в жизни неизбежно были и будут ситуации, когда они не справятся без коллектива, ведь силы любого человека ограничены. Но можно ли это сказать вам? Я не знаю, чем ограничены ваши силы, и знаете ли это вы? Вы видите себя борцом-одиночкой, которому команда или напарник только помеха? История не раз доказала, что такой путь ошибочен.

— Возможно. Я буду действовать так, как нужно, чтоб быть максимально полезным.

Быть может, он действительно не понимает... или не хочет понимать. Как хорошо сказал Диус: «Как будто он один служит, а остальные так, рукавами машут». Конечно, про недопустимость гордыни ему скажут ещё не раз... Но лучше б, если б он понял сейчас. Не хотелось обнаруживать его поведение таким перед учителями.

— Но в вашем сердце по-прежнему не будет любви и расположения ни к кому, только раздражение? Простите. Конечно, я не вправе рассуждать о вашем сердце.

— Вам всем кажется, что я жесток с К'Ланом. Но я много раз объяснял ему, что не могу быть ему другом, и никому другому. Ему лучше держаться подальше от меня, ради его безопасности.

Они наконец вышли туда, куда шли — это место нельзя бы, конечно, назвать беседкой и с натяжкой, уголок дразийского ландшафтного дизайна, с некоторой примесью всепроникающего земного. Несколько фрагментов кладки из груботёсаного камня на первый взгляд выглядели остовами разрушенных стен, но на второй было видно, что в их «разрушенности» есть система. В середине размещался камень, за день вбирающий солнечный свет и светящийся в тёмное время суток. Здесь, в тени, казалось, много не

вберёшь, но дразийский посол, восторженно рассказывавший о такой беседке в саду его родного дома — по его описаниям и эскизам, собственно, и был обустроен этот уголок — утверждал, что там тоже стояла вечная тень, однако ночами камень сиял, подобно звезде. Дэвид ночами здесь, понятно, не бывал, но из окон иногда видел призрачное сияние вдалеке. Да и на Минбаре ли удивляться сияющим кристаллам? Это на Захабане такие вещи редкость.

Они расположились на ближайших к камню фрагментах кладки, самых низких, едва виднеющихся от земли, почти полностью поросших мягким голубоватым мхом. Андо был в обычной земной одежде, к счастью, было у него в его невеликом гардеробе сколько-то земного. Дэвид, примерно представляя вес нарнского одеяния, в особенности парадного, восхищался силой, а главное — упорством Андо, надевающего этот панцирь на каждый выход куда-либо в люди и даже на обеды, если за ними присутствовал кто-то ещё из гостей. Впрочем, он слышал и относительно минбарской одежды недоумение, как в этом можно ходить всё время и не взвыть.

— Вот как? Значит, вы таким своеобразным способом бережёте его? От чего — от вашего опасного дара, или от вашей сознательной жестокости? Это хочется понять, потому что в первом случае это ошибка, ведь забота о близких является одним из лучших мотивов учиться контролировать себя, а во втором... Сложно обвинять человека в том, что у него нет чувств, но ещё сложнее поверить, что человек может быть таким по природе своей.

Андо склонил голову набок, глядя на Дэвида изучающе.

— Вежливость... — произнёс он медленно, старательно выговаривая слова земного языка, — странная вещь, которую считают необходимой. Как и честность, отсутствие двуличия. Но быть любезным, когда этого не хочется — разве не двуличие?

— Нет, я вовсе не имею в виду, чтоб вы лгали, — Дэвиду было неудобно, Андо затронул тему, о которой он и сам нередко думал, — вежливость не означает лжи. С той ложной вежливостью, о которой вы говорите, я мог бы не говорить вам того, что может звучать неприятно, выказывая вам внешнее расположение и удовлетворяясь тем, что очень скоро проблемы с вами будут не моими проблемами. Но для минбарца ложь неприемлема...

— Но для минбарца приемлемо обсуждать кого-то за его спиной.

Дэвид вспыхнул.

— Здесь я не говорю вам иного, чем говорил без вас. Не обсуждать кого-то в его отсутствие — это...

— Невозможно, — подсказал, просто считывая его лихорадочно формирующуюся мысль, Андо, — ведь когда мы просто рассказываем о своей жизни, мы так или иначе обсуждаем родителей, учителей и прочих... В особенности с тем, кого считаем близким. Хотя принц Винтари не близкий ведь вам.

Волнение грозило перейти в возмущение. Ради Валена, Диус тут при чём? Не Диус ведёт себя с окружающими как угрюмый заносчивый баран.

— Это не так. Конечно, он не мой родственник по крови... Но мы много лет живём под одной крышей, с восьми моих лет. Он мне как брат. Мы действительно многим делимся друг с другом...

— Чем не можете поделиться больше ни с кем? И вы верите, что он честен с вами, хотя он центаврианин, им не запрещено, как минбарцам, лгать?

Разговор принимал какой-то нехороший оборот. Это, наверное, нормально, когда плохой оборот принимает разговор, касающийся нарнов и центавриан, но вот Дэвид привык считать, что это в прошлом. Действительно, если иметь в виду в первую очередь

рейнджеров, то так может казаться... И он понимал сейчас, что Андо достаточно безыскусно свернул с темы, но что с этим можно сделать?

— Разве у вас есть какие-то основания подозревать его в нечестности? Быть может, я прав буду сейчас, если предположу, что вы из-за своих способностей, прочитав в ком-то разницу между словами и мыслями, теперь считаете всех людей лицемерами, и теперь чувствуете себя выше их, потому что вы способны видеть их настоящие побуждения, а они ваши — нет? Но Диуса всё это никак не касается.

— Вы сами сказали. Я могу видеть настоящие мысли человека. От меня вы можете знать, честен он с вами или нет. Хотите знать?

Дэвид вскочил.

— Нарнам лгать тоже не запрещено. Могу ли я знать, что вы говорите мне правду, что вами не движет расовая неприязнь? Могу ли я верить вам?

Если б он мог видеть выражение лица Андо, смотревшего ему вслед, он не решился бы подобрать ему определения.

* фриди — один из вымышленных терминов, учителя телепатов на Минбаре

==== Часть 2. ДЖАТИЛ. Гл. 3 Голос пламени и льда =====

Комментарий к Часть 2. ДЖАТИЛ. Гл. 3 Голос пламени и льда

Все совпадения названия с чем-то иным — чистая случайность) Когда писал, я ни о каком таком Мартине ничего не знал, да и был ли он тогда уже известен? Я и сейчас о нём знаю немногим больше)

Шапками льда покрыто четверть поверхности планеты. Кто-то сказал бы, что Минбару в этом плане крупно не повезло — в случае угрозы перенаселённости им пришлось бы тяжело. Правда, угрозы перенаселённости на Минбаре нет давно, в последнее время динамика сокращения численности населения не столь тревожна, но всё же она остаётся.

Но и в лучшие в демографическом плане времена минбарцам не приходило в голову заселять территории, настолько, по всему, непригодные для жизни. Здесь могли быть тренировочные лагеря, исследовательские базы, метеорологические станции, но здесь нельзя было жить. В этом были уверены до 2262 года, пока первые беглые телепаты не назвали ледяной ад раем.

Из естественных ресурсов — солнце, воздух и вода. Ну, и рыба в воде. Всё. Здесь ничего не растёт, да и найти хоть клочок земли, свободный от льда — проблема. Ну так они высекали свои дома прямо в толще многовекового льда, поставили солнечные и ветряные генераторы, несколько водных торговых путей давали возможность для подвоза всего необходимого — сырья для работы, продуктов питания, медикаментов. Бывало, весенний ледоход на границах обитаемого мира прерывал водную связь — тогда оставалась воздушная. Бывало, зимняя метель лишала и этой связи... Они всё равно выживали. Они никогда не роптали. Может быть, их улыбки и нельзя было назвать открытыми, дружелюбными, солнечными — но эти тихие улыбки были счастливыми.

— Мы зовём это место Йедор2, или Йедор-Северный, — сообщил Дамир провожатый, — они ведь высекают жилища в кристаллах, совсем как мы на заре веков. Правда, они — в кристаллах льда... И их архитектура более проста, у них мало в этом опыта. Двухэтажных зданий не так много, их помогали строить мы. Часто их дома растут вниз —

сперва разрабатывается верхний этаж, потом прорубается лестница вниз...

— Когда я впервые увидел Йедор, я сказал, что он ослепителен. Сейчас готов сказать то же о Йедоре-Северном. Да, кроме всего, пожалуй, тоже защитная система — солнце, отражающееся на гранях льда, способно ослепить...

— Стёкла идущих сюда транспортников дополнительно тонированы. Но чисто визуально — да...

Впечатлён, кажется, был даже Андо. Во всяком случае, он не отрывал взгляда от картин за окном. А может быть, уже сейчас, издали, слышал мысли живущих здесь...

— Предлагаю всем надеть защитные очки — день выдался солнечный.

Их уже встречали. Несколько человек в разноцветных утеплённых комбинезонах стояли, запрокинув головы, на посадочной полосе. Среди встречающих были и дети.

Винтари покрепче застегнул воротник и первым спрыгнул на укатанный снег.

Это было... действительно, волшебно. И на Центавре, и на Минбаре Винтари жил в тёплых климатических зонах, и снега вживую практически не видел. Лёгкий бодрящий морозец, щиплющий щёки, сверкающие сугробы вокруг — всё это было ему внове. Солнце, плавящееся и дробящееся на гранях ледяных кристаллов, бросало радужные отсветы на снежную гладь. Один из встречающих вышел вперёд, сдвинув капюшон, лёгкий ветер растрепал выбивающиеся волнистые каштановые пряди.

— Приветствую тебя, Дамир, — он говорил медленно, с особенной отрешённой торжественностью, из-за которой казалось, что в самые обычные слова он вкладывает некое глубокое значение, — рад снова видеть тебя. Приветствую тебя, Диус с Центавра, будь гостем в нашем поселении, у тебя чистое сердце. Приветствую тебя, Дэвид, сын Джона Шеридана. Меня зовут Уильям.

Андо он ничего не сказал, поклонился молча — глубоким, поясным поклоном. Андо ответил нарнским.

— Телепаты... — проворчал Винтари, — разговорчивы, как всегда. Особенно друг с другом.

Уильям повернулся к нему, улыбаясь.

— Да, это так. Между собой мы редко разговариваем. Сперва и проходящих к нам мы приветствовали мысленно... но мы слышали в их мыслях, что им хотелось бы слышать наши голоса. Один мудрый минбарец сказал: «Вам нужно говорить, иначе у вас атрофируются языки». Но то, что могли бы сказать друг другу мы с Андо, невыразимо словами ни одного языка. Пойдёмте же, я познакомлю вас с моими братьями и сёстрами.

Спутники Уильяма приступили в разгрузке привезённого Дамиром провианта, а Уильям повёл гостей к ближайшему зданию.

Бодрый скрип снега под подошвами завораживал Винтари. Если б не солнцезащитные очки — он бы, верно, ничего не видел ни вокруг, ни под ногами. Сияние и поднимаемая ветром лёгкая снежная пороша сливались в некий туман, из которого вставали, как удивительные видения, силуэты зданий — преимущественно в форме усечённых пирамид и полусфер, но были и более сложные конструкции. Они ярусами вставали над ярусными же, гигантскими ступенями во льду, дорогами. Интересно б было увидеть, как падает снег... Крупные пушистые хлопья, тающие на ладонях, это наверняка так красиво... Интересно... Они ведь земляне. Справляют ли они здесь Рождество? И если да — то как у них это проходит, в условиях, где трудновато достать ёлку, да и подарки не купить, разве только сделать своими руками...

Отодвинув плотный полог, они прошли в дом. Между входом и собственно жилой зоной располагалось три тамбура, служащих кладовыми и шлюзами, защищающими дом от внешнего холода. Уильям скинул капюшон, снял очки — это оказался мужчина лет сорока с длинными вьющимися каштановыми волосами, с отрешённо-печальным взглядом карих глаз.

— Наш быт скромн, у нас мало мебели... Но мы украшаем наши жилища как можем, надеюсь, вам не будет тут слишком некомфортно.

Стены украшала роспись — прямо по льду, на полу лежал настил из термопокрывал, который не позволял в равной степени таять льду и мёрзнуть сидящим прямо на полу людям. Через арки видно было, что одно из соседних помещений — похоже, кухня, а другое — спальня, оно было перегорожено свисающими с потолка портьерами и на полу там, кажется, кроме термопокрывал, лежали подушки. Винтари слышал, что телепаты селятся коммунами человек по десять, не считая детей, чёткого деления на семьи у них нет, впрочем, есть устойчивые пары. Однако стремления к какому-то обособлению нет даже у них, и эти-то ширмы нужны больше затем, чтоб свет или шум от ещё бодрствующих соседей не мешал спать.

На звук голосов из других комнат в эту — видимо, своего рода гостиную — начали выходить ещё люди. Тихо, молча, словно бесплотные духи — в этом было что-то если не зловещее, то во всяком случае мистическое. Они не обменивались друг с другом ни единым словом, только взглядами и жестами. И при наблюдении этой картины Винтари вдруг пронзила внезапная догадка — кем были эти странные рейнджеры, его отдельная группа по изучению центаврианского. Те же взгляды и лёгкие прикосновения между собой, те же отрешённые голоса в общении с ним.

— Да, это так, — раздался над ухом голос Уильяма, — это юноши и девушки из нашего народа. Одни из первых, кто решили выйти...

— Что?! Почему я узнаю об этом только теперь?

— Но ведь они не доставляли вам проблем? Скажем так, упомянуть об этом сочли несвоевременным. Вам ещё многое предстоит узнать, ваше высочество.

Винтари, внутренне кипя, опустил, вслед за Дамиром, на пол. Несвоевременным... Интересно, а когда было б самое время? Ну да, действительно, проблем они не доставляли, учениками были прилежными и старательными, вели себя тихо. Слишком тихо даже... От чего, в самом деле, это вызывает такой мороз по коже? Наверное, они просто кажутся какими-то... ненастоящими. Или заколдованными. На взгляд центаврианина уж точно. Хотя и на взгляд многих землян... Правда, зная даже немного из прошлого этого своеобразного маленького народа, ожидать от них открытости и весёлости и сложно...

Ухо уловило тихий шёпот. Одно слово в нём опознавалось уверенно: «центаврианин». Винтари обернулся и увидел в дверном проёме, ведущем в соседнее помещение, столпившуюся стайку детей, самое большее лет семи. Заметив, что на них смотрят, они быстро шмыгнули за косяк.

Как, наверное, любой бессемейный юноша, Винтари несколько побаивался детей, да и их тоже смущать не хотел, но любопытство было сильно. Когда он шагнул в соседнее помещение, оживлённый шёпот смолк, десяток пар глаз уставились на него.

— Приветствую. Мне кажется, если хочется познакомиться, лучше знакомиться напрямую, а не тишком из-за угла, а? Меня, по правде, жестоко мучают два вопроса. Первое

— как вы догадались, что я центаврианин?

Несколько детей одновременно хотели, видимо, что-то сказать, но смутились, заозирались друг на друга и принялись мяться. Наверное, только то же сильное смущение мешало им сорваться с места и убежать. Бедняги... Конечно, когда живёшь в таком замкнутом поселении, посторонних очень стесняешься. На галёрке снова кто-то тихо перешёптывался.

— Учтите, любопытство для центавриан смертельно! И я уже прямо сейчас начинаю умирать!

— Значит, вы и правда центаврианин?

— Мы просто... Мы увидели ваши зубы!

— А вы очень наблюдательны.

Девочка, сказавшая про зубы, зарделась.

— Когда я болела, я очень плохо слышала. и училась читать по губам. Теперь я снова слышу, но всё равно смотрю на губы. При привычке.

— А ещё вы иначе говорите, чем земляне.

— О ужас! У меня акцент?

— Нет, не совсем. Просто вы говорите очень чисто и правильно. А земляне коверкают и глотают слова.

Ну да, распространённое явление, он и сам нередко так определял, на родном ли языке кто-то говорит...

— А второе что, что вы хотели спросить? — включился один из самых старших мальчиков.

— Ну, собственно — почему вы говорите. В смысле, почему вы между собой говорите речью, хотя большинство здесь живущих, как я понял, предпочитают вообще не раскрывать рта?

— Ну, это просто. У нас ещё не проявились способности.

— О, вот как...

— У кого-то они есть с рождения, у кого-то проявляются, только когда они становятся взрослыми...

— А бывало так, что у кого-нибудь здесь они вообще не появлялись?

Дети пожали плечами.

— Мы не знаем. Наверное, нет.

— Кому шестнадцать, вроде у всех есть.

— Может, в других селениях...

— Мы не слышали.

Ну да, пожалуй, рано задавать такие вопросы, с той поры, как эти люди здесь поселились, едва успело подрасти только одно поколение детей. Примерно ровесники Андо...

— А вы все живёте здесь, в этом доме?

— Нет. Я живу. И Лилиана, и Дженни с Глори.

— А мы просто в гости пришли. Мы часто друг у друга в гостях. Ну, иногда живём друг у друга. Но наши мамы в другом доме живут.

— А мы приехали в гости из Аляски. Семья наша приехала...

— Аляска? — слово было знакомое, и, как отчётливо казалось Винтари, связанное всё же с Землёй, а не с Минбаром.

— Это недалеко отсюда, за тремя холмами и...

— Странно...

— А, вы, наверное, слышали о таком же месте на Земле. Кто-то уже удивлялся так. Мы просто назвали наше селенье так. Ну, кроме вот этого, Йедора, у остальных всякие «холодные» названия с Земли.

— Интересно...

Кто-то окликнул его, и он вернулся в общую комнату. Женщина с длинными белыми волосами принесла чашки с чаем и сушёные фрукты, потом села возле Андо и осторожно, с благоговением гладила его по волосам.

— Кстати, в числе прочего мы привезли вам свежий чай из лепестков. Там голубая вишня, шиповник, есть смешанные чаи... На континенте сейчас весна... Жаль, что из всей весны мы можем привезти вам только чай...

— Ошибаетесь, вы привезли весну с собой. Мы видим её в ваших мыслях. Простите... может быть, вы против?

Дэвид помотал головой.

— Нисколько, смотрите, сколько хотите. Меньше всего я мог бы тут жадничать.

Двое детей, которые сидели там же — из тех, что выходили встречать вместе со взрослыми — с интересом разглядывали брошь, которой Винтари заколол шейный платок. Поймав их взгляд, он улыбнулся.

— Странно... Вообще эту вещь полагается носить так, чтоб все видели. А сегодня я совершенно автоматически просто застегнул ею платок, использовал за функционал, а не как украшение... И пожалуй, она впервые была действительно полезной. Она кажется тебе красивой, малыш?

— Она хранит много памяти.

— Ну, это верно. Мой отец преподнёс её как один из свадебных подарков моей матери, как в своё время его отец — его матери. То есть, это вообще мужская брошь, но дарится женихом невесте для будущего сына, как залог крепкого брака, продолжения рода и всё такое... Думается, конечно, если б мой дед не вручил её моей бабушке — мало что это изменило бы...

Винтари осёкся. О чём он говорит при детях... Тьфу, о чём он думает при детях! Но не думать не мог. Как же страшно, когда безумцы оказываются правы... Сам он не видел свою бабушку, сестру Турхана Виринью. В последние годы жизни она никого не принимала, кроме одной доверенной служанки, и для внука не сделала бы исключение тоже. Говорили, она была сумасшедшей, так что деду, ошарашенному браком с принцессой, по факту исключительно сочувствовали. Говорили, что она пыталась убить ребёнка в утробе, крича, что это чудовище, пыталась убить его младенцем, так что деду пришлось полностью доверить ребёнка заботам кормилиц, а жену поместить под строгий надзор врачей. Больше, понятное дело, он детей не завёл. И сам ушёл из жизни рано, оставив сына практически сиротой в семь лет... Мать ни разу не пожелала его увидеть и поднимала крик всякий раз, как слышала его имя. Тогда все ужасались этому, позже многие считали, что грешно винить принца в наследственном безумии, в последствиях действительно ужасного детства... Сейчас уже не каждый решился бы сказать, где причина, а где следствие. В роду Турхана было много провидиц, может быть, Виринья была одной из них? Кто может представить себе, что это такое — быть матерью Картажье?

— Не надо бояться, вы не такой. Ваша мать была не безумной, а просто холодной. Вы не взяли ни её холодности, ни безумия отца.

Винтари с удивлением посмотрел на детскую ручку на своём локте.

— Простите, мы не считаем, что читать мысли без спросу нехорошо, — пояснил мальчик, — бывает, человек долго думает о чём-то плохом и не говорит вслух, и никто, кроме тебя, не может это узнать, и никто, кроме тебя, не скажет слова утешения. Разве вы, увидев плачущего человека, не подошли бы утешить его, не дожидаясь, пока он сам вас позовёт?

— Ага, значит, у вас способности — с рождения...

— Ваша душа плачет, — продолжила девочка, — потому что вы постоянно, сами не всегда понимая, ждёте, что и в вас произрастут семена зла. Всё потому, что вы мало думаете о том, что такое душа. Вы думаете, что состоите только из плоти, доставшейся от родителей, и некоего общего духа, доставшегося от рода. Но что бы ни несла в себе ваша кровь, она объединяет только тела, не души. Возможно, в другой жизни ваша душа принадлежала какому-нибудь благочестивому центаврианину, и решила воплотиться вновь, чтоб помочь погибающему, почти проклятому роду.

— Вроде бы мало вы общаетесь с минбарцами, а их взглядами заразились.

— Неужели те, кто вас любят, могут ошибаться?

Винтари не ответил. Он вдруг понял, интуитивно ощутил, что что-то изменилось вокруг, что-то происходит совсем рядом. Он повернул голову... Зажмурился. Открыл глаза, посмотрел снова. Нет, ему не привиделось. Андо, вроде бы совсем ненадолго выпавший из поля его зрения, невдалеке, у стены, полулежал в объятьях нескольких парней и девушек. И их объятья и поцелуи становились всё менее невинными — об этом яснее ясного свидетельствовало хотя бы то, что уже двое, включая самого Андо, были без рубашек. «Вот так сразу?... При всех?...» «У нас это нормально, — услышал он в голове голос кого-то из детей, — мы не скрываем чувства». «Но... не скрывать чувства, это всё понятно... Но это...»

Казалось бы, для центаврианина, присутствовавшего хотя бы на одной грандиозной попойке с красивыми танцовщицами, видевшего, как дворяне, в том числе давно обременённые браком, тискают девиц не только профессионально лёгкого поведения, но и, нередко, тех из дам, кого не слишком пугали пересуды вокруг их имён, ничто не должно быть странным... Центавриане чтит все удовольствия жизни, сексуальные связи скрывали лишь тогда, когда они могли стать компроматом, и даму, изменяющую мужу, осуждали лишь тогда, когда этой связью она вредила интересам супруга, а вот если содействовала — то всё было уже сложнее... Но сам Винтари не успел в достаточной мере углубиться в славные отечественные традиции — многих дам интересовали его привлекательная наружность и свежесть юности, но не все решались идти дальше кокетства с сыном проклятого императора. Выше второго уровня в этих любовных играх не заходило.

«Между нашим миром и внешним — граница из ледяных скал. Но внутри нашего мира границ нет».

«Ага, это я вижу».

К голосам детей присоединились и другие голоса.

«Это не то, что вы думаете. Не соитие для удовольствия тела. Это стремление выразить чувства. Отдать свою нежность, своё восхищение. Это полное объединение, полное погружение друг в друга. Вам сложно понять, ведь это недоступно нормалам».

«И... все телепаты испытывают это друг к другу?»

«Не все. Но мы — да. Мы — одна семья».

«И вы приняли в эту семью Андо?»

«Он всегда был частью нашей семьи».

Он оглянулся на Дэвида. Тот сидел весь красный, уткнувшись в чашку с чаем, явно желающий проплавить собой пол и улететь на нижний этаж, да вот термопокрывало мешало... Дамир сидел к назревающей оргии спиной и ещё не понимал, что происходит. «Создатель, но он же... Для него это... совершенно... — метались мысли Винтари, подразумевая, конечно, не Дамира, — что он увидел, что понял, прежде чем понял, что лучше не смотреть в ту сторону?» «Нам жаль, если мы смутили вас. Прошу, простите, что мы не могли сдержать нашего порыва, притяжение тел можно обуздать, притяжение душ сильнее всего, что нам известно».

Образы в голове Винтари против воли сменяли друг друга. Когда рядом с тобой пылает огонь, ты не можешь не обжечься его жаром. Костёр в его груди был сложен давно, и ждал только горячей лучины.

В конечном счёте прав ты был, старик Арвини... Не может центаврианин адаптировать себя к другой среде, не может рыба вырастить перья. Это природа, физиология — потребность в алкоголе, изысканных яствах, сексе, чёрт возьми! Сколько ни беги от этого — оно тебя настигнет.

«Семья... Семья они, видите ли...»

В его сознании было два понятия семьи. К мысли, что его родители занимались сексом, он относился до странности спокойно, хотя подробностей их недолгой интимной жизни, ясное дело, не знал. Но всё, что он слышал об отце, что слышал он, большей частью случайно, конечно, от него самого, ясно говорило о том, насколько он не чужд сладострастия. Всё, что он знал о матери, ясно говорило, что ей не могло не льстить внимание мужчин. Элаво рассказал, как однажды не вовремя зашёл в комнату своих родителей. Выскочил, конечно, сразу, но увиденное, пусть и со стыдом, ещё существующим у детей, потом вспоминал. Винтари был лишён самой возможности подобных впечатлений — отец не жил с семьёй, а у матери если и были любовники — он их не видел.

...Однажды он застал Шеридана и Деленн целующимися в коридоре. Кажется, они не заметили его, вроде бы, нет... он исчез за углом, из-за которого вырулил, с быстротой, которой позавидовали бы истребители передовых рас. Прижался спиной к стене, отдышался. Ощущение невольного преступления мешалось в нём со странным экстазом.

...Голос в голове. Тот самый, уже слышанный им голос, ворвавшийся туда, где никогда не звучали голоса. Которому он так и не дал ответа — кто же он...

«Что вы чувствуете, Винтари?»

Огонь... Сплетённые пальцы — чувственнее, чем сплетённые тела... Взгляды — интимнее обнажённых тел. Восхищение, захлёстывающее с головой, больше, чем оргазм... Как притяжение душ больше, чем притяжение тел... Широкие плечи отца, тонкие руки матери, обвивающие его шею...

«Что я чувствую? Я...»

Неуёмное шевеление под плотной тканью рубашки. От голоса-взгляда не скроешь? Но как быть, если скрыто даже от себя? Об этом нельзя думать. Нельзя.

Он искал лицо Дэвида, чтобы успокоиться, разорвать опутавшую его горячую сеть. Дэвиду сейчас... Как старший брат, он должен прийти на помощь младшему, защитить его

от того, с чем он просто не в состоянии справиться! Для него, с его чистотой и скромностью, стать свидетелем, пусть и невольно, интимной сцены...

...У него их улыбка. Иногда его, иногда её, бог знает, как ему это удаётся...

Он очнулся, осознав, что Андо в комнате нет, и тех, кто с ним был, тоже, а перед ним встревоженное лицо Дамира.

— Что с вами? Вам плохо, принц?

Дэвид растерянно хлопал глазами, поднимая с термопокрывала выроненную чашку, с сожалением глядя на разлитый чай...

Он не заметил их, эти все три тамбура. Он не помнил, что не застегнул тёплый комбинезон. Грудь просила ледяного ветра. Дамир шёл рядом, позволяя опираться на его плечо. Ладонь Дэвида тихо вползла в руку.

— Я не знаю, кто из нас должен был испытывать неловкость в данной ситуации... Пусть это буду я. Хотя я и знаю, что не повинен в том, что стал свидетелем... Хотя я и знаю, что их не смущает это... Наверное, это и правда то, что недоступно нашему пониманию... Но я не хочу допускать в своё сердце осуждение. Я знаю одно — это было необходимо... Андо необходимо... О своевременности не нам рассуждать.

Винтари остановился, повернулся к нему. Его всё ещё качало, но целительный ветер заполярья остужал сводящий с ума огонь. Ты не прав, Арвини... можно... Может дух возобладать над плотью...

— Разрешите, я возьму это на себя, Дэвид. Поверьте, мне — есть, с чего... я — найду...

...Как быть, если дух хочет того же, чего и плоть?

Отсветы огня из щелочек в низкой неказистой печке плясали на светлом листе термоизолята, на каковых каждая такая печка стояла — термопокрывал тут недостаточно, печки раскаляются порядочно, проплавят до самой материковой тверди. Огонь этот бледно-сиреневый, не настоящий — потому что от синтетического горючего, а не от дров. И это хорошо, пожалуй. И в таком нём многовато магии. Многовато огня живого, яркого внутри, в мыслях. И верно, Винтари, конечно, предпочёл бы оказаться сейчас как можно дальше от всякого огня вообще, желательно — в тишине своей спальни в резиденции, где можно, если мысли не дают уснуть, до утра просидеть над переводами... Но в обратный путь было решено отправиться на рассвете — не то чтоб ночной полёт был затруднителен для минбарского транспорта, но после множества разговоров — большая часть которых прошла мимо занятого внутренним пожаротушением Винтари — решено было отдохнуть. Спать среди телепатов — эта мысль привела бы его в смятение некоторое время назад, но теперь, после того, как один телепат снова бесцеремонно вторгся в его мысли и навёл там, как пронёсшийся ураган, качественный бардак... Хотелось оказаться подальше от огня, да. Например, выйти из дома, в снежную безмолвную ночь. Увидеть, какая она. Какие звёзды сияют над краем вечных снегов. Как призрачно-матово сияют снежные холмы, скрывающие в себе живое, хрупкое человеческое тепло. Каковы они в ночном мраке — вздымающиеся к небу ледяные пики. Как лёгкий задумчивые ветер стирает со снежной глади всякий человеческий след. И может быть, идти, идти через эту снежную стылую ночь, глубже в нежилой ледяной простор, дальше от огня, пока и внутри он не погаснет... Порой он стискивал зубы, чтобы не поддаться в самом деле этому желанию — в незнакомом месте не сумеет пройти по дому тихо, никого не разбудив, а то и мысли его чуткие телепаты услышат. Может быть, уже слышат...

Нормал может слышать мыслеречь, если сам телепат захочет этого, направит её в голову человеку. Либо, в некоторых случаях — если мысли эти, в большей мере не речь, а образы — сопровождаются таким взрывом эмоций, что пробивают барьеры неслышанья у тех, кто находится рядом. Как крик, пронзающий пространства и преграды... С Андо сложно сказать, где кончается невольное и начинается намеренное, и наоборот. Можно ли представить, что произошло между ними, им и этими впервые увиденными им ровесниками? Казалось, можно. Разве не видел он, как молодые центавриане, созванные общими друзьями на очередную пирушку, уже через полчаса после знакомства самозабвенно целовались? Вот уж кто не нация скромников точно, для чего ж ещё дана молодость, как не для того, чтоб, проснувшись утром, осторожно выяснять, кто это спит в твоей постели, и как он туда попал... Ну да, часть таких милых юношеских историй потом непременно станет компроматом, за которым будут охотиться сразу несколько сторон, но когда и кого это останавливало? Все знают, что нужно уметь думать о том, что будет через десять лет, но когда обворожительная красавица обвивает руками твою шею, когда льётся рекой вино и звенит раскатистый смех — да пошли они к чёрту, и эти десять, и любые следующие. Но разве так у землян? Разве так у нарнов? А много ли он знает об этом на самом деле. Сколько он знаком с земной культурой, она более чем противоречива на сей счёт. Сколько он знаком с нарнской...

По нарнским законам, Андо весьма высокороден. Прямо надо сказать — они с ним примерно равные. Так почему он не может позволить себе подобающие богатому и знатному развлечения? Оттого ли, что по впечатлению от рассказов Андо о себе, жизнь его была более чем аскетична и воспитание более чем сурово? Ну так тем более как нужно было устать от этой суровости... А с кем ему там было развлекаться, будучи единственным человеком? Логика говорит, что немало нарнок, наверное, почли б за честь, но воображение почему-то отказывает. Хотя не должно бы. Это межрасовые браки, может быть, редкость, а межрасовых любовных союзов вселенной известно достаточно, да загляните в любой ксенобордель...

Но ведь они как сказали — это не соитие для удовольствия тела. Они сказали ещё что-то про родственность... Это и дико, наверное — насколько он знал, у большинства рас положен запрет на кровосмешение, так что родственные чувства никак не могут быть синонимом эротического притяжения...

...Память услужливо вывела колледжевского приятеля, известного редким распутством, в минуту откровенности поведавшего:

— Моя мать умерла, когда мне было десять лет. Умерла скоропостижно, трагически, это было тяжким ударом для всей нашей семьи. Она была необыкновенной женщиной, очень красивой, исполненной всяческих достоинств, она поныне жива в памяти всех членов нашей семьи. Вне сомнения, она была идеалом. Когда я смотрю на её портрет, я чувствую, что влюблён, что только такую женщину я мог бы любить, принадлежать ей весь без остатка. Встреть я в жизни такую женщину — вероятно, я не знал бы иного счастья, кроме как быть с ней, и мог бы дышать только с её позволения. Увы, по нашей земле не ходит даже бледной тени её. Так какая разница, одной, двумя, тремя девчонками больше — все они лишь пустышки, моей плоти хорошо с ними, но равно хорошо с любой из них, остывая к одной, я так же легко нахожу утешение в другой.

Может быть, это и должно было звучать диким какому-нибудь порядочному человеку, но в их дружеском кругу ничто не принято было считать слишком диким, а Винтари скорее могло удивить в силу его достаточно малой эмоциональной привязанности к собственным

родителям. Настоящее потрясение от мысли о влюблённости в мать должен был испытывать кто-то вроде Элаво, но не тот, кто испытывал перед леди Ваканой робость вследствие её холодности и резкости, а никак не неодолимого очарования. Если быть честными и беспристрастными к своей природе, как это делают порой земляне, то мы должны признать, что без детской влюблённости в одного из родителей, а вернее даже — в обоих — нет нас самих во взрослой жизни, наших взрослых чувств и влечений. Восхищение красотой и добродетелью матери создаёт тот нравственный, а иногда и внешний идеал, который мы ищем впоследствии в женщинах, восхищение отцом даёт пример, каким хотим быть мы сами. Что ж, тот, кто имеет перед собой весьма убогие и отвратительные образцы, идеалов для подражания и для влечения сформировать не может, ему приходится по крупицам собирать их из других встреченных на пути, и однажды создать в своём воображении такую замену, которой будет потом стесняться, как абсурдной мысли попытаться родиться заново. И всё же он должен был признать, ещё до Андо должен был, что такую замену он обрёл, запечатлел любовно внутри себя, но поскольку обрёл в слишком взрослом возрасте, когда детской прямоты и непосредственности уже не было и быть не могло, и к тому же в лице иномирцев — это стало для него не только утешением, но и занозой в сердце. Да, он мог бы сказать, что он чувствовал бы раньше, в пять или семь своих лет, но говорить о том, что он чувствует сейчас, было слишком трудно, тяжело. Этот огонь, эта тоскливая безысходная страсть, буйствующая сейчас внутри — она ни на кого не направлена, не имеет конкретного адресата. Это непривычно и даже мучительно, даже если ты ни в кого не влюблён сейчас, ты всё равно имеешь в воображении достаточно соблазнительных образов, на кого это желание можно направить. Не стало бы дело и за тем, чтоб найти и в достигаемой реальности объект если не идеальный, так, во всяком случае, приемлемый. Старый Арвини и прав и не прав, полагая, что всё дело лишь в том, что на Минбаре дефицит центаврианских девушек. Да, будь он на родине сейчас — не стоило бы труда найти девушку, в объятьях которой кипела бы от страсти кровь. Только этого давно уже мало. Полагать, что центаврианину жизненно необходимы лишь телесные наслаждения, может разве что тот, кто не читал «Песни о Лелинне» — много и других образцов высокого, романтического отношения к женщине, но этот, несомненно, высший. От множества историй о несчастной любви «Песнь» отличается тем, что рода Кайра и Лелинны не то что не враждовали, а были дружественными уже не одно поколение, и родственники с обеих сторон были бы только рады, если бы молодые люди поженились. Но Лелинна не любила Кайра, и зная об этом, он сам отступился, хотя мог бы легко вытребовать красавицу себе в жёны. То, как горячо и щемяще он описывал их редкие встречи, в которые только дважды он смог коснуться её руки, может оставить безразличным только самое чёрствое сердце. Возможно, Арвини не читал «Песнь», его образование едва ли включало романтическую литературу прошлых веков. Впрочем, и многие аристократы сейчас её не читают, в колледже такие истории подвергались исключительно осмеянию. И сам он, надо сказать, смеялся тоже — потому что, глядя вокруг, не находил ничего общего с этим, как он считал, неумелым вымыслом. «Не стоит слишком увлекаться, — говорил старший приятель младшему, — придавать такое значение первому увлечению. Огонь существует, чтобы греть, а не сжигать». Мы раса, боящаяся любви, говорил он сам позже Амине. Ведь любовь, при зыбкости надежды быть вместе с объектом любви, превращается в проклятье, в манию, лишаящую покоя. А многим и не нужна такая надежда — видя вокруг сплошь негативные примеры семейной жизни, они не хотели бы, как выражаются земляне, чтоб был убит любовь. Оказывается, общество может жить в кризисе отношений сотни лет,

притупляя страдания дурманом веры в «долг», «необходимость», «неизбежность»... «Огонь существует, чтобы греть, а не сжигать». Только вот самому огню это невдомёк.

Интересно, во всех ли языках образ огня используется для описания страсти, любви, ярости, ненависти? Это может не нравиться, но и с нарнами, и с землянами они в этом точно едины. Иначе, видимо, у минбарцев. Почему-то неизбежно думается об этом, глядя на ровное сияние свечей и кристаллов, на фиолетовое пламя печи. Где найти сердце для такой любви — как разноцветное пламя, переливающееся в прозрачном, как стекло, камне, как огонь, пылающий среди снегов, скрытый под сводами ледяных домов? Любви, которая делает навеки раненным и навеки счастливым одним тем, что она такая. Любви, которая живёт как равная среди звёзд, огонь, но огонь не хаоса и смерти, а творения...

— Диус, Диус, что с вами? — из темноты проступило взволнованное лицо Дэвида.

— А? я говорил вслух?

Кажется, у минбарцев это считается тревожным, когда кто-то говорит во сне. Но разве он спал?

— Не только это. Вы... ведь говорили по-нарнски. Я разобрал только несколько знакомых мне слов, но это совершенно точно нарнский. Разве вы знаете...

— Дэвид, прошу, давайте выйдем на улицу. Хотя бы ненадолго... Возможно, здесь просто душновато...

Возможно, воздух становится плотным от мыслей, думал он, когда они пробирались тёмными шлюзовыми коридорами. Хорошо, что в общей, кроме них, спал только Дамир, и его они, кажется, не разбудили... Но спит ли Андо, и спит ли кто-нибудь там, в других комнатах? Остаётся надеяться, если слышат сейчас — то слышат и пожелание не выходить, не останавливать, не лезть...

Морозная свежесть после сонной теплоты дома перехватила дыхание, в нервы впились тысячи иголок огня — звёзд над головой и сверкающих в сугробах снежинок, разбегаясь разрядами странного пьянящего восторга.

— Кто б мог подумать, что мне так понравится снег. Здесь должно быть страшно, наверное — ночь, снег, снег, снег, и кажется, что ни единой живой души на тысячи километров вокруг. А мне почему-то хорошо.

— Я рад, что вам лучше, но... не простудитесь. Если я правильно понял, вы хотели сказать это без свидетелей, однако...

Винтари накинул капюшон, но ветер скинул его снова.

— Свидетели всё равно не так уж далеко. А уйти дальше от человеческого жилья было б слишком большим безрассудством, я это всё-таки понимаю. И это не потому, что они мне неприятны или я стыжусь... Меня просто очаровывает новое... А холод помогает привести в порядок мысли. Забавная штука — память, Дэвид. Можно не помнить чего-то долгие годы, не забывая специально, а скорее перестав осознавать, держать перед собой. А потом вдруг вспомнить, как будто оно затлело от находящегося рядом огня или раскалённого предмета, и вспыхнуло. Конечно, неправильно сказать, что я знаю нарнский. Как и вы, я могу назвать значения только некоторых слов. Я понимаю смысл только в общем целых фраз, и не уверен, что смогу объяснить их грамотно, а тем более — составить какую-то новую фразу. В конце концов, это было совсем недолго в детстве, а после мне никогда не приходилось к этому возвращаться...

— В детстве?

— Ну конечно, Дэвид! Может быть, вы забыли, что я с семилетнего возраста ношу титул

наследного принца? Возвышение моего отца и эта война, всё это было довольно одновременно. В тот год Центавр наводнили пленные нарны, не всех их сжигали вместе с домами, знать была практична и желала рабов... Было б странно, если б в нашем доме их не было. Если угодно, нормы этикета требовали, чтобы отец сделал матери такой подарок. Не знаю, сколько их было всего, моя память хранит смутные образы только нескольких. Но вряд ли их было так уж мало, это было б... не по-императорски. И кажется, кроме отца дарил кто-то ещё...

— Если это болезненные воспоминания, то может быть, не стоит?

— Нет, болезненного нет, скорее мне трудно подобрать слова — я никогда не говорил об этом...

Они сели на ледяную ступень, благо, пуховики защищали от холода.

— Говорю ведь, память — забавная штука. Я был недостаточно мал, чтобы забыть естественным порядком вещей, и никто специально не заставлял меня забыть. Разве что, вся последующая жизнь... такая разная и противоречивая... Знаете, после встречи с Тжи'Теном и Ше'Ланом я размышлял — если б прежде кто-то спросил меня, ненавижу ли я нарнов, я б не задумываясь ответил, что да, но если б меня спросили, как я ОТНОШУСЬ к нарнам — хороший вопрос, что я ответил бы. Взрослый центавриан лжёт как дышит, есть такие общие светские формулы, которые повторяются без осознания, резонирование на среду. На самом деле я никогда не ненавидел, просто некому было учить меня этой ненависти. Отец был слишком занят, и вообще он был недолго, а мать... ну, у неё тоже хватало других дел, чтоб меня чему-то учить. Да, надо отдать должное матери, она не была чудовищем. Она была холодна и выдержанна в той же мере, в какой горяч и необуздан был отец, и хотя её холодность отравила моё детство куда больше, чем взрывной темперамент отца — было в этом и хорошее. Вот эти нарнские рабы в нашем доме... Я их помню плохо главным образом потому, что с ними ничего особо не было связано. Можете смеяться, но мать не знала, что с ними делать.

Лица Дэвида в темноте не видно было под капюшоном, но в его фигуре чувствовалось напряжение — тяжело говорить о таких вещах с жителем мира, в котором рабство было искоренено ещё до Валена, а слуги имеют совсем не то значение, что на Центавре.

— Она привыкла к слугам из центавриан. Большую часть, кажется, она отослала работать в наших садах на юге, или смотреть за лесным поместьем... Хотя за чем там смотреть — лес растёт сам и рыба в озере плодится тоже сама, а дом на тот момент был новеньким, ничего чинить там не приходилось. Тем же, кто был оставлен в доме, кажется, их было около двадцати, по крайней мере, столько помню я — она тем более не могла придумать занятий. Мужчин она вроде бы отправила рыть котлован под фонтан и перекладывать старую стену, они сделали это довольно быстро и остальное время подстригали кусты, до которых не успевали добраться наши садовники, или просто сидели в тени у пруда и разговаривали меж собой. Жили они в пристройке, двери которой выходили в сад, и в доме бывали очень редко. С женщинами же было ещё тяжелее. Не такова была моя мать, чтоб поручить им хоть что-то. Починить кружева на балдахине? Но ведь у этих грубых животных нет и не может быть никакого вкуса, они испортят его окончательно. Чистить серебро, вытирать пыль? О чистоте, по её мнению, они тоже не имеют понятия. Мыть пол в комнатах прислуги и помогать на кухне — не готовить, не мыть посуду, и даже не приносить продукты из погребов (принесут непременно что-то не то, да ещё и уронят по дороге), а выносить помой, топить печи и стирать вещи слуг — вот и всё, что она могла им поручить.

По сути, они были слугами слуг... То есть, работой она их не перегружала — комнатки слуг маленькие, вещей у них тоже немного. Остальное время они болтались по дому или тоже сидели в саду. И она никогда не издевалась над ними. Не знаю, можете ли вы представить, как могут издеваться центавриане, и в особенности центаврианки, над нарнами, я сам едва ли могу это представить, хотя слышал после немало... Но моя мать никогда себе подобного не позволяла. Это было то, в чём её характер был противоположен отцовскому — попросту, она не терпела ничего неэстетичного. Побои, пытки — она не желала даже слышать о подобном, не то что иметь это в своём доме. Одного слугу она уволила за то, что он бил жену, а её раздражали синяки на её лице. Вокруг неё всё должно было быть красивым, она увольняла старых слуг и продавала старых рабов, если только они не имели особо ценные для хозяйства навыки, а уж какое-либо членовредительство в её мире не имело права существовать. Это одна из причин, почему мы не были вхожи в императорский дворец — она знала о милых развлечениях отца и созерцать их лично не желала. Она могла с каменным лицом выслушивать повествования о его похождениях, прекрасно понимая, что он хочет вывести её из себя, но все её родственники прекрасно знали, что при ней нельзя отдать приказа о каком-либо физическом наказании для рабов — позже, в приватном разговоре, истерика была гарантирована. Ругательств — в тех рамках приличия, которые допустимы для высокородной дамы — от неё с избытком доставалось и тем и другим слугам, и мне тоже. Она могла швырнуть в лицо плохо отглаженное платье или за не понравившийся десерт лишить ужина, иногда — поручить особо тяжёлую и неприятную работу, это было всё, что допускали её эстетические мерки. В очень крайнем случае она могла отвесить пощёчину. Пощёчина центаврианки для нарна — это очень обидно, но совершенно точно не больно. По большому счёту, дисциплина среди слуг и рабов держалась не столько на страхе перед нею — хотя её истерики не пугали, кажется, только отца, он ими развлекался — сколько на страхе, что она может уволить их или продать, а в другом доме порядки могут быть совсем иными. Назвать наш дом раем для слуг и рабов нельзя, капризы и требовательность матушки зашкаливали нередко, под настроение она могла велеть полностью поменять мебель и портьеры в комнате сей же момент, или забраковать приготовленный завтрак и поминутно поторапливать, когда готовился новый, жизнь служанок, заведовавших её нарядами, вообще была сплошным испытанием, я хорошо помню, какой скандал она устроила, когда купленное вчера платье на следующий день показалось ей уже не таким красивым — виноваты в этом были все, кроме неё... Но от нарнов она редко чего-то требовала, считая их априори не способных на что-то значительное. Вы хотите спросить, верно, почему она их не продала, тем более что и внешне они в её эстетику совершенно не укладывались? Не то чтоб она прямо не имела на это права, но этого не позволяли правила приличия. Подарок мужа как-никак, к тому же императора. Было бы странно перед людьми, если в доме императорской семьи нет рабов-нарнов, когда даже у какого-нибудь провинциального лавочника, имеющего сына-военного, хоть один такой раб да есть. К тому же, ей доставляло некое наслаждение не позволять отцу распоряжаться их жизнями, ведь теперь они ЕЁ собственность.

— Что ни говори, у вас было впечатляющее детство, — пробормотал Дэвид.

Винтари зябко потёр ладони.

— Ну, это был совсем не долгий период... Так вот, среди женщин там была одна старуха. Как я понял, старуха — она хорошо помнила первую оккупацию, благодаря чему немного знала центаврианский, в отличие от более молодых соотечественников, познания

которых в центаврианском были примерно равны познаниям матери в нарнском. Возможно, благодаря этому её и включили в число подаренных — подбирали, зная мать, молодых и сильных, и большинство из них, по крестьянскому происхождению, никакого языка, кроме родного, не знали. Несколько были, кажется, из городских служащих и из семей торговцев, они знали земной, таковых мать и оставила в доме. Эту старуху ей взбрело в голову прикрепить ко мне — «ходить за мной». По сути, в буквальном смысле. Прибирать разбросанные мной вещи, напоминать мне об уроках и времени обеда или ужина и сопровождать, куда бы я ни направлялся. Мне было семь лет, едва ли я мог бы упасть в пруд и утонуть, это было обычное желание огородить себя от каких либо беспокойств с моей стороны. По правде говоря, я даже не знаю, считалась ли эта нарнка подаренной именно мне, или всё же оставалась собственностью матери, меня совершенно не занимал такой вопрос. Слишком значительным открытием для меня было её существование вообще, между прочим, это ведь были первые живые инопланетяне, которых я увидел. Послов я видел только на экране, а это, как понимаете, не слишком отличается от художественного фильма. А тут живой инопланетянин стал частью моего интерьера... Да, вместе с удивлением, я в то же время воспринимал её совершенно естественно, так же, как стол, кровать и клетку с птичками. В домах аристократов нередко содержались экзотические животные, в том числе из колоний и вообще очень далёких миров, моя мать, правда, не одобряла подобных увлечений. Возможно, это звучит удивительно, но я не испытывал к ней никакой враждебности, для этого попросту не было причин. Всё то, что я знал к тому времени о первой оккупации, о всей истории взаимоотношений наших миров, было ещё слишком бессистемно и абстрактно, та взбунтовавшаяся и выбившаяся из-под нашей власти колония, те грубые варвары, осатанело сопротивлявшиеся нашей доблестной армии и убивавшие моих соотечественников с наслаждением, никак не ассоциировались с ней. Не могу вспомнить, видел ли я до того хотя бы изображения нарнов, но представлялись они мне почему-то очень смутно, вроде неких каменных гигантов, смертоносных чудовищ из легенд, в которых не могло быть ничего общего с нами, кроме как две руки, две ноги, одна голова... Кроме того, она ведь была МОЕЙ. Собственностью нашей семьи, частью окружавшего меня мира, всего того, что составляло мою жизнь, мой комфорт. Рабовладельческую систему взглядов сложно объяснить, ещё сложнее от неё избавиться. Раба немислимо ненавидеть, если только он не бунтует против тебя. Раба вполне можно любить, если он хорошо выполняет свою работу.

— Она не бунтовала?

— Это сложный для меня вопрос. Я ведь смотрел на всё с уровня своей детской, с уровня своих семи лет. Может быть, я не всё понимаю, уж точно не всё понимал на тот момент, но — ещё более удивительно, да — и она тоже не ненавидела меня. Видимо, потому, что я был хоть и центаврианином, но ребёнком. Центавриане, приезжавшие в их деревню забирать большую часть урожая, были мужчинами, солдатами. Она понимала, конечно, что у них есть семьи, но никогда этих семей не видела. Возможно, будь мне больше десяти лет — отношение было бы иным, но я был ещё дитя даже по меркам рано взрослеющих нарнов. Я не вёл себя с нею спесиво, на тот момент этому меня тоже никто не учил, и быть приставленной ко мне было, наверное, не самой плохой судьбой. Она прибирала мои вещи, наполняла для меня ванну, сопровождала меня, куда бы я ни направлялся, и отвечала на мои многочисленные вопросы — почему у неё красные глаза, почему у неё нет волос и груди, как у мамы, почему она так смешно произносит некоторые слова, что она шепчет вечерами, глядя на закат, и почему при этом встаёт на колени. Я до

того не видел, как кто-нибудь молится — по возрасту я ещё не участвовал в религиозных церемониях... Я мог задавать ей и разные другие вопросы — почему дождь бывает очень сильным, а бывает морозящим, почему на солнце жарко, а в тени прохладно, почему невозможно совсем не спать, почему дети растут, а взрослые уже нет, как получается отражение в зеркале, почему стекло прозрачное, почему невозможно потрогать туман — всё то, чем я не мог беспокоить свою мать. На многие вопросы, конечно, я уже мог найти ответы в книгах, но интереснее было послушать, как кто-то взрослый попытается это объяснить — пусть и неправильно... Её объяснения бывали очень необычными — совершенно ненаучные, из каких-то простонародных представлений. Она не нежничала со мной, такое слово тут вообще не применимо, она просто отвечала на мои вопросы и делала то, что я ей говорил, выполняя это, как порученную ей обязанность, но думаю так же, она несколько сочувствовала мне, достаточно быстро увидев, что моя мать меня не любит. Вряд ли она ставила перед собой задачу воспитать во мне расположение к нарнам, на её месте я не рассчитывал бы на подобное, но она была далека от мысли зарезать меня спящего, полагаю, не только из соображений самосохранения. Однажды — мать надолго была в отъезде — я уговорил её на авантюру. Она разбудила меня рано утром, ещё до рассвета, наскоро умыла и повела посмотреть, как растапливаются печи на кухне. Мне казалось это страшно интересным. Печи с настоящим огнём в домах аристократов — не необходимость, а дань традициям, каприз — считается, что только так пища получается вкусной и полезной. При чём чем древнее модификация печи, тем больше гордости, и тем это расточительнее — на такую печь нужно безумно много дров... Тогда я всего этого не знал, конечно. Я с большим интересом наблюдал, как строгают лучины, как складывают их, как высекают огонь специальным огнивом. Немного завидовал кухонным работникам, которые каждое утро совершают, как обыденность, такое волшебное действие — куда интереснее моих бесконечных книг и уроков этикета, которые тогда уже были. Да, танцы и шпага — это уже позже началось, как раз вскоре после этого... И мне позволили положить в печь одно полешко, это было такое счастье! А она в это время рассказывала, что Дедушка Огонь — старый и мудрый, и очень строгий. Он обогревает жилища людей и готовит им пищу, но он же может уничтожить дотла и людей, и их жилища, если разгневается. Рядом с огнём нельзя громко разговаривать и ругаться. При этом она неодобрительно покосилась на посудомоек, как раз задорно перекрикивающихся через пол-кухни. Одна из них ответила что-то резкое, и я сделал ей замечание. Это тоже было проявление гордости — не позволить материной рабыне оскорблять мою. Мне всё-таки было уже семь лет, и я тоже был хозяин... Ещё тогда же она рассказала мне, как сжечь беду. Ну, если хочешь избавиться от какой-то болезни или проблемы в жизни... Для этого надо из обрывков старой одежды или обуви смастерить куколку или просто мешочек — куколку, если проблема с кем-то из людей, мешочек — если в делах или по здоровью, и носить на груди, всё время думая о своей проблеме, чтобы изделие пропиталось ею. Как долго — это не устанавливается, как сам чувствуешь. А потом на рассвете, растапливая очаг, сжечь эту штуку. У неё было много примитивных суеверий, как раз о Г'Кване я от неё ни разу не слышал, видимо, в её глухой деревеньке жили по совсем старинным обычаям.

Холод медленно сковывал ноги и руки, пробирался в рукава и под капюшон, но почему-то это казалось даже приятным, несмотря на понимание, как будет ломить все члены по возвращении в тепло. Спящая снежная толща вокруг, редко падающие снежинки и Дэвид рядом, внимательно слушающий, хоть и не видно его лица — это было самое лучшее, что

могло быть здесь и сейчас.

— И однажды она... спасла меня, как мне кажется и теперь, когда я уже взрослый. Те эмоции были слишком яркими, хоть я и не возвращался к ним памятью все эти годы — они впитались в меня... Помните, вы спросили меня, видел ли я Теней, и я ответил, что конечно же, нет, вы, кажется, удивились. Но, как я уже сказал, детей моего возраста и младше редко брали на различные торжественные мероприятия, только если были уверены в их тихости и послушности. Мои родители в чём уж были схожи, так это в том, что я им мешал. Поэтому на торжественнейший парад сил союзников меня и мысли не было взять. Иногда я думаю — просто в матери в кои веки заговорил здравый смысл. Сама она отказаться не могла, но ребёнок с психозом после этого ей был не нужен. Правда, в столицу меня взяли, по велению какого-то престарелого родственника матери, пожелавшего перед смертью увидеть будущего императора. В упор его не помню, хотя в его доме мы и останавливались... Я вообще помню всё это более чем смутно. Помню только само чувство ужаса, леденящего и беспросветного, ни до ни после не было ничего подобного. И она, моя личная нарнка, конечно, тоже поехала с нами. Помню, как она закрывала ставни в нашей комнате — высокие, тяжёлые ставни, там были очень высокие окна. Как на большом железном блюде зажгла огонь, как обхватила меня руками, закрывая своим телом, бормоча слова молитвы на родном языке. Чтоб их всех взял огонь, защитник живых, враг всякой скверны... Они ведь пролетели очень быстро, а их визг, хотя физически я по идее никак не мог его слышать, долго отдавался эхом в черепной коробке. В тот момент я мог поверить во всех нарнских богов, только бы эти чудовища улетели — улетели навсегда, так далеко, как только возможно...

Ладонь Дэвида легла на его озябшие руки.

— Мне сложно даже представить, каково вам было. Пережить такой ужас, когда тебе всего семь лет...

— Самое печальное, что тех, кто пережил этот ужас, не так мало. А говорить об этом не многие способны. Это мы раса, разучившаяся говорить, а не телепаты... Всё знать, всё чувствовать и молчать — тысячами, миллионами, это наше всё. Никто не хочет признать, подумать, что сделало со всем нашим миром такое, хоть и недолгое, соседство. Этот ужас действительно меняет жизнь, даже если потом ты не вспоминаешь об этом, смеёшься, прожигаяешь жизнь, как будто ничего не было. Только много позже я услышал другие впечатления от столкновения с Тенями, а годы до этого мне просто не с кем было об этом поговорить, как-то интуитивно чувствовалось, что об этом, как обо всём действительно значимом, не принято говорить... Это не просто ужас, это безысходность и обречённость, от самого факта существования рядом этих сущностей. Их голос, веянье от них, как пронизающие всё убийственные лучи, раньше так, наверное, представляли радиацию. Только если бы радиация обладала сознанием, волей к убийству, а не просто была продуктом распада вещества. Это отрицание тебя, уничтожение тебя... Тебя словно выжигает из телесной оболочки, ты корчишься, как бумажный лист в огне, задыхаешься, как рыба в разлитой нефти. Знаете, о чём-то подобном хорошо сказал один землянин — «Как будто ты узнал, что бога нет, а дьявол есть, и он перед тобой». Что было хорошо в моих колледжевских приятелях — они не признавали тем, которых нельзя касаться. Один раз мы коснулись этого факта истории. Один из них был на этом параде, родители заставили... Спустя годы, он по-прежнему видел кошмары. У каждого какие-то свои слова для описания впечатлений, и каждый знает, что никаких слов не хватает. В ярко освещённой комнате, где стол ломится от угощений, где смеются красивые девушки, конечно, в такое не верится в

полной мере. Но мороз по коже всё же проходит... Знаете, здесь, сейчас — только бледная тень этого мороза. Вечная ночь, вечный холод, космос без воздуха, без тепла и жизни — лишь слабое подобие. В тот вечер мы, в общем, знатно напились, чтоб хоть как-то заглушить это...

— Значит, это от неё вы знаете нарнский? Видно, она имела огромное значение для вас.

— Не то слово. Я ведь говорю, удивительна способность сознания забывать о важном, избегать серьёзного. Она была одной из немногих в тот период моей жизни, кто не отмахивался от меня, кем я мог располагать... Пусть её к тому вынуждала необходимость, и она не могла сослаться, как другие слуги, на то, что должна сейчас выполнять порученную матушкой работу, а не смотреть, что я там интересного нашёл в книжке, которую она всё равно не понимает, пусть она потому только и ходила со мной по саду и рассказывала, как какой-то там древний герой принёс на своих плечах гору, чтобы изменить русло реки, что считала это своей обязанностью, тяготой, которую несла с достоинством — для меня и то было хлеб. Всё почтение, которое я встречал со стороны учителей и друзей семьи, не делало их ничуть сердечнее. И никто из них, конечно, не подумал быть со мной в тот страшный момент... Знаете, а я ведь сжёг беду, как она учила. Мысль о том, что они живут на нашей планете, не давала мне спокойно спать. Я сделал такой мешочек. И сжёг его, попросив, чтоб Дедушка Огонь избавил нас от порождений зла. И на следующий день остров Целлини был взорван. Конечно, это совпадение...

— А она? Где она теперь?

— Не знаю. Возможно, её уже нет в живых. После смерти отца, вы знаете, Моллари и Котто распорядились прекратить всякое взаимодействие с миром Нарна, и все нарнские рабы вернулись на родину. Вернулись и все те, кто служил в нашем доме, и она тоже. Знаете, между ними и рабами-центаврианами, конечно, не было какой-то там дружбы и солидарности, а нередко была и вражда, но все эти события... Теперь я понимаю, какая буря чувств тогда владела всеми, и знатью, и чернью. Смерть императора и оставление завоёванного мира — не то, чему принято радоваться на Центавре, и странное поведение взрослых объяснялось, видимо, тем, что они всеми силами стараются не обнаружить неуместную радость. Правление моего отца было таково, что никто, от высших царедворцев до распоследних скотников в деревнях, не мог быть спокоен за свою жизнь. Казалось, что их руки тянутся потерять шею, с которой только-только сняли петлю. И нарнов провожали на родину с радостью в том числе как... память об этом, что ли. Некоторые центавриане даже совали им свёртки — кто провиант на дорогу, кто деньги... Понятно, ведь дома предстоит обустройство с нуля, отстройка разрушенного... Я слышал, как кухарка с посудомойкой спорят, не будут ли центаврианские дукаты совершенно бесполезны на Нарне и не дать ли немного земных денег, как раз у кого-то в городе можно выменять. Или же лучше дать немного зерна или детские вещи — пусть центаврианские, что ж теперь, в разрушенных городах сейчас ничего не найдёшь, хоть голым ходи. Это было удивительным, редким моментом, как сквозь традицию презрения и ненависти прорывается сочувствие, человечность... Я тоже хотел дать ей что-нибудь, ведь она верно мне служила, она сделала мою жизнь чуть менее унылой и одинокой. Но я... застеснялся. Подумал, как буду выглядеть в глазах всех, кто это увидит, и её в том числе. Да несомненно, она, как и все нарны, с возмущением отвергла бы любую центаврианскую подачку. Я скрылся в саду, весь тот день гулял там, старательно прячась, чтоб никто меня не нашёл. Мне было на самом деле жаль и обидно расставаться с ней. А после я долго жалел, что всё-таки не попытался выплатить ей

какое-то вознаграждение — пусть отказалась бы, я б это как-то пережил... Но не считала бы меня неблагодарным. А сейчас я понимаю — в семь лет всё равно невозможно найти слова для прощания в такой ситуации. Знаете, пойдёмте в дом. Пожалуй, я сказал, что хотел, и порядочно остудился... а вы уж тем более.

Дэвид согласно кивнул. Винтари встал, разгибая окоченевшие ноги и ужасаясь, как же потеря душевного равновесия делает невнимательным к ближнему. Интересно, долго он боролся с мучительными ощущениями, не в силах прервать рассказ друга, напомнить о прозаических вещах типа риска обморожения или застуды? Конечно, пуховики тёплые, но ведь они сидели, а не двигались... Впрочем, кажется, всё не так страшно...

— А вы... вы хотели бы попытаться её найти?

— Зачем? Я не думал об этом. До сего дня уж точно. И, в довершение абсурдности и паталогичности этой истории, я не помню её имени. Это, конечно, можно б было выяснить, в семейных архивах должно что-то остаться. Но обращаться за этим к матери... Но не в том даже дело. Что я ей скажу? Что вообще может сказать центаврианин нарну? Я не могу найти слов для Андо, что говорить об урождённых нарнах... Я помню лишь несколько нарнских фраз, этого определённо недостаточно. И, знаете ли, я слабая натура, раз так боюсь огня.

— По-моему, это нормально — бояться огня, хоть здесь, как никогда, понимаешь зависимость жизни от него, но это огромная сила, смертоносная и разрушительная.

— Вот именно. Если б люди не нуждались в огне, этот страх не был бы так велик.

==== Часть 2. ДЖАТИЛ. Гл. 4 Песни света и тени =====

И знак был дан, и тучи разогнал,
И оком на меня взглянул,
Очаровал упорством маяка
Светить через века и тьму.
И знак был дан, и душу обогрел
Любовью матери, отца:
«Иди, сынок, и помни знак всегда —
Охранный орден на груди творца».
И знак был дан — опущен меч и лук,
И вздрогнула гитара на груди.
И всё, что свет искомый излучал,
Взошло великим солнцем впереди.
И знак был дан — открыли сердце мне
Навстречу дню сестра моя, мой брат,
И встали мы на полосу огней,
Ведущих до единых светлых врат.
И знак был дан — и тучи разогнал,
И оком на меня взглянул,
Очаровал упорством маяка
Светить через века и тьму.
И час был дан — пройти и провести
По знакам зодиака корабли,
И нотный стан, и светоносный стих,

Чтоб открывать оазисы любви.

И знак был дан, и тучи разогнал,

И оком на меня взглянул...

О. Атаманов

Этот день близился, и радостная нервозность у Винтари всё теснее соседствовала с нерадостной. Это был седьмой день рождения Дэвида, который он встречал с ним вместе, но ведь только этот становился неким рубежом... Что произойдёт в этот день, что откроется? Действительно ли она есть, эта грозящая беда, и если есть — сумеет ли он её предотвратить? Уйдёт ли Дэвид в анлашок? И если да — сумеет ли он сдержаться от того, чтоб умолять его не уходить, не оставлять его? Семь лет — но ему казалось, что он обрёл брата только вчера. Что мало с ним пробыл, мало говорил, мало просто смотрел на него. Он уверовал за эти годы, что они выстроили свой собственный, только их двоих, мир, и теперь ему страшнее всего на свете было остаться в этом мире одному. «Я взрослый центаврианин... Я дворянин, претендент на трон, я должен бы думать о своём месте, влиянии, о том, чтоб представлять род... А я, как маленький мальчик, поверил в свою сказку и могу думать только о ней».

Чтобы отвлечься от тревог, Винтари с вечера взялся помогать Дэvidу на кухне — ритуал приготовления обеда для дня рождения был немного проще, чем для торжественной встречи, но готовить должен был именно именинник. Впрочем, участие помощников разрешалось, чему оставалось только радоваться. Часть блюд были обязательными-ритуальными, остальное варьировалось по желанию. Узнав, что как такового запрета на включение в меню инопланетных блюд нет, Винтари решил приготовить джаботи — центаврианские пирожные, Дэвид готовил их на его день рождения, было волшебно спустя столько лет снова почувствовать вкус родной кухни, тем более такого сложного блюда... Теперь захотелось узнать, сможет ли он сам разобраться в рецепте — никогда прежде он, понятное дело, не готовил.

Минбарские праздники поразили Винтари в самое сердце ещё в самом начале его пребывания здесь.

— Мы не справляем день рождения так, как это принято у землян, — сказал юный Дэвид в канун своего девятого дня рождения, — но конечно, этот день является важным для нас. Мы собираемся за торжественным столом, приглашая тех, кто был с нами в этот год, чтобы вспомнить, что произошло с нами, оценить, что этот год принёс нам, в какую сторону нас изменил. Да, мы дарим друг другу подарки — такие, которые бы символизировали наше отношение к одариваемому. Выражаем благодарность и желаем успехов в учёбе и труде. По такому случаю жрец читает какую-нибудь притчу, наставление кого-нибудь из древних мудрецов.

— Бедные дети, — пробормотал Винтари.

— Ещё мы поём песни.

— Вот это уже интересно...

Реальность, правда, отстояла от того, что мог в этом плане вообразить центаврианин (хотя если честно, минбарцев, поющих застольные песни, он и не представлял, за неимением у них застолий в нормальном смысле, а что представлять — откровенно, терялся. Молитвы? Гимны?). Естественно, пение здесь тоже обязано было иметь глубокий и сверхсерьёзный смысл, иначе у них просто не бывает. Пели в общем случае все присутствующие по очереди, причем, отказаться можно было, и это даже не было позором или оскорблением. Шеридан-

старший вот, как правило, отказывался, заявляя, что его пение может обрушить птиц с неба и поднять мёртвых из могил. Но Винтарихватило невыразимого восторга услышать, как поёт Дэлени. Он имел возможность в своей жизни слышать много прекрасных голосов, и голос Дэлени, быть может, не был самым сильным и самым хорошо поставленным по крайней мере по центаврианским понятиям, но если какой-то голос действительно стоило представлять, читая легенды о таинственных девах, очаровывавших в древности одиноких путников своим волшебным пением, то это, без сомнения, её. Каждый раз отшучиваясь и препираясь, пела Сьюзен Иванова, её голос Винтари тоже очень нравился, в нём было уже больше «центаврианского», он задевал какие-то смутно осознаваемые струны души. Каждый канун дня рождения Дэвида, Дэлени или Шеридана он думал о том, что в прежней своей жизни редко слышал, как кто-то поёт не на сцене и не в крепком подпитии.

...Словно отзываясь на его мысли, Дэвид сказал:

— В этот раз, Диус, мне хотелось бы, чтоб вы спели.

— Что?!

— Вы не хотите? Просто, я подумал... вы знаете столько наших песен, едва ли не больше, чем многие из нас.

— Дэвид, я пел только будучи пьяным. А здесь мне выпить как-то нечего. В трезвом состоянии я реально оцениваю свои данные и не уверен в благозвучности своего голоса.

— Диус, вы же знаете, дело не в благозвучности. Любой голос, воспевающий прекрасное, приятен вселенной. Вселенная слушает и моими ушами, и мне хотелось бы слышать вас.

— Отказать вам в просьбе я просто не могу. Тем более в такой день. Ради вас, Дэвид, я как-нибудь переживу этот позор.

Дэвид улыбнулся.

— Поскольку я тоже буду петь, ещё посмотрим, чей это будет позор.

Что стоит отметить — утра праздников дней рождения не бывали суетными. Всё было готово заранее, всё совершалось спокойно, чинно, но не скучно. Просто не было никаких неловкостей, никаких недоделок. Приглашены были несколько друзей Дэвида по учёбе, Андо с К'Ланом, Тжи'Тен с Аминой, Рикардо, Маркус с дочерьми. Ше'Лан с Тжи'Ла и другие ребята их набора, увы, были в эти дни далеко от Минбара, но обещали вручить свой подарок, как вернутся. Зато смог присутствовать доктор Шон Франклин — его очередной визит на Минбар выдался совсем коротким, но выпал как раз и на этот день. Может быть, и формально неправильно было приглашать того, кого Дэвид видел-то третий раз в жизни, не то что не общался с ним последний год, но доктор Франклин полюбился и Дэвиду, и всей семье, а возможности видеться было не так много.

Разумеется, без обрядов и умствований было никак, но Винтари сейчас это уже практически не напрягало. По правде говоря, центаврианское буйное веселье или земные шумные празднования сейчас были бы совершенно не по силам ему душевно. Гости рассаживались вокруг стола, именинник сам накладывал угощение в их тарелки из общего большого блюда, при этом говоря несколько общих слов благодарности угощаемому и его значению в своей жизни. Затем гости, каждый понемногу, откладывали долю в тарелку именинника, благодаря его за то внимание, что он им оказал и в целом за то, что он случился в их жизни. Винтари при этом, конечно, не мог не вспоминать все их разговоры за эти годы, неизбежно возвращавшиеся к теме двойственной природы Дэвида. Казалось бы,

удивительно должно быть, когда взгляд цеплялся за торчащие из копны чёрных волос костяные острия, осознавать, что в этом почти-землянине есть минбарская кровь, но гораздо чаще Винтари с удивлением вспоминал, что это на большую часть человек, а не минбарец.

«Можно, пожалуй, сказать, что ему выпала редкая возможность выбирать, кем быть, кем себя считать, — думал Винтари, наблюдая, как его юный друг накладывает запечённые фрукты в тарелку Андо, следя за движением его губ, но не слыша, впрочем, его слов, — и наверное, это как-то грустно, что Землю, людей он — не выбрал. Стоило ведь ожидать иное, человеку, особенно в юности, свойственно идеализировать то, чего у него нет, Земля могла быть для него чем-то привлекательным, заманчивым, в противоположность знакомому и нудному Минбару, три четверти земной крови должны тянуть сильнее, чем одна...».

— Дэвид никогда не будет ни полностью минбарцем, ни полностью человеком! — громко шепнула сидящая рядом с Винтари Талечка, — он — мост между расами!

— Таллия! — сестра пнула её под столом, — ты же знаешь, это нехорошо!

— Но он думал так громко!

— А тебя тоже вечно что-то за язык тянет? Если не сумела заблокировать чужие мысли — это повод совсем не для гордости!

— У меня не получается! Когда тебя нет рядом, я ведь и так почти ничего не слышу!

Винтари уже знал, что дочери Ивановой унаследовали телепатические способности практически на уровне матери, то есть, очень слабые. Практически, общаться мысленно они могли только внутри семьи, Сьюзен, Софья и Талечка. Порознь девочки редко могли слышать мысли других людей, но когда они были вместе, их способности странным образом усиливались.

— Что-то похожее на интерференцию, — говорила Сьюзен, — как будто их мозговые волны совпадают по фазе, и они усиливают способности друг друга. Удивительно, такой... симбиоз... а ведь они не близнецы, просто погодки!

Интересно, не обижены ли они в душе на мать, что её нет сейчас рядом с ними, рядом с Дэвидом, что им всем она предпочла сомнительное удовольствие нянчиться с чужой тётёй, у которой, возможно, всё совершенно безнадежно с головой?

— Мы вовсе не злимся на мамочку!

— Таллия!

— Ну а что, если он думает, а я могу ему ответить? — насупилась на сестру Таллия, — ждешь, пока он вслух произнесёт? Мне не сложно сказать, что я не обижаюсь, а тебе что, сложно?

— Всё равно, это неправильный поступок!

— Я не могу не слышать! Он громко!

— Всё нормально, — улыбнулся Винтари, — наверное, сказать вслух я не решился бы, и продолжал бы жалеть вас, а это было бы, возможно, ещё менее правильно.

— Мы не обижаемся на маму, — покачала головой Софья, — мы не считаем, что она нас бросила. Тёте Таллии она сейчас нужнее.

— А вам разве не нужна?

— У нас всё хорошо. Мы можем гулять, можем петь и смеяться, тётя Таллия — не может. Мы видим небо своими глазами, она — нет. Мама ей нужнее, чем нам.

— Мы видели её кошмары, она показывала нам, что с ней было и что с ней есть. Она отпугивает нас от себя, чтобы не навредить. Но ей нужна помощь. Мама не врач, и мамины силы даже меньше наших, но она ей — близкая.

Было что-то даже жутковатое в том, как девочки говорили то наперебой, то хором. «А может, и не страдают они от уменьшения материнского внимания... Нужен ли им кто-то, кроме друг друга? Всё равно, такое отсутствие эгоизма в детях, такое понимание, что у взрослых есть и другая жизнь — это так удивительно... Хотя, у них тоже, хотя бы отчасти, минбарское воспитание».

Дэвид подошёл к девочкам. Они убрали вторую тарелку, как делали и до этого на всех торжественных обедах. «Они действительно нечто замкнутое... Совершенный тандем. Но в то же время — они любят свою семью, и любят Дэвида... хотя непонятно, считают ли они его кем-то вроде двоюродного брата или почитают как некоего мессию, у них это неразрывно связано...».

Последним, замыкая круг, Дэвид подошёл к Винтари.

— Шесть лет я в этот день говорил слова благодарности нашему гостю, принцу Республики Центавр Винтари — за неоценимые его труды по установлению мостов понимания между нашими мирами, почти потерянными друг для друга, за то, что своей дружбой, нашими долгими беседами даёт такую радость учить и учиться. Сегодня я хотел бы сказать моему брату Диусу спасибо за прекраснейший из даров — дар братской любви, родную душу рядом, без чего я не был бы тем, кто я есть.

У Винтари было ощущение прекрасного сна, от которого он боялся проснуться. Сладкие ягоды таяли на языке, медленно разливаясь теплом по гортани, он чувствовал обращённые к нему взгляды и предполагал, что у него горят щёки и уши.

Мир никогда ещё не был таким. Люди говорят об этом «как в детстве», но в детстве Винтари так не было. И в снах, кажется, не было — по крайней мере, до не столь давнего времени. Так красиво, так... правильно... Он переводил взгляд с одного на другого из собравшихся здесь. В этот миг здесь, чувствовалось и хотелось верить, не было чужих. К'Лан, перегнувшись через стол, о чём-то увлечённо беседовал с Маркусом — наверное, с чём-то особом рейнджерском, глаза у обоих горели. Шин Афал и Тогдер, школьные друзья Дэвида, взяли в оборот доктора Шона — что не странно, оба, как понял Винтари, в будущем собирались стать врачами, после обряда выбора касты они переведутся для обучения в одну из Школ врачебного мастерства либо в Йедоре, либо в Айли, и тогда, наверное, они с Дэвидом долго не увидятся... Торн станет жрецом и продолжит обучение при храме, религия его влечёт больше, чем что-либо, а его двоюродный брат Ранвил пойдёт в рейнджеры, для его семьи это давняя традиция... Винтари вспомнил, как впервые увидел Шин Афал и Ранвила — где-то через три месяца после своего прибытия, они пришли к Дэvidу для выполнения общего домашнего задания. Он впервые видел детей-минбарцев, до этого даже не представлял, как это выглядит. И надо сказать, против воли был очарован. Он не всё понимал из их разговоров — тогда его адронато ещё не был на высоте, а Ранвил к тому же часто сбивался на фих. Он слышал речь как музыку — шелест и переливы адронато, короткие, похожие на звон стекла или металла, фразы языка воинов. Сейчас он отметил, что Шин Афал очень красива. Ну да, он прожил здесь достаточно, чтобы различать минбарцев и даже считать некоторых из них красивыми. И кажется, она не равнодушна к Дэvidу... А к ней не равнодушен Ранвил...

Ладони Дэвида над мягко сияющей призмой — у землян этот камень сравнили бы с кварцем, у центавриан с керили, но ни тот ни другой не светятся, по крайней мере, точно не светятся от звуков голоса. В этом розовом свечении пальчики Дэвида выглядят особенно... тонкими, безупречными, хрустальными. Он ровесник Ранвила, Ранвил справил свой

шестнадцатый день рождения всего месяц назад, но выглядит куда меньше, тоньше. Возможно, потому, что Ранвил происходит из воинов, у него более широкая кость... Но Торн, который на год младше, выше Дэвида и шире в плечах. Дэвид очень тонкий и хрупкий, по-девичьи красивый. Когда он был младше, это, пожалуй, не так бросалось в глаза, это изящество фарфоровой статуэтки для ребёнка было не странным. Но прошедшие годы не огрубили его облика. Он невольно приковывает взгляд, особенно когда улыбается. Иногда это улыбка отца, иногда — матери, он светится их светом, их общим светом. И у него такой красивый голос.

Всё же, вспоминаясь снова их разговоры, Минбар принял его. Ну да, круг его друзей невелик... До чего ж смешно это было на самом деле — предполагать, что к Дэвиду, как сыну таких великих родителей, все должны относиться с обожанием и стремиться с ним дружить. Разве Дэвид не вправе был предположить то же и о самом Диусе, и ошибиться так же? Ну да, картина при взгляде из другого мира нечётка. Великих сопровождает не только обожание, но и вполне понятное раздражение, сколько лет прошло, а не все простили Дэлени её прекрасные чёрные кудри, и не все забыли прозвище «Убийца Звёзд». Если вспомнить об этом, то Дэвид — совершенно чужой Минбару. И однако же, Минбар его принял. Тот же Ранвил, говорил Дэвид, года два задирает нос, что более чем логично для происходящего из воинского клана, но ведь они всё же стали друзьями. Думается, кастовая гордость уступила объективному факту — Дэвида воспитала та же культура, и более того — он сам выбрал её.

Петь после Шин Афал, откровенно говоря, не хотелось. Как можно превзойти девушку с таким божественным, высоким голосом, к тому же исполняющую песни собственного сочинения? Но к уговорам присоединились и Дэлени, и Софочка с Талечкой.

Была ещё песня К'Лана — парень сперва от смущения заикался, не удержавшись, к нему присоединились Тжи'Тен и Амина — эту старинную балладу они тоже знали, был дуэт Софочки и Талечки, Маркус долго отнекивался, припоминая, как отец Шона обещал сделать с ним за пение что-нибудь нехорошее, скромничал и Рикардо, утверждая, что слухом его господь обидел точно, потом всё же спел одну из песен, которым учила его в детстве мать. Андо петь отказался, под предлогом, что ему совершенно ничего не приходит в голову.

— А вы споёте, Шон?

— Кто, я? — Франклин-младший перевёл удивлённый взгляд с призмы на Дэвида, — но я... Я, конечно, читал сборники вашей поэзии... Но в основном в переводе на земной. А выучить что-то... мне просто не пришло в голову.

— Разве здесь звучали только минбарские песни? Спойте то, что хотите спеть. Быть может, мы ещё очень долго не встретимся. Пусть призма запомнит ваш голос.

Шон улыбнулся и сдался.

— Знаете, для моего народа песни имели огромное значение. Песня — это не просто часть религиозного культа, это... исповедование себя, своей веры, своих чувств, всей своей сути. Песни своего мира я не пел много лет. В них больше не было надобности. Но я узнал другие песни. Разные песни. Весёлые и грустные, торжественные и легкомысленные. Больше всего, конечно, песен Земли... Но песня, которую я сейчас спою — не земная. В нашу первую встречу с принцем Винтари мы говорили о том, что во вселенной много удивительных встреч, много... неожиданного подобия. Всего через полгода после этого разговора я попал в мир, о котором прежде разве что слышал краем уха. Они называются энфили, находятся на границе сектора дрази. Ввиду удалённости и недостаточного уровня

развития их цивилизации — они сами в космос ещё не вышли — до сих пор они практически не имели контактов с нашими мирами.

— Я слышал, они только недавно получили независимость — подал голос Винтари.

— Формально они никогда не были под протекторатом дрази, — возразил Шеридан, — на практике же только 17 лет назад, после вмешательства рейнджеров, дрази оставили этот мир в покое... На этом примере мы тогда и проиллюстрировали, как именно не следует поступать, будучи членом Альянса. В дальнейшем рейнджеры охраняли границы мира, но им потребовались, разумеется, годы для восстановления.

— Они достигли за эти годы, конечно, многого, — кивнул Шон, — но всё равно остаются отсталым аграрным миром, для выхода в космос они пользуются покупными кораблями. Однако они подали заявление на вступление в Альянс. Хотя долго сомневались, что их возьмут.

— Отсутствие развитых технологий и военной мощи — не основание для отказа. Альянсу нужны все миры, готовые к сотрудничеству, и программа помощи отсталым мирам у нас тоже не для галочки.

— Да, знаю. Поэтому в рамках обмена я отправился с группой ксенологов в этот мир. Энфили ведь нет ни в одной базе данных, сведенья о них отрывочны... Встретив первого гражданина их мира, я испытал одно из самых больших потрясений своей жизни.

— Они так необычно выглядят?

— Они один в один — ондрины! Как учёный я до сих пор не могу поверить в такое совпадение. Мы привыкли, что разумные формы жизни могут иметь общее в своей основе, развиваться по одним и тем же законам, но отличия всегда есть, и глубокие. Самые схожие расы — люди и центавриане, вы все знаете этот пример. Здесь же... проведённые нами исследования одно за другим подтверждали — не только внешне, но и внутренне это, по сути, ондрины. Ориентировались не только по данным справочников, брали для сравнения меня — живой образец... отличия нюансны. Это при том, что миры ондринов и энфили разделяло несколько звёздных систем и контактов быть не могло никаких.

— Мы, конечно, много раз убедились, что вселенная полна сюрпризов, но этот удивляет даже нас.

— Правда, культурные различия — огромны. Совершенно иной язык, нет никакой оформленной религиозной системы — энфили, можно сказать, раса агностиков. Считают, что верховный бог непознаваем и ему особо нет до них дела.

— Что, если задуматься, вовсе не плохо...

— Я никогда не мог сказать, что чувствую себя одиноким в мире, где остался единственным представителем своего вида. У меня были друзья, ко мне были внимательны и добры многие. Но сейчас я стал... ещё более неодиноким. На ближайшие несколько лет у меня в этом мире работа — специалисты, у которых могли бы учиться, это первейшее, о чём просили энфили у Альянса. И наше сходство для них — знак... Знак, что мы различаемся меньше, чем можно было думать. Что мы едины. Песне, которую я хочу вам спеть, меня научили в первые же дни там. Это их гимн, сочинённый вскоре после того, как рейнджеры защитили их от разбойных нападений дрази. Гимн радости и надежды.

По итогам вечера, пожалуй, Винтари был счастлив так, как будто день рождения был у него, а не Дэвида. Нет, на его собственные, все, которые он справлял здесь, он тоже совершенно не мог пожаловаться. Они справлялись, конечно, без всех этих церемоний... В

узком семейном кругу, но это устраивало его вполне. Никакие пиршественные столы не стоили того, что было приготовлено заботливыми руками Дэлени и Дэвида. А учитывая, что этот день традиционно отмечался так же тренировочно-экскурсионными вылетами с Шериданом на каком-нибудь особенно интересовавшем его корабле, с допуском к управлению, настройке, а иногда предварительной починке — иных подарков было и не надо.

Совместная уборка посуды лично для него тоже была продолжением праздника. Потому что вместе с Дэвидом. Потому что со смехом и шутками, как проходила у них любая работа по дому.

— Нет, ну чего Рикардо отнекивался? Произнёсший столько приветственных слов уж как-нибудь справится с песенкой про еду.

Винтари уже знал, что конструкции вроде той, что сейчас изрёк Дэвид, следует считать чем-то вроде минбарской остроты. До конца он эту игру слов, конечно, не понимал, но знал, что она здесь есть.

— Интересно, что Андо только под конец что-то вдруг... отморозился.

Дэвид посмотрел на кольцо на пальце — внезапный подарок Андо.

— Ну, сколько уже говорилось, что у него сложности с выражением чувств... А может, и с самими чувствами... Но знаете, я смотрю на это кольцо и почему-то у меня странное ощущение, что чувства у него всё же есть. Оно передаёт их, эти чувства... Оно... тёплое...

Винтари хмыкнул. Нет, он не испытывал по поводу Андо особых отрицательных эмоций... Ну... почти не испытывал... Всё-таки немного неприятно, когда ты протягиваешь руку дружбы, а её будто не замечают... Впрочем, никто и не обязан сразу соглашаться на любую дружбу, которую ему предложат... По крайней мере, с телепатами Ледяного города у него всё же установился какой-то контакт... Ну да, контакт... Но чёрт с ними, с чужими странными обычаями...

— Шин Афал удивительно красиво поёт. Как я понял, пение её увлечение не только по праздникам?

Дэвид кивнул.

— Шин Афал пела всегда. Её тетья — Шаал Майян, известная минбарская поэтесса, имела на неё большое влияние с детства.

— Тогда понятно, я слышал Шаал Майян. Не многое понял, оба раза, когда слышал, мой адронато был сильно не на высоте... Но это действительно волшебно. Я слышал, они с Дэлени давние подруги? Наверное, им приятно, что их дети тоже дружат. Жаль... Смешно, раньше удивился бы тому, что это говорю, а теперь удивляюсь, что не сказал раньше... Жаль, что Г'Кар не дожил.

— Если вы к тому, что ему тоже было бы, чему порадоваться, то... не уверен. Едва ли его расположение ко мне, очевидное ровно потому, что к большинству окружающих он расположения не выказывает, можно называть дружбой. Возможно, оно станет дружбой, хотелось бы. Но... мы что же, говорим о дружбе наследственной, дружбе по причине того, что дружили родители? Ну, насколько можно так говорить, о моих родителях и Г'Каре... Ведь им руководит именно что-то такое, над ним довлеет прошлое, а не настоящее. Если б вы стали ему другом — такому чувству я больше бы доверял.

Винтари задумчиво окунул в чистящий раствор новую тарелку.

— Не слишком ли вы суровы. Пожалуй, стоит для него начать с взаимоотношений, к которым он хотя бы подготовлен. Против вас у него нет предубеждений. Против меня — я б

на его месте тоже их имел.

— Мне думается, вы всё же не совсем правильно его поняли. Не смогу объяснить, потому что сам понимаю немногим больше. Прошое, довлеющее над ним — не война между вашими мирами, как это может показаться, хотя это важно для него, конечно... Не забывайте, он не по рождению нарн.

— Я как раз думал о том, что за столом удивительная концентрация детей, выросших в не родных мирах. Вы, Андо, доктор Франклин... Наверное, это хорошо, даже если вы не обо всём можете поговорить, по крайней мере прямо сейчас. Иногда я завидую вам, хотя понимаю, что это зависть безумца. А ещё я гадал, нелюдимость Андо вызвана тем, что он рос единственным обладателем такого дара в своём мире, при том дара кошмарной силы, или просто тем, что будучи биологически слабее нарнов, он слишком хотел быть настоящим, полноценным нарном, достойным имени отца, и слишком много сил у него уходило на преодоление человеческой слабости? Но то, на что вы указываете, на что указывает он сам... это, по правде, удивляет меня. Если вспомнить о родных родителях Андо... разве они-то были в глубокой дружбе с вашими родителями? Этого-то никак нельзя сказать. Тем более не понять его желание служить кому-то, если вспомнить, как его соплеменники, называющие себя его семьёй, из Ледяного города, бежали от такого служения.

— Не кому-то. Богу.

— При всём моём глубоком уважении к вашему отцу, Дэвид, он не бог. И ему самому меньше всего было б приятно...

Дэвид вздохнул.

— Мне-то вы это зачем говорите... Я только надеюсь, что теперь, обретя то, что он маниакально искал, он сможет обращать внимание и на что-то другое...

— Если так, как это было в Йедоре-Северном...

— Пусть пока так. В конце концов, как уже говорилось, ханжество тут неуместно, они другие, у них другие представления...

— Не могу, конечно, сказать, что он не изменился после этого... Но как изменился, в какую сторону — пока, наверное, рано говорить, я его маловато видел с тех пор. Ну, надеюсь, и его начавшаяся учёба на него благотворно влияет. Хотя если б фриди на него жаловались — не факт, что мы бы об этом знали.

— Фриди редко жалуются, — улыбнулся Дэвид, — они решают педагогические проблемы своими силами. Или они не фриди. В самом крайнем случае — отказываются от ученика, но таких случаев не много.

— Дай Создатель, Андо не станет очередным.

Дэвид поставил последнюю тарелку на законное место.

— Что ж, а теперь я должен покинуть вас, Диус. Сейчас я пойду в сад, чтобы отдышаться, поразмыслить в тишине, успокоить свои мысли. После чего я поднимусь к себе и, как и завещано, распечатаю подарок императора Моллари.

— Понимаю и поддерживаю, Дэвид. Я тоже пойду — к себе, помолиться за упокой души императора, помянуть его добрым словом в своём сердце.

Они церемонно распрощались. Дэвид прошествовал в сад, Винтари долго смотрел, как тает в вечерней синеве белый силуэт.

Увы, иногда самым дорогим существам приходится врать. Не собирался Винтари поминать императора Моллари, добрым словом уж точно. Бегом, со всех ног — в их крыло, какое счастье, что Дэвид не закрывает свою комнату... Это чёртово минбарское

простодушие...

Первым побуждением Винтари было схватить сосуд и бежать с ним к ближайшему вулкану. Хотя нет, вулканов на Минбаре вообще мало, и в настоящее время все спящие. Ну, тогда взять «Белую Звезду» и рвануть к ближайшему светилу...

Нет, конечно, нет, он так не поступит. Это оскорбило бы Дэвида. Да и, в конце концов, нельзя совсем отменить вероятность, что в сосуде действительно вода из реки. С хорошим же лицом ему тогда после смерти предстать перед богами...

По-простому, по-земному хрестоматийно спрятался в шкаф. Затаив дыхание у узкой щели, подобравшись для возможного прыжка, крепко сжимая, на всякий случай, кинжал. Что бы там ни было — если это угрожает Дэвиду, он успеет. Он отразит удар, а если надо — примет его на себя. С Дэвидом ничего не случится.

Отворилась дверь. Шаги ещё незримого Дэвида ненадолго замерли у порога. Ну а как же, торжественность момента...

Наконец он быстрым шагом пересёк комнату и снял с пьедестала сосуд. Винтари едва сдержал порыв выпрыгнуть прямо сейчас.

Ему казалось, с каждой минутой он теряет год жизни. Вот с глухим, важным лязгом падает последний замок...

С тяжёлым, страшным грохотом упал на пол опустевший сосуд. Серая тень взметнулась из него, обвила руки Дэвида. Винтари вырвался из шкафа — он ещё не знал, не сумел разглядеть, что это, но тревога, пронзившая грудь, вытолкнула его из схрона.

— Дэвид...

Мёртвым, изнаночным чем-то дохнуло в лицо, из вязкого серого тумана только блеснул жёлтый глаз...

И тут случилось то, чего предугадать нельзя было точно. В комнату, визжа и хохоча, ввалились Софочка и Талечка.

— Дэвид! Вот ты где! Ты обещал зайти показать... — и так же хором осеклись, увидев серое нечто в руках Дэвида, — ой, что у тебя там? Это какой-то зверёк? Это лягушка? Это мышка?

Они сделали шаг — и серое вдруг молнией метнулось на пол, забилось обратно в сосуд. Дэвид переводил ошарашенный взгляд с девочек на сосуд и обратно.

— Что это было?

— Не мышка и не ёжик точно.

Все четверо склонились над сосудом, Винтари, держа наготове кинжал, повернул ёмкость так, чтоб туда попадало как можно больше света. Внутри сидело нечто маленькое, серое, сморщенное и, несомненно, живое. Жёлтый глаз, не мигая, смотрел на них с трудноопределимым выражением. Однако можно было поклясться, когда в сосуд заглядывали Талечка и Софочка — во взгляде этом мелькал страх. Существо пыталось забиться совсем на дно, слиться со стенками.

— Император Моллари подарил мне... это? Но что это? Я не помню всю центаврианскую фауну...

— Это не центаврианское, — Софья не сводила с существа сосредоточенного взгляда, — оно с Центавра, но не родилось там.

— Это плохой зверёк, — сестру сменила Талечка, — его необходимо убить. Иначе будет очень плохо.

В свой черёд в сосуд заглянул Дэвид. Существо сидело там, неподвижное, непонятное

— и охваченное столь же непонятным смертельным страхом.

— Но почему?

— Это слуга тёмных, часть от них, кусок одной плоти. Их оружие на расстоянии.

— Они его используют, чтобы подчинять.

— Он паразит. Порабощает человека.

— Или не человека, того, на ком сидит. Он присасывается к нервной системе.

— И если человек не делает того, что им нужно, они причиняют ему боль. Им приказывают слуги тьмы, они выполняют эти приказы через человека.

— Когда он соединён с человеком, его нельзя видеть и нельзя убить. Он запрещает человеку рассказать, что с ним.

— Там, на Центавре, таких много.

— Он очень боится нас.

— Девочки. Погодите, — вклинился Винтари, — так вы что же... читаете его мысли?

Софья и Талечка синхронно кивнули.

— Он боится таких, как мы. Даже слабых. Он слишком долго пролежал в своём сосуде, а его хозяин очень далеко. Он знает, что мы можем его убить. Мы сумеем.

— Это... слуги Теней? Это они виноваты в том, что происходит сейчас с Центавром?

— Да. Он говорит — дракхи из-за нас лишились дома и своих хозяев. У них теперь две задачи — найти новый дом и отомстить. Центавр предал Теней и должен заплатить.

— А не пошли бы они к зонам? Другие бы радовались, что их освободили от таких хозяев!

— Он говорит, дракхи жили целыми Теней и исполняли их волю. Так было всегда. Если Тени и не породили дракхов, то очень давно изменили их. Теперь, когда Теней нет, они должны продолжить делать то, что делали они, хотя возможно, у них получится не так хорошо.

— Что им нужно на Центавре?

Талечка прищурилась.

— Он говорит, что не знает всего. Он ведь только Страж. Когда он бывал един с телом дракха, он слышал, что он говорит.

— Стоп, а разве мысли они не читают?

Девочки синхронно мотнули головами.

— Тени не читают мыслей. Это не их. Это ворлонское. Тени читают чувства и побуждения. Ворлонцы слушали голос души, Тени слушали голос дурного сердца. Дракхи — слуги Теней, они тоже не читают мыслей. Стражи — слуги слуг, они не читают мыслей, не ставших действиями.

— Я, честно говоря, как-то не очень ловлю разницу.

— Если я правильно понимаю... — Дэвид снова рассеянно глянул в сосуд, — разница именно в наличии или отсутствии действия. То есть... Помните, агенты Теней ведь спрашивали у всех, чего они хотят. Если б они читали мысли — а если б сами Тени читали, то и своим слугам дали бы эту способность — зачем бы было спрашивать? Но им нужно осознанное решение, осознанный ответ. Предполагаю, они чувствовали эмоции, желания подходящего объекта, и ждали, когда он созреет.

Поглощённые обсуждением, они не сразу заметили, что порог комнаты переступил ещё один человек.

— Да и, если телепаты — оружие Ворлона против Теней... логично, что сами Тени

телепатию как-то... не очень...

— Телепатия — по-видимому, некая более «чистая» способность, у них скорее эмпатия.

— Ну и, если эти вот... создания... контролируют кого-то, логично ведь, что они могли бы слышать его мысли? Видимо, им это просто не интересно... Вот если он собирается сделать что-то, что противно их планам...

— Иными словами, они читают мысль лишь на той стадии, когда она превращается в электрический импульс в нервной системе. Пока человек только думает о том, чтоб выстрелить — они не знают об этом, как только он берётся за оружие, вернее, протягивает к нему руку...

— Он говорит, ты всё правильно понял.

— То есть, Дэвид мог бы сколько угодно страдать от этого порабощения и мечтать от него избавиться, Стражу индифферентно, а вот если б он попытался сказать нам...

— Может быть, сказать бы успел, — к стихийному собранию на полу подошёл Андо, — но неизвестно, что случилось бы в следующий момент. Возможно, оно заставило бы его убить того, кому он это сказал.

— Ну, это не имеет значения. Его планам, каковы бы они ни были, не суждено сбыться. Умрёт сегодня как раз оно само. Давай, иди сюда, тварь...

— Нет!

— Что?!

На лице Дэвида отразилось лёгкое смятение.

— Просто... не могу. Я понимаю, что это вредоносное существо, но...

— Всякая жизнь священна? Даже такая? — прищурился Андо.

— Так ты и не убивай, мы убьём. Я лично сапогом раздавлю. А если не раздавится — думаю, девочки могут его поджарить. Ментально. И даже хотят. Или Андо поджарит. Правда, Андо?

— Охотнейше.

Дэвид поднял и аккуратно закрыл сосуд.

— Не знаю, почему, но мне кажется, мы не должны его убивать. Он больше не опасен. Он знает, что рядом есть телепаты, а его хозяева далеко. Его миссия провалена, и ему не на что надеяться, кроме нашего милосердия. А он ведь тоже хочет жить.

Винтари опарашенно оглядывался на остальных, ища поддержки.

— Неужели тебе его жалко? Он ведь создание тьмы. Слуга Теней. Теней!

— Он не виноват, что является этим. Вы ведь слышали, ему отдавали приказы, он не источник зла. Он даже не является полноценным разумным, паразит, живущий на чужом теле. К тому же, мы можем изучать его... Он ведь дал нам важную информацию о том, что происходит сейчас на Центавре.

— Ну, это да, — Винтари нехотя убрал кинжал, мрачно поглядывая на сосуд в руках Дэвида, — парень, может, и не хотел, да проболтался...

— Хотя бы за это нам стоит его пощадить.

— И что вы собираетесь с ним делать? Ну, отдать на изучение — это понятно... А дальше?

Дэвид водрузил сосуд обратно в нишу.

— Есть мнение, что нет такой тьмы, в которой не было б хоть капли света. Ведь и Тени не всегда были такими, какими мы их узнали. Но они выбрали свой путь и менялись в угоду этому пути. Возможно, его изменение не окончательно.

— Перевоспитать зло? Дэвид, простите... не слишком ли это наивно?

— В любом случае, сейчас нам следует сообщить старшим, и уже вместе мы примем решение.

Немного неловко и даже стыдно было разбивать хрустальную строгую тишину лаборатории своими шагами, своими голосами. Но ничего не поделаешь — необходимо... Они здесь по делу. По очень важному вопросу.

— Выяснили что-нибудь? Вы знаете, что он такое?

Это выражение в глазах учёных и жрецов-телепатов иначе, чем отвращением, сложно было назвать. Видно было, они едва сдерживали это отвращение, прикасаясь к Стражу.

— Если б это делалось так быстро, юноша. О физиологии дракхов мы знаем мало, большинство трупов, доставшихся нам во времена войны, были сильно обезображены, в некоторых случаях уже и анатомировать было нечего... В их тела были вмонтированы устройства, в момент смерти выпускающие кислоту, разъедающую тело. Надо думать, специально, чтоб мы не узнали больше. Поэтому всё, что мы смогли выяснить — дракхи действительно родственны Теням физиологически, генетически... вероятно, изменены ими, как и сказало... это существо. Как и Тени, они способны становиться невидимыми — природу этой невидимости мы ещё не разгадали, предположительно — их природа отчасти волновая, и они способны сами менять спектр. По-видимому, у них эта способность выражена хуже, чем у Теней, они всё же сохранили отчасти свои плотные физические тела, после смерти они способность к невидимости теряют. Возможно, там, где стоит невидимый дракх, можно всё же заметить смутную колышущуюся тень. И возможно, если сумеешь убить его в этом его состоянии — он проявится... Это пока непроверенные домыслы, больше со слов — агентурной разведки на Центавре и показаний... этого существа. Стражи — это одно из их названий — как ни странно, больше несут от Теней, чем сами дракхи, но их инвиз так же несовершенен. В минуты сильного страха или угрозы жизни они становятся видимы. Что и произошло в момент приближения девочек.

— Я видел его и до этого, правда, смутно, — пожал плечами Винтари.

Пожилой минбарец потёр подбородок, рассеянно побарабанил пальцами по крышке резервуара, где лениво шевелил щупальцами Страж.

— Возможно, это была большая удача. Возможно, вы обладаете редким даром различать в тенях их истинную природу. А возможно, из-за ослабленности Страж не мог держать полный инвиз.

— Ну да, пролежать в сосуде больше шестнадцати лет — не шутка... Они что же, не едят, не пьют?

— Пока неизвестно, сканирование не обнаружило никакого подобия пищеварительной системы. По сути, большей частью они состоят из нервной системы... Они являются, по природе и происхождению... Своего рода съёмными деталями организма дракхов, отпочковываются от них — это одно из изменений, внесённых Тенями. Что-то смутно подобное наблюдалось у некоторых рас во времена радиационных катастроф, когда возрастало количество рождений недоразделившихся близнецов... Полноценным в паре получался только один, второй оставался в его теле чем-то средним между паразитом и раковой опухолью — часто у них были единая кровеносная и пищеварительная системы, и лишь частично отдельная — нервная. Их собственный недоразвитый мозг мог ловить импульсы мозга брата. Иногда вплоть до чтения мыслей. Аналогично, и более развитая

особь чувствовала тело менее развитой и даже слышала её мысли. В некоторых исключительных случаях паразиты могли сами отделяться от тела носителя — ненадолго, к самостоятельному существованию они были практически неспособны. Понятно, лишь в том случае, если они имели отдельный кожный покров и... В общем, я могу поднять для вас файлы, если хотите. Здесь несколько другое, искусственное и более управляемое. Один дракх может в среднем продуцировать трёх Стражей, был случай, когда Стражей было пять, но, по-видимому, это слишком большая нагрузка для организма-родителя. Число таких соединений-разделений может быть бесконечным, а вот присоединить чужого Стража, порождённого другим дракхом — сложнее... Стражи одного дракха, «братья», способны чувствовать друг друга на сравнительно большем расстоянии, чем «неродственных» Стражей. Долгое время паразитировавший на жертве Страж может вернуться в тело дракха, и тогда дракх может считать с него всю полученную информацию, но это не то чтоб телепатия, это переписывание памяти. Да, очевидно, они способны впадать в стазис надолго. Но возможно, дракх, пославший этого конкретного Стража, всё же переоценил их способности. До сих пор никогда им не приходилось ждать так долго — во всяком случае, этот конкретный Страж ничего такого не знает. Но торопиться, подключаясь к ребёнку, они боялись — ребёнок не мог бы достойно выполнить их план... Страж получил лишь общие инструкции, согласно которым Дэвид должен был похитить что-нибудь из новейших разработок военной техники Альянса, а затем встретиться с дракхами для дальнейших указаний. Увы, мыслесканированием мы не можем выудить всего. Их сознание достаточно примитивно, аналоги серых полушарий занимают в их мозге меньшую часть, и они сами понимают не всё из того, что слышали... Мы могли бы считать записанное в его памяти насильно, но это может убить его. И не то чтоб мне так уж претила эта мысль, но нарушить запрет сына президента и Дэлени мы не можем.

— Нам пригодилась бы вся возможная информация, конечно...

Учёный поколебался, прежде чем произнести:

— Он говорил телепатам, что мог бы отдать свою память — во всяком случае, попытаться, до сих пор он делал это только со своим дракхом... Но для этого необходимо присоединение.

— Ни за что!

— Мы того же мнения. В конце концов, мы и так узнали немало...

Телепат-минбарец подошёл ближе к резервуару.

— Он говорит, что не сделает ничего плохого. Только передаст информацию, которую более развитый мозг сможет осмыслить. Он говорит, для нашего спокойствия мы можем собрать при этом сколько угодно телепатов, хотя и одного достаточно для того, чтоб заставить его отсоединиться или вовсе убить. Даже если б он попытался выполнить задание своего дракха, Дэвиду не вырваться из помещения, которое полно народу.

— Что?! Он ещё и Дэвида хочет? Больше ему точно ничего не надо?

— Он говорит, что хочет отдать Дэвиду информацию в благодарность за то, что защитил его от убиения. Он знает, умирать больно и страшно. Один из родственных ему Стражей умер, когда его носитель выпил яд, парализующий нервную систему. Он не знал, что бокал отравлен, и не успел отсоединиться. Дракхи с другими Стражами тоже опоздали, яд уже поразил обоих. Не то чтоб они имели привязанность, страх потери... но он ведь чувствовал его эмоции.

Дэвид приблизился к стеклу.

— Я обещаю, тебя не убьют. Ты не виноват в том, что тебя создали. В том, что научили только злу. Но нам нужно больше информации о том, что ты такое. Просто потому, что иначе ты можешь погибнуть просто потому, что мы не будем знать, как за тобой ухаживать. И нам нужно знать, как победить дракхов. Ты ведь знаешь, они принесли разрушение и смерть во многие миры — «Планетоубийцей», дракхианской чумой... А сейчас они держат в своих тисках Центавр, сделав его отверженным, изолированным миром. Ты, конечно, не можешь знать, что творится там сейчас... Но ты знаешь больше нашего о том, что творилось там тогда.

Телепат явно заколебался, прежде чем озвучить следующее.

— Он говорит: так никогда не делалось, но он попробует. Присоединяясь, он не станет подчинять себе нервную систему Дэвида, и будет отключаться сразу, как только ему прикажут.

— Разве к человеку он тоже может присоединиться бесконечное число раз?

— Он предполагает, что да, если не прорасти в чужую нервную систему, меняя её под себя — то отсоединение не будет болезненным.

— Он предполагает... А мы должны довериться его предположениям.

— Он говорит: так никогда не делалось, но он думает, у него получится. Стать Стражем в истинном смысле этого слова. Наверняка, говорит, когда дракхи поймут, что их план провалился, они попытаются ещё раз, и на сей раз будут осторожней и изворотливей. Пока он на Дэвиде, с ним не случится никакого зла. Пока он на Дэвиде, к нему не смогут подослать другого Стража, присоединения двух Стражей к одной жертве не случилось никогда, это считается невозможным. Кроме того, он почувствует приближение другого Стража или дракха. Пока он на Дэвиде, к нему не сможет, например, подобраться наёмный убийца ночью — ведь Стражи не спят.

Дэвид обернулся. Лица друзей яснее ясного говорили, как они ко всему этому относятся, без всякой телепатии можно было понять.

— Мы не слишком и рискуем, это ведь правда, вы рядом и вмешаетесь, если что-то пойдёт не так.

— Дэвид! Кроме всего прочего — скажите, как вас не коробит от самой мысли?

— Хорошо, исполнить первоначальный приказ у него, предположим, не получится... Но что ему мешает, например, убить вас при подключении? Отдаст вашей нервной системе приказ... Вот совершенно не факт, что мы успеем что-то сделать. Эй, жаба, что ты имеешь на это возразить?

— Он говорит, что хочет жить. А если он даже не умрёт тогда вместе с Дэвидом — вы ведь точно убьёте его.

— Звучит, конечно, резонно, своя шкура каждому ближе...

— Он говорит, раньше никто не видел ценности в его жизни.

— Я и сейчас не вижу.

— Поэтому он хочет быть полезен... полезен Дэвиду.

Дэвид, под пристальными и откровенно неодобрительными взглядами собравшихся, приоткрыл крышку резервуара и просунул руку. Страж прищурил жёлтый глаз под его прикосновением.

— Что интересно, — пробормотал один из учёных, — пока он здесь находится, он всегда был видим.

— Явно старается вызвать доверие... Зря старается...

— Я согласен попробовать. Здесь, в вашем присутствии, всего на полчаса... Для начала этого хватит. Мы проверим, возможно ли это вообще — мне получить доступ к его памяти. Будет очень хорошо, если мы сможем, например, больше узнать об оружии дракхов, об их кораблях...

Винтари решил не спрашивать, что будет, если ничего не получится. Позволит он тогда просто убить это создание, или отдаст его на потрошение телепатам... Пусть уж об этом спросит кто-то другой...

==== Часть 2. ДЖАТИЛ. Гл. 5 Билет на тонущий корабль =====

Братству звёздному славу пою,
Устремлённому воинству света,
Сотворившему щит над планетой,
Из рождественских песен салют.
Здравствуй, милая сердцу земля,
Здравствуй, племя рождённых младое,
Здравствуй, время души золотое,
О котором рассветы звенят.
И молитвы огня водопадом,
И грядущего стать на волне,
И цветком над планетою радость,
И явление братства над ней.
Славься, сила знамени крестного,
Звонче прежнего лира творца,
Ради жизни завета небесного
И земного завета отца!
О. Атаманов

Где-то через неделю они все сидели в кабинете Шеридана. Все — это Дэвид, Винтари, Андо, Рикардо, Амина, Тжи'Тен, Ше'Лан, Маркус. Лицо президента Межзвёздного Альянс было серьёзным, даже мрачным.

— Ребята, повод, с которым я вас всех сюда вызвал... Хотел бы я, чтоб он был каким-то другим. Согласно последним данным — частью разведки с Центавра, частью... некоторые присутствующие знают, о чём речь... вы сами понимаете, эти данные настолько подробны, насколько это возможно, однако о большем пока можно только мечтать... на Центавре в последнее время происходит что-то... тревожное. Дракхи больше не таятся. Направления их растущей активности мы не знаем точно, но есть теории. Агенты сообщают, что они вооружают флот. Вооружают открыто, я имею в виду, для самих центавриан, бросая на это все ресурсы мира, оказавшегося в их распоряжении. Куда они планируют нанести удар — мы не знаем.

Последовали подавленные вздохи и тихие ругательства.

— Господи, они безумны, или у них проблемы с памятью? Неужели они думают, что, даже с ресурсами всего Центавра, Альянс им по зубам? В войне у Земли они тогда потеряли, может быть, не весь свой флот, но наверняка немалую его часть. А тогда они сражались не со всем Альянсом, сейчас наши силы куда больше и куда лучше скоординированы, —

Винтари сам не заметил, так естественно у него вышло это «мы», словно не было выхода Центавра из Альянса.

— Если б всё было так просто — я б считал, что у нас нет ни горя, ни заботы. Точнее, обычная рядовая забота с агрессией одного мира против другого, с этим мы научились справляться. Но дракхи, как показала история, сильны не количественно, а качественно. Не забывайте, как наследники Теней, они увезли с собой много их... наследства. Информацию об этом наследстве мы сейчас изучаем, против некоторых видов их оружия у нас уже есть разработки, против других — есть почти законченные проекты, которым не хватает полевых испытаний, а есть и то, что может оказаться для нас, при личной встрече, неприятным сюрпризом... Но и это ещё не всё. По информации от всё того же источника, все эти годы дракхи тайно посылали разведкорабли к границам. Мы не засекали этого — они открывали зоны перехода в верхних слоях атмосферы, искали миры, технологии... По-видимому, что-то нашли.

— То есть, напасть они собираются, может быть, и не на один из известных нам миров?

— Этого нельзя даже предполагать. Представители миров пока не извещены — непроверенные слухи это не то, чем можно оперировать, преждевременно сеять панику ни к чему.

Да уж, кивнул Винтари. Тут может быть достаточно пары паникёров, чтоб у Альянса, практически, добавились внутренние проблемы к очень ожидаемым внешним.

— Ну, вряд ли дракхи обратились на увеселительную прогулку или решили торжественно покончить самосожжением на ближайшей звезде.

— Разумеется. Поэтому наши посты у всех миров извещены и приведены в готовность. Ближайшие потенциальные цели снабжены всеми имеющимися видами антидракхианского оружия. Но нам нужно больше информации. Кроме того... нам стало известно кое-что ещё. Ещё в 2262 году дракхи разместили на Центавре несколько своих бомб — этим они шантажировали Моллари, угрожая взорвать планету, если он не подчинится. Тогда это, возможно, и было блефом, но сейчас... похоже, со стартом они планируют привести свою угрозу в исполнение.

Амина не сдержала восклицания ужаса.

— Мы не знаем, почему они хотят это сделать. Может, не хотят, чтоб в наши руки попала какая-то информация. А может, это их способ закрывать очередную страницу своей истории. Мы не знаем, где размещены бомбы, и даже не знаем их точного количества. Мы не знаем, реально ли это предотвратить, но мы надеемся попытаться. Я собираюсь послать на Центавр диверсионный отряд.

По цветущей физиономии Винтари окружающие поняли, что он ждал этого и даже, видимо, какой-то разговор об этом у них с президентом был.

— Я так полагаю, детали операции...

— Будут позже. Как ни крути, мы готовились немножко не к такому, уж точно не к таким временным рамкам. Кое-что приходится переигрывать... В следующие три дня окончательно формируем состав группы, после этого ориентировочно две недели на подготовку. Для не-рейнджерской части команды такой срок — что-то около ничего, но время — не тот ресурс, которым мы можем свободно располагать. Спасибо и на том, что дракхи стартуют явно не через месяц. Но когда — через три, через полгода... мы не знаем. Первый этап подготовки пройдёт в храме Валерии в Йедоре, затем вас перебросят, предположительно, в Эльх... Итак, для начала, состав команды...

— Я, конечно, вхожу?

— Разумеется, принц. Отказать вам в участии в освобождении родины я не имею морального права. Вы полетите. И Амина полетит.

На лице девушки отразились облегчение и радость.

— Спасибо, господин Шеридан.

— Неужели вы думали, что я могу вас не включить? Кроме вас и Винтари, с вами будут ещё двое ваших соотечественников — Иржан Каро и Милиас Нерулия. Они, конечно, первогодки, но некоторую подготовку имеют.

— Подтверждаю, — кивнул Рикардо, — имеют.

— К сожалению, вашими соотечественниками в рядах анлашек пока небогато. Послать новичков я не могу, и это не имело бы смысла. Кроме того, обычный состав рейнджерской команды здесь так же мера недостаточная. Всё-таки вы направляетесь не просто в тыл неведомого противника, а наследников Теней. Необходимо быть предельно осторожными... что осложняется ещё и особым положением Центавра. Поэтому я не могу послать представителей других рас. Ни одного минбарца, ни одного нарна. Только центавриан и тех, кто максимально похож на них — людей. В центаврианской одежде, с центаврианскими причёсками вы по крайней мере не будете привлекать внимания на улице.

— Несерьёзно я буду выглядеть с центаврианским гребнем, — хмыкнул Рикардо, — ну да где наша не пропадала.

— Никого лучше тебя, Рикардо, на роль руководителя группы я просто не представляю.

У Винтари создалось ощущение, что не только для него дальнейшее не будет слишком удивительным. Только наивный может не понимать — это не спонтанное решение, не лихорадочные действия с нуля, подготовка велась. С того самого разговора с отцом Амины велась. Если не раньше. Отработка антидракхианских тактик, курсы центаврианского, которые вели и он, и Амина... Каким был первоначальный план — сказать сложно, и был ли чёткий план, или только необходимые меры подготовки на всякий, примерно вот такой случай, но изменения, внесённые новыми данными, вряд ли будут слишком значительны.

— Я так понимаю, с остальным составом намётки уже тоже есть?

— Намётки — да... тем из желаемого списка, кто не рейнджеры, я всё-таки не могу приказывать. Даже своему сыну.

Как же он ошибался...

— Я?!

— Дэвид, благодаря Винтари, хорошо знает центаврианский. Кроме того, у него... гм... иммунитет к инвазии Стражей. Более того, он способен почувствовать присутствие других Стражей и дракхов поблизости, хотя это, конечно, пока не проверено...

— Господин президент, — не выдержал, вскочил Андо, — это безумие! Вы не можете... послать Дэвида туда!

На Шеридана-старшего это заявление не произвело ни малейшего впечатления.

— Глупо было бы не использовать такое преимущество. Разумеется, это опасно. Но опасно это для всех, не вижу причин, по которым я должен беречь своего сына больше, чем кого-то ещё.

— Но посылать его вместе с этим... созданием... В самое сердце тьмы... прямо в лапы дракхов!

— Результаты лабораторных сканирований...

— Убедили вас, что этой твари можно доверять?

— В кои-то веки я согласен с Андо, — вмешался и Винтари, — для Дэвида это слишком опасно. Даже если ненадолго допустить, что Страж не врал и действительно намерен служить теперь Дэвиду — сможет ли он это, когда попадёт туда, где есть другие тёмные? Это ж всё равно, что поднести его им на блюде!

— А может быть, меня тоже кто-то спросит? Я не хотел бы оставаться здесь, в то время, как Диус...

— По-моему, сама мысль ничего, — задумчиво проговорил Маркус, — такой троянский Страж... С ним ведь Дэвид сможет вычислить других... остраженных... и коль скоро мыслей они не читают — они могут принять его за своего и выдать нужную информацию. Правда, как его там примут за своего с его-то гребнем... Рога, конечно, можно спилить, а основания гребня на висках...

— Энтил'за, ну хотя бы вы!

— А что я? Я бы главным образом озаботился средством вырубить, если что, этого Стража...

— Тогда я тоже лечу! Уж поверьте, я его вырублю сразу и навсегда, пусть только шевельнёт щупальцем невовремя!

Шеридан кивнул, на его лице мелькнуло что-то наподобие довольной улыбки. Интересно, это и было его планом? Спровоцировать Андо, сильного телепата, тоже присоединиться к кампании? По идее, впрочем, не стоило и стараться спровоцировать — Центавр как таковой, положим, Андо до лампочки, но ведь расплылся он, что по слову обожаемого лидера рванёт куда угодно?

— Ты следующий, кому я хотел это предложить, Андо. На сегодняшний день ты наше самое мощное оружие против дракхов. И ты уже сделал некоторые шаги на пути овладения своей силой. За отпущенное на подготовку время ты должен сделать максимум для того, чтоб уметь использовать свои способности не только как бомбу мощностью в килотонну, но и как микроскальпель, понимаешь? Ты, конечно, не сможешь быть рядом с каждым из твоих друзей в каждый момент... Но твоя задача — там, где будешь ты, обеспечить, чтобы дракхи, если случатся поблизости, вас не засекли, а если засекут — чтобы они были устранены раньше, чем успеют что-то сделать. Ты должен держать ментальный купол. Твоя мать это умела. Конечно, одного тебя маловато... И это самая трудная часть плана подготовки. У нас есть рейнджеры с пси-способностями, и некоторые из них проходили необходимую подготовку, но их недостаточно. И это телепаты невысокого рейтинга. Есть, конечно, ещё один вариант, думаю, многие здесь догадываются, какой...

— Телепаты Ледяного города?

— Да. Несколько юношей и девушек, решивших выйти из изоляции, посещали по рейнджерской программе курсы центаврианского. И они готовы лететь... Но есть один фактор. Членами анлашок они не являются. И как граждан Минбара, я не имею права куда-то послать их без согласия их кланов. То есть — старейшин их поселений. В общем, переговорить с телепатами Ледяного Йедора я поручаю вам — тебе, Андо, Рикардо и ещё одному человеку, которого вы все, хотя бы шапочно, знаете.

В кабинет стремительным шагом вошла статная черноволосая женщина в минбарском учительском одеянии. Шеридан встал было ей навстречу с приветствием, но женщина только отмахнулась от ненужных церемоний.

— Господин президент, я настаиваю на включении в группу!

Господин президент устало вздохнул — видимо, этот разговор происходил не в первый

раз.

— Алиса, об этом не может быть речи, у тебя, ну будем честны, слишком нетипичная для Центавра внешность. И это то, чего никаким гримом не скроешь.

— Но...

Было забавно смотреть на это противостояние — маленькая Алиса теснила Шеридана напором, даже маленькие серёжки в её ушах, кажется, позвякивали значительно и грозно, но он не отступал. Так они и переругивались через стол...

— Есть такая штука, господин президент, как ментальная иллюзия. Я могу внушать окружающим иной образ моей внешности.

— Как долго и какому количеству окружающих, Алиса? Если б была вероятность, что вы всё время будете на глазах небольшой, ограниченной группы... Ваш пси-уровень, конечно, высок, но боюсь, вы быстро выдохнетесь, если вам придётся поддерживать такую иллюзию в большой толпе народа. Не говоря о том, что вы никогда не практиковали ментальные иллюзии на центаврианах.

— Остальные участники команды тоже!

— Принц, скажите ей...

— Подтверждаю. Ни женщин, ни мужчин с подобными вашим раскосыми глазами на Центавре никогда не было. В вас сразу вычислят землянку.

Женщина сникла, но ненадолго.

— Хорошо. Тогда я направляю в диверсионную группу мою дочь.

— Алиса, это безумие, ей двенадцать лет!

— У неё П12, вот что имеет значение. К тому же, может ли быть шпион удобнее, чем спящий по улицам ребёнок? Господин президент, вы, конечно, можете своей личной волей запретить. Но если демократия и уважение к несогласным для вас не пустой звук, я хотела бы всё же полноправно участвовать в формировании своей части группы. Вы приказываете своим людям, а я своим. А поскольку собственно людей-то в подчинении у меня немного...

И она скрестила руки на груди, показывая, что с этой позиции не сойдёт.

— Алиса, это война, неэтично отправлять на войну детей! Ада — ваша единственная дочь, вы понимаете, что можете больше её не увидеть?

— Господин Шеридан, вы родили Дэвида не для того, чтобы держать его под колпаком, я свою дочь, уверяю, тоже не для этого. Я люблю Аду, но то, что ныне совершается — возможно, лучшее, что она сумеет сделать в жизни. А я мать и хочу для своей дочери лучшего. Если я не буду готова пожертвовать самым дорогим, если поставлю своё выше общественного — кто же я буду, какой подам пример?

У Шеридана, определённо, заканчивались аргументы.

— Хорошо, хорошо... Но она сама... Она сама на это согласна? Имейте в виду, я никуда её не пошлю против её воли!

— Моя дочь — стопроцентный человек, но воспитана на Минбаре. Поверьте, она держится правильных идеалов. Это самое малое, что я могу сделать... Кроме разговора с телепатами Ледяного города.

— Алиса, Рикардо, только умоляю, не давите на них! Мы обещали им, что их больше не заставят воевать, и я хотел бы, чёрт возьми, сдержать слово! Войн с них уже хватило. Мне нужны только добровольцы. Если они все откажутся... Пожалуйста, дайте им понять, что никто не осудит их за это. Помните, я посылаю конкретно вас троих потому, что именно вы являетесь теми, кто для них значим, кому они верят... Мне кажется неуважительным

посылать кого-то, кто им чужой. Но в то же время именно этого я и опасюсь, вашего... авторитета, вашего влияния на них.

— Да уж не преувеличивайте вы его, авторитет этот... Скажете тоже...

— Что ж, пойду распоряжусь о подготовке транспорта и скажу Аде собираться, — дверь за Алисой закрылась.

— А Рикардо-то каким боком? — брякнул Ше'Лан, — я понимаю, Г'Андо — он сын из пророка, я понимаю, Алиса — она учитель телепатов и она отвечает за связи с Ледяным городом, но учителя рейнджеров-то они и не послушают! Раз уж эти молодые люди пока не вступили в анлашок...

— Рикардо с самого начала сказал, что если контакт с Ледяным городом планируется — это его дело. У него там, понимаете ли, знакомцы, есть хотя бы предположения, к кому с чем можно обратиться.

Вопросительные взгляды учеников, Дэвида и Винтари скрестились на Рикардо, всё это время с невинным видом теребившем мочку уха, и были столь однозначны, что он понял — придётся рассказать.

— Я там бывал, конечно, всего один раз — сопровождал Алису... Но точно знаю — знакомые мне там есть. И сколько-то тех, кто слышал обо мне — я имею в виду, до попадания сюда.

— Слышал — что?

Рикардо потупился, потёр щетинистый подбородок.

— По сути, это ж история о том, как я рейнджером стал, ребятки. Ну, не история, предыстория. Историю я рассказывал, а предысторию ни к чему было... Хотя до чего славное было времечко.

— Мы слышали, что вы были контрабандистом, потом помогли одному рейнджеру, и его жизнь и смерть так повлияла на вас... Вы рассказывали эту историю, когда мы с Тжи'Ла прибыли.

— Вот... А как я дошёл до жизни такой — я не рассказывал... На самом деле, я незаконным промыслом только три года своей жизни и занимался, и не по своей воле, просто выжить как-то нужно было. Начинать-то я как простой правильный парень... Тоже, может, упоминал, что родом-то я с колонии Тау Кита, из славной семьи потомственных гражданских пилотов? Алваресы в числе первых начали водить грузовые суда от Земли к колониям и обратно, дед мой водил, мать с отцом познакомились на корабле — он там пилотом был, она бортмехаником, меня назвали в честь корабля, на котором они летали, как раз когда я у них появился — «Ричард Львиное сердце», громковатое имя для старой посуды, но отец её обожал. Я сам мечтал «Ричарда» водить, да не дожил он до меня — списали раньше. В общем, пошёл я по стопам отца, возил грузы с Земли и между колониями — в основном продукты, предметы первой необходимости... На «Вавилон» пару раз заворачивал, нравилось мне это местечко... Вот один раз, когда я, как обычно, загрузился на Земле и уже был готов к отправке, ко мне подошёл странный человек. Предложил щедрую плату за услугу — вывезти с Земли нелегалов.

— Телепатов?

— Ну да. Места у меня в трюме было не так чтоб много, среди всех этих ящиков комфорт не ахти, но они, сказал, не в претензии. Ну, кто ж от денег отказывается? Согласился я. Да и по правде, интересно было... Молодой парень, риск привлекает, грузы по одним и тем же маршрутам возить не больно-то весело. Всё прошло без сучка, без

задоринки, посадил я их на одной зачуханной станции, дальше они уж сами куда-то...

— И теперь вы встретили их здесь?

— Погодите, это ж ещё не вся история. Я ещё несколько рейсов так совершил, увлекло это меня. Опять же, не особо я вникал, чего они там не поделили с Корпусом, но как по мне — люди просто так в трюмах, как крысы, не бегут. Попросту лестно мне было себя спасителем чувствовать — эти люди на меня надеялись, смотрели, как на бога. Я их «мои зайцы» называл. Но вот в очередной раз фортуна ко мне задом повернулась — на одной заправке наведалься к нам пси-коп. Рядовая проверка — поняли ж, что на грузовых бегут, вот и организовали досмотры. «Зайцы» мои сидели тихо, но он дотошный оказался. Сам всё обшарил. И нашёл. Говорит мне: парень ты, мол, вижу, хороший, что на деньги купился — так с кем не бывает... Я не буду тебя сдавать, что ты им помогал, летай себе дальше, мне твоя гибель не нужна. Ты мне только их выдай без шума, да сдай того, кто их на тебя вывел. Корпусу огласка не нужна. И вот смотрю я на него... И кажется мне, слышу, как там у «зайчиков» моих сердечки тук-тук-тук. И понимаю — это ж вот сейчас либо я его, либо он их всех. Говорю ему: пройдем вон в отсек, присядем, обмозговать надо, как это поаккуратней сделать. Он повернулся — и я ему из бластера в голову... Впервые человека убил. Ну, и по газам, конечно... Посадил я моих «зайцев» — не там, куда сперва вез, конечно, пришлось пункт назначения поменять... А сам в бега ударился. Понимал — найдёт меня Пси-Корпус, это только вопрос времени. Это 2263 уже был, 3 года где-то я мыкался, нелегальные грузы возил — мелкую всякую контрабанду... Пришлось поскитаться-то, следы старался запутать. Потом пересеклись мои пути с одним паренком, он-то и посоветовал мне в рейнджеры податься. Я его сперва на смех поднял — какие рейнджеры, нужен я там, я ж практически бандит нынче... А он всё ходил за мной и доказывал, что нет большей любви, чем если кто жизнь положит за ближнего. А я и положил — не животную свою жизнь, жизнь тела, так жизнь своего честного человека, который мог властей не бояться. Ну... встряли мы с ним в одну пустячную переделку с пиратами, их в том секторе было тогда пропасть... Прорваться прорвались, да приятель мой тяжело ранен был, умер у меня на руках. Его донесение на Минбар я доставил... да так здесь и остался.

— Достойная история, — молвил Тжи'Тен после недолгой тишины, — и не понимаю, почему вы её нам не рассказывали. Нахожу её очень вдохновляющей и поучительной.

— Одно мне удивительно, — задумчиво проговорил Дэвид, — как вам удалось так быстро... То есть, как он не успел понять... Ну, то есть, пси-коп... ваши намеренья... Они, конечно, формально слушались запрета на незаконное сканирование, но на практике-то нарушали его где и как могли.

— А вот этого не знаю, ребятки. Может, не додумался, на слова мои положился, а может — господь хранил, уж не знаю, меня или их.

— Волнуетесь, Амина?

— Напротив, Диус. Как никогда я спокойна. Я чувствую, что вся моя жизнь шла к этому. Волнуюсь я только об одном — утешить Тжи'Тена, который так переживает, что не сможет быть рядом... Такая ирония — я в тыл врага, а он остаётся. Что поделаешь, не вышел расой, нарнов на Центавре нынче нет.

— Ну, им с Ше'Ланом, я так понял, президент тоже какое-то задание приготовил, зря, что ли, вызвал... А я вот очень хорошо понимаю, как мы рискуем. Половина состава — конечно, рейнджеры, к тому же знающие язык... А половина — телепаты. Андо сильнее всех

известных ныне психокинетиков, и неплохо подготовлен физически, а вот на центаврианском говорит ещё хуже, чем на земном... И честно говоря, я не представляю его с гребнем. Дочь Алисы, подозреваю, не владеет вовсе — откуда бы. К тому же, ей 12 лет. То есть, воин из неё тоже сомнительный.

— Зато она может пройти там, где не пройдём мы.

— Ну да. Но телепаты Ледяного города... Я видел их. Едва ли они согласятся. Как ударной силы, конечно, и Андо много... Да мы туда не бить летим. А действовать тонко ему пока трудно даётся.

— Думаю, президент не случайно упомянул его мать. Он научится. Теперь это для него дело чести.

— Это то, что мне знать не положено, да?

Дэвид закусил губу. Как ни отвечай, ответ — и разговор вообще — лёгким не будет.

— По крайней мере скажи, — вздохнула Шин Афал, — это связано с Центавром, так? Излишне, думаю, говорить, что дальше нас двоих не уйдёт ни одно слово.

— Распоряжение о секретности — не для того, чтоб мы понимали эту секретность по своему вкусу и своевольничали. Я только сказал, что не смогу принять участие в церемонии, но объяснить тебе это не имею ни возможности, ни права.

— Значит, да. Если б это было не так, ты б просто сказал «нет». ...Извини, я знаю, что это запрещённый приём — ты не мог солгать. А если б и солгал — я поняла бы это, лгать ты умеешь ещё меньше, чем любой из нас. Я — не все, не кто угодно. Я не буду настаивать и расспрашивать, я только хочу знать — почему ты?

— Не только я. Ты ведь не считаешь, что как сын своих родителей я должен быть на особом счету?

— Я как раз боюсь, что это именно так! Мне давно не пять лет, и я многое вижу. То, что было много лет назад, то есть и сейчас, и часть нашего прекрасного, духовного, справедливого общества не прочь от тебя избавиться!

— Афал, ты не права!

Минбарка села на низкий диван и закрыла лицо руками.

— Очень хотела бы ошибаться. Ты можешь обманываться иллюзией видимого хорошего отношения, ты считаешь людей лучше, чем они есть, как твои отец и мать, они и не могли воспитать тебя другим. Но у некоторых своё понятие блага. Ты думаешь, что ты сын президента и духовного лидера, но ты так же сын отступницы и Убийцы Звёзд. И готовность пожертвовать собой — ради чьих бы то ни было интересов — это у тебя тоже наследственное. И поймать тебя на этом очень легко. И то, что ты улетаешь так и не выбравшим касту, им тоже вполне удобно...

— Я выберу касту, когда вернусь.

— Если ты вернёшься.

— Афал, ты говоришь неподобающие вещи! Доверие и послушание — основа нашего общества. Не наше дело рассуждать, не наше дело заботиться о своих интересах. К чему мы придём, если будем делать так? Ты не знаешь всего, а я не могу тебе объяснить. Сейчас не могу. Когда вернусь — объясню, и ты признаешь, что твои упрёки мелочны и беспочвенны, что иначе было нельзя.

— Не потому ли ты так говоришь, — тихо проговорила Шин Афал, — что хочешь быть таким, но не являешься? Ты хочешь, чтоб это и к тебе относилось — про доверие и

послушание, хочешь, чтоб общество приняло тебя, как равного, ты так боишься остаться вне... Тебе уже 16, а ты не выбрал касту. Долго ли ещё можно тянуть?

— Временных ограничений нет — потому что никто в истории, насколько известно, не оставался без касты. И вовсе не обязательно тянуть вместе со мной, чтобы я не оставался один в этой неопределённости. Касту не выбирают из солидарности, это выбор всей жизни.

Шин Афал встала, подошла к нервно прохаживающемуся Дэвиду.

— Не только я вижу твои колебания. И позволь, я буду всё же колебаться вместе с тобой. Не потому, чтоб надеялась, что выбор наш будет одинаковым. Но я не знаю, как повлияет на твой выбор то, что тебе предстоит. И как повлияет на мой выбор, каким я увижу тебя после твоего возвращения. Быть может, это перевернёт всю нашу жизнь. Должно быть, ты полагаешь, что моя жизнь не должна переворачиваться, раз я остаюсь здесь? Тогда ты ошибаешься.

— Не знаю, может ли твой выбор быть иным, чем воинская каста — ты собираешься быть врачом, а врачи традиционно воины. Но представляешь ли ты, чтоб воинскую касту выбрал я?

— Представить-то я многое могу. Если так смотреть, жрец ты по матери, но по отцу воин. Но я знаю так же, от чего ты бежишь.

— Подслушиваете, принц Винтари? — раздался за спиной знакомый акцент.

— По себе судите, гражданин Г'Андо? Путь в малую библиотеку лежит через этот зал. Прерывать чужой разговор я не хочу, а возвращаться обратно тем более, я под этим благовидным предлогом убежал от Лашуда. Можете прикрыть меня, отвлекая внимание на свою персону, буду благодарен.

— Кто такой Лашуд? — нахмурился Андо.

— Дразийский проповедник, из тех, кто прибыл на эту конференцию... съезд... как его...

— А... Я его не знаю, точнее, я плохо различаю их пока что. Что же ему нужно от вас?

— Хороший вопрос. Конечно, я сам виноват, сам завёл с ним разговор, я ж читал это самое «Поучение о Пятом Священном Свойстве Дрошаллы», и в довольно хорошем переводе. Теперь, по всей видимости, он жаждет рассказать мне об остальных четырёх... Или сколько их всего. Он проповедник, этим всё сказано, не так ли?

— Но вы ведь центаврианин!

— И это должно его останавливать? Ладно б, я слышал это не от землянина, чтущего Г'Кван.

— Это другое. Я так воспитан.

Винтари рассмеялся.

— В самом деле, другое! А для меня так разница невелика. Вам же ваша человеческая природа не мешает придерживаться вероучения другой расы, так почему кому-то его природа должна мешать принять вероучение другой расы в более зрелом возрасте? Примеров-то масса. Другое дело, что я пока не чувствую в себе почитателя Дрошаллы, мне и собственные-то боги надоели.

Андо неодобрительно покачал головой.

— Вы, центавриане, давно утратили веру. Вы духовно мёртвая раса, и неудивительно, что свою духовную нищету пытаетесь исправить сокровищами других рас. Если вы хотели сказать об Амине Джани, так разве и не она тому пример? Вы полагаете, может быть, что

мне лестно, что её выбором был именно Г'Кван, и это так отчасти, но...

— Да при чём тут непременно Амина... Хотя тут я мог бы заметить, что она куда более ревностно религиозна, чем вы. Что же вы скажете о духовной нищете землян, у которых есть секты последователей религий минбарцев, нарнов, хаяков, наверное, и дразийских тоже? Да практически у любой расы есть такие заимствования, у бракири вон, кажется, половина католики...

На лице Андо светилось плохо скрываемое превосходство.

— Кроме нарнов. Не все нарны последователи Г'Квана, есть придерживающиеся древних традиционных верований, но никто из нарнов не принимает веры иных народов.

Винтари пожал плечами с самым недоверчивым выражением лица.

— Возможно, это просто вы ни о чём таком не знаете? Ну даже если и так, вы не единственные. Минбарцы к подобному прозелитизму тоже не склонны, вероятно, потому, что у них вообще многое наособицу. Их религия — это больше философия, чем религия.

— И поэтому она вам симпатичнее?

— Ну во всяком случае, более симпатична, чем поклонение древним сказкам. Я могу с интересом читать сказки, но я не согласен по ним жить.

— Это вы про религию центавриан? — спросил Андо, кажется, прекрасно зная ответ.

— Про все. Все, где есть какие-либо боги или пророки, подробности их биографий и списки того, чего они хотели бы от ныне живущих. Это детство мира, в детстве нормальны такие истории, но человека, застрявшего в детстве, в народе дурачком зовут, почему же дурачками можно быть целым народам?

— Вы готовы объявить идиотами миллиарды тех, кто думает иначе, чем вы?

Винтари ухмыльнулся.

— Да мне, честно говоря, плевать, как это выглядит и воспринимается. Тех, кто думает подобно мне, тоже миллиарды. А те, кто не мыслит жизни без древних сказок, единичными миллиардами не являются. Они слишком противоположны в том, какие имена носят персонажи этих сказок. И вы можете говорить, конечно, что всё это разные имена единого бога, так многие говорят, но немногие на самом деле в это верят, немногие откажутся от соблазна полагать, что их сказки самые лучшие, их способ поклонения доставляет богу больше всего удовольствия.

Андо смотрел на него изучающе, склонив голову.

— Каждый идёт к богу своим путём, говорят ещё об этом.

— Это мне тоже не интересно. Я вообще не хочу ни к какому богу идти, если захочет, пусть сам ко мне приходит.

— Уверены ли вы, что хотели бы так?

— Вас сложно понять, Андо. На типичного религиозного фанатика вы не похожи, их я посмотрелся. Кажется, вы придумали какого-то своего собственного бога.

— Мне не нужно ничего придумывать, он есть. Забавно, что вы говорите всё это перед тем, как и вам, и мне предстоит отправиться туда, где царствует тьма. Забавно потому ещё, что вы пришли оттуда, пришли без веры, без знания и о свете, и о тьме. Может быть, шаг обратно с открытыми глазами кое-что изменит в вас?

— Если вы о том, начну ли я призывать бога, встретившись со Стражами и их хозяевами, то однозначно нет. Я предпочту иметь оружие против них, чем мощнее — тем лучше. А вы, Андо — начнёте? И как, с учётом, что оружие — это вы? Наверное, это мне и непонятно. Зачем вера во что-то эфемерное тому, кто сам, непосредственно, обладает силой,

не сопоставимой ни с чьей больше? Какой помощи вы можете ждать от бога? И что же ваш бог — Джон Шеридан или всё же что-то иное? Джон Шеридан не может и малой доли того что можете вы.

Они некоторое время молчали, и Винтари полагал уже, что разговор завершён.

— Что вы думаете, — проговорил наконец Андо, — о том, что вам ведь предстоит возвращение на родину, где вы не были долгие годы? Чего больше — радости, или неловкости, или страха? Ведь наверное, и родина изменилась, и вы. И вам теперь принимать в гостях многих людей и Дэвида...

Ему стоит ещё долго учить язык, чтобы находить для своих мыслей такую форму в словах, которая произведёт то впечатление, которого он желал, подумал Винтари. В таком неуклюжем виде это не задевает нисколько.

-□Сомневаюсь, что у нас будет возможность отдохнуть в моём фамильном поместье, а остальной Центавр мне не принадлежит. Я понимаю, что вам хотелось бы меня уколоть, и в другое время это даже получилось бы. Когда я был в вашем возрасте и на многое смотрел примерно как вы, мог гордиться тем, что я центаврианин, потому что думал, что не гордиться — автоматически означает стыдиться. Что чувство сопричастности и ответственности достаточно себе внушить, даже при фактической невозможности на что-либо влиять. Я не Создатель, некогда поднявший Центавр из пучины тёмных вод, я не могу гордиться его достоинствами и краснеть за его недостатки. Мы отправляемся туда вместе бороться неведомо с чем, и вы, и я, и все, кто ещё с нами будут. Наверняка, я желаю спасения Центавра значительно больше, чем вы. Но больше ли, чем Дэвид, при его степени эмпатии и сострадания? Как ни тяжела для вас мысль, что вам придётся погрузиться в мир зла в ваших понятиях и притворяться одним из нас — вы сами выбрали это, вы не можете даже прикрыться приказом, ваша фраза была первой. Так что желать утешиться тем, что и мне это тяжело — как-то мелко. Просто берите пример с Дэвида, его ноша тоже нелегка.

Они соперничают за Дэвида, пришла в голову нелепая мысль. Нарн и центаврианин не могут не соперничать. Соперничать напрямую за внимание и одобрение Шеридана-старшего и тому, и другому сложно и неловко, это верно. Он легко раскусит такое соперничество и воспользоваться им сумеет. И страшный подарок с Центавра, который Дэвид отказался уничтожить, кажется Андо очком в пользу Винтари, как ни глупо это. Надеется, что Центавр, тем более опутанный мерзкой дракхианской паутиной, оттолкнёт воспитанного на Минбаре... То есть, это он надеется, что Нарн бы не оттолкнул? И прежде-то Винтари не всегда мог похвастаться владением жизненно важным для центаврианина навыком — понимать, чего хочет его собеседник. Чего хочет Андо — не всегда можно было понять по его словам, что говорить о его истинных намерениях.

==== Часть 2. ДЖАТИЛ. Гл. 6 В неизвестность =====

Пользуясь неожиданно предоставившимся свободным временем — утомлённая визитом врачей Таллия спала, и лишь изредка посылала своей опекунше разрозненные бредовые, но по крайней мере не кошмарные видения — Сьюзен Иванова сидела перед экраном связи. Сейчас на нём было лицо приятной немолодой женщины с большими, немного печальными глазами с поволокой. Видеомост между Землёй и Минбаром был для неё полной неожиданностью, а повод — и тем более.

— Я не могу описать вам, что я чувствую, миссис Коул...

— Пожалуйста, просто Сьюзен.

— ...Какого огромного туда вам стоило... — она всхлипывала, в кадре иногда мелькала рука, отчаянно комкающая платок, — найти меня, обеспечить этот сеанс... И всё, что вы сделали для... Господи, я была уверена, что больше ни от кого не услышу её имени! Я знаю, что после... распада Пси-Корпуса... многие телепаты воссоединились с биологическими семьями. Но я подумала, что если она не нашла нас — значит, не хотела этого сама. Ведь у них-то для этого были все возможности, доступ к информации, поддержка государственных служб... Просто... Не всем ведь это уже было нужно... И я не стала искать её сама...

— Поверьте, миссис Винтерс, это не было для меня трудом. Труд найти вас и рассказать вам всё должны были совершить за меня. Но пока вы думали, что Таллии просто безразлична её биологическая семья, спецслужбы тоже не могли на вас выйти. Потому что им просто нечего было вам сообщить. Она считалась пропавшей без вести. Сведений о её судьбе после «Вавилона-5» даже не было в числе рассекреченных, я проверяла. Они просто были уничтожены.

Женщина закрыла глаза.

— Мы ничего не знали все эти годы... Ничего... Когда я отдавала Таллию Пси-Корпусу... Я ведь, как любая мать, желала своему ребёнку добра. Я понимала, что буду тосковать по ней, что отрываю её от своего сердца. Но, думала я, пусть будет лучше вдалеке, но счастливая. Среди тех, кто, по крайней мере, не обидит её из-за того, что она не такая, как все... Мы же ничего, ничего не знали!

— Вас никто бы не обвинил, миссис Винтерс. Даже те, кто прятали детей, кто говорил твёрдое «нет»... И они не знали всего.

— Какое могло быть «нет»? Выбора не было вообще. Тюрьма для четырёхлетней девочки? Или наркотики всю жизнь? Я ведь слышала, что они не безопасны... Она умерла бы на моих руках, так и не став взрослой. Я не могла так с нею поступить.

Иванова сглотнула — от этого разговора было почти физически больно. Хоть видеосвязь и не позволяет чувствовать эмоции собеседника — Сьюзен чувствовала, и эти эмоции сжигали её, и это было б совершенно невозможно вынести, если б к боли и горечи она не выработала уже за последнее время некоторую привычку.

— Миссис Винтерс, прошлое было жестоко и к вам, и к ней. Но я верю в будущее, и хотела б, чтоб вы тоже верили. Таллии сейчас... очень плохо. И я не должна бы просить вас приехать... сюда, к нам... Я не могу ждать, что это хоть чем-то поможет — вам, ей... Что не причинит, наоборот, новой боли. Она наверняка вас даже не узнает. Но я, по крайней мере, не могла не сообщить вам. И если есть хоть малейший шанс... Что прикосновение матери вернёт ещё что-то в моей Таллии... С ней занимаются лучшие врачи, их труд поистине подвижничество, это ведь... Это всё равно, что собрать заново мозг, пропущенный через мясорубку. Простите, простите... Но они делают это. Шаг за шагом. Прогресс есть. И мы победим. В этом я могу вам поклясться.

Миссис Винтерс с трудом справилась с рыданиями.

— Я приеду. Не скоро, у нас... не так много денег. Я работаю учительницей, Фред оставил совсем немного сбережений, и они все ушли на лечение Эда... У Таллии было два брата, Эд старший, он помнил её... Он умер от дракхианской чумы... А Гилл родился уже позже... Но думаю, он тоже... тоже захочет...

— О деньгах можете не беспокоиться, перелёт я оплачу, когда только вы будете готовы.

— Миссис Коул, нам неловко вас стеснять. Вы и так несёте такие расходы по

лечению...

— На это я расходов не несу, минбарские врачи работают бесплатно. И мне никаких денег не жалко для Таллии. И её семья для меня... Возможно, миссис Винтерс, вам тяжело будет принять то... То, что было у нас с Таллией...

— Я не имею права что-то принимать или не принимать в ней, я не растила её. А вы... Не каждой женщине так повезло с мужчиной, как ей с вами.

Экран уже погас, а Сьюзен всё смотрела в своё заплаканное отражение. Вывел из задумчивости её сигнал вызова у дверей.

Она снова видела на своём пороге Зака Аллана. В этот раз какого-то ещё более растерянного и подавленного. Её припухших век он, к счастью, кажется, не заметил.

— Ты это... извини, что без предупреждения... Я вообще не думал, что зайду... А потом ходил, ходил туда-сюда — нет, решил, всё-таки зайду...

Сьюзен отошла, пропуская гостя в дом.

— Да нормально... Долго же можем не увидеться.

Зак вздрогнул.

— Ты... знаешь? Откуда?

— Не настолько ж в ящике живу. Джон звонил, упомянул.

— А... А то так-то никто не должен знать... Секретность...

На кухне Маркус, при неопенимой ассистентской помощи Софочки, кормил сына фруктовым пюре. Рядом Талечка что-то увлечённо брякала на детском ксилофоне.

— Старшая Таллия тоже такой хочет, — улыбнулась Иванова, перехватив взгляд Зака, — представляю, что тогда начнётся. В последнее время я чаще пускаю девочек поиграть с Таллией — она сама этого хочет.

— Это... не опасно?

— Имеешь в виду, не причинит ли она им вреда? Ну, я же рядом, так что она спокойна. Конечно, иногда случаются вспышки, тогда кто-нибудь из нас долго ещё не может избавиться от насланных ею видений... Но в основном я уже наловчилась вовремя ставить блок. Ей лучше, существенно лучше. Хотя незнакомому с ситуацией, может быть, так и не показалось бы. Недавно она сама попросила попить... Цельной, правильно построенной фразой, произнесённой вслух. Пыталась сама расчёсывать волосы... Врачи приходят к ней каждую неделю. Один раз взяли с собой Андо — ну, чтоб он понаблюдал работу телепатов-врачей в действии. Получилось, правда, не очень удачно — она сперва очень напугалась Андо, приняла его за мать...

Зак вздрогнул и помрачнел на этих словах.

— Извини, я не хотела... У вас по-прежнему... напряжённые отношения?

Про себя она подумала, что таким потерянным не видела Зака давно. Видно, что-то всё же случилось. Что-то из ряда вон выходящее...

— Ну, это как-то даже... Не знаю, что и делать, Сьюзен. А кроме тебя, и поговорить не знаю, с кем.

— Так в чём проблема, со мной и поговори. Таллия сейчас спит, дети тоже при деле, можем спокойно посидеть... Кофе, сок?

Эту маленькую уютную гостиную любили они все. Низкие кресла и столики, заваленные бумагами — по работе и просто для души, пушистые ковры, в ворсе которых, правда, нога часто находила какой-нибудь потерянный детьми элемент конструктора,

композиции из искусственных цветов на стенах, декоративные водопадики в двух углах. Зак долго сидел, закрыв лицо ладонями. Сьюзен его не торопила.

— Ты ж слышала, наверное... Что у нас тут происходит-то... Вот как будто проблем мало, а! В общем, ты можешь себе представить, как на него это действует... То есть, может, ты и можешь, я вот не взялся бы. Но, Сьюзен, я и навязываться ему намеренья не имел, ну, кто я ему, не отец, не дядя... Мало ли, что просто хотелось бы... Ну, просто сесть, поговорить, чаю выпить, что-то о его жизни услышать, что-то о своей рассказать... Как у всех нас это нормально бывает, а у него вот почему-то не бывает... Ну, к нему и подходить лишний раз не хочется — скажет ещё что-нибудь такое замечательное, вроде «Зачем вам это» или «Я в этом не нуждаюсь»... Да, Джон говорит — что поделаешь, у подростков бывает характер не фонтан, пройдёт ещё, сгладится. Не знаю, сам-то верит в то, что говорит? Подростковые проблемы, ага... Да и много ли он о подростковых проблемах знает, с Дэвидом никогда никаких проблем не было. Не, ну я тоже в подростках не специалист, но как вспоминаю — не, мы такими не были. Уж во всяком случае, чтоб со старшими вот так разговаривать, чуть ли не сквозь зубы... Это, говорят, бывает мода такая у подростков каждые лет двадцать, чтоб всех вокруг дерьмом считать, а себя самого круче всех. Может, вот у него такое. Не знаю.

Сьюзен привыкла к такой манере Зака — то ли рассуждение, то ли диалог с самим собой, но всё равно зачастую не знала, как ей себя вести. Вроде бы, не слишком-то ему и требовался ответ, просто хотелось выговориться, облегчить душу, какой-то ответ и от самого себя получит и доволен будет... Но в то же время, заметив, что его не слушают, мог и обидеться.

— А после этого... этого... «подарка» Лондо он вообще мрачный стал... Ещё и эта вот операция предстоящая, тоже мало для него радости, понятно. Он же нарнами воспитывался, а тут ему на Центавр лететь, хуже ж и не придумаешь. И там неведомо что, а ему всего 16... Как раз Джону вот это всё высказывал, и про Дэвида, и про Андо, не слишком ли это, мы с Джоном как раз начали разрабатывать план операции... Ну, так и эдак, понимаю я всё, но дети они всё равно, мало ли, что и мы себя в 16 взрослыми считали... Сейчас-то понимаем, какая там взрослость... А что поделать, с другой стороны? Стража этого поганого может, и можно б было кому другому подсадить, а Андовские способности никак не передашь. Засиделись допоздна, могли и позже... Я шёл к себе, когда уже почти все спали, и в гостиной обнаружил Андо. Он сам позвал меня. Он сидел там, не зажигая света, плакал... Тоже злость меня тогда на Джона взяла, но не возвращаться ж уже было... Ну, пошёл к нему, к Андо, то есть, не сделаешь же вид, что не заметил... Ну и вот... Я меньше всего такого ожидал, что он мне на шею кинется...

— Ну, тут ты прав, он всё-таки, как бы заносчиво и эксцентрично себя ни вёл — ещё ребёнок. Напоказ хорохорится — нарнское воспитание, опять же.

— Ребёнок, ага... Я тоже так думал. Сьюзен, я просто не знаю, как мне теперь. Как жить, как в глаза людям смотреть. Я хожу и сам не понимаю, что мне о самом себе думать...

— Ну... а что случилось-то?

— Мы... мы с ним... я не знаю, понять не могу, как так получилось... Просто он... когда он на меня так набросился... наверное, я временно лишился рассудка, я не знаю...

— Погоди, ты что, намекаешь...

Зак уронил голову ещё ниже, что только биться ею ни обо что не начал.

— Да, Сьюзен, чёрт побери! Ты же знаешь, у меня... как-то вообще всего этого в жизни

было не так много, ну, не считая походов к... девушкам специально по этой части... Да и то... Ну, я понимал, что долго без этого... Я же не стоик, как многие, более сильные духом... мне теперь перед собственными учениками стыдно будет! Но чёрт возьми, Сьюзен, он же всё-таки парень, как природа-мать меня не остановила-то?

— Открою тебе тайну, природе-матери на такие нюансы плевать.

— Но...

Сьюзен улыбнулась нежной, материнской улыбкой.

— Время секса только для воспроизводства безнадёжно прошло, кто бы там что ни думал. Люди соединяются для удовольствия. Чтобы слиться с тем, кого любят... полностью. Хотя бы на время, полностью раствориться друг в друге. Иногда от этого потом рождаются дети, но это не цель. А если тебя беспокоит сам факт... реализации такой потребности с существом своего пола... Так не ты первый, не ты последний.

— Я не...! Мы не...

— Это ты сейчас за себя, или за Андо? Нет, этот мальчик, конечно, для меня тоже загадка...

— Но ты что, хочешь сказать, что подозревала подобное за мной, Сьюзен? Я... Я его **ПОЦЕЛОВАЛ**, Сьюзен! Или он меня... Я и не понял... Я получил от этого удовольствие Сьюзен! Я целовал парня, и мне было до того невозможно хорошо... И я понимаю, что всё бы отдал, чтоб испытать это ещё хотя бы раз...

— Тьфу ты! И... Проблема-то в чём? Ему не понравилось? Или, если бы у Лить родилась дочь, всё сейчас было бы проще?

— Проблема в том, что я понимаю, насколько это гнусно! Что он просто настолько похож на мать, а там было темно, и он сам прильнул ко мне, и я... меня просто предала физиология! Я взрослый, нормальный мужчина, я должен был сдержаться! А не заставлять его отвечать за то, что я так и не объяснился с его матерью, на которую он настолько похож, за то, что у меня уже несколько лет не было женщины, за то, что...

— Зак, извини, что прерываю твоё самобичевание, но вот как мне показалось, насколько я наблюдала Андо... заставить его невозможно... А в целом, вот как по мне, я, конечно, ни боже мой не психолог... главная твоя проблема, которой ты сам же себе отравляешь жизнь — это твоя стеснительность. У тебя просто комплексы, на уровне подростка, что всего обиднее. Ты всё время ешь себя за то, что ты такой, какой есть, что не можешь, например, подойти к понравившейся девушке, сказать пару слов, улыбнуться, подмигнуть — и она твоя. Ты завидуешь тем, кто так может, а иногда они тебя раздражают, но сам ты, точно знаешь, таким быть не можешь. А дальше всё нарастает, как снежный ком, ты всё время напоминаешь себе о прошлых неудачах, и впредь не хочешь даже пытаться. В итоге опыта нет никакого, ни положительного, ни отрицательного.

Зак, кажется, был несказанно озадачен такими словами.

— Что же мне делать? Как себя изменить?

— Вот тут я тебе не советчик. Потому что не психолог. Психолог бы подсказал — начни с того, продолжи тем... А я могу просто посоветовать — люби себя и принимай таким, какой ты есть. Как все мы приняли. Потому что ценим тебя, значит — уж есть, за что. А если у тебя и есть иногда сложности с выражением своих чувств и мыслей простыми человеческими словами — то мы, во всяком случае, это проблемой для дружбы, для хорошего отношения не считаем. И знаешь, может, по молодости лет больше падки на внешние красоты, а в нашем возрасте честность и надёжность привлекают как-то больше,

чем имидж мачо и всякие пикаперские примочки. Я не знаю, получится ли у тебя что-то именно с Андо... Может ли у кого-то что-то получиться с Андо... Да не делай, ради бога, такие глаза! Если ты ждал от меня какого-то ужаса по поводу... То знаешь, я, даром что замужняя женщина с детьми и вроде как верующая еврейка, сама в этом плане не чиста. Я с Таллией не сплю — что понятно, ввиду её состояния... Но спала. Конечно, когда ещё не была замужней и с детьми... Но еврейкой-то уже была... Мы с ней тоже долго ходили вокруг друг друга не с самыми, сперва, приятными эмоциями, а потом вот... Тогда, перед самым... концом... её обращением... И знаешь, что? Да не появится на свете такой причины, чтоб я об этом пожалела. Даже несмотря на те слова её альтер-эго о том, что всё было только ради того, чтоб подобраться к ценным сведениям. Могла бы говорить что угодно, я-то всё равно знаю, что чувствовала тогда... Умом понимаю, а сердце говорило и говорит другое. А теперь вот она просто цепляется за меня, как за единственное из прошлого... И я понимаю, что права была я, со своей абсурдной верой, а не она, другая... Что права я, а не все, кто счёл бы меня ненормальной тогда или сейчас. Глупо рассуждать о том, что естественно и морально, а что нет, когда есть потребность одного человека в другом человеке. Просто ищи тех, кто примет тебя таким. Я не думаю, что их так уж мало.

Зак кивнул.

— Скоро я улетаю... И даже не знаю, вернусь ли. Но по этому поводу мне странно спокойно. Забавно, вообще... Мы в разных отрядах, но делаем одно дело. И меня очень греет этот факт. Знаешь, я всегда восхищался твоей силой... Я даже не сомневаюсь, что ты отстоишь то, что для тебя важно. Что выгацишь её. Только вот что ты будешь делать тогда?

Сьюзен вертела в руках так и не тронутую чашку.

— А это уже не от одной меня зависит. Но мне вот кажется... Из её отдельных слов, прикосновений, того, как она зовёт меня, как не отпускает надолго... Как врывается даже в мои сны... Что она тоже меня любит. Да, именно вот так, без лишних сложностей-осторожностей — я люблю её, она любит меня. Это правда, Зак. От неё никуда не сбежишь, и бежать — дело неблагодарное. И если ты о том, разведусь ли я с Маркусом... Я не могу тебе сказать. Не знаю. Я люблю Маркуса, иначе, чем Таллию, но тоже люблю. Я люблю наших детей. И Маркус говорит, что ему... Ну, что он принимает мою жизнь такой, какая она есть. Я много раз говорила, что он не заслужил подобного, что заслуживает женщину, которая бы любила только его. А он говорит, что отдавал мне свою жизнь вовсе не для того, чтоб я хранила ему пожизненную верность. Я просто подчиняюсь судьбе, Зак. Сначала она одного за другим отняла у меня любимых существ — любимую женщину, любимого мужчину... А потом их обоих вернула. Что ж, опять роптать и предъявлять счета? Мы справимся. Мы как-то справимся. И ты справишься. Ты можешь сколько угодно считать себя слабым, а я-то знаю — ты очень сильный. Ты заслужишь счастье, раз уж я его заслужила.

В день отправки на полигоне — отсюда они отправлялись не сразу на Центавр, а в сектор аббаев, где сейчас находился грузовой шаттл семьи Арвини — собралась, несмотря на все усилия соблюдать скромность и секретность, приличная толпа прощающихся.

— Ещё раз, друзья мои, воины и добровольцы... Не подведите. На вас возлагаются огромные надежды, и одна из них — увидеть вас всех живыми. Возвращайтесь со щитом, как говорят на Земле.

Винтари поднял глаза. Он чувствовал эту тревогу, как свою. Потому что им владела такая же. Он ещё как-то приучил себя не просыпаться со смутной паникой каждое утро, но

долгие разлуки его теперь пугали. Лориен сказал: двадцать лет, не больше... Но ведь меньше-то — может. Кто знает, когда это произойдёт? Не случится ли это именно сейчас, во время их похода? Сколько они там пробудут? «Мы-то вернёмся... Ты нас дождись. Не вздумай не дожждаться».

Дэлени поочерёдно обняла Дэвида и Винтари.

— Берегите себя... все берегите. Себя и друг друга. Дэвид... Не так я представляла твоё взросление, твоё боевое крещение. Но не мы решаем. Мы должны оказываться там, где нужны. Я не буду тебе говорить: будь сильным, будь мужественным, береги своих друзей, я знаю, что всё так и будет. Ты ещё не вступил в анлашок, но принципы рейнджеров глубоко в твоём сердце. Помни, твоя мать ждёт тебя и молится за тебя. И за тебя, Диус. Будь осторожен, сынок. Не все там знают и помнят тебя в лицо, но всё же.

— Я буду... матушка.

Прощание телепатов было, традиционно, молчаливым. От Ледяного города летели, кроме тех курсантов Винтари, кого отпустили главы их поселений, Уильям и его дочь Адриана. Это сперва очень удивило, но Рикардо пояснил, что таково было условие Уильяма, и переспорить его не вышло. Соплеменники по очереди крепко обнимали их, Андо, Аду, даже Брюса — рейнджера-телепата, с которым прежде не были знакомы. С этой толпой количественно могли посостязаться пришедшие провожать Амину и Рикардо. Кажется, Иржану и Милиасу завидовали...

Тжи'Тена и Ше'Лана не было — они и правда уже отбыли с каким-то своим заданием.

К'Лан долго тряс Андо в объятьях.

— Как же я завидую тебе, дружище. Чего б не отдал, чтоб лететь тоже! Но нельзя — значит нельзя. Сказали учиться — значит, буду учиться. Но ты возвращайся поскорее, и всё-всё мне расскажешь! Каждый день буду за тебя молиться, да и не только я. Ты теперь для многих герой... Твой отец мог бы тобой гордиться.

Благословить Дэвида так же пришли его друзья и несколько учителей. Он вяло отшучивался, что вообще-то собирается вернуться живым...

В дороге было время и подготовиться, и поразмыслить о произошедшем и грядущем — грузовое судёнышко нельзя было назвать быстроходным. Увы, но чем-то иным, чем этот троянский конь, они воспользоваться не могли. Вообще после пяти минут пребывания на «Асторини» Винтари очень захотелось побольше расспросить Рикардо о его и его семьи прежней работе. Прежде он никогда о грузовых судах всерьёз не задумывался, представить не мог, что в них тоже есть что-нибудь интересное. А это совершенно удивительная, ни с чем не сравнимая атмосфера. «Асторини», действительно, очень маленькая — и внутри это ощущается ещё острее, чем снаружи, и жизнь здесь поэтому кипящая, концентрированная. Идут последние этапы погрузки, через кают-компанию затравленно пыхтящие ремонтники проносят ящики с инструментами — отремонтировать корабль приходится всё время полёта, практически штатно. Толстый Клайса, вечно выглядящий так, словно прорывался откуда-то с боем — запыхавшийся, раскрасневшийся, с растрёпанным, словно пожёванным гребнем, поминутно бегал в трюмы с кипами накладных измерять с рулеткой ящики, беспокоясь, всё ли войдёт и сможет ли посудина со всем этим вообще подняться. Большая часть груза — аббайский текстиль, и фала-то ничего, считай, не весит, а вот виссин тяжеленный, кажется, всё остальное на этом корабле в сумме столько не весит, да ещё эти дразийские горшки, которые и весят как свинцовые, да ещё упаковывают их поставщики каждый в огромную

набитую стружкой коробку, хотя чтобы такой разбить, это очень постараться надо... А что делать? Брать меньше товара — это считай, зря летали, налоги с магазина в Нахили хотя бы отбить... А по возвращении ещё механику у шлюзовых створок перебирать, это как пить дать. Старый Арвини мечтает, конечно, скопить на новый корабль, но понимает, что мечту, скорее всего, оставит по наследству, вместе с этим корытом.

Каюты три, маленькие, так что спать или вповалку, или по очереди. Телепаты, конечно, привычные, да и рейнджеры тоже... Пока, правда, о сне не думалось. Винтари не решился бы даже примерно предположить, что у этой посуды сейчас барахлит — в момент старта «Асторини» трясло так и с такими звуками, каких он до того не слышал и вообразить не мог. Но лица членов команды были безмятежно спокойны, по-видимому, это был самый обычный старт, а не обещание развалиться.

— Мы понимали, конечно, что миссия непростая, но не думали, что начнётся с того, чтоб добраться до Центавра живыми.

Шеридан смог дать, на самый крайний случай непредвиденных столкновений, только одну «Старфьюри» — больше ангары «Асторини» и не вмещали. В последний момент, явно всё ещё борясь с сомнениями, выдал так же три Скрадывающие сети.

— Только на самый, самый крайний случай! Штука это опасная, при длительном ношении опасна для вас и окружающих. Используйте её мудро — только тогда, когда будете понимать, что без срочного изменения внешности не обойтись. Закладывая параметры, помните — сеть зрительно меняет только внешность, она не меняет вашего роста и вашей комплекции, и, разумеется, если кому-то вздумается вас ощупать — маскировка его не обманет. Лучше всего будет, если сеть не будет всё время находиться у кого-то одного — так меньше искушений. Передавайте её друг другу.

Винтари сразу подумал, что как-то маловероятно, чтоб сеть совсем не пришлось использовать...

Центаврианское оружие им обеспечил Арвини, а связь была своя, минбарская... И такая, что пожалуй, от её наличия было немногим легче. Кроме прискорбно малого радиуса действия, аппараты ещё и заряжались от солнца, при чём дневного заряда хватало на один пятнадцатиминутный сеанс связи. Но что-то более мощное могли засесть, поэтому приходилось довольствоваться тем, что есть, и как можно больше действий координировать заранее.

Для Винтари лично главной проблемой стала неожиданно свалившаяся на него счастливая доля парикмахера. Большинство членов диверсионной группы не могли сами справиться с маскировкой, хотя старались очень. Во всех помещениях «Асторини», которые условно относились к жилым, сейчас царил форменный хаос. Разворошенные баулы с одеждой, выставленные к стенам зеркала в полный рост — одно таки уронили...

Центаврианин думал о том, что всего год назад он и в порядке анекдота не мог бы вообразить, что будет помогать ставить гребень Рикардо. Волосы рейнджера, русые, на концах выгоревшие от солнца, после мытья были мягкими и шелковистыми, и в гребень, увы, не желали собираться категорически.

— Что бы я в лаках-то понимал, конечно... — ворчал Рикардо, любясь в зеркало на сооружённый хаос, — но мне явно нужно что-то посильнее.

Винтари его понимал — его собственные, и раньше весьма непослушные волосы, после стольких лет свободы обратно к прежним обычаям не хотели. К стыду, он даже не сразу

правильно вспомнил, какой высоты у него должен быть гребень.

— Ну, вы не одиноки. Многие молодые центавриане мучаются с гребнями по несколько часов, это опыт, приходящий с годами, и с годами волосы привыкают лежать нужным образом...

— Да, но я на молодого центаврианина уже не похожу.

— Может быть, вас утешит тот факт, что и многим пожилым бывает сложно обойтись без помощника? У всех знатных центавриан, например, есть личные парикмахеры.

— Слава богу, нам из себя предстоит изображать незнатных... Где мы все тут личных парикмахеров найдём?

Винтари вздохнул и взялся за расчёску.

— Вот, смотрите...

Загар у Рикардо, конечно, не самый типичный для Центавра... Стоит надеяться, он сойдёт быстрее, чем привлечёт чьё-то внимание. Сколько у землян держится загар? Вообще-то кожа у Рикардо светлая.

— Эх, не дожила маменька до того дня, когда её сын стал бродячим центаврианским лавочником... Или кто я там по легенде?

Винтари подумал о том, что ему приятно смотреть в глаза Рикардо — такие открытые, весёлые, ясные, глаза честного человека, которому нечего в своей жизни стыдиться. Ну, и правда ведь нечего... Он ведь, даже когда залёг на дно, спасаясь от грозящего земного правосудия, не возил ни оружия, ни наркотиков, хоть за это и платили больше. Только продукты, бытовую химию, безделушки...

Интересно, у большинства знакомых ему землян глаза голубые или серо-голубые. Рикардо, Шеридан, Дэвид... Хотя нет, у Дэвида они скорее серо-синие — как небо над морем в самом начале непогоды, когда набегающие барашки туч ещё не слились в единую пелену, и в прорехи проглядывает синь... Или как камень ал, синие искры в сером полупрозрачном стекле... Андо — у него глаза его отца, Байрона, ровный, печальный серо-голубой цвет, цвет пасмурного неба, не ожидающего солнца ни завтра, ни послезавтра... А у Маркуса глаза синие — неба, которое свято верит в солнце...

Наверное, самая распространённая на Земле гамма...

— Давно вы лишились вашей матушки?

— Третий год уж пошёл. Она старенькая была. Хотя могла б, по-честному, и подольше пожить, не готов я был всё равно к этому.

— Ну, ваше рейнджерство-то она хорошо так застала... Не удивилась такому выбору?

— Не, не удивилась. Она первым делом, вообще, обрадовалась, что я наконец всплыл. Обо мне же три года, считай, ни слуху ни духу не было! Одну только весточку тогда и удалось послать, больше побоялся. Ну, что в рейнджеры пошёл... Она сказала: «Всегда знала, что ты под какой-то особой звездой родился».

— Да под множеством звёзд даже, — Винтари понял, что без «невидимок» здесь первое время не обойдёшься, и потянулся за новой упаковкой, — наверное, это и правда влияет — родиться в космосе...

Рикардо посмотрел на него непонимающе.

— Вы упоминали, что родились, когда ваши родители служили на «Ричарде Львиное Сердце». Отчаянная женщина была ваша матушка, как энтил'за Иванова.

— А, не... Я ж усыновлённый. Родители на «Ричарде» тогда на Земле загружались, когда им меня вручили.

— Вручили?

— Ну, такая вот история вышла. Пошла матушка прогуляться окрест — по причалу, по вокзалам, перед долгим рейсом на лица человеческие посмотреть, и набрела на женщину с младенцем. Говорит, очень уж потерянный вид у этой женщины был, наверное, случилось что-то. Разговорились. Матушка начала сюсюкать с ребёнком — своих-то детей ей господь не дал, а она уж шестой десяток разменяла. Так и думали они с отцом уже, что вдвоём старость коротать будут. Женщина ей: «Хотите, подарю? Уж лучше вам его отдам, чем они до нас доберутся». Расспросила, куда лететь собираются — и сразу руками замахала, чтоб названий не говорили, только далеко или близко, очень ей понравилось, что это глушь, о которой не всякий и вспомнит. Видимо, как мама поняла, кто-то их преследовал, может, мафия... Вот так и передала она меня с рук на руки. Почти голышом, без одеялка. С одеялком она обманку соорудила — видать, чтоб преследователей обмануть. И сама куда-то билет взяла — куда, это уж мама не знала. Ничего она не сказала — ни имени, ни фамилии, ни даже из какой местности родом. Так что кем я был — неизвестно теперь, а стал вот Алваресом. Рикардо, в честь «Ричарда»... Забавно, да — светловолосый мексиканец. Ну, в колонии у нас особо и удивляться некому было — инопланетян больше, чем людей. Подумаешь, бегают светловолосый мальчишка среди чернявых... И мне самому как-то ни к чему было. Хотя смотрел на сестёр, а они чернявые... Это судьба решила нашей семье бонус выдать — вскоре две сестрёнки подряд у меня народились. Вроде как, сдала матушка экзамен на материнство, что ли... Так я думал, представляете, что это потому, что я мальчик. Решил, что это девочки сразу чёрненькими рождаются, а мальчики как подрастут, темнеют. У отца спрашивал — он смеялся и говорил, что да, тоже в детстве белый-белый был... Это уже потом я его детские фотографии увидел, обиделся даже, что он меня разыгрывал.

— Когда же вы узнали...?

— За год только до смерти матушка проговорила. И то соседу, это Кончита, сестрёнка, мне рассказала.

Винтари ненадолго опустил руки, давая им отдых.

— Удивительно, честно говоря... вот так походя услышать от вас такое. Любите же вы приберегать самые удивительные истории на потом. А... Вы никогда не думали о том, чтоб найти свою родную семью?

Рикардо осторожно, с опаской ощупал с боем кое-как сооружённую конструкцию.

— Да думал, конечно... Да как найдёшь? Ни имени, никаких координат. Той женщины, может, и в живых нет, а про отца вовсе ничего не говорилось. Да и... как-то не могу я решиться. Как будто этим свою приёмную семью предаю, родителей покойных... Они ведь очень меня любили, лучше семью и представить нельзя.

— Понимаю вас. Но... Сами подумайте, разве это отменяет того, что было? И дело даже не в том, что ваши приёмные родители уже умерли. Просто это не перечёркивает того, что они были хорошими родителями, а вы — хорошим сыном. От того, что вы попытаетесь узнать больше о том своём недолгом прошлом, вы не перестанете их помнить и любить. И... ведь ваша родная мать, спасавшая вас от угрозы, возможно, вашей жизни, тоже вас любила. Если она жива, ей было бы счастьем узнать, что её сын жив и здоров, и вырос замечательным человеком. Может быть, у вас есть и ещё братья и сёстры, может быть, они каждый день думают о своём потерянном брате. Вы же не женаты? Вдруг вы встретите прекрасную девушку, полюбите, женитесь, а потом окажется, что она ваша родная сестра? У

нас такое бывало. И это при том, что у нас-то к близкородственным бракам относятся проще...

— Да может, ты и прав, парень. Подумаю об этом. Сейчас-то в любом случае надо думать о том, чтоб дело делать.

— Послать запрос в земные базы данных — дело недолгое, надо только терминал с доступом. Запросить за этот день данные о пассажирах, прибывших-убывших на том вокзале... методом сужения круга можно найти. Но вы правы, дело нас дождётся.

Рикардо был практически готов — ходил, сушил налакированный гребень, боясь лишний раз вертеть головой. Остальные всё ещё мучились...

Хорошо было только Амине — она ещё на Минбаре просто обрила голову и теперь подбирала себе одежду и помогала с аналогичным выбором Адриане, так же расставшейся с волосами без особой сложности и сожалений. А вот в особенностях центаврианской моды ей без консультаций было не разобраться нипочём — живя в Ледяном городе, она и о земной знала немного.

Уильям перехватил волосы на затылке, заплёл в косу и, под сожалеющие вздохи Андо, эту косу отрезал. Андо этот пример мужества, однако же, не помог, расставаться со своей гривой ему отчаянно не хотелось.

— Всё равно из меня центаврианина не получится, это безнадёжно.

— Получится-получится! — бодро изрёк Рикардо, сам, правда, ёжась в центаврианском жилете, который казался ему сейчас самой тесной и неудобной вещью на свете, — время у нас есть, изваяем из тебя первоклассного центаврианина.

— Или, — ухмыльнулся Винтари, — центаврианку.

Он ожидал, конечно, некоего экскурса в нарнскую ненормативную лексику в ответ, но то ли Андо не расслышал, кто именно это сказал?

— А в принципе, вариант... давайте центаврианку. Но ведь всё равно большую часть головы придётся обрить, да?

— В твоём случае как раз нежелательно. У женщин нашей расы волосистой покров значительно гуще, чем у землянок, и у тебя оставленный хвост будет смотреться слишком жидким. Поэтому подбрить имеет смысл разве что с висков и над лбом, чтобы ничего случайно не выглянуло, а остальное закрыть повязанным платком. Многие женщины ходят так, обвязывая голову платками. Правда, придётся хорошо постараться, чтоб под этим платком не угадывались лишние волосы... Может, всё же лучше гребень?

— Нет уж, пошёл за бритвой.

Вошёл Клайса, бухнул на пол ещё какой-то мешок, остановился отдышаться. Вслед за Клайсой протиснулся его долговязый, в полную противоположность ему поджарый брат Джирайя, он ничего не принёс, просто зашёл поглазеть.

— Со мной, видимо, придётся пойти на такой же вариант, — вздохнул Дэвид, — как ни крути, если не закрыть чем-то мои виски — жди провала. А мужские головные уборы что-то все не по этой части, кроме шлема гвардейца, разве что...

— Может, будет у нас три псевдодевушки тогда? — грустно улыбнулся Брюс. Ему было тяжело почти до безвыходности — его стрижка была слишком короткой для гребня.

— Боюсь, Брюс, вот из вас женщина не получится. Нет, у нас, конечно, тоже немало особ, лишённых какой бы то ни было женской привлекательности... Но ваш облик слишком мужественный. Вам давно не 16 лет.

— Ну, а лысым мужчиной — не вариант?

Иржан и Милиас прыснули, пробежавшая мимо Амина опустила голову, изображая, что ничего не слышала. Клайса икнул и выскочил за дверь, оставив своего менее стеснительного брата выяснять, чем конфуз разрешится.

— Не, ну для святого дела, конечно, ничего не жалко, но может, лучше без крайних мер? И эту роль вы точно не потянете.

Брюс уставился на Винтари непонимающе.

— На Центавре, кроме женщин, обривают головы мужчины, занимающиеся проституцией, — донёлся от дверей голос Джирайи.

Брюс закашлялся.

— Мужчины, занимающиеся проституцией? — Дэвид поднял от изучаемой им золотой вязи на поясе полный шока взгляд.

— Ну, это ж логично... Или вас удивляет сам факт мужской проституции? Я, конечно, этот вопрос не изучал, но полагал, такое явление есть во всех мирах.

— На Минбаре вообще нет проституции.

— То есть... Как — нет? Совсем нет? Нет, ну я, конечно, слабо представляю минбарцев за таким занятием... Но целый мир без такого важного общественного института... Я думал, у вас это просто особенно табуировано, и потому не отражено нигде в текстах... И... что же у вас делают, когда... ну, возникает потребность?

— Вступают в союз с тем, кого любят, конечно.

— Это понятно! Мне что, сейчас придётся объяснять, что любовь и секс не одно и то же? А те, кто в такой союз ещё не вступил, у кого нет... того, кого он любит? Нет, серьёзно? Медитируете? Хотя что это я, мы ж о Минбаре говорим... В общем, Брюс, где-то среди баулов должно быть несколько париков — их прислали на всякий случай... Это, правда, неизвестно, найдётся ли там для вас подходящий цвет...

Вернулся Андо. В целом с маскировкой он справился довольно неплохо... Ну, голова, обвязанная платком, смотрелась вполне убедительно. А вот платье — простое крестьянское платье из грубоотканого материала, бежевое с красными узорами на рукавах и по кайме — на нём сидело донельзя нелепо. В старательно зашнурованном вырезе виднелась мускулистая юношеская грудь.

Винтари закатил глаза.

— Мы, конечно, сейчас как раз говорили о велида... Но боюсь, это даже для них лиховато.

— Ну уж фигура у меня какая есть, ничего не поделаешь.

— Поролон в нужных местах подложи, — ободрил Рикардо.

— Какой поролон, куда? У них вырезы на всех платьях, на всех! На Центавре что, одежду без декольте вообще не носят?

— У нас принято подчёркивать красоту и женственность! Что ж, вам повезло, что у вас хотя бы нет на груди растительности. Так что советую один древний самоиздевательский приёмчик... Поднимаете грудь вот так — чтобы сверху создавалась видимость некоего полушария, берёте клейкую ленту и прихватываете насмерть. И вот под эту образовавшуюся верхушку, под платьем, поролон или что угодно. Конструкция не слишком долговечна, но если не жадничать с лентой и не дышать слишком во всю грудь...

— И вовремя спастись от желающих заглянуть в вырез поглубже, ага.

— Изобретение девочек-подростков, да и просто дам, обиженных природой. Когда

груди ещё нет, а интересоваться мужчин уже хочется.

— И... смысл подобного обмана? — Андо горестно и придирчиво оглядывал получившееся.

— Никакого. Как и в косметике, и в украшениях, в общем-то. Всё это однажды приходится снимать... Но то, что есть на самом деле, видят единицы, а это — многие.

— У меня приятель так женился, — хохотнул Джирайя, — говорит, смело можно считать, что у него две жены. При всём параде и в домашней обстановке — это две разные женщины.

Дэвид бросал на новосозданное декольте Андо разом смущённые и ужаснутые взгляды — перспектива аналогичных мучений как-то пугала.

Потом было совещание в импровизированном штабе — в маленькой рубке было слишком тесно и шумно, и было решено переместиться в кают-компанию. Правда, перетащить проектор с картами, да ещё и заново настроить его стоило трудов...

Рикардо прокрутил карту, попутно сверяясь с данными из другого файла.

— О бомбах мы знаем чуть больше, чем ничего. Не знаем, центаврианские они или дракхианские, не знаем их размер, количество и где они размещены. «По всему Центавру» — это, понятно, ничего не определяющая фраза, надо с чего-то начинать. Предлагаю рабочую гипотезу — если дракхи желали, в случае взрыва, максимальных разрушений, вплоть до разрушения планеты — то логичные места для размещения бомб это атомные станции и глубокие шахты. С этого и начнём. Стоит добавить так же склады и заводы взрывчатых веществ, но тогда бомбы должны быть небольшими, незаметными — чтобы их смогли пронести и не обнаружить до сих пор. Вряд ли они могли остражить такое количество народу, затратно и рискованно...

— Есть мысль по поводу складов и заводов, — подал голос Иржан, — у нас не слишком-то рассуждают над приказами, приходящими... сильно сверху. Стоит посмотреть, не приходило ли каким-то из этих складов, например, распоряжение принять и разместить необычный груз, не подлежащий досмотру.

— За подписью, например, военного министра или главы службы внутренней безопасности... Логично. Конечно, карта шахт и подъездов к ним нам нужна в первую очередь... Но информация по складам во вторую. Тут, конечно, в общем и целом, телепаты, ваш выход.

Уильям коротко кивнул.

— Разрешите рацпредложение, — Милиас оторвался от изучения рельефа какого-то хребта, где, как он помнил, была заброшенная шахта, закрытая из-за аварийности лет триста назад, но так и не засыпанная и не затопленная — а говорили, чуть ли не до мантии ядра доходит, — телепаты — это несомненно хорошо... Но медленно. Им ведь сначала надо выйти на нужных людей. Я могу попытаться взломать систему министерства...

— Ты что, хакер?

— Ну, я бы не назвал это так... Я никогда не пробовал взламывать что-то серьёзное, только в школе — удалял в личных файлах директората компроматы на учителей, но у меня был друг, который говорил, что можно больше... То есть, я не знаю, делал ли что-то такое он сам, но он показывал мне схемы...

— У Милиаса фотографическая память, — пояснил Иржан, — он способен что-то запомнить, просто один раз увидев. Например, он как бы фотографирует страницу, а потом

«читает» её у себя в голове.

— Очень помогало на экзаменах.

— Тааак, ребята, какие ещё таланты вы скрываете?

— А это разве талант? Ну то есть, это же не мой талант. Я просто запомнил. И ещё никто не сказал, что получится. Да и, надо сначала обеспечить, чтобы они не смогли засечь, откуда идёт взлом.

— С этим придётся повозиться, да. Протащить на планету сильно уж высокие технологии у нас возможности нет. Но постараемся что-нибудь сообразить.

Винтари отвлёкся на раздражённо мерящего шагами комнату Андо, всё ещё переживающего печальную новость, что ему нельзя будет быть в паре с Дэвидом всё время — партнёры должны меняться, чтобы не примелькаться, и время от времени, увы, слежение за Дэвидовым Стражем придётся доверять другому телепату.

— Андо... Ладно, пока вы стоите на месте, вас можно принять за девушку, и даже милovidную. Но походка... Как вы ходите, Андо!

— Как все! Ногами.

— У нас даже крестьянки, даже рабочие-подёнщицы не ходят так! Нет, если в руках тяжёлый мешок, тележка или ребёнок — то конечно, не до походки от бедра... Но женщина несёт себя как цветок, как дар — это её суть! Вы должны плыть, а не долбить шагами землю! Есть в вас капля актёрских задатков? Вот забудьте ненадолго, что вас воспитывали как солдата... У нас женщины солдатами не бывают. Ну... за редким исключением.

Андо посмотрел на него очень недобро, но честно попытался изменить походку. Пока, откровенно, вышло не особо.

— Андо, речь не о том, чтоб идти медленнее, а о том, чтоб идти по-другому! Так, чтоб в тебе не опознали переодетого мужчину... ну или хотя бы чтоб выглядеть не столь пугающе, что ли!

— Ну какие нежные. Мне что с ними, жить и детей растить? Я как-то думал, толпа увлечённых мужиков в хвосте мне по ходу задания и не нужна...

На перепалку отвлёкся и Рикардо.

— Не, замуж, Андо, мы тебя не отдадим, об этом и речи быть не может, ты и нам ещё пригодишься. А вот без некоторого флирта тут не обойдёшься. Ну предлагал же тебе Винтари помощь с гребнем, ты ж сам заупрямился... А быть центаврианкой — это труд куда больший, спроси хоть Амину. Чтобы получить нужные сведения, проникнуть куда-то — ты должен разговориться с кем-то, заинтересовать его, расположить к себе, понравиться... Ты, конечно, телепат, тебе не обязательно знакомиться с человеком, чтобы узнать, о чём он думает... Но ты что, собрался сканировать весь город? У тебя голова-то не лопнет?

Физиономия Андо стала совсем мрачной.

— Отлично, давайте, ускоренный курс по искусству соблазна... А у вас тут что, кто-то им владеет?

Винтари удержался, чтоб не припомнить прямо здесь первый визит в Ледяной город. А теперь у него, значит, проблемы какие-то возникли, целомудренность прорезалась... Или, так сказать, расовая брезгливость?

— Да ладно, парень... Просто веди себя проще, лицо не делай такое насупленное — и всё получится. Никто тебя и не просит искушённую даму полусвета изображать, простую крестьянскую девушку... Главное — девушку, всё же. Тебе по крайней мере внешние данные позволят. Вот если б мне пришлось даму изображать — мне б, боюсь, никакие ужимки не

помогли... Надо мной бы тут потешались все, включая Дэвидова Стража. ...Итак, действуем по схеме «звезда». Высаживаемся в этой точке, повторение инструктажа — и, попарно — рассредотачиваемся по объектам. По завершении собираемся уже в этой точке — нет-нет, можно не одновременно, главное, чтоб все туда подошли, я всё равно дождусь каждого, обрабатываем полученное, выходим на следующие пять объектов. Время от времени меняем партнёров и костюмы — чтобы одна и та же пара не примелькалась, ну мало ли. Здесь везде глаза и уши найдутся. Возможно, кому-то выходить придётся и поодиночке — особенно если Милиасу придётся всё же где-то застолбиться, с его попыткой хакерского почина... Кто точно не должен оставаться без партнёра никогда — это, сами понимаете, Дэвид. И желательно, чтоб его партнёром был телепат. В остальном конфигурируйтесь как сочтёте удобным, но старайтесь не оставлять одних девушек — настоящих и мнимых, и тех, кто плохо знает язык. Последних даже важнее.

Уильям удручённо вздохнул. Он и Адриана, с огромным риском для здоровья мозга и вообще для жизни, переписали в свою память некоторый объём словарного запаса — учить было просто некогда. Увы, помнить и правильно применять тоже было не равнозначно.

— А вы откуда так хорошо центаврианский знаете? — тронула Рикардо за локоть Ада.

— Так я же в колонии вырос, вербочка. Тау Кита — торговый порт, там кого только не обитало, только ворлонцев, пожалуй. У нас там и не захочешь — полиглотом станешь, сестрёнки болтали на дразийском чуть ли не лучше, чем на английском. Ну, и центавриан было много — многие у нас в гостях бывали, дружили с моими родителями. Помню, когда впервые увидел центаврианина... Мне лет пять было, не больше. Очень удивился, спросил: «Дяденька, а почему у вас волосы дыбом?» Не понял я, что это инопланетянин. Я ж привык, что все инопланетяне как инопланетяне, дрази там, нарны, бракири даже... А этот человек человеком, только волосы дыбом. Мама на меня зашикала...

— А центаврианин — что?

— Улыбнулся и рассказал эту самую легенду, откуда их причёски пошли. Как, во время торжественной речи их первого императора, над головой его взошло солнце, и одело его голову нимбом из света. Центавриане посчитали это знаком, и с тех пор ставят свои волосы в форму гребня-полукружия. Чем выше положение в обществе занимает центаврианин, тем выше, считается, взошло над ним солнце.

— А над женщинами солнце что же, не всходит?

— Выходит, но по-другому. Женщины обривают голову в знак пренебрежения к условностям, считается, что они свободны от необходимости служить, сражаться за место под солнцем, их задача цвести и вдохновлять мужчин на подвиги. Женщина отражает свет солнца, всходящего над мужчиной. Ну, правда, в истории было несколько женщин, в период разобщенности, которые занимали высокое положение, они носили гребни, как мужчины... С ходу вспоминается Ламеллия Гордая, её княжество успешно противостояло территориальным амбициям тогдашнего императора в течении всей её жизни... Он ведь был императором ещё далеко не всея Центавра, а только Империи Дрюон, но мечтал, конечно, о мировом господстве... Увы, сыновей, которые могли б продолжить её линию, ей бог не дал, а племянник Гурон оказался трусоват тягаться с империей, и выдал свою малолетнюю двоюродную сестру, дочь Ламеллии Диту, за сына императора, фактически передав княжество Торн под управление империи... Оно, конечно, может, централизация и благо, но жители княжества что-то так не считали...

— Вы, похоже, неплохо знаете историю Центавра, Рикардо.

— Местами. Сколько-то в детстве наслушался... О чём центавриане любят порассказывать больше, чем о своей истории?

Комментарий к Часть 2. ДЖАТИЛ. Гл. 6 В неизвестность

Если опираться на новеллы, то Таллия родилась не в семье нормалов. Но новеллы я читал значительно позже, и переписывать что-то не хочется.

Здесь и далее, разумеется, множество домыслов и вымыслов о культуре и истории Центавра, канон на этот счёт не исчерпывающ.

==== Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл 1. По земле обречённых =====

Первый большой успех постиг, как ни странно, Дэвида и Брюса на втором из обследуемых объектов — Рейм был крупнейшим городом в провинции, где располагалось аж два потенциально интересных завода, к тому же одновременно с ними в город прибывала какая-то большая шишка, о чём яснее ясного свидетельствовало бестолковое оживление на улицах, трубачи на перекрёстках и обилие лоточников и карманников, концентрирующихся пропорционально толпам будущих зевак.

— Совпадение?

— Даже если и так. Это нам на руку, наше присутствие в толпе не будет странным, тут кого только нет, и я смогу незаметно просканировать высокого гостя. Мой уровень, конечно, не столь высок, как у Уильяма или тем более у Андо...

— Что поделаешь, они были нужны в другом месте. Думаю, мы справимся.

Пёстрые шумящие толпы, заполонившие улицы, немного пугали Дэвида. Перспектива петь перед публикой — пугала сильно. Вдруг им не понравится? Вдруг их... ну, сочтут чудаками или хулиганами? Винтари и Иржан говорили, конечно, что традиция уличных выступлений — тысячелетняя, уличные певцы, фокусники и танцоры ценятся несмотря на наличие почти в каждом доме хотя бы десяти развлекательных каналов, что поёт он замечательно и его никто не освищет... Но было всё же страшно.

Брюс целеустремлённо протиснулся к небольшому помосту, волоча Дэвида практически за руку. Воистину, рейнджер должен быть бесстрашен и невозмутим, а в некоторых случаях и авантюрен...

— Дамы и господа! В ожидании солнца, готового сегодня озарить наш небосклон, на нём явилась звезда, желающая усладить ваш взор и слух. Моя сестра одарена богами прекрасным голосом, и может исполнить для вас героические баллады, или мелодичные романсы, а может и задорные частушки. Всё, чего пожелаете. Немного вашего внимания и ваших дукатов в наши шляпы!

Дэвид пообещал себе, что если не убьёт Брюса, то, по крайней мере, покалечит. После такой рекламы он просто обязан как-то поразить слушателей... как? Не настолько у него и чудесный голос... Никогда не был чудесным. А сейчас ещё и ломается. Петь на днях рождения и лично для Винтари — это как-то не основание для уверенности в себе. Была б тут Шин Афал — тогда конечно, они б все застыли и не заметили б даже этого своего знатного визитёра...

Взойдя на помост, Дэвид испытал сильное желание зажмуриться, а лучше попятиться. Ярko светит солнце, отражаясь в золочёных гербах домов, пестреют флаги и цветы,

одуряющее благоухают фрукты, пирожки и пряные напитки многочисленных лоточников... И толпа перед ним. Множество людей... ну, центавриан... Рабочие с суровыми, огрубелыми лицами, и холёные чиновники, по такому случаю вырядившиеся во все свои немногочисленные, ввиду провинции всё же, жалованные ленты, ветераны с орденами, кокетки, звенящие драгоценностями, другие артисты в ярких костюмах с разукрашенными лицами... Мужчины, женщины, старики и старухи, малые дети. Кажется, что здесь весь город, хотя конечно же, это не так.

Ладно... Просто вспомнить, как пел для Винтари, и представить, что и сейчас поёт для него. В саду, в беседке, увитой земным плющом и вьюном. Вот эту самую балладу...

Он решил начать с неё, потому что пел её чаще других — это была первая, которой выучил его Винтари. История о храбром юном короле Лорене и его верном оруженосце. О том, как, оставшись почти без армии, лишь с сотней верных солдат, Лорен разбил врага при реке Тарани, и восторженные подданные на руках внесли его в столицу... О том, как коварный завистник, притворявшийся его другом, замыслил на него покушение, но был раскрыт верным оруженосцем. О том, как юная королева, подученная своими родственниками, пыталась оклеветать его, но король не поверил ей, разгневался и отослал её от себя, и до конца дней она не видела его лица... А верному оруженосцу было жаловано дворянское звание, он построил большой дом и женился на самой красивой девушке в столице...

Песня явно пришлась по сердцу слушателям.

— У тебя хороший вкус, девушка, ты знаешь, какие песни нужно петь в эти дни... Хотя не бывало на Центавре времени, когда благой пример из нашей славной истории был бы лишним. Спой же ещё!

Дэвид исполнил и ещё одну балладу — грустную и героическую историю о том, как армия отважного Элаво Силтуадзвари (что означало — «быстрый, как удар молнии») обороняли свой город от подступившей армии зонов, и все до единого полегли, но город не сдали... По легенде, подошедший со своей армией король Лорен, прогнавший зонов от города, поднял из кровавой грязи шейный платок Элаво и повязал себе на руку в знак, что преклоняется перед ним и желает, чтоб та же сила всегда верно направляла его руку, и сказал, что пример мужества князя Силтуадзвари всегда будет жить в сердцах жителей королевства.

Кто-то из ветеранов плакал, скупую слезу утирали работяги, женщины что-то назидательно шептали детям — должно быть, на тему воспитательной роли песни.

— Красавица, спой о любви! — крикнул молодой голос откуда-то с галёрки, — не бывает храброго воина, что не сражался бы за восхищённый взгляд красавицы, не бывает истинно благородного сердца, которого не тронула бы любовь!

Старики посмотрели в сторону крикнувшего недовольно, но не возразили — может быть, и меньше гражданского пафоса в историях о подвигах во имя любви к женщине, нежели в тех, что во имя любви к отечеству, но и эти подвиги достойны восхваления. Пусть, так и быть, третьей песней девушка споёт балладу о любви.

«Красавица... Солнце его, что ли, ослепило... Хорошо, надеюсь, это ему понравится...»

Песня была о рыцаре Нантани, добивавшемся руки и сердца красавицы Элинуры. Гордая Элинура назначила влюблённому двенадцать подвигов-испытаний, и все их он совершил с честью, но в последнем был тяжело ранен, послав возлюбленной весть, что умирает с её именем на устах. Потрясённая Элинура прокляла свою гордость и оставила дом,

став подвижницей-лекаркой (в те времена, ввиду частых войн и эпидемий, такой институт не просто существовал, а был востребованным и необходимым).

По толпе прошло волнение — похоже, давно ожидаемый гость въезжает в город. В то же время по нервной системе Дэвида прошло другое волнение — Страж послал сигнал, что чувствует собрата. Важный центаврианин, что въезжает в город, тоже носит Стража.

Есть один неприятный фактор в этом дистанционном чувствовании — тот Страж тоже способен почувствовать близость соплеменника. Возможно, уже почувствовал. И каким бы ни было ограниченным их сознание — он задастся вопросом, кто же этот второй остраженный, кто оказался с ним в одном городе. И едва ли поймёт, обнаружив Стража у женщины, к тому же простой уличной певицы. Может и доложить куда следует... Плохо дело тогда...

Поэтому в то время, когда Дэвид сходил с помоста, решив, что трёх песен с него хватит, Страж соскочил с него и резво убежал между ногами горожан куда-то в боковой проулок, обещав найти его позже, а пока они справятся и своими силами.

Однако руки слушателей не отпускали Дэвида.

— Куда же ты, девушка! — седой морщинистый центаврианин со слезящимися глазами взял его за руку, — пой, тебя должен услышать наш гость! Нехорошо, если сокровище твоего пения мы укроем для себя, не поделившись с ним.

«Вот попали!» — прозвучал в голове голос Брюса.

Он пел. Пел и слышал, как трубят трубачи, требуя освободить дорогу генералу Кальдаро, слышал гул мотора приближающейся машины — разумеется, не древние времена, не на лошади ж ему ехать, но и наиболее удобного современного транспорта, метро или электропоездов в малых старинных городах вроде Рейма не было, да и наверное, это было б менее торжественно... Он думал о том, что приближающийся генерал — подчинён Стражу, воля этого бедняги порабощена злом, и неизвестно, для чего дракхи послали его сейчас сюда, о том, что почувствовал в сигнале от своего Стража — нечто вроде тревоги, если уж вообще подобные существа способны испытывать такое чувство. Тревоги за себя, за их успех... Страж не позволял себе прорасти в его нервную систему, хотя это было ново и непривычно для него — чтобы даже когда они разделены, другие Стражи и дракхи не могли почувствовать его следов в Дэвиде.

Машина въехала на площадь — и остановилась. Дверца открылась...

Генералу было, может быть, около пятидесяти, волосы его тронула седина. Он шёл сквозь расступающуюся толпу чуть усталой, едва ли только с дороги, походкой. Дэвид не мог ни видеть, ни чувствовать незримого соглядатая на его плече, но знал, что Брюс, по крайней мере, чувствует. Генерал подошёл к помосту, дослушал песню, сунул руку в кошелёк за дукатами... но остановился.

— Как тебя зовут, милое дитя?

Дэвид замер. Вот об этом-то они подумать не сообразили. Ну, в первом выходе никто не интересовался их именами...

— Дэ... Дэйва, мой господин.

— Я впечатлён твоим пением, Дэйва. Я хочу, чтоб ты спела ещё раз — для меня. В моих апартаментах, поле того, как я вернусь с важной встречи, для которой я здесь.

«Отказываться не принято... В сумасшедший дом заберут сразу, как минимум... Да и... что это, если не тот самый шанс? Подбираться ближе и не потребовалось — сам зовёт... Но... господи, почему на моём месте не кто-нибудь другой, а именно я?!»

Подошёл Брюс, это вселило каплю уверенности, хотя конечно, этой капли всё равно не хватало.

— Ты брат этой девушки? Я хочу пригласить её к себе на ужин и послушать её пение. Приведёшь её через два часа вот по этому адресу. После этого я дам тебе поручение — кое-что купить для меня. Сдачу сможешь оставить себе.

«Отлично... Ещё и Брюса отсылает...»

Пальцы центаврианина коснулись подбородка Дэвида.

— Твой талант будет щедро вознаграждён, девушка. Скажи мне, чего тебе хотелось бы отведать, и я распоряжусь доставить это к столу к твоему приходу.

Два часа — не так мало времени, чтоб морально подготовиться, но и не так много. Они шли путанными улочками старого города и вполголоса беседовали.

— Дэвид, сколько б вы ни убеждали меня... сколько б я сам не убеждал сам себя — это опасно...

— А разве для безопасности мы сюда летели? Если я хочу стать рейнджером, я должен уметь справиться. Позором бы было отступить теперь. Он ведь... ничего не заподозрил?

— Такого я в его мыслях не почувствовал. Глубже лезть было опасно — Страж мог это почувствовать. Но и более простые и естественные его намеренья не могут меня не пугать.

— Вы думаете...

— Нет, я не уверен. Всё же вы не соответствуете, уж извините, центаврианским стандартам привлекательности... Но если всё же...

— Мне ничего не грозит, — улыбнулся Дэвид, — я ведь не женщина.

— Я даже не совсем об этом. Вы ведь понимаете, если он обнаружит... Если раскроет вашу маскировку... Его придётся убить. Мы не можем позволить, чтоб он донёс о нас.

Тут, конечно, и Дэвиду стало мрачно...

Стража они обнаружили в одном из переулков. Присоединяться к Дэвиду он не стал, просто запомнил адрес и снова исчез.

Апартаменты, в которых остановился генерал, производили впечатление основательной, уверенной в себе роскоши уже на подходе. Само здание было построено многим позже, чем большинство богатых домов в городе, но выдержано в том же стиле — не то чтоб центавриане тряслись над сохранением архитектурного облика города, просто этот стиль в данной местности считался верхом совершенства, что ли. Ну, это можно было понять. Без вычурностей последующего центаврианского барокко, без нелепостей предыдущего, более грубого подобия земного романского стиля. Всё на своих местах, всё именно так, чтоб показать: здесь звучит наше имя, здесь имение наших предков, здесь мы хозяева. Брюс вполголоса ворчал, всё ещё недовольный тем, что ему придётся уйти...

Центаврианин, уже свободный от парадного мундира и сверкающий белоснежной рубашкой и золотым шитьём на жилете, проводил Дэвида в богато украшенную комнату, где уже был накрыт стол. Ноги утопали в мягком ковре, пахло горящими свечами и какими-то благовониями, сверкали спелыми боками фрукты в вазах... Центаврианин опустился на диван, устланный мягкими подушками, и сделал Дэвиду знак приблизиться.

— Сядь. Расскажи мне о себе. Я видел испуг в твоих глазах там, на площади... Ты боишься меня? Не надо. Я никогда не обижу такое милое создание. И если ты скажешь, кто обижал тебя прежде, я распоряжусь, чтоб их нашли и примерно наказали. Скажи, давно вы с

братом зарабатываете на хлеб пением на улицах?

Дэвиду было очень непросто. Минбарец приучен с детства не лгать. А сейчас придётся что-то выдумывать... Но ничего не поделаешь, так нужно.

— С детства, мой господин.

— Вы рано осиротели? Намного брат старше тебя? Вы не очень похожи.

— Мы от разных матерей, мой господин.

— Ваш отец был в состоянии содержать две жены?

— Они были у него по очереди, мой господин. Мать моего брата умерла при родах.

Прошло много лет, прежде чем отец женился вновь.

— Это прекрасно, что брат заботится о тебе... Но он должен был позаботиться о том, чтоб выдать тебя замуж.

— Мы бедны, мой господин. За меня нечего дать в приданое.

Центаврианин кивнул.

— По крайней мере, за этот вечер ты получишь щедрый подарок, который позволит тебе задуматься о замужестве. Наполни мой бокал, девушка. День ещё не кончился, но я устал и хочу вкусить того, что мне приятно.

Дэвид удалился в сторону домашнего бара. Видимо, всё же он ни о чём не подозревает... Если Страж и почувствовал присутствие другого Стража, то не успел понять, на ком он был. Видимо, в идее пригласить к себе уличную певицу он никакой угрозы не усмотрел, и позволил это...

Центаврианин залпом осушил бокал — должно быть, его мучила жажда, ведь обычно любимые напитки пьют, смакуя — и лицо его враз переменялось.

— Хорошая девушка! Ты налила мне алкоголь?

— Бревари, мой господин... Я выбрала лучшее из тех, о которых знала. Я подумала, что это именно то, чего желает господин.

— Как мне тебя благодарить... Сам я не мог себе этого позволить. Я думал, что удовольствуюсь джалой или тинксом, но ты... ты, сама не зная, так помогла мне! Только от алкоголя он засыпает.

«Ещё бы он не засыпал».

— Кто, мой господин?

Центаврианин рванул ворот рубашки, словно ему не хватало воздуха.

— Не знаю, способна ли ты увидеть... Иногда, когда он спит, его можно увидеть, он больше не контролирует ни себя, ни меня. Сегодня на площади, девушка, ты пела о древних героях, о мужестве, доблести, славных победах и достойной кончине... Слёз не было на моих глазах, но они жгли мне сердце. Сейчас нашей родине угрожает враг куда более страшный, чем во все времена... А мы ничего не делаем. Не обороняемся, не проливаем свою кровь, не встаём нерушимым щитом между неприятелем и нашими землями. Небывалый позор случился в истории — центавриане рабы... И мы не сгораем со стыда, мы продолжаем жить с этим...

Он не сказал, сделал знак глазами — но Дэвид понял без слов, и наполнил его бокал снова.

— Конечно, и войны сейчас ведутся не так, как прежде... Враг не подходил к нашим границам с барабанами и стягами, с шумом многочисленной армии, как было это в прежние времена, не объявлял нам войны, не вострубил на весь мир... Он пришёл тайно. Скрытно. Прополз в щели, действовал хитростью, подлостью... С таким врагом сложнее бороться.

Хотя он ли, он ли поразил наш народ страшнейшей чумой из всех — трусостью... Мы стали жалкими и самодовольными, мы забыли великий дух наших предков! Пой, девушка, может быть, ты сможешь пробудить этот дух, может, он не умер, а только спит... Но не знаю, не слишком ли будет поздно.

Дэвид решил, что в данной ситуации приличествует взять мужчину за руку и придвинуться ближе.

— Если ваша ничтожная раба что-то может сделать — только скажите.

— Ты чиста сердцем, Дэйва, в наши времена нечасто такое встретишь... Не знаю, можешь ли ты что-то сделать. Не знаю, может ли хоть кто-то что-то сделать теперь. Знаешь ли ты, зачем я здесь? Мой отец... мой отец, тоже генерал Кальдаро, герой Гораша и достойнейший в нашем роду... Он окончил свои дни, порабощённый таким же отвратительным созданием. По его приказу, по приказу тех, кто захватил Центавр, он разместил здесь, на заводе по переработке взрывчатых газов, бомбу... Её взрыв должен смести всё в округе, до самого Регола и до реки Тиши... Тогда они не собирались устраивать этого взрыва, и приставили к бомбе надёжную охрану, чтобы её случайно не обнаружили, чтобы она не взорвалась прежде времени. Сейчас это время настало. Я, его сын, унаследовавший его сан и его хозяев, прибыл сюда, чтобы снять эту охрану, чтобы подготовить всё к тому моменту... Когда они принесут Центавр в жертву их вечной священной войне. Наша смерть даст им необходимую силу, так они говорят.

— Это ужасно, мой господин. Почему же никто ничего не делает, почему никто не знает об этом гнусном заговоре?

— Потому что страх и подлость правят нынче на Центавре... Слушай, девушка. Я не верю, что Центавр можно спасти. Эта бомба не одна, их около пятидесяти, как я слышал... и половина из них — в глубоких шахтах, что достают почти до ядра... Те бомбы, что на поверхности, нужны были им для устрашения. Те, что глубоко — сотрут нашу планету с карты галактики. Я не могу даже верить в то, что, отключи мы эту бомбу, хотя бы этот город выжил бы... Я не стану её отключать. Эти люди были добры ко мне, и я хочу быстрой, лёгкой смерти для них. Растаять в огне — лучше, чем чувствовать, как под тобой раскаляется земля, как на тебя падают камни разрушающихся домов... Бери своего брата и кого ещё сможешь спасти, и бегите с Центавра. Я дам вам денег. В наших колониях, где ещё уцелеют центавриане, спой поучительные песни о том, что бывает, когда забываешь о чести и мужестве.

Дэвид обомлел. Поучить сразу столько информации... он и надеяться не смел. И ведь ничего, в общем-то, и не пришлось делать, он рассказывает сам...

— Но кто они, мой господин? Откуда они, за что они так с нами? Разве у нас нет армии, которая могла бы изгнать врага?

— Слуги тьмы, оставшиеся с великой войны... в той великой войне облечённые властью безумцы призвали тьму на нашу землю. Они думали, что смогут держать эту силу в своей руке, и грозить ею мирам. Но сила эта сжала нас в кулаке, и теперь — раздавит. Имя им — дракхи, и они не знают жалости. Армия... армия наша бессильна, пока во главе стоят такие, как я. Они позаботились о том, чтоб те, от кого много зависит в Империи, были им подконтрольны. Чтобы те, кто призваны беречь и защищать свой народ, своими руками помогли его уничтожить.

— Неужели ничего нельзя сделать, никак нельзя им противостоять?

— Его око никогда не смыкается, только если выпить много алкоголя... алкоголь

усыпляет его, поэтому он запрещает мне пить. Они поняли, как много они могут упустить, если позволят нам пить... Если я протяну свою руку к стакану — он остановит эту руку. Ты думаешь, он позволит этой руке взять меч, чтобы поднять его на захватчиков? Всякой цивилизации, говорят, однажды предстоит умереть. Видно, пришло и наше время. Мне жаль, что мне пришлось жить в это время... Никакие раны, никакие потери не могут быть страшнее бессилия, страшнее осознания, что ты оружие в руках врага, разящее твоих родных и близких... Прошу, девушка, беги. Сохрани память о нас.

Он уснул. Отвыкший от алкоголя организм, видимо, сразили три бокала, которые раньше не много бы значили... Дэвид смотрел в спящее лицо, и во сне подёрнутое усталостью и скорбью. Сзади, неслышно ступая по мягкому ковру, подошёл Брюс.

— Пора. Через полчаса у меня сеанс связи с агентами Арвини, и будем вытаскивать бомбу... Ведь она здесь есть?

— Есть... Как жаль, что мы ничего не можем сделать для этого несчастного. Даже освободить его.

— Мы освободим Центавр — и этим поможем и ему, и всем подобным ему.

— Да, но... как жаль, что он проснётся — и снова будет несвободным.

— У Уильяма или Адрианы хватило бы сил отсоединить от него Стража... У меня едва ли. Но, даже будь здесь Уильям или Адриана... ведь мы выдали бы себя, если б сделали это.

— Верно... Он прав, нет ничего страшнее бессилия. Уходить, зная, что не можешь помочь... Всё знаешь, и ничего не можешь сделать... Ведь даже нет такого яда, который отравил бы только Стража, и не тронул его жертву... Брюс... Брюс, вы видите его?

— Смутно, но вижу. Он сильный, сильнее, чем тот, что у вас.

— Скажите, а можете вы... ну, например, ранить его? Положим, убить не сможете... Несмотря бы какое-то время, которое потребуется ему для восстановления, генерал получит хоть немного свободы.

— Можно попробовать. И это не вызовет особых подозрений. Ведь так поступила бы любая честная центаврианка на вашем месте.

Страж встретил их за поворотом. «Очень хорошо, что вам удалось. Дня три Страж не сможет полноценно контролировать этого генерала, и он не помешает вывезти бомбу. Но потом его заставят объявить в розыск певицу Дэйву и её брата. Вам нужно изменить внешность и поменять напарников».

— Это очевидно...

Две пары — Амина с Уильямом и Винтари с Адрианой — случайно пересеклись по дороге к точке сбора. Ну, ничего странного в этом, в общем-то, не было — пути передвижения строго не оговаривались, было ни к чему, да и невозможно предугадать. «Звёзды» не имели правильных форм, длины их «лучей» были разными, а уж дальнейшие пути тем более причудливы. С точностью нельзя было предугадать даже затраченное время: иногда всё получалось быстрее — нужная информация находилась быстро и столь же быстро передавалась агентам-исполнителям, которые брали на себя собственно операцию под кодовым названием «Ловля блох», или же наоборот, выяснялось, что именно здесь искать — нечего, и диверсанты направлялись к месту встречи для обмена информацией и дальнейших инструкций. Винтари регулярно, по нескольку раз на дню думал о том, как много слабых звеньев в их схемах, что будет, если однажды цепочка возвращающихся к новой точке сбора растянется длиннее, чем следует, если кто-то выдвинется на новую позицию, не успев

получить какую-то очень важную информацию, если не вовремя разрядится переговорник... Если кто-то из окружающих поймёт, что причина немногословности его спутницы — в том, что она знает центаврианский на уровне туристического разговорника...

Поэтому каждая новая встреча — с кем бы то ни было из товарищей по миссии — была облегчением. У них всё хорошо, у них в целом всё получается, они идут по намеченному плану.

Дорога была длинной — через поля, потом живописный лес, в это время года напоенный солнцем и пением птиц. Винтари и не знал, что так прекрасна может быть природа родной планеты — прежде он видел в основном сады и парки, слегка, по правде, даже побаиваясь природы в её чистом, некультуренном виде, а уж того, что он может вот так идти сквозь лес, чувствуя на своей коже льющийся сквозь кроны свет, пыль пройденных дорог, приятную усталость от оставшегося позади пути, он и представить не мог. Нет, на самом деле он и сейчас всего этого побаивался... Он не знал названий большинства дикорастущих трав, но смутно помнил, что некоторые из них ядовиты, могут вызвать серьёзные ожоги, которые заживают потом очень долго... Он не был уверен, что из манящей тенистой чащи к ним не выйдет какое-нибудь достаточно крупное и не слишком миролюбивое животное, зато вот про опасных насекомых он помнил хорошо... Но ему нравилось преодолевать свой страх. Нравилось само то, что он, принц, претендент на престол, идёт по этим дорогам, как простой крестьянин... Вернее, нет, солдат. Солдат, защищающий свой мир. И он позволял себе любоваться этой дикой красотой. Любоваться издали, не касаясь — как потому, что побаивался, так и потому, что не было у них времени любоваться... Но всё же, глядя на могучие стволы, увитые бахромой мха и тонкие, почти прозрачные молодые ростки, на тихо пробивающиеся в густой траве ручьи и зреющие на ветвях лесные ягоды и думая о том, что на это смотрят его товарищи из других миров, он испытывал странную тихую гордость. Пусть они любят, пусть видят Центавр не только опасным, погрязшим во лжи и сумраке, заблудшим, погибающим — но и красивым. А если им будет грозить какая-то опасность — он сумеет сделать всё, чтобы их защитить.

И совершенно естественно получилось, что пары перегруппировались — телепаты пошли чуть впереди, беззвучно беседуя о чём-то своём, телепатском, а они с Аминой — следом.

— Я так рада видеть вас, Диус. В прошлый раз мы не пересеклись — видимо, вы подошли уже после того, как я отбыла на следующий объект... Это было досадно.

— Что поделаешь, оказаться на одном объекте для нас с вами практически нереально, мы нужны другим, чтобы страховать их своим знанием языка и центаврианских реалий.

— Это верно... Хорошо вам работалось с Адрианой?

Винтари пожал плечами.

— Вполне. Конечно, она не слишком общительна, и на первый взгляд может показаться хмурой... Это Ледяной город, они там через одного такие. Но она очень серьёзно и ответственно относится к делу, когда мы оставались без свидетелей, она сама просила прорабатывать с нею типовые диалоги. Делает успехи.

— Центаврианский — не самый лёгкий для изучения язык, хотя телепатам в какой-то мере проще — когда мы объясняем им что-то, они добирают из мыслей то, с чем не справляются слова... По крайней мере, с Уильямом было так. Он переживает, что не знает центаврианских телепатических техник, а мне тут, честное слово, ему совершенно нечем помочь... Он боится встречи с центаврианскими телепатами, ведь они смогут раскрыть его в

два счёта.

— Да о таком у нас мало кто не думал... В безопасности мы только во время общих сборов, Андо держит ментальный купол, но Андо у нас один, он не может быть рядом с каждым из нас. Ну, раньше на сильного телепата в такой глуши, где мы сейчас, трудно было напороться... А сейчас всё возможно — дракхи хоть и не уничтожали их так открыто и масштабно, как Тени, но дали понять, что лучше держаться подальше от крупных городов и тех сфер, где они прежде привыкли вращаться. Им бы, на самом деле, встать сейчас на нашу сторону... Но боюсь, нет у нас столько времени — объяснять им, что к чему.

Амина поёжилась.

— Тени... А вы видели Теней, Диус? ...Ох, простите, не стоило мне об этом... какая же я глупая!

— Боги миловали меня, Амина, от того, чтоб именно видеть их. Хотя мы и были в столице во время этого их... парада...

— Я думала, вы, как сын императора...

— Ну, мой отец, к счастью, за великими государственными делами о семье особо не вспоминал. Моя мать, надо сказать, была достаточно благоразумна, чтобы тоже не проявлять инициативы... Непредсказуемость царственного супруга ей как-то совершенно не импонировала, мог ведь осыпать благами, а мог отправить на плаху, и всё исключительно от того, в каком с утра проснётся настроении. Но она, конечно, как и подавляющее большинство знати, выразила своё... уважение новым союзникам, присутствовав на параде. Не в первых рядах, не рядом с отцом, но она там была. Ну, а я тому, что не сидел в этот момент на отцовских коленях, только рад, сама понимаешь.

Винтари закашлялся — лес снова сменился пустошью, щедро напоенной солнечным зноем, мягкая бурая пыль взмётывалась из-под ног густым дымом. Пришлось сойти с дороги, пойти по обочине.

— Как хорошо, что она проявила такое благоразумие и уберегла вас...

Удивительно, думал Винтари, что одни и те же слова звучат в таких разных обстоятельствах — там среди бескрайних снегов, под застывшими от холода звёздами чужого неба, здесь жарким летним днём под родным солнцем, лучей которого не чувствовал столько лет...

— Не знаю, стоит ли предполагать здесь именно материнскую заботу, или скорее я, по малолетству, был ей там нежелательной помехой. Мы не говорили с ней об этом никогда, честно говоря, я и сейчас не горю желанием. Ну, сожалений об упущенной возможности у меня как-то нет. Не знаю, кто уберёт меня — родители, со своим пренебрежением, или моя нянька, со своим суеверным ужасом, так прочно вошедшим в кровь их расы... С той поры, с того далёкого дня, немного этого ужаса живёт и во мне. И немного двойного отношения к огню. Я и боюсь его, и боготворю. Занятно, не правда ли? Меня в детстве коснулось нарнское язычество, и теперь я рассказываю об этом последовательнице Г'Квана...

— Тулани далеко от столицы... Но мы видели их на горизонте. Их силуэты не были различимы, и эти ужасные звуки доносились лишь слабыми отголосками. Но мы долго стояли потом под жарким летним солнцем и не могли согреться. Мать сказала, что, наверное, такие союзники и правда ценнейшее приобретение Центавра — если такой ужас они наводят на них, то какой же наведут на врагов... А отец ничего не сказал. Его молчание было страшным.

— Сейчас мы уже можем воспринимать и Теней, и ворлонцев без мистической призмы.

Мы должны их так воспринимать. Они просто древнее, намного древнее нас. Намного сильнее. Они были уже древними и сильными, когда наши цивилизации только зарождались. Они умели воздействовать на нашу психику, на наше сознание нужным им образом... Но считать их на этом основании божествами — то же самое, что поклоняться алкоголю или одурманивающему газу. Мы должны уметь определять как действие химии, так и действие наших собственных детских страхов и надежд. Потому что не вправе позволять себе оставаться одной ногой в пещерах. Ворлонцы — не боги, Тени — не демоны, а дракхов — можно победить, и победим.

Амина невольно вскрикнула, ободрав ногу о колючку.

— Ну вот... Тоже хорошо... пошли по зарослям... Хотя тут-то их ещё не так много... Ну почему на пустырях чего-то доброго не растёт, талфы, например, я уж звёздных кружев не прошу...

— Что это за растение? — внезапно заинтересовался Винтари, — смутно знакомое что-то, хотя не припомню, чтоб видел в саду...

— В каком саду, что ему там делать! Это ж чертополох. Колючий сорняк... зараза... Вот как он сюда попал, скажите? А заполонил всё... самый настырный из эмигрантов. Это ж земное растение, завезли семена с каким-то грузом — и вот... Теперь не выведешь...

— А цветёт красиво.

— Ну да, в этом не отказать. На земле у него, правда, другой оттенок, видимо, почва влияет... Но колется так же.

— Так интересно... дикая красота... Но он, по крайней мере, не ядовитый?

— Нет, слава Г'Квану, хоть без этого... А вы вообще не верите в богов, Диус?

И вспомнился другой разговор, теперь уже — с Андо.

— Сложно сказать. Раньше вроде бы верил, а теперь... не знаю. Я их не видел, не чувствовал и не имею основания в них верить. Я допускаю, что есть что-то, на что мы могли бы надеяться и что могло бы повлиять на нашу жизнь... Но я уже не верю, что это какой-то конкретный бог или боги. Скорее некое общее понятие справедливости, правды, правильности. По инерции я вспоминаю имена богов — я воспитан центаврианином, это как для землянина перекреститься. Но я помню, что все эти боги когда-то топтали землю Центавра и дышали тем воздухом, что и мы. Они не только удивляли чудесами и совершали подвиги, они получали раны и умирали. А значит — они такие, как мы, только сильнее. Как и ворлонцы. Как и Тени. Как мы были б богами для расы, возможности которой меньше, чем наши. В Великой войне не Свет победил Тьму, а разум победил дикость, когда человек по имени Джон Шеридан послал за предел и древних богов, и древних демонов. С той поры мы должны сами строить свою судьбу и надеяться на свои силы, на свои качества, а не на помощь свыше, молитвы или заклинания. Это труднее, но только это делает расу достойной того, чтобы жить дальше.

Трансконтинентальный экспресс мог бы, конечно, впечатлить больше, возьми они билет в вагон первого класса. Там, по рассказам Милиаса, фруктовые соки подают в витых бокалах, каждый из которых стоит примерно как весь вагон четвёртого, полы устелены коврами с картой галактики, и есть выход на смотровую площадку на крыше, которая, правда, редко используется на континенте — много туннелей. Сам Милиас первым классом ездил один раз — в далёком детстве, когда их с семьёй пригласили на свадьбу дальних родственников отца. Родня была невообразимо далёкой, ни до ни после Милиас её не видел,

но свадьба праздновалась широко — приглашены были все, от родственников, не исключая седьмой воды на киселе, до одноклассников, недолгих сослуживцев и просто соседей, и вся эта несметная толпа непременно должна была сопровождать молодую чету от дома невесты до дома жениха (что аккурат через полматерика) и три дня гулять там. Сейчас же, разумеется, не то что о первом, даже о третьем классе не было речи — наличных дукатов, отпущенных на увлекательное приключение, было ужасающе мало при объёме задач. Увы, но иначе не получалось — валютные операции Центавра сейчас не столь масштабны, как в прежние времена, их все не проблема отследить. Вся наличность, по сути, приобретена благодаря торговым операциям Арвини — Альянс оплачивал их сделки земной валютой либо валютой миров, с которыми эти сделки совершались, а дукаты передавались в фонд операции. Большая удача, что Арвини практически всегда рассчитывались наличными — старая традиция, установившаяся ещё до изоляции, после одного крупного ценного поставщика, с дразийской упертостью не доверявшего безналичным операциям. Суммы на первый взгляд могли казаться большими, но передвижения между городами и аренда жилья, даже почасовая, съедали их с удивительной быстротой. Ну, первый класс никому тут и не сдался, а вот за третий Милиас с удовольствием доплатил бы, если б у него было, чем. Вагоны четвёртого класса не имели ограничения по количеству мест, потому что не имели мест как таковых. Сколько народу купило билет в эту селёдочную бочку — столько сюда и влезет, и их дело, сидеть друг у друга на головах или лежать растоптанными. Голый пол, голые стены с небольшими, забранными толстенным небьющимся пластиком, слишком мутным, чтоб пропускать достаточно света, окошками, конечно, не открывающимися. Вентиляция имелась, правда, но не справлялась, духота стояла чудовищная, и остановки, когда в открывающиеся двери врывается свежий воздух, были спасением. Хоть вместе с ним и врывалось ещё пара десятков пассажиров. Сейчас, заверял Милиас, на коленях которого сидели по очереди то Дэвид, то Селестина, здесь ещё довольно свободно. Ну, во всяком случае, им крупно повезло занять этот угол, где, отгороженные и полузадавленные тюками переселенцев и коробами мелких торговцев, они были всё же в относительном покое и безопасности, да и разговаривать между собой им было легче, чем тем, кто сидел-стоял где-нибудь в середине вагона — там гвалт был такой, что приходилось орать, чтобы его перекрыть. И подслушать их было при этом значительно труднее — а была некоторая проблема, говорить на земном или на центарине. Центарин Селестина знала мягко говоря плоховато, ей, конечно, нужна была практика, но когда требовалось быстро посвятить её в какую-то обширную тему из центаврианской жизни, проще было излагать это на земном. На центарине — любое неосторожное слово не о деле даже, а вот эти самые разъяснения, странные для вроде как аборигенов, привлекают внимание, а дорога длинная, кто-то да пристанет с расспросами. На земном — мало кто здесь поймёт более отдельных слов, публика в основном малообразованная, но зацепит внимание сам факт звучания инопланетного языка. Поэтому говорить старались тихо, а между языками переключались в зависимости от сложности обсуждаемой темы. Заранее было условлено по возможности не произносить в людных местах слов и названий, имеющих резко инопланетное звучание или определённую специфику, что позволит случайному уху сразу выхватить их из потока речи.

— Гелишени называют городом мостов. Их там не только очень много — что естественно, его пересекает столько рек и мелких ручьёв, но куда больше потрясает их многообразие и красота. От огромнейших железнодорожных и автомобильных мостов, соединяющих берега самой большой и полноводной реки в этой части континента, до

крохотных мосточков над мелкими речушками, которые не сложно и перешагнуть, от старинных, камни которых помнят времена феодальных войн, до новейших большепролётных конструкций. Все направления архитектуры, все возможные материалы и конструктивные решения. Это, можно сказать, музей мостов. И мало не у половины мостов есть какая-нибудь роль в истории, легенда, какая-нибудь связанная с ним традиция...

— Красиво, наверное, — проговорила Селестина. Она была на вид ровесница Андо точного её возраста Милиас не знал, первое время путал с другой девушкой из курсантов Винтари. Сейчас он знал, что она отличалась тем, что создала практически идеальную маскировку — из сбритых волос изготовила шиньон и дополнила им жидковатый хвост до вполне приемлемой толщины. Дэвид вздыхал, сожалея, что не может так же — ему платок необходим, чтобы прикрывать гребень.

— Я сам, увы, не был в Гелишени. Только читал, смотрел на открытках... Вот и теперь не побываю. Стоянка 20 минут, о каких экскурсиях может идти речь...

— Ну, за 20 минут немного-то увидеть можно? Если не отходить далеко от вокзала... Если взойти куда-то повыше, можно хотя бы увидеть панораму города.

Дэвиду как-то защемило сердце от этого. У сперва немногословной, холодной телепатки сейчас были очень живые интонации. Всё-таки она так мало в жизни видела... Больше, конечно, чем Адриана, жившая в Ледяном городе безвылазно. Фриди иногда рассказывали, как очарованно смотрели молодые северные отшельники, рискнувшие выбраться в город, на здания, улицы, храмы, машины. Не в том вопрос, нравилось ли им то или иное, было ли близким, или нет. Это было новым, после бесконечной снежной белизны. Житель севера, конечно, скажет, что родные места каждый день и даже каждую минуту разные, уникальные и прекрасные, пронизанные нитями его привязанности, и это будет правдой. Но от новизны впечатлений, разнообразия картин кружится голова, как после долгого голода. Человек не может без познания, без открытий... А Центавр — это ещё больше нового, яркого... Прежде никогда Селестине не было по-настоящему жарко — хотя она и думала так летом в Тузаноре. Прежде никогда она не видела настолько больших, шумных, беспорядочных толп — на Минбаре это просто невыносимо. Иногда, конечно, ей становилось от этого дурно, и можно было только представлять себе, как тяжело ей было в окружении стольких незнакомых, чуждых сознаний. Конечно, её учили ставить блоки, но сил это отнимало порой очень много.

— Жаль, но лучше не рисковать. Потом не то что не займём снова этот угол, можем вообще в вагон не влезть. И кому какая разница, что у нас билеты...

Ещё два часа в душном грязном вагоне — это звучало как издевательство. Да, нужно думать о том, что не ещё, а всего. И они будут в Селижани, а оттуда рукой подать до Гьёжи — неприметного местечка дальше по побережью, откуда ходят паромы до островов... И это легко может оказаться пустышкой, как оказались уже три места до этого. Но не это страшно, конечно. Страшно будет уезжать и думать — а может, всё же не пустышка? Может, просто хорошо спрятано, и не попалось болтунов, может, плохо искали?

— Будь это Поклонники Порядка, наверное, было бы проще. Поклонники порядка распределили бы эти бомбы строго геометрически, по возможности с точностью до метра! А это слуги хаоса. Какая тут может быть система?

— Система есть всегда, только систему хаоса постичь сложнее.

Разговоры о городах и их достопримечательностях отвлекали Милиаса от мрачных мыслей. Он надеялся, что постепенно притерпится, этот неуют и откровенный страх

пойдут... Не проходило. Да, верно, он слишком приличный домашний мальчик из пусть небогатой, но не знавшей нужды семьи, он недавний ребёнок, детский мир которого как могли оберегали от невзгод, он не соприкасался с низами и не мог соприкоснуться, пока сам не выбрал в жизни такой крутой поворот, став рейнджером. Грань между мрачными, грубоватыми чернорабочими и откровенно полуразбойными элементами непривычный не сразу уловит, навыка взаимодействия с такими людьми тем более никакого.

— В общем-то, я такая же, — вздохнула Селестина, — моим старшим, наверное, это было б знакомой обстановкой, они б не потерялись, они и в худших местах бывали и среди худшей публики. А я это знаю только по рассказам, только видела, но не переживала. Наверное, среди нас вообще мало кто на самом деле готов... Ну, кроме учителя Рикардо. Его жизненный опыт намного богаче нашего.

— Зет Рикардо, — в голосе Милиаса слышалось восхищение, — лучший учитель, какого можно представить. Иногда кажется, нет такого, с чем он не справится, во всяком случае, что его напугало бы. В нём столько силы, и при том эта сила не подавляет... Он, как никто, умеет вселять уверенность и готовность к действиям. Я не поверил своим ушам, когда услышал — оказывается, многие учителя не верили, что он сможет быть наставником, и он сам не верил! Да, наверное, безволосых, — так условлено было называть минбарцев, — он раздражает сперва, кажется легкомысленным... Но достаточно узнать его поближе, чтоб не сомневаться в нём больше никогда. Лично я верю в наш успех, пока успех сопутствует ему.

— Он действительно необыкновенный человек, — кивнула Селестина, — я никогда не слышала ни о каком другом человеке, нормале, которого невозможно б было просканировать. И не слышала, чтоб у какой-то расы такое было. Нормала можно научить ставить блок, но это очень трудно, конечно. Но у него ведь это как-то само. Он не ставит этот блок и не может снять. Это не с чем сравнить, не бывает такого. Нет его мыслей фоном, словно нет этого человека вообще, и если толкнёшься глубже — это не обычная стена, ты словно соскальзываешь, не видя и не ощущая ровным счётом ничего. Словно грань кристалла, из каких сделаны дома безволосых...

— Нам и так лучше не встречаться на своём пути с телепатами, по многим причинам... А обнаружение такой странности вообще ничего хорошего не сулит.

— Разве телепаты не пострадали от... наших трудноуловимых приятелей? Зачем им сдавать нас или чинить нам какие-то неприятности?

— Мы на Центавре, дружище. Зачем сразу трудноуловимые? Будто тут без них некому обеспечить... отсутствие скуки. Здесь не всегда угадаешь, кто тебя продаст, за сколько и кому. Может быть, и ни ради чего, а просто на всякий случай. Из азарта, из желания выслужиться, из желания обезопасить себя... Центавр — это удивительная игра со сложнопостижимыми правилами. Лучше не доверять никому. Но никому не доверять невозможно, всё равно кому-то да поверишь... всё равно где-то да споткнёшься. Здесь высоко ценятся сила, преимущества... А у нас даже две удивительные для них силы — Андо и Рикардо. Странно... они даже чем-то похожи, немного. А их дары по сути зеркальны...

— Только если Андо знает, чем он обладает, хорошо понимает это, то Рикардо, кажется, нет. Я ведь знаю его с раннего детства, и с тех самых пор думаю об этом. Он бывал в нашем селенье много раз, там живут трое спасённых им. Честно говоря, мне хотелось вступить в орден именно затем, чтоб больше узнать, как-то приблизиться к разгадке... Жаль, конечно, если ответ и есть, он очень сильно опоздал.

— Почему?

— Подумайте сами. Это было б жизненно важно лет так 20–30 назад. Если узнать, как он приобрёл этот абсолютный блок, если б такую непроницаемость могли приобрести все нормалы — это избавило бы наш вид от векового ада.

— А сами телепаты согласились бы на это?

По лицу Селестины пробежала тень.

— Не могу отвечать за всех.

Чего Милиас настойчиво боялся, то и случилось после третьей большой стоянки в их пути, когда их ближайший сосед, до того безмятежно храпевший, встрепенулся, подскочил, и, расталкивая толпу и голоса, рванул на выход — кажется, он проспал свою станцию, а его место занял разбитной парень в засаленной куртке, надетой на такую ветхую рубаху, что можно было считать — на голое тело. Он явно был счастлив такой удаче — притулиться рядом с двумя молодыми девушками, что и не преминул продемонстрировать, присутствие Милиаса смущало его не очень.

— Эй, хлюпик, из каких краёв будешь? Где это такие девчонки водятся? Как это ты аж двух отхватил? Верно, одну для меня припас?

— Это моя жена и моя сестра, — Милиасу, понятно, больше всего хотелось просто послать нахала далеко, но перспектива драки в поезде никак не радовала, хотя и вырисовывалась отчётливо, и очень уж хотелось этот момент оттянуть.

— Надо ж, такому сопляку да этакую красотку кто-то отдал! Малютка, бросай ты этого молокососа, пока не поздно! Слишком ты для него хороша! Впрочем, и сестрёнка ничего. Только чего ж такой платок страшный повязала? Пошли со мной, будут у тебя серёжки, что не стыдно будет ушки показать.

— Ох же завидный ухажёр выискался! — отозвался с другой стороны насмешливый женский голос, — серёжками девчонку завлекать! Ты на миску похлёбки-то заработаешь? Жилет себе сначала купи, а то подробности скоро вывалятся!

— А мне за свои подробности не стыдно!

— Моя сестра едет к своему жениху, дата свадьбы уже назначена. Он купит ей сколько угодно и серёжек, и платков, и нарядов.

— Ух ты! Он что, богач?

— Ну, он много прожил и много заработал, он достаточно состоятельный. К тому же, ему 103 года, так что моя сестрёнка может в скором времени остаться богатой молодой вдовой.

Дэвид, конечно, почти притерпелся к подобным разговорам, обычным для культуры браков ради выгоды, дружбы ради выгоды, но всё же был немного зол, что женой назначили не его, а Селестину. Хотя это объяснимо — Селестина больше привлекает мужское внимание, и внешне ну совсем не похожа на Милиаса, кто б поверил, что сестра, даже если б оно так и было?

— Ишь ты, шустрый... Он, может, ещё лет 20 проживёт, а то и 30, уже денюжки сидит считает... А уж старшие жёны да их дети тем временем как девчонку заключают... Бедная, бедная девочка! Да видать, жених скряга и сволочь, что ж к нему невеста четвёртым классом едет?

— А может, прямо здесь себе другого жениха найдёшь, попроще, да понадёжнее? А то приедешь, да окажется, что богат фантазией? Мой вон тоже... и серёжки и бусы слал. Все их продать пришлось, и года даже не прошло.

— Нешто послать ему за вами не нашлось, кого? Да мог бы и сам, если уж так говорить. Жена, хоть вторая, третья, четвёртая — это всё-таки жена.

Да, это звучало действительно сомнительно. Что поделаться, Милиас тоже нащупывал дорогу на нехоженном прежде поле вслепую, немногим увереннее иномирцев.

— Он присылал нам деньги. Увы, нам пришлось потратить их на похороны нашей матушки и уплату долгов, без которой нам не позволили бы уехать. Мы решили поостеречься просить ещё денег. Если он передумает жениться на Мии, будет плохо.

— Что, ухажёр, замолчал? Будешь богатой молодой вдовы ждать? Да на кой ты ей будешь нужен тогда?

«Ухажёр» меж тем пододвигался ближе, хотя и так уже сидел почти вплотную к Дэвиду. Селестина зашевелилась, намереваясь поменяться — уступить место на коленях Милиаса, но было подозрение, что в момент, когда Дэвид встанет, на его место заползёт этот типчик, и преспокойненько предложит кому-нибудь из девушек сесть к нему на колени. Нормальная практика...

— Не, ждать — это не моё, здесь и сейчас живём. Слышишь, девочка, что народ говорит? Дрянь у тебя женишок. Может, плюнешь на всё и сбежишь? Он, поди, и искать тебя не станет...

— А деньги, на переезд выданные?

— Далеко вам ехать-то? Впереди долгая стоянка, может, выйдем, прогуляемся... Отведаешь молодого тела, прежде чем к старому чучелу... Если у него, конечно, ещё работает что-нибудь. Ну чего ты деревянная такая? На меня ещё ни одна не жаловалась...

Он протянул руку к виску Дэвида, тот, естественно, отшатнулся в ужасе. Милиас с отчаянно-злым выражением лица начал выбираться из-под Селестины — похоже, надежда свести всё к шуточкам-прибауточкам и обойтись без мордобоя пошла прахом. Мужики и бабы у другой стены загалдели и, кажется, начали делать ставки. Чумазые дети, копошащиеся среди узлов, предусмотрительно порскнули в сторону. И в этот момент в бедро домогателя бесцеремонно ткнулся облупленным носом лакированный когда-то сапог.

— Ну, раз ни одна не жаловалась — вот со мной на длинной стоянке и выйдешь. Посмотрим, чем ты там хвастаешься. Если не соврал — я тебе его потом, девчонка, передам.

Тот поднял взгляд — от испещренных беловатыми шрамами огромных рук, скрещенных под объёмистым бюстом, на отмеченное увяданием и не лучшим образом жизни лицо. Ровесницей мифического жениха она, конечно, не была, но выглядела, как предположил Дэвид, мучительно тренирующийся определять возраста центавриан, на 60 запросто. Да и просто выглядела отталкивающе. Чего стоили серьги с крупными, плохо огранёнными камнями, оттянувшие мочки чуть ли не до середины шеи, на которой бусы из таких же примерно бульжников прикрывали — не вполне удачно — более свежий шрам.

— А если я с тобой не хочу?

— А тогда, малыш, я позову своих сыновей, и они быстро объяснят тебе, чего тебе надо хотеть. Давай-ка пошли, займём места поближе к выходу, чтоб не пробиваться — силы тебе ещё понадобятся.

И к удивлению Дэвида и Селестины, он поднялся и покорно пошёл за женщиной.

— Что это было? — спросили оба почти одними губами.

Милиас, сам едва ли в меньшем шоке, опустил обратно.

— Это... ну, я предполагаю, что это. Есть одно... нельзя сказать именно племя, скорее — преступное сообщество, но в основном связанное кровными узами. Сейчас их уже нечасто

можно встретить, гвардия ведёт с ними серьёзную борьбу. А раньше их были тысячи, особенно на юге. Разбой на дорогах, воровство скота, домовые кражи, конечно. Иногда — похищения с целью выкупа. У них всем заправляют женщины. Пожилые женщины. Сыновья слушаются матерей беспрекословно, матери отдают им приказы — кого ограбить, кого убить. Матери распределяют потом добычу. Браков там почти нет, женщина просто выбирает мужчин, какие понравятся — на ночь, на год, как получится. Чтобы родить детей. Дочери тоже участвуют в разбое, пока у них не подрастут сыновья, для которых они становятся как командир отряда... За хорошую работу матери выбирают для сыновей женщин. Бывает, что и из сестёр, всё равно ведь только по матери...

— Разве это... ну, вырождение ведь...

— Ну, вырожденцев там хватает. А совсем уроды там и не выживают. Но мужчина может взять жену и со стороны, конечно, но такая пришлая сама там никогда большого влияния иметь не будет. А если муж чем-то провинится, её могут передать другому мужчине. Или просто выгнать из племени.

— И мужчины не бунтуют?

— Бывает, наверное. Но вряд ли часто и успешно. Говорю же, власть матерей огромна. Двое между собой договориться, может, и сумеют, а трое уже нет — кто-то сдаст матери и лояльным братьям, чтоб выслужиться. Расправа будет страшной. Эти женщины и сами физически не уступают мужчинам. Видели её руки? Юность была боевая... Любой из них кто старше 10 лет, безотносительно пола, без преувеличения опасный преступник. Потому-то, хотя одно подозрение, что где-то рядом кто-то из них, есть повод для вызова гвардии — никто в этом вагоне не вызовет. Потому что они никогда не путешествуют поодиночке, и достаточно упустить одного — а в такой толчее это ничего не стоит — и вызвавший пожалеет, что на свет родился.

— Страшные люди, — поёжилась Селестина, — надеюсь, она не вернётся потом за вами.

— Ну, мне показалось — на меня она внимания не обратила. И не обратит. Для неё — как и для него — я слабак и ничтожество, потому что не выгляжу чемпионом кабацких драк. У них ценится сила, а не внешняя привлекательность — ну, судя по портретам арестованных, которые я иногда видел в новостях, красота в обычном представлении там и не ночевала.

— Хотя, наверное, спокойное раздвигание ног перед первым встречным не должно меня пугать больше, чем разбой и убийства.

Миляс округлил глаза и тихо шикнул — Селестина допустила речевую ошибку, ладно, что в приватном разговоре, а если б во всеуслышание? Простой лексический перевод недопустим в не книжной речи ещё больше, чем в литературной. Какое «раздвигание ног» может быть у центавриан! Так же совершенно иными будут все выражения, у землян и многих других рас связанные со штанами и их содержимым. У центавриан есть «шутки ниже пояса», но они никогда не имеют сексуального смысла.

«Интересно, что это говорит девушка из Ледяного города, — невольно подумал Дэвид, — хотя, кажется, среди тех, с Андо, она не была...»

— Лучше, если мы вернёмся к этой теме позже, при более удобных обстоятельствах, — улыбнулась Селестина, и остаток времени до стоянки Дэвид думал о том, что делать с прискорбной неловкостью, неизбежной в присутствии телепатов.

Селижани называют городом стекла. Город на берегу моря, чего уж тут в избытке — так это песка. Плавить из него стекло научились ещё тогда, когда большая часть других разрозненных центаврианских цивилизаций, пыхтя, переползала на бронзовые орудия и осваивала обжиг, есть мнение, что Селижани — один из самых древних городов на континенте, точный его возраст установить затруднительно, полноценных археологических раскопок толком не велось. В развалинах древних храмов, уже не отправляемых ныне культов, и царского дворца найдено немало вулканического стекла, по-видимому, за него спасибо ныне спящим вулканам островной гряды Кирити, эти фрагменты считаются самым древним стеклом на Центавре. Из тёмного, довольно грязного вулканического стекла и ныне выполнены полы в главном храме города — храме Могота, точнее, выполнены из него они были ещё при постройке, когда это был храм малоизвестного сейчас божества Утмаса, позже отождествлённого с Моготом, и позже пережили только несколько ремонтов-реставраций — всё-таки ноги бесчисленных туристов сотрут что угодно. Но у стен, где ноги ступали значительно реже, плиты были те же самые, 700-летние, отшлифованные почитателями Утмаса, погребенными потом в подземельях храма, где их бог сумеет уберечь их от ночных тварей, похищающих мёртвые тела, чтобы сдирать с них кожу и в этой коже, в чужой личине, приходиться в дома живых.

В общем, из стекла здесь научились делать, кажется, всё, кроме еды. Огромные витрины торговых центров в современных кварталах поражали не меньше, чем искусные витражи в старых кварталах. В витринах ювелирных магазинов можно было увидеть стеклянные украшения столь искусной работы, что некоторые из них стоили много дороже, чем украшения из драгоценных металлов и камней. На тротуарах перекрещивались и дробились сотни радуг. В Парке Возрождения центральную аллею украшали фонари, выполненные полностью из стекла, при чём литьё столбов, изображающих увитые вьюном деревца, заставляло грустнеть от зависти многих кузнецов. Через пруд был перекинут стеклянный мост, стоя на котором, можно было наблюдать, как прямо у тебя под ногами проплывают разноцветные шустрые рыбки. О стеклянной посуде и безделушках, соответственно, нечего и говорить. Селестина купила горсть разноцветных шариков, принялась жонглировать ими, вокруг моментально конденсировалась толпа зевак — шарики катались по её рукам как примагниченные или живые и дрессированные, обегая ладони и пальцы, ныряя в рукава и неожиданно выныривая оттуда, собираясь в браслеты на её запястьях и замирая на кончиках ногтей, иногда исчезая или меняя цвет. Дэвид уже знал, что часть из этого — попросту ментальная иллюзия, но всё равно смотрел потрясённо на это совершенно детское волшебство. Действительно, у неё очень ловкие руки и точные, выверенные движения — Селестина, смеясь, объяснила как-то, что в родном поселении занятий вообще не очень большое разнообразие, и развлекались в том числе так. Милиас проворно подставлял шляпу, за час они собрали достаточно, чтобы спокойно дожидаться хотя бы завтрашнего дня — а раньше завтрашнего ожидаемый ими информатор сюда, увы, и не прибудет. Селестина, правда, забраковала идею искать дешёвую гостиницу.

— Наверное, это просто так кажется, что в этом городе не может быть ничего дешёвого, но ничего не могу поделать — очень уж он блистательно выглядит. Предлагаю пойти к морю. Если Милиас купит нам какой-нибудь еды, которая не будет слишком большим сюрпризом для нашего пищеварения, то мы прекрасно проведём там время.

Песчаный пляж был поистине огромным, благодаря чему можно было расположиться обособленно, вдали от других компаний отдыхающих, которых, впрочем, сейчас здесь было немного.

— До чего ж хорошо, что на Центавре по преимуществу такой тёплый климат. Иначе б туго нам пришлось... Здесь ведь есть какие-нибудь кабинки для переодевания? Я намерена искупаться. Благо, купальник себе прибрала сразу, как почувствовала, что понадобится.

Миляс вздохнул — у него с собой купальника не было, не проявил он такую дальновидность. На Центавре, по понятным причинам, купальники существуют и у мужчин, и у женщин, нырять в море в рубашке считается неприличным. О купании для Дэвида не могло, увы, быть и речи — в платке ни одна нормальная женщина купаться не будет, снять его — тоже вариант как-то не очень. Вспомнился берег реки в Эйкьяне, где представители рас, испытывающих с купанием определенные сложности, радовались счастью более везучих товарищей. Страж сползал к воде, повозился у берега, нерационально опасаясь, видимо, что его может отнести набегающей волной, потом зарылся в тёплый песок и прикрыл единственный глаз, заставляя Дэвида размышлять о возможностях его нервной системы воспринимать и обрабатывать такие не предопределённые для него ощущения. Селестина вернулась с найденной ракушкой, растянулась на песке, зачарованно любуясь ею.

— Какая яркая, гляньте. Наверняка, где-нибудь в другом месте её могут купить за большие деньги. А здесь они как камешки, ну или те же стекляшки, которыми я играла. Так часто бывает. А на Центавре вообще много яркого — яркие краски, яркие вкусы. Наши языки не могут распробовать прелесть большинства блюд, рот то огнём пылает, то слипается от сладости, а наши блюда для них, наверняка, страшно пресные.

— Это верно, — рассмеялся Миляс, — первые дни моей рейнджерской жизни были сущим адом.

— Только дни? Если б я привыкла к такому многообразию жирного, острого, сладкого и ещё чёрт знает какого, чему и названия нет, я б, наверное, к минбарской еде никогда не притерпелась. Вот это, на что я так ругалась в прошлый раз... У землян есть несколько видов перца, а у центавриан, видимо, в 70 раз больше и они все собрались в этом несчастном куске мяса...

— Мы можем готовить мясо и почти без специй, но...

— О, это «почти», как отрадно оно звучит! А я после этого подумала — зачем на Минбаре существуют специи? Нет, вернее, почему они смеют так называться? Вот, ханафши как готовится — рыбина разрезается на семь кусков, шесть из них готовятся только с одной, своей специей, и только седьмой с ними всеми, эти вкусы нужно потреблять последовательно, завершая вот этим седьмым, букетом, после того, как прочувствуешь каждый вкус отдельно... На Центавре такое извращение, наверное, просто невозможно.

— А вот и нет, есть у нас такие блюда. Ну, почти такие. Есть такой вид грибов, их можно готовить очень по-разному, правда, редко вместе берут более трёх видов блюд... А всё же, кажется, тебе нравится Центавр.

— Нравится, конечно. Это удивительная, сумасшедшая карусель... Да, в воспоминаниях взрослых я видела карусели. Центавриане умеют наслаждаться — и это не странно, это ваша природа. Вы способны не только воспринимать, но и действительно ценить по достоинству всё вот такое острое, пряное, терпкое, — она укусила вытщенный из корзины плод, — о боже, он забродил или он такой есть? Дэвиду, думаю, такое давать не стоит... И ваши способности в музыке, в живописи — вы действительно умеете создавать красоту, ценить

красоту. Умеете устраивать праздники и безудержно веселиться.

— Большинство наших праздников большинству других рас кажутся вульгарными.

— Ну естественно, так же как и ваши блюда — слишком... Меня тоже всё это вводит в оторопь. Мы другие, не настолько... эмоциональные и чувственные. Это разница физиологии во многом. А как может физиология не влиять на культуру? Вот в том числе, что касается секса. У вас по шесть органов, и мужские органы имеют такую гибкость и подвижность, какой у нас не имеют конечности. Это ж какое разнообразие, какой простор для затей! Плюс к тому, у центаврианских женщин нет девственной плевы, это практически лишило вашу культуру такой существенной для землян вещи, как культ девственности. То есть, иногда и у вас, может показаться, ценится добрачное целомудрие, но больше номинально, это для пущей торжественности все эти брачные ночи, медовые месяцы и восторги от долгожданного воссоединения восхитительной пары, по факту же жених и невеста могут предаваться любовным утехам и до свадьбы, и не факт, что друг с другом. То есть, центаврианские женщины гораздо более раскованны, ввиду отсутствия этого страха оказаться не девственницей. Разве что, рождение внебрачных детей как-то не поощряется... Я ведь права?

— В целом да. Те или иные связи тогда недопустимы, когда могут стать причиной скандала, компроматом. Связи «достойных» подлежат обсуждению, но не осуждению. Когда высокородная дама, пусть и замужняя, становится любовницей министра — это совершенно естественно, нормально и правильно. Неправильным будет тот, кто вслух возмутится, обратит на это внимание. Когда становится любовницей торговца или сапожника — вот это да, это аморально, это преступление. Хотя держать красивых рабов или пользоваться услугами представителей определённой профессии невозбранно обоим полам, а пока никто не видит — вообще не о чем говорить. А не видеть, чего не надо видеть, у нас умеют очень хорошо. Конечно, у нас есть религиозные традиции или просто консервативные рода, в которых мораль блюдётся несколько строже, но всё равно это иначе, чем у землян. А доказать порочащую связь иногда стоит немалых трудов — например, жених отвергает невесту из-за того, что есть информация, что она вступала в связь с инопланетниками, для этого ему необходимы свидетели, фотографии, хотя бы что-то... Оскорблённый род, разумеется, ищет в ответ компромат на жениха, объявляет ему кровную вражду, рода, которые в глубокой дружбе или зависимости от оскорблённого рода, тоже отворачиваются от рода оскорбителя... Иногда это себе дороже, правда. Проще помалкивать, а если такой уж брезгливый — найти другую причину для отказа. Благовидную. Но, конечно, если род невесты не очень влиятелен — это может принести ему серьёзные проблемы, общественности любой повод сгодится. В общем, Центавр — это сложная и противоречивая система, для стороннего наблюдателя это, наверное, бесконечный абсурд. Ханжество и разврат, высокие чувства и низменные страсти, на словах одно, на деле другое, и редко что говорится напрямую, а не иносказаниями и намёками...

— Иногда кажется, что это тоже от нелюбви к скуке, — Селестина обсосала продолговатую косточку и воткнула в песок.

— Не могу понять, то ли тебе нравится Центавр, то ли ты от него в ужасе.

— А когда как. Но в любом случае это интереснейший опыт для нас всех.

— Но жить здесь, конечно, ты не хотела бы.

— А что, кто-то предлагает? Как-никак, за редкими исключениями — ну, вроде тех, в поезде — женщины у вас несамостоятельны, не работают, не служат, то есть, единственный

путь для женщины — выйти замуж. А какой же нормальный центавриан спутается с землянкой, тем более возьмёт замуж? Нет, может быть, и есть отдельные ценители... Тоже, кстати, одно из интересных противоречий вашего мира — с одной стороны, вы любите землян за то, что они так схожи с вами, с другой — брезгуете за то, чем вы различаетесь, хоть, может быть, и не говорите этого прямо...

— Ну, в прежние времена был бы ещё такой вариант, как поступить на службу к какому-нибудь роду. Ты ведь телепатка...

— Ну, возможно, на какое-то время... это было бы интересно. Но мой дом на Минбаре. Я буду рада вернуться туда, вернуться в Ледяной город. Именно так я бы хотела — путешествовать, бывать в разных мирах, а потом возвращаться домой.

— Думаешь, не найдёшь ничего лучше, чем ледяная пустыня, с которой надо сражаться за выживание каждый день?

— А если эта борьба уже стала нашей сутью? Найти лучше-то не сложно... Центавр, например, лучше. Это ведь такое наслаждение — ходить вот так, без верхней одежды, с непокрытой головой, тем более — купаться... Я, думаю, буду купаться при малейшей возможности. Но я люблю наш дом, хоть это и кажется, наверное, странным. Там моя почва. Наверное, я не должна чувствовать на неё полное право, мы пришельцы, которых пустили из милости, и так же легко могут в этой милости отказать — но ведь мир, в котором родились мои родители, в котором родились и умерли миллионы их предков, пропитанный их священным правом — отверг их, вынудил искать другую родину. Выходит, так бывает, что у кого-то нет настоящей, несомненной родины, которой не мог бы отнять никто и никогда? Во всяком случае, я родилась и выросла на Минбаре, я имею минбарское гражданство, это единственное моё гражданство, хотя прочерк в графе «каста» это нонсенс для Минбара, при том наши документы не дублируются в земных базах, то есть, мы получаемся такими особыми людьми, которые вроде как минбарские, хотя не минбарцы...

— Получается, вы дети Валена, — улыбнулся Милиас, — минбарцы, рождённые не от минбарки и минбарца.

— Вот кое-кто, между прочим, сейчас богохульствует.

Солнце всё больше клонилось к горизонту. Селестина искупалась ещё раз, после чего переделась снова в платье, но уходить с берега не хотелось никому. Это был, конечно, не первый закат, наблюдаемый ими на Центавре, но настолько потрясающих великолепием ещё не было. Селижани никто и никогда не пытался назвать символом Центавра, неким образцом его духа и гордости, несмотря на всё то оригинальное, что в нём было. Ну, ведь ни один император или кто-то из его жён не происходил отсюда, вот Селижани и оставался незаметной провинцией, как не особо любимое ожерелье, пусть и с настоящим алмазом, вечно лежащее в шкатулке. Но всё же он был очень центаврианским, и сама природа способствовала его блеску и гордости. Это великолепное, кажущееся бескрайним море, отделённое от океана лишь двумя узкими заострёнными косами, да вдали — едва угадывающейся в лёгкой дымке цепью островов с потухшими вулканами, сейчас они обозначились резче, вечерней синевой в лучах заката. Эта буйная зелень склонов, из которой, кажется, сами проросли широкие каменные ступени с перилами, украшенными головами сказочных существ, небольшие беседки, из которых доносились смех и пение. Здесь очень много цветов, при чём не только культурных-клумбовых, но и дикорастущих, а ведь сейчас ещё не разгар цветения. Ну и фруктовые деревья... Правда, в самом городе их немного, преимущественно в парках и по набережной, и они, так сказать, «для бедноты» —

плоды на них зреют медленно и вообще мелкие, не очень вкусные, но шикарные фруктовые сады за городом, по берегам пресноводных речек, обеспечивают своим урожаем и местных жителей, и соседние регионы. Ещё одной туристической жемчужиной является дом отдыха у пресноводного озера к югу отсюда — туда приезжают послушать уникальных певчих птиц, почти не встречающихся больше нигде на Центавре. Поймать этих птиц почти невозможно, кажется, такое бывало только дважды в жизни — ну, по легенде, одна из них села на руку супруге короля Радимера, и до самой смерти прекрасной и добродетельной королевы прожила в её покоях, после чего вылетела в окно и никогда не возвращалась, но это, скорее всего, только легенда, как и сам король Радимер и королева Исиль, никаких подтверждений их существованию историки, как ни старались, не обнаружили, так что достоверных случая только два — пару таких птиц поднесли в подарок первому императору всея Центавра, эти птицы изображены на множестве полотен, более того, от них остались даже могилы — после их смерти император, в глубокой скорби, велел похоронить их с почестями в императорской усыпальнице, и одну такую птицу купил у бродячего торговца принц Киар, будущий король Южного Царства, что тоже запечатлено на множестве картин. Ещё в прежние столетия в этих краях была замечательная охота, но теперь дичь измельчала или переселилась в более труднодоступные места в горы, так что с королевскими развлечениями теперь туго.

Одни отдыхающие покидали пляж, другие напротив, приходили — вот поодаль опустилось на песок четверо с корзинами, расстелили цветастое покрывало, их смех и шуточные перепалки были хорошо слышны отсюда.

— Это... они?

Было ещё совсем не темно, и разглядеть можно было и яркие элегантные наряды — не костюмы и не платья в полной мере, нечто комбинированное, и гроздь серёжек в ушах.

— Да, это велида.

— А они выглядят стильнее, чем большинство «добропорядочных» центавриан. Я хочу познакомиться с ними!

И не дожидаясь какого-либо ответа, Селестина сорвалась с места и направилась к маленькой группе отдыхающих.

— Она как ребёнок, — улыбнулся Дэвид, — так всему восторгается, всё стремится узнать и понять...

— Это правда. Хотя всё же как-то некрасиво нам говорить так о нашей сверстнице, а?

— Тоже верно. Правильнее было бы сказать, это просто было неожиданным для нас, и очень приятным, что она, такая холодная и замкнутая сперва, оказалась на деле совсем другой — живой, общительной, задорной. Хотя и от них всех, если узнать их поближе, можно ожидать... Она ведь сама много раз сказала, что эта замкнутая жизнь там делает очень жадным до всего нового...

— Тебе, кажется, не нравится, что она пошла к ним. Ты явно очень взволнован.

— Нет, я не поэтому. Мне просто неловко, что...

— Что у нас оказались такие соседи?

— О нет, нет! Только не говори о том, чтоб куда-то перейти, и не только потому, что Селестина ведь там. Я не знаю точно, как предписывает поступать ваша культура, но если вам всё равно, то я бы предпочёл остаться, наша культура не позволяет выказывать явное презрение тем, чья судьба отлична от нашей.

— Всё-таки всё ещё недостаточно мы знаем о культуре друг друга.

— Для нашей это — белое пятно. У нас нет проституции, нет нищих, и преступность у нас — большая редкость. Но минбарец, в особенности жреческой касты, не вправе отворачиваться от отверженного, выражать презрение чужим обычаям, демонстрировать превосходство...

— Прости за такую реакцию. Теперь-то я рейнджер, я больше знаю. Хотя рейнджерство теперь — более мультирасовый конструкт, чем именно минбарский. А на Центавре всегда считалось, что именно в снобизме и непоколебимом чувстве превосходства минбарцев никто не опередит. Ну разве что, ворлонцы.

— Со стороны, наверное, это выглядело так. Ну и, конечно, имеет значение, о какой касте и даже о каком клане говорить. Но превосходство минбарцев не строится на внешних понятиях порока и добродетели, как у... некоторых других рас. Вообще же многое в наших понятиях чести и достоинства неизбежно претерпело изменение после знакомства с другими расами, к которым мы не можем применять те же мерилы, что к себе. Проще говоря, я хотел бы, не пытаясь навязать вам, как вам думать и поступать, оставить за собой право думать и поступать, как считаю правильным я, даже будучи гостем в вашем мире.

— Ты говоришь о невозможных вещах, и мне кажется, ты уже сам начинаешь это понимать. Вот если б, к примеру, наша культура предписывала убивать таких людей — разве ты присоединился бы ко мне в этом, или хотя бы остался безучастным наблюдателем? Разве не обратился бы к этому архаичному, как ты представляешь, пониманию минбарского характера, утверждению своих моральных представлений более высокими и правильными, чем чьи-либо иные?

Дэвид молчал.

— Это же одна из главных проблем во взаимоотношениях разных культур — принять чужие понятия о добре и зле, если они кардинальным образом отличаются от твоих собственных, невозможно. И это логично, разве можно представить два добра, два зла, две истины, и даже более? Некоторые говорят — да, свои убеждения полезно подвергать сомнениям, не закостеневать, не становиться догматиками или фанатиками, но это позволительно в чём-то не очень важном, потому что — стоит ли вообще заикаться о каких-то убеждениях, если допускаешь, что они могут быть и ложными? И потому что — так можно договориться и до того, что у дракхов тоже есть какая-то своя правда, что их принципы тоже заслуживают уважения... Здесь же могу тебя успокоить — всё довольно просто. Хотя для вас будет сложно. Центаврианам не предписано шарахаться от велида как от чумных. Конечно, о них допустимо отзываться с пренебрежением и даже презрением, как, впрочем, и о многих, кому не привелось стать предметом всеобщей зависти, но — никогда им в лицо или в их присутствии. Публичное оскорбление велида или проституток вообще — очень дурной тон. Для центаврианина естественно ценить то, что доставляет ему удовольствие — хорошее вино, дорогие вещи, красивых женщин. А секс у нас, как правильно заметила Селестина, не является преступлением, никакой. Поэтому презрение может быть к проститутке ввиду бедности, незнатности, зависимого положения — так же, как вообще к рабам, слугам, беднякам, но никак не по роду её занятий.

— Понятно. Критикуется неуспешность, а не... моральный облик...

— Именно.

Дэвид оглянулся, нашёл глазами Селестину. Она уже втянулась с новыми знакомыми в какую-то карточную игру, над полупустым пляжем разносились их весёлые голоса и смех. Темнело, многие компании разводили костры — не то чтоб для обогрева, ночь не ожидалась

холодной, скорее как источник света и живой, романтической атмосферы, а у кого ничего не было для этого предусмотрено — покидали берег или перемещались в беседки. Развели костёр и в необычной маленькой компании неподалёку. Интересно, что карточные игры возникли у многих рас совершенно независимо друг от друга. Хотя, что же в этом странного? Правила и внешний вид карт могут, конечно, сильно различаться... Диус много рассказывал о популярных на Центавре играх, некоторые из них были беззастенчиво позаимствованы у землян, а одна даже у нарнов, по доносящимся возгласам можно было даже примерно понять ход игры. Вроде, играют за интерес, но даже если на деньги, за Селестину можно было быть спокойным — в Ледяном городе это ходовое развлечение наряду с рукоделием и жонглированием, наиболее способные с юных лет способны состязаться с бывальыми картёжниками. Сколько талантов пропадает под толщей льда, смеялся Диус.

— Брат, сестра! — донеслось от костра, — зачем вы зябнете там одни? Присоединяйтесь к нам, места много, фруктов много!

Велида в большинстве своём — очень дружелюбные и открытые создания, говорила потом Селестина. Они из тех, кто, хоть и видели много всякого разного, предпочитают жить легко и весело, свободное время отдают развлечениям, любят новые знакомства, легко ввязываются в авантюры. Обращения «брат» и «сестра» — нормальны у велида не только друг к другу.

— Садись, брат, налей сестре вина. Вам ли сейчас быть в тишине и печали? Печали и так много. Надо веселиться, от весёлого отходит смерть.

«Господи, знать бы, что она им наговорила...» — заметалась в голове у Дэвида паническая мысль. Они кратко условились, что по следующей легенде уже Селестина будет сестрой Милиаса, ну или оба будут сёстрами, но подробностей пока не проговаривали. А ведь если новые знакомые расспрашивали её об оставленных невдалеке спутниках, что-то она должна была отвечать...

— Бедняжке Налани нельзя алкоголь, — вздохнула Селестина, — как и много что ещё. Да, всё после этого...

— Ох, как жалко, как жалко, — завздохали велида, — как несправедливо, что с хорошими людьми происходит что-то настолько ужасное!

Дэвид, насколько возможно ненавязчиво, разглядывал необычную компанию. Издали они казались чем-то цельным, монолитным, вблизи же было видно, что они совершенно разные. Старшему было, вероятно, лет 50, у него было круглое добродушное лицо, мягкие черты которого с равным успехом могли бы принадлежать и мужчине, и женщине. Похоже, он, единственный из всех, был русоволос, его брови были светлее, чем у его друзей, да и на бритом черепе не было такой лёгкой синевы, как у его приятелей-брюнетов. Младшему было немногим больше 20, он был самый высокий и статный и на нём было меньше всего косметики, так как его внешность и без того была достаточно яркой — чёрные глаза, чёрные брови, бронзовая кожа. Центавриане — одна из немногих рас, чья кожа воспринимает ультрафиолет схоже с землянами, но их загар несколько отличается по виду, а в данном случае это не загар, а природный цвет. Двое других были примерно тридцатилетнего возраста, тоже брюнеты, но у одного голубые глаза, у другого — кажется, серые, голубоглазый был ширококостный и с грубоватыми чертами лица, но самый приветливый и смешливый, бритую голову сероглазого украшала замысловатая татуировка в виде цветка.

— Ну, откуда вам знать, что мы хорошие люди? — улыбнулся Милиас.

«Всё-таки, что же ужасное со мной произошло, узнать бы это поскорее...»

— Конечно, хорошие! Сестра ваша Мефала рассказала о вас. Ужасно то, что с вами произошло! Надеемся, наш город подарит вам достаточно приятных минут.

— Уже подарил, — решил подать голос Дэвид, — это прекрасное море! На него, кажется, можно смотреть часами!

— Да нет, часами надоест, — рассмеялся самый молодой, — хотя мы часто тут бываем, одно из наших любимых мест. Можем вам и другие показать, да и вообще всё самое интересное, мы все местные.

— Мы думали о поездке на острова...

— На эти? — махнул рукой младший, — нечего делать там. Издали красиво, а вблизи смотреть не на что. Гиблая дыра, молодёжь оттуда бежит, как только возможность есть. Я сам оттуда, ну и совершенно меня на историческую родину не тянет. Жизни там сроду не было, выживание только. Почвы плодородной мало, просоленная вся. Рыболовство — вид самоубийства, там берега знаете, какие? У нас два причала нормальных, которые не наши, конечно, а хозяев с материка, ну там, правда, рыбы нет, а в остальных местах камни, как зубья, и в основном под водой. Месяца не проходило, чтоб кто-то не утоп. Лодки у всех мелкие, но на большой там и не развернёшься... Скотины сейчас мало стало, её к горам пастись гонять приходится, там хоть что-то растёт. Но дома там не поставишь, раньше жили, но чем дальше тем больше — обвалы, оползни, разрушаются горы наши. После стеклодобычи это. А скупают всё за бесценок, живых денег вообще мало. Ни лечиться, ни учиться негде, жизнь веками не менялась особо. Слышал вот я, конечно, будто бы когда куда-то люди с большой земли приходят — цивилизация там начинается, развитие какое-то, товары там, образование, культура... У нас — ничерта подобного. Что изменилось с их приходом? Что узнали мы, как там за морем по-другому живут, но тоже, в общем-то, большинство-то незavidно? Ну, добывали этот камень вулканический, это вроде как хорошо было, была работа, на которой, правда, дохли, как мухи, потому что работа тяжёлая, но это ерунда, у нас всегда дохли, не в море потонешь — так зверь задерёт, своей смертью точно не умрёшь. Потом выработали весь камень, что-то там-сям обвалилось, шахты закрыли. Порты, которые под это дело отобрали, не вернули, правда. Придумали было вроде туристической базы сделать, вроде как воздух у нас какой-то целебный, но не заладилось — из-за оползней тех же. Только пастбищ столько перепортили... Так что к нам уже лет сто никто не ездит, кроме как вот в войну, понятно... В общем, да, полюбоваться разве что на природу нашу, посмотреть, как люди живут старинным укладом — и всю жизнь потом радоваться, что не так живёшь. Но это лучше на соседний, Сюмун, там туристы шастают, там пляжи, домики в горах...

Селестина и Милиас переглядывались, Дэвид перехватывал их взгляды, пытаясь понять, о чём они думают — верно, очень хотелось обсудить мрачное описание велида, означало ли оно, что острова настолько заброшены, что и бомб там быть не может? Да, добыча вулканического стекла прекращена уже лет тысячу как, не меньше, наверняка обвалилось всё... Сколько ж в истории других миров таких примеров, когда хищной, бездумной эксплуатацией уничтожали, разоряли чей-то дом. Верно, правду говорят, что центавриане потому заняли такое положение в космосе, так много заимели колоний, что в собственном мире разграбили и истожили всё, что могли. Теперь так же истощают колонии, чтобы метрополия могла жить беспечально. Не вся, конечно... И схожим путём шли в космос земляне. Неоспоримо, повезло минбарцам в том, что их природа всегда была к ним намного более сурова. Научила уважать её, быть рациональными. Всё же — возможно ли, что бомба

спрятана на одном из островов?

— Да, война, будь она неладна, многое порушила...

— Ну, там-то и до войны... Остров — это страшно, вообще. Пока ты маленький — тебе ещё кажется, что он огромный, целый мир. А становишься старше — и понимаешь, что это чулан, в котором тебя заперли. Кругом вода, да не просто вода — по ней не уплывёшь, ну, не на наших лодках. А вообще чтоб уплыть — нужны деньги. А островные деньги на материке — это не деньги совсем. Там дом продашь — здесь на это костюм только купишь. Ну, а война — это понятно, скотину им давай, рыбу лови давай, мужчин, кроме совсем уж немощных, давай. Отец без руки вернулся — понятно, какой после этого работник. Да даже компенсацию выдали — мы на эту компенсацию сестру замуж отдали, платье ей пошили и козу купили, наших-то всех подчистую выгребли. А отдавать невесту с пустыми руками у нас не принято... А у кого и вообще не вернулись. Там-то компенсация, конечно, побольше, да вот не дошла она что-то до острова.

— Зато герои, — невесело усмехнулся себе под нос Милиас.

— Ну куда там. Я тогда ещё в штаны гадил, тоже думал сперва, что отец на войне был, с нарнами дрался. Мы никто тех нарнов даже на картинках не видели, телевизор на острове один всего... А он потом сказал, что руку ему в машину затянуло. Какую такую машину — не знаю. Кто ж неотёсанных островитян на войну-то? Даже и в пехоту, а то ещё скажи — в истребитель. Было б время их учить всему, когда они и грамотны-то не все... На войну городских, а вот на их место — со всяких окраин сброд. Они, конечно, и там ничего не соображали, вот и гибли, и увечились массово. Мы ж там по скотине — умеем, рыбу ловить, сети и лодки мастерить — умеем, птицу добывать, яйцо птичье... А техника всякая — не. У нас и ружья-то пороховые были, не стреляли, правда, половина — старые, чинить замучаешься. Да и пороху мало, раньше у нас делали, потом перестали...

— Охотничьи ружья? Разве здесь ещё охотятся?

— Теперь уже почти нет. Так, зверей от стада отгонять... Пасти-то гоняли к горам, а с гор гости зубастые спускались. А нам эти козы таких нервов и крови стоили, что за них и голыми руками порешил бы, не то что из ружья. Ну, после войны толком некого стало охранять, кого не забрали, тех сами подъели — куда деваться было. Рыбачить женщины выходили, много-то не наловишь — там силища нужна, корху-то даже одну вытащить попробуй, а если сеть? А больше троих в лодке — перевернётся лодка, вот просто не гадай. Сестра моя вторая так погибла... Дети ходили яйца собирать — тут везде по берегам тевиги яйца откладывают — ну, не тут, понятно, тут людно слишком, а вот там, дальше — можно уже найти... Раньше больше было, конечно. «Завтрак бедняка», так и называют. Главное только, чтоб ни одной тевиги на берегу не было, иначе беги так быстро, как только можешь. Так что продукт хоть и даровой, но не совсем лёгкий. Но тем и выживали, а иначе б не знаю, как. У многих семей лодки поразбивались, у кого и сеть корхи порвали или утопили, новые сделать время нужно, да и сеть ладно, а лодки сроду не женским делом были. А рыбу сдать надо — столько-то вынь да положь, не дай бог меньше. Города кормить, пока доблестные воины воюют... Вот так смешно — воевали вроде с нарнами, а разрушения нам свои же принесли.

Дэвид слушал, пытаясь представить себе всё это — выходило плохо. Всё то, что читал он по истории других миров, обычно долго укладывалось в голове, немного помогали видеохроники, но они же не всегда есть. Миры неохотно делятся неприглядными страницами своей истории, парад — пожалуйста, торжественное погребение павших —

тоже ладно, ну, разорение, принесённое враждующей стороной, тоже покажут. А несправедливость по отношению к собственному народу — не то, чем можно похвастаться. Цинично заставляя бедняков работать на войну, ещё циничнее убеждать, что эта война им зачем-то нужна.

— Ну да, у нас-то тут хоть сытнее было, — кивнул старший, — работа была...

— Так то брат мой в город и подался, ещё в войну. Он тоже мальчишка тогда был, но способный, пристроился. Пересказывал потом, как удивлялся, что война ведь, а стекляшки эти выпускают, нужны кому-то... Потом уже, как подрос, меня к нему отправили — хоть дома работники и нужны, а заработок дело выгодное, что-то удавалось и домой присылать. Девчонок отправлять дело всё равно дохлое — девчонок тут и своих девать некуда, а островитянок ни в один дом прислужой не возьмут, быт-то наш скромный, а по-здешнему — свинский, тут мы ни прибрать, ни приготовить, дольше учить будешь.

Дэвиду сразу вспомнился рассказ Винтари о своей матери, не решавшейся доверить нарнам никакую работу. Выходит, такое отношение у центавриан и к своим согражданам бывает...

— Удавалось, правда, первые годы, а к тому времени нормальные работники вернулись, брата в зарплате урезали, так ещё меня ему не хватало. Ну, я учился маленько, и в квартире их общей прибирался, ужины готовил — их там когда семь, когда десять человек жило. Там один из его соседей меня на личные услуги и уговорил, тоже какой-никакой, а приработок был.

— А где сейчас ваш брат?

— Как где? Домой вернулся. Отец когда помер, вот в наследство вступать поехал. А на меня, сказал, там не рассчитано уже, только хозяйство какое-то снова появилось, и теперь надвое делить? Наследство-то между сыновьями делится, закон. Так что много сыновей это не всегда хорошо, только если скота много и есть на что дом новый построить.

Об этом Дэвид немного слышал от Винтари — в некоторых местностях, где сильны ещё были традиции прошлых веков, раздел имущества после смерти главы семейства происходил «сейчас или никогда», при чём неженатые сыновья получали равные доли, а у женатых их доли увеличивались в соответствии с количеством жён и детей, естественно, за счёт неженатых. Если же неженатые отказывались забирать свою мизерную долю и уходили куда глаза глядят, то следующий раздел мог состояться только после смерти нового главы семейства, и остающиеся в родительском доме должны были в самое ближайшее время жениться, в противном случае считалось, они будут покушаться на жён братьев. И они, и жёны практически становились рабами старших братьев, жили в куда более стеснённых условиях, чем «главная семья». По сути, у младших сыновей в больших семьях участь чаще всего была незавидна — сперва они были в положении рабов у родителей, а потом у них был выбор оставаться рабами братьев или стать бродягами, работающими там-сям, чтоб сколотить себе однажды на собственное хозяйство. Нередко семьи и попросту продавали младших в рабство — иногда это было выгоднее, чем дополнительные рабочие руки в семье. Дочери доли в наследстве как таковой не имели, но им обязательно должно быть обеспечено то, что они принесут при свадьбе в новый дом — как правило, это были не деньги, а что-нибудь вещественное, скотина или ткацкий станок. Мать-вдову и малолетних детей, которые быть наследниками ещё не могли, обязан был содержать старший наследник либо, иногда, ближайший из дядей. Естественно, такие сомнительной гуманности традиции были по нраву далеко не всем, и постепенно, век за веком, отходили в прошлое, видоизменялись, но

отдельные их рудименты сохранялись в таких вот диких местах, где время будто замерло. У многих народностей, в особенности после продолжительных войн, существенно сокращавших мужское население, наследниками в состоятельных семействах могли быть и дочери — это было как-то предпочтительнее, чем передавать имущество братьям. Да и раздел между сыновьями был более справедливым.

— Как-то это... отвратительно. Он что же, просто бросил вас здесь? А остальная семья? С ними вы виделись?

— Нет, зачем? Сплавать-то туда можно, паромы ходят. Но смысл? Что я там забыл? Они теперь сами по себе, я сам по себе. Они мной тоже не интересовались, у них там своих проблем навалом. Там нет такой уж прямо родственной любви, ну, не в обычае как-то. Детей рождается много, гибнет тоже много — кто в море, кто в горах, о каждом что ли жалеть... Ой, к чему мы всё о грустном? Ты, сестра, из других мест, у вас другая жизнь, не надо вам о таком слушать. Хотя и у вас вот много такого, что сердце ранит, происходит. Но у вас-то хоть чужие семейства друг другу вредят, не собственные...

— Ну это как посмотреть, — хмыкнул голубоглазый, — отравить возлюбленную сына — это и сына, как ни крути, почти что убить. Они, конечно, иначе рассуждают, мол, он молодой и ещё забудет... Я б не забыл. Я б самих на тот свет отправил, нашёл бы способ. Потому что после этого они мне не родители. А ты, Фальн, всё в очень мрачном свете видишь и однобоко. Не может быть такого, чтоб у твоих соплеменников совсем любви друг к другу не было. Мерзко твой брат поступил, но не думаю, что все такие, как он. Общество, состоящее из одних эгоистов, не выживет просто. Конечно, нужда и страдания ожесточают многих, но многих и наоборот, делает более чуткими. Как я вот замечал, там, где нет больших денег, где нечего делить — там и чувства крепче, и проявления их сильнее. Мои отец и мать крепко друг друга любили, и нас с братьями любили, и не война эта б — всё, наверное, было б и дальше хорошо. Хоть и работали от зари до зари, но вместе ведь все, и в один дом возвращались... Больше я таких дружных семей что-то не видел, а ведь я много видел.

— Ну а мне всё-таки с богатыми легче, — возразил его ровесник, — они над каждым дукатом не трясутся, нет у них этой животной зависти к лучшей доле. Образование, культура, опять же — с ними и поговорить всегда есть о чём. Они любят широко жить, да, в удовольствии толк знают. Ты только похвалил какую-то вещь, ни о чём не помышляя, а завтра раз — и приносит её тебе.

— Будто тебе есть, с чем сравнивать, — ухмыльнулся Фальн, — у тебя небогатые-то бывают? Ты у нас переборчивый... В наружности только не переборчивый, страшные все как на подбор, хоть музей уродов у тебя на квартире открывай.

— А жалко мне их! Что им жёны-то дают, мымры холодные...

— Ну вот есть, как видишь, большой недостаток в богатой жизни — жену по любви не возьмёшь, хорошо, если хоть терпеть её сможешь.

— Ой, а прямо бедные семьи все по любви создаются! Когда о голоде речь, тут не очень-то до любви.

— Ну, может, в таких дырах так и бывает, а в больших городах... Ой, да что ж мы о всякой гадости-то? Будто нашим гостям своих проблем мало — ещё о наших слушать!

— А как мы начали-то это? А, с островной романтики. Ну так вот, нет там никакой романтики. Лучше тут вот по окрестностям погулять, виноградники посмотреть, мельницы старые, а там дальше замки красивые, правда, их два только целыми остались, от остальных

по одной-две башни... О, пещеры! Про пещеры ведь слышали? Слышали наверняка, самые роскошные пещеры на всём Центавре! Говорят, они на самом деле огромны, оплетают тут всё сплошной сетью — и под городом, и много дальше. Место, правда, не так чтоб туристическое... Но незабываемое, это правда.

— Нашёл, что предлагать, — фыркнул тот, что с цветком, — что не туристическое, это мягко сказано! Сколько тут народу пропало за последние лет десять? их даже и не искали толком, потому что пещеры действительно огромны, там неделю можно блуждать и далеко не продвинуться, маршруты-то только вот по такому небольшому пятаку прописаны, потому что все нормальные люди у входа, считай, топтались. А искатели приключений уже ничего никому не расскажут...

«Пещеры! Может это быть нашей целью? Если они так далеко простираются, и у них такая слава, что отпугивает от них — могли ведь бомбу спрятать там?»

— Чушь всё! Да если б там так уж много кто пропал... да это просто невозможно, и всё. Может, какие-нибудь заезжие бездельники и заблудились пару раз, вышли в другом месте где-нибудь, а уже сразу — пропали, пропали... Не такое время сейчас, чтоб в пещерах пропадать, ты ещё придумай — в лесу заблудились. Мы с одним моим там были, между прочим, и довольно далеко зашли, но он потом устал, изнылся, пришлось вернуться. А так бы, может, точный маршрут составили, для таких с воображением, как ты.

— Значит, вы могли бы... быть нашим провожатым? Мы действительно хотели бы там побывать. Пещеры — это очень интересно! В наших краях никаких пещер нет. Не беспокойтесь, — Селестина повернулась к остальным, — мы основательно подготовимся. Запас еды, верёвки, фонари, всё по-взрослому.

— Вот не любы ж вам, молодёжи, более безопасные развлечения! То острова, то пещеры... Съездили б в самом деле сначала на виноградники, может, уже и пещеры б не интересны были...

— Боюсь, — тихо и напряжённо проговорила Селестина, и Дэвид испытал одновременно восхищение и отвращение к этому актёрскому таланту, такому изящному давлению на эмоции, — у Налани не будет другой возможности увидеть пещеры. Луга, поля, замки и мельницы она уже видела. Теперь видела и море. Мы понимаем, что это опасно. Но мы знаем кое-что об опасности, мы не робкого десятка. И может быть, мы и в самом деле составим точную карту, как знать? Это было б достойным даром Налани, лучшим способом завершить такой короткий путь.

«Так, похоже, я умираю? Меня отравили родственники моего жениха, то есть, Милиаса, и теперь мои дни сочтены... Надо, видимо, изображать это как-то. Как же противно. Неужели нельзя было придумать что-то попроще?»

«Я всё слышу! Нет, нельзя. Эти люди падки до чужого несчастья, их собственная жизнь была нелегка. К их костру может подойти любой бездельник, желающий весело провести время, а вот чтобы остаться и получить какую-то информацию — надо тронуть их сердце»

«Это безнравственно!»

«А начинать планету бомбами, вообще, нравственно? Или может, скажем прямо сейчас честно, кто мы и зачем здесь? Ну, зачем лишние сложности?»

«Не вижу, чем трагические истории помогут нам в поисках!»

— В самом деле, Паламо, имей понимание! Сестра хорошо говорит, достойно. Веселье перед лицом смерти — правильно, а бесстрашие, жажда приключений — ещё лучше. Такие истории заставляют сердце петь, трепещт от гордости. Зря глупцы говорят, что настоящий

центаврианский дух угас — он жив даже в юных девушках... Жаль мне, что я не могу пойти с вами.

— Не можете?

— Увы. Завтра у меня начинаются хлопоты — квартиру меняю. Перевозить-то много всего — больше десяти лет жил, обжился. А вот поди ж ты, плату подняли, да так, что накладно оно. Хорошо вон молодым ребятам — они полегче живут, обстановку шибко не заводят, хотя шмотья-то поди тоже не меньше вагона. Да и куда мне в спелеологи, годы не те уже для таких дерзаний... Впрочем, из нас всех ведь только Фальн был там и годится на роль проводника...

— Когда вы хотите идти? Завтра? Ну, так даже лучше, долго собираться — ещё запал растратишь. Но нужно закупить необходимое, так что выдвинемся не раньше обеда. И туда идти полдня самое малое... Ну да это ничего. В пещере-то какая разница, день, ночь...

Других вариантов, собственно, и не было — остальным мешали кому работы-заботы, кому непреодолимый страх перед пещерами, и только Фальн, видимо, как самый молодой, не имел ничего против спонтанных авантур с дальними путешествиями. Велида несколько раз переспросили новых знакомых, точно ли им есть, где остановиться, Селестина заверила, что конечно же есть — это было неправдой, но воспользоваться гостеприимством было сейчас не с руки — требовалось многое обсудить. Да и Дэвиду, если уж честно, страшновато было знакомиться с такой стороной жизни Центавра ещё ближе. Слишком много роилось в голове вопросов, из которых, правда, едва ли многие слетят с языка...

Фальн и старший — Лузано — всё же проводили их часть пути, Селестина взяла направление к одной гостинице, которую заприметила неподалеку. На самом деле едва ли у них хватило бы денег даже на неё, но если сказать при велида, что ночевать собрались в третьесортной ночлежке — точно со своей заботой не отцепятся.

Идти пришлось через парк — довольно запущенный, но явно пользующийся ещё вниманием у романтичных особ, тут и там на скамейках виднелись обнявшиеся парочки, некоторые — благо, ночь тёплая — возлежали на давно не стриженных газонах и, уговаривал себя Дэвид, целовались, просто целовались. Фальн походя отметил, что узнал там-сям кого-то из коллег, что весьма достойно, учитывая, что половина фонарей не горели, Лузано пару раз шутливо отбился от нетрезвых прохожих, предлагающих провести приятно часок всё равно с кем из компании. Конфликтов не возникало — такими приятными летними ночами на пляже и в парках найти досуг совсем не сложно, сюда сползается множество как профессиональных продавцов наслаждений, так и просто лиц не очень тяжёлого поведения обоих полов, потому Фальну ничего не стоит сорваться и отправиться в поход к пещерам — да, «работы» сейчас много, но и «работников» видимо-невидимо, а он, молодой-красивый, свой приработок всегда найдёт-наверстаёт. То, что любовные ласки можно не дарить избранному, а продавать первому встречному, примерно как предприимчивые окрестные жители сдавали комнатёнки на сутки или даже часы желающим уединиться не на скамейке или газоне, вообще долго не могло уложиться у Дэвида в голове, так что то, что это возможно не только с противоположным полом, было уже вопросом вторичным, совсем фантастическим. Что ж, надо уважать, а для этого — понимать традиции других миров, и не может же это касаться только религии и прочих церемоний...

В середине парка был, по-видимому, в прошлом фонтан, сейчас огромная чаша была засыпана землёй и там пытались расти несколько довольно чахлах кустиков — их, как тут же объяснил Лузано, нещадно обрывает местная голытьба на букеты своим подружкам. В

центре возвышалась сторбленная коленопреклонённая фигура. Не рядовой, кажется, сюжет для Центавра, где больше любят изображать кого-либо в гордой, величественной позе, если уж не на троне или с разящим мечом.

— Интересная статуя... Скопировано с какой-нибудь земной?

— Нет, что вы. Ей 500 лет, а вернее — даже и больше, 500 лет стоит эта, а до этого стояла каменная... Это местная легенда, памятник нашей истории. Сейчас, правда, никому особо не интересный.

— Неправда, мне интересно, — вскинулась Селестина, — то есть, эта женщина — реальный человек, живший более 500 лет назад?

— Ну, если верить легенде — то да, — Лузано указал на неразборчивую надпись у основания статуи, видимо, 500 лет всё же не проходят даром, и памятник очень просил очередной реставрации, Дэвид, например, при всём желании не смог бы прочитать тут ни одного значка, — это княгиня Озелла, несчастная представительница рода Корда, известного вообще весьма печальной историей... В моём селенье, которое отсюда недалеко, кстати, до сих пор поют о ней песни. Её замок стоял вон там... В той войне он был разрушен почти до основания.

— «В той войне», — хмыкнул Фальн, — тогда войны случались практически непрерывно, не понять, когда закончилась одна война и началась другая. И уж будем честны, это Озеллин муженёк первым очерился на соседей. Хотя это тоже иногда пойми, кто первым начал. Но она-то, конечно, не виновата.

Дэвиду, откровенно, не очень хотелось слушать, какой смертью умерла эта незнакомая ему женщина, древние времена любого мира отличались прискорбной изобретательностью по части способов отъёма жизни у ближнего.

— Когда убийцы ворвались в замок, она с семейством пряталась в дальних комнатах, считалось, что проникнуть туда невозможно. Однако видимо, среди слуг нашлись предатели, и по мере того, как убийцы становились всё ближе, несчастные отступали всё глубже, пока не укрылись в тайном схроне, о существовании которого знали только члены семьи...

— Отчаянье делает человека безумным, — проворчал Фальн, — можно подумать, был смысл прятаться, отсрочивая неизбежное, когда город захвачен врагом! Наверное, она надеялась, что сию минуту в замок ворвётся её супруг и порубит всех злодеев своим знаменитым мечом... Те, кто учили историю не по легендам, говорят, что на тот момент он был так стар, что едва ли мог этот меч поднять. Какой самонадеянностью надо было обладать, чтоб развязать войну, когда ты командовать войском можешь только из кибитки... Впрочем, жениться в двенадцатый раз — это тоже самонадеянность.

— В конце концов, только очень тонкая деревянная стенка отделяла убийц от их возможных жертв. Бедняги замерли, стараясь даже не дышать, в надежде, что враги поверят, что им удалось бежать, и покинут замок. На беду, на руках у Озеллы спал её новорожденный сын. От шума он начал просыпаться. Понимая, что будет, если он закричит, Озелла с силой зажала ему рот. Кто может представить, каковы были эти ужасные, невыносимо долгие минуты, пока злодеи прохаживались по комнате, осматривая шторы и гобелены, а Озелла, сёстры и дочери князя беззвучно молились, чтоб боги пронесли смерть мимо них... Когда убийцы ушли, княгиня увидела, что ребёнок мёртв — она нечаянно задушила его.

— Во имя Валена! — пробормотал Дэвид, и смертный ужас, которым была полна атмосфера рассказа, тотчас охватил его всего. Но никто, к счастью, не расслышал.

— Что же было дальше? — спросила Селестина, неотрывно глядящая в лицо древней

центаврианки.

— Много что. Князь, конечно, был к тому времени мёртв — погиб он позорнейше, его кибитка перевернулась и он был затоптан, даже не заколот... Трое его сыновей погибли тоже, но хотя бы в бою, как мужчины. Четвёртому удалось спастись. Многие потом упрекали его в трусости, однако ему удалось, укрывшись со своим небольшим отрядом, выждать время, захватить сыновей вражеского князя, а потом и отбить город... Ну, Озелле это мало помогло — она, разумеется, сошла с ума. Дни и ночи она бродила по руинам и искала своего сына. Новый князь взял её второй женой в надежде, что новое материнство излечит её...

— Новый князь — это же... выживший четвёртый сын, или как?

— Ну да, её пасынок, а больше было кому?

Бедная Селестина, верно, не сообразила, что там и тогда такая степень родства — не кровное ведь — препятствием к браку не была, тем более если это касается князя.

— Молодец князь, — хмыкнул Фальн, — ему-то хорошо — он то в походах, то на охоте, а домашним наслаждаться общением с сумасшедшей.

— Ну, в общем, да. Озелла, как говорит легенда, превратила жизнь семьи в тот ещё ад. Ей теперь повсюду мерещились убийцы, она будила домашних по ночам громкими криками. В конце концов... тут две версии. По одной — старшая жена князя, не выдержав, утопила её. По второй — она, украв её младенца, сама бросилась в воду, спасаясь от преследующих её видений.

— Обе версии чудо как хороши, да уж.

— Каких только жутких легенд не рождает народ, — проговорил Милиас, — откуда только такая любовь к нереальным ужасам? Допустим, война и захваченный замок — это верю. И в сумасшедших княгинь верю, мало ли их было. Но в то, что мать может задушить своего ребёнка — пусть даже невольно, пусть из страха за жизнь других — не поверю никогда.

— И всё же — такое бывает, — тихим, очень странным голосом проговорила Селестина.

Они разошлись вскоре по выходу из парка, сначала на тихую боковую улочку свернул Лузано, потом у высокого помпезного здания, первый этаж которого занимал ресторан, распрощался Фальн, ещё раз уточнив, точно ли не проводить их до гостиницы. Диверсантская тройка продолжила путь по проспекту, залитому, несмотря на поздний час, светом многочисленных окон и витрин — жизнь здесь не стихала ни на минуту, то и дело навстречу попадались обнимающиеся парочки, из дверей кабаков и кинотеатров вываливались хохочущие компании.

— Позволю себе один вопрос, — прошептал Милиас, выбрав момент, когда их никто не мог слышать даже случайно, — найти проводника было, конечно, замечательной удачей... Но как мы планируем при нём искать бомбу? То есть, на определённой стадии он неизбежно заметит, что увеселительная прогулка приобретает некий... планомерный характер... Проще говоря — планируем ли мы посвятить его в некоторые детали, или как-то искусно запудрить мозги?

— Я думала об этом. Но пока не решила. Завтрашний день покажет, оправдается ли моё хорошее впечатление. Если да... Я думаю вообще о том, чтоб сманить его с нами. Сдаётся, он был бы не очень против. Молодые велида любопытны, авантюрны и легки на подъём — пока не обросли добром и скарбом, как тот же Лузано. А нам бы такой кадр совсем не помешал.

— Вот как? Почему?

Взгляд Селестины можно было расшифровать как сомнительный комплимент интеллектуальному уровню.

— Во-первых, агенты среди местных нам вообще во как нужны, а их пока хоть и есть, но недостаточно. А это знание языка, знание реалий... Во-вторых, велида, при том, что сами вроде как из низов, вхожи в самые разные круги, они могут завязать контакт практически с кем угодно, кроме разве что императора. Среди их клиентов попадаются и чиновники, и генералы. Это неисчерпаемый источник информации. Ну а имеешь в друзьях одного велида — имеешь всех, чего не знает десять — знает одиннадцатый, нужные сведения они достанут, если они вообще есть.

— Может быть, я не всё понимаю, — произнёс после долгого молчания Дэвид, — может быть даже, многого не понимаю... Но не гнусно ли это? Значит, мы будем эксплуатировать их печальное положение, в котором они вынужденно, из-за нужды, оказались, в наших интересах? Да, не мы виноваты, что материальные проблемы толкнули их на путь порока — но кто мы будем, если будем подталкивать?

Селестина закатила глаза.

— Ваши предложения, сударь? И вообще, а что плохого, если они будут это делать для пользы большого дела, освобождения своей родины, между прочим, вместо того, чтоб делать просто так, для выживания?

— В истории какую только дрянь не оправдывали государственными интересами.

— Знаешь что!.. Наша задача здесь, вообще-то — не в сожалениях рассыпаться, а выжить и достичь цели. Если мы этого не сделаем, они все умрут. И велида, и их клиенты, и вообще все, от последнего островитянина до императора.

Дэвид обхватил руками плечи — словно, несмотря на довольно тёплую ночь, его бил озноб.

— Иногда я думаю — что же мы спасаем... Вот это всё? Мир ярких витрин, пышных нарядов, роскоши, нищеты, порока, злодеяний... Я думал, я достаточно много знаю о Центавре, благодаря Диусу. А получается, что ты принимаешь Центавр как-то легче, чем я. Я знал язык, литературу, верования Центавра, знал песни, рецепты блюд, некоторые генеалогии... Это ничего не стоит на самом деле. Центавр ещё совсем недавно — главная сила в изведанном космосе. Технологии гиперпространственных ворот, терраморфирования, уникальные разработки в химической промышленности, особенно фармакологии — и много чем ещё более молодые расы обязаны им, да? И рядом с этим — рабство, династические браки и нищие жители окраин, продающие самих себя за бесценок. Меня учили, что вселенная стремится к развитию, что всё живое неуклонно, непрерывно развивается, становится лучше, осознанней. Как же здесь тысячами лет может всё быть так?

— А на Земле как? Ну да, на Земле формально нет рабства, формально нет династических браков, зато и нищета, и проституция, есть не только фактически — это в голову никому не придёт отрицать. Если так рассуждать, может, только Минбар заслуживает жизни? Знаешь ли, если они умрут — они уже точно никогда не изменятся. Развиваться и совершенствоваться можно, только пока ты жив.

— Кто говорит, что кто-то недостоин жизни? Но я вижу, как они сами сеют свою гибель каждый день. Ещё тысячи лет назад они посеяли своё нынешнее рабство. Диус тоже считает так... Возможно, ты скажешь, что мне, с такой наивностью, нечего здесь делать, и правы были те, кто не хотел моего включения...

— Отнюдь. Я думаю, что как раз наивным тут и надо быть. Тех, кто принимает как данность любую несправедливость и гнусность, тут и так предостаточно. Разве наша миссия вообще не верх наивности? Разве не с наивности, идеализма начинается всякое большое изменение? Для кого как, а для меня очевидно — мы не сможем спасти их без их помощи. Если же мы сможем... мир определённо уже не будет прежним. То, что я делаю здесь — бесценно, даже если это единственное, что я сделаю в жизни. Будет справедливо, если как можно больше из них смогут в этом поучаствовать, а не просто сохранить свои жизни такими, какие они есть. Тогда жертва становится осмысленной, а не просто мучением...

— Что ты имела в виду, говоря, что так бывает? — спросил Милиас, видимо, чтобы увести разговор с тяжёлой темы, — там, в парке, возле статуи? Это что-то личное, что известно тебе?

Селестина отвернулась. Дэвид, которого некоторое время назад занимал тот же вопрос, подумал, что не так уж сильно хочет знать ответ.

— Да. Одна женщина в нашем селенье... Это её история. В нашем селенье мало детей моего возраста, в основном младше. Долгое время заводить детей всё ещё было страшно — неизвестно, сколько мы здесь пробудем, не придётся ли уже завтра отравляться неведомо куда... Но страх однажды кончается, и контрацептивы тоже. Такова была жизнь моего племени очень долгое время — могло не хватать еды, могла быть одна кофта на двоих и ночёвки в портах между ящиками, но контрацептивы должны быть всегда. Почему? Потому что ребёнок не умеет прятаться. Ребёнок может, не желая того, сдать всех... И вообще хорошо подумаешь, нужны ли тебе дети, если ты беглец-нелегал. Та женщина однажды в скитаниях родила ребёнка. Во время одной облавы их несколько человек пряталось в схроне, пси-копы ходили буквально у них над головами. Есть определенные методики... Этому первым делом учатся, прежде, чем подделывать документы и пользоваться условными сигналами. Мимикрия, «растворение»... На какое-то время можно освободить своё сознание от мыслей, сделать видимость, что тебя нет. Это сложно, но когда хочешь жить, сложным вещам быстро учишься. Но грудной младенец неспособен на это, тем более когда у него ещё не проснулись способности. Она стала подавлять, блокировать его сознание, проецируя и на него то же «растворение»... Вероятно, она сожгла его мозг. Но они смогли выжить и выбраться.

— Что же теперь с этой женщиной?

— Уже ничего. Она уже умерла. Пошли, если мы хотим немного поспать, день завтра предстоит насыщенный.

==== Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл.3. В лабиринте =====

Комментарий к Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл.3. В лабиринте

Для удобства восприятия, не всем местным животным придуманы названия, используются земные аналогии

— Ну вот, кажется, я скупила все верёвки в этой части города. Надеюсь, хозяйки, которым не на чем будет сушить бельё, меня не вычислят. Ну, верёвка вообще хорошая вещь, пригодится... Сеть связать, или кого-нибудь, если понадобится, связать... Удавиться, опять же, если всё прахом пойдёт...

— Ну, а мне повезло найти два отличных фонаря. Поскольку фонари, кажется, действительно отличные, яркие, как прожектора, то только на два и хватило. И немного

провизии взял. Не смотрите, будет грустно. И всё! На этом денежки кончились. То есть, совсем кончились. На какие будем выбираться отсюда — понятия не имею. Но без такого минимума куда-то соваться — просто нечего и думать, раз начали, надо хоть попытаться дело делать.

Селестина нахмурилась, перебирая содержимое своего вещмешка.

— Скверно, вообще... Надо б было и в смысле экипировки кое-что взять. Наши наряды, может, для прогулок самое то, а вот для пещер... Во-первых, там наверняка холодно. Во-вторых, нужны сапоги...

— Сапоги?

— Ну конечно! Там может быть вода!

— А, ну тогда, вообще-то, нужны и акваланги! Разве бомба не может быть спрятана на дне подземного озера? По-моему так отличная идея. А кроме того, что мы будем, к примеру, делать, если нас завалит? Инструментов-то у нас никаких! Два ножа, одна отмычка! И переговорник не заряжен, да даже если зарядим — толку с него, «Ищите нас где-то в пещерах»?

— Ладно, хватит нагнетать панику, ни вы, ни я не хотим знать, сколько бы стоило подготовиться нормально.

— А ты как думала — спасение Центавра дело вообще затратное.

Подхватив вещи, все трое покинули беседку, послужившую местом их ночлега. Неплохо, надо сказать, послужила, даже и жёстко на голом полу сильно-то не было, потому что некоторая подготовка уже за плечами есть. Забавно, что Милиас, больше всех опасавшийся засыпать здесь — мало ли, кто сунется, вокруг бродяг и просто перебравших граждан явно в избытке всегда — проспал дольше всех, но ни Дэвид, ни Селестина по минбарской тактичности ему на это не указали. О том, что в их компании дежурного можно не выставлять, он почему-то постоянно забывал. Надо думать, потому, что Селестина об этом упоминать не любила, по той же причине, что и Дэвид — это всё ещё оставалось отличным поводом поругаться.

Встреча с Фальном была назначена на знаменитом стеклянном мосту. Фальн изрядно удивил всех троих, появившись в таком виде, что сперва они его даже не узнали — в походном комбинезоне и с объёмистым рюкзаком за плечами. Голова его была обвязана застиранной светлой косынкой.

— Аж детство вспоминается. У нас, чтоб голову не напекало, такие вот косынки и повязывали.

— А как же гребень? — Дэвид тут же осёкся, смутно осознав, что сморозил какую-то глупость.

— Ну сестра, ну насмешила! Какие там у островитян гребни? Так, в пучок зачесал, лентой перехватил — и уже красавец.

«Действительно... У публики в поезде разве что намёки на гребни были, а островитяне в сравнении с ними, получается, ещё ниже...»

По поводу их не вполне адекватных сложности предприятия одеяний Фальн не сказал ничего, видимо, от юных, неопытных туристов он как-то многого и не ожидал. В процессе разговора как-то походя выяснилось, что он не только взял сапоги на себя и на них («Там, правда, размер оставался только один, их и вообще не очень большое разнообразие, но тут я боюсь, девушки обе ноги в один засунуть смогут»), но и провизии притащил столько, что в

общем-то, можно было уже не так сильно бояться заблудиться в пещерах.

— Это что, повезло вам, что Лузано слишком занят был, чтоб помогать в подготовке. Всё, что он на вас сгрузил бы, вы вряд ли упёрли бы. Потому что у него, во-первых, было очень голодное детство, во-вторых — он отлично умеет готовить сам, ну и как не похвастаться?

Интересно, думал Дэвид, что ж за детство было у Лузано, если островитянин, детство которого пришлось на послевоенные годы, называет его голодным.

Дорога за городом сохраняла приличный вид только некоторое время. Всё-таки, город хоть и любопытный для праздных путешественников, но к жемчужинам туристического бизнеса его не относят, поэтому в идеальном состоянии поддерживалась только главная магистраль, так же как и центральная, «фасадная» часть города, второстепенные же дороги не знали ремонта лет 50, а третьестепенные в принципе не имели покрытия, максимум отсыпка из шлака и прочей отработки. Возможно, конечно, что-то на модернизацию и выделялось, но разворовывалось легко и без переживаний — никто не жаловался, значит, можно было особо не стесняться. Эта дорога, видимо, чем-то средним между второстепенным и третьестепенным, так как между кочками и рытвинами кое-где всё-таки проглядывало нечто, напоминающее камень. В смысле, специально уложенный камень, а не просто каменистую почву. Но вполне возможно, что мостили дорогу ещё при том самом князе, муже Озеллы, всё-таки здесь тогда были его владения. Да, что-то здесь с тех времён, несомненно, изменилось...

Дорога неуклюже огибала корпуса старого, давно заброшенного завода. Лет сто назад вместо модернизации показалось проще построить новый километрах в ста отсюда, странно не это, странно то, что стены и перекрытия ещё держались, несмотря на разрушительное воздействие дождей и снега. В корпусах селились бродяги, что, конечно, не очень нравилось жителям примыкающего к заводу посёлка бывших заводских рабочих, но жаловаться особого толку не имело — в лучшем случае жалобы игнорировались. В худшем — от приезжавшей гвардии доставалось правым и виноватым, так как гвардия бродяг и добропорядочных, но очень сильно пообтрепавшихся граждан не очень различала. Так и жили — одни постоянно покушались на доходяжную скотину и чахлые огородики, другие самоотверженно своё добро обороняли, периодически случались драки с убийствами, работала незначительная часть населения, так как работу теперь приходилось искать в городе, где плохо одетых и дурно воспитанных жителей трущоб не очень жаловали. Посёлок медленно, десятилетиями, агонизировал, а город то ли притерпелся к этому отвратительному зрелищу, то ли приучился его не замечать.

В ближайших домах через лишённые стёкол, а иногда и рам оконные проёмы можно было разглядеть убогую обстановку, иногда состоящую только из бесформенных лежанок на полу. Некоторые дома сильно просели, и окна были совсем невысоко над землёй, голые чумазы детишки просто перепрыгивали через подоконники, нередко поскользываясь на помоях, которые выливались хозяйками аналогично же — за окошко. Между обшарпанных стен, в рослом бурьяне, меланхолично паслись неопрятные козы, за козами следили подростки с суровыми, как у прожжённых вояк, лицами. Земные козы, кстати. Их довольно много завезли в первые годы после установления контакта между цивилизациями, не то чтоб из большой нужды, козы ведь есть и здесь, отличаются формой рогов и тем, что зрачки у них обычные, круглые, а просто из интереса, и это был один из тех видов животных, кто явно

считал, что между Центавром и Землёй разница невелика. Теперь они расплодились так, что давно перестали быть экзотикой, их держали самые бедные крестьяне в разных концах континента, в тёплом климате Центавра козы, при их всеядности, становились практически самообслуживающейся системой, и у хозяев оставалось немного проблем — в основном это контролировать перемещения своей скотины, во избежание съедения её «просто спутавшим» соседом и во избежание съедения уже этой скотиной, эстетических чувств и пиетета перед вышестоящими лишённой начисто, цветов или фруктов в скромном садике какого-нибудь более родовитого домовладельца. Второе по перспективам было даже печальнее первого. Единственно, в изменившихся условиях их рога стали приобретать отчётливо медный оттенок, что-то в местной пище и воде такое содержалось. Милиас тихо шутил, не ждёт ли Дэвида что-то подобное, если они пробудут тут ещё некоторое время.

Страшный в своей безысходности бывшезаводской посёлок остался позади, растаяли в дрожащей в воздухе пыли очертания последних кособоких домиков. Начались пустыри. Солнце переползло через зенит, жара стояла чудовищная. Дэвид отчаянно ненавидел свой платок и благословлял свежий ветерок, долетавший с моря, узкой полосой сверкавшего слева. Чтобы сократить путь, пошли по боковому свёртку, через мелкую деревеньку, существующую, видимо, на случай, если созерцания городских окраин путешественникам будет мало. Десятка два домишек с огородами и хозпостройками были бессистемно разбросаны по обе стороны от дороги, из них два или три выглядели даже добротно. Прочие были как пришлось состряпаны из того, видимо, что нашлось под рукой, чуть ли не фанеры и дерматина. Парадоксально, но на планете, щедрая природа которой рождает целые леса деревьев, стволы которых невозможно охватить, древесина дорогая. У многих домов в рамках вместо стёкол мутный исцарапанный пластик, по виду упаковочный. А ведь в двух часах ходьбы отсюда знаменитый город стекла, где оно даже под ногами...

В чём домикам не откажешь, так это в разнообразии. Это разнообразие нищеты, конечно. Вот дом, получившийся аж трёхцветным, потому что доски разных пород дерева, разного возраста и состояния. Вот дом, явно спешно и неуклюже надстроенный — надстроенная часть ощутимо кренился над карнизом первого этажа. Интересно, зачем надстраивали, если рядом места до чёрта? Загадка... А у соседнего стена натурально подперта двумя балками, увитыми в несколько слоёв зелёным и уже засохшим вьюновым растением. Давно так, видимо. А вот жители — их, правда, ввиду жары немного на улице — довольно однообразны. Тоже однообразие нищеты. Вот пожилая хозяйка, бритая голова которой обвязана линялым платком, примерно таким же, как и на Фальне, намешивает в корыте корм для домашней птицы — грузных существ с длинными лысыми шеями, с чёрно-рыжим оперением. Птицы топчут вокруг и издают хриплый, захлёбывающийся клёкот. На хозяйке когда-то жёлтое, с прямоугольным вырезом платье, крупные бусы едва не полощутся в корыте. Вот стоит у ворот старик, опираясь на лопату, смотрит вслед путникам мутным, едва ли удивлённым взглядом. На нём подвязанный верёвкой растянутый кафтан поверх рубахи, заправленной в такие же безразмерные штаны. Жидкие седые волосы собраны в вялый пучок — представители самых низов вообще как правило не ставят гребни, надо думать, не больно-то и смысл стараться ради пары сантиметров, а просто зачёсывают и собирают в пучок. А женщины редко оставляют пучки волос, видимо, лишняя морока. Если хочется украсить — повязывают платок поярче и расшивают его бусинами или вот такой блестящей бахромой, какая прикрывает у Дэвида лоб и виски. Вот громко, эмоционально ссорятся две соседки — выражения глубоко нелитературны, Дэвиду из всей их речи

однозначно понятны только предлоги. Как объяснил Милиас, коза повалила хлипкую изгородь, и птенцы из двух дворов смешались, поди определи теперь, где чьи. Коза стояла рядом, жевала сушащийся на заборе половик, явно не переживая о тех нелестных характеристиках, которые ей, вкупе с её хозяйкой, были даны. Вот в канаве рядом с забором сидит голый ребёнок и сосредоточенно ковыряет палкой засохшую грязь.

— Во всём этом что-то такое... — пробормотал Милиас, — я не могу найти слов, чтоб описать это впечатление. Потустороннее, что ли. Не верится, что они все настоящие. Что всё это настоящее. Кажется, что всё это создано специально для тебя, что они все здесь не случайно встретились, занимающиеся своими делами, а играют роли — тоже для тебя. Какой-то дурной фильм или театральная сценка...

Дэвид согласно кивнул — у него было схожее ощущение, если не тягостнее. Ещё он размышлял о том, как царапает его восприятие вот эта... хаотичность и бессистемность. Минбар — мир всепроникающей геометрии, это говорят совершенно справедливо. Там даже природа куда геометричнее. На Минбаре в принципе не могли б выстроить дома не по линейке. Хотя о чём говорить, хозяйственная жизнь Минбара практически не знала частных, индивидуальных землевладений. Собственным, личным мог быть сад горожанина, где он предавался размышлениям и медитации, но никак не полезная площадь, производящая пищу. Даже во времена разобщенности клан обрабатывал поле совместно, иное было немыслимо, как любой индивидуализм. О стадах говорить сложнее, скотоводство никогда не было на Минбаре широко развито, для него просто не было условий, и поныне минбарцы — раса, меньше всего потребляющая мяса, и то преимущественно речь идёт о морских млекопитающих и рыбе. В прежние времена некоторые воинские кланы были скотоводами, сейчас же этим занимаются очень немногие. А здесь на окраине деревни, на пустыре перед нежилой развалюхой, дети играют с черепом какого-то другого рогатого животного, не козы, крупнее — один надел его себе на голову и пугает остальных. Мальчик посмелее рубанул по черепу палкой, с черепа отвалились рога. Дети смотрят на неожиданно поломавшуюся игрушку удивлённо и, кажется, расстроено.

Осталась позади и деревня. Местность постепенно становилась более каменистой, прямая дороги превращалась в ломаную крутыми поворотами и подъёмами там, где землю взрезали каменные глыбы. За всё время пути им только однажды кто-то встретился на трассе — обогнала с громким, надсадным тарахтением машина, такая древняя и побитая, словно из преисподней вылезла, ошетилившаяся из окон с частично отсутствующими, частично склеенными клейкой лентой стёклами множеством встрёпанных голов, под адский аккомпанемент мотора голосащими разухабистые песни. То ли на свадьбу едут, то ли с похорон, этого Милиас не разобрал. В конце концов снова пришлось свернуть — дорога пошла дальше вправо, а вдоль моря между каменистыми холмами вилась ответвление, для машин уже, конечно, узкое, да и крутоватое. Максимум для повозок. Взбираясь, не без джентльменской помощи Милиаса, на упрямую каменюку, Дэвид вспомнил, как во время загородной прогулки показывал Диусу ещё виднеющуюся в густой траве старую дорогу. Это было когда-то невообразимо давно, когда Диус казался страшно большим, взрослым, и было так неловко что-то рассказывать, показывать ему — как может ребёнок быть учителем или экскурсоводом для такого взрослого дяди?

— С дорог индустриальной эпохи просто сняли покрытие, отправили в переработку. В основном уже давно, с окончательным переходом на летающий транспорт. А со старыми

дорогами сложнее. Наши предки были очень основательными людьми, эта дорога, например, вымощена камнями, уходящими вглубь на метр, и они скреплены очень прочным связующим... Но видите, природа понемногу справляется с этой проблемой сама. Даже такой прочный камень трескается, разрываемый корнями, истончаемый солнцем, дождём и ветром... Эта дорога пережила много поколений, она помнит великое и повседневное за много столетий, и многие считают, что стоило бы сохранить её как памятник эпохи, что она равновелика с любым из древних храмов. Но больше оказалось тех, что считает, что и дороги имеют право достойно умереть в почтенной старости.

— Да, у нас тоже самое. Это естественно, и если задуматься, красиво и правильно, хоть и капельку грустно. Мы возвращаем природе то, что у неё заняли, раз уж мы просто переросли эти наземные дороги. Правда, кому они нужны в век гравилётов? Хотя, это страшно, не по себе немного — видеть, как трава и деревья побеждают то, что считалось таким прочным, таким совершенным... Ну и что? Ведь на наших глазах строится куда более прочное и совершенное, а предыдущие версии уходят в прошлое. Мир обновляется, и это прекрасно.

Диус судил тогда как житель больших городов, конечно. Больших городов, где жизнь кипит и несётся вперёд, естественно, размашистыми шагами, больших городов, за которыми ухаживают прилежно и придирчиво, как за клумбами перед каким-нибудь правительственным зданием — разве там может быть хоть одна сухая веточка? Разве может хоть один камешек в декоре лежать неровно? Конечно, там своевременно ремонтируют всё, на чём даже просто слегка облупилась краска, и естественно, сносят то, что ремонту уже не подлежит, чтобы на его месте возвести что-то ещё выше, краше, ослепительнее. Большие города, богатые города, города-гордость — это обложка, они должны сиять совершенством. Разве могло что-нибудь занести Диуса вот сюда?

Они как-то естественно разбились на пары, Селестина с Фальном шли впереди, оживлённо разговаривая. Это хорошо, конечно, она может поупражняться в центаврианском. Делает удивительные успехи, сейчас даже трудно вспоминать о легендарной молчаливости людей Ледяного города. Сейчас о многом вспоминать даже смешно...

— Один вопрос, что она будет делать, если Фальн захочет на ней жениться, — рассмеялся Милиас, — конечно, она говорила тогда на пляже, что это было бы забавным экспериментом, но ведь кажется, у нас нет на такие эксперименты времени...

— Жениться? — быть выведенным из задумчивости чем-то таким Дэвид точно не был готов.

— Ну, я утверждать ничего не буду, я не слышу их разговора, и это неплохо, кстати, значит, и они не слышат нашего, но если судить по тому, как это выглядит... Для центаврианина нормально, конечно, оказывать знаки внимания юной красивой девушке, которая к тому же умеет поддержать беседу... Разумеется, мы вроде как не совсем ровня, но поскольку по легенде мы послали наши семейства к чёрту и теперь путешествуем на те немногие средства, которые были в нашем распоряжении — это не так чтоб преграда, даже напротив, как ему может не понравиться девушка, проявившая солидарность с братом во время семейного скандала и отправившаяся вместе с ним и его умирающей возлюбленной в неизвестность?

— А ему, ты полагаешь, всё же нравятся девушки? Прошу прощения, это то, о чём я ничего не знаю, что ставит меня в тупик и...

— Это из-за этого ты такой мрачный со вчерашнего дня?

— Ночью я говорил с Селестиной. Она не спала, пересчитывала деньги, составляла план покупок, а мне не давали уснуть все эти мысли. На самом деле я начал думать об этом ещё давно, ещё с корабля... Селестина сказала, что мне уже 16 лет и я давно должен знать не только откуда дети берутся, но и всё вообще, что с этим связано. Это вообще-то обидно, я знаю, конечно, ровно столько, сколько мне положено, ты-то знаешь, минбарцы не делают из любовного притяжения полов какой-то постыдной тайны, нам это не нужно для того, чтобы просто не переступать черту, которую не надо переступать. Но тут ведь речь совсем о другом. Да, я и раньше знал, что в других мирах превращают в товар то, что вообще не может быть товаром, и я никогда не мог этого понять. Это, наверное, так же трудно понять, как вам — вкусовые предпочтения пак'ма'ра. Я думал о том, как удаётся этим людям заставлять себя делать то... чего им делать совсем не хочется, особенно если вспомнить, насколько постыдной, несчастной, ужасной считают такую долю. Увидеть их вполне живых, реальных и по виду совсем не несчастных, радующихся жизни — это было...

— Диссонансом, наверное. От этого мозг может взорваться, представляю. Когда какое-то явление даже в теории трудно осознать, столкнуться с ним воочию...

— Обычно именно столкновение воочию и помогает осознать какие-то явление. Но не сейчас. И я... я осмелился спросить Селестину, видела ли она в мыслях кого-то из них что-то... относящееся к их занятию.

— Ого.

— Видишь ли, я знаю, что Селестина из тех, кто не привык ставить барьеры. Это не значит, что я считаю её беспардонно шарящейся по чужим мыслям, совсем нет. Она, конечно, училась ставить блоки, но это не является естественным её состоянием. А мне... я понимаю, что мой поступок благовидным не назовёшь и не прошу его таковым назвать, но это ведь помогло бы мне понять...

Разговор их был прерван вскриком Фальна:

— Ого, осторожно! Там тевига!

Это означало — если уж не замереть и затаить дыхание — неизвестно, как скоро тевиге наконец потребуется сняться с места и улететь — то двигаться как можно медленнее, не совершая резких движений и не издавая громких звуков. Тевиги обычно не атакуют, если не видят прямой угрозы себе или закопанным в песке яйцам, но в сущности никто не знает, что у них на уме.

Тевига — это не птица, это по сути дракон. Не огнедышащий, конечно, с вполне себе птичьим костяным клювом — правда, полным крепких острых зубов, но сходство кожисто-чешуйчатого тела с драконами из сказок огромно. Зверюга крайне опасная — острые когти, зубастая пасть, и питается она отнюдь не ягодами и орешками. Тевига сидела на вершине огромного похожего на обелиск камня и, кажется, что-то лениво доглядывала. Вот так, практически на цыпочках, они мимо неё и крались, Фальн из каких-то, не иначе, садистских соображений рассказывал ещё, что между зубами у тевиг часто застревает мясо жертв, и один мальчик в их деревне видел, как из пасти тевиги падают трупные черви... Нет ничего удивительного, что, занятые такими мыслями и переживаниями, путешественники были даже как-то удивлены, когда за очередным поворотом перед ними так неожиданно вынырнул зёв вождеденной пещеры. Селестина, опасливо озираясь на зияющий проём входа, на всякий случай спросила, не живут ли тевиги в пещерах.

— В пещерах? Что им делать тут! Тевиги обожают солнце, жить без него не могут. Да и для созревания их яиц нужен раскалённый песок. Нет, здесь нечего опасаться. Правда, по

идея в пещерах могут жить не менее «приятные» существа... Но мы вот тогда, когда ходили здесь, не встретили никого. Наверное, когда тут туристы шастали, они отселились подальше, вглубь...

Милица подмывало сказать, что вот им как раз вглубь и предстоит, но подумал и сдержался. Вряд ли, конечно, Фальн откажется, но как знать...

Селестина восторженно трогала руками бугристые молочные с серыми разводами стены.

— Невероятно... Можешь, Фальн, смотреть на меня, как на дурочку, но меня это восхищает! Как подумаешь, что этому всему... страшно подумать, сколько лет, что наших далёких предков ещё в зачатке не было, когда древние воды, газы, вулканические процессы создавали это всё... осязаемое свидетельство таких далёких времён, что это и представить невозможно...

— Да почему же, я это понимаю. Но у меня таких эмоций ничто под ногами не вызывает. Ребёнком я, бывало, любил смотреть на звёзды. Знаешь, очень странно живя на острове, знать, что эти звёзды — не просто огоньки, как верили предки, а солнца далёких миров. Знать, что мы великая раса, одной из первых покорившая космос, и где-то там, далеко в этой черноте, наши корабли бороздят ледяное безвоздушное пространство, а ты даже с этого чёртова острова уехать не можешь... Эта планета надоела мне, если честно, до чёртиков. Только вот куда мне хотеть? В колонии куда-нибудь? У нас время от времени шастали хлыщи, набирали работников в колонии, там на шахту, сям на поля... Кто и соглашался, я б вот ни за что. Я хоть и грамотный теперь, но в этой всей буре не разбираюсь, составлено-то заумно, подпишу контракт и буду жалеть, что просто в рабство не проданся, там хоть всё понятно. Наобещать-то с три короба могут, а по итогам ещё сам должен останешься, знаю я их. А вообще — эх, как прохладненько-то тут после прогулки по пеклу!

Ну, это было всеобщей эмоцией. Дэвид чувствовал, что и Страж как-то оживился, кажется, это более приятная для него стихия. Хотя вообще создание, 16 лет прожившее в запертом сосуде, может, понятно, существовать в любых условиях, но на солнце Страж всегда как-то ёжился и стремился заползти под одежду, а в тени ему было значительно легче. Он говорил так же, что и дракхи предпочитают находиться в тени, что способны сливаться с тенью или с камнем. Можно ли предполагать, что «создания тьмы» — это не только фигуральное выражение?

Туннель шёл без всяких ответвлений довольно долго. Высота потолка варьировалась, а ширина практически не менялась.

— Не, мы в прошлый раз не через этот ход ходили. Моему кавалеру так долго топтать без каких бы то ни было интересностей быстро бы прискучило. Но «наш» вход должен быть недалеко. Их тут пять или шесть сравнительно недалеко друг от друга...

Селестина улыбалась, когда свет фонаря — фонари проверили на входе все, но включили пока один, вполне хватало — выхватывал покрывающие стены надписи.

— Что за народ, везде-то им надо отметить! Тысячелетние пещеры ведь будут недостаточно великие, если всякие там не распишутся, что изволили по ним хаживать...

— А ты, сестра, что же, не планируешь ничего здесь написать?

— Вот ещё глупости. Я и не взяла ничего, чем можно б было оставлять какие-то надписи. Портить рукотворные стены — это я ещё понимаю...

— Ну, а вот я на всякий случай мелки захватил, могу одолжить...

Это было б забавно, подумал Дэвид, надпись, что здесь была диверсионная группа Альянса. Когда-нибудь, спустя много времени, кто-нибудь был бы в восторге, обнаружив такую надпись. На самом деле все эти каракули и автографы выглядят смешными и мерзкими в дне сегодняшнем, а спустя столетия станут предметом археологии, как наскальные рисунки в истории Земли. Считается, что их наносили с ритуальными целями — а может быть, мы воспринимаем жизнь слишком серьёзно, и рисовавшие всё это были хулиганами своего времени?

— Не могу понять, почему такие замечательные пещеры никем полноценно не исследовались! Здесь же наверняка можно найти неисчерпаемый кладёз всего интересного!

— Например? — улыбнулся Фальн.

— Древние кости, сокровища... Неужели не находили, или никто не заходил достаточно далеко?

— Вот кости как раз и находили. Наверное, после этого дальше и не лезли.

— Что? Страшно интересно!

— Ну, когда-то давно это место использовалось жрецами Могота. Точнее, тогда Утмаса. Могота же раньше Утмасом звали, в некоторых племенах до сих пор ещё называют иногда...

— И они приносили человеческие жертвы?

— Ну видимо. В древности вообще всегда человеческие жертвы приносили, по любому случаю. Даже странно, что перестали. Но и теперь вот на островах матери, когда умирают маленькие дети, читают молитву богине плодородия...

— Что-то непонятно, при смерти детей — богине плодородия?

— Что ж непонятного? В древние же времена детей приносили в жертву, чтобы родилось ещё больше детей. Ведь зерно же закапывают в землю, чтобы из него родилось ещё больше зёрен? Что-то нужно отдать, чтобы получить ещё больше. Боги вообще любят видеть, что для них ничего не жалеют. Сейчас, конечно, уже так не делают. Старики говорят — вот потому боги к нам стали так неласковы. Не жертвуют богине детей, вот ей приходится самой их забирать. А матери, вроде как, задним числом оформляют как жертву. Не знаю, верит ли в это кто-то по-настоящему... На словах верят, может...

— А ты, Фальн, веришь?

— В хороших богов верю. Но сколько их хороших-то...

Подожли к первой развилке. Селестина вынула верёвку, Фальн старательно закрепил её за один из выступающих камней.

— Сёстры, а вы ужасы любите? Я так вот обожаю! Что-то сейчас представилось, вот уйдём мы в этот туннель поглубже, будем разматывать верёвку, а она вместо того, чтоб в один момент натянуться — приползёт к нам, оборванная... Ну или развязанная...

— И нас медленно, по одному, сожрут неведомые твари или, к примеру, призраки принесённых в жертву? Нет, спасибо, у меня планы на выходные были!

— Не, Мефалу не съедят. Мефала выживет, чтобы поведать о нашей ужасной судьбе!

Как ни крути, Фальн не обманул — пещеры были огромными и буйно разветвлёнными. И вполне понятно, почему вглубь они были так мало исследованы — потому что чем дальше, тем хаотичнее переплетались ходы, всё чаще, совершив круг, герои возвращались к исходной точке, всё чаще сталкивались с тупиком, завалом или постепенным сужением туннеля до такой степени, что даже у настырной Селестины развивалась клаустрофобия. Дэвид,

конечно, тайком пускал Стража разведать, что там дальше в этих норах, пока что Страж не сообщал ничего интересного.

— Так... у меня вот чёткое подозрение, что вот этот тупик — это другая сторона вот этого, — Селестина деловито тыкала карандашом в карту, которую составляла тут же, в свете фонаря. То есть, между ними просто перегородка, мы сейчас с её обратной стороны.

— Звучит разумно.

— А вот здесь, получается, перемычка... Ну в общем, этот кусок у нас, считай, описан весь, молодцы мы. Знаете, у меня идея. В контексте твоих, Фальн, упоминаний про фильмы ужасов, конечно, глупая, но ведь мы пока сколько ходили — даже завалившего скелетика не встретили, и лично я на себе потусторонних взглядов не чувствовала. В общем, мы сейчас возвращаемся сюда и здесь у нас два туннеля. Что если нам разделиться? Верёвок и фонарей хватает. Пока у нас вообще никаких сложностей не было, встретимся потом на развилке... Ну или можно с развилки одного из туннелей врозь пойти... Жалко, конечно, что нет у нас какой-нибудь рации...

— Вот именно, нет рации. А если кто-то заблудится, как скоро остальные это поймут? Или попадёт в беду... Ну хотя бы ногу подвернёт. Нет, плохая идея. Лучше держаться вместе. Даже если кажется, что нечего бояться.

— Ну мы ведь разобьёмся по двое! — Селестина принялась многозначительно семафорить Фальну глазами, намекая, что это приличный предлог, чтобы оставить брата наедине с возлюбленной в столь романтическом месте, — у обеих команд будут верёвки, фонарь, еда, карта — я сейчас скопирую... Можно договориться — через час возвращаемся на исходную позицию и делимся, кто что нашёл. Ну Фальн, так ведь интереснее!

Следовало иметь несколько больший отряд, чтобы осилить такое дело, вздохнул про себя Дэвид. Раза так в три больше. И рации. Но Селестину можно понять, ей хочется охватить всё это поскорее. Раньше, например, чем Фальну надоест. И действительно, пока что, если не давать разыгрываться воображению, пещеры выглядят вполне мирно. На Минбаре Дэвид бывал в пещерах, там, правда, это несколько иное дело, ну так ведь Центавр вообще другой. Если на то пошло, тут даже скучновато, и найти б в самом деле эту бомбу поскорее, если она тут, конечно, есть.

— А правда, давайте попробуем так, — зачем-то подключился Милиас, — можно устроить соревнование, кто больше исследует за час...

— Ох и бесшабашные вы ребята! Ладно, как хотите. Но если мы кого-нибудь тут потеряем... Не хотел бы я себе, короче говоря, таких воспоминаний.

— Думаю, мы оба сумеем позаботиться о своих спутниках. Хотя сестрица моя такая, она сама о ком угодно позаботится.

Некоторое время туннели шли довольно близко и даже соединялись парой перемычек, благодаря чему члены команды слышали друг друга и пару раз перекрикивались, немного пугаясь эха. Но потом туннели всё явственнее стали уходить в разные стороны, голоса смолкли.

— Интересно всё же, почему Селестина настояла на этом. Потому ли, что она нетерпелива и ей не хочется провести в этих пещерах ещё пару дней, если не недель, или может быть, она хотела дать нам возможность пообщаться без свидетелей, что-то обсудить? Но что, обсуждать-то вроде нечего... Вы ведь... ничего пока не почувствовали, не заметили?

«Вы» — имелось в виду Дэвид и Страж.

— Нет... Страж не сообщает ни о чём опасном, ни о чём интересном, правда тоже. Он,

конечно, полагает, что что-то здесь должно быть, но какого рода, что даёт ему такие подозрения — это ему сложно сформулировать.

— Да понятно... У меня вот тоже смутное ощущение, что что-то здесь должно быть, и наверное, совсем не то, что мы ожидаем, но сформулировать тоже не могу, хотя у меня с формулировками вроде получше.

— А может, наоборот, Селестина хотела остаться с Фальном, чтобы посвятить его в наши дела, полагая, что сделать это с глазу на глаз проще?

— Если так — ей виднее, конечно. Хорошо быть телепатом, вообще. Можно иметь некое представление о... степени искренности. В противном случае я б сейчас, наверное, опасался, что Фальн — вражеский агент и сейчас убьёт Селестину, а потом будет красться за нами...

— Не, не, Селестина может казаться нам наивной, но если она ему доверяет и хочет приобрести в союзники — наверное, оно того стоит.

— Ну, если б речь не шла о разных расах, я б ещё подумал, что они просто нравятся друг другу.

— Нравятся? В смысле... но он же...

— Да, ведь мы, кажется, не договорили об этом? Может быть, Селестина уже точно решила, что хочет его завербовать, и хочет, чтоб я пока развеял твоё смятение?

— Разве моё смятение имеет такое уж большое значение... Наверное, не самая важная сейчас тема. Да и она сама пыталась это сделать.

— И верёвок, и мела у нас ещё до чёрта, так что говорить ближайший час о чём-то всё-таки надо.

Дэвид вздохнул и остановился, чтобы нанести на карту очередной короткий туннель, закончившийся тупиком.

— У многих рас принято утверждать, что сексуальная сфера — это глубоко интимно, что это личное дело двоих, и при этом, однако же, они утверждают, что вопросы взаимоотношений полов — важная часть их культуры. Правда, очень сложно понять, как, каким образом эта важность соблюдается, если сексуальные темы считаются постыдными, об этом боятся говорить... У нас, вы немного уже знаете, не так. Мы, минбарцы, относимся серьёзно к всему, что касается воспитания личности, и подготовить молодых людей к тому, чтоб научиться получать настоящее наслаждение от близости с избранным спутником жизни — это такой же важный долг, как научить их ремеслу, которым они будут служить обществу, научить нашей истории или молитвам. Секс — это вершина супружеской любви, здесь не может быть никакой грязи. Конечно, это не значит, что секса вне брака у нас не бывает, но всё же это не имеет таких... странных и даже отвратительных форм, как у... некоторых. И конечно, у нас есть разводы, но бывают они, это правда, редко, и повторные браки у нас есть, никто не запрещает вдове или вдовцу вступить в брак снова, только они этого сами, как правило, не хотят.

— Или этого не одобряют старейшины?

— Ну, любой брак старейшины могут не одобрить. В смысле, не любой, а... Если видят, что выбор молодых — ошибка.

— Ну, хотя бы они не назначают браки сами, не выбирают для детей супругов, уже хоть такая полумера хороша. Поэтому вы верите, что это совсем другое, чем наш диктат родов, что союзы заключаются всё же по взаимной склонности, только старшие могут одобрить этот союз или не одобрить?

Дэвид вздохнул.

— Понимаю, это выглядит... чем-то подобным, но ведь наши старшие не действуют из корыстных интересов. Часто, когда ты молод, ты обманываешься привлекательной наружностью или тем, что человек сам о себе говорит, а более опытные, умудрённые жизнью, могут увидеть то, чего не видит ослеплённый влюблённостью. Их задача — направить и предостеречь от ошибок. Разве мало примеров браков, заключённых как будто по свободному выбору, по любви, и по итогам не сложившихся? Ну, у землян, например, это не редкость. И здесь, на Центавре, мы тоже слышали немало таких примеров.

— Но ведь ты говорил, брак твоих родителей сперва не хотели разрешать.

— Но ведь разрешили. Конечно, то, что непривычно, что выглядит странным капризом, сперва вызывает отторжение... И я не утверждаю, что наша система идеальна. Но это пока что лучшее, что я знаю.

— Всяк кулик, говорят, своё болото хвалит. Впрочем, мне минбарскую систему как-то не за что осудить... Мало что выглядит дичью в сравнении с нашими традициями, которым я уж точно не защитник — многие из них откровенно пережили своё время и поддерживаются искусственно.

— Конечно, когда знакомишься с другими расами, видишь их обычаи, которые бывают очень отличны от наших, приходится себе это как-то объяснять. Нельзя просто сказать себе, что все живут плохо, кроме нас. Слыша, что в других культурах не считают столь важным ориентировать молодых людей на то, чтоб найти себе одного, но самого лучшего, подходящего спутника, а вполне допускают, что сначала можно быть с одним, потом с другим, и даже не оформлять отношения, а заводить или прекращать их в любой момент, я подумал, что есть такие цветы, у которых на стебле один цветок, и очень яркий, а есть такие, где много цветов помельче, и возможно, они не так красивы. Но разве они хуже, разве нельзя их любить и ценить, разве они тоже зачем-то не нужны? Возможно, не каждый может найти в жизни настоящую большую любовь, не каждому она и нужна, его устроит и несколько небольших, как устроит несколько мелких, но по-своему очаровательных цветов. Мы, конечно, осудили бы такое распыление, мы сказали бы, что нет настоящего счастья в соединении, к которому не идёшь как...

— К желанному призу, выигранному во множестве сражений, сказали бы у нас. Ну, ваши бесчисленные обряды и испытания тоже сродни. И я верю, что они хороший предохранитель от разводов — не дай бог же проходить всё это вновь.

— На словах, правда, многие культуры осуждают непрочные и тем более мимолётные, несерьёзные отношения, но осуждая, на мой взгляд, маловато делают, чтоб не было так. Много ли можно сделать запретами? Только подтолкнуть к их нарушению. Тогда, когда в Ледяном городе я видел... как несколько людей поддались моментально вспыхнувшему желанию, мне было, это правда, очень не по себе. Я знаю, что осуждение чаще всего растёт из непонимания, и мне важно было это понять. И моя мысль о цветах показалась мне ответом. И мне дали и ещё один ответ — о том, что у телепатов многое иначе, чем у нормалов, тем более у телепатов, связанных общей историей в одну семью. Мне кажется странным эротизм там, где речь о родственной или дружеской симпатии, но вероятно, потому, что наша культура вообще допускает эротизм только в высшей степени близости, которая есть между супругами. Селестина пыталась мне объяснить это явление, с отсылками к некоторым моментам земной культуры, о которых я слышал и раньше, и тоже пытался осмыслить и понять. В принципе, ей понравился этот образ с цветами — то, сказала она, что

у вас сконцентрировано на одном, либо не изливается вообще ни на кого, если человек так и не нашёл себе пару, у нас может быть разделено между несколькими, как делится последний кусок хлеба или одно спальное место, но это общее, грубое определение. Это действительно часть их традиции, рождённая самой их жизнью — когда другой человек рядом с тобой это почти то же, что ты сам, и касаться его тела с любовью — это так же естественно, как коснуться собственного. Они не просто живут рядом все эти годы — они слышат мысли, видят душу друг друга, видят всё множество причин для любви к каждому, кто рядом, и тело становится выражением этой любви, потому что если она родилась уже в сердце — вполне естественно дать ей продолжение в действиях. Мне сложно понять, действительно ли во множестве связей они приближаются к тому идеалу, которого мы считаем должным достигать в супружестве... Всё-таки, в её понимании скорее секс — это не так серьёзно, как в нашем. Во всяком случае, мне так показалось. Но что по-настоящему не укладывалось у меня в голове, так это такой общественный институт, как продажа интимных услуг. У нас подобное невозможно в принципе, потому что ни один минбарец не воспринял бы это как услугу, которую можно купить, как продукты на рынке, как некий ресурс, который существует сам по себе...

— Просто не всем помогает медитация. Каюсь, я сам в этом делаю не слишком большие успехи.

— Да, я и об этом уже слышал. Не то чтоб нам ничего не стоит обуздывать плотские желания... Но каждый из нас с детства знает, что плотское желание само по себе, не направленное на того, к кому влечёт душа, сердце — это не путь к счастью. Медитация это не то, чтоб заболтать и отвлечь голодного, это упорядочивание и прояснение мыслей, напоминание о действительно важном. В крайнем случае допускается самоудовлетворение, хотя не поощряется, конечно, как слабость... Но понятно, для того, кто изначально привык иначе воспринимать свои желания и способы их удовлетворения, это видится иначе. Заблуждаются они или нет — не нам решать, уж точно не мне. Однажды я читал об одном элементе земной культуры, касающемся... торговли интимными услугами. Меня удивляло, конечно, что в основном речь идёт о женщинах, это странно, ведь женщины тоже испытывают желание и могли бы быть покупателями соответствующих услуг от мужчин. Позже я узнал, почему так. Хорошо, что я узнавал об этом постепенно, и, наверное, хорошо, что до сих пор всего не знаю. Там речь шла о том, что для женщины, занимающейся подобного рода деятельностью, покупатель её услуг становится как бы временным мужем. Я постарался отрешиться от нашего традиционного восприятия, согласно которому это потворство заблуждению, слабости, распылению себя на ложные, поддельные удовольствия, и размышлял, как велик и труден подвиг таких людей. Это служение, какого не понять нам, но если земная культура допускает, что потребность в близости — столь же насущна, как потребность в пище, то оставить человека без удовлетворения то же, что оставить без пищи голодного...

— Ууу...

— Но да, позже я узнал и о... других сторонах и формах этого явления, не столь... чувственно-идиллических. Возможно, мне не стоило этого знать, моё отношение к землянам и так далеко от той терпимости и благожелательности, которую во мне хотели бы видеть.

— Могу сказать — хорошо, что у вас есть волосы. Было, чему встать дыбом.

— О да, ты прав. И вот здесь мне даже не стыдно, потому что это не то же, что просто иные брачные и любовные обычаи и манеры. Насилие, унижение личности, работоторговля, в

какой бы форме она ни была — это то, чему нет и не может быть оправданий. Мне до сих пор сложно понять, как можно настроить себя так, чтоб отдавать случайному человеку то, что можно отдать только самому близкому, для чего близость, соединение жизней вообще является неременным условием... Но понять, как можно превращать дар свободной и любящей личности даже не в предмет мены, ресурс, к которому можно получить доступ без должного морального права, а в предмет стыда, утрашения, наказания — я не пойму никогда и понимать не собираюсь. Для меня это может быть только признаком крайней извращённости природы, низводящей разумное по своим задаткам существо на уровень ниже большинства зверей... Моё понимание иных культур никогда не будет полным.

— Ну, это и нормальные носители любой из этих культур не стремятся понимать, называют социальным злом и испытывают закономерное отвращение. Землянин Энтони хорошо сказал об этом, что есть культура мира, а есть его бескультурие, и это он тогда даже не о проституции говорил.

— Есть ещё такое представление, что оказавшиеся в таком положении не путём насилия, принуждения сочувствия и защиты не заслуживают, дескать, они сами выбрали свою судьбу. Это возмутительно и мерзко. Игнорировать нужду и несправие, которые толкают множество людей на путь насилия по отношению к себе или к другим, можно только намеренно. Таким же образом можно обвинить бедных в том, что они бедны, больных в том, что они больны...

— Это просто обычное трусливое самоуспокоение, самообман. Те, кто так говорит, просто хотят снять с себя вину за то, что не могут ничего изменить. Зачастую лишь сам оказавшись в трудном положении, человек понимает, что его благополучие до сих пор не было его заслугой, а только милостью судьбы.

— Но — до сих пор всё это касалось только женщин, и заставляло поражаться только, что можно так обращаться с женщиной и считать себя представителем разумного вида. Но подобное использование мужчин, мужчинами же, а не женщинами, непонятно совершенно. Если б речь шла о мирах, где какой-то дефицит женщин, но и у землян, и у центавриан мужчин и женщин рождается примерно одинаково.

Ми́лиас рассмеялся.

— Я правда не знаю, как можно объяснить это тому, кто воспитывался в убеждении, что удовлетворение вообще достигается только связью с любимым. Это вообще такая большая тема, что... я даже не знаю, с чего начать. То ли с того, что вот если об удовольствии как таковом говорить, то его разными путями достичь можно, очень разными... Противоположный пол — это вообще только для размножения критично, а здесь же об этом речь не идёт. То ли о том, что вообще-то влечение и к своему полу возможно, это не всегда именно замена мужчиной женщины...

— Эх, правда, приборы бы нам всякие, насколько б лучше дело пошло! Определять толщину стен, например, пустоты... Что-то чем глубже, тем причудливее всё и извилистей. И сырости всё больше... Начинаю думать, что подземное озеро или река и правда где-то впереди есть.

— Сестра, поправь меня, если я не прав, но мне всё настойчивее кажется, что наше путешествие — не просто экстремальное развлечение, что у нашего пути есть цель, только я пока не могу понять, что вы ищете.

Селестина свернула карту и решительно двинулась в последний, самый широкий

туннель.

— Я думала сейчас как раз об этом. О том, как рассказать тебе... Я хочу это сделать, ты вызываешь у меня доверие и симпатию, и мне хочется иметь такого союзника. Но я не знаю, хочешь ли ты этого на самом деле, и как спросить тебя так, чтоб ты смог принять решение... Потому что твоя жизнь после этого не будет прежней, и возможно, ты будешь жалеть и хотеть отмотать время назад, и чтобы я вообще не появлялась на твоём пути... А я не могу стереть тебе память, и даже не смогу дать тебе иного выбора, кроме как идти со мной, потому что если ты откажешься — с тем знанием, которое я тебе сообщу — кто сможет защитить тебя от очень вероятной опасности? Я не знаю, как спросить, не говоря. Как ты можешь решить, ещё не зная, о чём.

— Страшные вещи говоришь, сестра. Что настолько суровое может идти за такой молодой, такой простой и милой девушкой? Сказал бы я тебе, конечно, что ты напрасно так обо мне, но ты ведь снова мне скажешь, что я не знаю, на что соглашаюсь, и это будет правдой — не знаю... Но ты думала, во мне может быть настолько мало гордости, чтоб отказаться от предлагаемой тайны, или смалодушничать, узнав её? У меня нет семьи, рода, важного дела, ничего того, ради чего можно уйти от опасности и оставить ей тебя, твоего брата и бедную Налани. Поверь, я могу представить, на что может быть способен ваш род, раз уж они так поступили с Налани, да и вообще я тоже разное в жизни слышал... А кто не противостоит подлости — однажды сам станет её жертвой.

— Ох Фальн, не в этом дело. Не в Налани, роде и...

Селестина остановилась. Фальн, ещё не видя её лица, встревожился. И оказалось, не зря — Селестина покачнулась, схватившись за голову.

— Что-то не так, Фальн, что-то... — она панически заозиралась, луч фонаря ломано заметался по стенам, — бежим!

Убежать они не успели. Из черноты бокового туннеля вышли четверо.

==== Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл. 4. Полыхающая тьма =====

Четверо не духов, не древних тварей из легенд — обычных центавриан, разве что бедно одетых, с неопрятными, плохо поставленными гребнями (но такому ли зрелищу удивляться после путешествия через трущобы)... Почему-то это пугало больше.

— Похвально, что ты готов узнать правду, парень. Лучше сделать это до того, как совершишь что-то непоправимое. Спроси её, кто она такая и что тут делает, ты ведь был с нею честен, наверное, и она будет честна с тобой?

Фальн заслонил собой всё ещё сжимающую голову Селестину.

— Кто вы такие, духи вас заберите? Если вас послал её род...

Все четверо расхохотались настолько синхронно, что это ужаснуло Фальна даже сквозь закипающую ярость. Оранжевый свет свечных фонарей в руках искажал их лица, превращая в подобия масок древних богов, пугавших иногда даже привычных островных детей до икоты.

— О нет, едва ли это могло б быть возможным — встретиться с её родом... Спроси её, спроси. Как её зовут по-настоящему, где её родина. По чьему поручению она здесь. Что успела прочесть в мыслях таких же доверчивых простаков, как ты. Она даже не центаврианка, тебя так легко было одурачить — верно, потому, что ты редко имел дело с женщинами? Она — инопланетный шпион, агент Альянса.

Фальн обернулся к Селестине, упавшей спиной на шершавую стену туннеля.

— Мефала, кто это такие? Ты знаешь их? Что за бред они несут?

— Приглядишься к ней. Неужели ты так слеп, что не можешь отличить подделку? Вспомни всё, что она говорила, неужели ни разу ничего в её речах не царапало тебе слух, не казалось странным? Как ты думаешь, как давно она говорит на центарине? Что скрывает под платком её подруга, в такую-то жару?

Селестина стонала сквозь зубы — голову словно стянуло раскалённым обручем. «Фальн, Фальн... если б я могла дотянуться до твоего сознания... если б я хоть могла прорваться через их давление! Какая боль это, оказывается... Если б ты мог помочь мне! Ты этого даже не чувствуешь... Помогите мне, кто-нибудь, помогите! Они раздавят меня...»

— Мефала, это правда? Ответь, Мефала, не молчи! это слишком бредово, ты должна что-то сказать!

«Если б я могла, Фальн...»

Велида схватил девушку за руки, отнимая их от её висков, и в ту же секунду похолодел, осознав, что видит — вену, пугающе контрастную в свете фонарей.

— Мефала, это правда? Просто ответь — это правда, ты землянка?

— Да!

— А твой брат... его любимая... как вы могли вот так — подло? Искусный маскарад... наверное, на всё это выделены хорошие средства? Но что вам нужно здесь? Почему я, почему вам не вить свои интриги в другом месте, подальше от моей жизни?

— Фальн! Я собиралась тебе всё объяснить!

— Не сомневайся, она объяснит... Сколько лет Альянс мечтал запустить щупальца в наш мир, наконец он сумел сделать это. Эта женщина хорошая актриса, хотя сейчас, конечно, переигрывает с этим неожиданным приступом.

«Фальн! — сознание Селестины снова билось в стальной хватке, сковывающей губы немотой, — они же сейчас передуют нас как щенят... Если б я могла пробиться к тебе! Беги, найди их...»

Но пробить блок четырёх телепатов, чтобы вторгнуться в сознание единственного нормала здесь, нечего было и надеяться. Реальный голос может охрипнуть от долгого крика, мысленный иногда тоже. Селестина сжалась внутри колпака, уповая на одно — больше никакой информации из неё не выудят. Довольно и того, что они уже подслушали.

— Ну и что за спектакль вы тут устроили? — раздался в туннеле новый голос, и на свет вышли двое. Говорил идущий первым низкорослый дородный центаврианец, одетый неброско и даже простецки, но судя по величаво вздёрнутому дряблему подбородку и сверкающим на пальцах перстнях — явно не мелкий лавочник. Маячащий за его спиной рыжий верзила был, видимо, его слугой или телохранителем.

— Господин... э... так неожиданно! Мы не ждали вас так скоро! Видите — мы поймали шпионов!

— Да я и вижу, что не ждали. Скучно живёте, понимаю. Драматургию тут посреди туннеля развели. Живо хомутайте этих голубков и в гнездо! Ну! Повезло, что они ещё тупее, чем вы, раз не сбежали до сих пор...

— Да-да, сию минуту! — самый проворный подскочил и, выдернув из рук Селестины верёвку, заломил ей руки за спину. Фальн, недолго думая, поприветствовал следующего ударом в челюсть, но силы были всё же, увы, не равны.

— Давайте-давайте, пошевеливайтесь! — аристократ обводил недовольным взглядом

всю компанию, — а я бы не появился — вы целый день здесь разводили бы здесь дешёвые страсти? Ну да, других-то дел нет... Не беспокойтесь, обеспечу.

— А может, их прямо здесь... тово? — подал голос ещё один из четвёрки.

— За что Создатель дарует телепатию идиотам? Видимо, в компенсацию тупизны. Чтобы их трупы нашли следующие, кто сюда сунется? Вы ж не полагаете, что их только вот эти двое? И надо узнать про всех. А потом пожалуйста, кидайте их в какое-нибудь ущелье... или лучше со скалы сбросьте, должны иногда и тела находить, вы с этими загадочными исчезновениями переборщили уже малость. И свети ты нормально, отвернись от тебя все боги! Я не хочу тут все кости переломать...

Идти при постоянных тычках в спину и спотыканиях о камни — светили конвоиры действительно куда угодно, только не на дорогу — было нелегко. Да уж, им тоже непросто приходится — они ведь продолжают держать Селестину «в клещах»...

— Так может быть, кому-то из нас остаться здесь, встретить остальных?

— Ковыляй и молчи! что твоя мать ела во время беременности, что родила такого идиота? Вас всего четверо, с двоих толку меньше, чем с одного нормального. Я, что ли, должен утихомиривать этих, если им учудить вздумается? И вы что, думаете, их тоже двое пойдёт? Это разведчики, в разведку толпой не ходят. А основной отряд вы даже ментально не заборолите бы. Но никто сюда не пойдёт. Они будут ждать возвращения разведчиков. Минимум до вечера. Так что пошевеливайтесь, надо успеть вытрясти из этих всё, и желательно делать это не здесь. Хотя бы потому, что я ненавижу пещеры.

Они действительно невообразимо огромные и длинные, отрешённо думала Селестина. Первое время она ещё пыталась запоминать дорогу, ещё пробовала путы на предмет выскользнуть — всё же иногда ментальный контроль слабел, и можно было хотя бы думать без болевого эха — но постепенно чувство бессилия, безнадёжности захватывало её всё больше. Несомненно, эти типы знают все эти запутанные сплетения туннелей как свои пять пальцев, и им не привыкать убивать. А этот индивидуум... видимо, их босс. Достаточно красноречиво, если учесть, что они — телепаты, а он — остраженный. Чтобы понять, в какой чудовищный переплёт они попали. Почувствовал ли этот Страж Дэвида? Видимо, нет. Видимо, Дэвид достаточно далеко, и Стражи не родственны... Селестина панически оборвала эти мысли — они не должны слышать больше того, что слышали. Если до сих пор не поняли про ещё двоих — пусть и не поймут. Радуется, что Фальн молчит. А ведь мог сдать, в попытке выкупить свою жизнь... Не вышло б, конечно. Его просто уберут как свидетеля. Слишком серьёзные дела здесь делаются. Эти телепаты работают на остраженного... вряд ли они не понимают, что делают. Но иначе смерть, и возможно, смерть близких... Возможно ли достучаться до них, убедить... Они ведь должны понимать, что это тупик... Хотя ксенофобия — тяжёлая вещь. Даже Фальн... Если б они поймали Милиаса и... Нет, нет плохой вариант. Неужели никакого шанса нет? Жаль Фальна, так безрассудно готового к подвигу... Она хотя бы знала, на что шла. Если б они хотя бы достигли цели, его смерть была бы не напрасной.

Гнетущая череда туннелей кончилась совершенно неожиданно, Селестина даже сразу не поняла, что это уже не свет фонаря резанул ей по глазам, что это впереди, за тремя каменными уступами — выход.

В долине среди гор, куда они вышли, было ещё довольно сумрачно — лучи рассвета только пробивались из-за горных вершин, деревья и кусты вдалеке казались кусками ночной

черноты. Выходит, они ходили по лабиринту всю ночь? Хотя что в этом странного, летние ночи коротки... Впереди виднелось низкое прямоугольное здание, кажется, без окон, окружённое ещё несколькими подобными убогими строениями поменьше. По-видимому, туда-то их и ведут — а больше куда? Значит, это остраженный и назвал гнездом? Остроумно... Вблизи ещё больше похоже на коробку. На Центавре в бедняцких районах вообще много домов-коробок, но те хоть с окнами, а здесь только дверь. Их втолкнули внутрь — и снова полумрак, только душный, дымный, а грудь не успела насладиться чистым свежим воздухом после сырости-затхлости пещер. Но уже через мгновение зажжённых фонарей стало больше, и вскоре комната — весь дом был в одну комнату — была вполне прилично освещена. И оказалось, что она полна народу. Человек двадцать уже было здесь, тихие хлопки двери за спиной возвещали, что пришёл кто-то ещё... Кажется, теперь тридцать... Ну да, это тоже человеческое жилище, как ни тяжело это так назвать. По двум стенам — нары в три яруса. Видимо, здесь они все вповалку и спят. Преимущественно мужчины, но есть несколько женщин. Детей не видно. Ни стариков, ни детей или молодых людей, все среднего возраста и за средний, крепкие, жилистые, с нелюдимыми измождёнными лицами. Телепаты. Что собрало их здесь вместе? Вот этот немолодой лысеющий центаврианин, на которого они смотрят с таким почтением и страхом? Что же за власть у него такая? Как телепаты и Страж могут спокойно находиться под одной крышей? Или вовсе не спокойно? Третья стена практически вся была занята огромной печью, заставленной кастрюлями, в которых доходило что-то съестное, четвёртая — та, что с дверью — насколько успела оглядеться Селестина, была застроена полками со всяким инструментом и, кажется, оружием. Посреди комнаты стоял большой стол, вокруг него и толпились эти мужчины и женщины, одетые почти одинаково в невзрачную простонародную одежду, а некоторые и практически в лохмотья.

Пленников усадили на грубо сколоченные стулья возле этого стола, четверо конвоиров встали попарно за спиной. Если до сих пор ситуация казалась очень скверной, то теперь она точно была хуже некуда. Единственный выход отрезан, даже за минусом верёвок на руках, о численном перевесе не стоит говорить. Что ни говори, минбарцы молодцы в том, что много внимания уделяют подготовке к смерти, воспитанию невозмутимости воинского духа. Надо было больше с ними общаться...

Остраженный, взяв кухонный нож (Селестина даже не успела вздрогнуть), перерезал путы на их руках.

— Теперь дайте сюда бумаги, лучше побольше. Сейчас эти голубчики нам подробненько переписут имена и псевдонимы всех их подельников, план и местоположение их лагеря, позывные... если жить хотят, верно ведь?

— Можно подумать, после этого вы оставите нас в живых, — мрачно огрызнулся Фальн. Селестина даже обрадовалась, что он подал голос, — дураку должно быть понятно — мы живы до тех пор, пока вы надеетесь от нас что-то узнать. Как только всё узнаете — зачем мы вам дальше? Лично я разыгрывать и тянуть время не умею, и просто мне доставит удовольствие плюнуть вам в рожу и сказать, что вы ничего не добьётесь. Так что кончайте уж сразу, не тратьте время.

Селестина могла поклясться, что на лице центаврианина мелькнуло необычайное удивление, и на секунду у неё возникло ощущение, что во всей этой сцене что-то сильно не так. Что и до этого что-то цепляло её, стучалось в голову, но голова, пришибленная ментальным давлением, неспособна была это воспринять...

— Нахальный-то до чего... И этим ты мне нравишься! Да с чего ж ты решил, что непременно убьём? Эти дуболомы трупов и так немало наделали. А телепатка — это ценность, таким не разбрасываются. Немного душевно поработать с девушкой — и она станет нам так же полезна, как была до этого своим хозяевам. Тем более что я умею быть не только строгим, но и щедрым. Смекаете?

Что-то не верится, усмехалась про себя Селестина, глядя на фешенебельные условия, в которые ты поселил своих людей. Но может, и правда подыграть твоему самомнению... Просто из тех соображений, что сбежать от тебя по дороге будет проще, чем отсюда. Но нет, что-то ещё есть, чего она никак не может понять...

— Но я-то не телепат, зачем вам сохранять жизнь мне? Такого добра ещё пол-Центавра. Если только для того, чтоб шантажировать её мной...

— Ну хотя бы для этого, да. И повторяюсь — ты нравишься мне этой смешной дерзостью. Разве я не могу сохранить тебя... ну, просто для себя?

— А что, эта тварь у тебя на плече тебя плохо удовлетворяет?

Селестина остолбенела. Это... невозможно, нереально! Фальн не должен видеть Стража! Что же...

Одна из женщин между тем подошла к ним ближе.

— Господин... Осмелюсь сказать, господин — я верю им, я вижу, какова их убеждённость. Это фанатики, они действительно не согласятся работать на вас. Разве нас у вас мало? И если вам нужна женщина-телепатка... Мы ведь всегда счастливы послужить вам!

Жалкая тварь, горестно вздохнула про себя Селестина. И как больно знать, что многие женщины из её народа тоже были такими — лебезили, расстилались, готовые продать тело и душу за сохранение жизни... Идиотка, видимо, тут нет зеркала — зачем ты ему нужна, почти старуха в жалких лохмотьях? Если б была нужна — то не жила б здесь.

Женщина коснулась сюртука господина в просительном жесте — и ошарашенно отдернула руку. И в этот момент Селестине наконец стало понятно. Странное было в туннеле — странные тени... неправильные. И рука, положившая перед ней лист бумаги — на ней сквозь золото проступил простой металлический блеск... В тот же миг купол над ней разом растворился — ментальные щупальца бросились на другую цель. Лицо центаврианина подёрнулось рябью и словно начало сворачиваться, рыжие волосы безмолвного слуги почернели.

— Милиас?

— Бежим! — заорал Фальн, боднув головой ближайшего из телепатов и первый метнулся к выходу, хватая с ближайшей полки первое, что попало под руку — мотыгу. Кажется, от шока Селестина просто приросла к стулу, поэтому Милиас бесцеремонно сдернул её и практически швырнул к двери, попутно выхватив у подвернувшегося кинжал и тут же рубанув им владельца. Если б шок телепатов был меньше, едва ли они успели выскочить, все четверо. И явно тот, кто строил этот барак, не мог такого предусмотреть... Дверь открывается внутрь. Сейчас Милиас висел на дверной ручке, а Фальн просовывал за неё древко мотыги, запирая противников внутри. Селестина рухнула рядом с бледным, словно разом потерявшим всю кровь Дэвидом.

— Как?! Как?! Как вы это?..

— Что? Я... я ничего не понимаю!

— Может быть, разберёмся вот с этой проблемой, а потом предадимся лирике?

— А чего с ними разбираться? Найдём что-нибудь металлическое, а то дерево долго не выдержит... Добротная, конечно, дверка, как не в ладонь толщиной, но и их там вон сколько... Посидят, просихуются, можно будет говорить. Штук 30 потенциальных союзников-телепатов — это подарок судьбы просто. Полагаю, лучше работать на нас, чем на... этого... это и идиот поймёт. Фальн, ты в тот сарай, Се...

— Милиас, очнись, какие союзники! — Селестину трясло, слишком много информации разом, слишком много чёрной энергии, слишком много отчаянья, — ты надеешься их убедить? Их?

— А разве не за этим мы здесь? — у Дэвида стучали зубы, хотя утро было не таким уж прохладным, — я думал... ты ведь звала на помощь! Ты передала это всё — образ этого типа, кто он для них... Разве это не твоя ментальная иллюзия? Разве мы не собирались узнать, где их лагерь, чтоб позже ...

— Нет! Я представления не имею, о чём ты говоришь! Я звала на помощь, но не представляла, что кто-то может услышать — сквозь их блок... И мне было точно не до создания иллюзий!

Фальн тем временем нашёл лом и просунул его вдобавок к мотыге. Долбёжка с той стороны стала тише — видимо, поняли, что бесполезно, обдумывали варианты. Да уж, не гениально было делать дом с одним выходом, без окон. Через дымоход не полезешь, печь ещё не протопилась...

— У меня накопилось много вопросов, господа. И первый — что с ними делать будем?

— В крайнем случае оставим так, — хмыкнул Милиас, — еды там много... Будут расшатывать дверь с перерывами на пожрать, пока расшатают — мы будем уже далеко...

— У меня тоже накопилось много вопросов! — у Селестины была практически истерика, — кто-нибудь объяснит мне, что произошло? Я видела того, кого они — они все — считали своим хозяином! А потом оказалось, что это Дэвид! Фальн, ты видел то же, что и я? Ты видел центаврианина со Стражем на плече?

— А, вот как эта штука называется?

— Но ты понимаешь, что если б это был настоящий центаврианин... ты не должен был видеть Стража! Страж Дэвида показывает себя специально! Но я не создавала эту иллюзию, кто же это делал?

— Страж и делал, — пожал плечами Фальн. Похоже, для него вообще всё было просто. Пять минут назад не знал ни о каких Стражах, десять минут назад не знал о логове телепатов в горах... Свою способность удивляться он, видимо, оставил в туннеле.

— Почему тогда Дэвид уверен, что это была я?

— Хотя бы потому, что я не телепат, разве нет? Я всего лишь вёл себя так, как должен вести их остраженный хозяин... Старался. С подсказок Стража, верно. И Страж показал себя, когда увидел, что вы не понимаете намёков, не подыгрываете... Что тут что-то совсем не так...

— Ментальная иллюзия на шестерых — на нас всех там в туннеле... А потом на более чем 30 человек. Я бы такое точно не смогла. Это необыкновенная силища. Тем более когда они давили на меня вчетвером... Я даже говорить могла с трудом! Я видела в туннеле тени... Неправильные тени, вас двоих, не соответствующие образу, настоящие. Но не осознала тогда, мне было слишком тяжело под их куполом.

— Какие тени? — не понял Фальн.

— Тени, от фонарей. Там были рюкзаки. И Дэвид, без гребня. Тот, кто делал иллюзию,

не подумал про тени... И потом, когда пришли сюда, иллюзия, видимо, начала слабеть — начало проступать кольцо Дэвида... И та женщина — видимо, почувствовала платье...

— Господа, — Милиас нетерпеливо переступал с ноги на ногу, — давайте для общего спокойствия решим, что иллюзию сделал я, но всё же что-то решим с нашими запертыми друзьями... Мне лично как-то неуютно, пока их от нас отделяет эта дверь, пусть и запертая на лом. Мне кажется, они намерены нас убить. И если мы хотим убедить их оставить такое намерение, надо как-то начинать. Ну или хотя бы валить отсюда к чёрту... Но это хуже вариант — в конце концов до них вон хоть настоящий хозяин доберётся, и будет у нас 30 живых свидетелей по нашу душу. А у нас вообще-то ещё дела в этом райончике. Бомбу-то мы так и не нашли.

Селестина подняла на него полные отчаянья глаза.

— Ты ещё не понял? Мы нашли бомбу. Они и есть бомба.

— Что?!

— Ты не слышишь их сейчас, а я слышу. Через стену они не могут контролировать меня, и они просто кричат... Если б ты знал, что это такое. Ты думаешь, что удерживает их здесь, что удерживает под властью этого типа? Алчность, страх? Всего этого мало, поверь. Здесь ведь нет никакой охраны. Они могли б просто убежать. Да, я представляю вполне, что люди могут быть сами себе тюремщиками, если убить их волю, сломить их гордость... Но всё это ничто в сравнении с технологиями Теней. Это программа. Они никогда не будут свободны.

— Ты можешь снять эту программу?

— Одна, у тридцати? Конечно нет! Мы должны убить их. Именно убить. Не знаю, как, учитывая, что их намного больше... Но должны. Иного способа их остановить нет.

— Нет!

— Дэвид, мне это нравится не больше твоего. Хоть и другой расы, но они телепаты. Но они... они уже не совсем они. Живое оружие дракхов, рабы их воли. Дракхи, как и Тени, ненавидят телепатов, использовать их в своих гнусных целях — для них двойное удовольствие. Они внедрились в их мозги, вывернули их наизнанку... Они многому научились у Теней. Если ты слышал про живые машины Теней — так вот это тоже машины. Те из них, кто пытался сопротивляться, бороться с программой — давно мертвы. Они тоже пытались, наверняка... посмотри, что осталось от них.

— Но должен быть способ...

— Нет его. А если есть — нет времени, ни у них, ни у нас. Ты думаешь, они могут тут просто подождать, пока мы найдём все бомбы, пока победим дракхов, пока найдём целителей-телепатов, которые смогут... Извини, это нереально. Их 30, и каждый — смертоносное оружие. Программа уже запущена. Тут не помогут уговоры.

— А в чём конкретно состоит программа? — вклинился Фальн, — может быть, её можно как-то... обмануть? Хотя просто улизнуть мы и так можем, а оставлять их здесь, чтоб и дальше заблудившиеся в пещерах пропадали...

Селестина прикрыла глаза.

— Это не против нас, конечно. Мы — не то, что предполагалось планами дракхов. Просто неожиданная помеха на пути... Они просто охраняют тайну своего существования тут. От всех. Пока они просто живут, сами себя кормят, выращивая тут овощи, и никуда не уходят дальше пещер, а их господин приезжает время от времени, чтобы проверить их... А в определённое время они просто выйдут в город... и устроят в нём ад.

— Каким образом?

— Взрывы, массовые убийства, диверсии... много чего. Ужас, паника — вот чего хотят дракхи... параллельно со взрывами всех этих бомб...

— Зачем им всё это? — передёрнул плечами Милиас.

— Ты меня о логике дракхов спрашиваешь? А какая логика была у Теней? Одни должны побеждать, другие — умирать, оружие существует, чтобы применяться, взрывы, уничтожающие всё живое — просто красиво... Дракхи любят жизнь в борьбе и смерти, не иначе.

— Был бы домик не из камня... — протянул Фальн, — и был бы тут бензин, хоть немного...

— Сжечь?! — ужаснулся Дэвид.

— А что с ними делать? Они хотят уничтожить мой город. Мой. В котором я половину жизни прожил. Не худшую половину. Моих друзей, моих соседей. Мне их отпустить, подождать, пока они так и сделают? Или бежать предупредить всех — не знаю только, кто мне поверит?

— Фальн, — измученно улыбнулась Селестина, — один из вопросов, который не даёт мне покоя... Почему ты поверил? Почему ты с нами? Почему не отрёкся?

— Больно хороша вышла игра. А таким хлыщам у меня веры нет. Видал я тоже всяких, знаешь ли... Другие, конечно, мечтают в личные содержанцы к кому-нибудь с кошельком той же толщины, что пузо, а я — увольте, нет уж. Всё, что у меня есть — свобода, зато она у меня есть. Голодать буду, подыхать буду, но ничьим не буду. Тем более типа с тварью на плече.

— Эй, я ещё тут, — нервно рассмеялся Дэвид.

— Ну, я не тебе в обиду, сестра. Хотя, конечно, что за Стражи и что за дракхи, вам придётся мне хорошенько объяснить. Как только с этими разберёмся...

— Мы ведь действительно не центаврианки, Фальн. А Дэвид даже не девушка.

Дэвид стянул с головы платок, опостылевший ему за это время не описать как. Сквозь спутанные волосы пробивались отросшие рога. Возможно, Фальн не заметил их, а возможно, просто не понял, что это такое.

— Ну, я, правда, всё же центаврианин, — хмыкнул Милиас, — но я с ними заодно. И вообще, я тоже немного поражён. Другой на твоём месте из истерики или ступора на следующий день вышел. Честно, не могу представить себя на твоём месте.

— На моём не представишь. Я островитянин по рождению-то. А у нас жизнь на грани конца всего — норма. Там каждый день прощаются навсегда — то ли вернётся с моря, то ли нет. Матери детей по возвращении пересчитывают — не сожрала ли которого-то тевига. Или зверь в горах сожрёт. Или сожрёшь рыбку — а она травленная, отходов с кораблей наелась, у них от этого нутро шибко портится, желчь ядовитая разливается... Может, дверь хоть поджечь? Дверь деревянная... задохнутся в дыму-то поди. Или выпускать их по одному и вон хоть тяпкой...

— Я могу их убить, — проговорила вдруг Селестина, — думаю, что могу. Есть такие сигналы... И это хотя бы не больно. Не так, как гореть... Хотя знаете... вовсе не факт, что они способны испытывать боль.

— Что?

— Что слышал. Ты видел их? Они изменены. Технология дракхов в их мозгу. Они живут как бледные тени себя. Ты не обратил внимания, что тут нет ни одного ребёнка? Хотя здесь есть и женщины, и мужчины. Не странно?

Заметил, кажется, один Фальн.

— Я подумал... подумал, что детей убивают. Чтобы не были обузой.

— Дети телепатов-то? Которых тоже можно использовать как оружие?

— Ну... тогда забирают... именно для этого.

— Вообще-то дракхи убили столько телепатов, что ничего в этом странного нет, — напомнил Милиас, — может, им больше тридцати не нужно?

— Логично, но неверно. Дети здесь просто не рождаются. Потому что эти люди не занимаются сексом. Дракхи не оставили им эту излишнюю потребность. Есть, спать, убивать. Всё.

— А как же та женщина?

— Ну, рефлекс, как лебезить и выслуживаться, остались. Они ещё помнят, что жили иначе. Не то чтоб они хотели вернуться к этому, нет — но при встрече мы ведь не приняли их за толпу зомби. Им всем хочется одного — служить, ну и конечно, быть оценёнными за свою службу... Быть подле хозяина и выполнять какие-то более серьёзные поручения — это ж куда почётнее, чем прозябать здесь и ждать, когда уже можно будет проявить себя...

— Выходит, лучшее, что мы можем сделать — это оборвать это подобие жизни.

— Выходит, что так. Я не знаю, хватит ли мне силы не то что на всех — хотя бы на...

— К чёрту, — Фальн вытряхнул свой рюкзак прямо на траву рядом и ломанулся куда-то в сторону пещер, — не уверен, что я видел именно то, что видел, но если... ждите тут.

Вернулся он через некоторое время с полным рюкзаком длинных узких тёмно-фиолетовых листьев.

— Вот, не ошибся. Дым от этой штуки крайне ядовитый. То есть, если в костёр попадёт — то ещё ничего, там ветер относит, приток свежего воздуха всё-таки, так что голова дурная, рвота, но жить будут. А вот в печь дома если попадёт — всё, никого живого наутро не будет, у нас так два дома умерло. Теперь главное — забраться на крышу и в дымоход это пропихнуть суметь, угли там вроде ещё не остыли...

— Всё же как это ужасно, — пробормотал Дэвид, но тихо, уже понимая, что предложить иное не сможет никто.

Милиас и Фальн вполголоса рассуждали, что делать, если здесь нет лестницы, получится ли забраться на крышу (она не очень покатая), если один влезет другому на плечи, а он неотрывно смотрел на дверь. Её уже не сотрясали глухие удары. Что делают те, кто там внутри — смирились, решили ждать, когда их несостоявшиеся пленники уйдут, или рассматривают варианты, как выбраться? Селестина лучше может знать это, но расспрашивать её, конечно, не хотелось. Дэвиду без всякой телепатии казалось, что он чувствует их злость, их отчаянье — так же, как чувствовал душную сырость туннеля, как чувствовал жар натопленной печи. Злое отчаянье, только отдельными нотками нормальное человеческое, не назовёшь даже отчаяньем зверя. Хотя Тени (и их слуги) апеллируют к животной стороне разумных существ, но они, вне сомнения, «высшие животные», хищники, убивающие ради процесса, ради наслаждения боем, это не отключение сознания, не аффект — это философия. Философия уничтожения. Разумные, изменённые воздействием Теней — не зомби, не механизм без памяти. Это-то и страшно.

— Ну вот, теперь ждём. Для уверенности — полчаса. Как раз есть время рассказать, что ты хотела мне рассказать, да вот нас как некстати прервали. А может, и кстати, конечно... Так как тебя зовут на самом деле? И кто ты среди землян?

— Ну, если ты представил меня гениальной земной разведчицей, то эти четверо мне сильно польстили. Я даже не была на Земле... Меня зовут Селестина. Ну, вот такое имя. И я гражданка Минбара. Я телепатка, и для интереса изучала центаврианский, поэтому меня и взяли в миссию. Это не акция какого-либо правительства. Это акция Альянса, против угрозы, опасной всем, не только вам.

— Селестина... на Центавре тоже встречается такое имя, могла и не менять. Ладно. Что это за Стражи, дракхи, чем вы вообще занимаетесь, хотя кое-что из этого я понял уже, но может быть, понял не всё?

— Ну, со Стражами проще всего, Стража ты видел уже. В строгом смысле это паразит, часть тела дракха, имеющая некоторую самостоятельность, а дракхи — это... ну, про Теней ты ведь знаешь?

— Смотря что называть — знать, сестра. Ты понимаешь, поди, здесь немножко не столица. Не в уши настоящим центаврианам будь сказано, у нас уже второй император упокоился, а мы только начинаем что-то осмыслять о жизни и смерти предыдущего. Есть вещи такой огромной страшности, что о них и не говорят просто потому, что не знают, как. Мы-то на своих островах мало видели, мало слышали. Ну, война вот, да. Зачем, для чего — война да и всё, понятно, никому нам она не была нужна, ну так и тевиги и зверьё в горах нам не так чтоб нужны. Стихия. Стихия нам всегда смерть несла. И правительство тоже стихия, как чего придумает — так хоть в гроб. Не помнят о нас — плохо, конечно, потому как говорил, ничего на островах нет, кроме нас самих и что мы тысячу лет назад делали и что теперь, но как вспомнят — так ещё хуже. А как в город попал — тут и другое узнал... Были тут люди, что бежали от преследования, ты понимаешь... Это тоже при любой власти есть, это нормально. Но вот тут как-то многовато. И совсем какой-то могильный холод не столько в словах, сколько в молчании. Тоже хорошо, что много у меня друзей возрастом постарше — больше видели, больше думали, многое могут рассказать... Много и между любовными утехами порассказывать можно, знаешь, люди не столько за шалостью иногда, сколько за утешением, выговориться... Кто о жене, кто о начальстве. Теперь я думаю — из того, что за эту ночь увидел, много клея вышло, чтоб кусочки отдельные в голове сложить, а как ты договоришь — кусочки воедино сложатся.

Тонкие струйки дыма ползли из-под двери. Словно мирный разговор у костра, там, на берегу... Только там умирают люди. Люди? Или уже не люди? Или всё же ещё немного, ещё отчасти, люди? Селестина слышит их боль, их агонию... Поставит ли она блок? Легче ли от этого хоть кому-то?

Фальн обратил внимание на сидящего с поникшей головой Дэвида.

— Верно, сестре очень тяжело всё это переносить. Зачем же надо было включать в вашу миссию человека с настолько нежным сердцем? Неужели больше было некого?

— Думаю, он сейчас общается со Стражем. Я, конечно, не могу этого слышать, но полагаю, что это так. Хотя насчёт нежного сердца это правда. Но Дэвида выбрал Страж, перешедший на нашу сторону... Да, это сложно объяснить, тем более после всего, что я уже рассказала. И тем более — да, эту обострённую форму пацифизма... Всё-таки минбарский закон запрещает минбарцу убивать минбарца, а не кого бы то ни было вообще.

— Минбарцы? Ох, сестра, я, конечно, мало видел, мало знаю, но минбарцев я как-то... иначе себе представлял. Или сестра родня тебе? Как получилось, что вы родились на Минбаре? Хотя наверное, это и не относится к делу...

Как ни невесела была обстановка, Селестина рассмеялась.

— Да уж, время тебе нужно, вижу, чтоб осознать, что Дэвид — не сестра, а брат, а уж это...

Милиас поднялся.

— Думаю, можно заходить. На всякий случай, конечно, осторожно, лучше взять что-нибудь покрепче...

— Ну не знаю, если уж в туннелях на нас мертвецы не напали, то там тоже не нападут. Там же ни окна, ни отдушины, дымоход заткнут, тут и от обычного дыма можно к праотцам отправиться...

— Я не слышу никого, — кивнула Селестина, — ни одного сознания. Всё кончено.

— Так... зачем нам тогда туда вообще?

— Как бы сказать... Было б неплохо обыскать это гнёздышко. Мало ли, что им могли интересного оставить в ожидании торжественного дня.

Некоторое время они стояли по сторонам от дверного проёма, дожидаясь, пока дым выйдет наружу. Фальн велел всем завязать лица.

О первый труп они едва не споткнулись. Та самая женщина, пытавшаяся выторговать себе «повышение». Скрючилась у самого порога, видимо, в агонии скребла дверь, пальцы так и свело судорогой. Несколько попадало у печи — они пытались заткнуть чем-нибудь топку, залить смертоносный дымокур. Не успели. В противоположном углу из-под нар торчало две пары ног, рядом небольшая гора глинистой земли. Пытались рыть подкоп... Селестина подобрала один из листов, на котором они должны были сочинить, по плану Дэвида, какое-нибудь признание для отвода глаз и возможности уйти... Он был исписан. Весь. Лихорадочными, безумными каракулями. О чём может писать умирающий раб дракхов? Может быть, перед смертью программа ослабила над ним власть? Письмо родным, если они остались, конечно?

— Кажется, это вообще не центарин.

— Я не знаком, конечно, с письменностью дракхов...

— Думаешь, это послание для хозяев?

— Думаю, это не лишено логики. Думаю, эту бумагу следует взять с собой.

— Надежд отдать на расшифровку как-то маловато.

— Оставлять здесь ещё хуже вариант.

Милиас поднял ещё один листок.

— А вот здесь центарин... и только одна фраза.

— Что там?

— «За дымом — огонь». Что это значит?

— Не представляю... — Селестина внезапно обернулась и вскрикнула в ужасе. Труса у порога не было. Тело женщины исчезло.

— Что за...

— Бежим! Вот теперь очень быстро!

— Как?! Духи вас всех заберите, как?!

— Я должна была предположить... — выдыхала на бегу Селестина, — проекция мёртвого... Она же лежала у двери, она дышала в щель под дверью... Просто спроецировала, «передела» своё сознание... в агонию умирающего, потом в пустоту мёртвого... Наши старшие многие умеют... Так прятались от копов... Мы упустили свидетеля...

— И куда она могла побежать? У нас одна дорога, у неё десять, фора небольшая, но и она — не мы...

— Мы упустили не свидетеля, а убийцу! Чего тут не понимать? Мы обнаружили их, мы поставили программу под угрозу срыва. Теперь она попытается её выполнить. Хотя бы свою часть.

— Что?

Они остановились на входе в туннель, чтобы включить фонари. Говорили отрывисто, панически.

— Угроза смерти... провоцирует нападение... точнее... выполнить приказанное во что бы то ни стало... она побежала в город.

— Чтоб... надо её остановить!

— Успеем? Мы даже не знаем, куда именно она побежала! И не знаем, какой путь в этом лабиринте — кратчайший! Заблудиться сами всё ещё можем... Кто-нибудь хотя бы эту дорогу запоминал?

— Страж.

— У нас ещё остались и мел, и верёвки.

— Отлично просто... Ладно, получится так быстро, как получится. А пока надо думать, что именно она изберёт своим объектом. Где здесь самое людное место? Или где можно принести самые большие разрушения?

— Ну вообще-то, вариантов много. Рестораны, храмы, завод... А может быть, она вообще отправится на пляж и будет резать всех подряд?

— Рановато для пляжа.

— Пока доберёмся, самое время будет.

— Стоп! А с чего вы взяли, что она вообще будет выбирать? Может быть, она попросту выполнит СВОЁ задание? А мы представления не имеем, в чём оно состояло.

— Ещё лучше. И что мы сделаем? Попытаемся всех предупредить? И кто-то нам поверит? Тем более что вас вообще лучше не показывать... официальным лицам разным...

— Разберёмся на месте. До сих пор нам здорово везло. Пусть повезёт ещё раз, а? не за себя ж просим...

— Да уж, о везении... Что всё-таки за странность с этой иллюзией? Как вышло, что вы думали друг на друга, но ни один этого не делал?

— Не знаю! — хором ответили Дэвид и Селестина.

— Нда... Не особо я до сих пор в богов верил, но может, длань Иларус над вами всё же?

Дымом начало тянуть ещё издали.

— Помойка, что ли, опять горит?

— Что-то сомневаюсь...

Длинный двухэтажный дом — когда-то самое большое общежитие рабочих ныне покойного завода, Селестина вчера чуть не назвала его Великой Китайской Стеной, вовремя осеклась — представлял собой сплошную стену огня. Полыхало так, что гудел воздух, стонала земля под ногами. Словно горел не дом, а состав цистерн с горючим. Лохматые оборванные бродяги — жители соседних домов — в большинстве стояли разновеликими кучками и тупо глазели на смертоносное зрелище. Лишь несколько, помоложе и порасторопнее, бегали с вёдрами. Поливали не пожар, конечно. Поливали стены своих домов и землю вокруг — чтобы пресечь распространение огня. Где-то голосили женщины и хныкали дети.

— Там... там ведь были люди?

— Наверняка.

— Пожарную службу-то кто-нибудь вызвал?

— Ещё чего, даже думать нечего. Они сюда не поедут.

— То есть, как это — не поедут?

— Вот так. Спасать бродяг и занятые ими развалины — только время зря терять. К тому же, не забывайте, заняли-то они это всё самовольно, без всякого разрешения здесь живут. Того им как раз и не хватало, чтоб обвинили в пожаре, заставили выплачивать...

— Кому, за что? За вот эти сараи?

— Городскому правлению. За сараи, за землю, если надо — то и за воздух. Брат, ты-то вроде центаврианин, а такие смешные вещи говоришь!

— Надо помочь бедолагам, пока, в самом деле, не перекинулось... Если у них тут ещё не дырявые вёдра найдутся...

Только когда они подбежали к месту происшествия — на то расстояние, какое позволял нестерпимый жар, Селестина поняла, что отчаянная пронзительная нота, звучащая как часть этого жуткого гудения пламени, становящаяся всё громче, взрывающаяся звоном, с каким лопается и осыпается раскалёнными каплями стекло — это отзвук в её голове. Эхо предсмертной агонии. Снова. Людей, падающих из верхних окон, мечущихся живыми факелами и затихающих на почерневшей траве. Людей там внутри, задыхающихся от дыма, в панике забирающихся в шкафы и чуланы, где огонь их всё равно достанет. И её. В центре, где-то в сердце этого костра.

— Безумие. Поджечь дом с бродягами... Зачем? Какой-то акт бессмысленной, чудовищной злобы...

— А зачем вообще убивать людей? Зачем взрывать Центавр? Просто. Просто они такие есть. Красота агонии, красота разрушения... Дэвид! Дэвид, стой! Там уже никого не спасти, это бессмысленно!

Дэвид медленно брёл навстречу пожару, слегка вытянув вперёд ладонь, словно хотел потрогать огонь. Фальн догнал его, схватил, развернул — и ужаснулся его огромным, чёрным на бледном лице глазам. Дэвид не видел его. А что он видел?

Подбежавший мужик с чёрным от сажи лицом опрокинул на Дэвида ведро ледяной воды, досталось и Фальну.

— Забирай свою девку и вали отсюда, полудурок! Не знал, что ли, что она у тебя ахари? Следить же за такими надо!

— Что такое ахари?

— Ну... если переводить — наверное, «огненный спящий». «Огненная сомнамбула». Это местное, из поверий... Считалось, ещё в незапамятные времена, когда вулканы были действующими, и часто бывали пожары — что духи огня входили в некоторых людей, иногда в младенцев в утробе матери... Жил как бы наполовину человек, наполовину — нет. При приближении к огню в таких людях раскрывалась их вторая сущность, они могли видеть невидимый мир, общаться с духами, с умершими... Рождённый в огне стремится вернуться к огню. Таких людей почитали, как колдунов или провидцев, но и оберегали — от них же самих. На праздниках чествования предков люди общались со своими умершими через ахари, но крепко держали их, чтобы они не шагнули в костёр. Ну и ведро воды держали наготове, вода успокаивала ахари, огонь ведь боится воды. Случалось, матери, не желавшие для своих детей такой судьбы, топили их — пытались изгнать духа огня.

— Жуть. Нет уж к чёрту, это не про Дэвида.

— Ну, сейчас в это никто и не верит уже. Почтение как-то забылось, осталась жалость к ненормальным. Да и ахари уже как-то редко встретишь. Как сменили люди духов на более уважаемых богов — так не стало и ахари, и разных других духовидцев. А может, просто гадости много всякой с дымом потреблялось, травились люди, на голову вот действовало... Вот штука эта, которой мы остальных потравили — отчего она такая ядовитая? Чем-то таким из земли напитывается. А растёт на камнях. А камни это что? Вулкану прямая родня...

Селестина положила Дэвиду руку на плечо.

— Как ты? И... сам-то что скажешь, что с тобой было?

— Я... я не знаю, как это описать. Это как сон наяву. Я был действительно не здесь. А где — не знаю. Может — там, а может... Может, и правда в мире огня, в мире мёртвых из поверий. Я не уверен, но... мне казалось, что они зовут меня, нуждаются во мне... или я в них.

— Кто? Погибшие там люди?

— Не знаю. Как будто у меня есть что-то там... там, за стеной огня.

Миляс запустил руку в шевелюру, окончательно растрепав и так серьёзно пострадавший гребень.

— Что ж... мы можем полагать, что наша миссия тут закончена? ...вашу ж мать, у нас же ещё встреча с информатором! Мы её ещё не пропустили? И что у нас по деньгам-то? Совсем глухо? Чёрт знает ведь, куда теперь придётся отправиться...

— Фальш... — Селестина облизнула пересохшие губы, — не знаю, как подойти к этому вопросу, за последние сутки многовато произошло... Но и не задать не могу. Я хотела предложить тебе отправиться с нами. Такой человек, как ты, очень пригодился бы нам — отважный, многое знающий, многое умеющий... Немаловажно, конечно, и то, что теперь, когда ты знаешь некоторые вещи, я уже не могу быть за тебя спокойна, не могу не думать, что у тебя не получится вернуться к обычной жизни, они могут найти тебя... Но мне не хотелось бы, чтоб ты выбирал от безысходности. Ты можешь просто уехать... Или затаиться на время. Пересидеть на островах... Никто ведь не ожидает, что ты можешь вернуться на острова?

— Да уж не знаю, сестра, чего я там знаю и умею, что могло бы быть ценным для вас. Это вы ведь открыли мне мир. А тут ты не соврала, после этого жизнь прежней не будет. Только не ты тут виновата, а именно что они. Не легче бы мне было безопасно жить, а потом дожидаться, когда они все выйдут в город, все 30... Так что ты знаешь, ничто меня тут особото не держит, добра не нажил, семьи не завёл. Потому что очень, я говорил, ценю свободу. А теперь о свободе как раз и речь.

Комментарий к Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл. 4. Полыхающая тьма

Где-то после этой части, вероятно, идут события сюжетно связанного фанфика “Вопрос веры”

==== Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл.5. Нелюбовный треугольник =====

Иногда бывает так, что планы нарушает банальная погода. Точнее, непогода. Очень сильная непогода. Унылый ливень, нормальный в общем-то в это время года на этой широте,

продолжался уже три дня, и явно зарядил надолго. Рикардо вполголоса матерился — давно пора было выдвигаться на другую позицию, аппараты связи почти разрядились, но куда-то двигаться, когда дороги превратились в сплошное грязное месиво... Сам он, может быть, и не колебался бы, но с собой была дорогая аппаратура и раненный Андо...

Утешало, правда, то, что по таким дорогам и до них едва ли кто-то добрался бы, если б всё же напал на след. Их хижина была надёжно укрыта перелесками и окружена хорошей буферной зоной полей — к тому же не ровных полей, а изрытых. Когда-то тут стоял завод, вокруг небольшое поселение, потом надобность в заводе, ввиду перехода на другие технологии, отпала, завод стоял и сам собой потихоньку разрушался, народ тоже разъехался... Потом собирались тут что-то строить, срыли все имеющиеся постройки... так дальше и не собрались. Этот домишка на отшибе поселения был единственным, что сохранился практически полностью, здесь даже можно было развести огонь — это не было бы подозрительным, в этих развалинах часто останавливались бродяги... Правда, по ночам сюда же наведывались дикие звери из ближайшего леса — или, возможно, это было что-то вроде местных одичавших собак, так что время от времени приходилось выходить и взрывать хлопушку, отпугивающую их в среднем на сутки. «Какой же ты разный, Центавр... — думал Рикардо, выглядывая в забрызганное грязью окно, где за пеленой дождя упадочными виденьями вставали остовы стен с торчащей из сколов арматурой и корявые стволы мёртвых деревьев, — у тебя больше ликов, чем богов в твоих больших и малых пантеонах, чем бриллиантов в сокровищницах твоих владык... Чем бедствий у простых твоих подданных».

Впрочем, один человек сюда пробраться, несмотря на творящийся снаружи кошмар, умудрялся. Ну, не человек...

Агентурная сеть Арвини не была слишком многочисленной, что в целом неудивительно, зато она была, как оказалось, почти по всей планете. И среди самого разного народу. Сейчас Лаиса снова постучалась в их двери с очередным сообщением — что по периметру всё спокойно, а так же гостинцем — горячими припасами и лекарствами для раненого.

— Ну и погодка, конечно... — она нагнулась, входя в низкий дверной проём, — вас тут ещё не заливают? А то как бы... домик-то значительно в землю утоп...

Это было правдой. Дом просел по одному углу, от чего порог перекошило, пол был немного наклонным, а одно из окон приходилось практически вровень с землёй. Спасибо, хотя бы крыша не протекала. Почти.

— Вот, поживитесь. И мальчику сейчас перевязку сделаем. Эта штука — антисептик, какому равному нет, любую заразу убьёт... Хоть бы ненадолго распогодилось, а, мне этот городок уже надоел...

На вид Лаисе было тридцать с небольшим, и была она, несмотря на некоторую потасканность жизнью, весьма красива. Промышляла на жизнь там-сям мытьём полов и по большей части — проституцией, постоянного города проживания не имела, что помогало ей в агентурной работе как нельзя больше. Там, где она не добывала сведения сама, работала хотя бы связным. Сейчас она шла с ними уже со второй «точки» — сердцевины «звезды», помогая заботиться о раненом Андо. Ранен-то он был не тяжело... Зато в ногу, передвигаться самому ему было тяжело, хоть он и храбрился.

Рикардо развернул туесок с едой.

— Чтоб я сдох, да это ж бурритос? Лаиса, вы где это достали?

— Сама состряпала, да и никакое это не бурритос, а живаса. Здесь, почитай, в каждой забегаловке продают, но там брать не советую — одни боги ведают, что они туда

понапихали... Я-то мясо умею выбирать...

— Не важно, как бы ни называлось... Ну да, Г'Кар как-то говорил, что у каждой расы есть блюдо, аналогичное земным фрикаделькам, это, вероятно, одна из загадок вселенной... уммм, Лаиса, почему на вас до сих пор никто не женат? Это ж... это... ммм, как помолодел на десять лет!

— Куда молодеть-то собрались, до пелёнок? Вам тридцать-то есть?

— Окомплиментили, но не правы...

Андо приподнялся на кровати, когда Лаиса подошла к нему с бинтами и баночкой чего-то пахучего.

— Не бойся, парень, без ноги не останешься. Давай сюда свою конечность...

Кроме Рикардо и Андо, в вынужденном заточении оказались так же Винтари и Милиас, который, собственно, и прилагался к дорогой аппаратуре, они взяли себе по пирогу и миске салата и подсели за стол к Рикардо. У обоих был хмурый и сосредоточенный вид — у Милиаса ввиду того, что работа продвигалась многим медленнее, чем ему бы хотелось, а у Винтари наоборот, из-за вынужденного бездействия, но горячая еда принесла хотя бы некоторое умиротворение.

— Всё же хорошо, что мы успели передать информацию агентам, прежде чем тут застряли... Если б не успели — у нас, пожалуй, могли б быть проблемы... Такая проволочка в мои поправки на ветер не входила.

— Об этом можете не волноваться, бомбами уже занимаются. По последним данным, что я получала, всего было вывезено около двадцати штук, а сейчас, может быть, уже половина из всех имеющихся. Жаль, конечно, что мы не получили точных координат остальных...

— Ну что поделать, что успели. Андо и так проделал большую работу... Учитывая, какой был риск... Передо мной уже так и маячил призрак блестящего провала. Неужели они в самом деле ничего не заподозрили? У них из-под носа вывозят бомбы, у них совершенно так случайно, от нежданного-негаданного взрыва погиб один из их генералов... И они не чешутся?

— Да чешутся, просто смотря в каких местах, — улыбнулась Лаиса, закончившая с перевязкой Андо и теперь поправляющая на нём худое одеялко, — у них там обнаружили в тылу какие-то диверсанты.

— К-какие диверсанты? — побледнел Винтари, которого все эти дни ела тревога за Дэвида.

— Думаю, если б речь шла о вас, я бы уже знала. И вы бы уже знали. Подробности, увы, небогато, в новостях об этом не пишут, да и слухов на чайную ложку... Вроде как, кто-то под них копает, и теперь они ищут, кто это.

— Ну, я копаю, — хмыкнул Милиас, — правда, делаю это так тихо и медленно, что как будто и не делаю вовсе. Грубо говоря, на один шаг в направлении цели приходится десять шагов на то, чтоб сбить их со следа.

Рикардо помотал головой.

— Милиас, умоляю, делай именно так, как делаешь. Времени у нас мало, но излишняя спешка тоже может нас погубить. Мы не можем себе позволить попасться сейчас, когда вывезены не все бомбы... И когда мы ещё не придумали, как их обезвредить или вывезти вообще с Центавра. Пока они складированы на землях Каро, но это ж только временная мера. Если мы не придумаем, как привести их в негодность прямо здесь — а я не думаю, что

способ мы найдём так уж быстро — следует озаботиться тем, чтоб вывезти их с планеты. Вот это-то вряд ли мы сможем сделать незаметно...

Винтари кивнул. Его нервозность уменьшалась с каждой найденной и вывезенной бомбой, хотя скорее — просто переходила в другое качество. Чем больше было выполнено — тем больше тревоги за то, что предстояло выполнить. Не оступиться, не проколоться на последних шагах... Они были в двух шагах от провала, когда Андо и Рикардо, прибывшие к очередному объекту для «прощупывания» одного подозрительного военного чина, обнаружили, что «не их случай» — фигурант не остражен... но не успели этому порадоваться. С ним рядом был телепат. Средний по способностям, наблюдение Андо он не засёк, а вот наблюдение Рикардо — да... И чем, кроме чуда, можно было объяснить, что их так и не раскрыли? Рикардо считал — чудо... Второе чудо в его жизни, значит — бог есть, и ему не всё равно...

Они прочесали весь город, но здесь ничего не обнаружили. Пошли на позицию сбора, на чистом интуитиве сделав крюк через Дорами — столицу провинции, хотели собрать новости... И получили улов больший, чем были готовы — живого дракха.

Дракх почувствовал Андо. Нет, не приблизился даже, не узнал ни имени, ни намерений. Просто почувствовал силу. У них это расовое, неизменное и неизбежное... Как и было заповедано, его нельзя было отпускать живым. И не дожидаясь, когда дракх сообщит о несомненной угрозе, Андо нанёс визит первым.

Что он делал здесь? Возможно, преследовал того телепата и его центаврианина, возможно — ожидал какой-то важной встречи. Андо не волновали мелкие детали. Он желал, раз уж придержал немного своё естественное стремление испепелить враждебную тварь немедленно, получить всё, что возможно. Всё, что может быть им полезно.

Разумеется, никакую подмогу дракх вызвать не успел. Его жизнь, правильно будет сказать, оборвалась уже в тот момент, когда его ментальное поле соприкоснулось с ментальным полем Андо. К тому времени, как Андо и Рикардо добрались до его физического тела, оно было ещё живо, но ненадолго. Они получили информацию о размещении половины из имеющихся бомб — часть из этих бомб они уже обнаружили и вывезли. Остального дракх то ли не знал, то ли просто не успел вспомнить раньше, чем его сознание растворилось в уничтожающем огне. Но было и ещё кое-что, чему радоваться можно было даже больше, чем точным координатам и именам тех, кого надо будет нейтрализовать для успеха спасательных операций. Это была информация о дальнейших планах дракхов. О их разработке нового двигателя, способного, с помощью трёх огромных выдвижных лопастей-«зеркал», запитываться энергией излучения звёзд... или взрывов. Вот для чего им нужно было уничтожение Центавра — взрыв такой силы зарядит батареи сотни кораблей практически за мгновение. Все эти годы они не только строили новые мощные корабли. Они тайно посылали экспедиции к границам исследованного космоса. И похоже, обнаружили там что-то, что теперь было их целью. Может быть, новый мир для себя, но скорее — новое оружие. И теперь им нужна была вся их мощь, чтобы захватить это оружие и вернуться непобедимыми.

Что это — Андо понять не успел. Понял, что, кажется, речь не о материи, не о машинах или артефактах, скорее какой-то вид энергии. Координаты в сознании умирающего были уже смазанными, но совершенно точно можно было сказать — исследователи миров Альянса туда не ходили. Туда никто, насколько известно, не доходил...

Оставлять улику в виде мёртвого тела, со следами телепатического насилия, было б в

высшей степени неразумно. Просто спрятать или уничтожить труп — тоже, дракхи обычно без вести не пропадают. Поэтому Андо и организовал этот взрыв, при котором, к несчастью, пострадал сам.

Кость не была задета, но глубокая рана причиняла немало беспокойств — учитывая, что обратиться за медицинской помощью было проблематично, да и некогда. Винтари думал о том, как прискорбно, что Андо не успел завершить обучение — его мощи могло хватить на то, чтоб зарастить рану, по крайней мере, точно на то, чтоб остановить кровь и предотвратить воспалительный процесс. Сейчас же они могли предоставить ему только Лаисины перевязки и относительный покой — в переходах на новые объекты его по очереди несли на руках то Винтари, то Милиас, то Рикардо, чаще Винтари и Рикардо — Милиас был слишком subtilen комплекцией, ему было тяжело, а вот Рикардо, сказались годы подготовки, особых трудностей, похоже, не испытывал.

Хорошо, по крайней мере, что удалось сбить температуру... Первую ночь из-за жара Андо не мог уснуть, и порой не понимал уже, в котором из миров находится. Блок держать не удавалось, и даже в такой глуши до него доносился гул тысяч голосов. Слов было не разобрать — они причудливо искажались, переплетались — словно река, в которой отдельные струи текут не в одну сторону, а как им вздумается. Сумрак хижины, едва разбавляемый светом настольной лампы, играл с ним — прятал то одну, то другую стену, открывая вместо неё проход в старинный храм или тронный зал покинутого дворца, или панораму унылой пустыни обратной стороны луны, или бескрайний холодный космос, и звёзды — ни одной знакомой — равнодушно проносятся мимо...

Смутные тени шевелились рядом. Наверное, конечно, это были Милиас и Винтари, вполголоса по-центавриански ругавшиеся на отсыревшие дрова, никак не желавшие разгораться... Он не видел их лиц, не видел очертаний. Только смутные тени, только движение.

В какой-то момент движение вдруг оделось плотью. Из космической тьмы к нему вышел... отец. «Байрон...»

Андо не удивился. Он должен был однажды явиться к нему. Ведь он так ждал его, так звал... Это прекрасное, святое лицо склонилось над ним с безграничной тревогой и любовью, спутанные русые волосы почти коснулись лица... Андо протянул руки навстречу, обвил шею — видение не растворилось, ответило теплом, а не холодом космоса.

— Байрон...

Его горячие, сухие губы, потянувшиеся в приступе жажды к губам призрака, смазано скользнули по щеке, слепо ткнулись в ухо... Его волосы пахнут травами, дымом и дождём...

— Всё хорошо, малыш, тише, успокойся, — прорвался сквозь пелену голос Рикардо, — эк от тебя пышет-то... пожалуй, нам так и печки не надо... На вот, выпей... Держись, боец, первое ранение, у тебя ещё все подвиги впереди...

Прохладные капли стекали по подбородку Андо, он с трудом вспоминал, как глотать. «Отец... Не уходи... Не оставляй меня...»

Солнце выглянуло только через два дня. Ненадолго, они смогли лишь немного зарядить батареи переговорников, но этого хватило, чтоб узнать — уже тридцать... Больше половины...

— Надо думать уже над вывозом... Сколько можно их там держать? Становится всё более рискованно.

— Вывоз... хорошо сказано, а как? У нас что, есть какой-нибудь корабль, кроме всё той же «Асторини»? Или угнать советуете?

— Можно, конечно, и угнать... Но тут только по нахождении всего остального добра, и действовать молниеносно — или спланировать до мелочей, или взять нахрапом, второй попытки нам никто не даст. Риск слишком дорог... А при нашей, прости господи, связи и возможности координации...

— «Асторини», в принципе, их все на борт поднять может, особенно если порожняя, и возможно, нам удастся посадить её близ склада, не привлекая внимания... Но чтоб и дальше так везло... «Асторини», мягко говоря, не быстроходна, от преследования нам не оторваться, а всей огневой мощи на борту — одна «Старфьюри»...

Скрипнула входная дверь.

— Совещаетесь, воины? Дело годное, завтра вроде ведро обещают, пора в путь, нагонять график.

— Лаиса, богиня хороших новостей! — Рикардо поднялся из-за стола и согнулся в поклоне.

— Ну, стараюсь. Принесла тут вам переодеться, а то на вас уже смотреть больно. Гребни вам ещё поставить обратно, после этого дождя ничего не осталось... Это уж не знаю, как у меня получится, не больно-то я парикмахер... Сейчас переодевайтесь! Я хоть это ваше тряпьё постирну... То, что не выкину...

— Лаиса! Тебя что, не смущают голые мужчины?

— Чего я там не видела?

— Голые земные мужчины, Лаиса!

— А вот это бы даже посмотрела, когда ещё приведётся... Да, вот вам перекусончик, сегодня, увы, немного, накормите в первую очередь мальчика, голоден, небось...

— Как заглот, — кивнул Винтари.

Лаиса посмотрела на него с укоризной.

— Заглот-то, он того... мозгами питается.

— Поверьте, этот тоже.

— А вы пойдёте дальше с нами, Лаиса?

— А куда ж я денусь? Помощь вам, как ни крути, ещё потребуется, да и я тут ничего не забыла — городишко дрянь, из толкового только базар... С вами — с вами, никто по мне тут скучать не будет — вроде, не город развлечений, а проститутка каждая вторая. Ладно, пойду я, может быть, удастся раздобыть повозку. Ну, если не удастся — так не обессудьте...

С повозкой у Лаисы срослось. Легче от этого, правда, было ровно в том, что не на ногах — чоби, местный аналог земного животного осла, отличался тотальным равнодушием ко всему в жизни вообще, и двигался немногим быстрее, чем двигались бы они сами пешком. Зато зарядились капризные переговорники, и начали поступать первые сигналы. Уильям и Дэвид сообщили, что приближаются к точке сбора (у Винтари разом отлегло от сердца), Ада доложила, что тридцать первая, извлечённая из жерла вулкана, уже тоже отправилась в сторону склада — им с Иржаном несказанно повезло, он вычислил местного телепата, который согласился им помочь.

— В жерле вулкана... дёшево и сердито, а что... И искать едва ли кто ползет, и разрушений...

— Погодите-погодите, что значит — Иржан вычислил телепата? Он же... Он же сам —

не телепат? Как он может вычислить?

— Иржан — не телепат, подтвердил Милиас, — но способен телепатов чувствовать. То есть, он может, только увидев человека, сказать, обладает ли он пси-способностями... ну, как-то так.

— Такое возможно?

— У него это от матери. Ну, то есть, его мать была телепаткой...

— Э? У него тоже всё сложно с происхождением? Мне казалось, его мать жива-здоровая, это отец, как и ваш...

— Жива, конечно. Она именно была телепаткой... То есть, у неё способности проявлялись иногда. Первый раз во время полового созревания, это понятно... Потом на какое-то время они пропали. Снова проявились во время беременности, и постепенно сошли на нет после рождения Иржана. Когда она была беременна второй раз, Иржану было десять лет. Она вступала с ним в мысленный контакт, сумела научить его блокировать сканирование и научить распознавать телепатов, просто чувствовать их. Я не знаю, как...

— Я не знал, что такое вообще возможно...

— Может быть, у людей не бывает такого... Сейчас её способности снова спят, и едва ли проснутся вновь. То есть, если это завязано на гормонах... Ту беременность она, увы, потеряла, и едва ли у неё ещё будут дети.

— Значит, Иржан единственный ребёнок в семье? Непросто, наверное, его матери было отпустить его в другой мир... И сейчас она даже не знает, что он здесь...

— Нет, отпустила она его легко. После того, как его отца арестовали, как и моего, только за то, что проявил, будучи служащим в военном ведомстве, естественную профессиональную любознательность и залез, видимо, куда не следует... После того, как к ней приходили какие-то странные субъекты с вопросами, как давно у неё последний раз проявлялись способности, и как часто в их роду случается рождение телепатов — резонный вопрос, учитывая, что они с супругом были кузенами... Она рассудила, что под её крылом ему ничем не безопаснее.

— Но ведь он — не телепат!

— А им, если что, достаточно. Вспомните, на Нарне Тени уничтожили не только самих телепатов, но и их семьи, всех их родственников. А это — продолжатели их традиций.

Солнце перекаатилось через середину неба, а они всё ещё были в пути.

— Я начинаю чувствовать, будто родился в этой повозке, и в ней и умру, — ворчал Винтари.

Рикардо растянулся, заложив руки за голову, любясь наконец ясным, безмятежным небом, покусывая сорванную по дороге травинку.

— Расслабься, парень. Позволь реке жизни самой нести тебя. Спокойствие духа здорово бережёт силы, а они ещё пригодятся. Стоит ли пытаться грести быстрее течения, особенно если у тебя нет весла?

— Как вам это удаётся?

— Годы тренировок и понимание, что от моих нервов всё равно ничего не изменится. Посмотри, что ли, какая красота кругом... Красота, которая не ведаёт, что где-то совсем рядом незримая война. Подумай заодно, что и эту красоту мы должны защитить... И порадуйся недолгому отдыху,пусти в себя эту безмятежность. Мы сейчас, наверное, со стороны так мирно смотримся... Обычная крестьянская семья едет куда-то по своим крестьянским делам. Отец, мать, сын, дочь — нетленная картина...

— Ну, я-то староват для сына... Брат, может быть. Вот Андо — пожалуй.

Рикардо оглянулся на дремлющего Андо, невольно вспомнив ту ночь, когда он в бреду принял его за своего отца.

— Его отец сейчас мне ровесником бы был... Что ни говори, плохо без родителей вырасти. Может, и не голодал, не холодал... Так то телом не голодал и не холодал... Мальчишке без отцовской крепкой руки вообще нельзя. Та война тоже у многих отняла родителей...

— Во все времена было, из-за чего терять близких... Я думаю о вашей матери. Вашей родной матери. Кто она была, от чего бежала... Может быть, ваш отец перешёл дорогу каким-то преступным элементам, и они угрожали убить его семью... Страшно, когда женщину в такой ситуации некому защитить...

— Ну, там ещё дилгарская война была, с неё тоже многие не вернулись... Может быть, и мой отец... В общем-то, ты прав, парень, стоит хотя бы попытаться. Если не найду её живой, то хотя бы узнаю её имя. Самая малая благодарность, какая возможна...

— За кого ты больше всего волнуешься? — спросила Ада, просто чтоб отвлечь разговорами. Осень только начиналась, но ночь казалась невероятно длинной.

— За Диуса, конечно. И за Андо.

— За Диуса — понимаю... А за Андо почему? Он ведь самый сильный среди нас. Да он вообще, наверное, самый сильный во вселенной! Хотя наверное, не умея управляться с такой силой, можно здорово наломать дров...

— Вот именно. Да и способности сами по себе не дают неуязвимость. Он не знает этого мира, он чужой ему, наверное, более чужой, чем всем нам. Андо просто тут очень тяжело. И сейчас я чувствую — у него что-то случилось.

— С чего бы? — пожала плечами Ада, — почему именно с ним? С любым из нас, то есть, может что-то случиться, в этом мы уже могли убедиться. Но почему именно с Андо? Хотя возможно, дело просто в том, что он мне не нравится. Да он мало кому нравится, как мне кажется. И это естественно — очень уж он мрачный и недружелюбный. Хотя с тобой-то он ведёт себя иначе. Даже странно, почему ты это так простодушно принимаешь. Может быть, конечно, тебе просто лестно, что с тобой он не ведёт себя как свинья.

— Ада, ну так нельзя. Он просто ребёнок, которого никто не научил дружить и общаться. Но он очень серьёзно относится к нашему делу...

Ада скорчила гримасу.

— Ребёнок здесь я. А таких, как он, у нас, детей, называют подлизами и зазнайками. Тебя он считает достойным своего расположения, а остальные рангом не вышли. Ладно, об этом можно говорить долго, а лучше всё-таки поспать.

— Я не могу уснуть.

— Сможешь, если выбросишь из головы все эти пустые страхи. Случилось с Андо что-то или нет — завтра и узнаем, а сейчас ты всё равно ничего не можешь сделать. А невыспавшийся воин — подарок для врага. Уильям и Иржан давно уже поди десятый сон видят... Давай, не заставляй меня петь тебе колыбельные. Я уж лучше тебя покусая. И ничего мне за это не будет. Я ж ребёнок.

На самом деле, конечно, тревога грызла всех четверых, и были причины. С местом сбора в этот раз всё получилось сложно. Здание на краю леса существовало, как оказалось, только на карте, в реальности же его уже давно не было. При чём совсем не было — развалины всех

устроили бы. Дэвид, пошарив в густом бурьяне, нашёл фрагменты фундамента, все вяло обругали Иржана за пользование настолько устаревшей картой, но что-то делать надо было. Ближайшее достаточно уединённое место было капище Ли, пошли через лес, молясь о двух вещах — добраться до темноты и чтобы остальные тоже сообразили искать их там. Экстравагантное место для сбора диверсантов, но выбирать не приходится. Благо, капище, по сезону, не изобилует посетителями. Проще говоря — пусто. Большая часть жрецов разъехалась до весны по домам, единственный вышедший к ним был то ли пьян, то ли под действием каких-то дурманных веществ, появление путешествующей семьи и их намерение переночевать здесь его не удивило и не обескуражило, он несколько раз повторил про необходимость сделать пожертвование храму (Иржан выгреб горсть мелочи, Уильям и Ада простеньким приёмом увеличили её значимость в глазах жреца, что было несложно ввиду его нетрезвости) и отвёл им один из маленьких домиков в гуще белёсого кустарника, после чего потерял к ним интерес и скрылся где-то в своих покоях — «продолжать восхваления», как хихикнул Иржан.

Практически любой крупный солидный храм — это не просто культовое сооружение, это целый комплекс, включающий гостиничные помещения, лавки всякой всячины, рестораны и кабаки, дома многочисленной храмовой obsługi. Большая часть этого всего сейчас была закрыта — путники по этому поводу не очень переживали, на сегодня провиант был, а на завтра они надеялись добиться от жреца, солидарными усилиями со следующими, кто прибудет, хотя бы скромного обеда.

Храмовый комплекс Ли имел свою вполне понятную специфику — здесь всё было предназначено для максимально приятного времяпрепровождения. Сюда приезжали справлять медовый месяц супруги, приезжали пожилые пары оживить свои отношения, приезжали компании молодёжи на поиски дорогих и разнuzданных услад. Естественно, здесь всё дышало красотой, наслаждением, эротизмом. Весной и летом — когда и праздновалось большинство праздников, посвящённых Ли — здесь всё было в цветении. Сейчас цвели немногочисленные растения с очень долгим циклом, а у большинства заканчивался цикл завязи и плодоношения. Весной же это был сплошной огромный сад — грандиозные клумбы, сплошные стены вьюновых, увивающие домики и беседки, аллеи цветущих деревьев и кустарников. Кроме местной флоры, была и инопланетная — сюда добросовестно свозились саженцы всего, что находилось красивого в колониях, в мирах, с которыми были тесные торговые отношения, и что могло прижиться на центаврианской почве. Облака благоухания были, казалось, осязаемы, к ним примешивались ароматы изысканных вин и блюд, дурманящих курений и афродизиакoв. И так же, как благоуханием, воздух был наполнен музыкой, пением, смехом, звоном монет и украшений, сладострастными стонами. «Это концентрированный Центавр, — усмеялся Иржан, — праздник жизни, наслаждения. Начало весны — это праздники молодёжи, богатой молодёжи, конечно. Не то чтоб для них было проблемой устроить оргию где угодно, но если можно облечь оргию в религиозную форму — это ведь двойное удовольствие, сами понимаете. Бедная молодёжь тоже участвует — юноши и девушки приезжают продавать свои услуги. Если природа не обидела — можно за пару сезонов неплохо поправить своё материальное положение. Правда, и конкуренция высока, и ценз высокий... Разгар весны — это праздники молодожёнов. Многие семьи стараются устраивать свадьбы к этим датам. Съезжается много парочек, расселяются по этим домикам... Вода как раз уже неплохо прогревается, купаются и танцуют в полупрозрачных одеяниях. Некоторые юноши и девушки

из сексуальной услуги остаются и на этот сезон — многие парочки не против некоторого... разнообразия. Учитывая, что многие семейные пары бывают... не очень гармоничными, как по возрасту, так и по внешним достоинствам, то оплаченный семьями знатный кутёж является некоторым весьма неплохим средством уложить новобрачных в постель и получить хоть одного наследника — входить в супружескую жизнь... э... в не очень трезвом состоянии это некий наш вид гуманизма. Нет, представители моей семьи никогда не бывали здесь — моя семья, как и большинство семей, с которыми мы знаем, поклонники культов Иларус и Хиллины, но мне немало рассказывали... Некоторые родственники моих друзей воспитывались в семьях, где культ Ли имел большую значимость, у них считалось необходимым посетить это место хотя бы раз в жизни, если уж не на медовый месяц, то позже — праздники давно состоящих в браке, как ни странно, дешевле. Но можно предполагать, не менее... весёлые. Это середина и конец лета, сезон изобилия. Больше пьянства и обжорства, конечно, но не только...» Уильям и Дэвид хором выразили полное отсутствие сожаления, что не оценят это место в самый разгар сезона. Ада без этого уж точно обойдётся. Мужчины ультимативно определили «девушкам» единственную в домике, широченную, почти во всю комнату, пышную кровать, а сами устроились на полу в ванной комнате — такой же огромной, как жилая, ввиду того, что сама ванна в форме чашечки цветка могла вместить, наверное, человек десять. И сейчас уже спали. А Аде, за компанию с нервно ворочающимся Дэвидом, пока не спалось. Неподвижность и выровнявшееся дыхание пока ни о чём не говорит — медитирует, точнее, пытается управлять сном. Для минбарцев обычное дело, а вот для полуминбарца, получеловека — когда как. Ада об этих техниках много слышала и немного пробовала сама — ничего, конечно же, не вышло, в голову сразу начинала лезть всякая чепуха, начинали чесаться то голова, то пятка, потом в туалет хотелось, или попить, или лежать в одной позе было страшно неудобно. Хорошо быть минбарцем. Нарном тоже, в общем-то, неплохо — они сильные, крепкие. Вот землянином быть так себе. И центаврианином. Тысячи лет терпеть столько всякой дичи... Жаль, что ни говори, что телепатическая связь не работает как межпланетная. Ну хоть иногда. Хоть разочек. Мама ведь там с ума сходит. Это президенту она может что угодно говорить, а на самом деле волнуется. А зря совершенно. Опасно? Ну, какие тут опасности... Детей никто не ест. Ну, обычных детей, с телепатами-то вопрос другой. Но пока тут, кажется, кто угодно проблемы имел, но не она. Здесь легко устроиться хитрым и наглым, а наглости и хитрости у Ады хоть отбавляй, это мама сама сколько раз говорила. Что надоело тут уже маленько, и просто хочется домой — это верно... Но надо доделать дело до конца. А потом будет, наверное, здорово вспоминать всё это и рассказывать тем, кто не был... Когда проходит время, всё вообще куда интереснее и занимательнее кажется.

Ада встала и тихонько вышла за дверь — когда не спится, полезно свежим воздухом подышать. До рассвета вроде ещё далеко, хотя точно не определишь — от множества фонарей вокруг очень светло, только где-то вдалеке, за деревьями, проглядывает чернильная ночная темнота. Всю эту иллюминацию, пояснил жрец, пока обустроивал их в домике, не отключают и в межсезонье — обитель Ли должна сиять всегда, а электричество здесь дешёвое, свой генератор... Вот в сезоны паломничества зажигают фонари с живым огнём — не очень удобно, не очень дёшево (масло там какое-то особое) и не очень безопасно, но — традиция. А за традиции центавриане в лепёшку расшибутся, это всем известно. Предписывают традиции носить эти дурацкие длинные пышные платья в век космических перелётов — носят. Предписывают традиции кучу богов и полубогов, их статуй, храмов и

недешёвых праздников — выбрасывают в трубу кучу денег и прочих ресурсов. Ну, иногда, конечно, какие-нибудь мелкие надоевшие традиции какой-нибудь император-новатор волевым указом упраздняет, или наоборот что-то новое вводит — и вскоре это тоже становится традицией. Потому как безропотное подчинение императору — это тоже традиция. Ну, не у всех прямо — ближайшее-то окружение не столь трепетно, поэтому отнюдь не все члены императорских семей умирали своей смертью...

Девочка насторожилась, услышав вдали шум и голоса. Жрецов, что ли, вдруг куда-то понесло? Нет, непохоже, не со стороны их покоев это...

— Диус! — Ада повисла на шее принца, — ой, и Рикардо! Вы нас всё-таки нашли!

— А чего тут не найти... Куда идти-то больше? В лесу нору рыть или шалаш ставить? Хотя это-то тоже вариант... на зависть... Нам хоть позволят тут остальных дожидаться?

— Ну, жрецов тут сейчас мало, мы и числом возьмём. Есть ещё, правда, скотники и садовники вроде, мы их не видели. Надеюсь, можно. То есть, если раскошелимся, то точно можно, но это иллюзия нужна. Благо, они сейчас в сезонном запое, и стараться особо не потребуется.

— Что ж они так мало охраны оставляют — не боятся, что ограбят? Ладно, это точно не наша забота. Что, мы пошли за ребятами, а ты буди пока остальных...

— Да Дэвид, наверное, и не спит. У него в последнее время со сном так себе.

— Почему? Что-то случилось?

Ада махнула рукой.

— Ну, если случилось, то не сейчас. Объясняет тревогой за друзей, это вроде бы и понятно, после некоторых новостей... На самом деле ему кошмары снятся.

— Кошмары? — нахмурился Рикардо, — нет, не то чтоб это удивительно...

— Я думаю, после того случая в Селижани. Уильям полагает, правда, что не только в этом дело... не знаю. Он психует, когда надо ложиться спать, потому что боится опять увидеть огонь и гибель этих людей... Тут ещё вбил себе в голову, что с Андо что-то случилось.

— Ну, с Андо-то случилось... Должно же было однажды случиться. Нет, он жив и практически здоров. Ногу вот повредил малость... Сейчас приведём... принесем... в общем, надеюсь, хоть на этот счёт успокоится.

— А где он? Почему не с вами?

— Потому что въезд закрыт, а по объездной мы на этой колымаге никак. Мы вот пошли разведать, здесь ли вы вообще, а Милиас пока сторожит женщин и детей.

На звук голосов из дома вышел Дэвид. Поскольку голоса узнал, то набрасывать платок не стал, наслаждался редким счастьем пожить без него. Два редких нынче удовольствия — вымыть голову и чувствовать, как ночной ветерок развеивает волосы, касается кожи — и в один вечер. И ещё один прилив нереального облегчения.

— Диус! Вы уже здесь, наконец-то!

— Ну да, добирались бы, наверное, дольше, но нам тут посчастливилось купить машину... Ну, не так чтоб очень хорошую, но мы все в ней поместились и она только дважды в пути ломалась. Чоби практически не ломается, зато ползет как умирающий. Так что машина лучше. Жаль, вряд ли это надолго — во-первых, однажды у нас уже не получится её реанимировать, во-вторых — может ведь и примелькаться... Можно перекрасить, правда...

— Как вы денег-то на неё насобирали? Дорого ж, наверное.

— Не, такой антиквариат всё же не в цене. И вообще, тут спасибо Лаисе. Точнее, её

подруге... ну, не важно. В общем, ждите, поговорить-то будет, о чём. И связаться с остальными, понять, долго ли их ждать...

Вопрос спальных мест несколько, конечно, беспокоил, но до утра ни духовных, ни более приземлённых местных лиц решили не тревожить — меньше знают, крепче спят. Да и не факт, что кому-то в этом доме удастся уснуть. Уильям и Иржан выползли из ванной комнаты — как-никак, среди новоприбывших были желающие использовать её по прямому назначению. Лаиса, грешным делом иногда забывающая, какого всё-таки Андо пола, предложила ему свою помощь, Андо попытался гордо проявить самостоятельность, но был бестрепетно перехвачен Уильямом.

— В этой ванне, честно говоря, и грех мыться в одно рыло, — хихикнул Иржан, — вы её видели? Я встречал бассейны поскромнее.

— Иржан, тебе не стыдно? У мальчика травма!

— У мальчика по жизни травма, — проворчала Ада, — и благодаря ему не у него одного.

— Это ещё что?

— Что слышали. Уильям, конечно, отмахивается и ничего прямо не говорит, особенно мне, ага, я ж ребёнок и ничего не понимаю, но мне кажется, кошмары Дэвида как-то связаны с Андо.

— Ада, прекрати! — взвился Дэвид.

— Что ты имеешь в виду? Андо, может быть, и бывает неаккуратным со своей силой, но причинить какой-либо вред намеренно, тем более Дэвиду, он точно не мог.

— «Тем более намеренно»! А что, если в этом и дело?

— То есть?

— Пока не могу сказать точнее, — насупилась Ада, — не всё понимаю сама. От Дэвида ничего особо не добьёшься, от Уильяма тем более, а вы все мне сейчас собираетесь сказать, что я наговариваю. И с кошмарами вроде как всё просто, Дэвид не может забыть этот ужасный поджог в Селижани — ну да, я, наверное, тоже не забыла бы... Только вот Милиас — как? Он не видит этих кошмаров? У Селестины и Фальна-то, понятно, не спросишь...

— Вот это сейчас звучит как обвинение меня в толстокожести, — ответил Милиас, — я видел кошмары. Первые дни...

— Угу, а Дэвид — регулярно. Конечно, и то, что случилось с Селестиной и Фальном...

— Думаю, тут никто не принял это легко. Всё-таки это ведь первые наши потери...

— Не первые, — вздохнул Винтари, — днём раньше погиб Кристиан. Лучший мой ученик, кстати. Блестящее дарование, и как телепат, и как диверсант. Мы эту операцию практически на нём одном вытянули, он держал иллюзию до последнего... Ну, вы-то об этом не знали, понятно.

— Селестина и Фальн тоже стояли до последнего. У инженера было в кабине два места — для него и ещё одного. Ни один из них не захотел бросить другого. И не знаю, насколько утонуть — это лучше, чем сгореть... И мне кажется, что Дэвид как-то обострённо чувствует смерть. Чувствует... Что Андо ему что-то передаёт. Не знаю, каким образом.

— Вот именно — каким, если его даже не было рядом?

— Ада, тебе, вроде бы, хорошо известно, что даже человек с высшим пси-рейтингом не может слышать мысли того, кто находится от него за сотни километров, а о нормале тут и говорить не стоит.

— Скажите это моей магушке, — усмехнулся Милиас, — она всегда утверждала, что ей сердце подсказало, что я оступился и вывихнул палец.

— Я вообще-то ещё здесь, — фыркнул Дэвид, — хватит это обсуждать. Мы тут все кое-что пережили, и кошмары... пройдут. Справлюсь.

— Сам ты, конечно, об этом не сказал бы. Ни о том, как на тебя повлияла эта трагедия — ты ж хоть и в платье у нас, но крепкий мужик, не жалуешься, даром что просто боишься засыпать, ни тем более о том, что в твоих снах каким-то образом присутствует Андо — вдруг ещё подумают что не то... Но вот незадача, к тебе же телепатов приставили!

— Ада, а как же телепатский кодекс?

Ада зыркнула на Иржана так, что ему сразу расхотелось узнавать, где она этот кодекс видала.

— Кстати, хотите ещё новость для взрыва мозга? Там, в Селижани, это Страж остановил Дэвида. В смысле, замедлил его путь, когда понял, что что-то не то происходит. Те центавриане подумали, что Дэвид эта... огненная сомнамбула, а я думаю, что дело в другом. Жаль, нельзя расспросить Стража, мы можем что-то узнавать от него только через Дэвида...

— Может, допросим? — кровожадно пошевелил пальцами Милиас.

— В любом случае, теперь думается, что отпустить на следующее задание Дэвида с Андо — не лучшая идея.

— Я вам дам, «не лучшая идея»! — вскипел Дэвид, — напомнить, что вообще-то это Андо главным образом поручено надзирать за мной — ну да, надзирать, потому что у меня Страж, мало ли, какой можно беды ждать — потому что он сильнее всех остальных? И хватит говорить обо мне так, как будто я болен, как будто со мной происходит что-нибудь такое, чего все ещё на Минбаре ожидали! То вы не доверяли Стражу, теперь ещё и Андо, мне, видимо, в принципе не доверяете... Ну дайте кого-нибудь третьим, объекты, как я понимаю, остались сложные...

— И кого третьим? Послать нормала — мало толку, а поставить двух телепатов — роскошь, у нас уже минус два. Телепаты везде нужны.

— Тогда доверяйте Андо. И мне.

— Извините, — прокашлялась Лаиса, — я, может быть, не всё понимаю... Но исключён вариант, что Дэвид тоже телепат? Это бы многое объясняло, наверное. Бывает же позднее пробуждение способностей?

— Ну, в 16 лет действительно бывает... Но не, не. В роду Дэвида не было телепатов, и его самого вроде бы проверяли, это ж нормальная практика...

— Я не слышу ничьих мыслей. Ни ваших сейчас, ни чьих-то ещё. Да, во сне мне иногда казалось, что Андо говорит со мной... или просто, словно Андо рядом, я его чувствую, даже если не вижу... А что, ни у кого такого не бывало? Это настолько экстремально?

— Нет, кроме одного вопроса, — тон Винтари был откровенно ревнивым, — почему именно Андо?

— Я тоже здесь и всё слышу, — Андо ковылял из ванной, опираясь на плечо Уильяма, — лучше вам перестать думать, что я могу причинить вред Дэvidу. Мне-то всё равно, что вы думаете, но Дэvidу это неприятно. Вам, может быть, не нравится, принц, что мы делим Дэвида, но так будет.

— Отличный поворот сюжета!

— Лучше бы тебе тоже не говорить, мальчик мой, — Лаиса повернулась к Андо, — что тебе всё равно, что думают твои товарищи. Вы одно дело делаете, при чём такое, для

которого даже тебя мало. Если вы будете подозревать друг друга чёрт знает в чём, это дракхам прямо лучший подарок. Нет ничего здорового, что тебя подозревают, видимо, в насылании кошмаров...

— Не насылании, а...

— А тебе плевать. Вроде, у нас тут три телепата, а скоро больше будет? Гуртом-то сможете разобраться? Тут вот Милиас мне рассказал, кстати, интересную историю, о том же Селижани. Об иллюзии, которую неизвестно, кто создал. Точно не Фальн, потому что нормал, и у него, как и у Селестины, опять же, не спросишь... Вам не интересно, что это было? По рассказу — чистая фантастика!

— Ну, строго говоря — а что мы знаем о способностях Стража не от самого Стража?

— Вообще, — мрачно подал голос Андо, — я б хотел, чтоб мы занялись обсуждением некоторой новой информации, а не меня.

— Это сны, просто сны, — терпеливо повторял Дэвид, когда на следующий день они прогуливались по окрестностям. На рассвете прибыли Адриана и Амина — страшно матерясь, потому что чуть не заблудились, жрецы показались только один раз, весьма... не при параде, удовольствовались новой иллюзией огромного пожертвования и намёками на высокородность Милиаса и Винтари (надо будет всё же озаботиться тем, чтоб стереть, на всякий случай, из их памяти появление двух молодых сумасбродов со странной компанией, которым приспичило посетить капище в неурочное время, если дурманящие вещества сами не позаботятся о том, чтоб эту информацию стереть), и больше пришельцев никто не беспокоил. Окрестности, конечно, были не столь живописны, как были бы весной, но Дэвиду вполне нравились и такими. И нравились бы ещё больше, если б не донельзя мрачный Винтари.

— Просто, ага. Просто огонь, смерть, Андо... Мы, центавриане, придаём большое значение снам, как ты знаешь.

— Мы, минбарцы, тоже. Но здесь, я считаю, нет причины для тревог. То есть, кошмары — это плохо... но в данном случае, увы, естественно. Да, Ада напугалась, напугала и вас. Её сложно винить — телепат не всегда может закрыться от такого, а она ещё ребёнок, она восприимчива... Но это не дурное предзнаменование, я уверен.

— Минбарская ложь во спасение, на редкость неуклюжая. Вовсе ты в этом не уверен.

— Зато я уверен в нас. В тебе, в Рикардо, во всех наших соратниках. Да, и в Андо тоже. Нас всех очень сблизило это дело, это место — хоть мы большей частью и не рядом, мы поддерживаем друг друга, думаем друг о друге, каждый из нас кому-то многим обязан, кто-то обязан ему. Андо это тоже должно касаться.

— Угу. Коснулось?

— А думаешь, нет? Когда человек отпускает контроль — во сне или в бреду, становятся видны его настоящие порывы... Он ищет тепла. Ты ведь видел это. По-твоему, живой человек может действительно стать оружием, функцией без чувств и потребностей? Как бы старательно он ни убеждал себя и других...

— Постой, откуда ТЫ об этом знаешь? Тебя при этом не было!

— Ты рассказал. Или Рикардо...

— Никто не рассказывал. С какой бы стати. Надо понимать, это ты тоже знаешь из снов?

— Может быть, и так. В конце концов, если Андо смог, как вы сказали, уничтожить

дракха дистанционно, ментальным усилием — наверное, он может дистанционно коснуться чужого сознания не с разрушительными намерениями. Разве это плохо? Это в том числе опровергает его фантазию о себе как об оружии света, сокрушающем тьму и больше ничего. Он знает, что мы уже много сделали, что наша победа становится всё ближе. Что он будет делать после этого? Что ему делать, когда последователей Теней в нашей вселенной больше не останется? Страдать, чувствуя себя бесполезным, как стареющая, зарастающая дорога? Или учиться жить? Он имеет возможность видеть сейчас, что наша сила именно в команде, что мы все дороги друг другу — телепаты, люди, центавриане, мы скорбим, теряя, и счастливы, слыша, что те, за кого мы волновались, живы. И чем скорее он поймёт...

— То есть, ты собираешься выбить из него эту дурь?

— Естественно!

— Ну, герои простых путей не ищут...

Они почти дошли до небольшого озерца, виднеющегося в просвете деревьев, когда Винтари вдруг резко развернул Дэвида и повёл обратно.

— Ничего-ничего. Просто там Андо. С Адрианой. Как раз, видимо, учится жить. Ну, с не самых дурных параграфов, хочу заметить. В общем-то, всё правильно, мы в капище Ли. Хоть и нарн по религии, а чувствует такие вещи.

— Да, тут, надо сказать, я немного в сложном положении. Воспитание говорит мне, что недопустимо быть в доме бога и не поклониться ему, пусть это и бог иной религиозной традиции. Но учитывая традиции, связанные именно с этим божеством, и посвящённые ему обряды... Я не уверен, что могу...

— Ради Валена, Дэвид, давай всё же обсуждать Андо, переходить с тобой на такую специфическую тему я просто не готов.

На небольшой уютной лужайке за домиком, надёжно отгороженной от посторонних глаз раскидистыми кустами, на которых ещё кое-где виднелись засохшие бордовые соцветья, Лаиса и Рикардо собирали сканер. Дело было уникальным по серьёзности и ответственности — сканер существовал попросту в единственном экземпляре. Детали для него поодиночке, в течение полугода, выкрадывали или изготавливали инженеры, работавшие на предприятиях, входящих в сферу интереса дракхов, иногда с риском для жизни. Один из этих инженеров приложил и чертёж. Для надёжности не на обычном центарине, который дракхи неплохо знали, а на специфическом воровском жаргоне, который, что удачно, неплохо знала Лаиса. Лаиса за это могла поблагодарить ту разнообразную публику, среди которой прошли её детство и юность, о чём Рикардо жалел — так это о невозможности выяснить, откуда такие удивительные познания у инженеров. Если сканер собрать правильно — обнаружить бомбу в огромной разветвлённой шахте можно будет гораздо быстрее, с гораздо меньшими рисками и сложностями. Если собрать неправильно... главное будет понять это до того, как операция будет провалена.

— Я всё думаю об этой девушке, Селестине. Что-то меня дрожь пробрала от этой истории, что когда первый раз её слышала, что теперь... Каково это — остаться, зная, что умрёшь? Что у тебя осталось, самое большее, полчаса, пока вода доберётся до тебя... А потом она будет заполнять капкан, в котором ты оказался, и ты будешь карабкаться повыше, чтобы ещё немного подышать, и в то же время ждать, когда же уже всё закончится, потому что выхода — нет...

— Они не смогли выбрать, кому из них жить, и решили остаться оба. Логично, хотя это

логичность отчаянья. Но думается, только так могут поступить люди, которые по-настоящему дороги друг другу.

— Я могу понять инженера, который не стал жертвовать собой, чтобы спастись могли они оба. Обречь себя на смерть очень тяжело. На войне ты хоть иллюзию шанса имеешь — может, убьют, а может, нет, возвращаются ведь люди с войны... Они ему были всё же посторонние, а у него семья, и то, что он старше — тоже не повод, возраст — это знания, опыт... Он тоже кому-то нужен был, от него кто-то зависел. А их понять сложнее. Осознавали ли они в полной мере, что делают? Что они действительно умрут? Сидели разбирали механизм, потом сидели и просто ждали конца... Думаю — о чём они говорили, что вспоминали? И голова кругом... Она могла ведь обосновать, что спастись нужно именно ей — она телепатка, ценный агент. Но предпочла остаться с ним, чтоб он просто не умер в одиночестве. Он мог обосновать, что спастись должен именно он — он центаврианин, хотя бы поэтому инженер мог предпочесть взять его. Он вообще во всё это случайно ввязался, мог жить, сколько получится, ни о чём не помышляя, как сейчас живут миллионы, пока вы спасаете их задницы... Да, может быть, именно потому, что они молоды. Молодости свойственно безрассудство. Легче швырнуть свою жизнь широким жестом в огонь, во тьму, в любые жернова... Старые, мне кажется, меньше к такому склонны, хоть это и не логично, и не правильно. Тот, кто распробовал жизнь, ценит её больше.

— Вы, видно, любите жизнь, Лаиса. А всё же ввязались в это. А ведь могут убить. Ну, у вас и сейчас ещё есть возможность сойти с опасного пути... А позже может уже не быть.

На чувственных губах Лаисы появилась усмешка, которую можно было назвать в равной мере ироничной и мечтательной.

— Жизнь я, конечно, люблю. Хоть многие из вас и сказали бы, что жизнь эта ужасная. Но на самом деле я не так уж много видела плохого. Да, меня, считай, родила улица — я не помню ни мать, ни отца, не знаю их имён. Я даже не знаю точно, в каком городе родилась — много путешествовала со всякими бродягами. Но всегда рядом были какие-нибудь люди, чаще неплохие — делились чем могли, лишней раз не обижали. У такой братии, знаете, подзатыльник или тумак норма жизни, но всегда — за дело. Так усваиваешь — не брать то, что не твоё, если не уверен, что окажешься сильнее, исполнять, если пообещал, не связываться с теми, с кем не следует, не трогать человека, если он в дурном настроении, помогает в жизни. Меня приучили за сделанное добро чем-то платить: накормили в забегаловке — помоги помыть посуду, подмести пол, поделились куском хлеба — почини дырку на платье, с молодыми глазами это легче, покачай ребёнка, пока мать работает... Ну, ласки не так чтоб много видела, да, тут и на родных детей её не всегда хватало, но пьяные иногда чувствительны, расцеловывают всех детишек, без разбору, покупают им дешёвые конфеты... Опять же, всегда таким праздником было, когда кто-то из бродяг собирался гурьбой — надоел этот город, пошли в соседний, Лаиса, пойдёшь с нами? Новые места, новые события... Мало кому удавалось где-то осесть надолго, найти работу не на сезон, а постоянную, да чтоб можно было хоть внаём комнатку найти... Кто находил — мне остаться с ними не предлагал, ну и я не напрашивалась — не приучена. Прибивалась к другим... Детвора понемногу воровала, да. Ноги быстрые, спрятаться в любой щели легче, чем взрослым. Меня лично ни разу не ловили. Были свои правила, у кого воровать можно, и что. В основном — кошельки у богатых и беспечных. Товар у лавочников — крайне редко, нашей братии у этих лавочников работать — товар там грузить, во дворах прибираться... Так что жизнь хоть суровая, но не совсем безобразная — в ней есть свои правила, и по ним вполне

можно жить. Кстати, и что касаясь того самого... Я сексуальную жизнь в 14 лет начала, и добровольно, кстати. Детей у нас трогать было не принято. Ценились бабы с телом, чем сочнее, тем лучше, девчонок в этом плане не рассматривали. Считалось, что это извращение богатеев, которые с жиру бесятся, уже нормальные женщины их не удовлетворяют, а простой мужик жизнь видит правильно. Сейчас, конечно, я знаю, что не везде и не у всех это так, но мне повезло среди таких людей вращаться. Конечно, и щепетильности какой-то к сексу вообще не было — запросто предлагали, просто так или за плату, деньгами или харчами, но запросто и отказ принимали — баб что ли больше нет? Конечно, когда пьяные — многие настырнее... Но пьяного и с ног свалить легче, рука у меня всё же тяжёлая. Опять же, пока ты молода и красива, и в клиентах переборчивой можно быть, разная публика, бывали вполне даже шишки. Некоторые в содержанки звали, но мне это не надо. Вот, как хорошо Милиас про Фальна этого сказал — свобода дороже. Прямо моя мысль.

— Что же, вы действительно не думали о том, чтоб... найти себе постоянного спутника, завести семью? Или не встречали никого достойного?

Лаиса наконец нашла в складках ткани мелкий шуруп, которого ей не хватало до сборки своего блока.

— Слишком серьёзный это вопрос, господин Алварес. И точно не надо его решать потому только, что есть хочется. Ну, будет у меня каждый день пропитание и крыша над головой, буду даже в золоте ходить — ой, да сколько мне того золота по пьяни чинуши разные дарили, я один только браслет сохранила — вот этот, красивый уж очень. Золото ведь тогда только цену имеет, когда его можно продать и купить себе что-то для жизни потребное. А просто так на себе носить... что в нём, в этом золоте, такого? У нас один умелец из проволоки не хуже завитушки гнул. Ну и смысл, ради того, чтоб манекеном под побрякушки и тряпки быть, терпеть рядом с собой того, кто тебе не очень-то и интересен? Красивые вещи я люблю, конечно, как красоту не любить? Но ведь это на два дня, ну на неделю, а дальше не в новинку, дальше приестся. И вкусно покушать как не любить? Но каждый день так есть — так ведь и не останется, чего хотеть. А семья... мало я видала счастливых семей. Либо нуждой, либо богатством люди друг другом скованы, как кандалами. Что такое нелюбимый рядом? Даже не в том дело, что спать с ним — ну, спала и не с одним. Но это ж жизнь связать, жизнь! Видеть его постоянно, а он тебе, может, за вечер надоест до тошноты. Хошь не хошь, в его дела вникать. На других не смотреть — во-первых, если любит, ему больно будет, во-вторых — вот не люблю я неверность супружескую, странно, да? А ещё если дети... Либо и детей не любить, а для детей это хуже смерти, когда их мать не любит. Либо любить детей — и не любить их отца, тоже отвратительно. В том и дело, что обменяться чем можешь — секс на деньги — это просто, это не больно. А вот привязываться, общие тяготы нести — это труд, это серьёзный выбор, ошибёшься в человеке — сломаешь жизнь себе и ему. Было раз, долго я с одним провстречалась. Он начал, видать, ко мне привязываться, пьяные истерики пошли, раз на прежнего моего набросился, чудом как в тюрьму не угодил. Я из того города попросту сбежала, вот просто как была. Мне оно надо? Мужик терзается, а у меня — вина одна только разве, зачем слишком ласкова с ним была. От другого даже жена, представьте, приходила, говорила — согласна на вторую жену, только б в семью вернулся. Снова из города сбежала, уже два города, куда я не ходок... А, три даже, в третьем вояка один застрелить меня грозился, если жить к нему не приду. Блефовал, поди, но мало ли. Вам, наверное, кажется сейчас, что я сумасшедшая гордячка, или что вообще выдумала всё это. Но, понимаете, то, что человек любит — или думает, что

любит, что любовной горячкой мучается — это не основание. Люди, если решили быть вместе, должны давать друг другу что-то кроме пищи и физического удовольствия. Они должны быть нужны друг другу не как вещь. Они должны делать друг друга лучше. Я не встречала мужчины, которого хотелось бы быть достойной. Я центаврианка, я хочу восхищаться мужчиной, служить ему с чувством, что это служение приносит мне радость, делает мою жизнь осмысленной, а не просто удовлетворяет мелкие повседневные потребности, для которых, в общем-то, любая сгодится. Не везло мне покуда на героев. Потому я и с вами здесь. Здесь по крайней мере что-то делается, что-то стоящее. Можно просто жить-выживать, пока ты не встретил возможность стать частью настоящего дела, а вот если встретил — выбрать жить-выживать уже мелко как-то. Да, могут убить — ну так убить всегда могут, и если в уличном ограблении или вот из ревности — что это, приятнее что ли? Если угодно, и проверяю себя, смогу ли, если придётся, принять смерть достойно? Смогу ли отдать жизнь за кого-то? Может быть, и не смогу. Может быть, и сверну. Потому и думаю сейчас об этих ребятах — почти дети, а такая сила, такой огонь души... Дико говорить, но ведь это счастье — встретить человека, без которого жить хуже, чем умереть с ним.

— Вы полагаете, что это была любовь? Но ведь они... ну, разной расы. Нет, и мне это приходило в голову, но...

— А что ж в этом такого невозможного? Если не держать всё время в голове, что мы разные расы, то ведь мы очень похожи. Всё же, когда они познакомились, она прикидывалась центаврианкой. Наверное, это и на неё влияло, не только на него. Но если и не любовь, если отношение сестры к брату... У меня не было братьев, я не представляю, что это такое. А разве родного не можно любить так сильно, чтоб он был дороже жизни? Думаю, можно. А мне ещё потому об этом так думается, что эта история даже Андо задела. Иначе, конечно, чем меня и вас...

— Если принимать близко к сердцу всё, что говорит Андо, то это никаких нервов не хватит. Он вообще как-то не задумывается, что что-то из сказанного может быть неприятно и несправедливо, да и хорошее отношение окружающих ему, как он утверждает, не важно. За это его, закономерно, многие не любят. Ну, что тут жаловаться — у меня и так очень хорошая команда, странно б было, если б в ней не было хоть одного трудного подростка.

— Разве одного? Никогда не бывает, чтобы конфликтовала одна сторона, всегда есть ещё хотя бы одна. Послушайте меня, глупую женщину, господин Алварес — эти трое, Андо, Дэвид и Диус, в ближайшее время лёгкой жизни не дадут ни себе ни вам. Сами видите, когда в одной точке собираются двое — то ещё ничего, когда все трое — жди взрыва. И это надолго. То, что между ними есть, это не просто бытовая приязнь-неприязнь.

— Да и сам вижу... хотя не понимаю. Ладно б, кто-то из них был девушкой, действительно, любовный треугольник-то можно понять...

— Ох и наивные ж вы, земляне. Хотя видеть это как простую ревность в самом деле было б наивно. Это их дух. У каждого из них сильный дух, возможно, сильнее их самих. Этот дух руководит их жизнью, может быть, даст им силу, может быть — приведёт к падению.

==== Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл. 6. Шпионский роман =====

В рабочем кабинете Его Величества было светло. Светло в сравнении с большинством помещений дворца и коридорами, стоит поправиться. Это уже привычно, у основной массы

обитателей глаза адаптировались. Никто не смог бы сказать, когда и как была введена такая скупость освещения, никому б не пришло и в голову задать такой вопрос, тем более вслух вспомнить — вот, раньше же наши залы и галереи сияли подобающе блеску центаврианского трона, роскошные светильники работы мастеров столь легендарных, что их слава, пожалуй, не уступала славе Великих Родов, не покрывались слоем пыли... Ну, когда — ответить не сложно. При предыдущем императоре. И почему — ответить несложно. Если б кто ещё спросил... О по-настоящему серьёзном не спрашивают. Новый император тихонько, но упорно эту традицию отменял, распорядившись зажечь лишнюю лампу то в бальной зале, то в пиршественной, то в коридоре по пути своего следования в покои. Так же, как тихо и упорно менял многое... В тени многое бывает не видно. На ярком свету, что интересно, тоже.

— Что там? — он шевельнул ворох принесённых бумаг устало-брезгливо, — бюджеты, сметы, прошения... Как же они надоедливы! И ведь нельзя подписать их все одним махом, мало ли, чего они там себе затребовали! Они думают, наверное, что у меня тут этот... как его... философский камень, и я могу порождать золото силой своего желания! Губернатор Марнья... Это где вообще? Вроде бы, я распорядился прислать мне карту поприличнее. Ненавижу все эти названия, в которых только путаться можно — Марнья, Турья... Ладно... пошлём им... как думаешь, 50 тысяч достаточно? Уверен, они таких денег давно не видели. Пусть онемеет от счастья и в следующий раз напишет мне нескоро. Лучше не мне, а моему преемнику. Двекер... мне кажется, или они уже просили денег и у них растут аппетиты? Дуатуйя... а, эти не о деньгах. Приятное разнообразие. Просят об объединении провинций... Не, об этом я думать сейчас не хочу. Пусть ждут. Такого серьёзного решения не грех и подождать. Лет так десять... Как раз я смогу оценить, способен ли нынешний Дуатуйя на управление большей территорией. Судя по предыдущему его прошению, он на управление собой не очень-то способен. Сменить бы его... но сейчас мне об этом думать неохота. О, а это интересно. Ревнителю интересов империи из Десало нижайше просят, не много не мало, о смене Сенатора... Кто там их Сенатор? Кутова? Ну да... их можно понять. Но увы, пока оставим их жалобу без удовлетворения. С Родом Кутова не стоит ссориться, они оказали много услуг Двору, сам Дуаве — исключительно почтенная, почти легендарная фигура... В конце концов, он попросту скоро умёт своей смертью. Что там, в Дорами беспорядки? И с каких это пор это должно интересовать императора? Скоро они будут писать о том, что у них сломался кондиционер или завял любимый розовый куст. Хорошо, вышлем им дополнительный отряд Гвардии. Из Сегеани, во-первых, это рядом, во-вторых, управляет Гвардией там младший Луфа, он жаждет быть полезен отечеству, и за него очень просили перед Сенатором... Вот пусть и использует возможность. Всё. Вели не беспокоить меня некоторое время, я изучаю корреспонденцию с Беты-1. Они думают, видимо, что императора забот нет, кроме метрополии! Отпиши этим попрошайкам из Зенивы сама, Высочайшая Печать у тебя есть. Намекни им, кстати, что они не прислали подобающего дара на моё восшествие, славословие в храме Венцена, конечно, лестно, но это немного не то. И да, распорядись принести мне ещё одну лампу! Я распрощаюсь с глазами, разбирая их проклятые каракули.

Линдисти кивнула, учтиво попрощалась и вышла, непрерывно кланяясь, как подобает. О, можно не сомневаться, она б лично притащила не лампу, а мощнейший прожектор, какой только можно найти на Центавре. И направила его в тот угол, по которому она непрерывно скользила рассеянным взглядом, пока Вир перебирал бумаги и отписывал на них свои резолюции. Она никогда не смотрела на эти бумаги, на его руку — всё равно она знала, что

она выводит. Она не смотрела на него. Она смотрела поверх, оглядывая комнату. Особенно тот, дальний угол, потянутый неистребимой тенью. Пока она здесь, пока смотрит туда, ему за спину — оно не сможет приблизиться, не сможет прочесть. Оно едва ли может увидеть, что листов несколько больше, чем было озвучено. Конечно, потом они поймут, что провинции, которым было отказано в финансовых вливаниях — те, где находятся важные для них сейчас производственные участки. Может быть, теперь уже это не много сыграет роли, но хоть немного задержит и спутает их планы. Что бесполезность и откровенное идиотство правителей, которых хотели заменить на кого-то более молодого и толкового — на руку сейчас совсем не им. Что младший Луфа точно не тот человек, кто способен даже подавить стихийный мятеж в провинции, где начала просачиваться нежелательная и пугающая информация. Что некоторые прошения, доносы, рапорты вовсе остались без ответа, либо отвечено на них было — ею. Что есть информация, которая старательно фильтруется, не пропускается к устам, которые могут озвучить её для них — о вывозимых диверсантами бомбах, о распространяемой по планете вакцине. Пусть они всё больше уверяются, что император — безвольный, легкомысленный, недалёкий вечный мальчик, для которого государственные обязанности — досадная помеха более интересным для него делам, что он руководствуется в своих решениях либо скукой, либо извечными традициями протекционизма и кумовства, либо даже детским стремлением сделать что-то наперекор тому, как делали предыдущие императоры, но только не здравым смыслом. Пусть считают её услужливой интриганкой, которая, умела подогреть лень и инфантильность императора, пользуясь своим влиянием, подталкивает его к тем или иным решениям, продвигает какие-то свои интересы. Пусть. Они вообще никого уже здесь не считают серьёзной величиной, кроме себя. И сам император, наследник богов, солнце Империи — для них даже не их пешка, нет, досадное недоразумение, путающееся у них под ногами и играющее в верховную власть мира, который они, как считают, держат в кулаке. Однажды они понесут наказание и за это. Этот момент всё ближе. Они думают, что в совершенстве изучили поражённый ими мир, изучили и освоили все инструменты лжи, иносказаний, лести, шантажа, подкупа, предательства. Они думали переиграть центавриан на их поле. Ну, их расплата будет жестокой, если хоть один бог слышит её молитвы.

И разумеется, у неё есть доверенные люди, через которых она отправляет императорскую корреспонденцию. И разумеется, они подбираются, будто бы из её личных соображений, так, чтоб они не могли ничего перехватить. Ну, а если перехватят, если прочтут — то там, на том конце тоже верные люди, научившиеся понимать иносказания императорских отписок. Они выстраивали эту систему долго, кропотливо, в лучших центаврианских традициях. Начали ещё при покойном императоре, когда оба играли одну роль — милых бестолковых кукол, которыми беззубо умилялся старый больной император. Глупеньких, честолюбивых и подобострастных куколок, которыми так богат Центавр. Которые могли видеть больше, чем император, делать больше, чем император. Которые научились чувствовать вечное неусыпное око, глядящее на них с ненавистью и подозрением, и научились жить так, словно так ничего и не поняли. Ёжиться в тёмных коридорах и не останавливать взгляда там, где в рисунке каменной кладки читается призрачный силуэт, слышать шаги в ночи и будто в самом деле не замечать руки, направляющей марионеток. Притворяться столь мелкими, декоративными фигурами, чтоб не удостоиться собственной нити, чтоб иметь роскошь наблюдать, выжидать, готовиться.

Линдисти пыталась угадывать порабощённых. Это было нелегко, конечно — попробуй

угадай, подневолью он лжёт, что-то утаивает или наоборот, рассказывает, кому не следовало, или из осознанной, свободной корысти. Или из страха, который впитался в эти стены, как некогда впитывалась копоть свечей. Радует только, что и им понимать мотивы не всегда даётся безошибочно.

Покончив с текущей корреспонденцией, Линдисти вышла на террасу у Южного сада. При жизни покойного императора это было их с Виrom любимое место, где они могли болтать о чём угодно и молчать об одном и том же. Так повелось, нигде во дворце они не могли быть уверены, что не будут услышаны. Говорить откровенно можно было на дальних прогулках, в выездах на отдых на море, где щедрое солнце не допустило бы недобрых пристальных глаз, выжгло бы их до дна черепашки. В остальное время говорить приходилось глазами, кивками головы, незаметными касаньями, иносказаниями и намёками. Это традиционный для Центавра навык, к их возрасту при дворе им владеют все.

В этот час на террасе не было никого, кроме ещё одной дворцовой традиции, которую Линдисти сменила бы немедля хотя бы из одних эстетических соображений. Господин Каваго, Величайший из Дозорных. Без малого тысячу лет тому назад, поведал Линдисти человек, несколько знакомый в молодые годы с анналами дворцовой истории, юная императрица жаловала это звание одному садовнику, своевременно заметившему приближение стаи диких птиц, собиравшихся полакомиться её любимыми ягодами, и отпугнувшему их несколькими выстрелами из рогатки. Императрица, юная разумом ещё в большей мере, чем телом, не уточняла, следует ли считать это почётным званием или должностью, и если должностью — наследственной она должна быть или выборной, и какие предполагать обязанности. Это было ниже её внимания. Но поскольку любое распоряжение члена императорской семьи имеет статус непреложного закона — во дворце появилась ещё одна штатная единица, непонятно, в сущности, чем занятая. Особо никого это не волновало — таких высоких и почётных должностей в придворной челяди было в разные времена от сотни, до нескольких сотен. Был ведь ещё до того специальный слуга, отворявший по утрам окно в покоях Его Величества — именно это конкретное действие было его обязанностью, и больше он в принципе мог ничего не делать. Была служанка, подносящая императрице её любимый напиток из цветов и нектара в час полуденного отдыха, был слуга, носивший за нею на прогулках свитки избранных стихов на случай, если ей захочется их почитать, были слуги, приставленные для ухода за тем или иным любимым животным кого-то из членов императорской семьи — у некоторых животных такой слуга был даже не один. Так что на очередную причуду никто не обратил особого внимания. Большинство Великих Родов, не только правящие, гордились количеством прислуги и считали хорошим тоном путешествовать со свитой составом практически на все случаи жизни. Императоры Рода Киро, правда, навели в сонме челяди некоторый порядок, объединив многие должности, а иные и просто сократив в соответствии с требованиями времени. Но оказалось, что Величайшего из Дозорных, даром что обязанностей у него не было ровно никаких, если уж только и правда защищать сад от птиц, хотя с этим давно прекрасно справлялись ультразвуковые отпугиватели, сократить не так-то легко. То есть, может быть, и легко — но незачем. За прошедшие столетия Дозорные, в безделье слонявшиеся по дворцу и совавшие во всё свой нос, накопили такой шикарный компромат на слуг, придворных и даже некоторых министров, и продолжали это делать, что избавиться от такого кладезя уже никому не пришлось бы в голову. Кавага были как будто незаметны и ничтожны, не достаивались частых

упоминаний, они просто стали непреложной частью дворцового уклада. Как светильники, ковровые дорожки, герб императорского рода на всех заслуживающих этого символа вещах. Нынешний Кавага, мерзкий старикашка с набрякшими под глазами мешками и обвисшими щеками и подбородком был, говорят, ровесником Турхана. Почему же он пережил его так надолго! Может быть, смерть просто брезгует им, как любой, кто только посмотрит на это лысеющее сморщенное убожество, вся фигура которого дышит надменностью и неприязнью? Он пережил Картажье! А ведь при нём дворцовая обслуга почти полностью сменилась раза три. На некоторых позициях вымерли целые семьи — сыновья и дочери заступали на место казнённых родителей, чтобы в свою очередь пасть жертвой дурного настроения тирана, и уступить свой пост внукам, если таковые имелись... У Каваги не было ни детей, ни внуков. Кажется, когда-то он был женат, но никто не помнил имени его жены и как ей так трагически не повезло, детей в этом браке, по-видимому, не родилось. Линдисти иногда казалось, что Кавага и человеком-то не был. Но скорее, всё дело было в том, что он умел служить. Служить подобострастно, беспринципно. И — всегда тем, у кого была настоящая власть. Он умел дёргать за ведомые ему рычаги. Они у него, благодаря семейной истории и личному немалому опыту, были. Он умел, когда надо, сказать слово, когда надо — не сказать, и чутьё у него было отменное. Вероятно, он выполнил немало грязных поручений, о которых можно было только догадываться — прятать концы в воду Кавага тоже умел образцово.

— Что ж это вам, леди Линдисти, не спится? — прокрипел он почти добродушно, сверля её маленькими вьедливыми глазками, которые сейчас, при малой освещённости террасы, казались двумя чёрными провалами на лице трупа, — бессонница в ваши-то юные годы...

— Наш сиятельный император допоздна не спит, думая о судьбах отечества, не щадя своего бесценного императорского здоровья. Стыдно предаваться праздному сну, когда солнце нашей империи ещё не отправилось почивать, да приумножит Создатель его годы.

— Да приумножит, да благословит, — откликнулся эхом Кавага.

— Я хочу побыть здесь некоторое время — свежий воздух и созерцание красоты ночного сада полезно для восполнения сил — пока вновь не потребуюсь императору или не услышу, что он отбыл в покои. Пожалуй, распоряджусь подогреть мне джалу. Вам принести что-нибудь, Кавага?

— Чем скромный слуга заслужил такую заботу, леди Линдисти? Мне подобает, если я чего-то захочу, самому этим озаботиться.

— Кавага, не гневите небеса. Смею заверить, пожелай я вас отравить, вы были б уже мертвы. Все мы здесь — слуги Его Величества, мне ли возвышаться над вами? Не хотите — не надо, просто слуге не за сложность было б принести два бокала джалы вместо одного.

Видно, Каваге было интересно. Не только с террасы не ушёл, но и заказал себе ягодного вина, пользующегося большой популярностью у высокопоставленных слуг.

Линдисти не видела, конечно, портретов Каваги в юности, но полагала, что он и тогда был безобразен. Иногда по лицам стариков можно предположить, какими они были до того, как годы изменили их облик. Некоторые языки не то что поговаривали, а намекали, что отец Каваги был побочным братом Турхана — в этом не было ничего невозможного, отец был нравом не схож с сыном, его побочных детей во дворце за весь период его правления родилось не меньше сотни. Намекали так же, что мать Каваги была похожа отнюдь не на родителей, а на принца Ганзера, который только лицом был в старшую императрицу, а

повадками и моральным обликом точная копия императора. Во всяком случае, замуж фрейлина одной из младших императриц была выдана очень скоропостижно, и дочь у неё родилась слишком скоро... Если оба предположения верны, то Кавага ещё и плод кровосмешения. Ну, не он один в богатейшей и тёмной истории дворца...

— Давно хотела спросить вас, Кавага. Вы, как никто, знаете историю, традиции и церемониалы дворца. Говорят, у вас есть редкие издания по истории первой императорской династии — мемуары, биографические очерки, дневники, а так же что вы собрали уникальную коллекцию предметов и документов правления последних пяти императоров — письма, записки, праздничные меню, описания первых диковин, привезённых с Земли, первых визитов представителей землян во дворец... Честно говоря, меня разбирает благоговейное любопытство. Много бы дала, чтобы ознакомиться с вашей сокровищницей, если вы будете столь любезны, конечно.

— Если б я не был так стар и безобразен, леди Линдисти, я б подумал, что вы избрали меня объектом своих женских чар.

— А вы не очень-то обходительны, Кавага. Я полагаю, что вы всё же не настолько стары, чтобы утратить необходимую галантность, тем более если поверить, что вы знакомы с высочайшими её образцами.

Линдисти некоторое время задавалась вопросом, находится ли Кавага в числе порабощённых. И пришла к выводу, что нет. Его поведение не менялось сколько-нибудь значимо за последние 20 лет. Он такой от природы. Но это не значит, что он не имеет дела с теми, кто вьёт свою паутину в тени. Он ведь всегда служил тем, у кого настоящая власть.

— Видно, из способов обретения положения это последний, который вы для себя видите, леди?

— Не поняла вас?

Кавага наклонился вперёд, глядя на неё своими чёрными провалами.

— Ваши надежды на блистательное восхождение не оправдались, моя госпожа. Думаете, я не вижу, не понимаю? Я стар, я видел многое. И таких, как вы, видел немало. Вы вьётесь вокруг Их Величества подобно весеннему насекомому, однако он явно не торопится сделать вас императрицей. Если уж за все годы, что прошли с вашей помолвки, он не пожелал скрепить ваш союз... Зачем вы ему теперь, когда знатнейшие рода почтут за честь отдать своих дочерей третьими и четвёртыми жёнами, не то что первыми? Да и не только ему... Вы, конечно, ещё молоды и привлекательны, но вот репутацию-то не вернёшь. Многие видели, как до этого вы вертели хвостом перед покойным императором Моллари, да только тоже без толку. Возможно, Их Величество задумался, не использовали ли вы его в тот период, когда он был скромным помощником, чтобы стать своей во дворце? А если вспомнить, как ещё до этого ваши родные, осознав, как далеко всё зашло, аннулировали вашу затянувшуюся помолвку и пытались спасти вашу честь, но несколько женихов из порядочных родов отказались от союза с вами... Боюсь, леди, уже любому здравомыслящему человеку понятно, что плохи ваши дела.

Линдисти непроницаемо улыбалась. Прекрасно, старый дурак, что ты так думаешь. Если уж ты так думаешь, наверняка и остальные тоже. Ну, откуда им было знать, сколько усилий было приложено, чтобы отвести всех этих проклятых женихов, чтобы выглядеть авантюристкой, пытающейся закрепиться во дворце... Хотя что там, она именно сделала всё, чтоб закрепиться. Рядом с возлюбленным, величайшим мужчиной на Центавре, которого ты, напыщенный идиот, презираешь почти открыто. Если её собственный род оказался столь

безумен, чтоб уронить собственную честь, отозвав своё слово о помолвке — что ж, она откажется и от рода. И презрение мира станет сладким, когда ты рядом с Ним. Вместе служить императору и Республике, вместе теперь бороться против врага, отравляющего своим ядом сердце Родины. Старый Моллари понимал, он многому научил своих птенцов...

— Теперь я понимаю, Кавага, почему вы не женаты.

— А вы так надеялись, леди, занять пустующую нишу? какой же ваш резон? Родовитость моя невеликая, состояние тоже скромное. Впрочем, у вас-то теперь нет и этого. К тому же, вы можете надеяться, что я скоро умру. И даже способствовать мне в этом не придётся.

— А вы очень дорожите жизнью с деньгами и милыми коллекциями, но без женщин? Что вы за центаврианин?

Кавага заёрзал, меняя положение тела в кресле.

— А что, если мне в силу возраста женский пол уже не интересен? Что мне теперь, покончить с собой со стыда и безысходности? Если уж так говорить, покойный император, упокой его Иларус в своей обители, под конец жизни тоже был куда сдержаннее, чем в юности. Или вы имеете, что возразить по этому поводу?

— Пожалуй, спишу это на то, что вы пьяны, Кавага. Не дай Создатель, услышал бы кто. Об императоре всё-таки говорите, хоть и покойном. Император — любимец богов, он до скончания дней полон мужской силы.

Нет, он не из порабощённых. Это видно по нервной, плотоядной ухмылке хотя бы. Попалась рыбка на крючок, а ещё б не попалась. В былые годы у тебя были способы затащить девчонок в постель, а сейчас они, видимо, всё реже срабатывают. Сколько б влияния ты ни унаследовал и приумножил — пока ещё можно найти влиятельных с менее отвратительными мордами. Деньги теперь твой гений-покровитель. Деньги ты получаешь чаще, чем вознаграждение иного рода. Может быть, в юности ты не сомневался, что власть заводит больше, а вот как сейчас? Когда всё более весомое воздействие нужно, чтобы купить удовольствие, которое кому-то достаётся даром? Молодое тело, к тому же, возможно, имевшее близость к императору, всё же очень большой искус. Не меньший, чем те файлы, что ты хранишь у себя и передаёшь тем, кто наблюдает из тени. Ты ведь поклоняешься власти...

— Вы совсем ещё дитя, леди Линдисти. Что вы знаете о настоящей власти, о настоящей силе. Наше время — время мелких интриг и мелких душ. Когда мужчины разучились пользоваться своим умом, а женщины своей красотой. Прежде полноводные реки переходят вброд... Вы правы, я люблю историю и сведущ в ней. У меня есть восхитительный документ — воспоминания фрейлины Умалы, прабабки Ольтиры, о которой вы, возможно, слышали, а я знал лично. Это было совсем иное время, не нынешнее. Время завоеваний и побед. Время, когда власть не была формальностью, как поминание богов. Когда схватки были высоки, а ставки жестоки...

Блаженный Золотой Век — генетическая болезнь знати, думала, улыбаясь, Линдисти. И лучшие из холуев тоже, по-видимому, ей подвержены. Видать, правду говорят, что Кавага держит на стене портрет своего вероятного деда, в нарушение всех церемониалов, кстати. Это ведь на нём окончательно загнулись мечты о беспредельном колониальном величии? О да, жить широко и мощно старик умел и других заставлял. Это ведь при нём состоялись последние громкие завоевания, в том числе и Нарн. При нём стремительно взлетали имена и падали с плеч головы. Яд и кинжал подбирали там, где не успела война, в этой чехарде

выживали самые изворотливые, самые хищные — цвет... Правильные пропорции амбиций, силы, чутья были в цене, как никогда. И победители были достойно вознаграждены — новыми постами, новыми землями, новыми рынками. Ну а проигравшим — так и надо, разумеется. А потом что-то поломалось. Один принц, блестящего ума и дарований мальчик, умудрился погибнуть при подавлении мятежа в колонии. Ходили слухи, что обеспечили трагедию не мятежники, а свои, но заговорщики тоже были отборными, никакого компромата не вскрылось. Два других принца подвели отца ещё замечательней, поубивав друг друга на дуэли... Вообще-то в пьяной драке, но приличествует говорить — на дуэли. И ко всеобщей неожиданности на престол взошёл тот, которого в этой роли никто и представить не мог — младший, тихий, безынициативный и созерцательный Турхан...

— Умала дожила до преклонных лет, что само по себе достижение при её положении. Она пережила свою госпожу, её сына, почти пережила внука... Она знала тех, кто творил историю и тех, кто переписывал её. Я покажу вам этот документ. Возможно, это многому научит вас.

Да, столько пафоса, чтобы просто выразить решение пригласить к себе женщину для интимных целей... Впрочем, может быть, он действительно хотел бы видеть в её лице в дальнейшем перспективную ученицу, которая могла бы стать равной блестящим интриганкам прошлого? Знаменитая Ольтира, дольше всех продержавшаяся при весьма властной и капризной императрице, а потом служившая проводником влияния определённых сил на молодого Турхана, которого практически воспитывала вместо матери, по всему видно, является в его восприятии лишь бледной тенью своей прабабки. Ну да, трудов-то было влиять на Турхана, который и сам был влиянию рад — будучи по натуре философом, а не правителем, а так же жертвой постоянных сравнений с отцом, он всё время кого-нибудь слушал, сперва Ольтиру, потом своих жён, родственников, советников. Впрочем, сама жизнь меняла советчиков, требовала иных решений, иного блага. Время завоеваний закончилось, настало время дипломатии.

В жилище Каваги царил густой душный полумрак — казалось, темнота застоялась между предметами, годами тревожимая лишь двумя небольшими лампами. Что укрепило Линдисти в её подозрениях. В другое время она подумала бы, что это та самая безумная старческая скупость, которая заставила бы экономить воздух, если бы это не было трудноисполнимо. Но теперь она была уверена — это для зловещих гостей, которых он принимает у себя. которым даёт ключики к управлению сложным механизмом центаврианского двора. Помогает в войне за души...

Весь этот сонм мужчин и женщин различных возрастов, положения и достоинств делится на три категории — тех, на кого император может рассчитывать, тех, кто служит врагу и тех, кто не сделал своего выбора, действительно не видит происходящего или притворяется, что не видит, или ведёт свою игру, и не всегда легко понять, в чьих интересах. Наша задача — выявить мотивы, нейтрализовать игроков противника, притянуть на свою сторону неопределившихся. И при этом не выпасть из образа простаков, которых занесла сюда случайность. Непростая задача. Но кто обещал, что будет легко? Боги соединили её судьбу с судьбой великого мужа. За это можно и нужно платить.

— Моё скромное холостяцкое жилище, конечно, не очень приличествует утончённой даме...

— Кавага, в том, что вы холосты, никто, кроме вас, не виноват. Не скрою, я многое бы

здесь поменяла. Слишком мрачно. Скажу без ложной скромности, я умею обустроить быт и создавать уют для мужчины.

— Верю, леди Линдисти, верю.

Кавага опустил своё грузное тело в массивное кресло возле стола, над которым действительно висел огромный портрет покорителя Нарна, в массивной раме грубоватой, на взгляд Линдисти, работы. Кажется, рама старше портрета. Видимо, в восприятии Каваги последний император, напоминающий о волшебном Золотом Веке, заслуживал более строгой и внушительной рамы, нежели легкомысленная вязь последних столетий. Он бы ещё антикварную, времён войны с зонами, отыскал...

— Я, видите ли, старомоден, леди Линдисти, — как бы извиняясь, кивнул на портрет Дозорный, — как часто это бывает со стариками, живу прошлым... Знаю, что грешно держать портрет прежнего императора так, как подобает держать портрет нынешнего, уж хотя бы — иметь их в одном ряду... Уж простите мне эту слабость. Это ведь моя юность. Время, когда я был полон сил... И Империя была полна сил. Нам, старикам, тяжело смотреть в реальность. Особенно когда она уже принесла столько боли.

Очаровательное паясничанье, конечно.

— Ну, зная ваше увлечение историей, это и не странно. Но не торопитесь ли вы объявлять нашу обожаемую Республику дряхлой? Возможно, те времена вам нравятся ровно потому, что вы были юны, и всё виделось в более ярких красках. Но ведь каждая эпоха что-то приносит. При императоре Турхане мы достигли значительных дипломатических высот. Все расы вселенной уважали центавриан, без нашего одобрения не происходило никаких важных решений, центавриан приглашали посредниками в весьма сложных, судьбоносных переговорах. Центарин надолго стал дипломатическим языком вселенной...

— Чтобы его вытеснил земной.

— Ну, земной проще... И согласитесь, мы сами немало способствовали возвышению землян. Где бы они были, если б не мы? И хочу заметить, они помнят добро. До сих пор Земля избегает ссоры с нами, а то и напрямую ищет нашего одобрения. Эпоха Турхана продемонстрировала, что Центавр многого способен добиться не грубой силой, а умом, наукой влиять. Разве это не правильной, не больше свойственно нам? Что же касается императора Моллари...

— Вы ещё Картажье пропустили, — язвительно хмыкнул Кавага, извлекая из ящика стола бутылку чего-то явно покрепче ягодного вина, — время безумных авантюр, ввергших наше отечество в положение куда позорнее и бедственнее, чем было до того. Чего ж у вас такое удивлённое лицо, милая леди? Вы, верно, считали, что я выживший из ума старик, искренне верящий, что у нас всё хорошо и один правитель лучше другого, или же, если и думаю не так — никогда не решусь озвучить то, что думаю? Как я и сказал, вы дитя. Не отличаете, что и когда можно, видите чёрное и белое. Император Котто, да удлинит боги дни его благоденствия — не тот человек, чтоб хватать убогого старика за осуждающие речи в адрес мёртвых императоров. А о ныне живущем я ничего дурного и не сказал. И не скажу. Нечего мне о нём сказать. Он только взошёл на престол... И я верю, что в тяжёлую годину — которая что-то уже слишком долго длится у нас — боги послали его для того, чтоб он спас, сберёг нашу родину, исправив ошибки предшественников, приумножив то полезное, что после них осталось... Народ имеет то правительство, которого заслуживает, леди. Видно, мы заслужили императоров, сменяющих друг друга как один рок над нашей родиной сменял другой, оставляющих горечь и не оставляющих потомства. Но рассвет всегда сменяет

тягостный мрак. Верю, что император Котто станет нашим рассветом, не зря же судьба возвысила его...

Да полно оправдываться, улыбалась Линдисти. Все уже поняли, какой ты лояльный. Да изложить свои взгляды хочется, с языка так и рвётся, а слушателей нынче не очень много. И действительно понимаешь, что Вир не тот человек, чтоб обращать внимание на такие мелочи, как твоё мнение о нём. Да и Моллари мало заботило, что о нём говорят между собой. Посерьёзней проблемы были.

— В таком случае перестаньте скорбеть о былом, Кавага. Что было, то прошло, как бы тяжело оно ни было — Центавр вышел из этого, выдержал, и ещё поднимется и возвеличится. Испытания даны нам, чтоб проверить нашу силу. Вы видели многое — вы знаете, что всё проходит. Не только слава, но и бесславие.

Кавага играл тёмной жидкостью в нижней трети бокала с тем глубокомысленно-серьёзным видом пьяного, который всегда веселил Линдисти и показывал, что собеседник в достаточно удобном состоянии. Она присела рядом на подлокотник кресла — столь широкий, что спокойно принял бы и даму менее скромной комплекции.

— Быть главой государства — тяжёлая ноша, леди Линдисти. И я всегда верил, что мироздание не возлагает её на недостойных. Не многие могут представить, как это — быть сердцем Империи. Империи! Тому, кто молод, не понять... Сколько нагрузок несёт наше сердце, какие выносит удары, как подтачивают его скорби и разочарования. Каково же сердцу целого огромного и великого мира? Сердце нужно поддерживать. Да, поддерживать. Быть опорой, верным исполнителем, источником доброго совета. Каково сердцу без малого сердца, или малому без большого? Немыслимо. Конец жизни. Как вы считаете, милая леди, император — большое или малое сердце?

— Думаю, большое. Как же император — мог бы быть чем-то малым? С другой стороны... болезни малого сердца опаснее для организма...

— В верном направлении мыслите, дитя. Император — большое сердце, без устали трудится для всего нашего огромного организма, и здоровье императора — это наше здоровье, несомненно... А двор — императрицы, Советники, каждый, кто находится подле, составляя повседневность государя — это малое сердце. Его поддержка. И паралич малого сердца — смертелен... Три наши сердца работали на износ, потому что не имели достойной поддержки малого сердца. Так могу ли я винить большое сердце за то, что оно надорвалось? Нам нужно понять наш грех и исправиться. Понимаете?

Как же не понимать, старая ты сволочь. Ты видишь нового императора таким же безвольным и поддающимся влиянию, как Турхан в начале своего правления, слушавший кого угодно, кроме как своего разума. Понемногу, конечно, и ты влиял, но достаточно опосредованно. Ольгира тебя ценила, но больше ценила себя. Она была сильным игроком, за то ты её и уважаешь. А потом были и другие игроки, и кого-то ты, конечно, мог вывести из игры, а кто-то был тебе не по зубам. И конечно, ты тоже ошибался в ставках... Интересно, имел ли ты отношение к неожиданной смерти малолетнего наследника? Слухи такого не говорят. Но ты определённо знаешь точный ответ, что произошло тогда. На кого ты ставил потом — на Киро или Картажье? Доводы есть в пользу обоих вариантов... Но вот на Картажье влиять по итогам не получилось. Мальчик, сперва смотревший в рот тем, кто его поддержал и возвёл на трон, потом разочаровал... и тебе ещё повезло. Других — смертельно. В самом буквальном смысле. Как могло выглядеть малое сердце этого радетеля о великом отечестве, пролившего за краткий срок столько крови, сколько Центавр за последнее

столетие не терял ни на одной войне? Ты всегда служил тем, у кого настоящая власть. Но тогда даже ты служил тому, чтоб просто выжить.

— Налейте и мне, Кавага. Раз уж вы решили всё же вспомнить о галантности. И я рада всё же слышать в ваших речах нотку оптимизма. Я люблю Центавр и верю, что увижу его великим. Вы скажете, что это наивность юности — ну так вот, юность пришла учиться у старости, как вложить свой скромный вклад в величие, которое, несомненно, будет. Разве не для того вы привели меня, чтобы научить, что есть достойное малое сердце?

О да, всё было б так, если б сейчас ты не служил тем, у кого настоящая власть. Тем, кто наблюдает из тени... Вряд ли сейчас — как намекнул старик Моллари, они не любят того, что связано с половой жизнью. И присутствуют в таких случаях по необходимости. Уж точно не будут шпионить за флиртующими придворными или совокупляющимися девочками на побегушках, вечными невестами, каковой считают её.

— Охотно, леди, охотно.

— Не сомневайтесь, глупое дитя Линдисти умеет быть благодарной за уроки мудрости. Да, я не считаю, что моя карта отыграна. Я не держалась бы за сомнительное предприятие. Уж позвольте мне такое самомнение. Я давно могла неплохо устроиться. Но я хочу играть по-крупному — а иначе не стоило рождаться на Центавре.

Сморщенная, как сухофрукт, рука старика скользнула по её щеке.

— Что ж, леди, многое у вас для этого есть, а ум — дело наживное. И менее красивые женщины достигали успеха при дворе... Нам потребуется немало уроков, конечно. Но если вы будете прилежной ученицей — император будет есть с вашей руки, весь мир будет лежать у ваших ног.

Как же ты презираешь его, старый ублюдок. Ещё больше, чем презирал Моллари. Если б ты был достаточно откровенен, чтоб рассказать об этом презрении, о своей преданности своим истинным господам... О том, каковы их планы, что они пообещали тебе. Но для этой большой игры Линдисти тебе не нужна. Где же может быть твой сейф? Логика первым делом говорит — за этим огромным портретом. Да, это глуповато... Но впрочем, ты вполне сторонник простых решений. Ты ведь старомоден, ценитель традиций.

Руки Каваги уже всюю скользили по гибкому стану, и Линдисти изящно соскользнула на колени к старику.

— Мне показалось, вы любите нашу Республику за то, что она не желает стареть. Любите тогда, когда она дерзает, стремится, идёт твёрдым шагом, а не предаётся философской созерцательности. Так почему же вы позволяете стареть себе?

— Как и Республика, я жду достойных, леди. Не разочаруйте меня. Я этого очень не люблю.

Линдисти обвила руками его шею, изгибаясь под его всё более откровенными ласками, а потом выпустила из браслета тонкое лезвие прямо в крупную вену на шее старика.

Ох, кто бы мог подумать, что это будет так просто. Непобедимый и вечный остывает в кресле, успев издать только короткий булькающий хрип. Для такого, как ты, естественно умереть, захлебнувшись кровью. Наконец, для справедливости, собственной.

Так. Теперь разорвать платье здесь и здесь — потом на это может просто не хватить времени. Бедная девушка, всего лишь хотевшая послушать о старых временах, убила старика, пытавшегося её изнасиловать — в это поверит только ребёнок, но официальное объяснение должно быть. За неофициальными тоже дело не станет, хотя большинство умов придумает

эти объяснения за неё... Линдисти забралась на стол, ругаясь на выпивку, всё же подточившую ей координацию движений — пить, правильно говорят мудрые люди, надо чаще, чтоб не плыла так голова с непривычки. Руки, однако же, уверенно зашарили по раме, по окружающим стол книжным полкам. Местоположение рычага, имея некоторый опыт, угадать тоже не трудно...

Хвала богам! Вот оно. Среди прочего барахла информкристаллы были даже не особо хорошо спрятаны. Видно, воров самоуверенный старик совсем не боялся. Знать бы ещё, которые нужны... Впрочем, места в декольте хватит для всех. Вовсе не пышные формы — счастье девушки, а запас для более ценных вещей.

И в этот момент её тело пронзила острая, дикая боль. Она вскрикнула и покачнулась, только тот же кинжал, вошедший ей в поясницу и упершийся остриём в кожу под грудью — она ясно чувствовала это, и это ощущение было отвратительно — не дал ей упасть. Держась одной рукой за раму, а другой сжимая розовый информкристалл, она обернулась. Она впервые видела дракха так близко. И наверное, её ужас был таким, каким должен быть у того, кто вообще не знает и не подозревает... Пусть этот ужас убедит его, боги, пусть!

— Кто тебя послал, ничтожная дрянь?

Этот голос бурлит где-то вокруг головы, как внутри бурлит кровь, заполняющая её живот, как вино заполняет бокал.

— Что ты такое?! Боги, что ты такое?

— Ты ведь могла просто опоить его. Ты его убила. На что ты надеялась? Уйти живой?

— Кто... ты... такой...

Дракх протянул раскрытую ладонь.

— Мёртвым эта информация не нужна. Отдавай кристалл.

— Тогда и тебя... не касается... что за счёты у меня... какой бы ад ни породил тебя...

Пусть думает, что просчитался, обнаружив себя. Что это обычные дворцовые интриги. Мало, что ли, тех, кому мог мешать Кавага? Может быть, и настолько, чтоб убить. Он слишком зажился. Впрочем, что ему, разве она рассказала бы уже кому-то? Но пусть он поверит, боги, пусть поверит... Пусть у Вира будет ещё хоть сколько-то времени...

Кинжал дракха начал проворачиваться.

— Отдавай кристалл.

Значит, на нём что-то ценное для тебя? Что ж... Линдисти сделала единственное, что могла — проглотила кристалл. Возможно, это бесполезно, он вспорет её ещё трепыхающееся тело, разве ему за труд... Но пусть у него, мрази, будут ещё хотя бы какие-то сложности.

Но повернулось иначе. Кинжал выскользнул из тела, и дракх растворился в тени, словно был всего лишь бредом умирающего сознания. За распахнувшейся дверью стоял Вир.

Точкой сбора на сей раз было на удивление не экстремальное место — дом одного из агентов, пригород Теруссы, нарядные садики и приятно нелюбопытные соседи. Что они подумали о наплыве такого неожиданного странного сброда — остаётся невыясненным, может, они решили, что это дальние родственники господина Гратини, может быть, господин Гратини загодя сочинил какую-то подобающую легенду... Рикардо, например, и сам бы что-нибудь охотно сочинил, но сейчас его воображение больше всего будоражила возбуждающая перспектива горячей ванны, полноценного обеда и наконец масштабного и обстоятельного совещания.

Жена господина Гратини скользнула по одеянию Лаисы неодобрительным взглядом, но

не сказала ничего — она считала своим долгом подчиняться решениям мужа. Андо усмехнулся — кажется, заодно она приняла и их с Дэвидом за Лаисиных коллег... Впрочем, его это как-то мало беспокоило.

Господин Гратини, даром что начальник городской полиции, имел настолько мирный и беззащитный вид, что в нём, наверное, в последнюю очередь можно было заподозрить агента. А между тем, именно его агентурная сеть простиралась на пределы трёх провинций вокруг и работала совершенно без накладок — единственный раз, когда на них вышел соглядатай, его устранили настолько быстро, технично и бесшумно, что могло показаться, что его не существовало вовсе. Именно Гратини и его люди разработали систему позывных, явок и паролей, которую в итоге переняли остальные. Он долго с чувством пожимал руку Рикардо:

— То, что вы собрались сделать, любой бы назвал невозможным... А между тем вы это почти сделали.

— Мы не смогли бы этого сделать без вас. Нас всего два десятка на весь огромный Центавр... было, было совсем недавно два десятка... мы почти без связи, если б не ваша своевременная помощь, хотя бы просто с перемещением на дальние расстояния... Без вас мы могли бы, положим, найти точные координаты, а вот подобраться ближе пяти километров к периметру... Не говоря уж о том, чтоб перевозить эти бомбы через четверть континента... Это ведь даже в случае нашего полного и безоговорочного успеха — только на собственном горбу, «Асторини» тоже не может шнырять там и тут и не примелькаться... Я снимаю шляпу, Гратини. Как вам это удаётся, под носом у дракхов и так, что они этого не видят?

— Ну, у нас тут большой опыт... Закулисной возни... Дракхи, может, и наследники Теней и всё такое, и технологии у них страшнее наших, и сверхспособности всякие... А в навыках шпионажа им центавриан нипочём не догнать. Дракхи все эти годы действовали тайно, чужими руками, это их и погубило. Чужие руки — они всё равно чужие. У нас есть связи везде... Потому что Центавр — это вообще одна большая связь. Кто-то кому-то родственник, хотя бы дальний, кто-то кому-то должен, кто-то по давней дружбе сольёт информацию, кто-то в обмен на компрометирующие файлы проведёт куда нужно... У нас так делалось веками, а они всё же пришельцы здесь, они не знают наших традиций. Они думали, что поняли наш характер, сумели сыграть на его основных чертах... Ну, всё не бывает так просто, как им бы хотелось. Не с Центавром. К тому же, не сказать, чтоб они именно не видели... Просто они не совсем понимают, что именно они видят...

Милиас в беседе участия практически не принимал — он настраивал аппаратуру. У него наконец пошёл хороший сигнал, и он весь ушёл в работу. Андо уполз принимать ванну, в сопровождении Уильяма — он всё ещё немного хромал, и Уильям при каждом удобном случае носился вокруг него, как курица вокруг цыплёнка. Госпожа Диана Гратини собирала на стол, Лаиса вызвалась ей помочь — вызвала новую порцию недовольных гримас, но прямого отказа не встретила. Дети облепили Дэвида и зачарованно трогали пальчиками его рожки — инопланетян они, ясное дело, не видели в своей жизни никогда.

— На самом деле, у нас мало времени... Нам удалось дезинформировать дракхов, послав от имени тех соглядатаев, которых они отправляли проверить бомбы, сообщения, что всё в порядке... Но когда они обнаружат, что самих соглядатаев больше нет как факта... Нет, ну некоторые живы, но со стёртой памятью заброшены в глухомань... Надо уже сейчас заботиться об эвакуации, либо мы её проведём в ближайшие пять дней, либо не проведём вовсе. Я связался с агентами Дормани, они ищут корабль, но пока безуспешно... Но есть

вариант. Он, правда, под очень большим вопросом... Агентам Дормани удалось выкрасть пару этих новых двигателей дракхов...

Рикардо поперхнулся джалой.

— Что?! Есть что-то, чего им в принципе не удаётся?

— А что в этом сложного? У Дормани брат — инженер на этом заводе... Так вот... Если эти двигатели поставить на «Асторини»... Конечно, нет никаких гарантий, что их удастся синхронизировать... Но в случае удачи мы лишим их преимущества в скорости.

— Тогда уж украдите и какое-нибудь оружие — «Асторини» практически беззащитна...

— Кроме того — думаю, вы понимаете, бомбы с северного полушария нерационально транспортировать тоже на склад у Каро, далеко и рискованно... Необходимо создать второй склад. По-хорошему, складов должно быть минимум четыре, но такое рассредоточение наших сил тоже несёт определённые риски... Подготовленной армии у нас всё-таки, увы, нет. Максимум, на что мы можем рассчитывать — это на несколько дивизий Ларю... Сегодня вечером я жду доклада о ситуации на северном полушарии, тогда и определимся с дальнейшими действиями.

Со стороны Милиасова угла раздался торжествующий вопль — похоже, ему наконец добаться в святая святых.

— Так, я нашёл данные о их кораблях, размещении и... Упс. Вы всё задавались вопросом, чем таким заняты дракхи, что до сих пор до нас не добрались? У них тут и правда проблемы посерьёзнее... Помните, Лаиса передала слух о каких-то диверсантах? Так вот... Очередной дракхианский корабль-разведчик напоролся в гиперпространстве на корабль рейнджеров Альянса. Или они на него напоролась... Совершенно случайно, конечно же. В завязавшемся бою рейнджеры умудрились взять корабль на абордаж... На захваченном корабле они преодолели защитные кордоны Центавра — скопировали дракхианский код, само по себе уже фантастика... Беспрепятственно пролетели над дракхианской базой и расстреляли с воздуха десять их кораблей. После чего скрылись в горах, откуда время от времени вылетают и вступают в перестрелки с дракхами и подконтрольными им кораблями центавриан. На сегодняшний день...

Рикардо выскочил из-за стола.

— Что-о?! Дай гляну... Я своими глазами должен это увидеть... Чтоб я сдох, а! Шеридаан! Я знал, что он готовит второй десант для отвлекающего манёвра, но это... это...

— На данный момент, кроме тех десяти, выведены из строя и находятся в починке ещё два, три получили лёгкие повреждения. Диверсантам, правда, тоже нанесён ущерб... Средней тяжести, но боеспособность они сохранили... В ответ на официальный протест правительства диверсанты заявили, что не нападали на Приму Центавра, а преследуют давних врагов Альянса, виновных во множестве военных преступлений, и будут только рады, если они уберутся с планеты, продолжить бой в космосе...

Винтари тоже оторвался от жаркого.

— Это шедеврально... Но почему они не вызовут подкрепление «Белых звёзд»?

— Я полагаю, — потёр подбородок Рикардо, — они уже сообщили, и «Белые звёзды» в пути, но в бой не вступят и вообще сюда не выйдут до тех пор, пока мы не закончим свою работу. Чтобы дракхи думали, что это одиночный отряд, и надеялись одержать победу малой кровью. Иначе они могут и взорвать те бомбы, что мы всё ещё не изъяли — чисто хотя бы из вредности...

— Жаль, что они одни, один корабль, оказать нам огневую поддержку не смогут...

— Это и не их задача. Они делают всё, чтобы сосредоточить внимание дракхов на себе. Нам придётся действовать самостоятельно.

— Интересно, кто там... Кто из тех, кого мы знаем... Наверняка Тжи'Тен и Ше'Лан, не зря же они на том совещании тоже были... Только продержитесь, ребята. Ради Амины...

Вернулись из ванны Андо и Уильям. Следующим, после недолгих препирательств, отправили Дэвида.

— Мы явно срываем им все графики, — продолжал, с ноткой удовольствия в голосе, Милиас, — они планировали старт через десять дней...

— Ну что сказать — здорово... А там сказано, куда они собирались отправляться, наконец? Я этой интригой как-то уже истомился.

— Сказано... Так, подождите... Сейчас открою полную информацию... Потребуется некоторого времени, для включения фильтра.

— Если угодно моё мнение, — снова подал голос Гратини, — то вот что неплохо бы сделать... скинуть агентам Дормани и Тери координаты их баз... Распределить по сформированным группам самых сильных из ваших телепатов...

— То есть, по сути, это всех, кроме Брюса...

— На базу, среди персонала, приходится, по моим прикидкам, не более трёх остраженных... Обычно кто-то из старшего персонала... Если вырубить их, можно обойтись без жертв среди местного населения и заодно существенно уменьшить их силы.

— Мысль хорошая... Дождёмся информации по оставшимся бомбочкам и спланируем дальнейшее. Когда разберёмся, по крайней мере, с глубоко залегающими бомбами...

— Готово! ...Великий создатель!

— Что, что там? — подскочили уже все, включая Гратини.

— Я не уверен, что смогу адекватно передать... Натуральная фантастика...

— Какая-то технология, которая смогла впечатлить аж наследников Теней?

— Портал в другое пространство?

— Новые союзники?

— Это планета. Но... необычная планета.

Рикардо вчитывался через плечо, и глаза его округлялись.

— Милиас, я, честно говоря, не очень твёрдо разбираюсь вот в этой терминологии... Потому что картина, которая напрашивается, уж очень...

— Это мыслящая планета, Рикардо. То есть, не то что даже мыслящая... творящая. Творящая по мысли. Воплощающая идеи. Способная создать что угодно. Первичный океан, способный родить практически... всё.

— Это как «Солярис» у Лема, что ли? — вытянул шею Винтари.

— К стыду моему, не читал, — хором ответили Рикардо и Милиас.

— Если всё так... масштабы можно представить.

— Если дракхи получают такую планету... Я вот лично даже представлять не хочу, чего они там насоздадут.

— Им не просто нельзя дать возможность стартовать так, как ни задумали... Им нельзя позволить покинуть этот сектор.

— Иными словами — уничтожить, — сверкнул глазами Андо.

— Вот в чём в чём, а в этом, парень, тебе тут никто возражать не станет. И одного дракха для такой планеты излишне много.

Вечернее совещание затянулось глубоко за полночь, поминутно ещё кто-нибудь выходил на связь, Гратини чертил на разложенной на столе карте схемы, сонные дети подслушивали из-за дверей, хотя их уже многократно отправляли спать... Тем не менее, встал Рикардо на рассвете — привычки, вырабатываемые годами, не перебежьшь ничем. Дом Гратини располагался очень удобно в том плане, что его сад плавно переходил в лужайку, ведущую к небольшому леску с озером. Туда он и направился на утреннюю прогулку — в дикорастущие центаврианские цветы он уже успел влюбиться.

Они другие, чем на Земле и тем более на колонии, где он вырос. Они иначе пахнут. Но они тоже улыбаются рассвету множеством глаз — золотых, синих, лиловых... Из них тоже собирают букеты и вяют венки. У каждого, кто много времени проводит в космосе, есть что-то, чему его больше всего не хватает из даров планетной тверди. Высокие, по пояс, цветущие полевые травы — то, о чём больше всего грезил он в те времена, когда вынужден был скитаться по космосу в незавидном качестве мелкого контрабандиста...

Спустившись к озеру, он обнаружил, что встал в этот ранний час не один. На берегу сидела Лаиса. Наклонившись к воде, так что коса её почти касалась водной глади, она зачарованно поглаживала пальцами кромки сиреневых цветов — центаврианских водяных лилий.

— Рикардо? С добрым утром... Только тише, молю вас. Они пугаются громкого голоса.

— Пугаются? — голос Рикардо, на всякий случай, понизил до шёпота.

— Да. Сразу прячутся. Разве вы не знали, что многие центаврианские растения реагируют на звуки?

— Слышал, Диус что-то такое рассказывал... Но я думал, это вроде того, что от добрых слов цветы лучше растут... Кажется, в дороге нам такие растения ведь не попадались? Сплошь какие-то бесстрашные. На самом деле — я не силён, конечно, в биологии, но полагаю, это в таком случае животные. У растений же не может быть нервной системы?

— О, ну что вы говорите! Животные — они могут перемещаться... И что странного, ведь все растения реагируют на свет, тянутся к нему — почему б некоторым не реагировать на звук?

— Вероятно, потому, что такие растения как-то... Минбару более приличествуют. Сидящего в тишине и созерцающего цветок центаврианина мне гораздо труднее представить. Вы слишком кипучи, деятельны...

Лаиса рассмеялась.

— На самом деле мы ленивы и падки на удовольствия. Но чтобы иметь возможность иногда на благостную праздность, приходится развивать эту самую кипучую деятельность.

— Простой народ в любом мире очень трудолюбив.

— А куда ему деваться? Но дай волю — любой лежал бы целыми днями и оглаживал брюхо. Вы не знали, что самый распространенный сказочный сюжет у нас — внезапное обретение власти и богатства?

— Да так не только у вас... И всё же — почему я не верю?

— Ну, может быть, потому, что первым делом познакомились с Диусом. Да, очень хорошо, что я узнавала всё постепенно. Узнай я сразу, что имею честь общаться с наследным принцем — умерла бы от шока на месте.

— Ну, мне, если честно, даже не понять вас в этом. У нас, землян, монархия давно ушла в прошлое. Она держалась ещё формально в 21 веке... Но в 22 высокородные окончательно растворились среди обычных граждан. Поэтому всё это воспринимается как какая-то... ну,

забавная формальность. Я слабо представляю, как должны вести себя принцы, не общался с ними как-то много и запросто. Аристократы вообще — да... Видел некоторое количество. Ну и — они были очень разными. И Диус... ну, наблюдая за ним, я понял, что некоторая его нервность — вот то, что он вынес из своего происхождения и положения. Ну и конечно, ту удивительную жадность, с которой он изучает Центавр. Свой мир, в котором он может быть, и не станет императором, но останется принцем... Тот мир, который прежде был от него скрыт. Он сказал как-то, что только с Минбара сумел увидеть Центавр по-настоящему.

Рикардо перевёл взгляд на водную гладь. Всё-таки, видимо, они говорили громко. Лилий больше не видно. А ведь они точно здесь были. Что ж, спрятались так спрятались, их священное право.

— Центавр не узнаешь, не выходя из дворцов и дворцовых садов. То есть, узнаешь, но другой... Другой Центавр... Я предпочитаю всё же этот. Тот, что в малых городах, деревнях, труппах, полях и таких вот тихих уголках. Там, где нет современных дорог и шума машин, нет многословия и пустословия, где люди меньше врут. Пусть не дороги, а сплошные кочки и канавы, пусть дома лепятся друг к другу и друг за друга только держатся, чтоб не рухнуть, пусть не клумбы с люриями, а чертополох... Зато он, этот Центавр — настоящий, искренний, родной. Хоть и суровый, жестокий порой, не без этого... Но до жестокости Центавра официального, высокого ему нипочём не достать. А ещё он больше всего похож на Центавр из тех песен, что поёт Дэвид. Вы слышали, как он поёт? Я слышала. Он исполняет их, даром не центаврианин, очень... правильно. Так, как надо, с нужными чувствами. Он зажигает сердца. Знаете, может, такой Центавр, как в этих легендах, и не существовал никогда... Может, они все вымышленные — король Лорен и его верный оруженосец, и другие герои... Но их стоило выдумать. Я думаю, очень хорошо, если центавриане будут верить, что у них именно такие предки, любить их и гордиться ими, и в их примере черпать силу... Когда я сижу здесь, или в цветущем поле, или на камне у реки — мне король Лорен кажется реальней, чем все министры и советники современности. Я знаю, конечно, он жил не здесь, многим севернее... но я просто представляю, что он наверняка так же сидел у воды на рассвете.

— Помнится, мы с вами начинали говорить о том, во что вы верите...

— Точно. Не смогли закончить — соглядатаи дракхов помешали. Но я сказала вам тогда, что боги есть, но точно другие, чем их любят изображать. Да, это определённо так. Эти имена, эти статуи, и всё, что им приписывают — это уже людское. Пошлая одежда, в которую переодели настоящих богов. Во времена героев их и звали иначе, и поклонялись им иначе. И тогда мало кто верил, что у каждого бога свой особый загробный мир для его почитателей. Чаще всего вообще и не было отдельного загробного мира... Духи героев оставались рядом с нами, наблюдая жизнь потомков, незримо помогая. И общались с богами напрямую. Боги просто жили в особых уединённых местах, и часто посещали города и селения смертных — просто, видимо, от скуки.

— А потом смертные исследовали свой мир, так, что неизведанных уголков просто не осталось. И боги переселились в свои внеземные вотчины, и души умерших забрали туда же к себе.

— Точно. И знаете, жить стало намного скучнее. Нет, не то чтоб я прямо жила прошлом, идеализировала его... Я и знаю его мало. У меня нет образования, я не читала умных книг. У нас, незнатных, отребья, бродяг, своя история — из сказок и песен, и религия на самом деле своя. Даже если те же имена произносим. Может, потому мы обращаемся к

прошлому, что тогда мир не был не только изведен, но и поделен, как сейчас. И короли были полководцами, и гибли в сражениях рядом с простыми солдатами. И брали в жёны дочерей простолюдинов — просто за красоту, за приятный нрав, и потом объявляли, что это дочь бога-покровителя, или сама сошедшая к людям богиня, и в роду королей теперь течёт божественная кровь... И простые возвышались — за отвагу и честность... Понятно, большая часть из этого — только сказки. Которые сами же люди и сочиняли, чтоб украсить свою жизнь. Но эти сказки веками были рядом с нами и... Мы соткали из него себе прошлое, такое прошлое, которого у нас не было, а теперь оно так же реально, как тома родословий знаги. И теперь я смотрю и понимаю — в ком-то из вас вернулись эти герои. В Диусе уж точно. Он один из этих славных королей. А Андо — сын бога, гостящий в мире смертных. И Дэвид, наверное, тоже. И души ваших прекрасных ребят, которые погибли в этой миссии — теперь останутся жить среди нас. Будут наблюдать за жизнью живых, будут говорить с богами.

— Прочь, мирные парки, где, преданы негам,
Меж роз отдыхают поклонники моды!
Мне дайте утёсы, покрытые снегом,
Священны они для любви и свободы.
Люблю Каледонии хмурые скалы,
Где молний бушует стихийный пожар,
Где, пенясь, ревет водопад одичалый,
Угрюмый и грозный люблю Лок-на-Гар!

Ах, в детские годы там часто блуждал я
В шотландском плаще и в шотландском берете.
Героев, погибших давно, вспоминал я
Меж сосен седых в вечеряющем свете.
Пока не затеплятся звезды ночные,
Пока не закатится солнечный шар,
Блуждал, вспоминая легенды былые,
Рассказы о детях твоих, Лок-на-Гар.

О, бедные воины, разве видений,
Пророчащих гибель вам, вы не видали?
Нет, вам суждено было пасть в Куллодене,
И смерть вашу лавры побед не венчали.
Но всё же вы счастливы, пали вы с кланом,
Могильный ваш сон охраняет Бремар,
Волынки вас славят по весям и станам,
И вторишь их пению ты, Лок-на-Гар.

Давно я покинул тебя и не скоро
Вернусь на тропы величавого склона.
Лишен ты цветов, не пленяешь ты взора,
И все ж мне милей, чем поля Альбиона.
Их мирные прелести сердцу несносны,

В зияющих пропастях больше есть чар!

Люблю я утесы, потоки и сосны,

Суровый и мрачный люблю Лок-на-Гар!

— Как красиво... Ваше?

Рикардо рассмеялся.

— Куда мне... Это Байрон.

— Отец Андо?

— Нет, другой. Тот, который Джордж Гордон, был на Земле в 19, что ли, веке такой поэт... Это Диус, кстати, порекомендовал мне довольно хороший перевод на центаврианский, я даже не знал, что такие переводы существуют...

— Диус — великого сердца человек, великого духа. Если однажды станет императором — не сомневаюсь, империю ждут удивительные перемены. Он многому хорошему там у вас научился. Вообще все ваши мальчики хорошие. Дэвид такая куколка... Я вообще не думала, что когда-нибудь увижу полукровку минбарца с человеком. И что она будет столь очаровательна. А он ещё и невероятно добрый. До беззащитности.

— Не знаю, Лаиса, когда вы успели всё это понять, но, пожалуй, да.

— А Андо... я часто думаю о его истории. Нет родителей, которые могли б считать его героем. Он один... Нет, не один, конечно, у него есть вы. Но ведь потеря родителей — это рана в сердце ребёнка. Я своих хотя бы не знала — не слышала их имён, не видела их лиц, не о ком мне грустить. К тому же, его нарнское воспитание... Грустно всё-таки, когда ребёнку с детства приходится быть воином. А он держится, он справляется. Если б я была его матерью, я б очень гордилась таким сыном.

— Если б я был его отцом, я б ему ремня хорошего всыпал... Но это так, между нами.

Они помолчали. Пальцы Рикардо медленно ползли к руке Лаисы, но всё не решались её коснуться.

— Волшебное утро... Такое тихое и ясное, словно не предстоит нам совсем скоро война... Но наверное, всегда оно так... Наверное, это естественное преддверие сражения, благословение Создателя и обещание: всё будет хорошо. Будет ваша победа, и вы героями вернётесь на родину.

— А вы? — спросил Рикардо подчёркнуто весёлым, беспечным тоном, — что вы собираетесь делать, когда всё закончится? Куда отправитесь?

— Честно? Пока не знаю. Не думала об этом. Я, как никогда, довольна настоящим моментом, и о дальнейшем не хочется думать. И с планами ведь как бывает — строишь их, предполагаешь, а выходит всё равно по-другому.

— А чего бы вы хотели? Ну, вот если представить, что всё закончилось, и...

— Опять же не знаю. Чего можно хотеть, когда тебе уже выпало высочайшее счастье — быть по-настоящему полезной? Ну, прежде для меня не вставало проблемой — куда идти, что делать. На сезон, на время работники много где нужны. В этих-то краях особенно — это регион цветочников, скоро как раз срезка очередного урожая, а это много нужно рук... И в кабаках местных прислуга всегда требуется. Ну а надоест — пойду дальше... Господин Гратини обещал, конечно, сделать мне удостоверение личности — просто так, по доброте и как соратник по общему делу, и я очень благодарна ему, действительно благодарна. С этим удостоверением я, конечно, могла б и на постоянную работу где-то устроиться, может быть даже, очень хорошо устроиться. Но уже не знаю, смогу ли так. Я всю жизнь жила с тем, что для отребья, детей улицы, у тех, кому больше повезло, не больно чего много найдётся —

скотный двор убирать да там же со скотиной спать. Я вижу теперь, конечно, что у тех, с кем свело меня наше общее дело, иное отношение. Господин Гратини, семьи Арвини и Каро, я знаю, собираются дать работу некоторым агентам, ребята говорили со мной об этом... А я не знаю. Не то чтоб я готова была непременно отказаться — всё же, я понимаю, что ими движут честные и благородные мотивы, и это логично вполне... Но всё же. Не заставит ли нас всех возвращение к обыденной жизни вспомнить, кто и откуда мы есть? Меня, наверное, заставит. Слишком большая между нами пропасть...

— А между нами?

— О чём вы? Рикардо, я не с обидой ведь это! Вы землянин, вы, сами говорите, иначе смотрите. А на Центавре все эти барьеры — это очень важно, это незыблемо... Вы можете смотреть на всё это свысока, вы здесь временно, и поставленный гребень и эта одежда — это только этап вашей жизни, как бы много вы ни узнали и ни прочувствовали здесь — вы землянин, рейнджер, гражданин Альянса. У нас с вами другие барьеры — границ миров. Вы улетите, я останусь здесь.

— Лаиса... — голос Рикардо дрогнул, как и его пальцы, коснувшиеся пальцев женщины, — Лаиса... Быть может, совсем скоро всё кончится. Героями ли мы вернёмся, или просто хорошими солдатами, выполнившими то, что им поручено... Скажите, Лаиса, вы хотели бы отправиться с нами? Со мной? Увидеть Минбар... Ну и не только Минбар, много что...

Она грустно улыбнулась.

— Что я там делать буду.

— А здесь вы что делаете? Нет, я понимаю, вы патриотка и любите Центавр... Хотя думается, Иржан, Милиас и Амина любят его не меньше. И вы, быть может, считаете незыблемыми эти барьеры... А я — нет! Может, и эгоистично так говорить, но хочется мне один цветок тут выкопать из родной почвы и увезти с собой. Я влюбился в вашу стряпню, Лаиса. В ваши золотые руки, которые для нас готовили, стирали, обрабатывали рану Андо, помогали с нашей маскировкой... В ваш героизм — простой, жизненный, правильный. Такой, какой я больше всего уважаю.

Взошедшее солнце бросало сквозь листву золотые пятна на лицо Рикардо, затенённое не уложенными волосами, его руки, взволнованно поглаживающие стебли травы и кору древесного ствола.

— Тогда, в тот первый вечер, когда, помните, вы мыли пол в этом сарае, пока мы монтировали терминал для Милиаса, я поминутно оборачивался и смотрел на вас... Вы всё пытались заколоть косу, чтоб она не полоскалась по полу, шёпотом ругались... Вы не найдёте, наверное, в этом моменте ничего особенного... А я, кажется, именно в тот момент ясно понял, что... И в конце концов... Вы чертовски красивая женщина, Лаиса! Я нечасто встречал в своей жизни женщин, которые западали бы мне в сердце так, что невозможно не думать ни днём, ни ночью. Может быть, хотя бы какое-то время... вы могли бы увидеть новые места, новые лица... А потом, если хотите, вернуться на родину. Но хоть некоторое время вы провели бы рядом со мной.

Лаиса обернулась ошарашенно. До сих пор она не слышала у него такого взволнованного голоса, и уж точно не ожидала таких слов.

— Рикардо, но я же центаврианка. Мы разных видов, как бы ни были подобны внешне.

— Я рейнджер, какие могут быть расовые предрассудки! Межрасовых союзов я видел... побольше, чем только семья президента. В анлашок кого только нет. Как раз центавриан там

явный дефицит.

Женщина горько рассмеялась.

— Если вы забыли, я проститутка. Не та профессия, которой можно гордиться.

— Ну и что? Я тоже был контрабандистом.

— Во всех известных мне мирах это считается грязью.

— Вы не грязь, Лаиса, и никто не смеет так говорить. Нет вашей вины в том, чем сделала вас жизнь, есть только ваш героизм. Вы отдавали миру больше, чем он способен был оплатить, и при этом сохранили чистоту и силу духа.

— Вы странный романтик, Рикардо.

Рикардо, до этого откинувшийся спиной на травянистый пригорок, рывком сел.

— Наверное. Но я просто хотел бы увезти с собой самую красивую женщину на Центавре, хотел бы никогда не забывать вкус её пирогов и этой... как её... живасы, хотел бы... Чёрт, я понимаю, что всё это звучит для вас дико. Всё, что касается любви, чувственного влечения, для центавриан всё же с землянами никак не связано. Мы нравимся вам внешним сходством, но если вспомнить о различиях...

— Если вспомнить о различиях, то ведь и землянину центаврианка... ну, как бы ни симпатична была внешне — на самом деле монстр. Наши спины для вас выглядят чудовищно...

— Примерно так, как для вас наши бока, вероятно. Согласен, это проблема. Только наши две расы имеют столько и сходств, и различий разом. Это какое-то даже издевательство вселенной... Но видите ли, это уже не стоит для меня как вопрос. Точнее — то, что я полюбил центаврианку, это уже свершившийся факт, его никуда не денешь. Вопрос теперь — любит ли эта центаврианка меня, или хотя бы готова ли быть ещё в моей жизни хотя бы соседкой... В этом случае, согласитесь, наши различия не имеют совершенно никакого значения. А если любит... если любит — то тоже не важно. Большого счастья всё равно не бывает, а что так распорядилась судьба, что мы физиологически несовместимы — что с этим поделать. Любовь от этого не проходит почему-то.

Лаиса уронила лицо в ладони и долго сидела так. От голоса Рикардо горячие мурашки пробежали по телу, и так хотелось то ли спрятаться, скрыться, как водяной цветок от громкого звука, то ли броситься навстречу этому счастью и страху с таким же безумием, с каким Дэвид шёл навстречу огню...

— Знаете, моё любимое место в резиденции Альянса — сад. Когда я там бываю, я нахожу минутку, чтобы выйти туда, прихожу к какой-нибудь клумбе и ложусь с ней рядом, кладу голову в цветы — аккуратно, конечно, там каждая клумба — шедевр... Это минута сказки. Я рейнджер, я не могу обещать вам спокойной мирной жизни в домике вроде этого... Я просто хотел бы, возвращаясь с учений, приходиться к вам и класть голову вам на колени. Вы — моя клумба. Вы моё цветущее поле, мой отдых между сражениями, мой источник силы. Никакой другой больше вас не заменит.

Центаврианка подняла взволнованное, заплаканное лицо.

— Клумба я, ага... Чертополоха... Много я слышала в своей жизни, многое могла ожидать услышать. Но не это. Не это. Наверное, я должна найти какие-то слова, чтобы урезонить вас, отказаться... Но умных слов что-то не находится, а глупых произносить не хочется. Я центаврианка. У нас редко бывает так, чтоб твоё солнце, твоё счастье было с тобой, чтоб сердце не рвалось на части. Я согласна. Я говорила вам, бывало уже такое, что мужчины хотели, чтобы я осталась с ними — и всегда я бежала от их желаний. Я не чужда

мечты, как любая центаврианка, однажды возложить венок на голову того, кто был бы моим щитом, а я — его цветком, пьющим свет восходящего над ним солнца... Хотя сама моя любовь к жизни и свободе должна б требовать бежать от самой мысли о таком чувстве — всё же я желала его испытать. Я просто хранила эти мечты глубоко в себе, и думала, что никогда не встречу мужчину, который заставит круто изменить мою дорогу жизни. Кто явится передо мной без фальшивого блеска, подлинным героем, выше счастья стоять по правую руку его — не бывает... И уж точно не думала, что он окажется инопланетянином...

==== Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл. 7. Танец в огне =====

Гл 3. Танец в огне

Budjonny Reiterlied (Конармейская) — Немецкий

Музыка: Дмитрий и Даниил Покрасс Слова: Erich Weinert

Und sie nahten sich brausend an die hundertmaltausend,
unsern Sieg zu ersticken in Blut.

Doch wir saßen zu Pferde und es stand unsre Erde
vom Kuban bis zur Wolga in Blut.

Und wir sprengten geschlossen als Budjonny's Genossen
wie ein Sturm in den feurigen Dampf.

Und wir packten die Zügel, über Täler und Hügel
ging es vorwärts, zum ruhmvollen Kampf.

Und es bleichen wie Steine die verfluchten Gebeine
unsrer Feinde nach blutigem Tanz.

Wir vertrieben vom Lande die verruchten Bande,
Atamane und polnischen Pans

Седой врач в мантии Главного Хирурга говорил спокойно и ровно — возможно, от усталости, но руки его нервно теребили складки мантии.

— Сейчас её жизнь вне опасности. Несмотря на чудовищную кровопотерю, которую вы имели несчастье видеть, нам удалось быстро стабилизировать состояние — тысячи доноров и поныне готовы в любой момент быть здесь, чтобы пожертвовать свою кровь вашей... сиятельной леди. Лучшие врачи Республики сейчас здесь — кроме двоих, которым приходится, увы, добираться из колоний... И мы не покинем своих постов до того момента, когда вашему величеству угодно будет нас отпустить. Всё, что в возможностях медицины Центавра, будет сделано. Я полагаю, то есть, я не могу ручаться со всей уверенностью — потребуется не менее десяти операций, чтобы можно было сделать заключение — что ходить она будет. Однако, к великому сожалению, почти нет шансов, что когда-либо несчастная леди сможет иметь детей. Разумеется, лучшие доктора Республики готовы будут сделать делом жизни исцеление леди Линдисти, но, понимаете, клинок...

Вир, рассеянно кивавший — ох, что и говорить, яркое впечатление оставил по себе император Картажье, так что за 16 лет правления Лондо это впечатление не прошло, сколько страха и сдержанной обречённости за этим внешним спокойствием, не говоря уж о том,

сколько талантливых врачей, опасаясь за свои жизни, отсиживалось по далёким колониям, а то и вовсе в чужих мирах — счёл возможным прервать доктора.

— Я услышал главное — она жива и её жизнь вне опасности. В остальном я целиком доверяю вашему профессионализму, доктор Рудо. Вашему и ваших коллег. Слава медицины Центавра велика далеко за пределами Республики, вы не посрамите славную династию и не пренебрежёте моим расположением, не сомневаюсь. А сейчас я хочу знать — могу ли я её увидеть.

— Э... разумеется, ваше величество, леди сейчас в сознании, и её состояние, как я сказал, стабильно... Быть может, вас так же заинтересует, что во время операции мы извлекли вот это...

Вир взял с ладони врача небольшой розовый информкристалл.

— Благодарю. Проведите же меня к ней.

Члены императорской семьи и двора редко бывают в больницах, даже в лучших госпиталях Республики, как этот. Только если случается что-то действительно очень серьёзное, требующее специального медицинского оборудования, усилий целой реанимационной бригады, как сейчас. Во всех «простых» случаях — более лёгкие ранения, сердечные или печеночные приступы, роды и женские и детские болезни — врачи прибывали со всем потребным к пациенту и оказывали помощь на дому. Так было принято, так велела традиция. Поэтому здесь Вир был до этого дня только один раз, когда навещал вместе с Лондо умирающего Антиллу, последнего из его братьев. И теперь интерьеры госпиталя внушали ему неподобающую властной особе робость, среди этой безупречной возвышенной строгости, этого величия, непохожего на обычное центаврианское понимание величия и всё же несомненного, он испытывал почти позабытое чувство — словно он потерявшийся маленький мальчик. В прошлый свой визит Вир думал, как контрастно, неестественно смотрится дряхлый, безобразный ввиду старости и болезни Антилла среди этой чистоты, тишины, благородной гладкости и сияния поверхностей. Здесь всё — и стены, и полы, и мягкая невесомая ткань простыней и занавесей — таково, что кажется, среди этого могли бы сметь существовать только боги, в которых нет никакого несовершенства, никакой грязи. И разве что их скромные слуги — доктора, в своих длинных белоснежных с золотым мантиях, в высоких головных уборах, оборачивающих гребни. Но сейчас — сейчас было иначе. Линдисти не оскорбляла собой совершенство того, что её окружало. Её молодость и красота были как драгоценный камень в оправе платформы, поддерживающей и переворачивающей её тело, и всех связанных с нею медицинских приборов. В оправе, сохраняющей, берегущей её жизнь, такую хрупкую, такую драгоценную.

— Ваше Величество... Не стоило так беспокоиться, чтоб приходить сюда. Со мной всё хорошо. Правда, всё хорошо. Здесь самые лучшие врачи Империи...

В её глазах страх. Не страх того, что их могут подслушивать — этого страха давно нет, это ведь стало нормой, повседневностью, да и здесь она может этого не бояться — по своей, во всяком случае, глубокой убеждённости, что они предпочитают полумрак. Сюда они не последовали бы. Но она беспокоится о том, что он оставил дворец сейчас. В такой момент, когда тайное стало явным, когда времени и без того оставалось, возможно, очень мало... Кто знает, что может произойти.

— Я знаю. У тебя будет всё лучшее, что только возможно. Я позабочусь об этом, Линдисти. Я когда-то обещал защищать тебя... Я не смог. Но по крайней мере, я исправлю

последствия своей ошибки.

— Забудь об этом. Это моя вина, моя неосторожность. Прости меня... Но я не могла иначе. Я должна была рискнуть...

Нет, их здесь нет. Во всяком случае, пока нет. Почему? Настолько ли им нестерпим свет, или по какой-то причине не сочли нужным? Вероятно, у них есть сейчас задачи поважнее, чем добить отчаянную диверсантку или даже просто следить за ней... Вир повернулся к стоящему рядом, как молчаливое изваяние, доктору.

— Скажите, Рудо, у вас ведь здесь есть высокоточные лазерные ножи? Способные работать с очень мелкими... предметами?

Врач вздрогнул от неожиданности.

— Э... конечно, ваше величество. В нашем госпитале есть различные лазерные инструменты, любых калибров и характеристик... Что конкретно вас интересует?

Вир вернул в его ладонь информкристалл.

— Я хочу, чтоб это распилили на две равные половины.

Рудо вытаращился на кристалл, словно впервые видел его.

— Но, ваше величество, это ведь информкристалл...

— Я прекрасно знаю, что это такое, Рудо. Распилите его.

— Но ведь тогда... информация на нём будет безнадежно утеряна.

— Это меня не волнует. Я жду от вас два камня вместо одного. И чем скорее, тем лучше.

Доктор встрепенулся. Каким бы безумием ни казалась какая-либо императорская причуда — её следует воплощать, а не обсуждать.

— Как вам угодно, ваше величество. Будет исполнено сию минуту. Будут ещё какие-либо указания?

— Пожалуй... не указания, а пожелания. Я не очень хорошо разбираюсь в технологии, видите ли, и не знаю, есть ли у вас лазер с достаточно тонким лучом... но если есть... Выгравировайте на каждой половине имя. На одной — «Вир», на другой — «Линдисти». Если это будет не слишком сложно.

Доктор Рудо поклонился и исчез за дверью. Линдисти смотрела на Вира огромными ошарашенными глазами.

— Но, Вир... зачем это? Сперва я подумала, что ты хочешь просто уничтожить кристалл, и это, конечно, твоё право...

— Рудо не посмеет ослушаться. Он сделает так, как ему приказано. Что бы ни содержалось на этом кристалле... Для нас оно, конечно, будет потеряно — но и для них тоже. Надеюсь, ты простишь мне, что я нашёл этой вещи такое необычное применение, но таков мой каприз. Но ты ещё можешь высказать свои пожелания касаясь оправы.

— Оправы?

— Ну разумеется, кольца ведь не могут обойтись без достойной оправы! Тем более когда речь идёт о кольцах императорской четы. Многие аристократические дома взяли на вооружение эту очаровательную земную традицию обручальных колец, и некоторые историки утверждают, что такая традиция бытовала в прежние времена и на Центавре, но, к сожалению, забылась... Я думаю, нам совершенно не зазорно будет присоединить эту традицию к обычаям высокородных домов...

— Вир!

— Линдисти, я почти сорок лет Вир, и теперь я хотел бы, чтоб меня называли «мой драгоценный супруг». Пора бы уже. Я как-то не ожидал с твоей стороны возражений.

— Но Вир, ты... Доктор не говорил тебе? Возможно, я не смогу больше ходить на своих ногах...

— Чушь. Я же сказал, здесь лучшие врачи Центавра. Они сделают всё, что в этом мире возможно сделать. Ты будешь ходить. Это слово императора. А если под венец ты не пойдёшь своими ногами — я не хочу затягивать со свадьбой — то тебя понесут на руках. Это, как ты знаешь, традиции допускают.

— Вир, у меня не будет детей! Ты не можешь жениться на мне, ты останешься без наследников...

— И это проблема? Лондо тоже не оставил наследников, и никто из этого трагедии не сделал. Центарум просто изберёт нового императора, и всё. Не забывай о претендентах... Каким образом всё это касается нас? Я женюсь на тебе, а не на гипотетических наследниках. Нет, если тебе будет так спокойней, я могу потом взять вторую жену, хотя если честно, мне этого совсем не хочется.

Линдисти плакала.

— Вир, Вир... Я так мечтала об этом дне, так грезила им! Но я не думала, что это будет... так... Ты заслуживаешь лучшего, Вир! Я не могу мечтать о большем, как только всегда быть рядом с тобой... Но ты-то можешь! Да, я всегда верила, всегда говорила, что это судьба... но это слишком горькая судьба для тебя! Быть может, было б лучше, если б я умерла. Умерла счастливой, зная, что хоть что-то успела сделать для тебя. Но нет, я не могла б быть спокойной, оставляя тебя — как ты будешь один, на кого ты сможешь положиться...

— Вот об этом и думай. И поправляйся. У нас с тобой ещё очень много задач. Надо продумать церемонию, назначить ответственных, приготовить дары для храмов, полностью поменять убранство дворца... Боюсь, без тебя мне будет очень сложно справиться. То есть, по традиции этим, конечно, должны заниматься мать и сёстры императора, но моей матери уже давно нет в живых, как ты знаешь, а сочетание между собой моих сестёр и вдовствующей императрицы... мне, честно говоря, и представлять не хочется.

— Ты не прав, — Линдисти уже улыбалась, — леди Тимов очень милая. Да, она ворчунья, но у неё золотое сердце. Я считаю, ты немедленно должен распорядиться подготовить покои для леди Тимов и пригласить её. Её помощь будет неоценима. Я была бы не против, если б она снова жила с нами, но она ведь не согласится... Но по такому случаю она не сможет отказаться. Что касается твоих сестёр, то с Леттой вполне можно иметь дело. Да, она очень самолюбива... Но замужество и материнство пошло ей на пользу.

— Просто теперь большая часть её энергии изливается на семью... Ладно, это всё мы как-нибудь переживём. И мою семью, и твою... Хотя с большим удовольствием я сократил бы список гостей эдак втрое. Но боюсь, в таком случае моё правление будет очень недолгим.

— Ох, да, такова суровая расплата за положение... Если б мы были свободны от всего этого — какая милая и взбалмошная свадьба это бы была! Но я не жалею, во всём есть хорошие стороны. Я вижу настоящей счастливой невестой нашу прекрасную пострадавшую родину. Ей так повезло с тобой... Да, жаль, едва ли мы сможем пригласить... некоторых старых друзей Лондо... Хотя может быть, леди Тимов могла бы настоять на этом? Пригласить Гарибальди, сына Г'Кара... Ладно, нечего мечтать о несбыточном. Хотя мне от самой мысли стало так хорошо...

— Если залог твоего выздоровления — я сей же момент отправлюсь говорить с леди Тимов. Но имей в виду, после этого обратного пути у тебя не будет, ты обязана идти на поправку... как это говорят земляне... семифутовыми шагами?

— Договорились. Теперь иди. У тебя много работы. Жаль, что я долго ещё не смогу тебе помогать... Но я потерплю. Ради тебя. Стой! Ты ведь забрал из моей комнаты записи Г'Кара? Если нет — то забери. Я их не слишком хорошо спрятала. Глупая, только сейчас вспомнила. И принеси в следующий раз мне. Некоторые моменты там очень веселили меня в трудные минуты...

— Линдисти, боюсь, это зависит от того, разрешит ли врач тебе читать.

— Ну Виир! Я ранена в спину, а не в глаза! Ладно, иди. Мне так тяжело быть вдали от тебя, что я поправлюсь быстро-быстро, обещаю!

К обеду уже все назначения были выданы. Гратини тепло попрощался с гостями, куда большая теплота была и в глазах его жены. Дети с визгом повисли на шее Дэвида, подпрыгивали в попытках обнять Андо. Из гостиницы в Сальдиве его и Уильяма должны были забрать и развезти — сперва, в напарники для Амины и Иржана, на объекты в Саварии и Атоне, затем по базам на островах, ждать сигнала. Модернизация «Асторини» началась, формирование второго склада — тоже. Милиас, свернув на время аппаратуру, с агентами Гратини отправился к складу Каро — формировать отряд обороны. Последним, с особенной теплотой, Гратини обнял Винтари.

— Берегите себя, ваше высочество. Мне, честно говоря, очень жаль, что от общественности всё ещё скрыто происходящее, и что даже многие ваши соратники среди вашего же народа не знают вашего настоящего имени и сана. Думается, это перевернуло бы мировоззрение миллионов... Это вернуло бы нам всем юность духа. Но когда-нибудь они узнают, это утешает меня. Что до меня — я счастлив! Я пожимал руки великим...

Погрузка первой партии бомб, со склада в землях Каро, прошла практически успешно — отряд, посланный дракхами на перехват, опоздал, а к тому же был рассеян и побеждён сформированным защитным отрядом — генералы-дракхи и остраженные центавриане были технично отсечены от основного войска, без их контроля войску сражаться как-то не очень хотелось, двое дракхов и оба Стража были уничтожены телепатами — кстати, местными, центаврианскими, разысканными всё теми же неутомимыми агентами, один из дракхов, раненный и физически, и морально телепатами, был взят в плен для допроса. Увы, тяжело ранен был и Милиас...

А ко второму складу, в северном полушарии, пришлось прорывать с боем... И «Асторини», которую обложили дракхианские атмосферные истребители, и самим диверсантам. Правда, на арену боевых действий понемногу начали подтягиваться и военные части, не подконтрольные дракхам — внезапно осознавшие, видимо, что вокруг происходит война, и, кажется, за их мир. Но все были брошены на защиту «Асторини»:

— Если нас подобьют — максимум чьё-то поле засыплет обломками. Это прискорбно, но переживаемо. Если взорвут «Асторини» — боюсь, в радиусе, превышающем орбиту спутников планеты раз в десять, некому будет рассказать, какое было зрелище...

Отмерли, внезапно, и новости. Поскольку долее делать вид, что ничего не происходит, становилось всё более невозможным. По радио каждые два часа передавались сводки с внезапно обнаруженных фронтов. При этом одни радиостанции громко ужасались внезапной беде, обрушившейся на Центавр, и славили бесстрашных освободителей, а другие, занимающие, по сложной зависимости от тех или иных родов, продракхианскую позицию, изображали, что это наглые вторженцы Альянса принесли свою войну на их мирную

планету. Звучало это всё, по крайней мере с точки зрения Рикардо, очень забавно. Слушать он счёл нужным по очереди те и другие — на «своих» волнах могли передаваться какие-то нужные им сведения, на «вражеских» можно было почерпнуть информацию о состоянии дел противника. И не важно, что обтекаемых форм, домыслов и вымыслов там было, как водится, больше, чем надо — он уже научился вычленять ценное даже из дезинформации, «переводить с центаврианского на обычный».

В целом разброд и шатания в СМИ отражали аналогичный разброд в правительстве. Никакого официального заявления сделано не было. В ответ на заявление второго отряда диверсантов, что воевать они сюда пришли не с Центавром, а с наследниками Теней, и, кстати, не против услышать какое-то объяснение их укрывательству, император Котто ответил, что организует тщательнейшее выяснение, откуда здесь взялись дракхи. То есть, проще говоря, вопрос повис в воздухе. Никто императора за это не винил — во дворце, где дракхов, в общем-то, было как грязи, любое лишнее телодвижение было не просто проблематично, а практически невозможно. По слухам, император Котто охранен не был.. что было удивительно, но те же слухи объясняли это каким-то туманным соглашением между дракхами и покойным Моллари — как-то он сумел выторговать относительную свободу для своего помощника... Но охраненных хватало среди советников и министров, поэтому тот максимум, на который был способен — и делал — император, это препятствовать дракхам до последнего увидеть реальное положение дел. Подделывание отчётов и заворачивание нежелательных доносов организовано было на самом высоком уровне.

В сложившейся ситуации были свои немалые плюсы. Как то, не нужно было больше соблюдать строжайшую конспирацию. Андо наконец снял ненавистный платок и освободил грудь от позорной конструкции. Дэвид пока не торопился — гребень на его голове слишком легко мог позволить его идентифицировать... Из минусов было то, что, поскольку официально им не было объявлено ни противодействия, ни поддержки, каждый на Центавре действовал исходя из собственных соображений, а богата родина, по выражению Гратини, была и патриотами, и идиотами, и не всегда сразу можно было определить, кто где. Здесь дракхам уже было проще — желающих пойти на сделку (видимо, насчёт планов по поводу судьбы Центавра им были предложены какие-то свои версии) хватало. Появились награды за голову — появились и охотники за головами. А как назло, тяжёлый атмосферный истребитель, на котором Рикардо с Винтари и Лаисой третий день пытался добраться до условленного места посадки на «Асторини», был машиной весьма приметной. Как в силу яркой расцветки, которая замышлялась-то, видимо, как демонстрация мощи и гордости, но на фоне песков Катаринского плато просматривалась отовсюду отличнейше, так и в силу того, что был, в общем-то, не прошлого поколения даже, а позапрошлого. Ну, более новую технику им достать не смогли, да не столько её на Центавре, последние сто с лишним лет делавшем упор на космическую технику, и было. Поэтому обстреляны они были уже три раза, и два из них — превосходящими силами. Пришлось сесть в горах для починки, благо, деталями как раз на такой случай пилот — младший брат агента Дормани — благополучно запасся. Пользуясь случаем, связались со складом — ждали последние две бомбы, ждали уже очень на нервах. Дэвид, Амина и Уильям были уже на позициях, не было сигналов от Адрианы, Иржана и Ады, что было уже беспокоящим. Директива Рикардо была жёсткой — «Асторини» стартует, как только прибывают оставшиеся две бомбы, пусть даже к точке сбора не будет успевать кто угодно — он сам, Дэвид, Винтари, все вместе. Спасение

попавших в окружение — вторичная задача, эвакуация — первичная. Здесь все знали, на что шли.

Вышел на связь Брюс, сообщил, что оба отряда, сопровождающие бомбы, соединились в условленном месте и сейчас движутся в сторону склада согласно графику. С души у Рикардо немного отлегло. Ещё б, конечно, хорошо было получить вести от Андо... Но заряда в переговорнике осталось не так много. Хорошо хоть, под ясным небом за время их вынужденной починки он хоть сколько-то подзарядится...

Починка была закончена наполовину, Лаиса распотрошила сухой паёк, Винтари и Крисанто вытерли руки и подошли к импровизированному столу.

— Настрой на новости, что ли. Хоть послушаем, что там без нас в небесах изменилось...

Ловилось в горах откровенно плохо, первые минут десять диверсанты наслаждались исключительно шипением и треском.

— Во всяком случае, насколько знаю, они стянули к складу все силы, какие могли... Но хорошо б, если б вообще удалось увести сражение подальше, «Асторини» со всем эскортом остаётся опасной мишенью...

— Ну не самоубийцы же они сами-то! Должны ж они понимать, что атакуя «Асторини», они рискуют и собственными жизнями? Одно дело надеяться взорвать дистанционно бомбы, находящиеся на поверхности планеты, и совсем другое — обстреливать в воздухе посудину, начинённую взрывчаткой более чем с горкой.

— Эта взрывчатка была их топливом, их, как они полагали, ключом к несомненному успеху. Без неё они могут надеяться только вывести корабли на орбиту и заряжать там минимум сутки... Будучи всё это время почти беззащитными перед возможной атакой «Белых звёзд». Естественно, они надеются её вернуть. Конечно, этот долгий вариант они тоже пустят в работу, наверняка уже пустили... Учитывая, что от атак на их базы они тоже понесли существенные потери... Они захотят обезопасить хотя бы часть флота. Выставят вокруг них живой щит центаврианских кораблей.

— Что ж, возможно, мы из этой баньки живыми не выйдем... Ну, а если выйдем... Определённо, будет, что рассказать потомкам. Да что ж такое, тут что, вообще «мёртвая зона»?

— Каким потомкам, Рикардо? Разве наши расы способны к естественному рождению гибридов?

— А эти ваши слова, Лаиса, мне следует расценивать как ваше согласие выйти за меня замуж?

— Что вы за человек, Рикардо, серьёзное дело — бракосочетание — и то в хохму обратите!

— Ну уж что тут поделаешь, не моя вина, что добрые почтенные центаврианские традиции не по зубам-то нам выходят и не ко времени! По-хорошему, по-порядочному я должен сначала обратиться к вашему роду, точнее, глава моего рода должен, но пожалуй, я сам являюсь его главой, так что...

— Да вот увы, нет у меня рода, неизвестно, от кого я происхожу. И фамилии вообще нет. Понятия не имею, как Гратини собирался делать мне документы.

— Ну, теперь, полагаю, это просто не проблема Гратини.

— Ну тогда уж точно согласна! Грех создавать сложности хорошему человеку-то...

— Ладно, создавайте проблему мне, я не против. Значит, раз не у кого мне просить руки

невесты — похоже, провести церемонию по центаврианским традициям нам не светит совершенно... Там же надо проходить под скрещёнными мечами и луками? Боюсь, это ж придётся ограбить все музеи на Минбаре...

— Это обряд аристократов, у простолюдинов иначе...

Винтари отвернулся, пряча улыбку, делая вид, что его как-то вдруг заинтересовали испещренные трещинами камни, поросшие бурым высушенным солнцем мхом и какой-то колючкой. Созерцание счастливых пар странно делало счастливым его самого. Будто совершенно случайно попал на чужой праздник и был встречен как дорогой гость...

— В конце концов, с земными традициями тоже... Католический священник на Минбаре тоже едва ли найдётся. И материно обручальное кольцо мне Кончита вряд ли пришлёт... Ей самой оно, конечно, уже без надобности, она замужем, так Мальвине... Ерунда это всё. У нас же война тут вроде как? Так попросим нас обвенчать капитана «Асторини». Венчание под огнём вас не пугает, Лайса? Есть поверье, что это залог долгой счастливой супружеской жизни.

Радио наконец ожило. И сквозь треск помех «продракхианская» волна гордо сообщила последнюю новость — корабль диверсантов-провокаторов — тот самый, захваченный дракхианский — был окружён в ущелье Дан и взорван...

В повисшей тишине глухо зазвенела о камни жёсть выроненной Винтари банки.

— О боже... Тжи'Тен, Ше'Лан... Ребята... Как же так...

Крисанто бессильно опустил на камень рядом. У него на взорванном корабле, конечно, друзей не было... Но он прекрасно понимал, что это означает для них. Их прикрытие, их возможная поддержка... Теперь снова одни, одни против дракхов и подконтрольных им, или просто не разобравшихся, центавриан...

Радио продолжало разливаться дальше, но подробностей они уже не слышали. Перед глазами стояли лица друзей, с которыми они не простились. Каждый, встречаясь лицом к лицу с войной, открывает заново смысл этих слов. Винтари не мог не думать — какова она, гибель во взорванном корабле? Успеваешь ли умирающий что-то почувствовать, о чём он успеваешь подумать в последние минуты своей жизни? Небо над горами было таким чистым, безоблачным, что совершенно невозможно было поверить, что где-то там, далеко за горизонтом, над такими же вечными скалами клубы чёрного дыма уносят в такое же высокое ясное небо то, что было сердцем, мыслями, желаньями твоего друга. «Я мечтал показать Дэвиду небо Центавра... Видит ли он его сейчас? Знает ли он уже? Каким бы ни было расстояние, это общая боль...»

— Вот вообще, как интересно они умеют преподнести гордо и с апломбом очевидную нелепость! «Вражеский корабль», ну да... И то, что он единственный противостоял всем остальным дракхианским, дела, конечно же, не меняет? А теперь, по логике, уничтожив своих противников, которые их сюда «загнали», дракхи должны убраться с планеты восвояси? Да вот не тут-то было...

— Я не хотел бы быть в числе тех, кто сообщит об этом Амине.

— Я думаю, она уже слышала. Такие новости они разносят быстро.

— Для них это, видимо, знак... Дело чести... Они думают, что это деморализует нас, заставит отступить...

— Странная логика. Они не слышали, что за убитых друзей мстят?

— Они совершенно точно не слышали, что ради погибших друзей доводят их дело до конца. Они не случайно потеряли свои жизни в их рядовой победе, не потерпели поражение

на чужой территории... они отдали их, чтоб мы — закончили. И мы закончим.

— Ну всё, готово, — Крисанто захлопнул крышку последнего люка, — садись да лети. Ну, по крайней мере, лететь-то сможем. Долететь — другой вопрос...

Лаиса собрала банки от сухого пайка в пакет.

— Ну, пока не взлетели — показывай, учи, как стрелять. В воздухе некогда будет.

— Стрелять?

— У нас два оружейных пульта, или я ошибаюсь? А места четыре. Это как — чтобы один вёл, второй сидел на аппаратуре, третий на орудиях, а четвёртый в окошки в это время глазел? Диус нужнее за пультом, тут не всё может взять на себя пилот, а я в этом и после года в Академии не научилась бы разбираться. Остаться хотя бы даже без связи мы не можем, но оставлять левый борт без огня — тоже самоубийство. Ещё вопросы?

Холмистый пейзаж внизу, изрытый мелкими котлованами и кое-где усеянный обломками техники, был довольно уныл и однообразен. Тем не менее, и Рикардо, и Лаиса не отлипали от орудий — если не с земли, то с неба сюрпризов ждать стоило.

— Ага, вон и они, голубчики...

— Может, птицы?

— Да точно они... Классический порядок. Радует только, что у них, похоже, того же возраста и состояния машинки — не «Гармы», правда, «Киррены»... Но в некоторых вопросах им даже посложнее будет, чем нам, маневренность у «Кирренов»... оставляла желать лучшего, как помню...

Винтари поймал волну передатчика склада, Уильям сообщил — бомбы в сборе, корабль идёт на посадку, бои ведутся возле баз кораблей дракхов — то есть, по преимуществу бывших баз... Задача — удержать их как можно дольше от продвижения к складу — всем была ясна без всякого инструктажа.

— Вижу цель.

— Что там?

— Корабль дракхов, заходит на посадку, как понимаю, для ремонта. То ли летят к Мальдире, то ли уже оттуда, получимши... Эти ребята — видимо, их эскорт... Сворачиваем?

— Они нас всё равно уже видят. Кроме того, вон летит союзная солянка из «Гарм» и «Кирренов»... Господи, ну как так воевать! определить в бою, где свои, где чужие, можно только интуитивно... И поди определи, на чьей стороне перевес...

— Было примерно поровну, но корабли эскорта, по крайней мере «Гармы», явно колеблются...

Крисанто весело тряхнул гребнем.

— Ну так добавим им огня... Врезаемся вон в ту кучу-малу, Лаиса, шквальный огонь. Рикардо, твои орудия молчат... После разворота по моему сигналу поливаешь корабль дракхов. Им, может, и как мёртвому припарка, но хоть отвлечём...

Путь преградил «Киррен» дракхианского эскорта. Устало-ленивый голос, предлагающий чужакам сдаться и под конвоем отправиться на базу... Винтари не поверил своим ушам, но восклицание вырвалось помимо его воли.

— Акино?

— Диус?

Несомненно, в истребителе, преградившем им дорогу, был Акино, троюродный брат Винтари.

— Диус Винтари, как особе королевской крови, вам не причинят вреда...

— Акино. Просто. Уйди с дороги.

— Похоже, он разворачивает орудия...

— Акино, не дури. Я тебя знаю, ты не самоубийца. Что они тебе пообещали? Включи голову, это дракхи! Просто выйди из боя, последуй мудрому примеру вашего правого фланга.

— Жизнь мне и моей семье, Диус! Я не самоубийца, в этом ты прав. Миру гореть, и я не хочу гореть с ним вместе. У меня жена, она ждёт первенца, мне есть, что защищать...

— Жена? Надо же... Чем таким был обязан её род твоему, что ей пришлось выйти за тебя замуж? И что же ты теперь намерен ей предложить? Улететь с дракхами в их землю обетованную, любуясь в иллюминаторы на догорающий Центавр, растить детей рабами слуг тьмы?

— Если ты настолько наивен, что надеешься спасти целый мир, то я — нет. Я предложил тебе сдаться...

— Что, твои хозяева так добры, что и меня готовы взять на борт? Я не хочу тебя убивать, Акино. Ты мне всё-таки брат, ради памяти детства...

На миг их ослепила вспышка — орудия дракхианского корабля испепелили стоящую в нейтралитете «Гарму». Следующим выстрелом смело перешедший на сторону союзников «Киррен», вместе со случившейся поблизости «Гармой» эскорта.

— Детство мертво, как и наш мир. Есть победители и побеждённые, то есть трупы. Ты сделал свой выбор, Диус.

— Крисанто, левый разворот и резкий уход вниз, ныряем под него. «Петля Киррена», лучший приём против истребителей этого класса... Рикардо, огонь по моей команде, целься в брюхо... Впрочем, можешь особо и не целиться, в двигатели непрерывным огнём ты попадёшь и не целясь. Ах ты ж... Отвлеките кто-нибудь «Гарму» этих самоубийц... Рикардо, огонь!

Взрывом их швырнуло в сторону, только чудом они избежали столкновения с той самой «Гармой»-«самоубийцей».

— Второй двигатель подбит. Боюсь, мы ещё на шаг ближе к тому, чтоб погибнуть героями...

— Ну, это не так и плохо...

— «Гарма»-40, вызывает «Гарма»-29, - заскрипело в наушниках, — вы горите, катапультируйтесь.

— Маленькая проблема — нечем! Парашютов нет и не было!

— Вот же... Попробуем взять вас на борт, приготовьтесь к маневру!

Резкий уход с линии огня — глазами противника выглядел как падение, выстрелы «Киррена» разочарованно скользнули мимо... «Гарма»-29 выпустила спасательный щуп.

— «Гарма»-40, доложите о готовности, нам не дадут танцевать так долго.

— Рикардо, вы первый.

— Ага, сейчас! Вперёд женщин и детей?

— Диус, руку убери, прицел собьёшь! Иди первый и не препирайся — если я прекращу огонь, ты только голову из люка высунешь, как тебе её отстреляют.

— Лаиса, любое промедление...

— Я помню, что мне ещё замуж! Ты всё ещё здесь? Брысь!

Последним, вывернув штурвал резко вправо, в люк прыгнул Крисанто. Опустевшая машина, повинувшись последней команде, резко ушла вверх и врезалась в гущу сражения над

ними.

— Красиво...

— Наших тоже зацепило, правда.

— Зато эти без двигателей манёвра недолго протянут... Это ж двигатели манёвра были?

Винтари захлопнул люк и обессилено привалился к стене — краткий миг свободного падения, пока его не поймал спасательный щуп, всё же впечатление оставил... Лаиса потирала руку, ободранную об острый край люка.

— Все целы? Слава богу. Рвём на базу.

— А...

— Такой перегруженной машина всё равно особо не поманеврирует. Без вас тут есть, кому посражаться. «Гармы» 30 и 31 прикроют наш отход, вас к отправке ждут, не спорьте, у меня приказ.

— Так вы... летели встречать нас?

— Ну, и это заодно.

Покинуть поле брани им удалось достаточно легко — преследовать не стали, только постреляли вслед для порядку.

— Куда мы летим? Разве Мальдира не в той стороне? Нам же туда!

— Вот и они думают, что туда. Склад не там. Он в Канне.

— Но «Асторини»... Я же слышал, что она садится в Мальдире.

— Мы не просто так ни разу не упоминали в эфире ни названия «Асторини», ни каких-либо её характеристик. «Асторини» стоит в 10 километрах от Кантона и стартует по расписанию. А в Мальдире, точнее, на плато Маратци в 50 километрах от Мальдиры стоит крейсер «Джента», от которого, буквально через полтора часа, или даже менее, отправляется грузовой шаттл якобы за бомбами.

— Изящно.

— Инсценировка более чем убедительна, согласитесь. «Джента» — один из крупнейших и лучше всего вооружённых кораблей, перешедших на нашу сторону. Разумеется, их это не остановит от того, чтобы напасть... Но победить быстро они могут и не надеяться — дальнобойность главных орудий «Дженты» сопоставима с их, к ней ещё приблизиться надо. К тому же, там будут все «Сентри», что в нашем распоряжении.

— А я уж думал, мы без «Сентри» обойдёмся вовсе... А мы справимся одними «Гармами»?

— Придётся справиться. Да пока они будут думать, что настоящая цель — «Джента», а «Асторини» послана исключительно подобрать вас... Конечно, кому ж может придти в голову, что вы сделали ставку на грузовую развалину, помнящую мальчиком покойного императора Турхана?

— А там к тому же придётся рассеять силы на большее расстояние... Попытаются отсечь шаттл от «Дженты» и от базы, и, желательно, захватить целым... Эх, вот в этот момент накрыть их «Белыми звёздами»!

— «Белыми метеорами» тогда уж. Они в атмосфере действеннее. Правда, в сравнении с истребителями дракхов мошки. Но сам факт их появления может обратить дракхов в бегство... раньше времени. Их нельзя выпускать на орбиту раньше, чем вы уйдёте в гиперпространство. Их необходимо задержать, навязав им бой, который они считают главным. И их необходимо не изгнать, а именно уничтожить. Ни один корабль не должен уйти.

Защитных кордонов на подлёте к Канне действительно практически не было. База выглядела обманчиво тихой и безлюдной. Неказистая «Асторини» так удачно гармонировала с пустынным фоном, что казалась покинутым ржаветь старым списанным кораблём. «Прикинулась ветошью», как выразился Рикардо. Правда, в тени отвесной стены, невидимые первым взглядом, дремало шгук 15 «Гарм» и несколько изрядно потрёпанных «Кирренов». Под открытым небом, на виду, стояло только четыре пассажирских и один грузовой шаттл.

Рикардо первым спрыгнул в мягко пружинящую под ногами золотистую пыль, посмотрел из-под руки в сторону молчаливых, будто бы пустых строений.

— И даже не встречают...

— Почему же — вон, встречают!

Со стороны скалы, выскочив из кабины истребителя, к ним бежал... нарн. Форма рейнджера, по которой они успели соскучиться, сверкнула брошью на солнце.

— Ну слава Г'Квану, народ, хоть вы наконец!

— Тжи'Тен... Как?! Мы же слышали... Это была дезинформация, да? Экипаж жив?

Тжи'Тен — это был действительно он, живой и практически, не считая царапины на виске, невредимый — грустно улыбнулся.

— Увы. Никакого чуда, да и везения никакого. Мы пятеро в это время были на земле, встречались с агентами для координации действий. Остальные, все двадцать наших парней и девушек, погибли.

— Двадцать... Мы ведь даже не знали — ни сколько вас, ни — кто из вас здесь... Значит, всего вас было двадцать пять?

— Тридцать. Пятеро погибли ещё при захвате корабля. Для такого здоровенного корабля было даже маловато, учитывая, что трое, гм, были единицами больше не боевыми, а... Давайте в корпус, скорее.

Внутри тоже было, в целом, тихо. Но это была тишина рабочая. Все при деле. Ну а если кто и не при деле — мирно отдыхали или вполголоса беседовали.

Вышедшая навстречу Амина молча обняла последовательно Винтари и Рикардо, пожалала руки Крисанто и Лаисе. Винтари улыбнулся, подумав, как совершенно незаметно и естественно все стали на ты — война меняет людей, тут не до церемоний...

— Все в сборе?

Амина повела их в общую комнату, где сидело ещё несколько членов диверсионной команды и центавриан-союзников.

— Теперь да. Ждём Андо и Табер.

— А они где?

— Полетели в ущелье Дан.

— Что...

— Это долго объяснять. Так нужно Табер, и она смогла настоять на своём. Андо может ей помочь.

— Она надеется, что кто-нибудь выжил?

Амина покачала головой.

— Чудес с нас, видимо, хватило. Там обломки разбросаны на приличный радиус, в таком взрыве не выживают. У Табер свои резоны, она... Ей нужно найти хоть что-то от Энтони, как бы дико это ни звучало, хотя бы один фрагмент тела.

— Понимаю, конечно... Но стоит ли так рисковать — сейчас? Подобрать тела павших, если таковые найдутся, смогут союзники после нашей эвакуации.

— Именно сейчас. Поймите, но... С чужими верованиями вообще очень тяжело спорить. Табер бракири, у них особые отношения со смертью. Ей нужно провести обряд. Установить связь с Энтони... Не спиритический контакт или что-то в этом роде. Сложнее. Они не успели обвенчаться... Но они ещё могут это сделать. В течение трёх суток после смерти ещё могут. Она станет невестой мёртвого, у них есть такое понятие. Это поможет их душам... остаться связанными, можно сказать... Чтобы они могли встретиться после смерти, чтобы душа Энтони не потерялась во множестве миров — это очень сложно, ведь он не бракири, его не ведёт комета-богиня... Табер моя лучшая подруга, я сама полетела бы с ней, но лично я мало чем могу ей помочь.

— Нет, я понимаю девушку, — кивнула Лаиса, — сама б так поступила, если б верила во что-то подобное.

Винтари устало опустился на сиденье, потёр пропитавшееся пылью и копотью лицо.

— Хорошо бы, конечно, чтоб до отправки смогли пересидеть спокойно... Но что-то верится мне в это слабо. А... Милиас? Что, тоже здесь?

— Здесь, увы. Хорошо б было, если б в госпитале... Но уже пытались. И боимся, ещё одного обстрела он может и не пережить. У него и так снова открылось кровотечение, спасли чудом, он очень плох. Удар дракхианского меча пришёлся по боку, и перерубил два из... ну, вы поняли... Обычно от кровопотери умирают на месте, хорошо, успели наложить жгуты... Когда на корабль, который его перевозил, напали, один из жгутов ослаб... Им бесполезно говорить, что у нас на борту раненый. Сейчас он стабилен, на борту «Асторини» тоже есть всё необходимое, и если он дотянет до Минбара — его жизнь вне опасности. Сейчас за ним ухаживает Адриана, как сама стала чувствовать себя лучше.

— А с ней что? Ранена?

— Нет, слава богу. Ментальная перегрузка, им там на базе Илту пришлось жарко...

Со стороны коридора, ведущего к медотсеку, к ним вышел человек в рейнджерской мантии. Винтари подскочил.

— Зак Аллан? Вы... тоже здесь? — он крепко стиснул его руку, отметив мимоходом с грустью, как прибавилось в его волосах седины, сколько новых морщин пролегло — морщин скорби о потерях...

— Так уж получилось, принц, — Зак похлопал его по плечу, а потом крепко обнял, — должен был быть там, с ними... Но в последний момент Клайса попросил, чтоб командир присутствовал тоже.

— Я и подумать не мог... Ну, представить, что командиром второго отряда окажетесь вы. Я думал — командир Тжи'Тен... Ну, то есть, на самом деле, я сейчас понимаю, что только нашим домыслом было, что Тжи'Тен или кто-то ещё из ребят были там... Мы просто подумали, кто, как не они...

— Я первый помощник. Вторым помощником был Энтони.

— Операции сразу планировались как совершенно... независимые друг от друга. Вы не должны были знать о нас ничего, отряды соединились бы только в финале. Если не вообще в космосе.

— Так вы сейчас из медотсека? Как Милиас? А что с Адрианой? Она сильно плоха?

— Нет, сейчас с ней как будто всё в порядке... Но эти её участвовавшие обмороки меня тревожат. Она, как и все мы, конечно, вакцинировалась от всего, чем могли заразиться на

Центавре, но всё же чем-то она заболела.

Ада посмотрела на него как на идиота.

— Да думаю, этим она заболела ещё на Минбаре. Нормальная женская болезнь, беременность называется.

— Ада! Откуда ты...

— Да много б вы понимали, мужчины! И вообще... Я как бы тоже телепат всё-таки!

— Какого ж чёрта она отправилась с нами, если знала, что беременна? Что, больше некому было?

— Она могла ещё и не знать тогда. Хотя телепатки обычно это понимают гораздо раньше нормалок... Кроме того — с нами отправились её отец и Андо. Это аргумент.

Рикардо помотал головой.

— Уильям тоже хорош... Должен был отговорить! Господи, да она ж ещё совсем дитя, какого... А, что теперь... Надеюсь, с Андо ничего не случится. Загоняли парня по самым горячим точкам. Андо то, Андо сё... Ну а что поделаешь, если как ударная сила он нас всех заменит и ещё три таких взвода... Милиаса ведь доставил тоже он?

— Иначе, боюсь, Милиаса бы с нами не было. Ну, конечно, по связи-то у него был даже бодрый голос...

— У Милиаса?

— Не у Андо же. Андо был лаконичен, как всегда. «База всё». Хотя в общем-то, он прав, именно — всё.

— Ну, я сообщений по радио не ловил...

— О таком и не сообщают. Был бы взрыв — тогда б ещё да... А Андо на сей раз удивил и их, и нас. Он их не взорвал. Он их... Ну, не знаю, что именно он там запалял наглухо, но не взлетят они уже никогда. Даже не заведутся. Тридцать памятников дракхианскому кораблестроению в натуральную величину, так сказать.

— Это хорошо... Взрыв нанёс бы много ущерба, не говоря уж об унесённых жизнях. Всё население мыса, как минимум...

— Вот Андо учёл эти соображения и выбрал поступить экологичнее. Ничего, оттянулся потом на дракхах...

Рикардо затребовал карту с последними данными.

— Какая сейчас расстановка сил? Чего нам ждать?

Тжи'Тен повёл плечами.

— По-прежнему чего угодно. Точных данных не вычислишь, ситуация меняется каждый час. По нашим оценкам, ущерб, нанесённый нами флоту дракхов, составляет от 25 % до 50 %. Подразумеваются не только взорванные корабли, но и те, что надолго выведены из строя, так что починка займёт больше времени, чем понадобится нам для эвакуации. Однако точность невозможна — корабли дракхов быстроходны, а идентификация затруднена, в некоторых случаях мы могли видеть один и тот же корабль, а в других — наоборот, не понять, что это один и тот же.

— Был бы Милиас на ногах — смогли бы получить уточнённые данные из их же системы... Увы. Тяжело оперировать приблизительными данными, но что поделаешь.

— По нашим истребителям мы отчёты получаем, но только по тем «Гармам» и «Кирренам», которые находятся в распоряжении агентов. Вся техника союзников учёту не поддаётся, тут ситуация меняется буквально поминутно. То же самое по союзникам, точнее, подконтрольным дракхов.

— А что у нас в целом по союзникам?

— Большинство сильных родов держит нейтралитет. Оборону Мальдиры возглавляет лорд Кирен Котто, двоюродный брат императора. Он считает, что это высочайшая честь, какая выпадала когда-либо роду Котто, выше даже возведения его кузена на трон. Выведенные к Мальдире «Сентри» — его. Они успешно удерживают там большую часть действующих сил врага. Асмаил Джаддо, глава дома Моллари, заявил о поддержке сил Альянса, единственный из всех, официально.

— Джаддо — глава дома Моллари? Это как?

— А что там самого рода Моллари осталось... Около двадцати женщин и примерно столько же несовершеннолетних детей. После того, как скончались Лондо и Антилла, возглавить род, по идее, должен был Карн Моллари, но он не пожелал покидать Рагеш, у него семья там и там ему, судя по всему, в целом предпочтительнее... А род Джаддо включён в род Моллари по обычаям мораго, это теперь одно семейство.

— Понятно, понятно...

— Силы Джаддо-Моллари так же есть у Мальдиры, кроме того, это их «Сентри» добились базу на Катарине и сейчас блокируют там несколько кораблей, успевших взлететь. Это единственная наша заметная поддержка, остальные понемногу помогают неофициально, большинство — тем, что не мешают... Мы пытались выйти на тех, чьи части выступают на стороне дракхов, пока безрезультатно. Похоже, они и между собой не очень скоординированы, и лишь малая часть выступает на стороне дракхов добровольно.

— Ну, это, в целом, не удивительно...

Пискнула рация, Тжи'Тен извинился и вышел, за ним, тем же стремительным шагом — Иржан и Амина. Винтари блаженно откинулся на сиденье, прикрыв глаза, Зак присел с ним рядом.

— Устали, принц?

— Это приятная усталость, господин Аллан. Мы выполнили миссию. Практически выполнили...

— Да, вам можно позавидовать. Вы сражались за свой мир и победили. Ну, почти победили, да, рано говорить «гоп»...

— Я был частью лучшей команды, подчинённым лучшего командира. И исполнял приказ лучшего военачальника. Как и вы.

Зак улыбнулся, посмотрел на центаврианина долгим, пристальным взглядом.

— Вам ведь очень важна его оценка, его похвала. Даже не будь это ваша родина — вы полетели бы по его слову? Он очень много значит для вас?

Винтари усмехнулся.

— Не то слово. Был бы девушкой — наверное, был бы влюблён в него. Это просто невероятно, как в человеке... восхищает всё, просто всё! Весь облик, все слова и поступки... Наверное, это юношеский романтизм, конечно... Вы считаете меня ненормальным?

Зак повёл плечами.

— Да зачем же? Просто необычно... Вообще-то, восхищаться этой парой нормально для всех рейнджеров, но обычно юноши воспевают Деленн...

— У нас, центавриан, не считается зазорным, когда мужчина восхищается другим мужчиной, это не считается умалением его собственной мужественности.

— Да, я знаю...

Мелодично заиграл сигнал к всеобщему вниманию.

— Всё, пора. Андо с Табер на подлёте, они сядут прямо возле «Асторини». Три «Гармы» возможного прикрытия уже в небе, больше нельзя — привлекут внимание...

Бойцы похватили нехитрые пожитки — всё было собрано и упаковано заранее, а у кого и нечего было упаковывать. Зато, за время открытых военных действий, большинство перелезло в центаврианскую защитную экипировку — броши Исил'за смотрелись на бронежилетах довольно сюрреалистично, и вооружились плазменными ружьями и короткими клинками для ближнего боя. Лаиса, которая переодеваться уже не успевала, позаимствовала себе такой клинок, Рикардо и Винтари взяли по ружью. Дэвид и Адриана сопровождающие капсулу с Милиасом, вооружены не были — оружие только мешалось. А вот Ада цапнула себе бластер.

— Грустите, улетаю? — спросил Тевари, один из пилотов, — скучать будете?

Рикардо рассмеялся.

— Мне уже кажется, что я тут целую жизнь прожил. Большую, интересную жизнь...

— А вы, принц? Остаться не хотите?

— Нет уж, не сейчас. Пока у них тут весь этот шорох в связи с «неожиданно обнаружившимися дракхами» не закончится — делать мне тут совершенно нечего. Мы и так ажиотаж произвели.

Двигались нестройной кучкой, почти полностью прикрываемой с воздуха истребителями. Винтари нервно поглядывал на небо — откровенно не верилось, что они вот так просто могут взять и улететь, без сюрпризов.

Чёрной стремительно растущей точкой в небе обрисовался истребитель Табер и Андо.

— Отряд 1, - ожил у Рикардо минбарский передатчик, — у нас дракх на хвосте, ускоряйтесь с погрузкой, мы постараемся его увести.

— «Гарма»-19, отставить! Высаживайтесь и марш в корабль! Крисанто, Тевари, — это уже в рацию, — займитесь... отвлечением... Кроно, остаёшься на прикрытии отряда. База, просим подкрепление!

База и сама видела. Из-под утёса взвилась стайка «Гарм».

Андо и Табер, выпрыгнув из истребителя, уже со всех ног мчались к товарищам.

— Ребята, быстрее! В движущиеся мишени сложнее попасть!

Гравиплатформа с капсулой Милиаса угрожающе запищала, сообщая о недопустимых для ценного груза встрясках.

— Расслабьтесь, — хмыкнул Андо, — я их и отсюда... отменю...

— Андо, отставить! Опасно взрывать что-то крупное вблизи «Асторини» с её грузом.

— Ладно, ну, можно и по-другому...

Выход Андо нашёл, заблокировав носовые орудия и шлюзы истребителей. Последние — просто запаяв намертво. После чего — напряжение, ввиду расстояния, было всё же слишком большим — покачнулся и осел на руки Табер, носом пошла кровь.

— Все к кораблю! Атаковать они не могут, а материться сверху могут сколько угодно.

— У них ещё боковые остались...

— Это уже забота базы, не наша.

— Они высаживают десант!

— Ну отлично, а я уж боялся, обойдёмся мы в этой войне без рукопашной...

Может быть, тактика дракхов в воздухе и была довольно бестолковой (всё-таки, действуя под началом Теней, больше они привыкли к действиям в космосе), но с десантом это был гениальный ход. Особенно если учесть, что высадили они его между отрядом и

кораблём, отрезав таким образом путь к бегству. Прорваться, как ни странно, успели только Иржан и Тжи'Тен с гравиплатформой Милиаса.

— Плохи дела... В рукопашном бою одолеть дракха, даже будь он без брони вовсе, дело не самое простое. У них сами тела непробиваемые, кожа как каменный панцирь какой-то.

— Очень даже пробиваемые, — Андо удержал равновесие, схватившись за плечо Брюса, и послал импульс в ближайшего из мчавшихся на них чудищ. Дракх замер, словно натолкнулся на невидимую стену, потом покачнулся. Из груди, словно взорвавшейся изнутри, хлынула бесцветная кровь. Сам телепат снова осел на руки друзей, на лице, с которого отхлынула вся кровь, прикушенные губы были неестественно алыми.

— Андо, прекрати! Тебе нужно время, чтобы восстановиться, ты себя убьёшь!

— Я должен... И я сделаю...

Вперёд, заслоняя Андо, вышел Уильям. Повторить приём он, конечно, не мог, но его сил вполне хватило на то, чтоб трое дракхов внезапно лишились зрения, а ещё один схватился за горло с внезапным приступом удушья. Ряды врага дрогнули, смешались...

— А теперь вперёд! На прорыв! Если штык слетел — добивай врага прикладом!

Вести перестрелку на площадке, практически лишённой укрытий, было из разряда невозможного. Лаиса и Рикардо заняли позицию за истребителем Андо и Табер. Песок рядом с ними взрыли выстрелы сверху — боковых орудий дракхианского корабля. Истребители союзников в воздухе всеми силами прикрывали их, иногда просто принимая выстрелы на себя, но удавалось это не всегда.

Амина сцепилась с массивным дракхом, методично кромсая его броню клинком, пока он пытался за шиворот оттащить её от себя и перехватить и вывернуть её руки. Со стороны выглядело как схватка кошки с бульдогом, но Винтари, продолжавший тащить на себе полуобморочного Андо, поставил бы всё же на кошку.

Ада попыталась сбить дракха, кинувшись ему под ноги, он с размаху ударил её прикладом — и тут же принялся кататься по земле, сбивая несуществующий огонь. Откуда ему было знать, что хрупкая человеческая козявка отрабатывала приёмы, позаимствованные у телепатов Ледяного Города, на пленных дракхах...

Со стороны «Асторини» вели огонь Иржан, Тжи'Тен и капитан, Джирайя Арвини.

Попытавшись схватить Брюса за волосы, дракх остался с париком в руках — и минуты замешательства хватило, чтоб пропустить удар клинка Табер.

Винтари невольно залюбовался. С раскрашенным лицом, стремительная, словно молния, Табер была настоящей богиней войны.

Зак, прикрывшись Скрадывающей сетью, задал ей цвет и фактуру песка. Медленно, но неуклонно «бархан» полз в сторону скопища дракхов, теснящего Дэвида, Уильяма и девушку, имени которой Винтари не знал, познакомиться не успел — одну из тех четверых, кого Заку посчастливилось взять с собой на те переговоры. Видел этот манёвр, опять же, только Винтари — ещё в первый свой выход с Дэвидом он обнаружил у себя странное свойство — Скрадывающая сеть его не обманывала. Дэвиду тогда надо было изобразить одного сухонького старичка-магистра, чтобы пробраться к нужному им объекту, и Винтари, подумавший было, что сеть не работает, долго не мог поверить, что это не так — пока к Дэvidу не обратилась «милый дедушка» пробежавшая мимо и случайно толкнувшая его девушка.

Они долго размышляли, как так может быть. Дэвид объяснял ему принцип работы сети — насколько знал его сам, а Винтари пытался понять, почему именно этот вид голограмм он

способен увидеть, только расфокусировав зрение.

Песок снова прошла очередь сверху.

— Эх, что поделывать, орудия по нулям... — раздался в рации голос Крисанто. Винтари глянул вверх. Развернув свою «Гарму», Крисанто острым серпом крыла на полном ходу срезал три из шести орудий правого борта. Горящая «Гарма» красивой дугой ушла вниз и врезалась в песок в трёх метрах от камней, из-за которых Винтари вёл огонь по дракхианскому десанту.

— Достоинно, я думаю... разве нет? — простонала на прощание рация.

Винтари, пригибаясь, почти ползком, добрался до машины, рванул дверцу, схватил Крисанто за плечи, уже залитые кровью из разбитой головы.

— Давай пошли! Камикадзе нашёлся!

Сверху на них посыпался дождь обломков и горячего пепла — вторая из разрядившихся «Гарм» довершила начатое Крисанто, взрыв не только снёс оставшиеся орудия, но и проделал существенную брешь в обшивке.

Вырвавшись из-под Скрадывающей сети, Зак ураганом пронёсся по толпе дракхов, срубив центаврианским мечом голов пять, прежде чем его самого свалил выстрел в спину.

Дракх со знаками различия старшего офицера схватил Дэвида за горло и прижал к боку опрокинутого истребителя. В другой, занесённой над головой, руке сверкнул кинжал.

«Нервнопаралитический яд!» — трепыхнулась о сознание Дэвида паника Стража. Кинжал был нацелен в плечо, именно то, на котором сидел Страж.

Доли секунды. Доли секунды Дэвид смотрел в холодные, дышащие отчужденной ненавистью глаза врага, пытаюсь обеими руками — нет, не оторвать его руку от горла, прикрыть Стража от удара.

Единственный раз Страж взял его тело под свой контроль, отведя руки. Жгучая боль прошла по руке и позвоночнику, когда кинжал погрузился в студенистое серое тело — и тут же затухла, словно её вытянули прочь. Страж отсоединился, вытащив щупальца раньше, чем яд перейдёт в тело носителя, серой стрелой метнулся на дракха и влился в раскрывшуюся выемку между грудными пластинами.

В тот же миг сзади на дракха обрушился удар Брюса, но, в общем-то, он был уже не обязательным — пальцы солдата тьмы разжались, освобождая горло мальчика, в глазах мелькнуло что-то вроде удивления и запоздалого протеста.

Доли секунды. Он не смог подавить рефлексы собственного организма в момент присоединения Стража, и теперь яд тёк по его телу. Его пальцы бессильно царапали грудную клетку, пытаюсь вытащить Стража — хотя едва ли это ему помогло бы. Смешанная кровь — дракхианская почти бесцветная, Стража — гуще и с зеленью, сочилась между грудных пластин. Доля секунды — и он рухнул между Дэвидом и Брюсом.

— Дэвид, бежим!

— Подожди...

Мальчик опустился на колени, приложил ладонь к груди поверженного врага.

— Он ведь... там? Он ещё жив? Ты слышишь его, Брюс?

Брюс слышал. Их обоих, так странно слышать от одного тела два голоса, одинаково стонущих от боли, кричащих от бессильной ярости, воющих в смертной тоске. Спорящих, сражающихся друг с другом.

Это не передать, не описать. Но седьмой уровень позволяет передавать образ, стать мостом между двумя сознаниями, одно из которых билось в предсмертной агонии.

И он понял — это нужно сделать. Дэвиду нужно. Пусть над ними сейчас гремят выстрелы, пусть дрожит под ними земля. Доли секунды. Всего лишь доли секунды. Они ничего не решат посреди сражения, но они много значат для Дэвида.

«Зачем?»- голос дракха, ослепляющая ненависть.

«Зачем?» — голос Дэвида, жалость и шок.

«Разве не правильно? Ты живой, он умрёт. Это правильно».

«Жалкая тварь! Ты предал своего хозяина, предал всех нас!»

«Не ты мой хозяин».

Тонкое щупальце бессильно, слепо ткнулось в ладонь Дэвида, он легонько сжал его.

«Тьма уходит, и я, как её часть».

«Умереть, чтобы спасти меня — не поступок тьмы».

«Я больше ни на что не гожусь. Я даже не существо. Не полноценный. Не душа. Кусок тела».

«Не важно, какое у тебя тело. Твоя душа станет свободной там, где не падает тень. Спасибо тебе».

«Спасибо тебе, Дэвид».

Мальчик выпрямился, сжимая трофейный кинжал.

— Значит, этот яд действует и на вашу плоть... Ну что ж, хорошо...

Брюс не успел его остановить, да и едва ли смог бы. Если Табер летала, как разящая молния, как смертоносный вихрь, то Дэвид шёл спокойным, и оттого не менее пробирающим морозом по коже шагом. Третий из сражённых им дракхов сорвал платок с его головы, взвились на ветру чёрные волосы... Это шла смерть — справедливейшая, священная смерть... Именно в этот момент Винтари поверил — в пустыне при Канне будет не их братская могила. А братская могила дракхов.

Комментарий к Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл. 7. Танец в огне

Да, всё совсем не по центаврианской трилогии. Хотя бы потому, что прочитал я её уже значительно позже. А прочитав — всё равно ничего менять не буду. В том числе — никакой леди Сенны. Почему? Ну не люблю я её просто.

==== Часть 3. ЧЕРТОПОЛОХ. Гл 8. Заря прошлого =====

Вызываю огонь на себя,

Принимая кресты мировые,

Принимая перста световые,

Вызываю огонь на себя.

Вызываю огонь на себя,

Отворяясь движению слова,

Принимая рождение снова,

Вызываю огонь на себя.

Вызываю огонь на себя,

Исполняя на струнах восхода

Песню жизни воскресшего рода,

Вызываю огонь на себя.

Вызываю огонь на себя,

И летит над землёю, играя,
Дева радости, Правь огневая,
Вызываю огонь на себя.
Вызываю огонь на себя,
В чаше жизни земля молодая,
А над нею стезя золотая,
Принимаю огонь на себя.
Огонь на себя, огонь на себя,
Принимаю огонь на себя...
О. Атаманов.

Он очнулся в медблоке. Ну да, на «Асторини», оказывается, появился медблок, когда успели переоборудовать? Одну из кают под это задействовали. Каюты осталось две, а народу теперь больше. Впрочем, это несущественно, раз часть этого народа здесь и дислоцируется. Кушеток, конечно, хватило не на всех, кушеток всего шесть, а пострадавших куда больше. Так что его и укладывать не стали — просто усадили на стул у стены. Ему, в конце концов, и досталось меньше, чем некоторым, рана на руке только, через туман наркоза, противно ноет...

— Где Дэвид? Что с ним?

— Да вон он, — Лаиса махнула рукой в сторону кушеток, — у него сотрясение мозга, а он сокрушается, что ему рог отломили... А ну не дёргайся, я не закончила, сейчас вот попаду иглой куда не туда!

Винтари наконец смог сфокусировать зрение. Да уж... кажется, тут половина отряда собралась. И кажется, это не в ушибленной голове звенит, это надрывное гудение систем «Асторини»...

— Мы что, летим?

— Да уж слава Создателю! Пока летим. Прорвались...

Хоть убей, вспомнить, как попал на корабль, Винтари не мог. Перед глазами проносились разрозненные картины боя — Лаиса, зажимающая рану Зака оторванным подолом юбки, Рикардо, раздающий удары прикладом разрядившегося ружья, Адриана, вырывающаяся из рук отца... В цельную картину всё это никак не хотело собираться.

Зак, раздетый по пояс и забинтованный как мумия — ранен в спину, в ключицу, в ногу... Дэвид, вяло переругивающийся с Иржаном, пытающимся уложить его обратно... Табер, бинтующая голову Крисанто...

Сердце ёкнуло при виде кушетки, где под белой простынёй обозначались контуры тела.

— Кто... кто там?

Рикардо — он обнаружился на соседнем стуле, весь в ссадинах, под распахнутой рубашкой тоже виднеются бинты — грустно вздохнул.

— Джирайя Арвини. Выскочил из корабля, чтобы занести Аду... В итоге самого... занесли...

— Это... всё?

Смысл этого «всё» объяснять было не надо. Единственный погибший, или мы ещё кого-то потеряли?

— Адриана. Уже в самом конце. Она создала купол-коридор, по которому мы смогли пройти. Мы не смогли её спасти — купол не пропускал нас, как и их... Стала нашим щитом.

— Они убили её?

Лаиса кивнула.

— Десант не мог к ней подобраться. Её накрыли выстрелом с корабля. Она растаяла в огне мгновенно... Бедный Уильям, такое пережить...

В медотсек неаккуратной толпой зашли Андо и двое из экипажа «Асторини», погрузили тело под простыней на каталку, центавриане выкатили её, Андо задержался, чтобы обратиться к Рикардо.

— Тжи'Тен велел передать, что идём заданным курсом. Запрашивает уточнение координат, где остановиться для заправки.

— Сейчас сам приду... Раз уж я теперь капитан, правильнее обитать в рубке, а не в медотсеке. А вот ты прилёт бы, парень. Цвет твоего лица мне ну совсем не нравится.

— Я в порядке.

— В порядке, в порядке, конечно... Тут ветра нет, чего штормит-то? Кончай геройствовать, сражение позади. Ты уже себе на геройское имя наработал. Отец бы тобой гордился.

— Который? — машинально спросил Андо.

— Любой.

Далва, медик отряда Зака, сурово кивнула Андо на освободившуюся кушетку. Выходя, Рикардо легонько хлопнул Винтари по плечу.

— Ты был прав, парень. Запрос я всё же послал. Не ожидал, если честно, что у аппаратуры Милиаса такие возможности... А оказалось, у неё прямо безграничные возможности.

— И... что там? — внезапно заинтересовался Андо, — ответ уже пришёл?

— Позже, малыш, ладно? Сейчас нам надо живыми уйти и с грузом разобраться. По крайней мере, я буду надеяться... Что хоть один родственник будет на моей свадьбе. Хотя, конечно, не до свадеб тут ещё долго будет.

В углу, у кушетки Уильяма, собралась стихийная телепатская компания. Ада бдительно следила за показаниями прибора, отмеряющего антибиотик — в рану Уильяма попал песок, назревало воспаление. Брюс, по заданию Далвы, сортировал какие-то баночки с лекарствами. Рядом дремала та самая четвёртая из отряда Зака — тощая девушка с блёклыми сухими волосами, зябко кутающаяся в наброшенную кем-то великоватую ей рейнджерскую мантию. Или не дремала, просто взгляд полуприкрытых глаз был уж очень апатичным. Уильяму всё равно не спалось, и товарищи развлекали его разговорами. Ну, а какие темы у телепатов, по крайней мере, становятся через некоторое время...

— Уильям, у вас же П12... Как же вы избежали счастливой участи пси-копа?

— Чудом и собственной осторожностью, — улыбнулся вопросу Брюса Уильям, — больше чудом, как всегда бывает... Меня же обнаружили, когда я уже взрослым был... Так что имел, так сказать, уже сформированное мнение по всяким этическим вопросам... Но мне было интересно. Я как-то даже не заострял внимания на том, что альтернатива — тюрьма или медленная смерть на наркотиках... Я решил узнать, что это такое. Что вообще знали-то тогда простые люди о том, что там творилось? Я и решил — раз я телепат, должен быть в Пси-Корпусе, всё нормально. Да и сразу мне всей изнанки, конечно, не показывали, меня ж ещё учить и учить было, а обучение — это было интересно, что ни говори... Но как я уже сказал, я ж обо всём имел своё мнение... И как-то в очередном разговоре о нелегалах возьми и брякни: а чего бы, в самом деле, не позволить им жить так, как они хотят? Ну пусть

хотя бы не среди людей, а где-нибудь изолированными поселениями... Всё лучше, чем тюрьма. Хотя бы не разлучали с семьями, позволяли жениться с кем пожелают... На меня посмотрели как идиота. И одна девушка сказала: «Да дело не в том даже, что они могут употребить свои способности во зло... Может, и не употребят... Но они ведь воруют у нас ресурс, покидая наши ряды». Вот тогда я, пожалуй, кое-что понял, когда услышал, что живые люди с их мечтами и чувствами — это ресурс... А потом услышал краем уха некоторые подробности, которые мне слышать было рановато... Благо, дело было не на Земле и не на Марсе, на одной зачуханной станции на границе земного сектора... Взял челнок и по-тихому исчез. К счастью, сопротивление нашёл сразу, вернее, оно нашло меня.

— Вам очень повезло.

— Да, не спорю. Когда меня объявили в розыск, меня уже было, кому научить качественно прятаться.

Винтари слушал этот разговор и думал о том, что он показался бы, наверное, бредовым кому-то... Кому-то, кто не был здесь с ними. И не потому только, что некоторые из них, работая вроде бы вместе, над одним делом, только здесь, получается, и знакомятся. Этот человек только что потерял дочь. И, если верить тому, что сказала Ада, так и не рождённого внука. Но он улыбается их вопросам, что-то рассказывает им... Быть может, он просто не осознал ещё, что Адрианы больше нет, ведь он не видел её тела, не держал руки, из которых уходила жизнь. За эти три месяца они ведь часто подолгу не видели друг друга... Может, и сейчас у него просто ощущение, что она где-то далеко на задании? Вот старикам Арвини будет тяжелее — мёртвый Джирайя лежит в криокамере...

Да нет, что за убогое восприятие нормала. Он не может не осознавать. Он ведь слышал... Слышал не ушами, а сердцем её последний крик. Он как никто — осознаёт. Просто эти дети... Своими разговорами о чём-то как можно более далёком от Адрианы, о давнем прошлом, которое к настоящему моменту можно считать побеждённым, они держат его, они показывают свои протянутые руки так, чтоб он их видел, чтоб не уходил в себя, в скорбь, в которой можно утонуть и не всплыть уже никогда. И наверное, он благодарен им за это...

В какой момент он потерял сознание? Кто, возможно, рискуя жизнью, занёс его внутрь? И не только его... Но всё, что было, последние минуты сражения, их прорыв — как в тумане. Из тумана вставал Дэвид — смертоносная молния с дракхианским кинжалом. Бронежилет поверх центаврианского платья, чёрные волосы по ветру, ядовитый блеск тёмной стали в руке, кажется, не знающей усталости. Наверное, он никогда в жизни не видел ничего прекраснее...

Удар прикладом дракхианского ружья по затылку — и Дэвид падает на изрытый, залитый кровью песок. И после этого последнее, что Винтари помнил — это собственные руки, сжимающиеся на горле дракха...

— А я попал уже на расцвет упадка, так сказать, — улыбнулся Брюс, — воспитателей не хватало, занятия велись уже когда как... Мы с мальчишками, помню, иногда по полдня развлекались беготнёй вдогоняшки по коридорам. Иногда сшибая взрослых с ног... Ну да, было весело. Я даже скучаю по некоторым ребятам. Потом, когда Корпус официально расформировали, нас перевели временно в интернаты, частично туда перешли те же учителя, те, кто не попал ни под какой уголовный процесс, то есть, хорошие из учителей... Нам разрешили видеться с семьями...

Ада улыбалась, поцокивая языком сквозь щёлочку между зубами.

— Я слышала, чем ниже рейтинг телепата, тем более... даже приятные воспоминания у него остаются от Пси-Корпуса.

— Ну, это ж логично, их не посвящали в закулисные игры и подробности... неблагоприятной деятельности. У них были компании детей, подобных им по способностям, которые не боялись их, как сверстники до этого, были учителя, которых они уважали...

Взгляд Андо натолкнулся на бесцветную девушку и стал каким-то колючим и мрачным.

— А ты ещё что такое?

— Я Мисси, — голос её тоже был каким-то бесцветным.

— Она тоже из Ледяного города, — пояснил Брюс несколько даже удивлённо, — пришла вместе с Вероникой и Ангусом записаться в отряд господина Аллана... То есть, они были не из Йедора-Северного, а из поселения дальше, наверное, поэтому ты их не знаешь?

— Мне непонятно, как она вообще попала туда. Что она делала в Ледяном городе, и что она делает здесь?

— В Ледяном городе она — живёт, — неожиданно твёрдо ответил Уильям, — а здесь — сражается, как ты, как Зак, как Амина и принц Диус. Это всё, строго говоря, не тебе, Андо оценивать. Я считаюсь чем-то вроде негласного мэра Ледяного города, и я Мисси — принял. Потому что решение это не моё. Мисси принял тот, пути которого мы все следуем.

— Байрон? Байрон принял... это?

Ада начала грозно подниматься со своего места. Брюс замахал руками, умоляя прекратить назревающую ментальную драку.

— Андо, я не понимаю... Что ты имеешь против Мисси? Вы вообще знакомы?

— Если б ты, парень, от него взял что-то кроме физиономии, — снова разлепила губы Мисси, — судья, оценщик, тоже мне... Слушать противно.

— Она не телепатка!

— Не телепатка?!

— Я наркоманка, — усмехнулась Мисси, — я думала, Уильям говорил... Хотя зачем бы он это говорил, с другой стороны...

— Я что-то не понимаю, — захлопал глазами Брюс.

Девушка рассмеялась, мантия сползла, обнажив пропитавшийся кровью бинт у неё на предплечье. Ада всплеснула руками и кинулась потрошить новый перевязочный комплект.

— Ну дружище... Ты что, про Прах не слышал? Я думала, ваши про него все всё знают. Особенно если учесть, как они пытались найти и уничтожить все партии, что утекли с Земли, да так и не смогли... Если уж я здесь умудряюсь его достать... Ну, в смысле, на Минбаре...

— Разве Прах не опасен? Для здоровья, для жизни?

— Опасен, конечно! Так всё опасно... Но вот что от него умирают скоро — врачи это всё, я вот на нём... Лет с пятнадцати сижу, это не помню, сколько точно, но...

— Сколько же тебе сейчас, Мисси?

Пока Ада делала перевязку, она и не поморщилась. Словно вообще не чувствовала боли. А у неё, оказывается, ещё и большой ожог под лопаткой, Ада принялась сокрушаться, что аэрозоля-то осталось мало...

— Ай, не помню, тридцать с чем-то. Чего их считать, сколько есть, все мои.

— А по виду и не подумаешь...

— Ну да, вот вам и побочное действие — организм перестал развиваться. Так и осталась девчонкой, наверное, до старости останусь. С обменом веществ, говорят, что-то. Я ж и ем

иногда раз в два дня, и мне нормально.

— Я и не думал, что однажды в жизни встречу живого... потребителя Праха, — покачал головой Брюс, — у нас это больше легенда. Я думал, все, кто употребляли — либо вылечились, либо умерли.

— С Праха невозможно слезть, по крайней мере, если попробовал больше одного раза. То есть, можно редко принимать, или долго не принимать, если достать негде, но уж если подсел — то забыть-то о нём никогда не забудешь. И это не химия никакая, не физическая зависимость, а... Я месяцами могла не притрагиваться, жила как нормальная, а потом... Без этих голосов уже не можешь. Такая тишина, как будто тебя в колодец, под землю сунули. Просыпаешься и страшно, не в могиле ли. А потом пойдёшь, закинешься... И просто ходишь по улицам, слушаешь. Так всё чудно...

— Непросто, конечно, это осознать-то... — пробормотал Брюс, — телепаты столько лет от своего дара страдали, а кто-то сам в это лезет...

— Вообще с Прахом не в том дело, что от него умереть можно, а в том, что за него убить могут. Вот об этом да, не всегда думают, а понимают поздно. Вы что ж, думали, наркоманов со стажем по Праху нет потому, что они от Праха умирают? Не, ну кто и сам, потому что нервы не выдерживают, или насмотрится чего такого... Но это как везде, мало что ли наркоманов себя порешают, от дразийской дури так побольше вообще-то... Ой, да вот давай честно — может, кто и от дара страдал, оно не всем легко, это правда, особенно по первости, когда способности просыпаются, да ещё если никого больше телепатов рядом нет. А большинство — от пси-полиции и от того, что нормалы идиоты. Что-то я не вижу, кто в Ледяном городе страдает-то, не страдать мы все там собрались...

— Но сколько мы слышали... От Праха же люди натурально с ума сходили! Или поражения мозга получали такие, что...

— Да просто о таких только вы и слышали. А когда у кого нормально всё — он и не палится, ну а что до мозга, так это чаще из-за примесей, это опять же как с любой дурью же... Ну, не говорю, что прямо безвредно, наркоты — её безвредной не бывает, но вот, живу же. Оно ж началось-то как прикол... Ну, был у меня тогда парень, Дик... Мы любили друг друга безумно, но я ревновала его, как дура. Ну, вот он один раз и говорит: «На, попробуй, сама узнаешь». Я даже не поняла сперва, про что он это... Дик сам до этого только раз попробовал, а так перепродавал иногда, когда быстро срубить надо побольше, а себе-то это недешёвое удовольствие всё же, если нормальный брат... Ну, и я сперва тоже, чисто для дела вроде как, получила, что было надо, успокоилась... Нормальное такое доказательство любви, ну да... Потом уже спустя год, что ли, уже Дика не было, один хмырь на Проксима мне предложил... Ну, я вспомнила — а что, прикольно ж было... Кредиты были, нормально тогда было, почему не гульнуть. А потом, в общем...

— А в Ледяной город-то ты как попала?

— Мы ещё на «Вивилоне» познакомились, — улыбнулся Уильям, — она тогда скрывалась... Пришла пересидеть до своего рейса. Колония тогда казалась местом неприкосновенным...

— Там же пси-копы шныряли то и дело, зубами на колонию клацали, уж на что к ним никто попадать не хочет, а меня б они просто устранили, будто и не было никакой Мисси... Вот я и пришла туда. Я, конечно, понимала, где они и где я... Но они меня приняли.

— Тот, кто спасается от Пси-Корпуса — нам брат, — кивнул Уильям, — Мисси никому никогда не причиняла вреда. Ею двигали не дурные намеренья, только любопытство и

незнание. Сейчас уже все знают, что Прах был изобретением Пси-Корпуса, вышедшим из-под его контроля.

Мисси улыбалась, глаза её затуманили воспоминания. В этот момент её лицо стало неожиданно живым, даже юношески свежим, вдохновенным.

— Когда вышел он... Я, честно, так и обомлела, когда его увидела. Вот, думаю, до чего красивые бывают... То есть, это даже не просто «красивый» было... Красивых-то мало ли... А это... руки целовать — вот... Я сразу себе сказала: «Это мой лидер, это мой бог». Я тогда не всегда помнила, что они-то все меня тоже слышат... Он улыбнулся и сказал: «Здесь тебя не обидят, Мисси». Я сказала, что пару дней только пробуду, до рейса на Дакоту... Что обузой не буду, деньги есть, и вообще помогать буду — посуду там, пол мыть... Я, вообще, как увидела его — так на самом-то деле мне куда-то улетать резко расхотелось. Я б всю оставшуюся жизнь лучше для него пол мыла... Я как-то такое определение любви слышала, тогда не поняла: «Если б он объявил войну всему миру — я б стояла рядом и подавала патроны». Это, конечно, не совсем про то... Просто... видеть его... Слышать его слова, да ещё и его мысли... Я просто понимала — они смотрят на него так же. И чувствовала себя частью целого. Никогда до этого такого в моей жизни не было.

Винтари пристально смотрел в лицо Андо. Это ведь она о его отце говорит. Что он чувствует в этой связи? Похоже, ревность? Ну, если задуматься, не так плохо. Значит, что-то человеческое в нём всё же есть...

— Один раз, поздно вечером, он сидел у себя в закутке один... У них там такое кресло было... старинное вроде как, не знаю, откуда притащили... Я зашла принести свежее бельё, бросила на него взгляд... Эти пальцы на подлокотнике... Тогда вот я подумала... не только о том, чтоб целовать эти руки... О том, чтоб лечь с ним в постель... Потом одёрнула себя: ну не наглею ли? Он ведь может меня услышать, не только он... А он обернулся и сказал: «Здесь нет полиции мысли, Мисси. Каждый волен думать о том, о чём думается». Он подозвал меня... Блин, я раньше не знала, что оргазм может быть от одного поцелуя. Я до сих помню запах его кожи, волос... Кажется, он весь пах... добротой... Состоял из неё... Потом я, конечно, улетела. Я не собиралась их собой нагружать, хотя они не против были, чтоб я осталась. Но в то же время беспокоились за меня — если их поймают пси-копы, у них-то, может, и будут ещё шансы сбежать, их-то убивать не хотели... Хотя уже улетая, жалела — да лучше б осталась, ну и убили бы, так ли уж она нужна, жизнь, сама по себе...

— А потом решила прилететь на Минбар?

Мисси рассеянно теребила край рейнджерской мантии.

— Не сама... То есть... Я тогда шлялась с Эшем, отвязный был чувак, местами так полный псих, иногда я даже его побаивалась, хотя меня он ни разу пальцем не тронул... Вот раз обломилось нам много бабла... Ну, больше ему, чем мне, но моя доля тоже была. Ну так вот, думали мы, что делать будем, куда рвануть. Больше он думал, в смысле, а я услышала, что у одного хмыря там Прах есть... Ну и вот решила... Под Прахом я их и услышала. Они уже месяц там сидели, двадцать человек, двое совсем дети... Слышали, что на Минбаре тайную колонию создали, тоже туда хотели, да ни денег, ни транспорта, и пси-копы по пятам... Ну, вышла я на них, поговорила с ними... Узнала, что на «Вавилоне» случилось... До нас же новости почти и не долетали... Потом пошла к Эшу, потребовала свою часть, поругались мы малость... Наняла развалюху, которой всё равно было, по дороге к чему развалиться... И привезла их на Минбар.

— Мисси спасла их всех. Мы потом узнали, пси-копы нагрянули туда через день,

перерывы все... Никто, конечно, ничего им не сказал...

— У нас своих не сдают, — хихикнула Мисси, — даже таких, как я, какую бы фигну они ни творили... Эш, говорят, их прямым текстом послал... Может, и сканировали они его, да вряд ли чего выудили, я в подробности-то ни с кем не вдавалась.

— Из Ледяного города выдачи нет. И Мисси мы оставили. Вероника очень привязалась к ней, говорила, что если б не Мисси — она б живой не долетела. Мисси ей лекарства по часам давала, капельницы ставила... Места, что ли, во льдах мало? Мисси наша. Она не родилась телепатом, да и сейчас им не стала, но она в одной лодке с нами спасалась, причём не просто сидела, а гребла. Заслужила.

— Согласна, — кивнула Ада, — родилась — не родилась, стала — не стала, а тех дракхов... Я никогда не забуду... А там, в Ледяном городе, ты, Мисси, тоже рукоделием занимаешься?

— Немного. У меня в последнее время сильно руки дрожат, не для тонкой работы... Так, по хозяйству, за детьми ухаживаю... Я очень детишек люблю...

— Её принял Байрон, а такое не оспаривается. Она — не телепат, но уже не нормал. Она наш мост.

— Какой она мост?! — вскипел Андо, — мост, построенный на наркотиках?

— А мосты, Андо — поднял голову Брюс, — они разные бывают. Бывают на бетонных сваях, бывают деревянные, бывают висячие... Главное — что соединяют два берега. Байрон, если помнишь, изначально не мечтал об изолированном рае для телепатов, он хотел, чтоб телепаты и нормалы были едины... Я не понимаю, почему заветы твоего отца чтут все, кроме тебя.

Андо вспыхнул и выскочил прочь.

Рикардо снова зашёл в медотсек поздно ночью — по вызову Далвы. Ада и Мисси уже ушли к себе, Уильям и Брюс спали, Зак и Дэвид вполголоса переговаривались. Иржан за ширмой возился с капельницей Крисанто. Милиас не спал. Глаза его на осунувшемся лице выглядели просто огромными.

— Ты это, парень, не вздумай... Если прощаться позвал — то я разворачиваюсь и ухожу. Дотяни уж до Минбара, мы из пекла вырвались!

Милиас затуманено улыбнулся.

— Не дотяну... Спросите Далву, мне осталось немного. А вам надо выбрать место для утилизации бомб, я не хочу тормозить вас дорогой до Минбара, это слишком большой риск. Каждая лишняя минута с этим на борту — риск...

Рикардо смотрел на трубки и провода, уходящие под покрывало, слушал деловитые щелчки приборов и сиплое, прерывистое дыхание. Невозможно представить, что пережил этот совсем ещё мальчик. От такой кровопотери умирают на месте, а он перехватил обрубки и попытался ещё замахнуться мечом...

— Милиас, прекрати, а? Ну не хочешь до Минбара — доползём до любой мало-мальски стоящей колонии или станции...

Милиас поймал его руку.

— Я тоже много бы отдал, чтобы остаться с вами, зет Рикардо, и дальше сражаться под вашим началом. Но я знаю, что этому не бывать, увы. Мы, центавриане, знаем, как умрём. Я видел это в своих снах. В точности так. Эти стены, эти ширмы, и вы рядом... С этим вот растрёпанным гребнем... И я счастлив, зет Рикардо. Счастлив, что учился у вас и счастлив

умереть за одно с вами дело. Я не смог бы описать, как много для меня значит... вот так держать вас за руку... Я никогда никем не восхищался так...

— Ну-ну, парень...

Юноша поднёс его руку к губам.

— Для нас, центавриан, нормально высказывать любую степень восхищения — другом, учителем... Кто, как вы, этого достоин? Разве вы не видите, что так на вас смотрят... многие ваши ученики, и даже Андо... Мне было страшно думать о смерти... Было страшно, пока вы не пришли. Ваш свет озарит мою дорогу... Не о чем жалеть. Я умер за Центавр, может ли быть счастье больше этого? Умер рейнджером, не отступая перед численным превосходством... Спасибо вам, зет Рикардо... За всё, чему научили меня...

Голова юноши бессильно откинулась на подушку. Какое-то время Рикардо казалось, что он просто прикрыл глаза от усталости... Запищали приборы, разжались и выскользнули пальцы из его руки.

— Милиас, Милиас... Совсем ребёнок ведь, жизнь впереди... Сколько народу мы тут потеряли. Отряд Зака, ребята Диуса, Адриана, теперь ты... Ну немного б потерпел, там б мы уж тебя вытянули, там и не такое чинить умеют. Мы же прорвались... мы победили...

Он очнулся от того, что на плечо его легко, робко легла рука Иржана.

— Зет Рикардо... Зет Рикардо, мне нужно... перенести тело...

Бросил взгляд на приборы — нет, они молчали, они не передумали. Можно подумать, конечно — может, слишком слабы они, и не ловят импульсов, может, ещё жив? Нет, слабы они были, чтоб поддержать жизнь после такой кровопотери. Его руки такие холодные... Они давно уже были холодные, смерть и так прилично ждала. Нет, он был очень сильным. Мало кто на его месте цеплялся бы за жизнь так долго, так отчаянно.

— Да, да, конечно... подожди... ещё немного... — он погладил лицо мертвеца, как гладят уснувшего ребёнка, — это так неправильно, Иржан. Он был таким юным.

— У каждого свой срок, отмеренный не нами. Он был рейнджером и умер как рейнджер. Вы не можете заслонить собой нас всех, зет Рикардо, и не должны. Он очень любил вас, зет Рикардо, он говорил мне, что даже рад, что не добрался до госпиталя, потому что тогда пришлось бы остаться на Центавре... и кто знает, когда увидеть вас снова, может быть — никогда. И вы должны верить ему... в том, что он не жалеет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да, да... Знаю, что ты прав, Иржан. Вы оба, наверное, правы. И он, и Адриана... Ни войне не может не быть жертв, были и будут те, кто бросается на амбразуры, и преступно их останавливать, потому что, любя нас, они счастливы, и способны не медлить, не оборачиваться назад... Но я думаю о тех, кто остаётся... Не могу не думать, не могу ждать, что они примут это и переживут. Бедный Уильям, и бедный... её возлюбленный... Они-то не рейнджеры... Как же он отпустил её, доверил нам, эту молчаливую упрямую девочку... Ждал, что она вернётся, что в тёплом ледяном доме появится на свет их дитя...

— Её возлюбленному... можете выразить сочувствие лично. Это Андо.

— Андо?!

— Да. Я предполагаю, что, быть может... Потому она и смогла... то, что сделала... Что её способности возросли именно потому... Ребёнок более сильного телепата способен передать часть своего потенциала матери. Не знаю, конечно, как у землян... У нас такое возможно.

— Андо! И молчал, паршивец... Обстоятельный, конечно, нам с ним предстоит

разговор. Но, разумеется, не сейчас. Сейчас ему это всё пережить надо.

Лаиса стояла рядом с Рикардо в рубке.

— Так, говоришь, вот это — управление сканерами, а вот это — связью? А вот эта панель, вижу, поставлена недавно... При замене двигателей, да?

— Да. Модернизация была проведена очень наскоро, и мы до сих пор не знаем, может ли грузовой корабль ходить на таких двигателях. Пока, конечно, плывём помаленьку, но «Асторини» — это ходячая катастрофа, не угадаешь, что и в какой момент откажет. Сейчас мы движемся к ближайшей звезде для заправки — пришла «Асторини» на минимальном заряде, тут, увы, просто некогда было, а чтоб проделать такой путь, до утилизации бомб, нужен полный заряд. ... Тут, увы, и показывать особо нечего — вооружения тут практически нет, бортовые орудия торговых судов это всегда что-то несерьёзное, обычно их просто сопровождает от трёх до десяти «Сентри», в зависимости от ценности груза, а в последнее время, ввиду того, что в секторах Центавра и Минбара пиратов извели как класс, и в этом надобность отпала... Лаиса, тебе и правда это всё интересно?

— Спросил тоже! Я ж на корабле до этого не бывала, ни на каком вообще. А тут... и с истребителя постреляла, и в космос вот, с операцией исторической значимости, лечу...

— Может, мне тебя на какую-нибудь «Белую Звезду» оператором орудий тогда устроить?

— Ну, если это вопрос был — так не отказалась бы. Я-то думала, мне только на кухню и прочий быт рассчитывать. Но коль скоро ватага ребятишек у нас расово не предусмотрена...

— Ну, не думаю, что нам откажут в генетической помощи... Для чего, как не для таких случаев... Или можем усыновить Андо...

— Командир, тревожный сигнал, — подал голос Тжи'Тен.

— Что там? ... Ну, что ж это ещё может быть! Никак же без этого, блин, ну никак! Кинулись в погоню...

— К счастью, корабль всего один. Видимо, проскочил...

— Нам и одного хватит.

— Ну, мы, конечно, не вооружены... Но знают ли об этом дракхи?

Рикардо устало потёр лицо.

— Дружище, поверь, это не проблема. Их сканеры мощнее наших, если не знали — то считай, уже знают. Посылай сигнал «Белым звёздам»...

— Уже послан.

— Хотя конечно, даже если они поймают этот сигнал сейчас... Сколько ему до нас ходу?

— При той же скорости — час.

— А мы только встали на зарядку... Ну да, отлично...

Тжи'Тен забарабанил по кнопкам.

— Судя по данным сканеров — они у нас, конечно, могут и осечку давать — у них на борту нет истребителей. И повреждена часть орудий. Это как-то равняет наши шансы.

— Ничерта не равняет, потому что у нас их практически нет. Чёрт, если б только позволяло время — переоборудовать «Асторини» надо было так, чтоб взять на борт ещё хоть пару «Сентри»... Боевая готовность орудий?

— Неважнецкая, сэр. Орудия не стреляли много лет, а их совместимость с новыми двигателями вообще никто не проверял. Дай бог, чтоб не рванули...

— Не понял, у нас вариантов, кроме «Отче наш», вообще уже не осталось?

В рубку, пошатываясь с наркоза, вошёл Винтари.

— Даже если б «Сентри» были... кому лететь? Большая часть команды в медотсеке, половине встать нельзя, другой половине — встать и при желании не получится... Я, положим, мог бы... наверное...

— Корабль противника вышел на связь.

При виде ненавистной дракхианской рожи на экране Винтари захотелось грязно выругаться.

— Мы знаем, что вы украли у нас, — проскрипел голос по-центавриански, — приготовьтесь к стыковке и возвращению украденного. У вас есть час.

— А то что?

— Иначе вы будете уничтожены. Вы на расстоянии выстрела наших носовых орудий. У вас час, — экран погас.

Винтари рухнул в свободное кресло.

— Однако, переплёт... Сомневаюсь, что «Белые звёзды» будут тут в течении часа. Подозреваю, им и там вполне жарко.

— Есть шанс протянуть время?

— Вопрос хороший. Почему они не начали стрелять сразу?

— Потому что бомбы нужны им целыми. Лично в нас они не заинтересованы. Не возможно, это время нужно им так же, как и нам — они надеются, что подойдут ещё вырвавшиеся корабли... Тогда можно и взорвать. А ему одному столько и не надо. По их мнению, мы согласимся выдать бомбы в надежде выторговать жизнь для команды... Хотя это было бы верхом наивности.

— Ну да, а часть бомб, когда подойдут ещё корабли, можно просто взять на борт и взрывать по мере потребности в заряде... В общем, предпочтительнее им получить бомбы целыми, но могут взорвать и на месте, с нами вместе, лучше, чем ничего. А нам так и так хана.

Тжи'Тен потёр подбородок.

— Нет, ну должно быть решение, оно всегда есть... Можем попытаться удрать?

— Попытаться можем, суметь — вряд ли. Такой мгновенный разгон, чтоб оторваться на расстояние больше выстрела их орудий, «Асторини» нипочём не взять.

— Гиперпространственного привода у неё тоже нет... Да что же за...

— И кому казалась блестящей идея бегства на старой развалине?

— Она блестящая, но не идеальная. Если ты не заметил, корабль тут ровно один, а за «Джентой» ринулся бы весь флот, и «Гармы» могли метаться сколько угодно... Они просканировали нас только сейчас, на подлёте, а думали, что преследуют диверсионный отряд. Иначе нипочём не полетели бы одни. Другое дело, что нам теперь и этот один нечем остановить...

— Вот и толку, по итогам... От единственной «Старфьюри» на борту...

— А вот тут ты не прав, — вскинулся Рикардо, — она заправлена? Шлюз в порядке? Погрузить на неё две дракхианские бомбы... Что у нас с зарядом?

По кнопкам забарабанила уже Табер.

— Тридцать процентов пока... Рикардо, ты что задумал?

— Да есть мыслишка. Если выйдут на связь — скажите, что выслали парламентёра для переговоров. В принципе, я и намерен с ними... переговорить...

За стартом «Старфьюри» с замиранием сердца наблюдали уже шестеро — в рубку вошёл мрачный, как ситуация в целом, Андо. Пожалуй, Винтари его сейчас понимал — тяжело обладать такими силами и именно сейчас ничего не мочь сделать. Прорыв измотал его, а расстояние до дракхианского корабля было слишком большим.

Ожила связь.

— Мы не давали согласия на высыл парламентёра!

— А мы пока не давали согласия на то, чтоб отдать бомбы! — вышел к экрану Винтари, — где наши гарантии? Вы взорвёте нас сразу, как только получите.

— Не в вашем положении торговаться, принц. Вы освободили свою родину — хватит с вас и этого.

— Если мы так и так смертники — какой нам смысл вообще с вами разговаривать? Но вам же нужны эти бомбы?

Послышался треск — слова дракха перекрыла вышедшая на общее вещание «Старфьюри». Она прошла больше половины пути до корабля. Маленькая храбрая птаха против огромной хищной птицы. Отчаянно защищающая своё гнездо...

— Слушайте, чтоб вас, дракхи! С вами говорит Ричард Байрон, капитан «Асторини». Вы не получите бомбы, и не получите никого из них. Вы больше ничего не получите. Вы — наследники Теней, мы — дети Ворлона. Наша война в нашей крови. Но победа в этой войне — за нами, вы не пройдёте!

— Байрон?! Что он...

— «Старфьюри» берёт разгон... Что он делает? Рикардо, что ты делаешь?

— Развернуть лопасти плоскостями к кораблю! Диус, принимаешь командование. Курс — кодовое название «Солярис»!

— Повторяет подвиг Джона Шеридана... В миниатюре...

Лаиса вцепилась ногтями в руку Амины — до крови, но та не заметила.

— Рикардо, нет! Должен быть другой путь!

— Другого пути нет! Хотели бомбы? Получите ваши бомбы! Мы живём ради Единственного и умрём ради Единственного!

На последние несколько мгновений мелькнул на экране русский растрёпанный гребень, бледное улыбающееся лицо в алых ссадинах... Ослепительная вспышка поглотила, кажется, весь мир. Винтари показалось, что горячий ветер обжёт ему лицо. Истошно завопила Лаиса, рухнув на пол... Или это был крик Андо?

— Корабль врага уничтожен. «Старфьюри»...

— Не успела выбросить спасательную капсулу?

— Даже если б успела — это б ничего не дало. В таком взрыве не выжить.

— Заряд 100 %. Капитан?

Винтари очнулся. Да, он капитан... Теперь капитан...

— Курс — кодовое название «Солярис», — он отвернулся, стараясь, чтоб голос звучал твёрдо, — он прав, мы должны быть там раньше их. Передайте те же координаты ближайшей из «Белых звёзд»... И — к гиперпространственным воротам.

В кают-компании было мертвенно-тихо. Руки Далвы с чашкой чая дрожали.

— Как Лаиса?

— Спит. Пришлось накачать её снотворным под самый предел нормы. Андо, впрочем, тоже... У него порог оказался ещё выше.

— Вы б тоже поспали, Далва... Вы выглядите совершенно вымотанной. Хотя я сейчас — едва ли смог бы уснуть. Зачем он... Какого чёрта...

— Это действительно был единственный путь, — вздохнул Брюс, — как ни страшно это. За час не успели бы подойти корабли поддержки, хоть с Центавра, хоть со стоянки в гиперпространстве. За час Андо не успел бы восстановить силы. За час мы даже не зарядились бы на полную, чтоб попытаться оторваться. У них был беспроектный ход.

— А при максимальной удаче они получили бы нас в качестве заложников, чтоб прикрыться и от «Белых звёзд», и от флота Центавра. А кого он мог посадить в «Старфьюри» вместо себя? Мог ли вообще?

В памяти снова встало бледное лицо в тёмной кабине «Старфьюри». Горящие ссадины, горящие глаза, руки на штурвале...

— Он наконец послал этот запрос. Ну, по файлам того космопорта... И успел получить ответ... Удивительно, как меняет человека причёска, одежда... разные условия жизни... Близнецы, выросшие в совершенно разных условиях, могут на первый взгляд никому не показаться более, чем смутно похожими. Я ведь тоже так и не мог вспомнить, где уже видел лицо Байрона.

— Но... Не понимаю... Рикардо ведь не телепат! Разве близнецы не одинаковы во всём, в том числе в пси-уровне?

— Возможно, они не были полными близнецами. А возможно... Помните тот разговор о неравноценных близнецах? Два организма развиваются по сути из одной клетки. Не всегда их развитие одинаково. А ген телепатии ещё не был расшифрован до конца. Вероятно, здесь всю силу «оттянул» на себя один... А второму осталось... Помните, минимум двум телепатам не удавалось просканировать Рикардо. Абсолютная защита.

— Но... Диус, откуда...

— Я повторил последний просмотренный им файл. Он действительно нашёл, перебрал всех пассажиров — видимо, не спал вообще... Создатель, ну зачем он сделал это именно сейчас? Почему не на Минбаре, в спокойной обстановке? Видимо, все эти потери... Может быть, боялся, что... больше возможности и не будет? Узнать правду перед смертью... Удивительно устроен человек. Удивительно злые шутки у вселенной. Такая юная, совсем девочка... Длинные золотые волосы... Там не было полного имени, только роспись — размашистая такая, нервная... «Байрон». Тогда она, видимо, ещё не додумалась менять имя...

— Ну... мало ли Байронов на свете... Хотя, внешнее сходство-то имеется... Так получается, Андо — его племянник? Кто мог подумать... Хотя, ведь логично... У всех телепатов были хотя бы какие-то родственники-нормалы...

— Я послал ещё один запрос, до которого, видимо, не успел додуматься он. Дела Пси-Корпуса, связанные с маленькими детьми. Совсем маленькими, младенцами. Одна малоизвестная публикация в газете, пси-копы потом изъяли тираж, решили, что реклама всё-таки сомнительная... Хотя тем молодым копам казалось, что сработали они блестяще. Дело было в... Мо-ги-лев, кажется, так называется город... в городском парке, обычный воскресный день... На скамейках сидело несколько молодых мам с детьми, колясками... Одна мама слишком отвлеклась на младшего карапуза, и не заметила, что старшая девочка забралась в машину-мусоровоз, заползла по подъёмной ленте для мусорных контейнеров. Машина тронулась с места. Девочка не могла позвать на помощь — она была глухонемой. Никто ничего не заметил — в парке было очень шумно, а на мусоровозы вообще кто

обращает внимание? Но тут все взрослые услышали жуткий крик... Обернулись и тогда услышали шум — девочка пыталась выбраться по мусорным контейнерам. Но это не был её крик. Тогда они заметили, что в её сторону тянет ручки один из младенцев в коляске. Мальчику было всего полгода, но он почувствовал её страх и сумел передать его взрослым. К ошеломлённой матери тут же подскочили пси-копы — как из воздуха материализовались, не иначе, схватили ребёнка, сунули ей в руки бумагу... Женщина была в таком шоке, что подписала автоматически. Она не знала, что больше никогда не увидит сына. А пси-копы не знали, что у женщины был ещё один сын — брат-близнец мальчика, который в тот день немного недомогал, и остался дома... Когда они явились за ним, никого дома не застали — миссис Байрон схватила ребёнка и сбежала.

— И в космопорту отдала его бездетным Алваресам...

— Быть может, его бы у неё и не забрали... Номинально, пси-способности у него отсутствовали. Но могла ли об этом знать она?

Это какой-то абсурд, думала Далва, гоняя остатки чая на дне чашки. Словно мы говорим не о человеке, которого так давно и хорошо знали, который был таким простым, ясным, таким... однозначным. О ком-то другом...

— С трудом, но я набрёл ещё на один файл. Пытаясь проследить дальнейший путь матери... С одного рейса на Кита сняли женщину... Один из бортпроводников обратил внимание, что младенец у неё на руках ведёт себя уж очень тихо. В свёртке оказалась кукла. Женщина была невменяемой, она пересаживалась с рейса на рейс с куклой в детском одеялке. Документы у неё были фальшивые, много дней она сидела на наркотиках — стимуляторах, чтобы не спать... и ещё чём-то — сжигающем память. Она не могла вспомнить, ни как её зовут, ни что с ней случилось, ни куда она направлялась. Телепатическое сканирование не применяли — всё-таки без согласия пациента его не делают, а тогда и там, на Ките, чрезвычайных поводов никто не усмотрел. Она умерла в психиатрической лечебнице спустя три года. Судя по фотографии — это она.

— Она всё-таки оторвалась, запутала следы... А об отце ничего не известно?

— Я пока не нашёл, но это нужны базы города... опять забыл его название... К этим базам у меня доступа нет. Думаю, Андо, если захочет, займётся этим.

Винтари замолчал, услышав шаги. В кают-компанию вышли Крисанто с рукой на перевязи и Лаиса, опирающаяся на плечо Ады.

— Не стоило вам... Вам всё принесли бы в медблок...

— Что принесли бы — ваше совещание? Так надо было. Далеко мы ещё от цели? Что известно с Центавра? Есть новости от «Белых звёзд»?

— Вам вообще-то постельный режим прописан...

— Я ходячий, — Крисанто, сильно хромая, прошёл к столу, — а вам не хватает рук. Одна у меня, конечно, на перевязи... Но вторая-то цела и нормально функционирует.

Лаиса подошла к пищевому автомату.

— Я только перехвачу сейчас хотя бы чего-нибудь — и мы в медблок... Не лежать, конечно. Сменим Иржана, он с ног уже падает. Команда, как-никак, понесла потери. Некогда прохладиться.

— Лаиса...

— Мы в строю. Диус, уж поверьте... лежать и вариться без конца в собственных мыслях — сейчас вариант хуже некуда. Он — не останавливался. Не останавливался, что бы ни случилось. Когда не на чем было лететь — он шёл пешком, когда нельзя было идти — он

отдавал время тренировкам, составлению и выверке планов, изучению чего-нибудь нового... Он всегда что-то делал — даже если казалось, что он просто лежит и безмятежно мечтает. И будет неправильно, если он остановится... теперь. Теперь я должна не останавливаться, как раньше он. У меня не было фамилии. Теперь есть. Есть имя, есть путь.

— Капитан, вызывает «Белая звезда»-12! — сообщил из рубки Тжи'Тен, — вызываются сопровождать нас до «Соляриса». Говорят, ближайшие к названным нами координатам гиперпространственные ворота — в шести сутках лёту, с ними будет всё же проще, «Белые звёзды» сами открывают выход из гиперпространства.

— Согласен... В смысле, да, подтвердите согласие... Хорошо бы, конечно, выставить там кордон из «Белых звёзд», но сначала выясним, с чем имеем дело.

— Вот она.

— Красивая... Немного похожа на Землю, только, кажется, меньше... И континенты, конечно, другие...

— Жаль, наши сканеры не позволяют... ничего, в общем-то, практически. Можем оценить только визуально.

— С «Белой звезды» передают данные сканеров... Планета земного типа, радиус в три раза меньше земного, кислородная атмосфера, сейчас идёт обработка запроса по формам жизни. Однако определённо, высших форм жизни, подобных человеку, не обнаружено.

— Ну, так может быть, они не подобные...

Лица Тжи'Тена и Табер по мере поступления данных становились всё более серьёзными и сосредоточенными.

— Пока что зафиксированная аномалия — очень мощное... поле...

— Какое поле?

— Ментальное, сэр. Погодите... что-то происходит! Связь с «Белой звездой» теряется...

Винтари видел это уже и сам. Яркое голубоватое сияние одело планету, оно разрасталось, становилось всё интенсивнее... А потом двинулось к ним. Или наоборот, притянуло к себе корабль? Сияние жило. Пульсировало... сияние смотрело на них с экрана. А потом начало концентрироваться в человеческую фигуру. Прямо в космическом вакууме перед ними возник образ рослого темнокожего мужчины. Мужчина улыбался, в его глазах просвечивали звёзды.

— Я узнал вас, — Андо сделал шаг вперёд, — вы — Джейсон Айронхарт. Я читал файл о вас. В результате эксперимента Пси-Корпуса ваши пси-способности резко возросли до невиданных высот. Вы ушли, чтобы они не были использованы во зло. С тех пор никто ничего не знал о вашей дальнейшей судьбе, вы считались пропавшим без вести...

— И не должны были знать. Хотя Пси-Корпуса больше нет, желающих использовать что и кого угодно ради достижения власти всегда хватало.

— Вы знаете...?

— Всё это время, когда меня никто не видел и не слышал, я — видел и слышал... Не всё. Но многое. И многое я слышу, читаю сейчас в вас. Ненамеренно... просто ваши мысли открыты и ясны для меня так же, как малейший атом в ваших телах и в каркасах ваших кораблей. Мои силы... огромны. Гораздо больше, чем способен вместить человеческий разум. Именно поэтому я решил удалиться за пределы освоенного космоса.

— И здесь вы... заняли эту планету?

— Нет. Я стал планетой.

Винтари искоса наблюдал за Андо. Ему было почему-то очень интересно, о чём думает, что чувствует сейчас юный телепат. Столкнувшись с силой, превышающей его собственную... Как бы то ни было — он закован в смертное, несовершенное человеческое тело. Каково обнаружить, что ты — не абсолют?

— Я подумал, что если уж стал равен по силам богам — я должен заняться сотворением. Я выбрал это место, найдя это молодое светило подходящим, найдя тут подходящую орбиту... Это был долгий, непростой, но чрезвычайно приятный труд. Если бы вы знали, какие песни скрыты в формулах кристаллов и токе соков по травам и ветвям... Это прекраснее во сто крат всех песен, что когда-либо звучали для человеческих ушей. Мне интересно было не только повторить то, что я видел на Земле или на других планетах, но и попробовать создать что-то, чего там не было... Горы выросли и моря разлились по моему слову, невиданные цветы распустились оттого, что я захотел, чтобы они были... Но торжество творящей мысли ещё не наступило. Я создавал это не для того, чтоб наслаждаться плодами в одиночестве. И не для того, чтоб творить в одиночестве. Я всё здесь знаю и всем обладаю, но у меня нет глаз, которыми я мог бы созерцать рассветы и закаты, нет ушей, которые могли бы слушать птичье пение, нет ладоней, которые могли бы согреть распускающийся цветок... я не могу наслаждаться всем этим так, как наслаждаются люди, моё наслаждение другого порядка. Мне нужны живые сердца, полные прекрасных желаний, огня мечты, нужны те, кто мог бы насладиться этими плодами. Мой мир — для совместного творчества... Но только чистого, созидательного.

— Да уж, определённо не для дракхов...

Мужчина кивнул.

— Вероятно, вы скажете — я не должен был отпускать их разведчики живыми... Но я не желал убивать, я никого больше не желал убивать. Я думал, что может быть, дети Теней тоже захотят забыть войну и создать для себя другую жизнь... Что дети Теней и дети Ворлона смогут протянуть друг другу руки здесь. Я чувствовал черноту и воинственность их мыслей, когда они были здесь, но я надеялся, что они станут другими, когда будут знать, что им ни от кого больше не нужно прятаться и защищаться, когда получат свой новый дом... Как жаль, что я ошибся.

Винтари подавил усмешку. Странная наивность для новоиспечённого, но всё же бога... Или как раз для бога — нормальная?

— Если они собирались, отбывая, убить миллионы невинных жизней — наверное, едва ли их творение было бы чистым... Но больше они не причинят вам вреда.

— Я могу защитить свой мир. Но мне хотелось бы, чтоб мне не пришлось этого делать. Я надеюсь, в эти края никогда не придёт война. Этот светлый новорожденный мир должен быть пристанищем, сбывшейся мечтой, а не яблоком раздора. Я дарю его расе, которая так же была лишена своего дома и надежды. Расе, к которой принадлежал сам, ещё когда был Джейсоном Айронхартом. Телепатам Земли. Прошу вас, передайте им, что они могут придти и жить здесь. Здесь никто их не обидит, здесь никто не заставит их делать то, чего они не желают, не заставит доказывать, что не такие, как все — не угроза большинству. Передай им, Андо. Людям Ледяного города. Они долго бежали, долго скрывались, они сражались и умирали за это. Скажи им, это не было напрасным. Гибель твоей семьи, Андо, их вера не была напрасной. Их дом ждёт их, они могут придти и обустроить его. Я знаю, они придут не сразу, не сразу все... Те, кто придут первыми, смогут потом помочь тем, кто придёт вторыми.

Существовало ещё кое-что, что просто необходимо было сказать...

— Джейсон... наверное, вы знаете... Таллия жива. Её нашли. Она... Она сейчас у Ивановой...

Бог грустно улыбнулся.

— Знаю. Мне очень хотелось бы, чтоб Таллия тоже была здесь, чтоб первой ступила на эту землю... Но я пойму, если этого не произойдёт. Пойму, если она решит остаться с Сьюзен.

— Вы любили её... То есть, любите...

— Я больше не человек. Тому, чем я сейчас являюсь... уже не нужна женщина, как мужчине. Недоступна та, прежняя любовь... Как вашему пониманию недоступна та любовь, которая переполняет теперь меня. Когда что-то приобретаешь, что-то неизбежно утрачиваешь. Я утратил физическое тело и все его радости. Иногда я жалею об этом... Но нечасто. То, что я приобрёл — это немало... А когда на мою землю ступят первые из моих сестёр и братьев... это счастье, которое я не смог бы даже представить, если б был человеком.

— Мы скажем им. И думаю, они придут.

Винтари бросил взгляд на панель. Снова полный заряд, словно не преодолевали они огромное расстояние... Айронхарт? Думается, для него такой подарок, действительно, совершенно не проблема...

— Я благодарен вам за то, что вы так самоотверженно бросились на защиту этого юного мира. Мне удалось нейтрализовать то, что они материализовали здесь в свой первый визит... но если б они пришли снова — боюсь, мне пришлось бы очень тяжело... Конечно, я не отпустил бы их обратно в ваше пространство с тем, что они планировали создать... Мне пришлось бы запереть их здесь, в себе... и либо изменить, либо уничтожить. В дальнейшем я надеюсь разработать защитные системы, вам не придётся об этом беспокоиться. Но всё же я буду благодарен вам, если никто лишний, не готовый, не узнает об этом мире, пока он не будет заселён жителями, которым он предназначен. Кто породит здесь не новых ужасных созданий, яды или оружие.

— Об этом не стоило даже говорить, господин Айронхарт, мы сами это прекрасно понимаем.

— Летите и ничего не бойтесь. Вы защищали меня — и моя защита будет с вами. Я не могу создавать оружие... Но я окружу защитой корпус вашего корабля. Если даже кто-то из них вырвется и атакует вас — он не причинит вам ущерба. И я заберу эти бомбы... Вам непросто было бы аннигилировать их так, чтоб не принести этим никакого ущерба себе и миру вокруг, а для меня это не составит труда.

— Это больше, чем мы могли бы ожидать, господин Айронхарт.

— Я не столь многое могу вам дать... Но кое-что могу. И ещё один подарок я хочу сделать прямо сейчас. Мисси, подойди, не бойся.

Мисси, всё это время стоявшая в дверях, приблизилась к экрану. Мягкое сияние, льющееся с него, окутало её фигуру.

— Ты ведь этого хотела, Мисси? У тебя чистое сердце, и ты заслуживаешь этого.

— Это... это правда? Так странно... внутри себя я совершенно точно понимаю, что это так, но мне кажется, что это сон. Спасибо... наверное, надо сказать: господи?

— Ты сумеешь распорядиться моим даром правильно, Мисси. Я знаю это. И если однажды — не скоро, конечно... ты тоже придёшь сюда... Здесь будут тебя ждать.

Дорога до Минбара была без происшествий — ну, если верить сообщениям с «Белых звёзд», то беспокоить их было уже и некому, последний из известных дракхианских кораблей был достигнут и взорван в гиперпространстве. Да, не исключено, что где-то осталось ещё некоторое количество дракхов, но, во всяком случае, их количество должно быть столь невелико, что досадить кому-то они едва ли смогут ближайшие полсотни лет, если каким-то образом не нарастят свои силы. Да и в общем это уже забота рейнджерской разведки. Эту же миссию можно было считать успешно выполненной, хотя и ценой чудовищных потерь. Потери — были ожидаемы, были, если можно так выразиться, предусмотрены планом — при тяжести и рискованности возложенной задачи, даже если б всего один член команды уцелел, чтобы вывести бомбы с Центавра, и это бы был успех. Победа — избавить Центавр от гибели, какова бы ни была цена. Победа — что всё же столько героев сумели уйти живыми. Победа — то, что те, кто не сумел, не предали, не подвели, не провалили миссию. И их жизни были отданы очень дорого... Всё это говорил себе Винтари ещё на Центавре, всё это же повторял себе в дороге, но принять смерть от этого было не легче. Он впервые в жизни потерял так много важных для него людей. Да, впервые. Смерть отца не была для него потерей — по правде, где-то внутри жило облегчение от того, что он больше никогда его не увидит. Это было новой неожиданной переменой в жизни, угрозой прочности их положения, но только не потерей. Смерть родственников тоже не была таковой — когда умирал двоюродный дед или дядя, бывало проблематично даже вспомнить его лицо, главное было вспомнить его место на фамильном древе. Эти смерти остались в памяти семейными праздниками — а чем ещё они могли остаться. Семейство пиривало, вспоминая умершего, его характер, привычки, заслуги, различные истории, героем которых он был. Скорбь на таких поминках не проявлялась, скорбь — дело личное, ему место за закрытыми дверями. Нет, ему не с чем было сравнить боль, грусть, досаду, когда он услышал о смерти Селестины, Кристиана, потом других... Это были его ученики. Само это чувство ему тоже прежде не с чем было сравнить. Испытывал ли кто-то из его учителей гордость и привязанность? Может быть, и было так, но никто из них ничего такого не проявлял, не остался в его памяти. Эти молчаливые старательные ребята стали ему дороги. Их успехами он гордился как собственными. Знать, что они не сделают новых шагов в постижении центаврианского языка и культуры, не зададут ему новых вопросов, ставящих перед ним, как перед учителем, более сложные интересы и задачи, не помогут новым взглядом взглянуть на нечто давно знакомое и привычное, было мучительно. Потом — Джирайя и Милиас, соотечественники, отважные парни скромного происхождения и великой души. Он больше не мог уже сожалеть о том, что он не император. Никакими жалованными чинами, орденами, землями, богатствами не вознаградить их подвига. А Рикардо... Об этом вообще невозможно было думать. Абсурдно, но ему казалось, видимо, что Рикардо не умрёт никогда. Таких светлых, сильных, уверенных в себе людей смерть просто не может коснуться. Наверное, это один из тех случаев, когда наружность обманчива. Он видел Рикардо всегда спокойным, всегда опорой и источником оптимизма, отвечающим шуткой на любой вызов судьбы, и не думал, чего стоит сильным их сила. Какое напряжение он, командир, отвечающий за всё дело, прятал от них всех, какой надлом он носил в себе после каждой потери. Впрочем, можно ли сказать, что у него сдали нервы? Мог бы он сам

найти там и тогда какой-то другой путь, кроме как соревноваться с судьбой, ожидая подхода подмоги? Рикардо умел отдаться течению судьбы тогда, когда от него ничего не зависело, когда нужнее было сберечь душевные силы свои и окружающих, но он действовал всегда, когда была возможность хоть для какого-то, для самого малого действия. Если он знал, что есть способ остановить врага и спасти всех — он не смог бы ждать. Он всегда предпочитал самое трудное действие самому благостному бездействию в уповании на случай.

И конечно, думать о том, что будет после посадки, как их встретят, как они будут рассказывать бесчисленным жаждущим, что и как было — в дороге невозможно было совершенно. Не было просто времени опомниться. И пожалуй, они как-то так себе представляли, что их посадка произойдёт тихо и буднично, хотя с чего бы? А в первую минуту показалось, что встречать их вышел весь Минбар. Ну, весь Тузанор уж точно был здесь, Тжи'Тена и Амину было не видно из-за толпы эйякьянцев — они, наверное, уже знают и про товарищей, и про Рикардо. Это жизнь рейнджеров, конечно, они готовятся к этому с первых своих шагов в этой новой жизни. Но всё же — как давно Альянс не знал войн и военных потерь... И Ледяной город здесь, наверное, весь. Их молчание, как всегда, режет слух нормала. Вот им-то это за что? Они-то не должны были готовить себя ни к каким больше потерям. Но их чувство благодарности за годы безопасной жизни толкнуло их на это дело, в котором никак не обойтись без телепатов. Как скоро он решится сказать им, что разделяет, хотя бы отчасти, их боль? В земле Центавра остались его ученики.

Слёзы в глазах, новые серебряные нити в волосах отца и матери. Они по очереди обнимали его, Дэвида, Андо. Снова услышать стук их сердец — не об этом ли он мечтал все эти месяцы?

...Как-то само получилось, что, когда врачи объявили состояние Зака и Крисанто пригодным для выписки, они все отправились в Ледяной город. Он не мог вспомнить потом, чтоб они говорили, обсуждали это, чтоб телепаты предлагали, чтоб остальные обсуждали предложенное, или же просто это стёрлось из его памяти. Наверное, это был такой редкий момент единения без слов, когда всеми владели одни импульсы, одни желания. Им всем необходимы были эти дни — дни тишины и уединения, чтобы привести в порядок мысли и чувства, осознать, что всё закончилось, что они вернулись, оплакать мёртвых, найти слова для живых. Рваный ритм этих месяцев должен был хоть ненадолго смениться тишиной. Что-то вроде медитации для тех, кто не считает себя способным к ней.

Об отправке тел Милиаса и Джирайи на Центавр договорятся — как только Центавр выйдет на связь. Тут Винтари был исключительно рад, что это делать не придётся ему. С него хватило видеть их мёртвые тела, вспоминать их живыми и пытаться осознать, уложить это в голове. А от большинства погибших не осталось того, что можно было похоронить. Только общий обелиск в Эйякьяне, только могилы в сердцах...

Да, Ледяной город был именно тем, что нужно сейчас. Пронизанный звенящей тишиной, величавым спокойствием ледяных скал и молчаливостью его обитателей. Светом, белизной, холодом просторов. Теплом, норным уютom непритязательных жилищ. Днём они больше гуляли — взбирались на ледяные скалы, ходили к морю. Вечерами сидели, наблюдали за работой вышивальщиков, иногда вполголоса переговаривались.

Иногда Винтари очень переживал из-за того, что не может найти слов, чтобы выразить Уильяму признательность за такое доверие и расположение. Но потом он вспоминал, что в общении с телепатами есть несомненное преимущество, выраженное тогда так просто и

откровенно детьми — если у тебя и возникнут затруднения со словами, твои побуждения прочитают, при чём такими, какие они есть, не искажёнными неуклюжими словесными конструкциями...

Он так и не смог понять, кто же из этих печальных женщин является матерью Адрианы. Он так и не понял, всё же есть ли у Уильяма и другие дети. Он так и не понял, знал ли о ребёнке Андо. Наверняка, конечно, знал. Даже если не предполагать между ними запредельной любовной откровенности — многое ли можно умудриться успешно скрыть от Андо? Говорил ли он с ней об этом? Никто из них, пожалуй, не замечал такого... Не замечал, чтоб они склонялись к каким-то отношениям, подобным семейным, кажется, Андо к Уильяму тянулся больше... Само по себе это и не было б для Винтари странным — ну, кто сказал, что это была непременно большая любовь, а не мимолётная связь? Да и не каждый способен в 16 лет осознать отцовство, не каждый будет к такому готов... Себя вот в такой ситуации он даже представить не мог.

Впрочем, жизнь и отношения Андо — это личное дело Андо. Лично он предпочитал предаваться таким размышлениям не на людях, а во время прогулок. Благо, здесь скрыться из пределов видимости всегда есть, куда.

Пожалуй, так стоять он мог бы очень долго. Благо, традиционные комбинезоны Ледяного города — белые, специально для маскировки на снегу, цветные одевались только в тех исключительных случаях, когда надо было встретить на посадочной полосе кого-то нового — были очень тёплыми. Поднимающееся над морем солнце казалось ослепительно белым, рисунок далёких скал и ледяных торосов рождал в душе странное умиротворение. В самом деле, непривычный климат Винтари даже нравился. Было в нём что-то такое... обостряющее и делающее ясными все чувства...

Он снова и снова думал о Рикардо. Каковы были его мысли в последние минуты жизни? Он ведь оставлял Лаису, оставлял — уже знал об этом — племянника... И если об Андо даже судить сложно, то боль Лаисы определённо неопишима... Наверное, никак не отделаться было от мысли, что это он, своими настойчивыми уговорами разыскать биологическую семью как-то приблизил, предопределил именно такой исход. Разум понимал — не он это сделал, это дракхи, это бомбы, это слабая мощьность «Асторини»... Но в сердце что-то противно скребло, и видимо, только время может это унять. Зачем вообще это было нужно — чтобы он всё же узнал? Только для этих безумных прощальных слов, которые потрясли каждого, кто знал их значение? Он всё равно пожертвовал бы собой, чтобы спасти их — как рейнджер, как чистый и благородный человек. Зачем нужна была эта новая рана для Дэвида, ненавидящего это старое противостояние Изначальных больше, чем подобает любому из «орудий»? Зачем было Андо узнать о своём родственнике в момент его смерти? Сразу после Адрианы... Мог бы и позже. ...Все близкие Андо погибли в огне...

Мысли перешли на Дэвида. На это чувство огромного облегчения, что он жив, что с ним всё в порядке — что он обнаруживал, осознавал, как неожиданный подарок, каждое утро после их старта... нет, даже в тот миг, когда он бешеным зверем вцепился в горло дракху, он и мысли не допускал, что... Мысли не допускал, нет... Это вообще, кажется, не мысли... Единый протест всего его существа...

Дэвид — пожалуй, образ и откровение этой войны. Тревога за него — каждодневная, подспудная, безусловная, то самое «господи, сохрани», как у землян. Нет, может быть, он права не имел ждать от судьбы, что именно с ним никакого зла не случится — раз уж сам Шеридан отказался беречь его больше, нежели остальных. Но если о чём по-настоящему в

кои веки хотел просить высшие силы — так это чтоб с его младшим братом ничего не случилось, чтоб они вместе покинули Приму Центавра, чтоб вместе пережили... И так бесясь на эти кошмары с огнём, он каждый раз радовался — что только кошмары. Что жив, здоров, цел. Они могли вернуться только вместе. Без него он не вернулся бы, и всей дракхианской крови не хватило бы, чтоб оплатить эту кровь. Для многих их главной силой был Андо, и это справедливо, конечно. Но для него — Дэвид. Его совершенно немыслимая для такой самоубийственной миссии хрупкость, его открытое для каждого сердце. И финал, апофеоз, боевая песня — тонкая, изящная разящая сталь... Если как-то представлять земную богиню возмездия Немезиду, то именно так...

Именно Дэвид находил его там, на берегу. И, молча ли они стояли рядом, или беседовали тихо о чём-то — он чувствовал это волшебное, ни с чем не сравнимое единство, и тихо, совсем как в его давнем видении, кружились редкие снежинки.

Они вместе возвращались в дом. Пожалуй, они и правда многому научились от людей Ледяного города — выражать самое важное, самое ценное просто соприкосновением рук. Тут вообще мало говорили — и тем более теперь, когда слова найти сложно. Только о бытовом, что неизбежно с не местными, нормалами. Довольно значительный разговор был один — когда они присутствовали при обсуждении имянаречения. За время их пребывания на Центавре в Ледяном городе родилось несколько детей. Обычно из выбора имён не делали какого-то торжественного события, но на сей раз решили дождаться Уильяма и остальных уехавших собратьев. И теперь было принято решение назвать детей в честь погибших — Адрианы и студентов Винтари. Что ж, это понятно и правильно. Пусть их имена снова звучат здесь — не в прошедшем времени, а в настоящем.

Человек из Лапландии — откуда была Мисси, откуда были Вероника и Ангус — удивил Винтари просьбой написать ему имена других погибших соратников, не телепатов.

— У нас тоже родились дети. Но наших собственных героев будет недостаточно. У нас было мало мужчин, а сейчас родилось много мальчиков... Как, говорили вы, звали этого юношу, возлюбленного Селестины?

— Фальн, — пробормотал Винтари, чувствуя, что несколько смущается от слова «возлюбленный».

— Хорошо. Хорошее имя. Скоро должен родиться ребёнок моей дочери, если это будет сын, его будут звать так. И — кто ещё? Джирайя, Милиас?

Они записали даже имена рейнджеров с взорванного корабля. Странновато, наверное, будут смотреться нарнские и дразийские имена у землян, но есть ли для этой публики что-то достаточно странное? Винтари уже достаточно знал о землянах, чтобы удивляться тому, что видел и слышал здесь, и достаточно знал об этих снежных жителях, чтобы не удивляться вообще ничему. Происходящие из разных земных народов — здесь были и светловолосые, и темнокожие, и с раскосыми, как у Алисы, глазами, и с широкими плоскими лицами — они были, несомненно, одним племенем. В какой-то мере живущим, как древние племена в истории многих миров — промыслами, в единении с суровой природой, и дети по сути общие, считающие родителями всех взрослых своего поселения, и непонятно, как они определяют, где чьи... И то, как они принимали пришельцев — молчаливо, сдержанно, но дружелюбно — в этом тоже чувствовалось что-то такое, уникальное и объединяющее их.

И если спросить, что они делали там — наверное, можно ответить «ничего». Они — были. Просто были, осмысляя, прочувствуя свое бытие. То, что живы, что смогли, что помнят, и готовы иди дальше. Один раз Винтари принял участие в рыбном промысле — и

это оставило у него неизгладимые впечатления. В море выходили на широких суднах с толстыми стенками, явно старинных — Уильям пояснил, что судна подарены минбарцами из приморских сёл, так как здесь не растёт вообще ничего и плавсредства сделать не из чего. Винтари уважительно водил ладонью по тёмному, очень плотному шершавому дереву — как ни сложно поверить, это, несомненно, дерево, но ледяная вода, видимо, закалила его почти до состояния камня. Два таких судна медленно плыли, а мужчины, стоящие на них, держали рыболовную сеть. Потом судна сходились и рыба вытаскивалась на борт. Вот тут и стало понятно, зачем на рыбной ловле так много народу — рыба сортировалась тут же и очень быстро. У маниакально бережливых к природе минбарцев даже в этих суровых широтах есть своеобразный календарь — в какой месяц какую рыбу ловить позволено, какую нет. Рыбу, которую не позволено — тут же выпускают обратно в море. Остальную же необходимо прямо здесь при помощи острого ножа, перебив шею, лишить жизни — обрекать живое существо на смерть от удушья у минбарских рыбаков считается позорным, рыба, которая мучилась перед смертью лишние минуты, не является полезной и благодатной пищей. Поэтому руки помощников мелькали в сети очень-очень быстро. Понятно, в общем, почему минбарцы точно не раса обжор.

Часть из этой рыбы идёт в пищу племени, часть — на обмен на другие продукты питания, которые здесь просто никак не получить. В пищу так же идут немногочисленные здешние птицы, но стрелять их можно редко, два месяца в году. И, разумеется, только лучшим стрелкам, умеющим поразить цель сразу насмерть. Настоящим праздником для поселенцев является удачная охота на камана — самого крупного хищника этих широт. Размышляя, с кем это животное можно сравнить, Винтари подходящей аналогии так и не нашёл. С виду каман, в котором не менее 100–150 кг живого веса, может показаться неповоротливым и поэтому удобной мишенью — и это самое большое заблуждение из существующих. Самец камана — а охотиться можно только на самцов — случалось, догонял даже удирающих от него на снегоходе, и его длинные, острые, как мечи, когти способны разрубить тело на куски. В драках самцы, которые не переносят друг друга круглый год с той поры, как выходят из возраста детёнышей, а в пору спаривания особенно, рвут друг друга в мясо. Иногда охотничьей удачей может быть найти тушу убитого соперником камана, но тут нужно быть осторожным — если хищник только ранен, а не убит, приближение к нему будет последним, что ты сделал в жизни. В древнем фольклоре рыбацких племён имя камана — символ смерти, и это заслуженно. В представлении, что тёмно-рыжие разводы, которые проявляются на белоснежной с рождения шкуре этого зверя с возрастом — это пятна чьей-то крови, есть резон. Взбудораженный такой рекламой, Винтари, конечно, высказался, что не отказался бы принять участие в такой охоте, но Колин, брат погибшего Ангуса, сдержанно ответил ему, что присланный на Центавр расчленённый труп точно приведёт к войне. К такой охоте нужно долго готовиться, не каждому можно выйти против такого хищника и хотя бы надеяться вернуться с пустыми руками, но живым.

Потом было возвращение в Тузанор. Церемония прощания... Винтари понимал, что это и естественно, и необходимо — официальное заявление, торжество окончательной победы над давним врагом и чествование тех, благодаря кому эта победа состоялась. Хотя он чувствовал, что не только он не подготовился бы к этому событию и за год, не нашёл бы подходящих слов, не нашёл бы достаточно сил. Эти дни в Ледяном городе чуть притушили огонь отчаянья внутри, но было их мало, слишком мало. Но столько, сколько нужно, не дал

бы никто. Потому что нужно бы навеки похоронить эту боль под безмолвной толщей снегов, как сделали это телепаты. Потому что он не рейнджер, его никто не учил расставаться, терять. Хоронить. Эти люди — могли научить. Они делали это много лет, и все эти три дня он чувствовал именно это — их руки, вводящие и его на их тропу. Там, среди безбрежного снега, у кромки тёмной, тяжёлой ледяной воды он нашёл свою могилу и свою колыбель. Он родился здесь другим — осознающим свои переживания и чувства, знающим, что такое любовь и что такое боль.

...Никакой прессы, официальных представителей миров, кроме Минбара. По крайней мере сейчас это было бы неразумно — операция была тайной, они нарушили суверенитет Центавра, чем меньше подробностей выйдет за пределы их круга — тем лучше. Огромный зал здания Альянса в строгих, торжественных траурных тонах был полон исключительно тех, кто так или иначе знал и волновался об исходе операции — друзья, коллеги, родственники, главы рейнджерских школ, старейшины кланов. Почти виденные лица Винтари узнавал, либо мог догадаться, кто это такие. Речи Шеридана, Маркуса, Зака, белоснежные жреческие одеяния, чёрные рейнджерские и воинские, рука Дэвида в его руке, Тжи'Тен, обнимающий Амину, Уильям, Андо, Ада рядом с матерью.... Вручение Звёздного креста — воинской награды Альянса. Имена... встающие перед глазами лица — живые, улыбающиеся... хотя некоторые улыбались уже из-за черты...

Он знал — обычно рейнджеров не награждают. Нет смысла награждать за выполнение повседневного долга. Это не исключало словесной похвалы и благодарности, но орденов — не было. Однако в этой операции совместно с рейнджерами участвовали и обычные люди. А проводить разграничения, награждая одних и не награждая других, было бы вовсе неловко и неэтично.

Голос Шеридана гулко метался под высокими сводами. Не все награждённые могли принять награду лично из рук президента. Но казалось, вместе с эхом звучал их тихий шёпот...

— Зак Аллан... Тжи'Тен... Энтони Карлстаун — посмертно... Табер Тасевил... Эмилия Эстерман — посмертно...

Страшно оно, конечно, вот это «посмертно». Слово короткое, но и слово «смерть» в большинстве языков, говорят, короткое. Иногда как взмах клинка, иногда как тихий горестный вскрик, обрывающийся вечной тишиной. Смерть кажется нормальным, естественным ходом вещей, пока не умирает кто-то, кто не был тебе безразличен. В этом его детство было, конечно, счастливым — и в этом было несчастье дня сегодняшнего. Он не мог принять, не мог смириться. А лицо Табер так непроницаемо торжественно. Она потеряла самых дорогих для неё, отдала их за то, во что верила — это жертва больше, чем собственная жизнь. И таков каждый рейнджер, никто и ничто не встаёт для них выше долга. Неужели Дэвид выберет это? Или он уже выбрал, ещё тогда, на том совещании...

— Гаррисон Бин — посмертно... Далва Касига... Уильям Ларго... Селестина Лиаль — посмертно... Адриана Ларго — посмертно...

Смуглое лицо Далвы непроницаемо. Гаррисон Бин, второй врач отряда Зака, был её давним хорошим другом. А перед мысленным взором Дэвида стоял закатный пляж, звон их беспечного смеха. Выжил только он. Волны смыли с песка их следы, поглотили отзвуки их голосов. Только стены пещер хранят знаки, оставленные Селестиной, и будут хранить их, наверное, тысячи лет, если какая-нибудь безбожная рука не сотрёт...

— Вероника Дель Торо — посмертно... Ангус МакЭбердин — посмертно...

Но есть хотя бы что-то, что искупает для них понесённые потери. Долгожданный дом для беглецов — его ведь тоже защитили все эти отданные жизни. И их имена всё же прозвучат в этом новом доме — у малышей Ледяного города. И даже имена чужих для них нарнов, дрази, центавриан...

Да, они услышали. Они приняли. Первые сто человек планировали отправиться к «Солярису» уже через месяц. А пока можно было только с некоторым удивлением наблюдать небывалый наплыв жителей Ледяного города на континент... Здесь, в одном только этом зале, их было более пятидесяти.

Не удивительно, что здесь был Уильям — помимо, закономерно, участия в церемонии прощания, они с Алисой Белдон занимались подготовкой будущего переселения, снаряжением корабля.

Не удивительно, что здесь была Мисси — она тоже получала свой орден... Удивительно было то, что в Тузанор она приехала — жить.

— Я, конечно, долго не могла определиться... Я и там нужна. Но я подумала, что было бы неправильно изолироваться... теперь...

Пожалуй, именно это и было главным удивлением. О даре Айронхарта они сперва подумали, что это исцеление — от зависимости и её последствий. Нет. Айронхарт пробудил в Мисси недоступный прежде дар. Теперь она обладала пси-способностями без приёма наркотиков. И поскольку главной составляющей этого дара было даже не чтение мыслей, а целительство — она намерена была развивать и использовать этот дар, отдав его на службу людям.

— Он прочитал во мне, кажется, даже больше, чем когда-либо смогла бы я сама. Это лучший подарок из возможных. Знаете, так бывает иногда в детстве, от ощущения, что родители прямо прочитали твои мечты, даже не те, о которых ты писал Санта-Клаусу, а те, которые... настоящие... И понимаете, вот теперь, когда я знаю, что есть кто-то, кто знает Мисси целиком и полностью, досконально — мне спокойно... Потому что всё правильно. Потому что бог должен быть добрым.

Винтари думал о том, что, возможно, они наблюдают сейчас первые шаги зарождения новой цивилизации. Конечно, это переселение не будет быстрым... Но сколько оно продлится? Все ли они уйдут туда? Как воспримут эту идею те, что живут на Земле, присоединятся ли? Кто-то наверняка останется, не пожелав расставаться с друзьями и родственниками-нормалами... В конце концов, теперь, после уничтожения Пси-Корпуса, жить им стало гораздо легче. Наверное, полного разделения телепатов и нормалов всё же не произойдёт... Присоединится ли Андо — он почему-то не думал.

— Ада Бранкнер...

Подталкиваемая в спину матерью, девочка, сильно смущаясь, вошла на помост. Она никогда не смущалась, там — никогда... А сейчас, чувствуя, как восторженные и почтительные взгляды сошлись на её хрупкой фигурке, обвязанной платком голове — краснела и смотрела в пол. Стать героиней в 12 лет — как оказалось, это совсем не сложно...

— Диус Винтари...

Он вздрогнул, услышав своё имя. Ему-то, ему-то за что? Он сражался всего лишь за свой мир. Как Дормани и Тевари, как все те, кто погиб при Мальдире и Канне...

Да, он шёл в составе рейнджерского отряда, шёл тайно, не объявляя Центавру своего имени... Он был капитаном корабля, вывезшим бомбы из пределов сектора Центавра. Он

шёл по слову его, с заветами его... Принимая из рук Шеридана орден, он чувствовал происходящее каким-то странным сном. Всё было как-то слишком... правильным, слишком соответствовало его желаниям, подумал в этот миг он. “Бог должен быть добрым, — как-то некстати вспомнились слова Мисси. И продолжение, — иначе всё не имеет смысла”.

— Дэвид Джеффри Шеридан...

Никакого изменения интонации. Шеридан никак не выделяет сына, и Дэвид принимает награду как любой из солдат. С тем же плохо сдерживаемым смущением и сквозящим сквозь него тихим ликованием. Так же спускается обратно в зал, кажется, не видя перед собой дороги, едва не спотыкаясь на ступеньках. А Винтари почувствовал шевеление некоторой нотки самодовольства — что они все, что приветствуют его сейчас, могут знать о том, как там всё было, что именно называется героизмом? Перелёты, с пересадками с транспорта на транспорт, в грузовых трюмах, среди бочек с горючим и контейнеров с запчастями, долгие пешие переходы, когда расстояния были небольшими, и привлекать транспорт агентов было нерационально... Временные штабы в цехах заброшенных заводов, в подземельях старых храмов, в школах, домах неравнодушных-сочувствующих... Испещренные метками и стрелками карты, самодельные передатчики для связи с агентами Арвини, перекусы на ходу, на ходу же отрабатываемые техники ухода от шпионов, которые потом сняты во сне...

— Амина Джани... Лаиса Алварес... Рикардо Алварес — посмертно... Иржан Каро.. Милиас Нерулия — посмертно...

Тела уже были отправлены на родину. Да, официальное заявление Центавра было — ещё в то время, когда команда гостила в Ледяном городе, но содержание до них долетело и туда. Озвучил заявление не лично император, а премьер-министр — видимо, Виру Котто зачитывать это не очень-то хотелось. Центавр совершенно не заострял внимание на дракхианской оккупации и бомбах. Совершенно. Вместо этого они обвинили Альянс в том, что он «неосмотрительно перенёс свои военные действия на Приму Центавра» и потребовали компенсации разрушений. Удивительно, правда, было даже не это. А то, что Шеридан не стал возражать, напоминая, как было на самом деле, а перешёл к обсуждению размера и порядка выплат.

— Нда... Узнаю манеру всё изворачивать. А ничего, что ни одной «Белой звезды» на Приме Центавра не было, и сражение вели их же корабли?

— Оставь... Они столько времени терпели унижение и даже не могли об этом заявить, попросить помощи. Для них это сейчас стресс тяжелейший. Если с ними сейчас начать препираться — они снова замкнутся и впадут в изоляционистскую истерию — от которой на самом деле народ устал. Им хочется вернуться на большую сцену, но по возможности сохранив лицо. На самом-то деле они всё понимают. Но это правда, им действительно сейчас нужны средства на восстановление — помимо даже военных разрушений, дракхи основательно истощили их ресурсы за эти годы... У них не должно быть новых поводов уйти в изоляцию — которая теперь погубила бы их совершенно. А большинство миров Альянса признало, что устранение дракхианской угрозы являлось приоритетной задачей, финансирование восполнения понесённых нами потерь они берут на себя, увеличат отчисления для рейнджерских баз — и у нас появятся средства помочь Центавру. ...О чём вы задумались, принц?

— О том... Сильно ли большой общественный резонанс вызовет моё вступление в анлашок, или от меня уже всего ожидают. Крисанто Дормани подал заявление практически с больничной койки. Даже как-то неловко от него отставать.

— Понимаю... Но хотелось бы, чтоб и вы понимали — в том числе недавние события показали, что не обязательно быть рейнджером, чтобы стоять на страже. Не хотелось бы, чтобы вами руководили ложные соображения, чтобы вы совершили ошибку...

Улыбка, которой Таллия встретила вошедших, была практически похожа на настоящую, живую улыбку.

— Мисси пришла помочь мне, — сказала она утвердительно.

— Я совершенно не уверена, что у меня получится, — улыбнулась в ответ Мисси, — я ещё только учусь пользоваться этим всем... Но я по крайней мере попытаюсь.

Незрячий взгляд Талии по-прежнему был страшен. Но врачи-телепаты сделали действительно многое — она разговаривала, пыталась сама одеваться и расчёсываться, и у неё почти не бывало больше тех приступов, когда она бессвязно кричала — чаще не голосом, а мысленно, ментально, и в её бреде, достигавшем сознания Сьюзен и девочек, плавилась и искажались стены лабораторий Пси-Корпуса, лица Бестера и его помощников, других «пациентов» по соседству. Она даже что-то вспоминала — из той, прежней жизни. А сейчас она лепила из пластилина — большая пачка лежала перед ней на полу, уже на четверть превращённая в различные фигурки, пальцы слепой работали удивительно ловко.

— Сьюзен принесла мне розы.

— Нет никаких роз, Таллия.

— Это просто мои духи... Зак... То есть, мистер Аллан подарил...

— Нет, Сьюзен принесла мне розы.

— А, Таллия, ты имеешь в виду, что я подумала о розах?

— Те розы, что ты подарила мне на «Вавилоне».

— Ах, это... Увы, не подарила. Я только думала об этом... Удивительно, что ты это откопала. Это ж было секундной мыслью, которую я тут же сердито отмела... Хотя наверное, они понравились бы тебе. Такие необычные — крепкие бутоны, оранжевые с алой каймой. Утром того дня, когда ты...

— Превратилась в другую, злую Таллию? А в твоих мыслях ты как будто подарила их... И я улыбалась... Но злая Таллия ничего не знала об этом.

Мисси облизнула сухие губы.

— Таллия, скажи... сейчас — ты чувствуешь в себе другую Таллию?

Больная пожалала плечами — скорее, нервно дёрнула.

— Не знаю... кажется, нет. Когда они в нас залезали — она приходила в бешенство... она пыталась бросаться и на меня, и на них. Она думала, что она им своя, что они не должны её трогать... что она сама могла помочь им найти то, что они ищут. Но она больше не была для них так ценна, как раньше. Она поняла, что для них ценнее мои секреты. И поэтому ненавидела меня, и хотела уничтожить всё, что от меня осталось. А они из-за этого уничтожали её, потому что она им мешала...

Сьюзен вздохнула. К «другой Таллии» она испытывала смешанные чувства — жалости, ненависти, негодования, брезгливости. Конечно, она не виновата в том, что её создали, что заставили занять место того, кто был ей дорог, кто имел все права на жизнь... Искусственная личность чаще всего слабее изначальной, и массирующей ментальной атаки ей не выдержать. Как бы хорошо ни работали мастера из Пси-Корпуса — они не Господь Бог...

Пожалуй, особенно жаль её было именно по итогам, финалу её жизни. Она так верила в

Корпус, создавший её, считала себя нужной, ценной... А её перемололи и выкинули, когда её миссия провалилась. Секреты Айронхарта интересовали их больше.

— Таллия, ведь она, другая Таллия — не владела телекинезом?

— Нет. Я не знаю, почему так. Наверное, Джейсон сумел так надёжно всё спрятать.

Защитить не только от обнаружения, но и от возможного использования... Мудро... Когда к Таллии «подселили» «вторую Таллию» — Мисси не могла определить, и никто б уже не смог. Но наверное, уже после Айронхарта, он ведь почувствовал бы... Но если смог защитить свой дар — почему же не защитил от возможности подобных манипуляций? Хотя, это, наверное, обратило бы уже слишком много внимания...

— Таллия, но ведь и сейчас... ты не пользуешься телекинезом.

Сьюзен уже не раз благодарила за это доброго бога. Если б Таллия, в её нынешнем состоянии, им пользовалась... Даже представлять не хочется, что бы было.

— Не могу. Мне... больно.

— Больно?

— Там... у них... я немного им пользовалась. Я убила несколько других там... Они громко кричали, их сильно мучили, пытаюсь что-то у них узнать... я прекратила их страдания. Они очень рассердились. Они сделали мне очень больно.

Мисси видела, что было — ментальные иллюзии, очень страшные ментальные иллюзии. Жестокое убийство всех, кто был Таллии дорог — Айронхарта, Сьюзен, друзей и учителей из детства в Корпусе, к которым она была привязана... Она, конечно, понимала, что это иллюзия, что Айронхарт ушёл, и им не достать его, что Сьюзен — на «Вавилоне», и её есть, кому защитить... Но видеть пытки, глумление, смерть от этого было не легче. Возможно, тогда же она потеряла зрение.

— Сьюзен, ты не бойся. Если хочешь идти — иди, мы с Мисси справимся, — почувствовав некоторое недоумение Мисси, Таллия пояснила, — Сьюзен боится оставлять меня одну. Но сейчас ей надо идти, у неё есть дела. Я не обижу Мисси, Сьюзен, Мисси не обидит меня. А когда ты вернёшься, я буду немного здоровее. Я не хочу стеснять тебя всё время.

«Не хочу тебя стеснять»... Как-то так же она говорила тогда, в те дни... Когда из-за поломки системы вентиляции в её комнате переселилась в комнату Сьюзен... Не стесняла, господи помилуй, совсем не стесняла. Неожиданно, учитывая, какими их отношения были в самом начале... А, совершенно даже внезапно, спасала от одиночества, которое раньше казалось желанной и нормальной независимостью. А потом та бутылка шампанского, и разговор по душам — разговор по душам с телепатом, кто бы сказал год назад... и первые робкие соприкосновения рук... В этом понимании между двумя женщинами, в этой установившейся хрупкой, утончённой близости слишком много такого, что вообще никакими словами не объяснишь.

Дверь за Сьюзен закрылась. Много ли это значит — она всё равно услышит, когда Таллия позовет... Но Таллия знает, чувствовала, как всё это время Мисси осторожно «ощупывала», сканировала её, определяя фронт работы, знала, что предстоит коснуться очень многого болезненного. И то, что Таллия пыталась хоть как-то уберечь Сьюзен от этих картин — определённо, было хорошим признаком.

Мисси уже знала, что каждый телепат-целитель представляет свою грядущую работу — сознание пациента — по-разному. И это не важно, не имеет значения, как представлять — главное найти лучший способ сделать то, что нужно сделать. Мисси видела сознание Таллии

лоскутным покрывалом. Точнее — разорванным на множество очень мелких лоскутков, и частично уже восстановленное телепатами-минбарцами. Это очень и очень сложно — ведь нужно не просто соединить эти куски, сшив даже очень тонкими и прочными нитями, частыми стежками, а связать ниточку с ниточкой. Кое-где врачи, правда, именно скрепили наскоро — чтобы успеть больше. Чтобы её, а значит, и Сьюзен с детьми, не мучили кошмары, чтобы она могла понимать, что ей говорят, чтобы не пыталась, во время приступов, нанести себе какое-нибудь увечье. Сейчас можно было, понемногу, начать соединять их как следует. Объём предстоящей работы немного пугал, но Мисси решительно взялась за дело. Тут и там встречались чёрные дыры, которые при приближении начинали ужасно вопить — память о манипуляциях «специалистов» Пси-Корпуса. Правильно ли назвать их палачами — Мисси не знала, но именно так и хотелось назвать. Она пока не знала, как лучше всего поступить с этими дырами, и для начала закрывала их защитной плёнкой — воспоминания Таллии будут уже не такими красочными и живыми, что-то сродни эпизодам просмотренного фильма.

— Ты молодец, Мисси, ты быстро учишься... Наверное, это так странно — не родиться телепатам, а стать им.

— Не знаю... Я мало думала-то об этом, на самом деле... Мне просто любопытно было, хотелось узнать, как это. А потом... просто поняла, что больше без этого не могу. Многие, попробовав один раз, пугаются, и больше не пробуют. Но кто попробовал хотя бы два раза — обычно втягиваются. А многие телепаты рады бы избавиться от своего дара... Люди разные.

Таллия какое-то время улыбалась молча.

— А ты маму помнишь, Мисси?

— Свою маму? Да особо нет... Она умерла, когда мне лет шесть было. Меня папка один воспитывал. Мужик он был хороший, но весь в работе, времени ему на меня не хватало, вот я и пугалась где и с кем попало. А когда он помер — совсем ушла бродяжить...

— А сейчас ты хочешь дом? Дом с Заком?

Девушка покраснела. Ну, издержки общения с телепатам и сумасшедшим в одном — предельная откровенность, непосредственность, чуждая тактичности...

— Пожалуй, да, я хочу этого, Таллия.

— Значит, ты с нами на новую планету не полетишь...

«С нами»... Конечно, благое пожелание Айронхарта, чтобы Таллия первой ступила на его планету, не сбудется, вообще неизвестно, сколько времени пройдёт, прежде чем она будет... достаточно в порядке... Наверное, он мог бы и сам исцелить её — гораздо быстрее и лучше, чем любой из тех, кто делает это здесь. Но миру, каким он его создал, с теми законами, которые он ему положил, Таллия, с её неконтролируемыми кошмарами, пожалуй, опасна. Если уж дракхи едва не натворили там чего попало... Пожалуй, это правильно, это естественно — она должна отправиться туда если не полностью здоровой (ещё неизвестно, возможно ли это), то хотя бы максимально...

— Зак... больше не боится?

— Чего? А... — Мисси хихикнула, — телепатов? Да похоже, нет, больше не боится. Много имел с ними дело за последнее время. Говорит, это, видимо, судьба его.

— Нет. Он больше не боится рыжих демонов?

«Рыжих демонов»... Надо ж было так выразиться... В причудливой логике и образности Таллии не откажешь. Чего ж не ангелы, а демоны?

— Нет. Больше не боится.

Течение времени снова вошло в спокойную, неспешную колею. Наступил, по земному календарю, декабрь. Винтари готовился к экзаменам по минбарским языкам, Дэвид ежедневно проводил с ним мини-тестирования, параллельно готовясь к сдаче дисциплин, у которых Винтари не всегда мог выговорить названия. Перспектива познакомиться с некоторыми из них в дальнейшем, надо сказать, пугала, но он решил быть мужественным. Приглашение от Шеридана зайти к нему в кабинет пришло в тот момент, когда он разбирал особенно сложную конструкцию на старинном, ныне мёртвом диалекте адронато, а Дэвида, как назло, именно сейчас рядом не было, так что он был благодарен за возможность отвлечься.

— Принц, если вы были заняты... Я не хотел вас отвлекать, не обязательно было идти прямо сейчас...

Винтари обнаружил, что по запарке и рассеянности прихватил с собой один из изучаемых свитков и рассмеялся.

— Нет-нет, есть такие моменты, когда повод отвлечься... бывает совсем не лишним. Так что если я вам всё-таки требуюсь...

— По правде, даже не совсем мне... Ввиду того, что Центавр, мало-помалу, выползает из своей многолетней изоляции... Император Котто намерен возродить дипломатический корпус. И полагается в этом вопросе на вашу помощь.

— Мою?!

Шеридан философски развёл руками, в которых было по небольшой тугой папке серо-синего цвета, потом засунул обе эти папки на одну из полок на стене, там таких было много.

— Поправлюсь — в вопросе выбора посла на Минбаре. В какие-то миры просто вернуться прежние послы, в какие-то будут назначены новые... А Минбар особый случай, почти столь же сложный, как и Нарн. Вы лучше всех... знаете ситуацию, знаете местные обычаи и атмосферу. Император Котто хотел бы, чтоб вы рассмотрели предложенные кандидатуры, или же предложили кого-то сами, он доверяет вашему выбору... По правде, неофициально говоря, его бы устроило, если б этим послом стали вы, но лицо вашего ранга не может занимать посольскую должность, это... Неподобающе, в общем. Хотя лично я помню минимум два подобных случая...

— Что ж, я... Не ожидал подобного, конечно, но отказаться от такой великой чести... Я непременно подумаю над этим вопросом. Список кандидатов уже есть, как я понимаю? Как скоро нужен ответ?

— Неделя. Хотя, по факту... в течение трёх дней. Почему — я объясню несколько позже. Соберу вас по этому вопросу... возможно, завтра. Кое-кого надо ещё дождаться с учений...

Вообще-то, звучало интригующе донельзя, но Винтари решил, что до завтра ждать не слишком долго. Он бросил заинтересованный взгляд на кипу бумаг перед Шериданом. Как ему показалось, его мрачность и озабоченность была связана с ними. Что ж, можно понять... У землян конец года всегда сумасшедшее времечко. То есть, это не только у землян, но не для всех миров имеет такую же важность определённая дата земного календаря — к счастью. Однако и той доли бюрократической чепухи, которая требуется от президента сейчас Земному Содружеству, для головной боли вполне хватит.

— Что-то случилось? Что там у вас, господин президент?

— У нас всегда что-то случается, принц. Не успеет одно разрешиться... Детский сад тут у нас!

— Детский сад?

— Диус, что вы знаете о дилгарах?

Вопрос был, откровенно, неожиданным. Винтари решил, раз уж разговор не получается кратким осведомлением об очередной, пусть и нетривиальной задаче, присесть. В конце концов, возможность поболтать, ввиду занятости их обоих, выпадает не столь часто, хотя тема, конечно, даже обескураживающая.

— Дилгары... Ныне вымершая раса, но ещё лет пятьдесят назад они держали вселенную в страхе. Они шли завоевательным маршем по галактике, поработили и уничтожили множество миров... Пока сами не были побеждены землянами. Их загнали обратно на родную планету, а вскоре их солнце взорвалось, нельзя не сказать, кстати... Центавр, хоть и переживал тогда, так сказать, расцвет упадка, оказался им не по зубам, с нами они предпочли договориться, одно время в нашей армии служило много наёмников-дилгар. По свидетельству современников, это были сильные, умные, неутомимые воины, но жестокие невероятно. Это были ценные союзники, но всё же мало кто способен был пожалеть, когда они ушли — их жестокость и коварство поразили даже центаврианскую знать. Я немного читал о расследовании военных преступлений дилгар... но могу сказать, что только рад, что ни одного из них больше в галактике нет.

— Да... одна из причин, по которой я, пожалуй, благодарен Кошу — это что он взорвал корабль последней из них, Джа'Дур. Если б он долетел до Земли — страшно представить, что б тогда было... А мог и не долететь — его могли по дороге отбить нарны, центавриане, кто-нибудь ещё... В погоне за бессмертием многие готовы на всё. Могла разгореться война, пожар которой спалил бы галактику дотла.

Винтари задумчиво скатывал-раскатывал в руках свиток.

— Честно говоря, мне непонятна эта одержимость бессмертием... Через сколько времени вечная жизнь наскучит? Нет, конечно, если наполнить её бесконечным познанием, бесконечным созиданием, любовью, близостью дорогих существ... которые тоже были бы бессмертны, чтобы не испытывать не только страха смерти, но и страха потери... наверное, это был бы рай. Но большинство из тех, кто говорит о бессмертии, как-то, как я наблюдаю, совсем не на это ориентированы.

— Нет, бессмертие в исполнении дилгар — это будущее, которого врагу не пожелаешь. Цивилизованные каннибалы, охотящиеся друг на друга, — Шеридан вздохнул, уставившись в свои бумаги с усталой ненавистью, — иногда вселенная хочет преподать нам урок. Иногда очень жестокий урок. Иногда нам кажется, что урок пройден, осмыслен, оставлен в прошлом... А потом вселенная решает задать нам контрольные вопросы. Вы, наверняка, слышали, что дилгарами было завоёвано множество миров, некоторых из них, спасибо дилгарам, просто больше нет на карте... Другие долгие годы оправлялись от причинённого ущерба. В том числе мир аббаев долгое время был под их гнётом. На оккупированных территориях завоеватели размещали не только военные базы, но и... исследовательские центры... Дилгары уделяли много внимания не только созданию биологического и химического оружия, но и различным экспериментам... Так сказать, на живом материале. Когда дилгар изгнали, на планете аббаев осталось несколько таких центров. Нормальным побуждением, пожалуй, было б сжечь их, сравнять с землёй... Аббаи проявили разумную

осторожность — бог весть, какие отравляющие вещества могли там храниться. Они окружили эти места сплошными глухими заборами и объявили проклятым местом. Почти пятьдесят лет минуло с тех пор. Но нашлись же смельчаки...

— И? Какая ещё отсроченная смерть там поджидала? Ядовитые газы, радиоактивные элементы, штаммы неизвестных болезней?

— Лучше. Дилгары, как и многие подобные им, были помешаны на силе. На физическом и интеллектуальном совершенствовании своей расы. В лаборатории оказались вполне развившиеся, живые эмбрионы в капсулах. Хуже того... Те, кто проник в эту лабораторию, были просто компанией любителей приключений, они не имели ни специальной подготовки, ни специальных знаний... Они, видимо, что-то заделали в процессе своих исследований, или просто своим проникновением вывели систему из стазиса, в котором она пребывала эти годы. Короче говоря, теперь у нас на руках... в общей сложности две тысячи маленьких дилгар, если суммировать находки и в других лабораториях, которые теперь тоже были распечатаны и обследованы. И что прикажете с ними делать? Аббаи не знают. И охотно вручают этот вопрос мне.

Винтари, поперхнувшийся ещё на словах про эмбрионы, с трудом восстановил дар речи.

— Да, неожиданность не из тех, к каким можно подготовиться. А... какие варианты-то? Их мира больше нет, и сложно жалеть об этом. О их бывших колониях говорить не приходится, если уж миролюбивые аббаи не горят желанием проявлять радушие и гостеприимство, что об остальных говорить. Не убивать же их, это всего лишь беспомощные младенцы. И... каким бы ни было их происхождение... Я тут слышал интересные соображения об абсурдности теории врождённого зла...

Шеридан покачал головой.

— Не всё так просто. Младенцы, точнее даже — эмбрионы разных стадий развития — большая часть из них, да. Но то первое проникновение в одну из лабораторий произошло далеко не вчера. Это было несколько лет назад. Вольные исследователи тогда напугались своей находки и не стали её афишировать, предпочли больше не ходить по таким местам... А активированная система, видимо, была настроена таким образом, что доростила детей в капсулах примерно до 5-7-летнего, в переложении на земной, возраста... вероятно, возиться с младенцами дилгарским учёным не хотелось совершенно... И когда это псевдо-утробное развитие было завершено — аббаи заметили, что со стороны лаборатории пошли странные сигналы. Система призывала своих давно мёртвых создателей принять законченную работу. В общем, хороший аббаев ждал сюрприз... Кажется, они и бомбе обрадовались бы больше. Но и это ещё не всё. Понятное дело, доставать из инкубатора пятилетнего, но по сути младенца создателям тоже было совершенно не надо. Компьютерная программа всё это время не только руководила развитием физических тел этих детей, но и взаимодействовала с их мозгом, вела обучение. То есть, чисто теоретически, они уже умеют говорить...

— И говорить по-дилгарски, я понял. В смысле, программа ведь обучала их не только чтению и понятию о том, что в окружающем пространстве как называется. Она обучала их дилгарской идеологии, их взгляду на порядок вещей.

Шеридан кивнул, испытывая, кажется, искреннее облегчение от того, что не пришлось дополнительно что-то объяснять.

— Именно. И вот только этого нам и не хватало.

— Но ведь детей можно перевоспитать...

— Только на это и остаётся надеяться. В общем, я дал добро на изъятие их из капсул —

дальше там оставаться они не могут...

Винтари смотрел на руки Шеридана, рассеянно перебирающие бумаги, и думал о том, что это уже не урок вселенной, это подлость вселенной. Почему за столько лет в лаборатории не случилось короткого замыкания, какого-нибудь программного сбоя, почему она просто не провалилась под землю? Почему эти тщательно взрощенные семена зла достались именно этому человеку, именно сейчас...

Маркус, вошедший где-то на середине этой беседы, воспользовавшись паузой, подошёл к столу и положил поверх бумаг информкристалл, сам сел в кресло рядом.

— Аббаи считают, что дальнейшую судьбу этого выводка должны решить мы, — продолжал Шеридан, — в общем-то, возможно, они и правы... Для них этот вопрос тяжеловат. На днях партия этих детишек прибывает к нам...

— Какие проблемы, распределим их по... — Маркус запнулся.

— Вот именно — куда? Для рейнджерских лагерей они откровенно маловаты, а военные школы и интернаты находятся в ведомстве касты воинов, которым о дилгарской теме вспоминать, по ряду причин, не очень бы хотелось... А отношения у нас с ними... Если честно, не слишком потеплели. Да и если хорошо подумать, не хотелось бы их толкать в военную сферу, у них и так... психология далека от пацифизма.

— Определим в невоенную... К жрецам, мастерам?

— Ну, жрецы как вариант вообще слабо к ним прирастают на мой взгляд. Хотя может, и стоило бы попробовать. Мастера... мастеров я спросить попытаюсь. Тут я согласен с Деленн, что это наиболее адекватная и приятная в общении часть общества. Плюс, обучение чему-то мирному и созидательному — это, пожалуй, именно то, что нужно... Но откровенно говоря, у нас нет тех, на чьи плечи мы могли б это с чистой совестью возложить. Те расы, у которых развито интернатское воспитание детей, ничего не захотят слышать о дилгарах, даже маленьких, и их можно понять. На самом деле правда в том, что никто не должен за это отвечать. Никто не обязан. Ни на кого это не возложишь... кроме меня, да. Потому что я президент. Потому что кто решит, если не я. Потому что никто другой... не сделал нам ничего такого плохого, чёрт побери. Потому что, пожалуй, только здесь мы можем держать их, не опасаясь... эксцессов. Младенцев аббаи пока могут подержать у себя — хорошо, если их удастся извлечь из капсул раньше, чем программа обучит их всему “полезному” в дилгарском понимании... Но в любом случае, они не готовы вечно... нести это наследие войны...

Перед сном Винтари долго думал. Мысли, логичным образом, были о дилгарах. Слова Шеридана об уроках вселенной... Да, интересно, извлекли ли они — хоть кто-нибудь из них всех — эти уроки? Наверное, нет, если спустя всего двадцать лет после дилгарской во вселенной разразилась новая кровопролитная война... Какой была бы картина истории, если б не то поражение дилгар, не взрыв их солнца? Если б они дожили до возвращения Теней? К гадалке не ходи, Тени сделали бы тогда ставку на них, как на самую агрессивную и милитаристскую во вселенной расу...

Мысли плавно перешли к последней из них — как они тогда думали, последней... этой самой Джа’Дур. Он слышал эту историю лишь в общих чертах, и понятно, время наслоило много слухов и домыслов. Доподлинно он знал только, что, скрываясь под защитой радикально настроенного минбарского военного клана (об этом не принято было говорить громко и официально, но минбарскую военную форму, в которой она прибыла на станцию,

видели очень и очень многие), она изобрела эликсир вечной жизни. Действенность эликсира подтверждала она сама — за прошедшие годы она ни капли не постарела. И конечно же, сразу из военного преступника она превратилась в лакомый кусок для всех миров, и для тех, кто прежде знать ничего не хотел о дилгарах, и для тех, кто от этих дилгар очень сильно во время войны пострадал. На первый взгляд, конечно, их можно было понять... Но только на первый взгляд. Можно ли было ожидать от дилгар широкого жеста без всякого подвоха? И как он понял из обмолвок Шеридана — подвох был... Впрочем, посол Кош пресёк начинающуюся свару в зачатке, просто взорвав корабль Джа'Дур на старте. И всё. Попробуй, предъяви что-то ворлонцам. Никому за всю историю не удавалось.

Вечная жизнь — это, конечно, не равно бессмертию. Эликсир не даёт неуязвимости от стали, лазера или огня. Только от естественного старения и болезней. Но ведь и это... Он понял, вокруг чего крутятся все эти мысли, как шальные электроны, вокруг какого ядра. Что капля этого эликсира сейчас... пожалуй, была б самым желанным сокровищем в его руках...

Ни к чему сейчас об этом, ни к чему. Во-первых, прошлого не воротишь, да и не стоило б возвращать. Во-вторых... глупое детское желание, чтобы то, что тебе дорого, было всегда. Он успел увидеть, как люди в одночасье теряют всё — близких, любимых, самое ценное в жизни. Он не самый несчастный, надежда ещё есть. Должна быть, пока мы живы — мы должны надеяться. Надеяться, а не мечтать о несбыточном, которое есть ловушка для отчаявшихся.

Вообще-то подумать сейчас стоит об этом неожиданном поручении императора Котто. Посол... Из всех позитивных изменений в отношениях с Центавром это, пожалуй, самое явное.

Если б ему нужно было отвечать, не задумываясь — он, вне всякого сомнения, назвал бы Амину Джани. Кандидатур лучше он не знал. Кто, в самом деле, так, как она, знает языки, обычаи, традиции других рас — не только Минбара, кто в такой степени завоевал доверие, и кто в той же степени делом доказал свою любовь к родному миру? Возможно, конечно, такой выбор удивил бы двор — женщина, к тому же не из Великих Родов, но зато этот выбор совершенно точно устроил бы Минбар. Однако есть одно но — рейнджер не может занимать дипломатических постов. А собственно, центавриан, которые не были бы рейнджерами, на Минбаре сейчас... только он один и есть. Поэтому сейчас он колебался между Асмаилом Джаддо, которому на Центавре, откровенно говоря, было всё же не совсем уютно, и Гордеусом Гратини, который, при внешне добродушном и безобидном виде, впечатлил его умом и проницательностью. Ну, а если кому-то там его выбор покажется неожиданным и странным... ничего не поделаешь, думайте тогда сами.

Утро наступило как-то совершенно неожиданно — он и не заметил, как заснул. Новый день, солнечным светом и щебетом птичек, уже лился в резные окна. Даже воспоминания о так и не побеждённом вчера тексте не могли испортить настроения. Дэвид за завтраком заверил, что это совершенно не проблема — у него появился некоторый просвет в собственных занятиях, и он только рад будет потратить его на повторение древних диалектов — это ему самому пригодится очень даже.

Позаниматься властью, впрочем, им так и не пришлось — вызов от Шеридана пришёл незадолго до обеда. Входил в кабинет Винтари снова с некоторым волнением, и, пожалуй, незря — состав собравшихся его несколько удивил. За столом сидела не вся их команда, зато присутствовали новые, частично знакомые лица — Шин Афал, трое пожилых минбарских

учителей из тех, что помогали им с подготовкой к центаврианской кампании, и несколько незнакомых — высокий бракири с проседью в волосах, двое аббаев, дрази, на которого Винтари долго поглядывал с недоверием к своим глазам — такой мелкий, это что, подросток? двое хаяков — кажется, оба женщины, хотя Винтари пока не видел ни одного хаяка-мужчину, и поручиться не мог, двое иолу — женщина постарше, мужчина помоложе. Присутствовали так же Зак Аллан и двое незнакомых рейнджеров — человек и дрази. Дэвид расположился с краю стола, где ещё были свободные места, Винтари устроился рядом. Шеридана-старшего пока не было, и собравшиеся вполголоса беседовали кто о чём.

— Никто не знает, о чём пойдёт речь?

Зак мотнул головой.

— Кажется, что-то, связанное с Центавром... Центавр нынче преподносит новости ударными темпами, навёрстывая, видимо, за годы молчания.

Винтари подумал, не пришла ли пора ему отвечать на вопрос о послых. Хотя, зачем бы при этом такое сборище?

— И это прекрасно. Получить свободу после стольких лет... Хуже, чем оккупации... Оккупанты хотя бы оккупируют землю, а не мозг, волю, личность... Интересно, как теперь дела у генерала Кальдаро?

— Прекрасная Дэйва беспокоится о поклоннике?

— Диус, я тебе сейчас больно сделаю.

— Думаю, — отсмеявшись, сказал Зак, — что теперь, когда дракхов больше нет, и Стражи... ну, не умерли, так значительно ослабели. И местные, центаврианские телепаты справятся с ними без особого труда.

В кабинет наконец вошёл президент, и разговоры разом стихли. Собравшиеся, чувствовалось, по его лицу пытались прочесть, о чём пойдёт речь — и чувствовалось, им это не удастся. Оно не было усталым и мрачным, как при вчерашнем разговоре о дилгарах, скорее можно было назвать это радостной встревоженностью. По крайней мере Винтари пришло в голову именно такое сравнение.

— Здравствуйте, дорогие друзья... Некоторые из присутствующих уже знают, зачем вы все здесь собраны. Для других же то, что я сейчас скажу, окажется полным сюрпризом...

Позже они с Дэвидом рассуждали, что “сюрпризом” — это было сказано, в общем-то, мягко. Лично они на его месте вообще не придумали бы, как начать такую речь. Во всяком случае, без подготовки в пару недель.

— В общем, вы все приглашены на Тучанкью.

— Ку-уда?

— Название знакомое, — пробормотал Винтари, — так ведь это... одна из наших последних, в смысле недавних колоний?

Шеридан кивнул.

— До недавнего времени. На прошлой неделе высочайшим указом императора Котто колонии была дарована независимость.

Вот, значит, как... Кто-кто, он лично удивлён не был ничуть. Периферийная колония — это чаще всего престиж, стоящий немаленькую цену. Тучанкью — это, конечно, было замечательно хоть в том плане, что опять утёрли носы нарнам, хоть в том, что Центавр расширил зону влияния почти на половину «нейтральной полосы», но финансы на поддержание военных баз требуются даже в очень отсталых мирах, тем более если вспомнить по судьбе предыдущих оккупантов, на что способны эти «отсталые»... А сейчас

истощённой дракхианской инвазией метрополии все средства нужны на восстановление экономики, на назревшие внутренние реформы, тут не до жиру. Подумаешь тут, не проще ли дать некоторым колониям независимость, чем рисковать потерять их в результате бунта. Краткую историческую справку для незнающих Винтари слушал рассеянно. Что бы там могло быть такого, чего бы он не знал... Историю с колонией Тучанкью и теперь приводили как чуть ли не единственный пример доброго деяния покойного императора Картажье. Умные, конечно, понимали, что доброта тут особо ни при чём, да помалкивали. В конце концов, это был удобный аргумент особенно против Нарна, здесь как нигде проявившего себя... не с самой лучшей стороны...

— Некоторое время Тучанкью была колонией Нарна...

Тжи'Тен вздохнул. Была подло поработана Нарном — так всё-таки правильной было сказать. У каждой расы в истории есть страницы, которых порядочный гражданин стыдится. В 2242 году, воспользовавшись брошенным центаврианами на их планете оружием, нарнские военные обстреляли Тучанкью из стратосферы, превратив их столицу в выжженную пустыню. Высадившись затем на планете, они приписали преступный налёт центаврианам и предложили жителям свою защиту. Эта “защита” обернулась для Тучанкью очень дорогой ценой — планета была обращена в сплошной завод по производству оружия, а жители — в рабов, трудящихся на этих заводах, вскоре ресурсы планеты были полностью истощены, наступил закономерный экологический кризис. Разумеется, наступил такой момент, когда рабы взбунтовались, нарнская администрация была арестована и казнена в полном составе. Однако обретение свободы ещё не означало спасение мира... А потом усилия двух облечённых властью преступников — президента Земли Кларка и императора Центавра Картажье — толкнули Тучанкью в объятия новой беды... Да, экосистема планеты, благодаря масштабной работе, проведённой центаврианами, была, хотя бы частично, восстановлена. Центавриане знали, что выжать из добычи полезных ископаемых больше не получится ничего, но какой-то доход с новой колонии они получать хотели. Хотя это не единственное, для чего они применили её...

— Сейчас Тучанкью стоит на распутье. Они близки были к тому, чтоб замкнуться и никого не пускать на свою землю, и это вполне можно понять. Но они хотят познакомиться с нами. Не давая пока никаких обещаний вступить в Альянс, они хотят хотя бы узнать, что это такое. Можно ли нам доверять, можно ли иметь с нами дело. Для нас очень важно... расположение Тучанкью, их возможное сотрудничество. В плане ресурсов и технологий их мир не может дать ничего. Но стратегическая роль, ввиду расположения планеты, высока. Кроме того, это важно и для... престижа Альянса, доброго имени. Если тучанки с негодованием оттолкнули нас — это может послужить поводом для отдалённых, недавно присоединившихся или колеблющихся миров сделать то же самое. Они, возможно, пожалеют об этом позже... Но стоит ли дожидаться этого позже?

Рейнджеры кивнули — уж это было хорошо понятно. Технологически отсталые миры на нейтральной территории — это всегда была бомба замедленного действия, в ожидании, какие миры схлестнутся за контроль над этой территорией и во что это может вылиться для ближайших соседей. Теперь, конечно, устав Альянса запрещает военную экспансию в отсталые миры, но иметь колонии-то не запрещает. Если отсталый мир попросится под чей-то протекторат — ничего тут не попишешь, а если учесть, что Тучанкью находится не столь далеко от миров, к Альянсу не присоединившихся...

— Но... почему именно мы?

Этот вопрос вертелся на языке у всех.

— Тучанки... очень необычный народ. Подобных им я пока не встречал. И никто не встречал, насколько знаю. Говорить с политиками, дипломатами, официальными представителями они не хотят. Они сами отобрали тех, с кем хотели бы встретиться — запросив у нас предварительно сводку о том, что произошло у нас за последнее время и внимательно изучив информацию о фигурантах.

— И... их не смущает то, что я, например, нарн? — удивился Тжи'Тен.

— Как не смущает и то, что Винтари и Амина — центавриане. Напротив, в вас они заинтересованы больше всего. Тжи'Тен, вы-то могли слышать об особенностях тучанков.

— Песня Сознания.

— Да. Ключ ко всему. Всё то горе, что перенёс их мир за последние почти сорок лет, ударило не только по планете. По всей расе. Поставило вопрос их выживания как вида. Им необходимо залечить раны... изменив, позволю себе слабую попытку выразаться их понятиями, те строки в песне, которые наиболее трагичны. Я знаю, и на Центавре, и на Нарне тоже есть легенды об исцелении тем же оружием, которым была нанесена рана. А говоря нашим языком — они хотят познакомиться с лучшими представителями миров, явившихся им с худшей стороны.

— И лучше есть, — хмыкнул Винтари.

— Наверняка. Но они позвали — вас.

— Что мы должны делать? — подал голос один из пожилых минбарцев.

— Откровенно говоря, я с трудом представляю это. То, что они сказали в своём обращении... Семантика их языка такова, что дословный перевод получить трудно. Они хотят разговаривать — так они сказали. Разговаривать — главное значение данного конкретного слова, а в дополнительных так же — “наблюдать”, “слушать” и “смотреть внутрь”. Сложнее испытание, по правде, сложно представить. Потому что, вполне возможно, вам не потребуется составлять речи и подбирать интересные истории. Есть миры, где экстрасенсорные способности очень развиты, или где возведены в культ и без этого — никуда. А Тучанкью — мир, где экстрасенсорные способности имеют ВСЕ. Это особенность расы. Они рассматривают всех, как Песни. И все явления жизни — как часть Песни, подходящую, благотворную для их Песни или же нет. Они намерены услышать ваши Песни Сознания и исходя из этого решить, достойны ли вы.

— Задача, — хмыкнул Зак.

— Да, задача.

— Что в моём-то... сознании... такого хорошего?

— Озвучить мнение старейшин тучанков? Храбрость в бою с врагом внешним и внутренним, талант учить и учиться, и любовь настолько сильная, что соединяет рваные края судеб в нерушимую ткань.

Зак уже пожалел, что спросил...

— Тжи'Тена и Амину они назвали “соединившие две песни в одну”, Дэвида — “единой песней двух миров”, вас, ваше высочество — “слагающим песни на могиле прежних”, Шин Афал воспели в таких эпитетах, которые мне сложно перевести... Вас, фриди Атал — “мудрейшим из поющих, слышащих самый тихий голос”, а вас, почтенная Сумана — “целительной песней равнин”. Многие поняли, что имелось в виду? А они не просто так говорят. Они так мыслят.

Фриди Атал степенно кивнул. Похоже, он-то как раз всё понял...

— Если у них такой сложный язык... как же мы будем общаться? То есть, общение ведь с большинством из нас получится односторонним? Здесь не все телепаты...

— О нет, многие тучанки, по крайней мере из старейшин, неплохо владеют стандартным английским, что впечатляет, надо сказать... Для остальных, видимо, к вам приставят переводчика.

— Интересно, сколько будет тех остальных... То есть — мы будем ездить по их миру туда-сюда, чтобы пообщаться как можно с большим количеством народа, или они сами приведут к нам кого надо? Нам потребуется разделиться и рассредоточиться по планете, или они будут наблюдать нас всех кучно, приезжая к нам, быть может, туристическими группами?

— Этого я точно не знаю. Они не называли подробностей, возможно, сами ещё не решили... Они только сказали, что разместят вас со всем возможным комфортом. На Тучанкью осталось много покинутых центаврианских домов, многие, правда, пусты уже давно, ещё задолго до независимости начался отток колонистов на родину, и вы сможете занять какие пожелаете из них. Правда, не все из них оборудованы собственными терминалами связи... но возможность для выбора есть.

Фриди кивнули, Зак наклонил голову — непонятно было, кивнул или просто задумался.

— Теперь вопрос уже к вам — кто из тех, кто был приглашён, полетит, кто откажется. Как и в случае с Центавром, приказывать я могу только рейнджерам. Я сказал вам, что контакт с Тучанкью очень важен для нас. Такой контакт, который позволит нам остаться хотя бы в благожелательно-нейтральных отношениях, хотя бы предупредить возможные инсинуации... Ещё одной попытки кого бы то ни было использовать Тучанкью в своих интересах... Но лично для вас это путешествие разве что может быть познавательной экскурсией в незнакомый прежде мир. Я, конечно, знаю, что многие из здесь присутствующих уже дали предварительное согласие... Но всё же спрошу ещё раз. Я не хочу, чтобы хоть кто-то из вас пожалел о поспешном решении, уже сидя в шаттле и не имея возможности повернуть назад.

— Я своего решения не изменю, — тихо, но твёрдо сказала женщина-аббаи, — это не решение, принятое под давлением, у меня была возможность всё взвесить.

— Думаю, в нашем решении вы тоже не можете сомневаться, господин президент? — продолжил фриди Атал, — даже если б нам не было просто любопытно познакомиться с этим новым неведомым миром, то одна только возможность принести такую пользу для нас большая честь. Величайшая честь. И если нас сочли достойными... у нас нет причин отказываться.

— А кто-нибудь — отказался? — спросил Дэвид.

— Да. Двое врачей, сейчас занятых в слишком сложных проектах, чтоб можно было отвлечься хоть ненадолго, один музыкант, сейчас находящийся на карантинной планете, Лаиса Алварес...

— А она-то почему? — удивился Винтари. Дэвид пнул его под столом.

— Думаю, из чистого благоразумия, тут она права. У неё сейчас свои проблемы. То есть, даже не то что проблемы... Но лучше оставаться под надзором врачей.

— С ней что-то серьёзное?

Дэвид пнул его вторично.

— Ваше высочество, вам повезло, что Лаисы здесь сейчас нет, — рассмеялся Шеридан, — Лаисе, совместно с учёными Даана, наконец удалось добиться результата... Но

неуслышное наблюдение теперь нужно весь срок, и значительное время после... Как-никак, прецедент. Да, многие отозвались об этой идее как о... неразумной, продиктованной эмоциями... в том числе сперва и я. Но думаю, если раздел генетики, посвящённый изучению возможностей межвидового скрещивания, зачем-то существует — так вот для таких случаев.

— А... Андо, — Винтари решил уйти со скользкой темы, — он не летит с нами?

Шеридан-старший покачал головой.

— Андо больше с нами нет...

— Что?!

— Да, неудачно выразился. Андо отбыл вчера по срочному делу на Марс. Ему поступило приглашение, от которого он не смог отказаться.

“И не попрощался... Впрочем, пожалуй, это в его духе...”

Выходя, Винтари задержался, дожидаясь Дэвида. Какое-то время они шли рядом молча, прекрасно, впрочем, представляя, о чём будет их разговор.

— Так Лаиса... она серьёзно? Она добилась этого? Разрешения на...

— Я думаю, женщины странные существа, Диус. Меня в потере любимого человека едва ли утешило бы появление ребёнка, при всём понимании, при том даже, что этот ребёнок мог бы быть сколько угодно похож на моего любимого человека. Не думаю, что меня могло бы хоть что-то утешить. А у женщин при этом появляются какие-то новые силы пережить... Это словно последний дар, неуклюжие извинения жестокой судьбы, разлучившей близких. Для Лаисы это было невозможно естественным путём, но она решила стать сама глашатаем своей судьбы. И ей повезло, потому что генетические материалы Рикардо, как и многих рейнджеров, были в банке...

— Зачем?

— Мне казалось, ты слышал. Полное клонирование на Минбаре не то чтоб запрещено, но не практикуется, потому что жрецы так и не определились в отношении к этому вопросу, а две другие касты и вовсе от него устранились... Но частичное клонирование — проводится, и является очень важной статьёй. Клонирование собственных органов гораздо эффективнее, чем поиск донорских, особенно когда для поиска ограничены и время, и возможности. В случае серьёзного ранения рейнджеры-неминбарцы были бы практически обречены — даже на лучшие имплантанты бывает отторжение, а родная плоть прирастает быстрее и практически без осложнений. Конечно, рейнджер всегда должен быть готов отдать свою жизнь... но если можно её продлить — почему этого не сделать?

— Да, пожалуй, это разумно... Я, правда, и не думал, что на Минбаре возможны такие соображения. Мне... извини, конечно... казалось, что минбарцы вообще больше стремятся к смерти, чем к жизни. Такая культурная особенность.

Дэвид рассмеялся.

— В общем и целом, наверное, да, может создаться такое впечатление... Но не все исповедуют такую позицию. Воины — да... бывали случаи, когда они из принципа отказывались от трансплантации. А жрецы — хотя опять же, далеко не все — считают, что на тот свет торопиться не стоит, если тебе дана возможность продлить своё служение — пренебрегать ею будет неразумным.

Планы на сегодня ещё были, но все довольно рутинного характера, а обсудить, поделиться эмоциями и соображениями, хотелось очень, поэтому спонтанно было принято

решение прогуляться, чтобы вернуться в резиденцию всё же в более рабочем настрое.

— Но это-то другое... При таком к тому же отношении к межрасовым связям...

— Нет, когда речь идёт не о минбарцах, то им в общем-то всё равно. И видимо, Лаиса сумела их убедить... ну, в глубоком смысле этого действия. Как объединения миров... Центавриане и земляне как никто схожи — и в тоже время бесконечно отличны, и хотя порой кажется, что они танцуют вальс в тесных объятьях — они танцуют его над разделяющей их пропастью. Лаиса сказала, что может и должна стать... даже не мостом, нет. Частью, одной из опор моста. Первый камень ничем не заметен, не славен и его может быть не видно под остальными. Но он первый. Лаиса и Рикардо не были заметными представителями своей расы. Но стали заметными. И в этом должна быть польза для миров. Это важно для неё и как для центаврианки. У неё прежде не было рода, принадлежностью к которому можно было гордиться, но теперь есть. И она хочет, чтоб этот род — прежде не известный, не славный — жил... Это, конечно, не родная семья Рикардо, но ведь по центаврианским меркам это не имеет значения, его усыновили — значит, приняли в род. И для неё важно, чтобы этот род не был забыт, не остался без продолжения...

— Странно, в самом деле... Земляне и нарны, такие непохожие, однако же, генетически совместимы, а земляне и центавриане — как ни удивительно, нет. Впрочем, центавриане-то землян никогда не сторонились, мы даже любим подчёркивать это сходство...

— Покровительственно так, подчёркивая, что земляне, вероятно, не самая паршивая раса, раз похожи на великих вас, ага?

Винтари расхохотался.

— Не без этого, да. Спесь из центаврианина не денется никуда, это компонент нашей крови. Но ведь есть в этом и хорошая сторона — уж по отношению в братьям-людям центавриане точно ни капли не ксенофобы. И для многих из нас это было даже большим расстройством — что мы вовсе не родственники, что мы никогда не станем одним народом. А для скольких миров эта «естественная» генетическая граница — дополнительное обоснование для отчуждения и ненависти? Когда-то такое же отчуждение было между разными народами на каждой из планет, но для большинства из миров эти времена прошли. Потому что разные народы — это всё же одна раса, совместное проживание, смешение культур, общее потомство смели эти границы и теперь о них вспоминают с неверием. А здесь так не получится...

Дэвид бросил на него тоскливый взгляд.

— Я всегда ненавидел границы. Ну, кому как не мне их ненавидеть... Вален мечтал сделать единым народ Минбара. Он не успел осуществить задуманное, а те, кто в благоговении повторяют его имя, в большинстве своём делают вид, что не понимают этого... А вот объединения миров нам вообще никто не обещал. Даже если раса становится единой сама в себе, и внутренних конфликтов уже нет (а есть ли хоть одна такая раса на самом деле?), всегда остаётся образ чужого, которому до образа врага — один поворот механизмов пропаганды. Едини-то в основном в сравнении с другими, в противоположность... Различия культуры, различия биологии — тут всё годится. Когда внешнее различие перестаёт иметь значение — когда двое, различно выглядящие, в разных культурах воспитанные, любят друг друга — против них ополчаются все, потому что это ведь немисливо, потому что сама природа поставила границы... Потому что общих детей не будет. Как будто общие дети — это единственное, что должно иметь значение!

— Если говорить о Тжи'Тене и Амине, то им повезло в том, что они рейнджеры. Среди

рейнджеров не только никто не будет пенять детьми — но и вообще осуждать межрасовый союз. Но не каждый пойдёт в рейнджеры, что и говорить...

Они остановились у фонтана. Не в первый раз они шли пешком через город, хотя вполне могли лететь или хотя бы ехать. И шли медленно, неспешно — едва ли, впрочем, осознанно, намеренно...

— Я сейчас подумал об Андо... Он успел узнать об этом? Всё же это дитя, если оно благополучно родится, будет и ему родственником. Живой родни-то у него... нет, получается. У него мог быть ребёнок — соединили бы они с Адрианой жизни или нет, но это был его ребёнок, как бы то ни было — и мог быть дядя... И снова у него никого нет. Если это не имеет для него значения, то может, это и к лучшему. Иной на его месте лишился бы рассудка.

Дэвид поколебался, подбирая слова.

— У Андо есть родственные чувства. Есть, хоть и воспринимает он их иначе, наверное, чем ты и я. Возможно, он сам пока не осознаёт их в полной мере. Осознаёт тогда, когда теряет близких. Это совсем не редкость, у многих, пока они молоды, так. Близкие воспринимаются данностью жизни, пока они есть, и только боль потери обнажает чувства, позволяет их осознать. Он с малых лет переживал из-за гибели родителей. Не потому, чтоб ему тяжело жилось, как сироте — не тяжелее, чем его сверстникам-нарнам, тем более, при таком отчине он мог ни в чём не нуждаться. Но он ведь, благодаря тому ментальному воздействию, которое успела оставить на нём Лита, помнил их, в какой-то мере воспринимал как живых, и страдал от того, что их никогда не будет рядом с ним здесь, в реальной жизни, что их жизнь оборвалась так рано и трагически. Г'Кара он очень любил, хотя в этой любви больше было почтения и робости. Г'Кар ведь пожизненная легенда своего народа, духовный лидер, к тому же, он редко был рядом — просто не было такой возможности. То есть, с одной стороны, 16 лет только они были друг у друга, заменяли друг другу потерянную семью, с другой — они не могли быть семьёй в полной мере, позволить себе тихую семейную жизнь Г'Кар уже не мог. Да, родительского тепла у Андо не было, но и в этом он не был одинок — война оставила много сирот... Но у него было имя, которое ко многому обязывало, он знал связанные с ним ожидания и надежды. Интерес к его оценкам, поведению, развитию его характера. Для нарна — а по воспитанию он нарн — это важнее.

— Откуда ты это всё знаешь?

Дэвид не ответил, продолжил:

— Адриана, конечно, не была для него сумасшедшей любовью. Скорее, в ней он нашёл родственную душу. Она не была очень уж чувственной, она особо не тянулась к семейному идеалу. Она не ждала от него того, чего он не готов дать. И... ты видел новую комнату в доме Уильяма?

— Да. И признаться, это меня удивило. Я подумал сперва, что эта комната готовилась для Адрианы и...

— Так и есть.

— Но отделка стен... Мрачновато, не находишь? Может, у меня старомодный вкус, но вроде бы и в других комнатах Ледяного города как-то повеселее картины. Только по надписи на нарнском языке я и понял, что это, видимо, пейзаж Нарна, а не, к примеру, ад из земной мифологии... Амина перевела мне это стихотворение, такое щемящее и горестное, как я понял, посвящённое умершему ребёнку. Я предположил, что это Андо нарисовал и написал это...

— Верно. То есть, рисовал Андо, только стихотворение не его. Я говорил с ним об этом. Что ты знаешь о семье Г'Кара? Вероятно, только то, что они погибли во вторую центаврианскую оккупацию, так? Но это были не единственные, кого он потерял. Его первый сын умер, не дожив до года — это было ещё в первую оккупацию, в подполье... Тогда он и написал это. Мало кто знает, что Г'Кар, известный своими любовными похождениями далеко за пределами родины, безумно любил свою первую жену. Он своими руками похоронил её. А вторую — пусть и не возлюбленную, но дорогую ему соратницу — не имел возможности, ему осталась только братская могила всех членов семей Кха'Ри, где только эксгумация и анализ позволила бы отличить одно тело от другого, но у кого нашлись бы силы это делать? Только имена на камне... Первая оккупация отняла у него троих детей, из которых ни один не получил постоянного имени. А вторая — четверых. Со всеми семействами, то есть, с внуками и даже правнуками. Андо знал это всё — это естественно. Я хочу сказать — он знал, что так бывает. Он с детства имел к этому если не внутреннюю готовность, то само понятие о том, что родители тоже теряют детей.

— Понимаю... Как минимум, в истории приёмного отца он нашёл силы принять это. Хотя непривычного такой стоицизм, пожалуй, удивит...

— Удивило другое. На мои слова, что я понимаю этот порыв, превратить несостоявшуюся детскую в место памяти его первенца — он ответил «Не уверен, что здесь правильно говорить о первенце. Возможно, у меня есть дети, которых можно так называть, хоть я и не знаком с их матерями». С тех пор, как он начал взрослеть, врачи брали у него генетический материал...

— Для экспериментов по созданию гибридов? Ну, я не удивлён. Нарны не были бы нарнами, если б этого не делали.

— Ну, вообще-то не настолько и экспериментов, если уж так говорить... Ты ведь сам упомянул, что нарны и люди генетически совместимы. О гибридах, конечно, в истории известно мало... Во всяком случае, я встречал только упоминания об этом.

— Видимо, потому, что речь в основном шла... ну, не о почётных гражданах обоих миров. Рабы, проститутки низкого сорта, случайные связи разной швали... Что интересно, надо сказать, нарны всегда, когда им становилось известно о таких гибридах, прилагали все усилия, чтобы забрать их на Нарн и даже, по возможности, уничтожить всю информацию о них там, где они были обнаружены.

— Почему?

— Я думал, это понятно. Любой такой гибрид — хоть слабый, ничтожный, но шанс на ген телепатии. Поэтому, можно даже сказать, такие детки выхватывали счастливый билет — их всем обеспечивали, они ни в чём не нуждались. Конечно, это означало строгое подчинение режиму, золотую клетку, но нарны, в какой-то мере, все так живут... И если выбирать между полутюремной системой и нищетой и каждодневными опасностями, когда на тебя, к тому же, смотрят как на циркового уroda — то выбор довольно очевиден. Одно время на Нарне было несколько интернатов для таких детей. Разумеется, это были особо режимные местности, инопланетные визиты туда были недопустимы.

— Тогда откуда ты об этом знаешь?

— Ну, сейчас-то гриф секретности частично снят... Но информация всё равно не общедоступна. Это нужно искать специально. Но и раньше утечки случались. У Центавра агентура везде...

— А Земля об этом, получается, ничего не знала?

— Ну, догадываться наверняка могла... А доказательств не было. Нарны, конечно, корыстный народ, но не существует такой суммы, за которую они продали бы такие доказательства. Добыть же их своими силами для инопланетника почти нереально. А кто поверил бы без доказательств, зная нашу глубокую вражду и способность рассказать друг о друге и не такое? Даже намёки, те или иные имена — это предмет сложных политических игр, в которые лучше не лезть, если не умеешь в них играть. Те, кто замешан в такого уровня интригах, убирают болтунов легче, чем сморкаются. Ну, теперь это всё имеет мало значения, потому что вторая центаврианская оккупация уничтожила, вероятно, всех этих гибридов. Во-первых, потому, что многие из них состояли в родственных или деловых связях с правящей верхушкой — если не с самими Кха'Ри, то с их ближайшим кругом, во-вторых — просто из природной подлости. Достоверно неизвестно, были ли на самом деле среди этих гибридов телепаты... Зато известно, что немало центаврианских голов слетело по этому же делу. Убирали свидетелей и исполнителей... Эта история вообще не всплыла бы, если б не дотошность независимых наблюдателей из дрази в составе комиссии, расследовавшей преступления второй оккупации, и немало, скажем так, дыр в нашем бюджете оставило обеспечение молчания... Знать не любит скандалов. А я не узнал бы об этом, если б не заинтересовался тем фактом, что целый взвод доблестных карателей кончился при загадочных обстоятельствах в течение немногим более месяца, при чём уже официально в мирное время. В некоторых источниках их умудрились приписать к жертвам террора моего отца, только вот к тому времени он был уже мёртв.

— Ужасно это всё...

— Да, ужасно. В истории каждого мира, наверное, есть страницы, от которых нормального гражданина этого мира может только тошнить. У Центавра, во всяком случае, этих страниц предостаточно. Занятно, что как бы глубоко ни хоронили эти скелеты в шкафах великих и уважаемых миров — они всё равно ищут возможности выбросить хоть косточку, напомнить о себе... Они улыбаются во все зубы из-под пышных кружев и мундиров с орденами. Они всё равно приходят, всё равно предъявляют свои просроченные вексели... И по ним приходится платить.

Они некоторое время молчали. Очень хотелось как-то плавно перейти с болезненных и жутких тем на что-то более выносимое, но оба не знали, как. И это неловкое, тяжёлое молчание царапало горло, как наждак.

— Дэвид, а почему ты согласился? Ты ведь как раз собирался вступить в анлашок, почти сбылась твоя давняя мечта... и тут эти тучанки, не раньше, не позже... Хотя наверное, тебе тоже интересно, как и фриди, как и учёным-аббаям...

— Хотя бы потому, что согласился ты, разве не причина?

Винтари замешкался, не зная, что ответить. Ведь это не должно было казаться ему странным... неправильно б было делать тут удивлённые глаза. Разве он сам не последовал бы за Дэвидом?

— Да, я... Я тут подумал, что интерес, любопытство — это, в общем-то, объяснение, годящееся для всех тут. Особенно для тех, кто не хотел бы говорить об истинных мотивах. Что до меня, у меня ведь они прозаичные и не очень-то благородные. Это просто ещё одна отсрочка, возможность сбежать от неизбежного... Ты станешь рейнджером... Пусть не сейчас, после того, как мы вернёмся оттуда... Рано или поздно, дороги расходятся, как им положено расходиться. Вопрос, что я буду делать дальше, уже давно висит надо мной. Я чувствую, что слишком многие невысказанно ждут, что я вернусь на Центавр, что мне пора

вернуться. А я не хочу. Не потому, чтоб не любил родину, не потому, что чего-то боюсь... Хотя бояться там всегда есть чего, ряды моих возможных злопыхателей едва ли сильно поредели. Тем более, что, хоть мы и не трубили о моей роли в центаврианской кампании — все, кто нужно, имели возможность всё узнать. Здесь я по крайней мере могу не думать... очень о многом, о чём мне неприятно думать. Греть голову над очередным переводом, над книгой-путеводителем по очередному музею — куда приятнее, чем размышлять, как лучше всего быть с противником, которого нельзя просто по-старинке отравить, потому что если ты его отравишь, на тебя моментально обрушатся ещё большие неприятности, или как себя вести с влиятельными лицами, которые, предлагая тебе дружбу и покровительство, мечтают тебя использовать, и ты даже не можешь предполагать, каким образом... Я не готов снова заниматься настолько трудной работой — заключающейся просто в том, чтоб остаться живым и на коне. Я предпочитаю то, чем я занимаюсь тут. Это вполне достаточно тешит моё честолюбие, мне хватит. Может быть, это трусость, но я слишком ценю свой покой и хочу как можно подольше отсрочить расставание с ним. Так что да, я благословляю эту новую случайность, позволяющую мне ещё какое-то время не вспоминать о своём положении и всём том, что оно на меня налагает. А уж то, что она позволяет мне ещё какое-то время остаться...

Он осёкся, едва не сказав “рядом с тобой”.

Дэвид вдруг порывисто схватил его за руку.

— Тогда я тоже трус, Диус. Не ты один здесь бежишь. Ты заговорил о моём вступлении в анлашок... а мне немного страшновато, когда об этом говорят, тем более когда говоришь ты. В анлашок надо вступать готовым, с чистым сердцем, свободным от страхов! А моё не свободно. В моём страхов слишком много. Страх оказаться недостойным, бесполезным, ни на что не годным... Жалкой тенью великих имён. Страх за тебя... ты мне как брат, Диус. Но у тебя свой путь, своя судьба. Я не смогу по своей прихоти удержать тебя от того, чтоб следовать им. Я не могу желать, чтоб ты просто всегда был рядом. Но именно этого я преступно желаю. Тогда я ненавидел Центавр — зная об опасностях, которые ждут тебя там, видя его некой тёмной силой, сгущающейся у тебя за спиной, жаждущей поглотить тебя... Мог ли я с этим встать на путь служения? И я не колеблясь пошёл в бой за твою родину... я полюбил её, но по-прежнему не могу тебя отпустить. Хотя и понимаю, что это глупо и недостойно... И даже если ты уйдёшь... когда ты уйдёшь... я не отпущу тебя в своём сердце, на нём никогда не будет покоя. Я глупый испорченный ребёнок, и я не знаю, что с этим делать. Я понимаю, что прямо сейчас я — плохой солдат, и кинулся бы с радостью куда угодно — на Центавр, на Тучанкью, в любой из отсталых миров, в любую богом забытую дыру... чтобы сбежать от необходимости. Чтобы отсрочить. Что ж, это, по крайней мере, имеет смысл и должно принести пользу... И ты тоже будешь там. Может быть, и полное безумие, но мы бежим вдвоём.

Дэвид сел на мраморный парапет и закрыл лицо руками. Винтари тихо опустился рядом. Фонтан жизнерадостно шумел за спиной, ветер доносил до них мелкую водяную взвесь.

Бежать вдвоём... Понятное дело, это не может продолжаться вечно, но голос слабости, голос стремления защитить самое себя твердит, что лучше думать о том, что это удалось хотя бы сейчас. А там посмотрим. Там, может быть, ещё что-нибудь подвернётся. Будем жить сегодняшним днём...

А дальше? Сколько будет этих отсрочек? Рано или поздно о нём вспомнят... Рано или

поздно вернут заблудший элемент в систему. Зачем, для чего? Нет, у них-то объяснение найдётся, а вот глобально? Увы, если мелкую дворянку Амину Джани не могли просто оставить в покое, для этого потребовалось личное распоряжение императора... Тем более это невозможно для наследного принца. Сделает ли Вир Котто такой же подарок для него? Определённо, у него не хватит духу просить об этом... Так что наверное, анлашок — единственный путь для него... Ему и так очень повезло, что столько времени всем было плевать на него. Но если Дэвид считает своё сердце недостойным — то что должен думать о себе он?

Но ведь может же... может же быть какой-то ещё выход? Может быть, кем-нибудь они могут стать, чтоб остаться обоим на Минбаре, чтоб не тревожиться друг за друга? Может быть, это будет менее достойно, может быть, их не поймут в этом... Главное — поймут ли они себя сами?

Дэвид рассеянно повертел на пальце кольцо — подарок Андо. Да, Андо, при всех своих проблемах и метаниях, хотя бы этой ошибки не совершил — он понимал, что в анлашок ему не место, и не пошёл, как ни уговаривал его лучший друг. Не пошёл, хотя многие ожидали от него подобного шага.

Винтари любовался площадью, прощаясь. Скоро, совсем скоро они покинут Минбар, кто знает, как надолго... Вряд ли дольше, чем была центаврианская кампания, но кто знает, кто может предугадать, чего ждать. Площадь Тафьел была не самым, но одним из его любимых мест. Эти фонарные столбы в виде стилизованных деревьев с цветами-фонарями, стволы украшены изображениями раскрытых книг... Говорят, в трудный момент, если подойти к столбу, на который укажет взгляд, можно прочесть изречение, которое послужит подсказкой...

— Дэвид, но если ты не уверен, что хочешь быть рейнджером... Ты и не должен... Тебя не примут...

— И я не знаю даже, хочу ли этого. И хочу, и боюсь. Анлашок — это в действительности лучший выход для меня...

— Почему?

Мальчик горько усмехнулся.

— Потому что я дитя двух миров, двух культур... Анлашок — лучший способ остаться вне их обоих. От большинства моих страхов это, во всяком случае, спасало... Кроме страха за тебя — от всех...

— Мне казалось, это твоя мечта с детства.

Дэвид нервно повёл плечами.

— В детстве многое смотрится иначе. Нет, и сейчас... В конце концов, когда я смотрю на ребят, я понимаю, что они действительно счастливы, что они нашли свой путь... но мой ли это путь?

— Что ж, теперь есть совершенно законное время поразмыслить над этим ещё...

Он встал и двинулся к ближайшему столбу, Дэвид за ним. Нет, конечно, уверенности, что он сможет правильно прочесть древний текст, особенно эту сложную вязь, для непривычного особенно трудную.

“Когда стоишь в начале пути, который пугает тебя, с тобой должны быть три вещи — фонарь, щит и меч. Тогда, каков бы ни был этот путь, ты пройдёшь его с честью”. Ну да, пожалуй, вполне по ситуации...

— Фонарь в данном случае означает “свет веры в твоём сердце”, щит — “благословение

отца”, или, если шире — “доброе мнение о тебе тех, кто провожает тебя в этот путь”, меч — понимание твоей цели, а так же внутренние ориентиры, с которых ты не сойдёшь, что бы ни было с тобой. Древние знаки, кроме прямого значения всегда куча добавочных.

— Ну тогда оно нам определённо полезно. Там, куда мы направляемся, тоже, как я понял, не привыкли изъясняться просто...

Комментарий к Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 2. Скелеты в шкафах

Вообще-то я, по идее, не должен был использовать тему тучанков. Новеллу я не читал (не нашёл её в переводе), и это всё-таки частное творчество, не сериальные события... Но что написалось, то пусть будет.

Гибриды — разумеется, чистая фантазия, но думается, если Г’Кар Лите в “Прибытии” не вешал лапшу на уши, то они просто должны были, хоть в небольшом количестве, существовать.

Новеллу, в которой упоминалась семья Г’Кара, я читал много позже, и она мне как-то не зашла. Учитывая предполагаемый возраст Г’Кара, одна малолетняя дочь — это ну как-то... маловато.

==== Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 3. Вопросы без ответов =====

Следующие два дня были посвящены сборам. Кроме личных вещей, надо было ещё подумать, что из книг, инфокристаллов с собой можно взять. На этот счёт тоже не было никакой конкретики, предстояло самим решить, что из культурных богатств своих рас хотелось бы показать. Винтари в этом смысле было сложнее всего, он долго советовался с Аминой...

Долго не в силах решить, брать ли свою книгу-обзор по храмовой архитектуре, ещё не получившую всех необходимых рецензий, он решил посоветоваться со жрецами, и отправился в ближайший храм. В нём он уже много раз бывал с Дэвидом, и многих там знал. Дэвид, кстати, и сейчас был здесь, он узнал его голос издали, хотя и звучал он тише, чем голос его собеседника. Второй голос он спустя пару шагов узнал тоже — Ранвил, школьный друг Дэвида. Их обоих ещё не было видно — двор храма перегораживали широкие плиты монументов, и Винтари невольно замедлил шаг, размышляя, стоит ли прерывать их явно слишком личную беседу, и нельзя ли пройти как-то другой дорогой, чтобы они его вовсе не заметили.

— Ты не должен был позволять ей лететь! Ты знаешь, она летит только из-за тебя!

— Откуда я могу это знать? Откуда ты такое можешь знать, Ранвил?

— Ты бессердечен и слеп, если не понимаешь этого, Шеридан, — насколько уже успел понять Винтари, произношение этой фамилии вот так, с ударением на последнем слоге, было в большей степени свойственно воинам и чаще всего сопровождалось крайним раздражением, — или может быть, тебе нравится морочить ей голову?

— Ради Валена, что ты мелешь, Ранвил?! Нам всем были объявлены эти приглашения, и каждый сам за себя решал, лететь ему или остаться. Как мог здесь кто-то кого-то принудить? Если Шин Афал и ошиблась в своём решении — хотя об этом не нам и не сейчас судить — то это, во всяком случае, будет именно её ошибка.

— Ты должен был её отговорить!

— И конечно, она б меня послушалась! Да вообще, с какой стати я буду это делать? То,

что нам всем выпало — действительно великая честь...

— Это опасно!

— Достоянейшее для воина замечание! Ты хотел бы, чтоб она жила, избегая неизвестности и опасности? Да, она не рейнджер. Но она будущий врач. Для неё эта возможность увидеть новый мир, помочь, послужить своим даром — бесценный опыт! Высоко же ты её ценишь, если готов лишиться её этого!

— Достойное жреца словоблудие! Готовы без раздумий бросить чужую жизнь навстречу опасности во имя одних только пафосных слов!

— Я, если ты не заметил, лечу тоже! Я приятно тронут, что за меня ты совершенно не волнуешься!

Судя по звукам, там произошла коротенькая схватка. Чувствуя, что оставаться в тени больше не может, Винтари выступил за плиту. Ранвил прижимал Дэвида к плите монумента — согнутой рукой пережимая горло.

— Запомни, Шеридан, если с ней что-то случится — я тебя убью!

— Не бросайся такими словами, Ранвил! Самые благородные чувства не должны приводить к святотатству. Минбарец не убивает минбарца!

— Минбарца — да...

Винтари схватил Ранвила за плечи и рывком оторвал от Дэвида. Тот моментально вывернулся и встал в боевую стойку, процедив какую-то угрозу. Винтари не шелохнулся. Всё-таки чисто зрительно он этого молодого воина и старше, и шире в плечах.

— Успокойся. Иди, приди в себя, переоценишь... Стоит ли ссориться с другом из-за надуманных страхов...

— Тебе я вообще ничего не собираюсь объяснять!

— Ну и не надо. Себе хотя бы объясни, чего ты так взбеленился. Потому, что ли, что её и Дэвида пригласили, а тебя нет? Извини, тут не мы решали. Если они её так хотят там видеть — почему ей не поехать, уж если кто вправе ей запрещать — так никто из здесь присутствующих, точно.

Ранвил посмотрел на него с усталой ненавистью и, видимо, осознав, что в конструктивное русло разговор всё равно уже не войдёт, резко развернулся и гордо удалился. Дэвид посмотрел ему вслед со смесью грусти и раздражения, всё ещё не отлипая спиной от плиты.

— Что любовь с нормальными парнями делает... Нет уж, к чёрту. Избави меня боже от такого — так голову потерять, чтоб на друзей кидаться...

Винтари подумал, что в этот момент Дэвид, пожалуй, очень похож на отца. Как-то очень уж по-земному это звучало...

— Очень мил и адекватен. Что за идея, что именно ты, именно её, вдруг должен был отговорить! Нас — не надо, а её — надо...

Дэвид пожал плечами.

— Она ведь могла отказаться. Как отказались врачи, Лаиса, Мисси... Да, честь... Но есть ведь и другая честь. И никто никого не стыдил...

Он опустился на тёплые плиты, которыми был вымощен двор — испещренные древним узором трещин, сквозь которые кое-где деятельно пробивались бодрые зелёные ростки, умудряющиеся взойти на том малом количестве земли, что было занесено сюда подошвами и ветром. Жрецы столь же деятельно выкапывали их и пересаживали за пределы двора в сад, но регулярно появлялись новые зелёные камикадзе.

— А... почему Мисси? Зак же согласился...

— Ну, Зак рейнджер. А Мисси целитель, и сейчас нужнее здесь. Хотя бы вот Талии, и ещё некоторым телепатам — старт их очередного корабля всего через две недели, и тётя Сьюзен волнуется, чтобы они хотя бы хорошо перенесли перелёт. Там-то, наверное, им уже поможет Айронхарт...

— Так тётя Сьюзен...

— Да. Летит тоже.

— Замечательно! Да нет, что там — чудесно! Позитивнее задание придумать нельзя! Дети! — Сьюзен Иванова размашистыми шагами мерила помещение, оживлённо жестикулируя, — много счастья не бывает, да! Цветы жизни, собери букет — подари бабушке! А кто лучше всех у нас с подобным заданием справится? Конечно, Сьюзен! Господин президент у нас, конечно, великий человек, но, что ни говори, мужчина. Откуда ему знать, что я этих мелких короедов до сих пор смертельно боюсь? Софья и Талечка не показатель, они, кажется, сами себя воспитывали...

Она рухнула в кресло. Что там, сотрясай ни сотрясай воздух... Понятно же, что придётся за это браться — и делать. Она пусть не анлашок'на, но рейнджер, это вообще не обсуждается... К тому же, никто не говорит, что она должна заниматься ими всеми. Распределить их между храмами, воспитательными центрами, семьями, согласными взять на воспитание такое... Дети. Просто дети. Просто полторы сотни детей. Дилгарских детей, господи боже...

— Сьюзен совсем как раньше.

— Что?!

Таллия смотрела прямо на неё. Так странно — по-прежнему слепая, она смотрела прямо на неё, не в сторону её голоса, а именно туда, где она находилась. А улыбалась... улыбалась той, своей, прежней, светски-робкой улыбкой. Той улыбкой, про которую Сьюзен когда-то сказала — “так улыбаются люди, которые сами не знают, чего хотят”. Снова укол странного подспудного неудовольствия — тепличный цветок, знающий, как завить и уложить волосы, но не знающий, как подружиться, завести отношения... Сперва думавший, что знает это... А от укола — разливающееся по телу тепло. Таллия... Седая, постаревшая, слепая, безумная — а улыбка та, прежняя. Как в тот вечер, когда рассказывала ей...

— Сьюзен как раньше. Как на Вавилоне. Бегает и смешно ругается.

Сьюзен застыла. Да... хотя в этот момент они не держали ментального контакта... Может, иногда он как-то держался сам, а может, это уже что-то в воздухе?

— Это... — её голос дрогнул, снизился почти до шёпота, — ведь это — прекрасно, разве нет, Таллия? Я почти поверила, что время меняет нас необратимо. Что наш смех, наши голоса никогда не будут прежними. Но ведь... ты помнишь, Таллия? Помнишь, как было тогда?

— Сьюзен бегала и кричала, что это очень глупая книжка.

Этот их вечер — в её каюте, влажные после душа волосы пахнут одним шампунем... Обе пьяные, как сказал бы Маркус, в сосиску, с чего-то взялись вспоминать-рассказывать годы учёбы, а конкретно — всякие девичьи глупости. Таллия рассказала, как они с девчонками одно время увлекались дамскими романами — засорение мозгов такой чушью преподавателями не поощрялось, но кого это останавливало, даже скачала и показала Сьюзен одну книжку... Сьюзен почему-то этот достаточно банальный сюжетец очень

впечатлил, она кричала, что героиня тупа как пробка, Таллия перебивала, что конец же всё равно счастливый, они же всё равно остались вместе, но Сьюзен не успокаивалась — как можно потерять столько драгоценных лет, из-за какой-то непонятной мнительности...

— Помнишь, помнишь, что ты мне тогда сказала, Таллия?

— Что некоторые люди боятся любить...

Сьюзен приблизилась, опустила на корточки перед стулом Таллии.

— ...боятся любить в действии, в настоящем времени, боятся даже того счастья, которое может дать любовь, не только той боли... Что они просто не понимают... Долго не понимают. Главное — что в конце концов... Что иногда, когда кажется, что поздно, на самом деле всё можно начать с начала. Главное — не пропустить тот момент, после которого шанса уже не будет.

— Но ведь мы не такие глупые. Сьюзен не такая глупая.

Она сжала её руки в своих — тонкие сухонькие пальчики, в которых, как сжатая пружина, дремлет сила сумасшедшего. Но всё равно — не страшно... Ведь она улыбается. В конце концов, главным в том вечере была не эта глупая книжка, и даже не все эти рассуждения, что логично, а что не логично в поведении очень абстрактной, никогда не существовавшей молодой женщины. Главным было — откровение. О собственных чувствах. Тот прилив нежности, который настиг Сьюзен, когда она представляла себе подростка-Таллию, в типовой комнате корпусовского интерната хихикающую вместе с соседкой над описанием интимной сцены в книжке...

То, что у героини, в сорок её лет, всё в итоге сложилось хорошо — на то, в основном, воля автора. Но они-то всё-таки и собственные усилия приложили... значит, всё должно, просто обязано быть хорошо.

— Таллия, ты говорила, ты вспомнила свой выпускной... Расскажи мне ещё раз...

— Странно всё это... Иногда мне кажется, я просто чувствую, как ускоряется время. Как оно бежит под нами, словно лента эскалатора, стягивает ту же свою спираль... Помнишь, как мы много лет жили почти беспечно, без событий, без потрясений — если не считать таковыми перевернувшийся гравилёт или тот случай, когда мы заблудились в книгохранилище храма... Да, ты был ребёнком, тебя тогда общественно значимые события мало касались, ну и я был ребёнком вместе с тобой. Ты учился — и я учился... А теперь — словно кто-то отпустил сдерживаемую до сих пор силу в свободный бег. Этот сосуд со Стражем, Центавр с дракхами, и новая планета для телепатов, и эти дилгары, икалось бы на том свете их создателям, и тучанки со своими малопонятными запросами... Я просто не знаю, чего ещё ожидать. Наверное, всего, чего угодно.

— Вселенная ничего не посылает нам просто так. Это значит, что мы готовы, мы созрели... Нам может казаться, что жизнь не даёт нам опомниться, что это слишком много, что мы не справимся... Нет, мы можем не справиться. Если не удержимся между самоуверенностью и неверием на узком, единственно верном пути. Вселенная мудра. Главное слышать её тихий голос.

— Хорошо быть минбарцем, а. Слышишь голос вселенной, веришь, что ничего не происходит просто так... Я вот мечусь между несколько другими чувствами. Тем, что всё это глобальная подлость и мы у вселенной просто крайними назначены, и тем, что это, как я уже говорил, отсрочка...

Дэвид низко склонил голову.

— И ты прав. Подлость или не подлость, но разве не об этой подлости мы и просили? Разве это не ещё одно наше маленькое бегство, так нужное нам именно сейчас? Мы оба боимся встать перед рубежом, мы бежим, бежим, потому что знаем, если остановимся... Нам придётся взглянуть в лицо неизбежности закончившегося детства. Тому, что стоит за нашими спинами и ждёт, когда же мы обернёмся... Я ведь так и не выбрал касту.

— И? это ведь не долго сделать? Или тебе всё же сложно выбрать? А вообще — это обязательно? Всё-таки ты не полностью минбарец...

Дома, конечно, ждали дела, но уходить с храмового двора не хотелось. Здесь было так светло, тепло, тихо, это умиротворение, казалось, с солнечными лучами впитывалось кожей, и на душе, где отнюдь не было ни светло, ни тихо, становилось немного легче.

— В том и дело, Диус, в том и дело. Все помнят об этом, поверь. Если я не сделаю выбор... Это неслыханно. Это вопиющее нарушение традиций. Ни один минбарец не оставался вне касты, и если я буду первым таким... Это воспримут как то, что я предпочитаю считать себя землянином. Что для меня ничто тот мир, в котором я родился и вырос, моё воспитание, мои учителя, наша культура, наша вера. Что всё это лишь вынужденные обстоятельства, не трогающие моей души, что я не могу найти себя в этом мире...

— А что мешает тебе сделать этот выбор?

Дэвид посмотрел ему в глаза — тоскливым взглядом человека, который не надеется, что его проблема будет понятна.

— Не знаю. Я понимаю, всё понимаю... Я готовился, шёл к этому все эти годы. Но я не могу почувствовать, что однозначно склоняюсь к чему-то одному... Это должна быть уверенность, знание. Сильное и несомненное чувство.

— Обычно, насколько я понимаю, дети выбирают касту вслед за родителями. Твоя мать жрец...

— Угу, и ты слышал, что некоторые тут уже зачислили меня в жрецы. Со всей дальше следующей давней традицией вражды жреческих и воинских кланов. А во мне вот что-то такой уверенности нет. Я много читал священных текстов — я вообще, как ты знаешь, старался постичь максимум из того, что мне доступно. Потому что кому-то другому, а не мне, позволено будет чего-то не знать, в чём-то не разбираться... Я много видел церемоний — из тех, на которых мне дозволено присутствовать, наших священных мест, я люблю и ценю своих учителей-жрецов. Но я не уверен, что хотел бы посвятить жизнь именно этому.

— Если хочешь знать моё мнение — ты воин.

— Я? Воин?!

— Да. Надеюсь, ты не судишь о воинах по своему импульсивному приятелю? Я видел тебя на Центавре. Ты не возьмёшь в руку оружия понапрасну. Но ты не пройдёшь мимо несправедливости. Ты не отступишь перед опасностью. Никакое «невозможно» для тебя не имеет значения, если это идёт вразрез с понятием чести. Для воина это ценные качества.

— Я ненавижу конфликты. Ненавижу войну.

— Воины, любящие войну — это горе любого мира, разве нет?

— Интересное, конечно, у тебя виденье...

Тёплый шершавый камень казался чем-то живым, дружественным. Сколько же раз так бывало — они бродили среди каких-нибудь древних развалин, взбирались на каменистые холмы, на которых в таком-то столетии такой-то мудрец вещал такому-то племени такое-то откровение вселенной... О чём только они не говорили тогда. Удивительно бывало

обнаруживать тему, которой до этого они умудрялись не касаться.

— Я сказал Шин Афал, что выберу касту, когда вернусь с Центавра. Да, мы вернулись несколько в... сложных чувствах, всё то, что мы пережили, нужно было осмыслить, принять. И меня не торопили. Но я вижу, что я злоупотребляю этим терпением. И вот теперь новое путешествие, и в него я так же отправляюсь не выбравшим...

— Ну, значит, так угодно вселенной, только и всего. Может быть, именно это путешествие поставит точку в твоих метаниях?

— Центавр что-то не поставил.

— Значит, он для этого не подходил. А сейчас, как ты слышал, мы отправляемся в уникальный мир. Там, я так понял, умеют задавать вопросы и выворачивать душу для генеральной уборки... Ещё неизвестно, не покажутся ли там все наши прежние проблемы детскими. Почему тебе не признать, что это лучший экзамен из возможных, и вселенная именно его припасала для тебя? Не каждому, заметь, такое выпадает. Большинство принимают решение всей жизни куда будничнее.

— Возможно, ты и прав...

Да, надо б было подняться, пойти разыскать кого-нибудь из жрецов, кого он ещё не утомил своими бесконечными вопросами... Но казалось, он обрёл такую же статичность, как этот камень, как безмятежное небо над головой, на котором движение солнца было почти незаметно. По пустынному храмовому двору неспешно прогуливались двое вальяжных, откормленных местных гоки, щуря янтарные глаза и поглядывая на двух обуреваемых думами и терзаниями чудаков с неким пренебрежением древних и совершенных существ. В тишине было слышно цоканье их коготков по плитам.

— Интересно, конечно, было б узнать, чем заинтересовали тучанков остальные... ну, те, кто не из нашей команды...

— Наверное, у нас ещё будет возможность это узнать.

— И как-то я не понял, был ли включён Андо в круг избранных. Впрочем, я скорее удивился, если б нет. А по какому делу Андо отправился на Марс? Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Нет, он изъяснялся как-то путанно... Впрочем, как и всегда. Я только знаю, что это как-то связано со старым другом нашей семьи, мистером Гарибальди...

— Который час?

— Рано ещё. Спи давай.

— Нет уж, здесь есть какой-то подвох... — Зак, щурясь, вслепую нашарил на тумбочке будильник, — мать честная! Ты когда меня, вообще, собиралась разбудить? ...эй, ты что там такое делаешь?

— Немного осталось закончить, не мешай, — пальцы Мисси продолжали цокать по клавиатуре, — полчаса ещё что ли подремать не можешь? Невыспавшийся рейнджер — угроза безопасности.

— Нет уж, не могу! — Зак рывком сел в постели, помотал головой, пытаясь согнать упрямую сонливость, — нас тово... учат не злоупотреблять этим. Нечего переучивать меня обратно. Тем более я безопасник, наша порода стоя спит... Ты когда вообще встала? Ты вообще спала?

— Зак, у тебя по жизни возможностей спать вдоволь не шибко много, давай насыпай впрок. Я в Ледяном городе наспала, очень рекомендую. Дали ж человеку увольнительную

перед дорогой, зря что ли дали? Нет же, и насильно не осчастливишь...

— Мне её дали, чтоб я... Так, я не понял, ты что, мои материалы для подготовки там готовишь?

Мисси запахнула на тощей груди безразмерный минбарский домашний халат и наконец соизволила воззриться на нависшего над ней нахохлившейся сердитой птицей рейнджера.

— А почему бы нет? Тебе выспаться не мешает, у тебя дорога, а я остаюсь, у меня времени до чёрта. А в дразийском оружии я, извини, не хуже твоего разбираюсь, а то и лучше, Эш этим делом барьжил, я с ним ночью эти ящики выгружала, пару раз и с клиентами сталкивалась, когда парни засвечивались очень... На, проверь, если чо не так — прям при тебе перепишу, под твою диктовку.

— Но это моя работа! Это мне поручили, понимаешь?

— И чего такого? Чего не помочь-то человеку, если можешь? Ладно б по бракирийскому задали, тут бы я, может, спасовала, очень много у них мудрёных штук, они и сами не всегда умеют объяснить, как этой хренью пользоваться.

— Ладно... — Зак сел обратно на постель, растирая заспанную физиономию, — ладно. До чего ж бабы коварные твари, а. И главное, так с ходу и не подумаешь. Вот зачем, зачем ты вообще за это взялась, время тратила, чёрт знает сколько сидела... Мы два года назад отработывали уже похожую тему, я б поменял, подправил...

— Ну, вообще-то смотрела я эту прежнюю схему. Нет, прекрасно, но... Ты думаешь, «Шоштахи» можно со счетов сбрасывать?

— А что, нет? На них сто лет никто не летает!

— Это наши не летают. А ихние — ещё долго могут летать... Это в 60х за них давали неплохие деньги, это даже шиком было... А в 70х их, как устаревшие уже, продавали по дешёвке — и сами дрази, и наша ж братва тем, кто поплоче. Ну, тогда ж проще сказать, кто не сбывал, всякий утиль, что ещё на ходу, и вообще всё, за что уже стыдно как-то. Только центавриане, потому что им не до того было. Земляне после карантина тоже на рынок вернулись, движняк внесли... Так что чего ты там только не встретишь.

— Но у них же гиперпривода даже нет! Сейчас без гиперпривода только шлассены, по моему, летают, и то потому, что им особо никуда и не надо.

— Их модернизировать вообще-то можно. А пушечки у них неплохие, уж такой дрази народ, они даже на газонокосилку пушку повесят.

— Не можно. Дрази пробовали. Технически они туда не встают. А если б и смогли — я расчёт видел, толку б было тогда с тех пушечек...

— С нарнскими, поди, расчёт видел? Ну так вот, в 60 м ещё возле Шу нарнский транспортник пропал с этими движками. В воду канул. Нехило, а? Сказать, сколько их там было? Сотка. Это только о чём я знаю, грубовато потому что провернули... А сколько смародёрили ещё. Но берём эти вот, хорошо. Я за конец 60х три случая нашла, когда на дразийских и центаврианских корытах эти движки стояли, там после взрыва след характерный, ферро-чего-то там, и за 70е в общей сложности пятнадцать. Сам считаешь, сколько осталось? Да, всё верно, пушки при этом не используют — боковые, в смысле, потому что заряд для прыжка берегут. Но им всем и не надо. Три-пять таких машин, движок на одной. Видишь, которая беспорядочно носится и стреляет носовыми на минимальной мощности — синими — и накрываешь. Всё, никуда они не улетят. Больше одного «поводыря» у них не бывает. Не, я не спорю, с тем же успехом там земные и центаврианские раритеты летать могут, да и ихние хуррские тоже, не сказать, чтоб они плохи-то были для

своего уровня. Хотя свои они палить не будут, до сих пор же не палили. Но видишь ли... Вот в этом секторе патрулируют в основном нарнские. А на «поводырях», в придачу к движку, нарнская операционка ставится, а иначе никак. Так вот, нарнов ещё в конце 60х крепко задолбало, что у всякой швали нарнских кораблей больше, чем у них самих. Изобрели (давно пора было) код-вирус, который блокирует операционку. Выходишь на связь, под любым предлогом, посылаешь этот код — всё. Ну, как ты понимаешь, тут два вопроса — продал ли им кто-то этот код, вслед за движками, и если да — кто вперёд успеет этот код послать. Я, конечно, сомневаюсь, что продали, это совсем идиотом надо быть, но могли ж и иначе добыть...

— Но это... неразумно, лезть с таким хозяйством туда, где тебя отключить могут.

— Ну могут-то только с нарнских, и то если успеют... Ну, в общем, вот так у меня оно получилось. Не так уж много у меня этих дополнений вышло, не хочешь — так не принимай, а по мне так лишним не будет.

Зак ещё раз пробежал глазами записи и махнул рукой.

— Ладно, пусть ребята ещё дальше с этим поработают. Мне-то в ближайшее время как-то не судьба... Хотя даже и обидно уже. Не, ну до чего гнусный народец... Хурры, я имею в виду, с пиратами-то всё понятно. Вот непонятно, мы на эту Тучанкью едем, чтоб вот этих соблазнить всё же в Альянс вступить?

— Не вступят они. Ни хурры, ни гроумы. Рынки-то им нужны. А вот базы альянсовские под носом совершенно не нужны, слишком это в делах мешать будет. Прямо против выступить им тоже не с руки совсем, конечно, будут этими ограниченными соглашениями дальше голову морочить. А потом найдут, с кем скооперироваться в свой отдельный блок, может, это не сейчас, конечно, сейчас-то сил у них мало... Лет через несколько. Да и поймаете вы их за руку с этими нападениями — что даст? Разорвёте это ограниченное соглашение, конечно. Может, санкции на них и подействуют, война-то точно Альянсу не нужна, это ж тогда вся шелупонь загудит, которая без войны за 20 лет изнылась. А вообще пугать пиратов санкциями... А то они по санкциям что ли пиратят. А эти там, считай, целые нации пиратские... Всё равно их легальный бизнес у них так, декоративная приставка. Дураку понятно, что не зерном они живут и не минералами этими, и пираты им наши нужнее, чем всё остальное, вместе взятое.

— Вот много в мире непонятного... Чего по-другому не жить, когда предлагают, на блюдечке протягивают?

— Ой, а кто не так? Ну минбарцы, наверное, не так, у них мышление в эту сторону не повернуто. До сих пор на рынках минбарского барахла — только то, что с войны ещё осталось, да набегамы добытое, немного. На Тире пытались схему повернуть — ан не вышло, у Минбара глаза на затылке. Воинские кланы некоторые по слухам были замешаны, но не со своим торговали, трофейным чем-то. Но это, может, только слухи, этих вообще на таком не поймаете. А центавриане? Это Прима, может, в изоляции была, а колонии барьжат кто чем может, ещё попомни, кто-то из них в этот альтернативный блок, если до этого дойдёт, вступит. Земляне — что говорить, до сих пор мало не половина пиратов — земляне, и мало не половина транспорта — земной, я просто уверена, и инструкторов ихних на их базах больше, чем каких-то ещё, нарнам тут прежние позиции уже не вернуть, но их доля тоже немаленькая. Потому Нарн сейчас так и пластается, за дразийские-то границы, что 20 лет назад накосячили много. Ну, про самих дрази чего говорить, давно они что ли честной жизнью зажили? Бракири тем более... Альянс ваш — это так, цивильный костюм.

Что, в гражданском костюме уже барыгу не узнаешь? Тесно им. Всем тесно. Только одни терпят, потому что уже жирком обросли и войнушки всех со всеми им сейчас не кстати, а другие знают, что им этот костюмчик как седло корове.

— Вроде ты на сколько лет из этой жизни выпала. Что, в сети это всё за несколько часов нашарила?

— А что, трудно, что ли? Да будто и много что изменилось. Где-то кланы меняются, где-то товар новый, ну, прогресс-то на месте не стоял... А так всё то же самое, в общем принципе-то. А ты что, жил мечтой, что когда-нибудь пираты совсем как класс переведутся? Ну извини, не в этой жизни. Из альянсовских секторов они ушли, и довольно с вас.

Мисси выползла наконец из-за компьютера, села рядом с Заком, уже накинувшем рубашку, один раз застегнувшим её не на ту пуговицу и теперь раздражённо перестёгивающим по-новой.

— Самое, то есть, времечко для меня — лететь к каким-то чудикам, которым без моей... Песни никак в жизни не определиться.

Мисси обняла его за плечи.

— Вот именно что надо тебе лететь, Зак. Есть такое хорошее выражение — всей работы не переработает, это даже минбарцы иногда понимают. Слишком ты устал... Для тебя это отстранение от привычного мучительно, конечно, что и говорить, но через это мучительное пройти надо. Лучше ты там себя за бездействие грызть будешь — это недолго и не больно, чем всё больше и больше за то, что искоренить то, что для тебя неприемлемо, ты не можешь. Ты безопасник, а я хоть мало безопасников знала, правда, зато кого знала — либо это такие, кто с существованием преступности и подлости, мерзости всякой мириться научился, а то и в долгу вошёл, либо вот как ты, гнать будут, как гончая, пока не сдохнут.

— Ну ты чего из меня героя рисуешь, чего? Где я герой-то? Ты уж в красных словцах-то маленько того... попереборчивей будь. Герой вон президент, со всех сторон герой, хоть книжки пиши. Маркус, что и говори, вообще рейнджерская икона. Рикардо, скотина, героем был... А я обыкновенный, я нормальный. Работа такая, героизма тут нет.

— Работа, Зак, она в личном деле, работать и в лотке цветочном можно, будто б тебя в цветочники не взяли. Что-то ж ты не нашёл ничего другого, как окончательным безопасником стать, в галактическом масштабе. Ну так и правильно, и не нашёл бы. Ты правильный парень, и ты за правильную жизнь. И думаешь, что вот закон, и надо его соблюдать, а кто не соблюдает — наказывать. И всё тогда будет хорошо... Но ты ведь понимаешь, что негодяи, которых ты ловишь за руку, не были бы столь нахальны, если б не имели покровителей очень высоких... Их ты не достанешь, хотя очень, конечно, хотел бы. Да даже если бы и достал... Это не поможет жить с тем, что закона только мало, чтобы зла не было. Кажется, что зло приходит с окраин, из диких мест, а здесь всё чисто, здесь построили нормальную жизнь... Но корни этого зла здесь, оно отсюда приходит, и будет приходить, и не помогут тут законы, и вся эта борьба...

— А что поможет — проповеди?

— Ну, иногда помогают. Ты всё-таки рейнджер, ты не должен над этим очень-то смеяться. Так вот, в том всё дело, что люди думают, что дороже всего — деньги, очень большие деньги. Или очень большая власть. Или сытость, безопасность. Не важно, что, но вещественное, внешнее. А на самом деле самое дорогое, что у них есть — это их душа. Даже не здоровье, и не семейное их состояние. Душа. Но об этом мало кто помнит, как мало кто помнит и ценит то, что досталось бесплатно и кажется неотъемлемым... Гравитация,

например, кто благодарит жизнь за её существование? Или кислород в наших клетках... Кто-то просто в душу не верит, ну, или скорее слово такое не любит. Или не задумывается... Кажется, что это смешно, как и смешно по молодости, что алкоголь и дурь всякая здоровье портят, кончится оно однажды. Но для организма средства есть всякие регенерирующие, и печень можно новую пересадить, а для души такое пока не придумано. Человек, когда видит на снимке, с какой печенью он живёт, или что с кровью у него стало, в ужас придёт, а про душу это так и за всю жизнь не поймёт.

Зак накрыл её ладони своими.

— Ну да, ты права. Раньше б я смеялся, конечно. Ну, про себя смеялся б всё же, нехорошо о таком вслух, опять же на Вавилоне ещё приучили ко всяким чудикам с терпением и пониманием, во избежание дипломатических скандалов... А сейчас вообще не буду. Много было, много и увидел и услышал, тут поверишь и в чертовщину и в... как это наоборот-то тогда назвать?

— Ты поверил, и то ладно. А я, Зак, душу вижу, не забывай.

— И какая она у меня? Хотя не уверен, хочу ли я слышать это... С Дэвидом вон говорил, про поиск себя и про чистоту души, теперь зло берёт — зачем, ему в его годы так что ли мало досталось... И как мы жить вообще будем, Мисси? Зачем ты со мной связалась? У рейнджеров семей не бывает, Иванова вон пробовала, ну и что вышло из этого?

— Вот так и будем. Я хоть не рейнджер, конечно, но тоже дело у меня такое, не я себе хозяйка, а дело моё. Так вот и будем — встречаться, когда возможно, а в остальное время просто помнить и думать друг о друге. Минбарцы многие так живут, и ничего, не сказать, чтоб они несчастные все...

Он сгрёб её на руки, покачивая, тонкую и хрупкую, как ребёнка.

— Зло меня берёт, да. Нашёл себе бабу, что ни говори. Телепатку, мозгоправку, да ещё не раньше же, а когда сам рейнджер... Ну понятно, раньше б не нашёл, не готов был и всё такое. Но ведь правда, только привык жить без этого, а теперь как? Некоторого мужика, Мисси, до лакомого допусти — он в животное превращается. Вот я такой.

— Тебе будет лучше, когда отправишься в путь. Будешь раздражаться, злиться сперва, но потом будет лучше. Потому что тебе всегда лучше, если ты делаешь то, что от тебя требуется. Если б сейчас ты остался — то потом заел бы себя. А там мир, какого ты раньше не видел. Всё другое. Хоть немного побудешь там, где всё другое, где о другом придётся думать...

— Да уж сейчас прямо. Всё равно о двух вещах думать буду — о пиратах этих и о тебе. Так говоришь, словно к морю на курорт отправляешь, отдохни мол, расслабься, смени обстановку. Рейнджеру, запомни, нигде курорта нет.

— Посмотрим, посмотрим... Не переживай, побудешь уж без своих пиратов. Они тебя дождутся, не эти, так другие, этого дерьма ещё много припасено. А я — тем более дождусь. Куда уж я денусь теперь.

Прибытие корабля с Тавиты состоялось через два дня после отбытия делегации на Тучанкью. Сьюзен, искренне старающаяся держаться бодрячком, лениво корила себя за то, что не выспалась загодя. Прекрасно понимая, впрочем, что и не могла. Просто потому, да, что Таллия перебирала её волосы — легко и ласково, совсем как тогда, и рассказывала ей о том, как узнала о назначении на Вавилон, как её подруга Кима и завидовала ей, и опасалась за неё — ведь все знали о судьбе предыдущих станций, и всё ещё опасались, что и с этой случится что-нибудь нехорошее... “А со мной обязательно случится что-нибудь хорошее, —

сказала тогда Таллия, — я уверена в этом”.

“Скоро у нас будет, наверное, одна память на двоих... — думала Сьюзен, прикрыв глаза на коленях Таллии, слушая её голос, как самую сладкую музыку, — я чувствую её мысли... Всегда рядом с собой... Благодаря ей я теперь знаю, что мысли людей, их внутренние голоса отличаются, не только по содержанию. Её мысли такие лёгкие, как прозрачная вода, как последние дождевые струи перед тем, как после дождя снова проглядывает солнце...”

По трапу, в сопровождении сборного отряда военных аббаев и рейнджеров, чинной процессией спускались прибывшие. Сьюзен, которую, как и всех собравшихся, разбирало немалое любопытство, вытянула шею. Она уже много раз пыталась представить себе маленьких дилгар, пока что-то никак не получалось.

— Ишь ты, какие... котята...

— Скорее уж — рысята.

Президенту Шеридану, похоже, было слегка не по себе под прицелом ста пятидесяти пар жёлтых внимательных глаз, которые какими-какими, но детски-наивными назвать язык не повернулся бы. Но голосом он этого не выдал.

— Я, к сожалению, как и большинство присутствующих, не владею дилгарским, но думаю, вы меня понимаете. Судя по тому, что аббайский, например, вы неплохо знаете... Тем лучше. Хотя бы языковой барьер не будет стоять на пути взаимопонимания. В остальном... я сказал бы — “добро пожаловать в ваш новый дом”, но это не будет верным, это первый дом в вашей жизни. Надеюсь, он вам понравится. Здесь вам ничто не угрожает.

Дети переглянулись, как показалось Сьюзен, с усмешкой.

— Это у вас нормальное приветствие военнопленным? — Шеридан не ошибся, земной язык они знали.

Вот Шеридан усмехнулся, даже не скрывая этого.

— Вы не военнопленные. Во-первых, никакой войны сейчас не происходит, во-вторых, даже если бы происходила — едва ли вы бы в ней участвовали.

— Откуда такое мнение?

По рядам встречающих пронёсся тихий ропот — и тон этого ребёнка, и выражение его лица были не просто дерзкими, а, прямо скажем, провоцирующими.

— До педалей в машине не дотянетесь. А пехота, полагаю, не ваш уровень. Каковы бы ни были планы ваших создателей, это не имеет значения. Вы дети, только дети. И вам предстоит учиться, выбирать профессию, строить свою жизнь...

— По вашим законам? — спросил другой ребёнок. Голос его был тоньше, Сьюзен предположила, что это девочка... впрочем, уверена она не была. Возраст один, одежда одинаковая, никаких украшений или прочих отличительных признаков...

— Да, вот тут вы правы. По законам Альянса, на территории которого вы живёте. Я думаю, вы прекрасно знаете, что мира, где действовали ваши законы, больше нет. И думаю, не ошибусь, полагая, что если б вы хотели разделить его участь, вы бы успели это сделать. Реальность несколько отличается от той, к которой вы готовились, и без помощи в ней вам не обойтись.

— Вы надеетесь перевоспитать нас и сделать солдатами своего режима? — перебил второй.

— Или просто надеетесь, что мы забудем, кто мы? — продолжил первый.

— Как тебя зовут? — внезапно спросил Шеридан у этого, самого бойкого, ребёнка.

Вопрос привёл дилгарёнка в недолгое замешательство.

— Вы имеете в виду имена? Их у нас нет. Только номера. Я — А8-1. А8 — кодировка нашей лаборатории, 1 — номер моей капсулы. Имена нам полагалось дать позже, по итогам наших заслуг.

— Вот что, молодой человек. Можете считать меня старомодным, но у нас так не принято. Имена вы получите авансом, а заслугами как-нибудь потом отработаете. Если вам не безынтересно, дадите консультацию по традициям дилгарского имянаречия, в противном случае ваша дальнейшая самооценка будет зависеть от фантазии ваших опекунов и наставников. Сейчас вы будете временно размещены в здании Альянса, после чего Сьюзен, — он кивнул на подошедшую Иванову, — займётся вашим распределением по новым местам проживания.

— Распределением? По новым... местам? — на лице А8-1 мелькнуло беспокойство.

— Да. Не так мал Минбар, чтобы распределить по нему сто пятьдесят детей, а есть ещё колонии... Думаю, мы справимся. Да, я достаточно объективно вас оцениваю, чтобы понимать, что ваш страх возможной разлуки едва ли обусловлен сентиментальными соображениями. Но для наилучшей акклиматизации вас недопустимо держать всех вместе. Это как для изучения языка необходимо погружение в языковую среду без искушений общаться только с соотечественниками — история показала, что в эмигрантских диаспорах дети часто вообще не знают языка страны, в которой родились. Но потом им всё же приходится выходить за пределы их маленького мирка, и у них могут сложиться проблемы. Так что — для вашего же блага.

— Какой хорошенький! — Маркус потрепал по голове одного — светло-светло рыжего, почти персикового, — Сьюзен, давай этого к себе возьмём? Девчонки, думаю, рады будут. Помнишь, они досадовали, что медленно Уильям растёт... И им полезно будет, согласишься, хоть попрактикуются в устной речи. Две дочки, два сынишки для ровного счёта...

Юный воин давно не существующей дилгарской армии был близок к обмороку...

— Думаю, ему надо дать аббайское имя, — заявила Софья, — он же родился на аббайской планете, так? Я знаю несколько очень красивых аббайских имён...

— Этих рыбоголовых? Нет уж! — мальчик невольно жался к стене, похуже, побаиваясь бойких девчонок.

— Они не любят, когда о них так говорят! — укорила Талечка.

— А я что сделаю, если они такие и есть! Жуткие уроды! Страшнее только дрази!

— Не понимают некоторые своего счастья. Вот оказались бы они не у аббаев, и вообще не было б Альянса — их бы убили, или ставили бы на них опыты!

— Сонь, нехорошо так говорить!

— Но это так! Благодарность-то элементарную нужно иметь!

— Благодарность? Вы просто непроходимо глупы, надеетесь использовать нас в своих интересах!

— Ой-ой-ой, и как, интересно? На что вы годитесь-то? Сам себе ведь поесть приготовить не сумеешь!

— Ну Сонь, он же не виноват, что у нас тут всё совсем другое, чем... И вообще, он и так нас боится!

— Боюсь? Я — вас, убогих?

— Может, мы и убогие с твоей точки зрения, но мы-то — телепаты, а вот вам, увы, ваши создатели эту способность передать не смогли. Так и не смогли, сколько ни пытались,

отделить этот ген от генов врождённых заболеваний. Ничего не поделаешь, либо физическое совершенство, либо пси-способности, что-то одно. Правильно я говорю, Сонь?

— Ага. Видимо, ворлонцы так хотели поучить их уму-разуму, чтобы им приходилось терпеть среди себя больных и немощных. А если их пси-способности естественного происхождения — а я слышала, у дилгаров телепатов было очень-очень мало, не то что вон у нас — значит, это просто компенсация. Ну, когда ребёнок слепой или глухонемой, или всё это вместе, то у него развивается способность общаться мысленно, а если у него всё здоровое, вот как у него — так зачем ему это? Вот и получается, что теперь у дилгаров совсем не будет телепатов. Хуже, чем у нарнов, у тех хоть спящий ген...

Мальчик понимал, что вот так переговариваются между собой вслух они специально для него. Им ничего не стоило бы общаться мысленно. Это было как-то обидно, эти определённо низшие существа не то что не сознавали своей ущербности, но даже смотрели свысока на него. И сила не давала здесь преимуществ — если он побьёт их, его самого, чего доброго, побьют их родители... И, чего доброго, отошлют куда-нибудь, где условия будут хуже... Значит, придётся расположить к себе здесь хоть кого-нибудь...

Маленький шаттл с необычной пёстрой делегацией неспешно бороздил гиперпространство. Дорога, как это часто бывает, располагала к разговорам.

— Я слышал, — проговорил Брюс, — приземлиться на Тучанкью требует большого искусства. Планету почти целиком окружают плотные облака метеоритов и газа, что затрудняет связь... Часть этих глыб взорвали, расширив прозоры, но всё равно приходится месяцами ждать, пока источник сигнала совпадёт с таким прозором...

Зак кивнул.

— Да, это печально. Тучанкью много чем неудобное место, это одна из причин, почему Центавр таки от них отступился. Сложновато и дороговато стало её держать... И представляю себе, каково было центаврианам там, письмо домой просто так не пошлешь и не получишь... Если тучанки пойдут на сотрудничество, мы, конечно, займёмся дальнейшей очисткой орбиты, а пока, конечно, придётся сложно. Ну, Мисси знает об этом, и не удивится, что я долго не пишу...

— Зак... Почему? Ну, почему вы вместе, ты и Мисси? Нет, не хочу сказать, что это как-то нехорошо, что Мисси чем-то нехороша, просто... странно, неожиданно.

Для Зака этот вопрос тоже был неожиданным, он долго молчал, пытаясь подобрать слова.

— Ну, с моей-то стороны всё, я думаю, просто. Мы с ней через то ещё приключение вместе прошли, и она... Женщина, Брюс, должна быть не просто чем-то, чем любишься и налюбоваться не можешь, любоваться-то и издали можно... Мисси — идеальный товарищ. Ты разве не замечал? Есть вот люди, которые знают и умеют что-то очень хорошо, но только что-то одно. В чём-то другом их и спрашивать смысла нет. А Мисси можно попросить о помощи в чём угодно. Она много где бывала, что-то слышала, чему-то училась... Немного разбирается в оружии — разобрать-собрать, зарядить, да и стрелять, в механике — до степени мелкого ремонта, в лекарствах... Ей случалось перевязывать раненых, сбивать со следа шпионов, покупать у всяких тёмных личностей всякие штуки, о которых мы с тобой представления не имеем, да ещё и разбираться в них... И она, понимаешь, не сделает за тебя всю работу, но сможет помочь тебе хорошо её сделать. Это вот как... левая рука. Не ведущая, вроде бы, у большинства-то людей, а без неё трудновато. А ещё она... ну, всё и всегда

стремится понять. И помочь. При том, что людей, казалось бы, не с лучших сторон видела. А не утратила чего-то вот такого... детского. Я думал, я ей должен глупым казаться... а не кажусь.

Брюс кивнул.

— Просто мне казалось, тебе другие женщины нравятся...

— Я, Брюс, не телепат, но догадываюсь, о чём ты, и сейчас тебя стукну. Нравятся — это немного не то слово... У меня тут, как бы, вопрос был... Ну, бывает, что у тебя как бы один большой вопрос к человеку. Только вот не факт, что тебе за всю жизнь на него ответят.

Комментарий к Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 3. Вопросы без ответов

В сериале хурры и гроумы вообще-то уже были, и надо думать, в Альянс могли войти. Но особо они не светились, не звучали, и здесь я их сделал недавно вышедшими на сцену расами. Просто чтобы не придумывать стопиццот новых, это и так потом придётся делать.

==== Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 4. Песня Сознания =====

Только ты — туманы гор, брызги дождя в лицо,
Водопады, рождаемые поднебесными снежниками,
Берега блужданий в поисках вечности.
Только ты — знамя победы в мозолистых руках,
Тишина безбрежной глади, нарушаемая изредка
Взмахами крыльев, рожденными далекой песнею,
Эхом гуляющей по отрогам Нинчурта...
Только ты — камни, хранящие души шаманов,
Слепые ночи длящиеся бесконечно долго,
Рождая непостижимые картины бьющегося вдребезги времени и пространства.
Только ты можешь слышать меня через тысячи лет,
Придя на эту землю, дыша этим воздухом, слыша взмахи крыльев,
Чувствуя мое присутствие... я рядом.....
«Невидь»

По белым стенам тюремной камеры скучно скользили лучи солнца. Кто придумал красить стены камер в светлые тона? Вроде как, не так мрачно получается... А спросили бы очень многих — услышали б, что белый ещё терпимо, разве что напоминает сумасшедший дом... Хуже бежевые, зеленоватые, пастельные тона... Какая вообще видимость заботы нужна тому, кто точно знает, что его даже уже не ненавидят. Без всякой телепатии знает...

Странно, сейчас тишина уже стала привычной. Всё труднее вспомнить, как когда-то было иначе. Шум с улицы иногда напоминает...

С огромным усилием, преодолевая уже обычную последнюю пару лет сонливость, он поднялся, подошёл к окну. Забранное частой решёткой, сперва через него вообще невозможно было на что-то смотреть... А теперь он так же не мог вспомнить мир без этой сетки, как и без тупо ноющей тишины в голове.

На площади что-то происходило. Он давно уже не способен был испытывать к чему бы то ни было живой интерес, заставлял себя из каких-то последних остатков упрямства — из странного человеческого инстинкта продлевая агонию, чувствуя, что смерть тем ближе, чем

меньше чего-то разного он видит. Одна и та же камера, один и тот же пейзаж за окном, одни и те же даже охранники и врачи все десять лет — а может быть, конечно, просто похожие, давно замечено, люди в таких заведениях становятся безлики, часть этих стен, плоть от плоти этих замков и решёток. Поэтому он заставлял себя обращать внимание на детали. Просто чтоб отличать один день от другого. Чтобы время не застывало густым желе, чтоб сам он не застывал как мумия на койке у стены — как продолжение койки и стены, каковым он однажды и станет, не было этого пугающего его ощущения, что он проснулся во вчерашнем дне, который был точной копией позавчерашнего, что в жизни осталось всего несколько поочерёдно повторяющихся дней — день визита врача, день визита парикмахера и просто день, без событий. Он цеплялся за любые детали, отличающие один день от другого, новую заколку в волосах женщины-врача, новую мелкую царапину на руке сопровождающего её охранника — то ли боевое ранение при посещении какого-то более буйного обитателя этого прекрасного места, то ли дома у него живёт кошка... Он учился отличать оттенки во взгляде — как меняется жгучая, еле сдерживаемая ненависть через брезгливую жалость к полному равнодушию. Сейчас они уже не видят в сторбленной фигуре, закутавшейся в одеяло, опасного злодея. Сейчас он по определению не мог вызывать ни ненависти, ни страха...

Он смотрел вниз, вглядываясь в крошечные человеческие фигурки. Уже не размышляя, как раньше, кто эти люди, какой жизнью живут, насколько бездумно пьют солнечный свет и свободу, просто отмечая детали. Медленно, преодолевая сонность сознания, разбирал эту огромную толпу на отдельные элементы. Женщина в красном пальто или плаще, толстяк в шляпе, высокий военный, несколько школьников, женщины в тёмном — наверное, монахини, вряд ли они все вдовы... Хотя, ведь там, кажется, открывают какой-то монумент... Может быть, погибшим при какой-нибудь аварии на производстве... Новостей он давно не знал, из его редких посетителей немногие готовы были говорить об этом. Усиленный микрофоном голос разносился над площадью, но он не мог разобрать ни слова. Вряд ли монумент военным, военных совсем немного. Кажется, много семей — женщин, детей... Мелькают тут и там полицейские формы, репортёры резво перебегают, несмотря на внушительный груз видеопаратуры...

Он повернулся к окну спиной, прислонясь к подоконнику. Кажется, врач должен быть сегодня... но опаздывает... Он вспомнил с улыбкой, как раньше радовался таким случаям — их было за все эти годы совсем немного. Борьба двух наркотиков в организме — золотистой жидкости из шприца, убивающей его личность, и этого самого странного инстинкта, жажды жить... ухватить маленький лоскут прежней жизни, ещё что-то услышать. Как его сперва и злило, и веселило, что многие из них, видимо, обучены технике безопасности по обращению с такими, как он — в их мыслях только какая-нибудь легкомысленная песенка, или стихотворение, или параграф из школьного учебника... Как поймал себя на забавной обиде — может быть, ему вовсе и не эти их важные-секретные сведения нужны, толку ему тут от них всё равно немного, он не дурак, он не таит иллюзий сбежать отсюда, может, он просто хотел услышать этот обычный поток житейской ерунды... Впрочем, думать об этом не хотелось. Ни о какой сентиментальной чуши. Чувства тоже остались все там, в другой жизни. Вспоминается в тумане, и как не о нём. Лицо Офелии, дочка — там, в зале суда. Она не плакала — слишком велико было потрясение... Одним из последнего, что слышал он в жизни — её горечь, её ненависть. Как ей жить теперь с его фамилией, со знанием обо всём, что он сделал...

Она всё реже бывает здесь. И правильно — нечего ей здесь делать. Ведь и сама понимала, что нечего... Кричать на него, обвинять, спрашивать — зачем, для чего... Просто смотреть, давясь смесью отвращения и непонимания, пытаюсь уложить в голове... Хватит с тебя, дочка. Хватит того, что извиняешься перед людьми за то, к чему не имеешь отношения — потому что от него-то извинений никто не ждёт...

Вот Кэролин всё равно ходит. Всё равно зачем-то ходит, хотя много раз он говорил ей не делать этого. Что надеется здесь получить? Прошлое прошло, умерло. Неужели она наивно ещё на что-то надеется? Ему никогда не выйти отсюда... Она рассказывает новости, приносит книги, она вытребовала у начальника охраны больше поблажек, чем он вправе был рассчитывать из христианского милосердия. Она забирала у охранника поднос с обедом и сама кормила его, по праздникам она приносила ему кексы. Помогала ему принимать ванну, один раз сама подстригла его, решив, что тюремный парикмахер это делает слишком небрежно. Впрочем, волосы здесь отрастают медленно... Сама Кэролин так и не вернула в полной мере свои прежние шикарные волосы, мягкая шелковистость которых сводила с ума. Операция, которая вернула её к человеческой жизни, стоила очень многого её организму. Она приводила Ала, так он узнавал, что в школе сейчас каникулы... Мальчик чувствовал себя здесь определённо неуютно, и очень мало говорил... Ему, впрочем, и не хотелось знать, о чём думает и что чувствует этот ребёнок. В любом случае страшно — ненавидит ли он его, как Офелия, или любит, как мать... Он не носит его фамилию, но Кэролин ведь не скрывает, чей он сын...

Он вынырнул из омута памяти, услышав что-то за дверью. Кажется, кто-то разговаривает — тихий бубнёж вполголоса. Изо всех сил он прислушался — не важно, о чём это, насколько пустячна и обыденна тема. Ушной клещ у тёщиной собаки, прогноз погоды на выходные, или насколько дерьмовый нынче в автомате кофе... Жизнь, которая совершенно его не касается. Которой у него нет.

“Он даже не предполагает...”

У него ёкнуло сердце. Совершенно невероятно, чтобы вот так, через десять лет заточения с еженедельными инъекциями, лишь оттого, что врач задержался на час...

Голоса звучали как разные, но это был один человек. Он просто вспоминал, прокручивал в голове уже состоявшийся разговор. Потому что подошёл к двери его камеры, вот и подумал об этом...

“Всю жизнь прожил, не зная, кто он такой... Бедные дети Корпуса, какие они жалкие...”

“Каково б было узнать-то... Всю жизнь плевал в лицо отцу и матери...”

Мелькнул, смазанно, как в объективе трясущейся камеры, этот памятник, что там, внизу. Круглое лицо женщины откуда-то знакомо...

“Ну, оно хорошо, памятник... Должен народ знать... История воздаёт...”

Его лицо... Из тумана памяти — детство, если его можно так звать — лицо пухленькой медсестры, ставившей их классу прививки... “Какой ты хорошенький мальчик, Ал. Наверное, на маму похож?” Пожатие плечами. “Ой, ты даже не помнишь маму?” Помотал головой. “Бедный... Ну наверное, тебе рассказывали о ней?” Она нормалка, эта медсестра... Она ничего не знает, просто ставит прививки... Просто думает, что мальчик — бедная сиротка, о родителях даже ничего не известно... Ой, не может быть, чтоб такого хорошенького мальчика бросили... Наверное, его родители умерли, а ему не рассказывают о них, чтобы не расстраивать...

На руках мужчины — младенец. Крупные складки пелёнок проработаны скульптором довольно небрежно, а вот лицо — наоборот, хотя какое там лицо... Обычное младенческое лицо, все младенцы одинаковы...

“Все думают, что ребёнок погиб вместе с ними...”

“Лучше б так и было, ага...”

“В гробу, небось, теперь вертятся — для чего родили, чтоб вырос как все те, кто их убил...”

Лицо Фионы Декстер — его лицо... С поправкой на то, что нос, кажется, всё-таки папин...

Нет, он никогда не понимал этого дурацкого сочувствия, как у этой вот медсестры. Что значит — он сирота? Корпус — отец, Корпус — мать, лучше родителей и не придумаешь. Ему никогда и не хотелось этих обычных человеческих глупостей — чтобы у него были отец и мать...

Хотя нет, услужливо подсказала некстати прояснившаяся память, однажды хотел. Когда его одноклассника навещала мать...

Эта женщина, в отличие от многих, легко пошла на сотрудничество с Корпусом, положительно отзывалась о Корпусе в местной газете, поэтому ей разрешали свидания с сыном. Корпус использовал эту семью как агитку... Женщина без конца обнимала мальчика, нахваливала, как он вырос и похорошел, говорила, как гордится им. Тогда ему подумалось, на какой-то миг, самым краем сознания, что ему тоже хотелось бы, чтоб им гордилась мама...

“Ну а зря, что ли, у них была политика замалчивания всех родственных связей... Когда все эти архивы раскопали — вон же что было... Некоторые в каком шоке были, когда узнали, что они родственники... А одного, слышал, вообще умудрились на сестре женить... Уровень высокий, а генетической совместимости больше ни с кем не нашли... Ну, когда для них что святое-то было...”

Фионе Декстер, где бы она ни была сейчас, гордиться было определённо нечем.

Он бы даже подумал, что это всё какая-то изошрённая подстава, но мысли охранника были слишком настоящими, слишком подобающе путанными. Слишком убедительно металась по цепи ассоциаций.

Ему, впервые настолько сильно, явственно, захотелось, чтобы Кэролин пришла. Он почувствовал вдруг, чем были, что означали все эти их встречи здесь, их чаепития, когда она поддерживала под доньшко его чашку, если у него слишком дрожали руки. Это не оплата тех других их чаепитий в корпусовском изоляторе, когда, забыв на время о том, кто здесь “меченая”, а кто пси-коп, пытающийся не мытьём, так катаньем склонить её к сотрудничеству, она звонко смеялась над его шутками, и постепенно пустело блюдо со сливами, которые она безумно любила. Он много раз просил её не оплачивать никаких долгов, не думать даже об этом. Нет, аккуратно разделяя пластмассовой ложечкой его любимый пирог — сюда нельзя проносить металлическую посуду, не то что ножи — они жили, и оба это понимали, ещё и какой-то другой жизнью, которая не здесь, неведомо где, которой на самом деле нет, которой он никогда, до сего дня, не желал.

Впервые он задумался об амнистии, просто вспомнил это слово. Он ещё не слишком стар, но вряд ли ему осталось много. Здоровье не то... Слишком давно не то... Если б его отпустили... Хотя бы на последний год, даже на полгода. Он остаток жизни прожил бы в наркотическом сне, но по крайней мере, не сне с пустотой без мыслей, без желаний. Они

купили бы дом за городом, с садом... Кэролин по утрам отвозила бы Ала в школу, а сама ехала на работу, а он ждал бы их, неторопливо, как все старики, бродя по дому, или читая на террасе любимые книги Кэролин, снова удивляясь, как ей может нравиться такая ерунда, с такими примитивными сюжетами, или переругивался с соседом, опять не уследившим за своими мопсами, обожающими рыться почему-то именно в клумбах Кэролин... Жизнь могла быть, наверное, и такой. Если бы всё сложилось иначе... Если бы он ушёл из Корпуса с Кэролин — как когда-то, безумная, она его уговаривала... Если б он стал подпольщиком, как его родители, которых он никогда не знал. Они б победили — ведь подпольщики победили, а когда-то, за чаем с заклятыми друзьями, которые теперь сидят в соседнем крыле этой же тюрьмы, они смеялись над самой этой мыслью... И они купили бы этот дом с садом. И сосед здоровался бы с ним уважительно, как с ветераном, и ни за что не отпускал бы своих мопсов без присмотра... И Офелия приходила бы к ним в гости... С удивлением, спустя столько лет, узнавая, куда когда-то давно бесследно исчез её отец... Если б родители не погибли... Они б вырастили его тоже подпольщиком, и он был бы одним из этих смешных героев с горящими глазами, и товарищи добродушно подшучивали бы над его малым ростом, над тем, что его возлюбленная, которую он в очередной блистательной операции освободил из корпусовского лагеря, выше его... И маленький Ал тоже радовался бы их победе, хотя и не вполне понимал бы, по малому возрасту, что произошло... Если бы вообще не было во вселенной никаких ворлонцев, и они были бы обычными людьми, он работал бы каким-нибудь неприметным клерком, а Кэролин, конечно, была бы фотомоделью, и мама, может быть, была бы жива, и долго ворчала бы, как можно было вот так терять голову, когда ты уже не мальчик, у тебя семья, ребёнок... И Диана угрожала бы при разводе, что запретит ему видеться с Офелией, но всё равно отпускала её на каникулы в дом отца, и она играла бы с маленьким братиком, и это мама, старенькая-старенькая, ругалась бы с соседом, что его мопсы опять утром разбудили её своим лаем... и может быть, они б даже никуда никогда не уезжали с Земли, космос видели только на картинках...

Хорошо бы, если б Кэролин пришла... Услышала его сейчас... Ведь ей никто не колет ничего... Она может слышать его мысли — те жалкие прозрачные лоскуты, обрывки, в которых он уже не пытался собрать себя, свою память, свою волю. Ни гордости за былые удачи, ни ненависти и презрения к победившему врагу. Никаких планов, никакой мечты о свободе и тем более о реванше, как ждали от него поначалу. Одно лишь жалкое: “Жив ли я ещё? В рассудке ли? Или душа, как в сфере охотника за душами, навеки заперта в этих неизменных стенах, с неизменными охранниками, с неизменным небом в частой решётке, раз за разом прокручивая один и тот же, мне назначенный кошмар, мой ад...” Кэролин напоминала, что он ещё жив. Что дни сменяются. Она каждый раз надевала разные платья, по-разному причёсывала волосы. Охранники удивлялись этому. Она понимала...

Пришла бы... Он бы сделал то, чего она так давно хотела... Ткнулся в неё, как маленький, причитая — почему же, за что же его жизнь была именно такой...

Они приземлились с опозданием в час — в плотном газовом облаке, окружающем Тучанкью, не слишком маневренному шаттлу пришлось сделать хороший круг, чтоб избежать столкновения с метеоритом. Впрочем, делегация терпеливо ждала их. Прямо за сетчатым забором, окружающим космодром, расстилалась степь. Это было так необычно, странно, чудно, что он невольно замедлил шаг. Дикий простор... Такого он не видел никогда, даже на Центавре... на этих окраинах... Низко нависшие сизые тучи, в рваных

ранах проглядывает розовое небо, тревожно шумит на ветру голубоватая, с металлическим отсветом, трава... Если б был художником, он непременно нарисовал бы это. Вот только был ли бы смысл. Живопись, да... Живопись — то, что он особенно высоко ценил в культуре Центавра. Имеет ли эта ценность какую-то ценность здесь? Тучанки фактически слепы. У них нет никаких аналогов глаз, они не способны читать текст — в качестве алфавита здесь используется аналог земного шрифта Брайля. Впрочем, они ориентируются не только на слух или запах, они каким-то образом знают, каков мир вокруг них, органами чувств им служат подвижные отростки вдоль позвоночника, и это несколько шире, чем ориентировка в пространстве по эхолоции, как у летучих мышей и глубоководных рыб. Они различают ночь и день. Они имеют понятие о цвете... они знают, что такое туман, что такое блеск молнии и краски заката. Просто чувствуют, а может быть — и от этой мысли даже как-то не по себе — передают друг другу, память ещё с давних времён, когда, возможно, у тучанков были глаза, или может быть, их психокинез настолько развит, что они способны считывать ауру предметов...

Во всяком случае, в этот миг, когда они стояли напротив — семеро странных, в чём-то даже нелепых существ с безволосыми, безглазыми головами, с неприметными дырочками ртов — он ощутил некую оторопь, чтоб не сказать робость. Всякий другой случай, когда ему казалось, что перед ним стоит существо чуждое, непонятное, показался ему сейчас преувеличением. Все они — центавриане, люди, минбарцы, нарны, дрази — похожи между собой. Это вот они — другие. И даже не внешне — всё-таки они антропоморфны, две руки, две ноги, и кажется, они тоже делятся на два пола, хотя внешне отличить мужчину от женщины неподготовленный не сможет. Нет, они совершенно другие внутренне...

Один из группы, выделяющийся наиболее пёстрой одеждой и наиболее пышными ожерельями из костей, зубов, перьев, обточенных камушков сделал шаг вперёд и запел. Приветственная песнь, догадался Винтари. Сочинённая специально по случаю их прибытия. В дороге он немного пролистал справочник по языку, но больше для общего развития — запомнить что-то из этого за время пути нечего было и надеяться. Однако у него было ощущение, что он всё понимает. Надо полагать, и исполнитель, и его спутники параллельно транслировали значение прямо в его сознание. Не словами, а образами, даже ощущениями. Да, с телепатией такого вида и уровня он не сталкивался. Они проникали очень глубоко, при том ощущение было совершенно иным, не сравнимым ни с чем. У любого телепата, центаврианского то будь, земного, минбарского — и при сканировании, и при транслировании чувствовалась его личность, даже если он не планировал представляться полным именем. Чувствовалось отдельное “я”, которое за этим стояло. Здесь же он словно смотрелся в большое зеркало. Зеркало мира... Пение по общепринятым меркам едва ли могло считаться благозвучным, но странным образом очаровывало. И казалось, что обращено было именно к нему. Словно ему, в беседе при знакомстве, рассказывали...

По дороге он думал — тучанкам ведь, можно сказать, повезло. Их мир легко мог погибнуть, стёртый ворлонским “планетоубийцей”, если бы размещённый здесь его отцом гарнизон Теней в полном составе не был вызван в сектор, охваченный сражением. Какое дело было метрополии до далёкой Тучанкью, до оставшихся там их сограждан, когда сама Прима Центавра могла перестать существовать...

В песне было и об этом. “Они пришли к нам, они были здесь, они стали частью нашего мира, частью нашей Песни... Они меняли нашу Песню, Песня меняла нас. Чернее самой тьмы, они ненавидели нас, и охотно убили бы, но заставили служить им. Чёрное солнце

взошло над нами, и нигде не укрыться было от его лучей... Они пели свою Песню, и сотни, тысячи сходили с ума, и мы не могли всех спасти, и кому-то приходилось убить всех, а потом убить себя, чтобы спасти остальных, остановить их волну... По мёртвым городам ходили уцелевшие безумные, и их крики вторили песне чёрного солнца...”

Он понимал. Он пытался понять. А потом он почувствовал, что ему придётся понять... Он уже слышал о влиянии Теней на сознание человека, который видел их слишком близко — хорошо, если через какое-то время прекращались эти сны, полные чистого, неизбежного, концентрированного ужаса. Он помнил его в глазах своей няньки, мечущейся по комнате и шепчущей молитвы, и был безмерно благодарен ей за то, что она не дала ему получить представление об этом ужасе. Что Тени остались для него да, древней, да, могущественной расой, способной на огромные разрушения, способной подчинять себе... Но не этим выворачивающим нутро чёрным сверлом. А как они воздействовали на тех, для кого нормальное свойство — соприкоснуться сознанием?

“Они пришли, они стали частью нашей жизни, частью нашего мира, хотя их не должно было здесь быть никогда. А теперь, когда они ушли, нам нужно учиться жить без них... Пройдёт время, и изменится наша Песня, снова станет чистой от тьмы, и сейчас мы слагаем её, эту новую Песню. Друзья вы ей или враги?”

“Мне... Жаль. Не знаю, поверите ли вы. Не знаю, считаете ли, что я тоже в ответе за это, или просто ждёте понимания... Вы позвали меня, хотя знали, что я, единственный из всех, не имею отношения к Альянсу. Не житель мира-члена Альянса, не рейнджер... Может быть, вы хотели спросить с меня за всё? Ведь вы знаете, чей я сын...”

На какой-то момент ему подумалось — а может быть, в этом была их цель? Может быть, они хотят исцелиться таким образом — убив их, выпить их сознание, забрать их Песню... Он знал, что тучанку, потерявшему рассудок, необходима кровь, необходима чужая жизнь, чтобы его вернуть. Нет, нет, это вряд ли, в таких случаях они выбирают тех, кто как можно дольше прожил там, где всё это происходит, для такой роли не годятся только прибывшие чужаки... Да и зачем им такой яркий межрасовый скандал, остаться в изоляции посреди ставшей враждебной галактики — куда они смогут податься, на кого надеяться, настроив против себя весь Альянс, не на один же Центавр, тем более отказавшийся от них под благовидным предлогом... Хотя, может ли он быть уверен, что такое соображение остановило бы их? Они другие, у них другие приоритеты...

Пожав протянутую ему для приветствия руку — то ли тут их обычаи были схожи с земными, то ли они позаимствовали его для удобства общения — он вспоминал подготовленную в дороге, так и не законченную приветственную речь, а они кивали — быть может, угадывая его слова прежде, чем он произносил, а быть может, просто поощряя само намерение...

Он оглянулся на спутников — такое ли действие произвела и на них эта песня? Сложно было сказать это определённо... Дэвид был бледен, Амина, кажется, пошатывалась, лица фриды были мрачноваты и торжественны.

Исполнив короткий странный танец, встречающие сделали знак следовать за ними...

Для размещения их отвезли в ближайший к космопорту городок. Уже на подъезде к нему Винтари посетило странное сравнение — город-призрак. Городов-призраков он никогда не видел, хотя слышал, конечно, что такие есть. Вот, теперь один такой видит воочию. Город, покинутый его жителями. Конечно, здесь не произошло какой-нибудь

ужасной трагедии, жители мирно уехали... Просто город ближайший к космопорту, это естественно, что он опустел одним из первых. Хотя, трагедия произошла. Не прямо здесь, и не в этот момент, и не с ними... Но ощущение, отпечаток трагедии жил и в этих стенах, в этих притихших садах, в нависшем сумрачном небе. Центаврианские постройки здесь... Это смотрелось даже не то чтоб как-то неправильно и неестественно — даже напротив, дома казались странным образом... одухотворёнными... Может быть, потому, что были, как-никак, частью этого мира, стояли на этой земле, были построены из того камня, что она родила... И цветы в этих садах, вьющийся по заборам тёмный плющ — хоть и были завезены с Центавра, выросли тоже на местной почве...

У въезда они заметили небольшую группу встречающих — видимо, встречающих их, и затормозили. Ещё издали Винтари понял — это не тучанки, это центавриане. Это было видно хотя бы по одежде, резко отличающейся от традиционных одеяний тучанков — замысловатых балахонов из лоскутов кожи, шкур и ярких тканей. Старик, девушка, кто-то ещё за их спинами...

— Приветствую вас в городе Лафере, ваше высочество, — проговорила девушка, выступив вперёд, — мы будем счастливы, если вы поселитесь по соседству на эти дни, что вы будете здесь. Обитаемы остались только два дома, вы и ваши спутники имеете неплохой выбор... Если будет угодно, мы всё покажем вам здесь.

Винтари бережно взял протянутую руку девушки. Такие изящные, тонкие пальцы — лёгкие, практически невесомые, как кружево рукава. Пожалуй, уже одних этих белых, тонких пальцев хватит для беспредельного восхищения, а она удивительно красива, у неё волшебный, приятный голос. Сколько же лет этому прелестному созданию? Почему она одна из всей семьи вышла сюда? Старик — похоже, слуга, судя по одежде и невысокому гребню, вернее, его жалким остаткам, второй мужчина — тоже едва ли родственник...

— Меня зовут Рузанна Талафи, я здесь... вроде как, получается, главная. Я надеюсь, вам понравится здесь, ваше высочество. Я выросла здесь, и люблю эту свою вторую родину... Пойдёмте.

Процессия двинулась по улице. Винтари с удивлением заметил, что девушка знает язык аборигенов — она переговаривалась с ними такими же отрывистыми воюще-лающими звуками, просто невероятными для устройства гортани у их расы... Хотя, ведь тучанки умудряются говорить на человеческом... Главным образом она, впрочем, указывая на тот или иной дом, рассказывала о покинувших его обитателях, историю постройки этого дома, историю этой семьи... Сложно сказать, насколько хорошо она говорит на языке тучанков, но на земном говорит так же хорошо, как на родном.

Определиться с домами оказалось на практике совсем не просто, в конце концов выбрали чуть ли не методом считалочки, поскольку по одному размещаться как-то совершенно бессмысленно и нерационально, селиться решили по пятеро-шестеро, поблизости от оставшихся обитаемыми домов. Дом Фенно, который заняли Винтари, Дэвид, Зак, Брюс и Иржан, был соседним с Рузанной Талафи, по другую сторону от неё поселились Тжи'Тен с Аминой, оба аббая и дрази-рейнджер Ташор, а в соседнем с Фенно доме Макари — Шин Афал, иолу, юный дрази, оказавшийся женщиной, Штхиуккой, и рейнджер-землянин (вернее, строго говоря, проксимец) Майкл Дир. Фриди и седой бракири поселились на другом, практически, конце города рядом с доктором Чинкони, с которым сразу нашли какие-то общие темы.

Заснуть на новом месте оказалось сложно. Винтари думал о местных — насколько успел с ними пообщаться... Они обещали зайти утром, провести церемонию совместной трапезы. Ночь и день на Тучанкью — зыбкие понятия, эти существа не спят, постели в их домах используются редко, для отдыха. Им не мешает темнота, они и в ней отлично ориентируются. Разумеется, эти их свойства нещадно эксплуатировались и теми и другими оккупантами... Потом они, конечно, поняли, что выматывать до потери сознания этих рабов себе дороже — после этого для любой работы они были уже бесполезны. Даже минутная потеря сознания приводит тучанка к безумию. Потому что Песня Сознания не должна прерываться ни на миг...

В одной книге у Дэвида, об обычаях малых земных народов, он читал о таком — “что вижу, то пою”. У некоторых малоразвитых, преимущественно кочевых племён была манера — в дороге описывать в песне всё, что видели — степь, деревья, реку, небо... Что-то подобное, только в более широком масштабе, происходило и здесь. Песня Сознания — это описание всего мира вокруг, всех, кто есть вокруг, всех событий, что произошли. Единая летопись сознания, единая координатная сеть, в которой существует личность. Разрывая её хотя бы ненадолго, существо дезориентируется, и в лучшем случае потом не может вспомнить, кто оно и откуда... Песня передаётся из поколения в поколение, связует элементы общества воедино. Это сложно представить, как им, наверное, сложно представить жизнь других рас... Найдут ли они взаимопонимание? Предыдущим обитателям этого дома это не удалось... Раз уж им велено было отбыть на родину... Не удивительно — глава семейства Фенно, по словам Рузанны, относился к местным жителям исключительно как к рабам... Интересно, почему Рузанне и ещё некоторым разрешили остаться? За какие-то заслуги или просто за отсутствие вреда? И почему они остались? Ведь Тучанкью откровенно не рай земной... Хотя, может быть, понимание, что на Приме их никто не ждёт...

В комнате было темно, очертания предметов едва различимы. У Тучанкью нет луны, даже звёзды здесь увидеть можно крайне редко. Винтари рассеянно пытался по памяти восстановить обстановку в комнате. В этом не было, правда, ничего сложного — обстановка вполне обычная центаврианская. Они, видимо, ничего из мебели не забрали, а ведь трудов стоило доставить это всё сюда... Даже статуи богов в стенных нишах остались.

Эта комната, кажется, принадлежала дочери Фенно...

Он проваливался в сон медленно. словно бы из переливающейся в углах темноты протягивались к нему руки, слепо касались его... Странно, было совсем не страшно.

“Тебе понравилась трава нашей степи... Это очень хорошо. Ты полюбил свой мир после того, как увидел его поля. И наш полюбишь...”

Вспоминалось солнце Примы, оно пропитало собой тогда, казалось, всё... жужжание незримым насекомых в густой высокой траве, пыль на лице и одежде, и саднящие царапины от чертополоха, и смех Лаисы... Во многом с телепатами сложно, но в одном удивительно легко — их можно порадовать, поделившись хорошими воспоминаниями. Они способны вместе с тобой греться этим солнцем, вдыхать те же запахи, почувствовать то же счастье. И чувствуешь себя при этом так, словно, не поделись ты этим — как раз тогда чувствовал бы себя обделённым...

Рассветы на Тучанкью очень неявные. Тёмное небо не вспыхивает таким ярким радостным светом, как на Приме или Минбаре. Нет здесь ни тех красок, ни той неудержимой быстроты и силы. Он не входит в комнату, он не прорывается в неплотно задёрнутые шторы, решительно отбирая обрывки недосмотренных снов. Скорее, просто

чувствуешь, как что-то неуловимо изменилось в воздухе. Пожалуй, это стоит того, чтоб попытаться поймать если не первый луч, то второй и третий... Подумав, что Минбар его всё-таки испортил, привив несвойственную раньше любовь к ранним подъёмам, он прошёл через гостиную — дом ещё спал — и осторожно отворил дверь в сад.

Было, действительно, ещё практически темно. Только смутное белёсое зарево занималось на горизонте, над зубчатой каймой деревьев и крыш. Звезда, вокруг которой вращается Тучанкью, достаточно яркая, да много ли толку — её свет едва пробивается сквозь окружающие планету газопылевые облака. Казалось невероятным то, что, при таком свете, здесь вообще может что-то расти и жить, тем более видеть, что здесь сумели прижиться центаврианские растения. Хотя видимо, они генмодифицированы специально под суровые условия с недостаточностью солнечной радиации и совершенно иной почвой. Запах тот же, но цветы бледнее, мельче... Как это, наверное, удручало хозяйку дома, которой хотелось гордиться настоящим центаврианским садом... Интересно, что само понятие сада вообще есть не во всех культурах, и может сильно различаться. Вот тучанкам, например, в голову не приходило высаживать специально перед своим домом какие-то растения, у дрази сада как понятия, пожалуй, не могло возникнуть ввиду сильной скудости того, что вообще можно было назвать декоративной флорой, их растениеводство долгое время было сугубо утилитарным... Пожалуй, наибольшую близость в садово-парковых культурах он заметил между Землёй, Центавром и Минбаром. Но если на Центавре сад был местом отдыха и развлечений, полем эстетики, моды, был немыслим без ярких красок и причудливых форм стрижки кустов, то на Минбаре это было местом уединения и размышлений, духовной жизни. Туда выходили для медитаций, размышлений о жизни, вселенной, вечном, преходящем, гармонии и дисгармонии. Большинство древних минбарских городов, к коим относились и Йедор и Тузанор, были целиком высечены в кристаллических породах, и там, где слоёв почвы не образовывалось естественным образом ветровыми наносами, а сад всё-таки хотелось, его создавали искусственно, высекая котлован от трёх метров и глубже, заботливо укладывая слой за слоем так, как они расположены в естественных условиях, а затем просто разбрасывали семена, оставляя им возможность прорасти там, где им случится упасть. Часто сады создавались там, где сквозь камень естественным образом пробивался родник, иногда его приходилось высекать. Для родниковой воды прорубали канал, выкапывали небольшое озерцо, иногда, если сад был ярусным, получался мини-водопад...

Всё-таки, конечно, нужно быть минбарцем, чтобы, зависнув над капелькой на лепестке цветка, получить какие-то великие откровения, но сейчас Винтари казалось, что он близок к чему-то подобному. Тихие цветы, всё ещё объятые утренним сумраком, слегка покачиваясь на лёгком ветерке, что-то, казалось, шептали. А вот это дерево, надо сказать, не центаврианское. Центаврианские, наверное, и нереально сюда переселить, всё-таки корневая система дерева к совершенно иным условиям адаптируется труднее. В основном, как он знал, упор делался на мелкие плодовоощные культуры, с гораздо меньшим жизненным циклом, которые можно было выращивать в специально оборудованных крытых оранжереях или под открытым небом, но первого урожая от которых не приходилось ждать десять лет.

Размышляя, он дошёл до конца сада, и очнулся, увидев перед собой забор. Забор был решетчатый, весьма простойковки, впрочем, на взгляд Винтари, здесь выпендриваться перед кем-то было и излишне. За забором в предрассветной мгле повиделось какое-то движение, мелькнуло светлое платье...

— Принц, это вы?

— Рузанна?

— Неужели вы тоже любитель ранних прогулок? Я-то часто выхожу по утрам в сад, привыкла. Просыпаюсь рано, да и продолжаю традиции матушки по уходу за цветами, хотя так же хорошо, как у неё, у меня, конечно, не получается...

— Ваша мать, я так понимаю, серьёзно занималась цветоводством? Такие пышные кусты, и аромат...

— Это в большей мере заслуга отца. Семья агронома, знаете ли... Когда кто-то увлечён чем-то настолько, это не может не влиять на всех вокруг. Мой отец любил своё дело, для него не было большей радости, чем вырастить что-то там, где до этого ничего не росло, он любовно изучал природу Тучанкью, мечтал возродить погибшие виды растений, вывести жизнеспособные гибриды с центаврианскими растениями... И ему многое удалось. Поэтому к нашей семье здесь всегда относились хорошо, поэтому мне разрешили здесь остаться, одной из немногих.

— А вам самой — разве не хотелось вернуться на родину?

Девушка улыбнулась.

— Куда — на Девону? Я её почти не помню. Я была совсем маленькой, когда мы переехали сюда, когда отца сюда перевели, всё семейство считало это чем-то вроде ссылки, а он напротив, был рад и горд. Мои родители выросли, поженились и прожили первые несколько лет совместной жизни на Девоне, но я-то всю сознательную жизнь прожила здесь. Я уже не могу представить над собой другого неба, хотя небо Девоны я, мне кажется, помню... А на Приме меня и вовсе никто не ждёт. Я не хотела бы сейчас встречаться с родственниками, которых никогда не знала, которые мне чужие... И здесь дело моего отца. Пусть я не получила подходящего образования, я могу делать хотя бы что-то. Помогать собирать урожай в оранжереях, ухаживать за этим садом...

— Но ведь здесь почти не осталось ваших соотечественников, леди Талафи.

— Зато остались лучшие из них. Я очень люблю беседовать с доктором Чинкони, это замечательный человек, вы убедитесь в этом. Он так умён, начитан, за свою жизнь побывал почти во всех наших колониях и в некоторых иных мирах... Врач его квалификации тоже мог неплохо устроиться на Девоне и даже на Приме, но он был рад возможности остаться. К тому же, он не хотел покидать могилу сына...

“Но всё же, общество у вас здесь будет не слишком разнообразным” — подумал Винтари, но вслух говорить не стал.

Небо светлело, белёсое пятно расплзлось по горизонту, подсвечивая края сизых туч. Где-то вдалеке слышался тихий гул.

— Что это?

— Готовятся. У них первый облёт как раз на рассвете.

— У кого?

— Самолёты, принц. Местные называют их дхалу, а земляне, кажется, кукурузниками... Вон там, — она махнула рукой влево, — их ангары, а дальше — поля... Они сейчас “отдыхают”, их засеяли травами, которые должны обогатить почву. Года через три посадят корнеплоды, потом, через несколько циклов — злаки... Отец обнаружил, что такая цикличность во многих районах происходила естественным образом, культуры сами сменяли друг друга. Таким образом ресурсы восполнялись на 100 % — то, что потреблял один вид, выделял в процессе жизнедеятельности или последующего перегнивания другой.

Поэтому тучанки даже не уделяли земледелию столько внимания, как, например, скотоводству. Конечно, пока сложно предсказать, может ли экосистема снова вернуться к этим циклам... Эти поля, например, три года только очищались от погребённых в них отходов. Если с металлоломом, пластиком и стеклом было проще, то слитая с заводов отработка... Ионы тяжёлых металлов, производные нефти... Для этого пришлось перекупить одну аббайскую разработку, искусственная культура на основе мха, способная вытягивать из почвы яды... Год потребовался только для того, чтоб модифицировать её под местные условия... Я вас не утомляю, ваше высочество?

— Напротив, вы так увлечённо рассказываете!

— Благодаря отцу, в этом была наша жизнь. Он не был из тех, кто может дома молчать о работе. Наверное, потому, что работа была для него жизнью, а не нудной обязанностью... Иногда он водил нас на те поля, показывал колонии этого модифицированного мха, рассказывал, как это работает... По-детски радовался, когда видел, как на освобождённом месте пробивается первая хилая травинка. Увы, пока расти там самостоятельно даже трава не может, хиреет на обеднённой почве. Поэтому приходится регулярно поливать её сверху удобрениями. Потом, перегнивая, она вернёт сторицей...

Винтари следил взглядом за двумя голубоватыми огоньками, скользящими по краю утреннего неба. Так неторопливо, величаво, что казались вовсе не принадлежащими современному техногенному миру, казались частью мира этого, чудного и странного.

— Красиво, да? Я наблюдала это как-то с крыши дома... Особенно красиво, когда по краям полей зажигаются костры для ориентировки пилотов...

— Разве им это требуется? Я думал, они идут по приборам.

— Не требуется в том случае, если пилот не тучанк. Машины старые, и под их особенности не адаптированные точно. Многих приборов они просто не видят. То есть, не способны читать их показания. Прежде эту работу им и не поручали, но когда стало известно, что колония получает независимость, им пришлось учиться... Некоторые пилоты остались здесь, чтобы учить их... Они все — энтузиасты, из таких, каким был и отец. И хотя они больше не обязаны, они продолжают болеть душой за то, чтобы дело, которое они здесь делали, не пошло прахом. Им нравится летать... Нравится, что, поднимаясь в небо, они приносят помощь земле. И нравится дарить другим такую же возможность. Знаете, они таковы, что если бы встретили на пути корабли Теней, то просто попросили бы их уйти с дороги, не загоразживать поле..

— А вы... вы видели их, Рузанна? Теней?

Девушка заметно помрачнела.

— Один раз, издали. Их базы располагались, к счастью, многим дальше от нас, ближайшая в той стороне, на западе. Я видела их полёт как раз на фоне заката... Не знаю, куда они летели, может быть, просто разминались, я не стала досматривать их полёт до конца. Даже издали они производили впечатление... не знаю, какой-то особенно сильной и неприятной угрозы. Знаете, такое ощущение, словно кто-то ненавидит тебя ни за что. Одно из немногих моих воспоминаний с Девоны — мы с родителями уже в космопорту, ждём посадки на свой рейс. И там была семья... Нарны. На родителей я не обратила внимания, как и они на нас, впрочем. Они сидели довольно далеко, и не смотрели в нашу сторону. А мальчик — как мне казалось, моих лет — бегал по залу и тут увидел меня. Так вот, он посмотрел на меня с такой злобой, с такой нескрываемой ненавистью... Нет, он не подошёл, не сказал ни слова, просто посмотрел — и убежал. А я едва не плакала от страха и обиды.

Это было так... больно, чувствовать, что тебя ненавидят. С первой встречи, с первого взгляда, когда ты ещё ничего не сделал. Ты просто посмотрел — а на тебя посмотрели так, будто ударили. Будто рады б были убить этим взглядом. Ненависть, презрение, желание толкнуть, уничтожить... Так вот, встретившись с Тенями, я поняла, что та ненависть была совершенно ничем. Что её и ненавистью-то называть нельзя. То, что чувствовалось от Теней, было в сто раз страшнее, бесчеловечнее, это было абсолютным... Это как сравнить горящую спичку и солнце, принц. Мне было так страшно от самого того, что они живут на белом свете. С такой ненавистью...

— Иногда мне даже жаль, что я их — не видел...

— Что вы говорите! Нельзя так говорить! Для тех, кто их видел, тем более видел близко, жизнь разделяется на до и после.

— Как-то несправедливо, что именно я должен был избежать встречи с кошмаром очень и очень многих.

— Не стоит здесь рассуждать, что справедливо, что нет, как мне кажется. Несправедливо, что они вообще существовали, хорошо, что их больше нет.

Они молчали какое-то время, наблюдая разгорающийся рассвет. Он постепенно переставал быть призрачно-бледным, в нём появлялись живые краски. Тучи медленно меняли очертания, перемещаемые воздушными потоками.

— Здесь никогда не бывает ясно, да?

— Что? А, вы о тучах... Нет, очень редко. Отец говорил, что природа Тучанкью это само по себе удивительное чудо — то, что здесь что-то живёт, что-то растёт при том, что солнце почти закрыто газовыми облаками вокруг планеты и тучами в её атмосфере. Но это не единственное... Куда печальнее — кислотные дожди. Здесь они редкость, а на востоке выпадают часто. Они не опасны для жизни, кислоты слабые, но весьма неприятны для кожи, и лучше, чтоб не попадали в глаза и на слизистые. Надо сказать, местные растения от них почти не страдают, они способны усваивать эти кислоты, а вот центаврианские гибли бы, если бы не были защищены куполами...

— Иногда бывает, то, что кажется невыносимыми условиями для нас, совершенно нормально для других.

— Я надеюсь, принц, не будет слишком фамильярным, если я приглашу вас на чай? Надеюсь, мы сможем зайти достаточно тихо, чтобы не разбудить Эрзу...

— Эрзу — это...

— Слуга, вы видели его рядом со мной вчера. Его одного из всех слуг я не смогла убедить вернуться домой, самый старый слуга семьи, воспитывавший ещё моего деда, вы можете себе представить, что это значит... В последние годы он болеет, что неудивительно для его возраста, поэтому я стараюсь ходить по утрам очень тихо, на рассвете сон самый чуткий...

Винтари подумал, что это достаточно необычно — когда представительница пусть мелкой, но знати не то что позволяет, а убеждает слуг воспользоваться возможностью вернуться в родной мир и ходит по дому на цыпочках, чтобы не будить старого больного слугу, но вслух этого, опять же, говорить не стал. Мало он разве уже видел необычного?

Дом после свежести утреннего сада казался окутанным сонным теплом, как облаком. Они прошли через большую комнату, обстановку которой Винтари плохо разглядел в темноте, и оказались в смежной — маленькой, при заметной захламлённости неожиданно уютной.

— Родители называли это “малой гостиной”, здесь отец любил принимать коллег — поближе к рабочему кабинету, к книгам, которые они обсуждали... И я сейчас очень люблю бывать здесь, перечитывать его записи и то, что читал он — конечно, что могу, многие книги тут на древних языках... Побудьте тут, я принесу с кухни чай.

Оставшись один, Винтари осматривался, насколько позволяло опасение что-то нечаянно задеть, опрокинуть. Да, хотя в отдельных деталях чувствовалась... покинутость, некоторое запустение, было понятно, что те или иные вещи не брали в руки, не использовали очень давно, в общем и целом сперва казалось, что хозяева здесь, и вышли совсем ненадолго.

В обстановке не было роскоши, не было блеска. Но был уют, обжитость, какая-то... удивительная мягкость. В мелких затейливых цветочках на стенах, в узорах накидок на креслах, в потёртом лаке мебели, потрескавшейся позолоте на корешках книг.

Рузанна вернулась с чаем в тот момент, когда он разглядывал висящие на стене два портрета.

— Это ваши родители? Удивительно искусно нарисовано...

— Да. Это ещё с Девоны, в нашем доме был слуга, очень увлекавшийся живописью, в общем-то, он посвящал ей всё свободное время, которого после переезда в дом моих родителей у него прибавилось — отец, в отличие от его отца, уделял совсем мало внимания поддержанию достойного вида и порядка своего жилища... Строго говоря, что-то волновать его начинало только тогда, когда беспорядок мешал его работе, но в своём кабинете он разрешал прибираться разве что моей матери. Так что слугами он, несмотря на эксцентричность и странные повадки, свойственные увлечённым своим делом учёным, был любим... Он никогда их ничем их не нагружал, чаще всего, кажется, он даже не помнил о их существовании. Иногда, знаете ли, он даже прогонял их, если они шумом уборки, мельтешением мешали его размышлениям, велел им идти куда-нибудь заниматься своими делами... Об этих портретах он не просил, слуга сам нарисовал их, а мама увидела их случайно и распорядилась повесить в гостиной. Вскоре после этого отец дал ему денег и велел идти получать образование, которое позволит ему заниматься живописью на профессиональном уровне. Сказал, что слуг себе как-нибудь найдёт ещё, а хороший живописец для Республики будет более ценен.

Винтари следил за ловкими движениями Рузанны и думал о том, в какой же удивительной атмосфере она выросла. То, как жила семья Талафи, их быт, уклад... сама мысль о подобном возмутила бы его мать до потери чувств. А эта семья совершенно не страдала, напротив, была невероятно счастливой, это чувствовалось в каждом слове Рузанны...

— Давно вы потеряли ваших родителей?

Девушка улыбнулась, светло и печально, передавая ему изящную фарфоровую чашечку.

— Скоро уже три года. Они ушли один за другим, отец пережил маму всего на три дня...

— Мне очень жаль.

— Это не было неожиданным, эта болезнь не оставляет шансов дожить до старости. Не могу сказать, что я приняла их смерть... Иногда я невыносимо тоскую, мне хочется увидеть их сию минуту, хотя бы услышать их голоса из другой комнаты... Иногда кажется, что они вышли лишь ненадолго, что я ещё чувствую запах маминых духов, чувствую тепло, садясь в отцовское кресло — будто он только недавно встал оттуда... Но я помню, что они ушли

тихо, с достоинством, зная и принимая свою судьбу, будучи благодарными ей за отпущенное, и им было, за что благодарить... Они любили друг друга, любили меня, любили всё то, что их окружало. Несмотря на раннюю кончину и на все мучения, которые принёс им их недуг, они могли считаться действительно благодетельствованы небом. Они поженились совсем юными, в день маминого совершеннолетия, а решён их брак был задолго до того. И многие тогда считали это решение безумным... А отец говорил, что это одно из немногих здравых решений, принятых семьёй. Они полюбили друг друга, с первой встречи...

— Это действительно счастье.

— Для семьи это было выгодной сделкой — поженив кузенов, они не выпустили деньги из семьи и как-то пристроили двух безнадёжно больных. А их удивляло, когда их считали несчастными, невезучими... Наверное, они там жалеют и меня — что мне пришлось расти здесь, они не понимают, почему я здесь осталась... А здесь всё дышит любовью и счастьем. Только здесь вещи по-настоящему имеют смысл... В этом чайнике мама заваривала отцу чай, приносила ему в кабинет или сюда, в гостиную. Он любил, когда чай заваривала именно она, говорил, что она делает это совершенно по-особенному. А для неё было самой большой радостью что-то делать для него... Она до самого последнего дня заваривала ему чай. Даже когда ей было уже тяжело вставать с постели...

Винтари снова посмотрел в лицо женщины на портрете. Если он сделан ещё до приезда семьи Талафи сюда, вероятно, ему около двадцати лет... И уже тогда в хрупком, изящном личике женщины читалась затаённая боль, след болезни, след борьбы с этой болезнью — борьбы длиною в жизнь, безнадёжной, обречённой на провал... В лице мужчины та же бледность, те же тени под глазами, но может быть, потому, что он старше и сильнее, или из-за этого тихого упрямого огня в глазах это менее заметно. Семейное сходство дополняется чертами общей болезни, такая страшная красота...

Из глубины дома послышался шум — видимо, старый слуга Эрзу проснулся...

— Я надеюсь, принц, раз уж мы так удачно встретились и разговорились, эта встреча будет вам интересной...

Прежде, чем Винтари успел сказать, что давно не имел столь интересной беседы, за дверью послышались шаги, и в комнату вошёл старый слуга Эрзу в сопровождении тучанка. Тучанк был одет, в сравнении с вчерашней делегацией, необычно — в модифицированный костюм пилота. Спереди костюм выглядел совершенно обычно, разве что бросались в глаза коротковатые рукава — пропорции тучанков иные, чем у центавриан и землян, но тучанку, видимо, это не особо мешало, а вот спина была почти полностью обнажена, открывая расслабленно колышущиеся длинные гибкие иглы, растущие из позвоночника и заменяющие тучанкам отсутствующие у них глаза и нос.

— Здравствуй, шиМай-Ги, это... Это один из наших гостей, принц Диус Винтари с Центавра...

Тучанк повернул к Винтари длинное безглазое лицо.

— Принц Диус Винтари, здравствуйте. Я — шиМай-Ги, женщина-пилот, — в голос послышалась гордость, — я прихожу в гости к Рузанне Талафи после своих полётов, или просто когда бываю поблизости. Я люблю бывать в доме Рузанны, Рузанна говорит, что мы подруги.

Винтари посмотрел на лётчицу с интересом, размышляя, возможно ли как-то различать пол у тучанков, если они сами о нём не скажут. Голоса у них различаются мало, внешних отличительных признаков тоже никаких... Рузанна пододвинула к столу ещё два стула,

высокая нескладная тучанк возвышалась над столешницей словно взрослый, посаженный за детский столик. Интересно, почему она сказала так — “Рузанна говорит...”. Потому, что сама так не считает? Потому что в языке тучанков нет эквивалента слову “подруги”? Или потому, что для неё важно подчеркнуть не собственную, а внешнюю оценку?

— Но разве сегодня был твой вылет, Май? Почему на тебе костюм? Я не видела на поле костров.

— Сегодня я первый раз летала без костров. Я сумела найти привязки по межам внизу, и я вычислила ход машины, посчитала время и все усилия, которые я делаю. Тофи следил за мной снизу, он сказал, что я прошла так хорошо, как будто костры были. Скоро мне не будут нужны яркие ориентиры, я буду знать машину!

Винтари онемел. Если он правильно понял объяснения Май... Это ведь действительно всё равно что научить летать слепого. Так слепые запоминают, сколько шагов в комнате от стола до стены, запоминают расположения предметов относительно друг друга.

— Неужели невозможно как-то модифицировать приборные панели, чтоб вы могли видеть их... — в голосе Рузанны звучали печаль и досада, — не знаю, может быть, какие-то голограммы помогли бы...

Винтари некоторое время собирался с мыслями, рассеянно следя, как длинные гибкие пальцы тучанка обхватывают чашечку и медленно, торжественно подносят её ко рту.

— Возможно, мой вопрос прозвучит как глупый или бестактный, но мне очень хотелось бы его задать... Ведь я должен понимать вас, если уж нам предстоит общаться.

— Задавайте, принц Винтари.

Он внутренне улыбнулся тому, как это звучало — как-то торжественно и значительно, и так, словно титул — часть его имени...

— Вы ведь... Не знаю, правильно ли сказать “видите”, но знаете, что в этой комнате находимся мы с Рузанной, и Эрзу... Знаете, где нахожусь я, где Рузанна, где Эрзу, так?

— Да.

— Более того, вы способны видеть, какое у нас выражение лица, грустны мы или улыбаемся.

— Да. Правда, больше мы чувствуем эмоции, но мы так же знаем, что когда вы улыбаетесь, у вас растягиваются губы, а когда смущаетесь, как Рузанна сейчас, то наклоняете голову и опускаете ресницы.

— И вы, насколько я понял, различаете характеристики цвета? То есть, вы знаете, как отличаются волосы мои и Рузанной?

— Они отличаются и формой. Ваши немного подняты вверх, и они светлые, у Рузанной очень мало волос, её голова гладкая, а тот пучок, который она согласно обычаю оставляет на голове — чёрного цвета, как и её брови.

— Верно... Так скажите, что же мешает вам видеть приборные панели? Почему цвет моих волос вы видите, а показания приборов — нет?

— Потому что мир — не плоский, — пояснила за Май Рузанна.

Тучанк кивнула.

— Да. Мы воспринимаем то, что объёмно. Ваши лица, ваши волосы, шерсть животных — всё это имеет объём, цвет распределён по объёму. А приборы плоские, мы не умеем читать по стеклу.

— Значит, тех портретов вы не видите тоже?

Тучанк не повернула головы, но несколько игл вытянулись в сторону стены.

— Я немного вижу их. Очень смутно. Потому что портреты нарисованы мазками краски, они немного объёмные. Но если бы они были под стеклом, я бы видела только стекло.

— Поэтому вы не можете читать наши книги, если они не на шрифте для слепых, не видите фотографии... И у вас нет зеркал.

— Нет. Они совершенно нам не нужны.

— Возможно, я очень надеюсь на это, в ближайшее время найдётся талантливый конструктор, который сможет изменить конструкцию приборов так, чтобы их показания были для вас понятны... Например, технологии Минбара основаны на использовании кристаллов, это может быть выходом...

— Когда наши старейшины прибыли на космическую станцию “Вавилон”, они летели на нарнском корабле. Там были немного другие приборы, там были стрелки, движущиеся шкалы, это мы можем читать. Но аппараты, на которых мы летаем здесь — другие. Но я знаю, и ими можно научиться управлять. Я читала всю литературу, какую перевёл для нас доктор Чинкони.

— Он перевёл на шрифт для слепых очень много книг и инструкций, — пояснила Рузанна, — это его второе занятие после врачебной практики. Этим начал заниматься ещё его сын...

— Я помню сына доктора, — кивнула тучанк, — хотя это было давно, когда я была дитём... Жрецы говорят, он всё ещё здесь. Его дух всегда будет здесь. Доктор тоже это знает, хотя называет по-другому. Сын доктора погребён как тучанк...

— Как это?

— Это было вскоре после ухода Теней, — тихо проговорила Рузанна, — тут было много страшного... Вы уже слышали, в округе бродило много сумасшедших, особенно там, где были базы Теней... Они кричали, бросались на прохожих, совершали жестокие убийства... Центавриане не хотели этим заниматься, властям проще было запирать ворота поселений и велеть тучанкам самим разбираться со своими проблемными гражданами. Доктор Чинкони и его сын не были такими, они хотели помочь всем, кому только возможно. Вместе со старейшинами и жрецами тучанков они устраивали вылазки в города у бывших баз. Они спасли очень многих. Повредившемуся рассудком тучанку необходим обряд ритуального кровопускания, иначе они сами будут проливать кровь, чтобы исцелиться. Однажды молодой доктор Чинкони три дня не спал, выслеживая в развалинах сумасшедших детей...

— И его убили?

— О нет, — подал голос Эрзу — дети не причинили молодому Чинкони вреда. Он сам, невольно, причинил себе вред... Вы знаете, тучанки не спят. Сон для них равносителен безумию. А нам, как и людям, и почти любому живому существу, не спать нельзя. Крайс Чинкони считал, что он достаточно сильный... Он не спал все эти три дня. Этим он подорвал своё здоровье необратимо...

— Вы другие, чем мы, — глухо проговорила Май, — вы должны помнить — вы должны время от времени спать. Хотя нам кажется страшным это время неподвижности, когда вы не осознаёте происходящего вокруг, когда вас одолевают бредовые видения, которые вы называете снами — вы так устроены, что вам это необходимо. Сын доктора попытался быть как тучанк, но он не тучанк. Он стал видеть эти видения наяву, и они выпили все его силы. Бодрствование высушило его глаза, а вскоре он умер.

— Мы можем дышать атмосферой Тучанкью без вреда для здоровья, но она всё же не

идентична нашей. При длительном бодрствовании какие-то вещества в ней так воздействуют на глазные яблоки, что они начинают высыхать, западать... Человек слепнет. Крайс так и не смог больше уснуть, после возвращения домой он прожил только три дня. Жрецы были с ним всё это время. Они пытались облегчить его состояние, но спасти его они не смогли. С ним произошли необратимые изменения. Его дух был, конечно, очень сильным, но недостаточно, чтоб справиться с этим... он описал происходившее с ним за эти шесть дней, тучанки называют это Песней Неспящего.

— Многие после этого стали считать Тучанкью проклятым местом, — проговорил Эрзу, — убивающим... Но человека может убить любое место, в какое он попадёт. Мой хозяин говорил, что если учёный готов поставить эксперимент на себе — никто не вправе его останавливать... Даже если это ошибка. Потому что если эксперимент и кончится неудачей — он многое покажет, неудача тоже результат. Если Создатель придумал сон, значит, наверное, не зря... Мой хозяин рассказывал, что в разное время у многих рас проводились эксперименты по... борьбе со сном, чтобы победить эту, как они считали, недостойную слабость... И все они кончались ужасными последствиями. Но молодой Чинкони, его хороший друг, не боролся со сном как со слабостью... Им двигало не честолюбие, а желание помочь, ему просто не хотелось, чтоб то, что он другой, помешало ему... Единственное, чего ему хотелось кроме этого — чтобы его случай помог как-то учёным, изучающим природу сна.

Для этого как ничто более полезно б было изучить эволюционный путь этой расы, подумал Винтари. Как они получились такими? То, что они не видят, а скорее чувствуют всё вокруг, то, что они не спят, то, что они в абсолютном большинстве способны общаться ментально — всё это связано между собой, и ключ, вероятно — в тех веществах в атмосфере, что отравили молодого Чинкони...

— Скажите, Рузанна... Ведь вы и покойный доктор не родились здесь, вы приехали сюда детьми, но вам уже было сколько-то лет. Но ведь наверняка у многих семей родились дети здесь. И... насколько здоровыми они родились? Есть ли... негативное влияние...

— Вообще-то, хороший вопрос, принц. Действительно, среди рождённых здесь детей процент врождённых отклонений высок... В частности, я слышала о ста случаях слепорожденности, двоих полностью парализованных, множестве случаев врождённых нарушений психики... Проще сказать, только пятеро детей в этом городе родились полностью здоровыми. Но нельзя судить, связано ли это напрямую... с какими-то изначальными характеристиками мира. В конце концов, родители многих из них работали на вредном производстве, да и экология, особенно в первые годы... Все те яды, что остались в атмосфере, в почве... В том числе поэтому почётное назначение на Тучанкью мало кто счёл почётным... Про моих родителей думали, что отправляют их сюда на верную смерть. Здесь ведь гораздо труднее получить необходимое поддерживающее лечение... Но они прожили здесь гораздо дольше, чем пророчили им даже там, дома. Может быть, благодаря неоценимой помощи доктора Чинкони — он наблюдал здоровье родителей все годы здесь, может быть, благодаря участию тучанков, может быть, просто потому, что жили в любви, преданности любимому делу, жили так, как хотели жить...

— Мы не знаем, помогли ли им лекарства доктора или наш чай, который для них собирали Ведатели Трав. Доктор не очень-то верил в чай. Он говорил, что изучал его состав и не находил в его составе никаких веществ, которые помогают организмам центавриан, тем более которые влияли бы на болезнь, которой болели профессор Талафи и его жена. Но

профессор Талафи и его жена верили в чай, они всегда принимали его с благодарностью и выпивали с соблюдением ритуала. Профессор тоже знал, из чего состоят эти травы, но он поверил, что травы со склона Священного Холма другие, поверил, что руки Ведателей делают их лекарственными. Хотя объяснить этого не мог. Мы сказали ему, что не можем совсем его вылечить. Может быть, смогли бы, если б он приехал раньше. Но он был рад и тому, что получалось.

— Невозможно вылечить врождённую патологию, — мягко возразила Рузанна, — даже самые целебные травы не исправят мутантную хромосому. Это передавалось по наследству, отец профессора Талафи сам был врачом, он изучал свою болезнь, он знал всё, что на данный момент может медицина... Даже трансплантация продлила его жизнь всего на три года.

— Мы не очень понимаем, что такое хромосома, — мотнула головой тучанк, — и не очень понимаем, что такое трансплантация. Мы только знали, что можем немного помочь профессору и его жене, и помогали, как могли. Мы знаем, что вера профессора и его любовь к своей жене и к этой земле помогла ему прожить дольше. Но однажды приходит срок, и мы ничего не можем сделать. И он достойно принял это.

— А теперь Ведатели делают этот чай для Рузанны? — спросил Винтари, и желая, и боясь услышать ответ — верит ли она, помогает ли ей, сколько, по их прогнозам или доктора Чинкони, ей осталось. Может быть, ещё и потому она решила остаться на Тучанкью, что, зная от отца всё, чего она может ожидать при своей болезни, больше верит в обряды местных шаманов, чем в терапию и трансплантацию? Если уж больными были оба её родителя, к тому же близкие родственники... Эта девушка так прекрасна, так чиста и добра, что её можно назвать чудом, совершенством. Конечно же, жизнь просто не могла не уравновесить это как-то — например, наградив смертельным заболеванием, не дающим шанса на долгую беззаботную жизнь, здоровых крепких детей...

— Нет. Ей этот чай не нужен, — ответила тучанк даже с некоторым удивлением.

Дэвид вышел в сад, когда оранжевое солнце висело над верхушками деревьев, словно детский мячик, готовый шаловливо перепрыгнуть на соседнюю верхушку или, допустим, на зависшую поблизости тучку. Да, наверное, здесь не могут представить себе чистого неба, тем более голубого... В атмосфере словно постоянный смог, и смотреть на солнце совсем не больно... Пройдя мимо кустов люрий, щедро увитых бледноватой, но довольно густой лотраксой, он остановился возле дерева с узкими голубоватыми листьями и золотистой корой. Красивое дерево... Насколько он уже узнал, большинство деревьев на Тучанкью можно назвать карликовыми, их рост немногим превышает рост тучанков, и стволы больше склонны сгибаться, стелиться по земле, чем стоять вертикально. Высоких лишь несколько видов, и три из них растут в этой полосе... Здесь встречаются даже настоящие леса, в которых с непривычки можно заблудиться, обычно же по своим лесам тучанки ходят, видя друг друга издали.

Повернув голову, он увидел за соседним забором, почти у самой решётки, коленопреклонённую Шин Афал. Сперва он подумал, что она медитирует, и его удивило, что странное место она выбрала для медитации — у самого забора. А потом услышал, как она зовёт его. Не став тратить время на поиск калитки, он просто перемахнул через забор.

— Дэвид... Как хорошо, что ты здесь. Я не знала, кого позвать. Иногда так ужасно понимать, что ты стоишь перед нелёгким выбором, и любое твоё решение может быть

ошибочным... Мне просто необходима помощь сейчас.

— Что случилось?

Шин Афал показала в траву у забора, потом наверх, в кроны нависшего дерева.

— Птенец выпал из гнезда. Я боюсь оставлять его так, ведь здесь водятся всякие мелкие хищники, вроде наших кунов, для них он лёгкая добыча. И боюсь взять его и поместить обратно в гнездо — некоторые птицы, после того, как их птенца коснулись чужие руки, не признают его, могут заклевать насмерть... Что же делать?

Дэвид подошёл ближе. Птенец был ещё определённо мал для полётов, перья только начинали пробиваться сквозь младенческий пух. Однако он изо всех сил подпрыгивал, протяжно голося и вертя узкой головёнкой на тонкой длинной шейке. Сверху так же беспокойно ему вторили братья и сёстры.

— Наверное, мать полетела добывать им еду... Дэвид, это приводит меня в отчаянье. Природа как бы говорит мне: “Ты лишний элемент, ты даже не знаешь, как поступить. Ты просто будешь сидеть, смотреть и мучиться. Или уйдёшь, попытаешь убедить себя, что ничего не могла сделать. Или вмешаешься — и совершишь ошибку, по своему незнанию...”

— Или спасёшь маленькую, в общем-то ничем особенным не ценную жизнь, одну каплю в этом море, которая не менее ценна, чем ты сама — пусть не с точки зрения даже этой капли, но с точки зрения тебя самой. В природе часто так бывает, что птенцы выпадают из гнезда и гибнут. В природе это никого не удивляет. Но когда появляемся мы, с нашим сознанием, нашим беспокойством... Мы не можем просто взять и оставить это так. Кто знает, может быть, природой всё-таки задумано и то, чтобы мы вовремя подошли к упавшему птенцу? Выход есть.

Дэвид наклонился и сорвал широкий лист незнакомого растения, осторожно обнюхал его, потом положил перед птенцом.

— Лист ничем особенным не пахнет. Кроме того, он от какого-то местного растения, если оно растёт под этим деревом, вряд ли птицы считают его опасным. Да и думаю, птенец в любом случае всей этой травой уже пахнет. Подождём, пока птенец запрыгнет на него, потом я подниму тебя, а ты осторожно скатишь птенца с листа обратно в гнездо. Мы не можем быть совершенно уверены, что не совершим никакой ошибки, но можем сделать всё возможное.

Шин Афал едва не расплакалась от счастья, когда птенец, радостно пища, принялся тереться о собратьев. Они отошли от дерева, присели на плоские камни у тропинки. О медитации, конечно, уже не могло быть и речи.

— Я так благодарна тебе, Дэвид... Действительно, небо привело тебя мне на помощь. Я больше всего боюсь причинить какой-то вред этому миру, даже минимальный. Он перенёс слишком много страданий. Знаешь, сегодня ночью мне снилось странное... Снилось, кажется, что я тучанк. Я почти ничего не могу вспомнить, это было слишком... не похоже ни на что. Я не знаю, смогу ли я понять их... но мне бы очень хотелось. Оправдать их надежды... Я боюсь, вдруг они ошиблись на мой счёт, и я совершенно бесполезна здесь?

— Они отобрали кандидатов из множества вариантов. Думаю, они хорошо всё взвесили. Надо полагать, они больше нас знают о том, что им нужно.

— Наверное... Как Ранвил может не понимать и относиться так... несерьёзно к происходящему здесь? Так пренебрегать моей верой и потребностью...

Дэвид невольно подумал, как много знает Шин Афал о мыслях Ранвила за последнее время... Неужели он мог говорить ей что-то подобное тому, что говорил тогда ему во дворе

храма?

— Он любит тебя, а потому боится за тебя, и хочет оградить.

В больших тёмных глазах минбарки вспыхнуло лёгкое возмущение.

— Оградить? Разве любя — ограждают? Разве ограждают от того, что важно для человека, к чему он стремится, в чём его рост, его цель? Разве любя, не хотят дать любимому крылья, чтоб он мог лететь так высоко и далеко, как того требует его служение? О нет, я верю, что любит... Но мне не нравится, что делает сейчас с ним эта любовь. Он совершенно не слышит меня, он не понимает, что его поддержка мне нужнее, чем его беспокойство. Раньше он не был таким. Хотя и раньше мне казалось, что тьма подступает к его сердцу, но мне казалось, что его сердце твёрже алмаза, и тьме не проникнуть в него.

— Возможно, он сам сейчас забыл об этом.

— О чувствах всегда сложно судить, но неистовство Ранвила, мне кажется, его самого делает несчастным. Я продолжаю верить, что он не переступит грань, окажется сильнее...

— Сейчас не дикие времена, Афал. Несдержанность Ранвила — свойство его характера, но он чтит авторитеты, у него правильные ориентиры, и... может быть, за то время, пока нас не будет на Минбаре, он успокоится?

Девушка вздохнула.

— Надеюсь. Эти мысли печалят меня, но не думать я не могу. Он мой друг, хуже нет, когда друг сам себе причиняет страдания, и это — из-за тебя. Дикие времена... Я часто думаю, ведь ещё полторы тысячи лет назад могло быть такое, что мужчины убивали друг друга из-за женщины, или отбирали понравившуюся женщину у соперника...

— Полторы тысячи лет — срок огромный, уж за это время мы должны были многому научиться. Дикие времена землян отстоят не столь далеко, хотя честно говоря, они ещё в начале этого пути.

— Я немного читала о землянах, об эволюции их понятий мужественности и женственности, взаимоотношений полов... Честно говоря, я мало поняла, это сложно вот так сразу усвоить. Тогда, когда читала, мне подумалось, что Ранвил чем-то похож на... — она помолчала, вспоминая слово чужого языка, — викинга... По крайней мере, скорее, как отражался этот образ во взглядах людей, живших многим позже. Кто считал достойными восхваления манеры завоёвывать, проявлять силу... Я хочу сказать, ведь и тогда всё не было однозначным, было и уважение к женщине, у них были женские божества... Но те, кто позже сравнивали себя с дикарями древности, считали признаком мужества суметь подчинить женщину себе, невзирая на её протесты, именно проявлением силы, настойчивости доказать ей свою правоту. Они полагали, что эмансипация, равноправие лишь усложняют взаимоотношения полов, что мужчина должен быть воином, а женщина его призом... Мне показалось, что как-то так считает и Ранвил. Мне ещё с тех пор кажется, что те, кто проявляет больше всего нетерпимости к чертам землян, больше всего имеют с ними общего...

— К слову, ведь многим женщинам это нравится... Именно когда мужчина проявляет инициативу. Когда помогает ей сделать выбор в момент колебаний...

— Дэвид, если вот ты сейчас намекаешь на меня недавно, то я всегда ценила тебя именно за манеру держаться со мной наравне. Ты готов помочь, но способен делать это именно в тот момент, когда я прошу об этой помощи, и никогда не пытался обрезать мне крылья. Ранвил считает это знаком равнодушия и слабости, я считаю знаком уважения и понимания. Мне очень дороги такие примеры, как Амина Джани, Табер Тасевил, или вот

юная Штхиукка... За них тоже многие рады были решить, как им лучше.

— Табер? Разве её семья не считает за большую честь для гильдии её членство в анлашок?

— На словах, конечно, они так считают. На деле же считают, что гильдия понесла ужасную потерю. Хотя обычно на Бракосе делами заправляют мужчины, клан Тасевил всегда силён был именно женщинами. Возвысившая клан легендарная Мать Тасевил, говорят, была женщиной редкой деловой хватки, ума и харизматичности, своими любовниками она распорядилась как слугами, и позже многие женщины клана подражали ей... Отец Табер, справедливо ценя её ум и смелость, ожидал, что она станет его помощницей в делах, и подобрал ей выгодную партию, что помогло бы ей в дальнейшем. Но Табер хотела иного.

Дэвид в который раз подивился, как женщины удивительным образом узнают друг о друге больше, чем светит любому из товарищей по оружию. Вот Шин Афал вроде бы не была с ними на Центавре, не гостила в Эйякьяне... но знает о Табер куда больше, чем он.

— Да, такие истории не редки... Хотя Табер никогда не отзывалась о своей ситуации как о тяжёлой.

— Её и не назовёшь именно тяжёлой. Всё-таки отец внял доводам Табер, согласился с ней. Быть рейнджером не слишком популярно на Бракосе, так как не несёт особенных выгод... Вариант для романтиков и не определившихся в жизни.

— А что же Штхиукка? Она тоже бежала от почётной перспективы стать добропорядочной матерью семейства?

— Да, хотя не в этом только дело... Там сложнее. Ты слышал, возможно, о той сложности, которую имеет в культуре дрази половой вопрос.

— Тётя Сьюзен немного рассказывала мне... Честно говоря, я так и не смог понять, то ли к женщинам там относятся очень хорошо, то ли очень плохо.

Шин Афал посмотрела на него с укором.

— Хорошо или плохо — это наши оценочные суждения. Едва ли мы имеем на них право. Главное — если ты слышал, женщин у них рождается очень мало...

— Да уж, одно время ходило представление, что все дрази — гермафродиты. И они не очень-то опровергали это представление...

— Ну, они интересный народ в плане отношения к представлениям о них. Как сами они говорят, женщины для них — это ценность. Это сокровище. А сокровище необходимо тщательно укрывать...

— Кажется, начинаю понимать. Не дай никому Вселенная быть дразийским сокровищем...

— В среднем, соотношение мужчин и женщин 10:1. это, определённо, не делает обстановку здоровой. Иметь жену может позволить себе не каждый. Множество молодых мужчин, если не богаты, не отмечены никакими заслугами, с детства приучаются к мысли, что семьи у них не будет, максимум, какая-нибудь женщина может раз или два допустить их к себе из благосклонности, и ради такой благосклонности они должны очень стараться... Рождение дочери — великое счастье для семьи. Именно дочь, а не сын, есть продолжение рода. И каждая женщина с малых лет знает, что на ней лежит великая, почётная обязанность... Что она должна выйти замуж и родить детей. Иногда мужья определены ещё сразу при рождении, иногда за эту роль устраиваются настоящие состязания... У женщины привилегированное положение. Вся семья вертится вокруг неё. Её мужья, её сыновья — её

слуги. Но это...

— Золотая клетка.

— Да. Женщина может быть свободна в выборе мужей — может прогнать того, кто ей не угоден, назначить другого на его место, но она не свободна в выборе жизненного пути, и однозначно не свободна в том плане, чтоб остаться вообще без мужа и детей...

— Значит, Хорн... Как же её отпустили в рейнджеры?

— Потому что Хорн была зрелой женщиной. Она родила пятерых сыновей и троих дочерей, и больше у неё, вероятно, не могло быть детей, поэтому ей, скрепя сердце, позволили... Хотя боялись, что это может стать соблазном для других женщин...

Дэвид передёрнул плечами.

— Как-то это всё... ужасно звучит. Не наше дело осуждать чужие обычаи, тем более кому как не нам понимать, что такое долг перед родом, перед обществом, но всё же... выплачивать этот долг так, быть несвободным распоряжаться собой, пока не заплатишь его...

— Штхиукка говорила мне, что с детства страдала от того, что родилась женщиной, мысль о такой доле тяготит её, хотя у дрази она считается высшим счастьем, ей не нравятся мужчины, она восхищается женской красотой и стремится к поиску возлюбленной, а не возлюбленного. Узнав об этом, её родители хотели выдать её замуж, хотя она ещё не достигла разрешённого брачного возраста, надеясь, что это излечит её... Тогда Штхиукка ушла из дома. Она работает в организации, помогающей таким как она найти поддержку, место в жизни...

— Мне сложно даже представить такое...

— Мне тоже. Одна моя часть, сострадая проблемам Штхиукки, говорит, что необходимо помочь ей преодолеть эту дисгармонию, принять свою женственность, верить, что она встретит достойного, полюбит его... Правда, в моих понятиях нет ответа на вопрос, как быть с теми, которые нелюбимы, ведь редкой женщине в мире дрази доступна роскошь иметь только одного мужа. Я могла бы говорить о том, что исполнение своего долга, служение своим гражданам — великое счастье... Но я пока не имела дела с таким служением. Быть может, не все браки на Минбаре заключаются по любви, но у нас нет, по крайней мере в настоящее время, такой откровенной эксплуатации женского естества... Но в то же время — я думаю о том, что души в разных своих жизнях воплощаются в разных телах, и если уж души минбарцев могут воплощаться в телах землян, то почему Штхиукка в прошлой жизни не могла быть мужчиной? Конечно, это совсем не повод считать нынешнее воплощение ущербным, что если она родилась женщиной — значит, это зачем-нибудь нужно, но... Я думаю — может быть, существованием таких исключений Вселенная тоже хочет что-то показать нам? Быть может, это должно научить нас не видеть незыблемой грань между полами, не рассуждать, что мужчины должны быть такими, а женщины — сякими, что именно так-то должны складываться их взаимодействия?

— Не знаю, Афал. Мы привыкли оперировать этими понятиями как незыблемыми, несмешиваемыми, но не то чтоб я не подозревал раньше, что вселенная намного сложнее, чем нам казалось... Вообще, дрази... Я не уверен, хоть и видел Хорн в Эйякьяне, что есть какой-то способ с первого взгляда отличить у них мужчину от женщины, как, кстати, и у тучанков, да и просто отличить одного дрази от другого, если они одной расцветки и схожей комплекции, для меня пока проблематично... и уж что там с понятиями красоты... Совсем не представляю. А какие они там? Об этом Штхиукка рассказывала?

Комментарий к Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 4. Песня Сознания

Ко времени написания этой части Корпусовскую трилогию я не читал, только знал некоторые весьма общие моменты, поэтому имеет место отсебятина.

Дразийский половой вопрос в каноне отражён мягко говоря слабо, но упоминалось, что у посла есть жена. Наверное, из этого следует понимать, что они всё же не гермафродиты. Остальное, разумеется, отсебятина.

Шин Афал и Штхиукка

<https://pp.vk.me/c638617/v638617283/5e00/U5r7xOt4Ag4.jpg>

==== Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 5. Сила призыва =====

— Вы ведь и раньше бывали в домах центавриан? То есть, тут всё должно вам быть знакомо...

Старый тучанк склонил голову.

— Мы бывали. Некоторые из нас, в некоторых домах. В доме доктора Чинкони и в доме доктора Талафи. В другие дома нас никогда не звали. Ваши дома похожие снаружи, но совсем различные внутри.

— Ну да, наверное... — протянул Винтари, поднимая, вслед за иглами тучанка, взгляд на массивную люстру на сотню ламп, разбросавшую по украшенному лепниной потолку растрёпанные, изорванные тенями от лепнины круги света. Её даже днём гасили очень редко, несмотря на большие окна в гостиной, света тучанкского солнца для освещения не хватало. Сложно сказать о докторе Чинкони, но родители Рузанны явно не повесили бы такую в своём доме. Как сказала с улыбкой Рузанна, её отец любую вещь моментально конвертировал в голове в книги и реактивы, поэтому из роскошных и статусных вещей в их доме были только подарки родни, более чуждой центаврианские обычаи, нежели науку. Молодой тучанк осторожно и благоговейно держал в руках высокий бокал, стоявший в шкафу в гордом одиночестве — всю посуду, как и одежду и прочие мелкие предметы, хозяйева при отъезде вывезли (в связи с чем принимали пищу гости в тучанкской посуде), а этот бокал нашёл Иржан за шкафом, он, видимо, закатился туда и его не нашли.

— Доктор Чинкони и доктор Талафи многое объясняли нам о вашем быте, вашей культуре, это очень интересно. Мы хотим понять, как народ, создающий столько удивительной, редкой красоты в вещах, музыке, цветах — может с хладным сердцем пренебрегать красотой цветов, музыки и вещей другого народа.

— Если бы я сам это мог понять...

— Может быть, вы полагаете, что наша красота — вовсе не красота, а безобразие, и не должна существовать? ...Это место, вы говорили — место приёма пищи, но не только?

— Да, — Диус встряхнулся от мрачных мыслей, ввиду необходимости быть экскурсоводом по дому, который ему самому был явственно чужд и неприятен, — в гостиной принимает пищу семья, а так же здесь принимают гостей, справляют праздники... То есть, в настоящем большом и богатом центаврианском доме может быть несколько таких помещений, по-разному отделанных, для разных случаев — например, одна гостиная только для семейных обедов, другая для визитов, третья для домашних концертов, там обычно стоят какие-нибудь музыкальные инструменты, и стульев больше... Но здесь, вероятно, не сочли рациональным строить такие большие дома... Верно, Фенно точно не мечтали провести на

Тучанкью всю свою жизнь.

— Эти каменные фигуры — изображения ваших богов, верно? Что означает их стояние здесь?

Винтари опешил от такого вопроса.

— Ну... Это религиозная традиция. В нашей религии 51 божество, конечно, мало какой род поклоняется им всем, точнее, поклоняются-то, конечно, всем, но те или иные боги считаются покровительствующими этому роду, или профессии главы дома, или...

— Это всё мы знаем, принц Диус Винтари. Мы хотим понять, зачем фигуры богов стоят здесь. Нам ясно, что фигуры — это не сами боги, но фигуры связаны с ними, являются священными, через них боги взаимодействуют с вами, через них вы поклоняетесь богам, у нас есть подобные представления, только мы не называем духов богами... Верно, таким образом вы приглашаете богов к своему столу, или, быть может, сами приходите к их столу, это ваш знак расположения, ведь совместная трапеза — знак близости и любви...

— Да-да, пожалуй, именно так и следует сказать. Боги, управляющие жизнью смертных, они ведь дают им всё, что есть в этой жизни хорошего, поэтому вот так символически они и присутствуют... Вкусная, богатая трапеза — она сама по себе является символом счастья и достатка...

— Это нам понятно. Интересно, почему в домах доктора Талафи и доктора Чинкони не так? Они не любят богов или боги не любят их?

Наверняка хоть один из этих докторов что-то объяснял кому-то из тучанков об атеизме и агностицизме. Видимо, они хотят послушать это ещё и от него?

— И почему Фенно и некоторые другие центавриане не забрали с собой своих богов?

Потому что главным для них было забрать ценные вещи, очень хотелось сказать Винтари. Потому что к этому году в колонии вообще остались либо самые упорные, или чей пост не позволял так просто сняться с места, или те, кому в сущности было всё равно, где прозябать. И когда всё пришло к закономерному итогу — отказу от колонии, и последнее, что предоставляла метрополия — это возможность вернуться на родину, хотелось, чтобы переезд был не слишком затратным. Имеет значение, везёшь ты килограмм золота или килограмм камня, которого и там навалом. Золотые-то статуи все позабирали, между прочим.

— Ну, дома у них есть точно такие же статуи, совершенно ни к чему было... Это ведь действительно не сами боги, только их изображения. Боги ведь всё равно там, на Центавре...

Тучанк приподнял иглы, что означало, должно быть, крайний интерес и удивление.

— На Центавре? Выходит, ваши боги живут там? А как же эти фигуры? Мы полагали, ваши боги вместе с вами прибыли в наш мир. Хотя, конечно, мы никогда не ощущали их здесь, но мы полагали, это потому, что они, как и вы, живут в ваших жилищах. За кем же следуют боги — за своими изображениями или за своими почитателями? Если за вами — то зачем же вам тогда вообще эти фигуры? А если за фигурами — как же в одно время боги могут быть и на Центавре, и здесь?

— А ваши духи — они разве... не так?

Молодые тучанки собирались всё ближе, чтобы послушать интересный разговор. Бледно-оранжевые рассветные лучи скользили по их встопорщенным иглам, от чего они, казалось, матово светились.

— Нет, конечно нет! Духи могут быстро перемещаться, но они всегда в каком-то одном месте. Есть духи, которые никогда не покидают своих деревьев, или реки, или дома, который

им посвящён. Есть свой дух у всякого ветра и всякого дождя. Духов бесчисленное множество, и мы не знаем всех.

— Ну, а вот боги — это немного иное... Это непостижимые в своём могуществе существа, и в то же время они обладают каждый своей личностью. Они в одно и то же время привязаны к своим храмам, статуям, священным рощам — и присутствуют везде, вообще везде, во всей вселенной. Где бы ни оказался центаврианин, он молится Иларус об удаче, или Ли о благосклонности понравившейся ему особы...

— Как интересно! То есть, боги приходят на ваши молитвы? Покажи, как вы молитесь, принц Диус Винтари.

— Что?!

— Если мы правильно поняли то, что объясняли нам до этого, мы не просим ни о чём постыдном. Молитва — не то, что принято делать втайне, без свидетелей, ведь на торжественные моления вы собираетесь в храмах тысячами. И у вас нет такого, чтобы какому-то богу молиться было запрещено. Значит, если ты помолишься любому из этих богов сейчас, он услышит тебя.

«Чтоб вас всех, а... Почему я не могу просто сказать, что всё это чушь собачья, что нет никакой разницы, где молиться, каким богам и молиться ли вообще, что никакой бог не то что не явится во всём своём блеске, вообще ничего не изменится? Ну да, я помню, почему. Потому что я тут не совсем-то как частное лицо, а как представитель своего мира. И если я тут как представитель своего мира выскажусь о культуре этого мира так уничижительно... только скандала нам и не хватало, конечно».

— Да, разумеется. Просто... ваша просьба была такой неожиданной. Я полагал, вы уже всё знаете о нашей религии...

— Мы не всё знаем о вашей вере, принц Диус Винтари.

— Что ж... — Винтари торжественно выпрямился перед стенной нишей, чувствуя себя так глупо, как никогда до этого, — Славнейшая и Милосердная Иларус, дарительница удачи, спутница смелых, направляющая руку дерзающих, я, Диус Винтари, обращаюсь к тебе. К умножению безграничной славы твоей, пошли мне удачу в этом новом для меня деле, яви силу свою в мире, до сих пор тебя не знавшем...

Ну, это лукавство, мягко говоря. В последних своих завоевательных походах центавриане уже мало внимания уделяли миссионерству, не видя в нём особого резона, но уж знакомить со своей культурой всех, кто не сумел от этого блага отбиться, они не перестанут никогда. Попутно, конечно, нередко прибирая себе то, что приглянулось в чужой культуре, и нимало этого не смущаясь...

— Хорошо. Мы благодарим тебя за это. Теперь покажи нам настоящую молитву.

Это следовало понимать, конечно. Переводя ошарашенный и даже испуганный взгляд с одного безликого слушателя на другого, он начал понимать. Тучанк может, конечно, не угадывать правды, но он почувствует ложь. И в том, чего они хотят, действительно нет ничего постыдного... Только ощущения всё равно такие, словно заставляют раздеться, и отказаться ты — не можешь...

Винтари повернулся в сторону окна, за которым в просвете жидких ветвей медленно всплывало над горизонтом оранжевое, совсем не слепящее глаза солнце, и опустился на колени среди расступившихся тучанков.

— Великое солнце, мать огня, мать жизни нашей. Благодарим тебя, что вошло над нашими головами и пробудило нас к жизни и в этот раз. Благодарим тебя, что прогоняешь

демонов ночи и озаряешь наш путь. Благодарим тебя, что питаешь землю и произрастающее на ней. Благодарим тебя, что ведёшь счёт нашим дням, проходящим в трудах и счастье, дарованных твоей благодатью...

Слова чужого языка вспоминались с трудом, язык спотыкался о них. Одно лишь немного утешало — что не слышали его сейчас ни Амина, ни Тжи'Тен...

— Очень хорошо, принц Диус Винтари, это очень хорошо. Мы благодарны тебе. Теперь скажи нам, чем различаются эти молитвы.

— Первая обращена к персонифицированному божеству, вторая — к природному явлению. Первая содержит конкретную просьбу, вторая — общую благодарность...

— Верно, и ты не должен обижаться, но вторая молитва понравилась нам больше первой. Это ближе нам, это понятнее нам. Верно, наши духи не так сильны, как ваши боги, они сами живут солнечным светом, и травами, и деревьями, как мы, они тоже могут рождаться и умирать, они могут, в благодарность за наши подношения, что-то сделать для нас. А могут не сделать. Они не бывают добрыми или злыми, потому что существуют не для нас, не для того, чтоб помогать нам или вредить. Но могут помочь или навредить, если захотят. Они просто старше, чем мы, и другие, чем мы. И лучше всего благодарить тех, кто сделал тебе благо, и сторониться тех, кто делает тебе вред, а торговаться с духами — дело трудное и рискованное, нам не понять их до конца. Но вы — конечно, другие, и ваши боги — другие. Потому-то мы и хотели понять, каковы ваши боги, которые заботятся о ваших делах. Почему, по вашим словам, главная задача этих богов — устраивать жизнь тех, кто их восхваляет, но ни разу, пока ваш народ был здесь и возносил молитвы своим богам, эти боги не пришли и не показались нам. Может быть, ты сможешь объяснить нам, что такое ваши боги как они живут и действуют? Были ли они в нашем мире, остались ли они в нём сейчас, и если остались — как нам с ними быть?

С центаврианином, землянином, нарном многое можно понять по его глазам. Но у этих существ нет глаз. И от этого страха и бессилия подкашиваются ноги, на которые он поднялся было.

— Я... я не понимаю, какого ответа вы хотите от меня. Я не знаю! Кто может знать что-то о действиях богов? Кто может их предсказать?

— Вы тысячи лет поклоняетесь этим богам, строите им храмы и рассказываете о них истории. Вы ждёте их помощи в том или ином деле и объясняете их участием то или иное событие. Разве это может быть сложно для одного из вас?

Винтари чувствовал, что ему всё труднее сохранять самообладание. Всё это складывалось как-то слишком нехорошо. В самом деле, ну почему они не поймали с таким вопросом Иржана...

— Я... полагаю, что вам не о чем беспокоиться. Наши боги не будут вмешиваться в вашу жизнь. Ведь ваш мир — больше не наша колония, и были или не были они здесь до сих пор — им точно незачем быть здесь теперь. Вам совершенно не требуются ни их статуи, ни молитвы, мне совершенно нечему тут вас учить...

Если только не зацепиться за мысль о тех центаврианах, что остаются здесь — как Рузанна Талафи и доктор Чинкони, хотя они, конечно, не большие почитатели богов. И если, чёрт бы побрал все эти высокодуховные вопросы, не заострять внимание на том, что вторая молитва — нарнская, и едва ли хоть один из этих тучанков не понял этого.

— Нам не нужны эти молитвы так, как ты подумал, принц Диус Винтари. В этих молитвах нам важен не адресат, а отправитель.

Рыжее пламя костра плясало свой древний, вечный и изменчивый танец. Где-то далеко в тёмной вышине рокотали моторы самолётов. Тренировочные полёты молодых тучанков... Им нет принципиальной разницы, днём или ночью совершать учебные полёты, особенно когда есть яркие ориентиры костров. Руководители группы — два центаврианина и тучанк — в переговорники комментировали полёт новичков, давали советы, вносили корректировки. И тут же пелись песни, звучали сказки и легенды — ночь длинна, живой огонь располагает, тем более совершенно кстати тут инопланетные гости... Тучанки, живущие вблизи космодромов и крупных предприятий, почти всегда знают два языка, кроме родного — нарнский и центаврианский. Некоторые знают так же и земной — благодаря тем из нарнов или центавриан, кто, по той или иной надобности, счёл нужным обучить их ему. Это, наверное, единственное, что оставили по себе хорошего две оккупации. И тучанки ничуть не находят зазорным рассказывать и петь на чужих языках. Кажется, им доставляет даже некоторое удовольствие слышать, как их привычное обретает новое звучание...

Рузанна с небольшой кипой хвороста сидела на расстеленной шкуре. Рассеянная мечтательная улыбка блуждала по её лицу. Рядом тихо опустилась Амина Джани.

— Вы не против моего общества, леди Талафи?

— Ничуть! Я хотела познакомиться с вами поближе, — девушка гостеприимно подвинулась, давая соотечественнице возможность сесть поудобнее, — вы ведь леди Джани, первая центаврианка-рейнджер, и вы... жена нарна?

Амина улыбнулась.

— Жена... Мне нравится, как звучит это слово, серьёзно, торжественно, основательно... И в то же время по-простому, по-домашнему так. Нет, в полной мере называться мужем и женой мы не можем, хотя один из обрядов в нашей жизни уже был. Но вообще как-то непонятно, по какому обряду венчать нарна и центаврианку, а у рейнджеров специального брачного обряда нет, теперь вот энтилза говорит, что наверное, стоило бы разработать... Но мы обручились согласно Г'Квану, эта простая формула не имеет какой-то специфики круга, рода, касается только религиозных убеждений обоих, а они у нас общие. Но честно говоря... Насколько это важно? Мы любим друг друга, и для подтверждения этого не нужны никакие обряды, а жить обычной семейной жизнью мы всё равно по роду профессии не можем.

— Это... Так необычно. Я хотела бы понять, правда. Как... можно... Как центаврианка может полюбить нарна...

— Для этого мне пришлось бы на какое-то время стать кем-то другим, чтобы представить, как можно не полюбить Тжи'Тена. Будучи Аминой Джани, я не могу себе этого представить.

Рузанна покраснела, видимо проигрывая девичьему любопытству. Амина невольно подумала, как, наверное, забавно они смотрятся рядом, её форма, её огрубелая в тренировочных боях кожа и обломанные ногти — рядом с изящной, как фарфоровая статуэтка, Рузанной, её тонкими пальчиками, теребящими складки расшитого платья. Когда-то она сама была такой, как эта девочка, и мужчины упражнялись в изящной словесности, сравнивая её с цветком, горной ланью или шедевром ювелирного искусства, и клянясь, что в первую минуту не верили, что она настоящая, а не пришедшее из рая видение. Но уж о чём о чём, а об этих изменениях она не жалела.

— И вы... находите его красивым?

— Разумеется. И не могло бы быть иначе, когда любишь. Но дело не во внешнем

обольщении, совсем нет. Я не разделяю красоту Тжи'Тена на внешнюю и внутреннюю. Тжи'Тен является для меня образцом и идеалом не только потому, что я могла бы смотреть на него вечно, вечно слушать его голос, что его сильные руки нежнее всего на свете. Мы с ним идём одной дорогой, у нас одна цель, один выбор, один бой. Поэтому даже разлучаясь надолго, мы никогда не теряем друг друга из виду. Иногда мне кажется, что счастье моё так велико, что не вмещается в моё сердце... Я читаю это в улыбках тех, кто рад за меня... Настоящее счастье — найти того, кто будет и поддерживать тебя, и учить. Я не могу сказать, созданы ли мы с ним друг для друга, но я точно знаю, что наша встреча — это лучший дар судьбы. Награда за смелость, за волю к жизни, залог того, что мы не сойдём с пути... Я понимаю, у многих моих соотечественников... предубеждение против нарнов...

На лице Рузанны проступило смущение.

— Я почти ничего не знаю о них. На Девоне как-то сложно было на них насмотреться, да и я была слишком мала. Единственная в моей жизни встреча... оставила впечатления неприятные... Но это детские страхи, они хоть и сильны, но не вечны. Здесь я, разумеется, слышала о нарнах много плохого, какую они по себе память оставили на Тучанкью — вы сами знаете... Да и многие центавриане рады были подогреть, рассказывая о нарнах всякие ужасы. Но я, конечно, не готова верить, что они все именно такие ужасные, как о них говорят. По большому счёту, первыми колонистами любой колонии редко бывали образцы высоких моральных качеств. Вспоминая, прости меня Создатель, многих наших соседей, я хорошо это понимаю. Однако как среди моих соотечественников есть... очень разные, так, вероятно, и среди нарнов. А вы сказали, у вас с ним общая вера? Вы оба приняли религию минбарцев?

— Нет, что вы, да и к чему бы это было? Хотя некоторые элементы минбарской религии входят в философию анлашок, не без этого... Нет, я приняла в своё сердце Г'Кван, при чём ещё до того, как познакомилась с Тжи'Теном. И можно даже сказать, что я смотрела на него с первой минуты через призму учения, что в моих чувствах вообще много религиозного... А вы верующая, леди Талафи?

Девушка бросила несколько веточек в огонь, он приветственно затрещал, принимая подношение.

— Насколько это возможно для дочери учёного, которого едва ли можно было назвать религиозным, леди Джани. Мой отец допускал, что у всего сущего может быть какой-то единый создатель, но не считал... себя достаточно компетентным, чтоб рассуждать о том, каким он мог бы быть. Если бог есть, считал отец, то он непознаваем, потому что слишком велик в сравнении с нашим малым сознанием. А в богов нашей религии — нет, не верил, и считал позорным для учёного верить.

— А вы? Вы разделяете взгляды отца?

— Я боготворила отца, леди Джани. Он был для меня примером во всём. Наша семья возможно, по многим причинам слыла в народе чудаковатой... Но я счастлива, что выросла именно в такой семье.

— Если уж тучанки вам, одной из немногих, разрешили остаться здесь... Наверное, ваша семья была у них на хорошем счету. И ваша семья, которая будет у вас... Вы ведь намерены остаться здесь, чтобы и ваши дети росли в доме, где выросли вы?

Девушка невольно встрепенулась от вопроса.

— Я... признаться, не думала об этом. Ну, именно о семье. Хотя нет, думала, но... Для этого ведь нужно встретить того, кого люблю, кто полюбит меня. А я... Нет, хоть здесь

осталось и очень мало центавриан, зато они все весьма достойные люди, и есть, из кого выбрать. Но я как-то... Не знаю, робею, когда кто-то обращает на меня внимание... именно такое. Я не считаю себя достойной... Или же их чувства не кажутся мне искренними.

— Почему? Вы невероятно красивы.

— Да ну...

— Я думаю, на Примае вам не надо было особенно стараться, чтоб у ваших ног было множество поклонников. Ваш тип внешности считается идеалом. Особым указом императора Моллари черты Адире Тери были провозглашены эталоном женской красоты, а вы очень на неё похожи.

— Я слышала о леди Адире... Император Моллари, насколько я могла о нём судить исходя из того, что слышала, вызывает противоречивые чувства... Но вот тут мне его невероятно жаль. Мой отец пережил маму только на три дня, и эти три дня были для него вечностью мучений. Как ни горько мне было потерять и его, я была счастлива, что их души воссоединились. Каково же прожить без любимой столько долгих, ужасных лет... Знаете, отец как-то рассказывал об одном поверье народа, из которого происходил род Талафи. Что у каждого мужчины в жизни есть две самые главные женщины. Одна — ангел, поддерживающий, вдохновляющий, дарующий покой и исцеление. Другая — демон, отравляющий разум и лишаящий покоя. Я думаю, леди Адире была ангелом для императора.

— А кто же был демоном? Хотя, у императора было три жены, из них любая была демоницей хоть куда.

Рузанна мотнула головой.

— Нет, это не то. Я думаю, после потери своего ангела жизнь императора Моллари стала так беспросветно печальна, что никакие демоны не были б уже в ней заметны.

Майкл Дир улыбался, глядя на огонь. Костёр был его любимым образом с детства, ещё когда с отцом смотрел фильмы, где в каком-нибудь дремучем лесу или дикой степи путешественники у костра пели песни или рассказывали байки. Конечно, он понимал, что то, как видит это он и как видит отец — не одно и то же, но отец позволял ему эти детские мечты о том, что когда-нибудь они отправятся в поход, будут так же сидеть у костра, есть жареное на огне мясо и вспоминать какие-нибудь истории, а за спиной будет шуметь тёмный-тёмный, таинственный-таинственный лес, который у огня, рядом с отцом совсем не пугает... Но природа Проксимы не слишком-то располагала к походам, да и работа не позволяла отцу вырваться... А потом отец умер... Майкл никогда не упрекал его за то, что он не сдержал обещания...

Огонь плясал, как колышущийся на ветру живой цветок. Огонь трещал. Гул моторов в вышине, скрипучие напевы старого тучанка тоже казались его голосом. У всего есть песня...

Он поднялся, и шагнул к тучанку, собирающемуся присесть на разостланные шкуры неподалёку.

— Прошу вас... Сейчас вы танцевали — это так красиво. Как огонь, только ближе, совершеннее... Словно огонь вдруг облёкся плотью и напился красоты из земли, травы и неба, кроме своей собственной. Словно вместе они породили новый яркий цветок... Например, мак. На Земле в степи растут маки. Это такие большие ярко-красные цветы. Яркие как сердце, как любовь. Я не знаю, растёт ли что-то подобное здесь, если нет — то значит, это вы. Станцуйте ещё раз — я хочу запомнить это. Может быть, мне никогда больше не увидать ничего подобного.

Тучанк наклонил голову, рассматривая его с явным удивлением.

— Как тебя называют?

— Майкл Дир, я рейнджер...

— Май-Кыл-Дир... — тучанк пробовал на язык чужеземное имя, — почти как меня. Я

— шиМай-Ги, женщина-пилот. Я не летала сегодня, но здесь Рузанна, и здесь вы, значит, будет много песен, будет много бесед, это радость для нас всех. Я могу научить тебя этому танцу, если ты хочешь. Это очень просто, нужно слышать, каких движений просит твоё сердце. Тогда земля говорит через тебя с небом. Это танец радости сердца, если твоё сердце радуется — ты будешь танцевать лучше, чем огонь.

Седой бракири долго любовался необычной танцующей парой, потом повернулся к сидящим поблизости фриди.

— Удивительно... я знаю не менее десятка миров, у которых есть одна и та же древняя любовь к пляскам у костра. Идёт время, мы открываем законы мироздания, строим космические корабли, изобретаем новые сплавы, но по-прежнему зачарованно смотрим на огонь в ночи... И человеку современному иногда хочется, хоть на миг, забыть о машинах, теориях, всём том культурном пласте, который наслоило на нас время, образование... Извините. Может быть, вам как раз это не близко, и вашей сдержанности и целомудрию претят эти дикие пляски...

— Не переоценивайте наше целомудрие, господин Таката, — обернулся с улыбкой фриди Шонх, — да, порой бывает, что что-то из обычаев других рас нам трудно понять, что-то кажется нам слишком... развратным, или грубым... Но мы помним, что наше восприятие не является... голосом разума вселенной. Если раздавать тому, что мы видим, оценки, и отворачиваться от того, что кажется нам неподобающим, легко впасть в гордыню. А хуже гордыни нет ничего. Положим, да, эти воюще-лающие звуки грубы для нашего уха, и эти движения нам кажутся экспрессивными и нелепыми, но постигать многообразие и удивительные пути вселенной можно не только в медитации под перезвон колокольчиков или журчание воды. Эти песни и танцы идут от сердца, поэтому они прекрасны. Эти существа, молодые и почтенного возраста, прекрасны, и вселенная даёт нам огромный дар, раскрываясь в их голосах и движениях.

— Прошу прощения, фриди Шонх, поверхностные знания равны заблуждениям. Прекрасно всё же, что нас собрали здесь вместе — мы сможем лучше узнать не только тучанков, но и минбарцев, и дрази, и иолу...

— А вы кто по роду занятий, Фрайн Таката? — спросил один из расположившейся поблизости группы молодых тучанков, двое из них были в костюмах пилотов, — вы врач?

— Нет. Я писатель. Увы, на моей родине не самая почитаемая профессия...

— А о чём вы пишете?

— Когда был многим моложе, я написал много детективов. Неплохих детективов, пожалуй... На моей родине любят детективы. Этим я сделал себе имя. Но потом я стал писать романтические произведения. О любви, о взаимоотношениях поколений, о жизни и том выборе, который она нам даёт, и о последствиях этого выбора... Многие говорят, что это какое-то неожиданное падение для меня, но мне интереснее писать о том, какие люди внутренне, в сердце, в чувствах, чем внешне — чего они достигли и благодаря чему... Прежде я много писал о негодях, это было интересно читателю, но совершенно неинтересно мне. Я устал от негодяев. Мне захотелось писать о тех, кто кого-то любит, кто

переживает из-за потери, или ждёт встречи, или пытается разобраться в своих чувствах... Я забочусь только о том, чтоб мне не изменило чувство стилия, чтоб давать моим читателям качественный продукт. А то, что моя аудитория теперь неизмеримо меньше, чем раньше... Зато это нужная мне аудитория, те, кто хотят меня понимать, кто хочет, прочтя книгу, чему-то научиться, размышлять о ней и после, а не только отвлечься или пощекотать себе нервы.

Тучанки одобрительно загудели между собой, из немногих понятных ему фраз Таката понял, что они рассуждают, что хорошо бы перевести что-то из его произведений.

— А любимая женщина у вас есть, Фрайн Таката? Вы женаты?

— Был. Около года. Моя жена ушла от меня к другому мужчине. Я очень переживал, но не был настойчив в попытках её вернуть. Потом некоторое время у меня была возлюбленная — девушка из издательства, с которым у меня был контракт... Не могу, впрочем, сказать, что мы очень уж сильно любили друг друга, скорее нам было интересно вместе... Потом ей пришлось переехать, мы расстались тепло и мирно, скорее как друзья, и продолжали переписываться много лет... Может быть, и теперь меня ждёт дома её письмо, которое я не успел получить перед отъездом...

— Почему с тобой сейчас нет твоего брата, принц Диус Винтари?

Винтари вздрогнул и выронил вязанку хвороста. В таком шуме, конечно же, он мог бы не заметить, если б к нему подошла целая процессия с трубами и барабанами, а не два тучанка в традиционных одеждах, побрякивающих всякими амулетами.

— Вы имеете в виду Дэвида? Он... он остался с Шин Афал и Штхиуккой у доктора Чинкони, он хотел закончить один перевод и...

— Нам известно, где он остался. Мы хотели бы услышать, почему он не пришёл сюда.

— Ну... разве непременно мы должны приходиться куда-то все вместе, всей толпой? Зак Аллан и Брюс тоже остались, они показывают некоторым вашим фильм о рейнджерах, это ведь тоже полезно...

— Нам известно, что делают Зак Аллан и Брюс. Я спрашиваю тебя о твоём брате почему он не пришёл сюда. Почему ты пошёл, а он нет. Почему он хотел пойти, а ты отговорил его.

Вообще даже странно, что нарнам так легко удалось обмануть тучанков. Или центаврианам начало изменять веками оттачиваемое искусство лжи, или тучанки приноровились угадывать за сплетениями словес и хаосом мыслей истинные мотивы. Ну, во всяком случае, кто-то из тучанков явно слышал этот разговор...

— Я... да, простите, я счёл, что это... не совсем будет ему полезно.

— Ты боишься за него. Почему?

Винтари повернулся к костру, чтоб бросить в него несколько веток, хотя особенно не надеялся, что это поможет скрыть от тучанков эмоции. Им для этого не непременно нужно видеть выражение лица.

— Потому что он дорог мне. Потому что я старше, потому что его отец там, на Минбаре, успокаивает себя тем, что я не допущу, чтоб с Дэвидом что-то случилось.

— Мы знаем это, принц Диус Винтари. Почему ты считаешь, что здесь твоему брату причинят вред?

— Это не про вас, вообще не про вас! Просто здесь костры! У Дэвида... есть одна особенность, из-за которой ему лучше избегать огня. Он плохо на него влияет.

«Огненный спящий», ахари... Какого чёрта он должен объяснять этим созданиям то,

чего он сам не понимает?

— Мы хотим знать, как влияет огонь на твоего брата. Откуда ты знаешь — может быть, мы знаем, как помочь ему? Мы знаем много болезней своего народа, и много болезней твоего народа. Почему ты считаешь, что мы не поймём болезнь твоего брата? Ты можешь не сомневаться, что мы не допустим ему никакого вреда. И разве ты каждую минуту рядом, чтоб оградить его от огня во все дни его жизни?

Спасибо, что посеяли в мыслях вечную паранойю, подумалось Винтари.

— Огонь свечи или огонь в камине не так опасен ему, насколько я успел понять. Чем больше огонь, тем страшнее. Некоторые костры здесь просто огромные...

— У страха есть корень. Мы не знаем, сможем ли мы вынуть этот корень. Но мы должны понять. Пойди же и приведи сюда своего брата. Не бойся ничего, ты и мы с тобой оградим его от любой опасности.

— Я бесконечно благодарна вам за помощь. Без вас мне пришлось бы очень непросто.

— Ерунда, — Брюс потёр лоб, оставляя на нём длинную тёмную полосу, — для меня вот собрать из двух агрегатов нечто единое и немыслимое — тоже, если угодно, искусство. Если оно действительно ещё и работать будет...

— Да работает как будто, — Дэвид в узкую щель следил за движением пишущих головок, слушал тихое, но твёрдое и оптимистичное гудение, — лампочки просто перегорели. Ну и ну их, лампочки эти...

— Главное, чтоб ещё и воспроизводилось, — Шин Афал наконец перестала кружить вокруг устройства и вернулась к пересмотру коробочек с информкристаллами, — может ведь вхолостую, просто пластинки испортить... С ненадёжными древними носителями такое часто бывало.

— Это моя вина, — вздохнула Гила, наконец оторвавшая от устройства усталый и счастливый взгляд, — я должна была подумать о том, что здесь не пользуются информкристаллами, что здесь свои, возможно, несовместимые с нашими технологии... Но я подумала, ведь здесь жили сперва нарны, потом центавриане, они могли привнести много своего...

— Нарны не делились с нами своей музыкой, — ответил тайРи-Мар, — центавриане — делились, но иначе. Они собирали нас на концерты, но это бывало в больших городах, иногда. Проигрыватели есть, но их мало. Впрочем, и наших собственных мало. Мы не видели в этом такой великой потребности. Ведь песни может исполнять каждый, каждый день для своих близких в любом месте.

— Ну, это и не так плохо, если у вас нет понятия... какого-то исключительного таланта в этом плане, — улыбнулась Гила, принимая от доктора Чинкони бокал с чаем. В неярком свете двух старинных светильников её лицо было удивительно мягким, словно нарисованным нежной пастелью, и в то же время было особенно заметно, насколько она уже немолода. Возможно, она ровесница доктора Чинкони... Кажется, эти тёмные борозды на гребне тоже свидетельство возраста...

— У нас есть такое понятие. В истории были сказители, исполнявшие песни и сказки так, как не может больше никто. Когда мы поняли, что с их смертью теряем этот дар навсегда, мы и изобрели способ сохранять голоса навсегда, чтоб они звучали даже тогда, когда поющий умолк навек. Именно для этого мы и создали запись и проигрыватели.

— Довольно удивительно, если учесть, что у вас и письменности... практически нет. Вы

передаёте устно всё, храните в своих головах такой огромный объём информации! Это достойно восхищения. И по правде, мне немного неловко, что я вот так самочинно добавила к коллекции ваших шедевров своё, то, что вы ещё не успели оценить и назвать достойным... Но я просто физически не успею спеть для вас всех, везде, в каждом уголке вашего мира. Мне придётся выбирать, куда поехать, где выступить. Это тоже довольно тяжело.

— Мы понимаем. И не видим в этом проблемы. Если ваше пение не понравится нам, мы уничтожим эти пластинки. Но я думаю, если всё, что вы поёте, так же красиво, как то, что мы слышали сегодня, то нам не жалко всех пластинок, которые у нас есть сейчас, и мы сделаем ещё столько, сколько нужно, чтобы не потерять то, что мы приобретём.

— Тогда взамен я хотела бы от вас только одного — возможности выучить тучанкские песни. Я хотела бы исполнить их в родном мире и в других мирах. А если не я — то кто-нибудь ещё из нашей организации.

Агрегат, собранный из центаврианского и тучанкского записывающих устройств, выщелкнул первую пластинку. Шин Афал благоговейно приняла её в свои руки.

— Невероятно. Я первая держу в своих руках новое переиздание вашего альбома. Хотя, я не уверена, что вполне осознала, что вы та самая Ги́ла Ам-Алик, о которой мне рассказывала ещё тетя, песни которой звучали в нашем доме...

— И ещё лучше, что здесь моё имя не имеет ровно никакого веса и звучания. Не хочу, чтоб вес авторитета оценивался прежде содержания.

— Но вообще-то ваша слава действительно огромна, и заслуженно. Вы ведь не просто певица.

— Да, это верно, и я не отрицаю этого. Быть просто певицей я и не хотела бы. Но я хочу, чтобы то, что я делаю, было так же хорошо, как и 20 лет назад, а точнее — было лучше, вызывало искренний интерес. Занятно, что мы встретились здесь. А ведь ваша тётя когда-то оказала на меня немалое влияние.

— В самом деле?

Ги́ла распаковала следующую пластинку и вставила в устройство.

— Я узнала об этом спустя год — всё же новости, даже скандальные, распространяются по вселенной порой долго. Мы смотрели запись выступления Маяйн на Земле, и мой друг, музыкант, сказал: «Ты знаешь, что её чуть не убили на Вавилоне? И всё же она поехала на Землю». Может быть, вы не поймёте, почему меня так потрясло это... Я была тогда уже довольно известной на Аббе и в некоторых колониях, но я никогда не давала концерты за пределами родного мира, мне казалось это чем-то немыслимым, хотя мне и предлагали... Конечно, я боялась. Сложно сказать, чего, вряд ли того, что могу столкнуться с агрессией, скорее того, что просто не буду понята, что никому это не будет интересно. Зачем землянам, минбарцам или нарнам аббайские песни, думала я? Каждый народ создал достаточно прекрасного, чтоб не нуждаться в чём-то заёмном... И вот — пример Маяйн. Это был не первый пример, разумеется, я слышала о центаврианских операх, которые ставили так же на Земле, о выступлениях земных рок-групп на Нарне, об опыте некоторых других рас... Меня это удивляло, и я полагала, что на такое решаются честолюбцы или безумцы. Я обдумывала всё это ещё несколько месяцев... А потом выступила на Бракире на одной сцене с Тимано Раскеле...

Со стороны то ли Брюса, то ли Иржана раздалось уважительное гудение.

— Да, даже будучи аббайкой, никогда не покидавшей пределов родного мира, легко было понять, какое это имя, какой оно имеет вес. Хотя он был старше меня всего на десять

лет, но эти десять лет имели значение. Он дал мне партию, которая была написана ещё тогда, когда я записывала свой первый альбом, и которая не исполнялась с тех пор, как его творческие пути с её исполнительницей разошлись... Да, вы поняли, видимо, о ком речь... Вы представляете себе, какое это было волнение, какое испытание. Особенно когда ты почти не знаешь бракирийского языка. Но мне удалось. Мы имели оглушительный успех. С тех пор я ещё несколько раз выступала с Раскеле — и перед бракири, и перед аббаями. Это было начало. Начало настоящего волшебства в моей жизни.

— Петь на одной сцене с Раскеле — это уже войти в историю, а вы сумели шагнуть дальше.

— Мне кажется, меня именно тогда подхватила некая магическая волна, и несла все эти годы. Я засыпала, вспоминая Раскеле, его удивительный по силе и тембру голос, блеск его глаз, его сильную руку, приобнимающую меня — наверное, я была влюблена в него и во всё, чего мы касались вместе. Наверное, именно это помогло мне пережить всё это — полные залы, и не моих соотечественников, не тех, кто моей крови, моего языка, но они хлопали, они кричали — я не всегда понимала, что... Вопросы, фотографии, гримёрка, заваленная букетами... Это всё могло раздавить, оглушить, хотя я как будто была уже привычная. Но ведь это был не мой мир. Это было... слишком ярко, слишком много эмоций, чтоб это могло выдержать одно сердце. Но меня словно окутывало плотной пеленой это... наше единство. Наша совместная работа, наше понимание без лишних слов. А когда... когда началось всё это безумие... Это Раскеле, он тогда уже сильно болел, подал мне эту мысль: «Ги́ла, я уже не смогу, но ты сможешь». Я думаю, без этих слов ничего бы не было. Даже сейчас, пройдя уже весь этот путь, я спросила бы себя: кто согласится, кто послушает, ведь это безумие... Но сила его убеждённости не оставляла вариантов. Он был старше, он был сильнее. И он был бы со мной в этом деле, если б мог. Я тогда обратилась к немногим, к тем, кого знала в родном мире и на Бракире, удивительным было даже не то, что многие согласились, а то, что они сказали, что сами думали о чём-то подобном. И мы сами сперва не понимали, что замахнулись действительно на нечто масштабное. Мы думали — мы отыграем один, ну может, два концерта для этих беженцев, потом — отыграем один, ну может, два концерта для благотворительных сборов... Но когда видишь, слышишь это всё — остановиться уже невозможно. Все эти обгоревшие дети, молодые мужчины и женщины без рук и ног, старики, потерявшие всю семью и не знающие, для чего им повезло спастись, что им делать с жизнью, которой не осталось... Для этого как-то мало пары концертов. Наши голоса должны были стать громче — и стали. Мы уже не просили, мы требовали. Мы шли не только туда, где нам всегда рады, но и туда, где мы никогда не бывали. И к нашему хору стали присоединяться новые голоса. Песня против оружия — это даже звучит смешно, значит, песне пришлось стать оружием.

— Песня — ещё какое оружие... Раз уж ваша жизнь не раз подвергалась опасности из-за этого.

— Это я достаточно быстро поняла. Мы назывались «Артисты против войны», и многие не присоединялись к нам, но это не значило, что они — за войну. Просто они не принимали наши условия, не хотели петь бесплатно для тех, кто даже не знает их языка, или переводить песни на их язык, или учить их песни... Не хотели отчислять все сборы с концертов у тех, кого война пока не обездолила, в пользу раненых и беженцев, оставляя себе только то, что нужно на дорогу до следующего места и пропитание. Их можно понять, хотя я лично не понимала. Как можно думать о выручке, о процентах, когда умирают дети, когда мы

радуемся каждой удачно проведённой операции, каждому ящику гуманитарной помощи, который смогли обеспечить мы... А были и те, кто были за войну. Чьей славой были песни, которые они сами считали патриотическими... Казалось бы, мы не мешали друг другу, у нас была разная аудитория. Казалось бы, чем мы были опасны тем, кто отказывал нам в предоставлении площадок? Артисты, никогда не державшие иного оружия, кроме кухонного ножа. Понятно, что центаврианская администрация не пустила нас на Нарн... Но ведь не только они встречали нас холодной брезгливостью. Мы были против войны, но мы тоже были на войне. Невозможно петь только о любви, о радости, о красоте, когда каждый день желаешь, чтобы твои глаза больше уже ничего никогда не видели. Невозможно не отражать в песнях реальность — не только лучшее в ней, но и горечь, и боль, и возмущение. Слушатель не примет песню, если в ней не будет правды. Наши песни не только поддерживали пострадавших, они обличали виновных, они клеймили зло. Это было не то время, когда можно было не касаться громких имён, из чьего бы мира они ни происходили. Может быть, если б мы кланялись каждому, кто просто нам не мешал, кто скрипя зубами кидал жалкие подачки, какие постыдишься дать нищему, а ведь наши деньги — это спрессованные слёзы, это бессонные ночи, это подвиг... Может быть, если б мы унижались перед всяким, у кого есть деньги и оружие, и не поднимали злободневных тем, были бы как бы вне, мы больше бы получили. Но тогда мы сами не могли бы себя уважать, и никто из тех, к кому мы, как артисты, шли, не уважал бы нас.

— Тем, кто сейчас молод, не представить, что вы пережили.

— И это естественно. Как красочно ни описывай такое — представить невозможно. И я не хочу, чтоб представляли. Никто, кто пережил всё это, не хотел бы, чтоб кто-то другой пережил такое. Когда я вспоминаю об этом, я радуюсь, что Раскеле не хлебнул того, во что мы окунулись, а ведь если б не его операции, он был бы с нами, это несомненно. Но интересно — страха не было. Когда-то я боялась, примут ли меня в других мирах, будет ли это интересно — а теперь я шла и говорила, и пела, и писала письма... Безопасно не было нигде — ни там, где рвались взрывы и полыхали пожары, ни там, где процветала мирная, сонная идиллия. Нас арестовывали сотню раз — под самыми разными предлогами, иногда смешными. Нам срывали концерты, писали всякую чушь в газетах, про анонимки с угрозами я не говорю, это было в жизни каждого артиста в самое мирное время... Но страха не было. Всякий страх умер в то время. Мы просто шли и делали то, что было необходимо. В меня стреляли... Повезло, что это был большой город, с хорошим госпиталем. У меня поврежден плавательный пузырь, это сказывается с возрастом... Многих из нас пытались убить, и некоторых убили. Но мы кое-чего достигли, и жалеть не о чем.

Дэвид взял из аппарата новую пластинку.

— Хочется всё же надеяться, что мы все сможем послушать вас вживую.

— Это определённо. Мой голос, конечно, уже не так чист и прекрасен, как в молодые годы, но пока ещё могу петь, а значит, пока ещё жива.

— Это замечательно и интересно, рейнджер Ташор, то, что ты рассказал нам. Мы благодарны тебе за этот рассказ. Теперь расскажи нам о ваших женщинах. Мы слышали, что ваша раса очень трепетно относится к женщинам, это близко и интересно нам, мы хотели бы об этом услышать.

Ташор обвёл сидящих кружком тучанков несколько испуганным взглядом. Принц Винтари сказал как-то раздражённо, что у него есть ощущение, что каждый вопрос тучанков

какой-то если не издевательский, то с двойным дном. Теперь он, пожалуй, согласился бы с этим.

— Ну... Я не знаю, что рассказать вам. Наши женщины очень красивы. Конечно, я понимаю, что не всякий с этим согласится, многие расы считают нас, дрази, непривлекательным народом. Мы это знаем. Мы тоже не каждого, кого встречаем во вселенной, назовём красивым. У каждого своя эстетика. Но для нас наши женщины — прекрасны. И мы действительно считаем их нашей главной ценностью.

Тучанки тихо перешёптывались между собой, тихо шевеля иглами.

— Правда ли, что вы так восхищаетесь вашими женщинами потому, что их у вас мало?

— Ну... возможно, что так. У многих народов бывает такое — то, чего много, не ценят. У нас не ценят мужчин. Мужчин много, поэтому мужчины могут гибнуть в войнах, работать на опасной работе. А с женщинами так поступать нельзя, женщин нужно беречь и защищать. Каждая женщина с рождения знает, что она — сокровище, достояние нашего мира.

— У тебя есть жена или возлюбленная, рейнджер Ташор? Какая она?

— О нет, конечно, нет. Я третий сын в бедной и незнатной семье, я молод, и ещё ничего не достиг. Мне не положено место среди мужей. Мой отец потому отпустил меня в рейнджеры — может быть, если я стану героем на этом поприще, какая-нибудь женщина возьмёт меня в число мужей.

— И тогда ты оставишь орден, чтобы жить семейной жизнью?

— Это едва ли, это не требуется. Есть, конечно, некоторые семьи, в которых мужья равноправны, и все живут в одном доме со своей женой, но это редкость, навряд ли мне удостоиться такой чести. Скорее всего, как пятому или шестому мужу, мне будет позволено встречаться с женой раз в год, в свою очередь, чтобы надеяться на появление детей. Ведь едва ли я могу дать жене подобающее обеспечение, а значит, мне, как и тем мужьям, которых берут только за красоту или личные качества, нужно знать своё место.

Безглазые лица тучанков ничего не выражают. Нельзя сказать, что они одинаковы — взгляд дрази тут иной, чем, к примеру, взгляд землянина, но по этим лицам нельзя прочесть реакцию.

— Интересно... Сколько же мужей бывает у одной жены? И каким должен быть мужчина вашего племени, чтобы женщина взяла его в мужья?

— Это по-разному, но обычно пять или семь. В среднем одна женщина приходится на десять мужчин, и некоторые сострадательные женщины имеют по десять мужей. Но ради права стать чьим-то мужем мужчина должен постараться, заработать на безбедную жизнь своей семьи, или стать великим воином, или великим учёным, это правильно. Если мужчина ничего не стоит — зачем женщине тратить на него своё время и свою ласку? Обычно первых трёх мужей женщине назначают, когда она только рождается. Иногда — ещё до её рождения семья провозглашает, кто станет их зятями, если небеса благословят их дочь. Эти трое выбираются из достойнейших семей, из тех, кто сделал что-то хорошее этой семье, из учёных, генералов, влиятельных людей, которые ещё не женаты. Если до того, как женщина достигнет брачного возраста, один из этих женихов умрёт — его семья решает, кому переуступить право на бракосочетание. Четвёртый и пятый муж выбираются ближе к брачному возрасту или тогда, когда первые свадьбы уже состоялись. Достойные мужчины сватаются к женщине, свидетельствуют о своих заслугах, дарят женщине и её матери дорогие подарки. Иногда устраиваются настоящие турниры, прежде это было обычным порядком вещей, сейчас чаще вопрос решают бескровным состязанием. Шестого, седьмого и

так далее женщина уже может выбирать сама, но совещательно со своей семьёй и наиболее авторитетными семьями её племени. Например, ей могут рекомендовать того или иного мужчину потому, что в его роду мало женатых, и род может исчезнуть. Женщина не ограничена в количестве мужей. Но желательно, чтобы среди них в первую очередь были те, чей род действительно достоин продолжения.

— Вот как! А бывает, что у одного мужчины несколько жён?

— О нет, это недопустимо. В прежние времена такое бывало, но сейчас никто не может позволить себе подобное. Только очень богатый или отмеченный особенными заслугами и авторитетом может, к примеру, вдобавок к жене взять женщину, которая по какой-то причине не может иметь детей — сугубо для того, чтоб она дарила ему свою женскую ласку. Но таких женщин не так много, это большое несчастье и для её семьи, и для семьи, в которую её берут, о таком обычно не говорят.

— А разводы у вас бывают?

— Разумеется. Если от мужчины не рождается детей — его исключают из мужей, на его место берут другого. В семейной жизни у нас царит строгий порядок, у каждого мужа своя очередь в общении с женой, чтобы можно было понять, чьего ребёнка она родила. Если от мужчины нет детей ни в первый год, ни во второй, ни в третий — то он не должен занимать место, оно пригодится другому достойному. Конечно, более достойные имеют доступ к женщине чаще...

— Сколько ж детей рожают ваши женщины за свою жизнь!

— К кому насколько милостивы небеса. Материнство — главная задача женщины. Чтобы наш вид не вымер, не угас. Конечно, настоящее счастье — это родить дочь. Это большой праздник для семьи. Мальчики — тоже продолжение рода, конечно, если вырастут достойными стать мужьями. Но именно дочь — та, кто может дать жизнь, семья без дочерей — несчастливая семья. Семья, где несколько дочерей — любимцы богов. Каждая женщина, имеющая мужей и детей — королева, а женщина, имеющая дочерей — королева среди королев. Когда рождается дочь, мужчина дарит жене высокую золотую корону. Когда рождается ещё дочь — дарится ещё одна корона, которая надевается поверх предыдущей. Такую женщину, шествующую в нескольких коронах, и в богатых нарядах и украшениях, которые подарены ей её мужьями на свадьбу и за рождение сыновей, далеко видно в толпе, она сияет ярче, чем солнце. Её сопровождают мужья и сыновья, готовые исполнить любые её прихоти.

— Ты говорил, что ты третий сын. А твои братья женаты? Сколько вас всего у матери? Выходит, каждый дрази растёт в большой семье?

— Мой отец — шестой муж у нашей матери, — Ташор потупился, всё же ему нелегко было говорить о своём невысоком общественном статусе в не рейнджерском кругу, — не из тех, кому позволено всегда быть при ней. Ему повезло, он три раза был в её доме, и каждый раз получал сына. Но всё же это не очень большое везение, если бы родилась дочь — возможно, мы смогли бы все жить в доме матери. Возможно, тогда, когда умер первый муж матери, она приняла бы отца на его место. Но какая женщина станет жить с бедным, от которого у неё только сыновья? Мы провели с матерью только первые годы жизни, после чего отец забрал нас и воспитывал сам. Так положено. Излишне обременять женщину сыновьями, которых она родила из милосердия к некому бедному роду. Насколько я знаю, у моей матери ещё пятеро сыновей и три дочери. Трое из моих братьев женаты, но это не сыновья моего отца. Мои сёстры, конечно, замужем — за наречёнными при рождении,

сейчас им выбирают следующие мужья.

— Как же живут те, кому не досталось женщины?

— Ну... они стараются заслужить...

— Это понятно. Но что же, если всё же не заслужат?

— Тогда, разумеется, они умрут неженатыми. Такова судьба, бессмысленно на неё роптать. Наши законы и так достаточно сострадательны, но они не могут изменить порядок вещей. В прежние времена мальчиков убивали, если их рождалось много, теперь мы стали гуманнее, разве это плохо? Но гуманность не может создать новых женщин из воздуха, их рождается столько, сколько рождается.

— И каждый умеет примириться с такой судьбой? Или бывает, что кто-нибудь пытается отнять женщину у другого?

— Ну, это верно, такое бывает. Раньше бывало особенно часто. Из-за женщин происходили великие битвы. И теперь ещё у нас есть обычай ритуальной войны, хотя всё больше тех, кто осуждает его и отказывается принимать в нём участие. Кое-чему можно поучиться у других рас, у минбарцев это хороший закон — «минбарец не убивает минбарца». И дрази не должен убивать дрази, пусть наши граждане гибнут от рук внешнего врага, в защите своих рубежей, или при испытании новых машин, или при исследовании новых миров, это почётно, это несёт пользу. Но увы, мужчин у нас не ценят. Да и как будут ценить то, чего так много? Как можно ценить, если все мужчины — соперники друг другу?

— Говорят, во вселенной есть расы, в которых наоборот, женщин больше, чем мужчин.

— Счастливые! Хотя конечно, неверно так говорить. Наверняка, у них точно так же женщины ведут борьбу за мужчин. Нет, тут нам нет никакой радости от созерцания чужой проблемы, это не поможет нам в нашей.

— А никто из ваших мужчин не пытался брать женщин из других миров?

— Об этом мне сложно говорить. Среди моих родственников и знакомых таких нет. Видите ли, мы, увы, не совместимы физиологически с большинством рас. И даже внешне большинство рас не похожи на нас. Возможно, землянки или центаврианки и красивы по-своему, но они совсем не похожи на наших женщин, ни своим видом, ни своим устройством. Да и грешно для любого порядочного дрази помыслить о том, чтоб предпочесть женщине-дрази инопланетянку.

Старый тучанк, раскачиваясь, скрипучим голосом нараспев повествовал степную легенду — в переводе на земной язык, как известный в достаточной мере всем гостям.

— Когда в час перед рассветом Кай Утус вышел в поле и пустил стрелу — утренний туман не расступился перед ним, но он расступился перед стрелой, и Кай Утус пошёл за стрелой, зная, что она приведёт его...

Дэвид закрыл глаза — он представлял себе это... Степь туманным, росистым утром... Зыбкая, зыбкая, кажущаяся как никогда бескрайней из-за скрытых туманом очертаний... Не видно горизонта. Не видно ни вправо, ни влево. Нет направления, нет ясного знания. Поэтому можно довериться лишь стреле, лишь сердцу, пославшему её... Он не думал в этот момент, так ли видел это древний тучанк, вышедший испытать судьбу в час перед рассветом. Не рассуждал, чьими глазами смотрит — человека, минбарца или тучанка. Пусть он не может влезть в голову героя легенды — и просто представить себя на его месте ему было достаточно интересно. Голос рассказчика подхватывал его, как дым, как туман, нёс над степью — бескрайней жизнью, лишённой указателей и направлений...

— Ни одна стрела не летит долго, если с горячим сердцем не пустить её. Кай Утус увидел, что птица несёт стрелу. Птица его сердца вела его. Когда проступили из тумана очертания юрт, он увидел, что птица, не выпуская стрелы, села на вершину крайней юрты. Из неё вышла женщина и поклонилась охотнику...

Шин Афал говорила, что видела себя во сне тучанком... Что смогла вспомнить лишь что-то подобное — как идёт по степи, куда-то в неведомую даль. Может быть, она видела себя этим Кай Утусом?

— Он взял её руку, он обошёл вокруг неё круг, он произнёс Речь Жениха, и было в той речи не менее тысячи слов, ибо была эта женщина прекрасна, и все цветы степи должны были отдать названия, чтобы выразить это. И она спросила: “С чистым ли сердцем говоришь ты эти слова, Кай Утус? Отринул ли ты сомнения, и сможешь ли не обернуться? Потому что ступив под мой кров, и отведав чай из моей чаши, ты никогда не вернёшься назад, и не увидишь прежних неба и земли. Если есть в тебе сожаление о своей прежней жизни, о солнце и степи, об отце и матери — то скажи это сейчас, на пороге, потому что потом уже не будет никаких слов”. И ответил Кай Утус: “Пока ты не сказала, не было во мне мыслей о солнце и степи, об отце и матери, и сейчас лишь ты перед моими глазами, и только туман во всех сторонах света”. Они вошли под её кров, и снова туман сомкнулся вокруг призрачного поселения, и никто больше не видел охотника Кай Утуса, лишь из предрассветного тумана слышали песни, которые пел он для прекрасной женщины. Понимаешь ли ты, юноша, о чём эта легенда?

Дэвид очнулся. Туманная панорама степи растаяла, в свете костра тени плясали по лицу старого тучанка, трещал сторающий хворост, тихо щёлкали кости ожерелий в длинных узловатых пальцах.

— О любви.

— Это верно, юноша, но не только.

— О том, что сомнения должны умирать раньше, чем ты ступишь на путь... Они ведь были... неживые? Эта женщина и все остальные, кто жил в юртах в тумане?

— Да. Не упомянуть, сколько тысяч лет этой легенде о племени, сгинувшем в тумане, может быть, она так же стара, как сам мир. Однажды это племя не очертило защитных знаков перед наступлением ночи, остановившись в этом краю. И туман поглотил их, и больше никогда они не выходили в обычный мир. Они не жили и не умирали, и те, кто встречали их, говорили, что там нет смерти и нет рождения. Кай Утус услышал песню этой женщины, когда вышел в степь перед рассветом. Он знал, что опасно слушать песни людей из тумана, опасно идти искать их... Но три дня и три ночи не мог он найти покоя, и хотя он не видел лица этой женщины — сердце его увидело её. И он ушёл, и выбрал её, и покинул мир живых.

— Она стала для него дороже этого мира. И... ведь там, внутри тумана, сами для себя они — живые... Они такие, какими были, когда их забрал туман, и эта женщина... Может быть, тысячу лет она ждала того, кто придёт и полюбит её, кому она станет дороже солнца, жизни, возможности состариться и умереть... А что было с теми, кто на месте Кай Утуса колебался, и испытывал сожаление? Они возвращались домой? Или навсегда терялись в степи?

— Они возвращались. Но больше никогда не встречали людей тумана. Так далеко зайти можно только один раз.

— Я не знаю, радовались ли после этого они каждому прожитому дню, понимая, что

рисковали всё это потерять, или сожалели о навеки оставленной необыкновенной и страшной любви... Но совершенно очевидно, и тот и другой выбор правильны. Выбирать нужно то, что ближе сердцу.

Тучанк кивнул удовлетворённо.

— Верно, юноша. Одни сожалели о Кай Утусе, как о погибшем, хуже чем погибшем... Ведь дух его не обретёт покоя, он навек пленник тумана. Другие же считали его счастливейшим, ведь он обрёл любовь, которая не покинет его никогда.

— А стрела? У этого ведь есть какой-то дополнительный смысл, да?

— Есть. У степных племён есть обычай — если что-то гнетёт тебя, если ты не можешь понять, как поступить — выйди в поле и пусти стрелу. Там, где она упадёт, ты найдёшь свой ответ. Это может быть камень, или цветок, или перо птицы, или след на земле... Расшифровав символ, ты обретёшь что искал.

— А если там ничего не будет?

— Наверное, и такой ответ можно как-то понять.

К Амине и Рузанне подошёл Тжи'Тен в окружении тучанкской молодёжи. Один тощенький подросток висел у него на шее, Тжи'Тен поддерживал его рукой легко, словно он ничего не весил.

— Это что-то невероятное. Я думал, они меня укатают насмерть этими танцами, а усталости совершенно никакой! Я так этот секрет и не понял... То есть, понял, но... Похоже, чем меньше думаешь, как тебе танцевать, а просто танцуешь, тем меньше тело воспринимает это как какой-то труд, а не ещё один вид отдыха. Это непостижимо. Обычно на них смотришь — они всё время какие-то вялые... ещё бы, думаешь, никогда в жизни не спать... А тут... Откуда это берётся?

Рузанна поглядывала на Тжи'Тена искоса — пялиться открыто было всё-таки неприлично, но любопытство — вещь сильная. Всё же, первый нарн, которого она видела живую и так близко, к тому же — возлюбленный её соотечественницы.

— Садитесь... Вы Тжи'Тен? Леди Джани много рассказывала о вас...

— А о вас — наше высочество... — Тжи'Тен пожал протянутую руку, — рад снова видеть вас, леди Талафи. В нашу первую встречу, верно, было немножко неудобное время для знакомств и долгих разговоров.

— Да, увы... Но мы живём по соседству, и время для разговоров ещё будет. Принц говорил обо мне?

— Я, вообще, удивлён, что не вижу его здесь, — улыбнулся нарн, — но думаю, самое большее завтра он побежит к вам за консультацией. Я видел его ожесточённо строчащим что-то в блокноте, полагаю — записывал тучанкские сказания. Но поскольку в темноте и на скорость едва ли получится много — ему потребуется помощь... Это ведь вы переводили их на земной язык?

— Некоторые. Большинство переводов сделаны доктором Чинкони и его сыном, ещё давно. И я уже обещала собрать для принца эти материалы. Принц говорил, что написал несколько книг о минбарской культуре, и что, пожалуй, хотел бы, чтоб их прочли так же на Тучанкью... Конечно, это будет очень непросто, хотя я постараюсь подключить для перевода всех самых компетентных, кого смогу...

— Принц, думаю, глобально жаждет перевода всего для всех... Предельной доступности для ознакомления с иными культурами. В самом деле, некоторые расы знакомы уже так

давно, а до сих пор почти ничего не знают об истории, религии, обычаях друг друга... Такие люди как вы настоящий клад, вы ведь не просто хорошо знаете три языка, вы выросли здесь...

— Это прекрасная мысль, и конечно, такого не сделать в одиночку. Но думаю, у их высочества в этом найдётся много единомышленников. И разумеется, я сделаю всё от меня зависящее... А вы... — она старательно подбирала слова, — похоже, не испытываете никакой антипатии к принцу, как к центаврианину?

— Я ведь рейнджер, леди Джани. В первую очередь рейнджер, а уже во вторую нарн, у которого в центаврианскую оккупацию погибли родители. Да и принц Винтари... предков, да и родителей, не выбирают, а вот как самому жить, какую жизнь выбрать и чем её наполнить — каждый решает сам, и могу сказать, он это делает совсем не худшим образом. В каждом из нас содержится много всякого, не видного людям, возможно, не самого хорошего, но то, что видно, что является людям — в нём хорошее. О, вот и он, лёгок на помине.

Рузанна уставилась на костёр, надеясь, что красноту её лица можно будет списать на близость огня. Винтари шёл к ним, попутно оживлённо беседуя с тучанком, разодетым в пышные национальные одежды.

— Рузанна, вы знаете Песню Вереска?

— Что?

— Любезная шиНан-Кой, повторите, пожалуйста, это название на тучанском. Я не уверен, что могу с ходу это произнести. Но я предполагаю, что адекватным переводом будет вереск, вы говорили, помнится, что больше всего это растение близко к таким видам, существующим на Земле и Центавре.

— А, поняла. Да, действительно, пожалуй, достойная аналогия, позволяющая передать настроение... Но с переводом будет много сложностей, эта группа песен самая богатая на ассоциативные ряды и множество смыслов. Например, если немного иначе произнести это слово, переводимое как вереск, получится “поле поиска”, если читать “стелющийся туман” слитно, то получится “сомнения, не отпускающие меня”...

— Я это уже понял, сносок будет больше, чем самой песни...

— Переводя песню, ты напишешь её заново, — сказала тучанк, пришедшая вместе с Винтари, осторожно опускаясь на землю рядом, — но нам интересно, как ты её споёшь. Интересно, как ты спел бы Песню озера Таш Тал Дхуу...

— Что?

— Я даже не слышала такую, слышала только её упоминание в других песнях...

— Ты слышала её, Рузанна. Её пели при погребении молодого Крайса.

Винтари вздрогнул. Погребальная песня? Зачем же... зачем они заговорили об этом с ним?

— Нан, не дурная ли примета — говорить о погребальных песнях, тебе сейчас?

Тучанк мотнула головой.

— Ты знаешь, что она не только погребальная. Не бойся, песня не накликает зла. У тебя, Одолжившей имя, много тревог, но это не одна из них.

— Одолжившая имя? Что это значит?

Тучанк провела пальцами по меховым лоскутам своей накидки.

— Когда у меня появилось дитё, Рузанна одолжила ему своё имя. Обычно мы не просим об этом иноземцев, но Рузанна очень дорога нам, она внимательна к обычаям тучанков и она

очень сильна. Когда дитё рождается, оно уже поёт свою песню, но мы не можем услышать её, ведь оно ещё не умеет говорить, и мысли его путаны и нестройны, и оно не понимает, что говорим мы. Оно беззащитно. Вредящие духи могут смутить Песню сознания дитя, изменить его понимание, спутать его ориентиры, поэтому для защиты дитя мы просим кого-то одолжить ему своё имя, и называем его так, пока оно не сможет говорить и само не назовёт своё имя, которое знает только оно. Тогда духи не трогают дитя, они беспокоят того, кто дал ему своё имя, но большой — сильный, и духи не могут смутить его.

— А если что-то случится с одолжившим имя?

— Тогда дитя может даже умереть. Поэтому мы оберегаем Одолжившего имя, стараемся, чтоб он не оставался надолго один. Рузанна не верит в духов, это огорчает нас, но она обещала побережься ради дитя Ру-Зан.

— И сколько уже вашей дочке?

— Дочке? — в голосе тучанк, кажется, послышалось удивление.

Рузанна быстро проговорила что-то по-тучанкски, Винтари разобрал только слово “всегда”.

Тучанк покачала головой.

— Непонимание от незнания, но это не страшно. У нас при рождении не известен пол ребёнка, никто не знает его, пока он сам его не назовёт.

— Но... А как...

— Внешне одно дитё не отличается от другого, это не как у вас. Пол — это внутри, как и имя.

— То есть, вы просто называете ребёнка мужским или женским именем вне зависимости от того, кем оно потом окажется?

— Наши имена — не мужские и не женские, наше обращение к дитя лишено родовых окончаний. И дитя говорит без родовых окончаний до того момента, когда оно готово сказать, мужчина оно или женщина.

— А... Когда он наступает, этот момент? Это какое-то ваше совершеннолетие?

Тучанк неопределённо пожала плечами.

— Нет какого-то определённого срока. Одни называют пол вместе с именем, а другие чуть позже, а кто-то вовсе лишь тогда, когда встречает того, кого полюбит.

— А... Как же ваша телепатия? Разве вы не можете узнать имя и пол ребёнка через него?

— Мы помогаем дитя строить свою Песню Сознания, но не вмешиваемся в неё. Это запрещено. Мы лишь отвечаем на вопросы. По своей дороге каждый идёт сам.

— Да, да, я вижу, что с ним не произошло ничего страшного. Я этому очень рад. Мне совершенно не хочется, чтоб вы считали меня каким-то сумасшедшим паникёром, просто поверьте, я видел и слышал кое-что...

— Мы знаем, принц Диус Винтари. Но важнее не то, кем мы посчитаем тебя, а то, что происходит с твоим братом. Он слушал песню, он жил в ней, а мы слушали его Песню. Она странная.

— Что вы хотите этим сказать?

Тучанк подошёл ближе и снизил голос, словно боялся, что их кто-то услышит, хотя на рассветном поле они стояли одни.

— Мы знаем, ты боишься, что он сожжёт себя. Что он существо из древних легенд

твоего мира... Может быть, ты прав, мы не знаем твоего мира и его духов, но будем знать, если ты поможешь нам. Что-то случилось с его Песней Сознания, но мы не знаем, когда и как. Если ты уверен, что такого не было до того, как он посетил твой мир, возможно, причина из твоего мира. Твой брат слышит Песни, которых не слышим мы все. Его влечёт не огонь, а то, что за ним.

Комментарий к Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 5. Сила призыва

Мне правда жаль, что название главы нельзя дать на каком-нибудь... тучанкском. Оно должно означать не только “силу призыва”, “но и силу зовущего”, означать и молитву Винтари, и деятельность Гилы, и то, что чувствует Дэвид перед огнём.

Да, я знаю, что коряво называть жилище тучанка юртой. Но так как-то понятнее, чем на пару страниц описаний и объяснений.

==== Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 6. Слово и таинство =====

Вижу, что не видят остальные,
Знаю всё, что будет, наперёд.
Вечная река и облака седые,
Горные вершины, безразличный лёд.
Чувствую подобно богу ночи,
Кончиками пальцев и луной,
Став сильнее и намного жёстче,
В знак сливаясь с призрачной тобой.
Слыша наставления свыше,
Следуя тернистому пути,
Цель становится неизбежно ближе
С помощью божественной руки.
Вижу, что не видят остальные,
Кончиками пальцев и луной,
Вечная река и облака седые,
В знак сливаясь с призрачной тобой.

«Невидь»

— А ведь завтра сочельник... — рассеянно проговорил Зак, пройдясь по гостинной.

— Что это значит? — вскинулся Иржан.

— 24 декабря, канун Рождества. Вон оно как бывает... Оно конечно, где только не случалось встречать Рождество, но в таком странном месте — первый раз. Нет, всё бы ничего, но ведь даже не позвонить, не поздравить никого... Просвета в этих чёртовых облаках мы когда ещё достигнем...

— Не беда, так давайте хотя бы сами справим.

Зак обернулся. Ничего бы, может быть, не удивило его в этой фразе, если б исходила она не от Винтари.

— Справим? А... Не обижайтесь, принц, но вам-то это зачем? Центаврианину, земной праздник...

Винтари обижаться и не думал.

— А почему бы нет? Я думаю, всем нам сейчас не помешают... Какие-то элементы

объединения, соприкосновения с культурой друг друга. Тем более интересно это будет тучанкам. Мы можем пригласить нескольких из них, рассказать об истории праздника, о каких-то семейных традициях... Конечно, полноценного рождества у нас здесь не получится — здесь ёлку негде достать, не то что Санта-Клауса...

— Ну, растение, отдалённо похожее на ель, я здесь видел, — проговорил из своего угла Майкл, — правда, ростом оно самое большее мне по пояс... Но листья такие узкие, почти как хвоя.

— Может быть, и сойдёт... А где вы это чудо видели? Здесь вокруг, сколько ни ходил, я ничего подобного не замечал...

— Не так и далеко, всего лишь у тех холмов, что на горизонте. Мы гуляли там ночью с Май...

— Гуляли ночью? — Винтари резко обернулся к нему, — которую ночь вы не спите, Майкл?

— Но мне совсем не хочется! Я... мы...

Винтари приблизился к стоящему в углу креслу, схватил рейнджера за плечи, вытаскивая из полумрака на свет.

— Дайте взглянуть на ваши глаза. Разве я вам не рассказывал, как опасно здесь пренебрегать сном? Вы что, не понимаете, что рискуете как минимум зрением?

Парень улыбнулся.

— Его у меня всё равно почти нет. Пока я что-то вижу, я хочу увидеть как можно больше интересного.

— Что?!

— Майкл непреходящий источник нашего удивления и ужаса, — проворчал Зак, — он три года умудрился скрывать, что видит вместо людей размытые силуэты... Боялся, что его не примут, потом боялся, что выгонят... Честно, я не понимаю, как ему это удаётся. Тренироваться, водить истребитель — с такими глазами...

— У меня было время привыкнуть — я таким родился. Вероятно, спасибо аварии на шахте — рванул газ, говорят, очень токсичный, весь городок тогда эвакуировали... Не думаю, что местные токсины намного страшнее.

— А я не думаю, что стоит так испытывать судьбу. Боже, о чём вы думали! Я не специалист, но мне кажется, ваши глаза уже подверглись вредному воздействию. Советую показаться врачу, а для начала — отоспаться. Как следует. Скажите, а тучанки знали о вашем недуге, когда приглашали вас?

— Я так предположил, это было одной из причин, почему меня пригласили.

Последующие сутки Зак продолжал удивляться то энтузиазму Винтари, быстро передавшемуся Дэвиду, Шин Афал и даже, страшно сказать, Ташору и Фрайну Такате, то тем успехам, которые они проявляли в воплощении своей затеи. Растение, условно схожее с елью, было заботливо выкопано, помещено в кадку с питательным раствором, с тем чтоб потом быть высаженным в каком-нибудь из садов, и помещено в самой большой зале дома Фенно. По домам были собраны все безделушки, которые можно было использовать как ёлочные украшения. Величина комнаты и дома вообще позволяла собрать не только всю группу, но и пригласить гостей. Пришли несколько пилотов-инструкторов из центавриан, радист с их же базы вместе с семьёй, среди тучанков так же были и дети. Приготовлением угощений заведовали Рузанна и шиНан-Кой, под бдительным надзором доктора Чинкони и

доктора Лuffа, следивших за тем, чтоб в меню не попало ничего ядовитого для той или иной расы. Инициативная группа, возглавляемая Дэвидом, долго сверяясь с традициями, приготовила даже небольшие, большей частью символические, подарки.

В общем, то, что лекторами на странном собрании были тоже Винтари и Дэвид, Заке уже не удивляло. Кто тут культурологи не по профессии, так по образу мыслей — тому и карты в руки. Дэвид через плечо подглядывал в блокнотик-конспект — почерк у Диуса, конечно, замысловатый, но он уже научился разбирать. “Рождество — два аспекта”... “Вопросы датировки”... “Догмат о Святой Троице” — зачёркнуто, видимо, Диус так и не смог разобраться сам, и решил этот пункт пока исключить... “Культ Богоматери — как возрождение культа женщины-матери”... “Символ звезды — комета Галлея?”... “Волхвы и традиция новогодних и рождественских подарков”... “Образ Рождества как праздника семьи в литературе и кино”...

— У этого праздника в земной культуре два смысла, мало связанных между собой. Его религиозный аспект восходит к группе главенствующих на Земле религий, объединённых под названием христианство. В разные времена было много дискуссий по поводу природы их основателя и доказанности факта его исторического существования, но между прочим, своё летоисчисление земляне ведут от его рождения, занято, что этот факт не оспаривается ни атеистами, ни представителями других конфессий. Конечно, во многом это сделано для удобства, и потому, что долгое время научная и политическая жизнь регулировалась представителями именно христианских стран...

Слушали с интересом. И пришельцы, мало-мальски с земной культурой уже знакомые, и тучанки.

— Согласно легенде, Иисус Христос, сын бога-отца, творца мира, родился на земле в человеческом теле, чтобы прожить земную жизнь, понести земные страдания и искупить тем грехи человечества. Расходятся мнения, считать ли его тоже богом, или же только человеком, хоть и сыном бога, или же богочеловеком, существом двойственной природы, существовал ли он до своего земного рождения на небе вместе с богом-отцом, это предмет теологических споров, мало понятных простым смертным... Как и догмат о непорочном зачатии... Согласно этому догмату, мать Иисуса родила его, будучи непорочной, и осталась девственной и после его рождения. Впоследствии учёные и просто образованные люди, стремившиеся примирить науку с религией, выдвинули на этот счёт несколько любопытных теорий... Но различные ответвления христианского веротечения практически едины в отношении к этому событию как к одному из величайших чудес и таинств их веры. В ночь его рождения на небе зажглась новая звезда, возвестившая рождение избавителя, и сияла на небе несколько дней. Эта звезда стала символом рождества, как напоминание, что бог не оставил людей... В частности, так появилась традиция украшать звездой верхушку наряженного дерева. Так же символами Рождества являются ясли, окружённые животными и пастухами, пришедшими поклониться младенцу, ангелы — светящиеся создания с крыльями, способные принимать человеческий облик и являющиеся посланцами верховного бога. Здесь, среди вещей, оставленных моими соотечественниками, мне удалось найти несколько предметов религиозных культов землян...

Иржан и Амина улыбнулись — они знали эту манеру своих соотечественников скупать предметы культа иных рас просто из любви к искусству. Иногда вместе с предметами культа заимствовался, чего добру пропадать, и сам культ, мать Иржана, отправляя его на Минбар, повесила ему на шею медальон Богоматери, как материнское благословение. Хозяйке дома

Фенно, похоже, тоже очень понравился культ женщины-матери, теперь тучанки с большим интересом разглядывали статую Мадонны, что-то лопоча на своём...

— Второй аспект этого праздника восходит к дохристианским, языческим культам. Праздник древнего зимнего бога, образ которого и трансформировался в образ добродушного старика в красном костюме, с длинной белой бородой и мешком подарков для хороших детей... Это семейный праздник, торжество семейного единства, очага. Как таковой он больше был традицией западной культуры, в восточной эту функцию на себя брал праздник Встречи Нового Года — чисто светский, выросший, опять же, из древнего календарного, аналогичного западному — те же элементы, украшенное дерево, угощение, подарки, правда, образ белобородого старца в красном имеет некоторые отличия — его упряжка ездит по земле, а не летает...

— Она запряжена лошадьми, а не оленями, — подсказал Дэвид. Винтари хмыкнул, явно сомневаясь, что эта деталь так уж важна, маловероятно, что инопланетяне способны с ходу запомнить характеристики оленей и лошадей. Тем более что некоторым здесь как-то бесполезно показывать картинки в книгах.

— ...в сравнительно поздней трактовке его снабдили внучкой Снегурочкой, олицетворением красоты зимней природы... Празднуется Новый Год всего через несколько дней после западного Рождества, то есть, можно сказать, что это один и тот же праздник... Рождество восточной церковью справляется через несколько дней после Нового Года, и здесь этот праздник носит уже чисто религиозную окраску...

Ги́ла слушала, оперев подбородок на сцепленные пальцы, и взгляд её был при этом счастливый и мечтательный. Дети тихо перешёптывались с матерями, кажется, делясь с ними восторгом кто по поводу красоты ёлки, кто по поводу вкусного печенья, которое испекли для них Рузанна и Сумана.

— А почему два Рождества-то? — растерянно спросил Ташор, — человек рождается в какой-то вполне конкретный день, его не так сложно сразу запомнить.

— У них там вышла какая-то путаница с календарями, по всей видимости из-за того, что в разных странах по-разному учитывали те добавочные дни и часы, которые получались из-за невозможности разделить год на равное количество дней... Может быть, слышали, у землян есть такое понятие, как високосный год?

— Дело в том, что точной даты рождения Христа в священных писаниях нет, — вклинился Зак, — тогда как-то никому в голову не приходило, что когда-нибудь этот день будут справлять как праздник миллионы. Есть мнение, что Христос на самом деле родился осенью, есть — что весной... Церкви было удобно приурочить этот праздник к зимним, чтобы заместить языческий обычай. Борьба верований, очень многое делалось именно из этих соображений.

— Праздники смены времён года есть практически у любого народа, насколько я заметила, — проговорила Сумана, когда Винтари закончил обзорную лекцию, — на Шри-Шабe в некоторых регионах в древности был обычай, немного подобный этому... При наступлении весны или осени выбиралось самое большое и красивое дерево в роще у деревни, украшалось, вокруг него пелись ритуальные песни. Что интересно, весной украшения имитировали зрелые плоды, а осенью — цветы, это было, своего рода... программой на будущее...

— Интересно, а у многих народов есть подобные... легенды об искуплении?

— Думаю, только у тех, где верят в первородный грех или что-то подобное, —

улыбнулся Зак.

— На Аббе есть несколько... не таких, конечно... Например, в тех краях, откуда родом я, рассказывают такую легенду. Однажды одно племя путешествовало в поисках нового места для жизни. Уже не упомнить, что заставило двинуться в этот путь, может, засуха, может, война с другим племенем... но путь этот был долг и труден. Когда они проходили через болота — эти болота и сейчас занимают существенную часть запада континента — на них напало чудовище, называемое Гуим-Лухса, Владычица Болот — огромное, со множеством кровожадных пастей и ядовитых жалящих хвостов. Племя успело создать защитный круг из священных камней и укрыться внутри круга, но чудовище пообещало, что не отпустит их, им придётся или выйти, чтобы принять быструю смерть от её клыков, или медленно умирать от голода внутри. Всё потому, что в пути они убили и съели труга, бывшего её любимцем. Обычно аббаи не едят тругов — мясо их жестковато, но тут долго голодавшему племени выбирать не приходилось. Прошло три дня и три ночи, Гуим-Лухса держала обещание, стерегла у границы защитного круга. Тогда один юноша племени, разные варианты легенды называют разным именем — вышел к Гуим-Лухсе и сказал, что это он убил её труга, и попросил отпустить остальных. Неизвестно, поверила ли ему Гуим-Лухса, но сделала именно так, как он ей предложил. Она растерзала юношу, а племя смогло беспрепятственно продолжить путь. С тех пор охота на тругов под запретом, а на болотах растут красные цветы, проросшие из крови юноши.

— Прекрасная история, — проговорил Таката, — простая и прекрасная. Как всё предельно простое, лаконичное и поучительное... Прекрасная ещё и тем, что объединяет. Потому что такие истории — о мужестве, о жертвовании собой ради близких — есть в любом мире. Наша раса, ещё 300 лет назад познакомившись с культурой Земли — тогда опосредованно, конечно, путём перехваченных радиосигналов — многое заимствовала у землян... Большой частью, увы, не самого полезного... Так вот, и элементы христианских культов, уже в поздней трактовке, заимствованы были тоже. Я говорил уже мистеру Аллану, что многие мои соплеменники на полном серьёзе называют себя католиками, молятся Мадонне, верят в демонов и ангелов... Их, конечно, несколько смущает тот факт, что Христос не родился на Бракосе, может быть, они считают, что он промахнулся планетой...

— А сами вы во что верите, Таката?

— Я происхожу из семейства, входившего в мистический Орден Посвящённых, но в чём в точности состоят их верования, мне сказать трудно, сам я посвящения не проходил — к поре своего совершеннолетия я не был готов отдать своё сердце религии родителей. Это несколько расстроило их, но секта никогда не имела большого влияния, и это сочли нормальным для бракири проявлением честолюбия, стремлением примкнуть к более распространённому и влиятельному культу. Несколько лет я изучал различные верования, пытаясь найти среди них своё... Годам к сорока я утвердился в убеждениях как агностик.

— Сдаётся мне, агностиков среди нас много, — кивнул Ташор, — а вот эти ангелы, принц... Светящиеся существа... Это ведь ворлонцы? Можно ли тогда трактовать чудесное рождение Христа как плод их эксперимента?

— А кто их знает, может быть, и можно... Легенды о светящихся существах с неба, о их влиянии на жизнь наших предков есть практически в любом мире. Описания сходны, различаются-то детали.

— И легенды о непорочном зачатии есть не только у землян. У нас сколько угодно историй о чудесных детях, наделённых необычными способностями...

— Телепатах?

— Большой частью, но не только.

— А у нас нет никаких легенд о людях с неба, — задумчиво молвила шиМай-Ги, — мы даже не знали прежде, что за пределом небесного купола что-то может быть... До нарнов нас никогда не посещали гости из других миров. У нас есть истории о людях из-под земли, и людях из воды, и людях из тумана, но о людях сверху — никогда.

— Невероятно! То есть, за этими кислотно-пылевыми облаками вас проглядели даже ворлонцы?

— Или сочли их неподходящим материалом, кто знает... Собственно, упоминалось же, что в некоторых мирах телепатия возникала естественным путём? Вот, пожалуйста, чистый, образцовый пример...

После ужина собрание, закономерно, разбилось на группы — обсуждать всем со всеми было не очень легко, а обсудить хотелось.

— А вы не празднуете день рождения Валена? — спросил Таката у фриди Атала. Минбарец отложил цветные картинки с рождественскими сюжетами, которые Винтари, подумав, всё же распечатал для тех, кто способен видеть плоское изображение, всё же таких тут большинство.

— Нет. Вообще-то, о дне рождения Валена и говорить-то сложно, он ведь родился не на Минбаре... Ну и... Как-то не распространялся о подробностях. Никто не знает, где он родился и какова была его семья. О нём говорят, что он минбарец, рождённый не от минбарца и минбарки, понимай это как хочешь. Может быть, тоже ворлонцы постарались...

— Странно... — Винтари задумчиво теребил свой блокнот, — не так много вообще бесед я имел с любезным Андо Александером, но одна запомнилась мне особо. Он был в такой глубокой растерянности, что заговорил бы, видимо, с кем угодно, не важно, с кем... Он сказал, что при упоминании имени Валена видел в мыслях Деленн странное. Земного человека, распятого на дыбе, и нечто бесформенное, ярко сияющее, в чём с трудом можно угадать скрюченную, как эмбрион, фигуру... И ещё имя Джеффри — это земное имя, я знаю, что это второе имя Дэвида...

— Может быть, это всё же аналогия с Христом?

— Между Христом и Валеном как-то мало общего...

Щёки Дэвида горели — да уж, как ни велик дом, а между членами семьи угаить какую-то священную тайну сложно. Он эту тайну уже знал, и честно говоря, не понимал, почему это тайна до сих пор. Раз миру открыли правду о перерождении душ, почему не открыть и вторую часть? Ему, Джеффри, это не повредит уже никак...

— Амина, а гадания Г'Кван не запрещает?

— Гадания?

— Ну да. Меня вот, честно говоря, очень взбудоражил рассказ о традиции гаданий, это как раз вот в эти предстоящие дни, — глаза Рузанны и правда возбуждённо блестели, — надо бы выпросить у принца или кого-то из землян поподробнее, хотелось бы попробовать...

— Ну, как такового запрета нет... Скорее, попытки узнать судьбу названы делом бесполезным — нет никакого смысла узнавать судьбу, нужно следовать ей, делая правильный выбор. А вы разве верите в гадания, Рузанна? Я думала, ваши взгляды строго научны...

— Разумеется. Я и не говорю, что прямо поверю. Мне просто интересно... Ну, можно же воспринимать это как весёлую игру? А вам разве нет, Амина?

— Ну а почему нет, зеркала и свечи мы тут найдём без особых проблем... Что там ещё? Блюдца, зёрна? Да, надо расспросить подробнее. Мне, правда, гадать на жениха уже смысла нет... Хотя попробую, что там за образина покажется... Кого бы ещё нам с собой позвать? Шин Афал, Штхиукку? Сумана-то, боюсь, до подобных глупостей не снизойдёт...

Штхиукка как раз беседовала с Шин Афал. Чтобы не мешать никому, они отошли к дивану, а вскоре, сами не заметив, сели.

— Я вот всё думаю об этом моменте в лекции принца — догмат о непорочности... Почему именно это слово — непорочность? Почему отсутствие половой жизни у женщины называют непорочностью? Разве это порок? При чём я вижу, такому взгляду в той или иной форме подвержены очень многие культуры.

Шин Афал задумалась.

— Ну, я не слишком хорошо разбираюсь в вопросе, хотя как-то мы с Дэвидом и принцем обсуждали пару книг как раз об этом... Думаю, у землян такое отношение обусловлено влиянием христианской религии, главным образом. То есть, и внутри христианской идеологии происходила эволюция понятий, в первые века пожизненное целомудрие, безбрачие имели большую популярность, так как люди ждали скоро второго пришествия, конца света, заводить семьи казалось как-то ни к чему. А потом, как и до этого... Обычное проявление патриархальных воззрений на обязанности мужчины и женщины, на образ семьи... Женщина должна быть девственной до брака и хранить супружескую верность для того, чтоб мужчина был уверен, что воспитывает своих детей, а не чужих. Да, женщина в этом плане оказывалась в куда более проигрышном положении, чем мужчина... Женщина рассматривалась лишь как приложение к мужчине, как средство воспроизводства. Так было на протяжении многих веков, христианство внесло только некоторые дополнительные оттенки... В частности, вот этот культ девственности, монашества... Воздержания. В разное время считалось почётнее жизнь без брака или жизнь в браке, но секс не с целью деторождения порицался ведущими мировыми религиями однозначно.

Штхиукка сдвинула узкие острые чешуйки над глазами.

— Почему?

— Сложно сказать... Вообще всё это, конечно, весьма антигуманно. Духовные учителя, конечно, пытались объяснить это якобы заботой о благе граждан, но на мой взгляд, благом здесь и не пахнет. Как будто существует лишь две крайности — полное ограничение во всём или полная же распущенность.

— Секс лишь для деторождения... Учёными всех миров давно доказано, что это присуще лишь животным. Для любого существа с интеллектом это прежде всего удовольствие от близости с любимым существом. И мне грустно видеть, как эти существа с интеллектом находят какое-то удовольствие в том, чтоб отравлять себе жизнь стыдом и страхом...

Шин Афал рассеянно сплетала-расплетала пальцы. На её лице перемигивались отсветы с ёлки — ничего подобного гирлянде найти не удалось, и наряжавшие смастерили несколько фонариков со свечами внутри, а так же насобирали болотных фосфоресцирующих цветов, по счастью, сейчас как раз переживавших пик цветения. По отдельности они сияли очень

слабым, призрачным светом, но их поросли по берегам болот и островкам являли собой зрелище впечатляющее. как ни удивительно, сорванный цветок сиять не перестаёт, а если поместить его в воду — сияет даже ярче. Так что эти фонари были противоположны свечным — это были пузыри с водой и помещёнными в неё соцветиями.

— Сексуальные табу, облечённые в форму религиозных догм, были обычно призваны оградить вид от вреда, вымирания... Близкородственные связи ведут к вырождению, а при беспорядочном скрещивании сложнее определить, кто чей родственник...

— Это тоже меня удивляет. Мысль, что главное благо — произвести здоровое потомство. Нет, само по себе в этом ничего дурного нет, но... Получается, это главная цель — продолжить род. А зачем? То есть, я понимаю, что это прозвучит эгоистически — жить только для себя, не думая о грядущих поколениях, не беспокоясь даже о том, чтоб они были. Я ни в коем случае не говорю, что так надо, что нужно перестать рожать детей и дружно вымереть. Но почему продолжение и сохранение рода воспринимается абсолютным благом? Почему свои действия непременно нужно соотносить именно с этой всеобщей целью? Почему род непременно должен продолжаться? Ведь было немало видов, немало рас, которые вымерли — и ничего... Но все так боятся вымереть — хотя личная смерть безусловным итогом ждёт каждого, и каковы бы ни были наши далёкие потомки — они никак не утешат нас в скорбный час. Словно они все чего-то ждут... От будущего, от потомков... Что-то на них перекладывают, не знаю. Насчёт землян, возможно, ответ есть — они ждали этого своего Спасителя... Но вот, дождались, дальше-то уже можно, вроде бы, просто жить...

Шин Афал посмотрела на неё несколько удивлённо. До сих пор никто при ней не излагал таких соображений. От принца, ещё в ходе подготовки к этому празднованию, она слышала о таких земных верованиях, которые не очень приветствовали сексуальную жизнь и деторождение, стремясь поскорее завершить земной путь и достичь вожделенного рая. Обычно это называют сектами. И если покопаться — такие секты найдутся в истории не только у землян. Почему? Потому что в ком-то, отчего-то, рождается такой вот стихийный протест против... «обязательности деторождения»?

— Я могу уверенно говорить, разумеется, только насчёт нашего народа. У нас, минбарцев, деторождение вовсе не является обязательным. То есть, для нас очень важно, чтобы мы существовали как раса, но в это вовсе не обязан вносить свой вклад каждый. Многие мужчины и женщины, посвящая себя тому или иному религиозному служению или сложной профессии требующей много времени и сил, не заводят семьи. Хотя бы рейнджеры, большинство целителей, отшельники... Никому в голову не придёт осуждать такой выбор — служить обществу можно по-разному. Но ведь такой выбор никогда не сделают все. Люди влюбляются, люди женятся, скорее, не поймут у нас того, кто не принесёт обществу иной пользы, кроме деторождения. Некоторые рожают одного или двух детей перед тем, как полностью отдаться своему основному служению... Да, само собой, для всякого минбарца важно сохранение, существование в дальнейших веках нашей расы, и того, что нанесло б ущерб этой цели, ни один минбарец себе не позволит. Скажем так, мы не считаем себя лучшей и совершеннейшей расой во вселенной, но мы верим в перерождение душ, и душам, грубо говоря, должно оставаться, куда вернуться. Где воссоединиться с теми, кого они любили когда-то... Этот извечный круговорот нельзя нарушать. Но мы не считаем, что от того, что у кого-то конкретного минбарца не родится детей, этот круговорот остановится. Непростительной гордыней было б считать себя столь важным звеном. Гораздо более

важным вкладом в наше воспроизводство является не плоть, а дух. Прежде всего каждый минбарец должен развивать свой дух, накапливать мудрость, которая, со следующим рождением, вернётся к нам... Духовное вырождение — то, чего нужно бояться больше, чем вырождения численного. Ну и, надо заметить, в последнее время наша демографическая кривая перестала быть... настолько кривой. Возможно, это в компенсацию военных потерь, но в последние 20 лет детей стало рождаться больше...

— Мне нравится ваше отношение к этому вопросу, — вторую фразу Штхиукка произнесла тихо, в сторону, — пожалуй, больше, чем наше собственное.

— Что же касается землян, то, как я поняла, изучая их культуру, сейчас их взгляды уже нельзя назвать такими... Ты знаешь, вероятно, что у землян поныне нет единых, универсальных религиозных взглядов, хотя не раз появлялись учения, претендующие на такую роль. Но и религии, именуемые традиционными, сохранили силу и влияние... Уже не в той мере, как лет 500 назад, об этом нечего и говорить. Но некоторые понятия живучи, даже когда перестают быть чисто религиозными, они растворяются в том синтезированном мировоззрении, которое формируется, испытывая влияние изменяющейся среды. Нет, сейчас нельзя сказать, чтоб деторождение ставилось во главу угла, как главная ценность. Я имею в виду, лет 200 назад человек, посвятивший себя карьере, научной деятельности в ущерб семейной жизни, получал гораздо больше если не осуждения, то жалости. По-видимому, земляне наконец осознали, что они не вымрут, если той или иной конкретный человек изберёт для себя другой способ принести пользу.

— Это мне понятно. Но отношение к деторождению — не единственный вопрос сексуальной сферы, хотя, не поспоришь, важнейший. Понятно, что генетика большинства рас такова, что беспорядочные связи могут нанести немалый вред... При отсутствии контрацепции, во всяком случае. Однако и после появления контрацепции, победы над большей частью венерических заболеваний земляне, да и многие расы, всё ещё воспринимают сексуальные темы очень... болезненно. Когда мы с моими товарищами изучали земной язык, мы заметили, и долго потом обсуждали, что в языке оставило свой след... достаточно негативное, агрессивное восприятие секса. В основном, конечно, в ненормативной лексике... Это удивляет. Ведь если деторождение так важно, то и языковые средства должны прославлять, восхвалять секс! К слову, мне говорили, в центаврианском языке это именно так. Их ругательства образованы от названий каких-нибудь болезней, несчастий, уродств, и в редких случаях — от понятий из сексуальной сферы, только касаясь постельных неудач, полового бессилия, или такого сексуального акта, который принёс разочарование. Не знаю, доподлинно ли это так...

— Видишь ли, язык меняется несколько медленнее, чем жизнь вокруг нас. В нашем языке тоже немало весьма архаичных понятий...

— Значит, осуждение секса без брака, сексуальной свободы — архаизм? ...Вероятно, конечно, я не того спрашиваю. Разумнее было б поговорить об этом с кем-то из землян. И тем более неправильно спрашивать об этом тебя, всё-таки... Ну, вы, минбарцы, как-то совершенно не ассоциируетесь с сексуальной свободой.

— И совершенно напрасно. Действительно, если говорить именно о беспорядочных половых связях... Такого у нас нет. Осмелюсь сказать, что мы и не испытываем в этом потребности.

— С одной стороны — я и не могу представить такого, чтоб у вас это было. С другой — возможно, это только потому, что я вообще не могу представить себе ничего о сексуальной

жизни минбарца. Не обижайся, насчёт минбарцев ходит много всяких предубеждений, и вот... ну, с сексом вы как-то совсем не ассоциируетесь. Хотя, наверное, мы у большинства тоже, чего уж там... Но ведь вы, а не мы, известны такой... сдержанностью. И тем, что у вас вступление в брак — это весьма долгий и трудоёмкий процесс, и тем, что рождение ребёнка вне брака у вас — практически невозможная вещь. Создаётся ощущение, что вы просто не получаете от секса удовольствие. Что он для вас — только ещё один долг, необходимое для рождения потомства действие, обойтись без которого вы можете совершенно спокойно. Нет, лично я не верю в это, не представляю, чтоб хоть одна разумная раса действительно была так устроена. Извини, наверное, это с моей стороны уж совсем какой-то бестактный вопрос...

Шин Афал чувствовала, что перед ней во весь рост и во всю мощь вырос он самый — языковой барьер. Хотя она весьма неплохо для своего возраста знала земной — всё-таки общалась с Дэвидом с детства — слов всё же не хватало, или же они были слишком не те. Но Штхиукка знала минбарский на уровне, немногим превышающем туристический разговорник.

— Скорее, он не по адресу. Я всё-таки незамужняя девушка. Обратилась бы тогда уж к фридри Шонху, он женат... А если в целом говорить... Поверь, у нас непорочных зачатий не зарегистрировано. Наш вдумчивый, сверхдуховный, как о нас говорят, подход ещё не означает отрицания телесного и секса только для деторождения, Штхиукка. Да, верно, моя раса придаёт огромное значение соблюдению ритуалов, ритуалы сопровождают всю нашу жизнь, каждый её этап, и каждый этап сближения двоих, которым предстоит стать супругами... Может, конечно, показаться несколько... фальшивым это количество предварительных действий и слов, прежде чем броситься в объятия друг друга? Или показаться ненужным мучением для тех, кто хочет как можно скорей быть вместе. Но понимаешь, это... это не что-то, что приходится просто терпеть. Нет противоречия, нет противопоставления. Это часть сближения. Как... Как период ухаживаний, кажется, так это называется у землян и у дрази. Хотя, конечно, они у землян и дрази различаются... Это возможность узнать друг друга всесторонне, путём разговоров, наблюдений. В совместных молитвах, трапезах и медитациях так же много узнаёшь о партнёре, как и в беседах за чаем, совместных прогулках, походах в кино... Способы разные, и наш мне очень нравится, в этом много... ответственности. Дело не в том, чтоб регламентировать личную жизнь граждан, а в том, чтоб помочь им разобраться в себе и друг в друге, не допустить ошибки. Дело не в том, что для тех, кто любит, долгое ожидание не проблема... Дело в том, что это и не воспринимается как ожидание, это воспринимается как часть любовных отношений.

— Пожалуй, понимаю... Вы способны получать удовольствие и от этого.

— Верно. Можно сказать, что для нас это часть сексуального общения. Я допускаю, в это сложно поверить. Но удовольствие доставляет не только соприкосновение половых органов, и даже не только соприкосновение тел. Но и душ. Интимная жизнь супругов никогда не была, и не должна была быть... скудной. Поощряется всё, что служит сближению, объединению, взаимному удовольствию. Опять же, я не тот эксперт, что мог бы рассказать тебе что-то, исходя из личного опыта, но у нас есть много любовной лирики, и часть из неё весьма... полна страсти. Хотя не представляю, как дать тебе возможность оценить её, принц Винтари переводил, но на центаврианский...

ШиМай-Ги и Майкл Дир стояли за воротами города — огромные двустворчатые ворота, которые прежде запирались, давно уже стояли распахнутыми, и теперь уж бойкая

растительность не дала б их так просто затворить.

— Скажи, Май, а что означает твоё имя? Ну, у него есть какое-то значение, или оно не известно тебе?

— Ты удивишься, Май-Кыл, но оно означает “красный огонь в степи”. Потому я так и потрясена была тогда твоими словами... А твоё?

— Ну, моё восходит как раз к обсуждаемой нами сегодня христианской религии. Имя одного из архангелов, переводится “подобный богу”.

— Да... Звучит похоже, а такие разные значения! Твоя родина — интересное место, Май-Кыл. Хотела бы я её увидеть!

— Не на что там смотреть. Моя родина, строго говоря — не Земля, а Проксима. Бывшая земная колония, ныне получившая независимость. Наверное, это кажется странным с вашей стороны — раса одна, а миры разные... Но это нормально для истории моего мира. Когда переселенцы прибывают куда-то, обустроивают новую жизнь, приемлемый быт на необжитой и неприветливой ранее территории, они становятся уже новым народом, со своей историей, своими надеждами на будущее... А потом метрополия протягивает к ним свои загребушие лапы. Проксима, конечно, не самое плохое место, на том же Марсе потяжелее, на Проксиме хоть дышать нормальным атмосферным воздухом можно. Растительность вот, правда... выглядит довольно грустно.

— Зачем же ваши люди поселились там? Ради ресурсов?

— Да. Добыча полезных ископаемых...

— Ты смотришь в небо... Мне не обязательно поворачивать голову к тому, на что я смотрю. Наше зрение совсем другое, чем ваше, и сейчас мне немного грустно от этого. Мне хотелось бы увидеть звёзды.

— Звёзды?

— Да. Не описать, как это... Узнать, что есть что-то, чего ты раньше никогда не видел, что не способен увидеть! Небо всегда было для нас пустым пространством вверху, мы чувствовали льющийся с него свет солнца, но мы даже не видим солнца как такового, это слишком далеко... То есть, мы, разумеется, понимаем, что есть некий источник того света и тепла, которые мы ощущаем днём, и что этот источник перемещается с востока к зениту и на запад, но не подумали бы, что это похоже на диск, шар. Для нас это — большой очаг... Костёр, который плывёт над нами. И тем более мы не видим звёзд. Говорят, их даже не бывает на нашем небосклоне... Может, ты скажешь, что это глупо. Что такого в этих звёздах? Но говорят, они красивые, а мне этого даже не представить.

— ШиМай, ты можешь увидеть звёзды. В моём сознании, в моей памяти. А ещё... Вдалеке горят костры, ты знаешь это. Ты можешь видеть их отражение в моих глазах, это немного похоже на звёзды. Ведь можешь же?

— Да, пожалуй, могу. Мне жаль, что я могу так мало... Я стала пилотом, первая из женщин, чтоб стать чем-то большим, чем я была. Подняться вверх, оторваться от тверди... Прежде это было доступно лишь особенным, шаманам, как вы их называете... Да, у нас нет легенд о людях с неба. Никакие гости из других миров никогда не посещали нас. А теперь гости пришли, и смутили наш покой, дали нам понятие, что есть и другие, чем мы, есть то, чего нет у нас. И всё же, я не могу считать, что это плохо. Май-Кыл... Почему так получилось, что именно мы, из всех, другие?

Майкл прижался спиной к широкому узорному косяку ворот.

— Не знаю. Да и... Понимаю, что вам, наверное, мы кажемся одинаковыми в сравнении

с вами. Но это не так. Некоторые расы имеют другую остроту зрения, иной цветовой спектр... Вообще, только мне об этом и говорить, я сам не смог бы видеть так, как видят все люди, без контактных линз... А в последнее время мне и линзы уже не помогают. Потому что повреждён, говорят, не только хрусталик, но и зрительный нерв... Я ослепну... А быть слепым — это в любом из миров печально.

ШиМай-Ги задумчиво взяла его за руку.

— О чём из того, что ты потеряешь, ты жалеешь больше всего?

— Странно, не о звёздах, хотя о них, конечно, тоже. Главным образом меня печалит то, что придётся уйти из анлашок. Я, конечно, читал много историй об инвалидах, в том числе по зрению, которые оставались воинами до конца своих дней, я восхищаюсь этими мужественными людьми, вряд ли я сам смог бы так. А ещё... Знаешь, я очень люблю бегать. Наверное, не любил бы так, если б не знал, что это то, что я смогу не всегда.

— Тогда... Давай побежим сейчас? До тех холмов? Конечно, не наперегонки — это был бы неравный бой, тучанки бегают не сравнить быстрее вас...

Запыхавшиеся, они рухнули на траву одновременно. ШиМай-Ги запыхалась, правда, очень условно в сравнении с Майклом — для неё это был лёгкий прогулочный бег.

— Это великолепно... Чёрт, кто-нибудь сказал бы, что мы ведём себя как дети! Если выбирать, когда остановить мгновение, то, пожалуй, сейчас... — Майкл смотрел в небо и улыбался. Звёзд на нём, разумеется, по-прежнему не было, но сейчас ему казалось, что если он и не видит их, то чувствует. ШиМай-Ги обеспокоенно склонилась над ним.

— Это нормально, то, что ты говоришь сейчас? Звучит как-то тревожно...

— Нормально, Май, поверь. Мне хорошо. Скажи... можешь ли ты сделать для меня кое-что? Я, конечно, сомневаюсь, что у тебя есть какое-то там влияние на кого-то, и вообще глупо всё это... Но через несколько дней нашу группу переводят. Мы ведь уже достаточно пробыли здесь, а мир ваш большой. Нам очень много ещё где нужно побывать. Но мне не хотелось бы бывать где-то ещё... Хотя интересно, конечно... Но может быть, я могу принести пользу, и оставшись здесь? Нет, нам вроде бы никто не говорил, что будут ограничивать нас в свободе передвижений, указывать, где нам быть... Нас просто приглашают. Но могу ли я отклонить приглашение? Не будет ли это обидой? Нас ведь всё равно, возможно, разделят... Так почему не позволить мне остаться здесь? Ну, хотя бы ещё на какое-то время?

— Но почему, Май-Кыл?

— Мне хорошо здесь, и я просто не хочу ничего менять. И если это не противоречит нашей миссии, нашему долгу... я хотел бы не менять. И ещё сколько-то вечеров погулять здесь с тобой.

Тучанк молчала, осмысляя его слова. Тяжело... Тяжело балансировать на грани между потребностью быть честным и необходимостью тщательно выбирать слова на чужом языке, или для носителя другого языка...

— Если для тебя это... не слишком неудобно. Но мне показалось, тебе тоже нравятся эти наши прогулки. Я... не хотел бы расставаться с тобой, шиМай-Ги. Как можно дольше.

— Май-Кыл, это звучит... очень странно от тебя.

— Знаю, что странно. Чёрт, когда были все эти разговоры, расспросы... О Шеридане и Деленн, о Лаисе и Рикардо, о Тжи'Тене и Амине... Я думал — а возможно ли такое, что кто-нибудь из нас полюбит тучанка? Наверное, возможно...

Женщина задумчиво перебирала длинными пальцами стебли трав.

— Май-Кыл, я и по представлениям своего вида не первая красавица, а уж для вас... У меня ведь, как у вас говорят, нет лица.

— Май, я сейчас различаю лица ровно настолько, чтоб не путать Зака с Тжи'Теном. Что мне до того? Слепые не на это смотрят. Кроме того... я видел твой танец тогда. Главное, чего мне хотелось бы от будущего — чтобы он не померк никогда в моей памяти. Я хотел бы и дальше слушать твои рассказы о себе, своей жизни, легенды твоего народа... Может быть, конечно, твоим близким не понравится такое моё внимание, я не знаю, как у вас относятся к чужакам... в этом плане...

— Нет чужаков — нет и отношения. У нас не сложилось предубеждения против взаимодействия с иными расами. Внутри своего мира мы единый народ, а с чужаками мы знакомы слишком недавно. И от взаимодействия с ними, как ты знаешь, остались... очень сложные впечатления. Большею частью негативные, но были и некоторые позитивные моменты, что и подвигло нас не отвергать всякие иные миры раз и навсегда, а узнать их ближе, с разных сторон. Большинство из пришельцев, что нарнов, что центавриан, относились к нам презрительно и даже жестоко, но некоторые — очень сердечно и дружелюбно, вплоть до того, что защищали нас от собственных собратьев. Но никто из них не проявлял к нам личного интереса. Мы никогда и не думали, никто из нас, что такое возможно. Хотя, может быть... про меня и не удивятся такому.

— Почему?

— Из-за моей семьи. Моей матери. Моя мать — ноМир-Ру. Ты слышал это имя?

— Не уверен.

— Д'Арк. Та самая Д'Арк, что была палачом главных из нарнов, тогда, при восстании.

— Я слышал, но... Разве она не погибла? Хотя... я не знаю ведь, сколько тебе лет...

ШиМай-Ги села, обнимая руками колени. Иглы на её спине тихо шевелились, слегка касаясь травы и лежащего рядом Майкла.

— Нет, она не погибла. Лучше, чтоб думали так, всем спокойней, решили тогда... Её доставили сюда тайно, она долго была в руках слуг Теней. И я родилась у неё уже после возвращения. Я не росла с ней, меня забрала семья, я увидела её только спустя много лет. Однако многие думают, что я именно потому такая... странная.

— А в чём странная? В том, что стала пилотом?

— Да, например, в этом. Что меня тянет в небо потому, что когда-то моя мать путешествовала через космос. Она, вместе с другими немногими, пролетала мимо звёзд... Хотя, конечно, всё равно не видела их. Они ведь слишком далеко, чтобы можно было их увидеть... всегда далеко... Если ты всё же поедешь дальше вместе с твоими спутниками, ты увидишь наши города. Увидишь, каким был наш уровень до того, как к нам пришли чужаки. Мы многого достигли, многое построили. Мы изобрели и машины, и науки. Но иначе, конечно, чем у вас. И у нас не было летательных аппаратов. Мы не находили нужным подниматься в воздух... Как думаешь, почему? Может быть, потому, что не знали, что существуют звёзды?

— Не знаю. Может быть, поэтому. А... ты так сказала это — “первая из женщин”... У вас есть какой-то запрет, ограничение для женщин в профессиях?

— Нет, запрета как такового нет. Скорее... это то, что не рекомендовано. Это кое-что из наших понятий, верований. До того, как прилетели центавриане, в нашем мире летали только птицы. Птицы считаются не просто животными, не такими, как те, что бегают по земле. Птицы могут быть не просто птицами, а духами. Духами воздуха, душами умерших

или душами шаманов, тех, кто умеет покидать своё тело и воспарять над землёй. Это непростая способность, не каждому она дана. Это... рискованно и опасно.

— Но ведь вы видели, как летают нарны, центавриане... Потом некоторые из вас сами летели на корабле через космос...

— Нарны и центавриане — они другие, чем мы. Как тут можно сравнивать? Те, кто полетели тогда... ты ведь слышал, чем это кончилось?

— Ну, тут-то совсем другое дело... Хотя понимаю, вам, в силу ваших особенностей, летать куда рискованней, чем любой другой расе. Но ведь и мужчинам, и женщинам равно опасно, почему же ты это так подчёркиваешь?

— Нет, женщинам опасно по-другому. Женщина — дающая жизнь. А тот, кто поднимается в небо, летит среди птиц, духов — отчасти соприкасается со смертью. Это может быть знаком большого величия, силы, сходной с силой шамана, а может погубить душу, подвергнув влиянию недобрых духов...

— Думаю, в конце концов вы привыкните, что летающие машины — это не особо отлично от тех машин, которые ездят.

— Кроме того, я хотел бы просить вас о включении в нашу группу добавочных членов... Хотя бы на место выбывшего Майкла Дира. Нам потребуется сопровождение Рузанны Талафи — нам пока не обойтись без её великолепного знания языков, и доктор Гордеус Чинкони — врач в группе не помешает тоже. Кто-нибудь из слуг может сопровождать их по желанию. Так же в Кайракаллире мне хотелось бы связаться с печатным цехом... Я знаю, по заказу доктора Чинкони они уже печатали на шрифте для слепых. Я тоже хотел бы им кое-что заказать. Всё-таки, нас мало, а планета большая, едва ли всей нашей жизни хватит, чтоб пообщаться со всеми вами. Отпечатанные наши рассказы, думаю, помогут...

Винтари замолчал и выжидающе уставился на старейшин.

— Что ж, это разумные предложения, принц Диус Винтари. Вы можете делать по своему усмотрению.

— Я ж говорила, говорила, что они против не будут! — глаза Рузанны сияли, — теперь только посмотрите, пожалуйста, не следует ли мне взять ещё что-то...

— Я присмотрю за садом Рузанны, — заверила шиНан-Кой.

— Не бойся, Нан, я буду очень осторожна в путешествии. Я помню о долге перед дитя.

— Я не сомневаюсь, о тебе есть, кому позаботиться.

— О ней я позабочусь, — подал голос Эрзу, — не настолько я пока стар...

— В Кайракаллире, как понимаю, последняя наша стоянка вместе? Дальше всё же разделимся?

— Да, думаю, так будет эффективнее.

Винтари отвернулся, пряча если не от тучанков, то по крайней мере от Рузанны охватившее его волнение. Всё же он присутствует при важном рубеже в её жизни. С какой безрассудной самоотверженностью она готова оставить свой дом, в котором провела большую часть своей жизни, которым так дорожит из-за памяти родителей, чтобы неизвестно, как скоро в него вернуться... Она кажется такой хрупкой, беззащитной, домашней, как любой цветок, который она любовно опекает в своём саду. Но ведь эти цветы когда-то оставили родную почву, чтобы бороться за жизнь на новом пространстве. Она просто не может не быть такой же смелой...

Он тут же оборвал эти мысли. Путешествие по планете, которую справедливо можно

назвать её родным миром — весьма слабая аналогия с жизнью люрий и кейзаки. Верно, это свидетельство его внутреннего сожаления о том, что однажды он расстанется с этой прекрасной, самой умной и чистой девушкой, какую он когда-либо знал? Ну так незачем давать ход такому сожалению. Разве всё прекрасное на своём пути нужно стремиться забрать, сохранить, иметь подле себя вечно? Он ведь много уже размышлял об этом, и пришёл к некоторому решению внутри себя...

Им обещали, что Кайракалпир произведёт на них впечатление, и он произвёл. Город тучанков, не самый древний, но всё же. До сих пор они видели только малые города и деревни. Ещё там, конечно, Винтари оценил необычную архитектуру — дома были коническими. Преимущественно. Но то, что нормально смотрелось в малых поселениях, где естественна одноэтажная застройка, не давало представления о том, как могли бы выглядеть большие города. Неужели они отличаются от малых только застроенной площадью? А административные здания, какие-нибудь дворцы — что же, выглядят так же?

Теперь он увидел. Да, в основе большинства зданий всё равно коническая структура, но размеры уже очень варьируются, совершенно очевидно, что многие здания — многоэтажны. Некоторые были объединены в комплексы — конусы пересекались в основаниях на разную глубину, соединялись галереями. Несколько высотных зданий были цилиндрическими, одно — цилиндр, увенчанный сверху конусом, но в основном тучанки строили многоэтажные здания по образцу своих древних степных жилищ, даже окраска стен имитировала поверхность юрт. Сопровождающий старейшина пояснил, что в более молодых городах встречались и пирамидальные основания, но это пока считается у них необыкновенным авангардом. Среди всего этого центаврианские здания смотрелись, мягко говоря... странно. Чаще всего они занимали отдельные кварталы — построенные на месте снесённых ветхих, по мнению новых хозяев, жилищ. Реже стояли особняком, приткнувшись на пустовавшем месте. И как-то даже сюрреалистично смотрелся среди рыжих и красных конусов дворец центаврианского правительства — ныне, понятно дело, абсолютно и безнадежно пустующий.

Обитаемых домов здесь было, само собой, больше, хотя в масштабах города это было, конечно, совсем немного...

— Так вы здесь, значит, всего на месяц? — леди Ваниза Реми отставила чашечку на блюде и задумчиво взяла с тарелки печенье, — жалко, жалко... Это только кажется, что месяц — это очень много, а на самом деле ничего подобного... Вы уже выбрали, где разместитесь? Я могла бы дать вам рекомендации, какие дома наиболее комфортны...

Винтари усмехнулся — после их центаврианской кампании беспокоиться об удобстве... В домах, где есть спальные места с чистым постельным бельём, электричество, вода, кухня... Хотя, леди Реми об этом ничего не знает.

— В общем-то, кто-нибудь из вас может остановиться у меня. Я была бы очень рада. Из семьи я осталась одна, и мне, признаюсь, бывает скучновато, хотя занятие я себе способна найти. У нас здесь довольно однообразное общество, но весьма милое, ну, вы увидите. По выходным мы собираемся у кого-нибудь для игры в карты, иногда устраиваем прогулки с пикниками... Даже балы бывают, может, это и покажется вам глупостью...

Леди Ваниза Реми была на вид лет шестидесяти. Хотя могла быть и старше, возраст так молодящихся женщин бывает определить сложно. Абсолютно лысый череп центаврианки

украшала вышитая повязка, тяжёлые серьги доставали почти до плеч, глубокое декольте было прикрыто несколькими рядами бус. Обилие косметики, нанесённой, впрочем, весьма искусно, прикрывало морщины почти идеально.

— Леди Реми, а почему вы остались здесь?

— А почему нет? Во всяком случае, явных и бесспорных плюсов от возвращения на родину я не вижу. Я, знаете ли, довольно тяжела на подъём, мне трудов стоило привыкнуть на новом месте, снова подвергать себя такому стрессу я не готова, я уже не девочка. Ну, а почему мне предложили остаться... Думаю, это из-за детишек.

— Детишек?

— Ну да. Моим увлечением было собирать у себя местных детишек. Сирот, больных... Дом большой, со своими детьми у меня не сложилось. Я кормила их, лечила — при консультации местных врачей, конечно, учила центаврианскому... Это ведь очень полезно в жизни, знание языка позволяло им в дальнейшем стать не простыми рабочими, а бригадирами, мастерами, всё полегче... Мой муж не одобрял этого, он относился к местному населению... ну, исключительно утилитарно. Но я напомнила, что он перед свадьбой обещал исполнять мои капризы, и не было уточнений, что это касается только первых лет совместной жизни или только украшений и нарядов. Он умер, слава богу, я его не любила — не за что было, он меня тоже — такие мужчины, как он, любят в жизни одну женщину — власть. А я надеюсь всё же снова выйти замуж, а здесь это сделать, как ни странно, проще — общество невелико, но и конкуренции меньше, и влияние родов с их желаньями и чаяньями не испортит дела... В общем-то, у меня уже есть из кого выбирать...

ШиМай-Ги и Майкл Дир лежали рядом в высокой траве. Пригретая за день солнцем трава источала пьяняще-терпкий аромат, он накрывал сверху лёгким ласковым облаком. Майкл краем сознания отмечал, что различает в этом запахе отдельные компоненты — кижола, ал-учуу, и даже, кажется, этот местный вереск, хотя до озёр отсюда далеко... Тихая ночь — ни ветерка... но тишины не было. Свиристели какие-то ночные насекомые, где-то вдалеке, на озёрах, гортанно кричала птица, и громко колотилось сердце. Мутно-бурое небо, никогда не знавшее звёзд, подсвеченное прожекторами с базы, казалось, улыбалось им.

— Я раньше и не замечал, что ночи здесь такие тёплые...

— Знаешь, я тоже не замечала... О чём ты думаешь, Май-Кыл? Образы в твоих мыслях так странны, они сменяют друг друга с невероятной быстротой, такие стремительные, яркие, я многого не могу понять...

Он повернулся.

— Я постараюсь думать помедленнее, Май. Я думаю о тысяче слов. Той тысяче слов, которые я должен найти, чтоб не уронить достоинства перед тобой. Вообще-то, и миллиона мало... Но когда я думаю об этом, только молчание у меня остаётся. Какие там цветы, какие закаты... Разве что звёзды, которых нет на этом небосклоне, могли бы мне помочь.

— Если ты слышал о тысяче слов, ты слышал и о молчании, что стоит всех слов на свете. Сам подумай, разве нужны слова, если мы можем слышать мысли друг друга? Для возлюбленной говорит он эти слова не как новость, а так, как плетут венок невесте, как плетут венок матери детей, как плетут венок старухе, которая так же любима, как в день первой встречи. Их дарят, как подарок. Разве мы перестаём дарить подарки, когда о наших чувствах уже знают? А женщина смотрит в сердце мужчины и видит там отражение этих слов, видит его искренность, видит те руки, что плели венок. Если же мужчина не мог найти

слов — женщина всё равно видит их отражение в его сердце. Это так, как если бы, сплетя свой венок, он решил бы, что он недостаточно хорош для его любимой, и спрятал его за спину. Твой венок — из цветов твоего мира, из слов, многие из которых не знакомы мне. Я учила ваш язык, потому что узнала, что он самый распространённый, что общение между мирами происходит на нём, потому что он самый простой и доходчивый, но я очень мало знаю его, не то что центаврианский, который мои ровесники знают с детства. Рузанна помогала мне совершенствоваться в нём, она научила немного и вашему языку, как её учили родители. Но теперь я чувствую, что мне мало этого понимания, как тебе мало слов...

— Языковой барьер... Когда-нибудь его совсем не будет. Когда-нибудь все миры будут говорить на одном языке, не будет этих преград... А пока даже телепатия — не средство... Люди ведь не всегда думают картинками-образами, да и эти образы могут быть совершенно незнакомы и непонятны.

— Пусть я не знаю, что за цветы вплетены в твой венок, но они нравятся мне, это я знаю. Если б были только слова, я б удивлялась тому, как ты можешь любить существо настолько непохожее.

— Граница непохожести сдвигается тем дальше, чем дальше мы продвигаемся к звёздам. И мы ищем уже не золотых волос или голубых глаз, а того сердца, с которым наше будет стучать в унисон. Привычная оболочка уже не необходима, чтоб узнать такое сердце. Что-то подобное думаешь ведь и ты.

Май протянула руку, коснулась его волос.

— Это первое, что удивило нас в центаврианах — странные поросли на голове, похожие на траву. У нарнов не было волос... Старейшины, летавшие на Вавилон, рассказывали, правда, что видели там самых разных существ, у которых что только откуда не растёт... Это было так удивительно, сказочно... Мы смотрели на центавриан и гадали — для чего им эти... волосы, какую функцию выполняют, и почему местами они их удаляют, а местами оставляют... Когда мы заметили, что чем более высокое положение занимает центаврианин, тем длиннее у него гребень, мы подумали, что, должно быть, с помощью волос они могут влиять друг на друга, подчинять, а нас они воспринимают как рабов потому, что у нас нет волос... Но тогда непонятно, почему они сами остригают волосы до определённой длины, а не позволяют им расти и увеличивать их силу, и непонятно, почему их женщины, у некоторых из которых волосы длиннее, чем у мужчин, не верховодят в их обществе... Да и полностью лысые женщины тогда должны были занимать самое низкое положение, наравне с нами... Это потом уже нам объяснили... А у вас, похоже, волосы просто растут и ничего не значат.

— Ну, в прежние времена бывало, что и значили, во всяком случае, причёска многое могла сказать о человеке, о его статусе... Сейчас этого меньше, конечно, в основном люди просто стригут волосы так, как им удобно, как нравится. То есть, функция у них чисто декоративная...

— Их приятно касаться. Хотя в первый раз было даже немного страшно...

— К тебе тоже приятно прикасаться, Май, — его пальцы скользнули по длинной руке тучанк, — твоя кожа словно золотая... Солнце в ясный день здесь такое... Даже странно видеть тебя без комбинезона... Я касаюсь тебя и во мне не остаётся вообще ничего, кроме восторга, трепета...

— У вас считается интимным прикосновением, когда мужчина касается бедра женщины. У нас — нет, потому что там у нас нет ничего особенного. То есть, в конце

туловища — органы выделения, внизу живота — брюшная сумка, это понятно... Такую особенную значимость у нас имеет приложение ладони к груди, — она взяла ладонь Майкла, — то, что вы называете интимным, у нас расположено здесь.

Пальцы мужчины дрогнули, коснувшись узкой щели в области солнечного сплетения.

— Наш пол и наше понимание пола — внутри.

— То есть... ваши половые органы находятся внутри тела и появляются лишь в момент полового акта?

— Да. До этого момента, когда двое, соединившие сердца, соединяют свои тела, они не нужны.

— Значит, единственный способ узнать, мужчина перед тобой или женщина — это спросить?

— Для вас — да. Мы — чувствуем, но у вас этого нет. Бывают некоторые отличия у женщин в одежде, когда они становятся матерями. Это особые защитные узоры на поясах. Иногда так же можно отличить мужчину от женщины по роду занятий — как я говорила, женщин берегут, и не пускают туда, где слишком опасно. Скажи, тебе грустно от того, что из-за того, что мы слишком по-разному устроены, мы не можем соединиться, как любящие друг друга мужчина и женщина?

— Немного... Это всё равно не отменяет того факта, что я люблю тебя, и я просто не даю хода этой грусти...

Комментарий к Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 6. Слово и таинство
Названием тоже недоволен...

==== Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 7. Безумие =====

В начале февраля состоялся первый сеанс связи с внешним миром. Связь была не слишком устойчивая, экран полосатило, звук то и дело глох, но для стосковавшихся по родным и близким и это сейчас было манной небесной. Благо, терминалов в городе было в достатке. Однако команда практически в полном составе собралась в одном здании — дворце правительства, чьи достаточно мощные терминалы, зарезервировавшие наиболее устойчивые частоты, сейчас ловили сигнал с Минбара.

Первыми, разумеется, доложили об успехах и планах Зак и фриди. Президент слушал внимательно, требовал как можно подробнее рассказывать о встречах со старейшинами, о центаврианской диаспоре на Тучанкью, о беседе с правительницей нуВил-Рун, которая, несмотря на преклонный возраст и состояние здоровья, сама прибыла в Кайракаллитр для встречи с гостями.

— Я был удивлён той приветливостью и благорасположенностью, с которой нас приняла Всеобщая Мать. Как она сказала, она получила о нас множество прекрасных отзывов, и по итогам личной беседы заверила нас, что лично она склоняется к положительному решению о сотрудничестве с Альянсом, но хочет, чтоб это решение было всеобщим, не только её. Поэтому миссия наша на Тучанкью ещё не закончена...

— Благодарю вас, фриди Шонх. Это лучшие новости, какие мы могли бы сейчас от вас получить. Жаль, слишком редко мы можем получать от вас вести...

— Как дела дома?

— Дома дела... идут, идут. Конференция по модернизации вооружений прошла,

расширенное соглашение подписали ещё два мира. Ожидается очередная конференция врачей, но состоится на сей раз не на Минбаре, на Аббе... Есть два новых контакта, но говорить о подробностях пока рано... Впрочем, подозреваю, вас не столько интересуют новости политики, что внешней, что внутренней, сколько новости о родных и близких. Насколько знаю, у всех всё хорошо, за исключением, конечно, того, что они тревожатся, не имея вестей от вас...

Вопросы и ответы посыпались вперемешку, опережая и предвосхищая друг друга. Сестра Амины звонила вчера, узнав, что сеанс связи ожидается, просила попытаться позвонить ей... Дочь леди Суманы просила передать, что у неё родился внук... Жаль, но устойчивая связь с Шри-Шрабой вряд ли возможна сейчас, слишком мало спутников... Господина Такату спрашивали из издательства, говорят, его искала какая-то женщина... Мисси планирует принять участие в поездке по обмену опытом на Аббу, здесь её главное большое дело практически подошло к концу — старт последнего корабля к новому миру через неделю. Сьюзен просила, если связь продержится, позвонить ей завтра — сейчас она в Ледяном городе...

В конце беседы Шеридан-старший поздравил Винтари с наступающим днём рождения — до дня рождения было ещё полмесяца, но едва ли им посчастливится до тех пор иметь ещё один сеанс связи... Винтари сохранил запись этого разговора, не сознавшись в этом, правда, даже Дэвиду.

До дня рождения не только не было возможности нового сеанса, не только справить — просто возможности остановиться и перевести дух. Много встреч — в Кайракалпир, как достаточно крупный город, приезжали делегации из всех ближайших, и было всё то же самое — толпы тучанков, скользящих по дому вереницей то ли призраков, то ли судей, иногда обрывающих молчание градом совершенно неожиданных вопросов, и поездок — как и собирались, группу разделили, фриди Атал, Сумана и Ташор поехали с группой старейшин куда-то на север, Луфф, Брюс и Норкси — на северо-запад, отправки к новым местам ожидали и Гила, Амина и Фрайн Таката. Была поездка совместно с жрецами в посёлок Тай, в больницу, где содержались, в ожидании целительного ритуала, отловленные душевнобольные тучанки. Фриди Шонху и Шин Афал доверили участие в самой церемонии — они загодя разучивали что-то по своим записям (записей у тучанков нет как факта, но сразу всё запомнить с устного пересказа сложновато...).

Для проведения церемонии была поставлена специальная юрта в степи, церемония начиналась в час перед рассветом. Двое жрецов держали безумного тучанка — он уже понял, что вырваться не удастся, только что-то неразборчиво бормотал, подвывая. Одет он был довольно необычно — в некое подобие мешка, в прорези торчали только голова и концы рук и ног. Третий жрец, распевая молитву или заклинание, подошёл с ритуальным ножом и сделал надрезы на запястьях и щиколотках, внимательно проследил, как стекает кровь — прямо на ничем не застеленный земляной пол, затем пережал раны. Перед тучанком пронесли несколько предметов — чашу, хлеб, цветок, шкуру животного, провели сначала ребёнка, потом юношу (или девушку, тут Винтари не поручился бы), потом старика, потом семью с ребёнком.

— Восстанавливают простые понятия, — шепнул Дэвид Винтари, — основы. Это единый ритуал, с древних времён, то есть, это возвращение к истокам, к родовой памяти...

Шин Афал пела, фриди Шонх вместе с жрецами держал ментальный контакт. Жрец

сделал ещё по одному надрезу на руках и ногах сумасшедшего, дал ему выпить чего-то из чаши, после чего вытащил его из мешка.

— Они очищают его от искажённой памяти, от повреждённого сознания. Выпуская большую кровь, вливая новую...

— Так это там кровь в чаше?

— Смешанная с целебным отваром, помогающим ускоренно восстановиться после кровопотери... А ты думал, почему они убивают, чтобы исцелиться? Они верят, что информация в крови. За жизнь человека она напитывается всем, что видел и слышал этот человек... По их представлениям, душевнобольной — тот, чья кровь впитала много плохого, значит, необходимо её обновить. Убивая, они ведь мажутя кровью жертвы, пьют её... Не знаю уж, как, но им это действительно помогает. Правда, полностью нормальными они становятся не всегда, лучший способ — это всё же церемония. Но её должны проводить достаточно опытные, слишком много всяких важных деталей... Здесь каждое слово значимо.

Тучанка вывели из юрты — как раз навстречу рассвету.

— Это символизирует рождение. Человек как бы рождается второй раз... Он наг, не чувствует тепло мира, который принимает его. Видит солнце, степь... Это главное. Сейчас последнее кровопускание, самое длительное. Случается, от слабости они первое время не могут подняться на ноги, но сознание, что интересно, проясняется.

— Выпустили дурную кровь — и безумие отпустило?

— Ну да. Новая кровь, благодаря целебным отварам и песням жрецов, нарождается уже здоровой.

— Я, помнится, читал, на Земле одно время существовало некое псевдопсихологическое учение, полагающее, что все проблемы и болезни человека — от периодов боли и беспомощности с самого детства... Интересно, ведь создатель с тучанками вроде не был знаком...

— Ну, не настолько это и псевдопсихологично, если разобраться, хотя за уши всё равно притянуто... Но человеческая душа потёмки, мы ведь до сих пор не знаем почти ничего о подсознании, о тех законах, по которым строится наше мышление... Может быть, полное рассекречивание разработок и экспериментов Пси-Корпуса даст ответы на все пока безответные вопросы... Ну, а нам пора. Нам ещё отоспаться надо, если хотим присутствовать и следующей ночью. Фриди и Шин Афал точно будут. Безрассудство с их стороны, конечно, таких больных тут больше пятидесяти, но они рвутся помочь, чем могут...

— Одна церемония — один тучанк? Оптом никак?

— Никак. Тут всё должно быть направлено на больного. А этот ещё тихий, многие вырываются, дерутся, кусаются, голосят, сбивая поющих... Иногда случается, кто-нибудь из жрецов гибнет... Тени ушли более двадцати лет назад, а их наследие до сих пор отлавливают по заброшенным городам — они прячутся в руинах, забрасывают приближающихся камнями, копьями... У многих сумасшедших родились дети... Это сложнее всего — восстановить песню сознания, повреждённую с детства...

Винтари закусил губу, помолчал, нервно переступая с пятки на носок.

— Ты не ездил со мной тогда... Знаешь, я рад. Этот городок только недавно вернули миру цивилизации — доловили последних, может быть, даже вот этот был из них... Это было непростая задача — городок далёкий, да ещё такими буераками окружён... Буераки до сих пор очищают от отходов... Теперь город восстанавливают, многие здания просто сносят и ставят новые. Говорят, оттуда столько костей вывезли... Случайные прохожие там бывали

редко, но вот полгорода они порешили ещё двадцать лет назад, а потом разделились на несколько лагерей, сложно сказать по каким признакам объединялись, кто-то по окрасу кожи, кто-то по родству маний, и убивали друг друга... В тех зданиях, где они жили, всё пропитано кровью. Даже стены украшают кровавые надписи...

— Надписи? У тучанков же нет письменности, они и не видят надписей!

— Нормальные — да... Кто бы знал, зачем они делали это, сами пояснить как-то не готовы. Знаешь, мне показалось, я узнал что-то вроде дракхианских значков. Возможно ли такое? Если их безумие вызвано Тенями, их влиянием на сознание — кто знает... У некоторых из этих безумных артелей была манера — пришивать к трупам чужие отрубленные конечности, мазать их целиком в чём-нибудь чёрном... Похоже, они символизировали Теней для них...

— Шин Афал как-то сказала: Тени ужасны тем, что понять их невозможно. Логика говорит нам, что тот, кто ненавидит всех и вся, стремится как можно меньше с этим всем и вся соприкоснуться — либо уж тотально уничтожить. Но они активно вмешивались в жизнь младших рас, они называли это заботой... Стравливая расы между собой, они получали удовольствие тем большее, чем более жестокой бывает разгоревшаяся война, чем больше в ней жертв... Чем больше преступлений против человечности и морали готовы совершить ради достижения победы. Но ведь даже от своих фаворитов они не скрывали той чёрной бездны, что представляют собой их души, не могли не пугать, не подавлять...

— Может быть, потому, что такое не скроешь? Рядом с нагретым предметом ощущаешь тепло, рядом с глыбой льда — холод... Это свойство. А вот тем, кто брал их в сторонники, подумать бы, неужели они хотели бы эволюционировать в некое подобие вот этих созданий, при одном только приближении которых, говорят, мозг взрывается потоком избранных кошмаров? Те, кто говорят, что жизнь — борьба, что что-то получить можно, только победив, а для победы ты должен быть готов идти по головам, ещё безумнее тех тучанков, что хотя бы пытаются бороться со своей манией... им бы стоило хотя бы побывать в таком городе. Там недалеко от города есть поле... Обычное поле, раньше на нём, может, что-то полезное росло... А теперь там растут травы, пропитавшиеся кровью. Там зарыто слишком много тел... Ещё в конце шестидесятых центавриане... решали проблемы как умели... На ближайшей плантации случился бунт, началось, кажется, с того, что кто-то попал под молотилку, видевшие это попадали в обморок, ну и... было много жертв, и немеряно пострадавших рассудком... Свезли туда их всех, добывая по дороге...

Дэвид с тревогой взглянул в лицо друга — бледное, усталое, в свете разгорающегося рассвета кажущееся измотанным.

— Знаешь, вот я был бы рад, если б и ты туда не ездил.

— Я должен...

— Я тебя сейчас стукну! Сколько раз тебя просить, чтоб ты не брал на себя чужие грехи, не брал ответственности, которая не твоя? Или тут нужно не просить, а требовать? Действительно, теперь я счастлив, что обстоятельства помешали Андо присоединиться к нашей миссии. Двоих вас таких мне б было не выдержать!

Винтари потёр лицо.

— Знаешь, мне, видимо, тоже нужна такая вот церемония... Рождение заново, восстановление простых понятий в чистоте и незамутнённости. Чтобы смотреть на поле и не думать, сколько в нём зарыто тел... Думать о том хорошем, что оно видело — о песнях у костра, о свадьбах, рождении детей, праздниках... Думать о жизни, а не смерти...

Следующим вечером Винтари пришёл в комнату Дэвида с бутылкой. Бревари. Бутылка была старинная, фигурная, вся в печатях. Нежа её благоговейно, как святыню, он развалился на кровати, благо, скинув предварительно туфли.

— Раз уж сегодня мы, в порядке заслуженного отдыха, никуда не едем — хотел бы воспользоваться таким случаем и отпраздновать наконец... Вот это диво мне презентовала леди Ваниза. Сорт и выдержка таковы, что если продать это — можно, наверное, купить небольшой дом... Но продавать и покупать я не хочу, всё-таки это подарок, к тому же напомнивший мне, что последний раз я пил что-то подобное... Чёрт, не вспомнить, когда... Ты выпьешь со мной?

Дэвид воззрился на него, поверх кипы бумаг, в которой сейчас возился, удивлённо.

— Я минбарец, Диус.

— Слушай, вот это тот случай, когда в ущерб гордости или чему там ещё следует вспомнить, что минбарец ты — меньше, чем наполовину. И поскольку физиологически ты большей частью всё же человек, от минбарца буквально детали — думаю, ничего тебе не будет.

— Но я никогда не пил...

— Вот именно — никогда. Я понимаю, почему на Центавре ты избегал этого правдами и неправдами, там мы все старались не рисковать... Откуда предубеждение-то взялось, на чём основано? Хотя, и не будь его... На Минбаре найти выпивку это надо потрудиться, даже центаврианину... Я думаю, основная причина всегда сложных отношений Центавра и Минбара именно в этом — как дружить с теми, с кем невозможно выпить?

— Нарны пьют побольше вашего, а дружба у вас пока на троечку.

— Да ну тебя! Тащи стаканы, в общем. Они где-то в гостиной должны быть. Я хотел по дороге прихватить, но у меня уже была в руках бутылка, а держать это всё лучше аккуратно... Хорошие бокалы стоят не как дом, конечно, но как машина — запросто... Лучше бери такие высокие, узкие... Впрочем, не заморачивайся. Главное — не из горла.

Дэвид с сомнением отложил листы с записями, которые как раз приводил к единому удобочитаемому виду.

— Диус, ты уверен, что хочешь рискнуть? А если я стану агрессивным и наброшусь на тебя?

— Отобьюсь. Я старше и сильнее. И вообще, кроме нас с тобой никого дома нет. Иржан у леди Ванизы — у них сегодня как раз карточный вечер, Таката где-то гуляет с доктором, фриди на очередной церемонии... Да и фриди, сам понимаешь, точно не собутельники... В общем, найди ёмкости, можешь заодно найти какие-нибудь фрукты — хотя мне, откровенно, кажется, что лично я обойдусь и так.

Дэвид пожал плечами и покорился. В конце концов, он знал, что распитие спиртного занимает важное место в культуре центавриан, а сейчас Диусу, наверное, просто необходимо снять накопившийся стресс, возможно, излить под воздействием возлияния душу... И если уж он выбрал для этой роли его — стоит, надо думать, оценить это очень высоко...

Фрайн Таката в это время действительно гулял с доктором Чинкони. В центаврианских кварталах особой ночной жизни не было — в колониальном аграрном мирке не развернёшься с индустрией развлечений, пара баров, ныне безнадежно пустующих, голографический кинотеатр, которому теперь тем более не выжить... В остальном городе ночная жизнь была всегда, хотя, разумеется, вовсе не в типичном центаврианском

понимании. Кинотеатры были у тучанков невозможны в той же степени, что и библиотеки, а вот просто театры были. Формат, правда, имели для иномирца немного непривычный. Были и не то чтоб бары, больше это было всё же похоже как понятие на средневековый трактир... Оба, впрочем, сейчас затруднились бы сказать, что отправились искать, и есть ли вообще у их прогулки цель... Вроде бы, хотели, конечно, куда-нибудь зайти, что-то посмотреть, но так и ходили — от фонаря к фонарю, по боковым, более тихим улицам.

— А вы почему не пошли на посиделки у леди Реми, господин Чинкони?

Старый доктор только махнул рукой.

— Что мне делать там? Пусть уж молодёжь балуется... К тому же, я боюсь, не начал бы кто-нибудь из отцов и матерей семейств сватать ко мне дочурок — сейчас эти посиделки для них, как-никак, практически одна из немногих возможностей присмотреть партию...

— А ваше сердце, я так понимаю, занято...

— Да ну вас, господин Таката, какие в моём возрасте амурные дела? Я просто не хочу, чтоб какой-нибудь девчонке испортили жизнь. То есть, думаю, конечно, моё слово тут будет всё же решающим, я всё же уже не маленький мальчик, за которого всё решает род, но сама попытка потрепать нервы, скандал... Скандалы мне сейчас ну совершенно...

Таката улыбнулся, подчёркнуто глядя не в сторону центаврианина, а на горящий впереди фонарь.

— А я думал, всё дело просто в том, что вы любите леди Талафи...

— Господин Таката!..

— Ну скажите, что я не прав. Я извинюсь.

— Да какое это имеет значение? Я вообще не уверен, что это нужно называть любовью... Ну, в том смысле, который пытаетесь вложить в это слово вы. Может быть, просто глядя на неё, я вспоминаю сына, ушедшего так скоропостижно и трагично, мою дорогую Люциллу, свою юность...

— На дочь или на напоминание о юности не так смотрят, господин Чинкони, уж поверьте мне, смею считать, что я что-то понимаю в чувствах. Ваша покойная Люцилла, судя по вашим рассказам, была женщиной, несомненно, великолепной, но опять же судя по вашим рассказам, вы успели оплакать и схоронить эту любовь, рана в вашем сердце заросла, на могиле распустились новые роскошные цветы...

— Ну и пусть себе распускаются, кому они мешают-то. Рузанна мне даже не в дочери годится, мало не во внучки, куда мне питать надежды? Великолепие её юности привлечёт к ней достаточно более подходящих кандидатов.

Однако Таката тоже был упрям...

— Мне сдаётся, вы говорите это без всякого удовольствия и даже без всякой искренности, доктор Чинкони. Что в глубине души вы готовы растерзать любого, кто к ней приблизится, а может, даже и не очень в глубине. Вы дорожите ею, вы боготворите её, вы хотели бы защитить её, вы больше всего боитесь, что какой-нибудь проходимец погубит её, да и просто — что она не будет счастлива, что ей могут навялить нелюбимого и нелюбящего... Почему вы не даёте себе вовсе никакого шанса? Разница в возрасте, конечно, понимаю, смущает вас... Но разве возраст преграда для вас, чтобы любить? Многие женщины предпочитают мужчин старше себя... Я, может быть, не говорил вам, но женщина, с которой у меня был роман, отнюдь не была моей сверстницей. Между нами было пятнадцать лет разницы.

— А между мной и ей — три раза по пятнадцать, даже больше. Нет, нет, это безумие.

— Но вы сами не дали ей возможности увидеть в вас не только замену отцу, не только старшего друга и интересного собеседника. Однако поверьте, и это немало, и из этого вырастает настоящая большая любовь, на всю жизнь.

— Сколько той жизни осталось-то...

— Сколько бы ни осталось — вся ваша. Она ещё не кончена, ваша жизнь, её срок не отмерен и вам не предъявлен. Вы говорите о возрасте... Так подумайте, пристало ли вашему возрасту, вашему жизненному опыту — расточительно выбрасывать в мусорную корзину всё то, что вам осталось.

— Принц любит её...

— А это-то вы с чего решили? Потому, что сами любите её, что не представляете, как можно её не любить? Не спорю, принц, возможно, увлечён ею... Но рано говорить о большой любви, они слишком недавно встретились. Вы же знаете её всю жизнь.

Чинкони набрал в грудь побольше воздуха, чтобы ответить настырному бракири подобающей тирадой, но тут оба остановились как вкопанные. Прямо перед ними перед дверью какого-то заведения стоял мальчишка. Лет, должно быть, четырнадцати. Сперва они подумали, что это землянин, и разом подивились, откуда бы ему тут взяться. Нет, одежда центаврианская... Но вот причёска для центаврианина более чем необычная — волосы были заплетены во множество косичек.

— Молодой человек... Молодой человек, не поздно ли вы гуляете? Оно конечно, с преступностью в Кайкараллире, как я слышал, как-то совсем глухо, но всё же на месте ваших родителей...

— А вам-то что? — мальчик обернулся и вскрикнул от ужаса, отшатнувшись, — что с вашим лицом?

Таката, кажется, не обиделся совершенно.

— Да ты, сынок, никак, никогда бракири не видел? И правда, откуда б им тут взяться... Ты ведь тут всю жизнь прожил?

— И манерам вас, молодой человек, явно не учили, — проворчал Чинкони, — всё-таки со старшими разговариваете.

— А, вот оно что... бракири... Вы, видимо, из этой группы приезжих? Манеры — для лицемеров!

— Свежо, революционно... Однако я всё же возьму на себя смелость проводить вас до дома. Поздний час даже на Тучанкью не время находиться не дома в ваши годы.

— Да ну? Могу себе представить, где вы были в мои годы.

— В колледже, сынок, чего и тебе бы пожелал. Меня разгульная жизнь мало коснулась, о чём ни капли не жалею.

— Моему отцу всё равно нет дела, где я нахожусь. Он сам сейчас не дома, упёрся вместе со всеми к леди Реми, хотя и ворчит всё время, что леди его замучила домогательствами.

— Так, юноша, подробности ваших семейных драм нам, посторонним лицам, знать вовсе не обязательно, — Чинкони мягко, но настойчиво положил руку мальчику на плечо, — показывайте дорогу к вашему дому.

— Я думаю всё же, вы не совсем правы, господин Чинкони, — вклинился Таката, — прекрасно понимая вашу заботу о моральном облике и будущем молодого человека, хочу сказать — не будет вреда, если он нажалуется нам на то, что его гнетёт, может быть, ему станет легче, если он выскажет свои обиды. Ведь разве не за поиском собеседника он вышел? Мы, думается, не худший вариант.

— Вот только жалеть меня не надо, а!

Хотя в крике мальчика было, пожалуй, чересчур злости, Таката снова не обиделся.

— А я думаю, именно жалость тебе и нужна. Кто бы что ни говорил, в жалости нет ничего плохого, она отличает нас от животных. Конечно, на это обычно возражают, что есть жалость, а есть сострадание, сопереживание... Но по-моему, это всё словоблудие. Спишите это на незнание языка, и всё.

— Да чего вы ко мне привязались, какая вам-то разница?

— Может быть, потому, что я видел очень много родственников, которые дулись и обижались друг на друга всю жизнь, считали стену непонимания возведённой ещё до сотворения мира господом богом, всю жизнь не могли просто сделать шаг навстречу друг другу, а потом очень жалели об этом. Потому что, когда я писал о таком в своих книгах, мне потом приходило множество писем, в которых люди писали о том, что в их жизни было подобное, а ещё среди этих писем были и такие, в которых мне писали о том, как мои книги помогли успеть всё исправить вовремя, найти долгожданный путь друг к другу...

— Да поймите вы, моему отцу ничего такого не нужно! Я сам, вообще, ему не нужен. Я так думаю, он вообще не замечает, есть я дома или нет.

Ведущую партию явно взял Фрайн Таката, Чинкони даже удивился, обнаружив себя сидящим за столом в одном из тех трактиров, мимо которых они проходили. Таката, выжимая из себя все имеющиеся языковые знания, уже делал заказ...

— Да с чего вы решили, что я так уж страдаю из-за этого? Это у нас давно, это нормально. Отец всегда меня ненавидел.

— Милый мальчик, было время, когда я сам так думал, но потом я понял, что обычно у родителя нет никаких причин ненавидеть того, кому сам дал жизнь, просто их любовь мы не всегда можем назвать любовью.

— Не знаю, что там у вас, а у моего отца — есть. Моя мать умерла при родах. А он её очень любил... Ему таких трудов стоило на ней жениться, неравный брак, все были против, они аж сюда от своих семей сбежали... Он вообще детей не хотел, знал, что у неё слабое здоровье... А я взял и завёлся... Он говорил врачам — спасать, если что, мать... Они и спасали... А всё равно она умерла, а я выжил. Они совсем немного вместе прожили... Вот и за что ему меня любить? Да честное слово, и я плачу ему тем же. Мне вообще на него плевать.

— Скажи, а с ним или с тобой хоть раз случилось что-то серьёзное, чем вы могли бы проверить... это ваше «плевать»? Кстати, а почему у тебя такая причёска?

— Да просто... ему назло. Одежду мою любимую он выкинул, а волосы — что он с ними сделает? Не налысо ж обреет.

— Мальчик мой, из-за тех, на кого плевать, не уходят ночами слоняться по улицам. Когда плевать — живут припеваючи, даже не помышляя, что что-то не так. Тем, на кого плевать, не делают назло. Ты пытаешься привлечь его внимание, значит, тебе не всё равно. Но действуя так, ты мало чего добьёшься. Большинство людей не понимают языка подсознания. Раз уж ты сам не понимаешь... Ты несправедливо рано лишился матери, у тебя нет даже воспоминаний о ней. Не отнимай у себя хотя бы отца. Ты, конечно, можешь считать, что мы просто два старых дурака... Но что мешает тебе хотя бы попытаться? Чувства — это самое ценное, что в нас есть, они всегда стоят шанса.

Чинкони показалось, что эту последнюю фразу Таката сказал не столько мальчишке, сколько ему...

— Но скажи, почему, если ты хотел отпраздновать, ты не пошёл на посиделки к леди Реми? Я думаю, они позаботились бы... о максимальном размахе...

— Дэвид, или ты скажешь, что пошутил, на тему того, что не понимаешь, или я обижусь.

— Это ты сейчас минбарца во лжи обвинил?

— Это я сейчас полуземлянина подозреваю в том, что он издевается. Если я захочу пирушку, я повод найду, но свой день рождения в качестве такого предоставлять не готов. Знаешь, он мне кажется что-то слишком личным делом, чтобы... Чтобы таким вот образом проверять, насколько эти мои соотечественники оторвались от добрых отечественных традиций, услышу ли я здесь к себе все те интонации, тошнотворный коктейль страха, подобострастия, жадности, лести, от чего я, в общем-то, сбежал... тонких намёков о древности и почтенности того или иного рода, красе и добродетели той или иной девицы... и вообще лишних напоминаний о моём статусе, о каких-нибудь их, прости господи, ожиданиях... Я просто не хочу отравлять этим свой праздник. Раз уж он праздник... Я плохой центаврианин, это верно. Истинный центаврианин способен радоваться и пить счастье на всю катушку, пока у него есть такая возможность, именно потому, что всё конечно, мысль о том, что в любую минуту можно получить удар в спину, не мешает ему пить до дна, плясать до упаду, наслаждаться до потери сознания, он всё принимает как должное, таким, как оно ему даётся... Я же всё время оглядываюсь, я стремлюсь к покою, а он невозможен... Я хочу лишь, чтоб меня принимали как меня самого, но проблема, наверное, в том, что с моими соотечественниками я до конца в это не поверю, даже если это будет так...

Дэвид покачал головой. На самом деле — вообще не стоило задавать такого вопроса. Если Диус сейчас не говорит о том, что он видел и пережил там, то едва ли ему хотелось бы молчать об этом в компании леди Реми и её друзей. Можно понять, что его накрыл наконец настоящий нервный срыв. Он долго держался, а ведь даже быть просто под постоянным прицелом этих безглазых взглядов, отвечать на все вопросы и знать, что от твоих ответов зависит многое — это очень тяжело, для любого из них. Но не каждый здесь чувствует такую личную ответственность. В самом деле, хорошо, что хотя бы на такие же мучения Андо не приходится смотреть. Если б только не казалось всё чаще, что вместо Андо эти чувства испытывает здесь он...

— Мне кажется, леди Ваниза, или вы... недовольны тем, что я здесь? — Рузанна подняла глаза, в которых почти стояли слёзы. Сюда, в её рабочий кабинет, шум из гостиной почти не долетал, она уж тем более никому не могла помешать, сидела, спокойно работала...

— Да, недовольна... — леди тяжело опустилась в кресло, — недовольна! Не здесь тебе надо было быть, не здесь! Да вижу, тебе пока прямым текстом не скажешь, намёки-то не дойдут... Я, знаешь ли, это бревари принцу дала не для того, чтоб он его выдул в одиночку...

— Ну, меня он пригласить забыл, знаете ли.

— Самой надо было пойти! Есть у людей такое хорошее выражение... как это... “Если гора не идёт к Магомету — то Магомет идёт к горе”.

— Да, у землян вообще много интересных поговорок, есть вот ещё — “наильно мил не будешь”.

Леди Ваниза только раздражённо отмахнулась.

— Мужчины — они тугодумы порой, их тоже подталкивать надо. В том, что именно чувств касается... Если просто флирт, завоевания — тут конечно, они на коне и с шашкой наголо! А когда их внутри что-то задевает — тут они прячутся в раковину, как моллюски. Мне вот этого Эфанто, например, иногда хочется по голове чем-то тяжёлым огреть... Чтоб уж оправданий больше не было, грубой силой завалили, не отбился... У меня ведь и другие варианты есть, и я ведь уже не девочка, не в нашем возрасте играть в эти игры, то ли хочу, то ли нет... Но я настёрная, я не отступлюсь! Выйти за Нарисси, в конце концов, всегда успею...

— С вами, леди Ваниза, всё, может быть, и понятно, но я принцу не нужна совершенно.

— Да уж конечно! А чего он тогда здесь торчит? Переводы делать ходит? Ну так и эти все тогда приходят в карты поиграть... Только вот мои старые дураки кроме меня мало кому нужны, а принц молодой, красивый, партия, конечно, неоднозначная, но заинтересоваться многие могут... Уже заинтересовались... Я б сама заинтересовалась, но на мне он даже спьяну не женится... Рузанна, девочка моя, ну если не тебя, кого ему выбирать? Минбарку какую-нибудь?

— Пожалуй, я понимаю их, почему многие здания они сносят до основания и возводят на их месте новые, почему меняют здесь всё... По мне так немислимо бы было здесь жить, пока это место дышит пережитым, кричит о пережитом! По-моему, правильно б было сравнить здесь всё с землёй, предать забвению. Кажется, что всё это залито кровью... Я знаю, что кровь смыли дожди, что уже третий год здесь ведут работы, расчищают, перестраивают... Но всё равно — посмотри на эти остовы, от них веет ужасом. У меня на родине есть поговорка — «Если бог разрушения избрал какое-то место своим домом, никто больше не будет здесь жить».

— Штхиукка... То есть, Штхейн, я помню, я обещала тебя так называть, я пытаюсь... Нет, я думаю, они правы, попытайся это понять. Дело даже не в том, что нерационально оставлять какое-то место вот так, пустующим, не приносящим пользы, дающим приют одичавшим животным и сумасшедшим. Дело именно в... преодолении. Переписывании песни. В том, чтоб на пепелище вырастить цветы, построить храмы, услышать детский смех. Только тогда оно перестанет быть пепелищем. Страх и отчаянье побеждаются только надеждой.

— Наверное, ты права, Шин. Я не знаю, почему это так действует на меня. Это вот зрелище... Эти дома, вывороченная арматура словно переломанные кости, эти дороги, ямы будто раны — это всё как будто кричит от боли, взывает о помощи... А я не могу помочь. Отправляясь в новый мир, мы смутно надеемся, что его жители не совершали наших ошибок, что они чище, мудрее, что у них меньше боли и зла...

Шин Афал, перебирающаяся через завал, образованный обрушившейся стеной здания, оглянулась. Минуту назад она думала о том, как необычно выглядит Штхиукка в этом одеянии — просторной накидке с капюшоном, разновидности местной традиционной одежды. Она и сама странно чувствовала себя в этом, но они решили, что отправляться на прогулку в старый город, ещё не обжитый заново, не отреставрированный район лучше в чём-то подобном. А теперь она подумала, что и говорит Штхиукка очень необычно для дрази, обычно их речь более примитивна, и высокой образностью не богата... Штхиукка действительно очень образованна для своих лет, для тех условий, в которых она жила.

Может быть, потому, что ей рано пришлось столкнуться с необходимостью бороться, а в борьбе знание — вещь куда более нужная, чем патроны. Тем более когда это борьба с предрассудками, с невежеством, борьба за свободу выбора.

— Наверное, мне следует попросить прощения, Шт... Штхейн, что привела тебя сюда. Мне было важно увидеть, прикоснуться к боли этого мира, потому что я хочу помочь ему. Но я не подумала, как это подействует на тебя.

— Важно для тебя — важно и для меня, Шин. У нас здесь одна миссия. Кроме того, я не могу отпускать тебя в такое место одну.

Минбарка улыбнулась. Они постояли рядом, глядя на панораму старого города — картину разрухи, запустения, залитую закатным светом. Словно переломанные кости, словно раны... Как верно...

— Город-призрак... Я читала о городах, так и не отстроенных после войны — после артобстрела, ядерного удара... Иногда уже некому больше было отстраивать... Я иногда думаю — может быть, души погибших всё ещё где-то здесь, бродят по этим улицам, думая, что это какой-то страшный сон, от которого они не могут проснуться...

Они остановились и замолчали разом. Перед ними, прижавшись спиной к полуразрушенной стене, сидел ребёнок-тучанк. Совершенно голый, грязный, израненный, он тихо скулил, обнимая руками колени, уткнувшись в них лицом. Они не сразу заметили его, цвет его кожи был неотличим от цвета стен. Шин Афал со всех ног бросилась к нему.

— Дитя, что с тобой случилось? Откуда ты? Ты поранилось? Сможешь подняться? — она осторожно коснулась головы ребёнка, — не бойся, мы поможем тебе.

— Шин...

Шин Афал не успела узнать, что хотела ей сказать Штхиукка. Ребёнок поднял на неё обезображенное лицо, в следующий момент на стену перед ними упали две тени... И удар по голове погрузил её в темноту.

— ...тебе смешно, а мне ещё месяц после этого кошмары снились! Будто меня на ней таки женили, и вот она приводит меня в спальню, сбрасывает одежду, а там у неё... Что, что такое?

— Да нет, просто... Пытаюсь осмыслить, что ты ведь ребёнком был...

— Ну да, я прекрасно понимал на самом деле, что прямо сейчас меня на ней никто не женит, да и вообще в её случае это «мечтать не вредно»... Но кошмары есть кошмары...

— Да не, я о том, что... Ну, ты уже всё знал о том, что...

Винтари усмехнулся. Он понимал две вещи — что он пьян и что ему хорошо. Второе проистекало из первого, но не напрямую. Мало просто заполучить бутылку первосортного алкоголя в свои дрожащие лапы. И даже мягкие подушки, которыми была завалена широкая центаврианская кровать — обычно Дэвид их все убирал, складывал горкой в углу, в таком количестве они ему были точно не нужны, но сейчас выразил готовность приобщиться к центаврианскому понятию комфорта — не обязательное условие. Главное — что хотелось говорить. И не только в обычном понятии излияния души, то есть жалоб, а просто говорить... Озвучивать мысли, не задаваясь вопросом их своевременности или значительности — это ведь и есть дать отдых мозгу. Вспомнить не только важное, но и что-нибудь малозначительное, вроде этой дурацкой истории ещё из детства... Кажется, столько ерунды сразу он вообще кроме Дэвида никому не говорил...

— О том, как у вас это говорят... ну, что детей не аист приносит? Нет, ну чёрт возьми, а

потом ты обижаешься, что я считаю ваше воспитание чересчур... ну... Хотя нет, с тобой никогда не было всё безнадёжно, я ещё помню это «с исключительно познавательными целями»... Только тогда я по-настоящему и оценил минбарское коварство! «С познавательными целями», как же... Ксенопорнография-то... Господи, ты б знал, как я боялся, что мне всё-таки надерут уши, если застукают нас за этим увлекательным просмотром!

Дэвид рассмеялся, его взгляд искоса показался даже каким-то кокетливым.

— Диус, ну ты ведь мой старший брат, это нормально, разве нет?

— Давай сюда бокал. Я так понял, ты хоть полчаса его будешь пустой маять, чем просто возьмёшь и попросишь добавки... Скромный ты наш...

В глазах очень приятно всё плыло. Как будто мир стал не таким резким, в этой плавности очертаний выделась непривычная доброта и ласковость... Всё-таки да, как отвык организм от качественного алкоголя... И главное — как он до сих пор и не задумывался об этом...

— Диус... — на щеках Дэвида проступил заметный румянец, он закусил губу, загадочно и странно улыбаясь, — на самом деле, меня давно мучит один вопрос... Тоже нескромный очень...

— Да?

Мальчишка принял из его рук наполненный бокал, долго вглядывался в тёмно-рубиновый мрак в бокале, любуясь бликами на гранях узоров, поглаживая завитки листьев и лепестков, затем залпом осушил.

— Ну, вот в продолжение темы о том, что мы ещё очень мало знаем друг о друге... В смысле, наши расы, об анатомии друг друга... Конечно, с моей стороны этот интерес не слишком оправдан, я ведь не будущий врач, как, например, Шин Афал... Но мне было интересно — вот, половые органы у вас расположены... ну, совсем иначе, чем у нас, это понятно... А что у вас находится там? Ну, я понимаю, что органы выделения, но как это выглядит?

— Показать?

Глаза Дэвида вспыхнули.

— Да! То есть, я, конечно, думал, что, может быть, ты можешь найти какие-нибудь материалы вроде... Ну, более подробные... Там бывает так сложно что-то разглядеть...

Лепет Дэвида затих сам собой, он ошарашенно-зачарованно смотрел, как центаврианин расстёгивает жилет.

— Вот чем-чем, анатомическим пособием ещё быть не приходилось... — руки дрожали, сражаясь с ремнём брюк.

Определённо, алкоголь человеку самый коварный и проказливый друг... Он как хохочущий бес внутри, делающий безумное, бесстыдное странно привлекательным и возбуждающим. В здравом уме такое и вообразить нельзя, а сейчас между побуждением и действием проходит одно мгновение.

Раздеться полностью он не успел. Дэвид, с лихорадочно блестящими глазами, склонился над ним, раздвигая полы расстёгнутой рубашки, робко коснулся груди центаврианина, потом уже смелее ладони скользнули по животу, легли на бёдра... От этого пристального изучающего взгляда бросило в жар. Волосы Дэвида коснулись его кожи, тело пронзила судорога.

— Ой! Он...

Один из органов взметнулся и бестолково хлестнул его по руке, соскользнувшей с бедра на подушку. А потом вскрикнуть пришлось Винтари — Дэвид схватил гибкий отросток, крепко сжав его в руке.

Винтари почувствовал, что стремительно трезвеет. Что ему становится страшно.

«О чём я думал, когда его поил? Он, хотя бы наполовину, ну ладно, на четверть — минбарец. Он ведь сам предупреждал, сам опасался... А я нашёл время решить, что риск украшает жизнь... Одно его неосторожное движение сейчас — и я если не мертвец, то инвалид...»

— Такой гибкий... и сильный... Так бьётся... словно сердце в руке...

Рука Дэвида скользнула к основанию щупальца, затем обратно по всей длине, Винтари безуспешно пытался вспомнить, как нормально дышать. Как когда-то, когда в поединке Дэвид нечаянно коснулся...

— Они больше, чем я думал... Тебе больно, Диус?

Ему потребовалось время, чтоб осознать, что он слышит это сейчас, а не «в тогда». Опынение, которое, как он считал, отступило, набросилось на него с новой силой, очертания комнаты, лицо Дэвида — всё растворилось, затянутое золотистым туманом.

— Лучше б мне было больно, Дэвид...

Золотистый туман растаял в ослепительно яркой вспышке...

Очнулась она в полутёмном помещении, освещённом только топящейся у противоположной стены печью и чадающей лампой — такие использовались тучанками три столетия назад, но в деревнях и поныне ими пользовались. Больше всего помещение напоминало подвал — каменные стены выглядели сырыми, пол земляной, пахло плесенью, дымом, чем-то затхлым. Шин Афал была привязана к одной из балок, подпирающих потолок, у соседней балки она увидела Штхиукку. Она была уже в сознании.

— Где мы?

— К сожалению, точно не знаю, но думаю, вселенная услышала наше желание прикоснуться к боли этого мира, и мы прикоснёмся к ней сполна. Я видел их пока только мельком, но они где-то близко. Я полагаю, это сумасшедшие, всё ещё прячущиеся здесь в развалинах — ты слышала, что нет уверенности, что их переловили всех, вот теперь мы знаем — не всех.

Послышался шум, из темноты выступили два тучанка — высокие, полностью обнажённые, покрытые кровью и грязью, они о чём-то негромко переговаривались между собой.

— Я не всё понимаю... Кажется, не видя нас под капюшонами, услышав тучанкскую речь, они приняли нас за местных, и теперь расстроены, что мы не идеальная добыча. Они рассуждают, как теперь следует нас замучить...

Один из тучанков подошёл к Шин Афал, второй к Штхиукке, их ладони грубо ощупывали лица пленников, оставляя на них пятна кровавой грязи. Обменявшись гневно-растерянными криками, они снова отступили куда-то в темноту.

— Штхейн! Штхейн, ты ви... видел их лица?

— Ещё бы! Те же раны, что и у ребёнка. Шин, это звучит как безумие, но... эти раны выглядят как глаза. Как будто глаза у них были, но их вырвали...

— У тучанков не бывает глаз, это исключено. У них сам череп, сам мозг устроен иначе...

— Лучше скажи, видела ли ты их спины. Они изувечены, Шин. Эти отrostки, которыми они видят, у них срезаны больше, чем вполонину. Неужели они сами это сделали с собой? То есть, другие сумасшедшие сделали это с ними?

Тучанки вернулись. В их руках блеснули ножи.

— Нет, прошу, не убивайте нас! — зашептала Шин Афал, — вам ведь это ничего не даст, это не поможет вам, мы ведь пришельцы... Но я знаю, как вам помочь, поверьте мне, пойдёмте со мной, я отведу вас к старейшинам...

Яростно орудуя ножами, тучанки разрезали и сорвали с неё и Штхиукки одежду. И снова застрекотали негодующе-непонимающе.

— Мне кажется... То есть, если я правильно понимаю... Они пытаются определить, кто мы такие. Кажется, они довольно молодые, и нарнов не помнят. Только центавриан. Но мы не похожи на центавриан, и они в растерянности.

— Для них это важно, чтобы нас убить?

Один из тучанков тут же подтвердил догадку Шин Афал, обратившись к ним на ломаном центарине.

— Эй! Что вы за существа? Кто из вас женщина?

— Зачем вам..?

Тучанки метались по тёмному помещению, периодически подсакивая к пленникам, хватая их за обрывки одежды, или ходили кругами вокруг балок, размахивая руками и переговариваясь — иногда взрываясь истерическими выкриками, иногда почти неразличимо бубня себе под нос.

— Штхейн... — голос Шин Афал сбился на горестный шёпот, — ты, может быть, не разбираешь, но... Похоже, они уже взрослые особи, но они не определили свой род. Они говорят без родовых окончаний, даже между собой.

— Как это?

— У них нет пола... То есть, они его не знают. Потому что их жизнь, развитие шло не так... Они продукт эксперимента. Это я разобрала довольно хорошо, тут много заимствованных из центарина слов. Они на родном-то говорят с центаврианским акцентом, как слышишь... У них не было детства, вообще не было. Возможно, они и родились там... в какой-то лаборатории... Центавриане проводили над ними эксперименты — изучали, как они это называли. Кажется, среди учёных была женщина, может быть, она руководила проектом, или просто особенно много над ними издевалась...

— Эй, вы! Среди нас женщина — я! — в критический момент тучанкский Штхиукки оказался практически безупречен, — это — мужчина, а я — женщина!

— Что? Штхейн, зачем?

— Молчи, Шин, в отличие от тебя, я могу врать. Хотя, не настолько это и ложь. Вот когда мой физический пол пригодится... А я подозреваю, что женщина для них не означает ничего хорошего.

— Не слушайте его! Штхейн мужчина!

Но тучанки уже не обращали на неё внимания.

Нет, они не тронули Штхиукку и пальцем. Но ментальная волна, коснувшаяся Шин Афал на излёте, наполнила её такой болью и ужасом, что она закричала. Штхиукка только глухо стонала сквозь стиснутые звуки, потом закричала что-то на родном языке... Рванувшись, Шин Афал почувствовала, что путы ослабли. Тучанки, яростно-удовлетворённо взвывая, рухнули без чувств, и блаженная темнота без образов, без звуков и без боли наконец

опустилась и на Штхиукку. Очнулась она, почувствовав, как Шин Афал пытается кое-как завязать на ней разорванную одежду. Темнота прояснялась медленно, всё тело болело, словно порубленное на куски, а затем кое-как склеенное обратно. Запястья были, кажется, стёрты до мяса.

— Ты... в порядке? Встать сможешь?

Дрази кивнула, но поднимаясь, пошатнулась, и едва не рухнула вместе с Шин Афал. Девушка почувствовала, что тело дрази всё ещё бьёт крупная дрожь.

— Что они сделали?

— Если сравнение «воткнули раскалённый гвоздь в мозг» тебе что-то скажет — то вот оно... У них природные способности к телепатии выродились во что-то страшное. Очень страшное. Они не общаются. Они читают кошмары. Рождают кошмары. Они вытащили худшее в моей жизни. Худшее, что я слышал из случившегося с другими. Худшее, что было с ними. Незачем тебе об этом знать, Шин. Пойдём отсюда поскорее, приведём кого-нибудь...

— Нет. Если мы сейчас уйдём — вернувшись, мы можем не найти их.

— Свяжем.

— Это не гарантия. Помнишь, тут есть ещё маленький. Возможно, он действует с ними вместе.

— Что же ты предлагаешь?

Шин Афал оглядела убогое помещение, перевела взгляд на то, что привыкшие к темноте глаза идентифицировали как путь наружу.

— Штхейн, они не обычные тучанки. Может быть, я самонадеянна, считая, что понимаю... Обряд, какой он есть, тут может и не помочь, потому что их не вернуть к исконным понятиям, их у них и не было. По крайней мере, он поможет не более, чем обряд, который проведём мы сами. Он может помочь в той же мере. Помогите мне, Штхейн.

— Но у нас многого для этого нет...

— Мы заменим мыслеобразами. Они ведь всё-таки способны считывать эмоции. Ведь они затем тебя пытали — чтоб пить твой ужас... Если они слышат плохое — то услышат и хорошее. Мы попытаемся помочь. Хотя бы одному из них. Возможно, именно для этого нас привели сюда...

— Хорошо, Шин. Что делать мне?

Пришедший в себя тучанк обнаружил себя в крепких руках дрази. Шин Афал делала надрезы на его руках.

— «Вот женщина — я... Вот мужчина — Штхейн... Ты увидишь мир, богатый красками и жизнью, и будешь частью этой жизни. Ты увидишь мир, состоящий из всех наших миров, из любви, побеждающей войну. Родись заново тем, кто знает, что есть небо и что есть земля, открой своё сознание для чистой песни...»

Склоняя голову с боку на бок, тучанк встречал у входа в подземелье рассвет — кажется, первый рассвет, который он действительно видел.

— Кажется, у нас получилось, Шин. Ты знала.

— Я не знала. Но я верила. Верила, что боль, принесённая извне, извне должна и исцелиться. Это справедливо. Мы — их новая реальность, часть их песни.

— Вот найти бы ту женщину, что сделала с ними это... Наверное, ведь это возможно — не так много, думаю, у центавриан женщин-учёных... Шрамы на подрезанных иглах старые, возможно, это ещё в младенчестве... И этот длинный шрам через всё туловище — я только сейчас разглядел... Похоже, как будто они их живых вскрывали, чтоб посмотреть, как они

устроены... Что же это за женщина такая, что способна такое сделать с ребёнком?

— Нет волос, нет лица, нет пола — неполноценные, — глухо проговорил тучанк, — так у них.

— Теперь ты знаешь — так не у всех из них. Сейчас мы пойдём в город. Там много хороших людей. Там твои соплеменники. О вас будет, кому позаботиться. Тебе холодно? Давай, вот так. Эта накидка — тучанкская. Тебе нравится?

Штхиукка без лишних слов тоже скинула свою накидку — для второго тучанка. И так же молча помогала Шин Афал разрывать на бинты подол своей туники, перевязывала запястье, из которого цедила кровь для обряда.

— Что такое, Штхейн? Ты смотришь на меня так... как будто во всём этом есть что-то особенное...

— Нет, ничего, Шин... Меня многое поразило сегодня... Но больше всего поражает способность думать о других не прежде себя даже, а вместо себя. Ты даже не оделась, бросившись сразу ко мне. Ты осталась помочь им, хотя тебе самой нужна помощь... Ты два раза подряд выдержала то, что, после произошедшего, и один бы раз выдержать... Но главное — ты готова на любую жертву ради ближнего. Они не слышали, но я-то слышал. Ты пыталась солгать ради меня.

— Я не лгала, Штхейн.

— Я слышала о произошедшем в Су-Агай... — Рузанна поёжилась, — бедная Шин Афал! Мне даже представить подобное страшно. Какое счастье, что они не пострадали... Ну, почти. Самоотверженность Штхиукки восхищает. И самообладание... их обоих... Надеюсь, с этими спасёнными тоже всё будет хорошо...

Винтари кивнул.

— Их отдали на попечение местной общины. Старейшины выразили огромное восхищение Шин Афал. Кажется, кто как из нас, а она явно станет почётной гражданкой Тучанкью. Есть за что... Тучанки сказали, привести их хоть в какое-то подобие рассудка было почти нереально, они с первых своих дней ничего кроме издевательств не видели. Какое там небо, какие изначальные символы... Они только сейчас увидели что-то, отличное от их привычных развалин с истлевшими непогребёнными телами. Врачи сказали, вероятно, их иглы были обрезаны ещё в младенчестве почти под корень. Они отросли, но только частично, на ту меру, на какую возможно... Это совсем не то же, что ослепить или оглушить кого-то из нас. Это можно сравнить разве что с серьёзной травмой мозга, ментальным увечьем. Неизвестно, как давно они оказались на улице, как вообще спаслись — в лаборатории был пожар, вероятно, подожгли сами, когда узнали об отзыве на родину... Может быть, есть и другие уцелевшие такие, поисковые отряды прочёсывают теперь эти руины частым гребнем, того ребёнка нашли, может быть, найдут и ещё кого-то.

Рузанна потерянно смотрела в недопитую чашку.

— Ужасно... Ужасно, что такое существует. Что кто-то из наших с вами соотечественников оказался таким вот исчадьем ада...

— Исчадьем ада, хотя бы в небольших количествах, есть в любом мире, главное — что это не возведено в культ, как было у дилгар. Главное — что это ужасает, вызывает возмущение, что этого стыдятся, скрывают это, а не гордятся этим... Что можно призвать злодеев к ответу — и они понесут наказание. Можно хотя бы надеяться, стремиться к этому... Может быть, пройдёт ещё много времени, прежде чем мы изживём в себе черты

этого... цивилизованного варварства... мы все... Но пока мы считаем это пороком, позором — мы не безнадёжны. Говорят, зло нужно, чтобы было добро. Как протест, противовес... Пожар — это очень плохо. Это значит, найти улики, доказательства будет очень сложно. Это значит, что ещё печальнее, что почти невозможно узнать, откуда эти молодые тучанки, кто их родители... Конечно, они найдут себе близких среди племени, которое приняло их, но ведь в каждом живёт тяга к родной крови, к правде о себе... Хотя, наверное, странно это слышать от меня... Но ведь их семьи, сколько я их ни видел — это счастливые семьи. То, что у нас — редкое везенье, у них — правило... У них, если ребёнок остаётся без родителей, он и сиротой себя не чувствует, он окружён любовью многочисленного семейства. А у нас родственные связи одно удовольствие рвать, и ни вы, ни я не горим желанием хотя бы навестить родные края...

— Этого я не говорила. Навестить — собираюсь. Есть у меня там дело... Очень важное дело. Я как раз потому была так взволнована этой историей, что... мне ведь предстоит как раз найти свою кровную семью. Я ведь приёмная дочь.

Винтари уставился на Рузанну ошарашенно.

— Вы удивлены, принц? Странно. Вы ведь знаете, что за болезнь была у моих родителей. В таком браке на рождение здоровых детей нечего было и надеяться, они не стали и пытаться. Они поступили логичнее всего — купили младенца у работоторговцев. Мать рассказала мне перед смертью. У меня не слишком большие финансовые возможности, но всё же я надеюсь... сделать всё возможное, чтобы найти хоть кого-то из своих родственников.

— Но Рузанна, зачем? Вы всегда говорили о своей семье как...

— О родных, любимых, всё верно. Но разве это что-то отменяет? Я не держу никакого гнева на свою биологическую семью, по крайней мере покуда не знаю о ней ничего плохого. Они могли и не отказываться от меня, они могли сами быть рабами... И в конце концов, я получила прекрасную жизнь, лучшую из возможных. У меня была любящая семья, я выросла в заботе и понимании. Я получила дом, состояние... Несправедливо, если я буду наслаждаться этим всем одна.

— Но Рузанна... То, как вы видите мир, это... Вы чисты и наивны, поймите, а не весь мир таков. И ваша родная семья... Может разочаровать вас. Они могут оказаться невежественны, грубы, могут оказаться преступниками... Они не раскроют вам любящих объятий, только вашим деньгам.

— Ну и что? Им, я думаю, простительно, если учесть, в каких условиях им пришлось жить. Страдания озлобляют человека. Но я могу хотя бы что-то исправить. Дать возможность выбора. Хотя бы сделать так, чтоб близкие больше не разделялись по воле хозяина, решившего продать на сторону мужа, жену, ребёнка... Чтобы мои сёстры или племянницы не вынуждены были продавать себя, чтобы жить. Рабство — это ужасно, так приучил меня думать мой отец. Если я сделаю хоть что-то — это будет почтением и к его памяти.

— Что ж, Рузанна... Я помогу вам, чем смогу. Кое-какие связи у меня всё ещё есть... И у меня есть деньги. Обещаю, по возвращении я займусь поисками вашей родни. Предоставьте мне отправные точки — и я сделаю всё, что будет от меня зависеть.

— Спасибо вам, ваше высочество... — в бархатных глазах Рузанны блеснули слёзы, — скажите, я... Я стала вам неприятна теперь, когда вы знаете, что я низкого происхождения?

— С какой бы стати? Вообще-то, практика усыновления в нашем мире имеет

колоссальную историю, и, хотя, конечно, есть те, для кого главное происхождение, гены, всегда много было и тех, для кого главным было воспитание, принадлежность к роду... А я... Я всегда завидовал вам. Вашей чистоте, вашей светлости. И теперь завидую. У вас есть вера. А вера, как говорят на Минбаре, может всё.

==== Часть 4. МАК И ВЕРЕСК. Гл. 8. Ад рядом =====

— В конечном счёте, Ранвил прав, я не смог её защитить. Это путешествие едва не стало последним в её жизни.

Андо покачал головой.

— А разве ты был обязан? Разве именно ты должен был защищать именно её? Ты не обещал этого Ранвилу, и она не избирала тебя своим защитником. Ты не более виноват, чем кто угодно другой из вас. Ты переживаешь просто из-за того, что вы с Диусом пили, разговаривали и смеялись в то время, когда она могла лишиться жизни. Но разве вы знали об этом? И разве она даже позволила б тебе об этом знать, позволила контролировать каждый свой шаг, ограждать от опасности? Она не позволила этого Ранвилу, не позволила бы и тебе.

— Знаю... Она мне говорила, что за то меня и ценит, что я веду себя иначе, чем Ранвил. Но действительно ли это правильно, действительно ли это лучше? Разве наши старшие, ограждая нас от чего-то, иногда прямо запрещая, не защищают нас? Где же грань?

— А разве тебе это нравится? И потом, ты ведь делаешь разницу между собой и всем этим умудрённым жизнью старичьём, которое вроде как может что-то там предусмотреть и предупредить? Тебя-то пока не назначали старейшиной клана, тем более её клана. Если они отпустили её — ты тоже должен подчиниться этому решению. Или дело в том, что ты не хочешь подчиняться?

— Не знаю... ничего не знаю, Андо. Знаю только, что я пережил уже смерть нескольких друзей, и больше переживать не хочу.

Взгляд Андо был одновременно грустным и жёстким.

— А это ты не выбираешь. Не вправе выбирать. Для того, кто готов пожертвовать своей жизнью, твоя защита будет унижением, или ты не минбарец? Или здесь две твои природы не могут примириться между собой? Да, ты скажешь, я не пойму тебя. Я нарн. Но не так уж различно нас воспитывают. И мы, и вы служим своему обществу, выполняем то, что нам прикажут, и если надо, отдаём жизнь. И для нас, и для вас трусость, приоритет своей жизни и даже жизни близких над Делом, приказом, благом для большинства — смертный грех.

— Да... Но разве ты сам не рвался ещё тогда, на Центавре, защищать меня? Правда, теперь ты не отправился со мной, и я рад этому...

— Я всегда рядом с тобой, Дэвид, я всегда защищаю тебя. Но пока не всё я готов тебе объяснить...

Дэвид проснулся. Что это было? Сон, один из этих нередких снов, которые кажутся реальнее самой реальности. Казалось, ладонь всё ещё чувствует тепло руки Андо, казалось, что край постели, где он будто бы сидел, примят... Сегодня его день рождения, и после пробуждения снова вернулась неловкость от того, что вернуть долг любезности не вышло, и даже поздравления были только во сне. Эти сны успокаивают, но если разобраться, то это странно. Во сне Андо говорил, что у него всё хорошо, что не о чем беспокоиться. А на самом деле? Где он, зачем он поехал на Марс? Вернулся ли уже? Может быть... может, он ещё может присоединиться к их миссии здесь, ещё не поздно? Хотя сложно даже думать о таком,

кто ж будет устраивать ещё один рейс для него одного...

Хруст битого стекла под ногами бил по нервам — словно хрустело не стекло, а кости. Ну, костей он тоже видел немало, и даже знает, как именно они хрустят под ногой...

— Вот теперь я могу сказать, что видел ваш мир. Вот такой он... разный. Пятнистый. Пятна почти нормальной, безмятежной жизни, ваших традиционных жилищ, ваших песен и легенд, пятна выжженной кислотами и ядами земли, пожарищ, могильников. Какие же глупые мы были, Создатель, какие глупые... Мы так наслаждались этими вечерами у костра, этими напитками из трав и ягод, вашей любезностью... Теперь эта любезность выжигает меня изнутри, вот до такой же сажи выжигает, — Винтари провёл рукой по покосившейся стене, показывая оставшийся на ладони след.

Ну Вил-Рун обернулась.

— Я позвала вас всех сюда не для того, чтоб вы умерли во искупление всего, что перенёс мой народ. Мой народ не хотел ваших страданий. Но какое это имеет значение... Происходит то, что должно происходить. Когда мы рождаемся в первый раз — мы не страдаем. В том отличие нашей расы от вашей — роды у нас лёгкие и для матери, и для дитя. Но тот, кому приходится рождаться второй раз — страдает, потому что пережил смерть. Наш мир пережил смерть, и теперь рождается заново. Глупы не вы, глупы те, кто думал, что мы можем просто вернуться к истокам, можем жить, как раньше, словно ничего не было. С рождающимся второй раз такого не бывает. Шрамы остаются на всю его жизнь. Потому вы и приехали сюда. Раны, нанесённые нам чужаками, должны излечиться чужаками, а точнее — вместе с чужаками. Если б никогда не случилось в наш мир вторжения, ни первого, ни второго — мы б никогда не вступили с вами в контакт, незачем было бы это делать. Мы не могли б друг друга понять, не могли б идти одной дорогой. Но вы, вы все проходили через это. Через войны, пожары, захваты, убийства... Вы все повреждены. И мы теперь такие же, как вы.

— Нельзя так говорить. С вами этого не должно было произойти.

— Почему?

Винтари поднял голову. Небо в обрамлении изломанных кромок полуразрушенных стен — это действительно ужасно...

— А почему я не должен этого говорить? Потому что представитель расы, которая волевой поступью шла по вселенной, подчиняя миры и считая это своей доблестью? Той расы, которую саму захватили, унизили и едва не уничтожили, а она это почти не заметила. Я тут стою, как представитель расы-благодетеля, которая пришла восстанавливать отравленные почвы, высаживать новые культуры, развивать сельское хозяйство, потому что развивать какую-либо промышленность, кроме аграрной и текстильной, здесь уже невозможно... А кто виноват во всех этих ядохимикатах, дыме, отравившем ваш воздух, нечистотах, отравивших ваши реки, в этих истощённых, исковерканных недрах, в этих уродливых развалинах, дышащих смертью? Нарны? А кто подал им достойный пример железной поступи по вселенной? Кто сотню лет опустошал, грабил, убивал, уродовал чужой мир? Кто выковал из народа, который сам ни до каких колонизаций ещё не дорос, будущих циничных, безжалостных захватчиков? У них, действительно, были прекрасные учителя! И Г'Кар не лгал, это действительно мы нанесли удар по вашему миру. Оружие было наше... И рука, направлявшая его — отравлена нашей идеологией, нашей жестокостью.

Они взобрались на очередную гору битого кирпича, неяркие в обычном тучанском

свете тени легли на выщербленное, изъеденное кислотой покрытие. Он видел на Минбаре, видел на Центавре, как разрушается любое ветхое, покинутое творение разумных — разрывается корнями, оплетается травой, ломается нежной и такой несильной природой. Здесь — не так. Ни травинки не пробивалось в чернеющих провалах. Насколько ж безжизненной сделали эту почву ещё до того, как построили здесь этот ныне мёртвый завод... Если так посмотреть, то независимость была актом предательства — не успели закончить. Не все руины снесли, не везде высадили питающийся токсинами мох, запустили бактерии, разлагающие химикаты и умирающие в свой срок. Не везде отловили сумасшедших, сеющих ужас и боль. Кто, кто и почему должен делать это за нас?

— Вот поэтому вы и нужны здесь. Потому вам нужно быть здесь.

— Я очень тронута твоим беспокойством, девочка моя, — голос Гилы был слаб, и деланно бодрые, весёлые нотки в нём Шин Афал не обманывали, — но не отравляй себе этим существование. Я немолода, и эти проблемы у меня не со вчерашнего дня. Я ведь говорила, ты тоже слышала это тогда. Когда плавательный пузырь повреждён, он уже не будет работать так, как надо.

— Но вчера вам стало так плохо, как до этого никогда не было...

— Никогда на твоих глазах, но не вообще в жизни. И как ты слышала, мне уже лучше, так что вряд ли тебе стоит ломать из-за меня свою собственную, очень насыщенную программу. Я полагаю, если врачи не ошиблись, самое позднее через неделю у меня очередной концерт. Всё это уже было, всё это ещё будет, ты юна и пока что здорова, поэтому то, что происходит с немолодым и побитым жизнью организмом, так пугает тебя.

Шин Афал покачала головой, но свои мысли озвучивать не стала — это будет неуважительно к чести Гилы. Если она хочет убедить, что всё хорошо — она имеет такое право. В том отличие минбарского врача от многих других рас, что не всегда можно заставить пациента принять лечение. Если пациент говорит, что лечение противоречит его чести или он не может оставить своё дело — врач должен отступить. Здоровье и жизнь никогда не важнее чести и дела. Потому врачами и становятся традиционно представители воинских кланов — воины лучше кого бы то ни было понимают такие вещи. Но вселенная, даже при том, что в этом городе и сейчас живёт около полутора тысяч центавриан, какое жалкое зрелище представляет собой этот госпиталь! Персонал-то разбежался первым, сейчас из профессионалов тут осталось разве что несколько медсестёр. Младшие биоинженеры, химики и сельхозтехники пытаются, конечно, делать что возможно для покинутого города, но их знания определённо недостаточны. И уж точно не включают знание физиологии аббаев.

— Мне кажется... эта среда вредна вам.

— Ну разумеется, вредна! Дитя моё, вы ведь знаете — во всех мирах жизнь вышла из воды, но в мире аббаев не уходила от воды далеко. Мы любим плавать и нам это необходимо для жизни, в нашем мире много воды и высокая влажность воздуха. Любая иная среда не очень полезна для нас, но это ведь не повод отказываться от путешествий? А путешествовала я в жизни много, в том числе после этого ранения.

— Но последние несколько лет вы редко покидали Аббу...

— Да. И полагаю, запасла достаточно здоровья, чтоб посетить этот мир. Девочка моя, дай бог, чтоб к моим годам ты была такая же здоровенькая, как сейчас. Но если нет — ты поймёшь, что с очень многими вещами можно жить. Не беспокойся обо мне.

— Я хотела бы, чтоб она зашла сюда перед вашим отлётом, а не ты отправился к ней. Хотела бы её увидеть. А отлучаться я, ты знаешь, не могу. Я и так отпрашивалась, когда навещала Гилу вчера...

— Так удивительно, — Тжи'Тен поднял несколько брайлевских листов, уроненных Аминой на пол, — мы отпрашиваемся... У нас обоих так, не стовариваясь, получилось.

Амина крепко сжала его руку, принимая листы.

— Ты ведь слышал, мы — «слившие две песни в одну». Мы только так и можем действовать. Этот мир сам направляет наши действия наилучшим образом, что мы можем делать, кроме как подчиняться? Я знаю, что твоя тревога за меня так же велика, как моя за тебя, и что ты так же, как я, велишь ей молчать. Я знаю, как похолодела кровь в твоих жилах, когда ты услышал, что произошло с Шин Афал, и представил, что на её месте могла б быть я. Так же, как моя, когда я услышала, что на тебя напали... И всё же я говорю — как можно скорей вернись к твоей работе там, и дай мне заниматься моей. Что может быть прекраснее?

Тжи'Тен упаковал в папку готовую стопку листов и протянул Амине, чтоб она наклеила сверху рельефный знак с названием. Наутро эти папки заберут в печать... Это инструкции к водоочистным системам, которые Амина переводит на брайлевский тучанский — персонала из центавриан станции давно не хватает.

— Ну, уж из-за моей пустяковой царапины так беспокоиться не стоило. Мы, нарны, знаешь ли, крепкий народ, требуется несколько большее, чтобы свалить одного из нас с ног.

— Значит, это преувеличение, что царапины совсем не две? Может быть, мне всё же сделать недолгую паузу в своей работе, чтобы осмотреть твоё тело?

— При всём уважении, Амина, если ты на это решишься — гарантирую тебе, что пауза не будет короткой. Туда меня не ранили. Так что лучше нам не сходить с делового настроения.

— Ты прав. Для молодой и темпераментной центаврианки я была слишком долго вдали от тебя. Ну и, в свою очередь, могу сказать, что в округе давно нет сумасшедших тучанков, так что тебе нечего за меня бояться.

— Зато вокруг полно нормальных центавриан, которым почему-то важнее, с кем ты предаёшься нечастым плотским удовольствиям, чем что благодаря тебе им есть куда вернуться.

— Ага, значит, ты уже знаешь...

— Да. И я рад, что тучанки и более-менее вменяемые центавриане спрятали тебя здесь. Но всё же будь осторожна.

— Если б они просто спрятали меня, я б сидеть здесь не стала. Когда я закончу свою работу здесь, я пойду искать следующую, и не важно, сколько центавриан встанет на моём пути. И к слову, мало не половина из них хотели убить меня за вероотступничество, всё же не настолько мой народ утратил религиозный пыл. Да, всё естественно и даже превыше всяких ожиданий — тебя хотят убить ненавидящие нарнов тучанки, меня — ненавидящие нарнов центавриане... Но переживём и это. Мы умрём не здесь, не сейчас, в этом мне, как центаврианке, можешь поверить.

— Не, умирать в мои планы совсем не входит, тем более здесь — меня мало что эти завалы ждут, тут Дэвид просил Зака отвезти его к Лоталиару...

— Великий Г'Кван! Но зачем? То есть... почему именно он?

— Тут я даже не знаю, что тебе ответить, если уж учесть, что сами тучанки ни разу не предлагали нам этого. Но он в своём решении твёрд — ты знаешь, что если минбарцу что-то

времяшится, то его и нарну не переупрямить. Так что лучшее, что я могу сделать — сопроводить его туда вместо Зака. Как-то неправильно, если они там будут, а я — нет.

— Что ж, это действительно отрадно слышать, что не все нарны оставили по себе такую память. Было б трудно говорить, что ни одна раса не состоит из сплошных негодяев, если б вам только такие и встречались. Моей расе нарны не делали дурного, правда, и хорошего тоже не очень-то...

— Не все, — подал голос молчавший до этого белый тучанк, — один нарн был матерью мне, жизнь моя со мной лишь поэтому.

— Как это? — вырвалось почти у всех присутствующих разом. Только Брюс, уже слышавший об этой истории, не выразил удивления. Белый тучанк отодвинул от себя блюдо с пищей, как обычно тучанки делают, когда им предстоит сказать что-то жизненно важное, что требует полного внимания и говорящего, и слушающих.

— Когда я вошёл в возраст, когда задают вопросы и получают ответы, нарнов уже не осталось в нашем мире, но мне говорили, что он не был военным. Он тоже был из хозяев на этом военном заводе, но бывал там редко. Он ездил между всеми заводами, потому что был специалистом по оружию, которое там производят. В тот день, когда он приехал, моя мать упала замертво у станка. Её вынесли и бросили за оградой завода, но заметили, что в её сумке я, и принесли обратно, чтоб передать какой-нибудь другой женщине. Но не могли найти ни одной женщины, которая кормила бы сейчас. Услышав о случившемся, он забрал меня, чтобы выкормить. И мы, и нарны — сумчатые, только у нас с сумками рождаются женщины, а у нарнов — мужчины. Если б не этот случай, мы б и не узнали об этом. Так же он распорядился доставить для рабочих продукты из его дома. Конечно, не всё из этого нам можно было есть, но он об этом не знал, он был специалистом по оружию, а не по пище. Он не заведовал тем, сколько нам есть и сколько отдыхать, как и все, кто возмущались. Они могли давать нам что-то от себя, а не приказывать другим нарнам. Это не от доброты к нам, а потому, что они считали, что так неправильно, но всё же если бы не было таких — вероятно, скоро не осталось бы ни одного тучанка.

— Что же было дальше? — Лутахха, кажется, услышанное потрясло до глубины души, его старческое лицо было озарено поистине мальчишеским потрясением.

— Он носил меня с собой, пока не произошло то, что произошло, и все нарны покинули наш мир. Тогда он отдал меня женщине, которая растила меня дальше — так я попал сюда, получил ту семью, которая у меня есть. Родился ведь я очень далеко отсюда.

— Ничего себе, — присвистнул Ташор, — а... на тебя как-то повлияло, что... тебя выкармливал представитель другой расы? Или это поэтому у тебя такой необычный окрас?

Хаяк Дуюза глянул на него с молчаливым, но явственным упрёком — тучанки, конечно, редко обижаются на указания какой-то необычности в их внешности, но в данном-то случае речь явно о какой-то редкой мутации, легко ли жить, когда ты настолько сильно отличаешься от окружающих?

— Моя семья, которая меня вырастила, не много знает. Они не видели моих родителей и жителей тех мест, где я родился. Но я слышал, жители там мельче и бледнее, чем здесь — возможно, потому, что работа там была тяжелее, чем здесь, еды меньше, чем здесь. Я роста очень даже большого, а потому ли я белый, что не тучанкская женщина меня кормила 180 дней, или это от тех ядов, которыми я напился ещё от тела моей родной матери — этого я не знаю. Но определённо, это повлияло на мою Песню. Я слышал не голос матери, а его

голос, и я не был на одном месте, как положено — не один и тот же дом окружал меня, не одна вода, не один воздух... И вместе с ним я поднимался в воздух, а это ведь немислимо для нас.

— А найти кого-то из своей родной семьи ты пытался? Твоя мать умерла, но может быть, жив отец, или братья, сёстры... Хотя ведь, кажется, для вас приёмное родство бывает важнее кровного, то есть, важнее, кого ребёнок привык называть родителями, чем кто его родил на самом деле...

— Я не был там, но я узнавал. Из тех, кто работал тогда, выжило немного, и это не мои родственники. Вся моя семья умерла, и все семьи, которые знали мою семью, поэтому я не знаю даже имён. Умер тот, кто одолжил мне имя, и я не знаю этого имени, здесь мне дали другое. Остались те, которые успели проработать недолго, прежде чем завод остановился, и немногие, кто помнил о событиях тех дней. Только трое жителей тех мест живы ныне.

Дуюза, продолжавший ёрзать от неловкости, крутанулся в кресле, поворачиваясь к Ташору.

— Нарны ведь согнали на завод не только жителей того города, но и окрестных деревень и городов. Те, кто теперь там живут — приезжие и дети приезжих. Правительница нуВил-Рун учредила общество, которое занимается розыском сведений о погибших и переселённых, теперь вон и принц загорелся подобной затеей... Но это почти бесполезное дело, большинство этих безымянных костей некому и оплакать. Я немного видел — списки из тысяч имён и ни одного живого родственника. Разве что, иногда родственников можно найти среди полчищ сумасшедших, но велик ли в этом толк...

Лутахх покачал головой.

— Верно говорят, небо не земля, что ты отдал, то и вернёт. Может быть, вам легче было узнать, что однажды ваших мучителей постигло подобное же тому, что они принесли вам.

— Мы знаем. Но нет, нам не легче. Почему бы нам должно быть легче? Мы знаем, что вы радуетесь, когда мучается и гибнет ваш враг, но не понимаем, почему, ведь вы даже не забираете его Песню. Когда убивают того, кто принёс зло, только прекращают творимое им зло. Это не то же, что месть.

— Вы говорите обо мне, верно? — спросил Лутахх.

— Нет, мы говорили о том, как мы ноМир-Ру, Д'Арк, убила нарнов, чтобы мы освободились от них. Но мы можем говорить и о тебе.

Иолу поёжился под неизбежно обратившимися к нему взглядами.

— Да, что меня удивило, так это то, что до сих пор не все мы знаем друг о друге, за что нас пригласили сюда. Я готовил себя к тому, что об этом объявят сразу. Кого-то позвали за то, что лечит, или поёт, или красиво пишет, а меня вот за то, что я убил десять человек.

— Вы?!

— Вероятно, я произвожу очень уж безобидное впечатление? Теперь-то наверняка. Я сидел в тюрьме 20 лет, было время не только состариться, но и о многом подумать.

— Вы убили кого-то из мести?

— Да, я думал так. На самом деле — потому, что я не умел смириться с поражением. Когда тебе 20 лет, и у тебя отнимают дело жизни, ты, вероятно, выберешь убить себя. Когда же тебе 40 — ты уже достаточно ожесточён, чтобы убить другого.

— Я бы поспорил... — хмыкнул Таката.

— Возможно. Я сужу только по себе. Я был амбициозен, это правда, а ещё я был глуп, и обида убеждала меня, что мои соперники ничего не стоят, что они всего лишь удачливые

интриганы... Я ведь не просто потерял грант и шанс реализовать свой проект, годы работы были обесценены. От меня ушла жена... Сейчас я понимаю, что это не из-за моей профессиональной неудачи, а от того, что я стал истеричным и злым в этот период, и срывался на ней больше, чем на ком-либо другом... И я решил, что мне осталась только месть. Думал ли я о том, что ждёт меня после этого? Нет, я был как одержимый, ничего не видел перед собой. Мстить надо с холодной головой, или не мстить вовсе, я же действовал, как взбесившийся зверь. Я застал их в их домах — сперва одного, потом второго, потом третьего. С ними были их жёны и дети... Я не разбираю правого и виноватого, весь мир был мне врагами в этот момент. К счастью, некоторые мои жертвы выжили... И вот когда последний был сражён, опустошение настигло меня — что дальше, куда мне теперь, что делать? На моих руках кровь, но даже если я её смою — кажется, в любых глазах я прочту отвращение, кажется, у меня на лбу теперь написано: убийца... В тюрьме я много думал об этом. Вспоминал... вспомнить сложно, когда тобой руководит ярость. Колебался я? Молили они меня о пощаде? Я не помнил этого. Отдельные отрывки, ужасные картины, ужасные в своей отрывочности, и при этом ясном понимании — я действительно это сделал, и это уже не отменишь, не повернёшь назад, никак не исправишь. Я написал книгу об этом, как предостережение для всякого, кто просто допустит для себя мысль убить. О том, что после этого не становится легче. Что боль от своего профессионального краха я смог бы пережить — сейчас я её совсем не чувствую. А вот боль от своего падения, от того, что я совершил непоправимое, я не перестану чувствовать никогда. Убить может любой. А воскрешать люди пока не научились. Мы не многое в своей жизни определяем, мы слишком часто слепые жертвы судьбы, как бы высоко мы ни поднялись. Может сгореть дом, или умереть все близкие, или потеряешь свою работу, как я... Но мы можем не допустить для своей жизни худшего несчастья — стать убийцей.

— Просто вы человек с совестью, Лутахх. Множество убийц ни капли не раскаиваются в содеянном. Либо считают, что не сделали ничего особенного, либо гордятся и наслаждаются...

— Убийство меняет душу человека. Но по-разному меняет в зависимости от того, какой она была до этого.

Брюс потёр подбородок.

— Интересно, конечно... Действительно, мне так кажется, уважаемым тучанкам просто интересно ещё и это — как мы сами будем реагировать на то, кого и за что пригласили сюда. Ладно, всё понятно с теми, кто летал на Центавр — герои дня... И с фриды всё ясно, тут просто за способности и достижения стоило бы. Шин Афал, получается, пригласили как наследницу своей тёти, хотя в сравнении с Гилой Ам-Алик это и не совсем весомый аргумент. Господина Такату позвали за его книжки, доктора Луффа и доктора Суману за то, что они лучшие врачи своих миров...

— Простите, — вырвалось у Ташора, — но Сумана же ветеринар.

— Ветеринар? Странно... но впрочем, тоже ведь достойно.

— Позволю объяснить, — улыбнулся Дуюза, — её деятельность последних лет была экологической. Она входила в состав группы, работавшей над восстановлением экосистем. Если слышали, несколько лет назад хаяки получили несколько новых колоний, которые предыдущие владельцы...

— Обескровили, чего уж греха таить, — проворчал Таката, — щепетильность в отношении природы для моих соотечественников — дело новое, и касается пока что Бракира

и Экалты, а колонии, созданные для добычи ресурсов, кто когда берёт? Добыча редких металлов с экологической деликатностью несовместима, а уж если заодно можно немного пожить на экзотических деликатесах...

Дуюза кивнул.

— Тенича — так называли этих степных зверьков бракири — были истреблены на Ленаре почти полностью. Так бывает, сперва кажется, что чего-то очень много... При чём сами бракири их почти не ели, но мясо тенича очень популярно у нарнов и землян. А эти животные были основой экосистемы, они... ну, это не биологам вообще мало интересно. В общем, доктор Сумана занималась разведением и выпусков тенича в естественную среду. У группы было несколько направлений — несколько видов птиц, растений, нейтрализация вредных последствий разработок недр... Но Сумана занималась именно зверьками. Я понял, что дело в этом, когда услышал про «целительную песню равнин», сперва-то я, грешным делом, подумал, что причина в её внучке...

— А что с её внуком?

— Да, зря я, наверное, это сказал...

— Мне казалось, единственный внук Суманы родился, когда мы уже были здесь? Или есть ещё один? Она ведь, вроде бы, ещё очень молода...

— Нет-нет, речь об этом. Мне просто неловко, что мы обсуждаем Суману, когда её нет с нами рядом, но как будто, тайны она из этого не делает, хотя и не распространяется особо. Просто внук Суманы — результат генетической программы, в которой участвовала её дочь. Мы ведь относимся к вымирающим расам, и в отличие от минбарцев, в своей беде виноваты сами. Последние 15 лет наши учёные, вместе с приглашёнными специалистами из других миров, работали над тем, чтоб исправить преступную ошибку наших далёких предков. Частичная гибридизация велась понемногу все эти годы, некоторые опыты были даже успешны... У нас было несколько прекрасных полных геномов, но для успеха этого мало. Некоторые ветви уже генетически несовместимы с нами... А недавно удалось получить несколько очень перспективных генных наборов. Дочь Суманы — мать первого хаяк-до.

— Вот как... Значит, вас можно поздравить, вы преодолели судьбу?

— Не знаю, возможно ли вообще преодолеть судьбу, тем более когда речь идёт о таких вещах. Об этом смогут судить наши далёкие правнуки, а пока у нас только есть несколько детей, которые могут прожить дольше, чем позволили бы им болезни, с которыми они могли родиться, и, возможно, родить более одного ребёнка, которым тоже не передадут этих болезней, и один носитель полного генома. Это даже не капля в море. Мы, вроде как, нащупали путь, и только. Смертность по-прежнему превышает рождаемость, и долго будет превышать — матери, один раз похоронившие ребёнка, родившегося с неизлечимой болезнью, не решаются пытаться вновь, и их не заставишь. По-вашему, эти процессы можно обогнать, только захотев? Тем более, что не все соотечественники смотрят на этот вопрос одинаково, и генетическую программу ещё могут закрыть.

— Ну, а вы, Дуюза? — спросил Брюс, чтобы свернуть с трагической темы, — чем вы заслужили это приглашение? Вы ведь, кажется, по профессии фотограф? Кажется, сложно найти для тучанков что-то менее интересное, чем фотография. Да и по возрасту вы не участвовали в событиях галактического масштаба...

— Вообще-то, участвовал. Я родился в год войны с Тенями, моя семья тогда была в колонии, где встали лагерем Тени. Кажется, все знают, что их соседство не очень благотворно воздействует? При чём не только на психику, но и на здоровье в целом. Во

всяком случае, из всех, кто там был, в живых остался я один, в течение трёх лет умерли все. А потом моей приёмной семье повезло оказаться в карантинной зоне, во время эпидемии чумы дракхов... И я был единственным, кто не заболел. Вообще. Моя кровь отторгала этот вирус. Благодаря этому были созданы вакцины для моего вида. Жаль, что остальным мирам это никак не могло помочь.

— Вот это везучесть. При чём как в плохом смысле, так и в хорошем. А причина известна? Ну, разобраться в этом необычном антитеняцком иммунитете смогли? Хотя сейчас, вроде бы, этот вопрос и не актуален, думаю, никто б не отказался от такого. Просто на всякий случай.

Хаяк повёл плечами.

— Точно неизвестно. Единственное, что известно — я не испытываю страх. Это одна из моих мутаций, просто не вырабатываются эти ферменты, не работают эти участки мозга. На самом деле не так уж это и здорово, жить с этим — оценивая опасность рассудочно, можно и ошибиться. Чувство страха, как и многие другие природные чувства — важный эволюционный механизм, но мы крепко поссорились с эволюцией, что и сказывается самым разным образом...

Машина могла считаться центаврианским вариантом внедорожника, но поросшие бурьяном буераки давались ей всё труднее.

— Всё, дальше идём пешком. Иначе пешком идём всю обратную дорогу. А я говорил, надо было лететь.

— Лететь могли только через три дня. — глухо ответил Дэвид.

— Будто тут кто-то нас не дождался бы, — нервно пробормотал Зак, чертыхаясь после того, как уже через два шага упал. Вблизи бурьян производил впечатление куда более странное, чем из машины. Оттуда казалось, что это сухая или обгоревшая трава — нет. Да и как могла б здесь быть обгоревшая трава, если прошло почти 40 лет? Это было похоже на корни. Ни стеблей, ни листьев, одни только корни, крепкие, словно каменные, туго сплетающиеся, обволакивающие этим странным ковром всё, так что нога не могла достать до земли, скользила, проваливаясь в эти путы.

— Растительность здесь, смотрю, до сих пор аномальная... мёртвая. Почему этим местом, с той самой поры, так никто и не занялся? Ни нарны не построили здесь ничего, ни центавриане не запустили терраморфи... если это возможно вообще, чёрт, мы ещё не дошли, а я уже этим местом сыт по горло.

— Потому что оно должно было остаться напоминанием.

— О чём? От нарнов — о том, как ужасны центавриане, и от центавриан — о том, как ужасны нарны? Мудро, мудро... Угораздило вашу планету образоваться на границе их секторов...

Тжи'Тен зашипел — зеленоватая жидкость из сломавшегося под ногой корня разлилась по сапогу и полимер запузырился.

— Советую осторожнее. Похоже, сок у них — кислота.

— Ещё не легче... Хорошо, что Дэвид лёгкий, а вот о себе я этого сказать не могу. Надеюсь, фауны здесь никакой нет, почти уверен, что знакомиться с нею не хочу.

Небольшие просветы в покрове корневищ создавались только большими грудями камня — видимо, остатки отброшенных когда-то взрывом стен, но и те были оплетены минимум в половину. Попалось несколько обломков, которые, вероятно, были некогда какими-то

статуями, они вонзились в землю под разными углами. Зак заметил в порослях что-то тускло блеснувшее, поднял... вытянул на цепочке истлевшие кости руки. кое-где в клубках зарослей, кроме камней, виднелись какие-то механизмы, искорёженные и проржавевшие до неузнаваемости. В одном месте лежал вывороченный вместе с фундаментом дом, развалившийся, как яичная скорлупа, напололам, среди обгоревших остатков какой-то мебели чёрные корневища поднимали над землёй кости в истлевших остатках шкур. А впереди вырисовывались изломанные, словно образы больного сознания, остовы стен — то, что осталось, чего пламя взрыва достигло на излёте. Что-то матово блестело в их просвете — сперва могло показаться, море...

— Я много дерьма видел в этой жизни, но это займёт почётное место в моих кошмарах, — Зак смерил взглядом выгнутую дугой, оплавленную стену — сажу с неё кое-где смыли дожди, и чёрные, страшные лужи стояли у основания, и перекрестился. Эта загнутая, как лепесток цветка, стена — это целый дом, сплющенный, спёкшийся от волны жара. И сколько их здесь таких...

— Вот он, Лоталиар.

У ног — словно застывшая волна. Любой рейнджер видел эту схему — как распространяется волна взрыва, но не каждый видел воочию руины, забрызганные расплавленной материей, когда огненный смерч, превратившийся в пыль и пар центр, швырял, словно падающие карты, дома друг о друга, и они так и остались — слипшиеся, спёкшиеся обломки, в которых не отличить, где кончался один и начинался другой.

— Осторожней, не нужно туда идти, это может быть хрупким, может рухнуть!

Дэвид едва оглянулся на тучанка, восходя по останкам крыльца — обгорает, осыпается даже камень, эти обнажившиеся каркасы — как оголённые кости... В страшные раны обрушившихся сводов видны лестничные пролёты, и такие же чёрные, как сама тьма, стены, и новые раны, и серо-жёлтое, печальное тучанкское небо... Видели ли это Тени? На что был похож их счастливый хохот, когда они смотрели на то, что сделали младшие ещё до того, как они пробудились от спячки?

— Эволюция разумных рас часто состоит в том, что мы уже не допускаем мысли сделать такое со своим видом, но с удовольствием делаем с другим... Мало чем мой народ гордился так, как изобретением оружия, способного обращать целые города в выжженный ад. Как же здорово узнать, что мы во вселенной не одиноки!

— В одну секунду, боже, в одну секунду... Такие простые, такие затрёпанные слова — «стереть с лица земли»!

— В одну секунду была их смерть, но не наша. Мы видели их смерть, плывущую чёрными облаками над нами, она чёрным дождём проливалась на нас. Мы вдыхали чёрный дым, в который обратились их сердца, их дома, их изделия. И так началась наша смерть. Говорят, их смерть была мгновенной... Что при этом не успевают ничего почувствовать, даже испытать ужас понимания... Но их смерть вошла в нас, разойдясь с ветрами по всему нашему миру, и мы прожили её сполна.

Шин Афал зажала рукой рот — но в этом и не было нужды, рыдания, застрявшие внутри, не могли вырваться, на них давила висящая над этим местом тишина.

До самого горизонта — мутное серое зеркало, ничего не отражающее. Стекло, в которое сплавилась земля и жившие на ней.

— Вот твой памятник, Великий Святой... Что ж, ты заплатил за это сполна. Твои дети и твой народ заплатили сполна. Только какое это имеет значение? Они правы, страдания врага

не приносят никакой радости... Давай, растопи своим раскаяньем этот застывший крик!

— Тжи'Тен, прекрати! — Шин Афал с силой сжала его запястье, — сколько бы дурного он ни сделал в жизни, он действительно искупил это...

— Искупление — полная чушь! Мы все — земляне, минбарцы, нарны — в этом искуплении по уши! Мы убивали, сжигали, уродовали — а потом нас убивали, сжигали, уродовали — и это называется искуплением? Никто, имеющий миллион жизней и миллион раз умерший на этом месте, не искупил бы это! У любого, кто был на войне, руки не чисты — у меня, моей сестры, всех, кто был с нами... Но это — это разве была война? Что заставило его нажать кнопку? Благо для его народа? Такое благо, которое мы пили с чёрным дождём, как и они?

— Это было давно... Способность подняться к величию от самой чудовищной низменности — разве не то, что даёт смысл всему?

— На покрытых копотью стенах пишут — «Никогда больше». Зак прав, это означает — никогда со своими, а с чужими-то можно...

— Это не так. Однажды — «никогда больше ни с кем». И мы все здесь — свидетели тому.

Дэвид упал на колени. Его пальцы словно пытались растопить это стекло, словно оно было льдом, и нестерпимо жгло кольцо, и что-то нестерпимо жгло внутри.

— Сколько лет нужно, чтобы выцвела горечь пепла, чтобы забыть, каков голос огня... Их тени, их голоса, их боль — здесь...

— Дэвид!.. Я должна была понять, даже погасший огонь он видит...

— Отец, почему? Почему так должно было случиться? Отец, как... почему же ты не мог иначе... Почему же тебе пришлось... жить с этой памятью, с этой болью... Они были другие... Но кто бы знал их боль, кто бы принял... Всех слёз не поглотить этому огню... Отец, где была их надежда?

Руки Шин Афал, добежавшей наконец вслед за ним, поднимали его.

— Дэвид, Дэвид, успокойся! Что мог для них сделать твой отец, его не было здесь, он не имел никакой возможности... — звучал где-то рядом голос Тжи'Тена.

— Быть может, он о другом отце говорит... — тихо отвечал Зак, — об Отце Небесном...

И долго ещё перед глазами стояли чёрные лужи и жёлтая кровь неба, льющаяся из древних, незаживших ран, и серая гладь — мёртвое море, в котором застыли крики...

Дэвид не знал, что в тот вечер у Шин Афал вышла почти ссора с Диусом. Она сказала, что это, по-видимому, из-за кольца, и считала, что нужно уговорить Дэвида снять кольцо. По крайней мере, пока они не придут в места... более спокойные в плане исторического наследия.

— Не знаю, насколько правы Тжи'Тен и Зак. Мне кажется, я знаю, о чём говорил Дэвид. Это об Андо... это от Андо, его память, его кошмары — о тех, кто умирает в огне... И мне не нравится, что он стал видеть их наяву. Как бы ни был Андо дорог ему — уж не знаю, почему — он не должен жить его жизнью.

— Шин Афал, я всегда уважал тебя, как умную, здравомыслящую девушку. А теперь ты хочешь меня убедить, что вещь, обычная вещь, пусть и подарок, пусть и самого нетривиального человека в галактике, способна влиять на другого человека. Это ненаучно, и это... Дэвид не согласится на это. Этот подарок дорог ему, как память, как знак дружбы.

— Он так и ответил мне. Но мне кажется, он... не до конца понимает, что происходит с

ним. Быть может, он очень эмоционально привязался к Андо — уж не знаю, как он умудрился, учитывая степень открытости и дружелюбности Андо... быть может, он скучает сейчас и тревожится за него — ведь Андо даже не на Минбаре, он отбыл в сектор Земли. Место, к которому... у него не самые тёплые чувства, и обоснованно... И, к тому же, кольцо, я слышала, является для землян — а происхождением он всё же землянин — очень важным символом...

— Так почему, если ты считаешь, что это его кошмары — они покинут его, как по волшебству, стоит снять кольцо, а если считаешь, что они каким-то образом передаются от Андо Дэвиду — объясни, будь добра, механизм. Мне это нравится не больше твоего, но в отличие от тебя, я верю, что Дэвид как-нибудь разберётся. Пока, во всяком случае, он на помощь нас не звал.

— При всём уважении, принц, вы там не были!

— При всём уважении, Шин, ты не была там, где были с ним мы.

И кажется, эти слова задели девушку сильнее, чем ему бы хотелось. Не виновата же она, в самом деле, что там, тогда, на Центавре, ей делать было нечего.

Они помирились, впрочем, на следующий день. Решив, раз уж речь зашла о символах, вспомнить один минбарский обычай примирения, он нашёл в поле за городом махровый белый цветок — такой или не такой, это уж детали, главное — белый, он посадил его в высокий глиняный горшочек и вечером принёс в комнату Шин Афал.

— Всё же сложно бывает иноземцу разобраться в наших обычаях, — рассмеялась девушка, — вы перепутали, принц. Белый цветок — символ примирения между мужчинами. Когда двое друзей становятся врагами в соперничестве из-за женщины, тот, кто желает примирения, сажит белый цветок в саду соперника, в знак... Нет, бросьте, я не отталкиваю ваш жест, и вовсе я не сердилась на вас. Поразмыслив, я решила, что вы правы, мы ни в чём не должны убеждать Дэвида, он и сам в состоянии решить, как ему быть. Да разве не за то же я злилась на Ранвила — не за заботу обо мне против моей воли?

— Напомни, почему ты не видишь ничего странного в том, что именно мы, как два дурака...

Тжи'Тен ухнул оземь мешок с адсорбентом.

— Потому что мы тоскуем по своим женщинам. Только вообще-то это была твоя версия. Я не пускался в глубокие рассуждения.

Зак навалился на вентиль грузового бака, он провернулся с душераздирающим скрипом.

— Точно... Для общества годятся высокие мотивы, расовое чувство вины и то, что для рейнджера очень тяжело сидеть без дела... Но вообще-то мужику, который остался без женской ласки, хоть бы куда-то это зверство своё направить, хоть мешки таскать, хоть вот этот драндулет на руках до поля, если опять не заведётся... Хорошо вот раньше было, у самого секса не было и другим не разбалуешься, а теперь что? Вся дисциплина прахом, начнёт любовь-морковь мир захватывать...

Тжи'Тен пытался разглядеть через зёв люка уровень загрузки, но увы, в крошечной темноте ничего не видел. Хорошо тучанкам, им свет для этого не критичен.

— Да сыпь ещё, есть там ещё место... Тут не сказать да скажешь, конечно, мне хоть волноваться не приходится, чего там на Минбаре бояться, что там есть страшнее её пациентки... Ну что, теперь вроде нормально? Погнали.

Зак запрыгнул на место пилота, Тжи'Тен устроился сзади, на подаче.

— Жалко энтил'зу Маркуса, что ни говори. Хоть это и... твоим языком выражаясь... расхолаживающий пример для молодёжи, но ведь они были так счастливы! У них действительно всё было, и всё было... правильно. Ну почему так должно быть-то?

Землянин бросил через плечо хмурый взгляд.

— Так говоришь, как будто кто-то умер. Нечего так, знаешь ли. Почему, почему... потому что! Я, может, тоже сперва считал, что это... и глупо, и вообще непорядочно. Муж, дети, пост к тому же такой, что не хухры-мухры... И вот так послать всё лесом? Это и нам всем, извиняюсь, удар по морде. И не удивился б, если б после этого опять землян из анлашок выперли... В общем, что я имел внутри себя по этому поводу сказать — там приличных слов было мало. А потом, знаешь, подумал... а мы не охренели? Да, она была женой, и матерью, и лидером. Но ведь она все эти годы выполняла безукоризненно всё, что от неё требовалось, она действительно отдавала нам всю свою жизнь, и не давала повода упрекнуть. Может, хватит? Кто имеет право требовать жизнь человека всю, целиком? Нам, может, всем нравится, конечно, когда человек самым дорогим ради долга жертвует... Сами, большинство, не знаем, что это такое. Преодолевать эгоизм — это всё прекрасно, ага, и почётно, и правильно, но человек эгоист, ему если что-то действительно нужно, то вынь это и положи, и если такими нас бог создал, значит, зачем-то так надо было.

— Нет, я далёк от того, чтобы осуждать энтил'зу... бывшую энтил'зу Иванову... Хотя мне и сложно это понять.

— Это понимать не дай бог, Тжи'Тен. Любовь — такое дело, что и в собственной не разберёшься, в чужой тем более. И не надо разбираться, всё равно нас забыли спросить. Просто когда возвращается старая любовь, это проверка на прочность всей жизни нынешней. И если нынешнее не выдержало — это не потому, что оно никудышнее, а потому, что старая любовь прочнее.

— Значит, и ты бы отступился, отпустил?

Зак какое-то время не отвечал, то ли потому, что выбирал место для снижения, то ли потому, что вопрос тяжёлый, даже не поиск ответа.

— А куда б я делся, Тжи'Тен? Во-первых запомни, бабу переломить пытаться — себе дороже, во-вторых, жизнь цацкаться ни с кем не обещала. Это не то чтоб судьба, так если говорить — обычно глупо звучит. Скорее, это жизнь как хаос в чистом виде. Разве есть какой-то такой смысл, таким вот воскресением из мёртвых разрушать сложившуюся гармоничную, образцовую жизнь? Нету никакого. Но так бывает, и всё. Вообще всё бывает, что только может случиться. То мы делаем обстоятельства, то они делают нас. Но со мной такого не случится. Именно такого — не случится. Потому что огонь своё не отдаёт.

Внизу проплывало поле, размеченное не всегда равными квадратами и прямоугольниками. Миновали серо-зелёные участки «вторички», кислотно-зелёные участки «созревшего», по которым деловито ползли наземники — загребали насыщенный адсорбент, Тжи'Тен поглаживал рычаг и размышлял о страшном смысле слов Зака.

— Ну, вот и наше. Давай, понеслась.

Схема очистки почв обычная трёхступенчатая — сперва с самолётов, на небольшой высоте, рассыпается адсорбент, он положенное время вызревает, впитывая химикаты, под которые заточен, потом проходящие наземные машины собирают насыщенный адсорбент и попутно вспахивают верхний очищенный слой, чтобы следующий вид реактива, более мелкодисперсный, заложить глубже. И третьим этапом на поле высевается специальная культура мха. Этот этап уже на подольше, до трёх лет, а иногда больше, но тут уж ничего не

поделаешь.

— Жаль, конечно, что так долго продвигается дело. Эти вещества очищаются дольше, чем работают.

— Зато они способны вобрать всю эту дрянь. И вообще, куда печальнее будет, когда их рабочий срок выйдет, они всё-таки на ограниченное число прогонов. Придётся закупать... Но вроде, кроме центавриан, производство этого дела освоили дрази, так что цены сильно ломить не должны.

Опорожнив бак, машина развернулась в направлении базы. Несколько рейсов, несколько ещё километров отвоёвано у мёртвой зоны, и теперь несколько месяцев ожидания — очищения собранного адсорбента, насыщения высеянного. Увы, только так. Медленными, мелкими шагами, но ведь и отравлено это всё было не в один момент...

— Это с ума может свести, но сколько ж ещё потребуются лет?.. Центавриане, может, не самые расторопные и старательные ребята, но я не удивлён, что так много осталось. Уже не удивлён... Здесь было на тот момент хоть одно живое место?

— Вообще-то, были. На Тучанкью ведь много труднопроходимых мест, которые достаточно сложно завалить отходами — горы, болота

— Да, но и для жизни они как-то непригодны. Теперь-то у тучанков снова есть поля, реки, рощи, но как они дожили до того, чтоб снова обрести всё это?

Зак опустился на нагретый песок рядом с затихшей машиной.

— Вот так, видимо, и дожили — в горах и болотах... Места, может, не для повседневной жизни, но там тоже что-то растёт и бегает. А болота здесь обширные. И надо заметить, ни нарны, ни центавриане не составляли их точной карты. Только той малой части, которую успели «освоить». Ну, логично, что бы им там ценного нашлось, кроме всяких местных ягод да лягушек...

— Болота могут быть неиссякаемым источником сокровищ, если эти сокровища востребованны. Для тучанков болота — священные места. И не зря — в некоторых, как послушаешь, каждая травинка и ягодка целебные. И каждая косточка любой живности, которую угораздило там умереть, полна магической силы.

— Ну вот и я примерно о том же. Источник жизни, силы... Ты никогда не удивлялся, что бывает такое — у разных, очень далеко друг от друга живших народов, бывают сходные легенды?

— Нет, не удивлялся. Как правило, этому есть объяснение. Либо легенды порождены сходными явлениями — в конце концов, те или иные истории небесных тел и проявления стихий у всего мира общие, либо — народы иногда переселяются, смешиваются, заимствуют культуру друг друга.

— Ну, я тоже так думаю, в целом-то... Вот интересно знаешь, что? В Песне Вереск упоминается особенное священное дерево, растущее в сердце болот, источник жизни. Вроде бы ничего необычного, мировое древо в мифах Земли есть, да и не только. Интересно другое... О нём редко и мало говорится, но если я правильно понял, считается, что оно пронизает своими корнями весь мир. Что оно как таковое, конечно, среди вполне конкретных болот (правда, которых — вопрос, вариантов два или три), но частично присутствует на всей планете. Нет, я тоже думаю, что если б оно реально существовало — это бы... ну... было заметно. Что те или иные оккупанты заинтересовались бы и нашли его, хотя бы за ради паскудности натуры. Но в Тилидальяре мне рассказывали историю, вроде бы не как легенду. Что первые вернувшиеся на это место поселенцы, изыскивая лучшее место

для начала строительства, наткнулись на странное каменное образование... Как они сперва подумали, каменное. При их приближении поверхность треснула, как скорлупа, и оттуда вышли тучанки, несколько семей. Они рассказали, что бежали от преследовавших их нарнов, и священное дерево поглотило, укрыло их в себе. Понимаешь? Это не была каменная гряда, как показалось в начале, это был выступающий над землёй огромный древесный корень. И они пробыли в его сердцевине десять лет!

— И никто из рассказчиков не провёл тебя воочию увидеть эту древесную скорлупу?

Зак передернул плечами.

— По правде, я как-то и не подумал об этом. Да и... начёрта мне это надо? Красивая легенда пусть и будет легендой, люди сочиняют их в тяжёлые минуты жизни... Я просто подумал — представь себе, если сколько-то таких корней действительно опоясывает мир, в некоторых местах выходя на поверхность? А мы этого даже не поймём, примем за камень или ещё что-то... Подумай сам, корни — это корни. Дерево через них питается. А что можно было взять из этой почвы долгие годы? Что, если дерево отравилось, зачахло, умерло? Это для нас это вопрос теорий, а для них жизнь. Это примерно так же, как убить бога. Это должно означать, что их мир обречён.

Тжи'Тен рассеянно пропуская между пальцами песок.

— Непохоже, чтоб тучанки так считали. Так что, наверное, их дерево оказалось сильнее ядов... и даже Тени ему ничего не сделали. Есть дерево или нет, а аллегория хорошая. Мир выжил. Народ выжил. Ни одна из этих лютых казней не уничтожила их до конца. Природа Тучанкью действительно особенная. Отчего-то ведь они получились такими. И она удивительно отзывчива и так же удивительно сильна, жизнелюбива. Она сохранила хотя бы малые оазисы жизни в рукотворном аду, она пытается перемолоть, победить... Но всё же лучше, если мы ей поможем.

— Это несомненно. Всё же, я с ходу не способен поверить в какую-то явственную волю планеты. Что бы там ни говорилось в разных легендах...

— Легенды — не история, а отображение, осмысление истории. О реальных событиях они могут сказать около ничего, зато очень много скажут о том, какой след, какие ростки дало это событие. Я же вот с самого Лоталиара много думал...

Зак вопросительно приподнял бровь, и Тжи'Тен кивнул ему на носок сапога.

— А ты полюбуйся. Сначала я думал, просто прожгло... ну, почти прожгло, спасибо, что не насквозь. Но это не разрушение, это изменение. Материя стала какой-то другой, немного похоже на плотные травяные волокна. Что, если эти корни там... если они именно высасывают из земли яд, перерабатывают, меняют?

— Думаешь, корни священного дерева?

— Да ну, вряд ли. Мелковаты. Уж скорее что-то местное мутировавшее. Почему бы большому злу не оставлять место для маленькой надежды на избавление от его последствий? Почти в любой катастрофе может зародиться то, что способно пережить её влияние, стать невосприимчивым... А иногда — то, что может исцелить, вернуть в норму. Мох и этот адсорбент, конечно, рукотворные, но ведь где-то, иногда, появляется и природное что-то...

— Может быть... Должно однажды и это место стать пригодным для жизни снова. Оставлять памятники чудовищности для назидания можно и на фото и видео, в жизни не надо. Слишком это действует на психику...

— Ты имеешь в виду Дэвида?

— Да и себя, чего уж там. Только потому и уснуть смог, что здесь не спать нельзя. Хотя

казалось бы, разное я уже повидал...

— Вот что ещё интересно, — проговорил Тжи'Тен после недолгого молчания, во время которого он, видимо, спорил с собой, говорить ли, или подбирал слова, — я пролетал над этим местом позже. И сверху увидел... гладь этого спёкшегося круга словно пошла трещинами. Я не уверен, но кажется, раньше этого не было.

— Раньше — это когда?

— До нас... То есть, когда мы пришли туда, я не видел никаких трещин ни на каком обозримом расстоянии. Они ведь должны быть немалые, если их видно с воздуха. Такие канавы невозможно не заметить. В том районе была какая-то сейсмическая активность? А ещё мне показалось... сейчас даже захотелось полететь ещё раз посмотреть... что трещины складываются в некий значок. Это вообще немислимо, но очень похоже... Конечно, есть истории, как вода и ветер высекали где-нибудь даже подобия человеческих лиц, но в основном для сил природы подобное как-то нехарактерно. Разве что наше восприятие ищет что-нибудь идентифицируемое там, где этого нет и не было... К слову про мировое древо, если уж так — чем не схематичное дерево-то?

Зак вытаращенными глазами смотрел на вычерченную на песке букву «Пси».

==== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 1. Потерянный рейс =====

В доме Ивановой многое давно было понятно без слов. Даром что телепатами в доме были, в полной мере, не все.

— Маркус... — она в очередной раз обрывала разговор, так и не начав.

— Я не понимаю, Сьюзен, что тебя мучит. Зачем ты сама себя мучишь. Было бы лучше, если б я не понимал, если б кричал, требовал?

— Да, наверное, было б лучше. Человеческое сознание не выносит святости в реальной жизни.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь.

В этот момент особенно бросалось в глаза, что Маркус выглядит существенно младше её, и от этого щемило сердце. Он казался таким хрупким... И какую неподъёмную ношу она на него взвалила... каким хрупким казалось всё вокруг. Их милый дом, который она так любила. Ей казалось, что она сама, собственными руками, разрушает это, и ещё горше было понимать, что остановиться не может. Ещё большее было видеть его искреннюю заботу — когда она совершенно расклеивалась и переставала соображать, сборы за неё продолжал он. Он думал о том, что может там ей пригодиться, думал о её будущем уже не с ним...

— Сьюзен... Если б ты просто была самой красивой, самой смелой, самой чистой женщиной во вселенной — этого было бы достаточно, чтобы любить тебя, но мало для того, что испытываю к тебе я. Люди — и не только люди — часто говорят тем, кого любят: “ты моё солнце”, “ты моя путеводная звезда”. Но не каждый вкладывает в эти слова... всю полноту смысла... Я не знаю, кто был тот, кто сравнил жизнь с гиперпространством, но это был мудрый человек. В жизни так же действуют непостижимые нам законы, так же порой искажается восприятие, и предметы и явления кажутся не такими, каковы они на самом деле. И ты стала моим приводным маяком в этой жизни, ты учишь меня тому, чему я не смог бы научиться без тебя. Но ты открыла мне ещё кое-что важное... Не так трудно, не так значительно — клясться в вечной любви тому, с кем эта вечность у тебя общая. Я клянусь в вечной любви, отпуская тебя. Лишь от того, что ты нужна мне, ты не обязана быть здесь,

рядом со мной. Ты не бросаешь ни меня, ни Уильяма...

— Нет, именно бросаю!

— Ты можешь, конечно, думать так, если пока тебе так легче. Но вообще-то жизнь просто разводит нас, когда наступает время. Судьба, наверное, всё же не настолько глупа, как часто кажется. Я повторюсь, я вообще-то должен был лежать в могиле, и там и лежал бы, если бы не ты. Ты подарила мне много счастливых лет, на которые я не мог рассчитывать.

— Я не плакала все эти годы... все эти годы с тобой...

Он снова брал её залитое слезами лицо в свои большие тёплые ладони.

— Думай о том, что мы всё равно ещё увидимся. А не мы, так наши дети. Как бы далеко ни был ваш новый мир, гиперпространство сокращает любые расстояния. Между нами не возведена стена.

— Если б ты полюбил кого-нибудь, забыл меня...

Огромные синие глаза грустно улыбнулись.

— Тут тебя утешить не могу. Если б я тебя не знал — ещё могло б что-то быть... А теперь на меньшее я уже не согласен.

— Эй, эй! Если заберёшь последнюю колу, будешь должен хоть из-под земли достать мне другую, я здесь уже все киоски оббегала! Это, может быть, последняя кола в моей жизни, так что она моя!

Запыхавшаяся девушка в красном платье подбежала к киоску-автомату и почти оттолкнула юношу от него. Их руки легли на ледяную баночку одновременно.

— Ладно, угощаю... — парень отдёргнул руку, от соприкосновения с тонкими наманикюренными пальцами его словно пронзил ток, — эй... вы телепатка?

— Да... Как и ты... Хотя чего в этом удивительного, а? Нет ничего странного, полагаю, в том, что мы встретились в порту перед рейсом на Минбар, откуда, как говорят, стартует последний рейс на новую планету? Я тут встретила телепатов больше, чем за всю жизнь до этого, — девушка жадно присосалась к баночке, прислонившись к киоску и глядя на парня кокетливо искоса, — тоже до последнего не мог решиться?

— Что?

— Ну, лететь ли туда? Я, по правде говоря, до сих пор не уверена, что решилась. Ну, такие решения надо осторожно принимать... Там ведь, наверное, совсем в каменном веке придётся жить, заря цивилизации, крыши, крытые соломой, натуральное хозяйство, ни спутникового, ни машин, ни салонов... И никакой колы, да. Но я точно хочу хотя бы посмотреть на этих людей... А там уж... Приму решение, время есть. Удивительно, как действует на людей то, что последний рейс, да? Хотя ведь, наверное, туда прилететь и позже можно, они всё равно примут?

— Да нет, дело в матери. Точнее, в отце... Мать не могла его оставить. Но теперь отец умер, и она решила, что лучше мне всё же быть среди себе подобных...

Паренёк поглядывал на красавицу украдкой, отчаянно смущаясь. Растрёпанные золотые локоны, выразительно накрашенные васильковые глаза, яркие, как огонь, губы, оставляющие на баночке чувственный алый след, и такой звонкий, сладкий для уха смех. Пожалуй, если эта красавица примет решение лететь к новому миру — он не будет там несчастен...

— Эй, тебе не стыдно на меня так пялиться? Да ещё и думать такое... Веришь в любовь с первого взгляда, что ли?

— А тебе не стыдно читать чужие мысли без разрешения?

— Неа. Я в Пси-Корпусе не была, меня никто не учил, что это нехорошо. Ой, наверное, надо бы познакомиться? Я Виргиния Ханниривер.

— Красивое имя.

— Да ну. Зовут как штат... А фамилия зачетная, да, за это мамочке спасибо.

— А я Алан. Алан Сандерсон.

— Тоже ничего... Алан... Очень красиво. И сам ничего, хотя ростом и повыше мог бы быть.

Парень густо покраснел, девушка снова засмеялась.

— Извините, не подскажите, где тут можно влажные салфетки купить? Алана только за смертью посылать...

Представительная златовласая женщина в красном плаще, улыбнувшись, протянула пачку.

— Возьмите. Я обычно запасаясь как перед войной, как Боб говаривал, не люблю что-то покупать в последний момент в этой толчее. Вот уже Джин потеряла... А не, вон она, у киоска с колой, конечно.

Брюнетка обернулась.

— Рядом с моим сыном. Ну, тогда понятно, чего он не торопится. А я вот такая несобранная, нет во мне такой житейской мудрости, что заранее купить, что и в последний момент можно.

— У меня тоже житейской мудрости нет. Я всё беру заранее, и потом таскаюсь с тяжёлыми сумками и ною, если не на кого их повесить. Знаете, если уж мы разговорились... Может быть, присядем в кафе, съедим по пирожному? Времени до шаттла ещё достаточно... Я Кэролин Ханниривер.

— А я тоже Кэролин. Кэролин Сандерсон. У вас такая фамилия... Необычная, редкая. Вы случайно не...

— Ну да, я вдова министра Ханниривера.

— Ой, я думала... просто какая-нибудь родственница...

— Только не надо со мной теперь напряжённо держаться, миссис Сандерсон, прошу вас. Я всего лишь вдова, всего лишь бывшего министра, который и министром-то был недолго, другое дело, что нашумел со своими эксцентричными выходками... Иногда я думаю, что Джин немного и в него, хотя это, конечно, невозможно...

Частный марсианский транспортник наконец заглушил двигатели и выпустил трап. Первой, жадно глотая лёгкий, прохладный минбарский ветер, восторженно вглядываясь в серебристую панораму на горизонте, на сероватое дорожное покрытие ступила темноволосая девушка с большеротым, отчаянно некрасивым лицом.

— С ума сойти, это не сон, я действительно в другом мире... Нужно привыкнуть к этой мысли. Это ведь только начало, однажды я вот так ступлю на землю твоего мира... Возможно, чтобы остаться там навсегда.

— Офелия, напомню ещё раз, ты можешь отправиться отсюда в свой мир. Последний старт уже совсем скоро.

Девушка обернулась.

— Андо, мы ведь говорили уже об этом. Если я совершила такую глупость, как связаться с тобой, то все дальнейшие глупости мы будем совершать вместе. Сейчас мы разместимся

и... ты пойдёшь поприветствовать президента, шокировать его некоторыми переменами в твоей жизни, так?

— Если хочешь, пойдём позже вместе.

— О нет, — рассмеялась Офелия, — я знаю, в каких случаях терпение — не твоя добродетель. А я немного устала и, пожалуй, вздремну. Да и надо ж как-то подготовить его... к моему существованию, грубо говоря.

Андо посмотрел на нее. За все время, что прошло с их первой встречи до этой минуты, он часто ловил взгляды прохожих на ней, мысли, от которых приходил в изумление. Рыжий телепат никогда особо не задумывался, что такое красота, и какая девушка красивая, а какая нет. Сложно судить об этом, когда с самого детства был окружен представителями не своей расы, но даже прилетев на Вавилон-5, а потом и на Минбар, увидев столь многих, Андо все равно не смог бы сказать, кто в его понимании может быть красивым. Офелия была другой, не похожей ни на кого из встреченных им, будь то люди, или нарны, или представители любых других рас. Ее сияющие интересом и радостью глаза смотрели, казалось, в самую душу, и она понимала его. Понимала, как никто другой.

— Не думай об этом так, — улыбаясь и обнимая ее за тонкую талию, проговорил Андо, — Джон Шеридан не станет смотреть на тебя так. Он не такой, как эти...

— Андо, Джон Шеридан, разумеется, великий, достойный человек, но прежде всего человек. Знакомый, не забывай, с моим отцом лично. Нельзя винить людей в том, что при упоминании некоторых имён их лица сами собой мрачнеют. Я прекрасно понимаю, что они ничего при этом не имеют против меня. Я просто не хочу лишний раз доставлять... неприятные ощущения...

В том, что им достались соседние места, Алан тоже усмотрел знак судьбы, и приободрился. Виргиния болтала без остановки, катая языком леденцы от морской болезни, и это тоже было очаровательно.

— Забавно, да, мы ведь могли и не встретиться. Если б это не был последний рейс, и соответственно, если б это не был ближайший рейс до Минбара... Я бы наверняка летела другим классом... Хотя всё равно выбирала бы транспортник без квантовых двигателей, мне и гиперперехода за глаза... А ты уже вылетал куда-нибудь с Земли?

— Нет, никогда. Нам как-то не к кому было, и мама заботилась об отце...

— А я два раза. Гостили у тётки. Твой отец сильно болел?

Алан ответил не сразу, оглянувшись, прислушиваясь — но так и не смог понять, видимо, что его побеспокоило.

— Да.

— Мой последние годы тоже. Знаешь, это ужасно, вот то, до чего я точно не хотела б дожить... Папка был неплохой человек. Весёлый, душа компании... Политик, конечно, никудышный, рыбак из него был лучше...

Что-то определённо тихо свербело где-то на задворках сознания, что-то требовало его внимания, что-то настолько неприятное, что хотелось схватиться за что угодно, что могло б от этого отвлечь, даже если до сих пор внимания девушек он боялся, совершенно не умея поддерживать беседу. Ну, вот и первая возможность научиться...

— У тебя есть братья или сёстры?

— Да, и брат, и сестра. А ты, наверное, один у мамочки? Мне почему-то так показалось.

— Да, один. А они почему не здесь, не с вами?

Девушка с громким хрустом догрызла леденец и распечатала следующий.

— Будешь? Потому что не телепаты, что им делать здесь. Ох, Милли и счастлива будет, если я улечу насовсем... Я её порядком доставала, сдавая её девичьи секреты.

— Джин, но ведь это нехорошо.

— Да в кого ты такой зануда? — девушка пихнула его локтем, — хотя, если у тебя отец был пси-копом... Ой...

Алан, помрачнев, отвернулся.

— Что, теперь я тебе таким милым не кажусь, как подсмотрела, кто он? Ну вот будешь знать, как в чужих мозгах как у себя шариться.

— Да перестань! Ты-то за это не отвечаешь. Отец как отец, не всем с отцами везёт... Зато твои родители любили друг друга. А мой настоящий отец... Алан! Алан, ты куда? Ну, мог бы извиниться или хоть дослушать...

Алан, не оборачиваясь, продвигался по коридору в сторону хвостовой части. Кэролин, сидевшая впереди, не заметила его исчезновения. Некоторые взгляды провожали его удивлённо — слишком странными были его замедленные, словно во сне, движения и отсутствующий взгляд. Но большинство, кажется, просто решило, что он направлялся в туалет.

Однако на дверь туалета Алан не обратил ни малейшего внимания, прошествовав дальше — к двери в багажное отделение. Выглянувший из служебного помещения техник хотел его окликнуть, но махнул рукой — мало ли, кому именно сейчас потребовалась косметичка или любимая электронная игрушка. Шататься по салону во время полёта, конечно, не рекомендуется, но втолковывать это каждому ненормальному — никаких нервов не хватит. Схлопочет по башке спрыгнувшим с полки чемоданом при очередном качке корабля, будет знать, для чего правила пишутся.

Алан обвёл сомнамбулическим взглядом багажное отделение — здесь царил почти полный мрак, но свет и не был ему нужен. То, что он ищет, он найдёт и так — потому что оно не меньше ищет его. Раз уж он услышал, и не смог отмахнуться, как ни пытался... Протискиваясь в узкие проходы между строгими рядами баулов, он искал это, он шёл на зов. Зов исходил из небольшого неприметного чемодана ближе к концу багажного отделения — такого же, как десяток других, но Алан не спутал бы его ни с каким другим. Оно там. Оно зовёт, как потерявшийся детёныш зовёт мать, как отбившийся от взвода солдат подаёт свои координаты... И хотя одна его часть стонала от ужаса и обречённости, пытаясь остановить собственные руки, другая его часть, ухмыляясь его губами, открыла чемодан.

Тёмная непроницаемая поверхность загудела под ладонью. Её пульс был совсем тихим, но он был там внутри. Эта вещь была живой, она знала, что такое воля, стремление. Она не хотела быть использована чужой волей...

— Алан! Что ты здесь...

Он обернулся. В дверях стояла Виргиния и смотрела на него непонимающе. Просто непонимающе, не более того. Она просто удивилась, увидев его в багажном отделении, ведь она думала — он пошёл в туалет, она забеспокоилась, что ему стало плохо... Её взгляд даже не задержался на предмете, похожем на мяч для регби, в его руках.

— Алан, с тобой всё в порядке? ты какой-то бледный... Хотя ты и до этого, конечно, румяным не был...

Он не ответил ей, даже не скользнул по ней взглядом, сделав шаг, потом второй, навстречу. И вот теперь в глазах Виргинии мелькнула некая тень непонимания даже —

смутного ощущения, что нет, совсем, совсем не в порядке...

— Алан, что это?

Это было, несомненно, каким-то дурным сном. Только в дурном сне из гладкой тёмной поверхности могли вытягиваться тонкие длинные щупы — много, всё длиннее и длиннее, хотя немыслимо, как же там могло помещаться столько, они опутывали сетью Алана, впивались в стены корабля и врастали в них. Несколько потянулись к ней — и отпрянули, в тот же момент, как отпрянула с визгом, отступая в салон, она. Корабль тряхнуло, потом ещё раз — сильнее. Замерцал свет, запищали какие-то приборы в носовой стороне, несколько человек повскакивали с мест.

— Что это за дрянь?

— Это авария? Что происходит с кораблём?

Стены словно пошли рябью. Словно под тонкими листами обшивки что-то перекатывалось, змеилось, прошивая корабль чёрными нитями, разматывающимися из клубка в руках Алана. Люди вскакивали с мест, хватались друг за друга, шарахаясь от оживших, ставших враждебными стен, люди были растеряны, словно проснулись от безмятежного сна посреди кошмара.

— Алан! Ради бога, что ты делаешь? Алан!

Виргиния обернулась — и встретилась взглядом с Кэролин, матерью Ала. Она зажимала рукой рот, давя крик, и в её глазах... Никогда прежде Виргиния не видела такого взгляда наяву. Только в кино. Словно человек, чудом спасшийся из ада, видит, как у его ног снова разверзается огненная бездна.

— Виргиния... — и такое она тоже видела в кино. В старину ведь зубы лечили варварскими способами, и вот так же примерно говорит человек, рот которого не слушается после местного наркоза, — Виргиния, беги... Я не смогу это удержать...

Страх становился осязаем почти физически. Он сгущался, обволакивал, полз в рукава и за шиворот. Он был во всех глазах вокруг, во всех ртах застревал криком, слишком громким, чтоб суметь вырваться. Никто не понимал, никто. Но телепаты чувствовали, тем особым, именно телепатским, инстинктом, запрещающим им даже пытаться просканировать мальчика с погасшим, мёртвым взглядом. И нормалы, сколько их здесь, тоже чувствовали, хоть и иначе. Не чувствовать тихую, несомненную угрозу, исходящую из сердца тёмной паутины, было невозможно.

— Куда бежать — наружу, в космос? Что происходит, чёрт побери? Откуда и зачем ты вытащил эту дрянь?

— Она заставила меня... Это сильнее меня. Я не смогу долго удерживать... Корабль меняет курс. Идёт туда, где есть то, что ей нужно. Здесь есть спасательные капсулы... Бегите, кто может, кто успеет...

— Ал! — Кэролин попыталась броситься к сыну, но один из чёрных жгутов отшвырнул её, как тряпичную куклу, — Ал, борись! Борись, сыночек, пожалуйста, изо всех сил, ты сможешь...

Сможет? Хотела б она обмануть хотя бы себя. А она — смогла? Бессилие, страшнее и больнее которого нет ничего, вернулось снова. Кошмар, какие она видела первые годы, и надеялась не увидеть больше. Она не смогла, она не была сильнее — почему он должен смочь? И она даже не может умолять это взять её вместо сына, отпустить его — зачем она машине теперь, когда устройство извлечено из её головы, зачем ей менять одну жертву на другую? Она не может ничего. Ещё меньше, чем прежде ничего. Только смотреть, как

оживший кошмар забирает её сына.

— Что происходит? Кто-нибудь может объяснить? Сообщите кто-нибудь пилотам, надо...

— Пилоты бесполезны! — раздался со стороны кабины напряжённый, на грани истерики, голос, — корабль потерял управление, он не подчиняется командам! Он сам ведёт себя...

— Да сделайте что-нибудь!..

Чей-то визг оборвался звуком пощёчины, но это было так же малополезно, как и надежды на помощь пилотов или техников. Мать прижимала к себе хнычущих девочек-близняшек, словно от того, что они не будут на это смотреть, что-то действительно изменится. Люди осознавали, что все они, и пассажиры, и команда, стали пленниками внутри корабля, захваченного неведомой силой. Кто-то из охраны выхватил бластер. Кэролин повисла на руке.

— Нет, нет, нет, нет! Это же мой сын!

— Мэм, не могли б вы в таком случае как-то сами унять своего сына? Корабль захвачен, что мы должны делать?

— Эй, чего ты хочешь? Куда мы летим?

— Кто-нибудь вообще понимает, что это такое? Чья это технология?

— Боюсь, есть у меня подозрение, чья — ответ вам не понравится...

Следующий выхваченный бластер был просто выбит чёрным жгутом — так же лениво, как была отброшена Кэролин.

— Алан! Алан, сынок, ты слышишь меня?

— Мама...

— Сынок, что произошло? Откуда это? Что оно сделало с тобой? Сынок, необходимо разорвать эту связь, слышишь? Мы поможем тебе...

— Её не разорвать. Это во мне... Я удержу недолго, сколько смогу, прошу, спасайтесь! Капсулы... Я попытаюсь освободить часть систем...

— Боже, вырвите же это кто-нибудь из его рук!

— Невозможно, эта дрянь не даст к нему даже приблизиться... Я даже не слышу его ментальных полей! Она контролирует его...

— Нет! — голос Алана сорвался на крик, — это я контролирую её! Часть меня, которая не подчиняется... Я могу взять верх только ненадолго! Освободить часть систем... пошлите сигнал СОС и бегите в капсулах!

— О чём он говорит?

— Вашу мать, а может, просто сделать так, как он говорит, не выясняя, что это такое?

— Если только нас услышит хоть какой-нибудь корабль... Потеряться в капсулах в гиперпространстве — вариант не лучше, чем остаться здесь...

Алан зажмурился, словно от болевого спазма, и очередной попытавшийся сделать шаг в его сторону отлетел от удара чёрного жгута, ударившись о переборку. На поверхности остался кровавый след.

— Получается, проблема не в мячике, а в мальчике? Так может, всё же...

— Я освободил двери в кабину и часть пульта. Подавайте сигнал! Просто просите подобрать людей, остальное вы можете рассказать им сами... Господин пилот, вы ведь умный человек, вы должны понимать!

Второй пилот и кто-то из пассажиров помогали подняться раненому. Он был в

сознании, но на ногах стоял с трудом.

— Мне кажется, парень прав. Надо сваливать.

— Эй, сколько времени ты сможешь это удерживать? Сколько у нас на эвакуацию?

Отправляем сперва женщин и детей...

— Ну, таковых тут большинство...

— Алан, Алан! Скажи хотя бы, куда летит корабль!

— К Земле...

— На радарх корабль! Он, конечно, далеко, но может услышать сигнал... И если хотим, чтоб хоть кто-то спасся, эвакуироваться надо сейчас!

— Одна проблема... Вторым путь к капсулам отрезан этим... этим всем. Выходим через выход возле кабины. Надо избежать давки и паники...

Легко сказать... Кто-то, осознав наконец всю кошмарность ситуации, голосил и пытался прорваться к капсулам вперёд прочих, кто-то, напротив, цеплялся за кресла и его приходилось отрывать силой, мужчины удерживали дверь и пропускали в неё по двое, сами зная, что пойдут последними — если успеют... И механик, там, в отсеке с капсулами помогающий рыдающим женщинам разместиться, тоже понимал, что сам может не успеть спастись.

— Сынок, я не уйду! Я не оставлю тебя!

— Мама, пожалуйста! Оставшись здесь, ты ничем мне не поможешь! Ты сделаешь мне лучше, если спасёшься! Если долетишь до Минбара и расскажешь... Ты лучше, чем кто бы то ни было, знаешь...

Кто-то кричал, что не уйдёт без своих вещей, кто-то упал в обморок...

— Чёрт вас всех побери, вы же телепаты! Вы же должны уметь владеть собой!

— В первую очередь все люди...

— Первые капсулы стартовали!

— Сколько осталось?

— Корабль подходит ближе, поторопитесь...

— Прощу, без паники! Капсул хватит на всех! У некоторых заклинили механизмы, ничего серьёзного, мастер уже работает... Да прекратите, чёрт вас всех побери! Ведите себя как мужчины, мать вашу! Не будет порядка — будет хуже! Паникёров, лезущих вперёд женщин, отправлять не будем, ждите своей очереди!

— Чувак, кажется, зря ты это сказал...

— Команда эвакуировалась? Это правда, что команда эвакуировалась?

— Трусы, бросили нас здесь...

— Прекратите вопить, кто, по-вашему, у пульта?

Но голосу самоназначенного руководителя эвакуации определённо не хватало экспрессии. Он знал, что это правда. Не пилоты, верно, обслуживающий персонал. Воспользовавшись суматохой и своими преимуществами, они действительно покинули корабль.

— Что там?

— Нарнский транспортник, идущий на Минбар. Как нельзя удачнее...

— Может быть, они могут просто пристыковаться и забрать всех?

— Не делайте глупостей! — голос Алана с трудом перекрывал гвалт, — скажите им, чтоб не подходили ближе! Просто подбирали капсулы... Это может подчинить и их, тогда шанса на спасение не будет! Прощу, побыстрее, я теряю контроль... Скоро никто не сможет

Выйти...

Высокий мужчина с военной выправкой с трудом тащил рыдающую Кэролин к выходу, а другая Кэролин тащила туда же Виргинию. Счёт шёл уже на секунды, все понимали это.

— Раненый! Обязательно надо отправить раненого!

— Давайте, быстро, но только его!

Дверь взбесилась, принявшись лязгать, подобно гильотине, последние эвакуирующиеся замерли перед ней в ужасе, осознавая, что сейчас тают их шансы. По лицу Алана прошёл страдальческий спазм, дверь замерла ненадолго — и в образовавшуюся щель ринулось сразу трое мужчин.

— Вот скоты!

— Что сказать, жить хотят все...

Кто-то сунул в щель оброненный кем-то зонт — дверь переломила его, как щепку. Высокий взлохмаченный мужчина в рубашке с закатанными рукавами пытался отломать спинку кресла — бесполезно.

— На совесть делают, мать их... Да есть тут что-нибудь, что можно туда засунуть?!

Алан стиснул зубы, дверь снова замерла ненадолго — и военный, извиняясь, втащил туда Кэролин Сандерсон.

— Эй, приятель, если там ещё есть капсулы — лети! Лафа кончается, а в бессмысленном героизме толку нет...

Мужчина, пытавшийся ломать кресла, собрал несколько валявшихся в проходе и между сиденьями книг, планшетов и контейнеров из-под еды, завязал это всё в свою рубашку и сунул этот узел в дверной проём. Дверь яростно врезалась в него, раздался хруст пластика — но пробить не смогла. Прежде, чем она вернулась для нового удара, второй пилот встал в проёме, упираясь ногами в отходящую дверь.

— Мэм, прошу, это ваш и вашей дочери последний шанс!

Кэролин, оглядываясь на Виргинию, опустилась на четвереньки и резво проползла под ногами мужчины. И в этот момент человеческое тело не выдержало — ноги согнулись, плечи соскользнули с косяка, и дверь обрушилась всем помноженным на сумасшедшую скорость весом на преграду — узел и ногу пилота, оказавшуюся между этим узлом и дверью...

Вопль адской боли разнёсся, отражаясь от стен — и показалось, что стены отозвались хохотом. Алан рухнул — казалось, теряя сознание, однако глаза его оставались открытыми — глаза, в которых снова была только чёрная, зияющую пустота. Ментальная волна раненого, по-видимому, выключила из последних сил державшееся человеческое сознание, окончательно освободив тёмное альтер-эго от слабеющего контроля. Этот конец. И телепаты, и нормалы почувствовали разом — это конец.

— Джин!!!

Виргиния, онемевшая лишь на секунду, толкнула раненого в проём — раньше, чем на него обрушится ещё один удар.

— Джин, я не уйду без тебя!

— Ты уйдёшь! Я не полезу в эту дверь, и ты не полезешь! Ты возьмёшь этого человека и полетишь на Минбар! Ему нужна врачебная помощь, а мне нужно, чтоб вы нашли того, кто справится с этой дрянью! Мама, не дури! Ты хочешь, чтоб с тобой случилось то же, что с ним?

— Мне плевать! Джин, я не собираюсь тебя бросать! Я не могу потерять тебя!

— У тебя нет выбора!

Кэролин рыдала, но остатки здравого смысла не давали ей броситься на летающую между ними дверь, заблокировать её своим телом, чтобы дочь могла спастись. Надолго ли хватит её слабого тела, если узла с книгами и сильного, тренированного мужчины хватило лишь на миг? Разве она из стали? Разве она хочет, чтобы эта дверь перебила позвоночник и ей, и дочери, перемолола их обеих, как кофейные зёрна в кофемолке?

— Чем скорее ты улетишь, тем скорее пошлешь кого-то мне на помощь! Эй, я пока что жива и здорова, такой ты и увидишь меня вновь, обещаю! Я сильная, вся в тебя! Пожалей этого человека, он чуть жизнью ради нас не пожертвовал! Если ты останешься — значит, всё это было бессмысленно! Подумай о Милли и Джо, в конце концов! Ты не должна теперь расплачиваться за причуды юности! Если ты любишь меня — улетай, пожалуйста!

— А если я последний раз вижу тебя, Джин?

— Тогда просто думай о том, что я улетела на эту новую планету... Мама, пожалуйста, корабль не будет ждать вечно! Спаси этого человека, и приходи помощь за всеми нами!

Вечером, когда Шеридан просматривал последние межзвездные новости, в дверь робко постучались. На рассеянное приглашение войти, в кабинет бесшумно проскользнула высокая рыжеволосая фигура, и нерешительно замерла через пару шагов.

— Здравствуйте, — шепотом произнес Андо, поднимая взгляд на Джона и тут же опуская взор обратно, себе на руки, в которых сжимал небольшой рюкзак, — Простите, что вот так врываюсь к вам. Возможно, более неотложные дела занимают ваше внимание.

Шеридан поднял голову. Некоторое время молчал, осознавая, что видит действительно то, что видит.

— Андо? Я не знал, что ты уже вернулся... По правде, я не помню, когда последний раз получал от тебя вести.

Андо почувствовал, как его сердце подпрыгнуло в груди, а пальцы сами сильнее сжали широкие лямки рюкзака. 4 месяца он не слышал этого голоса, не видел этого лица, и не представлял, что соскучится настолько, что в присутствии президента не сможет спокойно мыслить.

— 4 месяца, 13 дней и, — парень посмотрел на наручные часы, — 10 часов назад. Это было последнее сообщение, я улетал на Землю.

— Д-да, верно... Где ты был всё это время? Гарибальди говорил, что ты остался на Земле, но ничего не сказал о твоих целях, сколько я ни допытывался. Всё хорошо?

Андо улыбнулся, все так же не смея еще раз поднять на президента глаза. Осторожно поставил рюкзак под ноги, попутно вытаскивая из бокового кармана информкристалл и зажимая его между длинными пальцами.

— Мистер Гарибальди был очень любезен, с его помощью я обрел многое, чего, как я думал, не смогу обрести никогда. Все хорошо. И даже лучше. Одна встреча в моей жизни... перевернула всё во мне, изменила градус того зеркала, в котором отражается мир. Мистер Гарибальди помог мне найти... одного человека, женщину. Когда я искал её, я ещё не знал, зачем мне это, просто знал, что мне необходимо её увидеть. И, как бы странно это ни звучало, теперь Офелия Бестер — моя жена.

Шеридан поперхнулся воздухом.

— Очень... рад за тебя, Андо. Серьёзно, рад. Женитьба — важный, ответственный шаг, надеюсь, это решение не было продиктовано... романтическим юношеским порывом...

Рыжие волосы, собранные в широкую, длинную косу и перекинутые через плечо, отливали золотом в теплом свете потолочной люстры. Андо теребил кончик косы, в груди все заходило как-то непонятным и глупым счастьем. Видеть его, слышать его, понимать, что, пусть и в малой мере, но он думал об Андо, думал о том, что с ним, и думает сейчас.

— О, нет, господин президент. Совсем нет. Конечно, романтические порывы, как вы выражаетесь, имели место быть, но Офелия... Она смогла понять меня, и я смог понять её. И через неё — себя. Она очень хорошая, и её с самого детства... отягощало многое. В этом мы похожи, и различны одновременно.

Андо взглянул на Джона, второй раз за время разговора, поднял с пола рюкзак, а потом неуверенно сделал несколько шагов к его столу, молясь, чтобы дрожащие колени не подкосились, и протянул покоящийся на ладони информкристалл.

— Это — вам. От мистера Гаррибальди, он просил передать, что тоже скучает по вашей компании. И еще вот это, — звякнула молния, и из рюкзака показалась фигурная бутылка, внутри которой плескалась янтарная жидкость, — Я знаю, что на Минбаре не употребляют алкоголь, но мистер Гаррибальди настоял передать это вам в руки.

— Мистер Гаррибальди... умеет удивить, — присвистнул Шеридан, разглядывая этикетку, — хотя, впрочем, нет, чего-то подобного от него ожидать стоило давно. Одно интересно — с кем, как он полагает, мне здесь дегустировать подобные сокровища? Диус, допускаю, мог бы оценить, но он далеко, а зная Гаррибальди — он не стерпит, чтоб я тянул с этим долее трёх дней. Да, вы с ним сработались в способности ставить меня в неловкое положение. Всё-таки предлагать тебе алкоголь мне неловко, ты ещё ребёнок... Но раз уж ты предоставил такой неоспоримый повод — что мне делать-то? Заодно расскажешь мне всю историю своих четырёхмесячных странствий, хотя бы кратко...

Андо улыбнулся снова, осторожно присаживаясь на стул напротив президентского кресла. Пока Шеридан искал подходящую по случаю тару, Александер жадно, до рези в глазах впитывал его образ в себя. Эти еще сильнее поседевшие волосы, эти руки с широкими ладонями, сильные, уверенно ступающие ноги, величавая, не изменившаяся под немислимым грузом, осанка. Андо всеми силами отгонял от себя образ — даже не образ, а смутное воспоминание, еще не ставшее его прошлым, и он надеялся — не посмеющее стать его будущим. Огонь не может забрать и его, огонь не сможет подобраться и близко к Шеридану. Он не сможет причинить ему вред, потому что Шеридан... Неуязвим перед тем, что обугливает до черноты. Потому что он сам — согревает, сам — сияет, исцеляет. Андо всего несколько минут в этой комнате, а многомесячная тоска уже разжимает его спазмами сжатую грудную клетку. И так приятно и тепло быть здесь, смотреть на него, касаться — совсем слегка — его мыслей, этих маленьких, мечущихся комочков света внутри его сознания.

— Я прилетел на Марс по просьбе мистера Гаррибальди, чтобы долг, который был у него перед Ли... Мамой был наконец выплачен им. Оказавшаяся на моем счету сумма была мною отправлена на Нарн, мой родной мир всё ещё нуждается в средствах, которые позволят восстановить его былое величие. Мы много разговаривали с мистером Гаррибальди. Кажется, за время этих разговоров я успел побывать почти во всех крупных городах Марса. В одну из таких бесед-путешествий я узнал об Офелии. Конечно, мой интерес был немного странным для мистера Гаррибальди, но он все же доверил мне её местоположение, а я уверил его в том, что никакой опасности ей не грозит. Не с моей стороны. Но, прилетев на Землю, увидев её,

поговорив с ней... Сперва я хотел ограничиться только вот этим — разговором. Узнать, каково было его детям, какими они стали... Может, стоило на этом и остановиться, не вмешиваться в её семью, к тому моменту она уже была Офелия Готье. Но, как это бывает у нормальных людей, некоторое не совсем подвластно нам. Я не хотел что-то рушить в её жизни, но она сказала, что рушить, в общем-то, нечего. Всё, что она имела — это старенькую квартирку, нелюбимого и не любящего её мужа, подлых соседок и работу, с которой её грозились уволить из-за её родства с преступником и телепатического уровня. Я предложил ей переехать со мной на Марс, спросил разрешения у мистера Гарибальди, а он предложил нам обоим, уже прибывшим к его порогу, связать себя узами более прочными, чем те, на которые я мог надеяться. Вот, в общем-то, и всё.

— Велика, говорят, вселенная, но если странная встреча должна произойти — она произойдёт, — пробормотал Шеридан, оценивая уровень в обоих наполненных стаканах, — что ж, за ваше будущее. Счастливое будущее, я верю.

Андо взял стакан, что стоял ближе к нему, вдохнул чуть сладковатый запах виски и сделал небольшой глоток. Да, почти таким же мистер Гарибальди угощал его на Марсе, хотя лично он по-прежнему не особо разбирался в алкоголе в принципе, и в земном в частности. Практики, данной мистером Гарибальди, истинное второе рождение получившим после исцеления своего организма от пагубной зависимости и это второе рождение ценившим по достоинству, определённо было недостаточно. Кровь прилила к щекам, а голова немного поплыла. Отставив стакан на стол, Александер снова стал перебирать пальцами косу.

— Следующим тостом выпьем за ваше будущее, господин президент.

И, как только Андо произнёс эти слова, как только они повисли между ними, странным болезненным звоном отзываясь в самом сердце телепата, по лицу Шеридана прошла тень. Всего на секунду, не дольше, но Андо заметил это. Предчувствие чего-то, нависающего сверху, словно огромная рука простирается с небес, загораживая свет, заполняющее всё небо и словно лишая воздуха.

— За вас, господин президент, — Андо схватил стакан, поднимая его так, чтобы Джон смог соприкоснуться стеклянный бок своей посуды с его, — За будущее, ещё возможное будущее, в котором всё будет правильно.

Звон стекла не успокоил, обречённость, с которой парень сделал этот глоток, совсем не понравилась ему самому. «Если я могу... Если только я могу...»

— Правильно? Что ты имеешь в виду? — Шеридану тоже не понравилось звучание собственного наигранно весёлого голоса, ещё меньше ему нравилось то, что он, кажется, понимает, о чём говорит Андо. Но откуда, откуда он может знать?

Андо прикрыл глаза, в них было слишком много тревоги, слишком много понимания — хоть и не полного, не до конца. Он не хотел, не об этом, не сейчас. Но глупо, как же глупо было надеяться хоть как-то избежать вот этого повисшего между ними, пугающего и болезненного. Андо вдруг подумал, что это ведь тоже может быть их последняя встреча, это могут последние часы, когда они вот так сидят, и вроде бы ни о чём не разговаривают. И этот голос, которым ответил Шеридан, и его, да, дрогнувшие гласные, неуместная полуулыбка в вопросе. Словно он успокаивал ребёнка. Андо вдруг захотелось разозлиться на всё это, схватить Джона за плечи и совсем по-детски расплакаться от невозможности понять, проникнуться всем моментом скорби, что таят в себе эти недомолвки.

— Всё конечно, господин президент, — чувствуя, как начинает кипеть в его жилах алкоголь, проговорил Андо. Смотреть куда-то в пол оказалось не так уж и сложно — прятать

этот взгляд, в котором и нормал сейчас прочитает всё как в открытой книге, не слушать, не слышать мысли Шеридана — куда сложнее. Но он смог. Он поставил блоки, он уже умел это. — Но важно — когда наступает этот конец. Я хочу, чтобы будущее было правильным. Я не хочу терять под ногами твёрдую почву, не хочу терять над головой солнце, не хочу ловить руками ускользающий свет. Простите, я снова говорю непонятно.

— Никто не хочет этого, Андо. Зачем думать об этом сейчас? Не люблю обтекаемых фраз про то, чтоб жить настоящим, но только оно с нами несомненно, только из него вырастает будущее. Какое бы счастье мы ни теряли, мы обретаем новое. Если, конечно, готовы жить и бороться.

Александр вновь подумал, что это не совсем тот разговор, на который он рассчитывал. Хотя, на самом деле, он не рассчитывал ни на что вообще.

«Бороться, да. До последнего вдоха.»

— Я знаю, вы тоже обеспокоены будущим. Я имею в виду, Дэвид сейчас далеко вас, и вы переживаете за него. Как и за принца Винтари, — пусть так, лучше так, потому что иначе слезы счастья сменяются слезами скорби, а сдаваться раньше времени Андо не собирался, — Если позволите, я хотел бы развеять ваши переживания относительно их обоих. С ними всё хорошо, с вашим сыном всё будет хорошо.

Посмотрев в глаза Шеридану, парень замер, чувствуя мурашки по спине.

— Не сомневаюсь, Андо, однако тебе-то откуда об этом знать? Разве ты успел побывать и на Тучанкью?

— Нет, конечно. Однако я знаю, что это так, я знаю всё, что происходит с Дэвидом. Я ведь телепат уровня неизвестного, как вы помните. Это даёт некоторые преимущества перед расстоянием и временем. Даже если я не могу быть рядом с ним, чтобы защищать — этого и не нужно. Я связал себя с ним, так, как никто не смог бы осмыслить и представить. Отчасти, я всегда рядом с ним — или он рядом со мной. Я знаю всё, что с ним происходит, слышу каждое движение его души — и наяву, и во сне.

— Вот как... Ты хочешь сказать, что твои способности так велики, что ты можешь слышать его через огромное космическое расстояние?

— Вы тоже можете услышать его, — улыбнувшись, произнес Андо, протягивая Шеридану руку, — и развеять свою тревогу. Если вы доверяете мне.

— Я... — Шеридан какое-то время оторопело смотрел на протянутую ладонь. Не поверить же, действительно, вот так с ходу, что такое возможно. С другой стороны, разве когда-то он смог бы поверить в то, что представляет из себя сила Андо? Да и поверил ли он в это полной мере, даже слышав рассказы тех, кто был на Центавре? Хотя он сам видел, на что способна Лита... но ведь не на такое, не на такое... Он неловко обхватил руку Андо, — разве у меня есть причины не доверять тебе?

Андо прикрыл глаза, чувствуя горячую ладонь Шеридана на своей ладони. Соблазн чуть сильнее сжать эту крепкую руку оказался сильнее воли телепата, и он позволил себе это, на секунду, а затем перед внутренним взором распахнулись иные картины. И в этот момент Андо понял, что судьба никогда ещё над ним так не насмеялась. Но выдёргивать руку было уже поздно. Он никак не смог бы это объяснить. Над этим районом Тучанкью стояла глубокая, непроглядная беззвёздная ночь, других, впрочем, на Тучанкью и не бывает. Дом был погружён в тишину, чуть оттенённую только гудением ушедшего в спящий режим компьютера и тенькаем какой-то птицы на ветке у окна. Дэвид спал. Андо ощущал сквозь пелену расстояния, собственного тела и разливающегося по нему золотого напитка шёлк

центаврианских простыней, ощущал его дыхание рядом с замершим своим. И в золотое марево опьянения, окутывающего сознание Андо, хлынуло другое золото — разгорячённого, возбуждённого потока сознания. Сон. Конечно, сон. Но какой... Андо замер, впившись ногтями в руку Шеридана, в ожидании — если б представлять, чего, что может последовать за подобным? Из влажного тумана навстречу ему появилось нечто горячее, гибкое, властное, обвилось вокруг тонкого запястья, отчего по телу прошла жаркая дрожь, вызывая волну мурашек по позвоночнику, заскользило выше, обхватывая уже плечо, касаясь кончиком, напоминающим наконечник пики, уголка приоткрытых, влажных от слюны губ.

Андо распахнул глаза, испуганно уставившись на Шеридана и не имея возможности извлечь из себя какой-либо звук. Сердце колотилось, как бешенное, разрывая контакт с Дэвидом, он возвращался в ту пугающую реальность, в которой совершенно не представлял, что делать и как себя вести.

— Андо, это... что это?

Аккуратно отняв руку от руки Джона, Андо вспотевшей ладонью на секунду прикрыл рот.

— Я... Право, я не думал... - парень пытался успокоить свои дрожащие пальцы, впившись ногтями в кожу на ладонях, — Простите... Дэвид спал... всего минуту назад он спал абсолютно...

«Господи, как это... невовремя. Что же... как сказать...»

— Думаю, это нормально... он ведь растёт, он... меняется, — от волнения Андо перешел на нарнский, но потом, спохватившись, продолжил уже на земном, — Я не знал, что мы застанем... Это просто сон, такое бывает... Вернее, не бывает, не с ним, но в принципе бывает, и я думаю... о, господи...

Андо не знал, что ещё сказать, и просто зажмурился от смущения, стыда, приливающего к его щекам кровью вместе с алкоголем.

— Д-да-да, я вижу... Это... сон Дэвида?

Взгляд Шеридана заметался, пока не натолкнулся на полупустой стакан, и, не помышляя о том, насколько кощунственно поступать так с напитком с таким-то букетом и послевкусием, осушил его залпом.

Андо смотрел на это, потом осторожно взял фигурную бутылку и налил оба стакана доверху. Одной рукой пододвинув к Шеридану его выпивку, другой поднося к губам свою, парень немного успокоился. Разорвав последний зрительный контакт с Дэвидом и сглотнув ком в горле, он жадными глотками втянул в себя янтарную жидкость. И, то ли выпитое развязало ему язык, то ли шок и неловкость окончательно разнесли остатки самообладания, но Андо тихо, почти шепотом произнес, скорее в пустоту, чем президенту.

— Да, Дэвида. И это... простите мне мою наглость, всё же было не наше дело. В самом деле, это ведь именно то, почему люди боятся телепатов, не так ли? Это, конечно, плата... за нашу связь, за то, чтоб всегда держать руку на его пульсе. Этой платы, правда, я не просил с него, не предупреждал... Для меня ведь она была совсем иной. Он видит сны. Я сам не вижу снов, в обычном человеческом смысле. А теперь я вижу его сны — но обычно, да, не такие... Правда, впредь я буду осторожен в этом. Ещё раз простите.

Выпивка давала о себе знать всё больше и больше, у Андо всё немного поплыло перед глазами, а в ушах тарабанила кровь гулким эхо.

— И ещё, наверное, Дэвиду повезло... хотя бы иметь шанс сказать тому, кого он полюбит, о своих чувствах. Иметь возможность предложить себя тому, кого он желает.

— Чувствах? О каких чувствах ты говоришь, Андо? Какие чувства... могут вызывать такие картины?

— Любовь.

Шеридан долго смотрел в лицо Андо, потом долго смотрел в пустой стакан, ответа не нашёл и там. В общем-то, сложно сказать, какой ответ его сейчас устроил бы. Разве что — проснуться и весь день периодически спрашивать себя, с чего мог присниться подобный бред.

— Любовь? Определённо, этому... должно быть какое-то объяснение, только сейчас я найти его не могу.

Андо смотрел на Шеридана, на его растерянное лицо, на судорожно сведённые брови, на руки, которые сжимали уже пустой стакан. И ничего не желал сильнее, чем просто успокоить, хоть как-то, сказать, что Дэвид... Ведь с ним все в порядке, ведь... он жив, здоров, и да, каким бы смятением ни сменился этот экстаз по пробуждении — по крайней мере сейчас им владеют не тревоги о неясном будущем.

— Любовь не достаточное объяснение? То есть... это, на самом деле, единственное из возможных. Разве помышляет существо о близости с другим, не чувствуя даже малой доли любви в его сторону? И разве это странно — желать того, кого действительно любишь, кем дорожишь и кто для тебя становится целым миром?

— И кто, ты считаешь, стал целым миром для Дэвида?

Андо закрыл глаза.

— Он ещё очень молод, чтобы... у него ещё очень много времени впереди. Его будущее, пусть и определено в какой-то мере, всё же таинственно, сокрыто в пелене грядущих событий, малых и больших, счастливых и несчастных. Его мир — целый мир, который простирается перед его мысленным и реальным взором — как он огромен. Могу ли я судить о том, кто для него будет самым дорогим и близким во всей вселенной? Мир, господин президент, иногда не сводится до конкретного существа. Мир может изменяться, становиться шире и ярче. Если есть то будущее, правильное будущее, в котором никто не обязан отвечать за чужие ошибки.

— Андо, о чём ты?

— Скажите, вы любили когда-нибудь так сильно, что даже при воспоминании о взгляде на этого человека становилось и больно и сладко?

— Мне, возможно, в мои годы не пристали разговоры о юношеской пылкости чувств, но думаю, я знаю, о чём ты говоришь, Андо.

— Когда смотришь на этого человека, кажется, словно смотришь на солнце. Страшно от того, насколько он внутри, насколько он проник в сознание, насколько заполнил его своим телом, светом, голосом. Насколько родным становится этот голос. И как страшно, до спазмов в горле страшно его терять. Кажется, что не вынесешь этого, хотя знаешь — вынесешь, сможешь пережить, и это, пожалуй самое страшное. Потому что то, что переживёт — не будет уже собой в полной мере. И хочется сказать, как сильно иногда хочется сказать ему всё, что чувствуешь, но имеет ли это смысл, нужно ли это, уместно ли? Говорят, никто не знает, что ждёт в будущем. А если знаешь? А если... Будущего не будет? Как поступить, если всё то, что внутри, никак не хочет успокаиваться, трансформироваться во что-то приемлемое и нормальное? Стоит ли вообще... обращать на себя внимание, если... Никакого шанса, призрачной надежды на ответное притяжение нет и быть не должно?

— Андо... о чём, о ком ты говоришь?

Парень осторожно прикоснулся к руке Шеридана, не отводя взгляда от его глаз.

— О себе. Это просто алкоголь. И просто странное, радостное и смущающее обстоятельство, при котором мы с вами выпиваем и говорим обо всём. И я, пожалуй, позволю себе немного лишнего, и скажу то, что никогда не должно было звучать здесь. И никогда не сказал бы, не выпив столько. Джон Шеридан... Я люблю вас.

Шеридан шумно сглотнул. Каким бы бредовым ни был этот вечер, этот разговор, этого он ожидать не мог. Вот теперь, пожалуй, его удивить и шокировать не сможет уже ничто. Что за дрянь этот гад Майкл подмешал в приличное виски?

— Э... Я рад, если действительно сделал для тебя что-то достаточно значимое, чтобы заслужить такие слова...

— Сделали, — улыбаясь произнес Андо, осторожно проводя рукой по щеке Шеридана, — Вы сделали так много для меня... У меня никогда не было отца... в понятном и простом, самом простом смысле этих слов. Все, кого я любил, все, кого я люблю — настолько далеко, что это непостижимое расстояние. Никогда не дотянуться, потому что некоторые линии, которые проводит жизнь и смерть, нельзя пересекать. Я терял, даже не успев обрести. Отец, мать, отчим, Рикардо... Их было так мало, и в то же время — так много для меня. Но вы — вы живой, вы со мной, и это... этого тоже безумно много. Мне никогда не выразить ни на одном языке, как я счастлив сейчас быть с вами. Какие чувства внутри меня, как сильно они просятся наружу, будь то слова или действия. И мне, правда, всё сложнее сдерживать себя... Когда изнутри рвется такое огромное, намного больше, чем способен вместить в себя, счастье...

Шеридан оторопело следил взглядом за рукой Андо, сползающей по его груди.

— Я не совсем понимаю, о чём ты говоришь, Андо... что ты делаешь...

Андо выдохнул, судорожно, немного нервно и совсем стыдясь того, что он так далеко зашёл, но в то же время алкоголь в крови настойчиво требовал движения. Разве не за то все миры и расы, кроме, конечно, минбарцев, так превозносят алкоголь, что он позволяет человеку то, о чём он не посмел бы и думать трезвым?

— Это нормально, что вы не ... господи...

Телепат рванулся навстречу удивленному лицу президента, падая на колени, и впиваясь жадным поцелуем в его приоткрытые губы. Шеридан охнул и покачнулся под этим шквалом, неуверенно взмахнув рукой — едва ли понимая, что пытается сделать, оттолкнуть ли Андо или прижать его к себе. Здесь и не могло быть рассудочных решений, рассудок капитулировал перед избыточными для него откровениями ещё до этого.

У Андо в голове словно взорвалось солнце, то самое солнце, о котором он говорил совсем недавно. Губы Шеридана были на удивление мягкими, сухими, чуть шершавыми, такими желанными. Парень не смог бы точно сказать, что с ним произошло в этот момент, вся вселенная закружилась, мир завертелся в калейдоскопе картинок, мыслей-образов Джона, которые невольно улавливал Андо. Он не хотел подсматривать, не хотел смущать и не хотел пользоваться таким преимуществом перед этим человеком, но и отказаться от того, что вместе с порывом поцеловать хлынуло в него потоком света, он не мог. Парень, уже плохо соображая, что вообще делает, обвил руки вокруг шеи Джона, притягивая его к себе ближе, ещё больше углубляя поцелуй. Как хорошо, что от чувств нельзя сгореть, иначе он бы уже превратился в кучку пепла, так сильно бьёт в груди этот там-там, руки дрожат, губы дрожат, страшно отстраниться, чтобы вдохнуть, но дышать уже нечем, и надо, надо возобладать над своими желаниями, в конце концов, он и так сбил президента с толку уже

всем предыдущим. Сквозь яркие световые вспышки своих собственных эмоций, Андо увидел его, на секунду, всего на секунду — этот свет внутри, словно медленно угасающий заряд батарейки, когда на экране уже горит последняя чёрточка красным, сигнализируя о скором отключении питания. Это было по-настоящему больно, по-настоящему страшно. Там, на Драсе, он боялся не оправдать возложенных на него надежд, на Минбаре, по прибытии, он боялся, что его сила не подвластна контролю, боялся как приговора отказа учителей от него. На Центавре боялся за тех, кого должен был защищать, боялся не выполнить долг, боялся подвести Дэвида, не успеть, ведь столько раз мог именно не успеть, не оказаться рядом, в любой из моментов. Но все эти страхи, все эти переживания сейчас показались ему такими несущественными, такими смешными. Потому что всегда он знал, чувствовал, что всё зависящее от него он сделает, всё, что ему подвластно, всё, что подконтрольно ему — он выполнит, так, как того требуют обстоятельства. Сейчас же, перед лицом неизбежного, перед уже свершившимся фактом, он не знал, что делать, он был растерян, шокирован, испуган. Сильнее этого страха, скручивающего всё внутри рыжеволосого телепата холодом отчаяния, он не испытывал, пожалуй ничего. И оттого этот миг, когда Джон Шеридан совсем неловко, сам не осознавая этого, ответил на поцелуй всего лишь лёгким движением губ, показался Андо волшебным, правильным, самым важным из всех, что были в его жизни.

«Если есть хоть какой-то шанс — я не упущу его. Я выдержу любое испытание, я справлюсь со всем. Я пойду за тобой куда угодно и всё за тебя отдам».

Он знал, конечно знал, что Джон... уйдет. Он видел это в снах, в тех снах, которые даже и снами назвать нельзя. Он ловил эти мысли от Дэвида, он чувствовал это витающее в воздухе ожидание неизбежного, и оттого все сильнее и теснее прижимался к Джону, оттого даже желание, естественное желание сделать глоток воздуха, было для него лишней тратой драгоценного времени. Как долго он отсутствовал, четыре месяца, целых сто тридцать три дня. За это время могло случиться многое, и как хорошо, что не случилось почти ничего. Андо вспомнил, как он стоял в торжественно убранной зале, когда вручали награды тем, кто участвовал в особой операции на Центавре. Он помнил, сколько раз было произнесено слово «посмертно», как всякий из этих повторов кто-то в толпе судорожно всхлипывал или тяжело выдыхал, как по толпе прокатывала эта волна боли, как его било наотмашь этим общим для всех ощущением утраты. Но это было героическое «посмертно», это было важно, это было необходимо и, да, как бы ни звучало пусть только в его голове, это было правильным. Власть не отдают, её забирают с кровью, и кровь, пролитая на земли Центавра, была не напрасной.

А сейчас... Как можно думать, как можно считать, что эта смерть, это лишение, это общее, в тысячу раз превосходящее все другие, горе — может быть правильным и уместным? Он знал, уже знал из тех обрывков мыслей Дэвида, причины этого. Оттого тяжелее это немое прощание. Словно он находится в комнате, где горят тысячи свечей, и свечи гаснут одна за другой, свет убывает, рассеивается, и в конце остается одна свеча, которую держат тысячи рук, на которую смотрят тысячи глаз, но никто не имеет шанса закрыть этот трепещущий огонёк от злого порыва ветра, стремящегося потушить источник тепла.

Как часто люди говорят, что в какой-то момент они не владели собой. Владел алкоголь, или желание, некое затмение сознания, но разве алкоголь и желание делают тебя кем-то совсем другим, разве это не ты сам наслаждался этим огнём, пляшущим в венах, ведь это твои руки подхватывали тело Андо, выскальзывающее из одежды, которая с тихим шуршанием, как опавшая листва, осталась где-то под ногами. Движение инстинкта, хотя

правомочно ли это так называть, вжимало разгорячённое тело в нейтрально-прохладный пластик стола, и рыжие пряди опутывали руки, в то время как руки Андо обхватывали плечи под ставшей такой тесной и неудобной одеждой. Недолгий миг замешательства — от всё-таки мелькнувшей на задворках сознания мысли, что всё же это не женское тело, что ладонь судорожно скользит не по женской груди, что возбуждённая плоть упирается не в женское естество — растаял под волной жара, поднимающего бёдра Андо в безумном и бесстыдном порыве, не допускающем ни промедления, ни колебания, и подсказывающего золотому огню в крови, что ему делать, вернее, чем это могло бы сделать какое угодно трезвое сознание. Наверное, это злое и весёлое безумие было вызовом смерти, уже стоящей где-то за спиной, разумеется, он не думал об этом. Он просто делал то единственное, что возможно в тисках длинных тонких ног, сомкнувшихся на поясице.

Андо до конца так и не смог бы сказать — это реальность, или одно из видений, одно из самых потаённых желаний его сердца. На самом ли деле происходит то, что происходит, или ему кажется, мерещится, словно страждущему воды путнику оазис. Глаза распахнулись, пальцы судорожно сжали крепкие плечи, единственную опору, что сейчас была у него. Шеридан касался его, не только тела, тело ни при чем. Всё внутри Андо отзывалось на малейшее прикосновение, на малейший импульс. Он пьян — думал Александер, — он ведь... Но не в силах услышать ни один довод разума, ни одно «против», только так, только сейчас, и пусть все тревоги, все бури, что ожидают впереди, отступят под этим огнём, сгорят в этом пожаре. Андо целовал его тело, обхватывал ладонями его красивое, безумно красивое лицо и целовал его губы, не в силах сдерживать внутри себя этот шепот, эти стоны. Тонкая резинка спала с косы, и рыжие волосы рассыпались по столу. Так горячо, так глубоко внутри него, и от этого перед глазами невероятный калейдоскоп красок.

Это было единственное, что Андо чувствовал, единственное, что понимал. Сердцу больно, в груди больно, но так хорошо ему не было никогда и ни с кем. Не все барьеры упали, но то, что парень не смог держать, хлынуло потоком света в сознание мужчины. Картинки сменяли одна другую, видения с самого детства, ночи, когда Андо смотрел на небо и думал о том, что где-то там находится Вавилон-5, что где-то там живет тот человек, внутри которого была часть непередаваемого, чистого света.

«Я люблю вас. Я так сильно люблю вас. И я никогда, никогда не забуду о том, что вы дали мне»

Андо целовал его руки, спускался поцелуями по его груди и прижимался щекой к разгоряченной коже живота. В какой-то момент телепат оказался сверху, над Джоном, обхватив его бёдра ногами, кусая собственные губы не в силах сдержать стон.

«Я ваш, ваш до самой последней клетки этого тела».

Комментарий к Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 1. Потерянный рейс

Настоящая история Кэролин была, разумеется, какой-то другой, но канон об этом говорит около ничего. А телепатскую трилогию, как уже упоминалось, мы читали много позже.

И да, в шапке заявлен слэш — значит, слэш однажды должен был состояться, извините.

Иллюстрация — Офелия Александер

<https://yadi.sk/i/a0dBNqiQ3MVAjA>

==== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 2. За миг до спасения =====

Всё стихло. нет, разумеется, не всё — где-то там гудели и пищали системы, явно недовольные нетипичным управлением, шуршали под обшивкой змеящиеся чёрные провода. Но стихли все звуки паники и надежды, осталось только ровное, беспредельное отчаянье, оно заполнило собой всё, как раньше заполнял страх.

— Ну что, посчитаемся? Сколько нас тут осталось?

— Самые везучие остались... Девку больше всех жалче. В полушаге была от спасения.

— Да уж... Бедняга Рой, хорошо, хоть эту ногу ему совсем не оторвало... Надеюсь, починят... Я б вот, правду скажу, не решился вот так — я помню, сколько эта дверь весит...

— Уж да, — проворчал тот, что ломал кресло, набрасывая на голое тело куртку, — рубашку мне измочалила...

— Давайте знакомиться, что ли? Ну, что больше делать-то? Я вам, конечно, при посадке представлялся, но не думаю, что кто-то запоминал...

— Мне вот что интересно, — проговорил немолодой мужчина из пассажиров, выщёлкивая сигарету и некоторое время созерцая её в с хмурым, сосредоточенным лицом — курить на корабле, конечно, нельзя, но курить хотелось очень, — как-то эта штука попала же на корабль. Кто её пронёс? Кто-то из команды или пассажиров. Зачем?

— Ну, мы этого уже не узнаем, этот кто-то наверняка на пути к Минбару.

— А вот я не был бы так уверен. С одной стороны, спасти свою шкуру, конечно, первое побуждение... С другой — если он это притащил, наверное, он знал, что это такое. Зачем-то эта штука была ему нужна... Стал бы он бросать её и сваливать? А может быть, всё происходящее и есть его план?

Хоть зерно разумного в этом есть, подумала Виргиния, но лучше б он этого не говорил. Легко и так не было...

На нарнском грузовом транспортнике такое столпотворение происходило впервые на памяти его команды. Кэролин Ханниривер плакала, Кэролин Сандерсон обнимала её, утешая.

— Надо верить в лучшее, миссис Ханниривер. Пока наши дети живы, мы не должны терять веры.

— Такая храбрая, такая благородная... Всегда гордилась тем, что она вся в меня, а теперь мне страшно. Я всегда стремилась беречь её, несмотря на то, что она порой сама рушила все мои усилия... Я думала, что от всего её уберегла...

Миссис Ханниривер шмыгнула носом и достала новый носовой платок.

— Миссис Сандерсон... Кэролин... Простите меня. Вам тяжелей. У меня ещё двое детей, если что-то случится с Джин — мои дети вытащат меня, они не дадут горю меня убить, я знаю, они не позволят... А каково вам... Единственный сын.

— Да, Алан всё, что держит меня в жизни. Но я не потеряла его, я знаю, что не потеряла. Миссис Ханниривер, подумайте о том, что нам сорок, а им двадцать... грубо говоря... Нам кажется, что они те же беспомощные дети, которых мы когда-то водили в детский садик. Мы берегли их, да. Мы старались не отпускать их от себя надолго, ограждать от всех опасностей... И поэтому теперь нам кажется, что с опасностями они не справятся. Но они уже большие, хотя конечно, только начинают взрослую жизнь. Они сильные, они справятся. Они обязательно вернуться к нам.

— Джин не ходила в садик... с ней сидела няня... Ох, простите, я всё не о том. Джин

вот сказала, что я не должна расплачиваться.... А как мне не расплачиваться? Хотя если б я не была тогда вот такой же, как она — её б на свете не было...

К сидящей в прострации Виргинии подсел мужчина, рубашку которого сожрала дверь — его звали, как теперь было известно, Андрес Колменарес.

— Если прикинуть, что мы вернулись где-то с полдороги или чуть более — то примерно через 12 часов мы будем в секторе Земли. Вопрос, что будет дальше. Он говорил что-то о том, что этой штуке что-то нужно... Интересно, о чём это?

Виргиния посмотрела на него недоумевающе.

— Ну... другие такие же штуки?

— Вариант... Раз эта дьявольская технология, чья бы она там ни была — в своём роде мыслящая, то видимо, она и чувствовать себе подобное способна. Ну хорошо, прилетит она туда, где есть ещё такая дрянь — что дальше? Даже не в том вопрос, отпустит ли она тогда нас, не знаю, нужны ли мы ей вообще... Что предполагается? Погрузить их тоже на корабль? Захватить ещё корабли и рвануть куда-то дальше?

— Откуда мы можем это знать и что толку рассуждать о том, чего не знаем?

— Ну, например, если этот мячик не сам сюда закатился, а его кто-то пронёс — вычислить, кто это и каковы его мотивы.

— Нереально! — нервно усмехнулась Виргиния, — нас здесь... сколько? 15 человек, считая Алана и тех двоих, что остались в хвосте? И мы ничего друг о друге не знаем, и не знаем, действительно ли тот, кто принёс эту штуку, остался среди нас. И откуда мы можем знать, что это было сделано действительно с умыслом, может, он представления не имел, что везёт? Может, его просто попросили доставить груз? Мы ничего не знаем! Отталкиваться не от чего!

— Об этом я не подумал, действительно... Почему-то мне настойчиво кажется, что тот, кто это вёз, знал, что делал, и имел цель. Но может, я просто параноик. Нет, если курьер ничего не знал — то его среди нас нет. Иначе б уже хоть что-то у него интересенькое вырвалось...

— Если он не один из тех двоих, что отрезаны паутиной.

— Твою мать, что ж всё так сложно...

Хауэр, поколебавшись, всё же закурил. Пилот и его сосед посмотрели на него косо, но ничего не сказали. Пожарная система, однако же, не сработала — видимо, враждебная машина отключила её за ненадобностью.

— Этот... Блескотт, Блейкок, как его... считает, что это сам пацан и есть. Я сильно сомневаюсь. Непохоже.

— Нет, я тоже не верю, что это он. Иначе зачем бы он пытался её подавить?

— Нет, вот это как раз не показатель. Если вспомнить реакцию его матери, её шок и ужас...

— Вот это как раз не показатель! В твоём розовом мире дети ничего никогда не скрывают от родителей?

— ...кроме того, есть чёткое ощущение, что вот это всё — это «всё пошло не по плану». Ну, сама подумай, если б целью была какая-то хрень на Земле — зачем вообще улетать с Земли? Зачем пролетать половину пути и только потом разворачиваться, чтоб вернуться? То есть, у нас есть две неведомые зловещие цели — то, для чего первоначально эту дрянь притащили на корабль, и то, о чём говорил этот парень...

Виргиния опустила голову.

— А нам вообще обязательно об этом сейчас думать? Что мы можем-то?

— Ну, лично я не думать не могу. И вообще, а что мы можем, кроме как думать? Лично мне как-то неуютно, что один из нас, возможно, совсем не жертва обстоятельств, как все мы.

— Вот только взаимных подозрений, паранойи и драк нам сейчас не хватало, правда?

— Ай, это в любом случае не будет долгим. Долетим до Земли, и... возможно, нас просто перебьют, как тараканов. Хотя что мешает сделать это сейчас, если подумать...

— Резона особого нет. Ну или... — Виргиния бросила взгляд на оба бластера, лежащие поблизости от сплетения проводов вокруг маленькой, жалкой и в то же время опасной мальчишеской фигурки. И в этот момент поняла, что на эти бластеры время от времени посматривали все, — возможности не представилось...

— Ты думаешь о том же, о чём и я?

— Наверное. Но что делать? Положим, я знаю, что я — не злоумышленник, а кто-то ещё тут об этом знает? Дадут ли мне вообще до них добраться? Вот ты — дашь?

Андрес сверкнул из-под густых чёрных бровей насмешливыми зелёными глазами.

— Значит, что это могу быть я — ты не допускаешь?

— Может, я ничего не понимаю, но если б это был ты — ты не напоминал бы мне о бластерах, а тихонько крался за ними сам. Если б решился, да.

— Ну тоже мысль... Ну, и что делать-то? Всем дружно опустить барьеры?

Виргиния посмотрела на него так, словно усомнилась в его психическом здоровье.

— И кто на это в здравом уме пойдёт? Паранойя хорошая болезнь и сильный аргумент, но делиться всем остальным с незнакомыми непонятно кем, включая преступника, если он действительно здесь — на это согласится только больной! Кроме того, ты забыл про нормалов! Они-то должны поверить нам всем на слово?

— Ну, сговор из девяти телепатов — лиховато, нет? Хотя ты права. Нормалы тут в ущербе. Хотя, что смешно, Моралес, пилот, мне именно это и предложил — вы, мол, телепаты, вы же можете просто сканированием выявить, кто это...

Виргиния фыркнула.

— Всегда умиляло, как нормалы боготворят телепатов! Прямо всё-то мы можем, и всю подноготную видим в каждом! Они не слышали про разные пси-уровни? Про такую вещь, как ментальная иллюзия? Тьфу, да и только. Зачем мы завели этот разговор, а? мы ж сейчас должны поддерживать друг друга, а не... Эй! Чего это ты на меня так пялишься?

— Я не на тебя, — странно улыбнулся Андрес, — а на твою заколочку.

— Эй, не лапай, не твоё!

— Память об отце, значит? Это кое-что меняет...

— Лично для тебя это ничего не меняет! Пошёл вон, сволочь!

— Может, оставишь девушку в покое, а?

Андрес поднял взгляд и хищно оскалился.

— Твоего позволения забыл спросить, пси-коп!

— Во-первых, не пси-коп, у меня П10, как и у тебя, — Виктор скользнул по нему тяжёлым, неприязненным взглядом мелких бесцветных глаз, — во-вторых, девушке и так досталось. Психопат — не лучшая компания для неё. Кажется, она тебя не звала.

— Ах ты мразь!

Виргиния переводила взгляд с одного на другого. Совершенно разные, хотя что-то в них было неуловимо похожее. Виктору на вид лет сорок, темноволосый, очень высокий, можно

сказать, богатырского телосложения, и мог бы быть привлекательным, если б не неопрятного вида щетина и непропорционально мелкие бесцветные глаза. Андрес несколько младше, и вот его щетина, пожалуй, не портит, даже гармонирует с его обликом. У него большие зеленые глаза, поблёскивающие, кажется, лёгкой сумасшедшинкой. Что их роднит — пожалуй, то, как сквозь нарочито сдержанный, приглушённый тон у обоих рвётся яростный рык. Как в обоих явственно, сквозь налёт цивилизованности, проглянула эта страшная звериная тоска, извечная мужская тоска от беспомощности, невозможности просто схватить врага за горло и вынуть из него душу...

— Эй, парни, парни, если вы здесь сейчас подерётесь — я вот не уверена, что вы этим поможете делу! Давайте выясним отношения, когда вернёмся на Минбар?

— Если вернёмся, — ухмыльнулся Виктор.

— Она права, — к ним, грузно переваливаясь, подошёл Хауэр, выискивающий глазами, куда бы пристроить догоревший окурок, — нам самое важное сейчас — не терять головы, не тратить время на грызню между собой, быть внимательными ко всему, что мы делаем и говорим... Нам надо понять, что нам делать, чтобы не только выжить, но по возможности победить. А мы даже слабое представление имеем, что такое наш враг и каковы его цели...

Две цели, вертелись в голове Виргинии слова Андреса. Две цели, одна изначальная, другая незапланированная. О чём говорил Алан, что это за тёмная часть его? Если она правильно поняла — просто так совпало, что на одном корабле оказались эта дрянь и Алан с этой странной программой в голове, которая в недобрый момент завладела им. Каким-то образом, она активировала, подчинила себе этот артефакт — и теперь они летят туда, куда нужно этому артефакту... или тёмной личности Алана? Кто вложил в него эту тёмную часть? И... если она держит артефакт под ментальным контролем — может быть, они, хотя бы все вместе... могли бы разрушить эту связь? Кажется, кто-то сказал, что даже не слышит ментального поля Алана. Она прислушалась. Да, она сейчас тоже не слышала. словно густое, непроницаемое тёмное облако, и хорошо понятно — только тронь, сдачи даст так, что мало не покажется. Но может быть, они, все вместе, могли бы... Совсем недолго, конечно, она общалась с Аланом, но он показался ей славным, милым парнем. Ладно, в нём есть тёмная личность, это мы поняли... Но есть ведь и светлая. Которая боролась, которая сделала всё возможное, чтобы спасти всех, на кого хватило времени. И она сейчас там, внутри, она страдает. Его необходимо спасти, освободить...

К чёрту. Может ли она решится озвучить такое предложение, если кто-то из всех этих людей — тот самый, кому принадлежал этот артефакт? Андрес прав, об этом невозможно не думать...

В блаженное горячее беспмятство ворвалась резко диссонирующая холодная, требовательная нота — сигнал вызова. Шеридан подскочил, схватился за стол, покачнувшись, но удержавшись на ногах. Что ни говори, когда выпивка в твоей жизни становится редким случаем, это сказывается... Но это не значит, что появилась какая-то такая сила, которая помешала б ему ответить на сообщение. Одной рукой застёгивая рубашку со скоростью, в которую сам бы не поверил, если б осмыслил, он нажал на приём. На экране высветилась пожилая нарнская физиономия в зыбких интерьерах рубки.

— Господин президент, наше почтение! Говорит нарнский грузовой транспортник Ши'Тар, первый пилот Г'Рок. Мы просим прощения, что беспокоим вас в столь поздний час, на Минбаре ведь сейчас ночь? Но мы подумали, что если вы не узнаете об этом как можно

скорее, это может обернуться очень дурно. Полчаса назад мы подобрали в гиперпространстве спасательные капсулы с земного транспортника, следующего на Минбар, вернее, на Землю...

— Что?!

— Большинство пассажиров — телепаты. На корабле произошла странная авария, вернее, если точнее — диверсия. Каким-то образом на борту оказался артефакт, принадлежавший Теням или дракхам...

Шеридан потряс головой, искренне, но слабо надеясь, что ослышался. Остатки хмеля безнадежно утекали с холодными мурашками по спине. Воистину, пей наслаждение жизнью, пока можешь, неизвестно, что будет завтра и даже через минуту.

— Как мы поняли из объяснения пассажиров, артефакт вступил во взаимодействие с сознанием одного из телепатов, и захватил корабль. Успели эвакуироваться почти все, но на шаттле остались, предположительно, 15 человек, включая того несчастного, что соединился с артефактом. У нас не было ни малейшей возможности их вызволить, простите. Шаттл изменил курс и движется в сторону Земли...

— Что ему нужно там?

— Можно только предполагать. Взятый под контроль телепат дал понять, что такова воля артефакта, если его погрузили на корабль на Земле, то, по-видимому, там есть и ещё что-то подобное...

— Ладно, это несущественно. Вы можете предположить, через какое время он достигнет Земли? С Землёй уже связались? С «Белыми звёздами» поблизости?

Г'Рок тяжело вздохнул.

— Мы посчитали необходимым первым делом известить вас. Мы не хотели спровоцировать панику. Вы здравомыслящий человек, имеющий опыт борьбы с подобными явлениями, на Земле наше сообщение могли принять те, кто такого опыта не имеет. Может произойти ещё больше неприятностей. Нет, я не взял бы на себя ответственность за такое решение. По нашим предположениям, скорость шаттла сопоставима с нашей, а значит, в запасе около 12 часов. Но к сожалению, в радиусе нашего сигнала нет «Белых звёзд»...

— Понял. Вы поступили правильно, Г'Рок. Мы примем меры. Благодарю вас.

— Господин президент, одна женщина из пассажиров хочет поговорить с вами. Полагает, сведения, которые она сообщит, важны. Мы приземлимся на Минбаре не раньше завтрашнего дня, а если отправлять «Белую звезду» на перехват, это необходимо делать сейчас.

Подошедший Андо, уже полностью одетый, увидел на экране лицо немолодой темноволосой женщины, распухшее от слёз.

— Господин президент, мистер Шеридан, вы не помните меня, конечно... Я Кэролин Сандерсон.

— Сандерсон... Что-то такое... — Шеридан начал набирать сообщение для «Белой звезды», пока без конкретного адреса, продолжая бросать взгляды на экран.

— «Меченые» телепаты в криокамерах, помните? Я причинила вам... немалые проблемы тогда, в медотсеке. А теперь проблемой стал мой сын. Господин президент, он не хотел этого, клянусь! Алан добрый, хороший мальчик, я говорю это не потому, что я его мать, это правда, он не хотел причинять вред всем этим людям! Я понимаю, что прошу слишком многое, но спасите моего сына! Он не владеет собой сейчас...

— Миссис... мисс... Сандерсон, у нас мало времени, прошу, расскажите, что

произошло, но кратко.

— Да-да, конечно, простите. Видите ли, Алан... Если вы помните обстоятельства, при которых мы встретились тогда... Я была беременна. Я носила Алана, когда эта машина была в моей голове. Это повлияло на Алана. Он родился с... большими проблемами. Медицина не в силах помочь ему в полной мере, только ослабить, с помощью препаратов, влияние этой тёмной личности в нём.

— Тёмной личности?

— Это сложно объяснить. Технология Теней оставила в нём след, повлияла на его мозг, когда он формировался. Алан родился после того, как машину уже извлекли из меня, но извлечь теперь из него этот след — невозможно... Обычно это проявлялось по ночам, когда он спит, его мучают ужасные кошмары, которые действуют на всех, кто оказывается рядом... Кроме меня, потому что у меня, можно сказать, иммунитет к таким вещам... но это не важно. По-видимому, эта тёмная сторона почувствовала наличие этого артефакта рядом, и взяла под контроль... и артефакт, и Алана. Он сопротивлялся, господин президент, сопротивлялся как мог, я клянусь! Но вы помните, много ли удаётся сопротивляться влиянию Теней... Он помог отпустить всех нас, он сражался с этой дрянью за каждого!

Помнил ли он? Такое не забудешь. Глаза Анны, улыбающейся, милой, обольстительной Анны, из которых смотрел кто-то другой. Кто-то, владеющий памятью их страстных писем друг другу, уютных вечеров за дурацкими комедиями и тарелкой центаврианских деликатесов, интимного шёпота в ночном полумраке — чужой, укравший не просто тело, укравший память, личность, волю... Глаза дьявола...

— Господин президент, там остались люди. Те, кого просто не успели спасти, когда он окончательно потерял контроль над этим... Это оставляет некоторую надежду, что вы не взорвёте корабль вместе с Аланом...

— Мисс Сандерсон!

— Я поняла бы, если б вы поступили так! Это ужасно, я как никто знаю, как ужасно то, что происходит с ним сейчас... Но это можно остановить! Просто разорвать связь с артефактом, дать Алану возможность принять препарат... он у него там, с собой... Мы справлялись все эти годы, и мы справимся, обещаю! Если новый мир примет нас, быть может, там смогут излечить его болезнь окончательно... Господин президент, я понимаю, что не имею права просить об этом, и всё же умоляю — сохраните жизнь моему сыну! Он всё, что у меня есть!

— Им нельзя позволить достичь Земли, — тихо проговорил Андо, — они просто уничтожат корабль. У них не будет другого выхода, и они уничтожат.

— Андо, замолчи. Никто никого не уничтожит. «Белая звезда» вылетает на перехват и...

— И что сделает? Вы сами слышали... Простите, но там — технология Теней, если это действительно так... Господин президент, я прошу вас включить меня в эту команду!

— Андо, извини, но — зачем? Что тебе там делать?

Парень лихорадочно переплетал разлохмаченные волосы.

— Спасти 15 человек, в том числе этого мальчика, конечно. Вы ведь слышали, это в его голове! Что рейнджеры могут сделать с этим? Вы знаете мою силу, господин президент. Именно ту силу, которой подобные... порождения тьмы боятся больше всего. Я смогу заблокировать эту связь, смогу заставить это освободить корабль. И кроме того... этот мальчик, Алан Сандерсон — брат моей жены, Офелии. Он и моя семья. Я могу его спасти, и я должен это сделать. Господин президент, у нас мало времени. Если вы запретите мне

лететь — я, разумеется, останусь, но как бы вам не пожалеть об этом решении.

Шеридан опустошённо потёр лицо. Нет, такое не должно происходить, просто не должно. Сколько ещё раз закрывать эту теньско-дракхианскую страницу — в последний, думали, раз? С этим необходимо разобраться... немедленно! Пока не поползли слухи, пока не поднялась паника, пока не... Телепаты и рейс в новый мир, теньское устройство и что оно может натворить на Земле, мир опять в полушаге от... неведомо, какой беды.

— Запрещать тебе, Андо, я не буду. Если ты уверен, что знаешь, что делаешь — делай.

— Когда старт? Есть у меня время, по крайней мере, сообщить моей жене?

— Думаю, есть. Я сообщу на «Белую звезду-44», чтобы они ждали тебя.

Андо порывисто обнял Шеридана, ткнувшись губами ему в висок, схватил рюкзак и вылетел за дверь.

Интерьер нарнского корабля явно и ощутимо подавлял всех. Размещать здесь пассажиров было совершенно негде, и люди скучковались прямо на полу в центре. Кэролин прикрыла глаза, всё это билось у неё в голове, резонируя, как голоса от гладких стен. Обрывки разговоров, переплетения судеб...

— А вас зачем на Минбар понесло, Марк? Вы не телепат, и никого вроде не провожаете.

— Да жена у меня, умница... Учёный до мозга костей... На восьмом месяце беременности подалась на эту конференцию, а то без неё она никак! Мне утром позвонили, что она в больнице... Я только зубную щётку схватил — и на вокзал... Вот сижу тут, а у меня, может быть, кто-нибудь родился уже... Я на вокзале что только по потолку не бегал, как оно там. Врачи у рогатых, может быть, и хорошие, да что бы они в человеческих младенцах понимали...

— Ну, минимум один человеческий младенец у них же там родился. Оно конечно, не совсем человеческий, а всё же...

— ...Так уж простите, что я вот так ломанулся, когда уже... уже почти всё... Знаю, что свинья. Но понимаете, жена и ребёнок. Тут голова отключается. Простите.

Члены экипажа, сидевшие поодаль, молчали, опустив головы, и не говорили ничего. Это заставляло Кэролин ёжиться — ну, что можно сказать людям, которые не могут никак нарушить это молчание, не ищут ни объяснений, ни оправданий? Понятно, что у них тоже есть семьи, дети... Что вообще любой нормальный человек при виде этого испытает только одно чувство — бежать, бежать, сломя голову... Что делать? Просто делать вид, что их здесь нет? Сказать, что никто не ставит им в вину всех тех, кто там остался, в том числе бедную девочку? Раненый перестал стонать — у нарнов нашлось обезболивающее, они наложили на сломанную ногу шину, и теперь усиленно храбрился...

— Столько копили, с моей-то зарплатой, да ещё Ники учёбу заканчивала... так боялись не успеть... Что теперь делать? Как мы полетим туда без Десмонда?

— В последний момент лететь-то решили. Что за дурость, в самом деле — лететь неведомо куда, телепатский рай какой-то нашли, а муж-то нормал... Какая ни есть, но работа ж у меня, и девочки в колледже хорошем, и бросить вот это всё? А неделю назад Кайл вещи собрал и к любовнице ушёл. Ну что теперь? Дура не дура, продала квартиру, взяла девчонок, пошло оно всё к чёрту...

— Мало я на наркоте этой просидела, мало мне потом Бюро мозги компасировало? Ни мужа, ни детей, ни работы нормальной, хоть сдохну спокойно, без всего этого...

Подошла миссис Ханниривер с термосом.

— Невероятно, но он ещё горячий... Хотите? Вот зачем, скажите, брала? Что, мне в транспортнике в горячем чае бы отказали? Всё потому, что вечно набираю всего и побольше, всякой ерунды... А вот, пригодилось.

Кэролин благодарно кивнула, подержала термос в руках — хотя корпус не пропускал ни капли тепла изнутри, потом глотнула.

— Так странно... Смотрю вот на это всё... Люди, ещё вчера чужие друг другу...

— Да, я тоже обратила внимание. Совместно пережитое сближает... Можно б было предположить, что все мы станем одной большой семьёй, будем перезваниваться, справлять друг у друга Рождество, и может быть, кто-то найдёт здесь своё счастье, и будет когда-нибудь рассказывать детям, при каких удивительных обстоятельствах познакомились их родители. Но это всё вряд ли... Добрая половина из нас с Минбара отправится в новый путь, и мы больше не увидимся. Мы с вами тоже...

Кэролин мотнула головой.

— Я не полечу никуда без сына. Он всё, что у меня осталось. Я не успокоюсь, пока не добьюсь, чтоб мне вернули Ала.

— Как и я, Кэролин. Господи, это какой-то кошмарный сон... Я не верю, что это происходит на самом деле...

— Я вам завидую, миссис Ханниривер. У меня кошмаром была большая часть жизни. И вот сейчас... Я смотрю на этих людей и понимаю, что не могу подойти к ним. Боюсь... боюсь узнать — поймут ли они меня... Это раньше я думала, что я одна, что мир против меня... А потом, когда одни обрывали разговор и отворачивались, а другие, напротив, становились любезными-любезными и предлагали помощь... Я не знала, что ранило меня больше. Я поняла тогда, что в мире у меня больше не будет близких людей. Никогда, никого. Кроме сына.

— О чём вы, Кэролин, я не понимаю...

— Об отце Ала. О том, что действительно отделило меня от мира, сделало меня действительно... «меченой».

— Простите мой вопрос, а... что не так было с мистером Сандерсоном? Просто я никогда не слышала такого имени, я, конечно, не считаю себя экспертом по телепатскому делу... Вы с ним, наверное, познакомились в Корпусе?

Кэролин горько усмехнулась.

— В Корпусе, где ж ещё...

— Не может быть никаких разговоров, я лечу с тобой!

— Офелия, прекрати, это безумие!

— Всё вот это — безумие! Но я ведь сказала — все глупости отныне мы делаем вместе!

— Офелия, это не шутки. Всё это очень серьёзно. Я не могу подвергать тебя такой опасности.

— Значит, подвергать опасности себя ты можешь, и я должна принять это спокойно?

— Да! Мне никакой опасности нет, мне по силам с этим справиться! Я способен освободить этих людей и твоего брата от этой злой власти, и я не знаю, кто ещё в той же мере на это способен...

— Да, если уж мы завели об этом речь, это ведь МОЙ брат! Я должна сидеть тут спокойно, пока мой муж и мой брат неведомо где борются с неведомо чем? Ты, конечно,

просто беспредельно силён, Андо, но иногда и тебе может понадобиться помощь! Мне, конечно, и в прыжке не приблизиться к твоему космическому уровню, у меня всего-то какие-то паршивые П12...

— Вот именно! Жди, я думаю, ты не успеешь соскучиться и сойти с ума от волнения, как мы с твоим братом уже будем здесь. Фриди Алион позаботится о тебе. Можешь пока рассказать ему о тех приёмах, которым меня научила, думаю, он будет счастлив узнать, что меня можно чему-то научить. Прости, Офелия, но господин Шеридан разрешил присоединиться к спасательной экспедиции мне, а не тебе. «Белая звезда-44» ждёт только меня, не задерживай наш отлёт, от него зависят жизни.

— Андо! Андо, мы ещё не договорили! Чёрта с два ты от меня так легко отвяжешься!

— А я два месяца назад из тюрьмы вышел, неделю назад мать схоронил. Пока я по околоткам галактики мотался да по тюрьмам, она архивы пересматривала, брата моего старшего искала. Писала, звонила... Оно конечно, найди поди — трёхлеткой забрали... Вроде, нашла среди беглых, может, он... Хочу хоть посмотреть на этих отправляющихся — мало ли, может, встречу его там... А вы, Метью?

— А я сестру провожал. Видели красотку в зелёном, с вот такой гривищей? Надеется там парня любимого встретить. Он когда-то сбежал из Корпуса, а она вот не решилась, потом жалела... Ну, надеюсь, воссоединятся... Мне-то на их свадьбе в любом случае было не гулять...

Виргиния вздрогнула, услышав тихий стон — Алана.

— Виргиния... Виргиния, что произошло? Где мы сейчас?

Она осторожно, косясь на подрагивающие чёрные жгуты, подползла ближе. Чёрт знает, чего можно ожидать... Но вдруг это шанс?

— Понятия не имею. Вроде, пока ещё где-то в гиперпространстве. Если тебя это успокоит, успели спастись почти все, я тут разбавляю суровую мужскую компанию, но не беспокойся, ко мне никто не домогается. Как-то, видимо, не настрой...

Алан болезненно сдвинул брови.

— Мама... мама спаслась?

— Ты меня слушал внимательно, киса? Я ж говорю, я единственный объект внимания кавалеров, если б кавалерам, разумеется, было хоть в малейшей степени до того. И твоя, и моя мамы, полагаю, сейчас на всех парах летят к Минбару. На нарнском грузовом транспортнике, но тут уж выбирать не приходится. Алан, я не знаю, что я могу сделать с этой информацией, но — что этой дряни нужно на Земле? Чего нам ждать?

— Хорошо... как хорошо... Эта штука... никого не убила?

— Насмерть вроде нет, пара раненых была, но их так же эвакуировали.

— Сколько я был без сознания?

— Я не засекала, конечно, но думаю, часа 3–4.

— Значит, время ещё есть...

— Алан, что-то надо делать! Ты сказал, что это тёмная сторона тебя... Что это значит? Откуда она в тебе? Как её убрать?

— Наверное, это невозможно. Я родился с этим.

— Чёрта с два, когда мы познакомились в космопорту, ты не изъяслял намеренье хватать непонятные артефакты и захватывать корабли!

— Но внутри меня это всё равно было. Ты ведь чувствовала это краем сознания, я видел.

Ты ёжилась, сама не понимая, от чего...

— И сейчас, сейчас ведь она спит?

— Она не устаёт, это я иногда устаю подавлять её. Это можно выключить... на какое-то время... Мои таблетки, ты можешь попытаться найти их в нашем багаже...

— Твою мать, а. Ты не принял их перед полётом? И ты не держал такой важный для тебя препарат где-нибудь в нагрудном кармане?

— Держал... и выронил. Теперь они там, — он слабо кивнул в сторону двери, рядом с которой валялся измочаленный узел. Виргиния покачала головой. Под горячую руку Андреса попало многое — не только книги и планшеты, всевозможные коробочки с леденцами, едой, баночки с напитками... Кто ж мог подумать в тот момент... Выковыривать из этой помойки лекарство нечего и думать. — В наших сумках есть ещё. Просто найди их. Сандерсон... Я продержусь... столько, сколько смогу. Дам тебе пробраться. Только быстрее, прошу...

В жизни, вспоминала Виргиния фразу из какой-то книжки, всегда должно быть место подвигу. Ага, только никто не научил, как держаться подальше от этих мест... Шепча выражения, от которых её мать изобразила бы обморок, она медленно, с колотящимся сердцем проползала между чёрными жгутами. Мало ли, что будет, коснись она одного из них. Вдруг эта дрянь всколыхнётся, и в следующий раз Алан возьмёт верх ещё очень нескоро?

Получилось. Багажное отделение. Застывший тёмный ручеёк пересекает путь. Виргиния не хотела бросать взгляд в сторону служебной двери, видит бог, не хотела. Но всё же бросила... У двери лежала человеческая голова с одним плечом и рукой и смотрела вытаращенными мёртвыми глазами в потолок. Остальное, видимо, осталось по ту сторону двери, теперь заблокированной намертво. Беднягу просто перерубило дверь, взбесившейся так же, как та. Пилоту действительно ещё повезло...

Так, не время об этом думать, совсем не время. Какая же удача, что эти двери открываются вручную...

Она растерянно металась по багажному отделению, чувствуя, что сейчас не сдержится и завоет от отчаянья и досады. Ни на одном чемодане не было бирок. Они все, сорванные, лежали в центре помещения, как кучка оборванных лепестков. Кто, когда успел это сделать, а главное — зачем?

— Я росла на ферме в Монтане, отец купил её вскоре после моего рождения. Не то чтоб он был прирождённым фермером, он вообще был городским в третьем поколении, но ему всегда хотелось быть ближе к природе, хотя в руках у него, откровенно, не всё ладилось, хозяйство было весьма средним... Мы держали коз, кур... А ещё был яблоневый сад, мама научила меня готовить яблочные пироги и другую выпечку... До шести лет в моей жизни не было вообще ни одного горя. Солнце, ветер, простор... Соседские ребяташки, с которыми мы бегали купаться на речку, лазили по деревьям, дразнили коз... Когда мне было шесть, мама поехала в гости к родственникам в Нью-Йорк, они гуляли по новому торговому центру и там произошёл теракт... Из всей семьи спаслась только мама, врачи вытащили её практически с того света, но до конца дней она осталась прикована к инвалидной коляске. Она умерла, когда мне было шестнадцать. Может, от этого потрясения, может, из-за полового созревания у меня проснулись телепатические способности. Когда за мной пришли пси-копы, отец встретил их с ружьём. Они убили его... Им, конечно, ничего после этого не было, сопротивление, закон на их стороне... Понятно, на какое сотрудничество после этого

можно было рассчитывать? Нет ничего страшнее человека, которому нечего терять... Я прокусила одному из них палец до кости. Меня долго держали на успокоительных, в изоляторе... Всё было плохо, очень плохо... я мечтала умереть, но унести с собой на тот свет хотя бы кого-то из этих ублюдков. Потом пришёл Альфред... Я так понимаю, это была их такая тактика доброго и злого пси-копа. Он всегда верил в силу своего обаяния. Он не давил на меня, ни к чему не принуждал, просто приходил и говорил о всяких пустяках, распорядился перевести меня в камеру получше, приносил мне фрукты, книги... Я начала понемногу оттаивать... Но когда он, обрадовавшись успеху, начал меня знакомить с... со спецификой... я снова замкнулась. Никакие их пропагандистские агитки не могли подействовать, когда я видела, как умирал мой отец, а их руки оторвали меня от его тела. Когда я слышала рассказы соседей по лагерю... Браслет «меченой», четыре стены и потолок — день за днём... Но я уже любила его. Когда я была беспечной девчонкой с фермы, кормившей по утрам кур и готовившей отцу завтрак, я б такого человека, наверное, никогда не полюбила. Но там многое меняется... Я поддалась его обаянию. Я поверила ему... Даже не ему. Нет, поверила своему глупому сердцу. Я не ждала, что он поможет мне, я думала, что я помогу ему. Что верну ему человеческое... Что в глубине души он не хочет этим быть. Я ненавидела то, чем ему приходится быть, и убеждала себя, что это то же, что чёрный костюм и перчатки... Я уже знала, как легко их снять. Это ведь была моя глупость, я до сих пор думаю, целиком моя. Многие «меченые»... подвергались насилию... Но это не мой случай. Я подумала — почему б мне не соблазнить его? И сделала это. Не из надежды на освобождение или некое облегчение своей участи, нет. Просто потому, что... Что ещё делать в тюрьме, где единственной твоей радостью становится болтать с пси-копом? И потому что я была уверена — он так предан работе потому, что глубоко одинок как человек. Что если он соблазняет меня возможностью чего-то хорошего, что может дать мне Корпус, то и я так могу. Я до сих пор не знаю, права ли была. Он просто приходил, приносил компьютер, мы смотрели какой-нибудь фильм, я ела сливы... Мы спорили до хрипоты, и он обрывал спор первым, осознав, что опять меня не переубедил, а я всё не унималась... Иногда я думала — может быть, если б я тогда согласилась, всё б сложилось иначе, может быть, я получила б возможности, с которыми уже могла бы сражаться, смогла б отомстить тем, и вырвать у них Альфреда... Но я не могла лгать ни минуты. Мне хватало того груза, что мне приходилось жить с пониманием — никто никогда не поймёт меня в этой любви... я ведь слишком хорошо знала, что он такое... Но я жила и верила — каким бы ни знали его они, я знала его настоящим.

Миссис Ханниривер помолчала, рассказ произвёл на неё сильное впечатление.

— Знаете, а я ведь была с ним знакома. Ну, как — знакома... Он приходил в дом моего отца, тогда ещё он был мэром... не знаю, какие у них были дела, я никогда не интересовалась, а они запирались для разговоров в отцовском кабинете. Но пару раз он обедал с нами... Честно вам признаюсь, мне он не нравился совершенно. Это его обаяние, действовавшее на мою мать, совершенно не действовало на меня, я считала это слащавостью, фальшью... Я с наслаждением ему дерзила, чем, конечно, очень раздражала отца... Нет, я ничего не знала о его преступлениях, толком и Пси-Корпусе вообще. Меня просто бесили эти его хвалёные безукоризненные манеры. Я была, пожалуй, трудным подростком... Знаете, не удивительно в семье политика, все друзья семьи тоже какие-нибудь шишки, не политики так финансовые воротилы, все эти высокие гости, у которых запонка на рубашке стоит как билет до Европы, коллекционные «Роллексы», личные самолёты,

подлинники Рембрандта в гостиной... Я чудила — сбегала с друзьями в поход в горы «дикарями» — спали в палатках, грели консервы, собирали грибы, это было чудесно... Красила волосы в радикальные цвета, сделала татуировку на животе — отец три дня держал меня взаперти, прежде чем я согласилась её свести... Один раз мы с подругами здорово напились и выложили в сеть от имени жены одного друга отца объявление с приглашением к фривольным знакомствам... Ну, по нашему мнению ей это действительно требовалось, а что сама стесняется — так мы готовы помочь...

Лицо миссис Ханнивер заметно посветлело, видно было, что уносясь памятью в беззаботные, шальные времена, она черпала там силы. Сейчас она, конечно, безукоризненная леди, вдова уважаемого человека и мать троих детей, но в ней ещё жива та девчонка, что хохотала в ответ на призывы взрослых взяться за ум и думать о своём будущем.

— А потом вот отчудила по-крупному. Знаете, больше всего мне стыдно перед дочерью за то, что так и не нашла её отца. Не узнала даже его имени... Когда рассекретили архивы Пси-Корпуса, люди принялись подавать запросы, столько семей воссоединилось... А я боялась. Ну как — я, жена министра, и вдруг признаюсь, что моя дочь незаконнорожденная, что я её отца видела три раза в жизни... Это вообще странно, я иногда думаю, что это какое-то моё наказание... Бестер, конечно, представил его, когда пришёл с ним первый раз, но тогда я пришла уже к середине их с отцом беседы, пробежала мимо, бросила только на него взгляд, отметила, что хорошенький... Бестер как-то раз с другим каким-то интерном приходил, но тот на морду уж очень гнусен был, а этот — надо же, милашка... Убежала в свою комнату, сославшись на домашние задания. Они не были мне интересны. Во второй их визит — это было воскресенье, я спала до полудня, потому что перед этим полночи оттягивалась... Спустилась — он сидел в гостиной, отец с Бестером заперлись в кабинете, а его вот оставили снаружи. Сидел на диванчике, так, словно на mine сидит — прямой, напряжённый, весь такой — отличник в приёмной комиссии!.. Я начала над ним насмехаться, что, мол, нос не дорос до взрослых тайн? Матери тоже не было дома, а то бы она мне выписала, за то, что спустилась в топике и шортах по самое... А я его спрашивала, не жарко ли ему в костюме, не принести ли ему мороженое, или, может быть, проводить к бассейну, если, конечно, не стесняется тело своё худосочное показывать... Не надоело ли ему таскаться за Бестером хвостиком, и не боится ли тот его вот так оставлять — вдруг кто сопрёт... Мне понравилось его смущать... Ну, потом Бестер вышел, церемонно попрощался с отцом, подхватил этого птенца и покинул наш гостеприимный кров. А я потом обнаружила, что всё думаю и думаю об этом пареньке. Вроде как, хорошо б им как следует заняться, он поинтереснее мистера Бестера... Думала, придёт с ним в следующий раз — и если опять оставит за дверью, я ему предложу что-нибудь вроде смыться вместе, закатиться с девчонками в ночной клуб, или просто выпиться и искупаться в канале, нас один раз уже за это забирала полиция... То-то рожи будут у отца и Бестера! Но получилось совсем не так... Ну, сперва мы сидели, болтали... Ну, как болтали — я забрасывала его вопросами и подколками, а он, бедняга, отбивался как мог. И ведь просто послать меня, если не хочет разговаривать, тоже не мог! Я так понимаю, с общением у них там совсем тухло было, выпускники закрытых религиозных школ и то в мире потом жизнеспособнее. А потом... Знаете, у нас тогда на электростанции модернизация какая-то проходила, что ли... В общем, перебои с электричеством случались, с этим все смирились, отец сказал, что это надо перетерпеть, как стихию... В общем, погас свет. Тогда я притянула его к себе и поцеловала. И пока он не опомнился и не сбежал, потащила в свою комнату. В этот раз стихия была

определённо на моей стороне... Когда свет включили и Бестер пошёл искать своего питомца, нашёл нас мирно разглядывающими фотографии. Не знаю, просёк он так что-нибудь или нет... И больше я его не видела, да. Когда через месяц я спросила отца, чего это мистер Бестер к нам не приходит, он ответил, что мистер Бестер отправился в долгосрочную поездку. Фигурой он был важной, это я уже знала, он говорил, что в земном секторе мало где не бывал, и даже кое-где за его пределами... Ну, потом много ещё всяких событий было, в общем, мистера Бестера я больше не видела, того интерна и подавно. Когда я поняла, что беременна... В общем, я поняла, что детство закончилось, но приняла это удивительно спокойно. Просто по-быстрому приняла предложение Боба Ханниривера, к большому удивлению отца... Он тогда ещё был о нём положительного мнения, это потом сказал, что я, видимо, нашла родственную душу... Бедняга Боб, всё-таки до чего простой он был человек! Он так радовался рождению Джин, так хвастался ею всем друзьям... Анализы определили маркеры телепатии в её крови сразу, он ещё так удивлялся, и вместе со мной тревожился, неужели у нас могут отобрать нашу чудесную девочку... Но способности у неё проявились только в двенадцать лет, а к тому времени Пси-Корпуса уже не было.

— Алан? Алан, ты слышишь? Прости, я... не смогла их найти. Я могу сходить ещё раз и... поискать получше.

«Переворочить все эти паскудные чемоданы до единого, если точнее. Нахрена люди тащат с собой такую кучу всякого барахла? Хорошо, хоть наши я отличить вроде способна, но кажется, моя мать не единственная такая барахольщица...»

— Ничего... Всё равно не факт, что они помогли бы. Всё-таки, до сих пор я как-то... не имел дела с вещами вроде этой... Главное, что ты смогла вернуться. В другой раз можешь не суметь, я... недолго ещё смогу держать контроль. Но хотя бы, я снизил скорость, насколько смог, хоть как-то оттянуть... прибытие...

— Алан, если эта хрень держит с тобой ментальную связь, то может быть, мы, тоже ментально, сможем эту связь разрушить? Ну, должен быть способ?

— Наверняка, но... не надо, не рискуйте. Вам не хватит сил.

— Ну, скромно напоминаю, что у меня П9. Ещё у двоих даже по десятке...

Алан вымученно улыбнулся.

— Насколько я понял... Здесь не представлен цвет телепатской расы... Вы трое — самое сильное, что здесь есть. И я, со своим бесполезным 12... У прочих — около 5, кто вообще не нормал... А кто из тех, у кого выше... обучен такому уровню взаимодействия? Эта дрянь сожжёт вам мозги и не поперхнётся.

— Что-то я не поняла — ты мне предлагаешь сидеть и молиться?

— Нет, бежать! Я... я не могу... прочь!

Команды, в общем-то, Виргинии были и не нужны — её словно отбросило от Алана, назад, к креслам. Сеть чёрных проводов пришла в движение, сеть бесновалась, понимая, что недолгое время потери контроля стоило ей существенного замедления скорости корабля. Ох чёрт, лучше б Алан не гонял её за проклятыми лекарствами, а послал кого-то в рубку, чтобы... плевать, что. Развернуть корабль и направить его к чёртовой матери к границам исследованного космоса, навсегда стереть из памяти компьютера координаты Земли, вообще взорвать корабль... Да, жить хочется, очень хочется. А вот знать, что будет, если эта хренотень воссоединится с семьёй — совсем не хочется.

Да, система была в ярости, и это, кажется, почувствовали все, даже в какой-то мере

нормалы.

— Что происходит?

— Похоже, что...

— Нет, это не он, это что-то другое. Что-то воздействует на эту дрянь...

— Боюсь ошибиться, но кажется, к нам стыкуется корабль.

Больше никто не успел выдвинуть никаких предположений. Чёрные змеи заплясали исступлённый танец, они бились в агонии, вырывались из стен, продирая обшивку, слепо хлестали вокруг, круша кресла, как картон. И за этим адским грохотом, однако же, были слышны шаги там, за дверями. Топот бегущих ног, всё ближе... Люди прикрыли головы, но из-под закрывающих голову рук Виргиния успела увидеть, как открывается дверь, через которую она прощалась с матерью, и стремительными шагами в разгромленный салон входит высокая фигура с длинными рыжими волосами.

Офелия осторожно, внимательно оглядываясь, пробиралась по сотрясаемому крупной дрожью кораблю. Картина, какие навсегда остаются в памяти, наверное. Рваные раны в металле и пластике, вмятины, искорёженные агонизирующим злом механизмы... Кровавый след пересекает пол — здесь несли раненого... Детские леденцы сверкают в тусклом свете рассыпанным бисером... Чей-то ботинок, чья-то перчатка, обломки зонтика... След этой паники ещё дрожал между стен, но уже стирался другой паникой — тёмной силы, крепко схваченной за горло ментальными тисками Андо. Андо, Андо... Ты, конечно, и сильный, и смелый, но размечтался ты оставить её на Минбаре, ждать, как хрестоматийная жена, мужа с войны. Нарнку бы смог оставить? Пробраться в трюмы «Белой звезды» было не так уж сложно. И ещё посмотрим, кто был прав...

Вы ведь даже не знаете точно, сколько людей здесь осталось. Вы не успели получить списки пассажиров и экипажа до старта, сличить их со списком спасшихся на нарнском транспортнике. Не до того было... Хватит ли у рейнджеров времени осмотреть весь корабль, убедиться, что нигде не остался запертый в своей камере ремонтник?

Офелия прислушалась. Темнота, сгустившаяся в дальнем конце служебного коридора, явственно дышит, стонет. Тихим ментальным стоном, который для телепата громче крика. Кто-то там есть, определённо, кто-то живой. Офелия со всех ног бросилась туда.

Это там, за дверь. Какое-то подсобное помещение, нет, стенная ниша с какими-то механизмами, в панике, сослепу, это можно, наверное, принять за дверь... Женщина. На светлых волосах виднеется кровь, видимо, ударилась головой при очередной конвульсии корабля. Хорошо, что здесь её не ударило током или не травмировало каким-нибудь механизмом...

— Как вы? Можете подняться?

— Капсула... её заклинило...

— Это уже не важно, вставайте, прибыл спасательный корабль. Вы можете идти?

Поддерживая пострадавшую — мелкую, хрупкую, как и она сама — Офелия довела её до шлюза, где передала на руки выбежавшему рейнджеру.

— Эй, а вы-то куда?

Принял её, видимо, тоже за пассажирку?

— Я сейчас, подождите, я скоро.

Ну вот, на что-то и сгодилась слабая женщина...

Да, там, в рубке. Кто-то там есть. Если до недавнего времени двери были запечатаны...

значит, видимо, это кто-то из команды, кто оказался там пленником. Возможно, он ранен... Она переступила порог и несколько удивилась, увидев мужскую фигуру, склонившуюся над пультом. Он не в форме, значит, это не пилот, не член экипажа...

Он обернулся, в его глазах тоже мелькнуло удивление.

— Вы не ранены? Тогда быстрее, поторопитесь! Вас эвакуируют на «Белой звезде»...

— «Белая звезда», здесь? Нет, невозможно, эта штука нас не выпустит... Хотя, ведь вы же как-то попали сюда...

— Теперь выпустит, — улыбнулась Офелия, — теперь она всех выпустит, даже моего брата.

— Брата?

— Мальчик, который разбудил артефакт — мой сводный брат, Алан Сандерсон. Не думала, конечно, что мы встретимся вновь при таких обстоятельствах... Но теперь, полагаю, больше ничто не встанет на пути ни одного телепата к его счастью.

— Минутку, мисс Сандерсон, дайте мне минутку.

— Вообще-то, Александер. Миссис Александер, — боже, неужели она впервые встретила телепата, который, услышав имена её и брата, не делает глубокомысленно-понимающую физиономию? — что вы делаете? — она кивнула на пульт.

— Пытаюсь помочь, чем могу. Приходится разблокировать все двери вручную. Не хотелось бы, чтоб кого-то из спасателей перерубило, как того бедолагу возле грузового отсека... Или чтобы где-нибудь в каком-то закоулке остался несчастный парень, криков которого просто никто не услышит. Можете немного мне помочь, тогда дело пойдёт быстрее.

— Ладно... что я должна делать?

Тёмные рейнджерские мантии хлопали, как крылья, гвалт множества голосов и беснования чёрных змей, то застывающих, словно остановленный кадр, то снова принимающихся взрезать плоть корабля, сливался и дробился, раскатывался эхом, падал на головы, как осколки потолочного пластика.

— Быстрее, быстрее, все на «Белую звезду»!

— В чём дело? Корабль гибнет?

— Никто никуда не гибнет, но эвакуировать вас приказано на «Белой звезде», и точка! Поторопитесь! Чем скорее вы все отсюда уберётесь, тем легче, между прочим, парню делать свою работу!

Андрес остановился и присвистнул, созерцая необыкновенное зрелище. Андо, шаг за шагом, приближался к Алану, пока они не застыли в метре друг от друга, не разрывая зрительного контакта, глаза в глаза.

— Даже мне не по себе, — пробормотал Моралес, — а ты это, поди, ещё и чувствуешь...

Андрес кивнул. Чувствовать такое, правда, для здоровья не безопасно, лучше б закрываться от таких картин. Волна чёрного огня со стороны Алана, волна белого огня со стороны Андо. Они сшиблись, сплелись, как два сражающихся сказочных дракона, сливаясь всё теснее, так что скоро, кажется, начнёт сражаться молекула с молекулой... Что-то взорвалось над головой, осыпая заложников корабля новым дождём обшивки.

— Поспешите! Здесь все? Кто-то ещё может быть в хвостовой части?

— Один мёртв, — крикнула Виргиния, пытаясь быть громче грохота лопающегося пластика, — но возможно, там, за дверью, есть ещё кто-то живой... В той части оставались

двое, мы слышали их крики... Какое-то время, когда всё это происходило...

— Кто-нибудь проверил туалет?

— В багажном точно никого нет?

— Разгерметизация! Давление падает!

— Твою мать, этого только не хватало... Быстрее! Андо, ты успеешь? Андо, если не...

— Багаж, значит, забирать не будете?

— К дьяволу багаж!

Андо сделал ещё шаг. Они смотрелись даже сюрреалистично, если не абсурдно, такие недвижимые, спокойные среди окружающего хаоса. Вокруг бесновались провода, искрил потолок, пол, стены, грохотала внешняя обшивка корабля, разрушались пластиковые перегородки. Между двумя спокойно стоящими фигурами не было и метра. Андо протянул руку навстречу этому мальчику.

— Алан, я знаю, ты меня слышишь. Отзовись, дай мне руку, дай мне помочь тебе. Позволь помочь тебе. Алан, слушай мой голос, бросай это, ты сможешь это бросить, я знаю.

Когда руки ребёнка дрогнули, Андо не стал ждать, ни секунды. Сконцентрировав энергию мощным импульсом, он направил её на то единственное, что так яростно сопротивлялось его свету. Вспышка света на секунду ослепила всех, а потом всё заполнилось чернотой взрыва, и Александер почувствовал, как кричит, как ненавидит его это устройство, живое устройство. Перед глазами телепата всё потемнело.

В тот миг, когда Офелия склонилась над картой-схемой, высветившейся на пульте, пульт вспыхнул хаотической иллюминацией всех кнопок, разноцветная белиберда заметалась по экранам, и в это же время что-то вспыхнуло в её голове, какая-то догадка, что-то во всём этом было сильно не так, и как жаль, что она не поняла этого в тот же миг, но со слишком уверенной, организованной и злой силой она столкнулась... Но было поздно. Стоящий за её спиной мужчина что-то прилепил ей на затылок. Что-то металлическое, но живое... В тот самый миг, когда Алан выпустил артефакт, и он взорвался под ментальным лучом Андо, завлакивая салон чёрным дымом, режущим глаза, полоснув напоследок сознание яростным криком ненависти... И огненный луч, срикошетив, ударил в голову Офелии, на которой блестела живая плоть того же чёрного механизма, его спусковой крючок...

— Вот теперь кораблю точно крышка. Бежим, скорее! Хватай пацана! Блескотт, возьми его... Хауэр, помоги мне с Андо...

Мужчина в рубке спокойно затащил тело Офелии в угол, скрывая от глаз тех, кому может ещё придти в голову заглянуть с проверкой сюда, а потом выбежал в затянутый дымом коридор, бросившись к шлюзу «Белой звезды».

==== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 3. Сопротивляясь кошмару =====

— Ну, что у нас получается по итогам? Трое трупов, 14 спасшихся?

— Не... Одна из спасшихся же — изначально неучтённая... Да и двое из трупов — тоже... Которые у капсул-то нашли...

— Какая разница, главное — что вытащили всех, и живых, и мёртвых. Даже его...

— С ним всё будет в порядке? — потерянно спросила Виргиния, наблюдая, как Алана кладут на наклонную кушетку в маленьком походном медблоке.

— Теперь, думаю, да. Сейчас небольшая капельница, чтоб взбодриться...

— Мэм, как вы? Следите за пальцем. Помните, как вас зовут, что произошло?

— Я всё помню, не беспокойтесь. Стефания Карнеску, 32 года, переводчик, родственников нет. Всё в порядке, я могу подняться. Спасибо той девушке, что вытаскала меня...

— Какая девушка? Вас ведь принёс Талес.

— Девушка, из ваших. Длинные тёмные волосы...

— Видимо, всё же не настолько с вами всё хорошо, мисс Карнеску. У нас нет такой девушки. У Далвы короткие волосы, и она не покидала «Белую звезду». Так что полежите пока...

— Эй, Дэрк, приятель, ты слышишь нас? Всё, умом тронулся бедняга... Неудивительно, конечно — увидеть, как твоего товарища дверью разрубило...

— Он в шоке, полагаю, это пройдёт. Надеюсь на это...

— Ишь, очнулся, кажись... Вот это силища, а. Какой это у него... как его... уровень?

— Не спрашивай... Это что-то странное, выше возможностей человеческих...

Гул голосов сплетался в один фон вокруг Андо, раздражая, но тем раздражением возвращая к жизни, к действию. Открыв глаза, он еще какое-то время старался справиться с головокружением, волосы, распавшиеся из высокого хвоста, закрывали лицо спутанными прядями, и Андо заправил их за уши, что помогло ненадолго.

— Всё хорошо, я... Я правда в порядке.

— У тебя идёт носом кровь, парень. Не меняй положение тела.

— Я лучше, чем кто-то из вас, знаю свои реакции. Это всего лишь дракхианский механизм. Я имел дело с целыми дракхианскими флотилиями...

— Здесь ведь есть каюты? Я могу отдохнуть там, и снова буду в порядке. Я не хочу занимать собой место в медблоке.

— Ну, мисс Карнеску, вы, конечно, имеете право выбирать, но других претендентов на эту кушетку, к счастью, всё равно пока не наблюдается...

Мы спасены, вертелось в голове у Виргинии сумасшедшей каруселью. Мы выбрались оттуда, мы летим к Минбару. И в самом деле, дьявол с ним, с багажом, мы живы, мы скоро встретимся с близкими, и Алан теперь в своём уме, и всё будет хорошо... И только одно не даёт покоя — откуда всё же взялась эта штуковина, похожая на мяч для регби, принёсшая столько ужаса и разрушения?

— Мы выясним это, — тихо проговорила она это слабо улыбающемуся в полубеспамятстве Алану, хотя он вовсе ни о чём её не спрашивал, — мы узнаем, кто это, и ему крепко не поздоровится...

Понемногу, шум и суета улеглись, медблок покинули почти все. Мисс Карнеску, с забинтованной головой и разыгравшимся упрямством, отправилась в каюту первой. Каюты на «Белых звёздах» — смех один, каморка немногим больше кладовки, помещаются только спальная платформа и небольшой встроенный стенной шкаф, и это-то — то есть, перегородки в когда-то общих, человек на 10, каютах, появилось благодаря тому, что не всем так же легко, как аскетичным минбарцам, было в дальних перелётах спать, можно сказать, вповалку, и обходиться одной на всех «душевой», точнее, «обтирочной». Окончательно оклемавшись, медблок покинул и Андо. Дерёка — ремонтника, найденного в запертом служебном помещении возле багажного отделения, вместе с разрубленным коллегой — накачали успокоительным, Моралес какое-то время сидел рядом с ним, сжимая его руку и

уговаривая, что как бы ни было сложно, нужно это пережить, потом, грузно переваливаясь, отправился тоже прилечь — покинувший кровь адреналин оставил чувство глубокого опустошения, самочувствие сродни разнесённому в хлам кораблю, наверное. Виргиния же никак не хотела выпускать руку Алана.

— Я побуду с ним, можно? Могу последить за капельницей, ну и просто... если чего надо... Разговаривать с ним...

Медик Далва — мускулистая стриженная под каре мулатка — улыбнулась, поправляя покрывало на Дереке.

— Если так хочешь, побудь. Вообще-то, здесь могу побыть и я, но мне нужно проверить режим в криокамерах, куда поместили тела, по-моему, там в спешке что-то не то выставили, а потом заглянуть к Филлмору, сдаётся, он как-то неестественно хорохорился, что с ним всё нормально... Терпеть не могу, когда пациенты врут, что они вообще не пациенты... Когда уровень дойдёт вот до этой отметки, введёшь в катетер вот это. Когда до этой отметки — перекроешь этот вентиль, и, если умеешь — отсоединишь иглу. Умеешь? Отлично. Если случится что-то непредвиденное, просто жмёшь на эту кнопку, договорились?

Виргиния кивнула. Когда происходит что-то подобное, что выходит не только за пределы твоего контроля, но и твоего понимания, наверное, нормально хвататься за любую возможность быть полезным. У этих людей забот и так до чёрта, уж присмотреть за капельницей она как-нибудь способна. Последние дни жизни отца оставили некоторый полезный опыт...

— Ну вот, Алан, мы и летим к Минбару. Наверное, уже и сообщение послали, что всё хорошо, катастрофу предотвратили, и твоя мама наконец перестала сходить с ума от беспокойства, ждёт тебя... Жаль, семьям этих бедняг, которые теперь в криокамерах, повезло меньше... Нет, я знаю, что ты не виноват. А вот кто виноват, найти бы его... Только как...

Алан, конечно, не отвечал. И он, и Дерек сейчас в глубоком сне. Хорошо им... где-то там, в рубке и коридорах, конечно, кипит жизнь, но сюда её звуки почти не долетают. Плотные переборки стен и дверей оберегают повисшую здесь тишину. Кажется, что капли в капельнице падают с оглушительным звоном... Что даже дыхание становится каким-то очень заметным и значительным здесь и сейчас. И начинаешь понимать, какими же длинными бывают минуты. Как далеко даже до первой отметки, не то что до второй. Виргинию понемногу начала сковывать дремота. Странная, сумрачная дремота — видимо, на её нервах всё это тоже отразилось не лучшим образом. Сумрак сгущался невнятной, но мощной волной страха. Он был всё ближе, всё осязаемей, он забирался в рукава и под волосы тонкими холодными струйками, он окружал, всё теснее сжимая свои змеиные кольца. Как что-то в детстве, когда реакции были самые сильные, когда она ещё не знала, не имела причины считать, что она сильнее очень и очень многих взрослых вокруг... Словно густая чёрная туча внезапно закрыла небо над головой. А она — просто маленькая девочка посреди поля, и сейчас грянет ужасная гроза, она уже приближается, она видит её...

В темноте впереди колыхались неясные силуэты, вспыхивали зловещие огни. Что-то жило в темноте, что-то с сознанием, но не живое. Оно надвигалось на неё, раскинутые щупальца закрывали свет, заслоняли весь мир, чёрная туча давила на неё, выдавливая память, надежду, её саму. Оно огромное, как мир, она мала, как молекула... Досадная маленькая молекула, которая совершенно напрасно обнаружилась на огромном поле...

«Тебя нет. Ты не нужна. Ты не нужна никому и ничему, кроме меня. Я использую тебя,

изменю, как захочу. Умри. Усни. Забудь всё. Подчиняйся».

Она закричала — тело охватила жуткая боль, оно мутировалось на глазах, превращаясь во что-то холодное, металлическое, из него рвались змеи проводов, гибкие шланги с зубастыми пастьми на концах, Виргиния знала — эти пасти сейчас сожрут всё вокруг, весь мир, словно нарисованное на бумаге полотно, и оставят только сосущую черноту...

Изнутри поднялась злость. Можно превратить всё в боль, в темноту, можно отнять краски, память, но её, Виргинию, не заставишь забыть, кто она есть. Всякий, кто посмеет сказать, что она ничто — получит, ой как получит! Она ударила, и почувствовала, что тьма дрогнула. Она нащупала в этой тьме что-то — что-то от Алана, и вцепилась, зло, яростно, встряхнула... Сквозь морок проступили очертания медблока, Алан сидел на платформе, его открытые чёрные глаза казались огромными на бледном как полотно лице.

— Эй! Прекращай! Что это за дрянь, что ты делаешь?

— Это оно, — голос звучал глухо, — тебе не стоило быть рядом со мной. Это может кончиться плохо.

— Я тебе дам — кончиться плохо! Что это за дрянь, я тебя спрашиваю?

Алан бросил взгляд ей через плечо и его глаза расширились от ужаса.

— Он... зачем ещё и он? Зачем вы положили его здесь? Сонного, беспмятного...

— Ну извини, не подумали как-то выделить тебе отдельные апартаменты!

Алан бессильно рухнул на платформу, его била крупная дрожь. Виргиния дрожащей рукой отирала лицо — словно стирала с него липкую паутину отступающего кошмара.

— Да... действительно... Откуда вам знать... Вы убили его, просто убили... Никто не должен спать рядом со мной, кроме моей матери!

— Интересно, это тот случай, когда надо вызвать Далву, или...

— Далва тут не поможет, и никто не поможет. Просто не позволяйте никому засыпать рядом со мной, и всё, это так сложно, что ли? Никому больше... Тебе повезло, что ты успела проснуться и разбудить меня. С этим только мать способна справиться, если это проникнет в твои сны, ты сойдёшь с ума!

— Отлично просто, и давно это с тобой? И многие уже... с ума рядом с тобой сошли?

— Достаточно.

Виргиния шумно выдохнула.

— Ну, если даже ты не врёшь, за меня можешь не волноваться. Я — Виргиния Ханниривер, меня не одолеть какому-то грозо-спруту. И с ума я не сойду, меня и так все считают сумасшедшей. Извини, но нет здесь мамочки, придётся мне за тобой приглядеть.

— Ты просто глупая девчонка с безразмерным самомнением и любовью к бравате. Думаешь, что мир твоя игрушка и всё будет так, как ты захочешь. Не лезь туда. Там ты — ветреная богачка с кучей поклонников и уверенностью, что ей закон не писан, там ты — ничто, и оно докажет тебе это. Оно сожрёт тебя изнутри, одну оболочку оставит. Ты видела, на что оно способно. Это вот оно пробудило этот проклятый артефакт и чуть не убило вас всех и... Если б оно успело долететь до Земли — не хочется думать, что бы было...

Виргиния хмыкнула, скривившись — надо сказать, и эта гримаса вышла у неё странно очаровательной.

— Приятно, конечно, что ты обо мне волнуешься, Алан, но три пункта разницы между нашими уровнями — не повод для шовинизма. Я тоже кое-что изучила и приобрела. Я видела пьяные кошмары нашего садовника, ветерана войны, и имею некоторые представления о том, как помочь людям. Хотя у тебя позабористей, конечно. Просто

расскажи, что это такое и откуда.

Алан тряхнул головой, словно настойчивость девушки мучила его физически.

— Я же говорил, говорил, что во мне есть тёмная сторона. Оно родилось вместе со мной и вряд ли раньше меня умрёт. Это не только ночные кошмары, если бы... У меня целый ряд аномалий в работе мозга. В детстве хуже было, проблемы с памятью, с реакциями... Я мог на следующий день забыть, что было вчера, или увидеть что-то вот такое наяву. А во сне что-то такое приходило постоянно, я боялся спать. Я долго был лунатиком, где меня только не ловили... Потом врачи смогли подобрать мне комплекс лекарств, которые это тормозят... Но лекарств теперь больше нет, вообще нет... Надеюсь, на Минбаре получится что-то найти...

— А от чего с тобой это? Неужели никак нельзя вылечить?

— Нельзя. Это врождённое, патология эмбрионального развития ещё. Единственная не только на всю планету, но и на всю галактику. Лекарства — это лучшее, что они смогли найти. Есть болезни, которые извращают, корёжат человеческую природу, а моя сразу такой сложилась, ещё до рождения.

— Ну, сейчас и многое врождённое умеют лечить...

— ...Потому что моя мать, будучи беременной мной, была превращена в деталь для корабля Теней. Машина была вживлена в её мозг, руководила ею, подавляла в ней всё, личность, память... Машина видела меня. И я её тоже чувствовал. Знал, как она смотрит на меня — как на... заводской брак, который должен стать достаточно незаметным, чтобы не мешать, иначе его уничтожат. Наверное, милосерднее было всё же уничтожить... К счастью, мою мать и других таких же отбили раньше, чем они попали к Теням и были встроены в их корабли... Если б я попал в Тень — не знаю, что бы было... Но я и так достаточно о них знаю от машины. Иногда они мне снятся.

— Это ужасно.

— Ужасно то, что... Теперь я чувствую сильную вину перед родителями. Мать-то знала, понимала... но всё равно... А отец... Ему моя молчаливая отстранённость казалась, наверное, равнодушием, может быть, даже отвращением к нему... А это было оно.

Девушка нерешительно коснулась его руки, не зная, понравится ли ему этот ободряющий жест или взбесит — страдающие люди относятся к жалости нервно, как бы сильно в ней ни нуждались.

— А на самом деле ты любил отца?

— Честно? Не знаю. У меня не было времени разобраться, кого я люблю, кого нет, все силы уходило на то, чтоб подавлять это... Но пожалуй, я очень не хотел, чтоб их это касалось, травмировало как-то. Впрочем, теперь не важно. Если я когда-нибудь что-нибудь осознаю — ему-то уже всё равно...

Виргиния нервно коснулась заколки в волосах, надеясь, что Алан не заметит, не опознает этот жест.

— Иногда родителям и не важно, любят ли их дети... Им важно, чтобы дети были живы-здоровы, чтобы у них всё было хорошо. Твой отец имел возможность видеть тебя хотя бы иногда, думаю, его это радовало.

— Это ведь зажим для галстука.

— Что?

— Твоя заколка. Это зажим для галстука. Мужской, кажется. Память об отце?

— И этот человек упрекает меня, что я шарюсь по чужим мозгам...

— Ты слишком громко об этом думаешь. Что, надеешься, что он узнает тебя по зажиму, который двадцать с лишним лет назад потерял в комнате твоей матери? Такое только в кино бывает!

— Заткнись, а? У каждого человека есть что-то, что свято. Мой отец — это для меня свято. Я любила своего приёмного папашку, он был хороший человек. Но я хочу найти своего родного отца и найду, хоть о нём и остались только невнятные воспоминания матери да этот зажим... Жаль, твой отец вряд ли делился с тобой воспоминаниями о своих интернах. Точнее, тебе едва ли было до этого.

— Извини, я не мог предположить, что через много лет ко мне придёт его случайная дочь! Жаль, но нечем обнадёжить — поскольку мой отец считался специалистом высокого класса, интернов у него было за его жизнь немало, и большинство сейчас мертвы или гниют в той же тюрьме, потому что стоили своего наставника. Могу потом помочь сориентироваться в коридорах, если добьёшься свидания.

— Заткнись. Хотя, если начал зубатиться — значит, уже полегчало... Хей, что-то я слышу там какую-то подозрительную активность. Ты не против, если я сбегаю, узнаю, что стряслось?

— Я буду не против, если ты освободишь меня от этой штуки и мы пойдём вместе.

— Э нет, по-моему, тебе было велено лежать и вести себя прилично.

— Мне вообще ничего не было велено, я лежал без сознания. Виргиния, у этих людей несколько неполное представление обо мне. Мне лучше быть на ногах, лёжа легче снова уснуть и...

— Хрен с тобой, пошли. Но Далве я скажу, что это была твоя идея!

— Капитан, мы получили сигнал СОС. По-видимому, потерявшийся в гиперпространстве корабль.

— Сигнал автоматический?

— Нет... Передаётся на нескольких языках, в том числе лорканском. Похоже, это лорканский, да... Говорят, что их обстреляли пираты, им удалось взорвать их корабль, но сами получили повреждения, с которыми не могут лететь, много погибших... Судя по всему, отнесло их от их магистрали порядочно.

— Хоть не одним нам так повезло, — усмехнулся Андрес, — интересно, где это они умудрились пиратов найти, вроде на основных магистралях лет 10 как благодатная тишина...

— Ну, у нас на борту, конечно, тоже раненые... — капитан обернулся и в этот момент заметил подошедших Виргинию и Алана, — хотя, правда, не в столь серьёзном положении...

— Сигнал слабеет!

— Пеленгуйте их, передайте, мы идём.

— Капитан Ли, — протестующе пискнула белобрысая переводчица, девица сложноопределимого возраста, и, как шипела про себя Виргиния, сложноопределимого пола, — прошу прощения, но нас на Минбаре ждали и так два дня назад. У вас на борту куча гражданских, которых необходимо...

— Мисс Карнеску, одной из обязанностей рейнджера является отвечать на сигналы о помощи, и нигде в нашем уставе я не помню уточнений, что это следует делать только при отсутствии других спасаемых на борту. Для «Белой звезды» безопасно отклоняться от трассы в гиперпространстве, она может сама открывать зоны перехода. А эти несчастные едва ли дождутся, пока мы слетаем до Минбара и вернёмся обратно.

— Ну да, давайте, попробуйте угадать, что у них кончится раньше — продовольствие или воздух, — возмутилась и Виргиния, — вы когда-нибудь умирали от удушья, мисс Карнеску? Могут устроить!

— Эта раса даже не член Альянса!

— Ну, с таким подходом и не станет, — хмыкнул Андрес, — если так уж говорить, то и за нами лететь было пустой тратой топлива. Не слишком важные персоны, взорвали б нас на поллёте к Земле — ну, родня б поплакала, а для вселенной в целом невелика потеря. Смотрю, мисс Карнеску, у вас удивительно быстро отлегло от жопы. Опоздать на корабль до рая, конечно, не хочется... Но знаете, мы тут все могли отправиться в самый такой натуральный рай, кто его заслужил, конечно, так что по моему мнению — не нам вообще возникать.

Алан тоже заверил, что некоторое промедление в пути ничего не значит по сравнению со спасением чьих-то жизней. Они, только что сами пережившие беспомощность, страх неизвестности своей дальнейшей судьбы, не могли не понимать.

— Свяжитесь с Минбаром, передайте нашим матерям, что с нами всё в порядке... Если можно, я сам скажу, разрешите? Услышит мой голос, успокоится немного...

Остальные — телепаты и нормалы, кто был в этот момент рядом с рубкой — тоже наперебой подтвердили, что их семьи, которые могли и не увидеть их больше живыми, простят эту недолгую задержку в пути, и вообще только конченный эгоист, побывав на волоске от смерти, откажет в помощи терпящему бедствие. Спросить мнения Андо Александера возможности не было — он в это время как раз спал, точнее, пытался уснуть на наклонной минбарской кровати.

— Мисс Карнеску, а вы язык лорканцев случайно не знаете? А то лично я о них только слышал пару раз в жизни...

Мисс Карнеску фыркнула и вышла, гневно цокая каблуками.

— Отец, на радарх что-то странное. Похоже, это земной корабль, который... просто дрейфует по воле течений гиперпространства.

— Так и есть, сын мой, и это... Непохоже, чтоб это был привет с какой-нибудь из давних войн, он выглядит довольно новым. Просканируй-ка его на предмет форм жизни.

Парень кивнул, склонившись над пультом.

— Обнаружено одно живое существо... Относится к землянам... Похоже, находится в стазисе или без сознания... Что касается корабля — повреждение систем жизнеобеспечения, частичная разгерметизация...

— Всё ясно, можешь не продолжать. Не будем понапрасну терять времени, начинаем стыковку.

На корабль, на всякий случай, спускались в скафандрах. Света почти не было, лучи фонарей то и дело выхватывали картины разрушений и хаоса.

— Адонай Господь, что же здесь произошло? Внешних повреждений на корабле нет, а внутри... Что бы это ни было — это не может быть творением человеческих рук...

Помощникам, несущим карантинную капсулу, было особенно нервно — в случае, если из-за поворота выскочит неведомый враг, у них только по одной руке, чтобы отбиваться.

— Судя по сканерам, это там, в рубке. Видимо, капитан...

Однако обнаруженная девушка была одета не в форму космолота Земли или Марса, а в тёмный дорожный костюм.

— На биодатчиках ничего... Но это значит, конечно, что здесь нет какого-либо известного нам вируса, и только. Аккуратно... На корабле, будем надеяться, будем знать больше.

Андо не спал. Скорее, он витал где-то между сном и явью — слишком много всего, слишком много... Это и смятение Дэвида, которое так хотелось и так трудно было унять, и голоса, мысли, переживания всех тех, кто здесь, рядом, за этими ничего не значащими переборками. Отпускающие, утекающие из мыслей страх и напряжение, сменяющиеся осмыслением, вопросами, возрождающейся надеждой. Хаотические метания повреждённого сознания, всё ещё запертого в той залитой кровью комнате. Недолгая тёмная вспышка, пронзившая сознание Андо, словно мучительный электроразряд — и тут же угасшая. Он ринулся было вслед этой вспышке — за уже знакомым тёмным контуром, ведь на поле брани он убил коня, но не всадника... И остановился. Что-то ещё. За всем этим есть что-то ещё. Враг, как это ни немыслимо, более сильный, более страшный. Враг, умеющий быть почти невидимым, ускользающий, как туман. Где-то там, за мечтами о скорой встрече и воспоминаниями о прощании, за калейдоскопом картин пережитого и скорбью о тех, кому пережить не удалось. Он, меняя лики, скользит, он понимает, что может попасть в прицел, и ускользает за пол-мгновения... Но если решительно, неумолимо идти по его следу, всё же удастся приколоть его серый хвост сверкающей белой иглой...

Дверь с шумом отъехала. Андо подскочил и сел на кушетке. Вернее, попытался сесть... Минбарские кровати как-то не очень это позволяют.

— Извиняюсь, побеспокоить не хотела. То есть, вообще-то я собиралась постучать... Кто ж знал, что эти двери распахиваются при приближении сами? Странное тут представление о личном пространстве, видимо, экипажу тут совсем стесняться нечего.

— Нет, ты не побеспокоила меня...

— Виргиния. Виргиния Ханниривер. А ты... Анта, верно? Это какое-то извращение на именованием Антонио или Анатолий?

— Г'Андо, вообще-то. Или Андо Александер.

Девушка прошла на середину крохотной каюты, и, закономерно не найдя никакой поверхности, чтоб присесть, села прямо на пол по-турецки.

— Вот как... Интересный у тебя акцент. Но, в общем-то, этот будоражащий вопрос сейчас совсем не главный. Я пришла к тебе потому, что... Ну, главным образом потому, что ты спас наши задницы, но дело не только в огромной благодарности. Твоя сила... Я до сих пор думала, что П12 — это потолок, а оказывается — это так, уровень подоконника. Ты ведь уничтожил эту дрянь. При этом не уничтожив Алана... Может, конечно, это и не уровень бога, но что-то вроде этого. Поэтому я решила поговорить именно с тобой. Ты, может, не слышал, но у нас тут небольшая заминка в пути выходит... И я не знаю, что думать, плохо это или хорошо. Видишь ли... Артефакт уничтожен, что не может не радовать, но остался вопрос, кто притащил его на корабль. Мне почему-то кажется, что это не Алан... Хотя и нет у меня железобетонных оснований так считать.

Андо, оставивший попытки превозмочь законы физики и усесться на платформу, не съезжая с неё, сел тоже на пол у подножия платформы и посмотрел на девушку с растущим интересом.

— Почему?

— Не знаю, честно. Вот если логически подумать... То, что Алан так отчаянно боролся

с ним, ещё не говорит прямо в его пользу — может, это его тёмная сторона всё это задумала, а он сам вообще ничего не знал? И что миссис Сандерсон была в таком ужасе — ей бы тёмная личность тем более не сказала... Правда, тут вот правильно заметил Андрес — ну зачем, зачем было улетать с Земли, если потом обратно туда разворачиваться? И если это так — то получается, действительно, что всё пошло не по плану. Что кто-то другой вёз артефакт для своих непонятных целей, а Алан с этим своим теньцким следом спутал ему все карты. И тут рождается два серьёзных вопроса... Первое — понимал ли тот, кто пронёс это на корабль, что он везёт, или он был просто курьером, которого попросили доставить нечто с Земли на Минбар... И второе — кто он и где он сейчас... Был ли он среди тех, кто спасся в капсулах, или среди тех, кто остался, и сейчас среди нас... И вот ещё какой момент. Там, на корабле, когда Алан был соединён с этим артефактом... Он смог ненадолго взять контроль, и попросил меня добраться до багажного отделения, найти его лекарства. Когда я попала туда, я увидела, что все бирки со всех чемоданов сорваны. Понимаешь, что это значит? Немыслимо, чтоб они все разом отлетели сами собой. Кто-то их сорвал. Можно предположить — что это сделал сам Алан, точнее, его тёмная сторона, с помощью всех этих щупалец, чтоб помешать найти его багаж и эти лекарства, которые могут помочь ему справиться... А может — это сделал тот, кто пронёс артефакт на корабль, чтобы не опознали по чемодану, в котором этот артефакт был, не вычислили его... И может быть, мне для самоуспокоения хотелось бы подумать, что это кто-то из погибших... Но ремонтники не держали бы свои вещи среди багажа пассажиров, а те, кого нашли в отсеке с капсулами, были отрезаны от багажного отделения очень давно, проникнуть туда можно было только в недолгие моменты, когда Алан брал верх над этой дрянью... Жаль, что я в это время была сосредоточена на нём, и не замечала, кто и где находился...

— Но ведь вы были все вместе там в салоне, разве нет?

Виргиния вздохнула.

— С одной стороны, конечно, да... Но говорю ведь, я не смотрела на них всех непрерывно. Иногда пыталась, да, потому что думала, думала об этом всё... Но это невозможно. Конечно, невозможно и такое, чтоб в какой-то момент вообще никто не обращал внимания на конкретного человека, сидит ли он рядом или ушёл... В норме невозможно. Но я знаю, что есть такой приём. И вот если подумать об этом... всё вообще становится погано донельзя, и я не знаю, что с этим делать. Может быть, ты убедишь меня, что у меня просто разыгралась паранойя. А может — поможешь найти и разоблачить эту сволочь.

Ли тревожился напрасно — встретившие их лорканцы рассыпались в благодарностях на безупречном земном. Виргиния и Алан, напросившиеся с рейнджерами (интересно ведь посмотреть на живых лорканцев, когда ещё увидишь, Андрес вот отказался, заявив, что всё, что он знает о лорканцах, как-то не располагает, а Виргиния ответила, что глупо ориентироваться на слухи, лучше доверять собственному опыту), с любопытством оглядывались. Было темновато — аварийное освещение, экономия энергии, разглядеть обстановку было трудно, и самих-то лорканцев, как один синелицых, длинноволосых, одетых в длинные просторные балахоны, меньше всего ассоциирующиеся не то что с космическими полётами, а вообще с каким-то удобством, было видно не очень хорошо.

— Хвала небесам, Наисветлейший услышал наши молитвы и не оставил нас на краю гибели. В безграничной мудрости своей он послал к нам вас... Помогите нам добраться до

Лорки, благодарность наша не будет знать границ!

— Не вопрос, отдавайте команде распоряжение об эвакуации.

Синелицые замаялись, запереглядывались.

— Видите ли, да простит благороднейший капитан Ли нашу настойчивость, но для нас желательно забрать и корабль тоже. На корабле находится особо ценный груз, потеря этого груза нанесёт слишком непоправимый урон нашему миру.

— Наши грузовые отсеки невелики, зато почти пусты, перенесём груз к нам.

Лорканцы замахали руками.

— О нет, нет, это совершенно недопустимо! Видите ли, груз слишком хрупок, его ни в коем случае нельзя трогать с места, мы сможем вынести его, лишь когда прибудем на родную планету...

Теперь переглянулись рейнджеры. Хрупкий груз, ну да... То небольшое, что они уже слышали о лорканцах, говорило, что некоторые нечистые на руку из них не прочь продать на сторону что-то из технологий, оставшихся им в наследство от предыдущих обитателей планеты, при чём технологии эти часто превышают их собственное разумение, так что логично, что они сами боятся лишней раз тронуть этот груз, тем более при общей нестабильности систем корабля...

— Не могли бы вы... Если только это возможно... Взять нас на буксир? Наши технологии позволяют это.

— Чёрт с вами, попробуем синхронизировать наши системы. Для этого несколько наших людей останутся здесь у вас, такую работу просто не проведёшь с одного конца. Да и хотя бы немного отладить ваши системы стоит, а у вас, как я понял, просто не хватает людей...

Синелицые хотели было что-то возразить и на это, но махнули рукой. Видимо, висеть в гиперпространстве несколько лишних часов им не хотелось совершенно. Виргинии надоело слушать их дальнейшие разливания, и она тихо вышла в коридор. Здесь свидетельства аварийного состояния корабля были тоже очень явными. Мерцало освещение, что-то тревожно гудело, автоматические двери заклинило в разных стадиях открытости, а некоторые всё ещё ходили, открываясь и закрываясь, только не так яростно и зло, как это было на погибшем шаттле, а куда медленнее, можно даже сказать — сонно. Улучив момент, она проскользнула за одну из них. И попала в каюту... А может быть, тюремную камеру. На неё из сумрака уставились два огромных блестящих глаза. Притерпевшись к темноте, она разглядела лежащего на кровати связанного лорканца, по-видимому, довольно молодого. Две пряди на его голове были заплетены в косицы, переплетённые красно-золотыми лентами.

— Кто ты, девушка? — голос его, искажённый акцентом и сильным волнением, прозвучал для неё полной неожиданностью, — ты землянка? Откуда ты здесь?

— Да вот, пришли вас спасать... В смысле, очень кстати пролетали на пути вашего сигнала бедствия. Здорово, видимо, вам досталось...

— Тогда помоги и мне. Развязать это!

— Э нет, приятель. Откуда я знаю, кто ты? Если тебя везут в родной мир в порядке экстрадиции за что-нибудь очень весёленькое, мне, полагаю, ни ваши, ни наши спасибо не скажут.

Юноша кивнул.

— Я понимаю. Вы можете думать, что я какой-то преступник. Но это не так. Я всего лишь бежать из дома. Я хотеть смотреть ваши миры, это так мало, от это мало есть вред! Но

они говорят, я ещё молодой и слабый духом, чтобы видеть другой мир, это может быть вред мне. Мне надо учиться, перед куда-нибудь лететь, если мне будут разрешить. Это удача для них быстро поймать меня и вернуть, я сын одного из семь великих вождей.

— Ух ты! Вроде как, их принц? ...Да, классно, что тебя обучали нашему языку, но обучили, честно говоря, не очень. Мама говорит, хорошо язык и не выучишь, пока не погрузишься в языковую среду, то есть, лучше всего общаться с носителями, а ещё лучше — отправиться туда, где на этом языке говорят.

Юноша погрузнел.

— У вас так легко ехать в мир, какой хотите. У нас кто молодой, ещё нельзя. Надо иметь твёрдую веру...

В мыслях юного лорканца всё было как-то совсем беспросветно и грустно, видно было, что перспектива возвращения домой приводит его в отчаянье.

«Совсем они его там заколебали... Правильно мама говорит, хуже зла, чем родители религиозные фанатики, ещё не придумано...».

— Слушай, мне идти надо. Чего доброго, меня скоро хватятся. Может быть, ещё увидимся когда-нибудь, кто знает. Ну, ты не вешай нос!

Вернулась в рубку Виргиния как раз вовремя — капитан Ли совместно с лорканской командой формировал ремонтный отряд. Её отсутствия никто, впрочем, не заметил — лорканцы как раз высказывали, с бурными эмоциями и жестикуляцией, своё потрясение от того факта, что среди посланных к ним мастеров будет женщина.

— В компетенции нашего специалиста можете не сомневаться, — температура тона капитана Ли ощутимо снижалась, — Раула прекрасный мастер, мы отправляем её к вам именно как одну из лучших.

— О, поверьте, капитан Ли, мы нисколько не хотели оскорбить вас недоверием, мы знаем, ваши традиции допускают, чтобы женщина занималась той же работой, что и мужчина...

— У нас президентом Земного Содружества два срока была женщина, — вставила Виргиния, — не говоря уж о том, сколько в Альянсе миров, где матриархат.

Лорканцы захлопали глазами, явно снедаемые желанием ответить на это что-то вроде «вот потому вы и живёте в разврате и бездуховности, не то, что мы», но сдержались.

— Мы совсем о другом. Что скажет муж этой женщины, узнав, что она отправилась на корабль, где одни лишь мужчины? Конечно, мы никогда б не осквернили себя... неделикатным обращением с представителем иной расы...

— У Раулы нет мужа. И если б был — поверьте, вашего слова, капитан Лауноскор, нам тоже достаточно как гарантии. В свою очередь гарантирую, что Раула не будет приставать к вашим мужчинам. Она рейнджер, у неё других дел достаточно.

— Ясно, — зевнула Виргиния, — типичный такой гнилой патриархальный мирок, где всем заправляют религиозные мракобесы. Мне непонятно, кто вас таких вообще в космос выпускает?

Алан ощутимо ментально пнул её.

«Ты б поделикатнее, что ли? Мы у них на корабле».

«И что они сделают, в открытый космос меня выкинут? Не в их положении сейчас ссориться. Нужна помощь — пусть берут, что дают, и не выпендриваются».

Однако, чего бы Алан ни боялся, боялся он напрасно — лорканцы, выслушав всё это, так и просияли.

— О, капитан Ли! Мы были бы рады, если бы и эта женщина осталась на нашем корабле.

— Виргиния? Но она не член нашей команды, она вообще...

— Более того, мы были бы счастливы пригласить её в наш мир. Нам нужны подобные примеры! Она не уважает старших, перебивает, она груба и самолюбива! И она носит такую развратную одежду! Она прекрасный пример для наших граждан, насколько надо ценить наших добродетельных женщин!

«Вроде как комплимент, а вроде как помоями облили... Ну держитесь...».

— Ничего не понимаю... Никак не получается привести её в сознание. Посмотри на показатели её мозга, я никогда не видел ничего подобного.

Старик вслед за детьми подошёл к экрану, где ползли — точнее, вели бешеную пляску — графики электрической активности.

— Боже всемилостивый... Боюсь, сын мой, я тоже. Как при этом она может быть ещё жива?

— Хуже всего то, что она беременна. Срок примерно 15 недель...

— А вот это очень, очень скверно. Как раз сейчас идёт процесс дифференцировки мозговых структур и... Ты считал биометрические данные?

— По правде, толку с этого будет не очень много, наши базы ведь устарели...

— Не настолько, мягко говоря. Дети, если есть, всё равно слишком малы, чтоб связаться сейчас с ними, муж в жизни современной женщины — понятие переменное, но дочь всегда остаётся дочерью своих родителей. Они должны узнать...

— Не судил бы ты, отец, по себе всех родителей мира... — пробормотала девушка, большие карие глаза которой неотрывно следили за происходящим на экране, в то время как её пальцы вслепую порхали над кнопками.

— ...разумеется, отец, это первое, что я сделал. Можешь посмотреть...

...Изображение на мониторе давно сменилось снова заставкой в виде молекулы хантингтина, а старый доктор всё молчал, хмурясь и кусая губу.

— Да, несомненно, есть грехи, за которые господь наказывает род даже до седьмого колена... Нет смысла искать её семью. Её отец, насколько знаю, менее всего способен сейчас помочь ей чем-либо, а мать... Думаю, я знаю, к кому мы можем обратиться. Ноэль, меняй курс, мы летим на Минбар. Я свяжусь с фриди из своей каюты.

— Но отец, нас давно уже ждут на Земле. Думаю, слушатели уже оккупируют кафедру...

— Они ждали пять лет, подождут пару дней. Как бы безнадежно ни выглядело то, что ты и я видим, я не могу не использовать этот маленький шанс для этой несчастной и её дитя. Это не моя сфера, но фриди Энх посвятил 20 лет изучению ментальных травм, сейчас он, разумеется, уже отошёл от дел, но оставил немало способных учеников... Один из них, думаю, примет нас. Дальше будь что будет, но на моих руках её крови не будет.

В детстве, когда мама читала ей «Снежную королеву», Кэролин думала о том, что немного жалеет главную злодейку. Наверняка ведь она не со зла... Её царство, конечно, холодное и безжизненное, но оно тоже по-своему красивое. Но, наверное, ей там было очень одиноко, потому она и похитила Кая. Наверное, она просто не может иначе. Не умеет. Может, от одиночества, может, оттого, что кто-то когда-то научил её, что это лучший путь... Позже она не раз возвращалась к этим мыслям после ссор с Альфредом. Наверное, он тоже

просто не умеет иначе, ему тоже нужна помощь, и он тоже ограждается от возможной помощи стеной жестокости и льда. Почему Снежная Королева требовала от Кая собрать из кусочков льда именно слово «вечность»? Что это слово значило для неё? Почему именно «вечность», не «любовь», не «счастье»? Наверное, потому, что лёд ассоциируется с долгой жизнью, а долгая жизнь — это неизбежные потери... Нет, едва ли, это ассоциация современного человека, знающего о криотехнологиях. Она не знала, какое слово нужно сложить для Альфреда — «верность», «понимание», «прощение»?

Минбар ей сперва показался похожим на сказочное царство Снежной Королевы. Сияющие грани кристаллов, холодные огни фонарей, хрустальные брызги колокольчиков, степенные, чопорные минбарцы в длинных одеждах, проходящие мимо неслышно, как тени. Так казалось, впрочем, не долее нескольких первых часов, когда она блуждала по улицам и площадям Тузанора, где решила скоротать время, услышав, что президент пока на важной встрече. Она была сколько-то с миссис Ханниривер, впавшей по приземлении в отчаянную растерянность, нужно было восстановить какие-то документы, которые были не с собой, а остались в багаже, купить кое-что хотя бы самое необходимое — золотой человек президент Шеридан распорядился разместить их в гостинице «вплоть до разрешения всей этой ситуации», так что хотя бы об этом не пришлось беспокоиться, посидела сколько-то времени вместе с ней и встречавшими их людьми Ледяного города — сейчас уже полностью переселившимися из северных широт в Тузанор, потом, улучив момент, тихо выскользнула из комнаты. Миссис Ханниривер поймала её в коридоре, Кэролин почувствовала вдруг дикую неловкость, словно её застали за воровством или каким-то пакостничеством.

— Я... Я просто хотела пойти, немного подышать свежим воздухом, ну, прогуляться по городу, немного успокоиться в одиночестве...

— Кэролин, может быть, я и не кладезь житейской мудрости, но мне кажется, именно сейчас то самое время, чтоб с одиночеством наконец — завязать. Вам нужно научиться не сторониться этих людей, раз уж вам жить с ними в одном мире.

Кэролин неловко улыбнулась.

— Да, вы, конечно, правы, миссис Ханниривер... Просто... я пока не могу начать прямо сейчас. Слишком тяжело уложить всё это в голове, просто успокоить нервы. Они все очень, конечно, сердечные, душевные люди... Дело, думаю, именно во мне, это во мне слишком не хватает открытости и искренности... и я слишком много за последнее время была на виду у множества людей, я отвыкла от подобного, от невозможности хоть ненадолго заползти в какую-то свою норку... Всё будет нормально, Кэролин. Обещаю вам, я не потеряюсь.

Идти за одиночеством в центр города — в этой мысли, пожалуй, есть, чему улыбнуться. Но способ давний, не ею придуманный. Деликатные минбарцы не склонны приставать с расспросами к одиноко сидящей у фонтана женщине, разве что спросят, не заблудилась ли она. Она узнала, что это место называется площадь Тафьел, и решила посидеть здесь подольше, запомнить... Место понравилось ей, здесь было легко, приятно. Холодная водяная взвесь в воздухе, успокаивающее журчание за спиной, фонари-деревья с раскрытыми книгами, наверное, являющимися наиболее интересные, полезные изречения... увы, она не знала минбарского языка.

Поэтому сообщение от президента она пропустила, ей передала его Наталья Блескотт по возвращении. По сердцу Кэролин словно полоснули раскалённым ножом. Опять задержка, опять ей надо ждать, надо надеяться на лучшее... Почему, за что, неужели они мало

перенесли, неужели и эту простую радость — снова обнять своего сына — ей нужно вымалывать у судьбы?

— Мисс Сандерсон, прошу вас, успокойтесь. Они ведь сказали, со всеми всё в порядке. Ну да, не со всеми... Но с нашими близкими — да. Поверьте, мы все тут волнуемся, я за своего брата — не меньше, хотя ему 60, а не 16... Рейнджеры позаботятся о них всех. Это трагическая случайность, но надо ведь понимать, что для этих людей это работа — помогать. Всем, не только вам.

— И можно так же вспомнить, что благодаря вашему сыну мы все оказались в такой ситуации, — прошипела миссис Хауэр.

— Мама, перестань, а?

— Ну строго говоря, она права, — проговорила молодая азиатка, — надо ведь понимать, то, что он выжил, это уже чудо...

Кэролин молча, опустив голову, отправилась в свою комнату. Они правы, они даже сами не знают, насколько они правы. Чего стоило сохранить ему жизнь, благополучно родить его, чего стоил каждый день его жизни, чего стоило пережить каждую ночь его кошмаров... Те, кто сами матери, могли б её понять. Могли б... если б он едва не стал причиной гибели их детей. Она поколебалась, не послать ли вызов... Но подумав, набросила плащ и тихо вышла, спустившись по другой лестнице. Может, это наглость, это назойливость, но кажется, что личный разговор тут уместнее видео.

Президент, однако же, любезно согласился её принять, и эта любезность тоже ранила. После всего, что было связано с нею, что было связано теперь с Аланом... Удивительный человек, которому хватает и времени, и широты души на всех. Как же он постарел... Видно, прошедшие годы, тот груз, что он на себя взвалил, не пощадили его. Она смотрела на его совершенно серебряную голову и вспоминала своего отца — он был таким же в те последние дни... Отставной военный, надеявшийся на спокойную старость в тихом уголке среди практически девственной природы, и потерявший жену, а теперь получивший известие, что у него забирают единственную дочь... А ещё она невольно вспоминала Альфреда, его совершенно седую голову на её коленях, его тихий голос. «Зачем ты приходишь, Кэролин? Я ничего тебе не дал, и ничего уже не смогу тебе дать... Я лгал всю жизнь, я обещал тебя защитить — и здесь тоже солгал...».

Президент пригласил её не в кабинет, а в залу, похожую на гостиную, с большими светлыми окнами — видимо, хотел, чтоб встреча прошла в более спокойной, непринуждённой обстановке. Она подспудно промелькнувшей мыслью отметила, осторожно садясь на широкий мягкий диван, как приятно матово переливается ворс его обивки. Что-то такое стояло в их гостиной... Мебель, доставшаяся от бабушки, отцу больших трудов стоило перевезти её, но он ни за что не соглашался продать её и на новом месте заказать новую...

— Я понимаю ваши чувства, мисс Сандерсон. Мне действительно жаль, что всё так печально совпало, но поймите и нас — ситуация не допускала промедления. Корабль, потерявшийся в гиперпространстве, обречён...

— Нет-нет, я понимаю, поверьте... Мой сын и другие пассажиры эвакуированы, это главное, как бы мучительно ни было это ожидание — я помню, что этих бедняг на пострадавшем корабле тоже кто-то ждёт. Они в том же положении, нельзя спасти одних, пренебрегая другими... Я пришла совсем не поэтому. Алан... Я беспокоюсь не из-за себя. Понимаете, они ведь передали, что не стали спасать багаж... Его лекарства остались там.

— Это очень скверно... Без них он может...?

— Нет, он не умрёт. Проблема в другом. Я не знаю, сказал ли он, я надеюсь, что сказал, если нет — свяжитесь с ними, пожалуйста, и скажите... Он должен спать в одиночестве. В отдельной комнате, желательно с как можно более толстыми стенами. Во сне ему тяжело контролировать это, и его кошмары... плохо влияют на тех, кто рядом. А на кораблях часто очень тонкие перегородки, а у него всё же очень высокий рейтинг... Вот почему мне так хочется, чтоб он как можно скорее вернулся ко мне. И... Не знаю, может быть, абсурдом было надеяться, что среди тех, кто отправился в новый мир, найдётся кто-то достаточно сильный, чтобы справиться с этой проблемой, исцелить его...

— Думаю, мисс Сандерсон, не стоит беспокоиться, время, которое потребуется для отбуксировки лорканского корабля... ну, будет не очень велико. Он не успеет уснуть. К тому же, он ведь и сам помнит о своей проблеме... Хотя, конечно, то, что ему необходим постоянный приём препаратов, усложняет дело, и ставит капитана Ли в очень сложное положение...

— Нет-нет, я не готова сказать, что ради одного Алана и его проблем стоило бросить подбитый корабль на произвол судьбы. Просто... нужно соблюдать осторожность, понимая, что...

— Если уж говорить об осторожности... мисс Сандерсон, я вынужден задать этот вопрос. Этот артефакт, из-за которого всё произошло... Вы видели его раньше?

Шеридан понимал, что этот разговор может и не дать толку. Когда он говорил с другими пассажирами, рядом с ним была телепатка, которая могла оценить искренность их ответов, сейчас же он просто не успел никого вызвать. Но он надеялся, что может и сам понять, лжёт ли ему Кэролин.

— Нет... Такого — нет. Конечно, я видела разное в то время, когда... Когда со мной сделали это, вживили эту машину в мою голову. Там, в лаборатории, были различные устройства... Некоторые из них наводили ужас на самих... учёных... Но с тех пор, все эти годы — я ничего такого не видела, надеялась, что не увижу.

Очень похоже, что она говорит правду. Либо она так хорошо играет...

— Что ж, тогда ещё один вопрос... Вы помогали сыну укладывать вещи? Он делал это при вас?

Глаза Кэролин расширились в испуге.

— Вы имеете в виду... Вы полагаете, это Алан пронёс на корабль это отвратительное устройство? Нет, нет... Это невозможно, он бы... Где бы он это взял? Он ведь почти никуда не ходил, только в школу и в больницу... Его круг общения... был невелик, и просто некому бы было... втянуть его в подобное. Я понимаю, вы, может быть, не поверите мне, скажете, что любая мать будет оправдывать сына, но Алан действительно не тот, кто мог бы связаться с подобными вещами... Он даже алкоголь никогда не употреблял! И он... поверьте, он прекрасно понимает, как серьёзно всё то, что с ним происходит, он не станет сам добавлять себе проблем!

— Однако же, получается, добавил, когда взял в руки этот артефакт.

Кэролин облизнула пересохшие губы.

— Видите ли, господин президент, как раз в том и дело. Алан... он ведь понимает, что его сознание уязвимо перед... этими технологиями. Он не стал бы так рисковать, и он... Если б он коснулся этой вещи хоть раз до того момента — я б знала об этом, поверьте. Боюсь, что и много кто знал бы... из новостей.

Шеридан кивнул. Звучит разумно. Если Алан не способен устоять перед притяжением

этих технологий — может быть, Кэролин излишне высокого мнения о благоразумии сына, полагая, что он не мог бы ввязаться ни в какую авантюру, но то, что в таком случае соединение с артефактом и последующие проблемы случились бы раньше — мысль, заслуживающая внимания. Может быть, Сандерсонов и рано сбрасывать со счетов, но круг подозреваемых, как бы то ни было, всё более сужается, по мере того, как он переговорил уже почти со всеми спасшимися пассажирами. Нужно, конечно, дождаться ответа на запрос — обо всех пассажирах и экипаже, и желательно до возвращения «Белой звезды» и до отправки рейса к новому миру. Возможно, одному из этих людей надлежит отправиться совсем в другое место...

Андо медленно шёл по кораблю, касаясь пластиковых серых переборок и прикрыв глаза. Коридоров на «Белой звезде» было всего три, и, кажется, во время своей прогулки он шёл уже по последнему неизученному им. Его окружали звуки, жужжание сплетённых систем двух кораблей, треск электричества, гул голосов и мыслей тех, кто был поблизости. Если закрыть глаза, можно было представить тот самый, первый сон, который Андо видел ещё совсем маленьким. Песнь корабля, рыжие кудри, полуулыбка на губах матери, меняющиеся картинки на стенках каюты, и блики в графине с водой. Если закрыть глаза и просто отдаться этому ощущению, то можно почувствовать себя дома, в странном месте, которое сердце определяет, как родное. Технология Минбара и Ворлона тоже пела, голосом, который слышал Андо, словами, которые понимал Андо. Сквозь пелену этого почти счастья телепат почувствовал присутствие, совсем рядом, и распахнул огромные серые глаза. Прямо перед ним на скамье сидел Алан.

— Здравствуй, Алан, — остановившись рядом с ним, проговорил рыжеволосый телепат, — Ты, наверное, не помнишь меня. Наша первая встреча не была из тех, какие можно назвать «приятными», но я всё же рад с тобой познакомиться.

Улыбка Андо далась почти легко, только уголки губ дрогнули, словно в спазме, но в целом он справился. Если смотреть на мальчика вот так, то можно и не замечать тёмного, враждебного внутри него. Алан не виноват, одернул себя Андо. Вспомнился Центавр, голос дракхианских командиров в громкоговорителе, маслянисто переливающаяся кожа Стражей. И это только то, что знал и видел сам Андо, стараясь не «вспоминать» корабли Теней и их самих. Переборов желание сейчас же залезть к мальчику в голову и выжечь ко всем чертям этот черный, оседающий на сознании дым — рано, рано, нельзя действовать на порыве, безрассудно, он должен быть готов, он должен довериться — Андо присел с ним рядом. Брюки и пиджак, что он в спешке даже не переделал на Минбаре, были не самой удобной одеждой, но парень не позволял себе думать о подобной ерунде, а просто расстегнул верхние пуговицы рубашки, а пиджак и вовсе снял, перекинув через руку.

— Меня зовут Андо. Как ты себя чувствуешь сейчас?

— Я... Думаю, ничего, спасибо. Нет, я помню... почти всё. Помню, что это вы уничтожили артефакт. Как вы смогли это сделать? Для этого ведь нужна невероятная сила...

Андо улыбнулся, созерцая свои руки, сжимающие пиджак.

— Мои способности гораздо выше того, что ты видел. Этот дар передан мне от матери. Странно видеть перед собой телепата, которому не показалось знакомым моё лицо. Впрочем, это хорошо, мы сможем начать знакомство с абсолютного нуля. Если говорить моё полное имя, то Г'Андо, сын Гкара, другое имя — Андо Александер.

— Мне знакомо ваше лицо. Точнее... я просто понимаю, о чём вы говорите. То есть...

всё это должно, конечно, рождать очень много вопросов, но я не привык задавать такие вопросы, обычно мне просто... не до этого. Поэтому я просто не знаю, что сказать. Кроме благодарности за то, что спасли нас всех, не убив при этом меня.

— Не я один спасал, если уж быть честным, то я как раз не спасал, а деактивировал. Некая ударная сила, пока остальная группа помогает гражданским, должна отвлекать или же разбираться с угрозой. Вот я — такая сила. Выводили пострадавших рейнджеры, им нужно говорить спасибо, или Джону Шеридану, за возможность мне помочь вам всем. Я часто думал о тебе, пока летел сюда, думал, каким будет наш разговор, оказался он... другим. И, раз уж мы разговариваем, хочу сказать тебе нечто важное, для меня, да и для тебя тоже. Теперь мы с тобой не чужие друг другу, хотя, думаю, для любого телепата его брат не чужой. Но мы отныне родственники, ведь твоя сестра, Офелия, является с недавних пор моей женой.

Алан обратил к Андо огромные глаза.

— Офелия?

— Да.

— Я не имел с нею связи... очень давно. Где вы нашли её?

— На Земле. Я очень хотел с ней познакомиться. Как и с тобой.

— Да, наверное... Наверное, это странно — то, что вы, при вашем происхождении, этого захотели. Но странного вообще слишком много. Наверное, я не верю до конца, что всё это реальность. Лучше б это было сном.

Андо посмотрел на Алана, осторожно сканируя его ментальное поле. Немного помолчав, он коснулся руки мальчика, переплетая свои пальцы с его — холодными, словно он замёрз, хотя здесь было совсем не холодно.

— Все будет хорошо. Ты не виноват в том, что произошло, — заглядывая в глаза Алану, тихо произнес Андо, — Ты не мог знать, и тем более не мог предвидеть. Не стоит винить себя, лучше подумай о том, кто действительно мог это сделать. И, если уж тебе так нужно, вини его. Это не ты пронёс устройство на корабль, я знаю это, так почему ты сам не совсем уверен в своей невиновности? Кроме того, будь это сном, мы, возможно, не смогли бы встретиться никогда. Ваш корабль направлялся в Новый мир, а наш с Офелией путь туда не лежал, так что это не неудача, а наоборот. Попробуй думать об этом в таком ключе, и, возможно, мир вокруг тебя перестанет быть черно-белым, как сейчас.

Приглашение остаться на корабле, впрочем, Виргиния восприняла с радостью — как потому, что хотела ещё раз увидеть лорканского принца (если он действительно говорил о себе правду, то теперь она прониклась к нему нереальным сочувствием), так и потому, что добровольцем на починку вызвался Андрес, который, как все, кто долгое время жил, мягко говоря, на не очень легальном положении, умел много что, и заявил, что хоть эти синерожие и бесят его своим ханжеством, у него уже руки ноют без дела. Алан же вернулся на «Белую звезду», сказав, что не мытьём, так катаньем намерен выклянчить у Далвы какие-нибудь стимуляторы — дорога, из-за чудовищной нагрузки на двигатели «Белой звезды», обещает быть долгой, и он не уверен, что сможет не спать всё это время.

— Оно точно, — улыбнулся Андрес, — иди уж. Мне, например, тоже и своих психозов хватает.

И Виргиния, и Алан уже знали, что говорится это совершенно беззлобно. Андрес бывает своеобразен в выражениях, но это особенность натуры, которая шокирует разве что с непривычки. Поэтому, напросившись к нему в подмастерья, она охотно слушала байки о его

бурной юности, между делом грустно вспоминая, как первое время думала — ведь и он, будь чуть постарше, мог бы быть её отцом...

— Так вот, Лаура... Мы её называли просто Малышка. Знаешь, такая вот... Росту полтора метра с кепкой, отваги — вагон. Я, когда Марат мне её в напарники назначил, пальцем у виска покрутил, он говорит — увидишь... Ну и увидел. Ну, проникли мы туда благополучно, Малышка загодя форму спёрла у какой-то санитарочки, меня под стекольщика, значит, переодели... Но на втором этаже нас остановили, тоже всё же у них охрана не дремала... Ты бы видела, как она у них под ногами проскочила! Они на полу так и растянулись оба... Ну, добрались мы до щитка... После этого у них проблем и без нас хватило, там все психи повывагали... Малышка ещё возле щитка дымовую шашку взорвала, всё вслепую... Ну, нашли мы Диего, Салли нашли... Диего с нами связь держал, говорил, а Салли почти получилось подобраться, пока у него передатчик не отобрали, за ручку приняли, подумали, он ею заколоться хочет, придурки... А мы уж там не знали, что и думать, чего Диего замолчал... А как выйти — там уже на выходе... Ну, тут Диего помог, конечно, вырубил там парочку, раздели... Мы с Салли через чёрный ход, Малышка с Диего через главный. Диего говорил, ещё разоралась там, вроде как, чего вы здесь столпились, там пожар, там люди без сознания... И Диего у неё на плече, якобы без чувств, дыма наглотался... Их в «скорую», они на той «скорой» к точке встречи и приехали — водителя выкинули по дороге... Марат потом сказал: у вас без нахрапа бы это не получилось, а больше нахрапа, чем у Малышки, ни у кого нет. Пошёл бы кто не такой отмороженный — десять раз бы успели схватить. Нас, конечно, ещё Луис прикрывал, у чёрного хода ждал — мне одному Салли б нипочём было не дотащить, пристрелить проще сразу... Но думаю, Малышка б и одна справилась, да вот Салли в лицо только я знал.

— А Салли — он кто? Тоже из ваших был?

— Ага. У него способности проснулись уникально поздно — в тридцать лет. Таких случаев раз-два и обчёлся, обычно или сразу, или в подростковом возрасте, а тут — в тридцать лет. Представляешь, мужик успел жизнь построить, образование получить — гениальный химик, между прочим, как химик он и их, и нас интересовал... И ведь всего ПЗ, тьфу, а жизнь сломало...

— А как он в клинику-то попал? Я, вообще, думала, у Пси-Корпуса свои клиники.

— Обычно свои. И вот из них чёрта с два так просто сбежишь. Салли просто... ну... когда у него всё это началось... В общем, сплохело ему малость, его туда и забрали. Там-то разобрались, копы к нему приходили, но с него толку, он не в кондиции, решили подождать, пока в себя придёт... Мы, к счастью, успели раньше. Нормальным он так до конца и не стал, но человек хороший был... Диего тоже так и не оправился после той операции, через два года с печенью окончательно загнулся, он же, чтоб попасть туда, столько галлюциногенов выжрал...

— И всё ради того, чтоб вытащить одного человека?

— Ну ты шутишь! Какую-никакую, но жизнь мы этому человеку спасли, не там, так в Корпусе его б доконали, а так всё же... Домой-то ему всё равно не судьба было вернуться... А какие бомбы мастерил! Вот такая, со спичечный коробок, а как рванёт... Это уж как того стоило. Ох, это что, как мы в одну конторку через вентиляцию ползли... Малышке-то хорошо, а я там едва не застрял, всю операцию чуть не провалили... И самое противное, обратно тем же путём пришлось. И шустро, тут уже таймер подгонял. Я вот тогда понял, что такое клаустрофобия.

Виргиния смеялась.

— Да, не поздоровилось бы мне, узнай твоя мамочка, какой романтикой я тебя тут кормлю.

— Да ничего такого, она по молодости тоже чудила будь здоров, поверь.

— Да теперь уж верю, в кого-то ж ты такая уродилась.

Виргиния долго колебалась, рассказывать ли ему... Но Андрес, при всех своих особенностях, внушал странное доверие. И, мало ли... Всё же он знает об этом мире много...

— Не, я корпусовскую верхушку не так хорошо знаю... Вживую, сама понимаешь, не знаком был. Не наш уровень, ты что. Местных своих мы, конечно, всех знали... Ровно настолько, чтоб своевременно прореживать их ряды, — Андрес хищно вонзил отвёртку в гнездо, — оно конечно, если б кого-то из них положить — за такое ни один из нас жизни б не пожалел... Да вот не почитали они наши края своим сиятельным визитом. Так что, конечно, кое-какую информацию имели, от товарищей из других регионов.

— Ну да, глупость с моей стороны, конечно, мы ведь даже жили... очень далеко друг от друга. Хотя это не особо аргумент, вообще-то, они-то везде ездили, по всему сектору, не то что по всей планете. То есть, ты... ты с самого начала среди нелегалов был? Тебя даже не забирали в Корпус?

— К счастью, нет. Мне удалось сбежать сразу, как почуял, чем запахло.

— А... почему? Ну, я понимаю, вопрос может звучать глупым и даже кощунственным, но ведь были и те, кто вступали. Тем более, тебе было только 15, ты ведь мог ничего ещё не знать, а с их психологической обработкой задурить мозги ничего не стоило. Многие же верили...

— Ну как сказать, — зло усмехнулся Андрес, — может, потому, что 17 детей, зачатых в одной и той же клинике искусственного оплодотворения, выросли чем-то явственно похожими друг на друга? И 10 из них — с телепатическими способностями... Трое из них — два телепата и один нормал — жили в нашем районе, мы ходили в одну школу. Каково это было для моей матери, женщины глубоко религиозной, кристальной чистоты, которая вышла замуж девственницей, которая и помыслить никогда не смогла бы об измене мужу? Она всего лишь хотела подарить своему мужу хоть одного ребёнка, да вот увы, естественным путём это всё никак не получалось!

— Боже, они что...

— Да-да, так точно! Разумеется, это вопиющее нарушение, и врачебной этики, и правил Корпуса, наверное, тоже, только вот знаешь, что? Никто так и не понёс за это наказания! Того врача, разумеется, не нашли — я полагаю, не очень и искали. Двое из тех детей всё же попали в Корпус, потом умерли в лагере «меченых», одна девушка покончила с собой сразу после пробуждения способностей, ещё двое вместе со мной ушли в подполье. Остальные выбрали приём лекарств... Сейчас из этого выводка остался, насколько знаю, только я.

— Какая же жуть...

— Корпус — это воплощение двуличия. На словах они стояли на страже порядка, помогали и телепатам — раскрыть и отточить способности, и нормалам — защититься от неподконтрольных телепатов, которые, конечно же, все как один будут им угрожать... А на практике они не против посоздавать эту угрозу сами, и не было такого, чего б они погнушались ради своих целей. Больше телепатов — больше их сила. Так что незаконнорожденные дети — это и правильно, и прибыльно, главное, конечно — не спалиться. А почему твоя мать сама не узнала? Подать запрос, после падения Корпуса, было

ведь не сложно, тем более при её связях, она б его из-под земли достала.

Виргиния вздохнула.

— Ну, она материалы судебных дел просматривала — среди них его не было вроде... А глубже копать боялась. Прямо запросто официальный подавать...

— Чего тут бояться?

— Ну как... самого интереса такого боялась. Мы с ней до последнего ругались на эту тему, пока я её не переломила. Да, она боялась... Раскрытия этой истории боялась, и не только... Она ж не знала о нём ничего, что из него там могло вырасти! Вдруг, решил бы меня отобрать? Корпуса уже нет, а наследие осталось.

— Тут она, конечно, права, девочка. Война долго бывает не закончена после того, как объявят об её окончании.

С помощью Андреса она, когда чинила автоматику в коридоре, сделала для себя копию карты для комнаты, точнее, камеры лорканского принца.

Первым делом, конечно, она забежала навестить Алана. Он, в отличие от лорканца, похоже, обрёк себя на заточение добровольно. Ему пошли навстречу, выделив отдельную каюту — учитывая, что кают всего 10, а население увеличилось более чем вдвое, это сильно. Остальным предстояло размещаться по двое, а кому и по трое.

— Далва сказала, что не даст мне стимуляторов.

— Ну, наверное, Далве виднее, она всё-таки врач. Стимуляторы садят сердце, развлекаться подобным смолоду не стоит. Хотя и в старости не стоит...

— Далва ничего не понимает! Лучше одно испорченное сердце, чем десяток спятивших мозгов! Мало вам Дерека?

— Ну, строго говоря, у тебя нет никаких доказательств, что ты что-то там усугубил в состоянии Дерека. Знаешь, то, что он пережил... Я б тоже свихнулась, даже без всякого тебя рядом.

Алан покосился на неё с тоскливо-иронической усмешкой.

— Ты ж, помнится, сказала, что ничто не способно свести тебя с ума?

— Так и есть, а то, что тоже свихнулась бы — речевой оборот. В том смысле, что парня можно понять. Короче говоря, хватит психовать, мы уже скоро прибудем к Лорке, может, у них там есть что-то наподобие твоих лекарств? Ну, ребят с приветиком у них там, как посмотрю, навалом, должны ж как-то выживать, как раса?

— Не смешно.

— Да это вообще неблагоприятное дело, тебя веселить. Но смотреть на кислую рожу, знаешь...

— Не смотри, не приглашали.

— Я всё равно буду помнить, что она у тебя кислая. Настройся на позитивный лад, а? Скинем это синее недоразумение с себя — и на всех парусах на Минбар, там наши мамочки хороводом по потолку ходят...

Нервное напряжение, видимо, сказалось, и Алан зашёлся хохотом.

— Зачем ты это сказала? Ой, не могу... я ж представил!

— Заткнись, я теперь тоже!

Атмосфера немного разрядилась, и Виргиния сумела свернуть на привычную и любимую струю — азартной и беспечной болтовни. Да и всё же, тем, кто оказался заложником одной и той же страшной и непонятной ситуации, неизбежно хочется

поделиться друг с другом, поговорить о жизни, о семье, о страхах и привязанностях, обо всём, что на душе и хорошего, и плохого. И как бы Алан ни старался дистанцироваться и оберегать всех от любого лишнего соприкосновения с ним — ему это на самом деле тоже совсем не чуждо.

— Вот такие дела, ага. Побочных детей у моего отца куча — от секретарш, официанток, горничных... До женского пола папаша всегда был охотник, а избавлялись от последствий далеко не все — папочка относился к этому своеобразно, щедро выплачивал алименты, пристраивал байстрюков в хорошие школы... Что его имя треплют, так это его не волновало... Ну, мать ему, конечно, скандалы устраивала, но как-то без огонька — видимо, потому, что сама не без греха, хотя об этом отец так и не узнал. Искренне удивлялся, откуда в семье телепат, сроду такого не было...

— А у меня только одна сводная сестра — Офелия. Мы мало общались. Теперь жалею.

— Ой, думаю, и не одна. Может, и в этом корабле какие-нибудь твои родственники есть. Ни у одного нормала нет столько внебрачных детей, как у телепатов, это все знают. Потому что им положено размножаться строго по регламенту и с кем прикажут, а сердцу, да и другим органам, на пси-уровни плевать. А что эта Офелия? Она уже улетела, не ждала, как вы, до последнего?

Алан вздохнул.

— Офелия... Пытаюсь осознать, что её тоже увижу, когда вернёмся на Минбар. Такой бред, на взгляд нормального человека — я услышал о ней от незнакомца, который, оказывается, её муж. Вообще-то, должно быть стыдно. Она моя сестра, а мы почти не общались. Мама стеснялась её лишней раз трогать, и Офелия нас, кажется, стеснялась тоже. У Офелии своя жизнь, муж, и скоро вроде как будет ребёнок... И с одной стороны, незачем мне с нею общаться, я не та родня, которой можно радоваться. С другой — я всё же должен с нею встретиться. Должен, и всё. Просто чтобы она не думала, что мне наплевать... Отец так и умер, думая, что мне плевать на него. Нельзя так поступать с ней. Интересно, встретились ли с нею мама... Ей всегда было тяжело даже говорить об Офелии...

— Ну, это бывает, когда у одного мужчины две семьи... Женщины при этом как-то не знают, как себя вести. И ты тоже не стыдись этой неловкости. То, что вы брат и сестра, не значит, что вы обязаны обожать друг друга, как бы жестоко это ни звучало. Вы не выбрали личную жизнь ваших родителей. А у тебя девушка есть? А хоть была? Ой, ну не смотри на меня волком! Ладно, побегу я посмотрю, что там у лорканцев. Хоть свет наконец нормально отладили, и с криокамерами наконец никаких сбоев, а то уже хотели перетаскивать ихние трупы к нам, а они б наверняка разорались, что наши криокамеры совершенно бездуховные...

— Ого, я смотрю, они тебя развязали... Прогресс в отношениях.

При виде вошедшей Виргинии арестант просиял.

— Да... Они решили, что теперь, на подлёте к дому, я уже никуда не денусь...

Землянка удовлетворённо хмыкнула, отметив, что эффект от их занятия по языку есть.

— ...К тому же, мне необходимо молиться сейчас, а это делать следует только стоя подобающе.

— О, извини, я не вовремя зашла, пойду, не буду отвлекать...

— О нет-нет, Виргинне, прошу, остаться, отвлекать меня!

— Что?!

Видимо, от волнения у лорканца снова начались трудности с подбором слов, не говоря уж о грамматическом построении.

— Это очень хорошо, если ты делать чтобы отвлекать меня. Это проверять, что крепкая вера. Когда крепкая вера, ничто не отвлекать от молитвы на Наисветлейший. Но как я знать, крепкая ли моя вера, если ничто и не отвлекать?

— Чудно... Ну ладно, если что, ты сам это предложил. А твои надсмотрщики не заявятся совсем некстати? Хотя они вроде бы заняты там...

Лицо принца стало грустным.

— Они говорят, что я ещё молод и некрепок, они б очень рассердились, если б узнали, что ты здесь. Но это оскорбительно для меня. Я уверен, что это мне не во вред.

Через некоторое время, впрочем, Виргиния с некоторой улыбкой подумала, что взрослые были насчёт юного принца правы. Сосредоточиться на молитве он так и не смог. И ведь вроде бы под благовидными предложениями.

— А ты веришь в бога, Виргинне?

— Да не знаю. У меня как-то не было времени подумать об этом.

— Как это — не было времени?!

— В том смысле, что моё воспитание не предполагает выделение в день какого специального количества времени на размышления о боге, как это делают у вас, да и не только у вас... И вообще... Мы, конечно, не атеисты, нет, некий религиозный минимум у нас всегда был... Но подчинять этому всю жизнь... Это для фанатиков. Говорят, конечно, человек обращается к богу в трудную минуту... Не знаю. Я вот в эти часы на корабле, охваченной этой жуткой хренью, не обращалась. Наверное, просто было совершенно не до таких мыслей, или просто недостаточно отчаялась... Мама вот говорит об этом, что у бога и так дел предостаточно, и не стоит его беспокоить по каждой нашей проблеме. Раз мы дети божьи, так вот, хорошие дети — это которые справляются со своими проблемами сами, а не дёргают родителей по каждому поводу.

— У твоей матушки странные взгляды.

— Пожалуй... Ну, какое-то время в юности она религией баловалась, тусовалась там с какими-то... Не то кришнаитами, не то ещё кем... Но не пошло ей это, говорила, скучные они. Ну нельзя нормально общаться с людьми, настолько обеспокоенными душой, чистотой и прочей там лабудой... Ты вот сейчас что-то из того, что я сказала, понял?

Лорканец нахмурился.

— У вас вера не передаётся от родителей к детям, нет соблюдения традиций...

— Вера — не сахарный диабет, чтоб по наследству передаваться. Хотя вообще ты не прав, есть у нас и семейные традиции, и религиозное воспитание... Иной раз чересчур даже религиозное, фанатиков и у нас хватает, они везде, по-моему, есть... Но это личное дело каждой семьи, а так религия у нас отделена от управления обществом, что обществу только на пользу пошло.

— Чем же вы руководствуетесь в управлении обществом?

— Законом. И гуманизмом. По-моему, это сочетание оптимально. Если человеку так уж нужна религия — пусть верит во что хочет, хоть в бога, хоть в чёрта, главное, чтоб его религия другим не мешала.

— А к тебе кто-то уже сватался? — вдруг спросил принц. Виргиния даже пришла в некоторый шок от такого поворота.

— Ну... Прямо свататься — в общем-то, нет.

— Почему? Ты ещё не достигла брачного возраста? Или по мнению ваших мужчин считаешься непривлекательной? Ты ведь, как я понял, достаточно высокородна, многие семьи могут хотеть породниться.

Виргиния растерянно почесала за ухом.

— Ну, то, что я дочь бывшего министра и семья у меня богатая — это, конечно, аргумент, не спорю... Но таких мы с маменькой отшиваем на подлёте. Вообще, брак — это дело серьёзное, тут должно быть и сильное чувство, и единство взглядов, и характерами надо сойтись... Я, конечно, дружила с несколькими... Но это ничего серьёзного, так, лёгкое увлечение.

Лорканец посмотрел на неё с явным осуждением.

— Как можно пренебрегать своей девичьей чистотой, своим добрым именем как будущей жены и матери?

Землянка аж присвистнула.

— Ничего так ты выразился! Ну... во-первых, если твои старшие тебе нарасказывали, что у нас кругом разврат и пороки, и наши мужчины и женщины совокупаются со всеми без разбору и удержу — то они несколько приукрасили! А во-вторых... А кому от этого плохо? Семья, муж, дети — это всё прекрасно, но в своё время, когда подходящий человек встретится. А до тех пор почему не дружить, ходить вместе в кино, гулять по красивым местам, болтать о чём-то приятном, ну и... ну да! Ну вот может, не такой это человек, с которым я хотела бы прожить всю жизнь, но он собой красив, и говорить с ним интересно... Почему просто не позволить себе в жизни удовольствие? Небо от этого не рухнет, проверено. Мама об этом говорила: «Если бог и правда добр и создал вот это всё, то ему не будет абсолютно нисколько неприятно, если я за обедом съем добрый кусок мяса или если пересплю с понравившимся мне мужчиной. Он ведь всё это создал и для меня тоже». Бог ведь дал нам тела и вещественный мир, чтобы мы могли получать удовольствие — иначе одной только души было б достаточно. Вот ваш Наисветлейший, ты говорил, увёл вас из погибающего мира в новый, и подарил вам эту прекрасную планету, богатую и ресурсами, и наследием прежних обитателей, так что вам не пришлось испытывать трудности, обживаясь на новом месте, начиная опять с каменного века. Значит, он любил вас, хотел, чтоб вам было хорошо. Мог бы и похуже куда привести. Значит, он хотел бы, чтоб вы наслаждались.

Юноша посмотрел на неё с сомнением.

— Наши Великие Вожди, через них говорит сам Наисветлейший, учат нас...

— А, ну это-то да. Знаешь, сколько у нас таких за всю историю было, через кого сам бог говорил и делал? Ни насчёт кого из них бог пока не подтвердил.

— Капитан, подходим к Лорке, — возвестил с экрана первый помощник Талес.

— Слава богу.

— На экране неопознанный корабль...

— Нас встречают. Сейчас этот корабль возьмёт нас на буксир и доставит на планету, а вы сможете отсоединиться и продолжить свой путь. Если, конечно, о достойный капитан Ли, вы не пожелаете спуститься в наш мир и принять подобающую награду из рук Великих Вождей, озарённых светом самого Наисветлейшего.

— О нет, благодарю, капитан Лауноскор, помочь вам было само по себе честью для нас, и вдобавок к той небывалой щедрости, с которой в дороге вы просвещали наши тёмные умы светом Наисветлейшего, нам ничего не нужно, кроме разве что приветственной открытки к

Рождеству.

— Капитан, посмотрите! Я никогда в жизни ничего такого не видел!

На экране возник корабль — гладкая золотая капля,двигающаяся с поразительной быстротой.

Капитан Лауноскор так и просиял.

— О благородный капитан Ли, я буду иметь честь представить вам генерала Аламаэрта, величайшего и достойнейшего воина нашей армии! Заслуги и доблесть его так велики, что ему был доверен один из лучших, совершеннейших кораблей, настоящее чудо техники.

Капитан Ли, не вдаваясь даже в размышления, какие заслуги могут быть у военных лиц Лорки, кажется, сроду ни с кем не воевавшей, мысленно застонал, от счастья лицезреть ещё одно сиятельное лорканское лицо, но времени предаваться эмоциям особо не было — нужно было готовить системы к стыковке с ещё одним кораблём.

— А это вообще реально? Они... несколько, я б сказал, слишком разных модификаций... Меня удивляет, как вы с «Белой звездой»-то смогли состыковаться.

— О, все наши корабли имеют такую возможность. Божественная технология, данная нам...

— Наисветлейшим, я понял, — хмыкнул Андрес, — то есть, спёртая у предшествовавшей цивилизации. Ну надеюсь, вы достаточно сумели в ней разобраться.

Он подумал, что на экране происходящее сейчас выглядит довольно комично — к вытянутому эллипсоиду корабля, на котором они сейчас находились, сверху лепилась «Белая звезда», а снизу — золотистая капля, прибывшая с Лорки. Их стыковка прошла гораздо быстрее и легче, чем с «Белой звездой», корабль только слегка тряхнуло — и лорканцы принялись колдовать над панелями, переводя системы «Веринте» под контроль генеральского корабля. Генерал и два его помощника — а это, собственно, был весь экипаж золотого корабля — поднялись, по просьбе капитана Лауноскора, очень уж напоследок желавшего блеснуть не только величиим технологий, но и величиим кадров, на борт корабля соотечественников. В сравнении с Лауноскором и его свитой он производил, пожалуй, даже благоприятное впечатление — был молчалив, сдержан, подтянут, на нём и его помощниках были хоть и мешковатые, но всё же комбинезоны, а не просторные хламиды с множеством расшитых перевязей, и их волосы были собраны в аккуратные пучки.

«Всё-таки армия, как бы я к ней ни относился, должна быть похожа на армию, — подумал Андрес, — интересно... Может быть, Лауноскор и эти клоуны — вообще ничерта не военные?»

Генерал Аламаэрта степенно поклонился капитану Ли, затем протянул руку.

— Благодарю вас за спасение моих соотечественников, достойные земляне, — акцент у него, стоит признаться, был чудовищный, но выговор уверенный, — вы проявили милосердие и доблесть, и будьте уверены, мы позаботимся о том, чтоб вы были представлены к награде.

— Лучшей наградой для нас станет возможность продолжить наш путь, — улыбнулся Ли.

И в этот момент корабль тряхнуло... Послышался непрерывный тревожный сигнал — сразу с «Веринте» и с «Белой звезды».

— «Золотой Дар» удаляется!

— Капитан Ли, у нас потеря мощности 75 %!

— Что происходит, чёрт побери?!

Золотая точка на экране стремительно таяла и вскоре исчезла.

— Кто увёл корабль?

— Невозможно, мы все здесь...

— Управление восстановлено? Хотя бы одним из кораблей?

— Андрес, Раула, думаю, нам лучше вернуться на «Белую звезду»...

Андрес заозирался.

— А... Где Виргиния?

Вскоре обнаружилось, что кое-кого не досчитались и лорканцы...

Капитан Ли обратился к капитану Лауноскору взглядом немногим теплее айсберга.

— Почему вы не говорили, что на «Веринте» есть ещё один пассажир?

— Мы... не сочли это достойным вашего внимания, достойнейший капитан Ли. Это наши внутренние дела...

— И что теперь будем делать? Куда это ваше внутреннее дело потащило Виргинию, и самое главное — зачем?

— Мы... Не знаем... Но мы, конечно же, приложим все усилия к тому, чтобы... Видите ли, Просветлённый Послушник Аминтанир...

— Кто?!

Один из лорканцев снизошёл наконец до подробных объяснений.

— Понимаете, наше общество управляется семерыми Великими Вождями. Это старейшие, мудрейшие и святейшие среди нас, их устами вещает сам Наисветлейший. Их родственники и особо приближённые лица составляют круг Просветлённых Учителей, помогающих им. А дети и молодые люди, не достигшие ещё совершенных лет, из этих почтенных семейств, именуются Просветлёнными Послушниками. Просветлённый Послушник Аминтанир, сын одного из семи Великих Вождей, да продлит Наисветлейший их лета, несомненно достойный и чистый душой юноша... Но он поддался искушению, свойственному юности, что может выдержать соблазны ваших миров, и покинул отчий дом, чтобы испытать себя. Мы были посланы вернуть его под кров достойнейшего отца и благотворную опеку учителей... И поверьте, для нас огромное расстройство потерять его уже почти на пороге родного дома...

— Куда он мог полететь? Он упоминал какие-то конкретные места, где он хотел бы побывать? Раз он взял с собой Виргинию — можно полагать, что он полетел к Земле?

Генерал Аламаэрта задумчиво потёр подбородок.

— Все наши корабли имеют особую маркировку в системах, по которой можно по крайней мере попытаться отследить их путь... Проблема в том, что вся необходимая аппаратура для этого есть только у нас на базе, мощностей «Веринте» для этого едва ли хватит, «Веринте» дезориентирована, теперь ещё больше... Если мы возьмём оборудование...

— Только сделать это нужно быстро, потому что течения в гиперпространстве за это время безнадежно исказят след, верно? И у нас снова будет миллион возможных направлений вместо одного или двух?

Капитан Лауноскор вцепился себе в волосы.

— Спустившись на планету и представ перед начальством, я вынужден буду отвечать за то, что потерял Просветлённого Послушника у самой планеты и представления не имею, где он сейчас и как повлияет эта развращённая земная женщина на его неокрепший ум... Нас всех поразит гнев Наисветлейшего...

Генерал скрипнул зубами.

— Спустившись на планету и представ перед начальством, я вынужден буду отвечать за то, что потерял один из лучших наших кораблей. Я подчинился вам, как духовному лицу, явившись сюда вместе с помощниками, считая, что моему кораблю ничто не угрожает... Уж простите меня, капитан Лауноскор, но вам нельзя было доверять даже выкатить годовалое дитя на прогулку, я настаивал, чтобы эту миссию поручили военным, но вы, видите ли, боялись огласки... Если сейчас с этим мальчиком что-то случится — в этом будет и ваша вина.

— Вы забываетесь, генерал, и совершаете двойной грех, говоря сейчас на языке чужаков!

— За свои грехи я как-нибудь отвечу, когда предстану перед Наисветлейшим, а сейчас я отвечаю за потерю корабля. И считаю, что иномирцы имеют право на исчерпывающую информацию о происходящем, потому что несут тоже немалый риск — на корабле их человек. Нам необходимо спуститься на планету. Нашим кораблям необходима починка и отладка систем после потери мощности из-за экстренного, неправильного отсоединения «Золотого Дара». И мы должны оказать содействие в ремонте этим людям, корабль которых потерял недопустимо много энергии. После чего мы должны сказать, что, как виновные в произошедшем, сами отправимся на поиски «Золотого Дара», и вернём и Просветлённого Послушника, и похищенную им женщину. Вот что нам нужно сделать, я полагаю.

Выражение лица Лауноскора было кислым.

— Как бы то ни было, избежать огласки больше не удастся, — задумчиво проговорил Ли, — нам следует разослать ориентировки всем «Белым звёздам», находящимся сейчас в патрулях. И, чёрт возьми, нам тоже предстоит сейчас непростой разговор с начальством...

Комментарий к Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 3. Сопrotивляясь кошмару

Не знаю, какое затмение на меня нашло, потом я пересмотрел соответствующую серию «Крестового похода» и обнаружил, что лорканцы ничуть не синелицые. Но решил не исправлять. Пусть хоть одна раса будет синяя, для большего разнообразия.

==== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 4. Лицом к лицу =====

Пожилой минбарец с жиденькой бородкой склонился в почтительном поклоне.

— Разумеется, имя доктора Элайи Гроссбаума хорошо известно нам. Фриди Энх часто говорил о вас, как об одном из самых уважаемых и дорогих ему коллег-неминбарцев...

— Я предпочёл бы называть себя не коллегой, а учеником блистательного фриди Энха. Его труды, и наша совместная работа в течение тех трёх лет на Тавалане оказали на меня ни с чем не сравнимое влияние... И я рад знакомству с его учеником, о котором я слышал столько хвалебного уже тогда. Разрешите представить вам моих детей, Ноэля и Эстер. И, хотя мне очень хотелось бы расспросить о здоровье и делах почтенного Энха, я позволю себе сразу перейти к тому, что привело нас сегодня к вам. Мы возвращались в родной мир после пятилетнего отсутствия — эти годы нам пришлось провести на Шри-Шрабе... И встретили в гиперпространстве дрейфующий корабль. До сих пор не решусь даже предполагать, что же там произошло... Мы обнаружили на этом корабле женщину. Единственного человека, больше — ни выживших, ни тел. Женщина в очень тяжёлом состоянии, предположительно — это травма ментального характера, от очень сильного ментального воздействия... Других

предположений, собственно, и нет. Моя область, как вы знаете, касается врождённых дегенеративных заболеваний нервной системы, и по правде, я не знаю никого на Земле, кому мог бы предложить настолько сложный случай. Ваша же специализация, а так же ваш опыт, внушают мне хотя бы надежду... Я знаю, что минбарские врачи готовы оказывать помощь бесплатно, однако всё же здесь не идёт речь о гражданине вашего мира, и оборудование и препараты всё же стоят денег... Но я полагаю, моих скромных средств будет достаточно...

— Поверьте, доктор Гроссбаум, одного вашего имени, вашей дружбы с фриди Энхом, достаточно, чтобы мы не отказали вам в такой просьбе. Но что же насчёт родственников этой женщины? Они дали своё согласие на её лечение на Минбаре? Или, вы полагаете, они погибли на том корабле?

— Родственников... Можно считать, что нет. Её зовут Офелия Бестер, её мать умерла несколько лет назад — я слышал об этом от коллеги, как раз незадолго от своего отбытия, довольно серьёзная патология, операция закончилась неудачно... А отец — известный преступник в моём родном мире, осужденный на пожизненное заключение. Никакой помощи своей дочери он оказать всё равно не может.

— Бедная девушка... воистину ужасная судьба. Значит, никаких других родственников у неё нет?

— Наши биометрические базы устарели на пять лет, да и прежде не были исчерпывающе полны. Насколько я знаю — нет. Единственный её родственник находится в её чреве. И об этом мне особенно мучительно думать. То, что несчастное дитя ещё живо — несомненно, божье чудо, но как отзовется на нём то, что произошло с его матерью? Не родится ли этот ребёнок единственно для того, чтобы страдать?

— Мы сделаем всё возможное, доктор Гроссбаум. У нас много прекрасных специалистов. Если помочь этим несчастным созданиям в силах современной медицины — это будет сделано.

— Мы отправимся на поиски вместе с генералом Аламаэрта, иного и разговора быть не может. Но мне кажется, сперва мы должны долететь до Минбара и высадить вас...

— У нас нет на это времени! — Алан стиснул кулаки, бледный, злой, — и мы не можем вернуться без Виргинии. Права не имеем, понимаете? Мы должны вернуться все вместе!

Андрес посмотрел на него с неким энтомологическим интересом.

— Влюбился, бестерёньш?

— Тебе какое дело? Я просто не успокоюсь, пока её не найдут!

— Да успокойся, успокойся, я-то, в общем-то, того же мнения, но первым пунктом у нас починка, потом связь с Минбаром... И вот если оттуда нам прикажут сначала возвращаться и посадить всех гражданских — что делать будешь?

— Отправлюсь её искать.

— Сам?

— Сам.

Шеннон фыркнул и покрутил пальцев у виска, Блескотт хотел, видимо, сказать что-то едкое, да раздумал.

— В общем-то, мальчик прав, — к столу, шаркая ногами, подошёл Филлмор, в его дрожащих руках вибрировал стаканчик с кофе, — нам, конечно, всем не терпится поскорее добраться к исходному пункту назначения, некоторых тут на Минбаре ждут близкие... Но если мы сейчас потратим время на ремонт — ну, тут ничего не поделаешь — а потом на

доставку нас до Минбара, то можно считать, что мы на девочку плюнули. И сейчас-то уже, боюсь, шансы найти её живой-здоровой невелики...

— Давайте всё же без мрачных мыслей! Если так рассуждать, то вообще отказаться от поисков?

— В конце концов, кому не терпится — могут слезть на Лорке и оттуда отправиться на Минбар...

— А с Лорки что, ежедневные рейсы до Минбара ходят? Или вообще куда-нибудь, кроме Бракоса? Как хотите, но я лично пас. Лучше я год буду болтаться на этом корабле, пока он облетит все закоулки вселенной, куда этот маньяк мог утащить девушку, чем рискну сдохнуть на целой планете таких ненормальных. Извините. Я вообще откровенно боюсь оставаться в чужом мире, где даже нет земного посольства, тем более — в мире таком.

— Вообще-то, вот как раз вам, Филлмор, лучше б с путешествием не затягивать. Ваше здоровье...

— Девочка моя, я понимаю, что ты врач и у тебя это профессиональное, но у моего здоровья были проблемы, когда тебя ещё на свете не было. Торчать на этой планетке — вот что точно на моём здоровье отразится плохо. Что-то гадкий кофе пошёл, а, на зубах скрипит...

— Согласен, — кивнул Моралес, — у меня от этих ребят тоже мороз по коже. А если рейса придётся ждать месяц, два? Место, мягко говоря, не туристическое. Если какой торговый возьмёт нас из жалости... Все кредитки-то того, я лично гол как сокол.

— Ну, может быть, лорканцы, в качестве жеста доброй воли...

— Лично я пока не готов проникнуться к ним таким высоким доверием. Они уже вон как отплатили на нашу помощь...

— А вы, мисс Карнеску, что бы выбрали? Остаться на Лорке или продолжить поиски?

— Хороший выбор, в котором вообще нет выбора! Оба варианта хуже некуда!

— А может быть, нас смогут добросить до Бракоса? Оттуда хотя бы...

— И, если я хорошо знаю бракири, на одни переговоры уйдёт неделя.

— Ну, лично я готов рискнуть. Поиски могут затянуться надолго, учитывая их фору. Меня ждут жена и дочь.

— Поганая ситуация, что ни говори, поганая.

Известие о произошедшем на орбите Лорки было ударом для всех. На Кэролин Ханниривер попросту больно было смотреть.

— Как? Как это могли допустить, как позволили, чтобы это произошло? Что этот ненормальный собирается сделать с моей дочерью? Куда он её потащил? И где были все они, когда он её похищал, почему никто не услышал, не пришёл на помощь?

— Но что же с остальными, сколько нам ждать возвращения наших близких?

— Рейс из-за нас и так порядочно задержали. В конце концов, просто невежливо заставлять всех ждать из-за нас...

Шеридан выдохнул.

— Десмонд Хауэр, Роберт Шеннон и Виктор Грей планируют остаться на Лорке в ожидании рейса до Минбара. Ну, не напрямую до Минбара, наверняка с пересадкой, но полагаю, максимум через пять дней они буду здесь. С ними отправляются два рейнджера, чтобы сопроводить Дерека Германа, который... серьёзно пострадал. Я надеюсь, что многоуважаемые ваши будущие попугачики согласятся подождать...

— Слава Мадонне!

— Надеюсь, больше в пути они не встретят никаких неприятностей...

— Ну, Лорка... место не самое приятное для высадки, но их желание как можно скорее воссоединиться с близкими... Тем более что лорканцы, во искупление своей вины, готовы сделать всё возможное, даже, не исключено, лично доставить их сюда, тогда получится даже быстрее.

— Погодите, а что же насчёт остальных?

— Остальные передали послания... Полагаю, мисс Блескотт, лучше, если вы прочтёте это лично. То же касается и вас, мисс Сандерсон.

Виргиния зачарованно трогала приборные панели — они радужно переливались и тихо гудели под её пальцами.

— Какая красота, какое чудо... И ты действительно умеешь этим управлять?

— Не так чтоб совершенно, Виргинне. Я изучал эти технологии, но никогда не видел такой корабль изнутри.

— Ну, я смотрю, ты хорошо справляешься. Я же говорила, всё у нас получится... Теперь надо задать координаты... я записала, теперь бы ещё перевести их на ваш язык... Ой, что это?

Корабль слегка качнуло, потом снова и снова. Аминтанир нажал несколько кнопок, включая внешние сканеры.

— Это... Странные корабли, никогда не встречал упоминаний о таких... Они окружили корабль! Их множество!

Виргиния взгляделась в медузообразные очертания на голографическом экране.

— Это не корабли вовсе... Я читала о таких. Это какие-то примитивные существа, их часто видят в гиперпространстве. Возможно, они живут здесь. Их привлекают движущиеся объекты, но они неопасны, неагрессивны...

— Что они хотят с нами сделать?

— Они... играют с кораблём, — Виргиния запрокинула голову, улыбаясь, — мы им нравимся! Они так забавно переговариваются между собой... им нравится то, что корабль такой гладкий, как... как мячик, не знаю, есть ли у них мячики, и их забавляет то, что внутри нас двое. Двое в одной забавной скорлупке... Они думают о том, что им никогда не попадалось ничего настолько... милого... Это совсем молодые особи, очень весёлые и игривые...

Глаза Аминтанира были огромными.

— Виргинне! Ты Всеслышащая?!

— Что?! А, это ваше название телепатов?

— Это значит, что на тебе особый знак Наисветлейшего! Только святые, безупречные люди могут быть Всеслышащими! Даже в семьях Великих вождей нечасто рождаются Всеслышащие!

— Ваше б восприятие слышали на Земле... некоторые... Хотя, у нас своих маразмов хватает... Ну да, я телепатка. Занятно, мы столько с тобой говорили, а о таком факте я упомянуть забыла... Ну, у нас на Земле телепаты рождаются у кого ни попадя, моя мать точно под ваше определение святости не подпадает...

— Они уходят? Оставили нас в покое?

— Я сказала им, что мячику нужно продолжить путь, а их ждут их старшие... Жаль,

конечно, я б не отказалась побольше узнать об этих существах... Но нам нужно спешить, верно? Так... координаты вроде прошли... Готовимся к прыжку!

Дейл, занимавшийся поиском по базам, явился, стоило Шеридану дойти до своего кабинета.

— Ну что ж, раз у нас круг подозреваемых сузился до тех, кто не смог — или не захотел — эвакуироваться... Легче, правду сказать, не особо стало. На Алана Сандерсона практически ничего, родился, лечился, учился, никаких грехов за ним вроде нет, что папаша-то Бестер, так это не грех... правда, диагноз у парня обременительный...

— Ну, об этом я уже немного в курсе...

— Второй, Андрес Колменарес, поинтереснее. Тоже ограниченно дееспособный, пять лет провёл в сумасшедшем доме, в прошлом из нелегалов — с пятнадцати лет скрывался от Пси-Корпуса, состоял, как говорят, в террористической группе, ответственной за взрыв гостиницы в Каракосе в 62 году, там останавливались корпусовские агитаторы перед съездом...

— Ну, уже теплее...

— С пропавшей девушкой пока сложно, дочь министра, информации в свободном доступе не так много, но ребята работают. Вторая девушка, которая Карнеску... Тоже ничего. Я даже удивлён, что существуют такие персонажи. Выросла в детском доме, о родне в свободном доступе ничего, мы работаем и над этим, но подозреваю, смысла с этого будет немного. Училась, потом работала, связей не то что преступных, вообще никаких, кажется, кроме учёбы и работы её ничего в жизни не интересовало. Характеристики отовсюду сдержанные — кажется, характер у мисс Карнеску тот ещё, но закон никогда не преступала. Серьёзно, даже лёгкую дурь не употребляла...

— Как знать, как раз людям с образцовой биографией иногда меньше всего причин доверять... Ну, далее?

— Август Филлмор... Оно, может, и опрометчиво так думать, но полагаю, ему попросту по возрасту уже не до авантюры. Ему 79 лет. Год назад перенёс операцию на сердце, непростой восстановительный период... В прошлом — коммерческий телепат, характеристики в основном очень хорошие — первый год в Корпусе провёл в лагере «меченых», после этого, видимо, старался вообще ничем не вызывать неудовольствия. Из родственников — только дальние среди нормалов, жена и сын погибли в 64, внучка умерла во время дракхианской эпидемии... В общем, думаю, нет, не наш клиент. Роберт Шеннон — в прошлом преподаватель математики в корпусовском интернате, в последние годы — школьный учитель, в характеристиках отмечена неуживчивость, склочность, два года назад привлекался за драку в общественном месте, впрочем, зачинщиком был не он. Первая семья погибла при попытке сбежать в подполье, вторая семья — во время теракта Земной Гвардии... Но проблем с законом не имел никогда, от Бюро о нём тоже характеристики хорошие.

— Добропорядочные корпусовские ребята, понятно...

— Ну, Сидней Ромм — не очень добропорядочный. Чтобы не сказать — совсем не... Удачливый карточный шулер, по мелочи ещё некоторые мошеннические дела, Корпус охотился за ним десять лет, по-моему, это рекорд в подобной категории. Несколько раз арестовывался полицией Земли и гвардией Центавра, службой безопасности космических станций. Сбежал каждый раз. Отсидел свою десятку уже после падения Корпуса, сел как раз

перед дракхианской чумой, то есть, освободился как раз недавно. До чего ж удачливый чёрт...

— Ну, значит, не настолько удачливый, раз на сей раз не смог сбежать.

— А зачем? Во время чумы в тюрьме было безопаснее. Ну а потому как-то остепенился, что ли, увлёкся там музыкой, не поверите...

— Проверить, в общем, этого субъекта стоит как следует. С такой-то яркой биографией... Кто там ещё остался? За китайца, сколько помню, горячо ручалась его сокурсница...

— Да наверное даже, правильно ручалась. Мальчик то же, что и мисс Карнеску, из тех, кого ботаниками называют. Институт экстерном, аспирантура, невероятная куча олимпиад, начиная с младшей школы... И специализация — энтомология, это, то есть, ну вообще никак... Из знакомств вне сферы научных интересов только несколько друзей по корпусовскому интернату, тоже низкорейтинговых и увлечённых либо наукой, либо искусствами, из родственников осталась тётка, но они не общаются... Ну, по Блескоттам всё примерно как и сказала мисс Блескотт, у Хауэра из того, о чём умолчала жена — тяжёлая история с предыдущей семьёй, долгий бракоразводный процесс, суд, там чудом не дошло до криминала, но с нашей историей тоже никакой связи. Тяжелее-то всего с этими Викторами...

— Викторами?

— Ну да, Виктор Греев только в нужном возрастном диапазоне двадцать человек нашлось, это тех, кто по последним данным проживал на Земле, а не в колониях. Уж сразу бы Джон Смит... Ну, пока нашего среди них не нашли, видать, что-то ввели неверно, может, жил он не на Земле — на Марс мы запрос пока не посылали... Ну да, только на него и Сандерсонов нет биометрии, билеты без бронирования, только роспись... В некоторых кассах на Земле до сих пор удивительный бардак творится.

— Так... Что-то мне не нравится во всём этом... Куда это нас вынесло? Я не то чтоб эксперт по картам, конечно, но как-то это отличается от того, что мы сейчас должны видеть... Вот это, например, что за дрянь здесь? Ну, не газ, конечно, газовое облако... Ой, что это? Сигнал? Кто-то пытается выйти с нами на связь?

Аминтанир включил трансляцию.

— Это автоматический...

Сначала сигнал шёл на других языках, потом на земном.

— Вы пересекли границу запретной зоны, планета на карантине, биологическая угроза, просим немедленно повернуть назад...

Видимо, то же самое последовало ещё на нескольких языках.

— Карантин, биологическая угроза? Ого... Теперь я точно уверена, что нас вынесло не туда... Но как это получилось? Аминтанир, разворачиваемся!

— Мы не успеем, скорость слишком высока!

— Ты знаешь, что такое карантин по биологической угрозе? Если эта штука, которая нас засекла, не подобьёт нас сейчас — то точно собьёт, когда мы развернёмся от планеты! Ей как-то плевать, что мы на неё не садились, главное — приблизились!

— Я пытаюсь, Виргинне, но это то, что я не очень хорошо знаю в корабле... Они готовятся стрелять, да?

— Аминтанир, я знаю об этом корабле ещё меньше твоего, и тебе вот на такой скорости

трудно маневрировать, а мне — сканировать эту штуку! Я вообще, знаешь, без году неделя у пульта, до тебя мне только Андрес... Ай!

Луч чиркнул по обшивке корабля вскользь — Аминтаниру всё же удалось совершить манёвр уклонения. Однако и этого хватило...

— Мы падаем! Падаем в атмосферу этой планеты!

— А вы почему не хотите сойти, Блескотт? Если лорканцы и в самом деле готовы доставить нас до Минбара... Чёрт их знает, конечно, таких кукукнутых, я вот лично им свою жалкую жизнь не доверю, но мало ли, вот Хауэр верит. Хауэр вообще, кажется, готов хоть с пак'ма'ра лететь... У вас ведь там сестра. Она так беспокоится о вас...

— Да в этом и дело, Харроу, в этом и дело.

— Не понял?

Блескотт мрачно мял в пальцах последнюю сигарету. Как-то бросать курить у него в планах не было, но всё, кроме початой пачки, сгнуло с багажом, а путешествие затянулось, а в возможность купить сигареты на Лорке верилось немногим больше, чем в наличие там секс-шопов.

— Моя сестра... Она ведь мне сводная сестра, на 20 лет меня младше. Папаша на старости лет отчудил, женился на малолетке, кажется, она несовершеннолетняя даже была, студентка-младшекурсница... Я с нею и знаком-то не был, я работал тогда на Ио, семью навещал редко... Потом она исчезла. Вот просто исчезла и всё. Ну, я, конечно, полагал — сбежала, хватило с неё семейной жизни, дитё даже не пожалела... Папаша-то понятно, убивался, искать её пытался, чёрта с два его было убедить, что там любовью вселенской и не пахло... Крепко мы поругались тогда. Наталью я видел раза два, сперва работа-работа, потом война эта, потом снова работа, да и сам женился, развёлся, снова женился... В общем, когда спохватился семье письмо написать — узнал, что сестру в Корпус забрали, она телепаткой оказалась. Отца с горя сердечный приступ схватил... Я тогда в запой ушёл малость, но не об этом речь. И вот только когда Корпус медным тазом накрылся, мы с ней встретились. Точнее, она меня нашла... Уже развелась с навязанным там мужем, фамилию родную вернула... В общем, как бы это сказать? Ну какое такое понимание-то у меня есть, что она мне сестра? Ну, понимание-то как раз, умственное, есть. А внутри вот что-то не понимает. Не росли же вместе. Встретил уже взрослой женщиной, красавицей. А самое паршивое, что и у неё ведь что-то такое прорезаться стало. Я уже пять лет как во втором разводе, она, конечно, всё своего любимого вспоминает, но всё-таки сколько лет назад это было — она девчонка совсем была, и он пацан, с тех пор и погибнуть мог, и другую найти, что угодно... Но уж пусть она его найдёт, или другого кого встретит, поди, немало там неженатых... Не хочу я, чтоб она ещё, чего доброго, из-за меня осталась. Тогда уж у нас неровен час до греха дойдёт, на одной планете нам не жить лучше. Я и провожать её не хотел, да настояла же.

— Ну и история. Не думал, что такое бывает...

— А чего не бывает-то? Не совсем родная ж, только наполовину, да и не росли вместе...

— А вы, Шеннон, просто боитесь на рейс опоздать, или к кому-то конкретно рвётесь?

— А чего не так, не пойму? Веские основания нужны, круги с вами по вселенной не наворачивать? Я на это всё не подписывался, не в моём возрасте, извините! Я билет на нормальный рейс из конца в конец покупал, а не на такие вот аттракционы! Ну, корабль этот отбуксировать — понимаю, сами по краю прошли, порядочность элементарную надо иметь... Но ещё за синими маньяками я по околоткам вселенной не гонялся! Ну и да, родня у

меня в том Йедоре оказалась. Мы друг друга мёртвыми считали, так уж я хоть посмотрю на них, лететь или нет — там решу...

— Ну как трогательно-то, — пробурчал Ромм, — долгожданное воссоединение семейства с отцом, который их же и сдал! Это да, раз тебя на корабле не убило, так может, там убьют...

— Я смотрю, кто-то язык за зубами вообще не держит! С ним как с человеком говоришь, сокровенным, можно сказать, делишься, а ему, посмотри, чужая жизнь навроде анекдота! «Сдал»... Хотя с кем я говорю-то, эталон морали с послужным списком толще Библии...

— В моём послужном списке предательства нет. Ты ж когда их планы копам сдавал — ничего, нормально было? Ну так и меня треплом не называй. Про мораль он ещё заикаться будет... 20 лет как спалось, считая, что жену и сына собственными руками, считай, убил?

— Я тут перед ничтожеством, которое от Корпуса по трущобам и борделям ныкалось, ещё не оправдывался! Тебе-то хорошо спалось — нормалов как липку обдирать? А теперь посмотри-ка, с вещами прямо из тюряги в телепатский рай собрался! Он для таких, как ты, и есть, уж точно...

— Я тебе сейчас показать могу, на чём я твой Корпус вертел! Вот забыл я у каких-то фраеров спросить, на что мне свой талант тратить, на карты или на что! Что наработал — за то отсидел, а вот ты за своё не сидел, к сожалению — жертва, твою мать, обстоятельств! Может, меня туда, конечно, и на порог не пустят — пойму, чего уж! Но корпусовских-то выроdkов прямо на этом пороге убивать надо!

— Эй, парни, парни, остыньте!

— Ты это, про корпусовских выроdkов, и Филлмору, и Хауэру, да? И Грею?

— Филлмор хоть пытался сопротивляться. Хоть слабак, конечно, зато не предатель. Хауэр тоже мешок с дерьмом, но там и жёнушка первая была — Бестер в юбке... А Грей что, чем не выродок-то?

— В лицо ему это скажи!

— Погоди, а что с Греем-то не так?

— А попробуйте сами его спросить, а? знаете, как таких между нами называли? «Жучки»! Вон у Колменареса спросите, он должен знать...

Виргиния наконец решилась открыть глаза и выпустить из рук поручень мостика. В падении это лучшее, что она могла сделать — вцепиться покрепче в ближайшую конструкцию, чтобы в болтанке её не швырнуло о стену или, того хуже, приборную панель. Аминтанир до последнего пытался вернуть управление кораблём, но в конце концов тоже вцепился в кресло, другой рукой прикрывая лицо.

— Так... Смотрю, мы живы...

Лорканец в порядке подтверждения на родном языке нараспев произнёс какую-то благодарность божеству.

— Всё же Наисветлейший благоволит к тебе, Виргинне! Хоть ты из не почитающего бога народа, но ты Всеслышащая, в этом есть знак!

— Я что, спорить буду? Может, и есть. Я о боге мало что знаю и судить не собираюсь.

— Неужели ты не думала сейчас, Виргинне, что может быть предстать перед Наисветлейший?

— Говорят, в падающем самолёте атеистов нет... Некогда в падении о боге и покаянии

думать! Тут думаешь, как не разбить башкой какой-нибудь монитор, и какие могут быть повреждения у корабля, а вообще большинство мыслей не очень-то печатны... А сейчас меня больше беспокоит диагностика. Похоже, мы здорово приложились оземь...

Один из экранов пискнул, выдал череду непонятных значков, ярких пятен и сменился непритязательной заставкой со звёздным небом.

— Системная ошибка, я так понимаю, — глубокомысленно изрекла Виргиния, — что-то в его электронных мозгах здорово перемешалось, и я даже не могу понять, что... Да, не на ту профессию я пошла, теперь вижу...

Второй экран выдал уже что-то более осмысленное, сквозь помехи проступил забортный пейзаж — высокие деревья, густые заросли каких-то кустов, сквозь которые проступала поляна.

— Отлично... Себя он пока осознать-осмыслить не может, так хоть вокруг оглядеться... Как будто тихо-мирно всё... Формы жизни — сто... двести... Ого, планетка-то жиденькая! Никаких технологий в радиусе... Сейчас попробую увеличить... Ну, похоже, никто на нас нападать не собирается, спасать, впрочем, тоже.

— Нам придётся выйти наружу?

— Можно и ещё сколько-то посидеть внутри, конечно, но, боюсь, божественное озарение отладить системы мне не поможет. Ты пробовал запустить двигатели — что они выдали? То-то же. Здесь же должны быть скафандры? И какое-то оружие, в котором ты более-менее уверен, что знаешь, как пользоваться?

Корабль словно задумался, прежде чем открыть шлюз. Но открыл. Скафандры — Виргиния предположила, что они, как и корабль, остались в наследство от расы, прежде населявшей Лорку — не стесняли движений, но непривычно хрустели, что первое время нервировало.

— Странно... Что ж такое случилось с этим миром, что прямо биологическая угроза-то? Датчики не показывают ни ядов, ни опасных вирусов...

— Быть может, это неизвестный им вирус.

— Думаешь, чума дракхов? Так её вроде бы везде... Ладно, пока скафандры снимать не будем, осмотримся...

Пока что негустой лес, на краю которого им повезло шлёпнуться, производил самое идиллическое впечатление. Стоял солнечный день, лёгкий ветерок покачивал древесные кроны, с ветки на ветку прыгали какие-то создания, по-видимому, местные птицы, то и дело прямо перед самым стеклом скафандра пролетало какое-нибудь насекомое.

— Было б время — конечно, запустили б сканирование ещё из атмосферы, определить, есть ли здесь разумные формы жизни... Но не до того было. Ну, если не найдём тут разумную жизнь, к тому же доброжелательно настроенную — придётся как-то самим...

— Быть может, мы упали в необитаемой области. Но это не страшно, если они есть, они засекли наше падение и найдут нас.

— И вот тогда будет страшно, ага. Я просто тут как-то некстати вспомнила, как в некоторых мирах, включая наш, было дело, реагировали на что-то вот так упавшее... Ну да ничего, как-нибудь прорвёмся. Интересно другое — насколько они потенциально готовы и согласны нам помочь. Если у них тут биологическая угроза — им и без нас проблем выше крыши... Слышишь? — Виргиния вдруг выхватила бластер.

— Ничего не слышу.

— Вот именно — ничего! Только что тут такой гомон был, такая трескотня — просто

хоть записывай хиты дикой природы. А тут — раз, и стихло всё. Папенька говорил, не к добру такое. Когда вся природа стихает — значит, чувствует угрозу.

— Быть может, они испугались нас?

— Да нет, тут другое. Нас они и два километра назад испугаться могли.

Виргиния остановилась, сделала знак и Аминтаниру замереть. За ближайшими деревьями что-то мелькнуло...

— Чтоб я сдохла! Это что, осьминог?

— Внешне это похоже на осьминога, или же, в нашем мире есть подобные существа, они называются...

— Но осьминоги же не бывают сухопутными?

— Я мало изучал биологию иных миров, это не входило в мою программу, поэтому не знаю.

— И я вот такого не знаю. Похоже, оно готовится к прыжку...

— Они хищники?

— Ну, по идее да, но что-то вот это какой-то совершенно психованный...

Молодые люди синхронно пригнулись, и неправильный осьминог пролетел у них над головами. Упав в траву, он сгруппировался, поднялся на двух щупальцах, угрожающе вытянув в их сторону третье. На огромной голове блеснули маленькие злые глазки.

Виргиния включила внешнюю связь.

— Эй, тварь, если ты разумен... Хотя бы немного... Не нападай на нас, мы не враги тебе. Мы не пришли захватывать твой мир, нам самим нужна помощь.

— Мозг! Разумный мозг! Моя добыча!

— Что? Пожелал мой мозг? Не могу не похвалить твой выбор, но мне он самой пригодится! Ты что, питаешься мозгами? Ты осьминог-зомби?

— Моя добыча! Все ваши ушли, вам никто не поможет!

Тварь, спружинив щупальца, совершила ещё один бросок. Виргиния и Аминтанир открыли огонь одновременно, и не прекращали, пока основательно прожаренная туша не шлёпнулась неаппетитной склизлой кучей в полтора метра от них.

— Ну и дела... У них тут случился зомби-апокалипсис? Хорошо, вопросов про биологическую угрозу больше не имею.

— Думаю, нам следует вернуться на корабль.

— Мысль разумная, но неверная. Ты слышал, что он сказал? «Все ваши ушли». Значит, они здесь были! Не знаю уж, о каких «ваших» он говорил, не факт, что это были земляне, может, для них все двуногие на одну морду... Но факт в том, что кто-то тут был, а значит, тут могли остаться средства связи, какая-то техника...

Андрес медленно брёл по ровному, заросшему высоким цветущим сорняком полю, начинавшемуся сразу за космодромом. Хорошо всё-таки, что космодромы окружает такая солидная буферная зона — прогуляться по твёрдой земле хочется до боли, до зуда в ногах, но если вспомнить, в каком мире вынужденно довелось гостить, можно понять Харроу и Моралеса, сказавших, что носа из корабля не высунут до старта.

Но, к счастью, если велеречивые поклонники Наисветлейшего и склонны прогуливаться на природе, размышляя о величии своего божества, то, во всяком случае, не в этот день и час. Только тихий посвист каких-то насекомых в траве, только шорох сминаемых при ходьбе стеблей, только лёгкий, как шлейф духов незнакомки, запах цветения. Одиночные цветки по

стеблю — лиловые, густые соцветия — бледно-голубые, кажется, так пахнут именно они. Медоносы, не медоносы... Если подумать, что тут ещё какие-то пчёлы есть... Усмехнувшись почему-то этой мысли, Андрес прорезал собой очередную лиловую полосу, вклинивающуюся в бледно-голубую, и остановился, едва не споткнувшись о лежащего прямо на земле, заложив руки за голову и созерцая бледно-голубое небо, Андо.

Парень перевел взгляд на источник наползшей на него тени, сколько-то времени обозревал упирающуюся в небо фигуру с некоторым удивлением, а потом осторожно сел, подтянув колени к груди и обхватив их руками.

— Здесь очень тихо, — медленно произнес он, — Так тихо, словно эта планета никогда не знала войн. И это так странно, именно здесь. Когда я был на Земле, даже в местах, удаленных от мегаполисов, нет таких участков, от которых не исходил бы крик боли... потеря. А здесь словно этого никогда не было.

— Ну не знаю, если у них есть доблестная и какими-то там заслугами богатая армия... Впрочем, это не то, о чём мне хотелось бы знать больше. Подозреваю, какие-то войны были и здесь, 500 лет не тот срок, за который подобный народец не смог бы подраться между собой по вопросу, кто правильной поклоняется Наисветлейшему. Не знаю даже, что удивительно — то, что они не самоуничтожились окончательно, или то, что они ещё не заполонили собой всю планету, при их жизненных ценностях... В общем, пусть это прозвучит сейчас сколь угодно невежливо, но отрадно пройтись по такому приятному, спокойному месту и не встретить ни одного лорканца. Видит бог, они за дорогу сюда вывели из себя даже терпеливых рейнджеров, а если нам ещё предстоит совместная с ними экспедиция... Но деваться-то некуда.

Андо прикрыл глаза, опрокидываясь обратно на траву, раскинув руки. Такое спокойствие — словно затишье перед бурей, почему-то настойчиво носилось в голове.

— Не думал о лорканцах в таком ключе. Честно говоря, я вообще о них не задумывался, пока мы не прилетели на их планету. Гораздо более интересующий меня вопрос к ним совсем не относится. Череду случайностей могла привести к возникновению каждого прекрасного мироздания, которое я видел, череда случайностей приводит их к гибели. Но в каждой такой череде есть закономерность, и в том, что произошло с вашим рейсом, она тоже есть. Вопрос в том, кому и зачем было нужно пронести с собой это на борт. И знал ли он о том, что на самом деле представляет из себя то, что он осмелился взять в руки. И чем это может обернуться — чем, как он думал, это должно обернуться... Насколько я знаю, те, кто обладал такими технологиями, не были самоубийцами. Это даёт мне право предполагать, что их последователи, или самозванные наследники, так же не готовы отдать свою жалкую, никчемную жизнь ради мнимого ощущения власти.

На последних словах руки Андо сжались в кулаки.

— Не взялся бы вообще рассуждать об обладателях таких технологий... Не встречался. Всё, что я слышал о чём-то подобном, вообще на грани слухов, если не сказать — кошмарных баек, какие рассказывают у костра. Но не ошибусь, если скажу — так или иначе, все на корабле думают об этом. Что не добавляет здоровья атмосфере, но что делать — не знает никто, вернее, никому не хотелось бы совершать первое действие... У меня чёткое убеждение, что тот, кто это сделал — во-первых, всё ещё среди нас, это там, на корабле, можно было считать подозрением, теперь это уверенность. Во-вторых — что это телепат. Не только потому, что нормалов, не успевших эвакуироваться, было много меньше, но и потому, что будь это нормал, я его уже бы вычислил. И вот именно это ставит в тупик и не

предлагает ни одного вразумительного шага — как телепат мог не понимать, с чем имеет дело? А если понимал...

Парень повернулся на бок, подложив руку под голову.

— Телепат. Без сомнения, телепат, никто другой не смог бы так долго не проявить себя. И мне кажется, он прекрасно понимал, что делал... Это неприятно и даже в какой-то мере грустно. Я, наверное, никогда не смогу понять подобных вещей. Никогда не перестану чувствовать к подобному... брезгливость, отвращение. Но это, пожалуй, даже нормально, насколько какая-либо норма вообще приемлема ко мне. Я не могу смотреть на подобные вещи под другим углом. Как не могла и Лита, как многие, кто пережил ту войну, и войну последующую. И мне неприятно, меня задевает это. Почему всякий раз, как только уничтожаешь эту дрянь в одном месте, она тут же возникает в другом? На другом конце галактики и с другим лицом, но она все та же дрянь. Почему последователи всё ещё находятся даже для такого наследия?

Андрес отрешённо наблюдал за ползущими друг к другу по травинке букашками.

— Звучит идеалистично, а мало кто оперирует такими категориями, если уж даже соображения собственной безопасности не останавливают... Ну, нет толку предполагать, сколько эта штука может стоять, там, где речь о больших деньгах, многие понятия меняют свою несомненность... Зачем это могло потребоваться везти на Минбар? Я не идеализирую минбарцев ни в коей мере, но подозреваю, это последняя раса, которая могла бы заинтересоваться в чём-то подобном. А даже если — для благих целей, для изучения, чтобы разработать оружие против подобного — то они совершенно точно нашли б иной способ доставки, без угрозы для гражданских лиц. Просто договорились встретиться с покупателем на Минбаре? Нашли место... Нет, это что-то другое, что-то вполне конкретное другое, но не то, что в действительности имело место, это было неожиданностью и для него...

Андо сел, тут же принявшись ожесточенно выдирать из встрепанных волос травинки и листики.

— Неожиданностью, это верно. Это не Алан, это верно. Это не Виргиния — потому что я уже разговаривал с ней, и это не ты — потому что ты бы уже не разговаривал со мной. Это телепат, имеющий свои представления о том, для каких целей позволено использовать подобные устройства. Телепат, имеющий своё представление об устройстве самого мира. И, если мы правы, то конечно же, он не был вам случайным попутчиком. С Минбара он отправился бы с вами последним рейсом к новому миру... действительно последним. Только это снова возвращает нас к пункту, что среди них нет самоубийц.

Длинные пальцы путались в рыжих прядях, то и дело Андо сдувал с лица паутинки волосков, норовивших попасть в глаза. Руки его дрожали, в голове роилось очень много мыслей, одна мрачнее другой.

Андрес опустил ся напротив него, примяв собой густую, упруго свившуюся в плотное покрывало траву.

— Эту хрень предполагалось притащить в новый мир? Ну, не то чтоб я не предполагал подобное... Но зачем? Зачем, с учётом того, что ему самому, так сказать, с подводной лодки деться было б некуда? Ну да, мы не знаем свойств артефакта, а он, предположим, знает... Может быть, речь не об уничтожении целого мира... Ну, мы не знаем этого наверняка, это правда, и мы, возможно, всё же ошибаемся, сбрасывая со счетов тех, кто спасся, и тех, кто погиб — мог же он пасть жертвой собственного идиотизма? Сплошь и рядом такое случается... Ну, тени мысли «Боже, что я натворил» я не ловил за всё это время ни разу. А

вот другое ловил... Паранойя, как я сам сказал Виргинии. Интересно, конечно, если ты выводишь её из-под подозрения, и Алана, и, спасибо, меня... Ну, сам-то я знаю, что это не я, а от других ждать доверия не вправе... А почему, хотя вроде бы, нет у нас особых оснований, мы всё время сходимся к убеждению, что это именно телепат, и что это именно телепат, оставшийся среди нас? А вот, если принять все эти допущения, которые, кстати, всё же могут быть ложными, то либо это должен быть конченный псих — а конченных психов на корабле, не считая лорканцев, трое, и всех троих ты за подозреваемых не считаешь — либо это сильный и опытный отморозок, который... твою ж мать!

Андо резко обернулся к нему. Образы, эмоции, обрывки логических связей роились в голове Андреса сумасшедшей каруселью, заканчивая лицом этого человека. Андо огромными глазами смотрел на Андреса, потом обернулся на корабль, который стоял в нескольких десятках метров от них, и снова шальной взгляд обратился к мужчине. Александер сам не мог бы вспомнить, когда он перехватил запястье Андреса пальцами и мысленно почти прокричал «Скорее! Нельзя допустить, чтобы он успел скрыться!» Подскочив со своих мест, они со всех ног помчались к «Белой звезде».

Алан готов уже был, смирившись, вернуться на корабль, но наконец увидел в дальнем конце мостка искомую фигуру.

— Господин Грей, господин Грей, подождите, пожалуйста!

Металлические листы настила так грохочут — не факт, что он услышит... Ну и во всяком случае, он может сделать вид, что не слышал. Однако он остановился, и встретил подбежавшего мальчика даже вполне благожелательной улыбкой.

— Да, ты что-то хотел, Алан?

— Я... — мальчик дико смутился и отчаянно теребил руки, тот порыв, с которым он летел сюда, разом улетучился, разбившись о достигнутую цель, как волна о камень, — я понимаю, что покажусь наглым и назойливым, но... Если вы окажетесь на Минбаре раньше нас, можете кое-что передать? Письмо моей маме... Я не могу в каждый сеанс связи просить времени для себя, это нахально, да и что это для неё — увидеть меня на экране не дольше минуты... Я написал ей большое письмо, обо всём, что произошло, о том, что со мной всё в порядке, что не о чем волноваться. То есть, конечно, есть, о чём, но я просто не могу иначе... А если мы прилетим раньше вас — то тоже хорошо, я расскажу всё маме сам, а вы просто выбросите этот кристалл. Вот. Я не прошу вас успокаивать её, хотя и боюсь, что она не слезет с вас живьём, пока вы не расскажете ей всё обо мне на десять раз. Что поделать, она такая... Но надеюсь, моё письмо ободрит её. Простите, может быть, для вас всё это звучит каким-то странным ребячеством, но для меня это очень важно. Мой отец умер, так и не услышав от меня тёплых слов, я не могу продолжать так...

— Всё в порядке, Алан. Она ведь твоя мать, и ты самое дорогое, что у неё есть. Я бы предложил тебе всё же остаться, и постараться как можно скорее добраться до Минбара, но если уж и капитан Ли полагает, что тебе будет лучше под присмотром рейнджеров — как я могу настаивать?

— Даже если капитан Ли так не полагал бы — я всё равно не мог бы остаться в стороне, пока они ищут Виргинию. Она была добра ко мне, я должен тоже чем-то ей отплатить. А... вы, господин Грей? У вас есть семья? Вы не говорили об этом... Извините, если спрашиваю о чём-то болезненном.

— Разумеется, есть, Алан. Все телепаты — моя семья.

— Да, но... Простите. Мне подумалось, хотелось спросить... Не потому ли вы решили остаться здесь, что вас как-то... ну, не очень приветливо воспринимают. Мне, поверьте, знакомо это, хотя со мной неправильно сравнивать... Вас отторгают потому, что вы были в Корпусе, хотя ведь не только вы... Это очень грустно, сколько лет прошло, а бывших нелегалов и бывших корпусовских всё равно мир не берёт.

Виктор неловко потрепал его по плечу.

— Ну, тут ты не прав. Конечно, врать тебе не буду, до полной идиллии далеко, но всё же Бюро объединило нас всех, особенно это касается молодёжи, они уже не делят себя на тех и этих... Вон, твоя сестра вышла замуж за сына Литы Александер, это ли не пример...

Алан вздрогнул.

— Откуда вы знаете?

— Так... Андо сказал. И вообще, разве это тайна?

— Андо не говорил с вами ни разу! А Офелия... Она же всех сторонилась! Даже мы с мамой ничего не знали...

— Бог мой, Алан, я просто слышал об этом, что в этом такого?

Алан и сам, на самом деле, думал уже, что ничего такого. Но что-то не отпускало его, никак не отпускало. Ему подумалось вдруг, что если быть честным — нельзя сказать, чтоб все особенно сторонились Виктора, или же Виктор сторонился всех. Скорее, его словно... не было. Словно он сливался с фоном, растворялся, становясь «одним из», а не собой конкретно. Что-то говорил отец как-то о том, как и почему так делают, если б он слушал отца, а не себя...

И Алан сделал то, что не думал, что когда-нибудь сделает. Он сделал шаг навстречу и ментально «врезался» в сознание Виктора.

— Что вы скрываете?

Разница в две позиции не стоит ничего, когда один — хорошо обученный взрослый, а другой — юноша с ментальными проблемами и сложностями с самоконтролем. Но Виктор не ожидал... И в сознании его, всего на миг, мелькнул раскрытый чемодан с покоящимся в нём тёмным предметом, похожим на мяч для регби...

— Вы! Это были вы! Какого чёрта, как вы могли!

Широкая и сильная ладонь зажала ему рот.

— Молчи! несчастная насмешка над именем великого отца... Есть вещи, в которых ты ничего не понимаешь, поэтому молчи о них!

«Что здесь нужно понимать? Вы чуть не убили нас всех!»

«Откуда я мог знать, что вас с матерью понесёт на этот рейс? Ты сорвал всё! Это ты чуть не убил! А я должен был — вернуть...»

«Помогите! Помогите, кто-нибудь!»

Алан неловко отбивался руками и ногами, но с тем же успехом, кажется, он мог подрагаться с вот этим кораблём за его спиной. Он пытался бить ментально, но это тоже было уже бесполезно — ограждённый безупречным блоком, Виктор только морщился, словно просто ветер бросал в лицо холодные, злые дождевые капли. Он подтащил мальчика к зазору в конце мостка, откуда хорошо виднелись внизу огромные тяжёлые шестерни подъёмного механизма...

Только убедившись, что все окна и двери в доме надёжно заперты, они смогли наконец перевести дух.

— Запас воздуха в баллонах на исходе.

— Я думаю, скафандры всё же можно снять. Я несколько раз смотрела на датчики — по-прежнему ничего... Видимо, биологическая угроза это всё же вот оно, по-моему, на одну несчастную планету достаточно...

Аминтанир всё же колебался, но когда Виргиния без дальнейших раздумий освободилась от скафандра, последовал её примеру.

— Честно говоря, это прекрасная возможность... обзавестись чем-то полезным, — землянка прошлась по комнатам, захлопала дверцами шкафов, — не знаю, как ты, а лично я не против бы была переодеться. Не то чтоб меня что-то не устраивало в моей одежде, но я живу в ней безвылазно уже как-то ненормально долго. А военная форма, которая имеется на нашем корабле, во-первых, немногим лучше твоего нынешнего одеяния, во-вторых, не по размеру ни тебе, ни тем более мне.

— Виргинне, но это... это чужое!

— И где в ближайшем радиусе ты видишь собственников этого добра? По-видимому, они бежали без оглядки, раз побросали это всё... А может быть, стали жертвами этих вон любителей свеженького мозгового вещества, и в таком случае одежда им тоже едва ли нужна. Знаешь, что мне это напоминает? Компьютерные игрушки... У вас, конечно, ничего такого в помине нет, ну, я тебе покажу при случае... О господи, нет, ну удачно мы попали... Эти ребята одевались ещё зачётнее вас, как в этом можно ходить? У нас это был 19 век.

Аминтанир рассеянно переминался с ноги на ногу, пока Виргиния пренебрежительно перебирала длинные пышные платья и замысловатые корсеты.

— Ничего не поделаешь, придётся остановиться на мужском прикиде, как куда более практичном... Да, кстати, если тебя всё ещё мучит вопрос, где мы, то я, в кои веки, кажется, знаю. Папаша как-то читал статейку, пересказал потом мне. Мы, что печально, в секторе Центавра, то есть, неплохо я дала маху при вводе координат... Или это так извращённо их интерпретировал компьютер, хотелось бы знать, почему... И что ещё печальнее, мы на карантинной планете, не помню, увы, её название, населённой на редкость замечательными существами... Ну, мы с ними уже познакомились... Так, с нижним бельём всё как-то совсем печально, то ли они не оставили ничего сносного, то ли просто обыкновенный бюстгальтер для них совсем культурно неприемлем, везде только эти корсеты...

Виргиния сбросила блузку, Аминтанир моментально отвернулся, едва не хлопнувшись с обморок.

— Так, посмотрим, нет ли здесь ещё чего, что может пригодиться...

Дверь ванной комнаты Виргиния открывала, на всякий случай с оружием наизготовку. И не зря — внутри их поджидали.

— Ну блин... Двери и окна заперли, да... Так вот — оно внутри!

Тварь, покачнувшись на тонких щупальцах, спружинила, бросилась... В бластере, как нельзя более своевременно, кончился заряд. И Виргиния просто шарахнула монстра ментальной оплеухой. Совершенно не задумываясь, как и что делать, автоматически. Тварь сползла по стене, издав утробный вяк, и осталась лежать у стены, вяло подрагивая щупальцами — по-видимому, оглушённая, но живая. Виргиния, вернув в кобуру бесполезный бластер, взяла запасной и для верности — какой-то длинный металлический шест, нашедшийся в углу — кажется, это была оконная гардина, и приблизилась.

— Сильное сознание... Много мыслей... Не хочет умирать, злится... Хочет вернуться домой... Волнуется за мальчишку... Много... Хорошо...

— Что ты там бормочешь?

— Хочу ещё твои мысли! Больше!

— Что? Ты... Тебе что, понравилось, как я тебе врезала?

— Сильное сознание. Жаль, молодое. Но сильное. Очень хорошо.

Виргиния перехватила гардину поудобнее.

— Так... Если мы способны к диалогу, то предлагаю следующее. Ты следующие пять минут на меня не бросаешься, а я следующие пять минут тебя не убиваю, и я задам тебе пару вопросов. Идёт? Так я и думала. Так вот... Вы — те, кого называют заглотами, верно? И вы живёте на этой планете?

— Нас зовут накалины, или заглоты, чужаки, что были здесь. Накалин — нас зовут чужаки, которые носили эту одежду, что на тебе, и жили в этом доме. Заглот — зовут нас чужаки, говорящие на том же языке, что ты сейчас. Мы живём здесь, это наш мир.

— Понятно... Значит, на вашей планете высадились центавриане, в надежде её колонизовать... И некоторое количество землян с ними были тоже?

— Не очень хорошие сознания. Слабые, много тумана. Много употребляли того, от чего портится память.

— Понятно. Чернорабочие из бродяг, нанятые центаврианами, пили больше самих центавриан... Но от них вы знаете наш язык, верно? И вы... вы стали нападать на них, высасывая их мозг. Точнее, даже не сам мозг, а... память. Как вы это делаете? И зачем?

— Нам нужно зрелое сознание. Нам нужна связанная мысль. Мы сами не связываем мысль. Самые старые из чужаков — лучше всего. Наше тело устроено так, что мы можем выпить мысли.

Виргиния задумчиво покачивала гардиной.

— Связанная мысль — это, ты имеешь в виду, память, способность... как это по-научному бы сказать... иметь понятие о развитии событий во времени, об анализе? Ну, то есть, то, что человек помнит день вчерашний, позавчерашний, своё прошлое год назад, помнит своих родственников так же вчера и год назад, помнит, как, например, менялась окружающая природа от сезона к сезону?

— Да, ты близко к этому говоришь. Это зрелое сознание, оно много держит, много времени, много связей, много лиц и предметов.

— А зачем это вам? И почему, ты говоришь, вы сами этого не можете?

— Мы устроены так. Такими мы рождаемся. Если не везёт с добычей — такими мы умираем. Если мы получаем зрелое сознание, мы наслаждаемся. Это очень вкусно, как хорошо поесть. Мы сразу знали много, видели много. Очень хорошо.

— А... нескромный вопрос позволь... Пока не высадились к вам эти чужаки — вы кому мозги потрошили? У вас тут жил какой-то подобный вид? Или друг друга?

Заглот пошевелился, видимо, устраиваясь поудобнее, но нападать снова, явно, не торопился — понимал, должно быть, что этот новый бластер в руке — с полным зарядом, да и гардиной получить — мало приятного...

— У нас, когда рождается, память его чиста. Нет ничего в голове, нет памяти. Когда растёт — небольшая память есть, совсем небольшая. Когда старый умирает — у него есть какая-то память, он отдаёт её молодому, чтобы он жил. Если много молодых, плохо — старых не хватает для всех. Очень хорошо было, когда были чужаки — у них много памяти, много получили. Но много они и убили, и потом ушли из нашего мира. Очень жалко. До чужаков мы почти не знаем, как было, мало помнили. Было вчера, а позавчера не было, это

много уже. Когда выпили чужаков, стало и вчера, и позавчера, и ещё много. Я забрал только у одного, кто говорил как ты. Слабое сознание, много тумана. Он не умел как ты, жалко.

Виргиния присела рядом, внимательно, с интересом разглядывая заглота.

— Очень интересно... Исследовать бы вас. Что за мозг у вас, что за... Как вы такие получились вообще... Если бог есть вообще, он порядочный юморист. Создать расу, которая сама не способна к развитию сознания, но наделить её способностью высасывать память из других. По сути, получается, вы переписываете память из других, потому что не способны приобрести что-то такое самостоятельно... И вот были вы совсем безмозглыми, делили как могли вашу скудную память, а потом встретили чужаков — и они стали для вас то ли редким деликатесом, то ли наркотиком... А я, получается, шибанув тебя телепатией, дала возможность переписать тебе часть моей памяти, не стирая её при этом из меня? Ну да, видимо, среди тех центавриан и земного отребья телепатов не было, или они не додумывались так... Логично...

Аминтанир всё это время продолжал стоять у порога, но спокойно смотреть оттуда, как землянка так беспечно рискует если не жизнью, то своей личностью, он больше не мог.

— Виргинне, зачем ты всё говоришь с ним? Он опасный!

— Знаю. Но подожди, у меня тут возникла кое-какая, смутная пока, мысль... — она осторожно подцепила щупальце существа, разглядывая вяло колышущиеся ядовитые иглы, — опиши мне, как сам понимаешь, что происходит при... Как вы высасываете память, что при этом происходит с мозгом человека...

— Верно говорят, у дураков мысли сходятся, но как-то поздно. А ещё правильной сказать — нормалам на смех. Каждый сам себе детектив, все чего-то подозревали, а сесть, обсудить и связать это всё — ну никак!

— Ну, я, если честно, подозревал девчонку. Она ж всё с мальчишкой шушукалась. И на корабле она осталась, хотя её мать эвакуировалась...

— Шеннон, ты больной! Сам-то в эту дверь не полез, небось!

— А я думал, всё-таки это он сам. Ну не со зла, то есть, видно ж по нему, что с головушкой не всё ладно...

— И вот смех, спасибо лорканцам, кто б мог подумать... Мы-то пока б добежали...

— Против лома нет приёма, даже телепатического. Хорошо, что насмерть не убил, его ещё допросить надо бы...

— Да, вовремя. Ищи-свищи б его потом, что-то мне кажется, такой жук и с Лорки б выбрался, да ещё прихватил бы чего плохо лежало... А как вы поняли-то, что это он?

— Скорее — как мы не поняли это раньше, сразу! — Андрес нервно взлохматил волосы, — я ж сразу, сразу понял, что это за фрукт... Таких за годы нелегальной жизни учишься жопой чуют, иначе, собственно, не выжить. Но мало ли всяких «бывших» тут и там теперь встретишь, война кончилась, всё, вот и уговаривай не наброситься и в фарш не забить...

— Ничего не понимаю! — растерянно переводил взгляд с одного на другого молодой китаец, который, зачитавшись выпрошенной у кого-то книгой о лорканских чешуекрылых («маньяк и на За'Ха'Думе своё найдёт», сказал об этом Ромм), умудрился прозевать все события, — он же не пси-коп, действительно, рейтинг...

— А что, кроме пси-копов в Корпусе ничего замечательного не было? — хмыкнул Ромм, — всегда смешно, когда о Корпусе больше знают те, кто там не был! Смотри-ка, вон и

Филлмор сидит глазёнками хлопает... Ну да, что бы ему с его пятёркой там такого открыли, уровень не дорос...

— Ты нос-то опусти, со своей единицей! — не преминул вставить Шеннон, — П1, ба, я думал, вживую такое не встречу...

— Да хоть П0,5, зато я Корпусу не отсасывал, в отличие от некоторых тут... А вам бы и подумать, и не трагическими историями жизни поделиться, а тем, что высокорейтинговые среди нас — все молодёжь да нелегалы... кроме одного. А чтоб надеяться эту дрянь под контролем удержать — мало даже рейтинг иметь, надо и всяким примочкам быть обученным... Опять же, и необученный уже раз двадцать бы спалился б, особенно при этом вот, — Ромм кивнул на Андо, — он потому, поди, и слинять теперь решил, что в одном корабле с таким ему как на бомбе сидеть. Это не мелочь низкорейтинговую за нос водить, да вас дураков... Тут уж одним «рассеиванием» не обойдёшься.

— Что такое рассеивание? — подал голос молчавший до того Моралес.

— Приём такой. Простейший, правду сказать, если постараться, то и тебя научить можно, но настоящее-то, качественное «рассеивание» начиная с пятёрки получается. У нас это ещё называлось «отведиглаз». Просто получается как бы, что человека нет. И есть, и нету, никто не заостряет на нём внимание, не ловит его мыслей. Это не блок, блок — это заметно и понятно. Это как бы растворение себя во всём и всех вокруг. Вот ты вон ту плитку покрытия видишь? Ну, теперь видишь, как я тебе показал. А до этого? Она просто сливается со всем остальным, не выделяется, ты скользишь по ней взглядом и забываешь. Или лежит вот горсть семечек, сколько их тут? Не узнаешь, пока не сосчитаешь. Исчезнет одно — поймёшь? Ну вот это примерно и есть «рассеивание». Ты не только не ловишь мыслей, настроений, намерений человека — ты даже не удивляешься, что не ловишь.

— Высокореитинговые это, правда, чувствуют. Такое, знаете... словно боковым зрением промелькнувшую тень увидел, оборачиваешься — ничего.

— Ой, а тебе-то с твоим откуда знать?

— А ты со своим мне что-то по существу возразить можешь?

— Вы уж простите, я что-то ничего не понимаю. Он зачем это сделал-то? Ну, пронёс эту дрянь? Чего хотел?

Андрес скрипнул зубами.

— Мальчишка немного успел увидеть, я тем более. Я так понял, эта штука предназначена не совсем для воздействия на корабли. Вообще-то — на мозги. Что они хотели — это чтоб как можно больше беглецов собралось в одном месте, почему и был последний рейс-то, не рейс интересовал, а пункт назначения... А что дальше — спросим этого типа, когда очнётся.

Виргиния выпрямилась.

— Вот что... Есть у меня кое-какая идея. Безумная, как всегда, но много ли у нас вариантов. Теперь надо ещё как-то суметь прорваться к кораблю, но оружие у нас есть, а в комбинезонах, как я поняла, мы можем их не бояться...

Щупальце твари обвилось вокруг её ноги.

— Возьми меня с собой! В большие миры, где много сильного, взрослого сознания!

— Что?!

— Я буду полезным! Буду защищать!

— Звучит заманчиво, но я пока не совсем спятила, чтоб притащить на Минбар,

допустим, такое чудо и сказать: «Здравствуйте, это мой друг заглот, он, правда, имеет привычку высасывать мозги, но в целом неплохой парень». Как-то это непорядочно по отношению к любому миру.

— Но у вас же есть какие-нибудь... недружественные и нехорошие миры? Я могу пойти туда!

— Тоже мысль ничего, конечно... Например, тот же Праксис... Там такие кадры собираются — отборные удобрения! Вот было бы неплохо дать им шанс начать всё заново и с чистой головой может стать порядочными людьми... Но нет. Что ты-то будешь делать, насосавшись дерьма из их памяти? Это уже по отношению к тебе не очень хорошо. Однако всё же мне есть, что тебе предложить. Конечно, это связано с риском, серьёзным риском... Но рискуем тут мы все...

Велев Аминтаниру запаковаться в скафандр (перед этим едва ли не насильно переодев его в центаврианскую трофейную одежду, в которой он, по крайней мере, не будет путаться при ходьбе и которую не придётся с такими трудами и муками заталкивать в скафандр), Виргиния перехватила поудобнее бластер и осторожно выглянула за дверь. Пока всё было чисто, но судя по девственной тишине вокруг, собратья её нового приятеля были где-то рядом. И вряд ли окажутся такими же склонными к мирным переговорам...

===== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 5. Новые контакты =====

Сон, подобный этому, сложно было называть просто сном. Зеркальный коридор. Отражение в отражении. Голос, зовущий его — в ответ на его голос. Через немыслимое расстояние, через гиперпространство, через звёзды и газовые облака, Андо слушал этот голос — то взволнованный, сбивающийся, то звенящий восторгом открытий, надежд, мечтаний — голос Дэвида. Часть его, живущая в кольце, по-прежнему неспящим ангелом-хранителем оберегала сына Шеридана, и успокаивающе шептала ему сквозь сон, и бережно собирала его ответы — трепетные, лёгкие удивлённые мысли. «Не волнуйся, с ними всё хорошо — твой отец, твоя мать здоровы, я видел их совсем недавно...».

Внезапно сон оборвался — словно выключился. Словно погас блеск росы на траве от того, что туча закрыла солнце. Андо сел в постели. Тень не исчезла, она была где-то совсем рядом, она приближалась. Нет, не угроза. Скорее мучительная тревога, страх, отчаянье на грани агонии... Скорее, будто нечто и радо бы звучать как угроза, добраться до него, судорожно стиснуть его сердце, но крик его — крик собственной боли и страха...

Андо мысленно потянулся к этому зову, стараясь не спугнуть его носителя.

«Кто ты? Чего ты хочешь?»

Смятение, даже ужас в ответ. Два голоса, две части, которые не могут никогда быть одним целым, могут только вечно бороться, без надежды, что однажды один убьёт другого.

«Ты слышишь меня? Понимаешь? Слышишь мой голос?»

«Твой голос нестерпим. Он жжёт. Это огонь, нестерпимый для тьмы. Оно не даст, никогда не даст мне приблизиться к тебе»

Второй голос — без слов, только череда образов, череда бессильных ударов, немного крика, хаотический танец пауков в паутине. Пауков, чувствующих близость огня...

Андо встал с постели, накинул на себя первое, что попало под руку — рубашка, и вышел в коридор. Длинные волосы были немного растрепаны со сна и лезли в лицо. Шепот, странный, болезненный, доносился, казалось, из очень далекого прошлого, но в то же время

— совсем близко. По холодному полу идти босиком было немного неудобно, но Андо не обратил на это особого внимания. Остановившись перед каютой Алана, он тихо постучал в дверь.

«Я здесь. Тыпустишь меня? Я помогу, я не причиню тебе вреда, обещаю».

«Не обещай мне рая, которого не существует и которого я не заслуживаю. Оно никогда не оставит меня».

«Я помогу тебе. Верь мне. Открой дверь, ты ведь понимаешь, что я мог бы открыть и сам, но прошу сделать это тебя.»

В голове рождались странные, мучительные образы, которые рыжий телепат не смог бы даже описать, только почувствовав некоторое можно представить себе это.

«Так близко к огню. Я не могу скрыться от этого жара. Меня не должно здесь быть. Меня не должно быть».

«Меня тоже не должно было быть. Но мы здесь, ты и я. Мы оба живы, несмотря ни на что».

Дверь с тяжким шорохом отъехала в сторону. На пороге стоял Алан — бледный, как привидение, его взгляд, как будто обращённый на Андо, был пуст и казалось, что из его глазниц смотрит сама тьма. Холодная, пустая, безжизненная, ни во что не верящая и ничего не желающая. Андо шагнул навстречу мальчику, взял его за руку, заводя вглубь комнаты, усадил прямо на пол и опустился с ним рядом. Он не отпускал его руки — холодной, словно за пределами этой комнаты была минусовая температура. Пальцы Алана судорожно сжимались, словно царапали что-то.

«Что мне делать? Я не слышу её. Не найду, не восстановлю. Этот крик никогда не стихает».

Перед внутренним взором Андо появились корабли. Тысячи черных, блестящих кораблей — пауков, из самых страшных кошмаров. И крик. Визг, которым они между собой общались. Андо приложил ко лбу мальчика руку, стараясь успокоить.

«Это не твоё. Как бы глубоко, как ты считаешь, это ни вросло в тебя, это не твоё. И мы можем заставить этот крик смолкнуть навсегда»

Мальчик тихо, протяжно застонал, закрыл глаза. Когда он открыл их вновь, выражение в них уже было иным. Он пришёл в себя. Взгляд его медленно, затравленно обвёл лицо Андо, очертания комнаты — насколько позволяла темнота... Плечи его поникли.

— Опять... Отлично...

Андо отстранился, запахивая рубашку на груди, опустил голову, отчего волосы упали на лицо. Закрыв глаза, он пытался проанализировать то, что увидел в голове мальчика. Весь тот немислимый, цепенеющий ужасом кошмар в его подсознании.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как чувствую? — голос Алана был очень тихим, каким-то безразличным, хотя кажется, безразличие это было наигранным, — уже... чувствую... Оно ушло куда-то внутрь, свернулось там до поры... Но вообще мне не очень приятно иметь свойство время от времени транслировать свои кошмары в сознание тех, кто оказывается рядом... если уж об этом. Но ничего изменить я не могу. Моих лекарств у меня больше нет, я думаю об этом постоянно, и мне кажется, что мой собственный пульс вбивает меня, как гвоздь, в крышку моего же гроба... Виргиния пыталась мне помочь, хотя бы как-то. Долго не хотела верить, что... Ты тоже надеешься, что сможешь исправить?

Андо улыбнулся, все еще не поднимая головы.

— Нет, я не надеюсь. Надежда это вообще как-то не про меня. Я ни на что никогда не надеялся. Я просто знаю, что вылечу тебя. Пусть даже ты не веришь — это как раз не столь важно. Хотя тебе, возможно, много раз говорили, что само то, что ты жив — чудо, но я понимаю, что это вызывало у тебя только горькую насмешку...

— Ты много видел врождённых уродств, Андо? — так же тихо спросил Алан, — я был в утробе матери тогда, когда она была деталью для их корабля. Она не успела попасть на такой корабль... Если б успела, думаю, я б никогда не увидел свет. Но всё то время, пока они не знали, как вынуть эту штуку из её головы, я развивался... под контролем, под влиянием этой машины. Я тоже её слышал, я чувствовал, как она... смотрит на меня. Я неразлучен со страхом с тех самых пор. Моё развитие шло не так, как должно было, у меня, говорят, какая-то аномалия в мозгу, и даже не могут понять, какая. А по-моему, это я сам аномалия, то, что во мне ещё есть что-то, что способно думать, ходить, говорить, испытывать радость... Со мной не делали того, что с матерью, но у меня, в отличие от неё, и другой, нормальной жизни не было. Я пропитался её мыслями тогда, мыслями машины. Они все эти годы преследуют меня в кошмарах. Эта тёмная память во мне... возможно, она хочет... воссоединения с кораблём Тени. Или может быть, напротив, хочет умереть, сгореть, перестать существовать... Но я не знаю, возможно ли, чтоб это умерло, а я остался.

— До тебя, — таким же тихим шепотом ответил Андо, — я имел счастье видеть только одно уродство — себя самого.

Алан бросил быстрый взгляд на него — и снова уставился на свои нервно стиснутые руки.

— У тебя... Ты тоже был внутри, когда... Поэтому ты несёшь след Ворлона...

— Да. Я был зачат сразу после того, как Литу изменили. И она менялась все сильнее, когда я развивался в ее чреве. Я почти своими глазами видел то, чего не дано было видеть никому из живущих, по крайней мере... еще тысячу лет... А когда Лита... покинула меня и отчима, передав мне почти все программы Ворлона, мне был год. Она занесла их в мое подсознание, но сила, которой я обладаю, превышает силу любого из телепатов. Превышает силы сотни телепатов даже уровня П12. Знаешь... Однажды я чуть не убил своего... напарника. Просто потому, что не умел ею пользоваться. Этот свет мог бы разрушить и меня самого, но... Я полюбил его, полюбил раньше, чем сказал первое слово.

Алан кивнул.

— Это можно себе представить... Через это проходили... многие, кто отличается от большинства людей. Тем, у кого телекинез, ещё сложнее, чем телепатам... А тебе тяжелее, чем любому из нас. И... как же ты нашёл смысл жить?

— Я знал, что есть тот, кому я буду полезен. Я видел его в своих видениях с самого детства. Если и был смысл в моем рождении, в такой моей силе — то это быть его оружием, его щитом и мечом. И я ни на секунду не усомнился в этом. Я защищал его сына, я старался быть ему полезным. Хоть и не имею возможности защитить его от неизбежного.

— Ты решил посвятить свою жизнь некому человеку? Это выход, если подумать... Естественный человеческий выход. Жаль, я мог бы посвятить свою жизнь матери, она, как никто, достойна этого... Но что мне посвящать? Жизнь, которую и жизнью не назовёшь? В полусне, на лекарствах, от кошмара до кошмара... Сын должен быть радостью матери, а я — только боль.

— Ну... Если смотреть с твоей точки зрения... То да, некому человеку. Но для меня этот человек — больше, чем для любого верующего — Бог. Он был тоже изменен Ворлоном,

Бог любил его, как сына, и умер ради него, помогая ему. Смысл жизни — быть нужным, быть его оружием, быть защитой для того, что для него важно, и тогда каждый шаг по этому пути даёт счастье. Но ты не прав, говоря так о своей матери. Она любит тебя, и не может не верить в лучшее для тебя. Не потому, чтоб на это ей хоть кто-нибудь давал надежду, а потому, что так может биться её сердце. Ради своей матери ты выжил, ради неё ты справишься.

Алан посмотрел на него глазами, в которых стояли слёзы.

— Андо... Мне действительно как-то не дано верить во что-то. Но если веришь ты — пусть будет твоя вера. Попробуй мне помочь. Я не хотел бы... быть один всю жизнь.

— Ты не один. Больше не один, — Андо взял Алана за руку, — у тебя есть семья. Твоя мать, мы с Офелией... И наше дитя, которое скоро появится на свет. Мы не оставим тебя. И все вместе... мы заставим замолчать голос кошмара.

— Спасибо, Андо, — Алан сжал его руку, — я привык быть один... потому что слишком рано понял, что я такое. Если твоя сила действительно так велика, что ты способен выключить это... Если можно, побудь со мной рядом, чтобы хоть раз в жизни увидеть обыкновенный, спокойный сон.

— Я останусь. Ничего не бойся. Я смогу защитить тебя.

Щёки Алана слегка порозовели. Он стянул покрывала на пол — на кровати, как ни крути, не разместишься вдвоём, а ему так хотелось засыпать не одному. Казалось, что целую вечность назад мать держала его руку и говорила, что никогда, никогда не оставит его... Кто же знал, что так получится, что он оставит её? Не прошло и десяти минут, как мальчик успокоился, его дыхание выровнялось, стало глубоким. Андо еще некоторое время смотрел на спящего Алана, прежде чем сам погрузился в небытие.

— Вот, — Виргиния гордо обвела рукой интерьер рубки, — наша проблема в том, что всем этим добром мы толком не умеем пользоваться. А сейчас мы потерпели аварию, рухнули на вашу планетку на приличной скорости... И хотя пробоин, механических повреждений на корабле как будто нет — взлететь мы не можем, аппаратура нас не слушается. Главная беда — что если даже здесь где-то завалялась инструкция по эксплуатации — мы ничего в ней не поймём, потому что это на неизвестном нам языке. Лорканцы долгие годы учатся понимать эту систему символов, а у меня и вообще такой возможности не было. Так вот, я подумала... Раз уж у тебя есть такое свойство — считывать память, то ведь ты мог бы проделать то же самое и с машиной? В отличие от него, ты хотя бы как-то говорящий, и, освоив память компьютера, сможешь объяснить нам, что там не в порядке.

Накалин подполз ближе к приборной панели.

— Риск конечно, велик, — продолжала Виргиния, — возможных раскладов много... Если тебя, допустим, убьёт разрядом при попытке засунуть своё щупальце в его электронные недра — пользы нам от этого будет маловато, конечно. Похороним твою обгорелую тушку и будем дальше думать, как выбраться с планеты или хотя бы послать сигнал о помощи. Если у тебя получится, но тем самым ты перекачаешь всю информацию в себя, очистив память компьютера до заводских параметров или не знаю даже, как назвать... То ты, конечно, нереально обогатишься духовно, но у нас проблем не уменьшится, а вовсе даже прибавится. Но я почему-то оптимистка. Зажмуримся и рискнём?

Выражение глаз накалина, тем более выражение того, что у него можно было назвать

лицом, сложно было интерпретировать, но Виргиния чувствовала исходящее от него любопытство, разгорающийся интерес. Сканировать накалина было сложно — не потому, что что-то сложное было в нём самом, а потому, что она никак не могла понять устройство этого существа, законов, по которым оно развивалось.

— Я попробую. Я никогда не пил память из неживого, но один из нас, который поглотил память старого, умного чужака, говорил, что такое бывает. Бывают среди чужаков такие, в тело которых вживляют детали от машин, и неживое срастается с живым, действует как одно целое.

— Киборги-то?

— Я не киборг, но я попробую. Мои иглы крепкие, думаю, машина не убьёт меня.

— Ну, Аминтанир, я не эксперт, конечно... Но думаю, самое время помолиться.

Компьютер замигал экранами и лампочками, загудел как-то встревоженно-ошарашенно, Виргиния на всякий случай вцепилась крепче в поручень. Аминтанир, всё ещё недовольный своим новым нарядом и ситуацией в целом, смотрел на эту светомузыку с тихой паникой.

Впрочем, ничего глобально страшного не произошло, компьютер, сперва шокированный неожиданным вторжением, не расценил его как угрозу — возможно, подумала Виргиния, потому, что в его файлах информации о подобном просто не было. Он разворачивал и сворачивал голограммы над приборными панелями, открывал и закрывал невидимые до тех пор гнёзда и разъёмы на них, видимо, повинувшись слепым тычкам мысли вторженца.

И так же внезапно всё закончилось. Накалин осел на пол, отсоединив щупальце от гнезда. Виргиния ощутила накрывающую её с головой волну дикого, яркого, какого-то детского восторга.

— Ну... как ты? Что-то получилось?

Ментальный фон существа определённо стал... богаче. Виргиния видела его подобным разбухающему, разворачивающемуся на глазах бутону. Она подошла ближе, Аминтанир, всё ещё судорожно сжимающий одну из найденных на корабле пушек, стреляющих узким почти прозрачным лучом удивительной дальнобойности — принцип её работы они тоже понимали с трудом, как устроена — тем более, поэтому называли просто — пушка, последовал за ней.

— Не волнуйся. Кажется... Он больше не имеет намеренья на нас нападать. После того, что он получил, мы для него — уже мелочь.

Накалин с трудом, опираясь одним из щупалец о приборную панель, поднялся.

— О да. Это... так много... Целый мир! Столько информации, столько красоты, удовольствия... Ради этого стоило рискнуть жизнью! Потому что теперь у меня словно сто жизней, тысяча... осмыслять это, наслаждаться, лелеять это в себе... Там картины удивительных миров, хроники удивительных событий! Там схемы устройства чудесных машин и биографии необыкновенных людей! Я понимаю их язык... Он очень красив. Я стал немного ими всеми, стал их миром, это... невероятное счастье. Мне сложно выразить это на твоём языке, женщина, сознание вашего мужчины, память которого во мне, было бедным, он не был поэтом, нисколько не был...

Теперь уже Аминтанир, с горящими глазами, приблизился, напроць забыв, видимо, как совсем недавно готов был при малейшем подозрительном телодвижении выпустить в чудовище весь заряд.

— Ты... Ты теперь говоришь на языке этих древних, которые жили на Лорке прежде нас? И на нашем языке тоже? Ведь в памяти корабля был наш язык...

— Да, вы поставили свою операционную систему поверх имеющейся, точнее, встроили в имеющуюся... Вам очень повезло, потому что система приняла её, эту малую надстройку, позволила использовать её для перевода, взаимодействия, для обучения себя... Мне проще бы было говорить на языке твоего народа, юноша, и тебе объяснить принципы устройства, которые ты хочешь знать, на языке женщины мне долго и трудно будет говорить, мало подходящих слов, куски памяти, которые она дала мне, помогают, но не в этом.

Аминтанир смущённо ответил что-то на лорканском. Дальнейшую короткую беседу Виргиния не очень понимала, хотя по её просьбе Аминтанир и учил её азам их языка. Потом накалин нерешительно коснулся щупальцем приборной панели, нажал несколько клавиш, повернул пару тумблеров... Экран над ним загорелся, вместо спиралей и разводов выдал что-то вроде командной строки, над панелью развернулась голографическая клавиатура.

— Тут мне сложно... У меня щупальца, не пальцы. У них были очень тонкие пальцы, много пальцев. Придётся вам помогать. Я буду говорить, что набирать. Я немного уже понял, когда записывал память системы — когда корабль встряхнуло, разболтались крепления под этой стойкой, отошло несколько устройств. Необходимо закрепить их и заново определить. Мы запустим диагностику всего, сможем понять, как и что наладить. Насколько я понял, нет сгоревших устройств, есть только те, что перестали определяться, и есть, возможно, где-то обгоревшие контакты, но это можно исправить.

Аминтанир шагнул к стойке.

— Ты сможешь объяснить мне, как? Я смогу это сделать сейчас под твоим руководством?

— Да. Но подожди, сначала я научу, как отключить этот участок, иначе система ударит тебя из защиты.

«С ума сойти... — думала Виргиния, — мы чиним украденный корабль неизвестной расы под руководством заглота... Хотя, ситуация давно уже много что позволяет...».

— Я попробую настроить вам программу перевода. Здесь есть подобная, проще всего настроить её на язык нынешних лорканцев, в системе есть память о нём, о земном — нет.

— Наверное, поэтому система и не восприняла правильно ввод координат... — грустно вздохнула Виргиния, — я ж брала их с «Белой звезды», а у них там, видимо, своя знаковая система... А как-то запустить пересчёт можно?

— Можно б было... Если б у тебя были ещё какие-нибудь координаты, какого-то такого мира, который есть и в памяти этой системы.

— Земля или Вавилон-5 подойдут?

— Я не могу обещать удачу. Я могу сделать операционную систему... более переведённой на лорканский, тогда юноше легче будет управлять кораблём. Но во многом вам придётся разобраться самим. Я не могу полететь с вами, хотя мне очень бы хотелось. Но жители ваших миров не готовы к тому, чтоб принимать жителя моего мира, и я понимаю их.

— Грустно... Я, честно говоря, уже готова была согласиться на то, чтоб ты полетел с нами. Теперь-то тебе уже не так необходимо высасывать чьи-то мозги... Хотя, ещё б они взяли и сразу поверили в это.

— Я получил от машины информацию о мире её создателей и о некоторых других мирах, я получил информацию о твоём мире. Но я совершенно не знаю о собственном, а теперь мне хотелось бы его узнать. И возможно, как-то сделать его лучше. Если я это смогу — это будет правильно, то богатство многообразных красок, которое я получил, не должно пропасть даром, я должен поделиться им. У тех, кто выпил хорошее, богатое сознание,

рождается более способное потомство. Возможно, когда-то, через много поколений, мы станем лучше, и тогда сможем выйти и общаться с вами.

Виргинии очень хотелось ободряюще положить ему руку на плечо. Но плеча у накалина не было, и она нашла альтернативу, погладив его по боковой части головы.

— От чужаков тут могли остаться какие-то устройства, кто знает... Судя по тому, как они сбегали — могли. Если уж женщины пооставляли свои наряды, то... всё возможно. Вы могли бы попытаться так же считать информацию оттуда. Как жаль, что вы не додумались до этого раньше.

— В нашем мире нет таких устройств, сама понимаешь. Мы были уверены, что так общаться с неживым только чужаки способны. Мы завидовали им — слова этого не знали, конечно, но завидовали. Вашим возможностям, вашей богатой, разнообразной жизни. Тому, что вы летаете, изобретаете, творите историю. Тому, что вы дружите и любите. В памяти вашего сознания бывает больше или меньше информации о ваших технологиях, вашей науке, предметах, которые окружают вас, но главное — там есть информация о личности, о том, кем она себя ощущает и как осознаёт, что помнит, кого любит... Это прекрасно — чувствовать это в себе, возможность представить себя личностью. Это нехорошо, конечно, потому что это украденная личность, но что сделаешь, у нас не может быть своей. Может быть, и хорошо б было, если б мы так и не узнали, как это сладко, и не испытали этого голода... Но теперь мы непременно должны измениться, чтобы весь тот ущерб, который мы, будучи дикарями, принесли чужакам, не был напрасным, дал какие-то хорошие плоды.

— Очень хочется верить... В памяти машин, конечно, личности как таковой обычно не бывает, это информация, а не чувства, привязанности, отношения... Но у вас будет хотя бы это. А раз вы по крайней мере способны испытывать удовольствие от получаемого — значит, в конце концов выработаете и свои чувства, свою индивидуальность, и она не будет только индивидуальностью в зависимости от того, кто из вас какое сознание присвоил.

Момента пробуждения Алан даже сперва не осознал. Это казалось продолжением сна — непривычное ощущение лёгкости и покоя. Состояние его ночью, если он не бодрствовал, бывало двух видов — когда он просто лежал в забытьи, не ощущая, не чувствуя ничего, и эти часы просто выпадали из его жизни, и кошмары, в которых сосущая чернота настигала его, ныла во всём его существе оторванной, несуществующей, ненавистной частью. Соответственно, его пробуждение бывало более или менее лёгким, но всегда с тяжестью и туманом в голове, с бледным подобием радости от того, что он снова в сознании, снова владеет собой. Сейчас — мягкий свет наполнял кабину, мягким казалось всё — хотя едва ли застеленный тонкими покрывалами пол мог назвать мягким хоть кто-то, кроме, допустим, Андреса после суточного дежурства у пульта снова барахлящей системы связи. Он открыл глаза, всё ещё не веря себе. У него обычным делом по утрам был этот смутный внутренний вопрос «кто я и где я», но сейчас этот вопрос звучал... по-другому. Неужели это он, действительно он — без тяжести и опустошённости внутри, без мерзкого вкуса слабости, безнадёжности?

Чьё-то тихое ровное дыхание рядом. Воспоминания вставали в памяти чем-то странным, малореальным, казались первой фазой сна. По подушке струились рыжие спутанные пряди. Андо Александер спал рядом, свернувшись клубочком, практически не прикрытый покрывалом. Ресницы его трепетали — кажется, телепат чувствовал его пробуждение, и тоже готовился проснуться. Алан сел в постели, потом резко натянул

покрывало до подбородка. Слишком бешеные, противоречивые побуждения вспыхнули в нём. Бежать скорее куда-нибудь, подальше от кают, вообще с корабля, краснея от стыда... Боже, он ведь практически голый! Он разбудил Андо своим кошмаром, призвал сюда... Так отчаянно настаивать, чтобы его поселили в одиночестве, на перенаселённом-то корабле — и теперь заставить кого-то придти сюда, быть с ним всю ночь... И хотелось разбудить Андо, поблагодарить его за участие, за отзывчивость, помощь... За первую в жизни ночь без кошмаров. И хотелось забиться под покрывало полностью, раствориться в нём, сделать вид, что его здесь нет и никогда не было. Андо... он тоже почти голый. Почему? Неужели он спит так обычно? Алан бросил взгляд на мирно свернувшуюся фигурку и быстро отвернулся, ещё больше заливаясь краской.

В этот момент дверь каюты с деловитым лязгом отъехала в сторону. Алан издал горестный писк и нырнул под покрывало — чёрт побери, он не заблокировал дверь, когда выпускал Андо, а Андо, разумеется, тоже не додумался это сделать...

— Алан, уж извини, я знаю, что к тебе вообще никому не позволено входить, но ты единственный, кого я ещё не спросил, капитан обыскался Андо, а связь опять бара... — Андрес замер на пороге, какое-то время обалдело созерцая обоих (Андо как раз тоже уже проснулся), а потом, особо, в общем-то, не меняя выражения лица, с чувством зааплодировал.

Андо зевнул, прикрыв рот ладонью, и повернулся к двери, еле разлепляя глаза.

— Скоро приду. К чему аплодисменты?

— А, ну если скоро придёшь — тогда ладно, конечно, — Андрес переступил с ноги на ногу, ухмыляясь, — понимаешь, мы б вызвали тебя с мостика, да связь... Ну, откуда мне было знать, что ты... занят. Я б тебе сначала ментальный букет роз послал, что ли.

— Настоящий-то тебе не откуда взять, — улыбаясь, парировал Андо, повернувшись к Алану, — Доброе утро.

— Настоящий и тебе неоткуда взять, — Андрес подмигнул Алану и шагнул через порог, — одевайтесь, мальчики, ждём.

Алан продолжал сидеть красный, как рак, пытаясь собрать в кучу мечущиеся панические мысли.

— Господи... как-то это...

«Неловко получилось» — он так и не произнёс, осознавая всю убогость и банальность этой фразы.

— Прости, я просто не подумал вчера о том, чтоб запереть дверь. Как спалось? Надеюсь, я не навредил тебе во сне? и... Мне придётся позаимствовать у тебя какую-нибудь одежду. Моя ведь осталась в моей каюте.

— Я спал... очень хорошо, — Алан снова соскользнул взглядом с фигуры Андо, заблудившись в собственных мятущихся, отчаянных мыслях, и бросился, запинаясь в покрывале, к шкафу, — я никогда так не спал. Даже представить не мог, что такое бывает. Наверное, это люди сравнивают с эйфорией от ощущения полёта...

Андо натянул переданные ему штаны и повернулся к мальчику. Тот сидел, кажется, боясь даже пошевелиться от стыда и страха.

— Я рад, что был полезен, — поцеловав Алана в лоб, произнес парень, — подожди, я переоденусь, как только освобожусь, и приду к тебе.

С этими словами Андо вышел за дверь.

На мостике их ждали капитан Ли и генерал Аламаэрта — один светлокожий, другой синелицкий, но оба с одинаково мрачным выражением лица.

— Андо... Извини, что пришлось просто ворваться и разбудить. Внутренняя связь корабля перестала работать — видимо, тоже из-за этого прибора... Установить мы его установили, а настроить как надо не можем. Нам нужна твоя помощь.

— Моя? Но я ничего не знаю об этом.

— Так-то оно, конечно, так, но есть у тебя перед нами некоторое преимущество... Как мы и предполагали, сигнал, то есть, след улетевшего корабля за это время стал очень слабым, гиперпространственные течения его почти стёрли. Да ещё и сигнал от лорканцев его глушит... Необходимо точно навести прибор на нужный сигнал, ты это сможешь. Андрес уже пробовал, даже находясь в гиперпространстве, совместить луч прибора с сигналом он не смог. Если и ты не сможешь, боюсь, плохи наши дела...

— Хорошо, я попробую. Только мне нужна опора. Совместить не составит труда, если из тысячи сигналов, которые я ощущаю сейчас, я смогу вычленить именно тот, что нужен. Андрес, сможешь навести меня на нужный? Тогда дело обернется в несколько минут.

Капитан Ли прошёлся вдоль приборной панели, барабанил пальцами по её краю.

— Придётся подняться на «Сефани», прибор стоит там. Будь там осторожен, я даже примерно не представляю устройство и принцип работы этих систем, у нас до сих пор есть проблемы с синхронизацией... Поэтому, кстати, благословенный прибор, по какой-то своей странной логике, глушит нашу внутреннюю связь... Если сможем и это исправить — я тебе памятник смастерю. Вот такого примерно размера.

— Капитан, я — телепат чуть в большей степени, чем телекинетик. Думаю, я смогу что-то сделать.

— Хорошо... Хотя бы попытаемся.

— Без успеха операции моя жизнь всё равно немного стоит, — молвил с угрюмой усмешкой лорканский генерал, — так что если даже оба корабля по итогам взорвутся ко всем тёмным силам, попытка не пытка. Идите, Лаванахал проводит вас и объяснит...

В отличие от Андреса, Андо на лорканском корабле был вообще впервые. Сдержанное восхищение Андреса он чувствовал — «Сефани» был, конечно, куда скромнее и проще «Золотого Дара», но воображение тоже поражал. Определённо, если миссия генерала окончится неудачей — то смерть ему кажется куда более предпочтительным исходом. И всё из-за какого-то высокородного мальчишки и обычной человеческой девчонки, хотя и телепата, конечно...

В тот самый момент, когда сканеру «Сефани», совместными стараниями Андо и Андреса, наконец удалось поймать сигнал «Золотого Дара» и настроить систему поиска на его параметры, «Золотой Дар» с Виргинией и Аминтаниром на борту стартовал с планеты Накалин.

— Следует, наверное, быть осторожней, сейчас маяк охранной системы снова обнаружит нас и может попытаться уничтожить!

— Знаю... Я, в общем-то, всё уже подготовила к прыжку, жду только, когда он координатную сетку пересчитает, чтоб не занесло опять неведомо куда. Успеем мы нырнуть в гипер, пока этот маяк раскачается...

Но получилось даже интереснее...

— Это вызов по внешней связи! Нас засёк корабль!

— «Белая звезда»? Нас догнали, обнаружили?

— Вряд ли, не похоже...

На экране возникло лицо немолодого, очень полного центаврианина.

— Вы пересекли опасную зону и находитесь вблизи карантинной планеты в юрисдикции Центавра. Неизвестный корабль, назовите себя. Я, капитан Флавоцци, сопровожу вас на базу в целях допроса и проведения биокарантина. У вас есть пять минут, чтобы ответить и сдаться добровольно, после чего нами будет осуществлён захват.

— Плохо дело...

— Да не так уж и плохо — сам посмотри, машинка у них так себе, с такой переть против нас — или чистое самоубийство, или незамутнённая глупость. Мы в два нажатия клавиш можем размазать их ровным слоем по сектору. Просто, хотелось бы без экстремальных выходов всё же... Значит, придётся уболтать. Тем более, когда тебя так уговаривают...

Аминтанир решил, что Виргиния имеет в виду — уболтать во время допроса на базе, но он ошибался. В планы Виргинии подобная невразумительная задержка не входила. Центавриане, разобравшись в ситуации, в тюрьму их, может, не посадят... Но радостно сдадут на руки ближайшему патрулю рейнджеров или земному кораблю, а это вот пока рановато. Она включила ответную связь.

— Говорит «Золотая слеза», капитан Виргиния Ханниривер. Мы извиняемся за то, что вторглись в ваш сектор — мы не знали, что он ваш. Мы присутствовали здесь с научно-исследовательскими целями. Мы не несём вам угрозы и немедленно покинем ваш сектор.

Центаврианин посмотрел на неё крайне подозрительно.

— Вы высаживались на планету, капитан... э... Вы что-то вывезли с неё? Что-то или кого-то? Имейте в виду, это преступление по законам Республики Центавр, если вы взяли на борт кого-то из этих кровожадных, опасных существ — вы будете отвечать перед нашим законом! Мы обязаны осмотреть ваш корабль и подвергнуть вас аресту до выяснения обстоятельств!

— В этом нет нужды, капитан Фаллоцци... Простите, Флавоцци. Мы гарантируем вам что никого не брали на борт. Мы изучали этих существ в естественных условиях. Вы можете просканировать наш корабль и убедиться, что на борту нет существ этого биологического вида.

Виргиния была уверена, что это хороший ход — едва ли сканерам центаврианского корабля по зубам это чудо техники. Они б не смогли его просканировать — система автоматически отбрила бы их на подходе, и будь у них на борту хоть сотня накалинов, хоть две сотни ворлонцев — они б ничего не узнали. Но признать они это попросту не решатся — как же, признать превосходство потенциального противника! И она не ошиблась.

— А... Зачем вам их изучать? — упоминание о сканировании капитан словно мимо ушей пропустил, — и что значит — вы не знали, что это наш сектор? Все это знают! Ваш корабль... Нам никогда не встречался такой. Откуда вы?

Виргиния внутренне ликовала.

— Мы очень издалека, капитан Флавоцци. Ваши корабли никогда не бывали в нашем секторе, и вы не выходили с нами на контакт. Наш мир велик и могущественен, но мы мирно настроены, и не собираемся причинять вам вред. Наша миссия здесь уже закончена, и мы готовы к возвращению в свой мир.

Что-что, а «велик и могущественен» он услышит и интерпретирует правильно. Предположит, что незнакомцы, поведи он себя как-то не так, запросто способны его уничтожить, а если из миролюбия этого пока не делают — так то его счастье. Может, конечно, вызвать подмогу, пока затягивая время разговором... Но скорее всего — начнёт заискивать, пытаюсь установить для Центавра новый полезный контакт.

— А... откуда тогда вы знаете язык?

— Мы слышали, что этот язык наиболее употребим в этих секторах космоса, и сочли нормой вежливости общаться на нём.

— А почему вы так похожи на землян? Или... — на заднем фоне промелькнул Аминтанир, и центаврианин, видимо, теперь пытался определить его вид.

— Мы сочли неудобным смущать вас своим истинным обликом, и приняли вид, более привычный для вас. Мы слышали, что самые красивые женщины — жительницы Земли, а самые красивые мужчины — жители Лорки.

— Вас ввели в заблуждение, — самодовольно хмыкнул капитан Флавоцци, — самые красивые и женщины, и мужчины — на Центавре!

— Благодарю вас, мы учтём это на будущее, капитан Флавоцци.

Про центаврианскую одежду он спрашивать уже не стал — то ли не обратил внимания, то ли сам решил, что это тоже из соображения мимикрии.

— Мы были бы счастливы... э... капитан... Ханниривер, — видимо, где-то параллельно центаврианин нажал повтор записи, ибо сам вспомнить сложное имя не мог, — если б вы нанесли визит в наш мир, мы почли бы за огромную честь...

— Не сомневаюсь, капитан Флавоцци, но я не обладаю такими полномочиями. Мы всего лишь скромный исследовательский корабль... Но я непременно передам ваше пожелание своему руководству.

— Что ж, не смею более вас задерживать...

«Конечно не смеешь. Потому что если «скромный исследовательский корабль» произвёл на тебя такое впечатление, то встретить наши истребители или тяжёлые крейсера ты б точно не хотел. Но как только мы благополучно отчалим, сразу, конечно, наведёшь здесь панику...».

Выход в гиперпространство был открыт. Виргиния подумала было, для демонстрации мощи, воспользоваться квантовым переходом, но в этой технологии не разобралась и совершенно не была уверена в удаче подобного эксперимента.

— Просто чудо, что нам удалось уйти... Виргинне! Ты в последний момент не подтвердила координаты! Мы снова летим куда-то не туда?

— У меня нет уверенности, что он не попытается проследить за нами. Он глуп как пробка и хоть не храбр, зато самолюбив невероятно. Так вот, если мы выведем его сейчас к Минбару или Земле, это будет совсем лишним. Пусть дальше думает, что встретил в космосе нечто неведомое. А мы собьём «хвост» и вернёмся к прежнему маршруту.

Андрес вошёл в кают-компанию как раз в тот момент, когда Алан терпеливо буравил кофейный автомат взглядом, всё ещё не теряя надежды добиться от него стакана кофе.

— Ты чего такой грустный, бестерёнок? Случилось что-то? О чём думаешь?

Алан поднял глаза. «О чём думаешь» — лучший вопрос, который может задать телепат телепату. Приглашение к откровенности.

— Как много сложного... во всём этом... Как мало я понимаю...

— Отойди. Ты и не обязан понимать. Я как раз вот и иду поковыряться в этом горе-автомате, он со вчерашнего дня барахлит что-то. Талес предположил, на свалку просится, но посмотрим...

Андрес раскрыл принесённый с собой сундучок с инструментами, отсоединил автомат от сети питания, отвинтил переднюю панель.

— Мда...

— Андрес! Ты умеешь их чинить?

— Я не только ломать умею... Хотя, разумеется, мёртвых воскрешать и я не умею, так что чуда с этим автоматом не обещаю.

— Вообще-то, думал я вовсе не об этом автомате.

— Я понял, не идиот. Подай кусачки, будь добр, — голос Андреса из недр аппарата звучал немного глухо.

— Я думаю, как мало я понимаю в людях. Андо...

— Не волнуйся, Андо при первой встрече ошеломил всех. Это не один ты такой непонятливый.

— Офелия... Когда она ещё общалась с нами... Совсем немного... Мы знали, что ей было очень тяжело. Она говорила, что все ненавидят её из-за отца, что ей очень трудно жить теперь среди людей... Но Андо... Я не понимаю, как так, но он совсем не ненавидит, ни меня, ни её, хотя кому больше, чем ему...

— У тебя что, в самом деле комплекс проклятости? — Андрес вытащил из автомата всклокоченную, перемазанную чем-то вроде мазута голову, в руке сжимая какую-то деталь, — за что ему тебя ненавидеть? Ну, или мне, или кому-то? Ты что, кому что-то сделал, ты кого-то пытал, убивал, зомбирова? В том, кто тебя сделал, ты не виноват, отцовскими идеями тоже некогда было проникнуться, к тому времени, как Корпус загнулся, ты ещё в пелёнки гадил...

Алан, насупившись, прожигал взглядом пол.

— Как-то обычно... у детей врагов дружбы не получается... Ладно бы, ну просто не ненавидел, просто совсем не имел интереса, но он здесь, он говорил, что Офелия с ним... Он говорил со мной вчера, расспрашивал о моей жизни, о моей матери, обещал, что... Что я совсем скоро встречу с ними вновь, что всё будет хорошо, семья будет вместе... Что мы — одна семья... Откуда в нём это — столько...

«Доброты, прощения, любви, заботы» — мысли Алана метались от одного слова к другому, и ни одного не могли выбрать.

Андрес захлопнул крышку автомата, подключил его обратно к сети, пробежался по кнопкам... Стукнул по панели кулаком... Автомат плюнул коричневой пеной, разлетевшейся от металлического поддона брызгами, немного погудел и затих.

— Не, похоже, так просто всё быть не могло, тут повозиться придётся... Ну не знаю даже, что сказать тебе, Алан. Сам попробуй понять это. Я вот, в конце концов... И изначально тебя, в общем-то, не собирался ненавидеть, но предполагал же, грешным делом, когда Виргиния заговорила о своих подозрениях, что это и ты можешь быть... Мало ли, может быть, это, пока ты наблюдался у врачей, с твоими мозгами что-то сделали, мир-то не без добрых людей, чтящих добрые традиции Корпуса... Но пообщался с тобой и понял — ты и сам от жизни огрѐб... А Андо... Ну может, я и неправильно всё понимаю... Но понимаешь, мы ж не только продолжение своих родителей, мы и сами по себе кто-то, нам свою жизнь жить... Особенно теперь. Не для того ведь они за нас умирали, чтоб мы и теперь

продолжали войну... То есть, знаешь, парень, я сам не пацифист ни в коей мере, во мне самом война — не закончена, я просто знаю это, и знаю, почему, и знаю, что это разумно, оправданно... Пока есть вот такие сволочи, как... как этот Виктор. До тех пор и в моей жизни смысл есть. Чтобы, если кто-то, как вот сейчас, не успел — случайные лорканцы, рейнджеры Альянса... Я сам успел, быть может. Раздавить гадину. Но вы-то не должны. Вы-то — дети.

Проходя мимо рубки, Андо услышал любопытный разговор.

— Да, что ни говори, а мальчишку-то понять можно... — генерал Аламаэрта медленно покручивался на кресле, ощущение, видимо, ему неосознанно нравилось, их собственные кресла были неподвижны и вообще малоудобны, — много, конечно, об этом говорят наши святейшества... Да много понимают тут! Думается мне, ваши женщины интересуют молодых не тем, что демонстрируют свои прелести или сексуальную доступность, как у нас говорят, это-то не самое интересное, хотя и это, конечно, тоже... А умом своим. У одной вашей женщины, даже самой простой, ума больше, чем у нас на целую женскую церковь придётся. Я вот говорил с Далвой, вашим медиком... Приятная женщина. Серьёзная, образованная, степенная. И не видел я, чтоб она обнажалась и завлекала мужчин. А вот умной беседой — это да, завлечь может... Жрецы б сказали, конечно, что в знании тоже живёт разврат... У нас вот женщины не учатся. Зачем им, вроде как? У них и так забот полно — дом обихаживать, детей растить, быт мужу обустраивать, чтоб доволен был... Зачем голову лишними заботами засорять... Хотя, конечно, нужно, чтоб женщина была набожна, чтоб детей в вере наставляла... Но они даже писание не читают сами, их и читать не учат. У них свои церкви, там с ними специальный женский учитель беседы ведёт — это обычно преклонных лет старец, уже физиологически не способный бросить какую-то тень двусмысленности, что остаётся один с чужими жёнами и непорочными девами... В общем-то, и всё общение у них, а обычно дома сидят. И что вот с них возьмёшь? Ну да, готовят, стирают, детишек рожают и нянчат... Оно конечно, с женой хорошо, тепло, и домой приятнее возвращаться... да сонно как-то. Я вот женат. Заставили... Ну, как — заставили, я и сам не так чтоб сильно против был. Нельзя без жены-то, одному тяжело, а в казарме или в родительском доме всю жизнь не проживёшь. Ну, жена... не так чтоб красивая, но ничего. Воспитания очень правильного, образцового, можно сказать. Прихожу — ходит вокруг, то, сё, лишнего действия совершить не даст, всё принесёт, всё сделает...

— Щебечет?

— Что? А, нет, это не принято. Жена молчалива должна быть, лишней болтовни у нас опять же не одобряют. Болтовня — удел жрецов. Жена должна быть тиха, глаза лишний раз не поднимать, без разрешения мужа не вставать и не садиться, быть расторопной, исполняя его приказания... Вот и представьте, какая это жизнь-то? Опять же, именно то, для чего женщина вообще... Ну, то есть, вот у вас для чего... Ну, как говорят — для чего... Не очень-то. Тоже не принято. Всё скромно, никакого излишества. Оно правда, мы об излишествах мало что знаем, так что обычно всем довольны. Но вот где знание — там и правда, недовольство. Какие там утехи, что плотские, что душевные. Не поговорить даже... Я как-то раз пришёл со службы мрачнее тучи — проблемы у нас тогда были серьёзные... Она носится — ужин, ванна для омовения, одежда моя домашняя, курительница для вечернего восхваления, смотрит, чего ещё пожелаю. Я ей давай рассказывать — сам не знаю, что нашло, так захотелось выплеснуть, пожаловаться... А она вытаращилась так — и в глазах ну

ни капли понимания, просто вот девственная чистота. Как с животным или со стенкой говорю, честное слово. В другой раз выразился я, как Надзирающий за верой у нас надоел хуже не знаю чего — лезет в каждый след, где не понимает ни черта, с рекомендациями своими, и так-то тошно, а ещё его слушай... Так она зажала уши и убежала — всю ночь, наверное, страдала. С одной стороны — ересь такую слышала, с другой — непочтение к мужу тоже грех... Вот, так и живём, а иначе у нас и не бывает. А вот когда узнаёшь, что у других бывает... Как тут не соблазниться-то? Думаю, потому Послушник и украл вашу девчонку — насколько ж привлекательней женщина становится, когда с ней ещё и поговорить можно. У нас женщина... для тела только, для души, для сердца — ничего. Ни любви, ни... Какая любовь? Разве в кровать или чашку с похлёбкой влюбляешься? А вот то же самое, часть дома. В старых песнях, ещё из старого мира привезённых, есть про любовь — но их не поёт уже, считай, никто — некому петь, и для души не полезны. У вас женщина товарищем может быть, может выслушать, понимать, совет дать, помочь... У нас между женщиной и мужчиной пропасть. Мужчина только с другим мужчиной поговорить может, если доверяет ему, конечно. Но любовь-то с мужчиной невозможна всё равно...

— Ну, это как сказать... — прыснул капитан Ли, — хотя у вас наверное, представляю... Ещё додуматься надо.

На лице генерала отразилось полное непонимание.

— Ну, в ваших лекциях о развращённости других миров, видать, пробелы есть.

— А? Это вы, капитан Ли, о том, что ли...

— Ну, в нашем мире — да и не только в нашем, насколько знаю — такое мало, но бывает. Когда мужчина предпочитает не женщину, а другого мужчину.

По лицу лорканца пронеслась гамма эмоций.

— Помилуй всевышний... Всё же странные вы, сложно вас понять! Конечно, я не судья чужому пути, чужим традициям... Но как же такое возможно? Ведь из природы ж исходя невозможно. Как же у вас допускается такое?

— Ну, космические корабли, строго говоря, мать-природа тоже не создавала. Как допускается... Раньше хуже допускалось, у нас тоже нетерпимости всех видов во все времена много было. Но время идёт, мы становимся цивилизованнее, 23 век к концу идёт всё-таки... Ну, вот мне, если честно — как-то плевать. Меня это никогда не касалось, сам я мужчинами не интересовался, а мужчины, насколько я знаю — мной. И половина человечества, думаю, примерно так же считает. Личная жизнь, она на то и личная. Нет, много, конечно, и тех, кто не понимает, не принимает, очень агрессивно так не принимает... Из религиозных тоже соображений, или ещё каких-нибудь... Но это, опять же, не официальная позиция, а личное дело. Да и, то, что вы сказали — есть мужчина, есть женщина, и всё вроде бы просто — у нас и у вас да... А вот есть, например, расы, которые гермафродиты. Или делятся на иное количество полов.

— А какой ещё-то может быть пол, кроме мужского или женского? Средний, что ли?

— Вроде того. Что-то вроде рабочих, бесплодных особей у насекомых, или, наоборот — в зачатии нового существа участвуют два пола — мужской и женский, а вынашивает и выкармливает уже некий третий...

Система требовательно пискнула, сообщая о готовности к выходу из гиперпространства.

— Так... Что-то маркировка приводного маяка меня как-то тревожит... Какого чёрта их в сектор Центавра-то принесло? Хотя центавриане, как ни крути, конечно, народ интересный, да и с лорканцем центаврианину найдётся, наверное, о чём словом

переброситься... не в плане религии, в смысле... А это ещё что такое?

— Капитан, сигнал с маяка. Биологическая угроза. Сам не верю в то, что вижу, но мы, похоже, возле Накалина.

— Вижу, к сожалению, Талес, и сам это прекрасно... Господи, господи, только скажи, что они на эту планету не садились... Системы «Золотого Дара» должны были ведь принять и расшифровать сигнал-предупреждение? Что у нас там по их сигналу, Талес?

— След уходит в атмосферу планеты... И снова возобновляется с отклонением... в... фиксирую...

— Что ж, будем надеяться, «Золотым Даром» теперь не управляют накалины. Господи, когда вернусь на Минбар, отправлюсь в Храм Майра на Дневное молчание... Я давно так явственно не вспоминал, что у меня есть нервы...

— На связи «Белая Звезда-44». Да... Капитан, вам стоит это услышать...

— Так, куда это нас опять занесло? Судя по карте, мы на границе освоенного космоса. Дальше на картах древних, конечно, ещё что-то отмечено, а вот перевода уже нет — видимо, лорканцы-то сюда точно не долетали... Ну, и нам не надо. Рассчитаем курс и в добрый путь отсюда.

— Сканеры что-то засекли!

— Живое что-то? В смысле, это чей-то корабль?

— Сложно сказать... скорее, это... Сейчас выведу на экран.

Перед их потрясёнными взорами открылась картина сражения. По-видимому, жестокого сражения, и по-видимому, совсем недавнего — яростно искорёженные листы металла, судя по тепловым датчикам, ещё не успели остыть в ледяной бездне.

— Кто это был? Мне с ходу в этих обломках ничего не опознать...

— Чей-то сигнал! Тут кто-то выживший есть!

— Можем поднять на борт?

— Думаю, да.

Для различных экстренных случаев накалин оставил им, сколько смог, инструкций, расписав лорканским шрифтом стены нескольких помещений. Делать ему это, ввиду того, что щупальца мало предназначены для держания какого бы то ни было писчего прибора, было очень непросто, поэтому успел он немного. Аминтанир регулярно бегал к этим стенам сверяться в том или ином вопросе.

Захват пострадавшего корабля прошёл практически гладко... Практически — ибо разбитый, изрешеченный истребитель в процессе развалился, к счастью, уже будучи в недрах захватившего корабля. Виргиния спешно подбежала к груде обломков, по пути размышляя, что с медицинской помощью-то у них, получается, тоже как-то туго...

Из кабины, от которой уцелело, практически, только капсулообразное сидение, вывалился пилот. С первого взгляда его можно было принять за человека, человеческую женщину. Но только с первого. Тёмные густые волосы имели несколько другую фактуру, иным было строение черепа, особенно в области лба и надбровных дуг. Необычным был и комбинезон. Виргиния подумала, хмыкнув, что это некая противоположность лорканцам — если у тех одеяниями служили разной модификации балахоны (ни ради каких соображений целесообразности и удобства нельзя позволять подчёркивать контуры тела!), то эти, напротив, ограничивались неким логическим минимумом. «Неудобно ведь должно быть... с таким процентом обнажённой кожи... холодно... хотя может быть, у них температура тела

иная...».

Она присела рядом с пострадавшей, осторожно ощупала её.

— Аминтанир, принеси биосканеры. Попробуем определить повреждения, ну, как умеем...

Кожа наощупь была чуть прохладной, комнатной, должно быть, температуры. Мягкие ткани не прощупывались — хотя сама тонкая кожа была мягкой, под ней повсюду ощущалось нечто твёрдое. Виргиния готова б была предположить, что кожа эта — некая дополнительная искусственная оболочка, для прикрытия истинного облика, если б в раны не сочилась розоватая, но всё-таки, видимо, кровь. Но о наличии переломов предполагать, в силу этого, было сложно. Женщина была обильно покрыта ссадинами и сажей, кое-где обгорели волосы.

— Как вы? Вы можете говорить? Можете подняться? — Виргиния сказала это сперва на земном, потом, без особой надежды, на лорканском, женщина беспомощно заозиралась, а потом громко, горестно что-то залопотала на незнакомом языке.

— Боже... Что же делать? Мы даже разговаривать с нею не можем, она нашего не знает, а мы её... Если б я хоть центаврианский в своё время взялась учить, всё же раньше межгалактическим языком был он... Но тоже ведь не гарантия... Аминтанир, можно как-то посмотреть, есть ли в памяти корабля информация о таком языке?

Она попыталась сканировать инопланетянку — мысли её были путаны, хаотичны, полны отчаянья, паники. На их мир напал враг, ужасный и жестокий враг, он отнял все три их небольшие колонии — в сознании женщины они изображались как бы проглоченными чёрным многозубым чудовищем — поработил их сограждан, и теперь подбирался к метрополии. Они стояли на защите рубежа и были разбиты наголову, враг захватил спасательный корабль, на котором в отчаянье мирные жители хотели эвакуироваться с осаждённой родины. Теперь эти несчастные тоже рабы, это хуже смерти...

— Кто это? Кто на вас напал? Вы пытались позвать на помощь? Вы знаете об Альянсе? Господи, да что же делать...

— Я не помешаю? — раздался сзади незнакомый голос. Виргиния, Аминтанир и неизвестная разом вздрогнули и обернулись, расширившимися глазами взирая на невесть откуда взявшегося в помещении высокого мужчину в тёмной мантии.

— Кто вы такой? Как вы сюда попали? — рука Виргинии потянулась к бластеру.

— У меня пропуск есть, — мужчина подошёл ближе, совершенно, кажется, не обращая внимания на оружие. Он был, на внешний вид, около сорока лет, на обритой налысо голове внимательные светлые глаза казались огромными и немного безумными. Крепкая рука сжимала нечто вроде посоха — Виргинии сразу пришло неуместное сравнение с Санта-Клаусом, — мне просто было любопытно снова увидеть такой корабль... Сейчас уже редко можно такой встретить...

— А вы встречали раньше? Да кто вы такой?

— Видите ли, может быть, вы знаете уже, у них есть специальные маркеры сигналов..., - продолжал он, не обращая, кажется, внимания на вопрос, — маркеры, которые мы очень хорошо знаем... когда мой корабль зарегистрировал такой — я не мог удержаться, чтоб не посмотреть. Интересно было и посмотреть, кто летает на них нынче...

— Вы сами пристыковались к нашему кораблю? Без нашего содействия?

— У меня, как-никак, на это больше и прав, и возможностей. Я знаю об этих системах... ну, почти всё.

— Вы же не человек, по крайней мере, не земной человек? Похожи на землянина, но... — Виргиния ткнулась в сознание вторженца — и ощутила, как её не заблокировали даже, нет... окружили и будто бы подняли как котёнка за шкурку, с интересом разглядывая.

— Любопытно... Телепатское дитя...

Аминтанир, сбивчиво и волнуясь, проговорил что-то на родном языке — Виргиния не поняла ничего, большинство слов были ей незнакомы.

— Да, ты совершенно прав, юноша. Занятно, похоже, мне придётся изъясняться с вами, будучи сам себе переводчиком, вы ведь не слишком хорошо знаете языки друг друга?

— Это не такая и проблема, — несмотря на продолжающееся ментальное ощупывание, Виргиния быстро взяла себя в руки, — а вот что мы её языка не знаем — это да, проблема. Мы даже не знаем, что за раса...

— Ах, это... Это арнассиане. Занятные зверушки. Хотя может быть, правильнее называть их насекомыми... — незнакомец подошёл к всё ещё сидящей на полу женщине, взгляделся в неё с неопределимым выражением лица, — в целом безобидные, если только кому-то из нас не придёт в голову жениться на этой красавице... Впрочем, мне не придёт, телепатской девочке, наверное, это тоже ни к чему, насчёт юноши, конечно, не знаю...

— Вы что-то знаете о них? Можете информацией-то поделиться? Что здесь произошло? Женщина снова запричитала, заламывая руки.

— У них серьёзные проблемы... Их атаквали зенеры. Сил противостоять у них нет, они не столь давно вышли в космос, освоили только три планеты своей системы, построив на них совсем небольшие колонии, вернее, на двух из них даже не колонии, а исследовательские базы... И все три уже потеряли. Теперь враг подбирается к их родине, и это только вопрос времени...

— Вы понимаете этот язык?

— В общем и целом да, хотя прошло некоторое время с тех пор, как мой народ был знаком с этим народом...

— Кто такие эти зенеры?

— Неприятный народ. Бывшие прислужники Теней, ныне оставшиеся без работодателей и, в общем-то, без дома. Ресурсы у них, как бы ни были велики когда-то, подходят к концу, вот они и решили завоевать какой-нибудь мир... — незнакомец спросил что-то у женщины на её языке — переливчато, щебечуще-щёлкающим, — да, они прибыли в этот сектор всего месяц назад... И успели достигнуть практически всего желаемого. Эта женщина — можно сказать, генерал космофлота... Их флотилия защищала эвакуирующийся корабль. Женщины, дети, учёные, легко раненые, эвакуированные из нескольких больниц... Теперь они все в руках зенеров. Флотилия погибла, есть ещё, но... чтобы отстоять планету, едва ли этого окажется достаточно. А зенеры выпускают против них беспилотные корабли и истребители, пилотируемые зомбированными арнассианами. Они таранят крейсера соотечественников, пикируют на военные объекты в городах... Несколько первых зомбированных пленников в начале войны вернулись к ним, сказав, что сбежали из плена, и практически сдали колонию Ранас, захватив командный центр базы и сдав зенерам...

— Это ужасно! Можно же их как-то остановить? Сейчас... Сейчас, бой ведь закончился недавно? Они не могли далеко уйти, их нужно отследить и... Отбить у них корабль с беженцами!

Мужчина посмотрел на неё долгим внимательным взглядом.

— Если даже ты сумеешь сейчас дать сигнал о помощи — если этот сигнал пройдёт,

при таком огромном расстоянии и отсутствии достаточно мощных спутников поблизости... Пока силы Альянса прибудут в этот сектор, зенеры не только успеют скрыться, но и нанести ещё пару ударов, с участием свежесомбированных пленников в процессе.

Виргиния посмотрела на него несколько даже свысока.

— Я и не говорю о том, чтоб сидеть и ждать у моря погоды. Я говорю о том, что имея такой мощный корабль, как наш, можно и воспользоваться преимуществом внезапности. Аминтанир, мы недавно перечитывали записи заглота, касающиеся вооружения корабля, сможешь сейчас их найти? Ну, а отследить их по энергетическому следу вообще должно быть как нечего делать. Передайте этой женщине, мы идём за её соотечественниками. Ну и... не хочу показаться негостеприимной, но вам, видимо, пора сваливать на ваш корабль. У нас тут дела, из-за которых мы пока к чаепитию за встречу не готовы.

Мужчина взвёл глаза к потолку, словно внезапно обнаружил там что-то крайне интересное.

— Пожалуй, не прямо сейчас... Мой корабль пока не готов к отсоединению от вашего. Они общаются. Это ведь как встретить старого знакомого после долгой разлуки, понимаете?

— Что?! Они что, живые?

— Не в том смысле, о котором вы можете подумать, — поморщился незнакомец, — это ведь не органотехнология Ворлона или что-то вроде этого, искусственный интеллект в некотором роде — да... Но у каждого корабля есть душа, понимаете? Их душам очень приятно побыть рядом.

— Понятно, понятно...

— Кроме того, возможно, я ещё пригожусь вам, ведь я понимаю язык этой расы...

— Что это за явление? — шёпотом спросила Виргиния у Аминтанира, когда незнакомец вышел в соседнюю залу, направляясь, должно быть, к мостику, — он говорил на вашем языке... Ты знаешь его?

— Конечно, нет! — Аминтанир, поддерживая под руку женщину, которая, хоть и не получила серьёзных повреждений, была очень слаба и передвигалась с трудом, сделал несколько шагов тоже в направлении к выходу, — я только знаю, кто это. Это техномаг, у нас есть только туманные легенды о таких. Никто из нашего народа никогда не был техномагом.

— Разумеется, раз уж вас кроме вашего Наисветлейшего ничего никогда не интересовало. Техномаг... Интересно...

До кают-компания новость донеслась со скоростью, существенно превышающей скорость самого корабля.

— Виргинияаа... Нет, я чувствовал, чувствовал, что здесь не всё так просто. Мало я знал эту девушку, но что-то мне не верилось, что её вот так просто можно взять и похитить... «Капитан Ханниривер», «далёкий и могущественный мир», вроде как, приняли облик землянки и лорканца... Поставили на уши весь Центавр... Теперь, смотрю, ещё вопрос, кто кого похитил.

— Скорее всего, они действовали в сговоре...

— О чём она только думала... — с неудовольствием проворчала мисс Карнеску, — что за ветер у неё в голове? Значит, мы тут гоняемся даже не за спятившим лорканским сопляком, а за чокнутой девицей, которая решила, что можно вот так просто угнать корабль, поиграться, полетать по космосу...

— Прошу заметить, ей это, между прочим, удалось. Потенциал у девчонки явно есть.

Один из лорканских жрецов, кажется, Таувиллар, в отчаянье заломил руки.

— Горе нам всем... Эта развратная женщина соблазнила его невинную душу... Как самонадеянны мы были, когда позволили ей присутствовать на нашем корабле! Просветлённый Лауноскор поделом подвергся позору и лишился своего сана... Я чувствовал, что добром не кончится нахождение этой проповедницы порока среди нас! Теперь она погубит душу и тело юного Аминтанира!

— Вы, вообще, в своём уме? — не выдержал Андрес, — по-вашему, нормальную земную женщину может потянуть на синерожее чудище с религиозной опухолью головного мозга? Нет, вы поймите, я ничего против вас конкретно не имею, но вот я б — не стал. И подозреваю, что и Виргиния не станет.

— ...Хуже только эта рыжая блудница Анда! Я видел собственными глазами, как она под покровом ночи, практически обнажённая, пробиралась в каюту к своему любовнику...

— Андо Александер, вообще-то, мужского пола! И Алан Сандерсон ему уж точно не любовник, он, строго говоря, его родственник, брат его жены... У Андо несколько эксцентричные манеры, это верно...

— Мужского? — взвился Таувиллар, — и это у вас подобающее одеяние для мужчины, подобающее поведение?

— ...Сказал чувак с космами до задницы и в платье до пола.

— Наше одеяние, — вздёрнул подбородок Таувиллар, — призвано скрывать черты строения тела, дабы мыслями греховными не отвлекать от размышлений о святом.

— Да я вас уверяю, Таувиллар, даже если вы сейчас разденетесь и станцуете вокруг шеста — греховных мыслей у меня не возникнет! У мисс Карнеску, как предполагаю, тоже.

На глаза Таувиллара любо-дорого было посмотреть.

— Так вы сейчас сами признали, что готовы предаться плотским утехам даже с представителем своего пола? До каких же пределов доходит ваша развращённость?

— Ну, если задница симпатичная, так почему нет... Хотя с бабой, конечно, предпочтительнее, да...

Таувиллар, всплеснув руками, выбежал из кают-компании.

— Вот они! Особо, видимо, и не пытались скрываться... Ну да, кого им бояться в этом секторе космоса... было... Аминтанир, орудия готовы? Их истребители разворачиваются, судя по сканерам, готовность орудийных систем номер два. Сперва стреляем плазменными, открываем их для их сканеров, пусть думают, что это наш основной вид оружия... Когда они применят свою обычную боевую стратегию — прикрываться кораблём беженцев, включим это... наводящееся, импульсное... К тому времени система зафиксирует их всех, ни один не сбежит. Господин техномаг, если выйдут на связь — передайте им, что у руля капитан Ханниривер. Отныне в их пантеоне смерть зовут именно так.

Комментарий к Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 5. Новые контакты

Вроде бы, арнассиане — канонная раса, но засветились они ровно в одном эпизоде пилотного фильма, так что, полагаю, никто ничего не потеряет, если мы сделаем вид, что это “новая” раса

— Да уж... Может быть, зря мы всё же на Лорке-то не слезли? Теперь, говорят, след ведёт куда-то в мёртвые сектора за границей центаврианского... Как мы их там найдём? Смерть бы свою не найти...

— Ну, сокрушаться-то теперь поздно.

— Может, всё же где-то высадиться по пути?

— Ну что ж ты тогда на Накалине-то не слез?

— Мне вот больше нервно от того, что мы этого типа с собой возим, если честно.

— А что было с ним делать? Лорканцы его принимать отказались, и правильно сделали.

Да не о чем нервничать, устроили всё по уму, каюта открывается только снаружи, доступ только у команды, чёткие инструкции. И куда он денется-то теперь, когда спалился? Это результаты телепатического сканирования суду не предъявишь, а попытку убийства Сандерсона жрец этот вон подтвердит.

— За что он его вообще, так и не понял?

— Я его лично не допрашивал, да как-то и не тянет. А Сандерсон дал понять, что спалил его, понял, что это он протащил дрянь эту. Ну, это все поняли-то к тому моменту, как выяснилось... Но у этого, видать, нервы сдали ещё потому, что надо же, сынок самого Бестера — и против него...

— Виргиния тоже подозревала его.

Все собравшиеся, как по команде, повернулись к молчавшему до этого молодому энтомологу.

— Я слышал один раз их разговор. Он сказал ей тогда: «Ты подозреваешь меня, девочка? Потому, что я был в Пси-Корпусе? Про него много ужасов сейчас рассказывают, но поверь, мы там не все поголовно были преступниками. Я не виноват, что меня забрали ещё мальчишкой. Это не я. Все телепаты, какая бы у них ни была история, мои братья. Я не мог бы причинить боль братьям».

— Ты посмотри-ка... — ухмыльнулся Ромм, — и что вот меня лично всегда поражало — они и вправду во всю эту херню верят.

— Вот это по-настоящему страшно. Страшно и больно. От такого двуличия, от такого... Словно имеешь дело с роботом, в плохом смысле. У него ведь даже имени на самом деле нет. Это имя — это своеобразный ранг, должность, Викторами Греями в Корпусе называли тех, кого внедряли шпионами, сделав им документы нормалов, в организации, в окружение политиков и общественных деятелей, это люди, которые гордятся тем, что они инструменты, гордятся тем, как хорошо они умеют лгать...

Ромм улыбнулся парню даже дружелюбно.

— Ты откуда такой наивный взялся-то?

— Да я и не спорю, что я очень мало знаю о Корпусе. Когда его упразднили, я был ещё маленьким. Ну, маленьким, чтобы знать что-то такое, вы понимаете... И мне действительно странно слышать сейчас — ну, даже не то, что подобное считают допустимым, позволительным, а что считают это... правильным, считают заботой какой-то... Мир словно с ног на голову переворачивается.

Андо с утра пребывал в реальном мире лишь отчасти. Причин хватало — еженощное бдение за сном Алана (мальчик, дико смущаясь, всё же осмелился попросить его переселиться к нему, «ведь у тебя так хорошо получается сдерживать это», хоть и переживал,

как воспримет это Шу Дал — рейнджер, с которым Андо делил каюту), сквозь которое прорывались сны Дэвида — иногда тревожные, полные обрывочных и перемешанных впечатлений от работы на Тучанкью, иногда — такие, как тот... Разоблачение Виктора было в какой-то мере облегчением — но и новым замешательством. Хотелось пойти к нему, припереть к стенке, вывернуть душу наизнанку, понять, зачем он это сделал, что он думал, чего хотел... Если такое вообще возможно понять. Но сперва он был без сознания, после того, как Таувиллар так хорошо приложил его по голове какой-то железякой, потом капитан Ли отвечал, что это неуместно, что с пленником лучше вообще по минимуму контактов... В общем, он успел раздеться и встать под установку в ионном душе, и для него полной неожиданностью был спрыгнувший прямо перед ним из-под потолка Андрес Колменарес.

— Я, конечно, не могу не поблагодарить тебя за это радующее глаз зрелище, но придётся огорчить тебя одной печальной новостью — душ всё ещё не работает.

— Всё ещё?..

— Ага. И об этом, кстати, табличка на двери висит. Вроде бы, я её написал на земном, читать на этом языке ты умеешь. Так что остаётся предположить, что ты из тех, кто всё предпочитает проверять на личном опыте.

— Я просто не заметил. Отойди...

— Сейчас, я честно постараюсь взять себя в руки. Пойми меня правильно, после долгих нетрадиционных сношений вот с этим, — Андрес кивнул на потолок, где в прорехах снятых плит виднелись механизмы и сплетения проводов, — было таким сюрпризом увидеть перед собой что-то куда более приятное для глаз, и, уверен, для тела.

— Хватит издеваться, а? если твоему телу чего-то там не хватает, что, никак не можешь решить эту проблему?

— С кем, я тебя умоляю? С мисс Карнеску, или с Далвой? Единственная симпатичная девчонка на весь корабль смоталась, предпочтя нашему почтенному обществу синемордого святошу. А из оставшегося посмотреть в этом плане можно только на вашу сладкую парочку, да разве что на китайчика ещё.

Андо, нервно путавшийся в штанине, выпрямился.

— Кто это — сладкая парочка? ...Ты больной! Что бы ты там ни подумал, когда увидел то, что тебе вообще не предназначалось, это тебя не касается! Мы с Аланом не...

— Неужели? — лицо Андреса склонилось к его уху, от горячего дыхания шевельнулись волосы на виске, — разумеется, я так сразу и подумал, что спите обнажёнными рядом вы просто по-дружески. Конечно, я до сих пор не могу в голове уложить такой взрывной союз...

— Вот и не укладывай! Если не слышал, у меня есть жена, и между прочим, это сестра Алана...

— А следующим я услышу, что ты никогда не спал с мужчинами, да? я как-то сразу заподозрил, что ты... уже не девочка. И дело не в твоей смазливой мордашке, хотя и в ней тоже. Сам знаешь, мысли ты, при всём своём потрясающем воображении уровне, блокируешь пока на троечку. Хотя может быть, ты и нужным не считаешь их блокировать... тоже правильно, в общем-то... В общем, думаю, из тех, кому природа выделила способность узнавать без слов, незнающих на этом корабле уже нет. От тебя этим фонит на всё гиперпространство, наверное.

Андо оттолкнул Андреса, снова хватаясь за свою одежду.

— Тебя это так волнует? Не находишь, что это не твоё собачье дело — кто с кем спит?

— Почему бы меня это не волновало? Задница у тебя вполне волнующая, — пальцы

Андреса скользнули по гладкой розовой ягодице, Андо от неожиданности яростно взвизгнул, — для тебя это тоже вполне привычно, а у меня комплексы и предубеждения по другим случаям... Кое-что из того, что ты думаешь, я видел, мне понравилось.

— Тебя это не касается. Никоим образом!

— Мне просто необыкновенно нравится, как это меня касается, — мурлыкнул Андрес, обвивая рукой его талию, — но либо, если я правильно понял, новое для себя понятие патологической верности ты решил приобрести совсем недавно, и как следует ещё не освоил, прежде тебя ни количество, ни качество не пугали... Либо ты просто мог бы сказать, что лично я как-то ни рожей, ни рангом не вышел, чего уж там, пойму...

Андо прекрасно понял, о чём он говорит. Ещё б не понять, в том, что эти воспоминания вспыхивают в голове в неподходящий момент, виноват вовсе не приставучий Андрес.

— Тебе так интересно, с кем я спал? Или тебе интересен сам факт того, что одним из них, по твоему мнению, был президент Шеридан? Решил, что я охочусь за... высокими связями? Честно говоря, мне всё равно, что ты решил, это только твои проблемы!

Андрес перехватил его руку, метящую ему в горло.

— Мне решительно плевать, с кем ты спал, можешь потом списочек выдать, особенно ярких эротических побед... Всё, что меня волновало — что ты не чужд таких связей, и при том не чужд был не один раз, не с одним партнёром... К мальчикам, верным любимому-единственному, я сроду не лез. Но и для всего остального есть одна простая фраза «Нет, ты мне не нравишься, у нас с тобой ничего не будет». Хотя я и не совсем понимаю, почему...

Напряжённая рука Андо расслабилась, ярость оставила его.

— Зачем тебе это? — тихим шепотом произнес парень, — Это не скрасит твоего одиночества. Не поможет, Андрес, ты понимаешь? Я не тот, кто тебе нужен.

— Ну, и тебе не поможет, — так же тихо в лохматые рыжие волосы ответил Андрес, — и что? Вопрос одиночества и поиска того-самого — это слишком серьёзно и обстоятельно, не время и не место... Ты любишь секс, я люблю — почему нет? Почему просто не доставить удовольствие себе и друг другу, тем более что тебе это уже знакомо? Зачем нам при этом касаться того друг у друга, что нас не касается?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Андо медленно отстранился, отбрасывая так и не надетые штаны обратно на скамейку. Мысли вяло двигались, усталость последних дней была просто ошеломляющей, и парень не имел никакого желания ни читать мысли Андреса, ни вообще что-либо делать.

— Когда всё это происходило, мне показалось, совсем на секунду показалось, что ты хотел мне что-то сказать... Когда ты увидел меня в первый раз. Ты не... не неприятен мне, даже, скорее, наоборот. И я мог бы сказать тебе сейчас, что я воспринимаю это несколько не так, как все люди, или как они думают, что воспринимают... только не уверен, что найду слова, до сих пор у меня это плохо получалось. В то же время мне кажется почему-то, что ты понял бы меня... Если бы только на самом деле понял, что иногда тело — это действительно фикция, это не слова, это так в моём случае... И я не был бы против, если бы не тот простой момент, что при таком контакте падают барьеры. Я не уверен, что смогу удержать их, усталость последних дней немного ослабила мой и без того не очень твёрдый контроль. Ты не боишься? Не боишься меня? Того, что увидишь, того, что почувствуешь?

Андо осторожно сделал шаг к мужчине, положила тонкие руки ему на плечи и серьёзно посмотрел в глаза. Андрес прищурился.

— И я бы даже был тронут такой заботой, если б не вертящийся в голове вопрос — а до

сих пор ты как? Кажется, все выживали? Андо, «нет» надо говорить именно как «нет», это вовсе незачем маскировать какими-то приличными причинами, из боязни обидеть отказом.

Улыбнувшись, Андо прикоснулся губами к шершавым губам Андреса, запуская пальцы в его спутанные волосы и прижимаясь всем телом. Странное, умиротворяющее чувство разлилось в груди, и он углубил поцелуй, закрывая глаза и расслабляясь, чувствуя, как сильные руки обнимают его за талию, скользят по спине и тоже прижимают ближе.

«Значит, всё-таки да...»

Чьи-то ловкие пальцы расстёгивали рубашку Андреса — то ли пальцы Андо, то ли его собственные, и возбуждённой плоти было уже тесно в тисках ткани.

«Ты же понимаешь, Андо, понимаешь — сила может не только пугать... Сила, как бы ни была огромна и непостижима — ещё и влечёт, и тем больше влечёт, чем в более прекрасную оболочку облечена... Разве ты не видел уже это столько раз?»

Андо снова улыбнулся, прямо в поцелуй. Потом отстранился, тонкими пальцами погладив плечи Андреса, ладонями прошелся по груди и бокам, остановившись на поясе брюк. И действительно, какими словами можно сказать, что границы человеческих тел не разделяют людей на самом деле? Они оба понимают это, так или иначе. Рыжеволосый телепат просто рванул ремень его брюк, расстегнул ширинку и скользнул туда ладонью, ощущая горячий, возбужденный орган, обхватывая его пальцами, лаская по всей длине.

«Я не заостряю внимание на подобное в свой адрес. Как бы ни звалось это влечение, какое бы ни имело имя — лицо Литы, или глаза Байрона, или сила Ворлона... Главное то, что мне хочется ответить на эту жажду, любви ли, или каких-то чувств иного рода... Ведь и у меня есть потребность, не меньшей силы, а может, и большей. Чувствовать эту страсть, пить её, растворяться в ней, и тоже что-то получить от преодоления границ оболочек...»

Андо прижал свободную руку к груди мужчины и слегка надавил, давая понять, что просит его чуть отступить. Андрес прижался к пластиковой стене душевой, и Андо на секунду прильнул к нему снова, к его горячей коже, к его стучащему в груди сердцу. Он был чуть ниже Андреса, совсем не намного, это позволяло без всяких неудобств целовать губы мужчины, снова и снова, всё настойчивее двигая рукой в его штанах. Когда у Андо кончилось терпение, он просто стащил эти штаны, прижимаясь к уже полностью обнажённому человеку, и буквально соскользнул с его тела, вставая перед ним на колени. В голове Андреса всего на секунду проскользнула мысль, что он похож на девушку, вот так, стоя перед ним в такой позе, с распущенными волосами, закрывающими часть спины, только острые лопатки ловили на себе блики люминесцентной лампы. Андо огладил возбужденную плоть, а потом прикоснулся губами к головке, словно целуя, и тут же вобрал в рот этот твёрдый орган, сжимая его нёбом внутри, лаская языком.

«Нет, нет, Андо, это... это уже слишком...»

Тело Андреса медленно сползло на пол, вниз, к Андо, его руки судорожно подхватили горячее податливое тело, путаясь в сверкающем манящим огнём потоке волос, притягивая к себе на колени, жар распахнутых бёдер и холод пластика восхитительным контрастом заставляли сердце колотиться в каком-то диком ликовании. Их руки встретились на его члене, направляя его в тугое горячее жерло, мягкая огненная завеса окутала лицо и плечи Андреса, закрывая от него весь мир, погружая в бездну их общих ощущений, водоворот их ярких, лихорадочных, обрывочных мыслей.

Распахнув огромные глаза, Александер судорожно выдохнул. Болезненных ощущений то ли не было совсем, то ли Андо просто не замечал их. Прижавшись горячей щекой к щеке

мужчины, он считал удары сердца, своего и чужого, толчки приходились прямо между ними, и вырывали из груди Андо стоны и всхлипы. Ему было хорошо, не так, как это было с Уилом, не так, как было с Офелией, и тем более, не так, как это было с Джоном. Это было совсем другое «хорошо», словно Андрес на несколько минут позволил Андо быть другим, слабым, не думать о том, что он должен и обязан, не волноваться, не бояться. Контроль спал, на то время, что Андрес держал его в своих объятиях, Андо позволил себе отключиться от всего. В какой-то момент они сместились, и Андрес откинулся, распластавшись на полу, а Андо навис над ним, скользя ладонями по его груди, сплетая свои пальцы с его, и снова, до спазмов в горле, его заполнило чувством защищённости и в то же время — такой беспредельной благодарности вверившегося его огню. Рядом с Андресом стирались различия, он умело держал рыжего телепата под своим, странно-трепетным контролем. Андо целовал его губы, обхватив ногами его талию, сам двигал бёдрами навстречу наслаждению.

«Спасибо...»

Это единственное, о чем он мог думать. Единственное, что мог повторять мысленно при каждом своём движении. Блоки упали, или их и не существовало с самого начала, Андо не знал. Знал только, что хотел подарить этому человеку нечто очень важное, что-то, сопоставимое с тем, что он чувствовал сейчас. Чистый, небесный свет коснулся сознания мужчины. И горячая волна накрыла обоих.

Откуда им было знать, что в то самое время, когда Андрес опускался на пол рядом с коленопреклонённым Андо, мимо двери душевой проходил Алан Сандерсон? Почувствовать они его, разумеется, не успели — Алан оставался на месте секунды две, в полном шоке от той волны эмоций совершенно конкретного характера, после чего развернулся и, сломя голову, кинулся бежать, не разбирая дороги. Ноги сами принесли его в каюту — видимо, за время, проведённое на корабле, какая-то автоматика успела выработаться. Он рухнул на пол у кровати, отчаянно вцепившись в волосы, в виски, словно надеясь выдавить из головы нарастающую панику.

«Что это такое? Что это такое происходит?»

Весь этот день он старался не встречаться с Андо, потому что под утро ему приснился сон... Не такой сон, как во все блаженные ночи до этого, когда он видел отца, мать, видел то, конечно, чего не было в жизни, но это ли важно... Эти сны были светлыми, лёгкими, сложно сказать конкретно, о чём они были, они были отражением его мечтаний или, быть может, чем-то таким, что, в его представлении, должно быть нормальным сном... Но это ли важно... Этот сон был другим, в нём не было светлой, эйфорийной лёгкости, он был ближе к его телу, к понятию ощущений... Ему снился Андо. Ему во сне явились те мысли, которых он не осознал сперва... И ему очень не хотелось, чтоб Андо сейчас, даже случайно, эти мысли почувствовал.

Следовало ещё как-то самому с ними разобраться... Например, иметь сейчас некоторое время на то, чтоб убедить себя, что этих мыслей не было вовсе. Ну, не то что не было... Как-то задвинуть поглубже, присвоив определение малозначащего факта... ..Ничего себе — малозначащего...

Он нехотя — но во сне подчинять мышление своей воле довольно трудно, даже если у тебя долгий опыт попытки борьбы с кошмарами, но ведь борьба эта неизбежно оканчивалась поражением — вспомнил, как в то утро, первое утро, когда он проснулся от ночи без

черноты и боли, он увидел Андо, и тот рой странных мыслеобразов, который... Хотя пожалуй, не в первую, конечно, минуту... Но когда Андо встал, и он невольно, конечно, совершенно рефлекторно посмотрел на него, абсолютно голого — хотя взгляд этот длился не более секунды, наверное, отметил, бессознательно, что взгляд его недопустимо зафиксировал не только плечи, руки или ноги Андо, и ещё что этот факт не оставил его настолько равнодушным, как подобало. Он думал с самого утра — ожесточённо отбрасывая эту мысль, потом так же ожесточённо за неё хватаясь, потому что надо ж её одолеть, проклятую, как это так могло быть, что во сне ему снова явился совершенно голый Андо, и он, кажется, во сне, не помня, что это делать совершенно немыслимо, любовался им...

И вот теперь, в этом коридоре, он случайно поймал то, что ему совсем не предназначалось, и слишком хорошо понял, чьё это, о чём это. Что же это, как это может быть? Андо и Андрес... они... Но как? Ему, конечно, может быть, в какую-то минуту и до этого приходило в голову, что Андо... Что его облик, вся его фигура... Нет, что для кого-то, возможно, не для него, конечно, это могло послужить намёком, признаком, что он, может быть... Но ведь он говорил, он — муж его сестры... Он женат на его сестре, как же можно понять то, что он видел сейчас в коридоре?

Снова вставало в памяти то проклятое утро. Андрес на пороге, его усмешка и медленные, издевательские аплодисменты. Если Андо и Андрес... если они... сколько времени уже? Он тогда, в то утро, понял, конечно, на что намекает Андрес своими насмешками, и много раз хотел догнать, найти Андреса и объяснить ему, что всё вовсе не так, что он не спал с Андо... То есть, не спал в этом смысле... Но его останавливало соображение, что как ни крути, как ни начни, глупо это будет звучать, так, как будто он хочет всего лишь оправдать Андо, и вряд ли это убедит Андреса, кого бы убедило... Но если Андрес подумал, что они с Андо... Если Андрес и Андо, при этом... Как же теперь, если Андрес теперь думает... Может быть, Андо всё же сумел объяснить ему, как было дело?

...Это не решало вопроса, как теперь быть самому. Что делать, если Андо ведь всё равно вернётся сюда, ведь он сам попросил... Но ведь он и подумать не мог в тот момент... Как теперь вести себя, как не думать об этом — а если думать, то он ведь всё услышит, всё поймёт, даже не желая того, и тогда придётся что-то говорить, но господи, что? И остаётся вот это, мерзкое и сладкое — он ни за что не в силах отказаться сейчас от этого, от ночей с нормальными снами, хоть порой, в доли секунды, и казалось, что кошмары — это было, действительно, и привычней, и проще...

Алан всё же знал некоторые определения тому, что происходило, только вот называть их самому себе не хотел совершенно.

«Не может быть, не может такого быть, чтоб Андо, мне... Я не...»

Он вспомнил Virginию, схватился за неё, как за спасительный образ, не как утопающий за соломинку — как грешник за ангела на пороге ада. Он ведь... Он с наслаждением, со слезами счастья вспоминал, как она подшучивала над его смущением, как поддразнивала его, не влюбился ли он, дескать, с первого взгляда... Virginия! А почему бы и нет, почему бы и не влюбился? Что в этом ненормального-то? Virginия... она ведь действительно не выходила у него из головы с первой минуты, как он её увидел, ну а как она могла не впечатлить, она создана, чтоб впечатлять... Раз уж даже этот лорканский мальчишка, наплевав на своего Наисветлейшего, похитил её и увёз неизвестно куда... Она так красива... Между ней и Андо нет никакого сходства...

«Есть, — предательски отозвалось подсознание, — есть не в волосах, глазах или

улыбке, но её руки, когда они касались тебя... Что-то в её движениях, и может быть, её мимике... В ней другой огонь, другой, конечно, но тоже огонь... Да, у них похожие руки... У Андо тонкие, длинные пальцы, только маникюра, как у неё, нет... Их объятья похожи — бережностью и сдержанной силой... Еле сдерживающейся, точнее, чтобы не выплеснуться наружу и не сшибить тебя с ног... У них разные духи, конечно, но кажется, запах их кожи похож в чём-то...».

«Прекрати!»

Алан ожесточённо кусал губы, втолковывая себе, что невозможно в подобном ключе вообще так думать об Андо, потому что Андо — парень ведь, какой бы девичьей ни была его красота... Только вот аргумент этот работал до этих ярких сумасшедших образов, которые он поймал в коридоре возле душевой, а никак не после. А ему... ему казалось, что Андресу тоже нравится Виргиния... Да что за злая шутка такая!

«Не может быть, чтоб у меня было что-то подобное... Мне и другого ведь хватает... Это неправильно — так обманываться... Невозможно обманываться, когда видел... когда смотрел на...».

Мысль была чёткой — он смотрел на бёдра Андо, на его упругий, худой живот... и на его член, конечно, и чувствовал сексуальное притяжение, которого, по-правильному, вообще не должен был чувствовать, не он, не на Андо. Он не должен был отметить даже подспудной мыслью, что Андо настолько гибкий, горячий и... слово «свободный» показалось ему не слишком подходящим, слово «развратный» — слишком из лексикона лорканцев, а слово «раскрепощённый» было вообще откуда-то из псевдопсихологии... Но, вот то, что он спал почти без одежды, при нём... То, как спокойно он выпрямился, будучи совершенно не одет, в присутствии двоих в его каюте, то, что ни разу, никогда, он не показал никакого подобия смущения, приводя его в отчаянье этой невозможностью быть с ним в одной каюте и при том не страдать от того, что снова случайно увидел его тело, как ни старался смотреть строго в другую сторону... Это сводило с ума.

— О-ох, это было... потрясающе. Господин техномаг, вы не согласны?

— Полностью согласен с вами, капитан Ханниривер, — мужчина отвёл взгляд от картины поля боя на мониторе, посмотрел на девушку задумчиво и, кажется, немного насмешливо, — кстати, меня зовут Гелен. Я думаю, теперь-то уж пора представиться точно настала.

— Очень приятно. Аминтанир, доложи о повреждениях.

— Минимальные... капитан.

— Отлично. Ну, теперь нам предстоит абордаж... Полагаю, внутри этих самых зереное тоже полно, но ничего, мы не с пустыми руками... Господин техномаг, Гелен, системы вашего корабля сейчас не будут протестовать против синхронизации с кораблём арнассиан для взятия его под контроль?

Вернувшийся Андо застал Алана в каком-то странно мрачном расположении духа. Застал врасплох, поэтому натянуть на лицо подобие улыбки или хотя бы что-то нейтральное Алан не успел, хотя, и надолго б это обмануло телепата? Но он был так глубоко погружён в свои мысли, что вздрогнул и подскочил, только услышав шаги Андо совсем рядом с собой.

— Алан... Что с тобой? — Андо прикоснулся ладонью ко лбу мальчика, — У тебя снова был кошмар?

— Со мной... — Алан не смог не быть честным, хотя бы отчасти, — со мной — не знаю, что... Кошмар — нет... Кошмаров — с тех пор не было. Нет, я думаю о... об Офелии, — это, в общем-то, ложью не было, он действительно думал в том числе и о ней. Знала ли она о... странностях Андо? Что за вопрос, как могла не знать, они оба телепаты.

— Да, я тоже... часто думаю о ней... — Андо присел рядом с Аланом на кровать, — Без неё я чувствую себя лишённым огромной части живой плоти. Хотя, мысль о том, что наше столь затянувшееся путешествие всё же скоро окончится, меня греет. При следующем сеансе связи надо, чтобы ты тоже отправил ей сообщение. Уверен, она будет рада, она ведь часто вспоминала о тебе.

Алан воззрился на него удивлённо.

— Правда?

— Она всегда о тебе помнила. Всегда думала и о тебе, и о твоей матери. Просто Офелия чувствовала себя лишней, чувствовала, что вы слишком отличаетесь от неё. Она всегда была одна, и ей всегда было одиноко... и страшно. Но она не забывала о том, что у неё есть родные. Есть ты.

— Она думала напрасно... Мы слишком схожи. И не могло быть иначе. Мы, его потомство, словно проклятые, а может, это так и есть, было кому проклясть, много кому... И мало того, что отрезанные от остального мира, мы были отрезаны ещё и друг от друга. Я, со своей болезнью — от отца, матери... Она — я знаю, она ненавидела его, ненавидела его фамилию, которую носила сама — от нас всех... А она ведь моя сестра, хоть и не дочь моей матери, хоть мы и не росли вместе. Как же так получилось, что даже нормальных родственных отношений мы должны быть лишены...

Андо повернулся к Алану, взял его прохладную ладонь в свою.

— Ты не виноват в том, кто твой отец, так же, как и она. И уж тем более ты не виноват в том, что ты болен. Ты не виноват в том, каким тебя создали — будь то намеренно или случайно. Ты есть, ты живой — это главное. Главное кто ты есть, а не кого или что в тебе видят другие. Ты не проклят, Бог не проклинает своих детей, Алан. Ты добрый и отзывчивый юноша, с хрупкой душой — чистой и светлой. Ты просто не можешь быть проклятым.

Алан вздрогнул.

— А... она? Поверила, поняла?

Андо грустно улыбнулся.

— Да. Поверила, Алан. И приняла себя, и позволила мне принять её такой, какая она есть. Поверила мне, моим словам... Поначалу ей было не по себе от того, что я постоянно приходил к ней в магазинчик, ведь... Она тогда была замужем за другим. Если бы я видел её счастливой, выходящей из своей квартиры, если бы я хоть раз почувствовал, что она будет страдать, если уйдёт от него, я никогда не стал бы делать ни единой попытки. Но она выбрала меня, и я очень рад этому её выбору.

Алан кивнул. Ему очень сложно было сейчас... подбирать слова, которые не были бы ложью и при том не были бы правдой. Слова Андо, пусть и грустные, оказались успокоительными, обнадеживающими. Он завёл этот разговор об Офелии, чтобы устыдить самого себя, чтобы вернуть мысли и всё происходящее в правильное русло... Но быть может, и не стоило б ему в это лезть, не стоило б узнавать больше об отношениях сестры с этим странным парнем, о том, что она любила его, что приняла его... вместе со всем, что в нём — значит, и с этим тоже.

Отслоившись наконец от стены, Виргиния отёрла пот со лба и вернула пушку обратно в чехол.

— Ух... Хорошо, как после секса. Круче компьютерных стрелялок, честное слово! Всегда знала, что мне это и вживую бы понравилось. Сейчас бы ещё баночку колы, да холодненькой... Я вечность её, кажется, не пила... Гелен, вы способны наколдовать колу? Сколько у нас получилось военнопленных, Гелен?

— Трое... или четверо, если считать вот этого, — он кивнул на фигуру, слабо дёргающуюся у противоположной стены, — но я не уверен, что он выживет... кажется, прямое попадание из твоей пушки оказалось несовместимо с его дальнейшим существованием.

— Ну, они храбро дрались... даже как-то уважаю.

— Едва ли это их личная заслуга. Их физиология была изменена Тенями, а потом ими самими довольно значительно. В частности, они практически не чувствуют боли. Единственная боль, которую им можно причинить — это ментальная... Так что допрос, о котором ты сейчас, несомненно, думаешь, придётся вести именно тебе.

— Ладно, это подождёт... Сейчас нужно освободить пленников, мудро, конечно, поступили зенеры, просто заварив двери, с корабля мы их открыть не смогли... ну да проблема это что ли... А дальше уж адмирал Алау-Алаушс... я правильно произнесла? — думаю, легко сможет довести корабль до родной планеты или куда они там собирались.

Попросив арнассианку предупредить всех внутри, чтоб отошли подальше, Виргиния просто разнесла дверь взрывом. Когда дым рассеялся... на Виргинию словно накатила лавина. Десятки, сотни пар глаз, гул сотен голосов, буря эмоций — недоверие, страх, радость, восторг... Арнассиане, едва не перепрыгивая друг друга, кинулись к своим спасителям. Алау-Алаушс — спасённая ими женщина-пилот — осторожно прислонив свою пушку к стене, что-то громко лопотала им на своём языке.

— Что они делают?!

Арнассиане — мужчины, женщины, старики, дети — с одинаковым благоговением совершали оглаживающие движения в воздухе возле Виргинии и Аминтанира. Словно гладили ауру, подумалось девушке.

— Они возносят хвалы. Они видят перед собой великих героев, пришедших, чтобы спасти их от неведомого страшного зла из глубин космоса, отогнать войну от их порога. Из бездны пришло зло — из бездны придёт и добро, что победит его.

— Что?!

— Храбрые дети звёзд, на корабле-солнце, поведут их народ в бой за свою свободу, вернут из плена томящихся там сограждан, вернут мир и покой в их систему. А ты думала, Виргиния, раз помогла — и всё, им этого для счастья хватит? Да, конечно, вас давно уже ищут, тебя на Минбаре дожидается мать, и вообще ты собиралась, возможно, отправиться в новый лучший мир совсем не в печальном смысле этого выражения... Но если ты сейчас уйдёшь — у них не будет надежды. Великой надежды, которая одна только может помочь им выиграть войну, ну и мощьность вашего корабля, конечно...

Виргиния смутилась.

— Да нет, я понимаю. Хотя это, конечно... Почему именно я? Потому что оказалась в нужное время в нужном месте, потому что мне хватило ума, а точнее — безумия свистнуть чужой корабль и отправиться выгуливать бедного тепличного мальчика? Вообще, конечно, это совершенно правильно... Должен же быть какой-то смысл во всём, что мы наворотили.

Правда, я рассчитывала показать Аминтаниру куда более мирные места... Но наверное, ему и это будет полезно. Кажется, быть освободителем ему вполне нравится. Маменька говорила, помнится: «В жизни у мужика, хоть как, должно найтись место подвигу, иначе мужик он такой же, как я». Надо дать парню шанс... Что ж, как говорил мой приятель Алан Бестерсон... тьфу, Сандерсон... можно, я хотя бы позвоню маме?

— А вы, — Аминтанир взглянул на Гелена с некоторым страхом, — вы останетесь с нами? Мы ведь... мы не знаем языка этих существ... Будет трудно.

— Ну... с тех пор, как мой добрый приятель Мэтью нашёл счастье в мирных семейных радостях и пока не горит желанием отправиться в путь за новыми опасностями, мне, признаться, стало несколько скучно... А это, определённо, должно быть весело. И да, я могу помочь вам наладить контакт... с вашей будущей армией... Ну и кроме того, мой корабль всё же тоже... Кое-что может...

Когда дверь за вошедшим закрылась, Виктор машинально поднял голову — хотя первоначально не хотел этого делать, и это вызвало лёгкую досаду.

— Ты? Что тебе нужно?

— Да вот, уговорил капитана Ли позволить мне тебя проведать.

— Трогательная забота... — Виктор искоса следил, как ноги Андреса прошли от двери в угол его небольшой каюты, — страдаешь от того, что не можешь убить меня собственными руками? Представляю, это для вас трудно.

Андрес прислонился к стене, в поле бокового зрения Виктора — поворачиваться к пришедшему ему, разумеется, не хотелось.

— Нет. Я думал так поначалу... О том, что ты должен бы умереть. Потому что закон воздаяния предполагает лишить жизни того, кто желал смерти стольким ничего ему не сделавшим людям. Ну да, знаю, мне ли об этом говорить. Ну, я мог бы сказать, что именно мне — потому что наше дело правое, и если в нём были невинные жертвы — увы, без этого не обходится никогда — то оно не переставало быть правым. Но не это важно. Потому что нет никакого смысла убивать тебя, Виктор. Ты убьёшь себя прекрасно и сам. И дело даже не в том, что тюрьма для такого как ты — это как-то правильнее, живи и мучайся... Ты мёртв внутренне, духовно. Ты сам себя убил и продолжаешь убивать. Служа тому, что тебя убивает, полагая себя при этом властелином, а не слугой... Меня ведь не обманешь, ты не одиночка. Да и в последний сеанс связи о тебе прислали кое-что интересненькое, зря ты считал, что быстрее мысли и неуловимее воздуха. На Земле вами давно занимаются... Вы слепы настолько, что даже не видите, что ничего не добились. И не добились бы, даже удайся хоть один из ваших замыслов. Сколько их было, этих попыток? Сколько ваших бомб было обнаружено в шаттлах, летящих с Земли, сколько из них вам удалось приписать экстремистам из проземных группировок, хотя в это на самом деле мало кто поверил? Насколько поредела сейчас ваша шайка, особенно после того, как схватили вашего гипнотизёра? И дело даже не в том, что глупо и бесперспективно желать разрушить чью-то жизнь, чьё-то будущее в отместку за то, что разрушили твоё. Об этом опять же не мне говорить... Дело в том, что ты отказал себе в этом возможном будущем настолько легко, что становится понятно — ты даже не осознал, не представил, что может быть и так. Ты, конечно, притворялся всю жизнь... Ты ведь особенный, специальный агент... Обычные носили значок Пси-Корпуса с гордостью на груди, а ты носил его внутри, а не на одежде. Ты притворялся нормалом... И как ты чувствовал себя при этом? Так же, как когда притворялся

желающим тоже отправиться в новый мир? А что есть в тебе настоящего? Не та биография, которой ты жил в зависимости от требований обстоятельств, не те чувства, которые ты изображал, когда надо, перед кем надо? У тебя хотя бы семья была? Ты кого-нибудь любил? Жена, сосватанная лучшей семьёй на свете, дети, рождённые в генетическом браке? Ну, ведь и к ним что-то испытывать можно!

— Ты надеешься, что я тебе сейчас исповедоваться буду?

— Ни в малейшей степени. Мне интересно, что бы ты сказал... но не настолько. Ни убивать тебя, ни вынимать из тебя душу... Ни даже удовлетворённо наблюдать, как ты получаешь по заслугам. Единственно, я хотел бы знать, когда ты поймёшь, осознаешь, что дело твоё — безнадёжное. Ты можешь отвертеться на суде, избежать тюрьмы... Ты можешь снова и снова попытаться навредить тем, кто ещё остался, кто радуется возможности жить по-другому, свободно... Или ты можешь попытаться сбежать, скрыться, притвориться кем-то другим, ты ведь это можешь... От себя ты всё равно не убежишь. Я не хотел бы скатываться в банальности, но... бог тебя простит. Бог найдёт тебя.

— Капитан, у нас на радарх нечто странное... Вообще не понимаю, как...

— Чего именно не понимаешь? — Ли привстал в кресле, поворачиваясь к экрану, где разворачивалась самая неожиданная и потрясающая воображение картина, которую когда-либо за тридцать четыре года своей жизни он видел или просто способен был вообразить.

— Да того, что ещё пять минут назад по этому курсу ничего такого не ожидалось...

Ли хотел что-то ответить, но слов у него не было. То, что он видел сейчас... Было похоже, как будто, на цепь астероидов необычной формы, но описание это было бы бледным, не отражающим картины ни в малейшей степени. Огромная странная конструкция мягко светилась, и лучи этого свечения не слишком походили на отражённый свет звёзд. Казалось, она светилась сама по себе, внутренним светом, божественным... Наполовину её скрывали облака, не газопылевые облака, которые обычно окружают планету или цепь астероидов, а мягкие, пушистые облака, что в космосе само по себе было, мягко говоря, странно.

— Я слышал об этом... — молвил здесь же присутствующий генерал Аламаэрта, — мы зовём это место Домом Наисветлейшего, точнее, не домом, правильным здесь будет слово — Пристанище... Место, где он имеет обыкновение отдыхать в своём пути по Вселенной... У вас, я знаю, тоже есть легенды об этом месте.

— Колодец Вечности, — молвил подошедший сзади Гарриетт, — после экспедиции Гидеона... Многие, я знаю, хотели бы его найти. Я думаю, это он. Во всяком случае, по описаниям.

— И вовремя ж мы его нашли, — проворчала Далва, — в общем-то, не искали... Что полюбуемся на него для приличия и обогнём?

— Колодец Вечности является не тогда, когда его ищут, а тогда, когда его пришло время найти. И от него невозможно уйти, пока не обретёшь то, ради чего ты сюда пришёл.

— Ну дела... И... Что же мы должны сделать? Высадиться, что-то найти там, совершить, быть может, какой-то молебен?

— Я думаю, мы должны поклониться святому месту, — важно сказал подошедший к экрану Савалтали, — и мы, и вы, раз уж вами это место тоже почитаемо.

— Думаю, это знак, — подтвердил ещё кто-то из лорканцев, — того, что свет милости Наисветлейшего достигает всех миров, и благословение его есть на нашем деле, раз уж

общий наш путь привёл нас к святому пристанищу.

— Рейнджерам известно о Колодце не больше, чем большинству живущих в любом из миров, мы знаем легенду... И не много знаем людей, утверждавших, что эту легенду видели. Но мы не можем отнестись к святому месту пренебрежительно. Как бы мы ни спешили, как бы многое ни было поставлено сейчас на карту — это приглашение, которого мы отклонить не можем.

— Итак, первое, что мне хотелось бы сказать... Вот эти два устройства, — техномаг раскрыл ладонь, на которой лежали два маленьких прозрачных шарика, — помогут вам понимать язык этих существ. Правда, понимать, но не говорить на нём. К тому же, срок их действия недолог... Поэтому хорошо, если этого времени вам хватит, чтобы самим выучить язык. Второе — это запрошенный небольшой ликбез по зенерам. Зенеры, как упоминалось, бывшие слуги Теней. Бывшие в том смысле, что Теней больше нет, а не в том, чтоб они перестали проводить в жизни их политику партии — как некоторые, кстати, сделали. Те же ноты, например — живут себе спокойно и не строят завоевательских планов. Но у нотов всего лишь тысячелетняя история службы Теням, а у зенеров уже нет памяти о той истории, что была до Теней. У них нет родины и нет других занятий, кроме тех, к которым приучили их Тени. У них практически нет социума, они единая аморфная масса. Не делятся на женщин и мужчин, не размножаются естественным путём, не имеют языка — их общение происходит почти телепатически, точнее — передачей импульсов при тактильном контакте, не имеют сколько-нибудь развитой своей культуры... Словом, даже ныне почившие дракхи были как-то... человечнее. Ну, если дракхи были армией, военной силой Теней, то эти — учёные Теней. Медики, если можно так выразиться. Эксперименты над живой материей являются для них второй радостью после экспериментов по созданию биологического оружия. Или первой, а оружие второй... не знаю. Именно они авторы многих разработок Теней, в том числе дракхианского оружия, в том числе их экспериментами были выведены Стражи, в том числе они создали ту самую технологию вживления в мозг человека контроллеров, с которой земляне познакомились в истории с мороженными телепатами... Сейчас зенеры живут на дрейфующей в космосе крепости — раньше крепости было две, сейчас осталась одна, зенерам нигде не были рады, когда они появлялись, и численность их, соответственно, тоже сильно поредела... Поэтому сейчас их цель — создание плацдарма, на котором они могли бы укрепиться и подготовиться к завоевательному маршу по галактике. Быть может, они планируют сделать из Арнассии новый За'Ха'Дум.

Виргиния подошла к пульту, развернула во всю ширину комнаты трёхмерную голографическую карту сектора. Их корабли яркими точками светились на орбите Арнассии, как два искусственных спутника. Тёмно-багровым светились места сражений, красным — подконтрольные теперь зенерам колонии арнассиан.

— Жаль, выживших очевидцев осталось очень мало. Непросто будет сейчас восстановить их тактику... У меня родилось предположение, что они... первым налётом с внезапным отступлением они заманивают в нужное место дополнительные силы противника, после чего открывают зоны перехода в непосредственной близости от них или даже между ними, отрезая их друг от друга, глушат их связь... У арнассиан есть существенный минус перед ними в невладеии технологией гиперпереходов, но мы можем несколько сравнить это неравенство... Пока, судя по имеющимся сведениям, меньше всего их сил возле этой колонии, Ранаса. Но мне не кажется правильным делать нашей целью

именно её. Думаю, стоит бросить силы на эту, более дальнюю и более укрепленную. Её потеря деморализует их, кроме того, тоже заставит разделиться... Правда, и нам придётся вести сражение на два фронта...

Высадку было решено производить, раз уж всё так серьёзно, полным составом — и лорканского, и рейнджерского экипажей. По настоянию Андреса, выведен был, разумеется, связанным и под строгим конвоем, и Виктор. Риска в этом не усматривалось — во-первых, сложновато было б куда-то сбежать с висящего неведомо где в космосе астероидного образования, во-вторых — как раз оставаясь единственным на корабле, учинить диверсию легче.

Интересно было посмотреть на то, как различалось поведение лорканцев. Жреческая их часть встала торжественным полукругом, громкими славословиями на родном языке воспевая своего бога. Никто не обратил на сей раз внимания на их шумность, никто даже не усмехнулся. Каждый восхваляет своего бога так, как умеет, как испытывает потребность.

Генерал Аламаэрта был, напротив, серьёзен и молчалив. Ли подумалось, что выглядит он так, словно стоит сейчас перед самым высоким начальством, таким, которое действительно уважает. Его подчинённые, робкой нестройной кучкой столпившиеся чуть позади него, были похожи на детей, внезапно увидевших чудо, о котором много слышали и которое, наверное, разве что мечтали увидеть — с той отчаянностью, с которой мечтают, чувствуя, что детство скоро кончится, а с ним придёт конец и мечтам.

Ромм опустился наземь рядом с фигурной каменной грядой, увенчанной небольшим ажурным сооружением совершенно непостижимого назначения — то ли архитектурная модель, то ли некий религиозный символ, бережно пробежался пальцами по острым граням. Харроу подумал невольно, что такого детски восторженного лица у Ромма он даже представить себе не смог бы. Обычно эта физиономия светилась самоуверенностью и ехидством.

— Невероятно... Это ведь гробница ушедших цивилизаций? Сколько же их... Последних следов тех, кого нет уже тысячи, миллионы лет...

— Думаешь о том, не прихватить ли какой-нибудь раритетик? Навариться солидно можно...

— Иди ты к чёрту, а... — Ромм даже не оглянулся, зачарованно пересыпая между пальцами золотистый песок, — вы вообще способны осмыслить? Вот это — прах истории... самый натуральный. Лет всего через 40–50 большинство из нас начнёт процесс превращения в горстку праха, это естественно и понятно. Ещё через 100, 200 или тысячу лет рассыпятся наши любимые вещи, наши дома и машины — ну, это у чего какой срок... Но попробуй представить, что однажды прекратят существование, станут пылью, затихающим эхом цивилизации, планеты, светила... Кажется, уж что-то должно быть вечным.

— Ну в моём понимании тысяча — уже вечность. Я-то явно столько не проживу. И для меня слышать, что кто-то там вымер триллион лет назад — это просто слова. Верю, конечно, но в своей голове уложить это не способен. И вообще, к чему такая торжественность? Наверняка были такие же придурки, как и ныне живущие. Что за мания, что смерть непременно даёт чему угодно ореол святости? Само то, что они разместили здесь некую памятку о себе — та же гордыня. Вот, дескать, мы жили. Да кому сейчас какая разница? Единицы из людей способны оставить по себе действительно добрый и ценный след. И единицы из рас стоят того, чтоб их помнили последующие.

— А ты чего молчишь, Блескотт? О чём думаешь?

— О чём я могу думать? О том, что курить очень хочется... И о Наталье.

— Слушай, а может, плюнешь на всё и вернёшься? Ну подумаешь, так-разэтак... Ну случилось так, что теперь? Вы оба взрослые люди, способны не нарожать генетических уродцев, а больше-то о чём волноваться?

— Ты в своём уме вообще?

— Слушай, ну ты посмотри вокруг! Всё это — свидетельства тысяч миров, от которых сейчас только тень памяти осталась. Какое тут имеет значение, что кто-то спит со своей сестрой? Паршивые сто лет — и никто не вспомнит вообще, что это было! Половина жизни прошла, осталось-то не так много...

Виктор покачнулся, лицо его посерело.

— Ему плохо? — инстинкт медика тут же вывел Далву из восторженного созерцания мерцающих переливов воздуха, облаков вверху, песка под ногами. Андрес приготовился подхватить его, но арестованный устоял, только связанными руками схватился за воротник рубашки.

— Я не чувствую... не чувствую... Быть может, мне следовало бы... умереть в этом месте...

— Ишь чего захотел, — пробормотал стоящий рядом Гарриетт, — и оставить нам удовольствие как-то объяснять твою в пути внезапную кончину? Нет уж, приятель, тебе придётся отвечать. Святое место — не лаз, через который ты можешь сбежать от правосудия.

— Вот тут ты прав, — проговорил Виктор совсем тихо, — именно об этом говорит это место... О необходимости отвечать, о необходимости жить и нести этот груз до того места, где сможешь его снять. Я подумал, что это место, являясь гробницей цивилизации, обелиском навсегда ушедшему... могло б принять и меня, потому что я тоже памятник навсегда ушедшему. Но оно не примет меня. И бог знает почему. Я должен жить, чтобы постичь это. Почему сейчас смерть коснулась меня, заглянула мне в лицо — и ушла прочь, оставив меня. Быть может, ей стала противна моя гордыня, мой... Мой бездуховный взгляд... на всё, и тяжесть, что есть у меня на сердце. Правда, я не знал до недавнего времени, что на нём есть тяжесть...

Алан ступал по серебристому песку медленно, рассеянно — он не вполне осознавал, что не спит сейчас, так похоже было это место, наполненное сиянием и неразличимыми шёпотами, на его сны.

Андо, еле передвигая подкашивающиеся ноги, ступил на мерцающую опору, что представлял из себя Колодец Вечности. Его мысли были, как ни странно, абсолютно упорядочены, всё существо телепата охватило некое спокойствие, обречённое умиротворение. Парень смотрел вверх, на переливающееся небо, если это можно было назвать небом, на мерцающие огоньки маленьких звёздочек.

Андо охватила тоска. Такая, какой не может быть у человека, такая, какой не должно быть у живого существа в принципе. Грудь сдавило железными прутьями рёбер, невыразимое желание кричать и плакать, желание приблизиться — хоть на мгновение, хоть на сотую долю секунды — к Нему, стать частью Его, обрести покой, которого Андо не знал до сих пор.

Он запнулся, не устояв на ногах, и рухнул на колени. Кажется, кроме атмосферы Колодец имел и лёгкий ветерок, который заколыхал волосы парня, словно пропуская меж своих невидимых пальцев. Андо так и продолжал смотреть вверх, когда почувствовал, что

его сила медленно, но верно даёт о себе знать. Сложив руки в молитвенном жесте, парень закрыл глаза.

— Я знаю, что тебя нет больше. Я знаю, мне не искупить того недостойного прошлого, в котором я так страдал от того, что ты ушёл, и это страдание затмевало всё... Ты выбрал быть далеко, и мне ли желать, чтобы ты изменил это решение. Но сейчас, как никогда, я стою на краю беды, и всё ближе этот край, всё меньше времени...

Андо не заметил сам, как его тело замерцало голубоватым свечением, сначала тусклым, еле различимым, затем всё сильнее, укрывая его, хоть и не смазывая очертания его фигуры, такой хрупкой на фоне этого чудесного места. В какой-то момент Андо почувствовал жар во всем теле. Что-то менялось, он сам менялся здесь, в этом месте. Тонкие, как нити, лучи, сперва прорезавшиеся из сгорбленной спины как-то несмело, разворачивались, соткавшись в ослепительно белые крылья.

— Мне никогда не узнать, не постичь того, что именно я должен был сделать, и чего сделать не сумел. Я думал, что смогу, мне казалось, что я способен на это, казалось, что еще немного, и я найду ответ... Тебя больше нет, и это больно, так больно, словно тебя не стало только вчера. Я никогда ни о чём не просил Бога, я никогда не осмеливался говорить с ним, но с кем мне ещё говорить, если ты покинул наш мир? Сейчас я прошу, я умоляю, пожалуйста... Бог, Лориен, какое бы имя вы не носили, Великий Свет... Спасите его, спасите от неизбежного, спасите от гибели. Он не должен уходить так. Это очень эгоистично, но я не хочу, чтобы он уходил. Спасите его, или дайте мне ещё хоть немного времени. Дайте мне хоть какой-то знак...

Он не видел — и мог ли видеть — как потрясённо смотрит на него множество пар глаз. Он не слышал опустившейся на равнину тишины — смолкли песнопения лорканских жрецов, стихли переговоры вполголоса среди рейнджеров. Разве что, генерал Аламаэрта по-прежнему казался глубоко погружённым в себя.

— Чего я стою, если я могу останавливать армии, выжигать самую чёрную тьму из этого мира, но не могу отменить величайшую несправедливость, не могу спасти то, что мне дороже всего... Эта сила — не более, чем насмешка... Век человеческий — конечен, я знаю, но почему это должно быть так? Почему я могу быть лишь неумелым, растерявшимся орудием, которое в самом важном — бессильно...

Последние слова Андо произнес сдавленным хрипом из-за подкатывающих к горлу рыданий.

Андрес забыл напрочь о бдительно наблюдаемом им Викторе, о стоящих рядом Далве и Гарриетте, невозможно видеть что-то ещё, когда перед твоими глазами расступившееся небо проливает тот самый чистый свет, который всю жизнь мы можем видеть лишь в маленькие дырочки звёзд. Словно дверь, в замочную скважину которого лился свет, волшебная музыка — вдруг распахнулась настезь.

Алан, не чувствуя тела, шагнул навстречу этому свету — шагнул к Андо. Сквозь этот свет он чувствовал всё — и боль, наполняющую душу Андо, и эту устремлённость, и надежду, и стыд, и любовь.

Он подошёл к коленапреклонённому Андо, робко коснулся его плеча, потом положил на плечи обе ладони — скользя, обнимая.

— Андо... Андо, слышишь меня? Не плачь, Андо, не казни себя. Если ты чего-то не можешь, если где-то лежит предел твоей силы — это не должно быть твоей виной. Андо, нужно просто верить. Твоя вера живёт в тебе — разве эта вера не говорит тебе, что бог

слышит молящегося, что его милость с каждым, кто вверил ему своё сердце? Бог, в которого ты веришь, сделает так, как лучше всего, он устроит для тебя лучший путь... Бог, которого ты всегда нёс в своём сердце... Как ему не услышать — тебя?

Андо посмотрел снизу вверх на Алана. Его глаза светились, как и все его тело, словно выпуская тот самый Свет изнутри, окутывая облик Андо коконом святости в глазах мальчика. Протянув дрожащую руку к Алану, Андо оперся о нее и медленно, неуверенно встал с колен.

— Не печалься обо мне, — тихо произнес крылатый подросток, — Я не стою...

Андо грустно улыбнулся, но глаза так и остались полными невыплаканных слез, и положил мерцающую руку на голову Алана.

Алан почувствовал, как что-то — быть может, этот самый свет, быть может — что-то ещё более тонкое, неуловимое, сильное — толчками, пульсом входит в его голову, разливается по его телу, по его существу, по всему, что есть он, равномерно разливаясь, густо, полно, величаво, с неукротимой мощью, с тихой лаской. Словно океан, заполнивший предназначенную для него огромную каменную чашу, разливал теперь свои волны, вылизывая им каждый камень, заполняя каждую его трещину. И где-то в нём вставали смутные тени кошмаров, что шли с ним всю его жизнь и стали роднее отца и матери — и таяли, опадая, угасая под его напором, растворялись в океане точно так же, как растворилась бы в нём чайная ложка соли — не найти, никогда не найти. Безбрежный, первозданный океан был чист, лишён скверны, и полон совершенным воплощением того ощущения покоя и счастья, которое он впервые ощутил в первом своём настоящем сне.

Андо убрал руку с головы мальчика. Потом медленно, все так же осторожно передвигаясь, по-видимому, боясь упасть, пошел обратно на корабль. И лишь спустя минуту, всё в том же потрясённом молчании, процессия двинулась вслед за ним.

— Я не знаю, правильно ли будет, если я... начну этот разговор... Но кажется, неизбежно следует озвучить эту некую... общую для всех мысль... Что это было там, внизу?

Гарриетт покачал бокалом, на дне которого ещё плескался чай.

— Ну... Если уж подыскивать слова и определения... На Земле есть такой праздник — Преображение, или Богоявление. Думаю, вот что-то подобное.

— Это несерьёзно... — нервно отозвалась Далва, — Андо, и...

— А как я могу назвать то, что я видел, иначе, чем тем, что я видел?

— Не всё то золото, что блестит, — подошёл к столу Сонара, — и не всё то господь, что светится. В наше-то время мудрено об этом не знать. Фальшивых чудес и того, что впечатлило нас только потому, что мы этого не поняли, в мире больше, чем настоящих чудес.

Коренастый пожилой дрази глянул на него хмуро, с осуждением.

— Сонара, тебе всегда не хватало веры, с первых дней, как тебя помню. Чудеса совершаются в этом мире каждый день, и одно из свойств этих чудес — именно то, что мы их не замечаем. Господь творит для нас чудеса так же, как воздух для нашего дыхания, тихо и каждодневно, не травмируя нас при этом невыносимыми для нас откровениями.

— Это, по-твоему, было тихим?

— А тебя это травмировало?

— Если благодать высших сил, живущая в этом месте, решила проявиться через Андо, то ей, конечно, виднее... Мы понять эту логику не в состоянии. Но если в этом был какой-то

знак для нас, то мы должны будем его понять.

— Как-то это грустно, — молвила Раула, — когда бог что-то хочет дать нам понять, а мы не понимаем этого. Почему б ему не выразаться тогда попроще?

— Воля Наисветлейшего, — произнёс младший из жреческой части лорканцев, воздев руки в традиционном молитвенном жесте, — бывает непостижима, нашему слабому смертному уму приходится всю жизнь идти к её постижению. Иногда наше греховное, извращённое восприятие уводит нас далеко от божественного понимания. Поэтому Наисветлейший посылает к нам божественных учителей, чтобы они, говоря на нашем языке, доносили для нас слово его. Но может быть, сейчас, в нашей греховности и гордыне, мы все так отделились от пути Наисветлейшего, что уже мало явить нам учителя из нашей среды, дабы не позволять нам... и дальше замыкаться в нашем невежестве. Мы забыли об истинном смирении, мы должны снова стать смиренными, осознав, что если Наисветлейший предпочёл иномирца, чтобы явить перед нами свою силу — значит, все мы крепко виновны перед ним. Та земная девушка говорила, что мы смыслим в праведности не больше птицы, несущей яйца, и теперь я вижу, что она была права. И хотя душа моя жаждет сейчас откровений и наставлений, я счёл бы недопустимой дерзостью подходить к Просветлённому самому.

— Я думаю, это не вина, — проговорил Гарриетт, — это явление не для устрашения, не для подавления... Это явление скорее божественной любви. На Земле один проповедник, что жил неподалёку от нас, всегда говорил, что люди совсем неверно понимают желания бога. Бог не хотел бы пугать нас или всё время чего-то требовать от нас, бог хотел бы поделиться с нами любовью, поделиться тем, как ему хорошо от того, что мы у него есть, и хотел бы, чтоб осознание его существования делало нас не скованными и боящимися, а счастливыми, как и он сам. «Бог хотел бы сказать вам: чего вы паритесь?» — так он говорил.

— Он был со своими трактовками, должно быть, не слишком популярен? — улыбнулась Далва.

— Пожалуй... Людям как-то приятнее видеть в боге надсмотрщика, чем доброго друга. Это, по мнению того проповедника, и огорчало бога больше всего. Именно в этом и есть суть факта, что люди отвернулись от бога, а не в том, исполняют ли они заповеди или даже часто ли они молятся.

Алан не сразу заметил, войдя в каюту, что он в ней не один. Андо сидел, не зажигая света, на кровати, тихо, неподвижно.

— Андо... Я не знаю, наверное, правильнее вообще сейчас не заводить разговора о том, что там произошло, думаю, тебе и так слишком многие жаждут задать множество вопросов... Я просто поблагодарю тебя... Хотя, слова благодарность тут становится мало. Те удивительные перемены, которые я ощущаю в себе... Порой мне кажется, что я всё ещё сплю. Что это сон, разве что в нём нет этого мерцания и я чувствую своё тело... Это удивительно, чувствовать его... так. Словно я собрался, полностью, воссоединился, без швов. Прежде... вот это, что было во мне, равномерно пронизывало меня всего, разбивая на множество частей, и иногда у меня было ощущение, что это только оно держит меня целым, как некая вязкая смола, что... Это было в моих снах, Виргиния слышала это... Что никому я не нужен больше, что никто не удержит меня больше. Теперь я знаю, что... я чувствую себя. Полностью.

Андо поднял голову. Его взгляд был все таким же, как там, внизу, полным печали и

тоски.

— Я рад, что тебе лучше. Однако, это не всё, ещё какое-то время тебе потребуется на то, чтобы привыкнуть к этому новому тебе. Но ты справишься, я верю. А ты скучаешь по Виргинии? Ты часто говоришь о ней.

— Я хотел сказать, Андо, — мальчик несмело шагнул ближе, — что меньше всего хотел бы... доставлять тебе какое-то беспокойство сейчас. То, что я видел там, что слышал, что чувствовал... Дало мне понять, что с тобой, в тебе происходит сейчас нечто непростое для тебя, нечто выше моего понимания. И видя твою печаль и ничего так не желая, как унять её как-то, поддержать, помочь... Я понимаю, что я — едва ли могу. Проще говоря, что лучше бы было оставить тебя в покое, наверное. Знаешь, иногда исцелённые сразу покидают своего целителя не потому, что не чувствуют благодарности или слишком опоены сотворённым для них чудом, а потому, что не смеют больше отнимать время, не смеют навязываться, понимают, что целителю нужно восстановить силы, побыть в тишине. Но я не знаю, Андо. Как никогда прежде, я совсем не знаю, как поступить. Я телепат, но то, что мне, хотя бы отчасти, доступны твои мысли, не делает для меня проще, остаться или уйти. Я знаю, что больше нет необходимости в том, чтоб ты сторожил меня ночами, это свобода для тебя... Но я не хочу, чтоб ты воспринял этот шаг как неблагодарность. Хотя может быть, ты и не воспримешь так... — он помолчал, подбирая слова. Может быть, в этом и нет особой нужды, Андо, с его силой, может увидеть в нём любую мысль на стадии зарождения... Только вот поймёт ли что-то, в том хаосе, что сейчас внутри творится? — Виргиния... о да, я не могу не думать. Я... не знаю, как следует об этом говорить, и у меня совсем нет опыта... говорения о том, что я чувствую. Если это не из области болезни, о чём говорить меня всё же научили врачи. Виргиния, можно сказать... была первым человеком, которого я увидел. То есть, ты понимаешь, я и до этого видел людей, и видел их вроде бы не как неживых кукол или некие схемы, я слышал их мысли, я понимал, насколько они разные, насколько живые... Но я не мог... сквозь пелену того, что всю жизнь отделяло меня от мира, почувствовать их. То, что тогда происходило во мне, было слишком похоже на то, что происходит у нормальных людей. Когда я чувствовал это в них, словно читал книгу о неведомом мире рядом с собой... Как они дружат, испытывают симпатию, влюбляются... Тогда мне показалось, что, по крайней мере... могу представить, как это бывает. Виргиния пробила эту пелену, не сняла, конечно, как это сделал ты... Она пробила в ней трещину, и я ощутил жизнь, что была от меня скрыта. Я был мрачноват в восприятии людей всю свою жизнь, я теперь понимаю, что, наверное, они воспринимали мои слова, моё поведение очень грубым, резким, словно я отталкивал их, едва они ко мне приближались, что я издевался над ними, потому что они и представить себе не могли, как живу, что чувствую я... С ней я стал меньше думать об этом. С ней я, бывало, смеялся... По-настоящему смеялся. Она прогоняла это, хотя бы ненадолго.

Андо улыбнулся, перемещаясь на край кровати и подтягивая к груди ноги.

— Ты считаешь, что способен доставить мне беспокойство? Да, я... некоторым образом меняюсь, наверное, и так можно сказать. Но то, что ты видел внизу — не есть результат этих изменений. Я был таким всегда. И я искренне надеюсь, что тебя это не напугало. Я никого не хотел напугать. Впрочем, говоря честно и открыто, я даже не задумывался о том, что выгляжу странно. Это ведь всегда я, сложно отследить перемены внешние, когда внутри ты не меняешься. И если ты хочешь — можешь остаться, если хочешь — я могу показать тебе их ещё раз. Виргиния... Ты хочешь найти её, потому что благодарен ей? Потому что считаешь, что многим обязан? Или потому, что ты влюблён в нее, Алан?

Алан опустил голову. Разговор происходил как-то не так, не как хотелось, не как было нужно. Он зашёл всего лишь заверить Андо в том, что он не... Не склонен недооценивать то, что для него сделано, более чем не склонен, что... Пожалуй, правильно бы было сказать, что молекулы водорода в этом океане внутри него — это его благодарность... Но Андо снова будил в нём... всё то, что не было высказано никому, никогда.

— Андо... Есть ещё то, что... некая вина моя перед тобой, но мне не хотелось бы говорить сейчас об этом, точнее, я просто не смогу, и я... не хотел бы, чтоб ты сейчас говорил, что мне не в чем себя винить перед тобой, потому что ты не должен отпускать мне грехи, о которых ты не имеешь понятия. Я... я ничего не знаю, Андо!

Парень наклонил голову вбок, рыжие волосы каскадом ниспали на плечо. Он долго смотрел в глаза Алана, пытаясь понять его, о чем он говорит.

«Пусть я не имею понятия о том, что тебя мучает, пусть я не способен тебе помочь в этом, пусть ты не хочешь моей помощи больше — пусть так. Но не стоит думать, что ты грешник. Я вижу тебя, Алан. Нет, не сканируя, чтобы видеть твою душу мне необязательно сканировать твои мысли. Не волнуйся, я не полезу туда, куда мне не следует. Но я не знаю такого твоего шага, такой мысли, направленной в мою сторону, которые могли бы упасть виной на твои плечи».

Мальчик кивнул. Было непостижимо, как Андо может не понимать этого, после того... после того-то... Но пусть. Пусть будет ещё одной такой милостью к нему. Он неловко присел рядом с Андо, коснулся его руки.

— Лучше не думай о том, что ещё что-то меня мучает. Не надо. Ты так много для меня сделал, что сделать больше этого — невозможно, никому, ни для кого. Мне хотелось бы как-то отплатить тебе за это... Но я знаю, что это невозможно. Есть неоплатимые дары, и в общем-то, это хорошо, что они есть. Это даёт нам огонь, освещающий нам путь и дающий силы.

— Само слово «дар» подразумевает — отдать, подарить, безвозмездно и навсегда. Но если ты хочешь мне помочь... Прошу, найди для меня какую-нибудь заживляющую мазь. Только не беспокой Далву, не надо, она не должна об этом знать. Если не сможешь достать так, чтоб она не волновалась, то не надо.

Андо было действительно трудно двигаться. Колодец будил в нем силу, его силу, такую огромную, такую непокорную, что от мощи её парень даже ходил с трудом.

Алан послушно встал и вышел за дверь, в тишину пустого коридора. Хорошо... Теперь разговор шёл правильно. Ему удалось свернуть с пути, который мог привести его к тому, чтоб попросить у Андо остаться и на эту ночь здесь, в его каюте — просьба совершенно недопустимая после всего, что он тут сказал... И то, что можно выразить свою благодарность не словами, которых всё равно будет мало, а действиями — это тоже прекрасно.

Медблок был тоже объят тишиной — и это понятно, сейчас здесь, к счастью, совершенно нечего делать. Наверное, Далва отдыхает. Конечно, не очень-то вежливо брать что-то без спросу, зато не беспокоить для этого человека, у которого и так серьёзная и ответственная работа — вполне даже вежливо. Крепко сжимая баночку, он вернулся в каюту, где дожидался его Андо, расположился за его спиной и откинул с неё длинные волосы, едва поборов желание зарыться в них лицом. Запах его кожи был таким лёгким, едва уловимым, таким особенным, ни с чем не сравнимым, кружащим голову... Он коснулся пальцами спины парня, надеясь, что его прикосновения... не ощущаются Андо как нечто... Его взгляд

упал на острые, выпирающие лопатки. На светлой, чуть бронзовой коже багровели ожоги — как раз в том месте, откуда там, внизу, на равнине, у Андо вырастали крылья.

— Это... то, что делает с тобой твоя сила? — в голосе не было сожаления, ужаса или чего-то подобного. Скорее, восхищение и уважение.

Подушечки пальцев мальчика, касающиеся спины Андо, приятно охладили горячую кожу, словно снимая боль.

— Это только малая часть того, что она делает. Но раньше было хуже. Раньше, когда она только проходила становление, осваивалась в моём теле, было куда сложнее. Есть только одно существо... Мой друг, который всё то время был рядом, и помогал мне пережить эти волны. Правда, тогда я не ценил этого, о чём сожалею. Эта сила не должна была быть в теле человека. На самом деле, Бог не должен был создавать меня. Я слишком слаб, чтобы это выдерживать... без потери контроля хоть иногда. Знаешь, Алан... Я сделал в своей жизни немало такого, за что чувствую вину. И то, что у меня нет времени сделать хоть что-то в противовес тем действиям... Обречённость в том, что даже сорвись я сейчас туда, к тем, кого я не ценил, скажи я им обратное, скажи я им, что безмерно благодарен, это ничего не изменит. Моё время подходит к концу, я знаю, что не в моих силах. А ты... Ты, Алан, должен пройти ещё очень длинный путь. Так что забудь всё, что ты вписал себе в вину, особенно, если это касается меня. Я прошу тебя об этом. Расцени, как последнюю просьбу.

Андо повел плечами, чувствуя пульсирующее жжение от мази. Это движение едва не заставило Алана ткнуться носом в его затылок, влажные от мази пальцы невольно скользнули по предплечью.

— Как тяжело, наверное... Всё время иметь необходимость в контроле, не сметь выпустить... себя, всего... Я знаю это, могу представить. Я всю жизнь старался сдерживать в узде свою тьму, не пускать, не давать коснуться того, кто случайно оказался рядом. Ты — старался не выпустить свет, чтоб он не сжёг кого-нибудь... Если уж тебя он так сжигает... Как странно, что, такие разные, мы в чём-то одинаковы. Но... слова всегда имеют смысл, Андо. Ты говорил... не важно, что было, важно, что есть сейчас, что будет. Я получил новую жизнь, в которой нет места кошмарам, и ты получил.

— Спасибо, Алан. Но дело не в том, что я не верю в свои силы, или что я не считаю возможным что-то исправить. Я не знаю, поймешь ли ты... Но я говорю о времени. Времени, отведенном мне Богом. Оно подходит к концу, и я... Я думаю, это я привёл нас всех к этому колодцу. Я должен был остаться здесь, тоже как память... об ушедшем. Но я не остался. И я преодолеваю этот зов, хотя и знаю, что я не получил ответа, но я убеждаю себя, что это лишь потому, что будущее не определено, и оно ещё может измениться. Ничего я так не желал бы, как его изменить... И всё, что я ещё могу сделать, я должен сделать. Для всех, кто не случайно встретился на моём пути... Я хотел помочь тебе... вернее, я хотел успеть помочь, это одна из причин того, что ты видел внизу, и того, что ты видишь на моей спине сейчас. Времени и правда мало, я знаю, что даже до конца этого года меня не хватит. Я счастлив, что любил Офелию, я счастлив... что любил Бога... Счастлив, что у меня был такой друг на родине, хотя он, наверняка, больше не захочет меня видеть. И счастлив, что ты сейчас рядом. Счастлив от того, что не один... Больше не один.

— Андо... — голос Алана дрожал, — может быть... может быть я не слишком много в этом понимаю... Но мне кажется, что ты... Можешь ли ты быть уверен в том, что говоришь? Многим, говорят, даётся предчувствие смерти, но только бог решает, сколько жить человеку и когда умереть. Бог может и изменить своё решение. Иногда то предчувствие, в котором

человек видел свою смерть, касается какого-то тяжёлого момента в его жизни, после которого... Допустим, что-то в нём умирает, но что-то, чему пришло время умереть. Если так посмотреть, то и я в этот момент, там внизу... умер, но о такой смерти не жалеют. И думаю, многие... умерли и ещё умрут с тобой рядом для жизни куда лучшей. — он сполз с кровати, опустившись на колени у ног Андо, крепко стиснув его руки в своих, — то, что явилось мне... всем нам, там, на равнине, в тебе... я думаю, это знак того, что мы должны увидеть бога в самом себе, друг в друге. Увидеть и полюбить. Именно это ты несёшь людям... кто принесёт, если не ты? Быть может, так нужно было, чтобы мир наш, больной и жестокий, забывший о любви, о сострадании, очистился огнём Литы и омылся слезами Байрона, и ты, именно ты... через тебя, тобой... мы все поймём, почувствуем это. Преобразимся. Не лишай твоих друзей, всех, кому ты дорог, счастья увидеть тебя, обнять, согреться твоим светом.

Андо почувствовал, что жжёт не только спина, но и глаза. Всё те же слёзы... Кому они адресованы? Словам этого мальчика? Его надеждам или надеждам самого Андо? Спасти Его, успеть помочь? Он снова чувствовал крылья за спиной, и они, уже так привычно, ранили лопатки.

— Алан... Что ты видишь, когда смотришь на меня? Что видит любой взгляд? Человека? Но человек не может обладать такой силой, которую ты ощутил и на себе. Бога? Но бог не знал бы такой жажды, таких страданий... Побочный продукт ушедшей цивилизации, без цели, без задач... Бога в этом мире больше нет. Я хорошо знаю, как и когда он умер, и всё же стремился к нему, всё же искал всего, в чём есть хоть малый его след. А всё другое, что могло бы тоже называться богом, окинуло этот мир, и если так произошло — значит, так и должно быть. Только я остался здесь, малая часть этого Света, чтобы вечно стремиться к тому, чего мне не достигнуть... И для чего мне быть? Для того, чтоб люди могли уповать на мою силу вместо того, чтоб уповать на свою? Я имею власть дать часть этой силы тому, кто нуждается в ней. Только бы не дать вместе с нею часть моей тоски и одиночества...

Андо повернулся к мальчику. Алан прижался влажной щекой к ладоням Андо, глаза его были огромными, тёмными, горящими.

— Андо, я знаю, знаю, что ты не бог. И... представить не можешь, как меня это... радует именно в этот миг. Позволь мне остаться сейчас с тобой, быть рядом, хотя бы немного унять твою печаль. Не как с целителем, не как с орудием бога... как с человеком. Как с другом. С тем в тебе, что человеческое, тёплое, что тянется к теплу и отзывается на ласку. Позволь... помочь... позволить тебе побыть немного и человеком. Ты был достойным орудием света, иначе бы бог не явил этот свет так явно для нас всех... Теперь позволь себе этот недолгий миг покоя.

— Я буду с тобой, Алан... столько, сколько смогу. Алан... Знаешь, рядом с тобой я всегда чувствовал себя спокойно. Это иное спокойствие, чем с теми, у кого я искал поддержки и защиты в минуту слабости, или теми, кто искал поддержки и защиты у меня. Может, быть, это можно назвать — равенство... Между нами есть такое сходство, которого нет ни с кем, и конечно, хорошо, что мы одни такие в этом мире, но хорошо и то, что мы встретили друг друга. Ты — чудо в моей жизни, Алан. Чудо, что ты не стал таким, каким был я. Многие говорили тебе — чудо, что ты вообще живёшь... Чудо, что ты не потерял себя во тьме. Я себя в свете едва не потерял. Я простил твоего отца уже за то, что есть Офелия, не готов молиться за его грешную душу, потому что есть ты.

— Я счастлив слышать это, Андо. И счастлив возможности...
«Соприкоснуться своей душой с твоей душой».

Комментарий к Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 6. Per astrum, ad aspera

Иллюстрация:

“Команда свободной воли” — Виргиния, Гелен, Аминтанир.

<https://yadi.sk/i/94bi4t753MV7rx>

Картинка крупновата, я как-то не осознал, что заливаю...(

==== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 7. Молитвы детей =====

— Господин Гарриет, простите за беспокойство, не заняты ли вы? — лорканец-жрец Таувиллар склонился в почтительном полупоклоне, глядя на Гарриетта выжидающе-жадно.

— Ну... Особенно нет, но... Смотря для чего. Вам нужна какая-то помощь...?

— Таувиллар, — пришёл на помощь лорканец, прекрасно знающий, что с жрецом Зуастааром, одного с ним ранга и, соответственно, одеяния, рейнджеры его всё-таки чаще путают, чем различают, — о да, я хотел бы... Если у вас найдётся... Некоторое время для беседы...

— Ну, собственно, пока мы торчим здесь, дел у нас всё равно не шибко-то. Взлететь мы не можем, пробовали. Видимо, это место всё ещё держит нас зачем-то. Так что валяйте.

Лорканец просиял.

— Я хотел поговорить с вами... в беседе, сразу после того, как мы вернулись с моления, вы показали себя человеком, не чуждым искания бога, и...

— Да понабожнее меня есть, в общем-то...

Таувиллар закивал.

— Конечно, высшим счастьем было б для меня говорить с самим Просветлённым... Но я не чувствую, что этого достоин. У меня на родине есть понятие — стать слугой слуги. Ищущий просветления, сознающий свою слабость и ничтожность пред богом не идёт к Великим Вождям или даже Просветлённым Учителям, ибо сознаёт, что это дерзко, и приходит служить тому, кто служит им, чтобы от него получить наставление. Я пришёл получить наставление от вас, если только и это не будет слишком дерзким для меня.

— Но... я совершенно не знаю, что вам сказать... — пробормотал Гарриетт, которому абсолютно не хотелось сейчас вдаваться в подробности, что он, мягко говоря, не является слугой Андо, — я, как и вы, в растерянности.

— Это ничего. Я хотел говорить с вами о вашей религии, о вашем понимании бога. Как член старшего круга Просветлённых Учителей, я имел доступ к изучению верований иных миров — того, что нам доступно из них. Меня заинтересовало понятие... богочеловека. Тогда я не смог понять этого до конца, и решил, что это один из примеров невразумительности ересей иных народов. Теперь я был наказан за поспешность суждений и несправедную гордость. Я хотел бы услышать от вас, как следует понимать таинство явления богочеловека и что есть любовь господня, снизошедшая в мир.

Гарриетт потёр подбородок. Нельзя не сказать, более странных разговоров он не имел с поры своего обучения у минбарских учителей.

— Вы говорите об Иисусе Христе?

Лорканец кивнул.

— Я думаю теперь, ваша религия удивительна этим, богата этим... Мне казалась кощунственной и богохульной эта мысль — что сам бог может явиться в теле человека, жить как человек... Теперь я понял, какой глубокий смысл в этом скрыт, и я хотел бы под вашим руководством сделать первые шаги в постижении этого смысла. В самом деле, как это прекрасно! Господь, явившийся в человеческом теле, господь, испытанный земными страстями... Как могли мы прежде не восхититься этим величием, принять его за слабость? Всё это время господь терпеливо ждал, когда мы услышим и правильно поймём его голос, но мы были слепы и глухи... Господь счёл нас слабыми, потому и не являлся к нам в виде человеческого, господь всё это время прощал нас за то, что мы неправильно понимаем его волю. Мы не допускали мысли о том, что в верованиях иных миров тоже может быть свет Наисветлейшего, правда о нём. Мы не думали о том, что если уж Наисветлейший создал всю вселенную — а думать, что не Наисветлейший, а кто-то другой мог создать вас, или минбарцев, или кого-то ещё — грех самый невообразимый из возможных, ибо творец один — то и откровение о себе он тоже должен был им дать. Непростительной гордыней было думать, что самое истинное, самое правильное откровение было дано именно нам. Раз уж господь, как заботливый наставник, вёл нас от колыбели к звёздам — мы многим раньше должны были понять... Преступно было наше искажение его светлого образа, преступно было наше... отрицание его части в себе. Прошу вас, достойнейший Гарриетт, расскажите ещё что-нибудь из речей того великого мужа, что учил вас у вас на родине.

Почему же должно было так получиться, что именно в их экипаже нет ни одного минбарца, в очередной раз с тоской подумал Гарриетт. Минбарцы способны говорить о религии часами, землянам же это, пожалуй, просто органически тяжело.

— Да, слышал бы он, что кто-то называет его так — прослезился бы... Что ж. У отца Мендоса было очень... специфичное понимание бога и его воли. Он говорил: «Господь наш — господь радости. Если вы не готовы радоваться с господом, любить с господом, любить господа в мире вокруг и в себе — то вы ещё не созрели. Если вы ищете в боге сурового надсмотрщика, командира — идите в армию. Если вы ищете в боге того, кто обуздает, укротит ваши страсти, смирит вашу плоть, задавит вас чувством вины, слезами покаяния — идите в клуб садомазохистов. Идти к богу стоит только тогда, когда вы ищете бога. Только тогда, когда вы готовы принять, что он возлюбил вас, принять без оговорок...».

Лорканец кивал, с восторженным, счастливым выражением лица.

— Именно это, мне кажется, хотел нам сказать господь, когда, своей неисповедимой волей, вывел нас на встречу с вами. Та земная женщина, что улетела с нашим Просветлённым Послушником, много стыдила нас за отрицание телесного в себе, отрицание земных удовольствий. Мы не понимали. Она говорила: «Если вы верите, что бог создал вас вот такими, то почему не верите, что и позволение удовлетворять свои желания, которые тоже сотворены им, он дал вам тоже? Вы кем считаете своего бога — дураком, который не мог сразу создать своих избранных без всего, что его бы в них не устраивало, или садистом, который сделал так специально, чтобы любоваться, как вы себя преодолеваете и мучаетесь?». О, эта женщина удивительно мудра. С каким совершенно иным нетерпением теперь мы жаждем найти и вернуть Просветлённого Послушника, чтобы вместе с ним обрести сокровища откровений, которые она успела ему дать...

«Ну что ж, теперь они, значит, считают, что она там учит его не плохому, а хорошему, всего пара суток путешествия, и уже каков прогресс! Но парню жить легко в любом случае не будет...»

— Виргинне! Скажи, на твоей родине какие мужчины считаются достойнейшими, образцом душой и телом, на кого равняются другие мужчины и устремлены сердца женщин?

Виргиния оторвалась от вычерчивания линий на карте и воззрилась на Аминтанира.

— Вроде как, идеал мужчины, что ли? Однако, ты спросил... Ну, единого на всю планету, совершенно точно, нет. Если о внешности говорить... о ней-то проще всего, характер, интеллект, душевная организация — это всё очень сложно... То можно ж много разных типов назвать. У нас, я говорила уже, очень большое видовое разнообразие, в смысле расцветки, черт лица, комплекции... Вы мононация, потому что вы образованы от представителей одной народности, спасшейся с вашей прежней планеты, а у нас в ходе эволюции только основных рас образовалось четыре. Так что единого идеала нет. Кому-то нравятся блондины, кому-то брюнеты, в основном женщины сходятся на том, что мужчина должен быть высок, строен, мускулист... Хотя с культуристов сохнут далеко не все, конечно, но в основном... То есть, он должен иметь развитое, сильное и красивое тело, должен уметь содержать его в порядке. Большинству, пожалуй, нравится, чтоб лицо мужчины было гладко выбрито, но есть и те, кто находит привлекательной растительность в том или ином виде — усов, бородки, трёхдневной небритости этой самой... Разве что, фанаток длинных патриархальных бород сейчас уже почти не сыщешь. Скорее, понятие красоты создаёт не конкретно такая-то расцветка — волосы там тёмные, светлые, рыжие, глаза голубые или карие, а наличие... какой-то гармонии, сообразности черт. Ну, как тётя моя говорила — если мужчина красивее обезьяны, то уже красавец. То есть, если нет резко, отвратительно выдающихся черт — огромный нос там, губы-лепёшки, надбровные дуги как у орангутанга или что-то ещё такое — то вот и нормальный мужчина уже, жених хоть куда... Но это не к вопросу идеала, конечно... Идеал это понятие вообще искусственное, откуда-то извне диктуемое. Так вот, принято у девчонок-школьниц — да будем честны, и у дам постарше — влюбляться в актёров там, певцов... Это объяснимо — в актёры берут всё же чаще красивых, чем заурядных или безобразных, а в певцах дополнительно привлекают и голос, и ореол славы. Плюс, они же на виду, а парня из соседнего двора ещё заметить нужно... Ну, ещё и некое понятие... ну... В той или иной местности, нации, культуре или субкультуре может быть своё понятие, как идеал должен выглядеть... В общем, сложно всё. А если о характере говорить... То тут единого мнения тоже нет. Ну, мужчина должен быть сильным, благородным, заботиться о женщине, с ним она должна чувствовать себя защищённой, любимой, желанной... Не обязательно там прямо богатый, не обязательно чемпион боевых искусств...

— А какой идеал был принят в твоей среде, откуда ты родом, Виргинне?

Виргиния захлопала глазами. Гелен, давно уже подслушивавший этот разговор из соседней залы, внутренне смеялся.

— Ну, не знаю... В школе в основном мои подружки тащились с Метта Диамантиса, певец такой и немного актёришко... Но я лично этого не понимала, что в нём такого, морда слащавая слишком, смазливый, да, но как-то... Ну, ещё был Дуглас Томпсон, многие и по нему тащились, это уже побрутальнее, но тоже не то... От чего там сильно-то замирать сердцу, таких Дугласов по городам и весям насобирать можно на небольшой взвод, что только на экране с автоматом наперевес они не мелькали, да...

— Значит, одни у вас предпочитают... деятелей искусства, другие — воинов...?

— Третьи просто богатеньких краснобаев, четвёртые роковых соблазнительей, которые

кроме как соблазнять, больше ничего не умеют... Ты фантазии с настоящей любовью не путай, это ничего общего. Идеал — он на то идеал, чтоб разбудить девичьи мечты, потом этим как-то переболевают. Мои одноклассницы, как бы этого Метта ни любили аж до звона в ушах, встречались-то с обычными парнями, некоторые и замуж уже вышли.

— А ты... тоже встречалась с разными парнями, но замуж не вышла ни за кого, — продолжал допытываться Аминтанир, — почему?

— А куда я тороплюсь-то? Мне и незамужней пока неплохо... Хотя вообще ты прав. Если б я встретила того, кого прямо по-настоящему полюбила бы — я б и замуж за него вышла, чего уж. А мои парни мне так, чуть-чуть нравились, я даже как-то и не сильно горевала, когда мы расставались.

— Никто не заставил твоё сердце биться чаще, Виргинне?

— Ух ты какие слова знаешь, — на Виргинию напала её обычная насмешливость, потому что на сей раз слова Аминтанира задели в ней что-то, о чём она сама думала мало, и пока не стремилась особенно думать, — а у вас там что — сердца бьются? У вас же там... никаких страстей, никакого разгула плоти, брак по решению семьи, секс только для деторождения?

Розоватые пятна на щеках Аминтанира вспыхнули, заблестели, выдавая сильное волнение.

— Да... У нас говорить об этом не принято... Очень греховным считается... Женщина не должна просто так смотреть на мужчину, с каким-то желанием... Она должна смотреть на него с почтением...

— А мужчина на женщину?

— Как на... семью, продолжение своего рода, мать будущих... прославляющих Наисветлейшего дальше... У нас семья, традиция очень важно. Мужчина и женщина редко имеют возможность знакомы до свадьбы, женщины с женщинами, мужчины с мужчинами, чтобы не было соблазна. Женщина не должна почти никуда выходить, она занимается рукоделием, приготовлением пищи, помогает матери растить младших, чтобы самой уметь обращаться с детьми. Это правильная жизнь для женщины, это духовно... И между собой женщины общаются только в женских церквях, ну или ещё в мастерских... Мастерская — это когда какая-то женщина очень хорошо умеет шить или ткать, или лепить посуду — вся посуда у нас ручная — то она собирает мастерскую, чтобы учить этому дев, как можно лучше. Это обычно старая женщина, у которой много детей, она служит примером... Такой женщине можно общаться с отцами семейств, чтобы они могли испросить у неё, какую жену можно взять для сына. Когда отцы договорятся, тогда Учителя готовят свадьбу.

— Ясно... Тухленько там у вас, ещё тухлее, чем у центавриан, кажется. И... ну... понимаю так, с сексуальным воспитанием ситуация совсем плачевная? Ну, женщина понятно, ей знать ничего и не надо, лежи себе и лежи, а мужчине как, краткий ликбез перед свадьбой проводят, или чуть пораньше?

Аминтанир был уже не рад, что завёл этот разговор. В общем-то, зачем он его завёл — он и себе б толком ответить не смог. Конечно, если б Виргиния сканировала его в этот момент — она б что-то по этому поводу да сказала. Но она слишком погружена была в собственные мысли, и общалась с лорканцем только, можно сказать, половиной сознания. Своим дурацким вопросом про идеал он заставил и её задуматься. Ну да, над понятием идеала — точнее, над его трактовкой в устах знакомых девчонок — она чаще всего смеялась. И в их представлениях выглядела, наверное, какой-то циничной. Потому что, хотя на самом

деле думала об этом, и нередко — своими соображениями делиться не спешила. «Идеал не идеал — это для младшей школы термин, — говорила мать, — но мужчина, чтобы быть женщине нужным не только на ночь, должен быть, ну как-то, незаурядным. Таким, чтоб не было мысли, что ещё сотня таких по ближайшей округе ходит».

— А у тебя как, невеста есть? Родители уже нашли тебе кого-то?

Юноша смутился.

— Нет... Мне ещё рано... я ещё молод.

— Э? а когда у вас совершеннолетие?

— Мужчина должен вступать в брак, когда закончит обучение, станет зрелым. Так создал Наисветлейший, мужчина должен расти физически и духовно. Если рано жениться, долго может не быть детей.

— Мило... То есть, вы ещё и поздно созревающие? Ну, хоть ранними браками, значит, не балуетесь, в отличие от наших всяких там сектантов...

— А у вас как — женщина совершенно вольна в выборе мужа?

В принципе, вот, Андрес... Пожалуй, думала она, такого, как Андрес, она могла бы полюбить. Да, из всех, с кем вынужденно свела её судьба, это наиболее убедительный вариант, потому что это наиболее яркий человек. Может быть, и правда так действовала на неё эта, как он говорил, нездоровая романтика, но ей хотелось слушать его, её влекла его жизнь, эти истории вызывали в ней уважение куда большее, чем зрелость и солидность его куда более остепенившихся сверстников.

— И мужа, и любовника, и просто с кем в кафе посидеть. Да, формально так. Люди сами решают, что он, что она. Есть, конечно, всякие тоже соображения у людей, династические браки у семей политиков, магнатов всяких, это понятно, это как везде... Но формально, перед судьёй и священником, женщина должна сказать «да». Если она это без искренности сделала — то это уже её проблемы.

Кроме него, наверное, можно отметить ещё Ромма. Есть в нём совершенно несомненная и яркая харизма. Да, конечно, он сильно старше... Хотя что там — старше Андреса лет на 10, то есть, понятно, годится ей в отцы, но, как сказала матушка о каком-то очень неравном по возрасту браке, лет через 30 это будет иметь мало значения. И да, Андрес — нет сомнений, красивый. Хотя вроде бы и можно сказать, что покрасивее найти можно. Ей очень живо вспомнились его глаза — такие глаза, с зеленью, всегда кажутся несколько насмешливыми, даже если их обладатель говорит о чём-то совершенно серьёзном, и какими-то... поддевающими внутри нужные струны... Те самые, нужные для того, чтоб подумать о сексе среди воспоминаний или пересказывания анекдотов... Вообще, вроде бы, да, понятно, всё это — зелёные глаза, не слишком аккуратная, растрёпанная причёска, щетина на физиономии — это вполне классический набор того, на что можно западать. Но в Андресе это всё — настоящее, он едва ли думает об имидже или чём-то подобном...

— У нас женщина не должна говорить «да»...

Она вспомнила его руки, большие, наверное, невероятно сильные, с невыводящимся мазутом под ногтями с тех пор, как взял за обязанность помогать экипажу в текущем ремонте... Как думала о том, что эти руки сжимали оружие, и что, пожалуй, она б хотела видеть это...

— Вообще молчит во время свадьбы, что ли?

Ну а больше кто? Хауэр и Шеннон семейные, то есть, понятно, что в мире сплошь и рядом это кучу народа не останавливает, но её вот останавливало. Просто от них как-то...

веяло этой семейностью. Они были натурально занятыми, женатыми мужчинами. Не в смысле того, что у них была какая-то сумасшедшая любовь к их жёнам, это-то даже едва ли...

— Ну нет... Не совсем молчит-то... Женщина должна поклясться мужчине в будущем послушании и преданности, и поблагодарить отца за то, что нашёл ей мужа, чтобы теперь, как и мать, она могла исполнить свой женский долг...

Харроу — милый, но... какой-то прискорбно никакой. Может быть, конечно, она просто мало его узнала... Хотя он тоже вполне достойно повёл себя во время всего этого апокалипсиса, и он интересно шутил, и много в нём, пожалуй, хорошего. Но — чего-то нет. Какого-то огонька. Ни в нём, ни в Викторе. Да, не в том даже дело, что их не назовёшь красавцами, какие-то топорные у них физиономии. Они оба сильные, надёжные мужчины. Но если б только сила и надёжность имели значение, то это хоть гарем себе собирай...

— Ну да, вполне трогательно...

— А твой отец — он каким был, Виргинне? За что его избрала твоя мать?

Так неожиданно выдернутая из своих размышлений, она не смогла сразу правильно интерпретировать его вопрос — каким был человек, который её воспитал, каким, стало быть, был идеал её матери, а значит, раз уж мать имела влияние на неё — какого человека могла искать она сама... и растерянно ответила:

— Я... я не знаю.

— Что значит — не знаешь? Разве он так рано умер? Ты ведь говорила...

Тьфу ты. Да, не время для мечтательности. Вдвойне не время.

— А, это... Ну, папаша... Папаша был хороший человек. Простой, весёлый. Он очень любил нас... особенно меня, несмотря на то, что я часто шарилась в его мозгах... Он очень любил маму. Да, хоть и изменял ей направо и налево, тебе, наверное, сложно такое принять и даже представить. Но он всегда возвращался к ней. Кому-то показалось бы, что у нас не семья, а фарс, но это не так. У нас была прекрасная семья, гармоничная... Ну, может быть, именно я так считала, Милли вот, кажется, устроило бы, если б родители были более... спокойными и заурядными, хотя конечно, и она любила их всегда очень. Вот их брак был отчасти устроен родителями, они всеми силами подталкивали их друг к другу. Но дело, конечно, совсем не в этом, они просто сошлись характерами, они понимали друг друга... хотя, наверное, ни полного доверия, ни какой-то неземной страсти не было... Но если б совсем ничего не было — они б десять раз уже развелись.

— Если я правильно понял, это место — всё-таки не просто некий храм всех когда-либо существовавших религий. И даже не глобальная гробница. Это некое... место для осмысления своей жизни, которое у большинства происходит только на смертном одре, хотя если уж честно, то и там не происходит. Некая возможность... поставить жизнь на паузу, грубо говоря. Вы ведь замечаете, что здесь как будто замерло всё? Не чувствуешь ритма времени, да кажется, что не чувствуешь и пространства... Мне только сейчас вдруг подумалось — а какой он, ну, по величине? По изображению экране казалось — ну, вот такой-то и эдакий... Но мы вот сколько уже по нему чешем — я уже как-то опасуюсь заблудиться, а казалось бы, судя по первым представлениям, негде здесь блудить совершенно, в трёх камнях-то.

Моралес с шумным вздохом оглядел причудливые своды отчасти как будто нерукотворного вида, своего рода каменные крылья, смыкающиеся концами у них над

головой, между которыми, однако, между этими краями там, где они не смыкались, размещались узорные розетки, роняющие на песок причудливые тени.

— Ну, это место ведь, вроде как, волшебное...

— Только это и остаётся думать, да. Хотя я как-то, уж прошу меня простить, к волшебству-то... непривычный. Вот например, свет. Откуда здесь свет? Разве здесь какое-то солнце есть? Как-то не заметил, чтоб эта херня вокруг чего-то вращалась. И вообще... оно неправильной формы, не шарообразное, не вращается, и его размеры и масса, как мы изначально их оценили, то есть... Откуда здесь атмосфера, откуда гравитация? Всё это просто физически невозможно.

Старый пилот коснулся дрожащей рукой каменной стены с барельефом — как-либо идентифицировать изображение не было никакой возможности, настолько это не было похоже ни на что.

— Мне, если честно, пришло в голову, что... ну... Может быть, нам вообще это всё только снится?

— Мысль, вообще говоря, интересная. С нетерпением жду узнать, кто из нас снится друг другу. Мне, например, кажется, что вы мне. Но спорим, вы сейчас считаете, что это я — часть вашего сна?

— Нет, я считаю, что это — коллективный сон. Конечно, в норме такого не бывает, если о всяких экспериментах над сознанием не говорить... Ну а вот с нами тут это случилось. Как, почему — бог знает. То, что с нами случилось до этого, так-то тоже в дурном сне не привидится...

— Тогда, конечно, проще. Сон — это просто сон, ему не обязательно от тебя чего-то требовать.

Они вошли под своды пещеры, наполненной голубоватым светом от многочисленных прожилок в камне, похожих на кварц. По прожилкам пробегали огоньки — при том, свет снаружи сюда попадать не мог, а у путников в помине не было ничего вроде фонариков, но это уже не удивляло. Ну да, в этих породах и с натяжкой не заподозришь фосфориты, может быть, правда, они чем-то подобны минбарским кристаллам, но скорее — они светятся просто потому, что так надо.

— Как сказать... С одной стороны, конечно, сны нам снятся просто так. А с другой — это же работа нашего мозга, искажённое отражение нашей жизни, всего того, что на уме и на душе. Иногда человек во сне видит то же, что и в жизни, а иногда — то, чего в жизни быть не может... Иногда вспоминает вопросы, которые подспудно мучают его, что-то, что глубоко в себе похоронил... Вот в таком смысле сон, конечно, задаёт вопрос. На него, конечно, можно не отвечать...

Пол пещеры пересекали тонкие сверкающие ручейки, которые стекались, кажется, к некому единому центру. Джек нагнулся, зачерпнул — вода словно испарилась с его руки.

— Хоть на это многое можно возразить, но мне кажется, Джек, что откровения и перерождения должны посещать молодых. У кого ещё есть силы, есть какой-то существенный запас... Ну, по правде, не мне так говорить, не ввиду Филлмора, да и среди рейнджеров, кажется, есть мои ровесники... Чем моложе человек — тем острее, ярче его переживания, и боль больнее, и радость радостнее. Но чем он старше — тем больше за ним того, о чём действительно можно было сожалеть или чего стыдиться. С возрастом человек изнашивается, не только физически...

Харроу помолчал, любуясь бликами на стенах.

— изнашивают не годы, изнашивает то, что их наполняло. И даже если кажется, что всё пучком, всё лучше некуда — этот износ на самом деле чувствуешь. Особенно если живёшь жизнью неправильной...

— Ну, это если понимаешь, что неправильной...

— Да мне кажется, все это понимают на самом деле. Ну, или мне так повезло с компанией в тюрьме. Нет, на сцены группового покаяния там полюбоваться не случилось, но факт, что обманывать себя можно не вечно. Можно говорить, что так сложились обстоятельства, так просто вышло, и иногда это даже так и есть, и можно признавать, что просто не хочешь меняться. Но это не то, про что можно сказать — если б начал с начала, я б прожил жизнь так же.

— Это-то понятно...

— Просто пока ты моложе, живёшь так, как будто у тебя жизнью десять. Хотя, конечно, на многих просто сказала чума. Тут-то другое было, наоборот — одну жизнь живём, и так летит в тартарары, так не плевать ли уже...

— Тоже чума... Сколько ж она жизнью перекосябила...

— Как по мне, чума не оправдание, и вообще ничто не оправдание. Не все ж оскотинились... Ну, я — что я? Я мародёрствовал. Это многие, конечно, а что было особо делать... С работой как-то тухло было, и с перспективами вообще. Каждое утро шёл проверять, жива ли мать, а она всё время повторяла — «Где-то сейчас Боб, интересно, как он? Вот бы он был не на Земле, вот бы не на Земле...». А я хотел, чтоб она пожрала, и шёл что-нибудь раздобыть, у мёртвых-то вообще почему не взять, но иногда и у живых, чем они лучше нас... А иногда и оторваться на ком-нибудь, просто от тупой злости...

— Тобой хотя бы двигали благородные мотивы. А я... а я потерял свою семью.

— Многие потеряли. Я вообще не пойму, зачем такой сложный прикол — когда из всей семьи выживает один человек, а ведь много таких случаев.словно вся семья собрала все свои силы в нём, умерла, чтоб его спасти, чтоб он жил, помнил, казнил себя... Ну, моя-то мать чуму пережила, но легче ли от этого...

— Всегда больно хоронить близких. Но я своих ещё и предал.

— Ну, опосля-то чего себе не напридумываешь... Если так говорить, я тоже предавал мать, когда уходил воровать, и меня могли и прибить где-нибудь, а она сидела одна дома, ждала... Я утром проверял, жива ли она, она вечером — жив ли я...

Моралес тяжко прислонился лбом к узорно переливающейся стене.

— Нет, я-то на самом деле предал. Конечно, я считал бы так и в том случае, если б оказался в это время в рейсе, ненавидел бы себя за то, что оказался вне опасности... Но сейчас понимаю — всё же это было бы легче. Быть там, всем вместе — это самая ужасная казнь. Когда не знаешь, когда не рядом — можно представлять и хорошее. Да, была б хоть работа какая-то... Хоть что-то, что отвлекало бы... Целый день сидеть у постели дочек, потом всю ночь сидеть с женой в спальне, сейчас кажется, что мы вообще не спали тогда... Какие-то одни бесконечные сутки, мутные, опостылевшие как бесконечный повтор сериала по ночному каналу. А потом... Ну, кому я рассказываю, ты наверняка всё это тоже знаешь. Сколько их было, всяких умников, там-сям голосивших, что нашли лекарство, что исцелились. Некоторые, кажется, были просто сумасшедшие... Но что делает с людьми отчаянье, ты ж понимаешь. С тобой оно ничего такого страшного и не делало, мародёрить-то, тьфу... Вот один голос в тебе говорит: это чушь, бред или шарлатанство. А другой голос напоминает, сколько там у тебя ещё в заначке лежит, да что из вещей ещё продать можно.

Вот я поехал... Ну, аппетиты у лекаря были будь здоров, купить на всех-то было никак. То есть, вот такой вот пузырьёк — ну, может, его на двоих хватит, может — на троих, но не на четверых же? Кому-то жить, кому-то нет, как выбирать? Семейным советом? Ехал и думал, ехал и думал. Вспоминал всё, как женились, как девчонок родили, как в отпуска ездили к морю... Как наши соседи один за другим перемёрли — на нашей улице тогда остались живых три дома... И телепрограммы эти бесконечные, истерично-бодрые голоса, программы того-то, концерты там-то, проповеди эти паршивые... в глазах темнело... И я выдул этот пузырьёк сам. Вернулся, что-то сказал, что ограбили в дороге... И жил, ждал, когда они начнут умирать, а я буду это видеть, а я выживу... Не все оскотиниваются, конечно, но большинство. Ну, конечно, никакое это было не лекарство, неделя, что ли, прошла — хуже ещё стало... А потом уже на самом деле средство нашли, Джил вот, правда, не дождалась... Они так и не узнали, но сам-то я знал, что я сделал, каким я оказался. Я им так и не сказал. Нет страшнее для родителей — видеть презрение в глазах детей. Можно, чтоб жертвовали родители для детей, на то они родители, или супруги — для того когда-то клялись друг другу... Но никогда — дети для родителей. Дети вообще ничего не должны. Если ты отец — умри, своими руками себя убей, но чтоб дети жили. Я их всё равно пережил, конечно, не поэтому... Но тяжесть с моей души уже ничто не снимет. У них я просить прощения не посмел, а сам я себя никогда не прощу.

Виргиния стояла на серо-зелёном каменистом склоне. Внизу зеленела залитая солнечным светом долина, белые барашки паслись на сочной, невообразимо яркой траве, укрытие пастуха белело чуть поодаль — Виргиния знала, как называется это примитивное сооружение, призванное укрыть от ветра и дневного зноя, но сейчас не могла вспомнить это название. Но то, что внизу, по правде говоря, и мало интересовало её, её взгляд, её сердце были устремлены вверх, к чернеющим на фоне неба утёсам, к синим горам в ослепительно белых снежных шапках. Где-то там, на одном из этих утёсов — она не могла, конечно, видеть, но знала, чувствовала, куда не достают даже самые высокие из сосен, куда достают лишь молнии с неба да величаво парящие орлы, её ждёт фигура в тёмном плаще... Может быть, не плаще, но она ясно представляла развеваемые ветром полы, развеваемые ветром волосы... Ждала не в том смысле, что знала, что взор её был обращён вниз, к одинокой карабкающейся по крутым склонам фигурке. Ждала как цель её пути.

«Ты... ты... только подожди, не уходи, я скоро взберусь, это совсем недолго...».

Когда очередной камешек провернулся под её ногой, её поймала крепкая, сильная рука. При виде знакомой лысоголовой фигуры в тёмной мантии Виргиния испытала неудовольствие.

— Какого чёрта здесь делаешь ты?

— Я пришёл в твой сон, разве непонятно? Мы, техномаги, очень любим влезать в головы людей во сне. Это открывает массу интересного. Во сне человек доверчив, открыт... Ты пыталась изучить меня, храбро, как любознательный котёнок, тычась в моё сознание, теперь я изучаю тебя.

Виргиния думала, что же в нём кажется ей большей дерзостью — то, что он вломился в её сон, один из самых личных, щемящих снов, или то, что у него тоже большие светлые глаза, он тоже одет в тёмное — да и волосы его, до того, как он обрил их, наверняка тоже были светлыми. Словно он покушался на то, что она считала только своим.

— Ты ведь знаешь, где мы, верно? И я тоже знаю. Это Кавказ. Ты никогда не была на

Кавказе, но там была твоя мать. Когда она хорошо закончила год, родители решили в подарок отправить её в путешествие... Куда она выберет. Ей захотелось чего-то экзотического, и поскольку в Индии она уже была... Хорошо закончила год она в частности потому, что подтянулась наконец по литературе, на которую до этого... как это ты выражаешься... забивала. Она написала большой реферат по романтизму, в частности, про русского поэта Лермонтова... И захотела посетить места, где он жил и творил. Из этого путешествия она привезла те фотографии...

— Да... те самые... — Виргиния сердито отвернулась, пытаясь вырвать руку из руки Гелена.

— Ты смотрела их... касалась их, думая о том, что он тоже их касался. Твоя мать неплохо фотографировала, цвета были такие живые, яркие... эта яркость перешла в твои сны, в памяти матери эти краски могли потускнеть, а на фотобумаге — нет. Синие горы и парящие в небе птицы тоже стали для тебя неким символом... То небольшое, что ты сумела узнать об отце. О своём настоящем отце. Та фигура, которая ждёт тебя далеко вверху на утёсе — не русский поэт Лермонтов.

— Он был очень начитанным, говорила мама. В ту, их последнюю встречу они говорили, как ни странно... Она показала ему эти фотографии, и они заговорили о Лермонтове. Он читал его стихи, что-то, кажется, даже в подлиннике... Он держал в руках эти фотографии и рассказывал что-то... Что сам знал о жизни Лермонтова... Его пальцы касались их, этот след, конечно, стёрло время, но... но не для меня. И когда зашёл Бестер, мама говорила, он разорался, потому что увидел, что он без перчаток. Он, кажется, не имел представления, без чего ещё некоторое время назад он был...

Гелен приобнял Виргинию, которую, кажется, начинали потряхивать подступающие рыдания.

— Этот момент важен для тебя. Потому что это начало твоей жизни. Можно сказать, что ты родилась здесь, среди этих синих гор. И сюда стремится твоё сердце, на встречу с неведомым... — его пальцы коснулись её заколки, — ты так много спорила с матерью, которой не хотелось возвращаться к этому, вспоминать, чтобы дать тебе какие-то необходимые ключи... Это бессилие мучило тебя больше всего на свете. Ведь ты могла подвергнуть её глубокому сканированию, вырвать эти воспоминания из неё...

— Я не могла поступить так со своей матерью. Дело даже не в том, что она-то не донесла б на меня, напротив, всегда выгораживала меня... Она всегда так делала. Дело в том, что это ведь... больно. А она моя мама. Да и ведь её соображения насчёт всего этого я тоже понимаю... Понимаю, но сама иначе не могу.

Гелен задумчиво смотрел на траву под ногами.

— А что потом?

— Потом — когда я его встречу? Или хотя бы узнаю, кто он был? Ну... Я не могу знать этого точно. Здесь, как во многом — главное дойти, а там посмотрим. Ну, я хочу прийти к нему, да. В его дом ли, или на эту планету телепатов, или в тюрьму...

— Или на могилу.

— Или на могилу. Ну и понимаешь, я не жду прямо каких-то родственных объятий, любви, принятия... Он меня любить не обязан, он меня не хотел, и любви прямо какой-то там тоже не было, встретились-разбежались, обычное дело. Но я хочу посмотреть на него и понять... Вот внешностью я в мать, характером, в общем-то, тоже. Колу люблю, как она... Что-то ж во мне и от него. Ну, кроме телепатии. Человеческое что-то. И... если он хороший

человек — хотя с чего бы, Бестер хорошим человеком не был, а он его учеником был, кто не мёртв, те, Алан говорил, теперь в той же тюрьме сидят... Если он всё же хороший человек — я хочу быть его достойной. А если плохой — хотя бы хочу быть не такой, как он. Как-то оправдать его... этим...

Гелен кивнул. Кажется, он был удовлетворён ответом.

— А техномагами рождаются или становятся? — внезапно спросила Виргиния.

Мужчина улыбнулся.

— И рождаются, и становятся. Я родился среди техномагов, техномагами были мои родители. Но техномагу невозбранно взять ученика из любого мира, если он видит в нём искреннюю тягу к постижению сути вещей, к творчеству...

— Это прекрасно. Я не знаю, может быть, когда всё закончится — я хотела б стать техномагом... Тебе б, наверное, уже не было б так скучно, если б у тебя был ученик. Я обнаружила, улетев с Земли, что в мире такая чёртова куча интересного...

Две хрупкие, маленькие фигурки брели по золотому песку куда-то в ту сторону, где как будто в лёгкой дымке очерчивался горизонт. Удивительно, каким же маленьким этот астероид был вначале, каким бескрайним простором обернулся сейчас... На золотых волнах качаются каменные изваяния, бронзовые арфы в тончайшей, едва ли читаемой несовершенным человеческим глазом росписи, и лёгкий ветерок, кажется, доносит отзвук музыки, звучавшей неведомо где, неведомо, когда.

— Удивительно, как сковывает чувство неловкости, и как оно же беспощадно требует слов. Мы не были знакомы, хотя один путь связывает наши корабли и нас. Как ваше имя?

Человек улыбнулся, обернувшись к лорканцу.

— И.

— И всё? Так коротко?

— Ну да, вот такое имя. То есть, полностью будет — Чжан И. Да, это несколько отличается от других человеческих имён, которые вы слышали, просто мы относимся к разным народностям...

— О! Но ведь вы всё же человек, или я что-то понял неправильно? У вас такое удивительное лицо... Прошу только, не обижайтесь, мои знания о вашем мире более чем скромны...

Китаец рассмеялся.

— Да, это сложно, наверное, объяснить представителям расы, в которой все куда более схожи между собой. Хотя тут забавно, что в этом мы похожи с вами. Вы — все, кто называет себя сейчас лорканцами — представители одной нации, но ведь там, на вашей прежней родине, были и какие-нибудь другие? С другим цветом волос или лица?

Лорканец смутился.

— Признаться честно, я мало знаю об этом. В наших книгах, где описывается древняя история, об этом очень мало сказано... Вероятно, в этом не видели смысла. Достаточно того, что они погрязли в бесчестии и погибли, не имеет значения, как они выглядели. Логично предположить, и в нашей, как вы говорите, нации спасение обрели не все.

— Но теперь, думаю, вы нередко сталкиваетесь с тем, что непривычные путают вас на внешний вид? Вы все с длинными тёмными волосами, у всех вас синяя кожа и розовые пятна на щеках... Мой вид, земляне, делятся на четыре основных расы, но и каждая раса делится на разные внешне народности... Конечно, многим инопланетянам это сложно понять, да и надо

ли, но иногда наше сильное внешнее различие приводит их в замешательство. Про мой народ раньше говорили, что мы все на одно лицо, хотя это, разумеется, не так. У нас всех тёмные волосы и необычное, как вы выразились, лицо — узкие глаза, хотя на самом деле и глаза у нас очень разные... И наши имена тоже отличаются от тех, что вы, видимо, до сих пор слышали.

— Ну, а меня зовут Зуастаар.

— И всё?

— Ну да. У нас нет фамилий в вашем обычном понимании, это не требуется. Конечно, когда это важно, то уточняется, из какого рода происходит тот или иной, с кем он в семейных связях... Наши имена образуются сложно, по особой системе, учитывая имена отца, деда, их чины и звания, старшинство в семье... Как правило, имена не повторяются, только если детей называют в честь кого-то из уже умерших предков, это нормальная практика.

— Как я понял, у вас в основном имена пышные, многосложные, короткие не допускаются? Ну да, с короткими неизбежно будет повтор...

— Разумеется. Конечно, у простолюдинов допускается сокращать имена — для удобства обращения. Но у жрецов подобное немыслимо, это считается грубостью и кощунством.

— У вас интересный мир.

— О нет, не думаю. Другие расы сторонятся нас, и, как я понял теперь, поделом. Правда, мы и сами никогда не стремились к контактам, в чём нас и устраивали бракири — им пришлось по нраву, чтоб вся наша торговля шла через них, а мы согласны были платить любые средства, чтобы поменьше соприкасаться с иными мирами. Счастливей бы мы были, только если б и бракири, и кто бы то ни было никогда не находили нашу планету, и мы жили бы в этой благостной изоляции, пока не умертвили бы свою душу окончательно.

— Так странно это всё... Мы, встретившись вам, сбили вас с привычного жизненного курса, привели в такое смятение. Теперь я понимаю, что вы ждёте от нас какого-то объяснения всему, что произошло, но лично у меня объяснений нет. Надеюсь, хотя бы у капитана ЛИ и команды — есть...

— О, прошу, не надо так думать. Воля Наисветлейшего бывает сложна для нашего понимания, но он всегда даёт ответы ищущему. Если мы не способны понять эти ответы — это уже другое дело.

— Наверное, вам вообще проще будет найти эти ответы, чем, например, мне. Понять, зачем вообще мы оказались здесь... Если легенда права, и колодец является тем, кому должен явиться — то не слишком ли странная компания здесь подобралась? Не думаю, что здесь в самом деле нет случайных людей...

— Вы считаете случайным — себя?

— Нет, не непременно. Если в том плане, что из всех присутствующих я — тот, кто меньше всего задумывался о боге, вечности и всём подобном, то возможно. Что о жизни жуков я думал куда больше, чем о собственной — это верно, но в моей жизни как-то совершенно не о чем думать. Я обычный человек, и мне нечему научить других, у меня для этого и жизненного опыта маловато. Если только кто-то не хочет послушать о жуках, тут, конечно, я могу говорить часами.

— Но ведь вы — Всеслышащий, это уже не значит «обычный».

— У меня очень низкий рейтинг, к тому же, я молод, большая часть моей жизни пришлась на период, уже более спокойный для телепатов. Хотя, конечно, была ещё

дракхианская чума, это время не было лёгким ни для кого из землян, на Земле или в колониях.

— Я с великой скорбью воспринял историю ваших телепатов. У нас Всеслышащие особо почитаемы, это считается знаком Наисветлейшего, это дети, посланные напрямую от него. Покуситься на Всеслышащего — столь же невозможно для самого отъявленного негодяя, как покуситься на слугителя Наисветлейшего...

— Неужели у вас там есть отъявленные негодяи? — улыбнулся И.

— Вероятно, если б не было — у нас не было б ни судей, ни тюрем, верно? Это правильно говорят, что ни в одном мире религия не решила всех проблем... И нам бы куда раньше осознать, что гордость наша бессмысленна, беспочвенна, преступна...

— Произошедшее здесь заставило вас, получается, по-иному взглянуть на многие вещи? Что же будет, когда вы вернётесь на Лорку? Остальные ваши сограждане воспримут ваш новый взгляд?

Зуастаар помрачнел.

— Один Наисветлейший знает, что будет, но что будет — того не миновать. Пусть нас посчитают очередными еретиками — но свет, коснувшийся нас, не позволит нам молчать, ни одним устам, вознёсшим восхваление на этом месте. Свет должен звать к подвигу, а не самоуспокоению. Действительно, жаль, что ни один из Великих Вождей не присутствовал здесь, с нами, хотя умом и понятно, что этого просто не могло быть, ведь даже почтенному отцу Просветлённого Послушника немыслимо б было отравиться с нами. Что ж, это ещё одно свидетельство, что гордость губит, а глас божий бывает тих и заглушаем пустыми славословиями...

Возвращение к одиночеству — поворот грустный, спору нет, но это возвращение в естественное состояние. Хорошо, что у неё была длительная практика. У миссис Ханниривер были свои переживания — ей предстояло решить, как ей быть, что делать. Президент долго объяснял ей, что значит — «невозможно выяснить координаты отправления». Таковы возможности техномагии... Виргиния говорила матери, что у неё всё хорошо, что с ней есть люди, на которых она может положиться, что вместе они заняты очень важным делом, что все подробности она расскажет, когда вернётся... Что она обязательно вернётся. Что она была б, конечно, не против, если б силы Альянса прибыли сейчас сюда, они были б здесь очень полезны, нужны... Но она не знает, как передать им правильные координаты, этого места ещё нет на их картах. Да и понимает, это решение потребовало бы от них времени, сбора сил, возможных споров между мирами... Нет, единственное, чего сейчас точно хотела Виргиния — чтобы это письмо, если всё же дойдёт, успокоило маму. И пожалуй, отчасти она достигла желаемого — Кэролин Ханниривер увидела лицо дочери, услышала её голос, с ней всё в порядке, с ней действительно всё в порядке — мать почувствовала бы, по голосу, по интонациям, по мимике, если б это было ложью, если б кто-то удерживал там Виргинию силой, если б заставлял её солгать в письме. Она знала, когда дочь врёт ей — для этого не нужны никакие пси-способности, одно только материнское сердце. Но от этого не проще было понять, что теперь делать ей самой. Продолжать ждать Виргинию, или возвращаться? С Земли звонили Милли и Джо, спрашивали, какие новости, спрашивали, когда она вернётся...

А у неё не было и такого утешения. Который день уже «Белая звезда» не отвечала на вызов. Можно было предполагать всё, что угодно, и заставлять себя предполагать не самое

ужасное. Должно быть, они просто слишком далеко, в каких-то таких местах, где что-то глушит связь, может быть даже, они уже нашли Виргинию, где-то рядом с ней, а там наверняка какие-то проблемы со связью, раз она отправила сообщение благодаря помощи техномага, а не обычным способом. Лучше, чем допустить мысль, что их больше нет, что этот ужасный враг, которого они как будто вычислили и обезвредили, всё же сумел...

И последние надежды растаяли, когда прилетели Хауэр и Шеннон, и два рейнджера с сопровождаемым ими несчастным, лишившимся рассудка во время происшествия на корабле. Почему-то это было воспринято как некий знак, что надежды нет. Да, все уже понимали, что задерживать рейс дольше нельзя. Кэролин снова сказала, что было бы неправильно заставлять этих людей ждать ради немногих. И вот теперь они вместе со всеми провожали этот корабль. Стояли в стороне от толпы, словно на берегу моря, шумящего больше не для них. Две женщины с одним именем и теперь одной тревогой — дождаться своих детей.

— Я думаю, конечно, вы правы, миссис Ханниривер. Правильно бы было, если бы я полетела сейчас с ними. Не больно-то много смысла в том, чтоб быть сейчас здесь, заламывать руки в ожидании вестей... Едва ли я, одна слабая женщина, могу сделать для спасения сына больше, чем силы, которые подконтрольны президенту Звёздного Альянса. Если б я полетела сейчас — я б наконец жила... Жила, своей жизнью, не только ради кого-то, заботясь о ком-то... Я могла б вернуть ощущение своей ценности, самой по себе. Мне стыдно перед этими людьми — они тоже теряли близких, они пережили разлуку длиной в жизнь, не имея надежды на новую встречу, имея основания предполагать всё только самое мрачное... Но они продолжали бороться, заставляя себя улыбаться ради тех, кто просто оказался рядом, ради тех, кого ещё встретят, ради себя самих, таким трудом вырванных из ада... И ведь сколько из них дождалось... Я не всегда поступаю так, как правильно. Я не сильна.

— Мисс Сандерсон... Нас всех учили в трудные минуты полагаться на господа, верить, что без его воли ничего не может случиться. Я уверена, что ни у кого это на самом деле никогда не получалось. А если нам и встречались люди, которые действительно так могли, они казались нам ненормально чёрствыми, равнодушными... Мне кажется, наверное, что у бога и так слишком много дел, чтобы беспокоиться сейчас о моей дочери. Поэтому мы здесь сейчас как бы вместо бога — думаем о них, уносимся к ним мыслями — и вроде как помогаем, хотя на самом деле ничего не можем сделать...

К ним подошли две женщины — темноволосая улыбалась, хотя глаза её были заплаканы, светловолосая, цепляющаяся за её руку, была, кажется, слепой.

— Вы Кэролин? То есть, мисс Сандерсон?

— Да... мы... Мы, кажется, знакомы?

— Сложно сказать это однозначно. Я Сьюзен Иванова, вы вряд ли меня помните... А я вас узнала. Я хочу вам сказать, что верю — вы скоро снова увидите своего сына. Жаль, я уже не успею в этом убедиться...

— Спасибо вам. Правда, огромное вам спасибо. У вас ведь... нет никаких причин действительно волноваться за нас...

— Ну, то, что его отец был порядочный говнюк... Вы ведь об этом? Не думаю, что между ним и теми, кто здесь собрался, когда-нибудь возможно бы было примирение. Но ни вас, ни вашего сына это не должно коснуться. Господь видит всё, и слышит ваши молитвы, и молитвы всех, кто молится сейчас за вас, а таких, поверьте, немало...

— Знайте, мы ждём вас там, — голос слепой был низкий, хрипловатый, — вы сможете присоединиться к нам, когда будете готовы, Джейсон пропустит вас...

Кэролин оглянулась. Кто-то из этих людей впервые после долгой разлуки, а то и впервые в жизни встретился здесь, и кто-то из них — встретился лишь для того, чтобы снова расстаться. Мелькали знакомые лица, слышны были знакомые голоса. Вот Наталья Блескотт рядом с каким-то человеком. Разговора не слышно, но она улыбается. Может быть, это и есть её потерянный когда-то возлюбленный? Во всяком случае, она приняла решение всё же лететь. Определённо, оно не далось ей легко... Вот семья Хауэр о чём-то препирается со служащим, оформляющим багаж — точнее, препирается миссис Хауэр, а супруг и дочь стоят в качестве группы поддержки. Кажется, какой-то из баулов миссис Хауэр пополз по шву, и в таком виде его принимать отказываются, а ей сейчас так не хочется бегать и искать новый чемодан... И это так мило. Как и вообще это странное сочетание — взрослые, степенные как будто люди, со всем этим багажом, и вещей, и мелких повседневных переживаний — с такой вот авантюрой... Дети носятся друг за другом... Среди провожающих много минбарцев... Если закрыть глаза, то кажется, что это шумящее, волнующееся море, которое совсем скоро отхлынет и оставит на отмели только их. И Кэролин Ханниривер хорошо, она вполне сухопутна...

Подошла высокая стройная женщина в минбарской накидке, однако явно не минбарка, из-под капюшона выбивались сочные каштановые пряди, поочерёдно обняла Сьюзен и её спутницу.

— Ганя не придёт, Сьюзен, — в голосе её, с лёгким незнакомым Кэролин акцентом, послышались нотки извинения, — сказал, что ещё не выработал подходящего воину самообладания, и боится, что будет вести себя недостойно.

— Ничего... — Сьюзен грустно улыбнулась, — думаю, по той же причине и Маркус как раз в эти дни отбыл в другой сектор... Как бы нас ни учили расставаться, это ничего не значит в такой момент. Хотя Ганя... Я не ожидала от него такой привязанности, сколько он прожил-то с нами, господи боже... Я буду очень скучать по нему. Присмотри за ними, Лаиса.

— Когда я уходила, он баюкал Уильяма. Пел эту твою любимую колыбельную... С ними на всякий случай осталась Калин, она обещала помочь мне до тех пор, пока Маркус вернётся. Сьюзен, перестань, ничего это не в тягость! Тем более, вырабатывать навыки общения с детьми мне нужно... Да, я по пути ещё встретила дрази, они сказали, что сами не успевают к старту, просили тебе передать...

Сьюзен посмотрела на объёмистую сумку с шутливым ужасом.

— Дрази! Господи, они уже надарили мне столько всего, что я удивлена, как это всё влезло в багажный отсек...

— Я полагаю, это были другие дрази. Я полагаю ещё, Сьюзен, что ещё не все дрази, которые хотели бы это сделать, что-то передали тебе, и когда они узнают ещё о дополнительном каком-нибудь рейсе, то приложат все усилия, чтоб передать тебе что-то ещё, жизненно важное.

— О да, их настойчивость я уже успела оценить. Еле удалось вежливо отказаться от почётного отряда телохранителей...

Послышался громкий протяжный сигнал, призывающий пассажиров поторопиться с посадкой. К Сьюзен подбежали две девочки, до этого оживлённо болтавшие неподалёку с минбарскими детьми, потянули за руки.

— Мама, Таллия, ну что вы как маленькие, ещё созвонитесь, когда прилетим...

И как-то так получилось, что обе Кэролин вышли вместе с Лаисой, и вместе с ней пошли в толпе провожавших. И кажется, беседу завела Кэролин Ханниривер, спросила, как же они созвонятся, ведь там, в новом мире, ещё ничего не построено, девственно чистая планета, и Лаиса ответила, что что-то придумают, раз мир-то особенный, воплощающий мысли, вот поди, найдётся, и кому терминалы связи намыслить... И как-то разговорились, и решили вместе прогуляться до рынка — обе Кэролин вдруг подумали, что они никогда так близко изнутри не видели жизнь других миров, и может быть, никогда больше не увидят.

— Я не знаю, правильно ли я поняла... Сьюзен оставила двоих детей здесь, а двоих забрала с собой? Как же так?

Лаиса улыбнулась.

— Ну, один из них, кто остаётся, строго говоря, не её дитя, а воспитанник их семьи... А Уильям... Что поделаешь, он родился не телепатом.

— И ей запретили брать его с собой?

— Дело вовсе не в этом. Сьюзен и не могла бы обречь своего сына на то, чтоб расти в мире, где он будет, по сути, ущербным в сравнении со всеми.

— А эта женщина, которая была рядом с Сьюзен — она кто, её сестра?

— Нет. Но я не знаю, как это будет на вашем языке...

— А вы, простите... Вы центаврианка, да?

— Это удивляет первое время, понимаю. Раньше в столице Минбара можно было встретить только минбарца, а теперь... Я недавно даже нескольких тикар видела. Мне приходится учить сразу два языка, с земным полегче, я его учить ещё на Центавре начала...

— А где капитан?

— Капитан Ли? Не уверена, но кажется... там, внизу. Я, по крайней мере, видела его направляющимся к выходу... Наверное, решил ещё раз прогуляться по Колодцу, в одиночестве, в размышлениях.

Раула присела рядом с мисс Карнеску, грея руки о стаканчик с кофе.

— Стефания... Вас ведь Стефания зовут? Я вот думаю о том, как странно это всё. То, что мы до сих пор торчим здесь, не можем взлететь — десять раз запускали диагностику, все системы в порядке, а двигатели не запускаются. Словно Колодец держит нас. Переключали управление туда-сюда — на «Сефани», на «Белую звезду»... без толку. Значит, наверное, не все слова сказаны, не все ответы получены, да? Вот мне и подумалось, что хочу поговорить с вами. Все тут друг с другом разговаривают, только с вами не замечаю, чтоб кто-то говорил.

— Их можно понять, — грустно улыбнулась переводчица, — я сама с самого начала вела себя очень... отчужденно. Я очень робкая, наверное, и в худшем смысле этого слова. Не умею нормально общаться с людьми, и учиться не пытаюсь. Мне с бумагами, со словами, с наукой — проще. Там всё можно по полочкам расставить, чтоб во всём порядок был... С людьми так не получается. Вот здесь — вроде бы меня никто не обижал, вы, рейнджеры, вообще люди и порядочные, и радушные... Я ж первой огрызаться начала, вести себя холодно, официально — иначе не умею, не привыкла. Обидела многих, ну и поделом потом получала... я просто, наверное, с подросткового возраста дурацкую эту манеру вынесла — считать, что все сами по себе, а я сама по себе, что у меня ни с кем никаких связей... Вот они — рейнджеры, а я — нет, вот они — телепаты, а я нет... Всех что-то объединяет, а меня

ни с кем ничего.

— Но они люди и вы тоже человек.

Улыбка Стефании стала чуть менее грустной.

— Даже как-то ждала, что вы это скажете... Вы ведь не человек, Раула. Даже странно, что в почти полностью человеческом составе команды никто этого не замечает.

— Голиане очень на людей похожи. У женщин к тому же менее грубые лица, чем у мужчин... Так что меня просто считают страшенькой, но человеческой женщиной. Ну, мне как-то всё равно... Я выросла на Тау Кита, со своими соотечественниками я общалась много меньше, чем с людьми или кем-то ещё. Мои родители были чернорабочие, они не слишком много внимания уделяли детям, сыты — и на том спасибо. Меня пригрела одна сердобольная человеческая семья, я выучила язык, потом пошла в человеческую школу... Постепенно оторвалась от корней, и, честно говоря, не о чем жалеть, какие там были корни... Там национальную культуру и не от кого было получить.

— Вы вписались в общество людей лучше, чем я...

Раула ободряюще хлопнула женщину по руке — её большая, морщинистая рука на маленькой, тонкой руке землянки смотрелась огромной лапой чудовища. Доброго чудовища из очень странной сказки.

— Всегда есть то, что объединяет. Иногда то, что мы считаем разделяющим, на самом деле объединяет. Вот, там теперь лорканцы с землянами о религии говорят... Можно было ещё дня три назад представить такое?

— Вот и я теперь о чём-то таком думаю. Что ведь почти все тут, ну, на именно этом корабле — люди, как и я. И телепаты... Я ведь росла в приюте, Раула, я сирота...

— Как и многие из них...

— Более чем... В 16 лет я узнала... Случайно, некому уже было подавать запрос, просто в ходе всех этих процессов по восстановлению родственных связей и меня зацепило... Мои родители были телепаты. Просто я родилась без способностей, вот они и оставили меня. Бросили в захудалом приёмнике-распределителе на Денебе... Я в детстве думала часто — почему, интересно, меня бросили? Я знала же, что не сирота, что именно отказ был подписан... А вот, оказывается, из-за чего. Сейчас уже никого из семьи не осталось — родители погибли в телепатской войне, нормалы во время дракхианской чумы умерли... Так что я как-то и ощутить не ощутила, что у меня хоть где-то какая-то семья была.

— Семья — это не только те, среди кого мы родились волею судьбы, Стефания. Это и те, кого мы встретили, кому мы доверились. Семья, в которой ты родился — это случайность, которая может быть счастливой или несчастной. Мне вот тоже с родной семьёй не слишком сvezло, они были грубы, невежественны и очень много пили. Та семья, что создаём мы сами — наш шанс всё исправить. Знаете, Стефания, может быть, и нам прогуляться там, внизу? Думаю, направлений там достаточно, чтобы не помешать капитану Ли в его размышлениях. А там... там столько всего увидеть можно, памятники древности, сокровища, которым мы не знаем названия... Будет, что вспомнить.

Дом Лаисы располагался в одном из тихих старых кварталов города. Стены домов оплетали тонкие стволы лианообразных деревьев, с ветки на ветку перепрыгивали, щебеча, птичьи парочки, на улице в разноцветных пятнах-бликах, отбрасываемых стенами домов, минбарские дети играли в нечто похожее на земные «классики». У дверей пожилая минбарка возилась с уличным фонарём. Лаиса поздоровалась с нею и подвела женщин к

следующей двери.

— Жилище у меня, конечно, более чем скромное. Мне-то много и не нужно, а вот как мы теперь тут будем помещаться — это интересно...

Кэролин Ханниривер не считала себя экспертом, но поняла так, что обстановка Лаисиной квартиры была милым смешением стилей — земного, центаврианского, минбарского. Через общую комнату с низким длинным столом, окружённым сиденьями, больше похожими на фигурные подушки, они прошли на кухню. На кухне, ярко освещённой благодаря большому витражному окну, кипела работа. Немолодая минбарка, возившаяся у печи, при их появлении оторвалась от своего занятия и выпрямилась, сложив руки в приветственном жесте. Рыжеволосый ребёнок, встав на стульчик, что-то нарезал в большую миску на столе. Когда он обернулся, Кэролин поняла, что насчёт воспитанника семьи Лаиса выразилась как-то очень обтекаемо.

— Лаиса, он кто... зандерианец?

— Нет, он дилгар. Тут таких около двух сотен... Ну, отдельная долгая история...

Лаиса выгружала из пакета продукты, попутно о чём-то переговариваясь с Калин на минбарском, с ребёнком — на земном, Кэролин отметила, что ребёнок знает земной язык практически в совершенстве.

— Лаиса, зачем же вы такие тяжёлые сумки! Вам нельзя тяжёлое! Мы бы с Калин принесли всё, что нужно! ...Вы их проводили? Они ведь уже в гиперпространстве, да? Теперь всё проверили, теперь с кораблём точно ничего не случится? Сьюзен простила, что я не пришёл? А девочки? Хорошо, что Уильям ещё не понимает, не скучает... О, вы купили пюре, хорошо, когда он проснётся, я покормлю его.

— Ганя, ну успокойся, ну не плачь!

— Ничего я не плачу, я лук резал!

Лаиса взяла поднос с чайником и пиалками, и они переместились обратно в проходную комнату. Пока хозяйка располагала приборы на столе, Кэролин Сандерсон робко присела на низкое мягкое сиденье.

— Ганя... Такое имя необычное...

— Это девочки назвали его так, в честь брата Сьюзен. Я так поняла, своих имён у этих детей почему-то не сложилось. Когда Маркус вернётся, заберёт мальчишек к себе, хотя я б предложила, чтоб они ещё сколько-то побыли у меня, он по работе иной раз неделями дома не бывает, а я дома практически всё время — работа у меня здесь же, разве что иногда придётся наведываться в стационар...

— Я правильно поняла, что его усыновили совсем недавно? Это, разумеется, не моё дело, но мне это непонятно. Зачем усыновлять ребёнка ввиду предстоящего переселения, распада семьи? Не жестоко ли это, сначала дать ему мать, потом заставить пережить её потерю?

— Я б сказала, не стоит представлять этого мальчика так, то, что он сейчас так реагирует — это действительно удивляет. Обычно он... куда более сдержан. Видимо, Сьюзен и девочки как-то сумели пробить его оборону. Посмотрим, удастся ли это и мне, или его послушность сейчас — тоже из-за переживаний. Несмотря на всё, что говорят об их воспитании, мне всё же кажется, что их сердца нельзя считать испорченными, но показать характер, конечно, они не упускают случая. Я бы могла тоже подумать, что это было легкомыслие со стороны Маркуса, или жестом отчаянья в попытке удержать Сьюзен здесь, но я сомневаюсь. Мне кажется, дело в том, что Маркус вообще был первым. Это был

отчаянный момент, когда они прибыли, и толком никто не знал, что с ними делать. Надо было подать пример решимости в том, чтоб взять такую ответственность на себя, даже если им сейчас это было совершенно не к времени. Это безумно с точки зрения человека со стороны, но у них, как семьи рейнджеров, и не было возможности жить как-то иначе.

— Когда я смотрела на улетающих... на многих из них... Я думала: как же они решились? Это не сложно тем, кто мечтал о таком, вернее — и мечтать не смел, этим бесприютным скитальцам и одиноким, не сложно равным семья... А тем, у кого близкие — нормалы? Как можно разрывать сердце пополам?

— Не думаю, что кто-то разрывал. Если смог уехать — значит, смог проститься. Ведь были те, кто остались?

— Ну конечно, были...

Кэролин Ханниривер ходила вдоль стен, занятых стеллажами, разглядывая корешки книг — в основном учебники, хрестоматии для чтения... Взгляд её упал на фотографию в рамке — молодой загорелый мужчина в рейнджерской форме, фотография по виду такая, словно из личного дела.

— Невероятно... Лаиса, кто это?

— Рикардо, мой муж, — Лаисе с трудом далось следующее слово, — покойный. Это старая фотография, ещё до того, как мы познакомились. Мне её отдали в Эйякьяне, это, кажется, вскоре после того, как он пришёл к ним... У нас есть только одна общая фотография, — рука женщины дрогнула, протягивая небольшой снимок, где светловолосый центаврианец в запялённой, поношенной одежде стоял с нею рядом на фоне какого-то огромного вышитого полотнища, — опасно было привлекать внимание, мы как раз в предыдущей точке отличились... Но он сказал, что такую возможность упускать нельзя. Это, говорят, то самое знамя, под которым король Лорен освободил родную землю, раз в год его выносят, чтобы каждый желающий мог прикоснуться к легенде и сфотографироваться на её фоне... Перед нами там фотографировались многие молодожёны, семьи с детьми, и кажется, тогда я впервые подумала... подумала...

— Я принёс твой завтрак.

— Больше никому было, что ли?

Не отвечая, Алан прошёл с подносом на середину маленькой каюты, к столу.

— Я ошибаюсь, или мы никуда не летим? — после недолгой борьбы гордости и естественного интереса победил, всё же, интерес, — что случилось опять, чёрт побери? У нас поломка?

— Не уверен, что компетентен ответить на этот вопрос, — Алан прошёлся вдоль стены, не глядя на Виктора, — но думаю, так надо. Не всё в этой жизни решаем мы. И вот оно решило, что мы не уйдём отсюда, пока не получим всё, что должны здесь получить. Может быть, мы торчим здесь именно из-за тебя, кто знает. Может быть, именно ты не был ещё достаточно откровенен со своим сердцем, именно ты не впустил ещё в свою душу бога.

— Вас всех что, лорканцы покусали?

Алан остановился, повернулся к ссутулившемуся на кровати арестанту.

— Хотя вообще-то, это неверно. Бога не нужно впускать в себя. Бога нужно как раз выпустить из себя. Он всегда есть в нас, просто мы предпочитаем не помнить об этом и запираем его, как нелюбимого нашкодившего ребёнка, в самый дальний и тёмный чулан. Это странно. Нам, телепатам, даны, вроде бы, особенные возможности... Мы, вроде бы, никогда

не должны быть глухи к голосу бога, к голосу друг друга. Как же мы умудряемся? Ладно, я — у меня с рождения, да ещё до него был особенный случай... А ты? Что тебе мешало? ...не трудись, твою иронию я и так слышу, можно не озвучивать. Но в то же время ты не можешь отрицать, что там, внизу, и тебя коснулось... Знаешь, почему мы говорим друг с другом не мысленно, как легко могли бы, а речью? Потому что не готовы к настоящей искренности. К ней ещё нужно придти, придти по всем тем лестницам и коридорам, в конце которых тот самый чулан... Ты презираешь меня... Ты сначала, когда нас забрали с того корабля, говорил мне добрые, ободряющие слова, думая почему-то, что я не почувствую твоего настоящего отношения, даже не в мыслях — фальшь в голосе... Я, вообще-то, много такого слышал в жизни, ты не первый, кто готов был предложить моей матери помощь только потому, что она любовница Бестера. Как они, так и ты не понимал, что это такое. Что она любила не функцию, не статус, не дело, а человека. Человека, быть может, того, которым он так никогда и не решился бы быть. Ты смел считать, видимо, что лучше знал его... Хотя даже не служил под его началом, просто восхищался этим именем в ряду других. Профессионал, слуга порядка, талант, развитый до невиданных высот... Ну да, ты и не обязан был думать о том, что он ещё и человек, мужчина, что он прожил жизнь, сначала лишённый любви отца и матери, потом лишённый возможности иметь нормальную семью, что жалеть его из-за того, какими получились его дети... Получились не хорошими солдатами у идеального командира, а... Ты никак не можешь принять поражение, Виктор. От нас, от себя самого, от истинного, настоящего внутри тебя — если оно, конечно, осталось.

В старинном храме в этот час не было, кажется, ни души. Кэролин ступала по выщербленным плитам — голубым в зеленоватых прожилках — босиком, не испытывая никакого дискомфорта. Ей просто внезапно захотелось разуться, и она не стала противиться этому желанию. Под высокими сводами, кажется, порхали незримые птицы, может быть, это их крылья колыхали гирлянды колокольчиков, может быть — ветер, влетающий сквозь узкие окна под самым потолком. Тихий мелодичный звон, казалось, стекал по мраморным колоннам вниз, растекался по полу под её ногами. В глубине храма стояла статуя — она уже знала, что это статуя Валена, и ноги сами несли её к нему. Да, она знала — Вален не бог, минбарцы подчёркивали это — они почитают его не как бога, а как величайшего из пророков... И это, пожалуй, было очень успокоительным для неё сейчас. Видеть того, кто не бог, кто всё же ближе к ней, человеку... «Бог слишком занят, чтобы отвлекать его сейчас на меня...».

У подножия статуи она увидела согбенную фигуру. Хотела развернуться и уйти — кто-то молится, не помешать... Фигура подняла голову — это оказалась человеческая женщина, с длинными светло-русыми волосами.

— Прошу, не надо. Места здесь вполне хватит для двоих, вы имеете такое же право прийти сюда за утешением.

Кэролин робко опустилась на колени у ног мраморного Валена. Её неожиданная собеседница в равной степени производила впечатление молодой девушки и женщины её лет — мелкая, хрупкая, с блёклым, невыразительным лицом и огрубевшими, нагруженными руками.

— Вы думаете, эта статуя здесь для того, чтоб молиться ей, служить перед ней церковные службы? Валену не было это нужно никогда. Это для нас. Для того, чтоб мы помнили — нам есть, во что верить, есть во что верить в себе... мы справимся. В нас есть

сила, о которой он говорил когда-то. Он жил за тысячу лет до нас, но верил в нас.

— Едва ли в меня, — улыбнулась Кэролин, — то есть, я ведь землянка... Хотя не в этом дело, конечно... Вообще-то вы правы. Если уж я пришла сюда — меньше всего стоит рассуждать, что Вален не мог верить в меня, не мог рационально, исторически... Надо принять это и взять из этого силу справиться со своей тревогой.

— У вас что-то случилось, вы не находите себе места от беспокойства... за ребёнка?

Кэролин уже поняла, что перед ней тоже телепатка. Видимо, из тех немногих, что решили остаться...

— Да. Я потеряла счёт дням, мне кажется, что прошла вечность с тех пор, как его у меня отняли... и в то же время мне больно так, словно это произошло только в этот миг. Я всё ещё пребываю в шоке. Вечность назад было это последнее их сообщение, и уже прибыли те, с кем они простились на Лорке, и отбыл тот рейс, на который мы все летели... Я чувствую себя так, словно бог забыл меня на краю вселенной, где никто не услышит моей мольбы, где нет уже ни капли надежды. И мне остаётся мечтать об одном — пусть это лучше меня господь наказывает напрасными тревогами, чем Алана — какой-либо реальной бедой.

Женщина посмотрела на неё пристально.

— Не о «Белой звезде-44» ли речь, не мать ли вы Алана Сандерсона? Не удивляйтесь, знаю об этом, да много ль тех, кто не знает тут... Многие молятся о спасении этих благородных и отчаянных душ. Видно, общие мысли и притянули сейчас нас с вами сейчас...

— Разве у вас... у вас тоже кто-то на том корабле? Родственник или...

— О нет, нет. Жених мой сейчас на Тучанкью. Также поводов для тревог хватает, тем более что связь только изредка есть. Но не для того мы друг другу, чтоб жить, прилепившись, и руки из руки не выпускать. Он рейнджер, я целитель, наша жизнь в пути, по разным дорогам, но путь один... Конечно, это не значит, что переживаний нет. Также моё отношение схоже с вашим в чём-то, в этом материнского много, что ли. Таким уж я его вижу... чистым и ранимым, как дитя. Да я и не понимаю, как его иначе можно видеть. Он, конечно, рейнджер, и не рядовой среди рейнджеров... Он сильный, храбрый мужчина. Только мне и храбрость его кажется храбростью ребёнка, который просто не верит в смерть.

— Рейнджер? Раньше я думала, что у рейнджеров не бывает семей, хотя теперь уже знаю, что это не так. Это из-за него вы остались, не улетели?

— Да и так не улетела б, что мне делать там, я не настоящая всё равно... Да не в этом только дело — Айронхарт дал мне это, значит, я должна приносить пользу, должна людям это нести, а не себе оставлять... Только тогда жизнь не бессмысленна. Может быть, я думаю, потому мне сейчас тревожно так, что одно моё большое дело закончилось, и новое впереди, и справлюсь ли я с ним? Я лечила Таллию, возлюбленную Сьюзен, вы видели её... Скоро я отправлюсь в Йедор, для нового дела, или дело моё новое придёт сюда, это как решат ещё... Хорошо, что так верят в меня, конечно, только я же сама учусь ещё... Быть целителем, особенно если по ментальным травмам — высшая роль для телепата, какая только возможна, самый трудный путь... Только если уж коснулось меня такое — меньшее я выбрать и не могу, преступно б это было. Ну и он, конечно, тоже. Как оставить, если нужна ему? С Центавра ещё мы вместе. То есть, ещё до этого на Минбаре, на учениях познакомились... Я сразу отметила в нём — многим не нравится, раздражает даже очень, а мне... Он просто вот мало в отношениях разбирается, вообще в людях. Бывает вот в людях какое-то безусловное чутьё, к кому-то не лезть, с кем-то держаться так, с кем-то саяк, чтоб в глупую или смешную ситуацию не попасть... А в нём этого ничерта нет, он простодушный

очень. Многие смеются над таким, а я сразу подумала — с ним хорошо, приятно работать, он по-настоящему добрый, неиспорченный... Это было чудесное время... Мы все думали, что погибнем там. Об этом прямо не говорилось, но мы думали так. И мы были к этому готовы, мечтая продать свою жизнь подороже, успеть сделать как можно больше. А потом, когда нас только пятеро выжило, когда мы улетали... У нас внезапно появились время и возможность поговорить... просто поговорить. О себе, друг о друге. Он был серьёзно ранен, я ухаживала за ним, ну, не только за ним, конечно... Он сказал, что восхищается мной. Мне до этого только пару раз говорили, что мной восхищаются, и то под грибами... И уж тем более — предложить мне выйти замуж за него, много ли смысла-то в этом, наши жизни всё равно не нам принадлежат, а нашему делу... Рейнджеры вообще редко женятся, а если происходит такое — то это союз не ради друг друга, а ради общего дела. И это прекрасно. Если у двоих общее дело, это значит, что кризис отношений не наступит, потому что кризис отношений бывает от эгоизма... И он сказал, что лучшего товарища не найти, пусть редкими и недолгими будут встречи... Но он хотел бы держать при этом руку... более, чем друга. Просто хотел бы, чтоб звали меня теперь Мелиссой Аллан...

— Я никогда не задумывалась, трудно ли это — жить ради других. Я... я была одна почти всю жизнь. И в то же время я не была одна никогда. По-настоящему одна, я не позволяла себе остаться одной, заглянуть в себя, поговорить с собой... Знаете... когда моя мама умирала, она сказала мне: «Заботься о папе». Я заботилась. Я помогала ему по хозяйству, готовила, бегала ему за газетами, я старалась, чтоб у него ни в чём не было дискомфорта... Потом, когда всё это случилось, когда меня забрали... Когда я потеряла отца... Чтобы не сойти с ума в этом аду, не думать о боли потери, я заботилась о тех там, кому было ещё хуже. Ухаживала за больными, кормила, помогала переодеваться, просто разговаривала, отвлекая от мрачных мыслей. Когда я пришла в себя после... после долгого беспомыслия, когда у меня в голове была эта вживлённая машина, когда телепаты медицинского профиля сумели хотя бы на какое-то время заблокировать её, а потом и вовсе нашли способ извлечь... Когда родился Алан... Я вся ушла в заботу о нём, чтоб не думать о пережитом. Когда шла война, когда я не знала, что думать, чего ждать... Когда не знала, где Альфред сейчас, что с ним, жив ли вообще... Быть может, думала я тогда, что Алан дан мне был таким, больным и душой, и телом, чтоб поменьше у меня было времени и сил на тревоги тогда. Когда его арестовали, когда всё это закончилось — расследование, суд... Я стала заботиться и о нём. Наверное, странно это выглядело — мы словно поменялись местами... И тогда, наверное, забота о нём не давала мне думать о возрастающей тревоге за сына, о чувстве беспомощности — врачи ещё могли что-то для него сделать, я — ничего... И вот теперь, когда его больше нет, когда Алан неизвестно где... Мне не на что больше отвлекаться, нет того, с чьими проблемами я бы могла забыть о своих. Я думаю о том, как много я на самом деле не пережила, не отпустила от себя... Слишком много его было, этого плохого, как было от него не прятаться. Я ведь до конца не осознала, не приняла смерть Альфреда. Наверное, слишком больно такое принять, гораздо больнее, чем всё другое... Потому что слишком многое в нашей жизни, его и моей, было неправильно... Знаете, любимого человека называют: «солнце моё». Я часто думала — тогда, когда шла война, а я искала работу, а Алана приходилось оставлять под надзором врачей, потому что где ж больше, а он... Он неизвестно, где был... Что же за странное, больное, кривое солнце-то мне досталось... Да какое есть. За все годы, что о нём ни слуху ни духу не было, могла ж я выйти замуж, ну хотя бы полюбить другого? А когда я приходила к нему в тюрьму — кто больше

был кому нужен, я ему или он мне?

Женщина ободряюще взяла её за руку.

— Правда, много в жизни иронии... Ваше больное, кривое солнце убило моё солнце, не меня гревшее, нет, всех.

— Мне жаль... — Кэролин не понимала ещё, о чём речь, но по тону — ровному, сдержанному, полному скорби такой, как свинцово-тёмная пучина — этой скорби не вычерпаешь, не высушишь, не измеришь — понимала, что это что-то слишком большое, целая жизнь.

— Да чего вам-то жаль, бедная вы девочка, вы-то при чём? Разве вас кто приставил стражем над его душой? Вы и так... Может быть, совестью его были, не знаю.

Кэролин опустила голову, на отчаянно стиснутые пальцы упала слезинка, она надеялась, что Мелисса не заметит это.

— Вы телепат-целитель... Если б боль моя окончательно лишила меня рассудка, я б умоляла вас помочь моему сыну. Если только это возможно... Не знаю, слышали ли вы о том, что... что с ним... Не важно, забудьте, прошу вас, забудьте. Сколько б раз ни говорили уже, что сын за отца не в ответе, но я-то, мать, в ответе. В любви я родила своего сына, и разве эта любовь прошла теперь? Это как остров, отмель, где я остаюсь, когда отхлынула волна... И нет у меня совершенно никакого ропота о своей судьбе, только за Алана — если б не ради него, разве б отправилась я когда-нибудь в этот путь? Это как цветы на могилу — каждый счастливый взгляд, каждая история новой жизни, новой любви, нового шанса, что складываются в историю этого нового мира... на мою могилу. Только он со мной делить это не должен.

Мелисса облизнула сухие губы.

— Не хотела говорить вам, всё-таки женщина вы, правильно ли напоминать вам... Женщина, которую мне лечить предстоит — Офелия Бестер. Сыну вашему она сестра. Так неужели я б вам в помощи отказала, глупая вы, что вы говорите! Не бывает у целителей вообще такого, чтоб от страдающего отвернуться. Только и поспособнее меня есть, потому ведь меня зовут, что с людьми у них опыта меньше... Сейчас о том главное молиться, чтоб вернулись они все, живые-здоровые...

Кэролин тоскливо улыбнулась.

— Вы, наверное, из тех редких людей на моей памяти, кого религия действительно делает... святым.

— Ну, можно и религией это, конечно, называть, Зак вот называет, когда в шутку, когда и всерьёз. Впрочем, как называть — есть ли разница... Есть вот — любовь ясная, горячая, как летний день, в котором расцветают цветы и созревают плоды, и люди живут в любви и согласии до глубокой старости. Есть любовь, которая проходит сквозь жизнь ярким метеором, вспыхнуть и покинуть навсегда, словно раскалённой слезой прокатывается... Есть такая любовь, как у вас — как подснежник, пробиваться сквозь лёд, стоять под мокрым холодным ветром, но тянуться к солнцу, не ждать лета, не знать, что ещё лето бывает... А есть и такая любовь — она как... Зак понимает, хотя мы не говорим с ним об этом, что об этом говорить, и не потому даже, что к такому не ревнуют, тут и говорить-то таких слов нечего... Здесь любовь действительно переходит в веру, в служение, или в религию, как некоторым удобнее говорить. У меня в годы молодые-безумные каких только друзей не было, так вот была как-то парочка... Ну, религией основательно ушибнутых. Я этого не понимала никогда, а они об этом поговорить любили, иной раз проблемой было заткнуть...

Так вот, из того, что они мне там начитывали из своих книжек, я потом вспомнила один момент. Когда господь ещё жил на земле (это не христианский бог, они не христиане были), у него были жёны... И вот однажды, когда он вернулся домой, наверное, после долгого отсутствия — их сердца наполнились такой радостью от того, что они видят его, что они просто не могли выразить этого никакими словами или действиями. Они обняли его взглядом, мыслью, а потом послали своих детей его обнять. Я очень хорошо это почувствовала потом... Как это бывает, когда обнимаешь взглядом, потому что большее от избытка чувств просто невысказано, потому что и это-то — много, и необыкновенно дерзко... Когда настолько ты переполнен этим, что нет слов, и не знаешь, куда деваться от того, что происходит с твоим сердцем. Там было и об этом. Когда человек осознаёт любовь бога, когда чувствует его милость... не то даже что он чувствует себя недостойным её, говорить о недостойности — это тоже с богом спорить... Просто этого... ну, так много для человека, он обнаруживает себя настолько с избытком одарённым этим счастьем, что это просто вынуждает его... что-то делать. Поэтому человек подвергает себя каким-то аскезам, поэтому не только истово молится, но ищет как можно более трудного, сурового служения — чтоб как можно больше сил своих, огня своего подарить людям, чтоб как-то ослабить этот нестерпимый жар внутри, оправдать эту бескрайнюю, беспричинную благодать божью на нём... Так, наверное, это и есть. Посвящение богу, каждого действия, каждого дня. Просыпаться утром, радоваться, если встала раньше всех, посмотреть, не погасла ли печка, готовить завтрак... Помогать матерям кормить малышей, купать их, потом греть воду для стирки... Знаете, даже не думать при этом о... нет... Это не явная мысль, а как дыхание, как биение сердца. Такой должна быть мысль о боге, говорили те мои друзья. Постоянным ровным огнём гореть где-то внутри. Или ещё вот — наблюдала я, как женщины ковры плетут (сама я не могу, руки у меня не слишком тверды) и думала — вот, есть нить-основа, есть нити, которыми ткётся узор... Иногда под узорными основы и не видно бывает, но она крепче всего, она держит всё. Так вот мои хлопоты по готовке, стирке, или потом вот, целительское моё дело — это нити узора. Сейчас очередная нить закончилась в моих пальцах, и я вижу нить-основу, и это снова накатывает на меня... А не надо бы этого...

==== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 8. Принятие =====

— Здравствуй, Лаиса. Не помешаю? Я просто... тревожно мне, не могу оставаться в номере, и Кэролин, в смысле, мисс Сандерсон куда-то с утра ушла... Хотя может, мы с ней сейчас всё равно не лучшая компания друг для друга, тревога-то общая. Ну, помогу вам тут в чём-нибудь, с детьми ведь хлопот полно, а я всё-таки троих вырастила...

Лаиса проводила гостью в общую комнату, где сейчас на столе стоял механизм, в котором Кэролин угадала швейный аппарат, были разложены полотнища ткани, Ганя ползал по одному из них на полу, размечая будущую вышивку. Полог, закрывавший проход в другую комнату, сейчас был открыт, из детской кровати на них огромными голубыми глазами вовсю таращился Уильям.

— Честно, я б не отказалась, леди...

— Ханниривер. Но лучше просто — Кэролин.

— Простите. Сложно мне пока бывает земные имена запоминать, хотя с земными ещё не такая проблема, они бывают очень на центаврианские похожи... Опыта общения с детьми у меня как такового нет, а очень нужен. Если вы мне расскажете о том, какими бывают

земные дети, как они растут, развиваются, как всему учатся... Я немного наблюдала за Сьюзен и Уильямом, и сейчас у меня тоже есть возможность получить полезные навыки...

— Вы росли одна, младших братьев и сестёр не было?

— Сейчас, подождите, я чаю вам принесу... Нет, не сложилось как-то. Я не помню своих родителей, росла я практически на улице. А там можно научиться чему угодно, но только не вести домашнее хозяйство как порядочная жена и мать, — Лаиса рассмеялась, — ну, конечно, ко мне ещё обещает приехать Кончита, сестра Рикардо, погостить, помочь с племянником... О, Ганя, спасибо, мой хороший, теперь, если не сложно, придержишь этот край, пока я прострочу?

В этот момент требовательно запищал Уильям, Кэролин потянулась взять его на руки, но её опередил Ганя, поднял трёхгодовалую кроху без видимых усилий, что-то ласково приговаривая на незнакомом Кэролин языке.

— Время купать его, Лаиса. Не волнуйся, я справлюсь.

— Что ж... — Лаиса проводила детей доброй усмешкой, — если можно, может быть, вы придержите, Кэролин? Я пока новичок всё-таки, и боюсь скосить шов... Уильям очень привязан к Гане, это, наверное, удивительно видеть незнакомому? Чего ещё я боюсь в детях — они ведь ещё не умеют говорить, лопочут что-то непонятное, голову сломаешь, пока поймёшь, что ему нужно... А Ганя понимает. Это вообще что-то удивительное, в их программу обучения ведь не входило ничего о воспитании детей, да и просто о сентиментальных привязанностях... Это его собственное, уж не знаю, как они так повлияли на него... Смотрю, как они общаются и думаю — на каком языке чаще будет говорить Уильям, когда вырастет? На земном или дилгарском? А может быть, и на минбарском... И разумеется, я думаю о моём собственном... Для каждой матери ребёнок — чудо, но для меня — особенно. Это не отменяет боли потери, конечно, это не отменяет горечи, что мы слишком мало были вместе. Но меня, как центаврианку, поддерживает, что что-то остаётся после Рикардо, его потомство, его кровь, это объединяет нас вопреки смерти. Мне было немного неловко получить письма от сестёр Рикардо, я не знала, как они отнесутся ко мне, как отнесутся тем более к тому, что... Ну, к ребёнку... И я получила столько теплоты. Я всю жизнь даже представить не могла такого. Я вижу, как центавриане, люди, минбарцы сопереживают мне, делятся со мной — продуктами, вещами, воспоминаниями... И Рикардо словно живёт, в каждом хорошем дне, в каждом добром слове. Меня называют Лаисой Алварес — это тоже очень много значит для меня, поверьте — что фамилия, которую он носил, не умерла, перешла ко мне, перейдёт к ребёнку... Вот, кстати, она прислала мне их семейную фотографию, это вот она, это Мальвина, этой фотографии лет двадцать... Рикардо как раз закончил обучение, на следующий день был его первый рейс...

Кэролин взяла в руки фото. Словно прибой зашумел в ушах, утонули в сумраке очертания комнаты, всё кроме этих лиц на фотографии, точнее, одного лица... Форма пилотов — она ведь тоже тёмная...

— Кэролин, Кэролин, что с вами?

Мир вокруг постепенно прояснился, встревоженное лицо центаврианки — тоже ведь так похожее на земное... Как и это лицо на фотографии — юное, светлоглазое, улыбающееся...

— Лаиса... — голос слушался с трудом, звучал надломлено, хрипло, она почти наощупь нашла на столике кружку с чаем, — ваш муж... Что за семья, из которой он происходил? Где они жили, если, как я вижу, они не придерживались центаврианских традиций?

— Что?

— Ни у него, ни у его сестёр нет обычных центаврианских причёсок. И одеты они... Необычно для центавриан. Я слышала, многие центавриане-рейнджеры пренебрегают этим, и я не слишком удивилась, когда вы показали мне его фото из личного дела... Но здесь — это же до его вступления в анлашок? И его сёстры ведь — не рейнджеры?

Растерянность Лаисы сменилась смущением.

— А... Видно, как-то нечаянно я ввела вас в заблуждение своими словами, да ещё эта фотография, последняя... Это на ней как раз маскарад. Рикардо работал на Центавре под прикрытием, как и весь его отряд, они маскировались под центавриан. Он землянин.

Прибой снова накатил, смывая комнату мутной пеленой. Руку обожгло пролившимся чаем.

— Землянин... И... Лаиса, скажите, он был телепатом? — рук Лаисы с полотенцем она не видела. Ей казалось, что это её голос прикасается к обожжённой коже.

— Нет... — несколько даже удивлённо ответила та, — хотя, вы даже могли слышать о нём от этих людей, ледяных жителей. В шестидесятых годах его преследовали правоохранительные силы Земли, потому что он помогал беглым телепатам. Потом Пси-Корпус упразднили, а он вступил в анлашок...

— Знаете, Лаиса... У меня очень странная память на лица. Я помню их, только пока вижу. Один раз в детстве, в школе, один мальчик ударил меня... Родители у меня были богатые и известные люди, и школа была элитная, так что событие такое без последствий оставить не могли. Так вот, когда меня начали расспрашивать, я не могла толком описать этого мальчишку. Он не мой одноклассник, вот и всё, что я могла сказать. Вроде бы волосы светлые, вроде бы короткие, ёжиком — вот и всё. Я не могла вспомнить, курносый у него нос или прямой, есть ли веснушки, даже не могла вспомнить, выше или ниже меня он ростом. Я была в отчаянье, что сейчас они подумают, что я всё выдумала, сама упала и ударилась... Но когда мне показали нескольких школьных забияк, я сразу опознала обидчика. Когда моя мама ждала моего братика... беременность была тяжёлая, и последние три месяца она провела в больнице. Так вот, под конец этого времени я начала бояться, что забуду, как она выглядит. Подходила к её портрету и смотрела... Часто бывало, что со мной здоровались, я лицо-то узнавала, а вспомнить имя могла не всегда... Или меня спрашивали — вот помнишь такого-то? А я не знала, что ответить... Человек мог мне понравиться или наоборот показаться неприятным, но я не могла вспомнить, чем именно. И вот... Давно, почти двадцать пять лет назад, я была знакома с одним молодым человеком... Лет, должно быть, двадцати — я не знаю точно... я очень мало о нём знала. И я... странно сказать, но я сама не думала, что мне надо это знать. В моей жизни было много случайных встреч, и большинство из них... не заставляли вспоминать о них потом, спустя годы.

— Почему же вы вспомнили о нём сейчас?

— Когда я увидела ту фотографию... Я просто много думала об этом в последние дни, больше, наверное, чем все годы до этого. Потому что думала о Виргинии, о том, что это было важно для неё... О том, как долго мы с ней спорили, как я не сдавалась — упрямством мы стоим друг друга. И вот теперь я не знаю, где моя дочь, когда я снова её увижу... Если б я пошла на поводу её желания раньше — может быть, мы б не оказались на этом злосчастном корабле... Когда я увидела ту фотографию... Просто ёкнуло сердце. Просто я подумала — невероятно, но мне кажется... Вы сказали, что это ваш муж, вы рассказали, что он погиб в кампании по освобождению Центавра, и я не усомнилась, что он центаврианин.

— Кэролин...

— Мне кажется, это какая-то злая ирония. То, что судьба вот так сводит людей, которые легко могли не встретиться...

— Кэролин, этот молодой человек был телепатом?

— ...и заставляет... перед лицом возможной беды быть откровенной... С теми, с кем у тебя теперь, невольно, общая судьба...

Лаиса ожесточённо теребила в руках складку платья.

— Я тоже стала жертвой восприятия, Кэролин. Рикардо... Я ведь познакомилась с ним на Центавре. С человеком, переодетым центаврианином. Рейнджером. Я слушала рассказы о его жизни... О том, как он водил грузовые корабли между Землёй и колониями, как с риском для жизни стал помогать людям, попавшим в беду, как ему пришлось скрываться, стать контрабандистом, как много раз он был на волосок от гибели... Слушала рассказы о его семье, об отце и матери, о сёстрах... Я никогда ни от кого не слышала раньше, чтоб говорили о семье... так. В его лице можно было полюбить всё земное человечество, так это было прекрасно, горячо и искренне... Я запомнила его как Рикардо Алвареса, он всю эту большую чудесную жизнь был Рикардо Алваресом... Но у него было и другое имя и другая семья... У него был брат...

Проснулся Алан, кажется, задолго до того, что по его личному распорядку могло бы считаться утром. В каюте было полутемно — приглушённый свет ночника они так и не убрали совсем, когда засыпали. В его свете волосы Андо казались темнее, густыми, как цветочный мёд или тёмный янтарь. Сон всё ещё не отпускал Алана. Горячий, неправильный сон. Чувствовал ли, слышал ли его Андо? Он взгляделся в его спящее лицо. Нет, оно не было омрачено тенью беспокойства, и не было никаких признаков близящегося пробуждения. Хотелось верить, что мысли его были в эти часы где-то далеко, не коснулись этих неистовых, мечущихся в нём страстей. Алан выдохнул, пытаясь восстановить, выровнять дыхание. Справится... он теперь со всем справится. Когда-то ему казалось, что он не вырвется из тисков кошмара, не получит никакого понятия о нормальной жизни... Он получил. И он будет дорожить этой жизнью, он не пренебрежёт этим шансом...

Шанс... то, что он остался здесь сегодня, было тоже дарованным ему шансом, только вот для чего... Разумеется, если бы всё было именно так правильно, как звучало — для того, чтоб быть с ним рядом, чтобы высказать свою благодарность, свою готовность помочь, чем может. Не для того, чтоб предаваться, как это называют, нечистым помыслам... Тело Андо, как обычно ночью, полностью обнажённое, было только слегка прикрыто покрывалом и его собственными волосами. Алан снова и снова, как обречённый, отчаявшийся бумеранг, возвращался к мысли о том, как хотел бы сейчас откинуть это покрывало. Просто затем, чтоб посмотреть на Андо, запомнить его всего, восхититься... Это покрывало ни в коей мере не сочеталось с его красотой, лишним оно тут было... Алан сердито закусил губу. Когда тебя только что избавили от разъедающего изнутри вечного ужаса, вместе с ним избавили и от самоконтроля. Не было у него опыта обуздания желаний — прежде их обуздывала тьма внутри, ни с кем, ни с чем не желающая его делить.

Андо пошевелился во сне, повернулся на спину, покрывало сползло, обнажая его бёдра. Алан сколько-то времени лежал, повернувшись спиной, зажмурившись, впившись ногтями в ладони. Что-то совсем не доброе, ни к нему, ни к кому-либо вообще, нащёптывало, уговаривало повернуться. От взгляда не будет вреда никому, Андо спит, он не почувствует,

он не оскорбится, его мысли, кажется, сейчас где-то совсем не здесь, наверное, с его богом... А он всё равно об этом думает, легче ли ему становится от того, что он пытается не признаваться в этом факте? Злой на себя, Алан повернулся. Ладно, потом он как-нибудь... как-нибудь съест себя за это, как-нибудь скроет это от Андо, как-нибудь это, вообще, прекратит. Сейчас лучше, наверное, дать этому проклятому голосу, чего он там хочет, чтобы он наконец удовольствовался и заткнулся.

Лицо Андо было частично прикрыто разметавшимися волосами, чуть приоткрытые губы выглядели сейчас такими нежными, почти детскими. Алан думал о том, что можно б было смотреть на эти губы всё то время, что осталось до условного утра, и это было бы очень неплохо, пожалуй, это было бы компромиссом с проклятым внутренним искушителем... Внутренний искушитель на компромиссы идти не желал.

Он скользнул взглядом по ключицам, груди Андо. Как это всё... нежно, прекрасно, как... отражает понятие о том, что есть красота, что есть соблазн. Такое стройное, сильное, изящное молодое тело. Алан старался внутренне говорить об этом так, что прекрасно б было рисовать Андо, или лепить с него скульптуры, но не мог обмануться — думал он совсем не об этом. Он не мог не заострять неподобающе много внимания на острых розовых сосках, на лёгкой тени на впалом животе, на выпирающих косточках на бёдрах. Он не мог не думать о тех руках, что ласкали это всё, точнее, не о руках, конечно, плевать ему сейчас было на эти руки больше всего на свете. Он думал именно о том, что были они, эти руки, что были эти ласки. Что тело Андо... слово «не невинно» не подходило, совсем не отражало того, что он хотел бы выразить. Тело Андо знает, что такое соблазн, и это так удивительно рядом с этим светом, этой верой, этими муками, этим исцелением, но совершенно невозможно найти, зацепиться за это противоречие и на нём выплыть из странного затягивающего продолжения сна, того ощущения, что из сна пришло в явь и так же охватило всё его тело. Взгляд его сполз ниже, остановился на магнитом его притягивающем месте между этими выпирающими косточками, сейчас не прикрытом совершенно ничем, кроме лёгкой тени. Он как замороженный смотрел на нежный безволосый лобок, внутри всё наливалось сладкой, нестерпимой, жаркой тяжестью, нечто разворачивалось в нём, пробуждалось, захватывало, подчиняя его себе, заставляя смотреть на гениталии парня и уже не желать отвернуться, не желать отказать себе в таком невероятном наслаждении. Он гладил, нежил глазами член Андо, он уже понимал это, но остановиться был не в силах, ему хотелось увидеть больше... Он редко задумывался о том, как выглядят люди полностью обнажёнными, как выглядят не прикрытыми нижним бельём, а вместе с всем тем, что отличает мужчину от женщины, что привлекает мысли и задаёт им... вполне определённую направленность... Нет, он знал, конечно. Но он подумать не мог, что это может быть так красиво. Инстинктивная стыдливость, заставлявшая его отворачиваться, если кто-то переодевался при нём, даже если он просто менял кофту, или опускать глаза, если случайно входил в туалет, когда там уже кто-то был, говорила ему, что это... некрасиво, безобразно, если можно так выразиться. Сейчас его глаза говорили ему совсем иное. Может быть, отсутствие у Андо волос между ног, может быть, в целом безупречное телосложение действовало на него опьяняюще, он, не замечая сам, подполз ближе, навис над спящим телом, жадно охватывая его взглядом, чувствуя этот безумно волнующий запах. Он осознал, что его лицо склонилось к бёдрам Андо, за секунду до того, как коснулся губами этой выступающей косточки на бедре, затем потёрся о бедро щекой, он уже не слышал, не чувствовал этой внутренней паники, хотя где-то там внутри она, несомненно, была, потому что вместе с тем ему пришлось несколько

изменить собственную позу, потому что то, что происходило с его телом сейчас, делало его враз осязаемым, как никогда, и несколько... неудобным в районе собственных бёдер. Автоматически расставив колени пошире, сняв это нестерпимое давление, он скользнул губами по паху Андо, по тёплой коже лобка, задыхаясь от ликования и ужаса, которые в равной степени сейчас были наслаждением, он коснулся кожи языком, долго вчувствуясь, смакуя этот вкус. Бёдра Андо, инстинктивно, во сне, раскрылись навстречу его движениям, и это тоже было так восхитительно, волшебно, сводящее с ума. То, что он так раскрывается, так... не в первый раз, много раз, те руки, все те руки... Чувствуя, как подгоняет изнутри, снизу, эта сладкая, волшебная боль, он провёл языком по члену Андо, накрыл его губами, скользнул по длинному упругому стволу в крепком, долгом поцелуе. И совершаемое ему нравилось, он жадно втянул в себя этот ствол, насколько позволяла глубина рта, чувствуя, как он твердеет, наливается силой у него под языком, пальцы судорожно стиснули ткань покрывала, другая рука в это время нырнула между собственных ног, успокаивая хотя бы немного, уговаривая эту боль, этот огонь подождать, не проглатывать его целиком прямо сейчас, не сметать всё его существо в океан, внезапно оказавшийся кипящим.

Андо вздрогнул. Сквозь сон он почувствовал чей-то взгляд, так отчетливо, так ярко, и эти черные омуты глаз. Алан?

— Алан?..

Он сперва не понял, мысль ли это, или звучащий наяву голос. Он вздрогнул, его обожгло, словно ударом молнии. Этот удар резко отшвырнул его, заставил скорчиться, стискивая всё своё ноющее, горящее существо.

Андо приподнялся на локтях, вглядываясь в темноту еще полуслепыми со сна глазами.

— Алан... Что с тобой? — Андо прикоснулся к дрожащему комочку рядом с собой, рукой стараясь приподнять одеяло, — Алан, эй...

Алан, конечно, хотел бы что-то ответить... Но ему совершенно нечего было сказать, и он совершенно был неспособен исторгнуть из себя хоть один осмысленный звук. Он потянулся к руке Андо, стремясь потереться об неё, урвать ещё каплю такого невероятного наслаждения, страдая от подступающего понимания, что сейчас было, чувствуя, как горят губы...

Андо прикоснулся пальцами к голове мальчика, медленно, еще сонно погладил его. Потом одним движением придвинулся, обнимая через одеяло, прижимая голову Алана к своей груди.

— Алан... Ну почему ты все держишь в себе? Ну почему мне нужно обязательно тебя сканировать, чтобы узнать что тебя тревожит? Если это не мое дело — так и скажи... Но твои эмоции отдаются в моей груди болью. Алан, ты слышишь? Я могу... Могу что-то еще сделать? Чтобы тебе стало легче?

«Кошмар... действительно, быть может, кошмар...».

Алан почувствовал, как его тело, разумеется, ничерта не подчиняющееся жалким и противоречивым сигналам разума, начинает бить крупная дрожь, как оно извивается, выгибается, прижимаясь к Андо — источнику наслаждения, источнику безумия, его руки бесновались под покрывалом, судорожно то хватаясь за собственное тело, то пытаясь пробиться к горячему, желанному телу рядом, губы его, оказавшиеся возле груди Андо, жадно прильнули к сладкой, нежной коже, прихватили её, посасывая, давя тихий стон от этого пьянящего вкуса. Голос Андо, звучащий откуда-то, кажется, с другой стороны реальности, пробежал молниями по оголённым нервам, ему казалось, что он пытается

разбудить его, но только больше погружает в глубокую, горячую бездну.

Его никогда не били припадками, когда его болезнь настигала его в бодрствующем состоянии, его тело просто деревенело, становилось неподвижным, лишённым каких бы то ни было рефлексов. То, что сейчас происходило с ним, казалось совершенно невозможным...

Андо был в растерянности, в шоке. Что-то произошло, что-то серьёзное, и, несомненно, пугающее для Алана, что-то отличное от прежних его кошмаров, которые не могут, не должны к нему вернуться. Увы, собственное сознание Андо ещё не вполне освободилось от пут сна, вернулось к реальности. Мысли его отчасти были всё ещё далеко, на туманной Тучанкью, он всё ещё наполовину был Дэвидом, идущим по безжизненным солончакам южных областей...

— Алан..., - стараясь отстранить от себя мальчика, произнес парень, — Алан, все хорошо. Успокойся, Алан... Успокойся...

Губы Алана, горящие, искусанные, наконец смогли справиться со словами, хотя бы отчасти.

— Ан-до... Это... прости... я не могу... не мог... я пытался... Это сильнее... я не знал, что такое... Андо, я просто хотел...

«Я просто хотел, раз уж от мыслей не смог убежать, не смог все эти дни это как-то перебороть, переиначить, я поддался... Мне очень жаль, моё тело, оно словно только что мне дано, всё такое... живое, горячее, болит... Я хотел, раз ты спишь, раз тебя это не побеспокоит, хотя бы какой-то миг... Я мог бы, конечно, должен был, просто поцеловать... или просто погладить, например, твои руки... Но я хотел именно... раз уж... Понимаешь, как ребёнок, когда накрыт праздничный стол, он ведь хватает самое вкусное, он не может начать с чего-то другого, потому что взрослые его скоро засекут, значит, надо успеть... Я никогда сразу столько, много всего, не чувствовал, и это победило меня... столько наслаждения...».

Понимание пришло, вместе с чувством собственного тела, вместе с идентификацией этих, совершенно несомненных, эмоций.

«Алан... Ты действительно ребёнок! Что бы ни происходило с тобой — чем ты поможешь себе, если будешь молчать, если будешь скрывать, давить... Ты об этом говорил тогда, как о вине, о каком-то грехе передо мной? Перестань, глупо так думать...».

«Как можно о таком говорить, Андо? Я... я не знал наслаждения, только слабые отзвуки его, немного, что мне позволялось, что проникало за мою стену... Я слышал, знал, что многое такое бывает у людей, и я думал иногда, что такое, быть может, будет когда-то у меня, но когда, с кем, как — об этом я и думать не мог... В те немногие минуты в среднем между тем, когда мной владела болезнь, и когда лекарства подавляли её, но вместе с ней подавляли и мою нервную систему, когда просто... я был я и всё... Я чувствовал как-то по-особенному, радостно... Когда мама меня целовала, или когда я чувствовал какой-то приятный запах... цветов, сладостей... Больше ничего, никогда. Я могу сказать, у меня не было развития, такого... я понимал, что какая-то девушка красивая, очень красивая, моя душа не была к этому равнодушна, нет... Но я только видел, и всё. Моё тело никогда не могло... так пробудиться, как это было сейчас. Я не должен был... это не должно было... именно на тебя, Андо... Это как-то не совсем правильно, для людей, и это не совсем правильно, потому что у тебя есть... Те, с кем ты делаешь это...».

Андо медленно, осторожно касался сознания мальчика, посылая импульсы успокоения,

чтобы хотя бы чехарда образов, атакующих его, была не столь сумасшедшей, потом притянул Алана к себе, так, что тот оказался сверху и смотрел огромными, непонимающими ни себя, ни мир в целом, глазами.

— Алан... Почему я? Почему ты считаешь, что это неправильно из-за кого-то? Если тебе самому не нравится испытывать это, то... Ты ведь... ты просто подросток, ты не обязан держать себя под контролем постоянно, слишком долго это было. Ты просто вырастешь, нагоняешь то, что пропустил в развитии. Это пройдет, просто не волнуйся. Алан, ты жив, ты больше не под властью тьмы, и эта свобода означает и свободу желать, и если тебя пугают твои желания... То они не обязательно будут именно такими. Твоё развитие только начинается, после того, как ему столько лет препятствовала тьма, твои желания ещё хаотичны, это как... первичный океан в эволюции...

— Андо... Но ведь это... ты занят... У тебя Андрес и... и Офелия, моя сестра! Как при этом я могу допускать даже мысль... И всё-таки допустил! Я чувствую, и её ты тоже любишь, и знаю, у тебя была не только она... Если ты... боролся с тем, что ты... хочешь не женщин, а мужчин, то это понятно... Но я... я особенно не должен был... Но видимо, то, как ты освободил меня... моя душа привязалась, зацепилась за твою душу, а моё тело так зацепилось за твоё тело. Я всё больше думал об этом... Хотя знал, что...

Быть откровенным, показывать, сбрасывать камень с души — было приятно. Было как освобождаться из тесной одежды, как снимать путы. Пусть всё будет... пусть увидит, и может быть, простит, если на это его света достанет. Он показал Андо фрагмент того сна — с ним... Там Андо был не один, не просто, как было до этого, как когда он ходил голым по каюте или сидел, так же голый, рядом среди скомканных покрывал, он был с кем-то... и этого кого-то Алан не мог разглядеть, да и не стремился, он был просто понятием, упоминанием в его сознании... Он смотрел на это со стороны, он бесстыдно любовался Андо, его выгибающимся, объатым страстью телом, его ногами, обнимающими чью-то поясицу, его рыжими волосами, разметавшимися огненным покрывалом, его губами, приоткрытыми, жаркими, исторгающими то стоны, то тихий, царапающий возбуждённые нервы хриплый шёпот. Он был рядом, бестелесным духом, должно быть, просто взглядом, он мог подойти ближе, коснуться волос, увидеть влагу, стекающую по округлым ягодицам, слизнуть каплю испарины с щеки Андо. Он горел от стыда и удовольствия, и не мог отвести взгляда от судорожных, развратных движений этого тела.

Андо закрыл глаза. Конечно то, что этот ребенок видит подобное, в принципе, не странно... Все-таки Андо был первым, кого он увидел совершенно без одежды, он был первым, кто победил его кошмары, и попросту, они слишком много времени провели в предельно возможной близости, так что он не мог, конечно, хоть раз не поймать из его мыслей что-то такое... Что-то новое и потрясающее для его девственного сознания, до сих пор отделённого от всей жизни, со всеми чувствами, наслаждениями, переживаниями, которые были доступны любому человеку, но только не ему...

— Алан... Всё не совсем так, как ты думаешь. По крайней мере, говорить «у меня Андрес» не стоит, это не то, что ты успел вообразить. Офелия — да... Но то, о чём ты говоришь, что у меня была не только она и что я борюсь с тем, что испытываю к мужчинам... Будет сложно объяснить, но ты всё же попробуй понять. Для меня нет различия пола, точнее, нет понятия собственного пола, я больше, чем... Я не человек, Алан, и моё тело — это просто... способ быть человеком, существовать в этом мире. И то, что было, с теми, с кем это было... Это не просто плотское желание, не с моей стороны. Это способ

соединения, максимально полно, будучи существом с телом, я не мог бы делать это как-то иначе... для тех, кто нуждается в этом.

Нет, конечно, он не понимает. Он сам понял бы, если б был обычным человеком?

— Через тело мы познаём мир, и испытываем ощущения, которые важны для нас, и сами выражаем — нежность, любовь... Но дело не только в этом. Это части света, тянущиеся друг к другу... Из всех, только один был не телепатом, и это... совершенно особое.

— Не нужно оправдываться, прошу. Я знаю, что люди... нервно относятся к таким вопросам, вроде как, человек считается тем лучше и правильнее, чем меньше у него было партнёров. Но единственный человек на моей памяти, кто был только с одним человеком за свою жизнь, была моя мать.

— Это не стыд, Алан, это... действительно другое. Нет, в чём-то и любопытство, и желание удовольствия, да... Но только для этого действительно достаточно одного человека. И я не знаю, как считать — много это было или мало? Люди Ледяного города, в том числе Адриана, первая девушка, которая меня полюбила... Офелия, моя жена... Джон... Андрес... Каждый из них что-то дал мне, каждому из них что-то дал я.

— Ты уже много дал мне, Андо, было б наглостью желать чего-то ещё. И однако ж я желаю, как ни пытаюсь остановить это в себе... Верно, мне действительно стоило сразу уйти, не давая этому зайти так далеко, тому, что ты стал так многим для меня, практически всем... Мне так жаль, что я обрушил на тебя ещё и это... Как мне прекратить это, Андо, как? Я всю жизнь проигрывал своей болезни, а теперь проигрываю вот этому, я совершенно не умею быть себе хозяином...

Опустив руки вниз, Андо кончиком пальцев подцепил резинку нижнего белья мальчика и стянул его с узких бедер. Потом медленно приподнял свои, прикасаясь пахом к паху Алана, обхватывая его талию ногами, прижимаясь всем телом, сжимая его острые белые плечи.

— Это не болезнь, Алан, не нужно этого стыдиться, не нужно ненавидеть. Если ты обрубишь в себе эти потребности, что спали до этих пор, не смели проявляться, пока тьма коверкала твои сны, твою жизнь... Это худшее, что можно сделать. Ты человек, ты имеешь право жить и желать, как и все... Я не хочу, чтоб ты считал себя чем-то хуже их, всех тех людей, что смели хотеть, заигрывать, целоваться, смотреть на обнажённые тела и касаться их...

Алан вздрогнул, прижался к Андо всем телом, неловко вжимаясь — он знал, конечно, знал, как это происходит у людей, но тело его ещё не знало, не подчинялось вполне, бестолково тыкалось, сгорая от желания. Прикосновение члена к члену заставило тело выгнуться в жаркой, пронзительной конвульсии, он дёрнулся, сползая ниже, чувствуя обнажившейся плотью округлые ягодицы, те самые влажные полушария из этого сна... ноги Андо на его поясице... Это казалось нереальным, слишком... сбывшимся неожиданным подарком... Как если бы во сне он мог увидеть себя на месте того... только более...

Направляемый Андо, он скользнул рукой вниз, обхватил собственную, удивившую его жаром и твёрдостью плоть, скользнул ею по горячей ложбинке, по упругим, твёрдым шарикам, ткнулся в эту пульсирующую, готовую, жаждущую дырочку. Такое тесное, такое жгучее, так жадно затягивающее, как этот сон, как разгулявшийся внутри пожар... Андо стонал, его пальцы направляли бёдра Алана, впиваясь в ягодицу, он подсказывал, он вёл, его мысли, как влажные, тёплые ладони ласкали, возбуждали, дразнили, подгоняли...

Андо почувствовал, как сила вновь струится по его телу, видел, как сквозь мокрую от пота кожу проступает голубоватое свечение. Снова становилось легко, почти свободно. Возбужденный подросток над ним тяжело дышал, что-то кричал в мыслях, что-то настолько отражающее его состояние, что разобрать, вычленив слова было практически нереально.

«Алан...»

Такое новое звучание собственного имени, такое интимное, глубокое эхо...

Он не испугался, когда упали барьеры. Быть может, долгие годы балансирования над гранью бездны тьмы отучили его бояться, и падая в бездну света, он совсем не испытывал страха.

Множество голосов — отражения единственного голоса... Множество отражений — отражения отражений, глубокий, бесконечный радужный коридор. Жизнь Андо, сущность Андо, память Андо... Память Андо о себе самом, память об Андо, отражённая из мыслей тех, кто был рядом... И всё это в доли минут и секунд, шквал красок и эмоций, гигабайты информации, бешеным потоком хлынувшие в него...

Андо десять лет, серьёзный, мрачноватый ребёнок в нарнской одежде, за спиной его неясной бурой громадой встаёт стена нарнской военной школы. Он подвязывает длинные рыжие волосы, их золотит встающее над красно-коричневыми горами солнце, ледяная волна обнимает его ноги, жадно ласкает его бёдра — обнажённый, он входит в бурный поток, врезается в него поджарым, мускулистым телом, гребёт сильными, резкими злыми движениями, тело синее в слишком холодной воде, мышцы сводит судорогой, но Андо, закусив губу, стремительно плывёт против течения, и мысли его так же стремительны, прямы, как полёт стрелы. Он юный воин, он преодолевает и холод, и зной, и слабость собственного, слишком отличного от нарнского, тела, он держит удар, он ожесточённо врезается — телом в ледяную воду, кулаком в твердь тренировочного манекена, мыслью в теорию незнакомых языков... Это его начало, таким он начинался. Алан жадно вглядывается в это, он постигает Андо с глубин, с ростков, с первых шагов, он открывает для себя Андо — молодого солдата, Андо — нарна... Он думает о том, что нарнский был родным языком Андо, Г'Кван был первой книгой Андо, стать достойным имени своего великого отчима было первой целью Андо... Рядом с этим его собственное детство — он никогда не дрался, он не умел плавать, он не всегда слышал те книжки, которые читала ему мать в то время, когда тени Теней терзали его сознание, а он был слишком мал, чтобы рассказать об этом... Он поздно научился ходить, он мало радовался, когда наконец научился — вместо него жила его болезнь, теперь долгими ночами водившая его по пустым, белоснежным коридорам. Тонкая игла входит в его бледно-синюю кожу, врач что-то успокаивающе говорит, глядя его по волосам, голос тонет за пеленой безразличия и усталости. Его никогда не обижали в школе — ни у кого не поднялась бы рука ударить слишком худого, бледного подростка, часто падавшего в обморок... Он мало мечтал — все его мечты ночью съедала чёрная тень, повторяющая, что сама жизнь — ошибка...

Андо... Андо и жгучий свет в его снах, его жгучая тяга... Он — и ледяной холод, где нет родных лиц, нет вообще ни одного лица...

Андо — и дикий, безудержный восторг при прикосновении к «Белой звезде», при одном только отзвуке того, что искал он, сбивая ноги и руки в кровь, чему молился, чего вожделем всем юным горячим существом, не знавшим стыда и запрета... Он — и кто-то из врачей, путано, сбивчиво — не напугать бы ребёнка — объясняющий, кто такие Тени...

Андо и тот человек, благородная, представительная фигура которого тонет в

нестерпимом свете, свет Андо — полный любви, ликования, восторга, свет, выжигающий в нём всё, кроме... Он — и тьма, выжигающая в нём всё — мысли о жизни, о любви матери, о будущей встрече с отцом, о новой школе, в которую он пойдёт на новом месте, в Женеве...

Андо и анфилады ледяного дворца, где горит огонь, где бесчисленное количество тянущихся рук — с лаской, с принятием, с любовью к тому, что долго ждали... Он — и расширившиеся от ужаса глаза, и долгий, протяжный крик молоденькой медсестры, задремавшей рядом с его кроватью. Она бьётся в истерике, её пытаются успокоить, она отползает в угол палаты, заслоняясь от чего-то невидимого...

Андо и губы, сливающиеся в долгом, жадном поцелуе. Он и случайно пойманные мысли матери — об отце, о тех минутах страсти, что подарили ему жизнь...

Андо и последняя цитадель тьмы, Андо и его ярость, его режущий, разящий огонь, его безудержное, долгожданное наслаждение — ради этого момента он жил, когда искалеченное тело дракха затихло у его ног... Он и ночи с пустотой — без снов, без ощущений, и была бы радость, но радости от пустоты не бывает... Андо и билет на Землю — к тому миру, что дал и отнял жизнь у его родителей, к тому миру, что он почти ненавидел, но теперь решил узнать... Он — и мать, говорящая, что они отправляются в этот новый мир, отправляются хотя бы попроситься в него, может быть, им разрешат жить там где-нибудь на отшибе, мир ведь большой, может быть, этот мир, где, говорят, сбываются мечты, излечит его наконец... И потом, когда он узнал, что хотел сделать Виктор, он не смог возненавидеть его больше, чем себя — не ведая того, он мог сделать куда худшее. Он мог призвать в этот мир, воплощающий мысли, Теней...

Андо — светящейся рукой ласково стирающий тень Теней.

«Тебе нечего бояться... Этот мир ждёт и тебя...».

«Я нашёл лучшее, я нашёл бездну света... Твоя душа прекрасна... Ты самое прекрасное...».

Андо... Прекрасный... Жаркий... Совершенный... Принимающий... Алан видел его всего, и это было так много, так сладко, так упоительно, он парил в этой пронизанной светом и красками бездне, он терялся в этом бескрайнем просторе, становился малой песчинкой и мчался сквозь этот свет, сквозь память Андо, сквозь чувства Андо, сквозь тело Андо, он растворялся в Андо, как сахар в горячей воде, он таял в нём, как лёд в огне. Он раскидывал маленькие, слабые руки, чтобы обнять всё, что ему давалось — маленький Андо, делающий первые шаги при поддержке рук нарнской женщины, десятилетний Андо, его сильное, тренированное тело на турнике — кровь стучит в ушах, стучит именами, которых он хочет быть достоин, и падая в изнеможении на песок, он продолжает шептать их... Шестнадцатилетний Андо — и море новых лиц, новых мыслей, и среди них — мысль о том, что он может быть привлекателен, что его могут желать... словно случайно принесённый ветром цветок, Андо поймал её — чтобы теперь её касались дрожащие пальцы Алана. Андо — и объятья этих людей среди льда, прекрасных, грешных, святых людей...

Они узнают его, узнают в нём то, что они потеряли когда-то, что вернулось к ним... Они принимают его — как дар, как причастие... Это их религия, если угодно, это — нет границ, нет запретов, нет закрытых дверей... В бездне Андо он читал и их мысли. Это — свечи, отражающие огонь Андо, благодатный огонь, который не обжигает верующего, преданного...

Вместе с Андо он задышался от того, первого наслаждения, ввысь, к бездонному небу, наслаждения отдающегося, парящего, вверившегося, с образами из снов, со светом из мечты,

с теми, кто обещал всегда ждать... От того, другого наслаждения — стремительно вниз, в кроваво-огненную бездну, в яростное, злое опьянение, в счастье воина, сразившего врага... Он видел ангела божьего с мечом, Георгия, поражающего Змея, и это было не менее возбуждающим, чем тело Андо, бережно передаваемое от тела к телу. Он видел то, что видел Андо, чувствовал то, что чувствовал Андо — и с ним пил это неистовое, жгучее ликование...

Он видел Андо и того человека, чья фигура по-прежнему тонула в свете, но свет этот теперь пронизал всё тело, всё существо Андо — а значит, и его тоже, он чувствовал эти слёзы, эти жарко горящие губы, эти взметнувшиеся в молитвенном объятье руки, эти приглашающе раздвинутые ноги — как маленькая искорка света, перебегающая по кончикам пальцев, как малая молекула в бисеринке пота... Он сливался с Андо, со всем, что было испытано Андо, он пил, стараясь не пролить ни капли.

«Ты всё... У меня ничего прежде не было... Ты дал мне всё...».

Андо открывал одну дверь в своей памяти, потом другую, третью... Он старался сдерживать то, что может сгубить мальчика, но вместе с тем он чувствовал непреодолимое желание раскрыться, поверить, постараться показать всё, охватить всё. Алан так напоминал этим сестру, Офелию. Её желание любить, её стремление довериться, отдаться полностью, подчинить весь страх, всё отчаяние его Свету, его силе. Андо чувствовал, что мальчик хочет всё, сразу, хочет слиться, остаться с ним, навсегда или хотя бы ещё на секунду, на мгновение продлить полноту своего мира, на мгновение ещё ощутить его — Андо — рядом, раствориться в нём, проникнуть ещё глубже, ещё дальше, за границы возможного.

«Алан... Будь осторожнее, Алан, это... может быть так... опасно для тебя... Ты видел, знаешь мою силу — и она может не только спасать, куда чаще она сжигала в пепел...»

«Андо... Чего я мог бы бояться здесь, в этот миг? Чего ты мог бы бояться? Я не хочу быть осторожным, Андо. Я хочу это всё, я люблю это...».

Как разрядом по нервам, по всему телу — и больно, и страшно, и странно. Дугой вверх, прогибаясь над измятой постелью, словно выходя из тела, выходя за предел разума, за предел жизни-нежизни. Андо встряхнуло, так сильно, что судорога пробила всё тело, ноги, руки, до боли, агонии, разрывающей изнутри.

К'Лан... Первый друг, отчаянный в своей наивности и простоте, желавший преодолеть эту границу непонятого отчуждения, чувствовавший не сознанием, а своим цельным, неиспорченным сердцем, что и самому сильному может быть нужна помощь и поддержка. Столько терпения, способности прощать обиды, терпеть эту холодность, быть рядом... За что, как ему хватило сил?

Уильям и его нежность, Адриана, отдавшая за него жизнь, Офелия, принявшая его, подарившая себя ему. Все они вставали перед мысленным взором, один образ сменялся другим. Андо снова выгнуло, выкручивая суставы, подхватывая с кровати, голова запрокинулась назад, разливая по простыне лаву рыжих, мокрых кудрей.

«Боже... Как велика была моя тоска, моё одиночество... которого не было на самом деле! Как многое было у меня... Больше, чем я заслужил... Как я пытался отвернуться, отторгнуть всё это, как излишнее на моём пути, не желая иного, чем служить — хоть отсвету твоему... Не желая желать иного... пока не сдался перед её любовью...».

«Андо, Андо... — Алан словно маленькими ладошками трогал трепещущее, мятущееся сердце Андо, — что же ты... как ты можешь так... ты всего заслуживаешь, всего стоишь, как ты мне говоришь, так и я тебе... ты человек... А тебе так многим пришлось быть...».

Андо вцепился в хрупкие плечи мальчика, рывком поднялся, опрокидывая Алана на

кровать, садясь на него сверху, вжимая в постель дрожащими руками. Волосы растрепались, огромные глаза, лишённые радужки, словно от невыносимой боли расширенные до предела зрачки, мокрые виски с налипшими на них волосами, мокрое тело льнущее, притягивающее к себе, обжигающее изнутри, обжигающее распалённой кожей.

«Алан... Держи меня...»

И снова — свет из ладоней, снова — жжение в лопатках, снова — белые, слепящие своим светом полупрозрачные крылья, почти видение. И слезы — падающие на лицо Алана, словно его собственные, скатывающиеся по щекам.

«Алан... Прости меня... Нет, ты не должен прощать меня за других, кого я когда обидел, но ведь и чувствовать всё это, нести этот груз ты не должен тоже... Алан... Искушает ли то, что я сделал хорошего, кому помог — все мои ошибки? Оправданны ли то терпение, та нежность, то принятие, которое мне... Оправданно ли моё существование? Всё то, что ближайшее ко мне — всё ушло... И мир — живёт, я долго не мог понять, как... А я... Я хочу быть... Хочу знать, что меня любят... Хочу быть любимым, прости меня... Прости меня, Господи, я хочу быть... человеком...»

«Ты человек, Андо. Человека я люблю. Не бога, не орудие бога, не исцеляющий свет — им я восхищаюсь, к нему я тянусь, но люблю я то, что основа, что под этим, что твоё, истинно твоё, слабость твою, сомнения твои, ошибки твои, раскаянье твоё — это всё я люблю, я тебя принимаю...».

«Любишь... Что? Что для тебя есть эта любовь? Всю свою жизнь... я любил лишь одно — Свет... Тот, что породил меня, изменил меня, которого во мне больше, чем допустимо быть... Я искал лишь его, зная, что не найду никогда, и любил лишь тех и тогда, где есть часть, отблеск этого света... Почему же мне всегда было этого мало...»

Андо скользнул пальцами по лицу мальчика, по волосам, собирая их, лаская — такие черные, мягкие, словно лоск.

«Скажи мне... Скажи сейчас... Кто я? Что ты любишь? Почему? Что я такое, я сам не знаю... Быть таким, как все, как люди — я не могу, я другой, природа моя другая... Быть как то, что ушло — невыносимо, неправильно... Дэвид... Дэвид, которого я так хотел защитить... Какую боль я причинял ему этим... Быть частью, орудием... программой... Как Страж... Какая разница — быть рабом тьмы или рабом света? Но как же мне жить... кем мне быть...»

Тихо-тихо — в самое сердце, в самую суть, бьющуюся сейчас в ладонях, устремляющуюся сейчас навстречу в отчаянном, искреннем порыве.

«Собой. Только собой, что бы это ни значило. Между, третьим путём, своим собственным... Ты видишь душу мою, она открыта сейчас тебе, эта любовь, эта свобода любить... Это всё — ты дал... Если хочешь — будь... Будь тем, к чему тянется твоя душа, ты имеешь право... Я не отрицаю. Я буду рядом. С оружием, с орудием божьим, с человеком, с тобой. Ты — и тот, что тогда был, и тот, что сейчас есть, ты — дар, лучший дар, прекрасное, совершенное в своём пути... Не за силу, не за помощь, не за свет... За твою душу, которую я вижу сейчас... Не говори о себе это... Нет, говори... Я приму... Я для того здесь... Ты веси нужен мне...».

Тело Алана выгнулось под Андо, его прошила золотая молния экстаза.

«Прими... если только нужно, если только ценно... моё принятие...».

Светящиеся крылья опали радужным шатром, закрывающим их от всего мира — и медленно погасли. Андо рухнул на грудь Алана, дрожа, почти в беспамятстве, прижимаясь, впиваясь всем телом, Алан обнял его, лаская, баюкая, целуя спутанные рыжие волосы,

стирая губами слёзы с его лица — вместе со своими.

— Если ты хочешь... Если так важно... Неси это. Эту миссию, эту ответственность, эту силу, эту вину... Я не говорю, что ты не должен, я ничего не буду отрицать. Но я всегда буду любить... что бы ни было ещё в тебе...

Кэролин снова входила под тихие своды старинного храма. С первого дня это место, кажется, привязало её сердце. Она стремилась сюда, когда на неё накатывала тревога, когда неделя прошла со дня, когда «Белая звезда» перестала выходить на связь. Она искала здесь возможной новой встречи с Мелиссой — сказать, что с ней хотела бы познакомиться ещё одна женщина... Это было естественным после того вечера, когда миссис Ханниривер вернулась от Лаисы Алварес в слезах, с тихой улыбкой на лице... В этот раз храм не был пуст. Кэролин замерла у колонн, заметив молчаливое собрание в балахонах, окружающее ложе с обёрнутым белым полотном телом. Погребальная церемония... Собственные тревоги, собственное одиночество вдруг подступили к ней, окружили неясными, но настойчивыми серыми тенями. Она хотела развернуться и уйти — но всё не решалась сдвинуться с места. Одна из фигур в балахонах пошевелилась, сделала шаг к ней... Под капюшоном Кэролин увидела лицо немолодой минбарки, на нём не было слёз, но Кэролин чувствовала исходящую от неё щемящую печаль — покойный был её супругом...

В руках минбарки сверкнула золотая нить.

— Возьмите это. Наши обычаи требуют... Это знак... Как то хорошее и доброе, что умерший сделал бы для вас, но не успел, и мы делаем это за него... Простите, я не очень хорошо знаю язык землян, я не могу объяснить хорошо.

— Не надо, не надо, что вы... Я не должна была, я не хотела, я сейчас уйду... я не знала, что здесь занято, мне нечего здесь делать...

— Храм не бывает занят. У вселенной есть для нас время и место. Вселенная привела вас не зря. Это не только наша церемония сейчас, это и ваша.

И тогда Кэролин прорвало... И она говорила, говорила — минбарка заботливо усадила её у ног мраморного Валена рядом с собой, как сидели они с Мелиссой, и слушала, так внимательно слушала, что не хотелось думать, всё ли она понимает в малознакомом ей земном языке... Ну, быть может, она — не всё, но мраморный Вален над ними, с отечески любящим, всепрощающим, всё понимающим лицом — понимает... Своды этого храма понимают. Вселенная понимает.

Она говорила об Альфреде, которого она и схоронила, и как будто оплакала, но не отпустила, не могла отпустить...

Он умер не на её руках, ей сообщили на следующий день, когда она пришла его поведать. Говорят, он умер тихо, во сне... Так, говорят, умирают праведники, это, наверное, и правда лучшее для старого больного человека, каковым он был... но было ли для него счастьем беспмятство? Было ли оно беспмятством? Перед смертью человек, говорят, видит всю свою жизнь — видел ли он её в том последнем своём сне? Ей так жаль было, чтоб её не было рядом, чтобы разбудить его, не позволить видеть снова этот печальный, безрадостный сон, позволить умереть в сознании, видя её лицо в последние минуты, зная, что он не один... Что он больше не один... Он не должен был умирать в одиночестве, так потерянно, так жалко, он не должен был один смотреть этот ужасный печальный сон.

«В конце пути мы всегда одиноки». Справедливо ли это? Он был одинок всю жизнь.

Конечно, можно сказать, и она смотрела этот сон вместе с ним... с ним ли вместе, или

всё же они смотрели его порознь? Могла ли она быть с ним рядом хотя бы в один из этих тяжёлых моментов, чтобы положить ему руку на плечо, чтобы утешить, отвести печаль? Каким был самый тяжёлый из этих моментов, самое невыносимое из воспоминаний, на что он не смог смотреть, что увело его за грань, где больше нет жизни, откуда нет возврата? Первая его неудача на экзамене, когда сокурсники едко смеялись над давшим маху отличником, подогревая его страх, что теперь всё, конец, ему не подняться, не достигнуть высот, не быть в почёте, теперь все знают, что он слабак, неудачник? Первая «проверка на благонадёжность» перед включением в элитную группу — холодные свёрла чьих-то глаз, пронзающие мягкие, ещё очень мягкие ткани души, и нет места, где от них можно что-то укрыть, что-то оставить себе, только себе, они равнодушно-пренебрежительно копаются в его честолюбивых мечтах о его имени на доске почёта, в его личной иерархии любви-нелюби к преподавателям, в его робких чувствах к девочке курсом младше, в его первых эротических переживаниях, в его снах, они такие, им можно всё... Или первый раз, когда сам делал так, чувствуя, как трепещут под его ментальным щупом чьи-то воспоминания — шелестят, как шёлк нижнего белья, перекапываемого при обыске... Или когда первый раз убил человека? Или когда первый раз приказал убить — сам не марая рук, не имея возможности знать, какими будут последние слова, последние мысли, с каким выражением навсегда застынут глаза? Когда первый раз пытал — ещё не со спокойной, холодной душой, ещё заставляя себя, внутренне содрогаясь, но повторяя: это для Корпуса, это для семьи, это для того, что куда важнее, чем покой, чем чистый от кошмаров сон... Или когда первый раз сканировал умирающего, видел, как сгущается тьма, как тают ощущения тела, окружающего мира, как сознание падает в ледяную тьму, всё ещё пытаюсь цепляться за ломающиеся в руках тонкие пласты воспоминаний — как дорога становится жизнь в эти последние мгновения — цепляясь и за него, ледяными, уже мёртвыми руками, унося в них в бездну часть его, живую, навсегда потерянную часть? Сколько кошмаров он взял от других, будто мало было своих?

Она видела их... Видела с той самой минуты, когда упали барьеры... Когда он сказал, тихо-тихо, и с таким особенным выражением, так, как, наверное, никогда говорил, не думал, что может сказать: «Кэрролин, я, наверное, не самый лучший человек, тебе может не понравиться то, что ты там увидишь, лучше не смотри, не бери это...»... А она смотрела, она не могла оставить его одного, не могла не разделить...

Его первая встреча с кем-то очень вышестоящим, ощущение собственной жалкости, подгибающиеся колени, неспособность сказать что-то подобающе связно, гладко, хорошо, выстроить мысли в подобающий стройный порядок, куча всяких глупостей в голове, и ментальная оплеуха, и горящие щёки — словно вполне физической она была, и недостойные, жгучие слёзы в туалете... Первый брак — ему просто сообщают, что ему назначили жену, и он ждёт, когда прозвучит имя, когда покажут лицо — ждёт с волнением, граничащим с паникой, он знал лишь, из кого выбирали, он очень надеется, что это Линда, Линда Харрис, тугими золотыми локонами которой он тихонько любовался вот уже три года, и кажется, она улыбалась, когда ловила на себе его взгляд... Чуда не произошло, это не Линда, это Соня Тимменс, Соня, Тимменс, хуже которой и представить нельзя, жалкое, нелепое создание, которой природа, наверное, исключительно как утешение дала П11... Она некрасива, хотя и не уродлива, она, пожалуй, полновата, хотя кость у неё тонкая... Неприятно тонкая, как у крысы... С Соней без толку могли работать лучшие стилисты — как бы её ни одевали, как бы ни причёсывали, какую бы косметику ей ни давали — она всегда выглядела как жалкое

пугало, выглядела как-то грязно, неопрятно, может быть, излишняя сальность кожи и блёклых, безжизненных волос, которую всё никак не удавалось победить, может быть, собственное неумение, неспособность Сони выглядеть, считать себя лучше... Она была, впрочем, неприятна и в общении, у неё был резкий, неприятный смех, она была глуповата и бестактна — и с этим тоже отчаялись что-то пытаться сделать... Альфред содрогался от ужаса и отвращения — нет, даже не от мысли, что с этим чудовищем ему придётся прожить всю жизнь, этого он просто не мог вообразить... От мысли, что ему придётся сказать «да», вбить гвоздь в свой гроб, послушание он позволить себе не мог, если эта женщина — идеально генетически совместима с ним, значит, так уж его прокляла судьба... Он вспомнил тогда слышанное где-то выражение «идти в спальню как на Голгофу», и когда Соня с гордостью сообщила, что беременна — он с чувством огромного облегчения отселился в отдельную спальню. Когда Соня, на седьмом месяце беременности, погибла при теракте, устроенном этими ненормальными подпольщиками, он не испытал совершенно никакого горя. Гораздо больше его печалило, что при том же теракте серьёзно пострадала и вскоре умерла Линда Харрис...

Его первое большое задание — первая «полевая работа»... Накрытый ими схрон нелегалов, окатившая его волна ненависти... Он замешкался — и пропустил, не упредил удар, и его напарник погиб, раненый навывлет, и он сам погиб бы тоже, он уже видел направленное на него дуло, слышал щелчок взводимого курка — но выстрелы подоспевшей группы прикрытия прозвучали раньше... И презрительные взгляды коллег — «Рохля, сосунок, расчувствовался, испугался, хорошего парня потеряли» — и его клятва — больше никогда не расчувствоваться...

Его первая в жизни... можно сказать — боль, которая не его, боль за другого, боль потери, которая не есть смерть — разрыва связи, удара, которого он не ждал. Голый, зябко подтягивающий к себе согнутые в коленях ноги, человек, на его скуле багровеет огромная ссадина, в растрёпанных русых волосах виднеется запёкшаяся кровь. Она знает — не Альфредом нанесены эти раны, он напротив пытается осмотреть, оказать первую помощь — но руки этого человека отталкивают его... Кажется, этот человек вошёл в одну из камер с задержанными нелегалами — один, без оружия, и они, обалдевшие от такого счастья, жестоко избивали его, и он не сопротивлялся, его спасла вовремя подоспевшая охрана...

«Ты надеешься обрести искупление, Байрон? Зачем ты закрываешь от меня свои мысли?»

«Ты больше не услышишь их. Никогда».

То же лицо — на белоснежной больничной простыни, широкие бинты на запястьях. Человек пытается подняться, вырваться из больничной палаты, оттолкнуть равнодушно-помогающие руки.

«Ты знаешь, ты мне как сын...».

«Я очень надеюсь, своего сына у тебя никогда не будет, Бестер. Что ты не сделаешь с ним ничего хуже того, что сделал со мной».

Наверное, этот голос звучал в его голове, когда он стоял над её бесчувственным телом в медблоке Вавилон-5, глядя на чёрные паучьи лапы имплантантов, обнимающие её лоб. Конечно, он всё бы отдал, чтобы не допустить... Жизни бы не пожалел... «Жизни не пожалел бы, Бестер? — говорил, наверное, этот голос, который стал чем-то вроде речевого модуля если не совести, то некоего ангела-обвинителя, который всё равно, что бы ни происходило, не желал молчать, — да кому нужна твоя жизнь? Не жалеть надо было своих

планов, своей власти, своих амбиций. Ты надеялся, что она вся твоя, что будет ждать на том же месте, пока ты придумаешь, как уломать её, как, может быть,строишь на какую-нибудь канцелярскую работу в одном из тихих филиалов, ты клялся, что уж ваш ребёнок не будет расти в корпусовском концентрационном лагере, ты что-нибудь придумаешь... А пока ты думал, твой возлюбленный Корпус продал её Теням».

Этот голос, наверное, преследовал его те годы после падения Корпуса, когда он скрывался, когда на бесчисленных судебных делах звучало его имя в показаниях бывших соратников, в показаниях родственников тех, чьи братские могилы на территориях концентрационных лагерей теперь раскапывались специально назначенной экспертизой, в показаниях очевидцев, нашедших, при штурмах тайных баз, ещё живых, безнадёжно безумных, искалеченных на допросах агентов Сопротивления. Пока она не смела молиться о том, чтоб бог помог ему, чтоб укрыл его от преследователей — нет, лишь о том, чтоб нашли его силы правосудия, а не эти родственники, эти свидетели...

Да, она была с ним на суде. Она пошла, хотя не было в её жизни минут страшнее. Если б её жгли заживо, если б лили в глотку раскалённый свинец — это принесло б ей неизмеримо меньшую боль, но она не могла не пойти, не быть с ним рядом. Пусть хоть кто-то будет с ним в этот час... Она всё же упала там в обморок, и первое, что она услышала, когда очнулась — его тихую мольбу, к врачу, чтоб ей сделали укол, глушащий телепатические способности, чтоб дали хотя бы пережить это заседание без волны ярости, ненависти, без многоголосого хора проклятий — которых она не заслужила... Ему не отказали в этой просьбе.

Лицо Офелии — некрасивое, распухшее от слёз. Она не находит слов, она только повторяет: «За что, за что?». За что он так со всеми этими людьми, за что он так с нею? Дианы не было. Кажется, Диана тогда уже очень сильно болела, и умерла вскоре, должно быть, через год... Но уже тогда Офелия сказала, что она сирота. «Мы все теперь сироты», — с неприятной усмешкой ответил один из вызванных как свидетели по делу заключённых, бывших силовиков Корпуса...

Видение за видением, воспоминание за воспоминанием вставали в памяти Кэролин — стены её тюрьмы когда-то, стены больничной палаты, стены его камеры, стены, стены, всегда между ними, между ними и жизнью...

— За что, господи? За что ему, за что мне, за что всегда так, всё равно так, почему, почему я не в силах была его спасти? Не в силах спасти Алана... Просто быть рядом, просто бессильным наблюдателем, просто тянуть руки к тому, кто падает, падает в бездну... Почему... почему... в конце пути мы всегда одиноки?

Гелен искоса смотрел, как неприкрыто, восторженно Аминтанир любит Ви́ргинией. Ви́ргиния стояла на трибуне... Если честно, ей шло. Чувствовалась если не кровь политика, то воспитание политика.

Она уже была не в центаврианской, давно устаревшей морально и физически, одежде. На ней была куца арнассианская военная форма, смотревшаяся на ней, при земных-то формах, неподобающе эротично, на плечи был наброшен один из плащей Гелена.

— Граждане! Арнассиане! Когда я пришла — казалось, что не было надежды. Казалось, что один только последний шаг отделяет от падения, после которого не подняться, от окончательного сошествия тьмы... Враг держал вас за горло, и пальцы его сжимались всё крепче... Но ни на минуту, знайте, я не усомнилась в своей вере в вас! И мы взяли Тавата-

Кри — взяли за один день, обрушившись на них гневом божьим с неба, мы выжгли эту заразу с его прекрасного тела, мы отбросили врага очень далеко от рубежей Арнассии, и много дней и ночей мы бились за Ранас — и отвоевали и его. Сейчас остался последний, самый укрепленный бастион — да, мы понесли огромные потери, но враг, поверьте, понёс потери большие. И дело его безнадежно, дело его — проиграно, потому что за нами — Арнассия, за нами — прекрасный, мирный край, солнце над которым не должно видеть войны. И мы не просто отобьём Клунукху, сколько бы их кораблей ни ждало нас там — вы уже знаете, зенеров вышвыривали из других систем, и из этой вышвырнем. Мы разобьём жестокого врага — мы обрушим наш удар на их космическую крепость, мы избавим галактику навсегда от сил зла. Потому что вы — арнассиане, потому что у этих рубежей кончится путь любого завоевателя. Арнассию никому не взять, её вольных жителей никому не поработить, а кто попытается — того мы накормим их же снарядами!

— Красиво говорит, а. Боюсь, после неё нам на трибуне делать нечего.

— Она так удивительно хорошо знает язык. Мне пока так не удаётся. Она уже может обходиться без шариков-переводчиков. Знаете, она сказала, они считают нас божествами-андрогинами, божественными посланцами...

— Андрогинами? Что, и меня?

— Они не могут определить, кто из нас мужчина, кто женщина, слишком, видите ли, мы отличаемся от них. А вас, я не уверен, что мы правильно поняли, но кажется, они считают нашим отцом.

— И то славно.

То, что Кэролин не находила больше Мелиссу в храме, было, в общем-то, не странно — она наконец отбыла для своего нового дела. Фриди Алион встретил её у входа в госпиталь, к её огромному удивлению.

— Это совсем не такой случай, как с Таллией Винтерс, но тоже очень сложный, — сказал он, пропуская её в царство белоснежной тишины, в которой даже звук шагов таял без следа, — здесь нет такого разорванного сознания, здесь нет таких кошмаров... Но сила воздействия — несравнима... Было сделано немало, чтобы стабилизировать её состояние, но целители сошлись во мнении, что здесь уместно твоё мастерство... И если б ты колебалась — я умолял бы тебя согласиться. Как никогда, мне жаль, что это не мой профиль... Эта женщина была оставлена на моё попечение, и хоть не моя вина, что я не смог её уберечь, я не успел встретиться с нею... Но отвечать за это мне, и этот груз будет лежать на мне до той минуты, как она будет здорова.

Мисси кивнула. Каким бы сложным случай ни был — он будет ей по плечу. Должен быть. Таков путь, избранный ею — браться за дело, отринув всякие сомнения, не давая себе права подумать о неудаче. Делать, не ориентируясь на скорость наступления успеха, делать, не ставя себе временных рамок — и любая трудность, в конце концов, отступит перед спокойным напором.

На первый взгляд обычного человека Офелия Александер производила впечатление даже не хрупкости — миниатюрности. В сравнении с нею, кажется, и Мисси могла показаться большой.

Но Мисси сперва почувствовала сознание девушки, а потом уж увидела её саму.

«Не бойся. Я здесь, чтобы помочь, ты не одна. Мы все рядом с тобой. Я Мисси».

«Хорошо... А где Андо?».

Сознание Офелии было цельным, но напоминало пересвеченную плёнку — всё тонуло в ярком свете, и сама Офелия потерялась в этом свете, не в силах выйти из него к миру реальному, к миру даже своему внутреннему, лишь неясные силуэты мелькали перед ней в этом свете. Мисси погрузилась в этот свет, как всегда погружалась в свою работу — спокойно, шаг за шагом, она держала тоненькую ручку девушки и говорила с нею — говорила и голосом, и мыслью.

«Всё хорошо, Офелия. С Андо всё хорошо, просто он далеко, на задании. С ним ничего не случится... И с тобой тоже всё будет хорошо, и когда вернётся — он найдёт тебя здоровой. Давай остановимся вот здесь, Офелия. Что ты видишь?».

Это огонь Андо опалил её сознание. Опалил, но не сжёг. Каким бы сильным ни было его воздействие — Мисси не верила, что безнадежно. Если он верил, что свет, который живёт в нём — благо, значит, он не мог нанести непоправимого урона. Это трагическая случайность, случайность злой воли и злых обстоятельств. Как было бы хорошо, если б Андо и не узнал о том, что произошло. Если б, вернувшись, увидел её здоровой и считал, что никуда она и не вылетала с Минбара... Увы, это невозможно, если только «Белая звезда-44» ещё выйдет на связь — ему сообщат, преступно будет не сообщить... Мисси отринула эти мысли, как несвоевременные. Она представила в своей руке кусочек льда — льда из Минбарской Лапландии, как в шутку, а потом эта шутка прижилась, называли поселение Ледяного города, где она жила. В этом льде — спокойное принятие, тихая нежность, которые окружали там каждого. В этом льде — чистота каждого сердца, каждой матери, для которой она заваривала по утрам чай, каждого ребёнка, которого она нежила на своих коленях, показывая им разноцветные кубики с буквами земного языка, со значками минбарского. В этом льде — тепло... Этот лёд стекал водой по её пальцам, тёплой водой, светлыми слезами счастья — и под этими струями в свете проступали очертания...

«Это цветы».

«Что это за цветы, Офелия?».

«Это цветочная лавка напротив того места, где я работала».

«Хорошо, Офелия, очень хорошо... Ты видишь, какие они красивые?».

«Я думала, глядя на них... Как часто люди покупали их для похорон... Я вспоминала смерть своей матери... Она не была очень уж ласковой, моя мать... Я думала о братских могилах в концлагерях Пси-Корпуса — сколько лет на них никто не приносил цветов...».

«А ты не думай об этом, Офелия. Позже подумаешь. Подумай о том, что эти цветы мужчины покупали на первые свидания с девушками. Ты ловила иногда их мысли, даже если не хотела... Вспомни радостное волнение того юноши — какой красивой в его мыслях представала эта Элли... Их покупали на свадьбу. Вспомни того уже немолодого жениха, который забежал в твой магазин за книгой по кулинарии... Он просил что-то простое, чтоб и мужчина мог разобраться, он говорил, что каждое утро намерен готовить своей жене что-нибудь вкусненькое, потому что слишком много лет он ждал встречи с нею, и теперь каждый день будет для него праздником... Их покупают, когда идут на первую встречу со своим новорожденным ребёнком. Ты ведь тоже ждёшь ребёнка, Офелия. Я слышу его. Я вижу, как он тянет к тебе маленькие ручки. Он любит тебя, Офелия».

«Я вижу... там красные розы... Когда я была маленькой девочкой, я могла очень долго любоваться красными розами...».

«Что ещё ты видишь, Офелия?».

«Это чашка с кофе».

«Где стояла эта чашка?».

«Она стояла в шкафу у нас на работе. Вообще-то, это была моя чашка... Но коллеги, особенно начальница, часто брали её, потому что свои вечно забывали где-нибудь на полках...».

«Видишь, Офелия? Значит, не так уж они не любили тебя, не такое уж испытывали к тебе отвращение. Если б на самом деле испытывали — ни за что б не прикоснулись к твоей чашке».

Офелия улыбнулась — рябью дрогнуло изображение чашки, но не исчезло, напротив. Границы проявившегося пятна чуть раздвинулись, проявилась лакированная поверхность стола, старый, потрескавшийся лак, в трещинах невыводимые потёки чернил — ручка у её коллеги, Кристин, протекла на этот стол, и они вместе всеми силами оттирали его, но так до конца не отёрли, и начальница тогда махнула рукой: «А и чёрт с ним, с этим столом, он ещё президента Сантьяго помнит, хуже ему уже не будет».

«У вас такой голос, Мисси... От вас такое веянье... Словно что-то с Андо родное. Больше, чем если вы просто знаете его. Вы тоже, как он, всё время думаете о боге, бог всегда с вами. Но другой какой-то бог...».

«У меня есть вера, Офелия. Она странная вера, да. У моего бога есть имя, и Андо его знает».

— Устала, Мисси?

— Каждый день бы такую усталость, — Мисси присела на низенький пуфик, потёрла горящие сухие ладони, приняла из рук Алиона с почтением поднесённую чашку с чаем, — много сделали, большая работа.

— Ты просто рождена для этой работы, Мисси. Равную тебе нечасто встретишь.

— Смешно сказать, я ж пыталась лечить, ещё когда у меня никакой способности не было. Там, с Вероникой... Я, конечно, вот этого всего тогда не могла, просто говорила: «Вероника, держись, вот за это держись, да вот за это...». Ни за что не выпускала, она ж в любую минуту могла умереть, ну или совсем бы ей худо стало... Тогда не спать подолгу привыкла... Та девушка, дочь её, всё расспрашивала меня, наговориться не могла... Ей, бедняге, всё детство талдычили — мать, мол, тебя бросила, родила и сбежала... Ну, как не сбежишь-то, когда с тобой такое сделали... Когда дочь даже не показали... Там, на Центавре, Веронике даже полегче было, сидели мы, бывало — мы ж меньше всех спали — у мониторов, выцеливали корабли дракхианские... Она всё говорила, какое ж хорошее тут небо. Только вот перестанут летать по нему корабли эти безобразные — и краше не найти. Она счастливая, девочка эта, мать у неё героиня. Такое пережила, продержалась, справилась, и на Центавре — подлетаем, бывало, к кораблю, ей достаточно морду хоть одну дракхианскую в кабине увидеть, и готово... Транслировала им туда что-нибудь любимое из корпусовского житья-бытья — и готов дракх, не до орудий ему уж...

— Я слышал, она говорила... Говорила, что и отца своего нашла.

— Нашла и простила. Сама ему в тюрьму вакцину тогда принесла, от чумы дракхианской... Это правильно, это по-нашему.

— Прощение — трудная работа.

— Как же иначе, трудная... Да без прощения нет исцеления. Он учил прощать — мы кто такие, чтоб иначе делать?

— Ты и Андо простила...

— Я и не злилась на него никогда. С чего? За то, что ли, что он тогда на меня шипел?

Так ребёнок ведь, господи... Кто из детей глупостей не делает. Кто ж на них злится за это. Это как там, бывало: «Хорхе, куда, поганец, без шапки на улицу? Лайл, прекрати сестрёнку за косичку дёргать, ей же больно!». И шлёпнешь их, бывало, и отругаешь... Да разве ж это злость? Ну конечно, сердилась я на него, что не понимает... Но как подумаю, чего он лишённым рос — так и отступало всё. За что ребёнку, господи...

Алион долго сосредоточенно изучал узор на одеянии Мисси. Особой надобности в этом не было — простенький узор этот, обычно украшающий мантии подвижников, посвятивших себя служению обществу, он знал в совершенстве, подростком одним из его послушаний в храме было нанесение разметок на ткани.

— Об этом ещё я этой женщине, Кэролин, говорила. Всё никак не могла она понять, девочка бедная — что у нас тут любого принимали, кто с чистым сердцем идёт. Вот, мол, как же, Алан, он же... Ну подумаешь, сын Бестера... У нас тут десятый год сын Картажье живёт, и ничего, куда уж там вашему Бестеру... Ну, оно конечно, принц-то, вроде как, не у нас жил, и нам лично этот Картажье кто... Но и пси-копов мы что, не видели? У нас в Лапландии жил один... Немного не дожил до отправки корабля первого, но тут уж никому не вытянуть было... Видели, может, среди отправляющихся, первого корабля, девочку в коляске, безногую? Дочь его, Кесси. С её матерью ещё хуже, чем с Вероникой, вышло, ту хоть под наркозом... Но этого-то у них тоже много было, кто б их там защищал, этих «меченых», или в суд они, что ли, подать могли? Туда попал — это всё, почти что всё... У неё двойня родилась, мальчик мёртвый, а девочка вот без ног. Сама мать умерла при родах. Тогда в нём и перевернулось что-то. Прихватил дочь и сбежал, месяц по деревням скитался, молоко у хозяек выпрашивал... Потом отряд Лукаса им помог с Земли выбраться... В войну всё на Землю рвался, да куда ему, ему ж ещё при бегстве с Лукасом колено прострелили, нога почти не двигалась...

— Мисси, я хотел спросить... И заранее прошу прощения, если вопрос мой пересекает границы такта...

— Это вы про оргии, что ли? Уж знаю, про что с таким лицом спрашивают, тут телепатом не надо быть... Ну, понимаю, сложно такое понять, правда что ли другие мы такие... Там никаких границ нет. И этих тоже. Абсолютное принятие. Это не значит, конечно, что прямо все со всеми, кто-то стойкие пары образовывал, и это не значило, что они любят больше, чем другие... Но обычно — не... Понимаете, всех нас объединяло это в одно, и собственные границы тела казались несущественными... Что такое тело-то? Оболочка, в которой живём мы, сила наша, душа наша... А души уже порознь не могли. Тоже ж знаете, при этом все барьеры падают, сознанием сознания касаешься — и всю боль, весь жар принимаешь... Вот так иной раз нужно было показать: «Ты нужен, тебе жить нужно...». Не в сексе тут дело, хотя и в сексе тоже — что ничто не чуждо, ничто не нелюбимо... Опять же, как хотя бы без объятий, без поцелуев, если все вокруг вот такие золотые? Уж не знаю, взгляд что ли у меня такой, да по-моему, не только у меня, что все они такими красивыми были, такая любовь ко всем — секс сексом, а вот иной раз смотреть — и не насмотреться, руку, бывало, возьмёшь — и гладишь, гладишь... Женские ноготки остренькие такие, мужские руки сухие, мозолистые... Я там вообще будто всё время под кайфом ходила, иной раз стираешь что-нибудь — выберешь, например, половики, какие более затоптанные, и трёшь, трёшь, руки почти что в кровь, только унять это как-нибудь... И пройдёт так кто-то мимо, и коснётся... Не рукой даже, мыслью... Вы земной цветок одуванчик видели когда-нибудь? Вот такое, только в форме ладошки. Солнечное, горячее, яркое. И — «Мисси». И —

улыбка. Как там счастливой было не быть? Когда я узнала потом... Когда уже Веронику и остальных-то нашла... Долго сидела вот так, сидела... Молчала как будто... А подошла ко мне Клара, говорит: «Что ж ты так кричишь, Мисси?». Всего П1 у Клары был, а через стенку слышала...

Алион понимал, что будь он не телепатом, ни за что не смог бы выразить в эту минуту, как велико его сочувствие, как глубоко потрясла его волна не затухшего с годами горя.

— У вас вот, когда Вален умер, что было? А он стариком глубоким был, вы готовы были, вы понимали, и то... Или вот Дукхат когда погиб... Сами понимаете, как тут войне не начаться?

— Но ты не пошла на войну, Мисси.

— Знала — не поможет. Я б всю Землю в этом вот утопить могла, и ещё б осталось. Но легче б не стало. Лите, знаю, не стало... Ну, да тут сравнивать, конечно, нельзя... Что я-то — птичка бесприютная, погрешшая в ладонях... Но вот это во мне — хоть разлей его по всей Вселенной, хоть опять вместе в меня собери, будет жить, пока я жива... Так что уж, не излечиться теперь, и не надо. Перековать — кто-то в меч, а я вот в скальпель, хотя неправильное это, конечно, сравнение...

Алион облизнул пересохшие губы.

— И ты ничего не взяла себе, Мисси. Ничего в себе не исцелила, а ведь болеешь...

— А моё это, что ли? Айронхарт это мне для людей дал — я им и отдаю. Людям, минбарцам, центаврианам — кто приходит... С иными расами сложнее пока, медленно я учусь их сознание понимать... Свет этот — тоже не мой, Его... И тела что ли этого больного мне жалеть? Правильно это. Кэролин я тоже об этом говорила — кто любовь божью так ощутил, тому страдания телесные иной раз не в тягость, а в радость, а я и не страдаю особо. Вон у Вероники какие боли были, у Таллии какие кошмары — это да. А я — подумаешь, угасаю быстрее, чем все, ну, сердце, ну, печень... Да что там, хоть все твои раны мне, господи, мне доли твоей не постигнуть... Ну, пойду я, у меня молитва вечерняя ещё...

Арнассианский госпиталь выглядел необычно, пожалуй, в сравнении с любыми представлениями. Гелен с огромным трудом пробрался среди многочисленных цветастых ширм и приборов непонятного назначения в палату Виргинии. Устроена она была, насколько он успел разобраться в местных особенностях, действительно по-царски. Лучшие врачи сосредоточены были сейчас в этом госпитале, и сложно было их винить в том, что земное тело они видели, в общем-то, впервые, и как его лечить — понятия не имели.

Лицо Виргинии было бледным, изрядно отдающим в серо-синюю гамму, но на нём была улыбка, и это обнадеживало.

— Их медицина — это, конечно, что-то ещё более милое, чем их кулинария... Мне сегодня принесли сырого мяса, представляешь? Когда я вежливо отказалась, очень удивились. Сказали, что, по их представлениям, сырое мясо — лучшее средство поскорее поправиться. Оказывается, женщины у них вообще питаются исключительно мясом, это ещё хорошо, что они не поняли, что я женщина, а то б фруктов мне вовек не увидеть... Я поняла, что вы тогда имели в виду, говоря, что главное никому из нас не жениться на Алау-Алаушс. После совокупления, если происходит зачатие, женщина-арнассианка съедает партнёра, это помогает выносить детёнышей... Ну, как у нас некоторые насекомые, богомолы вон...

— Ты стала хуже о них думать теперь?

— Да в общем-то, нет. Они ж не виноваты, что так устроены. Мы вот тоже мясоеды,

хорошо хоть, у нас каннибализм так генетически не прописан... Но корове или курице, в общем-то, тоже мало приятно быть убитой, чтоб попасть на мой стол. Мама говорила, что общалась одно время с кришнаитами... Идеино ушибнутые создания, она вот, сколько их проповедей ни выслушала, отказаться от сочной телятины ради рая на прекрасной Го-Локе не смогла бы. Так мы устроены, что поделаешь. Хотя конечно, можно как-то менять свою природу... В последние годы арнассиане занимаются выращиванием искусственного мяса, правда, по-прежнему не могут синтезировать белок такого качества, чтоб он полностью заменял беременной свежую плоть отца её будущего потомства... Но эксперименты продолжаются. Они ведь уже стали... как бы это сказать... стали ценить жизнь, личность друг в друге. Мне всегда казалось, что это неизбежно должно сопутствовать... выходу в космос... Иногда, они говорят, если двое очень любят друг друга, они предпочитают жить без детей, или женщина рождает детей от какого-нибудь другого мужчины, или на съедение определяют какого-нибудь старого родственника с той же группой крови, и дополняют кровью отца... Грустно это, Гелен. Почему люди, или кто-то другой, бывают просто так устроены, что собственная природа делает их... не очень счастливыми? Это, конечно, говорят, великая жертва, великая честь — отдать своё тело для потомства... Но что делать, если двое любят друг друга, и не хотели б, чтоб было так, что делать, если отец хотел бы видеть, как растут его дети? Как те же накалины... Они тоже хотели б, чтоб сознание появлялось у них не только путём отнятия у других... Глядя на них, мне кажется, что бог вовсе не добр...

Гелен крепко сжал её руку в своей.

— Люди Земли когда-то, во времена, которые сейчас предпочитают не вспоминать, тоже представляли из себя мало симпатичного. И тоже казалось, что это изменить невозможно. Всё будет хорошо, Виргиния. Хотя бы потому, что ты веришь в них, что болеешь за них всей душой.

— Ну, моё отношение тут не имеет никакого значения, я их приняла такими, какие они есть... Съела это мясо, уже прожаренным, стараясь не думать, кто это из моих погибших солдат, — она нервно рассмеялась, — скорее бы поправиться... У нас ещё куча хлопот с развозом освобождённых пленников по домам, кроме нас, этим заняться некому... Да и вообще пора валить, пока они, чего доброго, на радостях не избрали меня президентом...

На выходе Гелена поймал Аминтанир.

— Как она? Да, знаю, я сам могу зайти и посмотреть. Но... не могу. Я же знаю, и вы знаете — она умирает. Её ранение слишком тяжёлое, а арнассиане совсем не умеют лечить землян. Они красную кровь впервые в жизни увидели... Спасите её. Вы же можете. Не дайте ей умереть. Она не должна умереть.

— Я знаю. Не должна, и не умрёт. Она так храбро летела на штурм крепости, хотя и ты, и я уговаривали её держаться в отдалении... Но она сказала, что полководец должен быть впереди армии. И она не отступила, пока бой не был закончен... Может, она и готова была отдать жизнь за Арнассию, но я эту жизнь не отдам. Я не дам ей умереть, обещаю.

Комментарий к Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 8. Принятие

Повторюсь, на момент написания корпусовская трилогия читана не была. Но переписывать ничего не стали, без отсебятины так и сяк не обойдёшься.

==== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 9. Вкус гостеприимства =====

— Капитан, я не могу понять...

— Что такое, Талес?

— Мы как будто вышли в нужной точке пространства, но здесь нет их сигнала! Я не могу их поймать! Может быть, произошёл какой-то сбой, и нас вынесло не туда, Колодец ведь мог повлиять на наши системы?

— Думаю, стоит провести поверку приборов, сообщите Андо...

Талес в расстройстве едва не хлопнул кулаком по своему пульта, но в последний момент сдержал эмоции, и ограничился лёгким хлопком.

— Это какое-то... Это то, во что я отказываюсь верить! Мы блуждаем здесь уже третий, кажется, день... И ничего. Ни-че-го. Ни следа.

Гарриетт схватился за голову.

— Да что же это такое? Не могли же мы... насовсем их потерять? Что теперь делать, как теперь их искать? Хоть просто летай по Вселенной и спрашивай в каждом секторе, не видели ли таких-то... Или, страшно сказать...

— Господин Гарриетт, капитан Ли, я думаю, мы не должны сдаваться, — Аламаэрта подошёл и тоже вперил задумчивый взор в экран, на котором разворачивалась безмятежная панорама незнакомого сектора космоса, — разве у вас не говорят «вера всё может»? Вселенная огромна, да... Но мы найдём их. Главное не сдаваться, не опускать руки. Передадим сигнал на всех частотах, будем спрашивать у всех встреченных кораблей... Если след вёл нас сюда — значит, где-то здесь он должен возобновиться. Просто, видимо, отклонение теперь больше, чем было в секторе Накалина.

— Капитан, на радарх неизвестный корабль!

— Вот видите — стоит только обратиться, и Вселенная отвечает сразу же!

— Определили вид? Хотя, какая разница... Подавайте сигнал.

По «внешне-внутренней» связи послышался встревоженный голос Лаванахала с «Сефани». Аламаэрта бросился к переходу.

— Что-то случилось?

— Этот корабль запускает систему стыковки с нашим кораблём! Сам! Без нашего подтверждения!

Однако переместиться на свой корабль Аламаэрта даже не успел. На мостике «Белой звезды», в сопровождении Лаванахала и Эртониатты с совершенно круглыми от шока глазами, появился незнакомый человек в тёмной мантии. Вернее, совершенно не знаком он здесь был далеко не всем.

— Это техномаг!

— Приятно встретить осведомлённое общество. Я получил ваш сигнал и решил, что вежливость требует поговорить с вами лично, благо, надеюсь, что это не отнимет у меня слишком много времени... Моё имя Гелен.

— Очень приятно, — пискнула Стефания Карнеску, медленно отходя от столбняка.

— Как я понял, вы разыскиваете одну милую пару детишек на золотом корабле-капле, — он прошёлся по помещению, рассеянно постукивая посохом об пол, — в этом я вас даже могу понять... Они были здесь.

— Были?

— Если уж речь о маленьком капитане Ханниривер и её верном помощнике

Аминтанире... Я ведь верно понял? К самому горячему вы, увы, опоздали. Война окончена, мусор убран... После выписки Виргиния приступила к завершающей стадии своей миссии здесь — развозу по домам освобождённых из зенерской крепости пленников. Далеко не все там были арнассианами, зенеры в своих скитаниях за получением пинка то от того, то от другого мира прихватывали всё, что плохо летало у них на пути, в смысле кораблей... Ах да, я вижу недоумение на ваших лицах, но у меня совершенно нет времени объяснять вам всё подробно... В общем, это милое дитя не могло ограничиться тем, что размазало зенеров ровным слоем по сектору и изничтожило как класс... Она решила вернуть всех похищенных ими по домам. Было непросто вычислить координаты нескольких из этих миров, но она настаивала... Кроме её корабля, преодолевать так быстро такие большие расстояния мог бы разве что мой корабль, но я по её просьбе занимался модернизацией систем арнассиан, чтобы они были способны связаться с вашими мирами. Она очень болела душой за этот мир, в этом не каждый её бы понял, всё-таки они очень... промахнулись эволюционно, произойдя не хотя бы от приматов, а от насекомых... В последнем рейсе она отвозила домой бреммейров. С этой расой вы даже, кажется, немного знакомы... По крайней мере, они упоминали, что торговали с Лоркой...

— Мы ничего такого не знаем!

— Уже неделю она не выходит на связь. Это ненормально, и это очень тревожно. Бреммейры, которых она подвозила, были, в общем-то, исключительно милые ребята, но они упоминали, что в то время, когда их корабль стартовал с планеты — чтобы быть вскорости захваченным зенерами — на их родине было как-то беспокойно. Я очень боюсь, что малышка Виргиния могла попасть в беду. Я отправляюсь её искать, и прошу вас об одном — не мешать мне.

Капитан Ли помолчал, переваривая сказанное.

— Вообще-то, мы хотим того же самого... господин техномаг. И если вы скажете нам координаты мира, в который она отправилась, мы тоже немедленно направимся туда. Поверьте, у нас тоже уже очень давно нет более желанной цели, чем увидеть эту девочку живой и здоровой.

— И накостылять ей по первое число, — мрачно поговорила Далва, — славная девушка, конечно, Виргиния Ханниривер, но мозги у неё как у пятилетней. За здорово живёшь украсть корабль и, по сути, несовершеннолетнего, по законам его мира, парня...

Гелен остановился напротив неё.

— Я бы не оценивал мозги малышки Виргинии так. Как угодно, но только не так. Да, конечно, с вашей точки зрения она поступила очень... неправильно, необдуманно, даже преступно. Но знаете, если б малютка Виргиния была благоразумна, законопослушна, если б она соблюдала законы и субординацию, если б она с чужим кораблём и чужим мальчишкой, зато своей смелостью и своим чувством справедливости не появилась здесь именно сейчас — боюсь, к тому времени, как вы прибыли бы сюда как-нибудь случайно, или пока до вас дошёл бы сигнал о помощи, посланной без тахионной связи — арнассиане минимум в третьем поколении были б уже рабами зенеров. А у вас, вероятно, было б на одну головную боль больше в виде укреплённого бастиона тьмы на границах исследованного вами космоса. Если вы ищете эту храбрую девушку только для того, чтоб наказать — лучше забудьте о ней. Я очень привязался к этой девчушке, и не допущу, чтобы с нею случилось хоть что-то плохое.

— Это да, Виргиния — она такая, — кивнул Андрес, — не оставляет равнодушными

даже сердца техномагов.

Гелен обернулся к нему.

— Это не то, что ты подумал себе, мужчина. Глядя на неё, я сожалею, что у меня никогда не было дитя. Если б было — я хотел бы, чтобы оно было похоже на неё.

— Погодите-погодите, — потряс головой Эртониатта, — какая война, какие недели? Мы потеряли в Колодце вечности, конечно, несколько дней...

— Да, я тоже, честно говоря, как-то не могу уложить в голове... Общая фора их корабля в сравнении с нами, как мне казалось — ну, допустим, неделя... Всё-таки сложно было считать сутки в этом Колодце, при периодически сбоящих системах... Но если вы говорите, они неделю только не выходят на связь, а ещё кого-то развозили, а ещё какая-то война... Хотелось бы разобраться, где это мы не поняли друг друга?

— Колодец вечности? — Гелен резко обернулся, — вы сказали — Колодец вечности, я не ослышался?

— Да, на нашем пути встретилось нечто... У лорканцев, конечно, для этого иное название...

— И вы высаживались туда, так?

— Да...

— Это многое объясняет. У Колодца свои отношения с временем.

— Вы хотите сказать, что он крадёт время?

— Случается, что и крадёт. Если вам угодно называть это именно таким невежливым словом. Это Колодец вечности, прошу вдуматься в это выражение. Он выше таких мелочей, как даже вся продолжительность наших жалких жизней.

— Сколько же прошло... — Андрес воззрился на Гелена с явственно проступающим ужасом, — какое сегодня число?

Техномаг иронично поднял бровь.

— По чьему календарю, юноша?

— Понимаю, что не самое авторитетное тут лицо, но не лучше ли проблемы календаря решить как-то по пути? Мы и так потеряли безумно много времени...

— Это в том случае, если путь у нас общий. Как вы понимаете, я могу просто не сказать вам эти координаты. Мне кажется, вы тут достаточно благоразумны, чтоб не пытаться меня задержать...

— Вообще-то, — сказал, помолчав, Аламаэрта, — мы как раз думали о том... как сочинить некую... убедительную историю о том, как всё якобы произошло, чтобы избавить детей от... необходимости отвечать. Может, это, конечно, и... неправильно для воспитания, кто-то сказал бы, но правильно после многого из того, что произошло.

— Если лорканская сторона снимает претензии, то, сами понимаете...

— Мы приобрели, благодаря этой девушке, благодаря этому путешествию, гораздо более ценное для нашего мира. Куда более ценное, чем корабль. К тому же, корабль, как мы поняли из ваших рассказов, пока цел и невредим.

— Помогите нам найти их. Поверьте, мы хотим им добра так же, как и вы.

Сектор бреммейров действительно находился на краю освоенного космоса, но это место, по крайней мере, было на картах. Правда, без особой детализации — в краях, где пираты гуляли, как у себя дома, картография традиционно продвигалась крайне трудно.

— Бреммейры — молодая раса, в том смысле, что в космос вышли сравнительно

недавно. Технологией гиперпереходов они не владеют, корабли их тихоходны, поэтому исследовательские корабли, вроде того, который был захвачен зенерами, были посланы без надежды на скорый возврат. Торгуют и взаимодействуют они в основном с хуррами и гроумами, гроумы, можно сказать, за ручку и вывели бреммейров в космос, в обмен на интересующие их ресурсы на этой планете. В общем-то, все три эти расы, как я понял... пока сложные и мало замеченные в общении с цивилизованным обществом создания... Ещё бреммейры, по словам, по крайней мере, учёных с корабля, торговали с Лоркой...

— У нас нет никаких упоминаний об этом! Мы не знаем названия такой расы!

— Может быть, они представлялись вашим торговцам как-то по-другому, или торговали через посредников? Как бы то ни было...

— Капитан, ответ получен! На связи Великий Правитель Всея Бримы Бул-Була.

— Великий Правитель? Просто и со вкусом... Выводите на экран.

На экране возникла рептилоидная физиономия бреммейра — голова с двумя парами глаз, отростки по бокам головы, напоминающие уши весьма слабо, скорее — зачаточный вариант гребня игуаны, были обильно украшены золотыми серьгами.

— Мы приветствуем могущественных чужаков на нашей территории и заверяем в своём миролюбии к ним, — динамик шуршал и скрипел, перевод с чужого языка шёл медленно — но почти синхронно, спасибо установленной программе Гелена, — мы сожалеем, но не имеем возможности оказать им всяческую возможную помощь, потому что детей Амын-Тыйнра и Выр-Гыйын и их корабля у нас нет. Они не садились на Бриму.

— Как — не садились? Они направлялись в ваш сектор, они везли к вам ваших похищенных соотечественников!

Рептилоид сложил крестообразно под подбородком чешуйчатые четырёхпалые руки — жест этот смотрелся бы трогательно и умильно, если б не серьёзность ситуации.

— Нам очень жаль. Большой радостью было б для нас помочь могущественным чужакам, но мы ничего не знаем о судьбе Выр-Гыйын и Амын-Тыйнра. Мы надеемся, что удача будет сопутствовать вам в вашем пути, и торжественным парадом проводим удаление ваших кораблей от нашего мира. Мы вознесём молитвы за вас!

— Нас выпроваживают, что ли?

— Послушайте, — вперёд вышел Аламаэрта, — эти дети... Мы не требуем от вас, чтобы вы совершали нечто значительное, помогая нам их найти, но может быть... Вы лучше нас знаете ваш сектор, скажите, какие здесь есть... опасности, которые могли задержать их в пути? Кто-то из тех рас, с которыми вы взаимодействуете, мог их... перехватить?

По лицу Великого Правителя пробежала непереводаемая гамма эмоций.

— О, благородный генерал! Мы прониклись вашим волнением. Мы приглашаем вас сесть на нашей планете, близ нашей столицы. Мы окажем вам всю возможную помощь в поисках ваших детей. Может быть, их корабль сел на планете где-то, где мы не видели, необходимо всё очень тщательно проверить.

— Сесть так, чтоб вы не знали? Вы же Великий Правитель, что может произойти без вашего ведома?

Лицо бреммейра суксилось, выражая, должно быть, благородную скорбь.

— Наша власть недавно на планете. И хотя мир наш небольшой, очень сложно навести во всём порядок. Так много анархии, так много непослушания, да... Но найти златокудную Выр-Гыйын и Амын-Тыйра, её возлюбленного — это порядок, да, это нужно сделать. Садитесь в нашем гостеприимном, дружественном мире! Наши корабли с почётом

сопроводят вас на лучший аэродром возле столицы. Мы примем славного капитана землян и славного генерала Лорки как драгоценнейших гостей в нашем дворце!

— Что-то мне во всём этом не нравится... — проворчал Ли, когда экран погас, — как-то внезапно он согласился, а? А сперва, кажется, хотел нам ещё пинка поддать, чтоб летели отсюда поскорее.

— Уже возлюбленный? Лихо...

— Мало ли, что им там думается с их особенным восприятием путешествия двоих на одном корабле... Может, посчитали, что...

— Он врёт, — проговорил от своего пульта Талес, — след «Золотого Дара» уходит в их атмосферу.

— Конечно, врёт, — подтвердил Андрес, — откуда он знал, что Виргиния златокудрая, если никогда её не видел?

— Мы разве фотографии не посылали в запросе?

— Нет, только характеристики расы.

— Как бы то ни было, если не сядем, ничего не узнаем.

— Это может быть... ловушка. Это показное радушие как кардинальная перемена меня как-то не убеждает.

— И никого не убеждает. Но рейнджер не имеет права отступить, поэтому, что бы нас там, возможно, ни ждало, мы садимся. Глупо б было отступить теперь когда мы снова напали на след.

— Итак, — капитан Ли отошёл от пульта, — садится «Белая звезда». Пойдём я, Талес, Раула, Шу'Дал и кто пожелает из телепатов... если пожелает. Генерал Аламаэрта, вам, по-видимому, необходимо идти тоже. Я предполагаю, они доверяют лорканцам как расе, с которой имеют торговые дела, уж не знаю, каким образом вы сами не знаете, что торгуете с ними, но думаю, это мы тоже сможем выяснить, только когда сядем... Если они и правда торговали с Лоркой, то ваш язык они знают с большей вероятностью, чем наш.

— Это разумно. Я возьму с собой Эртониатту и Синеасдана — он из нас всех знает больше всего языков, если возникнут трудности с пониманием, на него надеяться логичнее всего.

— Остальные останутся на «Сефани», в том числе на «Сефани» мы переведём Виктора. Что касается вас, господин техномаг...

— Я сажусь тоже. Отдельно от вас. Тихо и без помпы. Что-то крепко не нравится мне во всём этом, и я хочу тут немного разведать. Думаю, я смогу сделать корабль невидимым для их радаров, должно же как-то оправдаться их утверждение, что корабль Виргинии и Аминтанира мог сесть на планете и без их ведома.

— Где тут спрячешься для посадки-то... Всего два материка, островные цепи в океане как космодром не годятся совершенно. Да и второй материк малообитаем, топи да болота... «Сефани» остаётся на орбите Бримы.

— Капитан Ли, при всём уважении... Если речь идёт о возможной опасности, то я тоже должен там быть!

— Да, и я!

— Вот уж что нет, дети, то нет. Андо, ты, с твоей силой, необходим нам на орбите, как возможная поддержка. Вы займётесь... сканированием радиоэфира, и, совместно с мисс Карнеску, переводом услышанного. Дело явно тёмное, а значит — нужна вся полнота

информации. А ты, Алан, нужен будешь у пульта — людей, как ты понимаешь, не хватает.

— Вы просто не хотите мной рисковать!

— И это тоже. Я имею право рисковать своими подчинёнными, но не пассажирами.

Алан насупился.

— Господин техномаг, вопрос можно? Вам не скучно будет одному где-то в местном захолустье садиться? А то б я в компанию напросился. Какая-никакая, но с меня и польза бывает. И корабль техномага изнутри посмотреть — всё, можно в жизни уже ничего не желать.

Все замерли, ожидая, что Андреса сейчас впечатает в стенку. Однако Гелен улыбнулся.

— Думаю, идея хорошая. Посмотрим, стоит ли телепатский мальчик телепатской девочки.

Когда в коридоре послышались тяжёлые лязгающие шаги, Виргиния подняла голову. Тяжёлая кованая дверь распахнулась от мощного рывка, и в камеру втокнули Аминтанира. Споткнувшись практически на ровном месте, он рухнул на матрас, постеленный прямо на пол, рядом с нею, и затих, вцепившись пальцами в спутанные чёрные волосы.

— Аминтанир, Аминтанир! Что случилось, что с тобой? Что они сделали?

— Вопрос не в том, что они сделали, а что собираются сделать, Виргинне!

Камера была откровенно мала даже для одного, ложась и вытягивая ноги, Виргиния упиралась макушкой в одну её стену, а чуть согнутыми ногами — в другую. Это было, может быть, и не слишком-то нелогично — бреммейры ростом, насколько она заметила, редко превышают полутораметровый. Но всё равно от тюрьмы отчётливо веяло чем-то средневековым, из рыцарских романов и фэнтези — густо зарешеченное окно под потолком почти не давало света, от каменной кладки стен тянуло сыростью и плесенью. Ну, предыдущая их камера, в другом месте, была почище, но, увы, ещё меньше, и там приходилось всё время сидеть — потому что стоять, согнувшись и протирая лопатками потолок, приятного мало.

— Они сумасшедшие, Виргинне.

— Это я как-нибудь уже поняла. Таковую тягу к власти никогда здоровой не считала. Ещё когда прошла по этому дворцу... Всюду золото, ковры, побрякня эта вся — а возле столицы дороги, по-честному, давно ремонта просят, да и граждане, как-то... Может, конечно, у них это культура такая — в гнилые лохмотья одеваться... Хотя по Бул-Буле я б этого не сказала. Но, конечно, он, бедненький, страдает, что ты, народ чего-то их властью недоволен... В тюрьме места уже не хватает, заключённых уже на головы друг другу садят, а всё недовольны! Я удивлена, как они это нам отдельную камеру выделили... И правда, по-царски разместили! Знаешь, что мне это сразу напомнило? Николае Чаушеску, был в земной истории такой типчик...

— Виргинне, в этом и дело всё! Они хотят власти, так хотят власти!

Виргиния переменила позу, стараясь не слишком шипеть на заболевшие синяки и ссадины — Аминтаниру и так достаточно тяжело, чтоб слушать сейчас её нытьё...

— У них тут, как я поняла, профессия психиатра вообще неизвестна. Подлечились бы вовремя — глядишь, и помогло б...

— Они действительно торговали с Лоркой. С худшими с Лорки... С теми, кто продавали наследие древних, не думая, что отдадут в чужие руки... Они купили у них одну машину...

— Та-ак... Ну, я сразу поняла, что они заинтересовались нами потому, что ты лорканец. Я, правда, толком ничего не поняла в том бреде, что они там несли...

— Я сперва не понял тоже. Но, Виргинне, сейчас они говорили — и я понял, чего они хотят! Эта машина... Мы не смели её трогать, потому что мало поняли в древнем языке, из её описаний... Это было последнее изобретение древних на Лорке, это страшное изобретение!

— Мощно. Атомная бомба в переложении на местные эквиваленты?

— Мы прочитали, что это «машина для изменения сознания», и решили, что нам не нужно такое — наше сознание достаточно меняет вера в Наисветлейшего, иного пути нам не надо. Долгое время машина стояла запертой в одном из старинных хранилищ...

— Пока не спёрли и не загнали этим ящерам, ага. Продолжай.

— Помнишь, Виргинне, я говорил, что бесчисленные грехи и гордыня в нечестии погубили прежних жителей Лорки? Это не так. Сегодня я узнал, что их убило. Их убила набожность! Мы были поспешны в суждениях... Мы только знали — их убили молнии... Молния — гнев божий, иначе мы не понимали. Но это была эта машина. Когда древние лорканцы достигли вершин в науке и изобретении механизмов, они обратили свой взор не к завоеваниям и не к праздным удовольствиям. Они обратили свой взор к горнему, к духовному, они обратились к богу! Но никогда нет единства в понимании бога, и всегда есть печаль, что бог далеко от нас. Тогда они решили сделать эту машину, чтобы она изменила их сознание так, чтоб они всегда знали бога и всегда были с ним, чтобы она собрала их всех к создателю, как птенцов к матери...

— Всегда знала, что религиозный фанатизм...

— Может быть, она втянула их всех в себя, может быть, просто убила испускаемыми ею молниями, но только это не благо, нет, никак не благо... И вот теперь они хотят использовать эту машину здесь...

— Тоже к богу потянулись?

— Бог у них не много значения имеет. Они только прочитали, что это машина, меняющая сознание, много понять не смогли... Они это по-своему поняли. Что с помощью этой машины можно воздействовать на сознание всего народа Бримы, подчинить их этой власти, чтобы они больше не восставали против неё. Они хотят, чтоб мы, поскольку мы знаем лорканский и сколько-то язык древних лорканцев, помогли им запустить эту машину.

Виргиния присвистнула.

— Однако же! Идейка ничего, блеск, размах, фантазия! Они там что, с головой совсем рассорились? Они не понимают, что они в итоге просто... сдохнут все, как те древние лорканцы? Их ни на какие мысли не навело, что их, в общем-то, больше нет? Теперь, как я понимаю, у нас выбор между мученической кончиной — ибо лично я не стану им помогать ни в коем случае, даже если способна в этой машине разобраться, и тем, чтоб как-то выбраться отсюда и спасти три миллиарда этих идиотов и свои жалкие шкуры заодно.

Аминтанир, всё так же вцепившись себе в волосы, бормотал на родном языке проклятья в адрес тех, кто бездумно разбазаривал опасное наследие древних, не видя, кому он его продаёт.

— Не надо отчаиваться, — произнесла Виргиния тоже по-лоркански, положив ему руку на плечо, — мы выберемся. Не знаю, как, но выберемся. Как говорится (эти слова у меня на родине приписывают одному замечательному мужику), первая задача узника — убежать.

— Эй! — послышался хриплый громкий шёпот из-за стены, — вы лорканцы, что ли?

Виргиния подползла к стене, в которой обнаружила очень узкую, но сквозную щель. Видимо, источенный сыростью камень всё же поддавался выкрашиванию.

— Ну... частично.

— По-лоркански заговорили... Теперь-то понятно, почему вы здесь... Я тоже поэтому. Бежать надеетесь? Я помочь могу. У меня тут заточка... Можно охранника пырнуть, когда зайдёт... Я б сам уже, да у меня неделю как руки за спиной скованы и цепью к стене прикручены, трудно в таком положении-то... Я вам её протолкну, вы охранника уработайте и ключи у него возьмите, они от всех камер в этом коридоре... Охраны мало, к счастью, не больно-то много кто соглашается... В основном из гроумов, правда, охрана, это свирепые гиганты. Но сейчас больше стало своих... Видно, гиганты Бул-Буле в дворцовой охране нужнее... Вот и бьют нас так, чтоб не до побегов было... Дальше, как меня вытащите — я покажу, где тут ход в подземелье, дальше уж проберёмся... Тяжело, конечно, там двери такие — вдвоём толкать надо...

— Ну, там уж мы как-нибудь справимся. Главное выбраться, а уж как добраться до чудо-машины — найдём. А вас как зовут?

Послышалось шуршание, в щель поползла полоска тусклого, тёмного металла.

— Дав-Айыг меня зовут... Торговец я. У нас торговцы, так получается, самые учёные люди, ну, кроме специальных книгочеев... Я с моей конторой и эту машину выкупал — Бул-Булы особое распоряжение, тогда такой честью было... Я здесь месяц уже, они всё меня пытаются, думают, я с этой машиной помогу... А я б и рад, может, уже, да ничего в этом мудрёном тексте понять не могу... Я торговец, а не инженер...

Виргиния крепко стиснула заточку.

— Вы один там сидите? Или ещё кто-то есть?

— Трое ещё. Один, правда, мёртв уже, кажется, третий день не встаёт... Хамай-Таффья — товарищ мой, у него руки и ноги переломаны, тоже не жилец уже... Ну и ещё один, тоже к стене прикованный, молчит всё время, только цепь расшатывает... Я его не знаю, он, кажется, из этих, мятежников... Эй, молчун, о тебе говорим!

Кулак Аминтанира врезался в стену над трещиной.

— Такого не должно быть! Просто не должно быть! Прятать людей в тюрьму! Бить! Пытать! Это проклятая власть, неправильная, это не должно терпеть!

— Они захватили власть, — их сосед за стенкой закашлялся, — всего, почитай... Ну да, полгода где-то, а вся земля уже стонет. Всё обобрали, всё к себе во дворец стащили, жируют там... Ну, мне, положим, и плевать, мне золотые чаши и не нужны... Но народу б они больше оставляли! Всё только работай с утра до ночи, заводы военные расширяют, оружие делают, скупают вот у других миров чего посильнее... Всех недовольных в тюрьмы да на добычу металла там, за морем... Тут, наверное, не хочешь, да мятежником станешь, когда уж как дышать, не знаешь... Нас, торговцев, долго не трогали, но вот же...

— Мы вытащим вас, слышите? — закричал Аминтанир, — их план им не удастся!

— Эй, кто там орать громко? — в коридоре послышались тяжёлые шаги тех же ног, обутых в огромные кованые сапоги и окрик на очень ломаном лорканском, — на допрос хотеть?

— Очень хотеть! — так же громко ответила Виргиния, — в рожу вашему великому Бул-Буле плюнуть! Можете отвести!

— Я тебя, длинная, сейчас утихомирю!

Дверь камеры снова распахнулась. Практика, наверное, всех миров — что в охрану

набирают самых рослых, сильных, агрессивных и, как следствие, не самых умных экземпляров. Умный бы, наверное, так не повёлся. Или, по крайней мере, в камеру, где двое не скованных пленников, пусть несколько уже побитых и изрядно поморенных голодом, входил бы более осторожно...

Аминтанир кинулся вошедшему под ноги, Виргиния, караулившая за дверью, напала сверху. Удар в основание черепа прикончил охранника на месте.

— Извини. Может, в глубине души ты парень и хороший, но работал на плохих. Так, помоги мне перевернуть его, где тут ключи... Интересно, а от цепей ключи тоже есть?

Отпирая дверь за дверью, Аминтанир и Виргиния действовали очень слаженно, практически летали, словно некая сила несла их. Наверное, страсть к свободе, ненависть к несправедливости — то, что они прочувствовали ещё, защищая Арнассию...

— Этому уже и правда не помочь...

— Добей его, чужак. Нехорошо оставлять для агонии. Палачи Бул-Булы мучили его долго, пусть он обретёт покой.

— И меня добей, мне не выбраться, попасть снова в их лапы я не хочу...

— Э нет, приятель, говоришь, в ясном рассудке — пойдёшь с нами! На свежем воздухе быстро очнёшься!

— Куда я пойду, у меня ноги сломаны... Добей, пожалей!

— Заткнись сейчас же! Унесём! Воин не в ногах, воин в голове! Аминтанир, где там молот этот? Долбани по цепям!

— Надо спешить, скоро подоспеет ещё охрана!

— Сколько дверей ещё мы успеем открыть?

— Мы задержим охрану немного, они должны прибежать вон из того коридора.

— Это самоубийство!

— Зато у вас время будет! Идите к Сопротивлению, там помогут, там надежда...

Тяжеленная дверь в подполье — узкая каменная глыба — поддавалась с трудом, но не столько из-за веса, сколько потому, что, кажется, её очень давно уже не открывали.

— Там канализация внутри, стоки от отхожих мест. Туда лазить незачем, разве только сбежит кто. Раньше сбежали через дыры отхожих мест, теперь их камнями заложили, меньше сделали, не пролезть...

— Аппетитненько... Ладно, погнали.

После коридоров и камер тюрьмы, впрочем, канализация такого уж мрачного впечатления не производила. Ну, темно — спасали прихваченные со стен факелы и светильники наподобие керосиновых. Ну, низкие земляные своды — Виргиния могла идти только согнувшись по пояс, все волосы были безнадежно испачканы в грязи. Ну, вонь... Страшнее бывает... Наверное, если с тобой в одной камере чей-то труп начинает разлагаться — в канализацию ныряешь не задумываясь... Хрустели под ногами скелеты каких-то мелких животных, наверное, местных крыс.

— Канализация — плохое место, конечно, неприятное. Но хорошо в том, что соединяет весь город. Здесь тяжело идти, и иногда опасно, здесь давно не чинили, можно упасть и даже погибнуть... Но если нужно пройти по городу, чтоб не поймали, то только здесь. Солдаты Бул-Булы мало бывают здесь...

— Надо же, чего это вдруг? Как понимаю, они, во главе со своим вожаком, то ещё дерьмо...

— Мы выйдем за город, и там войдём в подземелье. Только в темноте. Иначе могут

схватить. Бул-Була сильно ненавидит мятежников...

— Как вам так свезло на такого правителя? Хотя о чём это я... Нам же как-то свезло на Кларка, центаврианам — на Картажье... Наверное, в каждом мире бывал у власти кто-то настолько отбитый на голову...

— Чем больше у кого-то есть, тем больше он хотеть, — проговорил другой бреммейр, его языковые способности, увы, были совсем прискорбны, — быть много царь — любить много иметь, любить война. Кто любить война, кроме царь? Быть один царь — не надо война, говорили. Нет война — хуже быть ещё. Один всё хотеть, всё иметь, весь мир и больше его.

— Всё-таки, наверное, я беспросветно наивна, но сложно мне понять, как можно хотеть больше того, что у тебя есть, если ты и так, мягко говоря, не бедствуешь... У него запасное брюхо, что ли, где-то есть? Ну, чего хотят-то от абсолютной власти? Вкусно жрать, иметь кучу женщин, дорогие автомобили, отдыхать на всяких крутых курортах... Так это всё и при меньшем обрести можно...

Всё это бубнила Виргиния, впрочем, на земном, так что понял её разве что Аминтанир.

— Я считать, что знания — хорошо. Знания — лучше жить. Строить красивый дом, умелый машина, писать книга, изучать всё — сам, зверь, рыба, трава, небо. Другой язык изучать, другой мир лететь. А так смотреть — плохо. Оружие, злой машина, плохой гость, кто брать наше всё, кто убивать нас... Плохо тот, кто знание есть, но не служить Бул-Була.

— Ну, знания, знаете, как авторучка — можно сесть и поэму написать, а можно в глаз кому-нибудь воткнуть...

— Хорошо, есть и хороший гость... как ты. Мы хорошо жить, мы хорошо строить, у нас всё. Мы хотеть лететь другой мир, смотреть, где есть друг. Спуститься плохой гость, сказать друг. Помогать Бул-Була взять вся власть. Бул-Була служить им, мы все служить Бул-Була. Брать наш камень, наш металл, наш продукт. Быть здесь они хозяин, не мы.

— Понятно... Аминтанир, как по-вашему будет «неоколониализм»? И научи их, бога ради, языку как следует... Вашу ж мать, а я думала, это я на лорканском говорю с грамотностью умственно отсталой...

Капитан Ли и генерал Аламаэрта молча, настороженно ступали по ярко освещённым, устланным многочисленными мягкими коврами коридорам дворца. За ними в таком же молчании следовали их подчинённые. Зато сопровождавший их бреммейр щебетал без умолку, увы только, всё втуне — языка бреммейров здесь не знал никто. Только по звучавшему время от времени имени Бул-Булы можно было догадаться, что бреммейр восхвалял мудрость и величие своего правителя.

Сам правитель ждал их в богато убранной зале. Впрочем, слово «убранной» тут было как нельзя менее подходящим. Именно уборку Рауле тут сразу захотелось устроить самым решительным образом. Ещё с детства, с дней, проведённых в земной семье, опекавшей её, она терпеть не могла беспорядок. Зала, которая должна была, видимо, потрясать роскошью, напоминала скорее разбойничий тайник.

Бул-Була при их появлении всплеснул руками, указал им на груды мягких подушек, распорядился слуге, видимо, насчёт угощения. Затем сам торжественно воссел на огромную гору подушек (Раула укорила себя за хулиганскую мысль, как было б здорово, если б эта гора поехала и развалилась под ним) и снова умильно сложил руки под подбородком.

— Насладитесь нашими яствами и отдыхом на мягких постелях, могущественные

чужаки. Вы проделали долгий путь, и заслужили это. Я немедленно отдам приказ о розыске любых сведений о потерянных вами детях и их корабле, и к утру, уповаю, какие-то сведенья уже будут. Очень сложно бывает что-то узнать, очень сложно работать, да. Много невежества, много непослушания.

Генерал Аламаэрта кивнул. Звучало как будто разумно.

— Я так понимаю, ваша планета... Только недавно приобрела централизованную власть?

— Недавно, недавно, — закивал Бул-Була, — прежде были все отдельно, много хаоса, все порознь, ужасно!

— Междоусобные войны? — понимающе кивнул Эртониатта.

Рейнджеры участия в беседе практически не принимали — она велась на лорканском, а они, за время общения со своими невольными попутчиками, научились понимать только отдельные слова.

Принесли угощения — вид их был достаточно необычен, разве что можно было отличить, где здесь мясо, а где фрукты.

— А нам это можно? — с сомнением покосилась на свою тарелку Раула, — всё-таки, другая раса...

Аламаэрта перевёл её вопрос Бул-Буле.

— Можно, можно. Как посмел бы я предложить дорогим гостям яд? Благополучие наших дорогих гостей самое ценное для нас. Это деликатесы нашей земли, её ценнейшие дары, вкусите их! Это мясо уулы, для вашей расы оно должно быть очень вкусно!

«Откуда они знают, что нам можно? Ну ладно, что я голианка, они могли не понять, это не обо мне было, о землянах... Но тоже...».

Но И незаметно кивнул — значит, не ложь, неприемлемого для их пищеварения здесь нет...

— Позвольте вопрос, досточтимый Бул-Була, — не выдержал Аламаэрта, — откуда вы знаете наш язык? Лично я впервые слышу о планете Брима, а я военный высокого ранга в своём мире.

Бреммейр усиленно закивал, от чего многочисленные украшения на нём зазвенели, как бубенчики.

— Мы совсем недавно вышли в космос, совсем недавно узнали, что есть другие, кроме нас... Но мы стремимся дружить! Мы торгуем с соседними мирами, они говорили нам о Лорке, это великий, славный мир! Учить язык Лорки так же мудро, как учить язык Андромы и Громахи, но ещё и приятно, это красивый, величественный язык!

— Благодарю, мы польщены.

«Не зря, наверное, ох не зря мы взяли с собой телепата, — Ли поколебался, а потом вонзил зубы в нечто, напоминающее куриную ногу по форме, но никак не по цвету, — оно конечно, сканировать без спроса и всё такое... Но чего-то тайны этого бримского дворца меня не позитивят. Чего-то мне начинает казаться, что прав техномаг — бывают ситуации, когда законопослушность и следование порядку нужно засунуть в какое-то тёплое тёмное место...».

После еды клонило в сон. Аламаэрта рассыпался в благодарностях за отличное вино — для огромного лорканца, правда, величина бокала была несущественной. Тот же слуга — хотя сложно поручиться, может быть, и не тот, но щебетал и размахивал руками так же — отвёл их в приготовленные для них комнаты.

— Во всём этом крепко что-то не так, но не могу понять, что именно, — извиняющимся тоном произнёс И на пороге отведённой ему комнаты, — всё-таки мои силы... слабоваты, и мне никогда не приходилось слушать мысли инопланетян... до этого путешествия, в смысле.

— Ну, что ж поделаешь, не брать же было с собой Филлмора...

— Да сжалится над нами Вселенная, пусть они к утру уже что-то найдут... Я б не хотел задержаться здесь подольше.

— Это да... Давно мы не сталкивались ни с чем настолько... феодальным... Поклясться готов, они в такой роскоши живут, потому что все соки у народа уже выпили, какие могли.

— Не наше дело вмешиваться во внутренние дела, это их мир, их порядки... Наше дело завершить свой поиск и уйти.

— Но кулаки, если честно, чешутся, — проворчал Аламаэрта, — у нас власть, конечно, тоже... не без греха... Не в обиду вам, Синеасдан... Но грешить хоть принято тайно, не напоказ вот так. Это уже — бесстыдство.

— Святой боже, свежий воздух! Я думала, я вытошню там все кишки, уж извиняюсь... Нет-нет, со мной всё в порядке, я могу идти, это я просто... радуюсь так...

В ночной тьме пересекать пространство, состоящее из холмов, буераков и зарослей чего-то отвратительно колючего, открывающееся сразу за отстойниками — то ещё удовольствие. Особенно когда руки, ноги, спина — ноют, если честно уж говорить. Побои, тесная камера с матрасом, в котором солома или чего они туда наложили, сбилась комками, путь по канализации в три погибели — этого всего как-то слишком много. Но Виргиния вспоминала рожу Бул-Булы, и злость придавала ей сил. Ну, только получить немного отдыха... А потом, как угодно, раз уж из тюрьмы сбежать удалось, то должно получиться и это — добраться до корабля... И послать с орбиты такой огненный привет Бул-Буле, прямо по его дворцу, чтоб с Минбара было видно!

Уснуть Ли так и не удалось. По причине банальной и для многих невероятной — постель была слишком мягкой. Когда за шесть лет привыкаешь спать на наклонной, твёрдой минбарской кровати (первое время, конечно, пытаешься закрепить её в горизонтальном положении, но качественно и насовсем это удалось пока только Андо Александеру), уснуть в подобии кошачьей корзинки с мягкими пуховыми подушками и нежным и невесомым, как лебяжий пух, покрывалом просто невозможно.

А потом его побеспокоило какое-то движение. Ему показалось, что кровать покачнулась. «Нервы... Давненько я пренебрегаю медитацией, как раз время, пожалуй...».

Однако предаться медитации оказалось ещё менее возможно, чем сну. Кровать, определённо, пришла в движение! Реакции сработали прежде, чем сознание — Ли скатился с кровати раньше, чем разверзшийся в полу люк сомкнулся над уютной чашей, где только что лежало его тело.

«Изящно... кажется, покидать гостеприимный дом придётся не наутро, а прямо сейчас...».

Из своей комнаты уже выскочил Аламаэрта — он на свою кровать не лёг вовсе, суровая выучка воина привила ему такую же несовместимость с мягкими постелями, как рейнджерам. Лёжа на полу, завернувшись в покрывало, он почти задремал, но был разбужен движением кровати.

— Хорошо дела пошли.

— Я вот почему-то не удивлён.

— Надо проверить остальных.

Следующие пять минут показали, что они лишились Талеса и Синеасдана — может быть, они успели заснуть, может, не успели среагировать, но их комнаты были пусты.

— Отлично, — Раула на бегу застёгивала пояс рейнджерской формы, — всего несколько часов на планете, а уже потеряли двоих. Я надеюсь, конечно, что они ещё живы...

— Мне кажется, мёртвыми мы им не нужны, — Эртониатта осторожно выглянул из-за угла, — иначе чего проще было просто отравить нас?

— Скорее, в угощении было какое-то сонное зелье, — проговорил И, — у меня лично голова какая-то дурная.

— А вот это возможно... Кто-то ж из нас больше одного съел, кто-то — другого... Возможно, снотворное в сладкой фруктовой массе, Талес и Синеасдан, кажется, оба на неё особенно налегали.

— Я тоже... Но может, потому, что я голианка, и на меня это так не действует...

В коридоре послышалось движение, и пленники замерли в стенной нише, едва поместившись туда все вместе.

— Скоро они обнаружат, что их улов несколько меньше ожидаемого, надо успеть выбраться из дворца... Как выдумаете, зачем мы им?

— Вот давайте об этом думать, когда до «Белой звезды» доберёмся?

— И жажнем по этим князькам из бортовых орудий, — скрипнул зубами Аламаэрта, — капитан Ли, ну давайте, скажете, это я, будто вы меня остановить могли!

Из темноты прямо перед ними выросло вдруг нечто, что они сперва приняли за привидение. Существо было одето во что-то светлое, и светлым было само — приглядевшись, они решили, что это, видимо, местный альбинос. Под полой своей хламиды оно прятало слабо светящийся шарик.

— Тише, чужаки! Если вы увидите, вы мёртвый, — прошептало существо на очень ломаном лорканском, — я дать увидеть, где скрытый выход. Я дать бежать. Бежать, бежать дальше!

— А ты кто такой? Из каких соображений помогаешь? — навис над ним Эртониатта.

— Слуга. Раб. Если вы поймать, вы долго убить, как весь мой семья. Я долго бить, я лишить глаз, — боковой глаз существа, действительно, представлял собой не до конца зарубцевавшуюся рану, — я согласиться работать, служить, только не бить, я нет больше семья, нет больше никто, нет жить, только боль страшно. Но я не как они, я не дать другие боль и смерть. Идти, идти! Тихо, выход близко, но трудно.

— Слышь... объяснил бы ты тогда, что ли, что у вас тут происходит?

— Нет время! Вы надо бежать, дальше бежать, бежать вы родина!

— Они ж поймут, что кто-то нам помог! Нет, беги с нами, по пути как раз просветишь.

— Я страшно, я не больше сила!

— А здесь тебе не страшно, что ли? ...Это, что ли? О-ох, и щель, насекомое не пролезет... Пойду первым, пролезу я — и вы пролезете. На одно надеюсь — что у господина техномага всё сложилось удачнее, чем у нас...

У Гелена, удачно посадившего корабль на восточной оконечности материка в небольшом чахломе, сейчас ввиду времени года лысом леске, дела сложились не в пример удачнее — едва только, оставив Андруса бдиль у пульта, он вышел осмотреться, как сразу

попал в плен. Правда, пленом это было что-то около получаса, пока члены Восточного отряда Сопротивления искали кого-нибудь, кто знает хоть один язык из тех, которые знает он. После этого Гелен, а за ним и Андрес, стали добрыми гостями в подземном убежище мятежников.

— Ваши друзья попали в большую беду, — учёный бреммейр, кроме лорканского знающий весьма неплохо земной и дразийский, был, кажется, старичком баснословного возраста, и говорил медленно, тихо, — из этой беды вам непросто будет их выручить. Они в тюрьме, в главной, самой охраняемой тюрьме в столице. Я покинул столицу вскоре после того, как они прибыли, но слышал кое-что... Им нужны знания лорканцев, им нужна власть... Много власти, вся власть. Над всей Бримой, потом над сектором, настолько, насколько хватит их сил... Жадность их огромна. Они будут держать ваших друзей живыми, пока надеются получить от них что-то, что им нужно, но могут и убить...

— Покажите мне карту столицы, — вскочил Гелен, — полчаса лёта моего корабля — и этой проблемы больше не будет!

— Не спеши, инопланетянин. Ударом с воздуха ты можешь погубить их. Тюрьма соединена с дворцом, мы не знаем, может быть, где-то в подземелье под дворцом их держат... Как многих, очень многих, кто стал сопротивляться. И это не единственная беда, у них укрепленные места везде, Бул-Була очень боится покушения и время от времени вместе с ближайшими сторонниками переезжает из крепости в крепость, мы не знаем точно, где в какой день он может быть. Он может перевезти с собой и пленников.

— Вы говорите, недовольных его властью очень много... Почему же вы его до сих пор не свергли?

— Нас много, но мы очень разобщены. Мы вынуждены прятаться в подземельях, как тулуп-тулуппа, нас повсюду отслеживают ищейки и солдаты режима, и хватают, стоит нам появиться в городах. Мы совершаем вылазки, захватываем немного оружия, немного продовольствия, освобождаем немного рабов с заводов и полей, но этого мало... Мы знаем, что и в других частях континента есть Сопротивление, но мы не можем с ними связаться. У них, у Бул-Булы, вся связь, вся техника, всё оружие... Внедрить своих людей в его охрану, в охрану тюрьмы очень сложно, мы много раз пытались... Многие наши солдаты сгинули там...

— Ну, качественную связь я вам, будем надеяться, обеспечу. И если ваш народ в нужный момент поднимется весь, обеспечив Бул-Буле достойную головную боль... Полагаю, мы все от этого только выиграем.

— Есть что-нибудь, Александер, Карнеску?

— Работаем, — Стефания приподняла один наушник, — система начала построение словаря, но язык сложный, пока только могу сказать, что кумулятивного типа...

— Господин Сонара, что-то на радарх! Нарастающий тепловой сигнал... Это... Всевышний! Это лорканская самонаводящаяся...

Последнее слово, Андо почему-то подумалось, непечатно, оно потонуло в грохоте.

— Прямое попадание! Они подбили нас! Гравитационные двигатели выведены из строя, мы падаем в атмосферу!

— С такой скоростью мы сгорим! Тормози!

— Мало...

— Вся энергия на двигатели торможения!

— Мы сожжём двигатели!

— Двигатели дело наживное! Понизить температуру внутренних помещений до минимума! Скоро только это нас и спасёт...

Вернуть управление удалось только в нижних слоях атмосферы, посадить корабль с пылающей, как метеор, обшивкой в прибрежную воду было лучшим из возможных раскладов. Андо резко сдёрнул наушники — его оглушило, пойманное их собственными ещё работающими радарами, громкое шипение взметнувшегося в небо облака пара.

— В течение нескольких часов выходить нельзя — вода кипящая, учитывая, что она ещё и богата солями — остывать будет долго.

— Что с кораблём?

Лаванahal помрачнел.

— Сомневаюсь, что он в ближайшее время взлетит. Полагаю, из двигателей у нас перегорело всё, что могло. Так же мы лишились почти всех внешних орудий...

— Что со связью?

— Пытаемся, — Гарриетт зажимал окровавленный висок, опираясь локтем о приборную панель, другой рукой перебирая кнопки, — но у нас такая потеря энергии...

— Система жизнеобеспечения сообщает, на сутки осталось.

— Ну, суток нам хватит, чтоб выбраться... Хорошо бы, за это время очнулась связь и мы успели связаться с «Белой звездой» или с Геленом. Что это было, у кого-нибудь есть идеи? Они сбили нас! Сбили сознательно, хотя мы не проявляли агрессивности!

— Может быть, приняли нас за вторженцев, могли же они не понять, что мы прибыли с «Белой звездой»? Может быть, засекли наше сканирование эфира?

— Мы на месте, Выр-Гыйын, — перед взором Виргинии, когда они вышли из очередного коридора, слава богу, уже не настолько низкого и узкого, предстала огромная подземная пещера. Что-то наводило на мысль, что пещера рукотворна, во всяком случае, она была явно обжита. На стенах горели светильники — несколько подобных тем, с которыми они пришли, но в основном — серебристо мерцающие небольшие шарики. Свет от них был неяркий, зато, в отличие от светильников, они не сжигали кислород.

Пещера была полна народа — толпа бреммейров разных возрастов, комплекции и роста — виднелось, кажется, даже несколько детей, или карликов — стояли и смотрели на пришедших в четыре глаза каждый. Молчание длилось недолго — один из ближе всего стоящих что-то громко воскликнул на своём языке, вскинул сжатые кулаки, а потом бросился к их сопровождающим. Они обменялись ударами кулаков о кулак с несколькими из них. «Местное приветствие, должно быть».

— Мы в подземном городе, Выр-Гыйын, городе Сопротивления. Эти подземные помещения много старше любого из нас, они построены нашими мудрыми предками, когда-то наши деды укрывались здесь от врага, пришедшего с неба. Долгие годы наши предки жили здесь, когда там, наверху, жить было нельзя, когда там полыхал огонь и ветер поднимал пыль. Вот теперь снова эти своды укрыли нас. Пойдём, Выр-Гыйын, пойдём, Амын-Тыйнра, это теперь и ваш дом.

Виргиния наблюдала, как местные о чём-то переговариваются с их провожатыми, в основном с теми, кого она уже запомнила как Лаук-Туушса и Скхуу-Дыйым, больше всего она общалась именно с ними, они не только знали хорошо лорканский, но и, правда, совсем немного, земной. Они говорили, что они — бойцы Сопротивления, и отведут их к своим

друзьям.

«Кажется, нам не доверяют, но только слегка... Больше это всё же любопытство... Ну, Аминтанира они немного побаиваются — логично, наверное, если здесь знание лорканского языка стало поводом к такому пристальному вниманию заплочных дел мастеров...».

— У нас много раненых, — обратилась она по-лоркански к одному из идущих с нею рядом, — вы позаботитесь о них?

Следующее помещение, в которое они вошли, было ещё больше — своды укрепляла система крепких деревянных и каменных балок, и служило, по-видимому, лагерем. На примитивных печках готовилась еда, на лежанках в нишах стен и вдоль стен лежали раненые и дети. Дав-Айыг наконец снял со своих плеч Хамай-Таффью и передал его на руки подбежавших, по-видимому, санитаров.

— Садитесь к огню, чужаки, — из одного из боковых проёмов к ним вышел... а вот это был уже не бреммейр, и заговорил он на чистом земном, — вам надо поесть и попить, и рассказать нам свою историю. Общая беда, общий враг — общий хлеб, общие мысли, как спастись. Правда, не знаю, можно ли это вашим желудкам.

— После тюремной баланды я не думаю, что я чем-то в этом мире отравлюсь... С ума сойти, а — я сидела в тюрьме! Звучит-то как! Помнится, бабушка в детстве пугала, что буду себя так вести — заберут в тюрьму... Как же она права-то была... а вы... Вы же — не отсюда, вы...

— Гроум, землянка. Имя моё — Тай Нару.

Они сели прямо на пол у печи, гроум, тяжело переступая, налил им по чашке дымящейся похлёбки, отломил по солидному ломтю лепёшки.

— Что же вы делаете тут, Тай Нару?

— Сражаюсь за свободу вместе с моими братьями бреммейрами, землянка.

— Что?!

— На моей родине тоже много несправедливости, тоже много угнетения, тоже льются кровь и слёзы. Я не имею возможности сейчас вернуться на родину, там меня ждёт смерть. Но я не складываю рук, не складываю оружия и здесь. Сейчас бью врага здесь, потом буду бить там. Враг у нас один, у него нет расы. Ты знаешь это, землянка.

— Ты... телепат, что ли? Вот это да.

— Телепат, землянка. Много слабее тебя, но и это помогает мне в общении с братьями-бреммейрами. Тебе поможет тем более. Ты знаешь, зачем ты здесь.

— И... зачем же?

— Знать, знать, — к их маленькой компании подошёл низкорослый, сгорбленный бреммейр, голову которого украшала цветастая повязка с длинными, до пола, лентами, глаза его были глубоко запавшими и, как сразу поняла Виргиния, незрячими, — ты знать. Такой путь. Звёзды знать. Кто не видеть вокруг, видеть суть, — он указал на свои глаза, — провидеть! Ты знать, как помогать. Ты знать, как помогать снова.

— Вы, так понимаю, уже успели меня просканировать и узнать об Арнассии? Быстро вы... Но с чего вы решили, что я могу помочь и вам? То есть, поймите, не то чтоб я не хотела...

— Мы не сканировали, — качнул головой Тай Нару, — у бреммейров есть поверье, что тот, кто рано теряет зрение физическое — полностью, как Абай-Абайу — обретает способностью к предвиденью. Ещё до того, как ваш корабль сел на этой планете, они все знали о победе Арнассии над зерерами. Ты теперь для них всех — символ того, что

невозможное возможно.

— Чудно, конечно... Хотя необъяснимо, ну, не может такого быть, ненаучно...

— Телепатия тоже считалась ненаучной на Земле. Ты должна знать, твои слова о том, что враг, как бы ни был силён, будет повержен там, где решил отнять право на мирный труд и свободу, слышали здесь. Враг внешний или враг внутренний — он враг, он должен быть побеждён.

— Да я с вами полностью согласна, только что я могу вам дать, кроме слов поддержки? Чего я стою без оружия, без своего корабля?

— Виргинне! — Аминтанир схватил её за руку и заговорил с необыкновенным жаром, — ты и без корабля — всё! Это корабль без тебя — ничто!

— Ничто не случайно, — кивнул Тай Нару, — мы все пришли сюда потому, что вместе мы можем это.

— Так... Ну, если вы настаиваете... — Виргиния отложила опустевшую миску, — перво-наперво мне нужны карты...

Комментарий к Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 9. Вкус гостеприимства

Бреммейры упоминаются в энциклопедии, но новеллу, где они есть, мы не читали, так что тут, логично, полная отсебятина. Надо было, наверное, придумать другое название...

==== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 10. Сила оружия =====

— Мы не имеем права вмешиваться в это! Альянс не вмешивается во внутренние дела, по крайней мере, пока о том не просят. Это принцип. Стоит нам один раз так поступить — и всё, на нас посыплются обвинения, что мы, в лучших традициях Земли, «разносим демократию», навязывая свой образ жизни согласным и несогласным!

— Строго говоря, капитан Ли, у нас выбора-то... нет. Ну что, пойдите, попросите их отдать детишек и отпустить вас восвояси — что, отдадут? «Белая звезда» ваша стоит на космодроме — охрана там лучше, чем у вашего президента. Я тут говорил с ребятами местными — это страшное что-то. Солдаты у Бул-Булы, может, и бестолковые, но сильные, и приди вы туда — ни один в сторону не отойдёт. Потому что Бул-Була им золотом платит и продуктов не жалеет, когда в народе-то голод. Это сильно. А за измену тут казнят, и лучше я вам не буду говорить, как. Это не говоря о всей инопланетной сволочи, что тут прикормилась — отборные отбросы что с Адромы, что с Громахи, да и с Лорки есть, будем уж честны... Им как-то совершенно без интересу, чтоб нас живыми отпустить. Ну, и выберетесь вы, сигнал подадите, ну, заявит Альянс протест — они им, как и нам, отбояриваться будут, что знать ничего не знают... Напасть Альянс на них не может, не с чего — они не нападали. Экономическая блокада — тоже повод нужен, пока мы докажем всем, что дети тут где-то, пока убедим, что два сопляка из чужих миров — это важно... Месяц пройдёт, другой... Детишки и не дожить могут. У нас выбора нет, кроме как вмешаться. Если жить хотим.

— Как ни прискорбно, он прав, — Раула закончила начищать длинный кинжал, презентованный бреммейрами, и вставила его в ножны на поясе рядом с чехлом денн-бока, — я, пока мы сюда добирались, посмотрела на всё это... Рейнджер, конечно, лезть в чужие дела не должен. Но ведь и отступать перед несправедливостью не должен. Так что считайте, что призыв о помощи — он был. Вот они просят. А их, ни много ни мало, только в

этом лагере тысяч двести. А лагерь такой не один... Да дело не в том, что мы в чужое дело лезем... Это теперь и наше дело. Мы в одной лодке, так что уж постараемся выплыть.

— Что ни говори, а девчонка в переплёт из-за доброты своей попала. Вот было б ей плевать на этих бреммейров, а то нет же, до дому повезла...

Алан, обернувшись, подал знак товарищам — «опасности нет». Первым, перепрыгивая широкие прибрежные лужи и лохматые кочки, подбежал Ромм, за ним — Савалтали.

— Что там? Кто это такие? Почему они не выходят?

— Местные... Нет, угрозы как будто нет, ни в ком. Страх, любопытство... Страх не сильный — страха у них много было, и мы пугаем не так уж сильно... Они... живут здесь, кажется, как ссыльнопоселенцы, работают... Там, в тех горах — добыча руды... Я видел немного в их мыслях, как их сюда привезли, из-за моря, вопрос, прислал ли нас Бул-Була зачем-то или, как их, сослал...

Сонара оглянулся. Из-за камней и кустов метрах в пяти-семи от них выглядывали головы бреммейров, одетых, насколько он успел заметить, в какие-то одинаковые тёмные халаты.

— У них тут... трудовой лагерь, вроде как. Работают много, с небольшими перерывами на сон... Очень тяжёлая работа, шахты очень вредные, там страшно... Много умирает, но регулярно привозят новых... Они думают, что, конечно, их надзиратели устроят им мало хорошего за отрыв от работы, но им почти всё равно... Они думают, что вряд ли встреча с нами им опаснее, чем надзиратели...

Харроу почесал затылок.

— С ними можно как-то поговорить? Кто-то тут знает язык? Лорканский, хотя бы? Ну, или какой-то другой, какой и мы бы знали? Можно их как-то... спросить?

Из-за ближайшего камня, осмелев, выбрался, хромя, один из рабочих, залопотал что-то на местном.

— Я не уверен, но... Кажется, здесь только простые рабочие, которые языков не знают, всех, кто знает что-то, предпочитают держать там, на том материке.

— Отлично... Мы находимся в какой-то глуши, языка аборигенов не знаем, связи нет, на борту раненые... Как говорится, хорошо неделя начинается...

— Вот, — Гелен вручил Шайу-Лыкыс прибор, напоминающий мини-гибрид компьютера и старинного, с антикварных открыток, телефона, — я сумел сделать десять таких, одиннадцатый останется у нас. Вот тут инструкция на вашем языке, размножьте её, желательно, чтоб на один прибор приходилось несколько экземпляров, везите их отдельно от самих приборов — если попадёте, то не вместе, и не дадите врагу слишком много лишних для него возможностей... Распространите их по важнейшим центрам, как сами сообразите, там уж, с более мелкими отрядами они сами придумают, как связаться... Берегите их, очень берегите — это ваше будущее. К тому времени, как вы довезёте до нового места последний из них — Сопротивление больше не будет Восточным, или Северным, или Центральным. Оно станет единым.

Шайу-Лыкыс почтительно склонил голову, затем принялся бережно, как святыню, укладывать приборы в специально подготовленные мягко выстланные ящички. Подошёл Андрес.

— Они действительно будут работать?

— За качество видеосигнала не отвечаю, проверку я проводил на недостаточной глубине в сравнении с тем, какая она может быть в других подземных городах... Но звук должен идти хорошо. Теперь, по крайней мере, мы будем в курсе новостей в реальном времени, а не по донесениям трёхдневной давности.

Андрес жадно потёр ладони.

— Хорошо бы... Хотелось бы, вообще, результативных действий каких-то...

— Ты, я вижу, вообще в свою стихию попал.

— Не спорю. Давно уже всё не было так... Чёрт, круто, правильно! Есть враг, которого нужно раздавить, как гадину, есть невинные, которых нужно защитить...

— Переквалификация из террориста в революционера — действительно подарок судьбы.

Человек с некоторым трудом взгромоздил на стол тяжеленную Уку-Та — трофейную пушку, которую он в последние дни дорабатывал, стремясь довести её мощность до предполагаемой проектной.

— Нет никакой переквалификации, я никакого противоречия не вижу. Ты видишь — твои проблемы. Мне до тебя, в общем-то, говорили — мол, грязные методы никого не красят, мол, у терроризма нет будущего... У терроризма всегда будет будущее! Пока у людей есть близкие, которые могут попасть под удар, пока есть то, что нужно защитить всеми силами... И пока для того, чтоб привлечь внимание, заставить услышать свой голос, нужно ударить, вот так, побольнее ударить, почувствительнее... Чтоб не по морде даже, а... Чтоб спросить: «Больно? А вот нам тоже, не думал?». Телепатов кто только не осуждал за эту войну — мол, как так можно, мол, сколько невинных погибло, как же можно на крови, на руинах строить? На них только и строится, к сожалению. Люди хотят, чтоб их не касалось. Чтоб они могли мирно жить себе, пока рядом кто-то страдает. Не выйдет! Пока что-то не рванёт, пока не прольётся кровь — они не поймут, что всё серьёзно, пока конфликт не перейдёт в насильственную фазу — призывы на них, увы, не действуют, надо, чтоб их собственной задницы тоже коснулось. Почему мы победили, почему Корпус упразднили? Потому что нас пожалели, что ли? Ну, кто и пожалел, кто и проникся... С нами вместе и нормалы сражались, и не только те, у кого родственники телепаты были, а просто кто решил, что дело наше правое, это тоже о чём-то говорит... Просто поняли, что когда так орут, так бьют — уже уши не закроешь, не заслонишься, не сделаешь вид, что как-нибудь потом. Лита, она понимала, что иначе нельзя. Ждать — это до морковкина заговенья можно. Совесть может проснуться тогда, когда она есть. А бессовестной сволочи надо по морде дать, и лучше с ноги — и иначе никак, хоть с Корпусом, хоть до этого с Кларком, хоть теперь с этим Бул-Булой и его прихехешниками.

— Но есть ведь и другой путь, Андрес. Ты знаешь, — по выражению лица Гелена трудно было понять, зачем он завёл этот разговор, а лезть ему в голову Андрес давно перестал пытаться.

— Знаю. Думаешь, не знал? Но мучениками не все хотят быть. Не все могут. Байрон — он вообще не для этой жизни был... Не для тогда. Сейчас вот — его слышат. А тогда — хочешь мира, ну хоти дальше. С такими так всегда. Христа сначала распяли, потом обожествили, правда, тоже чёрте что вышло... Может быть, будь у Христа своя Лита — не так бы всё было... Людям сначала нужно принести боль, боль показывает серьёзность... Сначала отмудохать, связать — а потом уж проповеди читать, да. Каждому свой путь, оба пути нужны. А потом уж пусть нас ненавидят, пусть клеймят, пусть счета кровавые

выставляют... Мы это стерпим, мы ответим, мы примем. Так надо, кто-то должен.

Сложно сказать, для чего служил когда-то этот дом в лесу, к которому привели их два лагерника, но необитаем он был явно давно.

— Геологическая станция какая-то, что ли? — Харроу боязливо потыкал в какие-то приборы вдоль стен, покрытые солидным слоем пыли, — ну, для охотничьего домика интерьер нехарактерный...

— Плевать, что это, главное — что здесь есть печь! — у Стефании зуб на зуб не попадал, на континенте, судя по их наблюдениям за время пути, была осень, при чём отнюдь не золотая, к вечеру ощутимо подмораживало.

— А вот это как сказать... — Ромм выглянул в окно, хотя что он таким образом надеялся увидеть — непонятно, — видите ли, если топить печь, будет дым... Улавливаете мою мысль?

— Если честно, не совсем... — Сонара бухнул на лавку туго скатанные узлы с вещами — то, что они успели собрать при экстренной эвакуации.

— Так я и думал... Хотя, Сонара, вы же бракири, вы могли б понимать такие вещи. Короче, я лично свою десятку уже отсидел, и закончить свои дни на добыче руды для этого чешуйчатого ублюдка не входит в мои планы. Прежде чем уютно устраиваться и радоваться жизни, неплохо б досконально знать обстановку, знаете ли! В частности — мониторинг ли лагерная охрана окрестности, удивится ли дыму там, где триста лет, кажется, никто не бывал, и куда можно оперативно свалить в случае, если нас обнаружат.

— Ясно, сегодня придётся мёрзнуть... — вздохнул Харроу, вернувшийся с обследования соседнего помещения — кажется, спального.

— Ну, у нас есть термопокрывала...

— ...и устроить себе разгрузочный вечер.

— Уж на вечер нам захваченных пайков точно хватит. А вот дальше — да...

— Пункт по поводу запасных убежищ предлагаю считать главным, — Ромм развязал свой узел, наполненный преимущественно провиантом, — тоже надо объяснять, почему?

— Потому что могут выследить.

— А чего нас выслеживать? Эти вон — и так знают, где мы! Или вы думали, никто из них не может сдать? При их жизни, какой-то за лишний кусок хлеба не только приведёт их сюда, но и лично расцелует каждого! Да и инсценировка гибели у нас вышла откровенно даже не на троечку, я б на их месте не купился. Жаль, что лорканские трупы на Лорке выгрузили, как бы онигодились сейчас...

— Ромм!

— Я помню, как меня зовут! Корабль, дорогие мои — лорканский, а они тут, похоже, в лорканских технологиях кое-чего шарят. Думаете, они так легко поверят, что на всём лорканском корабле был один землянин? А вы ещё всю дорогу ныли, как же некрасиво мы поступили, бросив его там... Надо было и этого вот, — он кивнул на связанного Виктора, — пристрелить и там же бросить. Хотя толку, на лорканца он похож не больше Филлмора.

— Ну, они ведь могут подумать, что остальные трупы смыло в море?

— Всё время надеяться, что твой противник тупее тебя — тактика так себе.

— Он прав, — проговорил молчавший до этого Нефануэрмо, лорканец-военный, — мы в очень скверном положении. Нас, конечно, много, и у нас есть оружие... Но надеяться, что мы превосходим силами лагерную охрану, нечего и думать. Я думаю, нам стоит эту ночь

спать очень настороже, а наутро, с рассветом, разослать разведчиков. Континент небольшой, и очень малонаселённый, это и хорошо, и плохо. Нашей целью-максимум является найти корабль...

— Которым никто тут не умеет управлять, ага.

— Кто в часовые готов? Я лично, увы, пас, у меня ноша была не самая лёгкая тут, — Харроу кивнул на раненого Зуастаара, которому Далва как раз делала перевязку.

— Думаю, с этим мы справимся, — Нефануэрмо кивнул на сослуживцев, — наша ноша тоже не была легка, но мы привычные... Вы же, как ни трудно это сейчас, постарайтесь выспаться. Силы завтра будут нужны.

— В такой холодине-то? Да как нечего делать...

— Лечь по двое, обернувшись термопокрывалами... Да здравствует разврат во имя выживания.

— Ромм, вы у нас, так понимаю, теперь вместо Андреса?

— С учётом, что дамы всего две, и они, скорее всего, предпочтут слипнуться между собой, чем конкретно со мной, разврат всё равно получается так себе.

Тшанар, всё это время с громким шёпотом загибавший пальцы, поднял голову.

— Так нас нечётное количество, не получится по двое!

— Ну так этого, — теперь уже Моралес кивнул на Виктора, — никто греть и не собирается. Я вот, извините, лучше с Роммом лягу, хотя предпочёл бы, конечно, с Далвой...

Алан думал, засыпая, что отходить ко сну в такой отчаянной тоскливой неопределённости ему не приходилось, наверное, ещё никогда в жизни. Когда уже казалось, что вот, они нашли Виргинию — теперь они потерялись сами. Корабль разбит, бедный господин Филлмор погиб, а Зуастаар и Гарриетт ранены, и они в лесу, в чужом холодном доме, за стенами которого — чужой враждебный мир, от которого не знаешь, когда ожидать удара... Впрочем, он здоров, и Андо рядом, и они не одни, они обязательно что-нибудь придумают, они выберутся отсюда. Всё просто не может закончиться здесь...

— Выр-Гыйым, я принёс ещё карты, как ты просить!

— Да, спасибо, Скхуу-Дыйым, давай, — Виргиния откусила ещё один богатырский кусок лыпты, местного фрукта, напоминающего яблоко, довольно уже сухого, сморщенного, и постелила на стол перед собой один из принесённых листов, — смешно сказать, а, каменный век... Это ж надо так измордовать народ, который, по отдельным показателям, на уровне нашего 20 века уже был... Карты на бумаге, от руки копируем... Значит так, смотрите, граждане. Насколько я поняла, расклад такой. Вот здесь у нас красным — подземные сооружения, то есть, главным образом, мы. Чёрным — надземные, гражданские. Зелёным — их базы и крепости. Теперь смотрите... По этой дороге, значит, проходит подвоз продовольствия к Атау. Если мы всё хорошо спланируем, а главное — так же хорошо осуществим, сможем захватить фуру с хлебом или морожеными тушами, графики движения Кайту-Локак нам достал... При чём в идеале захват даже останется незамеченным, точнее, неузнанным — вот здесь дорога в это время года очень плохая, грузовик запросто может съехать с обрыва и без нашей помощи. Там его, собственно, и найдут, пропаже продовольствия тоже не удивятся, не мародёры, так звери, мы оставим для наглядности изодранные мешки... Если поймём, что проканалю, и они даже не подозревают, что мы уже здесь — приступаем к дальнейшему. Вот здесь мы имеем все шансы захватить и машины тоже, вот в этом месте дорога такая узкая, что проходит только одна машина. Изображаем

аварию с падением в реку... В реке они могут триста лет искать, там глубина метров пятьдесят и течение будь здоров, обожаю ваши реки за это... С этими машинами мы можем рискнуть переправить в Кикту-Нокс оружие и людей, очень будет хорошо, раз уж положение у них настолько бедственное... Далее... До ледостава, конечно, далеко, подхода с воды мы лишены, но они, кстати говоря, тоже. Подготавливаем народ в Кикту-Нокс и совместно нападаем на базу Кикту-Сойта, отряд Кикту-Нокса идёт подземными ходами, взрывотехников им в помощь — и вот здесь довольно тонкий пласт просто уйдёт под землю... Это разъединит их, и дальше там довольно просто... В идеале у нас будет техника и занятая позиция, не в идеале — разрушенная база врага... Если осуществим операцию ночью — можем обойтись минимальными потерями, мы привыкли действовать в темноте, они — куда меньше. На это ориентируемся. Вопросы? Действуйте. Далее... Дав-Айыг, что у нас с аппаратом связи?

— Монтируем, Выр-Гыйын. Инженеров мало, сложно.

— Монтируйте. Переписка почтовыми голубями в наше время это как-то... Эх, не на ту профессию я пошла, не на ту...

— Он умирает, — вздохнула Далва, — то, что в условиях медблока было б пустяковой проблемой, то в лесу на задворках цивилизации — увы, несовместимо с жизнью. У нас ни препаратов, ничего...

— Мы могли б попытаться вернуться к кораблю, — робко подала голос Стефания.

— Сомнительно. Мы слишком углубились в лес, тут даже напрямик, наверное, выйдет неделя пути, он умрёт в дороге. Да и в том, что нам удалось бы запустить системы медблока, я сильно сомневаюсь. Это не говоря о том, что едва ли за кораблём не наблюдают.

— Нашёл время, — проворчал Ромм, строгающий у печи лучины, — земля промерзать начинает, как хоронить будем? Или у вас там кремация принята?

— Ромм, вы отвратительно циничный человек! Он вообще-то ещё жив!

— Я тоже ещё жив, а завтра вот не знаю. Как там ещё сложится этот обстоятельный многообещающий разговор с местным народом, а то, может, решат, что полезнее и безопаснее сдать нас всех лагерной охране, всё-таки они все тут тоже от этого лагеря кормятся, от тех же лагерников не сильно отлично...

— Мне показалось, они настроены достаточно решительно... Их жизнь дошла до крайней степени отчаянья...

— Отчаянье разные вещи с характером делает. Кого-то закаляет, кого-то ломает.

Отворилась дверь, дохнув острым холодом начинающейся зимы, в помещение размашистыми шагами вошёл Андо Александер, облачённый в самошитый комбинезон из термопокрывала — несколько таких пришлось наскоро пошить, отсутствие тёплой одежды начинало грозить спасшимся смертью без всякого участия живого-мыслящего противника, положил на стол две подстреленные птички тушки.

— О, ужин прибыл...

Далва отошла от постели Зуастаара и подошла к столу, настраивая диагност. Минута напряжённого ожидания — и она грустно покачала головой.

— Слишком большое содержание свинца и... второе вещество не идентифицирую, но токсичность недопустимая. По-видимому, эти разработки...

— Ну вот... Только зря заряд потратили, и птички бедные... Ну, какие-нибудь хищники схомячат, поди... Даже не знаю, чего бояться — что тут вообще, окажется, ничего жрать

нельзя, или если однажды эта приبلуда у Далвы заглохнет...

Файгенуасто со вздохом распечатал «мясной» брикет.

— Будем надеяться, от местных удастся что-нибудь получить. Пайков-то мало осталось, а об эти, прости Наисветлейший, орехи я уже все зубы искрошил...

Засыпать полуголодным — не самое приятное ощущение. Но пайки лучше экономить. Хотя — зачем, для чего... Если завтра все планы и надежды пойдут прахом — незачем будут и эти пайки, и какое бы то ни было продление агонии, лучше просто умереть, желательно — быстро... Жаль только, умирать совершенно не хочется. Алан перебирал пряди, выбившиеся из косы Андо, слушал его выровнявшееся сонное дыхание, треск поленьев в печи — вот бы она успела прогреться хорошо, за это недолгое «мёртвое» время, когда топить можно, когда жадные злые лучи не шарят по притихшему лесу в поисках, быть может, и не их жизнью... Даже голод и холод, и эта зыбкая, призрачная, поистине сумасшедшая надежда на спасение — были так дороги. Нет, если эти бремейры хотя бы вполовину так же любят жизнь — они не могут не согласиться. Здесь уже не будет ничего, кроме ада...

Андо уже спал, а Алан никак не мог успокоить бешеный бег мыслей, тоскливое волнение. Это тоже восхищало в Андо — он мог заснуть, что бы ни происходило. Он воин, его так воспитывали. Хотя ведь и ему есть о чём думать, о ком волноваться... Где сейчас мама? Всё ещё надеется увидеть его живым? Казалось, рукой подать до их встречи — а теперь рукой подать до того, чтоб космическая бездна обрушилась между ними и всей прежней, привычной жизнью бездной, которую никогда не пересечь. Застрясть здесь навсегда — и погибнуть... Человек так многое смог, столько достиг, но чего он стоит, если «Сефани» не может взлететь... Если не надеяться на «Белую звезду», то другой надежды нет. Конечно, есть ещё техномаг... Но ведь он беспокоился о Виргинии, никого из них он спасти не обещал...

Чтобы отвлечься и всё же уснуть, Алан начал повторять очередные слова, которые дала для заучивания мисс Карнеску. Ну, в некоторых случаях это не слова, а целые выражения, структура у языка очень сложная, легко только со всякими заимствованиями, вроде названий всякой техники и оружия. Недостаточно, чтобы просто прийти и потребовать помочь им добыть то, что нужно, а ведь требуется нечто большее. Нельзя ждать помощи и не быть готовыми помочь в ответ... Нет, если сдохнет диагност Далвы — будет, конечно, страшно, но куда страшнее за электронный переводчик мисс Карнеску. Без него они точно обречены. Своими силами, говорит мисс Карнеску, такой язык нужно учить не менее пяти лет, чтобы говорить на нём уверенно на самые общие темы.

Понемногу дом погружался в сонную тишину. Задремала и Далва, сидя у постели Зуастаара. Стефания встала, взяла со стола не пригодившиеся птичьи тушки и вышла за дверь. Терпкий ночной морозец жадно обхватил её тело, но она решительно двинулась по неглубокому, к счастью, чуть выше щиколотки, снегу в темноту, начинающуюся за зыбкой гранью неверного красноватого света от окна. Печь будет топиться не менее часа, без этого слабого ориентира было проблематично найти обратную дорогу, даже если идти всё время прямо, а потом просто повернуться на 180 градусов. Впрочем, час ей и не нужен. Где-то там, за деревьями, слышны шаги сегодняшних часовых — Моралеса и Лаваныхала. Лес ночью удивительно тихий, но это, конечно, обманчивая тишина — просто ночные твари умеют двигаться бесшумно. Они только недавно узнали, как это вообще выглядит — когда подстрелили одного скорее случайно. Поджарое, как у гиены, тело о шести лапах с длинными острыми когтями, покрытое чем-то похожим на чешую броненосца, вытянутые

морды с шестью глазами и очень сложно устроенной челюстью, способной, по оценкам Далвы, перемалывать плоть жертвы практически в фарш. Не дай бог с такими встретиться, да... К местам некоторых их стоянок твари подходили достаточно близко, утром были видны следы на снегу. Почему не напали ни на кого из часовых? Пугает незнакомый запах, или уже поняли, что с бластерами им не тягаться? Ну, эти птички им на один зуб, но пусть будет таким скромным даром от непрошенных гостей их леса. Грустное место... Всего два больших континента на планете, и один отравлен продуктами разработок, а второй — террором несправедливой власти. Здесь травы и деревья пьют из почвы и воздуха яд, который тысячами годами был погребён в земной толще, потом передают этот яд травоядным, а те — хищникам... Слабые умирают, сильные, видимо, приспособляются, ну или умирают чуть позже. Лагерники не приспособляются точно, жаловались на больные глаза и выпадающие зубы. Токсичный минерал нужен там, на южном континенте — как топливо для машин. Наверное, многие миры проходили через это — обеднение и загрязнение природы, прежде чем удавалось найти более экологичные источники энергии... если успевали, миры, уничтожившие сами себя в процессе эксплуатации природных ресурсов, тоже известны. Решив, что прошла уже достаточно, Стефания остановилась и зашвырнула тушки подальше в испещренный уже припорошёнными следами снег. Подумалось вдруг, что можно б было остаться, подождать, пока они придут... Подпустить одного из них поближе, потрепать по морде, глядя в умные, жестокие глаза хищника. Конечно, это глупость. И не только потому, что вполне возможно замёрзнуть насмерть в этом ожидании.

Жаль этот континент, становящийся всё больше царством смерти. Впрочем, царство жизни из него и было так себе. Здесь не могли б жить люди — даже такие терпеливые, как бреммейры, не добровольно. Почва либо каменистая, либо болотистая, третьего не дано. Кроме добычи ископаемых, да чисто научных целей, делать здесь нечего.

Печь ещё топилась, жидкая струйка дыма вилась над четырёхскатной крышей. Лагерная охрана сейчас преимущественно пьёт или спит, но примерно через полчаса кто-то из них включит луч прожектора, выцеливающий в ночной тьме гипотетических врагов. Ну, кто очень ждёт врагов — дождётся их, усмехнулась Стефания, открывая дверь.

Не то чтоб очень уж жарко натоплена печь, но сразу понимаешь, что мороз пробрался почти на уровень костного мозга. Блескотт тут сказал недавно, что это, наверное, из-за падения «Сефани», из-за испарившейся воды снег выпал в таком обильном для начала зимы количестве. Ну, местные, кажется, были не в претензии — на берег тогда выбросило много оглушённой-обварившейся рыбы...

Тепло, сонно и ни звука — даже не стонет раненый Зуастаар, в последнее время уже не приходящий в сознание. Не спит только Виктор у печи, привязанный с высокой спинке стула. Поколебавшись, Стефания шагнула к нему.

— Развязать я вас права не имею, но с рук покормить могу, — она вытащила из кармана фрукто-злаковый брикет из пайка.

— Не стоит, мисс Карнеску. Провиант кончается, а наше отбытие в более благодатные края всё ещё под большим вопросом. Смерть от голода мне пока не угрожает...

— Но и сытость, однако же, тоже. Я никого не обкраду этим, у меня, знаете ли, была собственная заначка, а ем я куда меньше этих верзил, имею роскошь делиться.

— Вы же понимаете, что врёте телепату.

— Не хотите — не ешьте. Прекрасно понимаю, что доброта тюремщика к заключённому — хуже ножа. Но никто не собирается убивать вас ни быстро, ни медленно,

смириться с этим.

— Дело, конечно, хозяйское. Хотя в таких обстоятельствах таскать с собой заключённого — чистая блажь.

Стефания присела на чурбачок, вытянув к огню озябшие ноги.

— Не спорю. Но так есть, придётся с этим жить.

Поляна смешанного леса, неравномерной серой шерстью одевающего гористое побережье, тоже относилась к лагерю Восточного отряда, что сверху, впрочем, никак нельзя было заподозрить. Землянки и выходы подземных убежищ были замаскированы идеально, а для костра использовались дрова мелкого хвойного дерева, дающие дым такой жидкий и прозрачный, что его можно было принять за вырывающийся из расселин пар.

Сейчас в сени деревьев на краю поляны, заботливо прикрытый маскировкой, стоял нангим-ныог — как любезно пояснил Гелен, это примерно переводится как «шагающий и дерущийся дом», краса и гордость лагеря. Было это подобие танка на ножках — шагает, стреляет, кабина проворачивается на 180 градусов, обычно одноместная, иногда двухместная — один управляет, второй стреляет, редко трёхместная, такие нангим-ныог очень тяжеловесны и неповоротливы, похищено при нападении на колонну с оружием, к сожалению, сама машина в процессе сражения получила небольшие, но повреждения, и теперь стояла на полусогнутых ногах, как несущка над гнездом, а из-под её брюха торчали ноги Андреса. Гелен прохаживался около, похрустывая свежим ледком на мёрзлой земле и восхищая собравшихся бреммейров превращениями облетающих с веток последних жухлых листьев в ярких бабочек и обратно.

— Ах ты ж, проклятая... Слышь, лысая голова, у тебя ещё одной карты-схемы нет? А то у меня мазут капнул как раз на этот фрагмент.

— Есть, но на хуррском, надо? А за лысую голову ответишь.

— Отвечу, отвечу, тебе надо, чтоб этот драндулет завёлся? Пни мне ключ на 15, раз уж нагибаться лень.

— Ты и Виргинией так же командовал?

— А что, она жаловалась? По-моему, это она у нас недавний главнокомандующий всея арнассианской армии...

— И стоит заметить, она была в этой роли неплоха. Конечно, надо внести поправку на то, что из зенеров военные стратеги так себе, мозги у них откровенно не на это заточены.

— Остаётся уповать на то, что здесь нам тоже противостоят не медалисты военных академий. Правда, обезьяна с ядерной боеголовкой — это ещё страшнее.

— Согласен.

— Нет, я лично полон оптимизма. У нас, в конце концов, есть ты с кучей всяких техномагических примочек, уже этого хватило бы, чтобы несколько уравновесить силы, и при том, в отличие от Бул-Булы, у тебя есть мозги.

— Если б у меня были мозги, — Гелен проводил взглядом очередную бабочку — ярко-оранжевую в тонкий чёрный паутинчатый узор, — я б снабдил малютку Виргинию зондом, когда отправлял в эту последнюю экспедицию, и, вероятно, очень многое было б иначе. Но все предыдущие экспедиции прошли благополучно, и я ни о чём не волновался. Даже не подумал. Впрочем, с тех зондов, до которых я всё же додумался, толку не очень много.

— Встретился б ты мне в золотые времена на Земле, — голос Андреса звучал искажённо, видимо, в зубах он зажимал фонарик, — цены б тебе не было. Нет, можешь не

отвечать, я прекрасно знаю: хрен мне, а не использовать великие достижения техномагии в низменных целях. Не сканировал, заметь.

— Ну, зонды к великим достижениям относить — это всё же грубая лесть, а величие или изменчивость цели — вопрос дискуссионный... Однако много ль толку с зонда, посаженного на офицера Эртониатту? Он умудрился стряхнуть его в спальне, и теперь я созерцаю один и тот же довольно посредственный интерьер, и даже свои познания бреммейрского языка особенно не обогатил, так как в этом помещении редко кто-то бывает. Что касается второго зонда — то рубку «Сефани» он показывает исправно, но радости с этого тоже никакой — ну, положим, найти место падения дело небольшого времени...

Андрес подскочил и ударился лбом о металлическое днище.

— Падения?!

— И экипаж, и пассажиры покинули корабль, потери... незначительны, погиб старик, и серьёзно пострадал один из лорканцев...

Андрес сидел, прислонившись к ноге нангим-нюог, потирая ушибленный лоб и переваривая услышанное.

— Сбили... И ты не мог сказать об этом раньше?

— Ты не спрашивал. И какой в этом смысл? Если б спасательная экспедиция была возможна, мне не были бы нужны для этого твои команды. Мне приятно, что ты считаешь меня всесильным, но это не так. Второй континент меньше этого, но всё-таки это около Австралии, чтобы тебе было понятно. Ты когда-нибудь искал иголку в стоге сена? Кроме того, едва ли местная верхушка проспала такое замечательное событие, как падение инопланетного корабля. Максимум через час там всё должно было быть оцеплено... Есть некоторый шанс, что потерпевшие успели эвакуироваться до этого, в таком случае они, как понимаешь, делают всё, чтоб обнаружить их было как можно труднее — в том числе, увы, мне. Либо — они в плену. Тут рискну предположить, что такую нетривиальную добычу не стали бы держать там, а доставили бы сюда, пред светлые четыре глаза сам знаешь кого. А мы у него ещё предыдущих пленников не отбили.

— Всё равно, стоило полететь туда сразу, чтобы...

— Чтобы что? Сразу обнаружить своё существование, и лишит все наши планы элемента неожиданности? Юноша, успех нашей задачи напрямую зависит от того, сколько времени жирная задница Бул-Булы просидит на троне. Я-то могу улететь с планеты в любой момент... Ну, могу попытаться улететь. Кто тебе сказал, что мой корабль нельзя сбить? У них тут немало таких шгучек, которыми при желании можно довести количество континентов до единственного числа. А нам вроде бы желательно выручить так же «Белую звезду», неудачливых парламентёров (их дальнейшая судьба теперь вообще-то тоже неизвестна, но сильно сомневаюсь, что они не просыхают на пирах с бреммейрской знатью), экипаж «Сефани» и пару детишек, из-за которых мы все гостим на этой прекрасной планете. Поэтому пожалуйста, не мешай мне делать всё для этого возможное. А чтобы тебе было полегче, напоминаю, что у них там тоже есть один супермен. Рыженький такой, вы немного знакомы.

Из землянки, раздвинув подёрнутые инеем ветви маскировки, вышел Лагуй-Камры и быстрым шагом направился к ним.

— Геа-Ерэн, пришёл ответ.

— Когда вы научитесь произносить моё имя правильно? Вроде бы, совершенно простое. Ге-лен. Неужели так трудно? Ладно, что там?

— Части генерала Выр-Гыйына движутся на восток. Они готовы встретиться с нами у Утырмай. Генерал просил передать, что хотел бы встретиться с вами, принести благодарность за вашу большую помощь.

— Хорошо... Необыкновенно радуется. От южан пока ответа не было?

— У них сейчас большой бой при Дым-Шай, Эрты-Ныат, их связист, говорил, они надеются занять Дым-Шай к... завтра.

— И то неплохо. Что за имена у вас, а... С южанами мы, видимо, соединимся только у столицы, ну разве что наш отряд подрывников с ними у этого самого Дым-Шая может встретиться, если не разминутся... Что ж, передайте генералу... Как его там... Что мы выступаем завтра. Честно говоря, я б охотно сейчас сел и полетел, но светить перед ними корабль пока рано, пока только четверть территории под нашим контролем.

— Можете мне не верить, но я впервые на таком корабле. В смысле, именно таком, в исходном смысле, который по воде плавает. Смешно, а? Полжизни, да больше даже, вожу корабли космические, а морской вот так близко увидел на чужой планете.

— Ну чего там, я верю. Я тоже. Ну, я росла в колонии, где с морями было как-то... туговато.

Моралес облокотился о длинный изогнутый ахтерштевень на носу корабля, делающий его похожим на самую что ни на есть древнюю ладью, даром что корабль был, разумеется, механическим.

— Красота-то какая всё же, а...

— Согласна, красота. Хотя лично меня, как медика, больше беспокоит, не страдает ли кто-нибудь из вас морской болезнью.

С другой стороны подошёл Харроу.

— Далва, Далва, что вы за человек! Уж теперь думать о подобной ерунде... Мы совершили, не побоюсь сказать, невозможное. И заплатили за это свою немалую цену.

Далва покачала головой. Что тут сказать, это правда. Как ни крути, без восстания заключённых и поселенцев они могли выбраться из этого гиблого места только одним способом — сдавшись. Тогда, скорее всего, их под солидным конвоем отправили бы на большой континент, и Ромм, кстати, предлагал рассмотреть и такой вариант, ссылаясь на то, что при способностях Андо, можно не иметь больше никакого оружия, ценная посылка до Бул-Булы не дойдёт, а Андо возражал, что лично за себя он, разумеется, спокоен, но вот из остальных половину могли перебить не отходя от кассы — всё-таки Бул-Була, как мы предполагаем, активно заинтересован в лорканцах, а не в землянах, дрази и бракири. В общем, к сожалению или к счастью, вариант Ромма был отвергнут, и ставку сделали на всеобщее восстание. Подарить этим беднягам шанс на свободу и, в перспективе, победу, а этому чешуйчатому ублюдку ещё одну головную боль — просто слишком соблазнительное удовольствие, чтоб от него можно было отказаться, заявил офицер Файгенуасто.

Конечно, никто задачу лёгкой не считал. На их компанию оружия приходилось даже вполне с лихвой, учитывая арсенал лорканцев, но касаясь успеха операции этого, как сказал Ромм, достаточно для яркого запоминающегося терракта, а не для захвата и удержания власти. Значит, ярким и запоминающимся террактом должен стать захват оружия, которым можно вооружить как можно больше наших четырёхглазых друзей, ответил на это Блескотт, и особенно ярким и запоминающимся он становится ввиду знания местного языка на уровне «Я хочу корабль улететь отсюда». Впрочем, весомые коррективы в расстановку сил

вносили три высокоуровневых телепата, один из которых был по совместительству телекинетиком — и они уложились всего в три дня... И минимальные потери — Блескотт и Таувиллар. Серьёзно ранен был Илестомарро и несерьёзно — Ромм, лихачивший так, словно, по выражению Тшанара, один раз уже умер и ему это понравилось.

Потом было короткое совещание, в ходе которого определялось, как будут устанавливать временную власть, организовывать оборону — что корабли Бул-Булы будут здесь максимум через пару часов, так это к гадалке не ходи, вот не получит от покойного коменданта материка очередное раболепное донесение — и забеспокоится, ну и о снаряжении корабля на большой континент.

— Мы понимаем, что все не могут остаться. Кто хочет вернуться — мы не станем держать. Надо бороться и там, надо принести туда то, что мы сумели здесь. И чужаки, конечно, тоже. Хотя нам нравятся такие чужаки. Но мы понимаем — каждый хочет вернуться в свой дом.

— Мы похороним с почестями ваших героев. Теперь они — святыня этого места, как и все наши, павшие в эти дни.

Печально во всём этом, вообще, было только одно — «Сефани» рухнула ближе к северной оконечности континента, то есть, морской путь обещал быть долгим. Но это в общем и целом было уже мелочью. Гарриетт едва уговорил, ломаным языком, жестами и мимикой, не давать им самый оснащённый и быстроходный корабль.

— Вам тут для обороны понадобятся все силы, включая небесные. Не в корыте плывём — и ладно.

Что ж, думать о том, как предстоит причаливать, всё равно ничего лёгкого, но поди, не хватит у Бул-Булы на всю протяжённость береговой охраны...

На палубу выполз и Ромм, баюкая на перевязи обожжённую руку.

— Идиллия, мать её. Также полюбуюсь пейзажами, через пару дней они всё равно обрыднут, за однообразием.

— Ну не факт, — возразил Харроу, — здесь же вроде бы островов как у дурака махорки... Многие необитаемы и в силу этого всё ещё красивы.

— Вон, как раз, что-то на горизонте чернеет. Надеюсь, эстетические чувства всех присутствующих не пострадают.

Ромм прищурился, подошёл к наружной оптике.

— Боюсь вас расстроить, ребята, но это определённо не остров. Я б даже сказал, слишком сильно не остров...

— Генерал Выр-Гыйын, кто бы мог подумать... Ну, вообще-то ты мог бы подумать. Ты её три месяца в деле наблюдал, и ты думал, что она будет смиреннько сидеть в тюрьме и ждать, как принцесса, пока мы её освободим? Лично у меня, по мере твоих рассказов, закрались сильные сомнения...

— Даже самая беспредельная отвага может разбиться о языковой барьер. Там, на Арнасии, нас выручали мои ретрансляторы, но всё равно были сложности. Здесь им с Аминтаниром могло и не повезти встретить тех, кто знает какие-то языки, кроме родного. Бреммейрский язык сложен для изучения, бреммейрам тоже тяжело учить языки, настолько отличные от их — лорканский то будь или земной.

— Кому ты говоришь — человеку, знающему земной и земной матерный? Кстати, можно вопрос? Теперь, когда ты знаешь, что она на свободе, когда даже встретился с нею —

что мешает тебе просто улететь с нею с этой планеты?

Гелен подцепил пинцетом очередной чёрный шарик, придирчиво осмотрел и отправил в контейнер к другим таким же.

— Ну, во-первых, она бы на это не согласилась. У этой девочки обострённое чувство справедливости, и она готова ещё некоторое время рисковать своей жизнью ради того, чтоб у этих ящерок был шанс на нормальную жизнь. Это теперь и её война. Рискнёшь попытаться её переубедить?

— Пожалуй, сильно сомневаюсь, что я для неё авторитет. А во-вторых?

— А во-вторых — мне нравится, что она такая.

Андрес наконец выполз из-под оружейной установки полностью.

— Ну вот, почти готово. Что ни говори, люблю лорканцев... да, не думал, что я это когда-нибудь скажу... за то, что их оружие куда менее габаритное. Но выглядит, надо сказать, пленительно. Как торт на день рождения. Виргиния не говорила тебе, когда у неё день рождения?

— Конкретно в тебе, Андрес, хорошо то, что болтая без умолку, ты всё же ещё и работаешь. Надеюсь, испытания нас не разочаруют. Хуррский контрафакт такой — может разнести укрепления врага, а может — твои собственные. Но в управлении оно для бреммейров будет не в пример проще, чем «Фа». Её я действительно, пожалуй, подарю Виргинии. Ну да, не дожидаясь дня рождения, таковы обстоятельства.

Андрес навалился на рычаг, подтягивая крепление.

— Ах ты ж, проворачивается... Надеюсь, это не так критично, чтоб... Где ж я сейчас сменную шайбу найду... Можно ещё вопрос? Почему «Фа»? Конечно, музыкально, но как-то коротко и не пафосно. Бреммейры, опять же, даже исказить не смогут, а как им с этим жить?

— Вообще-то, это имя. Не знаю, кем заведено давать девичьи имена кораблям, оружию и ураганам, но это традиция. Ты ведь назвал этого хуррско-бреммейрского Франкенштейна Лаурой?

— А, тогда вопросов более не имею. Это дорогого стоило — слышать от тебя девичье имя, хоть и такое.

— Это опять не то, что ты подумал, человек. Это была маленькая девочка. Очень доброе, чистое и любознательное дитя, которое было мне как младшая сестрёнка. У неё были такие же золотистые волосы, как у Виргинии, хотя больше, конечно, они ничем не были похожи.

— Прошедшее время как-то настраивает на грустные мысли. Она умерла? Соболезную.

— У меня было время смириться с её гибелью. Но пожалуй, лучше не говори об этом Виргинии. Она может и не понять, зачем называть оружие в честь убитой девочки.

— Я уже понял, что ты не очень-то откровенничаешь с теми, кто тебе дорог... Кто её убил?

— Я.

— Что-то боюсь я, толку уже. Это была, конечно, отличная мысль — подпустить их поближе, потому что носовым дальностью не хватает... Теперь вот им дальностью тоже хватает! У нас по правому борту такая брешь, что проплывём мы ровно... сколько тут глубина?

— Ну уж нет! — глаза Ромма маниакально блестели, — пока вот этот не потоплю, я

идти ко дну отказываюсь! А-а, видел, видел? Обожаю эту пушечку, женился б на ней, если б не был законченным холостяком... Эй, ты чего? Патроны, твою мать, кончились?

Моралес замер рядом с замолкшим орудием и показывал пальцем куда-то в сторону носа. Ромм проследил за его пальцем и издал сложносочинённый мат с примесью лорканских выражений, которые успел подцепить у Нефануэрмо. Когда на палубу успел подняться Андо Александер, он, честно говоря, заметить не успел — не до того было. И теперь вместе со всеми, разинув рот, наблюдал, как острый нос корабля вытягивается, словно длинный металлический язык, и впивается в палубу вражеского корабля, подошедшего критично близко, видимо, для абордажа.

— Видимо, тонуть уже не обязательно...

— Вперёд! Сейчас ещё посмотрим, кто кого захватит! Объясним выкорышам Бул-Булы, что впятером на одного — ещё не гарантия победы...

На вражескую палубу, перепрыгивая мёртвые тела, уже устремились Файгенуасто и Керадзуэрта, осыпая опомнившихся солдат противника выстрелами из парализатора. По ушам полоснуло яростным визгом — с таким звуком стреляла хуррская «Тифатта», ничего удивительного, что таковые встретились на поле боя — это и раньше сплошь и рядом происходило, два заряда встретились на полпути и слились в сердечных объятьях, снеся волной жара по несколько стрелков с бортов обоих стрелявших кораблей.

— Эти разворачиваются, гляди... Напугались!

— Я б тоже напугался... Чем их достать теперь? Нельзя им уйти, донесут о такой встрече — мы до цели не доплывём...

Не более получаса потребовалось для капитуляции обоих уцелевших кораблей, ещё меньше — чтоб выяснить, что к морским военным силам Бул-Булы нападавшие не имели ни малейшего отношения. Это, конечно, была очень здравая идея — нацепить на бреммейрскую команду знаки отличия, снятые с погибших и взятых в плен военных гарнизона северного континента, но, получается, не универсальная. Бреммейры обеих сторон, увешанные оружием и всякими цацками, как дикари бусами из зубов, сейчас вели переговоры — с обильной жестикуляцией и вообще крайне эмоционально, люди и лорканцы стояли в сторонке — скромные языковые познания здесь безнадёжно буксовали.

— Я так поняла, это пираты, — проговорила Стефания.

— Пираты?!

— Ну, наверное, правильно называть их именно так. Это жители островов, бунтующие против власти Бул-Булы, они нападают на корабли с континентов, захватывают или пускают ко дну, военных убивают, гражданских заставляют присоединиться к ним или тоже убивают... Вполне такие морские пираты, в исходном, не космическом смысле.

— Не, ну это другое всё-таки. У них тут такая власть, что бунтовать против неё — святое дело.

— Не самое достойное для лорканского воина — поддерживать противоправительственные действия в ином мире, но — да.

— Интересно, и что теперь нам делать с захваченными в плен пиратами? Вариант «сдать властям» тут как-то малость плохо работает...

— Полагаю, — Харроу с шипением отдирает лохмотья рубашки от обожжённого плеча, пока Далва стояла наизготовку с противоожоговым спреем, — дружить. Чего уставились? У нас общий враг, и их, общим количеством, больше... Может, остальные и не бросятся сейчас им на выручку, не знаю, что у них тут с солидарностью... Но пробиться к нашим товарищам

— если они вообще живы, конечно — легче при их содействии, чем без него, или тем более с противодействием.

— Ещё б понять, зачем им это.

— Ну вот и решайте в самое ближайшее время, зачем им это. Хотя это не вам надо, а нашим более языкастым товарищам... Но полагаю, что среди островитян тоже немало желающих подвесить яйца Бул-Булы куда-нибудь повыше, вроде звезды на рождественской ёлке. Вопрос, можем ли мы быть им достаточно полезны...

— Выр-Гыйын! Как звать твой отец?

— Что? — девушка нажала на аппарате паузу и ошарашено воззрилась на Скхуу-Дыйыма, едва не подпрыгивающего на месте от какого-то непонятного волнения, — зачем тебе? Ну... Роберт.

— По наш закон надо, вот здесь в обращение к Алтырым, надо. Роу-Берт? Правильно?

— Скхуу-Дыйым, ты опять всё перепутал, — мягко встрял Тай Нару, — ты спросил слово «ветер», а не слово «земля». Выр-Гыйын, нужно имя твоей матери!

— Кэролин... Простите, я что-то несколько запуталась. Какой ветер, при чём здесь отец и мать, для чего это надо?

— По наш закон, кто становится значительный, не просто имя — имя, кто породил. Как — Скхуу-Дыйым, дитя Атах-Дуйум, вот так. Да, надо кто породил, росток прославляет земля, так.

Сзади раздался сдавленный смешок Гелена.

— Что смешного? У меня сейчас голова лопнет!

Скхуу-Дыйым важно, торжественно выводя завитки, вписал что-то в принесённый документ, после чего протянул его Виргинии.

— Надо печать! Личный печать!

— Я кого-нибудь закопаю, если не объяснят... Господи, как это читается? Это что, моё имя?

— У них право с гордостью назвать имя родителей надо ещё заслужить, — пояснил, наклонившись через плечо, Гелен, — вот ты заслужила... Ого, звучит. «Центральный Сайумакский дивизион Сопротивления великодушно предлагает вам сдаться. На обдумывание вам отводится срок в стандартные сутки». Ну, «стандартные» можно убрать, они тут что про нестандартные знают... Подпись — «генерал Выр-Гыйын илим Кер-Алын». В старости напишешь мемуары «Мои имена во вселенной».

Бреммейр нетерпеливо перетаптывался с ноги на ногу.

— Это... Вроде отчества славянских народов, что ли? А почему от имени женщины?

— Давно хотеть спросить, — подал голос из своего угла Кутак-Йутха, — что есть — женщина?

— Хор-роший вопрос через два месяца знакомства! Женщина, это... ну вот я — женщина. Землянин женского пола, или не землянин... Пойдите, у вас тут что, женщин нет? Я, по правде, так и не научилась различать у вас пол, но ведь вот матери с детьми...

— Они гермафродиты, — с улыбкой пояснил Тай Нару, — хотя семьи у них есть, но не всегда состоят из двоих, иногда из троих или даже четверых... Понятие отцовства у них как таковое не развито, единственная константа — кто «мать» ребёнка, то есть, организм, который его выносил и родил. Они сравнивают это с землёй и произрастающим на ней, ветер приносит семена, но выращивает-то земля. Ветер может быть с юга или с севера, но

земля — вот она, под ногами. Когда «росток» вырастает достойным, он может сказать о себе «дитя такого-то», подобно тому, как о хорошем зерне говорят «оно с такого-то поля».

— Мда... А отца что, никто не прославляет?

— Тот, кто «ветер» для одного, может быть «земля» для другого. В семьях редко дети есть только у одного из родителей. К деторождению способна практически любая особь старше первой линьки... По-моему, даже мудро, всё же мать к ребёнку ближе, она рождает и выкармливает его.

— А я арнассианам удивлялась... Нет, всё в порядке, Скхуу-Дыйым, иди. Просто у нас всё чётко, есть мужчина, есть женщина. Мужчина крупнее и сильнее... ну, обычно... У женщин более нежная кожа, обычно длинные волосы, развитая грудь — ну, вот это, молочные железы... Мужчина исполняет в сексе активную роль... как правило... женщина рождает и выкармливает детей. Гелен — мужчина, я — женщина...

— Амын-Тыйнра — женщина?

— Ты что, Кутак-Йутха, он другой расы, у них приняты длинные волосы, как у земных женщин.

Скхуу-Дыйым склонил голову набок.

— Только женщина... Однако, не повезло.

— Почему — не повезло?

— И только мужчина — не повезло. Всегда только одним образом. Наша сексуальная жизнь богата и разнообразна, у нас каждый может быть земля, может быть ветер. Вы грустно жить. Вы носить много одежда, закрывать, что вас отличать, мужчина, женщина — значит, понимать, грустно, значит, не хотеть, все видеть.

— Э... Не воспринимала это так...

Гелен уже хохотал в голос.

— У нас — хорошо, потому мы не стыдиться. Мы носить одежда, если холодно, или надо карман, что-то нести, или просто красиво. Но мы не носить много одежда, наше тело красиво! Никто не лишён Хобот Дарующий, никто не в ущерб! — он распахнул полы своего некоего подобия пальто или халата, демонстрируя нечто, действительно, напоминающее длинный гибкий хобот с множеством кисточек-бахромки на конце, — Выр-Гыйын понимать, что есть красиво, оценить!

— Закройся, эксгибиционист, иди уже! Вернёмся к этому разговору после победы... Что? Печать? Где я тебе печать возьму? Раньше что-то без печати обходились... Личная вещь, украшение? Ну... вот так подойдёт? Не показывайте только потом эту «печать» никому из бывших корпусовских, инфаркт обеспечен... Теперь вот оттирать зажим от чернил... ..Господи... А если б мы сюда попали летом, а не в начале зимы? Они б тут ходили гольшом и этими своими... хоботами размахивали?

Гелен прошёлся, глядя вслед удаляющимся Скхуу-Дыйыму и Тай Нару с усмешкой.

— Вы привыкли к куда более подобным вам расам — минбарцам, центаврианам, нарнам... У них практически всё как у людей, мужчины, женщины, рождение, брак... Эти — другие. А одежда... Мы привыкаем воспринимать её наличие или отсутствие как признак цивилизованности, но строго говоря, это вопрос удобства. Кожа бреммейров куда менее чувствительна к неприятному воздействию окружающей среды. Они одежду одевают по мере надобности, а часто ограничиваются какой-нибудь сумкой, рюкзаком...

— А Бул-Була почему всё время, сколько я его видела, всегда в каких-нибудь хламидах был? Из подражания? — Виргиния, прикусив язык, продолжала оттирать от своей «личной

печати» чернила.

— Возможно. Он же лицо государства, общаться с другими мирами надо, не смущая их, в принципе, в этом есть логика... Ну, или... я слышал слух, возможно, только слух, конечно... Что у него повреждён Хобот, и он стыдится этого.

— Это тоже многое бы объясняло, — прыснула Виргиния, — ну дела... «Генерал Выр-Гыйын...»... как там дальше? «илим Кер-Алын»... У меня теперь новая скороговорка для тренировки речевого аппарата...

— «Илим Роу-Берт» звучало б лучше?

— Другого нет. Да и, строго говоря, правильно б было всё равно так... У славян отчество дают тоже по тому отцу, который официально. Ну, я ни с кем из славян лично не была знакома...

— Разве что, читала русских поэтов. Грустя, что знаешь имя Лермонтова, но не того, кто в твоём сне читал его стихи.

— Лермонтова звали Майкл. А вот отчество его я, боюсь, без длительной тренировки всё равно не произнесу... А ты любишь стихи, Гелен?

— Я техномаг, как может быть иначе? Я знаю поэзию более чем трёх десятков миров, двенадцать из которых — ныне мёртвые миры. Говоря — знаю поэзию, я имею в виду, что могу продекламировать, без запинки и акцента, две или три поэмы, десяток стихов и спеть несколько песен. И мне приятно было обнаружить, телепатское дитя, что ты можешь обогатить мою сокровищницу новыми прекрасными примерами — оказывается, и современные поэты Земли не до конца безнадёжны... И современные читатели тоже. Мой добрый приятель Мэтью, выражаясь словами уже другого русского поэта, знал, хотя не без греха, из «Энеиды» два стиха.

— Я училась на дизайнера, у нас курс мировой художественной культуры был обширный и включал в себя не только живопись, но и литературу и древнюю, и современную.

Гелен сел рядом, скрестив руки на посохе.

— Дизайнер — прекрасная профессия.

— Да только что-то мне, чем дальше, тем больше, бесполезная. Ну, почему я на неё пошла? Потому что это был лучший вариант, чтобы это самое Бюро меня не доставало. Я Корпус в своё время в гробу видала, и эти мне тоже не нужны. Дизайнер — это куда меньше с людьми, чем пилот или, скажем, журналист... Хотя если б я пошла в журналисты, мать бы меня совсем съела...

===== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 11. Обнажившаяся бездна =====

Увидев на своём пороге троих мужчин в рейнджерской форме, Лаиса, конечно, несколько удивилась. Один из них был ей знаком — Крисанто Дормани. Второй был нарн — невысокого роста, круглолицый, большеглазый, третий — по всей видимости, землянин, ростом чуть пониже Крисанто, темноволосый, усатый.

— Приветствую... Чем обязана? Или просто в гости?

Нарн учтиво поклонился, в то время как Крисанто отошёл, открывая багажное отделение машины.

— Приехали помочь с переездом. Лучше, если управимся за сегодня, леди Лаиса.

— Переездом? Это так теперь называется? То есть, я-то в курсе, что мне со дня на день

предстоит отправляться в больницу по некоторой непреложной надобности, но как-то я всё же надеялась успеть кое-что закончить до этого... А у вас что же, какие-то другие сведенья на этот счёт?

— Так точно, — рассмеялся незнакомец-землянин, — то есть, сейчас мы вас, если уж так, с комфортом и ветерком до больницы подбросить можем, но возвращаться-то вам явно не сюда. Этим мы и займёмся, чтобы вы даже мыслями не отвлекались от самого сейчас для вас важного.

— Что-то я не поняла, признаться... Да вы пройдите, пройдите. Не сюда — а куда?

— Вас переводят в квартиру побольше. Раз уж у вас в ближайшее время увеличится семья — нельзя же дальше оставаться в квартире-одиночке.

— Граждане! Мне квартиру побольше содержать не на что будет! Тем более что некоторое время уже скоро мне... будет как-то не до того, чтоб работать.

— Лаиса... Вы, кажется, всё ещё живёте на Центавре, — Крисанто, поставив на пол башню разновеликих коробок, выпрямился, и теперь испытывал некоторое смущение ввиду необходимости протискиваться в комнату мимо внушительного живота Лаисы, — храм, для которого вы выполняете надомную работу, оплачивал, конечно, ваши расходы... Но не только он. Пока мы не обнаружили, что за квартиру, в частности, получается солидная переплата, мы и не поняли, что эти счета идут не только нам.

— Вам?

— Вы вдова зета Рикардо, а анлашок своих не бросает, — нарн снова почтительно поклонился, — я мало успел узнать зета Рикардо, но счастлив был возможности чем-то послужить его семье. Ещё более — когда узнал, что это ещё и семья дорогого моему сердцу друга.

— Неужели вы думали, что вас оставят выживать как-то самой?

— Да я... у меня в мыслях не было...

— Даже жаль как-то, — землянин обвёл комнату взглядом, в котором удивление граничило с восхищением, — хотя, думаю, вы и на новом месте быстро наведёте не худший уют... А мы с радостью поможем. Хотя может быть, конечно, вы привыкли к этому месту, полюбили, и не хотите переезжать... Но надо. Семья-то... и впрямь большая... Э, а эти-то — чьи?

На полу, где поверх ковра лежал лист гладкого пластика, а на нём — огромный отрез ткани, ползало два минбарских ребёнка, живо обсуждая раздел обязанностей по расчерчиванию будущего узора, в углу Уильям увлечённо глодал похищенную с полки книжку, в приоткрытую завесу кухни видно было, как у печки переговариваются два маленьких дилгара — переговариваются, что особенно потрясало, на центаврианском.

— Эти... Ну, про Уильяма и Ганю-то вы слышали, думаю. Я таки убедила Маркуса, что мы с Калин присмотрим за ними не хуже, если не лучше, всё же энтилза, на каком-то своём совещании кормящий ребятёнка кашкой с ложки — это как-то... не совсем солидно... Мы бабы, нам более с руки... Эти — племянники Калин, у них мать умерла недавно, а отец ещё раньше... на Центавре, в экипаже Зака Аллана... Калин потребовалось уехать на несколько дней, вот она и оставила их пока у меня. А Норрейн просто в гости зашёл. Им, конечно, не рекомендуется сильно-то кучковаться, это я знаю, но уж пусть повидаются... Всё же тоже родня.

— Матушка, гости? — с кухни выглянул Ганя, в глазах которого был типично минбарский ужас «на пороге гости, а у меня не готов обед», — ...ах вы зоньи дети, ну я ж

говорил, это не для левого притвора, это для центра, там кайма не такая!

— Как вы с ними справляетесь? — улыбнулся землянин, — ясли-сад «Межзвёздный альянс в миниатюре»...

— Нормально справляюсь! Дети они не проблемные, для неопытной мамашки вроде меня просто подарок. Эти вон сами помогать кинулись, я-то пыталась их за игрушки усадить... Как же, усадишь минбарское дитя за игрушки, когда тут взрослые работают! Ганя теперь на два фронта бегает — учит Норрейна готовить начинку для центаврианских пирожков и тут вот командует, что где рисовать, мою работу-то он наизусть знает. Я уж и не знала, чем мне-то тогда заняться.

— Покомандовать нами. С упаковкой вещей. Времени-то, сами понимаете, нам не до завтра дали воландаться.

— Нет уж, пока хотя бы чаю не выпьете — я вас к вещам и близко не подпущу. Тем более, пирожки уже должны... Готовы они там, Норрейн?

— Да вроде, готовы, леди Лаиса, — пискнул из кухни дилгарёнок.

Троица робко расположилась вокруг сдвинутого к стене стола. Лаиса осторожно опустилась в низкое мягкое кресло. В глазёнках минбарских детей, то и дело оглядывающихся на необычных гостей, светилось любопытство — они только три дня назад прибыли из далёкого Сьехефенне, и тут повезло увидеть сразу троих живых рейнджеров.

— Ты говорил, знал Рикардо... был его учеником?

Нарн кивнул.

— Недолго время перед тем, как зет Рикардо вместе с отрядом отправились на Центавр. Я К'Лан, леди Лаиса, я прилетел на Минбар вместе с Андо...

— С Андо? Говорил мне Рикардо, что мир круглый, а я не верила.

Рейнджер помрачнел.

— Полгода скоро, как нет никаких вестей об Андо и «Белой звезде 44»... Если б хотя бы знать, что произошло! Знать, успокоиться... Нет, никогда я не успокоюсь! Даже если все перестанут ждать...

— Все — не перестанут, — Лаиса положила ладонь на широкую лапищу нарна, — даже если одно сердце ждёт — это стоит того, чтоб вернуться.

Тот поднял на неё круглые восторженные глаза.

— Какие простые и великие слова, леди Лаиса! Да разве одно? Может быть, вы знаете, что скоро должен появиться на свет малыш гражданки Офелии, жены Андо? Удивительные и дурные шутки у судьбы бывают. Она ведь прилетела вместе с ним, а этого никто и не знал. Он никому не сказал, сразу бросился на спасение этого корабля, тех, кто там остался. Там ведь, как оказалось, был её брат... А она бросилась следом, тоже никому ничего не сказав. И едва не погибла. Хорошо, что небеса послали этого земного доктора... Плохо только, что по этим устаревшим базам она долго под девичьей фамилией лежала, а сама-то ничего о себе не могла рассказать, бедная. Пока фриди Алион и Мисси её не увидели... Теперь-то она уже здорова. И каково же ей жить и не ведать, где Андо, что с ним... А бедная мать этого парня, её брата! Каждый день она приходит в храм...

— Вот и берите пример с неё, К'Лан. Дстойный образец веры. Мать той девушки перестала ждать... Вернее, она вернулась на Землю. Всё-таки, она права, другие её дети тоже ждут её внимания и нуждаются в ней рядом. Но я не думаю, что она похоронила дочь в своём сердце. Грешно, верно, говорить это вам, мужчинам, но когда я думаю об этом, мне становится страшно. Всё меньше времени остаётся до того, как мой сын покинет моё тело, я

сама стану матерью. Впервые у меня будет существо, родное мне по крови. И я узнаю, что такое страх за кого-то. Самый большой материнский подвиг — это не родить и выкормить дитя, да хоть сотню детей, совсем нет. Самый большой подвиг — это выпустить дитя из-под своей опеки, позволить выбирать себе дорогу, рисковать собой. И всё же я знаю, что сделаю это однажды, когда он того пожелает. Не сомневаюсь, что я могла б стать одной из тех безумных матерей, что и на улицу лишней раз ребёнка не выпустят, и из комнаты выходят, оглядываясь. Но эти мудрые женщины многому меня научили, спасибо им, что встретились мне. Не думаю, что их любовь меньше моей. Они тоже схоронили своих любимых, и им, конечно, хотелось видеть милые лица своих детей до тех пор, пока смерть не смежит им веки. Я не слишком религиозна, К'Лан, не много толку с моей молитвы. Да что делать, если ничего более действенного, чем молитва, ты не можешь... Чувство бессилия перед чужим горем — оно даже хуже, чем собственное. А ведь я так хочу, чтобы хотя бы у маленькой Офелии всё сложилось не так, как у нас...

На железных решётках у огня сушились десять пар обуви. Рядом в ожидании своей очереди стояли ещё десять пар. А ещё рядом на широком чурбачке сидела Виргиния и пальцами расплетала влажные волосы.

— Признаться как на исповеди — одна вещь меня напрягает даже сильнее, чем отсутствие прокладок. Отсутствие шампуня. Ха, было б, конечно, странно, если б он у бремейров существовал. На Арнассии я не парилась, их средства, правда, не то, что наши, но иногда канают... Да и на корабле у нас этого добра было до чёрта, лорканского и экспроприированного с Накалина, на выбор... Но где мы и где корабль.

— Я тебе говорил, всегда есть выход, — Гелен выразительно погладил бритый череп.

— По логике ты, конечно, прав. Но я, пожалуй, ещё немного помучаюсь. Из солидарности с Аминтаниром, он, кажется, скорее сохнет, чем побреется. Да и смотреться генерал Выр-Гыйын будет совсем непафосно, у меня уши смешные. Так, что там у нас?

Гелен протянул ей карту. Виргиния долго внимательно изучала её, всё больше хмурясь.

— Нет, что-то мне во всём этом не нравится. Как-то слишком просто... Примитивно даже. Вот мы, вот они, только поле перейти. Поле, правда, немаленькое, сплошь открытое пространство...

— Ну вот, видишь, уже непросто. Вообще, что тебя не устраивает, не пойму? Здесь примитивизм вполне уместен. Здесь до недавнего времени было, по среднему уровню, начало технологической эры. По-твоему, им той же контрабандой завезли и склонность, а главное — способность к каким-то сложным построениям?

— Ну в целом, наверное, нет. Если б Бул-Була не был настолько тупым, наверное, нам не удавалось бы столько времени успешно сражаться с его столь же тупой армией. Тут как раз беспримесный пример диктатуры, держащейся на грубой силе. И среди ближайших подручных, логично, он интеллектуалов не держит — зачем ему рядом кто-то, кто при случае может его подсидеть? Все располагающие мозгом у него под надёжной охраной и применяют этот мозг строго по установленному им назначению... И поскольку изобретение новых пакостей в эту сферу входит, а военная стратегия уже нет, нам в целом везёт. Но вот здесь... объект не первостепенного, конечно, значения, рядовой вполне... Но неужели они действительно настолько беспечны?

— А полагаешь, заманивают нас в ловушку? Я б в сам так подумал, если б не весь предыдущий опыт. Но как мне кажется — сделать это было куда проще ещё на подступах к

деревне. Или даже ещё раньше, не дать нам возможности получить ещё больше оружия. Причины, почему этот объект, равно как и многие другие, не был захвачен раньше, ровно две — силовое преимущество меньшинства над большинством, всё-таки до недавнего времени это у них оружия было больше, чем у собаки блох, и живой щит, из-за которого мы в полной мере и не будем свободны в действиях. Когда у одних лорканские пушки, гроумские корабли и хуррские средства связи, а у других сабли, лошади и почтовые голуби, на скорую победу добра над злом рассчитывать не приходится.

Тут возразить было нечего. Какое-то время Виргиния ломала голову, удивляясь, почему, при такой разнице в уровнях даже с ближайшими соседями, Брима не была попросту оккупирована. Гелен объяснил — не претендуя на абсолютную правдоподобность, но было, пожалуй, убедительно.

— Хотеть-то можно много чего — что те же хурры, что гроумы не отказались бы ни от расширения своих секторов, ни от двух-трёх миллиардов рабов, это понятно. Но чтобы кого-то завоевать — мало результативно с этим кем-то подраться. Затраты на военную кампанию должны окупиться. Прибавь к тому затраты на утверждение и поддержание своей власти, создание управленческого аппарата на местах — на всё это придётся раскошелиться нехило, послушай жалобы Бул-Булы, а он это делает по крайней мере у себя дома. А хурры и гроумы, при всей своей деловитости и воинственности, и у себя-то дома порядок навести не могут. Так что в целом — начерта, начерта лететь на далёкую Бриму с кораблями и оружием, которые пригодятся и дома, тратиться на удержание местного населения в повиновении, организацию добычи и вывоза ценных ресурсов, если за них это прекрасно делает Бул-Була? Затраты на эту торговлю едва ли больше, выгода та же, усилий меньше. Можно сказать, они и так владеют планетой, просто при посредничестве местного князька, который делает за них всю чёрную работу.

К этому времени Виргиния сравнительно неплохо начала разбираться не только в ситуации в общем, но и в деталях, которые прежде показались бы ей малозначительными или вовсе остались бы незамеченными. Она начала немного понимать бреммейрский язык. По крайней мере, своих товарищей, которые старались говорить достаточно чётко, внятно и медленно, чтобы она успевала разбирать. Подслушать разговор солдат Бул-Булы было б для неё всё так же задачей непосильной, но это, к счастью, лично от неё и не требовалось. По-прежнему в общении очень выручали телепатия, лорканский — через Аминтанира и неоценимое посредничество Тай Нару. Гелен продолжал работу над ретрансляторами, но в его распоряжении было недостаточно подходящих материалов, ретрансляторы получались весьма несовершенными — с очень ограниченной памятью и невеликой точностью перевода, язык бреммейров очень сложный и отличается по структуре от языков большинства рас Альянса. Впрочем, как говорила об этом Виргиния, переводить поэзию символистов прямо сейчас ей не к спеху, а для координации действий и этого хватает, главное — чтоб рядом всегда был кто-то из переводчиков или носителей ретрансляторов. Гораздо более важным для неё было, что теперь между отрядами бесперебойно работала связь. Хотя бы тут у противника уже не было неоспоримого преимущества.

Если и у них, и у отрядов Андреса и Аминтанира всё получится, под контролем повстанческой армии окажется почти треть континента. В общем-то, погоня за процентами Виргинию интересовала меньше всего, она не отвлекалась сама и не разрешала другим, на второстепенные цели, чётко обозначив направление к центру — любому чудовищу надо рубить голову, но делала разницу между объектами, с которых остатки доблестной армии

Бул-Булы можно не спеша выдавить уже после захвата столицы, и объектами, где, окопавшись, недобитые генералы могут попытаться, не замахиываясь на общемировую власть, стать хотя бы местечковыми продолжателями традиций вождя и вредить долго, нудно и пакостно. Предстоящий объект на такой потенциальный змеюшник не тянул, но имел другую ценность — это был один из городов-заводов, население которого, фактически превращённое в заключённых, почти поголовно было занято в производстве оружия и, что ещё более важно, сверхпрочной брони для машин и лат узурпаторской армии. Лишить их такого важного подспорья представлялось целесообразным. И хотя город-завод отнюдь не относился к числу крупных и первостепенных, Виргинии почему-то настойчиво казалось, что взять его не будет более лёгким, чем Андресу и Аминтаниру — шахтный комплекс, с которого город берёт часть сырья. Ну, и людей в её отряде было много меньше — большой отряд куда сложнее было б перебрасывать между разрозненными, далеко отстоящими друг от друга деревнями, и опять её любимая разведка боем, потому что разведку как таковую в этих условиях опять же сильно-то не проведёшь...

Среди окрестных мёртвых деревень, эта могла считаться даже не мёртвой... мёртвой не до конца. Здесь всё же осталось несколько жителей — старики настолько древние, что угонять их вместе со всеми в город для работы на заводе не было никакого смысла. Такие брошенные помирать были и в других деревнях, но меньше — режим, установленный Бул-Булой, не очень позволял доживать до преклонных лет, того, что оставалось после изъятия «излишков продовольствия» для прокорма солдат, едва хватало, чтоб сводить концы с концами, дети и старики мёрли первыми. Естественно, старики отказывались от своей доли в пользу детей, и встретить бремейра старше пятой линьки можно было всё реже — хоть в деревне, хоть в городе. Бул-Була, конечно, умудрялся хвастаться даже этим — в построенном им обществе нет ни больных (при таком питании и медицине, долго не проболеешь), ни «дармоедов». Что да то да, работать начинали всё раньше, и кому это важно, что существо, не линявшее ещё ни разу — это фактически ребёнок, это называется «трудовым воспитанием и адаптацией к взрослой жизни». Для кого Бул-Була старался с этой пропагандой, было, конечно, непонятно, та меньшая часть населения, что была не голодными рабами, а их надсмотрщиками, в ней не нуждалась тоже, видимо, это было от чистой любви к искусству.

Старикам этой деревни повезло чуть больше, чем другим — в деревне осталось сколько-то запасов ещё с лета, в основном вяленая рыба, сушёные ягоды и грибы, орехи — то, что пока не было обложено такими же пошлинами, как мясо, зерно и овощи. Сколько на такие ресурсы получится протянуть — никто не размышлял. Старики удивительно смиренно, безразлично относились к этому вопросу, что приводило Виргинию в недоумение, переходящее в досаду. Покорность судьбе было понятием, для неё непостижимым — чтобы не сказать, ненавистным. Это что-то из детства, из другой, невероятной сейчас жизни, споров с сестрой...

Не вспомнить, что смотрели, и читали, в очередной раз, не вспомнить детали — кого бросили в тюрьму по несправедливому обвинению, у кого отняли последнее, к чему кого принудили...

— Почему они не протестуют? — возмущалась Виргиния, — как они могут позволять обращаться с собой вот так?

— А вот так можно взять и не позволить! — фыркала Милли, — сидя, глядя отсюда, многое легко... Что они сделать-то могут?

— Трусом и скотом безвольным всегда можно не быть!

— Ой-ой! Ты в их шкуре не была!

Ну, теперь вот можно сказать, что отчасти и была. Сидела в тюрьме Бул-Булы, самой такой настоящей, хрестоматийной тюрьме, с сырыми каменными стенами, гнилой соломой и крысами. Недолго, быть может, сидела, что там было тех побоев за пару попыток допроса — больше смешно было, как коротышки-бреммейры пытаются бить рослую землянку. Понятно, что это они не перешли к методам подейственнее. Это она не успела проголодаться настолько, чтобы обратить вообще внимание на жидкую, дурно пахнущую похлёбку, рецепту которой лучше оставаться в тайне, не успела простыть от сырости и гнили, которая была там повсюду... Недели, конечно, было мало, чтобы сломить их дух. Ну так они не дали им дальнейших возможностей. Сами не дали.

Но в какой-то мере, конечно, им было проще... Как ни странно это звучит. Когда ты сидишь в камере, где не можешь как следует вытянуть ноги и только радуешься, что света мало и не видно роскошной гнили и плесени по углам и загустевшей крови и нечистот, достаточно ясно, где ты и где твой враг. Всё достаточно ясно. Как узкое окошечко в добротной толстой решётке, отделяющее тебя от свободы. А эти бедные крестьяне, даже если изгнаны из своих домов, расселены почти что в такие же камеры, разве что посуше, с кроватями или хотя бы матрасами, с окошками, пропускающими достаточно света — хотя всё равно в решётке — у них ещё есть эта иллюзия. Если не свободы, то того, что им есть, что терять. Завтра, до которого можно дожить или не дожить. Продовольственный паёк на ближайшие дни. Жизнь, жизни родителей, братьев, детей. Виргинии всё равно непонятно было, как может это останавливать в борьбе за свободу, за жизнь не как таковую, а жизнь, за которую стоило бы держаться. Что такое беспокойство за детей, ей, незамужней и бездетной, конечно, не представить, но матерью, Милли, Джо она, не сомневалась, без колебаний рискнула бы ради лучшей доли для них же — либо для других таких же семей. Не попрекать же её тем, что ни мамы, ни Милли и Джо нет с нею здесь, и рискует она исключительно собственной жизнью, ну ещё, может быть, Аминтанира, поддерживающего её, впрочем, без всякого с её стороны принуждения?

Вошедший Дэвид застал Винтари за перелистыванием фотографий.

— Это те солончаки, в Аго Улку? Надо быть тобой, Дэвид, чтоб сфотографировать их так, чтоб это казалось неопишуемой красотой. Они явно выглядят лучше, чем в жизни. Гиблое местечко... Гиблым было ещё до того, как сюда назакапывали всякой дряни.

— Вообще-то, вот это снимала Рузанна, — Дэвид присел рядом, — а вот этот файл — да, мои.

— Тот старик, что рассказывал легенды пустынных племён... Как раз в руках у него статуэтка... Как там, Песчаный Дедушка? Я тогда, увы, успел только к концу беседы.

— Дедушка Песков, чаще всего его называли так. Можно сказать, верховный бог их пантеона, по некоторым версиям это их первопредок. Указывает кочевникам безопасный путь в песках, показывает, где можно найти воду... Главный защитник... Его дочь — Великая Мать, там, где она ночует, вырастают оазисы, скотина, которую она погладит, никогда не болеет, тучнеет, и обязательно разродится обильным приплодом. Ну, конечно, и роженицы молятся ей... Хотя молятся — неверное слово... Тучанки Аго Улку считают этих богов не то чтоб богами, скорее древним племенем, которое жило здесь до них, было сильнее и мудрее... и может быть, до сих пор живёт где-то в пустыне, неуловимое, не обнаруженное, и приходит на помощь потомкам по воле прихоти... Есть много историй об

исчезнувших племенах — как вот о тех, что поглощены туманом, о тех, что спустились в пещеры и больше не поднялись наверх, о тех, что переплывали море и не достигли другого берега.

Винтари отпил богатырский глоток чая.

— В общем, старушка Тучанкью всегда рада слопать сотню-другую своих детей, то ли чтоб превратить их в существ какой-то другой природы и посмотреть, что получится, то ли чтоб потомки упражнялись, строя гипотезы... В этом смысле мир похож на любой другой, разве что да, без важной компоненты про людей с неба. На небо у них никто не улетал. Ну, одного героя, конечно, унесла в своё гнездо огромная хищная птица, но он вернулся домой, не повезло птице.

— Кстати, ты знаешь, что кое-что из древних историй получило научное объяснение? Археологические раскопки дают иногда удивительные находки...

— Ну, для меня само по себе довольно удивительным было, что на Тучанкью есть археология... Да, слышал. В тех же пещерах, например, нашли кости этого самого исчезнувшего племени. Бедняги надеялись укрыться там от преследования враждебного племени, отравились водой, насыщенной ядовитыми газами...

— Не совсем так. Многие да, умерли от отравления. Но обследование многих скелетов показало, что они умерли насильственной смертью. Следы ударов копий, топоров...

— Поубивали друг друга с отчаянья?

Дэвид отрицательно мотнул головой.

— Оружие не похоже на то, которым пользовалось племя. Другие металлы. Так вот, дальнейшее исследование этих пещер показало ещё более удивительные находки. Засечки на камнях, предметы быта, костровища... а главное — захоронения в пластах известняка. Строение скелета сильно отличалось от тех, первых... Там, в этих пещерах, жило ещё одно племя, Диус! Жило в течении нескольких веков. Неизвестно, когда и от чего они туда спустились — может быть, как те, вторые, искали укрытие... Может быть, приняли чужаков за врагов, и потому поубивали... Удивительно, что они сами смогли прожить в таких условиях так долго. Без света, без растительности, питались мясом мелких подземных зверьков, грибами, моллюсками... Даже иммунитет к ядовитой воде выработали, неполный, правда.

— Но всё равно вымерли ведь?

— Вымерли. Как исследования показали, их подвёл каннибализм. Обычай объедать умерших сородичей, прежде чем похоронить. Яды накапливались в тканях, в органах... В итоге племя выродилось, последние были карликами полуметрового роста и жили не дольше двадцати-тридцати лет.

— Поучительно... А меня заинтересовала другая находка — в пещере на юге нашли какую-то древнюю тупиковую ветвь эволюции. У них другое строение черепа, эти вот иглы расположены больше не на спине, а на голове, как волосы... И на передней части головы отверстие, подобие некоего студенистого тела — вроде... глаза. Правда, затянутого кожей... По истлевшему практически до скелета трупу уже ничего не определишь, а интересно б было, почему эволюция выбраковала этот вариант... Кстати, о глазах. Твои мне с утра не нравятся. Ты плохо спал?

Дэвид нахмурился.

— Так, ничего особенного... Мне кошмары снились.

— Не удивительно. Я после этой поездки вообще едва с ума не сошёл. Конечно,

истерзанные трупы и пожарища мне ещё два месяца назад перестали сниться, но всё равно как-то не по себе было. Всё-таки законсервированные в болоте тела...

— Нет, я совсем не о том, — Дэвид ожесточённо тёр руки, потом замер, задумчиво проворачивая на пальце кольцо — подарок Андо, — я видел сны о доме...

— И это не странно. Мы торчим на этой Тучанкью... Чёрт, уже месяцев девять. Мне иногда снится, что я родился здесь. Что я тучанк, чёрт побери. Тучанкская принцесса из древнего племени. Я думаю, наверное, это очень хороший знак, с точки зрения тучанков. Взаимопонимание, взаимопроникновение...

— Там случилось что-то плохое.

— А вот так думать не надо. Это просто твоя тревога, ты скучаешь, это естественно... Мы на Центавре на стены не лезли только потому, что не до того было, события вперёд нас бежали... А здесь мы уже целую вечность. Меня держит в здравом рассудке только понимание, что теперь уже недолго. Побывали на всех континентах, и в крупных городах, и в богом забытых дырах, пообщались со старейшинами, учёными, сумасшедшими, оставшимися здесь центаврианами, провели несколько эфиров, наладили печать, что меня особенно радует... Я слышал, у них дата голосования по вопросу назначена. Значит, наше возвращение не за горами.

— Не за горами, да... Когда знаешь точное число дней, это даже ещё тяжелее. Каждый день превращается в вечность. Может быть, уже поздно... Я три часа как встал, а у меня ощущение, что ночной кошмар стоит у меня за плечами, если резко обернуться, его можно увидеть...

— Да что тебе такое снилось?

— Я не помню... Не помню как факта. Просто само ощущение... Словно весь мир вокруг исчез, а под ногами разверзлась бездна. Бездна без звезд, чёрная, как само отчаянье... Мир, свет, голос — всё безвозвратно потеряно. Как сама жизнь. Вот эта тьма и стоит за плечами, и смотрит мне в затылок. Она уже знает, а мне только предстоит узнать...

— Дэвид, в последний сеанс связи мы говорили с отцом. Всё было хорошо, и с ним, и с Деленн, и со всеми... Постарайся себя не накручивать, ладно? Следующий сеанс через три дня, если, конечно, мы не промахнёмся опять и попадём в Эллаэн вовремя.

Сон не шёл — и этому, честно говоря, она была даже рада. Маловато оставалось времени на сон, это только дразниться... Ничего, позже отоспится. Просто полежать с закрытыми глазами — и то хлеб. За эти два с лишним месяца она хорошо это поняла. Есть, говорят, у минбарцев какие-то продвинутые техники медитации, помогающие быстро отдохнуть и восстанавливать силы. Не помешало б сейчас... Но увы. Приходится задействовать старую, не менее продвинутую и проверенную студенческую технику «последняя ночь перед экзаменом». Как же далеко и забавно это всё...

Широкая, просторная по бреммейрским меркам лежанка долговязой землянке Виргинии была как раз впрыток — макушкой она отирала древесную труху и пыль со стены, а ногами касалась плотной шерстяной занавески, которой задёргивалась лежанка. Это, впрочем, тоже было уже привычным. Здесь хотя бы можно лежать вытянувшись... Рядом, свернувшись клубочками, спали воины-бреммейры, в темноте их силуэты были почти не различимы, но она их хорошо различала — по ментальному фону. От ментального фона спящих она, за редким случаем, не блокировалась — не было особой нужды. Их мысленный фон ощущался, как нить-дорожка образов — лёгких, переливчатых-переменчивых. Рйактат-

Шау крепко спит, но и сквозь сон чувствует тепло нагретой каменной плиты под собой, слышит тихое поскрипывание прогревающихся, сохнувших стен старого дома, и ему хорошо от этого. Рйактат-Шау сам деревенский, он в таком доме вырос, и ему живо вспоминаются сейчас шуршащие в своём гнезде куулы — это местные животные, похожие на черепах, только куда как более шустрые, их держат за очень вкусные яйца, которые они несут в изрядном количестве, увы только, мелкие, мельче перепелиных, и в углу у печи детёныши гьякту — местного аналога коз, которые приболели и хозяева кормят их пророщенными семенами кукту — лучше средства нет от детской хвори, их и самих лечили примерно так.. Деревенские и в остальном отдают предпочтение народным методам — к некоторому ужасу Виргинии порой. Например, если раны долго заживают и начинают нагнаиваться — к ним привязывают тряпку, смоченную смесью соли и масла зёрен кукту. Соль у бреммейров отличается от земной и формулой, и вкусом. И жётся ещё сильнее земного аналога. А они с этими компрессами умудряются и ходить, и бегать, и улыбаются — помогло же! Конечно, помогло — ещё немного, и до кости прожгло бы... Когда удавалось захватить медикаменты, Виргиния радовалась этому едва ли не больше, чем оружие и продовольствию. Правда, ей из всего этого подходило мало что. Приличные антисептические мази, конечно, уже больше сочетаются с болевым порогом землян, зато плохо сочетаются с земной кожей. Длуткйу-Ансам как-то, потрогав пальцем её плечо, покачал головой с жалостливым и одновременно восхищённым выражением лица.

— Мягкие, хрупкие, как дети... и так всю жизнь. Как выживаете? Нет чешуи — конечно, нужна одежда.

Длуткйу-Ансам — он городской, его мыслетелефон Виргиния тоже легко находит, они лежат сейчас нос к носу с Катайду-Дугра, и их мыслетелефоны сливаются в один смутно тревожный, печальный мотив. Они с рождения жили в городе, держали пекарню. Двое их детей умерли от болезни — а точнее, ослабев от постоянного недоедания. Можно недоедать, и будучи детьми пекаря, если весь лучший хлеб забирают солдаты Бул-Булы — тогда ещё не верховного правителя, но уже мрази. Остаётся только серая, плохая мука, с самых слабых, истощённых полей... А надо ведь и горожанам что-то продать. Длуткйу-Ансам пробовал припрятать несколько хороших лепёшек — солдаты, узнав об этом, разозлились и забрали большой котёл для похлёбки, слишком много едите, хватит вам... Второй раз забрали обеих куулы — вот и яиц семья лишилась... В третий раз нечего было забирать, просто побили. Похоронив детей, Длуткйу-Ансам и Катайду-Дугра закрыли дом и ушли из города. Куда глаза глядят. И пришли к партизанам... Деревенские декорации пугают их. Они жили в городе, в их доме было всё начищено до блеска, было хорошее освещение — не эти тусклые масляные светильники, был водопровод, у Длуткйу-Ансама была машина — пока не пришлось её продать, чтобы покрыть долги, при болезнях они покупали лекарства в аптеке, пока было, на что покупать... Им безумно жаль тех, кто жил здесь, но жалость эта уже какая-то отстранённая — они сами за этот месяц привыкли ко многому... Кегут-Салфайчи — тоже городской, он куда моложе их, у него ещё не было второй линьки, а линяют бреммейры в среднем раз в десять лет. И своей семьи у него не было, он только думал о том, чтоб завести её — сам он происходил из семьи по местным меркам знатной и богатой, насколько это бывает у бреммейров, до глубокого классового расслоения толком почему-то, до недавнего времени, не дошедших, его родитель-«ветер» был Старшим из Старейшин, то есть, по сути главой города, потому что был самым образованным, практически учёным, и в свободное от управленческих обязанностей время продолжал вести врачебную практику,

которой, собственно, и заслужил авторитет у горожан. Кегут-Салфайчи, младший в семье, ещё считался беспечным дитём, хоть уже и помогал старшему брату в его книгопечатном цехе. Он до блеска натирал свою чешую не золой, разумеется, а специальными порошками, носил много украшений — к одежде бреммейры равнодушны, а вот украшения другое дело, даже среди нищих побирушек нет ни одного, кто не носил бы хотя бы простенькой серьги или браслета, хотя до стадии Бул-Булы, увешанного ими, как ёлка, доходит, конечно, мало кто, играл на рысын, был и собой хорош, и от души наслаждался восхищёнными взглядами, предвкушая, что скоро встретит достойную партию для любовного союза. Но судьба распорядилась иначе — когда в город явились войска Бул-Булы, требуя, чтоб горожане подчинились «центральной и священной власти», Кегут-Салфайчи первым схватился за оружие, и легко зажёг сверстников, обожавших его как своего вожака с детских лет, а за ними и старших, и стариков. Увы, бой был недолог — у противника был и численный перевес, и оружие не чета их медленно перезаряжающимся ружьям. Старейшина Старейшин погиб, схвачены и казнены были и братья Кегут-Салфайчи, его родственник по родителю-«земле» согласился на мировую с солдатами, став новым правителем, он и раньше был трусливым и завистливым — да кто ж тогда знал, насколько. Он долго выслеживал племянника, чтобы выслужиться перед новыми хозяевами, схватил и убил многих его друзей, но Кегут-Салфайчи вместе с немногими уцелевшими соратниками успели покинуть город, ушли, оставив дерзкое послание, что однажды вернуться, и выметут грабителей и убийц из родного города. Среди солдат Бул-Булы читать умели не все, но им было, кому прочесть... Кегут-Салфайчи снится весна. Он чувствует её сквозь снег и завывания ветра, как чувствует спящая под снегом трава, весна для него — это победа, смерть проклятого Бул-Булы, его солдат, дяди-предателя, это праздник в родном городе, и он снова во всех своих серьгах и браслетах, с рысын, и стар и мал пляшет под его музыку, и он наконец выбирает себе спутника по сердцу, и цветами и яркими светильниками украшают новый дом для молодой семьи... Но до весны ещё далеко, зимы на Бриме суровые. И в глубоком снегу всё ещё хватает места для них всех...

Виргиния перебирала эти нити-дорожки — вот уж здесь она совершенно не собиралась стесняться, что слушает чужие мысли. Ей важно было знать чувства, надежды, историю каждого из этих воинов, верящих в неё несмотря на то, что её кожа нежнее, чем неокрепшая чешуя ребёнка. Всех — безумие надеяться запомнить... А она старалась. Мыслефон Лаук-Туушса пронизан интересом и симпатией к Рйактат-Шау — а при свете дня и не подумаешь... Рйактат-Шау совсем недавно с ними, а в Сопротивлении — можно сказать, что и давно. Когда в их деревню первый раз пришли солдаты, забирать мясо, хлеб и чем ещё можно поживиться — жители поудивлялись, но отдали. Решили, что где-то идёт война, и нужно поделиться с армией, чтобы война не пришла к ним. Когда пришли второй, третий раз, и забирали всё больше — это не понравилось многим, в том числе и Рйактат-Шау. Собралась молодёжь покрепче, нескольких солдат убили, отобрали их оружие и скрылись в лесу. Стали присылать отряды больше, лучше вооружённые — но до деревни они не доходили, находили свою смерть в лесу. Потеряв терпение, солдаты просто сожгли лес. Рйактат-Шау и его ребята успели бежать — и встретились с одним из отрядов Виргинии. Виргиния потом попросила Тай Нару перевести «Балладу о Робин Гуде» — Рйактат-Шау она очень понравилась, он сказал, что не против, если Выр-Гыйын, которой сложно произносить бреммейрские имена, будет кратко называть его Рон-Гутом.

Виргиния потянулась дальше, нашаривая «дорожку» Гелена. На лежанке его, конечно,

не было. Он лежанки вообще не любил, что не удивительно при его росте... Сидит внизу, конечно. Не спит. О чём думает? Ему тоже есть, о чём вспомнить такими вот деревенскими ночёвками. Тоже вспоминает то место, где вырос, деловитых, хозяйственных аборигенов маленькой планеты, находящейся на ещё более феодальном уровне, почитающих поселившегося у них техномага как мудреца и покровителя. Гелен говорил, что его отец был техномагом, но это не его отец, этот высокий, худой мужчина с усталым, каким-то скорбным лицом, родители Гелена погибли многим раньше... Если углубиться в проносящиеся в голове образы, можно ведь, наверное, найти... Виргиния сама не знала, зачем ей это нужно. Просто не давала покоя мысль — ведь тогда, когда был ещё учеником, Гелен не сбрасывал волосы. Поймать отражение в зеркале — ведь были же у них зеркала, ну хоть одно? — убедиться, что его волосы действительно были светлыми. Голос матери, так явственно вставший в памяти, яснее, чем что-то другое из прежней, невероятной жизни... Высокий, русоволосый, с большими голубыми глазами... И лицо такое... «романтическое, одухотворённое», говорила мать. «Слегка не от мира сего». Разве Гелен не подходил под это описание? С той разницей, что он не был телепатом. Что вообще не бывал на Земле.

— Виргиния, прекрати, мне щекотно. Почему ты не спишь?

Вздыхнув, Виргиния отодвинула полог-шторку и сползла с печки.

— Не спится. Душно, кажется, слишком. Я в духоте с трудом засыпаю, и если засыпаю — снится такое, что все шедевры Гойи отдыхают. Нафиг такое нужно перед боем.

Гелен кивнул, указывая на щели в топке.

— Дым подтягивает. Весь вывести не удаётся.

Девушка пригляделась и увидела, что большая часть дымных струй, свиваясь в тугую жгут, утекает куда-то в потолок. Как-то слишком организованно, чтобы это могло происходить естественным путём.

— Логичнее бы было просто закрыть эти щели... Я имею в виду, микрощитами закрыть, механически-то никак, всё раскалённое... Но в щитах я откровенно не того уровня специалист, чтобы делать ещё и такую ювелирную работу. Не моё это как-то, как и всё достаточно созидательное. Взорвать что-то, согнуть, сломать — это пожалуйста.

Виргиния покосилась, пытаясь определить степень его серьёзности в этот момент. Всё-таки, юморок у Гелена черноватый, в том числе в области самоиронии.

— К счастью, на то, чтоб придать дыму более организованное движение, меня хватило. Бреммейрам — им всё равно, они и в задымлённом помещении спокойно спят, а людям тяжело.

Что да, то да. Поэтому капитан Ли с остальными и предпочли для сна соседний дом — там печка хуже и гораздо холоднее, но холод им оказалось стерпеть легче. Ну, не после Минбара, и не после двух месяцев в подземельях холода-то бояться... А она всё же предпочла остаться в штабе, там, где стоял аппарат связи, где лежали карты.

— Но ты бы всё же поспала немного. Сон даже супергероям иногда нужен. Тем более что я тут собирался, извини, совершить некоторые гигиенические процедуры.

Виргиния закусила губу. В скудном освещении избы не очень хорошо видно, не очень легко понять, действительно ли пробиваются на его лысине короткие волоски. Если так, то они действительно светлые. Но не из-за этого сейчас больно кольнуло в груди. Она уже знала, как осуществляются у техномагов эти самые гигиенические процедуры, что для этого совершенно не нужны ни вода, ни мыло. Совершенно ненормальные люди — опалить себя, для сжигания волос и всякой грязи, огнём, пусть и магическим, более управляемым. До

стадии коллоидных рубцов не доходит, но приятного всё равно мало. Кстати, интересно, почему до рубцов-то они не доводят. Немного передержать — и всё, волосы не вырастут уже никогда, и пугающее впечатление на обывателей будешь производить ещё большее. Даже пусть не каждый день, а раз дня в три, добровольно подвергать себя подобной экзекуции... В знак уважения к Кодексу, видите ли. Виргиния духом ненавидела подобные традиции, никакой высокой смысл для неё их не оправдывал. Ладно, если б действительно по высокой надобности, ради чего-то важного, ради чужой жизни. Но из уважения к Кодексу... его что, просто, внутри себя никак нельзя достаточно уважать, без внешнего мазохизма? Поэтому она, каждый раз, когда по розовой, обожжённой коже понимала, что Гелен опять купался в огне, терзалась необходимостью скрывать свои эмоции по этому поводу. Желание помешать ему в следующий раз, уговорить, раз уж ему так нравится щеголять лысиной в условиях зимы на чужой планете, когда у них и одежды толком нет, по крайней мере делать это так же, как она бреет подмышки — с помощью таза с водой, масла и мелкой золы за неимением мыла, и острого ножа. И уверенность, что если ей однажды окончательно надоест распутывать измученные отсутствием шампуня и расчёсок волосы, она попросит его о помощи в осуществлении именно этого приятнейшего способа. И поскольку она не была готова к тому, чтоб объяснять ему свои мотивы, эту странную и, вероятно, глупо звучащую солидарность, она надеялась оттянуть этот момент на подольше. И она вполне благодарна была ему за то, что он не возвращался к выраженному ею однажды, ещё в начале их знакомства, желанию в будущем, когда это всё закончится — если не закончится их смертью — стать техномагом. Техномажьей эмпатии вполне достаточно, чтобы понимать — на попятную она не пойдёт. При всём том, что — Гелен не отличается большой откровенностью, но что-то всё-таки рассказывает, ну а что-то она узнаёт обычным для телепатов способом — она уже имеет некоторое представление, насколько это не самая лёгкая, на всех этапах, стезя. Пусть из гордости, упрямства, как угодно он это назовёт — не откажется. И так же, как со всем, что они уже сделали и делают — или погибнет, или выдержит.

Рейнджер Гарриет со смешанными чувствами обзирал выстроившуюся в довольно бестолковом порядке сводную флотилию островитян. Двадцать пять кораблей... Много это или мало, учитывая предстоящую задачу? И учитывая, что три из них, гордо блистая флагами самопровозглашённых островных республик размером примерно с Ямайку, были перепрофилированными бывшими рыболовецкими судами? Из всех, опыт совместных манёвров есть у пяти таких стран-островов, и это понятно, у некоторых весь флот — единственный корабль, и это оправданно, что они отказались принять участие в этом безумном предприятии — кто-то должен остаться здесь, для защиты своей земли. Бул-Була наверняка уже послал карателей на северный континент, наверняка по пути и встречным островам достанется. Если б они раньше подумали о том, чтоб объединиться... Ну, некоторые, со слов Кватыу-Дшама, одного из немногих тут, кто мог служить переводчиком, и объединялись, несколько малых островов в одно солидарное товарищество, понимая, что при таких слабых силах вместе хоть немного больше шансов, чем поодиночке. Но объединяться всегда труднее, чем ссориться... Надо ведь помнить, что единой власти у этого мира не было до Бул-Булы. А местечковые правители, как любые такие правители в любом из миров, не дураки были иногда устроить небольшую войнушку с ближайшими соседями, и за поводом тоже дело не вставало...

Как ни красиво зрелище такого количества кораблей, выплывающих на серо-зелёное

зеркало, играющее яркими солнечными бликами, как ни празднично под юным рассветным солнцем сверкают золотые и медные украшения в нарядах бреммейров — картина эта всё же страшная. Потому что понятно — столько кораблей вместе не собираются просто так. Очень скоро безмятежная тихость и торжественность этого шествия взорвётся грохотом выстрелов, калейдоскопом разрушения, и море вскипит, глотая без счёта обломки, раненых и убитых.

Они долго спорили, плыть ли им всем на одном судне. С одной стороны, сосредоточиться всем на одном — это допустить в своих мыслях, что возможно, желанного берега может достигнуть только один корабль из всех, с другой — разделяться сейчас было просто страшно. Что будет, если море снова разлучит их? Где, и сколько времени, им потом искать друг друга? Этот крейсер — наверное, это можно назвать так — третий по величине из кораблей сводного мятежного флота. Один из самых первых здесь вообще... Из изначальной команды, когда-то взбунтовавшейся против нового командования, после чего крейсер круто изменил курс и блудил от одного необитаемого острова к другому, избегая попадаться кораблям гарнизонов лояльных к власти островов — они долго не могли решиться открыто и явственно примкнуть к мятежникам, выступить против своих, но в конечном счёте деваться было уже некуда — сейчас осталось около половины. Ну что ж, и то хлеб. Смысл теперь волноваться о том, что из них всех мало кто смыслит что-то в морских сражениях — придётся полагаться на тех, кто смыслит, сколько бы Ромм и Харроу ни иронизировали на тему бреммейров-моряков и бреммейрской армии вообще.

— Ну, вот они, голубчики... — удовлетворённо крикнул Ромм, — я уж боялся, мы будем выглядеть как дураки, выйдя таким парадом. Ну логично, не заметить происходящий тут движняк они не могли, оставить без внимания — тоже. Сколько Бул-Була мог терпеть это «своеволие и беспорядок»? Решил раз и навсегда установить порядок на море как и на суше, ууу, сколько смертничков выслал... Ну ничего, в океане места много...

Ромм, как и все тут, не мог, конечно, знать, что сейчас Бул-Буле хватает проблем и на суше. Наверняка, его порадовало бы это. Но в сущности, много ли это меняло — морские силы всё равно мало что могут сделать в ситуации на материке, вот их и послали решить хоть одну из разрастающихся проблем.

Один из мелких кораблей противника вышел вперёд. Ромм в оптику видел увешанного побрякушками какого-то военного чина с чем-то вроде рупора в руках.

— Э... а почему через матюгальники-то? У них что, связь коротнуло?

— Как я понял, она у тех и этих разная. Вроде как, есть связь — есть и перехват...

— Дебильная, конечно, но логика в этом есть.

Первым речь держал адмирал или кто он там противника. Закономерно, потребовал от мятежного сброда сдаться на милость законной власти, иначе испытают на себе всю мощь праведного гнева Бул-Булы. Правда, Сонара, вольно переводивший эту речь, как-то усомнился, что тут нужно говорить именно «милость», да и слово «праведный» произнёс несколько неуверенно. В общем-то, и «иначе» не предполагало, что в случае сдачи никакого гнева не будет, одним словом, аргументация у правительственных войск хромала. Кажется, это отметили и отвечающие на парламентёре пиратов, но это не было основным содержанием их ответа. Сонара разобрал только «как земля ты камень, как ветер ты несёшь зиму и смрад разложения» — может, звучит и как философия, но по смыслу это должно быть очень обидно.

— Ну, как-то и не ожидалось, что переговоры будут долгими и плодотворными...

Честь первого выстрела Ромм себе выторговал, видимо, ещё тогда, когда, пока шло

обсуждение общего выступления, дважды принимал участие в рейдах на проплывающие поблизости правительственные корабли. Ну, а чего можно было ожидать от человека с эдакой алкогольной фамилией, выразился тогда Харроу, уж кто-кто, этот вполне акклиматизировался. Моралес с ним тут, правда, был не согласен — нет ничего такого удивительного, что человек вот так прогрызает себе путь к свободе. Всё-таки преступное прошлое Ромма, при всей несомненной его преступности, с вот этим равнять нельзя. Если на то пошло, вполне справедлив довод, что немногие из них могут позволить себе роль пассажиров в такой-то ситуации. Даже мисс Карнеску научилась стрелять там, на северном континенте, но сейчас Далва всё же настояла, чтоб Стефания осталась внизу, с Виктором, он, конечно, связан, но какой-то пригляд не помешает.

Носовые орудия были слегка сбиты, и поэтому приходилось стрелять не точно по центру, а слегка вбок, что давало некоторое преимущество вместе с кучей недостатков. Перепрофилированные катера береговой охраны обладали большей маневренностью, чем лёгкий крейсер, поименованный пришельцами между собой, за невозможностью выговорить сложносоставное бремейрское название, «Эйфорией», на котором разместились большая часть команды, но их орудия не могли пробить борт насквозь. Зато на одном из этих катеров находился Андо Александер, настоявший, что ему необходима несколько большая расторопность, и это компенсировало недостаток бронебойности всей эскадре. Это было не то же, что «расчистка коридора» выстрелами носовых линкора «Сюзанна Лученко» (так назвал корабль Моралес, выговорить его бремейрское название потерявший всякую надежду, местным, правда, об этом не сообщали, им и так от косноязычия пришельцев сплошные огорчения), это было нечто ближе к точности и избирательности снайперской винтовки, хотя и не без промахов. На Центавре у Андо не было с этим проблем — оружие дракхов, несущее, как и они, след Теней, он чувствовал, это было не столько рассудочным, сколько импульсом на импульс. Здесь было сложнее, потому что устройство большей части орудий — вполне механических, не органики — он знал весьма примерно, и не всегда мог выбрать, какой элемент сместить, чтоб орудие заклинило — при том, что на это выбор было не более пары секунд, все эти схемы он проработал загодя, ошибка могла стоить дорого. То, что он не мог идентифицировать — что более чем логично, вооружение у сил Бул-Булы минимум вдвое обильнее и разнообразнее — приходилось нейтрализовать каким-то другим образом. Иногда — попросту некой воздушной подушкой в дуле (из-за чего одно такое орудие разнесло вместе с основанием и солидным куском палубы) или разворотом этого дула в другую сторону, иногда — солдаты по тому борту, который был ближе к кораблям мятежников, вдруг разом переставали стрелять и столбенели, или вообще принимались палить по своим.

— Только то их и выручает, что Андо у нас один, — кивнул Нефануэрмо, программируя пушку для очередного обстрела, — если б не видел собственными глазами, никогда б не поверил, что это человек, рождённый мужчиной и женщиной, как все мы, а не некое оружие прежних обитателей нашей планеты, по воле Наисветлейшего оставленное нам, и по его же воле покинувшее наш мир.

Пушка в руках Нефануэрмо была лорканской, до сих пор не использовавшейся, возможно, вообще ни разу — неизвестно, о чём думали те, кто продал такое бремейрам, она требовала сложной корректировки после каждого выстрела, что у непривычного могло занимать до получаса — за это время цель успеет не только переместиться, а подойти вплотную и выстрелить в лоб. Но Нефануэрмо непривычным не был, в военной академии

умели доводить такие вещи до полного автоматизма, пальцы плясали по глади экрана, на который ему не требовалось даже смотреть. Гарриетт, у которого опять сбился прицел, набрал в грудь побольше воздуха и... выдохнул. Такова уж выучка рейнджеров, даже в таких ситуациях ругательства даются им с трудом. Мимо прокатил свою установку, перемещая дальше по борту, долговязый молчаливый Эммет. Две флотилии сходились всё ближе, теснее, вгрызаясь в строй друг друга, и вот уже нос к носу сошлись «Кыутуклаастакыу» с вражеским кораблём того же класса, и уже разворачивался роммовский «Махатма Ганди» (в вопросе выбора имени корабля, это имя было единственное из невеликого перечня исторических личностей, которых Ромм помнил, что бреммейры почему-то могли произносить, не искажая), проскочивший между двумя крейсерами Бул-Булы, и это было не очень хорошо для них, так как их кормовые орудия работали уже только частично, а вот носовые «Махатмы» работали отлично... Нефануэрмо снова выругался. Впрочем, не его это дело, если люди решили всё же разделиться — им виднее. Ну, Андо была нужна маневренность самого быстрого катера во флотилии, который Ромм обозвал «Сперматозоидом», но официально он, конечно, носил другое название, а Алан просто не мог отпустить его одного, а Ромму хотелось идти на этом, и это тоже справедливо, потому что там одни из самых сильных носовых орудий, и потому что он ведь помогал его захватывать, и тут уже Сонара решил составить ему компанию... Неудачным манёвром «Аштгайкшгшау» пропорола бок об острую пику на носу противника, впрочем, ущерб был обоюдный — эту самую пику, вместе с обеими носовыми орудиями, снесло начисто, бреммейры обоих кораблей азартно поливали друг друга огнём с близкого расстояния. Керадзуэрто, пытавшийся вести счёт, не успел заметить момента, в который оба вспыхнули единым костром, зацепив проходящий мимо торпедный катер — не разобрать в дыму, свой или противника... Пока 4:5, и не в нашу, увы, пользу. Но вот накренился вышедший наперерез тяжёлый крейсер — кажется, после близкого попадания с «Шетшамкхештш», и Эммет покотил свою установку на новую позицию.

— Этим там, в рубке... Надо отойти! Если щас рванёт — и нас накроет...

— Ну вот, ещё один наш взлетел...

Маленький «Эйкхтекхеайим» шёл на очередной разгон, пыряя носовой пикой борта огромного вражеского — было похоже на яростно жалящее насекомое, увы, у бывшего катера береговой охраны других возможностей против такого противника мало — когда его накрыл шквал огня. Увы для спасаемого корабля, взрывной волной сито от почти безвредного тарана разворотило до приличной дырищи. С бортов как горох посыпалось в воду офицерство — кажется, матросы экстренно захотели жить и настаивали на сдаче подошедшему «Шетшамкхештш», а начальство было против такой позорной капитуляции, надеясь на помощь защитившего их корабля, только вот у него сейчас была другая проблема — зашедшая с тыла «Сюзанна Лученко»...

— Какой счёт сейчас? — спросил Тшанар, отгаскивающий раненого Гарриетта к трюмам, где его могла принять и разместить Далва.

— 6:7, и ведём, в кои веки, мы... Вели. — Нефануэрмо приложил ладонь ко лбу в поминально-молитвенном жесте. Волна брызг и пара оседала на его волосах и одежде тонкой наледью. Тшанар проводил взглядом опадающий водяной столб.

— Это... был «Махатма»?

— Да. Ромм, этот храбрый до безрассудства человек, и ваш товарищ-бракири уже с Наисветлейшим. Может быть, и всем нам предстоит последовать за ними. Но мы должны

теперь прорываться к берегу со всем возможным упорством и ожесточением...

— «Фа»... Обещаю, я не расстанусь с ней. Добровольно уж точно.

Андрес придиричиво ощупал крепление манжеты, выведенную на запястье панель управления и, видимо, остался доволен.

— Матери как объяснишь такое специфическое украшение?

— Ай, я и до всего этого пай-девочкой не была, переживёт как-нибудь. Если, конечно, я это всё переживу... Глупо, вообще, даже в шутку рассуждать сейчас, что будет, когда это всё закончится. Это другая жизнь, другая реальность совершенно. С шампунями, косметикой, людьми, которые могут болтать часа два и потом непонятно — что они сказали-то, в сухом остатке? Я от всего этого отвыкла совершенно. Ну, про шампуни и косметику не буду лучше, хотя у тебя на голове, смотрю, не такой апокалипсис, как у меня. Неужели у Гелена в загашниках что-то нашлось? По виду и не подумаешь...

Андрес сел на скамью, некоторое время задумчиво сплетал и расплетал пальцы.

— Вообще хороший вопрос, чтоб подумать, хоть сейчас, хоть в какую другую минуту. Кажется, что лучше отложить его на потом, но в этом «потом» будет... хорошо знаю, что. Я пять лет пытался с этой депрессией справиться, потом думал, что справился. На самом деле только теперь понимаю, что готов жить дальше. Кого-то война отпускает легко, потому что они ей и не принадлежали, жестокая необходимость, не иначе, кого-то — потруднее. И мне кажется, ты из второго типа.

— Андрес, людям этого типа нормальная жизнь всё равно тесна, в принципе. Тебе и мне хорошо в том, что эти войны в нашей жизни случились, на них можно всё спереть. А так бы просто идиотами называли. Я знаю, как ты на это смотришь, но я действительно не хочу думать, что потом. Я очень хочу увидеть маму, сестру, брата, правда. И я очень сожалею, что я не попала в этот новый мир, да и вы все из-за меня тоже. Но есть решения, которые надо принимать вот сейчас, ошибочны они или нет — но непринятие решения хуже. Так что сожалею я не о своих решениях, а о том, с чем они совпали. Я смогу оставить Бриму — смогла же Арнассию, хотя и там, и здесь я оставлю кусок себя. Но мне придётся расстаться с Аминтаниром, с Геленом... Вот об этом я не хочу думать. Что мне даст эта твоя обычная жизнь взамен их? Доброго, хорошего, скучного человека?

Бывший террорист покосился на неё с усмешкой.

— Даже не знаю, говорить ли тебе, что отношение Гелена к тебе — чисто отеческое? Уж не знаю, откуда такое отношение у мужика, у которого никогда не было детей, который и с женщиной-то близок не был... Да, зря я это сказал. Прав Гелен, я многовато языком треплю. Хотя мне и думалось одно время, что ты-то за два месяца могла его неплохо узнать... Но кажется, он такой человек, что говорит о чём угодно и о ком угодно, но о своей жизни — меньше всего. О Мэтью Гидеоне я за это время узнал как-то куда больше...

— Вообще-то, и моё отношение к нему... не такое, как ты тут себе придумал. А о таком отношении если уж говорить... я думала, конечно, но это слишком сложный пока что вопрос.

Андрес помолчал, рассеянно откорябывая ногтями пятна краски с тыльной стороны ладоней.

— Мы с тобой на самом деле очень похожи. Даже слишком, наверное. Нам обоим, как ты выразилась... тесно в рамках нормальной жизни. Мы оба незаконнорожденные дети.

— Только ты уже научился с этим жить, а я пока, извини, никак. Скажешь, просто у

меня насчёт моего отца ещё могут быть какие-то иллюзии, в отличие от тебя...

— Мой отец — Хуан-Антонио Колменарес, и иного не было и не будет. Если загробная жизнь вообще существует, то он теперь явно в лучшем месте, в отличие от моего биологического отца. Я не знаю, что сказать тебе утешительного. Разве что — ты мне совершенно точно не сестра. Ну, может быть, твой отец был не очень хорошим учеником, можно же надеяться на это... А если нет — просто сумей преодолеть эту мысль. Я ведь сумел.

Постоянная ментальная концентрация давала о себе знать, и у телепата понемногу слабели ноги. Впившись пальцами в прутья борта, Андо сосредоточенно уничтожал оружие на ближайшем к ним крейсере, развернув канлодку противника прямо на него. Залп из всех орудий одновременно на какое-то время оглушил его, и в этот миг, когда корабль противника изнутри начали прошивать стремительные волны огня, реальность подёрнулась рябью, смазалась, словно размываемая водой акварель, и сквозь её полупрозрачную пелену проступило другое — чёрная сосущая пустота. Ещё с той поры, как они слышали, что Колодец Вечности крадёт время, он чувствовал это — как реальность, эта зыбкая драпировка, готова в любой момент разойтись по швам, явив то, что скрывается за нею — чёрное, беззвучное, безнадёжное ничто. Звуки исчезли, исчезла качка корабля, исчезли крики бреймеров, плавающее на металле обшивки солнце, боль в плече от отдачи оружия. Все исчезло, опадая, как капли, в эту бездонную тьму. «Дэвид, Дэвид, Дэвид»... И это его грудную клетку сейчас ломали раскалённые обручи боли и отчаянья — что чувствует один, чувствует и другой. Эхо голосов — тихих, прорывающихся сквозь скованные мукой губы, стекало, как капли растворяемой реальности. Время утекало сквозь пальцы, и последняя капля только что упала... Боль пронзила все существо Андо, дрожащие колени все-таки подогнулись, и он упал на них, все еще мертвой хваткой вцепившись в борт.

— Отец... нет..

Время словно замерло, времени не существовало, и ничего не существовало, ни этого беснующегося хаоса воды, огня и металла, ни бессчётных километров холодного вакуума между двумя планетами. Только пульс Дэвида, стучащий в мозгу, боль Дэвида, струящаяся в теле, как огонь в нутре взрывающегося корабля, и он, не в силах распрямиться, пораженный, поверженный осознанием того, во что не хотел, не мог верить. Эхо боли — зеркальный коридор — разворачивалось внутри, и это невыносимо было осознать, и это невозможно было не признать. Кровь отхлынула от лица, онемевшие губы задрожали, а из глаз покатались слезы. Этого не могло произойти, не сейчас, еще немного, и он бы вернулся, он бы успел, он бы что-то сделал. Что-то... оружие, не способное созидать, оружие, не имеющее права желать большего. Дефектное, не способное на то, чего желает больше всего. Ни единого шага для того, что единственное стоило любой цены. «Просто живи, живи ради всех, кому ты дорог. Просто будь, будь солнцем, будь путеводной звездой». Да, что он мог? Он мог отправиться за этим шаттлом — ради него, не по его слову, по своему порыву, чтоб быть полезным там, в том, в чём возможно. Он мог выполнять долг — в каждом новом его виде, помощи ли терпящим бедствие, поиске ли пропавших. И он мог прорываться через весь строй препятствий здесь — к цели, которая лежит за бескрайним морем, к цели, которая лежит за бескрайним вакуумом. Это было правильным, это было нужным... и он это мог. Там, в том, что затмевало всё, само бытие — он не мог ничего. Андо сглотнул слезы вместе с горьким комом в горле, понимая, осознавая, что всё... кончено. Джон Шеридан ушёл. И

поднятая взрывом ледяная волна рухнула, раздавив, разорвав его своим чудовищным давлением.

«Если я не могу смотреть тебе в спину, если не имею права кричать тебе вслед «не уходи!», если не дотянуться, не увидеть, зачем мне всё это? Зачем мне этот дар? Зачем мне эта жизнь? Зачем мне эта память? Память о тебе, о том тебе, которого я знал, которого знала Лита, которого знали все...»

— Андо!

Андо моргнул, тяжёлая капля слетела с ресниц, и разом вернулись все звуки, оглушительной какофонией ударив по слуху телепата. Ветер бросил в лицо мокрые рыжие пряди, острые солёные брызги — это перед глазами взорвался тот самый корабль, который несколько секунд назад разрушила его сила. Это Алан с перекошенным лицом тормозил его, это что-то кричали бремейры. Смерть. Смерть пульсировала в каждом толчке сердца — не только его, она носилась от сознания к сознанию, она окружала, как стягивающиеся к ним вражеские корабли. Они поняли, конечно, где главная их угроза. И их было много. Слишком много, чтобы выжить... Слишком много, чтобы иметь право жить. Он понимал, сам поражаясь у себя этой способности, что он всё ещё может что-то мыслить, что он не исчез в тот же миг, когда увидел последнюю эту песчинку времени, укатившуюся в непроглядный мрак, из которого нет возврата, что он всё ещё дышит, всё ещё стоит, и всё ещё воюет. Это его долг, это его дань, это то, что в его силах. Боль скручивала всё внутри, когда Андо поднял руки, между дрожащими пальцами вибрировала опасная сила, очень много, больше, чем, возможно, нужно.

— Держитесь! — прокричал Андо, даже не обернувшись в сторону стоявшего позади него Алана.

Воздух наэлектризовало, и лёгкий катер качнуло в сторону. Сначала небольшая волна ударила о борта чужих кораблей, потом ещё, ещё и ещё, толщи вод пришли в движение, повели хоровод, подхватили, играючи, все три линкора врага. На какую-то секунду снова смолкли звуки, поражённая толпа бреймеров позади Андо ахнула, когда на огромной волне их корабль стал подниматься вверх, вращаясь по спирали и закручивая корабли противника, втягивая их в разгоняющийся водяной смерч.

— Наисветлейший, что это?

— Назад! На полной скорости назад!

Тёмный столб воды, при совершенно ясном небе, поднимался всё выше, и в нём не различить уже было хищных очертаний вражеских линкоров, бессильных игрушек в руках управляемой стихии. Минута, две, три? И смерч обрушился, рассыпался, раскидав по океанской глади безжизненные останки кораблей.

Кулак Винтари снова врезался в стену, на сей раз оставив в ней менее значительную вмятину, зато оставив кровавый отпечаток.

— Почему? За что? Почему — именно так, именно сейчас? Почему не... Мы почти закончили, мы почти скоро улетали и так! Почему он не подождал... почему эта связь... Почему, если б я смог... Я не отпустил бы его, я не дал бы, не позволил... Я горло бы выгрыз тому ангелу смерти, что пришёл бы за ним... Господи, что! Что я сделал тебе?!

Дэвид, не в первый раз наблюдающий буйство центаврианской природы, но в первый раз так, мёртвой хваткой вцепившись в его плечи, почти висел на нём.

— Диус, прошу...

— Он не должен был умирать! Вообще не должен! Кто угодно! Я! Во всех мирах, во всех легендах есть способ отдать свою жизнь за другого... Я бы нашёл...

Дэвиду удалось повиснуть на его руках и своим весом прижать его к покалеченной стенке. В дверь, с опаской во взгляде, сунулись Брюс и Шин Афал.

— Диус, мне больно, как тебе... Мы с тобой весь последний год жили с одной болью... Которой он меньше всего хотел для нас. Он потому и отослал нас сюда, он потому и улетел сам... Чтобы не умирать на глазах тех, кто так его любит.

— Как будто это что-то меняет! — Винтари сполз по стене, увлекая за собой Дэвида, — как будто здесь, или где угодно, на краю вселенной, у чёрта в аду — было б легче это узнать, было возможно не... Дэвид, я наивно верил... Верил, что успею... Что не мог он послать нас сюда, зная, что нам больше не увидать его... Словно... глаза мои покрыты тьмой, словно их выклевали хищные чёрные птицы, оба моих сердца стали добычей... неистовых тварей преисподней...

Не всё в этих причитаниях и проклятьях на центарине Дэвид понимал. Он просто обнимал названного брата, роняя на разбитые костяшки рук горячие слёзы.

Решив, что гроза вошла уже в более спокойную стадию, и можно уже рискнуть зайти, Шин Афал с бинтами и успокоительным переступила порог. Брюс, страхующий на случай нового припадка у Винтари или Дэвида, шёл следом.

Истерика Винтари, уже не имеющая возможности терзать ослабевшее тело, продолжалась ментально, и едва не сбила Брюса с ног. В ней был крик ребёнка, из слабых ручонек которого вырвали любимого отца. В ней был гневный, отчаянный клёкот птицы над сожжённым гнездом. В нём отражалась боль за Дэвида, за Деленн, за всех...

Дэвид, словно маленькая птичка крыльями, стремился закрыть брата — словно чьё-то приближение сейчас означало для него новую боль, ведь в каждом лице он увидит подтверждение — да, его кошмар, который он гнал от него столько дней и ночей, сбился.

...Желать лишь одного — чтоб отец жил... Чтобы успех сопутствовал его делам, чтобы улыбка на его лице была вызвана иногда и его словами... Быть хорошим сыном, как сейчас, когда по отцовскому слову он отправился сюда, хотя сердце больше всего хотело остаться, никогда не отпускать, ни одного дня, ни одной минуты не упустить...

«Почему я не умер на Центавре? Всех дней, всех лет было б мало... Никогда нельзя жить, зная, что время конечно...».

Шин Афал почти силой влила в рот обоим пряный отвар — Рузанна готовила его под руководством местных знахарей. На Тучанкью, по понятным причинам, небогато снотворным, но некоторые травы, содержащие сильный наркотик, могут дать нужный эффект, известно, что центавриане, жившие здесь, пользовались ими, когда не могли уснуть... И это в любом случае лучше, чем то количество алкоголя, которое было бы сейчас эквивалентом...

— Что это, что за звук? Как будто льётся вода... У нас течь? Мы тонем?

— И давно. Я насчитал несколько попаданий, но сложно судить об их опасности... отсюда. До сих пор, во всяком случае, мы двигались, и достаточно быстро... Вот за шумом двигателей вы и не слышали воды.

— А теперь, значит, перестали... — Стефания подошла к двери, — почему никто не идёт? Они погибли? Может быть, над нами уже толща воды?

— Ну, в таком случае дёргаться и бесполезно. Здесь, конечно, ещё некоторое время

сохранится воздушная подушка, но не знаю, возможна ли за нами какая-то спасательная экспедиция... В таких-то условиях. И есть ли, кому её отправить.

Стефания навалилась на дверь, она поддалась только немного.

— Ну, вода сюда, как видим, не хлынула. Но дверь чем-то заклинило...

— А вы решили вплавь? Похвальное мужество, учитывая некурортную температуру в океане. Надеюсь, вам будет сопутствовать удача, мне же, боюсь, в эту узкую щель не пролезть.

— Значит, вам придётся подойти и навалиться вместе со мной, чтобы она стала хоть немного шире. Вы всё время пытаетесь где-то остаться... Вам так понравилось на Бриме? Сожалею, но вас положено доставить для суда на Землю — значит, вы будете доставлены.

За дверью слышались сначала шаги, потом раздался голос Далвы. Стефания забарабанила в дверь, потом наполовину протиснулась в узкую щель и замахала рукой.

— Далва, Далва, мы здесь! Что случилось, мы тонем? Мы не можем выбраться!

— Мы эвакуируемся, тонем — поспешное выражение... Мисс Карнеску, можете пока закрыть её обратно? Эй, Керадзуэрта, сюда, сюда!

Тощая переводчица протиснулась в щель полностью, потом вместе с медиком навалилась на дверь, сверху посыпалась стружка — металлическая балка, вырванная из стены ударной волной, повредившей правый борт, взрезала обшивку, погружаясь глубже.

— Да, хорошо, что у меня груди, считай, нет... Но мы должны вытащить Виктора. Это можно как-то сдвинуть? Что-то только хуже становится...

Подбежавший Керадзуэрта растолкал их плечами.

— Сдвинуть, может, и нет, да и на кой грех это нужно. Виктор, слышите меня? Отойдите! Держитесь дальше, чтобы не пострадать!

Тонкий луч лорканского лазера впился в обшивку, полосую её, как нож масло.

Палуба была скользкой от наледи и, показалось Стефании, крови. Хотя возможно, это просто сажа, пепел... Ночь бросала в лицо мокрую, холодную снежную крупу, ночь глухо ухала близкими и дальними взрывами, полыхала красноватыми вспышками, рвалась лучами прожекторов, криками, грохотом, скрежетом. Развороченная прямым попаданием пушка Гарриетта смотрела дулом в небо, два соседних орудия были снесены начисто. Эммет невероятными усилиями сталкивал на платформу спасательного катера свою орудийную установку, лишившуюся большей части колёс. Два заряда встретились где-то в вышине, рассыпав дождь искр, угасающих в полёте до земли — как фейерверк, если б не было так страшно...

— Что происходит? Мы ещё сражаемся?

— Может, я ошибаюсь, но это — берег?

— Да. Мы доплыли. Мы и «Шетшамкхештш», и одна из канлодок... Здесь нас встретила береговая охрана, но их силы невелики, думаю, ещё час — и всё будет кончено. Особенно если подойдёт «Сюзанна Лученко»... Но «Эйфория» сильно повреждена, конечно, думаю, восстановить можно, но сейчас нам лучше сойти на берег, тем более что наша помощь не мешает...

— Так она не затонет? — Стефания оглянулась на корабль, неожиданно показавшийся таким родным.

— Смело, — рослый бреммейр, обнажённую грудь которого пересекали перевязи ремней, на которых болталось местное и хуррское оружие, протянул ей лапищу, — все на берег, там свои. Всех спасти.

Стефании стало стыдно, что она так и не запомнила его имени, а ведь знала его. Такой удивительный силач... На промозгом ветру, окатывающим дождём ледяных брызг, он почти голый. Бреммейры, конечно, легче переносят холод, чем гуманоиды, но и тепло они любят неизмеримо больше... Лодка качнулась под ногой, где-то, кажется, совсем недалеко в тяжёлую чёрную воду что-то врезалось, какой-то элемент корабля, оторванный прямым попаданием.

— Необходимо его развязать! Далва, он не сможет спуститься, развяжите его! Сейчас все эти соображения имеют мало значения...

— Я смогу, не стоит беспокоиться.

Лодку едва ли не швырнуло о борт «Эйфории». Это ещё что-то взорвалось? Наше, их?

— Садитесь, мисс переводчица, — Моралес осторожно трогал халтурно забинтованную голову, — понять бы, чего они там орут, чья берёт... Ну да если на берегу командный пункт уже захватили — долго они тут не проартачатся...

Сын Офелии Александер и сын Лаисы Алварес родились в одну ночь. Ту самую, когда на далёкой Брима утихающая ярость океана выбрасывала на лёд обломки всесильной, самодовольной мощи, когда из сектора Корианны вернулась «Белая звезда-80», посланная на поиск «Белой звезды-1» или каких-то известий о её судьбе. Вернулась ни с чем... А ещё через три дня на космодроме Тузанора приземлился шаттл с вернувшейся с Тучанкью делегацией...

==== Часть 5. ТЕРНОВНИК. Гл. 12. Во имя революции =====

Por justicia y verdad, junto al pueblo ya está,
con el fuego primero del alba!

La pequeña canción
que nació en nuestra voz
guerrillera de lucha y futuro!

Con Bolívar, Galán, ya volvió a cabalgar
no más llanto y dolor de la patria!
Somos pueblo que va, tras de la libertad
construyendo la senda de paz!

Estribillo (x2):

Guerrilleros de las FARC, con el pueblo a triunfar
por la patria, la tierra y el pan!
Guerilleros de las FARC, a la voz de la unidad
alcanzar la libertad!

La opresión secular, quiere aún acallar
el sentir de los trabajadores!
Compañeros, alzar, la bandera de paz
los sagrados derechos del pueblo!

El imperio brutal, ya se siente el final
con los brazos de América toda!
A los pueblos, la paz y la felicidad,
socialista el futuro será!

Estribillo (x2)

Himno de las FARC-EP — Испанский

Клаукту-Дакта ещё давно понял, что единственный плюс во всей этой ситуации — с некоторыми из иномирцев можно говорить мысленно. Увы, не со всеми. И конечно, это сложно. Бреммейрского языка они не понимают так же, как бреммейры — их языка, поэтому думать надо картинками, при чём «показывать» их чётко, последовательно, стараясь не допускать при этом в свои мысли ничего постороннего. К счастью, они способны правильно понимать эмоции, вопросительные и восклицательные интонации. Отвечают они так же картинками, которые появляются в его голове. Первое время это странно и даже страшно, но за это время и не к такому можно привыкнуть. Какими бы непостижимыми и чуждыми ни были эти иномирцы — это они освободили его и его товарищей по несчастью с шахты, а потом и вообще вон что случилось — всю администрацию, поставленную Бул-Булой на Второй земле, свергли. Там теперь свободная земля. Стало немного грустно, но Клактау-Дакта тут же смёл из мыслей эту грусть — он сам выбрал отправиться к Первой земле, чтобы и здесь испытать радость ту же и большую. Картинка, которую показал ему тогда маленький из иномирцев — как Бул-Буле надевают петлю на шею — ему очень нравилась, он прокручивал её в голове часто. Для иномирцев это символ уничтожения. Теперь они уже знают, что давление в этом мире не распространено, здесь преступников убивают иными способами. Но всё это выглядело здорово — словно тирана, как деревенскую скотину, садят на привязь. Что ж, если даже маленькие острова, над самым существованием которых так смеялись в его деревне — как же они там живут вообще, тесно, наверное, и кругом вода подступает, ну какой же нормальный согласится так жить? — сумели отбить свою свободу, то Первой земле стыдно теперь мешкать. Иномирцы помогли освободить Вторую землю, потопили флот Бул-Булы, и корабли с островов пришли к берегам Первой земли — впервые не с войной, а чтобы помочь. В какое отчаянье сперва пришла команда, когда увидела, что их кораблик, рухнувший с высокого водяного столба, воля волн вынесла так далеко от всех остальных, его единственный привела к порту Наымтай, разбитый, неуправляемый — как бессильную жертву хищникам. А оказалось, что Наымтай — уже неделя как свободный порт, и хочется три ночи не спать, слушать рассказы местных и солдат с запада, как это было, и как до этого было в Шайтуе, и Кикту-Ноксе, и множестве мест, которых он раньше не слышал названий. Линия фронта пересекла континент, здесь вышла к морю. Ещё не вся Первая Земля свободна, конечно, силы Бул-Булы ещё крепки в центре и на юге, но и за этим дело не станет. Кто-то, конечно, радуется и считает, что главное теперь — укрепиться здесь, не позволить армии тирана ещё сюда сунуться — да разве он посмеет теперь, да разве силёнок хватит, у него теперь проблем-то много, ну и нечего о нём думать, думать теперь о многом надо — избрать новую, праведную власть, накормить голодных, отстроить разрушенное, чтоб краше прежнего было. Другие возражают, что рано радоваться — хорошо, конечно, наподавали этим, но их всё ещё много, и нипочём тиран не отступится ни от чего, что успел подержать в своих лапах, тут и о других тоже надо думать, нам сюда пришли помогли, теперь нехудо б оплатить долг, и вот в

частности — помочь этим двоим иномирцам пробраться к центру, к своим собратьям. Сколько здесь тех, кого от дома отделяют фронты, вражеские укрепления, а кого-то и океан — кто приплыл сюда, добавить свои силы к нашим силам, а мог бы тоже дома красоту наводить. А этих существ от дома космос отделяет, а ведь началось всё с того, что один из них проникся сочувствием к нескольким из нас, кого отделял от дома холодный враждебный космос.

Клаукту-Дакта очень о многом хотелось расспросить иномирцев. Чем дальше оставался Наымтай, чем дальше они шли по изрытым недавними боями равнинам, пересечённым редкими полосами лесов — только и жди, что издали ещё заметят, организуют «тёплую встречу» озверевшие от понимания, что дело их проиграно, ошмётки карательных отрядов Бул-Булы — тем больше щемило сердце, скоро они расстанутся. Каждый, наверное, из тех, кто шёл рядом, успел возненавидеть пришельцев за свою недолгую жизнь — даже если не встречал их лично, этих жестоких, надменных, алчных торговых партнёров и советников из хурров, гроумов и ещё каких-то рас, которых не вспомнить названия, кто прилетал в этот мир забирать золото, камни, зерно, и оставлять взамен смерть в тысяче разных упаковок. Это, конечно, был самообман — не пришельцы принесли войну, жадность, любовь к власти. Всё это зрело в каждом из местечковых князьков столетия, и просто ярче всего, полнее всего явилось в одном. Но мог ведь быть и любой другой, кому повезло бы воспользоваться поддержкой негодяев и своего мира, и чужих. Нет такого поля, которое не могло б родить и доброе семя, и дурное. Не только с чёрными мыслями приходят в чужие миры. Эти пришельцы были во многих мирах, как многое они могли б рассказать... Если б хоть один язык был общим для них. Эти пришельцы, такие странные, чужие, с белой, страшной, как снежная гладь, кожей, с звериной шерстью на голове, с непонятным, тягучим, как смола, языком оказались близкими им. Много, очень много должно стать по-другому теперь. Бреммейры — народ неамбициозный и, наверное, правильно сказать — ленивый. Умеющий довольствоваться тем, что есть сейчас. Кто-то, конечно, не довольствуется — и хочет больше знать, больше уметь, изучать языки, знать строение молекул и звёзд, изобретать машины, лекарства, всякие неожиданные вещи, которые могут сделать жизнь в чём-то сложнее, в чём-то проще. Ну, и пусть, думали они, если кому-то так хочется. Да, если они поделятся чем-то из этого — машинами, с которыми можно убрать урожай в десять раз быстрее, устройствами, делающими возможным общение на расстоянии, то очень хорошо, это правда. Но если не поделятся — то и так хорошо, жили без этого, и дальше жить можно. Кто-то хочет управлять, принимать решения за всех — ну и пусть, думали они, если им так уж хочется. Власть — это сложно и беспокойно, нормальный, конечно, это не выберет. Но кто-то ж должен этим заниматься. Это правда, от власти беспокойство всем, те, у кого власть, постоянно чего-то хотят — новых знаний, новых богатств, ещё больше могущества. Ну, пусть, им там, наверное, виднее. Больше не должно быть так. Одни правители, торговцы, мудрецы считали нужным много знать, больше видеть, держать в руках нити чужих жизней, чтобы тянуть их, куда считают правильным — и вон, к чему это привело... Больше нельзя допустить не только, чтоб появился ещё один Бул-Була — но и чтобы появился кто-то из таких, что были до него.

В следующем коридоре Дэвид налетел на врача-землянина — немолодого, темнокожего, с серебристой от седины головой. И не сразу понял, почему его руки вцепились в его плечи, не выпускают их, только через какое-то время стены дрогнули и

снова обрели чёткие очертания, и память вынырнула из омута боли, чтобы глотнуть воздуха.

— Доктор Франклин?

— Дэвид, господи боже... ты здесь. Как бы я хотел увидеть тебя снова... не при таких обстоятельствах.

Странно, раньше он никогда не казался старым. Может быть, детская память, они ведь, действительно, так редко виделись... Он всегда был воплощением ума и энергии, он был из тех, кто не войдёт в тихую гавань, не остепенится — покуда есть во вселенной места, где он ещё не бывал. А теперь из глубины его глаз смотрела безысходная, щемящая тоска, которую он старался спрятать дальше, глубже — ради этого места, где они сейчас находятся.

— Как Офелия? Я... знаю всё, в общих чертах. И хотел увидеть её, если можно. И малыша.

Пожилой врач кивнул.

— Да, таково неуклюжее извинение вселенной — рядом со смертью рождение, рядом с огромной скорбью новая надежда... Жаль, что не Андо я говорю сейчас эти слова.

Сердце Дэвида снова сжал болевой спазм.

— О нём всё это время... ничего не было слышно?

Франклин отвёл взгляд.

— Ты ведь слышал, думаю... Они считаются пропавшими без вести — чтобы не произносить бесповоротно страшных слов. Хотя это было бы честнее, наверное. Их корабль ушёл к границе исследованного мира... Это было безрассудство, конечно, и сейчас думается — им должны были отдать приказ возвращаться. Но кто мог решить так тогда? Спасти безрассудных детей, предотвратить скандал между мирами... Жаль, что не получилось. Знал бы ты, как эти лорканцы выступали, спасибо бракири, что как-то их утихомирили...

Слова застряли комом в горле. Никто не верит, что они ещё живы... А он? Палец скользнул по холодному металлу кольца, и Дэвид проглотил эти слова. Правильно и уместно сказать Офелии, что он верит вместе с нею. Верит, а не знает. О странных, безумных снах, о зеркальном коридоре ледяного мрака он ей сказать не может. Непроизнесённое чёрной тенью шло за ними по коридору, дробясь беззвучным эхом между гладких светлых стен, окутывало их единым шлейфом безмолвия — не для всего существуют слова, нет, не для всего...

В палате витал едва уловимый цветочно-травяной запах, светло-зелёные конусы двух светильников источали мягкий свет, сливавшийся на кровати — земной, горизонтальной, где сидела, подобрав ноги, она — такая непостижимо крохотная, хрупкая, даже в большей степени, чем спящий на её руках ребёнок. На стуле рядом дремала Мисси — удивительно, как она умудрялась это делать, при том, что стул не имел спинки.

— Офелия... — от волнения его голос дрожал, — здравствуйте, Офелия. Я Дэвид.

Её взгляд, метнувшийся к нему, вспыхнул радостью, лицо расцвело улыбкой.

— Дэвид... Андо столько рассказывал о вас. Если б я не видела вас в его мыслях, я б никогда не смогла вас представить. Простите, я... Я знаю, что это глупо, но мне неловко, вы... и не только вы... приходите меня навестить, в то время как у вас... не очень удачное время, чтобы выдавливать из себя улыбки и поздравлять кого-то.

— Андо... не смог быть сейчас здесь, это не его вина, не его воля. Но где бы он ни был сейчас, пусть он почувствует тепло этого момента, ему очень нужна эта поддержка...

Улыбающаяся Офелия осторожно переложила ребёнка в руки Дэвида.

«Андо, если ты меня слышишь... Через мои руки, ты ведь можешь это чувствовать? Это

ты должен был стоять на этом месте... Я стою вместо тебя, и если мы действительно всё это время делили и восторг, и боль...»

Только зыбкий отзвук, как расходящиеся по тёмной воде круги...

— Знаешь, Дэвид, парень ты, конечно, хороший, — Франклин шутливо подставил ладони, якобы чтобы поймать младенца, — но к отцовству, прими уж мой вердикт, категорически не готов. Не мне, конечно, такое говорить, я-то пелёночно-позгузничного периода удачно сумел избежать... Правда, у меня ещё есть шанс наверстать упущенное, со мной месяц назад Шон связывался, сказал, они с женой выгревают первое яйцо... Ну энфили же тоже яйцекладущие... Я — будущий дед... Дед — яйца! С ума можно сойти... Ладно, Дэвид, думаю, вам найдётся, о чём побеседовать, а я должен ещё заглянуть к Лаисе...

— Ну, пойду и я Лаису проведаю, — поднялась со своего стула Мисси, — как доктор пустит, конечно. А то, может, и на маленького взглянуть даст. Богатырь, говорят, родился!

Лаиса, хоть и была ещё очень слаба телом, была бодра духом.

— Да когда его принесут уже, а? я, конечно, понимаю, на него там, наверное, весь персонал сбежался глазеть, и все больные, которые ходячие... Шутка ли, гибрид центаврианина с человеком... Я их понимаю, я б вот и сама посмотрела! В процессе-то, как-то, не до того было... Четыре килограмма! Четыре килограмма, Мисси! Где во мне поместилось-то столько... Доктор, ну не томите матери душу! И вообще, его кормить ещё не пора? Господи, я и во сне не видела, что кормить ребёнка буду...

В дверь, последовательно, просунулись головы Крисанто и К'Лана, затем оба букета. Зрелище было до того умильное, что Мисси покатила со смеху.

— Чую, и отсюда скоро выкатываться надо будет, не протолкнуться в палате.

— Молодые люди, вы, может, подождёте с изъявлениями восторга?

— ...Хотя маленького-то тоже увидеть хочется... Ну да увижу поди ещё... А ведь с Андо они двоюродные братья, получается! Ой, и забыла ж я Дэвиду на радостях-то сказать... Хотя знает он уже, поди...

Их грузовик пропорол колёса незадолго до поворота дороги, в спускающейся темноте, в сыпящем всё гуще снегу заметить эти растянутые по дороге шипы было невозможно. Едва ли это свои. Значит, враг может быть где-то недалеко. И не повернуть — позади на многие вёрсты только пожарища, здесь негде найти другой транспорт. Что ж, у них есть оружие, даже пешие, они будут нерадостной встречей для солдат Бул-Булы. Кшейкья-Тойма вынул карту, бледный свет фонаря проскользнул по прихотливым изгибам дороги, соединяющей деревни и городишки, большинство из которых стояли опустевшими, разорёнными ещё с весны — когда в этих краях был большой мятеж, и каратели Бул-Булы всех, кого не убили, вывезли на Вторую землю, искупать своё неповиновение на добыче металла для кораблей, которые могут лететь к другим планетам, за новыми ресурсами, которые сделают бреммейров такими же сильными и могущественными, как хурры, гроумы и даже лорканцы. Не всех бреммейров, конечно...

— Может быть, где-то да стоит ещё отряд наших, у них найдётся какая-то машина... А здесь, вот здесь — генерал Выр-Гыйын. На карте кажется, что не так уж и далеко до этого. Понятно, то карта, а то жизнь, но ведь если думать так — легче, правда?

— Дойдём! — весело загалдели бреммейры, — на Второй земле потяжелее было. Там всегда пешком ходили. Да по горам, а то по болотам этим ненавистным...

— По родной земле не идут — летят! Вот здесь, в Акшгемеш, я жил. Там сейчас генерал Выр-Гыйын. Может быть, в моём доме. Какой красивый у меня дом! С самым красивым садом в городе...

Выр-Гыйын... Виргиния. Алан улыбнулся, вспомнив, как командир Наымтая с гордостью показал им послание от генерала — приветствие очередному свободному городу. Хоть бы слово, конечно, он понимал в бреммейрских значках, но это было дело уже десятое. Как он в обморок-то не упал, бросив взгляд на личную печать генерала...

Андо шёл чуть впереди от остальных. Слипшиеся, смёрзшиеся волосы облепляли ввалившиеся щёки, его всё ещё шатало из стороны в сторону, руки безвольными плетями висели вдоль тела. Сгущающиеся сумерки обманывали зрение, в особо тёмных уголках возникали призраки прошлого. Вот лицо Ну'Ран, серьёзное и строгое лицо учителя нарнской военной школы. Она смотрит почти осуждающе, потому что Андо проиграл на поединке. Вот лицо Г'Кара, с грустью взирает на него из холода космоса, он дарит Андо последний взгляд, прежде чем навсегда покинуть его. Вот лица телепатов Ледяного города, одно за другим встающих из мрака, тянущих к нему руки в безмолвном абсолютном принятии. Вот Адриана, её последний, горячий взгляд, когда всё вокруг растворяется в кровавом мареве, во вспышках пулеметной очереди, и она тает на его глазах, растворяется, улыбаясь до самого последнего мига. Вот Рикардо, осторожно касающийся его лица, снимающий жар болезни, добродушное лицо К'Лана, улыбающееся ему сквозь подкатившие к глазам слёзы, фриди Алион, складывающий руки в традиционном приветственном жесте, заплаканное лицо Офелии, встревоженное лицо Дэвида. И совершенно естественным было то, что из наступающей темноты к нему шагнула Литя, тоже протягивая ему руку, смотря в его глаза. Она знает, что такое потеря, она понимает его, она смотрит на него теми же самыми глазами, которыми смотрела тогда, когда Байрон попросил её не оборачиваться. Сейчас Андо был её копией, её подобием, тень Литы даже двигалась точно так же, как и он сам, словно разбитая, переломленная в нескольких местах шарнирная кукла. «Тебе было так же больно?» Глупый вопрос глупого ребёнка. Лицо Литы подёрнула рябь, тень всколыхнулась и растаяла. Кто-то тронул Андо за плечо, а затем перехватил его руку, переплетая их пальцы.

— Это нормально, что я не могу поверить, не могу осознать, — остановившись произнес рыжий телепат, — Я буду делать то, что должен, буду делать это снова и снова, пока буду нужен. Но сейчас... Сейчас единственное, что я ощущаю — это пустота внутри. Её так много, как может быть так много пустоты? Внутри словно пробили огромную дыру. Я потерял Литю, потерял Байрона, потерял Г'Кара, Рикардо, а теперь еще и Джона... Все потери имели смысл... Все до единой, и я не должен думать, что я какой-то особенный, чтобы ради меня они сделали хоть что-то, хоть какой-то шаг, чтобы жить. Но Джон... Я не знаю, каких из богов мне нужно было умолять помочь мне. Может быть, я был недостаточно верующим, может быть, мой голос просто не стоит того, чтобы его слушать... Я молился мёртвому богу... Но ушедшие, совсем, навсегда исчезнувшие из нашего мира не отвечают на молитвы...

— Верить в силу молитвы могут те, кому ещё есть, на что надеяться. Нам — не на что. Мы остались посреди снежной пустыни, посреди войны, посреди чужого сектора космоса, и у нас один шанс из тысячи — выжить, выбраться, вернуться. Даже не знаю, стоит ли нам хвататься за этот шанс. Но если мы выжили там, в море — наверное, мы не можем просто упасть в этот снег и ждать, когда метель скроет всякую память о том, что мы были... Моя пустота другая, чем твоя. Пустота вместо тех слов, которые я должен сказать тебе, но их нет.

Я не переживал ничего подобного, такой потери, такой тоски, боли... Я говорил тебе — бог должен услышать твою молитву, я говорил тебе — ты живой, ты имеешь право на счастье. А что я могу сказать тебе сейчас? Только то, что цель наша теперь так близка, та цель, которая привела нас сюда... Виргиния. Всего три мёртвых города отделяют нас от неё. Да, это не означает даже спасения с этой планеты, и тем более ни капли не осушает той боли, в которой тонешь ты теперь... Но это означает, что всё не зря, понимаешь? Мы сделали уже столько невозможного...

Снова ночь ощерилась чёрными изломанными зубами обгоревших домов. Ветер гулял из окна в окно, стёкол давно нет, снег лежит на подоконниках, дикие животные встревоженно поднимают головы, заслышав шаги и речь разумных. С весны тут никто не жил. И не понять, проходили ли здесь войска, всё занесло снегом, снег занесёт и их следы... В мёртвом городе застал их рассвет, и было решено, хоть снег и стих, не искушать судьбу, дать отдых усталым ногам и отогреться.

— Хоть один добрый, живой огонь разведём здесь. Ненадолго, естественно, но как обещание... Вернутся жители — кто живы, конечно... Ох, не для всех домов теперь найдутся жители! Ох, сколько домов осиротело! Сколько костей поглотили болота Второй земли, сколько поглотило море...

Засыпали под горестный шёпот заброшенного, неухоженного сада, повторявшего, верно, всё то же — не вернутся, не вернутся... Первым из всех Бул-Була сосчитал, сколько подданных в его владении — так много, оказалось, три миллиарда... Конечно, думали тогда многие, что ж ему, да и малым правителям до него, было жалеть, если тысячи-другой не станет — убыли-то и не заметно особо. Но иномирцев ведь, говорят, кого 5, а кого и 10 миллиардов — где-то помещаются все...

— Я рождён оружием огромной, разрушительной силы. Оружием, уже не нужным ни для чего, просто след тысячелетней, законченной наконец войны. Лита оставила мне всё, что могла, все программы, все способности. Кроме одного, самого главного ответа — как остановить смерть... И никто в этой вселенной не может дать мне этот ответ. Они не боги, они просто свет... Просто свет. А бога, который слышал бы молитвы и исполнял самое сильное, самое заветное желание, в этом мире нет.

— Те, кого мы любим, всегда уходят слишком рано. Это Джек сказал, о своей матери... Разве даже тысяча лет будет — мало? Виргиния говорила, последние месяцы жизни его отца были мукой для всей семьи. Он не хотел провести их в больнице, и дома пахло лекарствами, стояли стойки капельниц, и мать просыпалась от каждого его стога. Его смерть была освобождением, для него и семьи — ведь надежды на выздоровлении не могло быть... И всё же в день, когда Виргиния узнала, что отец умер... Даже зная, что это произойдёт со дня на день, не легче потом — солнце сменяет луну, а запах лекарств ещё держится, стоит эта капельница, которую так никто и не убрал, и всякие его вещи, которые он больше не попросит принести, и никаких стонов по ночам, этого человека больше нет, совсем, навсегда нет, никогда уже не будет...

— Хорошо, что я вижу сейчас вокруг — Бриму. Чужой, странный мир, как сон. Я не смог бы знать, как хрустальный замок, где ещё отражается от стен его дыхание, остался стоять, не разлетелся на тысячу осколков...

Вышли в путь на закате, шли за солнцем, весело переговаривались — ну, есть ведь и хорошее в ночных перемещениях, днём пеший отряд заметнее, уязвимее... Ещё один город прошли — увидели на подступах несколько брошенных машин. Не заводятся, видать, в бою

выведены из строя. Ну да, бросил бы кто в здравом уме работающее что-то... Не понять, давно ли бросили — снежные наносы где до середины колеса, где и не видать совсем. Алая закатная полоса и бледнела, угасала вроде бы, и дразнила — как можно больше пройти, да если честно, на что тут надеяться, кроме как на собственные ноги? Конечно, пришельцам тяжелее — бримские ночи для них тёмные. А бреммейрам не понять, как это — когда есть два солнца, дневное и ночное? Побывать бы там, своими глазами увидеть эту сказочную картину, показанную маленьким пришельцем.

— Ну, здесь-то эти проходили точно, да недавно совсем. Вон, видите — снегу на поле всего ничего, земля чернеется... Это не нангим-ныог, это колёсные машины были, значит, основательно они отступали...

— Бежали на юг, от Выр-Гыйын, ясно же. Неуютно, однако, сидеть между нашими отрядами с той и с другой стороны. Вот смех, жалко, не увидели, как они удирали... А то бы наподдали ещё, чтоб быстрее бежали-то!

Вдали, в черноте приближающегося леса повиделись какие-то огни.

— Далеко вроде до города-то. Что это такое может быть? Может, они?

— Как-то вряд ли, чего б они тут сидели до сих пор? До снега проезжали ещё...

Клаукту-Дакта тронул маленького пришельца за руку, показал ему в мыслях картинку — как он идёт через поле разведать, что это там такое за деревьями. Может быть, враги? Тогда они нападут внезапно и уничтожат врагов. Может быть, друзья? Тогда кто-нибудь поможет им добраться в Акштемеш. А может, там сам генерал Выр-Гыйын, как знать?

Маленький пришелец покачал головой в знак отрицания, показал ответную картинку — как в разведку к лесу идёт он. Да, его белая кожа заметнее в сумерках. Зато он может слышать мысли, может издали понять, друг там или враг.

Перепаханная огромными колёсами земля ещё не полностью смёрзлась, ощутимо хрустит под ногами. Повезло Алану, конечно, в том, что размер ноги позволяет носить бреммейрскую обувь, Андо вот ещё на Северном континенте босым остался, и отморозил бы ноги, если б по-быстрому не сшили ему некое подобие обуви из шкуры какого-то подстреленного там животного. Правда, без подошвы получилось. Так что ноги всё равно мёрзнут, а кроме того — каждый камень чувствуется. По глубоким рытвинам, оставленным тяжёлыми колёсами военных машин, каждый шаг даётся нелегко. В снегу не разобрать их глубины. Напасть бы на какой-нибудь склад, где хуррское обмундирование найдётся. Правда, хурров сейчас на Брима мало осталось. Почуяли, что дело серьёзный оборот приняло, решили переждать, посмотреть, чем кончится. Им-то какая разница, с Бул-Булой сотрудничать или с кем другим... Свои жизни вот только в чужом мире они терять не хотят. Несколько «военных консультантов» уже с камнями на шее бойцы Сопротивления в прорубь отправили, летом видно будет, добрая ли рыба народится на хуррском мясе.

— Алан, Алан, подожди. Не ходи один. А если тебя схватят?

— Не схватят. Отобьюсь. Ты бы не дёргался с места, в твоей-то горе-обуви...

— Я сильнее тебя всё-таки, если там вражеский лагерь — лучше мне и увидеть это первым. Чем меньше жертв, тем лучше...

В памяти обоих синхронно встаёт столб воды и огня на месте «Махатмы Ганди». А сколько потеряли на «Эйфории»? Этого они даже знать сейчас не могут. Но по крайней мере, Виргиния жива. Да, Виргиния ещё как жива, и это даёт ощущение, что хоть что-то в мире делается правильно, справедливо. Удивится ли она, когда узнает, что они всё ещё ищут её, всё ещё идут по следу?

Алан вдруг замер, словно прислушиваясь. Знакомый мыслешум. Кого-то, кого он определённо знал когда-то. Не очень давно, но словно в другой жизни. Телепата. Он хватался за этот сигнал, ловил его в мельтешищем гуле мыслешума бреммейров, сигнал такой слабый, что порой кажется, он только почудился... Быть может, он просто обманывает себя?

— Ты тоже слышал это?

— Да.

— Это ведь... И, да? Это же И?

Андо тоже остановился — отвлекали отмерзающие, сбитые о ледяные колдобины ноги, и общая усталость, конечно, тоже, но сигнал, вынырнув даже раз из омота других, бреммейрских, плеснул в кровь адреналином. Всё возможно... Действительно, всё возможно, даже встретиться вновь с теми, с кем расстался больше двух месяцев назад, увидеть их живыми, услышать их голоса.

— Да, тот телепат, который отправился с капитаном Ли и прочими. И кто-то из лорканцев, кажется... Я не уверен, я не могу разобрать, с такого расстояния... Что они делают здесь?

— А что мы делаем здесь? Вот что пытался дать мне понять Клаукту-Дакта, а я всё понять не мог, что он показывает — он слышал, что здесь, на континенте, тоже есть пришельцы в Сопротивлении. И это не об Аминтанире только было, когда говорили, что есть лорканцы. Это генерал Аламаэрта и те его люди, что пошли с ним. И капитан Ли с рейнджерами... Интересно будет узнать, что же с ними произошло...

Андо кивнул. Чего они только, в самом деле, не передумали, пока сами, день за днём преодолевая отчаянье, прокладывали путь сюда. В худшее верить не хотелось, но о худшем неизбежно раз за разом думалось. Бул-Була уж точно не тот, кто отпустит живыми свидетелей того, что творится здесь. Потом следующим будет утверждать, что знать не знает ничего ни о каком капитане Ли...

— Я могу позвать их. Если всё в порядке, если они здесь с каким-нибудь отрядом, а не, например, в плену, то они выйдут к краю леса... Надо быть осторожными — это мы мало что увидим отсюда, а поле из леса просматривается как на ладони, и дорога тоже. Перестрелять в два счёта можно успеть.

— Если б это были враги, они б уже нас перестреляли, не находишь? Просматривается как на ладони ведь, в самом деле.

Андо не ответил. Он настраивался на волну, ловил этот сигнал, отмечая окружающий мыслешум, словно шум деревьев, которые, казалось, уже над головой, вокруг, хотя на самом деле сколько идти ещё до них... Удивление, неверие, радость промелькнули такими же зыбкими огоньками. Но он услышал. Определённо, он услышал. И может, это игра теней в сумерках, или какие-то фигуры зашевелились на краю леса? Андо покачнулся, не в сумерках дело, это в глазах темнеет.

— Андо, там кто-то есть? Там кто-то стоит, мне ведь не кажется?

И кажется, что они что-то кричат, только конечно, отсюда не разобрать ни слова... Только полпути они прошли по этому полю, а кажется, что это путь длиной в вечность.

— Ты подвернул ногу? Не трогай, сиди, я пойду до них один, они помогут тебя донести...

— Алан, стой!

Мальчик замер, пригвождённый этим неожиданным, страшным криком.

— Стой где стоишь! Алан, умоляю, не двигайся! Стой так, как стоишь, ничего не делай!

Уже понимая, Алан перевёл взгляд под ноги. Тускло в вечеряющем свете мелькнул округлый бок в витой сетке гравировки — хуррская...

— Если схватить её и швырнуть подальше — успеем?

— Нет. Как только ты уберёшь ногу, она взорвётся. Они не просто отступали тут. Они заминировали «ничью» территорию...

— Как же нам удалось пройти половину пути? Что же теперь?

Андо, осторожно перешагивая с борозды на борозду, подошёл вплотную, взмахнул руками, едва не схватившись за друга — подвёрнутая нога болела. Но не так сильно, как сжимающий сердце ужас.

— Сейчас я поставлю ногу рядом с твоей, просуну под твою... Мне это легче, у меня мягкая обувь. Потом ты уберёшь ногу, и пойдёшь по своим следам обратно. Не стоит искушать судьбу дальше. Вы встретитесь с ними, когда обогнёте эти поля, пусть это дольше, у Виргинии встретитесь... Теперь не важно, где, как, теперь день промедления ничего не решает, всё уже хорошо, мы дошли, все найдут друга, все, кто выжил...

— А ты?

Андо замолчал. Какой простой вопрос, и как непросто на него ответить сейчас и здесь. Тело Андо немного трясло от холода, который, кажется, пробрался в самые дальние уголки его души. Пустота, высасывающая из него жизнь по капле, теперь делала огромные глотки.

— Я уже мёртв. И не спорь со мной сейчас, Алан, хоть сейчас не спорь.

— Андо. Я просто не позволю тебе этого.

Один сдвигал своей ногой маленький облепленный землёй бреммейрский ботинок, другой никак не хотел уступить.

— Мы не погибли там, на Второй земле, не погибли в море, почему мы должны погибнуть здесь? Вот так глупо, на полпути до своих, от какой-то нелепой случайности... Я знаю, что ты скажешь. Тебе и говорить не нужно. Но нет, нет. Просто не могу позволить. Почему бы это тебе не вернуться по следам?

— Твоя жизнь только началась, неправильно заканчивать её здесь, так. Тебе надо жить. Вернуться к матери — ты у неё один, ты её счастье. Отправиться в новый мир, если ты всё ещё хочешь этого. Не может быть, чтоб вы навсегда опоздали, чтоб не было ещё шанса... Подумай о Виргинии, ты снова встретишь её наконец... через несколько часов. Об Офелии, твоей сестре... Ты ведь хочешь увидеть её снова?

— А ты? Как ни велико твоё отчаянье — я знаю, я чувствую, хотя мне этого не понять и не измерить — неужели оно перекрыло любовь к ней, о которой ты говорил? Твои друзья... Дэвид... Ты готов оставить их всех? Считаешь, что мне жить нужнее? А я считаю — что тебе. Слушай... может быть, она вообще не взорвётся? Хурры ведь такие, часто продают всякое дерьмо... Мы ведь спокойно дошли досюда, может быть, мы уже наступали на такие, просто не видели?

Увы, Андо просто физически сильнее. Нога Алана медленно, миллиметр за миллиметром, сползала с серого смертоносного металла. И каждый из этих миллиметров он чувствовал, наверное, острее, чем ступни Андо — камни на дороге, и это захлёстывало злостью и отчаяньем. И хотелось толкнуть Андо, и он бы даже сделал это, если б не страх, что одно неверное движение приведёт взрывной механизм в действие.

— Иди.

— Ты ведь знаешь, что не уйду. Что ты можешь сделать с этим? Я останусь с тобой. Я же сказал. Я люблю тебя. Не Виргинию, не кого-то ещё — тебя.

— Алан, это глупо.

— Может быть. Я помню всё, что я теряю, и жизнь с этого места может выглядеть в ярких красках. Я ведь теперь здоров — благодаря тебе, у меня новая жизнь — благодаря тебе... Но ведь мне решать, что с нею делать. Ты сам сказал, что я свободен, что эта жизнь у меня есть. Вот я и выбрал.

Андо молчал. От напряжения в ноге начали собираться мурашки, и если она дрогнет... И просто хотелось закончить это поскорее. Но пока Алан здесь — это невозможно.

— Ты же понимаешь, что нельзя стоять так вечно.

— Конечно. Но я не уйду без тебя. Давай пойдём вместе. Может быть, у нас будет ещё один шанс? Или у обоих, или ничего. А какие ещё варианты?

Снова время замерло. Но не так, как было тогда, на борту катера — словно бесконечно долгое, мучительное, как существование предельно натянутой струны, которая всё никак не лопнет — падение последней песчинки в песочных часах. Песчинка давно упала, струна давно оборвалась. Это было бессилие времени, ненужность времени. Андо убрал ногу, сделал быстрый шаг назад, столкнувшись плечом с Аланом, слыша почему-то только стук его сердца, не своего. Ещё шаг, ещё...

— Она не взорвалась...

— Дай руку. Вот так. Видишь, я был прав.

Они синхронно отступили ещё на шаг. И сгустившиеся сумерки разорвало вырвавшееся из земли пламя.

— Дэвид, Дэвид, что с тобой?

Зрение после огненной вспышки восстанавливалось медленно. Нет, не так, конечно. Его глаза не могли это видеть. Это просто боль... Боль, пронзившая нерв — от кольца прямо до мозга. Встревоженное лицо К'Лана проступало не из черноты зимней ночи — в приглушённом свете больничного коридора, всего лишь. Он здесь, здесь... Только смертельный холод, смертельная усталость ещё держат его за плечи, это не холод каменных плит, нет, это поле, где один из них умер, не он, не он...

— Доктора кто-нибудь найдите!

— Не надо... Не надо доктора. Он не поможет здесь. Он не вернётся. Он никогда не вернётся.

К'Лан взял руку Дэвида и дёрнулся в ужасе, коснувшись раскалённого кольца.

— Я думал... думал сейчас о том, чтоб отдать кольцо ей... Ведь оно её по праву, это было бы... Это было бы гибельной глупостью, она не должна переживать этого...

Рейнджер довёл полуобморочного юношу до скамьи у высокого витражного окна. Едва ли Дэвид видел, куда ступал. Зеркальный лабиринт взорвался, разлетелся тысячью осколков, они впивались в мечущееся сознание тысячью острых жал.

— Дэвид... О ком ты говоришь?

Он понимает. Конечно, понимает, хоть и не хочет этого признавать.

— Он выбрал меня, чтобы отдать это — значит, мне это и нести. Хотя не очень много уже в этом смысла... Но я обещал никогда не снимать это кольцо — и я не сниму.

Луны у Бримы не было. Это, пожалуй, было грустно — Виргиния думала, что, наверное, не отказалась бы сейчас увидеть луну... Не земную пусть, земную она вспоминала уже как что-то из давнего сна, какую-нибудь. Без луны небо уж какое-то слишком тёмное. Вот на

Арнассии луны было аж две, какое небо там было ночами...

Завтра бой за столицу — в общем-то, силы Бул-Булы загнаны в угол, окружены, с запада подступают войска, возглавляемые Аламаэрттой, готовы спорить с ними, кому первому удастся захватить космодром и отбить «Белую Звезду», а в войске, идущем с запада, оказывается, идёт сборный экипаж «Сефани». Все, кого жестокая прихоть судьбы разбросала по этому миру. Все, кто выжил.

Она не вспомнила бы сейчас этого Синеасдана — он вставал в памяти не более, чем размытой фигурой, на тот момент она была ещё далека от того, чтоб уверенно различать лорканцев. А вот Талеса она помнила. Немолодой, обманчиво грузный и безобидный на внешний вид, кажется, ближайший друг Гарриетта. Далва сказала, что они непременно заберут Гарриетта, но сейчас ему лучше оставаться в Кау-Огэй, там очень хороший госпиталь. На бреммейрском уровне — очень даже хороший. Был... Пока какие-то существенные средства ещё тратились не только на военную промышленность. А на энтузиазме долго ли можно продержаться?

Если удастся отбить «Белую звезду», завтра или хотя бы послезавтра, то Гарриетт спасён. Кажется, Далва не очень-то верит, что они успеют. Ну и ладно, есть, кому верить, и кроме неё.

Безумно жаль Блескотта. Почему-то он так и вспоминается с медленно, но неуклонно тающей пачкой сигарет, вяло переругивающийся с Роммом... Ну, с Роммом кто не переругивался...

А здесь сказать «жаль» не повернётся язык. Грустно, невыразимо грустно... Но Харроу говорит, надо радоваться, что хотя бы некоторые редкие люди могут выбирать, как им умереть, и пожалуй, понятно, что он имеет в виду. Сидней, наверное, больше всех крыл отборной бранью эту планету, эту войну, её, Виргинию, и он же дрался так, словно, как никто другой среди них, был рождён для этого. Такой же весёлый, злой азарт, с каким он, наверное, нарушал закон половину своей жизни...

На поляне у костра — большого, жаркого костра, таиться уже не приходится, весь континент, кроме нескольких крепостей и столицы, уже их, атмосферники армии Бул-Булы всё реже отваживаются на попытки накрыть их с воздуха — слишком быстро их снимают с вышек ребята Кутак-Йутха, молодцы, — сидели молодые солдаты Сайумакского дивизиона. Завтра решающее сражение, а они, кажется, не ощущают никакой тревоги, они смеются, звучит мелодичный перебор рысын — местного подобия гуслей, разве что покрупнее, поувесистей. В победе уже никто не сомневается, это дело времени, только безумец, каковым, впрочем, Бул-Була и является, может надеяться отыгаться за полшага до своего бесславного финала. На что он надеется? Ярость того, кто прекрасно понимает, что его ждёт, страшнее ядерного оружия, но и она не даёт бессмертия. Да, жертв будет ещё много, и одно только утешает — это последние жертвы... Виргиния смотрела на галдящих у костра бреммейров, ёжась от мерзкого холода по спине — кто из них без малого мертвец? Она думала когда-то, что оставила это на Арнассии — а молодые пилоты улыбались, неестественно, неумело, арнасиане ведь не умеют улыбаться как люди, хотя внешне довольно сильно на них похожи, говорили, что смерть — вершина жизни мужчины... Вспоминала Скхуу-Дыйыма — сколько ж она привыкала-то к этой мысли, что они все гермафродиты, что вот у него осталось дитя-подросток, дитя, для которого он «земля». Это дитя сейчас спит где-то в объятom ночью городе, освобождённом ими, уже мирном городе, и это греет...

Рысын перехватил Андреc — он сидел там, с ними же, у костра, когда он успел-то освоить инопланетный инструмент, как вообще умудрился при таком знании языка... вот уже наиграл какую-то песню из тех, которые звучали у них там, тогда, в декорациях нездоровой, опасной романтики, и вот уже как-то переложил на эту мелодию какие-то тексты бреммейров, и испанский звучал вперемешку с брим-ай...

За плечо тронул Тай Нару.

— Гелен выходил на связь. Сказал, по свежим новостям — сторонники Бул-Булы оставили столицу. Заминировав, они намерены не отдать нам «Белую звезду», раз уж самим сейчас не до неё откровенно... Аламаэрта обещает и это взять на себя, нам об этом не нужно думать, нам нужно двигаться к крепости Никс, там сейчас Бул-Була... Там машина. Туда они отогнали ваш корабль. Оттуда они надеются всё же нанести решительный удар, который переломит ход войны на пороге их поражения... Аминтанир с отрядом на подступах к Никсу, они просят дать добро на операцию «Троян». У них сейчас все возможности, уже через час их может не быть.

— Передайте, добро даю.

— А небо всё же красивое, генерал.

— Вы всегда называете небо её именем, Тай Нару.

— Не верно. Я всегда называю революцию её именем. Я называю её именем небо, только если оно над армией восставшего народа, идущего в бой за свою свободу, за лучшее будущее... Она была прекраснейшей женщиной моего мира, и она была убита за то, что была мятежницей, за то, что была связана со мной. Я позже расскажу тебе об этом, маленький генерал. Сейчас я пойду давать твой ответ Аминтаниру.

Оставшись одна, любуясь звёздами, которые перемигивались как будто в такт бодрим аккордам рысын, Виргиния не думала, конечно, о том, как сложно представить гроумскую красавицу, какие вообще там, у гроумов, представления о красоте... Она думала о том, что каждый из них, при этом жарком веселье сейчас, понимает... Любой из них может не пережить завтрашний день. И она тоже. И если разобраться, это было б не так плохо. Она спросила капитана Ли, сильно ли на неё злятся за то, что втравила их во всё это, и он ответил — вселенная приводит нас туда, где мы должны быть, чтобы сделать то, что должны сделать. Мы можем, конечно, отказаться от этого — но сможем ли простить себе это когда-нибудь позже? У рейнджеров не принято торговаться — за великое или малое благо они отдают жизнь...

— Не беспокойтесь, мы справимся. Правда.

На буром, ввиду подсветки прожекторов и зарева далёких пожаров, бархате ночного мрака сюрреалистично проступал силуэт «Белой звезды». Чуть поодаль обозначались тёмные очертания бреммейрских кораблей — имеющие некоторое сходство с хуррскими. Хуррских тут, разумеется, не было давно, инопланетные «советники» и «торговцы» свалили подобру-поздорову сразу, как только дело запахло жареным. В этом, конечно, сопротивленцам очень повезло, с инопланетной военной поддержкой, даже ограниченной, перспективы могли стать совсем не радужными. Но к счастью, они, видимо, выбрали стратегию выжидания...

— Ладно. Очень надеюсь, что так. Мне, честно говоря, надо бы заскочить ещё на один объект, и не опоздать к финальной вечеринке.

Раскосые глаза И хитро блеснули, бросив взгляд в сторону корабля. Команда

специалистов-взрывников уже разворачивала работу. Благо, попасть внутрь «Белой звезды» людям Бул-Булы не удалось — куда им. Поэтому взрывчатку расположили по периметру, насколько достало щедрости. Уничтожить корабль таким образом едва ли получилось бы, но люди при посадке погибнуть могли. Дело осложнялось хитроумной системой растяжек — малейшее неверное движение могло привести к детонации, тут бреммейрская старательность явилась во всей красе.

— Думаю даже, мы будем максимально рачительны. Просто перенесём всё это к шаттлам, на всякий случай, так сказать...

— Ну, уж это-то сильно вряд ли. Бежать с планеты Бул-Була и его тёплая компания не отважатся — им попросту некуда. Едва ли хурры окажут им радушный приём — им своего такого добра девать некуда, да и зачем им бывший правитель, не имеющий больше ни власти, ни ресурсов? Впрочем, даже если такая дурная мысль и придёт им в голову — с отчаянья чего только не творят... Вырваться из оцепления они едва ли смогут без серьёзных потерь, а прорваться сюда — тем более.

И улыбнулся. Столица была занята на сутки раньше, чем они рассчитывали, это, конечно, заслуга экстренной эвакуации Бул-Булы и его личной гвардии отморожков, без верховной власти над головой оставленный в городе гарнизон быстро утратил всякую мотивацию к защите позиций. А вот за панику Бул-Булы уже спасибо Аламаэрте, блестяще спланировавшему операцию. Даже слишком блестяще, превосходя способности противника раза в два, как выразился Гелен.

— Завтра всё закончится. Ну, очень хочется на это надеяться... Вы наконец сможете вернуться к своим обычным делам. Всё-таки, хотя вы, конечно, в совсем ином положении, чем все мы, вы ни минуты не были заложником этого мира, но ведь эта маленькая гражданская война определённо спутала ваши планы...

— Не особенно. Во всяком случае, качественно помешать им она не смогла.

— Ну, вы ведь куда-то держали путь, когда встретили Виргинию...

— Последние пять лет я почти непрерывно нахожусь в дороге. Едва ли двое сумасбродных детишек могли б завести меня дальше, чем мой собственный поиск.

— Что ж, тогда надеюсь, что вы найдёте то, что ищете.

— К счастью, я уже нашёл.

— Дай, я, — Виктор отеснил плечом шуплую Стефанию и рывком распрямил сложенную крестовину стойки, затянув тугую шайбу.

— Вообще-то, хорошо бы мне самой наловчиться это делать, раз уж я осталась тут в помощь Далве, тем более что скоро может понадобиться много таких...

— После того, как мы победим — а мы победим — в их распоряжении будут все госпитали столицы и ближайших городов. Какие уцелели, конечно. Правда, с нехваткой врачей явно предстоит столкнуться...

Стефания думала о том, что в бреммейрской жизни вообще много странного, например — такие высокие стойки для капельниц, при том, что они сами метр с небольшим, надо у Далвы спросить, наверное, у них давление другое какое-то, или что, и о том, что с Виктором всё сложно и только сложно, наверное, и может быть, хотя они, конечно, на ты — после всего-то, но между ними всё же стоит невидимая стена. Или это в ней проблема? До сих пор всегда была в ней.

— Может быть, в таком случае собрать ещё несколько заранее?

Женщина вздохнула, покосившись на сложенные телескопы стоек в углу. Может быть, может быть... Какая-то из них может потом понадобится самому Виктору. Хотя это, разумеется, Далве виднее. Она что-то говорила такое, что кроме литической смеси из бремейрских препаратов мало что подходит землянам, если только в критической ситуации или кратковременно...

— Эта просто новая. Вроде бы. Те, что уже собирались и разбирались, более разработанные.

— Если б это и нангим-ныог касалось...

— Ну, к счастью, тебе ведь не приходилось собирать их с нуля?

— Хоть от этого бог миловал.

Стефания подумала о том, что Виктор меньше всего, из этого отряда, имел времени и возможностей для тренировок на этой машине, и никакого оптимизма это внушать не может... Впрочем, Виргиния тоже до «Золотого Дара» не управляла кораблём.

— Самое сложное в нангим-ныог — поместиться в кабине. С этой задачей я справился.

— Теперь главное из этой кабины завтра выбраться целым. На курсах оказания первой помощи у меня, конечно, были неплохие результаты, но уколы я ставлю отвратительно.

Кстати, как не сказать, было вспомнить про Виргинию... Про то, например, как под Акшемтешем она послала в лобовую атаку недавно сдавшийся в плен отряд — они погибли почти все, зато вынудили противника рассредоточить силы. Их нельзя было, разумеется, считать какими-то ягнятами на убой, и Виктора, наверное, нельзя, но всё же — многим ли лучше это, чем быть связанным пленником, перетаскиваемым туда-сюда? Ты в любом случае больше не определяешь свою судьбу. Ты можешь сказать себе, что лучше сражаться, чем им всем здесь погибнуть, победы Бул-Булы он мог бы желать ещё менее, или надеяться погибнуть, чтобы просто прекратилось всё это...

— Я никогда тебя не спрашивала... Мне и сейчас не очень-то хочется. Но на войне иногда убивают. Возможно, потом я буду жалеть, что уже не спросить. То устройство... что оно должно было сделать? Как оно должно было изменить этих людей?

Виктор сжимал и разжимал пальцы, которые свело судорогой от напряжения во время распрямления очередной крестовины.

— Тут кто-то изящно выразился, что, мол, знак, который она носит на волосах, некоторые носят в сердце... Они правы и не правы. Знаете ли вы что-то о судьбе всех этих тысяч нагрудных значков? Уверен, однажды кто-нибудь напишет об этом книгу. Когда стало известно, что Бюро намерено отказаться от внешней атрибутики — то есть, известно об этом стало сразу, как от сегрегационного, рабского элемента — точнее, когда в это окончательно поверили... Легко, думаю, представить, как на это реагировали.

— Мне — сложно. То есть, я не задумывалась об этом... и тогда тоже, наверное, не задумалась бы. То есть, что от этого изменилось бы?

— И такое мнение тоже имело место быть. Разумеется, многие испытали чувство счастья, освобождения — когда уничтожали свои значки, сдавали их на переплавку... Не стоит их прямо осуждать за это. Были и те, конечно, кто наоборот, продолжали носить значки с гордостью. Запрета-то тоже нет... Были те, кто снял и бережно хранил дома. А через несколько лет появились даже коллекционеры, которым можно было эти значки продать... Думаю, они стоили бы дороже, имей они какие-то индивидуальные номера, позволяющие идентифицировать их бывших носителей...

— А ты?

— А что я? По специфике своей работы, я не так часто его носил, и какой-то прочной эмоциональной связи у меня с ним не установилось. Лежит дома... Я это к чему — многие склонны подозревать в участии в неких радикальных, основанных на ностальгии по Корпусу, организациях тех, кто продолжает носить значки, кто тепло или хотя бы нейтрально отзывается о корпусовском прошлом. Ну, наивных людей много... И дело даже не в том, что не так уж разумно члену такой организации афишировать, привлекать внимание. Правда ещё в том, что вопрос, о каких корпусовских идеалах говорить...

— Слышала выражение, что «корпусовские идеалы» — это вообще оксюморон.

— Ну, не стоит всё же так... Понятно, что некая... двойственность, и огромное количество вскрывшейся грязи политической шокировало многих даже больше, чем все эти подробности с лагерями, пытками и прочими ущемлениями прав и свобод. Хотя не совсем понимаю, почему. Самоотверженное и доблестное служение нормальскому обществу просто не могло не иметь оборотной, невидной стороны. Уничтожение системы просто раскололо эти две стороны... Просто ностальгирующие тосковали о Корпусе как об оплоте порядка и безопасности, и видеть в этом кружке по интересам что-то угрожающее может только конченный идиот. Иное дело те, кому ближе оборотная сторона. После всех издевательств — создания системы, натурально и очень жёстко меняющей сознание, не забываем всё же, кем, во имя чьих интересов она была создана — а потом, с лицемерным ужасом, её уничтожение — было логично, в некотором роде, пойти вразнос?

— Логично... хотя не вполне. Меня всегда удивляла вековая вражда. Может, это психология детдомовского ребёнка, но как можно предъявлять счета за то, что произошло сто лет назад?

— Это если верить, что за эти сто лет действительно многое изменилось.

— Да, верно... Пожалуй, я много буду думать об этом. Потому что сейчас для меня, с моей колокольни, вы выглядите такими же детьми, как ностальгирующие по «доброму» Корпусу. Мечты о мировой власти... вон, мы с одним таким примером пятый месяц сражаемся.

— И это интересная ирония, правда, что через несколько часов я выхожу в бой против него? Да, я и не спорю, это выглядело во многом глупо. Это порождение отчаянья... Любой радикализм, наверное, порождение отчаянья. Мы делали то, что нас приучили считать правильным, мы старались делать это хорошо, мы жизнь этому отдавали. Все были довольны. Ну, понятно, не все — нелегалы не были... Отдельные правозащитники и сочувствующие из нормалов не были. А в целом-то мир хорошо спал, зная, что за его спокойствие все, кто надо, заплатят, сколько надо. А потом где тонко, всё же рвануло... И надо же, это же уважаемое и довольное общество ужаснулось тому монстру, которого оно создало. На самом деле, конечно, ужаснулось силе этого монстра и пониманию, что он скоро начнёт откусывать головы не собственным детям, а хозяевам... Уничтожением организации, концентрированности, порядка они хотели предотвратить очень нехорошие перспективы для себя. Ну, так почему кому-то было не решить стать именно тем, чего они боялись? Что такого уж неестественного во власти телепатов над нормалами?

— И ты действительно верил в это?

— Каждому надо во что-то верить.

— Подождать, пока в одном месте соберётся как можно больше телепатов — и превратить их в непоколебимую, безжалостную армию... Если подумать — пары миллионов действительно могло хватить. История не раз показала, меньшинство успешно раскатывает

большинство при правильном настрое и приложении силы. Боюсь теперь иногда думать — а не жалею ли я, что у вас ничего не получилось?

— Ты в этом плане редкий человек, спокойно и без особых переживаний воспринимающий власть над собой, регламенты и инструкции, так что не осложняй себе жизни такими откровениями, ты и так не имеешь бешеной популярности. Я всего лишь хотел показать тебе, как можно одновременно быть верным идеалам Корпуса и предавать их, возвращаясь к нашему давнему разговору... Откровенное признание стремления к власти — это именно такое предательство.

— Ну, до времени, когда люди перестанут хотеть власти, я точно не доживу. Твои желания в этом плане не более ужасны, чем чьи-либо другие. Там, в крепости, засел куда более неадекватный экземпляр, хотя и его кое в чём понять можно. Хотя всякая власть — насилие, но как-то хочется, чтоб оно было более умеренным. Одно время я думала — что останавливает тебя, кроме понимания, что едва ли Бул-Була мог бы быть в тебе заинтересован?

— Мне уже незачем стремиться выжить. На самом деле — давно незачем... Кто-то тут удивлялся, почему я был на свободе, а надо было удивляться, почему я жив. Понятно, что на суде я тоже мог порассказать кое-чего такого, что, может быть, и не перевернуло бы и встряхнуло мир, но прошло бы лёгким штормом по отдельным территориям и организациям... Один я не владею особо судьбоносных сведений, но ты можешь себе представить, что может вылезти, если потянуть за цепочку. И это тоже одно из свидетельств, что игра не закончена и никогда закончена не будет. Конечно, я принял некоторые необходимые меры, как и любой на моём месте... Хотя всё это, если разобраться, пустое. Я осколок прошлого, или, если выразаться менее романтично, отработанная карта. Знаю, что звучит это не очень, солдат-суицидник это вообще сомнительное приобретение...

— Как сказать, террористы-смертники оспорили бы. Хотя вряд ли ты готов умереть за цели Виргинии Ханниривер.

— Тем не менее, удачи я ей желаю.

Стефания некоторое время колебалась, но всё же обратилась к собирающемуся уже уходить Виктору.

— У тебя нет каких-нибудь предположений, кто может быть её отцом? Конечно, это вообще последнее, о чём стоило бы спрашивать... Я об этом и знать, если уж так, не должна, но корабль не так велик, как кажется, и потом, когда небольшой, понемногу редющей компанией идёшь через лес, через море, через степи — поневоле разговоры всякие услышишь...

— Если честно, есть у меня одно предположение. Но воздержусь его озвучивать.

— Выр-Гыйын, может быть, всё же не идти слишком вперёд все? На стены Никс самый сильный пушки, что есть ещё у Бул-Була, зверь, когда загнали, свиреп, очень свиреп!

— Отставить, Кутак-Йутха. Полководец должен быть впереди армии, не верите мне — у Аламаэртты спросите... Потом, сейчас им не до вас... — Виргиния вдавила рычаг нангимных, и неуклюжий робот практически бегом устремился, разрезая голенастыми ногами плотный, слежавшийся весенний снег, к горизонту, где чернели хищные очертания Никса. Да, пехоте здесь делать нечего... а поле ещё пересечено рвами, в которых снега ещё глубже, а из замаскированных под холмы укреплений бьют снайперы Бул-Булы... Пусть бьют, оружие, которое они получили с последней подводой, было щедро полито по дороге ледяной

водой с самолёта Кутак-Йутха — если что-то из этого теперь стреляет, то не метче школьной линейки.

— Выр-Гыйын...

— Тебе нечем заняться, Лаук-Туушса? У вас прямо по курсу — отряд нангим-ныог врага, они вам не по глазам? Я должна быть в голове отряда, чтобы Бул-Була знал — к нему иду я! Впрочем, по моим расчётам, не более чем через четыре минуты они получают такой удар изнутри...

Минуты стелилась снежным полем под брюхом машины. Как много можно сделать за четыре минуты... Очередной холм взметнулся пургой до небес, снайперы Бул-Булы замолчали. От крепости отделял последний ров. Нангим-ныог выстроились в боевой порядок, держали прицел — но ждали.

...Взрыва не было.

— Генерал, на связи Никс.

— Ага, они соизволили ответить? Сдаются?

...Почему взрыва нет? Что с «Трояном»?

— Приветствую тебя, генерал Выр-Гыйын. На моей, навеки моей земле, — лицо Бул-Булы на экране было спокойным, радостным, предвкушающе-злым, — из великодушия и уважения к твоей храбрости и таланту предлагаю тебе сдаться.

— Ты ничего не перепутал? Мы окружили вас, Бул-Була, из этой крепости вам никуда не деться. Ну, хотите — сидите там месяц или два, пока продовольствие не кончится и друг друга жрать не начнёте. Нет, нам-то что, мы подождём.

— Ты забываешь, Выр-Гыйын, что у меня здесь есть кое-что. Есть твой корабль, и я смогу его завести. Ты знаешь его мощь в бою.

— Сможешь завести? Отлично, давай, я наблюдаю. После того, как вы его несколько раз перевернули, когда тащили сюда? Жаль, я этого не видела, занятное, наверное, было зрелище, древние египтяне со своими камнями для пирамид аплодировали бы стоя. Пупки не надорвали?

— У меня есть машина. Она здесь, рядом со мной, — он указал на невзрачное, как-то даже разочаровавшее Виргинию недостатком величественности сооружение, почему-то напомнившее ей старую стиральную машину бабушки, — и уже скоро, очень скоро она будет запущена. И у меня есть твой мальчишка.

— Чего?!

— Им не повезло, — ухмыльнулся Бул-Була и отошёл от экрана. В кадре возник Аминтанир, удерживаемый под руки сразу четырьмя рослыми охранниками — даже эти богатыри доставали лорканцу только до плеча, — мои воины оказались расторопны, они не подвели меня.

— Бул-Була, на что ты, собственно, надеешься? Ты в плотном кольце, пойми. Сдавайся сейчас, зачем тебе лишние жертвы?

— Жертвы лишними не бывают, разве ты не знаешь, Выр-Гыйын? У каждой жертвы есть смысл и сила. Я знаю, чем и когда можно пожертвовать... А знаешь ли ты? Готова ты пожертвовать им ради победы?

У горла Аминтанира сверкнула тёмная, кривая бреммейрская сталь.

— Виргинне! Не смей! Никто теперь не стоит, чтобы сдаться!

— Ты не посмеешь, Бул-Була. Если ты убьёшь его — ничто на всей этой планете не укроет тебя.

— Для управления машиной он мне и не был нужен — он ничего бы не сказал, да, он юн, но слишком крепок. Но мне уже всё, что нужно, дала женщина. Как только силы лорканского генерала снимут блокаду нашей электростанции и мы получим достаточно энергии — я запущу машину. А он дорог тебе — значит, он моя сила и твоя слабость. Власть даётся тому, у кого сила, а не слабость, Выр-Гыйын. Сейчас ты выйдешь из нангим-ныюг и пойдёшь к Никсу, и все твои офицеры тоже. Сталь не уберётся от горла мальчишки, пока не будут заглушены моторы всех нангим-ныюг, мы следим за вами по радарам. Отдай приказ Аламаэрте, чтоб снял блокаду.

— По рангу я не имею права отдавать приказы Аламаэрте.

— Тогда ласково попроси его. Уверен, ради своего соотечественника он не откажется.

— И что потом? Где мои гарантии, что вы не перережете ему горло, как только я выйду из машины? — Виргиния тянула время. Она ждала подхода Гелена, его удар с воздуха станет неприятным сюрпризом для Бул-Булы.

— Виргинне, не торгуйся с ним! Сталь — лишь мгновение перед встречей с Наисветлейшим, с желаннейшим светом!

— Я запущу машину — и её лучи изменят всех здесь, Выр-Гыйын. В том числе и тебя. Не будет казней, не будет крови, будет прекрасный мир, ты будешь служить мне, ты будешь желать работать на меня! Мне нужен твой талант, Выр-Гыйын, я вовсе не хочу тебя убивать!

— Может, с тобой ещё и переспать?

— Значит, быстрая смерть — вас не пугает... Что ж...

Чувствуя, как леденеет в жилах кровь, Виргиния смотрела, как Аминтанира обливают с ног до головы — несомненно, горючим, как на расстояние не более трёх шагов подходит охранник с керосиновым светильником.

— Что теперь ты скажешь, Выр-Гыйын?

— Виргинне, нет! Свет, огонь — не убьют мою душу! — дальнейшее Аминтанир прокричал на лорканском, вырвался из рук охранников, схватил светильник и обрушил его на пол перед собой, — нет заложника — нет силы!

Объятая пламенем фигура Аминтанира бросилась на стоящую за его спиной машину.

— На штурм! — завопила Виргиния и вдавила рычаг скоростей до упора. Чёрная тень закрыла сумеречное небо — это сверху над Никсом спускался корабль Гелена...

==== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 1. Прощание =====

— Как он?

— Жив. Во всяком случае, пока — он жив.

Аламаэрта, покачнувшись под напором налетевшей на него с объятьями Виргинии — левая её рука была на перевязи, сломанная, но она крепко обняла его за шею здоровой рукой, отступил, пропуская её в палату.

Импровизированный лазарет был устроен на корабле Гелена — технически это было лучшее, что здесь и сейчас могло быть. Аминтанир, погружённый в капсулу, наполненную голубоватым слабо фосфоресцирующим гелем, был в сознании. Над поверхностью виднелась только его голова, но даже на ней не было живого места от ожогов.

— Вир...гинне... Спасибо тебе, что не сдалась. Видишь... мы не так сильно горючи, как он думал...

Губы, бледные до синевы, он разлеплял с трудом, голос, если б не вмонтированные в

капсулу динамики, едва ли было бы слышно.

— Молчать, Аминтанир! Чтоб я больше не слышала прощальных нот в голосе. Чтоб я вообще не слышала твоего голоса, пока ты не пойдёшь на поправку. Я твой генерал, и это мой приказ. Все силы на выздоровление. Я буду приходить к тебе каждый день. Но ты — молчи.

Она вышла из палаты, быстрыми шагами удалилась в направлении выхода, больше не глядя ни на кого.

— Вы ведь спасёте его? — Андрес ковылял по лазарету на костылях, несмотря на угрозы Далвы просто привязать его к кровати. Не помогали и угрозы Гелена, что нога может срastись криво, а хромота обаяния облику Андреса не добавит.

Гелен повернулся к нему.

— Его немного спасло то, что они пытались его потушить — вместе с машиной, и немного спасло то, что мы успели вовремя... Но сейчас ещё что-то должно его спасти.

— Ну, я думаю, у вас здесь этого навалом. Не может быть, чтобы этот сказочный паршивец умер теперь, тем более после нашей победы.

— Он очень сильно обгорел. Но да, он жив, значит, надежда есть.

Андрес оближал сохнувшие губы.

— Когда ты рассказывал об Арнассии... Ты говорили, что Виргиния была тяжело ранена, была при смерти, но ты спас её. Ты ведь повторишь это и для него? Даже если он не дорог тебе так же, как она — просто ради неё, потому что ей дорог...

Гелен почти упал спиной на стену.

— Там, на Арнассии... — голос его тих, взгляд блуждал по стенам, по потолку, не встречаясь со взглядом Андреса, — мы почти не имели надежды. Мне пришлось использовать один очень древний механизм... Даже я не знаю, какой расой изобретена эта машина, хотя значки на ней похожи на лорканские. Чтобы спасти того, кто находится на пороге смерти, кто-то должен отдать жизнь. Поверь, там был некоторый выбор из тех, кто хотел бы это сделать. Для солдата честь отдать жизнь за своего генерала. Для арнассианского мужчины честь отдать свою жизнь по требованию женщины. Это вершина его жизни, когда женщина избирает его для того, чтоб он отдал свою жизнь потомству. Нет, я не говорил им, что Виргиния — женщина, иначе их рвение было бы ещё больше, и мне, пожалуй, пришлось бы столкнуться с мезтью тех, кому я откажу... Но я не знаю, найдётся ли тут желающий поменяться с Аминтаниром.

— Вот тут ты ошиба...

Андреса твёрдо отодвинул Виктор. На лбу его красовался свежий шов, но в целом ему досталось не так сильно по сравнению с многими в финальной яростной схватке шагающих танков. За ним плёлся хмурый Харроу, баюкая перебинтованную руку — не перелом, просто царапина, только вот шов на всякий случай пришлось наложить.

— Где эта машина? Здесь, на корабле?

— Виктор, ты не...

— Помолчи, ладно? Вы мне весь мозг проели тем, что всю жизнь я жил, исполняя чужую, не желавшую мне добра волю, так? Там я делал то, что считал должным. Здесь я делал то, что должен был. Теперь я сделаю то, что хочу сделать. Моя жизнь была не слишком хороша, ну так вот ему она пригодится больше.

В соседней «палате», за наскоро возведённой тонкой матовой перегородкой, лежало

накрытое простынёй тело. Никто не решался откинуть простыню, чтоб посмотреть на него — хватало рассказов тех, кто спускался в тюремные подземелья дворца и других крепостей сторонников Бул-Булы, кто проводил расследование их многочисленных преступлений. Тело Талеса было погребено в братской могиле на огороженном поле за дворцом — его убили сразу, спящим, не видя в землянине никакой особой ценности.

— Синеасдан...

— Да. Был женщиной, как оказалось. Есть, всё-таки, и недостаток, и достоинство у ваших бесформенных хламид, под ними различить половые признаки проблематично, да они у вас и не столь выражены, как у землян. Как же ей это удалось, столько лет, с таким риском в случае раскрытия... Такая тяга к знаниям, к богу... Вам, думаю, будет интересно взглянуть на записи, оставленные ею на стенах камеры...

— Вот почему Синеасдан, единственный из нас, не был женат...

— Она была сильной, очень сильной. Они убили её только два дня назад, всё это время, пока она была у них в плену, они выбивали из неё расшифровку инструкции к машине. Не её вина, что она сдалась, пожелав смерти.

— Она тоже, как могла, приближала нашу победу. Своей стойкостью, каждым своим отказом... И мы каждым выигранным сражением, каждой отбитой крепостью, каждым сбитым с темницы замком приближали её освобождение. Увы, не успели...

— Они собрались, Геа-Ерэн. Это самое большое место у нас, где может собраться много, это наш самый большой стадион для спортивных состязаний. Во время правления Бул-Булы спортивные игры были запрещены, поощрялись только боевые искусства, теперь стадион снова будет работать. Сегодня, провожая Выр-Гыйын и всех вас, мы вернём ему жизнь.

— Теперь всё будет по-другому, Кинту-Мыак, — улыбнулся Ли.

— Да. Мы хотели, чтобы, улетая обратно к своим звёздам, вы протянули мост от нас до них. Мы хотели бы, чтоб вы передали там, что мы хотим вступить в Альянс. Если можно, конечно. Если наш небольшой, молодой мир может быть младшим братом вашим мирам.

— Кинту-Мыак, не нужно...

— Не нужно делать этого только из благодарности? — выступил вперёд Тай Нару, — или для того, чтоб Альянс теперь руководил ими? Они хотели сказать совсем не это. Они хотели сказать, что теперь они очень хорошо знают — жить и побеждать можно только вместе. Нет, они не хотели бы, чтоб вы учили их жить. Они научатся сами. Потому что всегда умели. Умели учиться. Но они хотели бы, чтоб вы видели это и радовались за них. Им предстоит долгий путь, но они готовы к нему. Они хотели бы, конечно, избрать Выр-Гыйын новым правителем, но они понимают, что её ждут звёзды, с которых она пришла. Всех вас ждут. Хотя, конечно, если б кто-то из вас захотел остаться — они были б рады этому...

На стадионе набилось народу много больше, чем обычно он должен был вмещать. Жители Бримы съехались с обоих континентов, они сидели на сиденьях, стояли в проходах, стояли на самом поле, перед наскоро возведённой трибуной. Три больших экрана были обращены к толпе вокруг стадиона, стараньями Гелена и местных инженеров была обеспечена трансляция в другие города для тех, кто не смог приехать.

Рядом с Виргинией стоял всё ещё пристёгнутый к передвижной капельнице Аминтанир, Андрес постоянно шутил насчёт этой капельницы, что если на них кто-нибудь, не дай бог,

нападёт в дороге, он сможет использовать её стойку, как рейнджеры — денн-бок, или что предложение станцевать вокруг шеста, когда-то сделанное Таувиллару, в принципе и для него в силе, и эти дурацкие, в общем-то, шутки сейчас радовали — жизнь мальчишки была уже вне опасности, и все это знали. Прозрачные трубочки капельницы исчезали в прорезях зеленоватого балахона из специальной неэлектризующейся ткани, в которой, в целях защиты от вредного воздействия на восстановленную, ещё очень тонкую кожу, он был одет, волосы на опалённых участках головы понемногу начинали отрастать. Виргиния погладила его по щеке.

— У тебя так пока и не восстановились эти... Я не помню, как они называются и для чего служат... Всё время тянет назвать их вибрисами...

— Они нам дополнительно, чтобы чувствовать запахи и температуру.

— Ну да, как вибрисы у кошки. Господи, скорее бы ты стал прежним, Аминтанир...

Юноша сжал её руку.

— Я никогда не стану прежним, Виргинне. Я видел его.

— Кого?

— Наисветлейшего. Он был со мной тогда, он был в моём огне, близко-близко. Он был похож на тебя.

— Скажешь тоже.

— Это странно, хотя мы никогда не считали, что он должен быть похож на нас, но, наверное, это правильно, что он похож на тебя, он весь из света... Это даёт очень много сил, Виргинне. Силы умирать, силы жить.

Андрес, расхрабренный уже настолько, что ходил не только без костыля, но и без трости, утверждая, что она ему ну совсем не в стиль, совместно с Раулой проверял работоспособность аппаратуры.

— Что самое ценное лично для меня, наверное, что я увожу отсюда — это настоящую старинную рысын. Ей не менее пятиста лет, говорит Абай-Абайу, костяной панцирь, роспись натуральными красками — трава, толчёный камень, яд какой-то там местной гюрзы... То есть, лизать её не рекомендуется, наверное, а жаль, так хотелось — цвет у этого яда такой милый, притягательный... А звук у неё до чего волшебный! Натурально, если не богом себя чувствуешь, то кем-то к нему очень близким, этот звук просто, кажется, заполняет, разливаясь, всю вселенную, не верится, что звук не может преодолеть безвоздушное пространство... Абай-Абайу сказал, что я достоин этого инструмента, а он — меня. Ну, в умелых руках, ясное дело, сами знаете что балалайка, всё же пальцев у меня побольше, чем у них...

— Андрес, вы удивительный человек, — улыбнулась Раула, — посреди войны, в снегу, под землёй, под снарядами — организовывали местную самодеятельность! Теперь, с вашей лёгкой руки, бремейрская молодёжь ходит и распевает испанские революционные песни.

— Не вижу, что не так. Где ж и когда ж ещё петь, как не под пулями? У меня так сразу и голос прорезается, и руки чешутся... Не только ж к автомату они у меня чешутся, должны понимать. А песни — что песни? Подлинное искусство интернационально, оно переходит от одного народа к другому, однажды имя автора, если оно и было известно, забывается, и песня становится народной, песни переводят на другие языки, переключают на заимствованную мелодию собственные тексты — так было у нас, так теперь здесь. Это тоже создаёт единство, если угодно. Вы могли бы напеть мне какие-то песни вашего мира,

попробовали бы подобрать...

— Ну, во-первых, песен своего мира я и не знаю, не близка была, знаете ли, к народной культуре... во-вторых... вы рехнулись, что ли, Андрес? У меня ж что голос, что слух стоят друг друга.

— Разве не всякая песня, идущая от сердца, прекрасна? Как и всякая женщина, особенно женщина с оружием?

— Андрес, мы на чужой планете, язык вы едва знаете... Где и чего вы умудрились напиться, откройте секрет, пожалуйста?

Когда Виргиния взошла на трибуну, стадион взорвался восторженным воем.

— Где-то я уже это видел, — улыбнулся Гелен.

— Граждане Бримы... Свободные граждане Бримы! Освободительная война, длившаяся столько трудных дней и ночей, наконец окончена. Тиран повержен, столпы, державшие его трон, разбиты. Вы возвращаетесь к мирному труду, мы возвращаемся к звёздам. Мы улетаем с верой, что наши и ваши жертвы, пролитая кровь, пережитые опасности и потери не будут напрасными. И любя вас всем сердцем, маленький, удивительный, прекрасный народ, я не могу не сказать вам — вам дан прекрасный шанс построить свою новую жизнь наилучшим образом. Избрать подлинно народное, мудрое правительство... Я знаю, что вы просты и чисты сердцем, я очень хорошо почувствовала это в том, как вы приняли меня, приняли всех нас, когда слово «чужак» звучало как «новый друг», ни в чьих глазах не было отчужденности и недоверия, на ваших устах не было недоговорок, в ваших словах не было двойного дна. А ведь у вас было много оснований больше никогда не верить пришельцам... И я прошу вас, в этой чистоте, в этой доверчивости — не будьте слепы, будьте бдительны! Не позволяйте больше никому, как Бул-Буле, воспользоваться вашим неверием в злой умысел, не проглядите, вовремя вырвите любые ростки зла, всходящие на вашей земле!

Три корабля — безнадежно разбитая «Сефани» осталась у берегов северного континента памятником войны — сюрреалистичным слоёным бутербродом бороздили гиперпространство, всё дальше удаляясь от Бримы. Аламаэрта, вернувшийся к управлению «Золотым даром», заканчивал проверку систем — точнее, ознакомление с обновлениями в системах. У стен, исписанных накалином, толпились остальные лорканцы, удивлённо переговариваясь.

— Как ни тяжело, где-то нам придётся расстаться. Вы идёте в свой мир, мы — в свой, и там нам предстоит много работы. Всё, нами увиденное, нами испытанное, нашу скорбь по потерянным товарищам, нашу радость от обретённого смысла мы должны теперь передать согражданам. Мы, да и вы отсутствовали дома... страшно сказать, более полугодом, нас наверняка сочли погибшими... Да и господин техномаг, наверное, пожелает теперь продолжить свои странствия по вселенной? Хотя наш мир был бы рад принять его гостем у себя.

— Представить свою жизнь не странствием я, наверное, уже не могу. Хотя ваш мир интересен мне, и позже, наверняка, я навещу его. Пока же я предпочёл бы изучить его дистанционно. Телепатский мальчик Андрес во многом прав, путешествовать одному становится чертовски скучно. Малютка Виргиния навела меня на хорошую мысль... Я не отказался бы пригласить в попутчики и ученики маленького Аминтанира — если, конечно, ваш мир не обеднеет без ещё одного жреца. Тем более, я чувствую теперь ответственность за

него.

Савалтали просиял.

— Это было бы большой честью для нас и прекрасным будущим для юноши! Думаю, и его семья будет гордиться, когда узнает. Первый из нашего народа, кто станет техномагом! Но, конечно, решать ему и только ему. Ни мы, ни род не имеем права принять решение за него. Не после всего, что мы пережили, не после всех изменений в каждом из нас...

Виргиния посмотрела сначала на остальных лорканцев, потом на Аминтанира с некоторым сомнением, но решила это сомнение не озвучивать. Будет ли действительно довольна семья, что их чадо таки сбилось с предначертанного ими для него пути? Во множестве миров благоговеют перед техномагами, главным образом потому, что боятся их. А что у лорканцев на этот счёт? У тех самых лорканцев, которым всю жизнь достаточно было их драгоценного Наисветлейшего с его заповедями, которым за то только спасибо, что они свой путь к спасению не пытались навязать всем (а ведь у них могли б быть для этого некоторые возможности, если б они не относились так бездумно к наследию прежних жильцов своего нового дома)? Вполне возможно, они будут в ярости. Савалтали и Лаванахал — не последние люди по своему рангу, но ведь и не верховные. Станут ли вообще их слушать, с их новым откровением о божьей воли и божьей сути, или объявят сумасшедшими, поддавшимся растлевающему влиянию иномирных безбожников? Они-то, конечно, полны воодушевления...

А Аминтанир — достаточно понимает, на что соглашается? Гелен стал ему очень дорог за эти месяцы, но станет ли ему так же дорог этот чёртов Кодекс, чтобы снова пережить прикосновение огня? Хотя может быть, всё как раз наоборот, чем она думает, и огня он, заглянувший за край, больше не боится...

Кэролин чувствовала, что теперь храм встречает её как свою. Может быть, потому, что сама она узнавала ладонью, не глядя, каждую трещину и скол на мраморных колоннах, может быть, потому, что издали чувствовала, ещё не видя, приветственную улыбку Софинела.

— Ты рано сегодня, Кэролин.

— Мне не спалось. Почти совсем не спалось, а перед рассветом мне уснуть и не удаётся, давно.

— Час перед рассветом очень полезен для размышлений. О чём же ты размышляла, Кэролин?

Софинел не был фриди, не был телепатом вообще, но говорить с ним было удивительно легко. Он читал её мысли именно в старинном, почти забытом смысле этого слова, это было глубокое, отеческое понимание, порождённое возрастом, мудростью, опытом. Бесчисленные морщины на маленьком добром лице казались тёплыми лучиками, лёгкие, сухонькие руки, держащие её руки, излучали какую-то глубинную, единую для всех и всего нежность, что-то от самого истока понятия жизни, родственности, заботы. Она не могла бы думать, что таким мог бы быть сейчас её отец или дед, которого она едва помнила, но ей и не нужны были какие-то конкретные определения для своего отношения к старому жрецу, для его отношения к ней. Просто рядом с ним она чувствовала себя так, словно пришла в дом детства, сидела на кровати, на которой спала маленькой, грелась теплом очага и могла поведать все свои сомнения, все горести тому, кто всегда поймёт, всегда утешит.

— Я думала... обо всём. Хотя всю свою жизнь я была очень много предоставлена самой

себе, о многом я смогла подумать только сейчас. Я искала... смысл. Нет, не причину, почему произошло то или иное, и даже не хорошее в этом... Потому что очень много вещей, в которых хорошее не найдёшь, как ни старайся... Но смысл должен быть всегда. Это самое главное. Важнее, чем достичь какой-то цели, важнее даже, чем достичь того, чтоб в твоей жизни происходило только хорошее, или хотя бы чтобы не происходило плохого. Когда шли месяц за месяцем, а вестей от Алана всё не было, когда «Белая звезда», ушедшая к границам изведанного, в который раз не ответила на вызов... я почувствовала, что совершенно потерялась. Я находила смысл, спасение в том, чтоб поддерживать миссис Ханниривер, которая стала за это время моей близкой подругой, я говорила ей, что «не отвечают на вызовы» не значит «погибли», что может быть, они потерпели аварию где-то, и их ещё найдут, обязательно найдут и вернут... Мы ведь знаем, сколько было такого — люди возвращаются через годы... Но я понимала — я сама уже не очень-то в это верю, я стараюсь, чтоб мой голос звучал убедительно, я старалась ей передать веру, а у меня ничего не оставалось. Когда прошло полгода, она решила вернуться на Землю, сказав, что, по-видимому, нет особого смысла в том, чтоб она прождала здесь ещё неделю или месяц. Но если для меня важно полагать своё пребывание здесь неким залогом их возвращения — то она понимает меня в этом. Зная, что мои более чем скромные средства подошли к концу, она оплачивала моё проживание, и продолжает оплачивать сейчас... Но она всё же уехала, и я снова осталась предоставлена сама себе. А быть одна я не могу, это я уже поняла. Кэролин говорила, что я всё время думала только о ком-то, чужими проблемами забивала свои, а мне хорошо бы научиться жить для себя. Я много думала над её словами... И поняла, что не смогу никогда. И дело даже не в том, кто и что мне когда сказал... Дело в том, что такая я есть. Такой уж мой смысл. Раньше я думала — это для того, чтобы не замечать свою боль... Теперь я понимаю, что чужая боль всегда страшнее.

Старый минбарец кивнул.

— Твоя боль не покинула тебя совсем, но уже не закрывает чёрной тучей всё твоё небо. Ты перестала себя винить за всё, чего не смогла — не защитила отца, не спасла возлюбленного, не уберегла сына. Ты поняла, что если бы даже точно знала, что не защитишь, не спасёшь, не убережёшь — ты всё равно была бы в их жизни, всё равно делала бы всё возможное. Но у них своя судьба. Мы становимся сильными тогда, дочка, когда понимаем, что не всё зависит от нас, что, может быть, несмотря на все наши старания, кончится всё плохо, очень плохо... но не сдаёмся, не уходим с пути, не перестаём делать, что должны. Только тогда мы понимаем, что, и насколько, нам нужно.

— Я стала приходить сюда, сперва ища утешения. А обретя его, выплакавшись, я стала искать смысл. Новый смысл. Мне нужно было найти смелость подумать, как жить дальше, если Алан не вернётся никогда. Я вспоминала о той женщине, Мелиссе, о том, как она превращала свою скорбь, свою веру в действие. О всех тех людях, кто, пережив потерю, обретали новый смысл в заботе о других. Новых близких. Я думала, что я бы так никогда не смогла... Но ведь именно это я делала всегда. У Кэролин есть Милли и Джо, которым она нужна, у меня же не осталось никого... Тогда я поняла, что просто должна кого-то найти. Кого-то, или что-то, что будет моим новым делом, новым смыслом — не ради того, чтоб забыться, не ради того, чтоб, помогая кому-то, компенсировать свои потери — а потому, что иначе не могу. И я стала приходить сюда уже за такой возможностью. Чтобы учиться у вас, помогать вам. Но мне, честно говоря, даже не нравится говорить «помогать вам», потому что это вы помогли мне. Что бы я ни делала — учила языки, читала священные тексты,

прибиралась в помещениях храма или вместе с вами посещала больницы — я была счастлива. Я ничем не помогла бы Алану, если б просто сидела и скорбела в ожидании, я, конечно, и сейчас ему помочь не могу... но могу помочь другим, и я не могу отказываться от такой возможности. Я так благодарна вам. Вы, минбарцы, удивительный, мудрый народ. Вы называете вещи своими именами. У нас для того, чтоб посвятить жизнь служению обществу, надо пережить что-то значительное, что как бы оправдывает это, стать монахом или миссионером... Вы дали мне возможность быть самой собой. Теперь я знаю, чего я хочу.

Софинел улыбнулся, погладив женщину по руке.

— Я видел это в твоём сердце с самого начала, Кэролин, как только ты вошла сюда. Но важно было, чтоб ты сама увидела это.

— У вас найдётся для меня задание, Софинел? Такое задание, которое позволит мне... Не подумайте, что я не счастлива здесь, что всё то, что я здесь, под вашим руководством, делаю — это мало, или не удовлетворяет моему честолюбию, и если вы скажете, что всё должно идти, как идёт — я приму это. Но мне, пожалуй, хотелось бы большего. Сделать что-то такое — для вас, ещё для кого-то, для всех — что выразило бы полноту моей благодарности, что стало бы руководством в жизни, наполнило её смыслом...

— Кэролин, я думаю, что ты готова. Не знаю, сочтёшь ли так ты сама... Помнишь, были дни, когда я не мог приходить сюда для очередного урока, или не мог сопровождать тебя в наших обходах? Ты мало знаешь о внешней политике, о новостях... Кое-что слышала, конечно... Может быть, я упоминал, что Комитет, возглавляемый Деленн, сейчас оказывает помощь одному миру... Этот мир серьёзно пострадал — не от внешней агрессии, а от собственного неразумия. Около десяти лет назад моради избрали ужасный, гибельный для них путь. Они отреклись от всего — литературы, живописи, религии, науки, всего, что составляло их культуру, их духовную жизнь, и сосредоточились на том, что казалось им путём силы — военной науке, гонке вооружений. И не потребовалось войны ни с каким другим миром, они сами погубили себя. Однажды оказалось, что они изобрели слишком много слишком опасного оружия. Цепная реакция ядерных взрывов едва не уничтожила их цивилизацию, почти отбросила их в каменный век. Сейчас они бедствуют... Альянс узнал об этом случайно, но сразу организовал сбор гуманитарной помощи для них. Я предлагаю тебе отправиться с одним из кораблей в мир Моради. Им нужны не только продовольствие и медикаменты, не только средства для восстановления разрушенных жилищ. Им нужно утешение, доброе слово, слово о мире, о надежде. Ты получила неплохую подготовку здесь, и можешь стать миссионером в этом мире. Будет очень трудно — не только потому, что это мир, погружённый в руины, и не все погибшие погребены, потому что во многих городах некому их погребать. Они несчастны — и они обозлены. Ты можешь столкнуться с агрессией... Хватит ли тебе терпения и сил, будешь ли ты готова... что не все твои усилия дают плоды?

— Я готова, Софинел. Когда отправка?

— Сегодня. Да, увы, ты не успеешь собрать свои вещи и попрощаться...

— Это и не требуется. Я надеюсь, Софинел, вы, по крайней мере, сможете проводить меня до космодрома?

Пожилой жрец поднялся, всё ещё не выпуская рук Кэролин.

— Отправка завтра, дитя. Я не мог бы не сообщить тебе... хоть сколько-нибудь заранее. Но я должен был увидеть, что ты действительно готова. Ты сама должна была увидеть. Такие решения принимают, не обдумывая и взвешивая, не имея отсрочек — такие решения

принимают в сердце, и они должны быть искренними. Сейчас — или никогда. Если ты не готов сейчас, но будешь готов через день или даже через полчаса — ты не готов. Ты можешь собрать свои вещи, и можешь попрощаться, с кем захочешь. Но смотри, не прощайся слишком с многими, и не бери много вещей — иначе их потеря в том мире может вызвать у тебя скорбь. Завтра мы вместе отправимся к космодрому, а дальше, увы, ты отправишься одна... Но я спокоен за тебя. Ты сильна и телом, и духом, и я немного завидую тебе — моё тело уже недостаточно крепко, чтоб выдержать дальний перелёт и трудную работу... Но к счастью, небо послало мне тебя.

Вечером того дня, когда «Золотой Дар» и корабль техномага отсоединились, чтобы продолжить путь каждый по своей дороге, в каюту Андреса зашла Виргиния, пряча под длинным тёмным плащом, унаследованным у Гелена, пузатую зеленоватую бутылку — переданный ей Джеком Харроу запоздалый презент от Ромма, очень хорошо умевшего находить взаимопонимание с местными на интересующие его темы.

— Подумала я тут, что пить в одиночестве — всё-таки дурной тон, а собутыльников, как ни крути, вариантов мало. Сам Харроу, наверное, мог бы, но ему, кажется, Далва запретила алкоголь ввиду каких-то особо тяжких антибиотиков...

Андрес с интересом воззрился на поставленную, ввиду отсутствия иных вариантов, прямо на пол бутылку.

— Так-то и мне какие-то антибиотики вводили... правда, наверное, не такие злые. Или мне просто забыли об этом сказать. А что это хотя бы? Ты уверена, что это можно людям?

Виргиния расположилась рядом на полу, подвернув ноги по-турецки.

— А, точно не знаю... название не запомнила, в смысле. Какой-то местный самогон, Ромм его на островах где-то надыбал, вот подарил одну Харроу. Кажется, что-то подарил и лорканцам, но они у меня с употреблением алкоголя, откровенно говоря, не ассоциируются, скорее увезут домой в качестве сувенира. Я подозреваю, Ромм алкоголь смог бы найти даже на За'Ха'Думе. Фамилия обязывает. Ну, по крепости как виски, с его, опять же, слов, я пока не пробовала... Как раз и распробуем вместе, если ты не против, конечно. Вообще я, может, сейчас наивную чушь гоню, в тебя в этом отношении тоже почему-то верится... У тебя ёмкости-то какие-нибудь найдутся?

Андрес неопределённо пожал плечами и полез шариться в сумке, стоящей под изголовьем наклонной платформы, откуда вскоре извлёк две расписные бреммейрские плоски.

— На винные бокалы не похоже ни в малейшей степени, но кто их знает, этот народ, может, из такого как раз и пьют? Сервировку стола не случилось наблюдать ни разу, при мне из чего только не ели-пили, в том числе из пустых коробок от чего-нибудь...

Жидкость оказалась приятного золотистого, чуть с зеленью, цвета, с пряным цветочным запахом, и на эту первичную оценку очень даже располагала.

— Как раз, если уж так говорить, и помянуть есть, кого.

Виргиния скинула плащ — движениям он всё-таки мешал, и осталась в бреммейрской накидке поверх арнассианской брони — штуки, без сомнения, красивой и пафосной, но от холода защищающей мало, да и по внешнему виду для непривычного больше напоминающей какое-то эротичное бельё, чем военную форму. Но что поделаешь, для военачальника — а она, с ума сойти, военачальник — правильнее всего оставаться в той форме, в которой его прославила его армия. Да переодеться особо, в общем-то, и не во что, разве что

позаимствовать запасную форму у рейнджера сходной комплекции.

— Это да. Ну, первый тост предлагаю всё же за то, что выбрались. Не все полегли, а в этом ничего невозможного не было...

А вот на вкус оказалось горьковато, обожгло горло.

— Да, за победу. И за то, чтоб, сколько б ни было ещё в нашей жизни крутых виражей — помнить вот это всё до седого маразма, — Виргиния фыркнула, проглотив свой глоток аборигенского пойла. Дааа, эту штуку явно нужно пить не смакуя... Хотя бреммейры, может, и смакуют, поди пойми их вкусовые пристрастия.

— Наверное, надо всё же какую ни есть закуску найти... Где-то у меня тут было это сушёное — мясо не мясо, поди разбери. Насовали гостинцев, как будто нам до Минбара месяц лететь, минимум.

— Не каркал бы ты лучше, а? Я на том шаттле тоже надеялась на Минбар быстро долететь.

— Ну, будем честны, на львиную долю эта маленькая задержечка — твоя заслуга. Да, наверное, не стоит об этом сейчас, настроение портить... Сколько вою-то будет. Одни лорканцы чего стоят. Они, конечно, сказали, что снимают претензии... Но то были наши лорканцы, до сих пор считавшиеся пропавшими без вести. А что там остальные — даже думать не хочется.

Виргиния поболтала в стакане золотистую жидкость и осушила залпом.

— А, плевать. Честно, плевать. Ну, что они мне сделают? В тюрьму посадят? Я там уже была. Убьют? Ой как страшно. Типа, мне должно быть стыдно за то, что угнала корабль и полгода с ним где-то пугалась? Извините, ни капли раскаянья. Ну, что по поводу всего этого думает матушка — мы, конечно, узнаем по приезду... Лучше сразу уши затыкай, первое время это будет непечатно... Но вообще-то, именно она меня учила не бояться делать то, что хочется и что считаешь нужным, не бояться безумствовать и совать голову в пекло. Если б не она с её педагогически сомнительным примером — я б, наверное, такая не получилась. Ну, нормальная бы в заварушку у арнассиан не полезла, и уж тем более не оказалась бы на Бриме. А папашка, чего-то мне кажется, мной всё же гордился бы. Несмотря на, а может, и благодаря тому, что говорили бы другие. О нём самом, в конце концов, много чего говорили, а ему только по кайфу было... Перед вами всеми, конечно, есть за что прощения просить, я вас во всё это втравила. Хотя как посмотреть — не просила ж я продолжать меня искать упорно все эти месяцы, можно было уже и плюнуть десять раз...

— Ну, я лично не пострадавший, — Андрес допил и свою чашку, — жив, почти цел, костыли — это ненадолго... С моим, в конце концов, прошлым я отнюдь не кисейная барышня.

— Но у живых что толку просить прощения, живые живы. А у мёртвых не попросишь.

Она потянулась за бутылью и наполнила ёмкости снова доверху, порадовавшись, что, несмотря на некоторое уже опьянение, не пролила ни капли. Ну, с другой стороны, после тяжелых лорканских пушек на Арнассии и Бриме удержать в одной руке эту бутылку вообще ничего не стоило.

— За Ромма, за него. Пусть море упокоит не стареющее сердце...

За героев надо бы, конечно, пить до дна, но размеры чашек не коньячные, а крепость вполне себе такая...

— И за Сонару, естественно...

— За геройский экипаж “Махатмы”.

Виргиния жадно вгрызлась в предложенную Андресом закуску. До чего вкусно они здесь мясо готовят. Не, с арнассианами, конечно, не сравнить, но зато и без некой арнассианской специфики...

— И за геройский экипаж “Сефани” вообще. За весь их путь — через леса, болота, острова с их бурной анархией... За Блескотта, беднягу, если в раю нет сигарет, то в рай совершенно незачем. За этих храбрых лорканцев...

— Начиная с первого — Синеасдана. Точнее... Наверное ведь, это не настоящее имя. Возможно ведь узнать... Ну, если лорканцы захотят поднимать эдакий-то скандал ради того, чтоб бреммейры знали имена своих героев...

Виргиния подвинула ближе бутылку и уставилась на неё задумчиво, оценивая свои ощущения — пьяной она бы себя пока не назвала, но и трезвой тоже. Приятный туман в голове и тепло, разливающееся по телу, помогали притерпеться к не самому изысканному вкусу напитка, впрочем, через какое-то время вкус этот начал даже нравиться. Было в этом вкусе даже что-то... правильное, уместное. В этой терпкости были все эти четыре месяца засад, совещаний, сражений, братских могил в мёрзлой земле многочисленных отвоёванных провинций, пепел костров, у которых вместе с ними грелись освобождённые из тюрем и с заводов, что были сродни тюрьмам... Что-то более лёгкое и приятное здесь как-то и не пошло бы. Да, вечная память и благодарность Ромму ещё и за этот последний подарок.

— И за Андо и Алана, конечно. Самая большая боль этой войны. Совсем мальчишки, жизнь только начиналась. Вот перед мисс Сандерсон, перед Офелией мне ответ держать. Ну что ж, я к этому готова.

— Ответ каждый держит за себя сам, — Андрес небрежно, но с ювелирной точностью наполнил опустевшие чашки поровну, — если речь о взрослых людях, а не о детях, конечно. А называть этих парней детьми ты никакого морального права не имеешь. Особенно Андо. По законам его мира — давай не забывать, что он только биологически землянин — он взрослый мужчина. У него семья. Он уже немного герой войны, знаешь ли, хотя там война была иного характера, большую часть времени. Он знал, куда шёл, знал, что делал, и он многое сделал. Да, отчасти он оставался потерянным, страдающим ребёнком, но только не в этом, не в этом. Алан — ну, возможно... Вся жизнь под материнской опекой, только это не его вина. Пожалуй, воин он не меньше, чем Андо, просто носить в себе такое всю жизнь и не свихнуться окончательно, не наложить на себя руки — это кое-чего стоит. И попросту — они-то ни минуты не сражались именно под твоим началом. Когда “Сефани” сбили, и им пришлось выживать в лесу, потом выбираться на континент — они это делали по необходимости и скорее уж тогда под началом Гарриетта. На тот момент, как сводный флот мятежных островов выступил против флота Бул-Булы, не было чёткой связи с Соппротивлением на континенте, не было даже ясного понимания, как там вообще дела... Они не твои солдаты, и ты не отправляла их на смерть. Андо сам отправился на выручку нашему кораблю, Алан сам громче всех голосовал за то, чтоб продолжать поиски вас с Аминтаниром. И за эту воронку ты тоже не отвечаешь ни в малейшей степени.

— Знаю. Да и... Кой чёрт, какой смысл искать, кто будет отвечать за всё? Такая вот цепочка получается — просто Алан и Виктор оказались на одном корабле, и встретились сера и селитра... Из-за этой ведь заминки мы и поймали сигнал лорканцев, так бы проскочили, и кто-нибудь другой слушал их рассказы о Наисветлейшем, и Аминтанир просто вернулся бы под отчий кров, потому что кому, кроме меня-дуры, оно было б надо... А потом вы вынырнули из этого Колодца и надо ж вам было ещё три дня упорно торчать, и

дождаться, пока на вас напорется Гелен, и вы решили, не теряя времени, отправиться к Брима, чтоб не с пустыми руками на Минбар возвращаться... Каждый каким-нибудь решением свой вклад внёс. Может, то просто меня гложет, что об Андо я вообще мало знаю. Особо не успели пообщаться. И вот — никогда не узнаю. Просто немыслимо, как при своей непостижимой силе он мог погибнуть. Хотя самая беспредельная сила не означает бессмертия. Хотя вообще... тут стоит вспомнить, почему мы так и не зазнакомились поближе, почему, будь он сейчас жив, я едва ли решилась бы его теребить. Не наша вина, конечно, что это стоит между нами...

— Если ты о...

— Ох же я свинья... Хотя, брюки центаврианские, им не страшно, сколько на них бревари было пролито... Нет уж, извини, ты сам, может, и считаешь великодушно, что всё это дело прошлого и нас не касается, надо преодолеть, надо жить дальше... А от всех такого же ждать как-то оснований нет. Двадцати лет ещё не прошло, это живая история живых людей. Я всегда была как-то вне этого, так сложилось, не могло иначе сложиться. Не только потому, что когда была война, я была ещё ребёнком... и способности у меня не проснулись ещё... Я слышала эту историю в общих чертах — как большинство простых людей на Земле, вернее, не простых как раз, мы-то с нашим положением могли позволить себе комфорт и безопасность. Помню, как-то за обедом... кто-то из гостей поднял эту тему — какой хаос тогда творился, сам понимаешь, торговля, все курсы попадали, они так страдали все... «Из-за этих чёртовых телепатов...». Мать, помню, резко оборвала говорившего, сказав, что телепаты телепатами, а она б на месте Литы тоже решила закатать Корпус под асфальт, и пусть кто-нибудь из женщин что-нибудь возразит... И знаешь... Тогда, в последнем сражении, когда я увидела Аминтанира в огне, мне показалось... Я просто вспомнила Литу в этот момент... Я не рассуждала особо, мне некогда было, это не какие-то связные мысли, просто чёткая вспышка: «Вам этот огонь вернётся». Конечно, это нельзя сравнивать, я не влюблена в Аминтанира. Но ты сам понимаешь, это то, что остаётся в душе навсегда, меняет её необратимо.

К горлу подступил ком — всё-таки до сих пор ещё её не отпускало это воспоминание... Тогда некогда было ужасаться, позже было не до того — а ужас этот внутри жил...

— Я ещё хотел спросить тебя — как это ты решилась расстаться с зажимом? Как-то это связано с Андо, или это... ты решила отказаться от поиска?

— От поиска я не откажусь, только нужен ли для этого зажим? Ничего особенного в нём как таковом не было, серийное производство, собрать такие по всему миру — на тонну, наверное, этот металлолом вытянул бы. Мы сами наделяем вещи значением, и вот он перерос своё исходное значение. Для них это важный символ, сокровище их новосозданного музея, святыня для грядущих поколений... Помнишь, как ты мне рассказывал, что у вашей организации флаг был рыжий? Как пламя, как её волосы... Это сильно, согласишься — Лита в Венесуэле никогда не была, но её там знали... Не как человека пусть, как символ... Но думаю, это её устраивало, насколько она знала... Мне сложно даже осмыслить такое отношение. Но это что-то куда более мощное, масштабное, чем у меня. Это уже их, не моё.

Андрес задумчиво поболтал остатками жидкости в чашке.

— Там, в Колодце Вечности, мы все что-нибудь оставили. Кто что, мы беседовали об этом потом — не все со всеми, то есть, конечно. И я думал потом — а что оставила бы ты, окажись ты там вместе с нами?

Виргиния разгрызла кусочек мяса, который некоторое время катала во рту.

— А ты что оставил?

Соратник опрокинул в себя очередной богатырский глоток.

— Одиночество.

— Что?

— А ты думала — смысл был в оставлении какой-нибудь вещи? Ну да, мы вообще как-то мало об этом говорили, как-то в избытке было других тем. А лорканцы гораздо больше могли говорить о том своём откровении, которое их там накрыло. Они оставили там своё прежнее понимание бога.

— Определённо, интересное место... Даже жаль, что я там не была. Интересно, что я бы там оставила...

— А я вот рад, что ты там не была. Не всегда люди расстаются с тем, что им осознанно уже претит, что они готовы оставить, и только ищут подходящую мусорку... Блескотт — он, наверное, оставил там свои терзания из-за странных и неуместных чувств. Хотя возможно ли такое оставить... И мне моё одиночество было на самом деле дорого, хотя я и не могу сказать, чтоб я им наслаждался. Это казалось мне частью моей жизни, моей личности, слишком важной частью. И всё же я признал, что я готов сделать шаг в сторону от того, что привычно... От той депрессии, которая владела мной после войны, которая едва не уничтожила мою личность, распилив на что-то больное, невразумительное, хаотичное, не связанное ни во что жизнеспособное. Жизнь, превратившаяся в затянувшуюся агонию элемента, пережившего своё время, потерявшегося, ненужного, неприменимого, одиночество, которое даже не выбрал, а видел единственным вариантом существования... В этом, конечно, мне помог и Андо, как некий катализатор переосмысления. Кто ещё из нас — оставшееся не у дел оружие... Но он хотя бы своё одиночество оставил раньше меня. Это не самый лёгкий процесс, но нужный всё же. Но я не хотел бы, чтоб ты оставила свой поиск, как бы бессмысленно это ни казалось со стороны, это важно для тебя сейчас... Или свою безрассудность, граничащую с безумием. Вообще ничего... Да, я думал об этом, что это могло б быть — так, как думают о том, что не должно происходить. Так, как я иногда размышлял, кто как и когда может умереть, какой будет его смерть... Ты ведь понимаешь, это очень далеко отстоит от пожелания смерти. Ты очень цельная. Наверняка, ты посмеёшься над тем, что кто-то считает тебя лишённой внутренних разломов, но для меня это так.

— Не знаю. В самом деле, не могу сказать вот так с ходу, что я могла б оставить. То есть, наверное, это же не рассудочный выбор — вот это мне пока пригодится, а это ладно, забирайте, это что-то, что происходит само, да? Ну, откуда мне знать, что во мне произошло бы там. Но точно не отказаться от поиска, это определённо. За эти месяцы у меня была возможность много подумать-поанализировать... В смысле, возможностей-то как раз мало было, обстановка редко располагала к философии, но если это всё же случилось... При всех сложностях, которые я прекрасно осознаю — я всё ещё уверена, я хочу дойти до конца, я хочу знать. Знаешь, мой папка — я скучаю по нему иногда, очень сильно... Он любил меня. Если б у бреммейров были именно более привычные нам патронимы, это было б конфузом на самом деле. Мой папа не проявил во мне каких-либо своих сильных черт, он не был воином. Да и политиком... Мне кажется, в политику он скорее... играл, слишком ко многому относился наплевательски, и именно это, кажется, делало нашу семью крепкой. Он мог опоздать на заседание и объяснить это тем, что клёв уж очень уж хороший был, или что у него собака как раз оценилась... И не дай бог ему б кто-то сказал, мол, нашёл важную

причину! Как-то раз сказал Джефферсону, секретарю министерства культуры, что Джемма, наша собака, по его мнению, в его кресле принесла бы больше пользы. Это бы ничего, если бы он это не с трибуны сказал... А, собаки это вообще тема отдельная... Гелен, да и Аминтанир, часто спрашивали меня о родителях, так вот, я им рассказывала. Ехали они как-то... дай бог памяти, куда ж... На какое-то заседание, всея правительства континента... Как полагается, колонна машин, электромобили сопровождения, мигалки... Так вот, один из электромобилистов сбил собаку. Не насмерть, в смысле, собака крупная, полукровок ретривера. Бедро только сломала. Так он остановил кортеж, уволил того электромобилиста и развернул процессию в сторону ветклиники. В общем, газеты после этого месяц, что ли, не затыкались, видеофон у нас дома тоже... А у Джеммы так появился супруг. Скажи, какой нормальный политик так поступил бы? Он ничерта не понимал в том, что кому можно говорить, что нельзя. А может, и понимал, но ему плевать было. Мама как-то сказала, что из политиков прошлого он напоминает русского Хрущёва, разве что — не лысый... Они прекрасно понимали друг друга, по-моему, всегда. И даже ругались как-то... удивительно слаженно. В общем, знаешь, мне иногда даже... не то чтоб стыдно, но я чувствую, что очень сложно б было объяснить кому-то, чего же я ищу... зачем... ну, то есть, что меня не устраивает... Я стала именно такой, какая я есть, именно потому, что выросла в этой семье, потому что мои родители оба с юных лет умели чудить и многое мне спускали, я привыкла к вседозволенности... Я не боялась давать отпор, потому что ещё в двенадцать лет, когда одноклассницы-нормалки, недовольные тем, что я учусь с ними, начали провоцировать меня на конфликт, папа просто сказал: «Да дай им в глаз, и все дела». Я не боялась лезть в авантюры, потому что мама говорила: «Дочь, не бойся браться за то, чего не умеешь, помни, Ноев ковчег построен любителем, профессионалы строили “Титаник”.» Я — вполне их дитя, я этим довольна... Не знаю... может быть, есть что-то ещё. А может быть, опять же это моё... ещё ярче, чем у мамы, выраженное — лезть туда, где страшно. Я выросла в этой семье безбожницей, но это лучше, чем, может быть, если б у меня была та же религия, что у Виктора в начале нашего знакомства...

Андрес молчал, блеснул болотными огнями в зелёных глазах, слушал.

— В некотором роде, наверное, с зажимом я рассталась ещё и как с последними колебаниями. Это ведь не только память и связь... Это некое в то же время напоминание, предостережение — не лезь, не ищи от добра добра... тем более когда знаешь, какое оно добро... Но когда мы умными-то были? Может быть, детское какое-то... неверие, что он может быть... ну, что в нём совсем ничего хорошего... Как же — он ведь мой, мой!.. Хотя думала — ведь и Виктор, наверное, во время своих партзаданий, мог кому-нибудь так нечаянно кого-то сделать... Это ничего не значит, глупости...

Золотистая жидкость снова сравнялась в чашках, замерцала, отражая едва уловимое мерцание лампы.

— Смерть, говорят, обнуляет счета. На самом деле — отнюдь не всегда, но в случае Виктора — пожалуй, да. Если говорить о том, кто как мог бы умереть — насчёт Виктора я чувствовал, что мы его живым не доведём. Что смерть — лучший способ уйти... Тут не в трусости дело, а в логике жизненного пути.

— За Виктора, да. Лично мой счёт к нему закрыт. Он спас Аминтанира... Это, конечно не извиняет того, что он сделал, но это искупает. Надеюсь, и всё то, что мы сделали для Бримы и Арнасии, искупает всё то, что испытали наши близкие за эти полгода...

На следующий день с космодрома в Тузаноре стартовал транспортник «Ладонь Валерии», направляющийся к миру Моради, а ещё через день радары военной базы «Энш» на Лири — одной из лун Минбара — первыми поймали сигнал «Белой звезды-44», уже полгода считавшейся пропавшей без вести...

==== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 2. Хрустальное эхо =====

Гл. 2 Хрустальное эхо

Вероятно, прибудь «Белая звезда-44» на Минбар чуть более месяца ранее — это было бы самым значительным событием в общественной жизни этого мира. И может быть, прибудь она чуть более месяца позже — это тоже было бы так. Но судьбе было угодно распорядиться так, выбрать именно это время. Когда они спускались по трапу, когда Виргиния бросила только первый взгляд на толпу встречающих — здесь не было её матери, но она уже и не ожидала её здесь увидеть, слишком много времени прошло, чтобы, даже с упрямством Кэролин Ханниривер, продолжать верить и ждать — она почувствовала это. Словно, кроме всех этих людей и минбарцев, и, кажется, представителей ещё каких-то рас — она не обратила внимания — на взлётной полосе присутствовал кто-то ещё, кто-то безмерно огромный, кто-то, представляющий собой персонификацию скорби, некий мифический ангел смерти, распростёрший серые, как непогода, крылья над всем космодромом, над всем городом, над всем миром. Не нужно было прилагать усилий, чтобы почувствовать это — то самое, что дрожало в голосах рейнджеров и военных, с которыми они говорили по вновь ожившей связи, что пульсировало в мыслях каждого. Столь немислимое, столь осязаемое, не личная потеря — потеря для всех...

На Земле немислимо было подобное — в дне сегодняшнем, не в каком-то легендарном переложении. Так, должно быть, отправляли в последний скорбный путь ладью с телом великого героя, полководца, короля в древних балладах, так, может быть, коммунисты прощались с Лениным или Фиделем. Больше, чем человек, больше, чем занимаемая им должность. Он был для них оплотом, был духом эпохи...

Она узнала среди встречающих Деленн — собственно, не узнать бы не могла, Деленн такая одна... Она не слышала, о чём она говорит с Ли и Шу'Далом, что говорит ей подошедшая Далва... Андрес и И стояли рядом. Всего трое их, телепатов, вернулись из этого путешествия живыми...

«Словно попали на похороны. Словно... как в сказках, где герой ненадолго зашёл в гости к гномам, выпил с ними чарочку-другую, приятно посидел за весёлой байкой... А когда вернулся — оказалось, что миновало сто лет, и вся его семья тлеет на погосте, и сквозь прохудившуюся крышу обветшалого дома прорастает бурьян... Всё не так, конечно, но ощущение похоже. Тот же вопрос — зачем же, с каким же смыслом я вернулся?»

Отчаянием назвать было сложно. Скорее... Бессилие, горе по утрате, ожидаемой, возможно, настолько, насколько вообще можно подобного ждать. Словно грустные серые волны друг за другом бежали его воспоминания, словно перебираемые старые фотографии... Но потом вдруг словно рокошущая волна вздымалась — боли, протеста, горечи, и разбивалась о гранит... И падали, рассыпаясь ворохом сухих листьев, старые фотографии...

Из тех, кто подошёл к ним, она узнала одного — несомненно, это Дэвид. Дэвид тоже такой один, у кого же ещё, кроме него, сквозь гриву чёрных волос могут пробиваться зачатки

костяного гребня. Девушка — похоже, центаврианка, а вот странное существо, поддерживающее под руку человеческого мужчину, кажется, слепого, Виргиния идентифицировать не сумела. Существо выглядело несколько пугающе — у него не было лица. Только маленький, невыразительный рот выделялся на передней стороне головы. Вероятно, органами зрения им служит что-то другое...

— Вы Виргиния? А вы, вероятно, И? Сюда в этот час пришли не многие, но здесь и не поместились бы все, кто переживал, молился, ждал вашего возвращения. Кто теперь вздохнёт с облегчением...

Андрес опустил взгляд.

— Так себе облегчение-то вышло... Мы оставили на Бриме, кажется, половину состава. Было видно, как Дэвид сглотнул горький комок.

— Да, я... знаю. Андо погиб. И Алан... Полагая, что вам не менее больно, чем мне говорить об этом, всё же я хочу знать, как это произошло. Но сначала моя мать хотела бы поговорить с вами.

— Да, понимаю. Думаю, и моя мать хотела бы поговорить со мной... Я даже не знаю, что из этого должно бы страшить меня больше. Сейчас, признаться честно, мне даже не верится, что это не сон. Что я действительно ступила на Землю Минбара и чувствую минбарский ветер в своих волосах, это казалось уже недостижимым, как звёзды над головой в таком мире, как Брима...

— Я Рузанна, Рузанна Талафи, — хорошенькая центаврианка протянула ей руку, — мы сожалеем, что ваше возвращение, как и наше, состоялось в столь неудобный, тяжёлый момент. Что отравляет радость и облегчение от встречи, от того, что вы живы... Я прибыла вместе с Дэвидом и Диусом, хотя мой дом на Тучанкью, потому что просто не могу не быть с ними рядом в это время. Хотя и понимаю, что слова утешения бессильны здесь. Я поняла, что и вы пережили боль потери там, в том мире, откуда вы вернулись, и не один раз. Нет ничего ужаснее войны... Ужасно то, что вам пришлось пережить.

Она здесь не из простого дружеского сочувствия, сразу поняла Виргиния. Кто-то из тех, о ком она говорит, очень нравится ей, но она совсем не уверена в возможности взаимности...

Существо без лица по-птичьи повернуло голову, из-за спины высунулись гибкие отростки, сканируя окружающее пространство и лица собеседников.

— Я шиМай-Ги, женщина-пилот. Я тоже прилетела, сопровождая возлюбленного, — на этих словах Рузанна покраснела и бросила на прямолинейную тучанк укоризненный взгляд, — глаза у Май-Кыл видят всё хуже, и он просил меня был рядом. И я счастлива буду узнать этот мир, хотя, конечно, очень печально, что мы прибыли сюда именно тогда, когда он скорбит об утрате своего великого вождя. И вдвойне печально, что и вы, оставившие в чужом мире могилы друзей, вернулись к тем, кто вас ждал, в пору траура. Если будет позволено, я исполню для вас Песню Вереска — это наша погребальная песня, но она не только погребальная, в ней обещание возрождения для такой души, которая жила честно и смело, которая любила и воспевала красоту на земле!

«В разных культурах, в разных мирах существует такой образ, как Вестник смерти, — вспоминал Фрайн Таката лекцию принца Винтари, — правда, не во всех случаях это именно Вестники, в том смысле, что не всегда они являются прежде смерти, как предупреждение самому умирающему или его близким, иногда правильнее определить их скорее как

Плакальщиков, сопровождающих смерть, но не возвещающих её. Можно выделить следующие общие признаки таких существ в разных мифологиях...»

Сейчас Такате казалось, что, может быть, Дева Илсуна, девушка-птица из мифологии дрази, спустилась на крышу самой высокой башни резиденции, закрыла крыльями лицо и завела свою тихую, горестную песню, и из-под перьев падают слёзы, и катятся вниз, сверкая бриллиантами в свете остановившейся над шпилем кометы-колесницы — никому не видимой, но всё озаряющей своим мертвенным, торжественным светом.

Он не подходил ни к кому из этих людей — он чувствовал, время слов утешения ещё не пришло. Покуда не допела свою печальную песнь Дева Илсуна, пока не погас свет кометы и колесница богини не продолжила свой неспешный, неизменный путь по вселенной. Прошёл месяц, и рыдания замерли на губах оплакивающих, но их эхо срывается с множества новых уст — тех, кто прибывает из далёких миров, с дальних рубежей. И те имена в траурных рамках, которые привезли с собой вернувшиеся почти с того света — это тоже эхо. Долго, долго ещё оно будет дробиться, звенеть, отражаясь от множества стен, множества сердец...

Он не умирал здесь, не отсюда его душа отправилась в иной, таинственный и, стоит верить, лучший мир. Но Дева Илсуна прилетает не к умирающему, не его оплакивает. Она выражает сострадание горю близких, испытавших самую страшную в мире разлуку. И свет колесницы богини, обращённый к живым, призван напомнить — вы встретитесь вновь... Но когда глаза застилают слёзы, невозможно увидеть этот свет...

Деленн баюкала Дэвида, лежащего головой у неё на коленях. Замершие поодаль Райелл и Шин Афал были безмолвны, слов не было сейчас, пожалуй, и в их мыслях. Молитвенная внутренняя тишина...

— Когда ты родился... Когда твой отец первый раз увидел тебя... Смешно и восхитительно было смотреть на него, как много эмоций умещаются в один момент в человеке, сколько всего отражается на его лице. Он коснулся тебя так осторожно, кажется, сперва одним только кончиком пальца. Ты ведь был такой маленький, крошечный, что сам он себе показался огромным и неуклюжим, ничего не умеющим. Я уговорила его не бояться, взять тебя на руки, и смотрела, как на его лице расцветает понимание, что он стал отцом, что у него на руках — его сын. Когда я была совсем ещё девочкой, я видела иногда в храмах семьи воинов с детьми, видела, как лица суровых несгибаемых воинов, отмеченные шрамами, преображаются, когда они смотрят на своих детей, и думала, что это высшее счастье, которое может дать женщина мужчине. Нет, даже не детей как таковых... Возможность вот этого преображения, новой любви, вошедшей в жизнь, новой жизни, которая доверчиво тянется к родительской силе и мудрости, как росток к солнцу...

Диус сидел рядом, опустив лицо в ладони. Он вспоминал усталое, улыбающееся лицо на экране межпланетной связи, и ему казалось слишком невероятным, что больше не увидит этого лица, не услышит этого голоса... Нет, можно увидеть, можно услышать... Видеозаписи сохранили... В них он навсегда жив...

— ...Один раз он зашёл ко мне с какими-то бумагами, долго, как мне казалось, думал, как объяснить суть того дела, с которым пришёл... И тут сказал, что проходил мимо зала и увидел вас с Диусом за какой-то логической игрой. Он не видел, во что именно вы играли, ты загоразивал стол собой... Но он заметил выражение лица Диуса. «Я узнал в нём себя и его годы, — сказал он, — я делал такое же серьёзное, вдумчивое, прямо торжественное лицо, когда чувствовал, что проигрываю. Как будто именно сейчас он обдумывает гениальный ход, который принесёт ему неожиданную и блестящую победу»...

Когда Рузанна вошла в тёмную комнату, она не сразу заметила, что там есть кто-то ещё. Потом лунный свет обрисовал привыкающим глазам силуэт Шин Афал в тени длинных тёмных штор.

— Простите... — центаврианка поколебалась, уйти ли, или подойти с утешением — что из этого юная минбарка скорее может воспринять как бестактность? — потом всё же подошла, — я не знаю, могу ли я... найти нужные слова... Может ли тепло моей дружеской руки что-то значить в этот момент...

Девушка подняла огромные, блестящие от слёз и внутреннего огня глаза.

— Так больно, когда в день и час великой скорби... Ты ничего не можешь сделать...

— Вы о Дэвиде? — Рузанна вздохнула, — я понимаю вас. Именно здесь, именно сейчас — ничего нельзя сделать. Никакие слова утешения, никакие действия не закроют произошедшее от взора того, у кого эта потеря вырвала часть сердца. Можно только быть рядом. Пусть молча, пусть только обнимая или только поднося чай или завтрак, о котором сам он может не вспомнить... Кажется, что это так мало, что боль за него может разорвать сердце... Когда умерла моя мать, мой отец жил ещё три дня. Но я знала — он уже не жив... Он ходил иногда по дому — неслышно, как призрак, как тень себя самого, и я почти видела — смерть держит его за руку, и её словам он внимает, а не моим. Потому что она обещала ему скорую встречу с любимой, а я... Что я могла ему сказать? Что всё будет хорошо, что у него есть я, что жизнь продолжается? Я знала, что отпущу его. И не потому, что та же болезнь, что сразила мать, забирала и его. Потому, что любящие сердца стремятся к воссоединению, и счастье для них — воссоединиться. Но я — не умерла, хотя боль моя была беспредельна, как чёрная беззвёздная ночь. Дети продолжают жить, когда умирают их родители. И Дэвид будет. И Диус... тоже...

Шин Афал стиснула переплетённые пальцы.

— Хоть и говорят, что нам не даётся того, чего мы не способны вынести — сейчас это то, что не вмещается в моё сознание, что оставляет меня поверженной и растерянной, не в силах найти не то что слов, а даже оформленных мыслей. Не наступило бы такого момента, когда Дэвид был бы готов принять смерть отца, как не наступило бы такого момента и для Деленн. Но пережить две потери, два потрясения подряд... Это было слишком жестоко. Это то, чего я не могу понять и принять.

— Вы говорите... о том друге Дэвида, который погиб в мире, из которого вернулась потерянная «Белая звезда»?

— Да, об Андо. Вы не были знакомы с ним, а по рассказам, боюсь, можно составить минимум два разных представления о нём. Впрочем, он действительно был... противоречивой фигурой.

— И он был дорог Дэvidу.

— Да. И это то, чего ни я, ни кто-либо ещё не может в полной мере понять. Я знала Андо до центаврианской кампании, он жил в резиденции, и когда я навещала Дэвида, мы так или иначе пересекались... Он был довольно резким и, кажется, всё время под властью чего-то, что открыто ему одному. Кто-то считал это одержимостью, кто-то потерянностью. Но там, на Центавре, вероятно, многое изменилось... во всех, и в нём тоже. Иногда Дэвид удивлял меня, рассказывая об Андо что-то такое, что просто не мог знать...

— Не мог?

Минбарка отвернулась, вода ладонью по глубоким складкам тяжёлых длинных штор.

— Дэвид знал о смерти Андо до того, как корабль вышел на связь. Не знаю, как такое возможно. Точнее, знаю, но... Что с этим делать — представления не имею. То есть, ничего сделать уже и нельзя. Их связь, чем бы она ни была, оборвала смерть. Но если он, действительно, знал его мысли, видел его сны, чувствовал каким-то образом его жизнь, протекавшую в сотнях световых лет от него — так, что, как я полагала, путал их со своими — то почувствовал и смерть... Ощутил, как свою. И я уже ничего не могу. Даже представить... Могу только ждать и верить, что он сможет с этим справиться, и что у меня когда-нибудь достанет сил понять.

Виргиния и Андрес сидели на истёртых, пригретых солнцем ступенях храма. Они ждали Софинела, старого жреца — наставника Кэролин, чтобы расспросить о её жизни всё это время, о последних днях, проведённых на Минбаре. Больше-то, в общем-то, они уже ничего не могли сделать.

— Какая-то дикая ирония, а... Она улетела дня за два до того, как прилетели мы. Немного не могла подождать...

— Жизнь вообще полна иронии. Но мне кажется, что-то есть в этих словах Деленн. Она не стала говорить чего-то вроде того, что птенцам приходит пора покидать гнездо, или что у родителей, когда дети вырастают, есть право пожить для себя... Она сказала, что нам нужно помнить, что мы не только дети и родители, мы — души, приходящие в этот мир получить свой опыт, совершить то, что должны совершить. И если не получим, не совершим — получится, что страдания наши и наших близких были напрасны. И может быть, чья-то цель и назначение — в том, чтоб служить своей семье, и этого будет довольно... Но Кэролин уже не могла служить своей семье — семьи у неё не осталось. И было правильнее не решить, что теперь она бесполезна и жизнь её бессмысленна, а отдать своё служение другим. Наречь своим больным, страдающим сыном больной, страдающий мир.

— Но ведь она не верила, что Алан погиб...

— Она не хотела в это верить. Не могла в это верить. Хотя и веры в скорую встречу у неё не осталось... Но она поверила, что если Вселенная отняла его из её рук — значит, ему пора... Пора, быть может, к собственному служению. Да, она прониклась философией минбарцев, для неё неудивительно, наверное... Нам сложно такое понять. Сложно понять, что у них дети, с ранних лет редко видящие родителей, не чувствуют себя обделёнными, не считают, что родители им недодали... Мы, земляне, другие, мы жадные. Нам нужно как можно больше родительского внимания, родительского тепла. Хотя, сколько бы его ни было, мы всё равно потом жалеем о потерянном времени.

— А твои родители, Андрес? Они ведь уже умерли?

— Да... Я не видел своих стариков больше никогда с того времени, как ушёл в подполье. Так было нужно, навещая их, я подвергал бы их ненужной опасности. Не моё решение разлучило нас, мой П10 разлучил нас. Решение людей, лишённых совести и морали, ещё до моего рождения, разлучило нас. Я мог бы, конечно, согласиться на приём препаратов... Но я видел, что эти препараты делают с людьми. Один из тех детей... смешно, наверное, я говорю «тех детей», хотя это мои братья и сёстры... У него способности проснулись раньше, чем у меня, ещё в детстве. Он, как и я, был единственным ребёнком, родители просто не смогли с ним расстаться. И он проходил... эту терапию... Однажды он попал под машину — потому что шёл по дороге и просто не замечал ничего вокруг. Мои родители не заслужили того, чтоб нянчиться с ребёнком, который постепенно становится

тихо помешанным, равнодушно смотрит на отца, на мать, на любимые с детства книги, на друзей, с которыми уже не пойдёт играть в футбол — потому что и футбол уже больше не радует, не влечёт его... Так кажется только тем, кто не видел — что приём препаратов легко и просто превращает телепата в нормала. Первые года три это, может быть, и так... Но мы родились с этим, это часть нас, любимая или проклятая. Препараты подавляют мозговую деятельность, то есть, медленно, но верно превращают человека в идиота. И они никогда не стремились улучшить эти препараты, сделать их менее вредными... Потому что им никогда этого не хотелось. Им вовсе не нужно было давать телепатам возможность беспечно наслаждаться жизнью нормалов, любой путь, кроме Пси-Корпуса, должен был быть путём страданий. Кроме того, для высокорейтинговых они могли этого выбора просто не дать, на подобное... расточительство они шли слишком неохотно. Ту же мать Алана, он рассказывал, они просто похитили, силой отобрали у отца.

— Когда я была маленькой, и ещё не знала, кто я такая, подумать не могла... Родители, конечно, знали о маркерах телепатии, но зачем было мне-то об этом сообщать? После того, как в нашем доме звучало что-нибудь о телепатах — о войне, о каких-то новых заявлениях или акциях Корпуса... Я думала — как же так? Вроде бы, ведь это чудесная способность... Ты всегда знаешь, как тот или иной человек к тебе относится. Ты можешь подойти к мальчику, которому нравишься, но он стесняется это сказать, и предложить ему дружбу, можешь подойти к человеку, который не знает, как решить свои проблемы, и дать ему денег...

— Ты так и поступала с тех пор, как у тебя открылись способности?

— Ну да. То есть, это понятно — не могут телепатами быть все, и тем, кто не телепаты, обидно, что ничего такого не могут... Но тут уж извините, музыкальным слухом тоже одарены не все. Надо учиться не завидовать. Сейчас вот я вижу — многие расы нормально уживаются с телепатами, не создавая проблем себе и им, это только Земле надо было пойти особенно мрачным путём...

— Неужели ты никогда не боялась того, что кто-то узнает твои тайны?

— Узнает — ну и что дальше? Разболтает — тумака получит. И вообще, тайны можно узнать и другим путём, без телепатии.

— Есть и более опасные способности — гипноз, телекинез...

— Есть пистолет — тоже опасная штука в руках психа. Вообще в руках психа и молоток опасен, и авторучка... Запрещать из-за этого молотки и авторучки или выдавать их по лицензии — уже маразм. Вообще люди боятся телепатов именно потому, что много врут. Минбарцы вот не врут, у них это законом прописано, потому и телепатов не боятся.

Андрес приобнял Виргинию, прижимая к себе.

— Да, человек тварь трусливая и завистливая. Для него нестерпима мысль, что кто-то его превосходит.

— Большинство людей так или иначе верит в бога. Их не беспокоит, что бог намного во всём превосходит их? Помнится, маменька сказала об этом однажды кое-что очень такое... меткое...

— Кстати, о маменьке. Ты ведь с нею уже говорила?

На лице Виргинии появилась сложноописуемая гримаса.

— Говорила... Если резюмировать — я самая потрясающая тварь во вселенной. Ну, там ещё много было всяких выражений, ты много потерял, что не слышал, ругаться маменька умеет. Деньги на перелёт обещала скоро выслать, тут, правда, вопрос, отпустят ли меня

восвояси... Мне, вообще-то, солидное обвинение светит. Скоро я пожалею, что не стала правителем всея Бримы или Арнассии, это б дало, наверное, эту... дипломатическую неприкосновенность. Ну, есть в этом и хорошие стороны, пусть ещё немного Милли порадует, что я исчезла с горизонта. ...Шучу, шучу, конечно. Не собиралась выставлять её монстром каким-то. Но я действительно бешу её очень, она ж у нас вся такая правильная, серьёзная. Мы шутили, что она в нашей семье подкидывш...

— Надеюсь, с тобой всё же не будут слишком суровы. Потому что ты немножко помогла спасти парочку миров, так-эдак, и потому что если уж так говорить, в угоне вашей с Аминтаниром вины поровну. Идея была твоя — ну, или твой запал, но без его знаний ты бы вряд ли далеко улетела. Правда, Аминтанир благоразумно свалил в техномаги... До сих пор не могу понять — а почему ты этого не сделала?

Виргиния ответила широкой, несколько нервной улыбкой.

— Наверное, потому, что я не шучу некоторыми святыми вещами, Андрес. Впрочем, не думай об этом особо. Если уж край припрёт, ты ж понимаешь, я и здесь могу угнать что-то не очень сложнозамороженное и отправиться искать мир, в котором для меня найдётся пристанище... Но я тебе этого не говорила.

Дверь не была заперта.

— Маренн, опять не ту сумку взяла? — Ганя обернулся, едва не упав с конструкции из двух стульев, на которой он балансировал, пытаясь дотянуться до верхней полки, — а, это вы, рейнджер Дормани?

— Мы собираемся ехать за Лайсой и малышом. Поедешь с нами?

— А этого что, тоже с собой потащим? — он кивнул на восседающего на детском стульчике Уильяма, — а кроме того, у меня тут готовка вообще-то в разгаре... Да зачем же они эти чашки так высоко засу-ну-ли...

— Подождём Маренн, она ведь скоро вернётся?

— Да много она понимает, Маренн... То есть, конечно, понимает, да, но его-то она так, как я, не знает. Давайте уж, это ж всё равно не долго, а мы пока тут всё приготовим... Как всё разом-то получается! Вечером к нам ещё Маркус обещал прийти...

— Ты сердисься на них, на Сьюзен и Маркуса? — сам не ожидая от себя, спросил Крисанто, — получается, они вас обоих бросили... Что ещё печальнее — бросили Уильяма на тебя.

— Ничего не бросили, это моё собственное решение, — лохматая голова Гани скрылась в недрах стола, — это моё дело, моя обязанность. Он ведь мой брат. Он человек, маленький, слабый, о нём заботиться нужно... А они — у них свои дела, они люди значимые, им не до того, чтоб возиться с пелёнками.

— Ты действительно так считаешь?

— Разумеется! Мы, дилгары, такие вещи понимаем. У нас никому в голову не пришло бы ожидать от воина или чиновника, что он будет посвящать много времени своему потомству. Достаточно того, что он породил их, передал им свои достойные восхищения качества. А взрастить их, в подобающем уважении к родительскому примеру — задача воспитателей. Детям и ни к чему много наблюдать своих родителей, они должны относиться к ним с почтением и трепетом, а не видеть их в домашней обстановке, обычными людьми... Минбарцы в этом плане мудрее землян, они с ранних лет отдают детей воспитываться при храмах, мастерских или военных школах, а сами могут целиком и полностью посвятить себя

своему служению.

— Да... специфические у вас взгляды. Но ты ведь... скучаешь по ним? Тем более зная, что Маркус-то ещё будет вас навещать, а Сьюзен вы, может быть, не увидите больше никогда?

— Конечно, скучаю. Они показали мне другой способ жизни — вместе с родителями, это было необычно и в чём-то неправильно, но это было и очень хорошо. Они ведь, к счастью, не какие-нибудь обычные люди, и они никогда не оставляли своих обязанностей ради семьи. Сьюзен, конечно, отказалась от поста анлашок-на, но теперь у неё новая, не менее важная миссия. Она будет нужна там, потому что она очень сильная, умная женщина, воин и организатор, у меня на родине такое ценилось. А Маркус сможет теперь отдать своей работе столько времени и сил, сколько потребуется, потому что заботу о Уильяме я возьму на себя. Ну, и матушка Лаиса, конечно — она тоже очень сильная женщина, уж вы-то это понимаете. Мы сумеем воспитать Уильяма в почтении к родителям и их делу. Вы беспокоитесь, не будет ли он в чём-то обделён? Не думаю. Я достаточно понимаю Уильяма — он ещё, правда, не говорит связных слов, но сёстры научили меня понимать его, и всё-таки я провёл с ним очень много времени — ему хорошо здесь.

— Своеобразный мальчуган, — усмехнулся Крисанто, занимая водительское место рядом с Франсуа, — даже дилгарскую идеологию как-то сумел приспособить под обстоятельства... Надо, в самом деле, быть Лаисой, чтоб не сойти с ума в этом межрасовом детском саду.

— Человечек, дилгарёнок и получеловек-полуцентаврианин... Ну да... А ты... уже видел этого мелкого, сына Лаисы? И... как он...

— Выглядит-то? Как младенец. Лысый, без зубов, орёт очень громко. А на кого больше похож, на него или на неё — понять пока сложно, сколько там той мордашки...

— Да не, я не об этом, — Франсуа старательно пялился на дорогу, усмехаясь в усы, — он... ну... больше центаврианин или человек? Ну, то есть, внешне, конечно, это очень похоже, но...

— Знаешь ли, гребень у них в любом случае позже отрастает, клычки тоже.

— А...

— А этого — три, если ты об этом, пошляк. Ну, один обычный, человеческий, и два отростка по бокам, над бёдрами. Врач беспокоится, не сказалось бы это потом какими-нибудь осложнениями, от чрезмерной нагрузки на кровеносную систему — сердце-то одно, как у землян... Правда, строения не совсем земного.

Франсуа был одним из тех рейнджеров, что остались на Лорке, для сопровождения лишившегося рассудка Дерека Вандермейера. Теперь, осознавая, что мимо него прошелестело, как причудливо распоряжается судьба жизнями людей, он старался как можно больше общаться с сослуживцами и прочими, вернувшимися с Бримы, и Крисанто для него, навещающего в госпитале Гарриетта, был лучшим попугачиком.

— Отчаянная она, конечно, женщина, что ни говори... Она ведь тебе нравится, Крисанто?

— Франсуа, с тобой что сегодня?

— Я просто видел, как ты на неё смотрел...

— И интерпретировал по-своему, разумеется. Тебе знакомо, вообще, понятие о восхищении женщиной, достойной дамой, женой твоего наставника, в конце концов?

Восхищения чистого, без плотского желания? Или ты просто не ожидал подобного от центаврианина? Нет, я могу тебя понять в этом... Но Лаиса — нет, я ни в коем случае не хотел бы ею обладать. Это другое. Помогать ей, иметь возможность быть полезным... Больше, чего я мог бы желать — быть всегда рядом с нею и малышом, оберегать их, защищать... Знаешь, Лаиса... Я не знаю, поймёшь ли ты меня, но ты ведь землянин, ты должен понять... Мария.

— Что?

— Франсуа, помнишь, я же говорил... У нас, на Центавре, бывает очень своеобразное отношение к предметам культов иных миров, и, соответственно, к самим культам. Наверняка, мы понимаем их как-то неправильно, через свою призму, но кого и когда это волновало? Во многих семьях, в частности, и в моей так было, очень большую ценность имел образ наиболее почитаемого на Земле божества — девы с младенцем, Марии, матери Христа. Ну, ничего удивительного — заправляют в доме, как правило, женщины, мужчина часто кочует от одного своего дома к другому, так что женщина и дитя — близкий образ... Но дело в чём — я обратил внимание, изучая тексты, что имя Мария встречается очень часто, и применительно не только именно к этому божеству. В текстах этого культа упоминаются ещё, кажется, три или четыре разные Марии. Мариями звали некоторых женщин, которые первыми узнали о воскресении Христа, Марией звали сестру человека, которого Христос воскресил из мёртвых, а ещё была Мария Магдалина — одна из ближайших учениц Христа, кстати, бывшая блудница... Ещё, уже многим позже, была Мария Египетская — тоже бывшая блудница, впоследствии святая... Понимаешь?

— Честно говоря, не очень.

— Странно... Я думаю, в этом есть какая-то глубокая символика. Что это не простое имя, а... Понимаешь, они все — Марии. Может быть, это... не то чтоб одна и та же женщина, но некое единое понятие о женщине, которой поклоняются? Ты ведь приходишь из христианских родов, ты должен знать — та, первая Мария, мать Христа, поклоняющиеся называют её Мадонной, что значит «моя госпожа», Царицей неба, воспевают её в гимнах, с благоговением рисуют её изображения... Это ли не вершина красоты в отношении к женщине? Наши матери знали, что выбирать из земной культуры.

— Но, строго говоря, эта Мария — она такая одна, тем, другим, она вовсе не равняется, они просто святые, хотя им, разумеется, тоже молятся, и...

— Подожди. Марию ведь, в самом начале, когда у неё родился Христос, обвиняли в том, что её сын — незаконнорожденный, что она, получается, тоже блудница... Ведь её муж был слишком стар, чтоб быть отцом. Не важно, вымышлен или нет этот догмат о непорочном зачатии, и правы или нет те менее популярные течения, которые утверждают, что другая Мария была возлюбленной или даже женой Христа. Важно...

— Ты хотел бы быть... вроде как... Иосифом-Обручником для Лаисы?

— Возможно. Хотя думаю, всё же это слишком нескромно.

Лаиса, представления не имеющая, что она новое рождение религиозного символа, осторожно, чтоб не разбудить сопящий свёрток, протиснулась на заднее сидение.

— Ох... Хорошо, домой наконец едем. Понятно, этим врачам дайся только — они б, наверное, до совершеннолетия там продержали, всё наблюдали, изучали, беспокоились... Я уж извелась вся, как там мои гномы.

— Гномы?

— А, один из ваших, когда заходил, ещё племянники Калин у нас были — назвал так. «Белоснежка и семь гномов». Их, правда, и тогда не семь было, но и я так себе Белоснежка.

— Зато Ганя — главный гном, иначе не скажешь... Уже придумали, как назовёте?

Лаиса, что-то нежно нашёптывавшая куда-то в белое пышное облако одеялка, подняла улыбающееся лицо.

— Вадим.

— Ва-дим... Необычное имя, красивое. Центаврианское?

— Что нет, то нет, — Лаиса посмотрела на Франсуа удивлённо, как и многие инопланетяне, она не сразу соображала, что Земля — не некий единый конгломерат, и не каждый землянин знает все земные имена, уж точно не имя, не относящееся к культуре местности, откуда он происходит, — оно земное. Знаете, разговор с Кэролин... той Кэролин, которая мать Виргинии... После этого разговора я поняла, что неправильно воспринимать Рикардо только как члена рода Алваресов. Другой его род, хоть он его почти не знал, тоже был важен для него. Их высочество — вот странно, что именно он нашёл больше всего информации об этой семье — рассказывал мне немного... Их мать звали... — центаврианка напряглась, стараясь выговорить имя правильно, — Йанна... Как-то так. Вроде, это имя очень по-разному произносят в разных местностях. А детей — Вадим и... Второе имя я всё время боюсь, что не смогу произнести правильно. Выбрала то, которое научилась выговаривать. Всё равно уже невозможно точно определить, кого из них как звали... Ну и ничего страшного, думаю. Имя ли это Рикардо или его брата — всё равно это будет и почётно, и правильно. Возможность воздать должное и этому роду... И храбрости этой мужественной женщины, их матери.

— Вадим Алварес... Ничего, славно звучит. Хоть для человека, хоть для центаврианина.

— Да, и мне так показалось... Крисанто, Крисанто! Одна медсестра говорила мне, на Минбаре у некоторых кланов есть традиция — приносить новорожденного в храм, чтобы его имя прозвучало под сводами, куда возносятся молитвы многих, чтобы одним из первых в своей жизни он услышал имя Валена, увидел его мраморный лик... И может быть, получить благословение от жреца, какое-то древнее изречение, которое скажет о судьбе ребёнка...

— Не совсем — скажет о судьбе, это не гадание, скорее — изречение, которое пригодится ему в жизни. Но вообще — любое изречение может пригодиться в жизни и стоит того, чтоб над ним поразмыслить...

— Вы можете отвезти меня в какой-нибудь храм? Всё-таки, мой ребёнок родился на Минбаре, и здесь ему, судя по всему, расти, центаврианин ли он или землянин, вокруг себя ему видеть минбарскую культуру... Если, конечно, для минбарцев не будет оскорблением появление в святом для них месте полукровки других рас. Хотя в больнице мне показалось, минбарцы отнеслись к нам с большой симпатией...

Виргиния спокойно, твёрдо, с прямой спиной всходила по ступеням лестницы в здание Альянса. Её вычурный наряд, наверное, сильно удивлял встреченных людей и минбарцев, но тут уж ничего не поделаешь — генерал должен явиться при полном параде, что значит в её случае — в том самом жутком эклектичном прикиде, который был собран с миру по нитке в трёх мирах, и в котором она водружала стяг повстанцев на башнях отвоёванных крепостей Бримы. И с «Фа» на правой руке — она обещала не расставаться с нею, конечно, это было опрометчивое обещание, мало ли таких мест, где действует запрет на ношение оружия, но, к счастью, не на Минбаре. Здесь культура требует отношения к оружию с почтением.

Деленн ждала их в президентском кабинете. Виргиния думала, когда молчаливый минбарец открывал перед ними дверь, что когда-то, почти уже невероятную вечность назад, так же по этим лестницам, этим коридорам шла её мать, шла с вопросами к президенту, что известно о её дочери, что делается для того, чтоб её найти, и ей было и легче, и тяжелее.

«Прости, мама... Ты у меня, конечно, одна... Ты одна, а их много. У тебя есть Милли и Джо — они, конечно, другие, и послушнее, и спокойнее, не как старшее, первое, взбалмошное и своевольное дитя... А у них там никого не было, только я».

Деленн встретила вошедших лёгкой грустноватой улыбкой и указала на кресла перед столом.

— Здравствуй, Виргиния. Садись. Теперь мы сможем поговорить обстоятельно и подробно. Я хочу услышать обо всём, что произошло с вами на дальних рубежах.

— Рассказ будет долгим, — усмехнулась Виргиния, осторожно — пластины брони на груди и животе несколько сковывали движения — опускаясь в кресло с высокой спинкой. Андрес какое-то время переминался рядом, потом уселся в соседнее кресло — так осторожно и даже скованно, что с ним это даже не вязалось, — время в чужих мирах, как оказалось, летит прямо невероятно. Хотя в то же время — месяц за целую жизнь... Ну, последнее сообщение от «Белой звезды», как я поняла, вы получили о том, что они отбывают в неизведанный сектор космоса, куда ведёт след нашего корабля, то есть, «Золотого Дара»? Хотя думаю, хронику своего пути они изложат куда лучше меня, а мне нужно рассказать свою, с того момента, как мы... ну да, угнали корабль. Ну, о том, кто такие лорканцы и какое безграничное удовольствие доставляет общение с ними — не мне вам рассказывать, вы тут член правительства Альянса. Тут важно то, что они нас, вообще-то, обманули, их «ценный груз» оказался живым, конвоируемым домой беглецом от тотальной святости — хотелось парнишке посмотреть, как в других мирах живут, как этот порок и разврат выглядят-то хоть. Но не свезло, далеко не убежал. А мне так жалко стало этого ханорика — ну, совсем они его там затюкали, со своим Наисветлейшим, молитвами, постами, поучениями. Я и предложила ему, раз уж, по возвращении, всё равно влетит — пусть хоть за дело влетает. Углубиться в свою религиозную муть он ещё успеет, жизнь длинная, опять же, разве господу не приятнее один кающийся грешник, чем 99 праведников? То есть, я думала показать ему наши миры — Минбар, Землю, ну, допустим, Нарн, если они разрешат... Но как-то вот так получилось, что именно сюда мы так и не попали. Сначала я неправильно задала системе координаты... Точнее, задала-то их правильно, да система поняла неправильно... Они ж ещё по древнелорканским координатам живут... О древних лорканцах вообще ещё будет... В общем, нас вынесло на Накалин. Не, мы знали, что планета карантинная, но ничего сделать как-то не успели... Но знаете, накалины, оказывается, нормальные ребята, если с ними телепатически поговорить. Они от этого балдеют. Ну, тот, с которым говорила я, нам даже очень помог — отладил системы, перевёл кое-что... Ну да, накалин, а чему вы удивляетесь? Они же жрут сознание, вот он насосался памяти нашего компьютера, сразу получил больше, чем за всю жизнь мечтал... Теперь, наверное, накалинский пророк. После этого мы бы, конечно, полетели к вам, но нас там спугнул один центаврианин на своей посудине... Мы подумали — нафига вам центавриане у нас на хвосте, они нервные, на Альянс до сих пор косо смотрят... Вот поэтому мы и вырулили на окраины. А там как раз война. Может быть, слышали про зенеров? Ну больше, во всяком случае, не услышите. Это бывшие пособники Теней, неприятные ребята, как выражается Гелен... Гелен — это техномаг, он там мимо пролетал, сказал, что ему скучно, и он, пожалуй, поработает у нас переводчиком... Мы

отбили у зереров захваченный корабль с арнассианами, это молодая раса, но перспективная, недавно в космос вышли. Как-то им повезло не попасть под замес в войне с Тенями... Они восприняли нашу помощь очень воодушевлённо, ну а дальше как-то само пошло...

Постепенно говорить Виргинии становилось всё легче, она вспоминала, как пересказывала те события сначала бреммейрам, потом своим товарищам с «Белой звезды».

— Хроник войны я особо не вела, как-то в голову не пришло... Арнассиане, может, подробнее смогут пересказать, если выйдете с ними на связь — сейчас уже должно получаться, Гелен там настроил им тахионные передатчики. Так-то они уже знали, что не одни во Вселенной, даже кое-какие передачи ваши ловили, правда, с опозданием на десяток-другой лет. Но мы с Аминтаниром им небольшой исторический курс дали, между осадами колоний... Например, когда Ранас осаждали... Там очень важно было выдержать характер. Ранас изначально слишком-то укреплённым не был, но после того, как мы отвоевали Тавата-Кри — ну, просто взяли нахрапом, они не ожидали от нас такой прыти, не успели подготовиться — они психанули, стянули к Ранасу много кораблей... Вот мы ждали, когда они снова психанут, когда кто-нибудь нарушит строй... Дождались, и в образовавшуюся брешь... Вам, наверное, смешно это слышать, от какой-то сопливой девчонки, к военной службе сроду и близко не касавшейся? Я понимала, конечно, что никакой я не генерал... Я, вообще-то, и не стремилась. Но настоящих генералов там очень мало осталось, а что-то делать было надо. Мама говорила мне: «Дочка, не бойся браться за то, чего не умеешь, Ноев ковчег построен любителем, профессионалы строили «Титаник»...»... В конце концов, чинно всем подохнуть или попасть в рабство к зерерам успелось бы ещё... А так — может быть, моя бестолковая тактика их спутала, может, внезапное воодушевление арнассиан, которых, они думали, будут неспешно глотать, как крокодил птенцов... В общем, после Клунокху они уже сами решили сматываться, да кто б им теперь дал. План атаки на крепость мы с Геленом ещё при осаде Ранаса начали на досуге набрасывать...

Пальцы Виргинии осторожно прошлись по пластинам брони. Металл этих пластин невероятно крепок, но тогда, в том решающем сражении, уже внутри взятой штурмом десанта крепости, зерерский штык очень удачно попал в зазор между пластинами.

— Ну, дальше мне уже не по своей воле задержаться пришлось — в крепости меня ранили... К счастью, несмотря на то, что местная медицина под землян, мягко говоря, совсем не была заточена, меня вытянули. К тому времени Гелен как раз разобрался со всеми обнаруженными в летающей крепости пленниками — ну, идентифицировал по роду-племени, и мы с Аминтаниром начали развозить их по домам. Ну, не бросать же их было на Арнасси, что им делать там, у них дома родня и дела, и вообще некоторые даже арнассианским воздухом дышать бы не смогли... На бреммейрах, на последних, мы и споткнулись. Нас и до этого многие приглашали сесть на планету, про правительственные награды там всякие заговаривали, но мы всегда отказывались — дел ещё по горло, не до того. А тут согласились — они ж у нас последние, вреда не будет, если спустимся поглазеть, и им приятно, и нам интересно. Конечно, когда нас во дворец доставили, я сразу поняла, как там Бул-Була собирается выразить своё восхищение и отблагодарить... Но, увы, поздно было. Жаль, да, что по видеосвязи сканировать невозможно, я б тогда этому жуку... Ну да что поделаешь. Ну да, попались, ну да, как дети малые... Должны б были, да, вспомнить и подумать, что эти бреммейры, которых мы везли домой, говорили что-то о неких тревожных тенденциях в родном мире. Но мы вообще-то мало поняли, мы только благодаря Гелену и вычислили, что это за мир вообще и где он, а с языком всё плохо было, ретрансляторы у нас

для арнассианского были, один только бреммейр лорканский знал немного, но набор слов, мягко говоря, узкий, в основном для торговли, а не для бесед о сложностях внутренней и внешней политики. Вроде как, они отбыли для поиска иных миров незадолго до того, как Бул-Була узурпировал всю власть в мире, их отправляло другое государство, не то, где Бул-Була княжил или что он там делал. Но он уже тогда шёл к владычеству семимильными шагами. Тут тоже нас понять можно, думаю — ну, кто ж о конкурирующем государстве хорошо-то отзывается? А оказалось, это они преуменьшили даже... Я называю Бул-Булу тупым, и есть, за что, но вообще-то он не такой уж тупой, всё-таки он сумел очень хорошо выучить три инопланетных языка, его страна, за счёт торговли с иномирцами, очень возвысилась, точнее, он возвысился, стране-то мало что перепало, всё то, что получал, он пускал в военную промышленность, и сперва все очень радовались — страна становилась самой сильной... Но скоро всем стало не до радости. Да, другие страны покорились им, ну а как тут не покориться, хорошо ж, когда добром просят, а если с инопланетными пушками придут? Да, он много всякой науки от своих торговых партнёров взял — как запугать всех своей военной мощью, как выкачивать все соки из родной земли, чтоб обменять на новые машины, ещё больше оружия... У них там отборная публика гостила. Отбросы трёх миров — Громахи, Адромы и Лорки. Некоторые вообще обосновались на Бриме, в качестве консультантов, потому что в родных мирах их если рады были видеть, то на плахе. Ну, у лорканцев те, кто торгует наследием древних в чьи попало руки, понятно, нерукопожатны, но кем надо быть, чтоб тебя выгнали с Адромы?.. И естественно, он стремился создавать как можно больше оружия сам, встать на ноги, как он сам это видел. Предстать тоже космической державой, хотя бы на уровне своих новых друзей. Колонии завести... А народ вот как-то перспектив не оценил. Народу жрать хотелось, а не горбатиться с утра до ночи на заводах, глядя, как их хлеб едят пришельцы. Усмирять недовольных оружием надоедало, так же скоро станет некому вкалывать-то... Вот он и придумал задействовать одну свою интересную покупку, машинку для промывки мозгов... Тут очень большое спасибо Аминтаниру, всё-таки я за это время лорканский и на троечку не выучила, а древнелорканский тем более, в основном все сложные разговоры он вёл. Он и объяснил, что в тюрьме мы не потому, что Бул-Була падла, хотя и поэтому тоже, а потому, что ему нужны те, кто знает лорканский, а лучше древнелорканский, чтобы помочь ему запустить эту самую машину, кстати, она с Лорки была — адское изобретение, которое убило её прежних обитателей... А Аминтанир же жрец, этот язык он не до совершенства, но знает... Из тюрьмы мы сбежали, к Сопротивлению попали, а там, опять же, уже само пошло. Ну а вот кто угодно на нашем месте — не обиделся бы, если б его в гости звали, настаивали, уговаривали — а потом в тюрьму посадили, требуя помочь, возможно, своими руками уничтожить целую цивилизацию? Тем более что, наше или не наше дело эти их внутренние разборки — хотя если меня спросить, то я вот лично считаю, что вполне моё, ибо нефиг тут — чтобы добраться до кораблей, в любом случае постараться пришлось бы... Так что, как-то и они мне, и я им рады были, и мы вполне нормально сработались, хотя языковой барьер первое время, конечно, мешал. Но когда вместе планируешь подрыв какого-нибудь склада или захват эшелона — язык в разы быстрее учится, чем со всякими нейролингвопримочками... И знаете, я понимаю, в ваших глазах это всё даже уже не мелкое хулиганство, и вообще так делать нельзя... Но ни о чём жалеть я не собираюсь, раз уж моя глупость меня туда занесла — у меня, конечно, там где-то мать, и мои собственные дела, за которыми я на Минбар летела... А у них свобода и жизнь. Так что, что вы теперь с нами ни

сделаете — то есть, главным образом со мной, да, всё же заварила это всё я — в тюрьму посадите, оштрафуете, пошлёте на Пак'Ма'Ра в общественной столовой работать — уже не важно. Нет, не обещаю, что не сбегу...

Андрес беспокойно заёрзал в своём кресле.

— Знаете... Позвольте сказать... Я, правда, наблюдал далеко не всё из этого... Вот если б тут был этот Аминтанир или хотя бы Гелен, они б лучше рассказали... Но я так думаю, если вы её сейчас накажете — хотя понимаю, что порядок требует... дело даже не в том, что вас ни Брима, ни Арнассия не поймут... И вроде бы, что значат для огромного межрасового сообщества судьбы двух-трёх маленьких, отсталых миров, и тем более судьбы отдельных маленьких людей... А что этим мирам, что этим отдельным людям поступок Виргинии принёс только хорошее... Так, помолчи, пожалуйста!.. Мы тоже очень много не самых печатных слов ей готовили, пока на Лорке настраивали сбитые их бегством системы наших кораблей, пока настраивали радар, чтобы поймать их след, пока летели за ними сперва к Накалину... Если б она не оказалась такой вот взбалмошной душой — всё шло бы как шло, это верно, Арнассия сейчас была бы под владычеством зенеров, Бримы, наверняка, не было б уже как цивилизации, мы бы не попали в Колодец Вечности, лорканцы вернулись бы к себе и продолжали свои бесплодные гонки за высшим совершенством, Виктор сел бы в тюрьму, а не умер, как герой... Скажите, кому от этого лучше бы было? Мы все могли бы сказать в своё оправдание, что на Брима у нас другого выхода не было, кроме как вмешаться, но по правде, это тоже не вполне верно будет. Хотя удобно. Когда обстоятельства, вроде как, принудили тебя к тому, что и так нужно было сделать...

Деленн помолчала, обдумывая его слова. Виргиния смотрела на скорбные складки у её губ и сердце ей щемило от невысказанного, невыразимого сочувствия. Свалились же ещё они, именно сейчас, на её голову... Совершенно невольно, не отдавая себе отчёта, Виргиния коснулась её сознания...

Словно хрустальный звон разбивающегося ледяного кружева, в каждом бриллиантослезе — своя надрывная, трагическая нота. «Как растопить Ледяной город» — вспомнила она пойманный в сознании Андо образ. Ледяной замок тает в беспощадном огне чужого солнца, опадает кипящими слезами на прозрачные плиты, прожигает в них кипящие дыры. Всё знали, всё понимали — но нельзя быть готовым, нельзя проглотить, пережить... Не проглотить столько слёз, не сдержать в себе столько горя.

— Вообще-то, прямо сейчас какое-то решение мы всё равно не смогли бы вынести. И дело даже не в том, что для полноты картины нам нужно опросить всех и дождаться ответов с Лорки, Бримы и Арнассии... Точнее, за Лорку отвечает Синдикратия, под протекторатом которой этот мир находится, а с Арнассией и Бримой у нас, сами понимаете, языковой барьер... Но сейчас приходится решать ещё... очень много всяких вопросов. Думаю, излишне просить вас не покидать Минбар до завершения расследования. Тем более что нам нужна вся полнота информации о новых контактах, а вы в этом отношении лучший источник.

Лаиса смотрела на уходящие в небо высокие шпили с нарастающим трепетом.

— Крисанто, ты куда меня привёз? Это же... как бы не главный храм города! Не слишком ли нескромно-то? Нет, что уж теперь, не разворачиваться же...

— Ну, это один из тех храмов, в которых я бывал чаще других, и хорошо знаю дорогу. Эти дни, кстати, в жизни храма особенные...

Поддерживаемая под руку Крисанто, Лаиса всходила по широким, истёртым множеством ног ступеням. Франсуа, пожав плечами, пошёл следом.

— Ой, мы, видимо, не вовремя... У них тут какая-то служба...

— У минбарцев вообще очень сложно с понятием «не вовремя». Считается, что если что-то привело человека именно сюда именно в этот момент — значит, в этом есть смысл.

— Ну, меня-то сюда ты привёл... Ладно, подожду, когда они закончат, и просто постоим перед статуей Валена. Думаю, этого с нас и довольно.

Процессия двинулась по центру в их сторону.

— Что это они несут, там, светится?

Голос Крисанто дрогнул от благоговения.

— Это трилюминарий, один из трёх, самых таинственных артефактов в религии минбарцев. Я говорил ведь, сейчас особенные дни в жизни этого храма. Дни, когда трилюминарий находится здесь. Раньше у простых людей едва ли была бы возможность его увидеть, но Деленн настояла, что этот символ света учения Валена... Светится?!

— Ну да, а это... разве так и не должно быть?

— Опять я что-то в лекциях пропустил, — прошептал Франсуа, — я думал, трилюминарий светящийся и есть, такой вечный фонарик без батареек.

— Да нет, только по особым случаям...

Свечение трилюминария заметили и жрецы. Один из них, видимо, главный, обратился к притихшей у колонн троице. Лаиса не поняла ни слова — обращение было на неизвестном ей диалекте адронато.

— Велят подойти.

Все трое шагнули к процессии, свечение мелкого предмета на высокой подставке в руках жреца стало ярче.

— Он говорит — им не казалось правильным явление трилюминария всем, потому что его свечение, проявляющееся лишь на род Валена, может дать кому-то мысль, что в одном может быть больше света Валена, чем в другом. Это было бы неправильно, совершенно не соответствует воле Валена особое выделение его потомков... Но если их вождям кажется, что явление древней реликвии — как приоткрытие завесы тайны над прошлым — сближает нас с предками, пусть будет так... Но совершенно немыслимо, чтобы трилюминарий засветился на кого-то из неминбарцев.

— Ну, по легенде, Вален ведь родился не на Минбаре, пришёл из космоса? Хотя как он умудрился родиться минбарцем в каком-то другом мире — это, конечно, хороший вопрос...

— Говорят, уже был случай, когда он светился в присутствии землян...

Жрец сделал Франсуа знак отойти подальше. Свечение трилюминария не изменилось.

— Да в общем-то, я и не думал, что это я... Что у меня общего с Валеном? Кроме того что я рейнджер, конечно...

Жрец велел отойти Крисанто.

— Я? — Лаиса огромными глазами смотрела на светящийся предмет, — нет, это как-то... Может быть, он... ну, заглянул?

— Мария так Мария... — пробормотал Франсуа.

Жрецы обменялись с Крисанто несколькими фразами на том же адронато, Крисанто шагнул обратно.

— Они попросили передать пока младенца мне и... Можешь ненадолго отойти к Франсуа, Лаиса?

В одинаковом шоке Лаиса и Франсуа смотрели, как жрецы потрясённо и благоговейно касаются маленьких ручек её ребёнка, тихо переговариваясь между собой.

— Что происходит? Что всё это значит?

— Они сами хотели бы это понять, — так же шёпотом ответил Крисанто на центарине, — прежде такое не встречалось никогда. Трилюминарий светится в присутствии того, в ком есть частица Валена, и он способен сказать что-то о душе, о её свойствах, принесённых из прежних воплощений...

— В моём ребёнке не может быть частица Валена, он не минбарец!

— Говорят, в войне с Землёй минбарцы капитулировали потому, что обнаружили, что у многих землян — минбарские в прошлом души...

— Я что-то не пойму, он запрограммирован на кровь, на физическое тело — или на душу? А... А на Рикардо трилюминарий тоже реагировал?

— Рикардо никогда не видел трилюминарий. А узнать что-то о прошлом его души жрецам не удалось — никто никогда не мог просканировать Рикардо, этому факту тоже не нашли объяснения...

— Они просят вас не уезжать никуда с Минбара, им нужно поразмыслить над случившимся, поговорить об этом со старшими наставниками...

— Да куда ж я уеду... А я-то просто хотела, чтобы бог минбарцев принял и моё дитя...

==== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 3. Ценность семьи =====

— Вы все знаете, для чего мы собрались сегодня, — голос Деленн разносился эхом по полупустому, торжественно убранному залу, — и вы знаете, для чего именно вы, именно сейчас — здесь. Ни время, ни те, кого собрало это время — ничто не лишнее в цепи событий... Зак говорил мне: «Может быть, не время для этого именно сейчас?». Нет, ответила я и ответчу вам, каждому, в ком чувствую тот же вопрос — время, именно сейчас — самое время. Покидая нас, Джон не хотел, чтоб мы погружались в скорбь, хотя и понимал, я думаю, как трудно исполнять такую просьбу... Церемония позволит нам немного приблизиться к тому, чего хотел Джон от нас — чтобы мы видели, помнили, что жизнь продолжается. Чтобы видели в ней радость, созидание, любовь... Была великая мудрость вселенной в том, что дети Лаисы и Андо родились в эти дни, и есть великая мудрость в том, чтоб именно в эти дни для любящих сердец были проведены очередные свадебные церемонии.

Виргиния смотрела на её лицо, на лица молодых жрецов, сквозь серьёзность и торжественность светящиеся необыкновенной гордостью от того, что именно им позволено здесь сейчас быть, вслушиваясь в тихий шелест длинных жреческих одежд, тихий перезвон колокольчиков. По минбарским обычаям свадебный обряд состоит более чем из пятидесяти церемоний, но рейнджеры венчаются по упрощённому обряду, к тому же, можно считать, что часть необходимых церемоний они уже прошли. Сколько ночей провела Мисси у постели Зака, пока он поправлялся от ран, полученных на Центавре, сколько ночей шиМай-Ги любовалась спящим Майклом — самой тучанк сон не нужен...

Ваза с красными фруктами возвышалась на столе и казалась огромным сердцем, бьющимся в хрустале. И Мисси, и оба рейнджера были в своих обычных одеяниях — по их убеждению, более торжественной формы всё равно не найти, только на шиМай-Ги было белое платье, подобное свадебным платьям землянок. Диус с некоторым удивлением

наблюдал, с каким почтением и трепетом Зак держит Мисси за руку, как дрожат его пальцы, принимая из рук Деленн красный комочек.

— Пойдёте ли вы за мной в огонь, пойдёте ли вы за мной в бурю, пойдёте ли вы за мной во тьму и в смерть?

Майкл долго не мог поймать наощупь руку Деленн с протянутой ему ягодой, Май сама взяла ягоду и поднесла к его губам. Когда-то отец говорил ему, что женитьба — это важный рубеж в жизни мужчины. В его жизни сейчас был действительно рубеж. Через несколько дней начинается первый этап лечения, которое, возможно, вернёт ему зрение — или сделает его состояние ещё хуже. Сложно бывает что-то предсказать с врождёнными, к тому же нестабильно протекающими заболеваниями. Операции на глазах и головном мозге и теперь остаются самыми сложными, с множеством рисков. Но разве рейнджер может бояться рисковать? Всё-таки, на кону стоит его членство в анлашок. Конечно, его могут перевести на какую-нибудь небоювую, кабинетную должность, но правильно ли это? Такой выход приличествует для ветеранов, для воинов преклонного возраста, а не для того, в ком ещё достаточно сил. Во всяком случае, завтрашний его вылет с патрульной «Белой звездой» может стать последним в его жизни. И все понимают, что вылет это прощальный, на рубеже, за которым — или здоровье и возвращение к служению, или инвалидность и совсем другая жизнь.

«Хорошо, что у него есть шиМай-Ги, — думал Винтари, аккуратно раскусывая прохладную, упругую ягоду, — если ему не повезёт, если получится, что зрение он утратил навсегда — она не только позаботится о нём, она не даст ему впасть в отчаянье... Это будет просто другая жизнь, другой путь, а не прозябание отверженного, лишившегося того, что было для него так важно».

Виргиния протянула ладонь, принимая предназначенную ей ягоду.

«Удивительное, конечно, дело — люди женятся... Когда-то я думала — как это люди вообще решаются избрать кого-то одного, чтоб связать с ним жизнь, откуда берут эту уверенность? Даже при том, что можно же потом развестись... Бывший муж — это всё равно несколько другая драма, чем бывший парень. Вот если спросить меня, интересно ли мне, где сейчас Сэл, что он делает? Да не особо. Я его, конечно, не ненавижу, не за что ненавидеть-то, но если узнаю, что он сдох — горя не испытаю. И Дьюи... Что Дьюи? У Дьюи всё хорошо, если есть работающий компьютер, всё остальное приложится... Да, тогда мне мысли о браке казались слишком глупыми, девчоночьей верой в сказки, которые, правда, свадьбой кончаются, а что там дальше — много ли кто думал... А теперь наоборот, чем-то слишком серьёзным, чтоб говорить об этом здесь и сейчас. Мама говорила, конечно, что беременность мной и свадьба с папой были её шагом во взрослость, но по-моему — хрен-то там. Это была игра, доставлявшая им обоим удовольствие весёлая игра, в которую могут играть только такие вот настоящие друзья. А настоящие друзья — это вообще птица редкая, тем более — чтобы они играли талантливо, увлечённо, честно».

— От рождения, через смерть, к обновлению; вы должны отбросить все бывшее, старые страхи, прежнюю жизнь. Это ваша смерть, смерть плоти, смерть страдания, смерть вчерашнего дня. Вкусите этого и не бойтесь, ибо я пребуду с вами до конца времен. Вкусите это. Да будет так.

— Один мой друг, — проговорил стоящий рядом Андрес, — говорил, что, мол, не любит бывать на свадьбах. Мол, заразительно, ещё, чего доброго, самому захочется. Ну, не знаю. За них я, разумеется, всем сердцем рад и всё такое, но великой грусти-тоски не

ощущаю.

— Аналогично. Думаю, мы как-то до этого не доросли. А может — просто после недавнего свадьбы и тихие семейные радости — это последнее, о чём мы можем думать.

— Точно. Особенно ввиду того, что за непростым и мрачным прошедшим следуют туманные перспективы будущего. Ты как, ещё не надумала насчёт того, чтобы... ну...

— Сбежать-то? Не... Пока всё тихо, кажется, меня не собираются прямо завтра казнить на главной площади. Окончательный ответ с Лорки всё задерживается... Может, спорят, какой ущерб выкатить, может — бракири задержали, им, как говорят тут, вся эта история вообще поперёк горла, они с Альянсом ссориться не хотят.

— Смотри, можешь упустить момент. Оптимизм, конечно, дело хорошее...

— Вот именно, что хорошее. Как мы бы без него выжили вообще? Но если серьёзно — у меня есть дело, и я намерена его завершить.

— Это ты... всё о том же?

— Разумеется. Я ведь сказала, что отступать не собираюсь. И возможно, удача улыбнётся мне во все 32. Потому что Офелия — вдова Андо и сестра Алана — всё ещё здесь. И она полностью здорова. Конечно, сама она об этом может знать не больше, чем знал Алан... Или больше, всё-таки она воспитывалась отцом, и мы с ней ровесники, она могла даже знать лично... того, кого я ищу. Или, во всяком случае, она может подать запрос, на который получит максимально подробный ответ. Имеет право.

После церемонии к Виргинии подошла Деленн.

— Может быть, теперь вы ещё больше будете удивлены сочетанием несочетаемого и понятием о своевременности в нашем характере, но думаю, именно сейчас стоит сообщить вам о решении, которое было принято относительно вас. Потому что, как и обещает церемония Нафак'Ча, это будет новой жизнью для вас... Если вы примите её. Я — и не только я — думаю, нет действительно никакого смысла подвергать вас серьёзному порицанию после всех плодов, которые принесли ваши своевольные поступки. Объяснить нашей молодёжи, что руководствоваться вашим примером в жизни стоит очень и очень осторожно — это уже наша работа. Все дальнейшие вопросы с лорканской стороны взяла на себя Синдикратия, и они считают инцидент исчерпанным. А вам я предлагаю, раз уж вы, вольно или невольно, начали, продолжить то, чем вы занимались. Под моим началом, в Комитете помощи отсталым мирам.

Девушка на миг потеряла дар речи.

— Работать? Работать с вами? Вы серьёзно?

— Вполне. Думаю, раз уж вам оказались тесны рамки, которые вам предлагала жизнь прежде, здесь вы найдёте необходимый простор, и наилучшее, полезнейшее применение своим способностям. Захотите — как пилот, способный водить корабли с гуманитарными миссиями, захотите — как стратег, выбирая пути помощи и доводы, которыми сможете... как это у вас говорится? — раскрутить другие миры на помощь братьям. Если какой-то элемент не укладывается в схему и вызывает недовольство — может быть, просто его место в другой схеме? Ну как, согласны? То же самое, кстати говоря, я предложила Андресу Колменаресу, если он, конечно, не предпочтёт вступление в анлашок, он как-то много распространялся о симпатиях к этим ребятам... Но я не хотела бы, чтобы пример товарища имел для вас решающее значение, это должно быть...

— Конечно, согласна! Господи, да такого я и вообразить не могла! Нет, правда, это лучшее, что могло случиться!.. Всё равно профессия, которую я получила на Земле, как

выяснилось, мне ну никуда... Да и вообще, что мне делать теперь на Земле — ещё больше раздражать Милли и Джо? Да и мамочка будет спокойнее за меня — под вашим-то присмотром...

— Добрый день, Офелия, — Дэвид на сей раз появился на пороге палаты не один, а в сопровождении высокой золотоволосой девушки в модифицированном минбарском одеянии, какие часто носили члены различных комиссий Альянса, — я слышал, вас уже совсем скоро выписывают? Это замечательно. Лаиса с малышом уже уехали домой. Познакомься, это Виргиния Ханниривер...

— Наслышана, — улыбнулась Офелия, — вот вы какая... Вы навели шороху, надо сказать, даже здесь, в больнице, столько разговоров о вас... Да, пора вернуться к тому удивительному сейчас времени, когда я жила не в больнице. Я вернулась с того света... мы вернулись. Надо осваивать этот. Решать, как жить дальше.

— Излишне напоминать, что вас не оставят без помощи.

Девушка покачала головой.

— Не думаю, что стоит беспокоиться об этом. Финансово мы ни в чём не будем нуждаться — теперь, получается, нам осталось всё состояние, которое Андо унаследовал от Г'Кара. Андо много раз говорил мне, что если он не сможет быть со мной рядом всегда, если с ним что-то случится — я всё равно ни в чём не буду нуждаться. Ну, тут он, конечно, был излишне категоричен... Но если говорить не о материальном плане, а не духовном — много ли тут поможет кто-то? Я сама должна понять, как мне жить без Андо. Мне и моему сыну. Странное дело, да? Я говорю не о том, что была не готова потерять его так рано, что не могу в это поверить, осознать... Я поверила и осознала сразу, как услышала, потому что можно сказать, была готова. Андо — не тот человек, которого можно рассчитывать видеть рядом с собой до глубокой старости, до естественного конца длинной, мирно прожитой жизни. Он воин. Он слишком неистовая, огненная душа. Если ты связываешь свою жизнь с воином — ты вправе рассчитывать не только на защиту и безопасность, но и на тревоги. И однажды рядом с тобой останется не этот человек, а его слава, его освящённое подвигами имя... но это стоит того. Мирный, домашний человек у меня уже был. Тот, который когда-то говорил, что я его сокровище, а потом оказалось, что сокровища чаще всего принадлежат разбойникам или драконам... И это так себе романтика. Но в какой-то мере, это была безопасность, была стабильность. Со скандалами, но стабильность — скандалы, в конце концов, тоже были предсказуемы и уже почти не трогали. Многие так живут... Андо, может быть, и видел меня хрупким прекрасным цветочком, который надо защитить, но я сама себя так не видела. Воин заслуживает не обузы, а равной подруги, которая будет идти рядом с ним, а не всё время прятаться за его спину. И жить без него я — сумею, научусь.

— И что ты... куда ты намерена отправиться? На Землю, на Нарн? Или на Марс? У тебя ведь марсианское гражданство...

Офелия любовно разглаживала складки на детских вещичках, которые укладывала в цветастый жестяной сундучок.

— Нам правильнее всего быть там, где дом Андо. А где его дом? Хороший вопрос... вот это я и имею в виду, говоря, что мне нужно решать, как жить дальше. В любом случае, время у нас есть, врачи нас отпустили из больницы, а не совсем в свободное плаванье. Они хотели бы ещё понаблюдать Элайю...

— Элайя? Необычное имя...

Офелия бросила на Виргинию смущённый взгляд.

— Да, наверное. Ну, я подумала, что это было бы правильно. Благодаря доктору Элайе мы живы, не случись он рядом — неизвестно, встретила бы однажды какая-нибудь раса останки нашего разбитого корабля, или нас навсегда поглотила бы безвестность. Ну, достаточно о грустном, горестей у вас и своих хватает. Буду благодарна, если подскажите, где здесь можно снять небольшую уютную квартируку...

Дэвид облизнул губы.

— Вообще-то, мы были единодушны в решении предложить вам переехать в резиденцию. Осталось услышать ещё один голос — твой. Ну, Элайю ведь мы, по объективным причинам, спросить не можем...

Молодая женщина обернулась всем телом, не вполне веря в то, что услышала.

— Что? К вам в резиденцию? Вы серьёзно? Но... вам это разве не будет неудобно?

— Места у нас много. Быть неудобнее, чем некоторые... гм... дипломаты у вас в принципе не получится, и как минимум один младенец там уже жил — я. Кстати, Андо, когда приехал на Минбар, жил вообще-то там, и будет вполне естественно, если теперь его комнату займёте вы.

— Ну... Надеюсь, мне не придётся обременять вас слишком долго. Пока врачи наконец успокоятся, и пока... все документы и прочее... А ещё — мне хотелось бы дожидаться возвращения мисс Сандерсон... Кэролин, — поправилась девушка, — она всего два раза навещала меня за это время, но мне хотелось бы верить, что это начало... укрепления семейных связей. Мне бы это сейчас, действительно, очень...

— Что?!

Офелия вздрогнула и отшатнулась, ошарашенная этим возгласом.

— Что? Я... я сказала это вслух?

— Ты сказала, что Элайя... что с ним?

— Дэвид, я не понимаю... — Виргиния нерешительно коснулась его локтя, — то есть, я понимаю, о чём ты, но... Офелия не говорила.

— И ты молчала!..

— Дэвид, я сейчас рехнусь, но... она действительно молчала!

— Мне показалось, что я... Видимо, я совсем расклеилась. Дэвид, прошу, я не хотела тебя этим...

Дэвид сжал голову руками, покачнулся, потом шатающейся походкой вышел из палаты. Офелия растерянно смотрела ему вслед, механически перекладывая свернутые ползунки из руки в руку, и всё спрашивала себя, как она могла так потерять над собой контроль, ведь она не хотела этим беспокоить... по возможности, вообще никого, хотя долго ли можно такое утаить... а где-то на заднем плане билась мысль, что надо бы, наверное, его остановить. Виргиния рванулась было за Дэвидом, но замерла, сделав шаг. Не важно, что за чертовщина только что произошла, но лучше остаться с потрясённой и выбитой из колеи девушкой.

Коридор Дэвид пересёк, периодически останавливаясь для глубоких судорожных вздохов. Понемногу голова перестала кружиться. Но вот сказать, что он успокоился, было нельзя.

В самом деле, в этом Офелии повезло, что она на Минбаре. Когда она спрашивала, почему ребёнка так много держат отдельно от неё, врачи совершенно честно отвечали ей, что так положено. На Минбаре не считается, как на Земле, что младенец должен проводить как можно больше времени с матерью, и только серьёзная необходимость может их

разлучить. Здесь ведь регламентировано всё, в том числе и самая частная, интимная жизнь граждан, это верно. Мать проводит с ребёнком некоторое количество часов в сутки — когда кормит его, поёт ему песни, играет с ним. Это их время, их близости, их родственной связи. В другое же время ребёнок поручается заботам родственниц — иногда тоже кормящих, это совершенно нормально, если дитя кормит несколько женщин, или оставляется в компании других детей клана и духовных лиц, что тоже очень важно для его развития, даже если он ещё слишком мал, чтоб общаться полноценно. Это время — для матери, чтобы она могла посвятить его другим своим делам, своим духовным практикам, общению. Ни одна женщина не должна полностью замыкаться в материнстве, другие её обязанности для неё тоже важны. Так же и ребёнок не должен замыкаться на своей матери, он с первых дней должен знать: не только его родители, весь его клан — это его семья, его близкие, которые принимают участие в его жизни, он — достояние не одних только родителей, но и всего клана, всего народа. Офелия, конечно, могла протестовать против этого, всё-таки их семья — не минбарцы. Но не стала. А возможно, уже тогда она поняла, или ей сказали... И он должен был догадаться. По поникшим плечам доктора Франклина должен был.

Как удачно, что он тоже здесь сейчас, и как будто его лицо перед монитором бокса с младенцем спокойное и даже радостное...

— Дядя Стив... Дядя Стив, это правда? Что с ним?

Франклин поднял голову, облизнул губы, явно ещё колеблясь — отмахнуться, отшутиться как-нибудь, ведь он-то не минбарец, ему-то можно не только выкручиваться, но и прямо лгать, только вот от телепатки, к тому же прозорливой, как это бывает с матерями, скрыть не смог... или искать слова, чтоб объяснить.

— Дэвид, я... Мы не можем пока сказать. Но я думаю, в любом случае, не стоит как-то настраивать себя на трагический лад...

Дэвид уже стоял над тем же боксом. И смотрел на сына Офелии, который, впервые за их несколько встреч, не спал. Смотрел на гостя огромными распахнутыми глазами.

— Его глаза, дядя Стив... Ведь мне не кажется? Ведь это... неправильно, это плохой признак?

Зрачки Элайи были разного размера.

— Анизокория? Да... Дэвид, мне жаль, если Офелия ввела тебя в панику. Хотя, конечно, у неё есть для паники некоторые основания... Но мы пока не можем сказать ничего конкретного. Не можем сказать хорошего, что всё в норме, что наши опасения беспочвенны, но не можем сказать и плохого. У малыша есть некоторые мозговые аномалии...

Ребёнок поворачивает головку, зрачки сужаются и расширяются в зависимости от того, сколько света в них попадает, и иногда может почудиться, что всё это глупости, они одинакового размера... Но в какой-то момент один из них сужается почти до точки, в то время как другой занимает половину глаза.

— Аномалии?

— Я не знаю, как тебе объяснить. Во-первых, от медицинских терминов у тебя останется только хаос в голове, во-вторых... Мы такого пока не видели. И совсем не уверены, что это непременно что-то нездоровое.

Дэвид выпрямился.

— То есть?

Франклин ткнул на кнопку, переключая экран, по-видимому, на другой показатель.

— Ты знаешь, что Андо... не был обычным человеком. И отнюдь не только в плане

своего характера. Это касалось и вполне биологических параметров. Телепатия такого уровня, и тем более телекинез такого уровня, в частности — это не то, с чем врачи какого-либо мира много имели дело, понимаешь? Я не имел возможности наблюдать Андо, быть может, врачи Драса могли б поделиться со мною своими данными, но строго говоря, они не обязаны это делать. Андо был гражданином Нарна, вполне логично, если его семья изберёт своим миром тоже Нарн. Моё беспокойство — это неопределённость. С одной стороны — этот малыш, вместе с матерью, получил очень сильное ментальное воздействие, которое обычного ребёнка могло и убить. С другой — он сын человека, мозг которого, определённо, должен быть аномальным и в сравнении с обычными телепатами. Я просто не могу судить о здоровье этого ребёнка по привычным параметрам. Анизокория — это, разумеется, тревожно. Вероятно, она именно травматической природы. И мне хотелось бы, конечно, просить Офелию остаться подольше... Но скорее, нарнские врачи тут окажутся компетентнее меня.

Дэвид кивнул. Да, всё так. Андо был, можно это так назвать, наполовину ворлонцем — можно ли было ожидать, что это никак не отразится на его потомстве? Хотя бы если вспомнить возросшую до ужасающей мощи силу Адрианы...

— Вероятно, вы правы, дядя Стив. Я просто накручиваю себя.

— Как и Офелия. Хотя её сложно в этом не понять, она мать, и после того, что она пережила... Чудо, что она сохранила беременность, чудо, что она полностью пришла в норму, и она считает, видимо, что рассчитывать на ещё одно чудо не вправе. Естественно, ей захотелось с кем-то поделиться своими переживаниями — ну, с кем-то кроме врачей...

Парень сглотнул, с трудом отрывая взгляд от машущего ручками младенца.

— Ну, она и не хотела... Это совсем смешно, дядя Стив. Она удивилась, неужели она произнесла это вслух, свою тревогу, свой страх, что она родила инвалида, что с Элайей что-то очень сильно не так, не сравнимо с её сводным братом, Аланом, но в чём-то похоже... Вы говорите — естественно, но, насколько я успел узнать Офелию, она так не любит беспокоить людей, и я... я не могу понять, это какой-то бред...

— Что бред, Дэвид?

Он наконец нашёл в себе силы посмотреть доктору прямо в глаза.

— Она сказала, что не говорила этого. Не говорила. И Виргиния, стоявшая там, рядом подтвердила. Она подумала об этом, да, но не говорила это вслух.

Франклин не сразу нашёл слова. Всё-таки, это было то, чего он меньше всего ожидал услышать.

— И... что ты этим хочешь сказать? Дэвид, я помню то, что ты рассказывал о... вашей связи с Андо, о кольце, о том, что ты чувствовал через него происходящее с Андо, видел сны о его детстве, видел Офелию до того, как познакомился с ней, и смерть Андо почувствовал до того, как узнал о ней. Но ведь с тех пор... это всё прекратилось, так?

— Да.

— И хотя, разумеется, Офелия — очень близкий Андо человек, но она отдельный человек. Эта связь, если она действительно была, не может распространяться на неё.

— Всё верно, но... Да, действительно, это просто нервы. Её, мои...

Ничем иным это и не может быть. Ничем иным, кроме переживаний и недосказанности, того, что он почувствовал в недомолвках доктора ещё тогда — он подозревал, что с ребёнком не всё хорошо, но ведь он совершенно правильно сказал, нельзя судить о здоровье того, на кого понятие обычной человеческой нормы вообще не

распространяется. В самом деле, почему бы не быть ещё одному чуду? И даже глаза... Может быть, и это пройдёт со временем. Он пытался вспомнить, каким он был, голос Офелии, когда она произнесла это, какими точно словами... И действительно ли ему в этот момент живо представилось младенческое личико с огромными глазами с разновеликими зрачками... которых он ещё не видел на тот момент, не мог знать... Голова снова закружилась, но он усилием воли взял себя в руки.

— Ну, ведь мои мысли сейчас ты не слышишь?

— Нет. Дядя Стив, это глупости, кем-кем, но телепатом я быть не могу. Скорее — перенервничавшим и перенервировавшим других подростком.

— Я тоже думаю, что не можешь. То есть, хоть минбарские тесты и отличаются от земных, так ошибиться они не могли. А для нервов у тебя было предостаточно причин. Думаю, излишне говорить, что тебе нужно успокоиться...

— Вы совершенно правы, дядя Стив. Главный вопрос — как... Слишком много всего за это время...

— Что произошло?

— Не знаю, видит бог, не знаю. Наверное, как я ни старалась бодриться, всё-таки нервы дают о себе знать. Тьфу, какая теперь разница, он всё равно бы узнал, доктор Франклин старый друг их семьи, да и он попросту увидел бы, сколько времени это можно не замечать... Надеюсь, доктор успокоит его. Наверное, зря я согласилась переехать в резиденцию...

— Так-так, прошу вас, помедленнее. Меня, конечно, ставит в некоторый тупик то, что я действительно ничего не слышала, хотя стояла к вам ближе, чем Дэвид, но это правда мелочи... С Элайей в самом деле что-то не так?

Офелия закивала, зажмурившись, пытаясь удержать подступающие слёзы.

— Врачи говорят — рано судить... Какие-то аномалии в функционировании мозга, и это разноглазие — обычно ведь это очень тревожный признак. Но Андо тоже был... аномальным, наверное, его мозг тоже привёл бы врачей в замешательство, так может, для Элайи это всё вполне нормально... Но я боюсь, что нет.

Виргиния, чтобы как-то занять себя и отвлечь смятённую и расстроенную женщину, решила помочь со сборами и оглядывала фронт работы — собственно, почти всё уже было уложено, остались всякие мелочи. Изначально вещей у Офелии, понятно, не было вообще, но понемногу ей приносили кто одежду, кто вещи для малыша, кто книги и разные милые вещицы, а потом и её багаж нашёл её, кое-что из её вещей, по её просьбе, принесли сюда.

— Э нет, вот бояться точно не надо. Вы и так достаточно пережили, чтоб самим себе ужасы воображать. Аномалии... Если на то пошло, и телепатия — аномалия в работе мозга, а мы к ней привыкли. Врачи перестраховщики. Работа у них такая. Всё будет хорошо, увидите.

— Не будет. Мать чувствует, когда с её ребёнком беда.

— Рискую обидеть вас как мать, но ничего подобного. Как-то, было мне 15 лет, мы с двоюродной сестрой и друзьями выехали на остров на отдых. На второй день случилась буря... Связи не было всего сутки, но мама за это время успела напредставить решительно всё, на что способно её богатое воображение. Спасибо, похоронные венки не заказала. Между тем, с нами всеми было всё хорошо. Не кончилась еда, ни одну палатку не сорвало ветром, даже ноги никто не промочил. Мамам свойственно волноваться. Особенно когда

речь идёт о первом ребёнке. Вокруг Милли и Джо она уже так не квохтала, хотя они и спокойнее, куда меньше, чем я, склонны к авантюрам...

Губы Офелии дрогнули в робкой улыбке.

— Да уж, ваш пример, пожалуй, кое-чего доказывает. Вы, конечно, хлебнули неприятностей, но ведь вышли из них с победой. Да, вас, наверняка, бессмысленно расспрашивать об Андо...

Виргиния отвернулась.

— Да, я мало знакома с ним, мы не успели пообщаться до того, как меня... понесло во все тяжкие, как Андрес выразился. Это вам лучше поговорить с Джеком Харроу или кем-то из рейнджеров, которые были там с ними, на Северном континенте. По правде, знаете... я сама хотела расспросить вас об Андо. Я слышала о нём слишком много невероятного, чтобы это было легко уложить в голове. И тут оказывается, что у этого человека остались жена, сын... Не обижайтесь, пожалуйста. Наверное, просто в космосе многие вещи видятся иначе.

— Нет, я не обижаюсь. Андо — он действительно невероятный человек. Наверное, самый невероятный из всех, кто когда либо жил.

Виргиния присела на край кровати.

— Расскажите, как вы познакомились. Ну, может, не прямо сейчас, по дороге... Или позже...

По щекам Офелии скатились две слезы.

— Об этом сложно говорить, странно. Он сам нашёл меня. Приехал, чтобы меня увидеть. Ну, само по себе это даже не ново, бывало такое, конечно... Но к тому времени я уже отвыкла от подобного. Я так искала тихой жизни... Одно время мне казалось, что у меня получилось.

— Простите. Наверное, мне вообще не стоило заводить этот разговор. Мне действительно не представить, какой была ваша жизнь. Алан, конечно, говорил о вас...

— Алан... Так жаль бедную Кэролин. Может, и хорошо, что с миром Моради плохая связь, и она ещё какое-то время сможет надеяться...

Виргиния теребила в руках пустую сумку, которую захватила с собой, чтобы помочь со сборами.

— Да, так вышло, что моя авантюра отняла у вас сразу двоих близких людей. Хотя бы поэтому я должна была придти сюда. Не то чтоб извиниться — я не выбирала этого для них, я не просила их всех идти по моему следу. Но по крайней мере — объяснить то, что произошло, этого никто не сделает лучше меня. Да, рассказывая человеку, что скитания и смерть его ближних были оправданны, сложно ожидать понимания и согласия. Но тем не менее. Они выбрали продолжать поиски — не важно, была ли я действительно в беде и если была, не сама ли в этом виновата. Они выбрали, потому что благородны, потому что думать о других прежде, чем о себе — для них не прекрасная абстракция из чьей-то чужой жизни. И сражались они не только потому, что иначе им самим было не спастись, если б они сражались так — я думаю, они не могли б победить. Конечно, гораздо правильнее бы было, если б я рисковала и жертвовала своей семьёй, а не вашей, но знаете, у меня не было такой возможности.

Офелия нервно прошлась взад-вперёд.

— Семья... Знаю ли я, что это такое. Такие семьи, как моя, люди называют фикцией, говорят, что это чужие друг другу люди, притворяющиеся близкими, но это не так. Мои отец и мать были очень даже близкими друг другу. Они не любили, но близкими они были. Они

думали, верили, дышали одинаково. Порой мне казалось даже, что они ненавидят друг друга, но их союз был естественным для них состоянием, хотя и не они его выбирали. Потом был Этьен, это, конечно, совсем другое. Он любил, но близким не был. То, что нас отличало, что было между нами пропастью, пугало и озлобляло его. Я считала, что это я виновата. Я ведь просто воспользовалась им, я была с ним просто потому, что он согласился на мне жениться. То есть, он хотел... А мне просто хотелось тихой жизни. Хотелось исчезнуть, раствориться где-то в низах, в примитивном быте... Я не красавица, кучи поклонников я ожидать не могла. Кроме пси-рейтинга, что во мне могло заинтересовать? Ну, Этьен тоже не имел бешеной популярности у женщин, он не красив, не богат, какими-то выдающимися качествами не отличался. Я подумала, что это будет правильно, если мы зацепимся друг за друга. Его пугала одинокая старость, а меня пугало настоящее, о будущем даже думать не хотелось. Говорят, любовь — это доверие, но в моём жизненном опыте любовь и доверие не встречались. И Кэролин и Алан... Тоже моя семья, да. Об этом трудно говорить даже не потому, что... ну, у людей это не принято так уж легко воспринимать, другую семью у отца. Не то чтоб для меня это имело такой же смысл, как для какой-то нормальной семьи, но тут просто не знаешь, как себя вести. И... люди держатся за родственников, чтобы помнить, кто они есть, а мне хотелось забыть, кто я есть. Живут же люди бездумно...

— Мне кажется, это невозможно.

Офелия тоже присела рядом.

— Да бросьте. Все мы видели таких людей. Живут, как растут растения, сегодняшним днём, простыми радостями. Я понимаю, что это бегство, что я была трусиха... На самом деле я не переставала думать о них, хоть это и было досадно. Начать с нуля не получилось. Появление Андо просто оборвало нежизнеспособную иллюзию. Я ж не настолько дура, чтоб не понимать, что она нежизнеспособна. И хотя на самом деле связать свою жизнь с таким человеком, как Андо — это тоже вид безумия, здесь не стоило ждать покоя и благоденствия. Я иногда спрашивала себя — зачем я вообще с ним заговорила? Были, наверное, другие пути — просто всё бросить, уехать в какую-нибудь богом забытую колонию... Нет, это, конечно, бред. Я пробовала некоторое время жить в маленьком городе, там все у всех на виду, особенно приезжие. Чтобы потеряться, нужен большой город. Именно такая большая свалка, как столицы. А это уже было... Вот я и решила — безумие так безумие.

— В мыльных операх дети врагов обязательно влюбляются друг в друга... В жизни так всё же бывает значительно реже. Странно, сначала я осознавала всё то фантастическое, что слышала об Андо, а теперь осознаю, сколько в нём было человеческого. Только вот погибнуть так рано, так трагически и нелепо, незадолго до победы...

— Перестаньте, я знала об Андо всё. Он умер не потому, что на его пути случились вы с вашим фантастическим походом, вы тут уж точно ни при чём. Он умер потому, что не выбрал жизнь. И не смотрите так, он не выбрал бы её ради меня. Это сложно понять, и, наверное, не нужно понимать, нужно просто принять — Джон Шеридан был для него... всем. Он был с ним рядом... совсем немного, меньше года, меньше, наверное, чем со мной или с вами... Но законы внутренней жизни Андо иные, чем у вас и у меня. Андо многое в жизни потерял — родителей, отчима... Но всё это он потерял, почти не имея, он был поставлен перед фактом потери. Он не привык терять на самом деле. Обретя наконец что-то, он совершенно не намерен был это терять. Но он не мог ничего сделать. Эта мысль точила его подспудно всё то время, пока он был на Марсе, потом на Земле. Возможно, его огромная сила могла бы быть направлена и на исцеление, что там, даже на воскрешение мёртвых... Но

для этого потребовались бы долгие годы учёбы и практики. У Джона Шеридана не было этого времени — и у Андо не было. А просто жить и готовить себя к неизбежному — этого он не умел.

Они вышли втроём — Виргиния, Офелия и Дэвид, Франклин проводил их до дверей неся на руках маленького Элайю.

— Ладно, молодёжь, даже с самыми чудесными пациентами, вроде этих, приходится однажды расставаться. Если Дэвид и Деленн считают, что атмосферу резиденции порядочно оздоровят младенческие вопли, то они, несомненно, правы. Смотри, парень, веди аккуратно. С ума сойти, давно ли он сам верещал так, что стены дрожали, а теперь смотри-ка, машину водит...

— Всё в порядке, — улыбнулась Виргиния, — главное — что за пультом не я. Смеяться будете, но водить что-то наземное я так и не умею. Ну, то есть, кроме нангим-ныог. Андрес боится, что в мирной жизни я буду опасной. Ну, Элайя, улыбнись, ты едешь домой. То есть, может быть, и не совсем домой, где будет твой дом — это ещё посмотрим... Хороших мест во вселенной много. А ты у нас практически маленький принц. Главное — постарайся не париться из-за того, что у тебя такой крутой папаша, не киснуть в тени его великого имени. Ну и всё-таки немного подрасти, прежде чем рваться за собственными достижениями. Я вот, хотя всё равно не пример для подражания, угонять корабли раньше совершеннолетия не пыталась. И вообще, на какие бы подвиги тебя когда-нибудь ни попёрло — помни о маме. Росток прославляют землю, это мне на Брима объяснили.

Офелия подняла на неё робко-благодарную улыбку.

— Я сделаю всё, что смогу, обещаю.

— Что?

— Я знаю, о чём вы хотите меня спросить. Извините, это так ярко и громко в вашей голове, что я просто не могла бы не услышать... Я сама не очень много помню, я была ребёнком. Но я могу получить полный список и даже, думаю, некоторую информацию по каждому...

А в коридорах резиденции первой им встретилась бледная, встревоженная Рузанна.

— Что такое, леди Талафи? Что-то случилось?

Виргиния, немного уже ориентирующаяся в резиденции, мягко отобрала у Дэвида чемодан, который он нёс, решив отвести Офелию к комнате Андо самостоятельно, чтобы дать возможность Дэвиду поговорить с Рузанной о чём-то, что их с Офелией, вероятно, и не касается.

— Это «Белая звезда-44». На которой отправился Майкл Дир...

Да, так получилось, что последний перед началом лечения вылет Майкла, в патруль по границам с сектором Центавра, произошёл именно на вернувшейся в строй «Белой звезде-44», под началом капитана Ли — экипаж, конечно, был частично переукомплектован ввиду некоторых потерь. Рядовой вылет, можно сказать — рутинный, но из такой рутины состоит большая часть жизни патруля.

— Они вышли на связь? Они сообщили что-то плохое?

— Не они. «Белая звезда-60».

— Не помню такой... Этот номер ведь уже давно...

— Да. Это «Белая звезда», пропавшая ещё три года назад. Так объяснила мне леди Деленн.

— Не понимаю. Если они нашлись... Это потрясающе, нет слов, но... Как же это связано с Майклом и «Белой звездой-44»?

— Этого пока и я не могу понять, надеюсь, скоро мы узнаем больше. Но похоже, произошло что-то ужасное. Сообщение пришло с «Белой звезды-60», они подобрали только Майкла. Он серьёзно ранен, и... «Белая звезда-44», по-видимому, уничтожена.

— Что?! Кем?

— Вот это-то самое невероятное...

===== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 4. Изменчивость природы =====

— Ох, Шт... Штхейн, я не хотела тебя напугать...

— Шин Афал, я вообще из не самых пугливых, и ты могла заметить, что ты меня не пугала никогда. Скорее, твоё появление было неожиданным.

— Я неудачно выразилась. Всё равно, я нарушила твоё уединение.

— Оно мне сейчас не настолько принципиально. Более того, мне приятно, что именно ты его нарушила.

Минбарка улыбнулась и присела рядом на скамейку.

— ...Но если ты хотела сама побыть здесь в одиночестве...

— Одиночества с меня как раз хватает в последнее время, Штхейн.

Небольшие, но выразительные глаза дрази посмотрели на неё долгим, проникновенным взглядом.

— Может быть, я полезу сейчас не в своё дело, Шин, но мне хотелось бы хотя бы хотя бы чем-то тебе помочь... Хотя бы просто выслушать.

— Благодарю, Штхейн. Но что об этом можно сказать... Ты прекрасно знаешь, что происходит сейчас, да и причину моего угнетённого состояния духа...

— Дэвид? Ты слишком давно чувствуешь бессилие рядом с ним, ещё с Тучанкью.

— Да, ты понимаешь...

Шин Афал подумала, что, кажется, ей давно уже невероятно легко общаться с этой дрази. Это было невероятно при том, как мало, казалось в начале, между ними было точек соприкосновения, как много того, что казалось невозможным понять... Но в итоге единственным сложным моментом, пожалуй, оставалась двойственность имени и рода, когда Шин Афал не знала, как следует обращаться к Штхиукке и, что ещё сложнее, как говорить о Штхиукке с другими.

— Дэвид многое скрывает от меня... Нет, не так. Я сама не знаю, как заговорить, это моя вина, конечно... Когда мы были детьми, всё было намного проще. Мой духовный наставник говорит, что я заблуждаюсь относительно своих чувств, потому они и приносят мне столько печали и беспокойства. Между теми, кто действительно близок друг другу, многое происходит без слов, и сердца сами ведут любящих друг к другу, пусть и через многие испытания. Мне кажется, конечно, он не верит в возможность наших отношений потому, что Дэвид не совсем минбарец...

— Ну, если так, это нехорошо с его стороны. С кем-то ведь и Дэвиду надо быть, а такой он в своём роде один.

— Но ведь это правда — любя, я не могу ничего для него сделать, и порой я чувствую, что не понимаю того, что с ним, в нём происходит...

— Ты считаешь, что он очень изменился, и, может быть, не в лучшую сторону?

Шин Афал сокрушённо покачала головой.

— Не знаю, не знаю... То, что происходит сейчас — с этим всё понятно, это объективно... Он потерял отца — я помню, как пришло известие о кончине моего отца, я понимаю, какое это горе. Он потерял друга — хотя, каюсь, я не понимала Андо и не понимаю, как он мог вызвать к себе такое расположение, которое, по-видимому, испытывал Дэвид. Но по отзывам других друзей Андо, которые провели с ним последние месяцы, он, по-видимому, очень изменился с той поры, как я помню его... Но как бы то ни было, это ужасная трагедия, и я понимаю... И они оба, он и принц, сейчас совершенно правы, что ищут облегчения своей боли в помощи другим и друг другу. А я чувствую себя совершенно...

— Беспомощной? Бесполезной?

— Да. Я говорила об этом уже с Рузанной, там, на Тучанкью мы столько не говорили, сколько здесь. Она ведь чувствует то же, что и я. Словно... словно ты стоишь на отмели и бессильно смотришь, как корабль, который тебе так дорог, сражается с штормом. Она сказала: «Может быть, потому, что мы одни в семье, нам так сложно понять это, тем более сложно потому, что они ведь не родные друг другу, они вообще из разных миров. Но кажется, им никто сейчас не нужен, кроме друг друга...». Это тем более тяжело, что я не должна плохо относиться к Винтари, он объективно хороший, и сейчас ему очень тяжело, многим тяжелее, чем, например, мне или тебе, в связи с кончиной президента... Когда я была маленькой, я не понимала этого — «как тяжело, когда детство кончается». Мне казалось — как бы ни чудесно было время беззаботности, взрослая жизнь прекрасна широтой дорог и возможностей. Но сколько же проблем она несёт...

— Возможно, стоит просто подождать... Или сделать какой-то решительный шаг к нему, который выразил бы твои чувства. Ведь он, возможно, даже не догадывается о них, о том, что всё уже не так, как было, когда вы были детьми. Может быть, его чувствам нужно время, чтобы вырасти... Я здесь долго любовался на разные цветы. Меня заинтересовало вот это растение... точнее, сперва я подумал, что это несколько разных растений, одинаково любящих расти в тени, и иногда растущих на коре старых деревьев. Но посмотрев в справочнике, я с удивлением обнаружил, что это одно и то же растение, просто вид и расцветка его цветков очень сильно варьируется в зависимости от того, где оно растёт, какие вещества получает, сколько воды, сколько солнца.

— Да... Строго говоря, это даже не растение, а скорее гриб. Потому что его корневая система распространяется под землёй порой на десятки квадратных метров, то, что мы видим — сами стебли и цветы — это лишь малая часть... Это сейхтши, «огонь души», или ещё его называют...

— Сейхтши... Красиво звучит.

— Мы говорим на примере этого цветка, что, как бы мы ни были различны внешне, как бы ни были различны наши проявления, это единый огонь души...

— Возможно, ваши с Дэвидом цветы выросли различными по форме и цвету, и потому вы кажетесь себе совершенно разными цветами, просто не осознавая, что вас связывает единая грибница, и не только вашего общего детства.

Шин Афал улыбнулась.

— В таком ключе я не смотрела на это, Штхейн.

— Кто-нибудь может объяснить, что произошло?

Винтари открыл было рот, но его опередил Андрес Колменарес.

— Я б сам, честно говоря, с удовольствием послушал объяснения. Ну, уже через несколько часов они будут здесь...

— Кто, «Белая звезда-60»?

— Да. С ума сойти, у нас наступил месячник возвращения потерявшихся «Белых звёзд»... Надо запросить у Деленн информацию по остальным пропавшим номерам, кого нам ещё в ближайшее время ждать. А если серьёзно, то это какая-то дичь... Нет, это полная дичь. Я успел услышать не весь разговор, и в этот разговор явно не поместилось бы всё, слушать их мы явно будем ещё дольше, чем тут слушали нас... Они ведь отсутствовали три года, так?

— Да, три года назад они отправились к границам изведанного космоса, последнее сообщение от них было совершенно обыденным и не предвещающим никаких странностей... И больше они на связь не выходили. И вернулись, получается, только теперь. Потерявшихся кораблей, если взять историю всех миров Альянса, множество. Мало вернувшихся. Тем более через три года...

Андрес хмыкнул.

— Неделю.

— Что?!

— Ну, по их календарю они отсутствовали неделю. И это вполне логично звучит, если учесть, что они провели этот срок, если верить их словам, в другом времени. В будущем... или правильной говорить — в одном из вариантов будущего, если полагать, что оно меняется в каждый момент, по крайней мере, каждый значимый момент...

— Но... как? Временной разлом?

— И что всё-таки произошло с «Белой звездой-44»? Кто её уничтожил?

— Это самое дикое в этой истории. Её уничтожила... «Белая звезда-44». Из другого времени. Точнее, как предполагают на «Белой звезде-60», не уничтожили, а отправили в другое время, они сами видели такую же вспышку оба своих скачка... Майкл Дир в этот момент был за бортом, попросил о такой возможности... Ну, видите ли, они остановились там потому, что наткнулись на довольно крупный астероид, которого сроду там не было, маршрут-то вообще-то изученный... Подозреваю, этот астероид тоже загулял из другого времени. Это его спасло — или оставило в нашем времени, если смотреть иначе. Но его зацепило... выстрелом или этой вспышкой, тут уже не понять... «Белая звезда-60» подобрала его, надеются довести живым...

Рузанна стиснула руки до хруста.

— Всё настолько плохо? Боже... бедная шиМай-Ги, они ведь только поженились! И он должен был по возвращении начать лечение... Ну почему всё должно было быть именно так-то? Это ведь был безопасный маршрут... Хотя, если я правильно поняла, где это, то это совсем недалеко от... ну, не очень благополучного места в нашем секторе. Случилось прежде, что там пропадали корабли. Но этого не было уже очень давно, около десяти лет, да и... патруль ведь шёл по границе сектора, вряд ли они стали бы заходить на нашу территорию, да?

— Погодите, я не понял одного — «Белая звезда-44» атаквала... саму себя?

— Это ко мне, что ли, вопрос? Может быть, рейнджеры с «60» объяснят, когда долетят, но кажется, они тоже были в основном наблюдателями чего-то непостижимого для себя. Возможно, «Белая звезда» из будущего загоняла саму себя во временной разлом, чтобы... ну, не нарушить ход событий, которые для них уже свершившиеся. То есть, получилось такое

временное кольцо... Боже, какую чушь я несу...

Винтари нахмурился.

— Крепко мне всё это не нравится. Временных аномалий нам как раз и не хватало для полного счастья. Очень интересно, чем же таким и в каком будущем так заняты наши «Белые звёзды», что им аж потребовалось... А, ладно. Сейчас, как понимаю, надо ждать прибытия. Только после этого можно думать, что делать. Что можно с этим сделать-то... Всё равно я сейчас ни на чём сосредоточиться уже не смогу. Хотя вообще-то есть, на чём. Ко мне ещё и почему-то обратился Джек Харроу. Я, видимо, считаюсь теперь главным специалистом по поиску биологической родни... Дэвид, а Виргиния уже слышала об этом? Великий Создатель, каково ей будет, когда услышит... Это ведь её соратники по Бриме, как-никак. Да почему же из всего сонма «Белых звёзд» это должны были быть именно они?!

— Если б можно было вообще скрыть от Виргинии факт произошедшего, — усмехнулся Андрес, — это было бы лучше всего. Искренне опасаясь, не ринулась бы она туда лично всё посмотреть и ощутить на себе... Вывать к её благоразумию можно, но до сих пор мало что получалось. Хотя теперь-то ей это, пожалуй, уже несколько не по рангу. С ума сойти, до чего ж неожиданным Альянс бывает в своих решениях. Вчера два бандита, сегодня чиновники на серьёзной службе...

— Ну, я что-то новое к словам Деленн тут добавить не смогу. Было б действительно странно, если б Альянс не благодарил и не ценил тех, кто сделал для него что-то настолько важное. Мы не настолько давно счастливо избежали дракхианской угрозы, чтобы обрадоваться активности других слуг Теней у наших границ. Да и то, что произошло на Бриме, сложно недооценить. Жаль, господин президент не успел порадоваться этим замечательным новостям... А касаясь изменения вашего статуса — хочется надеяться, что и Джек Харроу, после того, как разрешит важнейший для него сейчас вопрос в жизни, нашёл и подходящее место в этой жизни. Господин И предпочёл вернуться к прежней своей деятельности на Земле — что ж, его право...

— А мисс Карнеску? По правде, я до сих пор что-то не вспоминал о ней, да и видел её один раз... Вообще-то, стыдно, конечно, но мне так показалось, она сама не стремится поддерживать со всеми нами нежную дружбу и устраивать вместе пикники на выходных. И это справедливо, мы здорово поломали ей привычный жизненный уклад и едва не саму жизнь.

— Наверное, характер человека всё же не меняется в одночасье, она остаётся замкнутым и стеснительным человеком. К тому же, пережитое... нескоро отпустит её. Мы говорили с нею. Свою прежнюю работу она фактически потеряла, когда, вместе с вами всеми, пропала без вести. Сейчас стоит задача дать ей новую. Ну, переводчики долго ещё не будут лишними. Пока что она консультирует меня в моих переводах...

— Ладно, до прибытия «Белой звезды» всё равно никто из нас не найдёт себе места. Пойду пройдуся по саду, может, получится привести мысли в порядок...

У дверей Андрес повернулся, посмотрел на центаврианина с прищуром.

— Вы действительно ему приёмный сын? Уверены, что он по лихой юности не грешил со знатными центаврианочками?

Винтари подумал, что в другой раз пырнул бы нахального землянина шпагой, но сейчас просто грустно рассмеялся.

— Определённо, мне здесь понравится, — Офелия прошлась по маленькой, почти

пустой комнате, в которой из уюта был только низкий диванчик с тремя треугольными подушками и такая же низкая, земного типа, к счастью, кровать, да и то едва ли было заслугой Андо, — конечно, кое-что будет нужно... Ну, кроватка для Элайи и занавески на окна, больше-то даже не знаю, что... Ого, какой вместительный шкаф! Наверное, все наши пожитки как раз сюда войдут. Ну да, будет пусто, зато сразу видно, что порядок.

— Понимаю. Меня тоже в последнее время, можно сказать, к минимализму тянет. Там, на Бриме, ко многим вещам начинаешь иначе относиться. Правда, я всё равно могу забарахлить любое жизненное пространство. Не шмотьём, так бумагами... Их на меня свалилась такая уйма, сколько я, наверное, за все годы учёбы не видела.

— Вам нравится то, что вы делаете?

Виргиния отлипла от стены, чтобы помочь Офелии вытащить из чемодана комплект постельного белья, подаренного, кажется, Кэролин.

— Ну, точно больше, чем понравилось бы сидеть в тюрьме... Не в этом дело, то есть, конечно. Пока я, по правде говоря, присматриваюсь, ну, это совсем другое, да, чем моя жизнь последние полгода... Но это тоже возможность сделать массу полезного, это главное. Как ни крути, если б случилось так, что мы победили бы, но не смогли выбраться с Бримы... Ну, если б ненормальный Бул-Була действительно повредил наш корабль... Мне пришлось бы вникать во множество вопросов — политических, хозяйственных, экономических, которые до сих пор мне были в жизни как-то параллельны. Потому что тогда уж точно бремейры бы с меня живьём не слезли, и кем-нибудь я у них там была бы. Хорошо, если не совсем верховным правителем, я всё-таки не готова к такой ответственности.

— Странно это слышать. Мне показалось, что вы готовы вообще ко всему.

— Ха, наверное, может так показаться. Наверное, просто потому, что я с детства видела вокруг себя... ну, не последних людей в обществе. И при этом я видела, что эти люди зачастую были редкостными придурками. Они сомневались, совершали ошибки, спрашивали совета иногда не у тех людей, на публике, конечно, натягивали пафосную морду, но на самом-то деле порой не умнее подростков. Ни один человек не знает заранее, как жить. Можно стараться избегать каких-то крутых поворотов и нехоженых троп, но тогда человек становится ещё беспомощнее.

— Как интересно вы говорите... — Офелия присела на кровать, опустив недоразобранный сундучок на пол, — а ведь для человека с детства самое важное, пожалуй — научиться поступать правильно. Сначала в мелочах, вроде заправленной постели, сделанных уроков, вежливого поведения, потом и в более сложных вещах...

— Рискну предположить, что ваши родители вас просто не очень-то любили.

— Ну, об этом сложно рассуждать...

— Вообще, можно даже очень любить своего ребёнка, но воспринимать его как средоточие и источник проблем. Не знаю, зачем эти люди вообще заводят семью и детей.

— Я много думала об этом, когда сама... ну, решила создать семью. Точнее, это мне так казалось. На самом деле я ничего не решала и ничего не создавала. Ну, тогда я подумала — люди женятся, живут вместе, и делают это как-то достаточно просто... То есть, каждому, конечно, думается, что его проблемы самые серьёзные и сложные, но на самом-то деле в большинстве проблем нет ничего уникального, и живут люди вместе, иногда даже до старости, не разводятся... У меня было такое воспитание, что вообще сложно было выработать какое-то отношение к браку. Ну, здоровое и объективное. У нас брак был, в своём роде, разновидностью службы. Супруги — это деловые партнёры, попутно занятые

производством качественного потомства. И поэтому, наверное, так соблазнительно было проявить такое легкомыслие — выйти замуж за кого вздумалось, кто предложил. А там как-нибудь срастётся... У всех ведь что-то да срастается. Главное — что сделала этот шаг, этот переход в иное качество. Сменила фамилию, хотя бы.

Виргиния потопталась с вынутой из сумки коробочкой, потом рассеянно поставила её на широкую спинку кровати.

— Ох не знаю, не знаю... Не представляю себе, честно, чтоб я вышла замуж за нормала. Это не какой-то шовинизм, поймите меня правильно, это вопрос, ну, потребности в равном положении, наверное. Конечно, оба моих парня были нормалами... Ну так о браке речи и не шло. Дьюи мне, на самом деле, в том числе поэтому предложил расстаться — всё равно ведь у нас не получится ничего серьёзного. То есть, формально наши отношения прекратила его новая работа — ему предложили хорошее место на Орионе, хорошая зарплата, да и сам проект интересный, от таких предложений не отказываются... А у меня как раз диплом предстоит. И хотя он мне теперь, конечно, всё равно как рыбе велосипед, но на тот момент не бросать же было всё это. Нет, можно было и на заочное, но я, если уж честно, не тот человек, которому можно учиться на заочном, я и на очном училась не бей лежачего. В общем, если для обоих их работа или учёба слишком важны, то почему б и не расстаться-то. А Дьюи сказал, что это даже хорошо, что всё сложилось именно так, всё равно это не было бы вечно, мы хороши были как временная пара, но общая жизнь — нет, это для нас немислимо.

— И вам... действительно легко было это принять?

— Легко. Наверное, правильно сказать, что я не любила Дьюи, но «не любила» звучит как-то обидно. Он был слишком хороший человек, чтоб так о нём говорить. Как все компьютерщики, слегка не от мира сего, беззащитный чудик с экстравагантной наружностью и гениальнейшими мозгами. Вообще никто не мог понять, что нас, таких разных, притянуло друг к другу. Но с ним было хорошо, хоть я и не понимала больше половины в том, чем он живёт. Но меня это, наверное, не настолько парило, как его. Ну, вот не понимаем мы на самом деле, как устроены звёзды, вселенная вообще. Но мы любим всё это, нас завораживает звёздное небо, панорамы космоса... А вот для него это было важно. То есть, не то, чтоб я понимала его — его в полной мере понять могли немногие, те, кто с ним на одной волне. А то, что он не сможет понять меня. Он сказал: «Тебе всё равно нужен такой же, как ты. Быть с нормалом — это как музыканту жить с человеком без слуха».

— Грустно...

— Ничего подобного. Люди иногда расстаются, это нормально. Люди не всегда вместе для того, чтоб быть вместе насовсем.

Офелия встала, оставив сундучок на кровати и вернувшись к разбору сумки.

— Вот этого, наверное, уже мне не понять. Как это — вступить с человеком в отношения и уже знать, что однажды ты его оставишь...

— Ну, не обязательно же думать об этом постоянно. И вообще, куда хуже думать, и обманывать друг друга, что навсегда, а потом разочароваться и разочаровать другого. Уж по крайней мере, если получилось расстаться тепло и по-дружески — это огромный плюс для обоих.

— Да уж, оба камешка в мой огород...

— ...Вот с Сэлом так не получилось. Мне, конечно, было всего 19, я тогда вообще взрывная была... Но и сейчас бы не получилось, совершенно точно.

— Он крепко вас обидел?

— Крепко? Хо! Повезло ему, что он жив остался. Я вообще не прощаю людям трусости и глупости, а тем более — любимым людям. А его я любила, он был первым мужчиной в моей жизни. Но человек может перечеркнуть любовь одним неразумным поступком. И тогда любовь превратится в ненависть.

— Он вам изменил?

— Что? Какая измена, при чём тут эти глупости... Нее, он как раз был настроен в отношении меня очень серьёзно. Но просчитался.

— Не понимаю.

— Ну да, наверное, меня в этом сложно понять... Когда мы познакомились, я была вчерашней школьницей, а Сэл — рок-музыкантом. Не так чтоб звездой, играли они, если честно, посредственно и на какие-то большие площадки не попадали, но я тогда тащилась со всего этого сильно, и верила в их звезду больше, чем они сами. Практически жила у них на реп-точках, на концерты в другие города ездила... Родители к этому относились... ну, сложно. То есть — они точно не из тех, кто осуждал бы такие связи, они не ханжи. Но понятно, что это два разных мира, сложно сочетаемых между собой. Сложно представить моих родителей, других родственников и Сэла за одним столом, хотя вообще-то пару раз так было. Точнее, не совсем за столом — на загородный отдых мы его приглашали, мы часто брали кого-нибудь из детей друзей или соседей. Всё вроде бы было нормально, хотя понятно, что больше времени мы с Сэлом проводили вместе, чем с родителями, и для них это, кстати, было нормально, они сами не лезли. Ну, звали кушать, или кататься на лодке, что-то спрашивали или предлагали, но в собеседники не набивались — всё-таки, это мой парень, а не их. Но Сэл считал, видимо, что они им брезгуют... И в общем, кончилось тем, что Сэл решил, что в перспективе сделать мне предложение он должен стать серьёзным, нормальным человеком. Бросил группу, подстригся, устроился на перспективную работу — вроде, даже попросил о протекции кого-то из папиных друзей, который симпатизировал ему, потому что у самого была шальная молодость. И очень удивился, когда я его послала.

— Кажется, начинаю понимать...

— Я любила его таким, каким он был — образ бунтаря, которому он, как оказалось, внутренне не соответствовал. Даже допуская, что ему не добиться больших успехов, не собирать стадионы, я б его всё равно любила — за верность образу жизни, идеалам. Серьёзно, правильных мальчиков, умеющих думать о будущем и производить благоприятное впечатление, вокруг меня и без него было до чёрта. Если б мне нужна была такая партия, она б у меня, несомненно, была, многие из них были вполне милы и интересны. Но — не моё. Они могли быть хорошими друзьями, почти братишками, но не любимыми. Зачем всё это было нужно? Чтобы мои родители рассматривали его как серьёзного претендента на мою руку, точнее, чтобы им потом не было неловко перед какими-нибудь друзьями? Как будто у моих родителей не было других причин для неловкости, которые они не рассматривали...

— И всё вот так закончилось?

— Ну да. Я просто поняла, что не знаю этого человека и ничего с ним иметь не хочу.

— И он не попытался... ну, дать задний ход? Уговорить вас помириться, обещав остаться прежним? Волосы ведь можно отрастить обратно...

— Волосы — можно, доверие — нет. То есть, он, может, и попытался бы, но я не дала ему такой возможности. Не отвечала на его вызовы, не читала его писем, и избегала встреч с ним. И я и теперь считаю, что права. Если человек так легко предал то, чем жил до встречи

со мной — то почему ему не предать и меня, если однажды это покажется ему разумным и целесообразным? Нет, мы с мамой очень похожи. С мужчиной может быть сытно и безопасно, но если в нём нет некой сумасшедшинки, если он не заставляет твои глаза светиться, не превращает обыденную жизнь в драйв, если вы не можете два часа ржать как ненормальные или вместе совершить какую-нибудь спонтанную глупость — зачем такой мужчина нужен?

Офелия улыбнулась.

— Да, наверное, вы действительно такая. Надеюсь, годы вас не изменят. Серьёзно, такие люди нужны миру. Тихих мышек хватало и будет хватать во все времена.

Виргиния села на пол, чтобы удобнее было заполнять нижние полки шкафа.

— Когда Андреас рассказывал мне о Колодце вечности, где им посчастливилось побывать, он сказал, что рад, что меня не было с ними. Потому что он не хотел бы, чтобы я хоть что-то в себя оставила, признала неправильным, ненужным. Но думаю, его суждение обо мне всё же неполно. Не бывает такого человека, которому нечего в себе было бы подвергнуть строгой редакции, пересмотреть и, возможно, отринуть. Но вообще-то, кое от чего я именно отказалась. И это не жертва, не какой-то болезненный перелом, не более, чем отказ от одежды, из которой ты вырос... Я отказалась от своей прежней жизни, жизни девушки из богатой семьи, всем обеспеченной, не имевшей проблем. Я была обласкана богом с самого детства, на самом деле, у меня была прекрасная семья, любящая, счастливая, и при том не знавшая материальной нужды и всех тех печалей, которые она так часто несет. Я понимаю, что очень многим обязана именно этому факту, что я сформировалась именно так потому, что меня ничто не ломало, у меня было всё, что могло быть мне нужно. И всю жизнь я не видела в этом ничего неестественного. Всё-таки, ведь с Сэлом для меня не шла речь о том, чтоб жить на съёмных квартирах и голодать, моя семья не отказалась бы от меня. Я это твёрдо знала и даже не рассматривала такой вариант. Мы оба могли остаться собой и всё же быть вместе. Если бы Сэл этого хотел, конечно... Но там, на Арнассии, на Брима... особенно на Брима... я многое переосмыслила. Я увидела, что делает с некоторыми богатство, знатное положение. То есть, не то чтоб я не видела этого раньше. Среди друзей семьи были разные люди... И отец с матерью рассказывали мне достаточно историй, чтоб знать — деньги и власть очень даже портят людей. Ну, разумеется, это никогда не касалось меня и моей семьи, это всегда было где-то, и было как будто каким-то отвлечённым моральным вопросом, то есть, я верила, что это просто люди такие, а положение в обществе тут ни при чём. Я видела, может быть, не так много бессовестных, мерзких людей, такие в окружении нашей семьи не задерживались. Но я видела много людей поверхностных, легкомысленных, верящих, что данное им в жизни они действительно заслужили, они такие хорошие, ну а у кого всего этого нет — видимо, чем-то бога не устроил. В полной мере на Брима я осознала, как комфорт развращает души людей, делает их самодовольными, ни к чему не стремящимися. Я была в тюрьме. Я питалась какой-то дрянью, спала на земляном полу в шкафах, у меня не осталось своей одежды, мне нечем было мыть голову... Я поняла, чего стоит человек на самом деле. Там, на Брима, я оставила последнее, что связывало меня с прежним моим образом, символ, переросший себя, переросший мою сентиментальность, которой суждено было стать взрослым вопросом, мой детский протест, ставший взрослым протестом. Можно сказать, я вернулась сюда голой — всё, что на мне есть, подарено мне. Заслужено мной. Мать учила меня чего-то стоить, Арнассия, Брима, весь пройденный нами путь учил меня. Меня спрашивали, собираюсь ли я отказаться от отцовской фамилии —

конечно, нет. Моя фамилия, мои родители — это свято для меня. Но я отказываюсь от тепла и покоя родного дома, который действительно много значил для меня... От комфорта. Я начала свой собственный путь, и как бы тяжело мне ни было — я буду идти самостоятельно.

Бережно притворив стеклянные створки, Андрес вышел в сад. В свободные минуты он нередко выходил сюда — если многим, как он слышал, тихий шелест листвы и журчание ручьёв помогали успокоиться, прояснить и упорядочить мысли, то ему, пожалуй, нравилось, что здесь у него мыслей почти не было. По крайней мере, явных, ощутимых. К тому же, сад — не самое многолюдное место, и здесь он на какое-то время был избавлен от тревожного фона мыслей, которые резонансом усиливали его тревогу, и так не засыпавшую все эти дни даже ненадолго. Действительно ли это было предчувствием новых бед, или просто вымотанные ещё до этого нервы?

За деревьями он услышал голоса, а завернув по тропинке, увидел ползающих между корнями деревьев минбарку и дрази. Зрелище настолько потрясло его, что он остановился как вкопанный.

— Здравствуйте, леди. Потеряли что-то?

Шин Афал взглянула на него со смесью интереса и неприязни. С одной стороны, вызвала невольное уважение способность на глаз отличить женщину-дрази от мужчины — с Штхиуккой он едва ли был знаком, с другой, как-то теперь нужно найти возможность и слова объяснить ему, что Штхиукке неприятно, когда её называют в женском роде.

— Нет, всё в порядке, мы просто беседовали о цветах, — Штхиукка указала на поросль сейхтши между корнями ближайшего иэтшо.

— Этих? Э... а можно повторить для меня? Не столь давно примерно здесь же я споткнулся о заросли этих самых цветов, стало интересно, даже пошарился в справочнике, но, по правде, мало что понял... Меня, кстати, зовут Андрес Колменарес.

— Это честь для нас, Андрес Колменарес, — церемонно поклонилась Шин Афал, не поднимаясь с земли. Теперь уже Штхиукка посмотрела на землянина с нарастающим неудовольствием — уж не клеится ли он, часом? — строго говоря, споткнулись вы не о заросли, а о грибницу, она порой так оплетает верхний слой дёрна... Это сейхтши, его ещё называют Валенов корень...

— А, так вот это он? — Андрес взялся за крайний стебелёк с намереньем сорвать цветок и вырвал его с корнем, — ой... Нда, как-то вы нелестно о Валене-то...

Шин Афал посмотрела на него непонимающе, Штхиукка невольно прыснула.

— Вы невозможный человек, Андрес.

— Да, мне говорили...

— Вообще-то это довольно сложно — вырвать сейхтши с корнем, потому что его корневая система может простираться на метры вокруг. То, чему вы так улыбаетесь — это только часть корня.

— Вот как...

— Сейхтши отличается множеством интересных свойств. Одно из них мы обсуждали как раз незадолго до вашего появления. Все вот эти цветы — это всё сейхтши, хотя форма и цвет их стеблей и цветков сильно различает. Это символизирует наше единство. Все мы разные, но это только на внешний взгляд, есть то, что, пусть и не видно глазу, но объединяет нас всех. Кроме того, сейхтши — растение, в равной степени ценное для всех трёх каст. У воинов медики используют его в фармацевтике, жрецы используют в церемониях, а мастера

— для приготовления красок.

— Потому и называют Валеновым корнем? Потому что, как учение Валена, объединяет касты?

— Да.

— Круто... — Андрес вдумчиво понюхал сорванный цветок, — даже жаль, что на Земле чего-то такого нет... Хотя может, и есть, в ботанике я не особенно силен. Первый раз заинтересовался ботаникой, кстати, я уже в космосе, точнее, на Лорке, когда прихватил там один местный цветочек... Насколько знаю, он ничего особенного не означал, просто рос там среди камней, такой сиротливый, чахлый... Мне его стало жалко, я подумал — чего хорошего ему тут расти? Выкопал, посадил в горшочек, решил, подарю Виргинии, когда мы её наконец найдём... За время, пока искали, он, кстати, неплохо так разросся... Зацвёл, сперва так себе, робко... Но окончательно покорила меня этот цветок тем, что за то время, пока «Белая звезда» стояла на космодроме бреммейров, он не сдох! Я, конечно, прикрепил там к нему поливалку вроде капельницы, потому что сам грешен забывать поливать... Но как-никак, это не дни, месяцы! Может быть, конечно, закалился уже, пока рос на камнях и песке...

— Если у этого растения и не было символа, вы сами создали его, — улыбнулась Шин Афал, — так Виргиния получила свой подарок?

— Ага. Стоит теперь в её комнате, создаёт хоть какой-то уют... Нарвать себе, что ли, Валенова корня букет, пусть символизирует... Да, отличное растение, про нас всех. Основа вроде как одна, а поди угадай, что вырастет...

За прошедшее время шиМай-Ги научилась читать эмоции на сдержанных лицах минбарцев, и сейчас эти лица не говорили ей ничего хорошего, ничего утешительного.

— Он умирает? Умирает?

— Сожалею. То, что он пережил... невозможно пережить, даже для очень сильного человеческого организма. А организм Майкла был и так ослаблен болезнью, которая привела его к слепоте.

— Ничего нельзя сделать? Совсем ничего?

— Это тот случай, когда мы и рады бы дать какую-то надежду, но её нет. При максимальном уходе он проживёт ещё, быть может, неделю... но едва ли ещё выйдет из комы. И честно говоря, мы не видим смысла в том, чтоб обрекать душу мужчины, воина на дополнительные страдания в теле, которому уже не жить и не стоять в строю...

Тучанк повернулась к Маркусу, как к тому, кто, из собравшихся, был, по её мнению, наиболее влиятельным лицом.

— Позвольте мне! Я знаю, я смогу! Я должна забрать его на Тучанкью!

— Зачем, Май? То есть, если вы хотите сказать... что хотели бы, чтоб он был погребён на земле, где вы встретились... — Маркус сглотнул. Говорить это было тяжело, особенно тяжело сейчас. Беда не ходит одна...

— Нет! Там я смогу спасти его!

— Разве уровень вашей медицины...

— Не медицины, — тучанк нетерпеливо переступила с ноги на ногу, как никогда, слова чужого языка давались ей с трудом, так мало было подходящих эквивалентов, так не хватало понятий, — на моей земле... есть способ иногда спасти умирающего... Это древняя легенда... Не все верят, но когда-то давно, во времена ещё до пришельцев — все верили...

Песня Вереска...

Маркус аккуратно взял разволнованную тучанку за плечи и усадил на скамью, успокаивая.

— Есть в болотах... Самых больших болотах нашего мира, окружённых самыми большими полями вереска... Великое Древо... Оно не подобно видом вашим деревьям, и не подобно свойством. Очень сложно найти его в туманах болот. Но кто верит, кому необходимо — тот найдёт. Оно огромно, кроны его уходят к небу, ветви его свисают шатром до земли, корни его доходят до сердца мира. В коре его глубокие большие трещины, внутри сердце дерева... нутро... подобно желе... Тот, кто хочет спасти своего умирающего, приносит его к Великому Древу и погружает в его нутро. Если умирающий силён духом — Древо поднимет его своими соками по стволу к кронам, туда, где обитают духи, и духи решат — этому храброму жить... И тогда Древо роняет на землю плод, и когда этот плод раскалывается — из него встаёт умиравший, но живой. Он может быть иным видом, но это он, его память, его душа. Май-Кыл сильный, Древо вернёт его к жизни! Я прошу вас дать мне корабль, какой может вести тучанку, и позволить увезти Май-Кыл на мою родину!

— шиМай-Ги, вы действительно верите в это?

— Буду верить, пока он дышит! У него очень глубокий сон сейчас, да, но ваши люди не боятся сна, они встают от сна крепкими и бодрыми. Май-Кыл тоже встанет!

— Но может быть... даже если легенды правы... Он ведь не тучанка, подействует ли на него?

— Пусть летят, — встрял Зак, — это её право, он её муж. Если она и не спасёт его — мы-то не спасём точно.

— Великое Древо — любовь нашей земли к нам! Май-Кыл любил нашу землю, значит, и земля полюбит его. Я сама войду с ним в нутро Древа, и буду держать его, и либо вместе уйдём к духам, либо вместе восстанем — не знаю, какими, но едино живыми.

— Может быть, переродится в тучанку... Дайте им корабль, самый быстроходный, и пилота. Вера должна жить.

— Я надеюсь, нет, я хочу, чтобы у них всё получилось. Иначе всё слишком бессмысленно и несправедливо. Он не должен умирать, не сейчас, не так. Слишком много смертей...

— Нам ли это говорить, Афал? — Дэвид продолжал, сдвинув безволосые брови, смотреть на покачивающийся на воде у его ног лист лилии, — будто вселенная спрашивает нас, чего бы мы хотели... И слава богу, наверное, что не спрашивает, а то бы мы, пожалуй, нажелали. Там, на Арнассии, на Бримае, погибло ведь вообще очень много народу. Погибло в то время, когда мы и не ведали об этом. А побывав на Тучанкю, увидев то, что мы видели... Начинаешь понимать тех святых, которые в молитвенном стоянии каждую минуту поминают какую-нибудь неизвестную душу, в эту минуту отходящую в мир иной.

— Мне кажется, мы только сейчас на самом деле вернулись с Тучанкю... Ты знаешь, что завтра планируется торжественный прощальный обед?

— Для кого?

— Для нашей команды, конечно же. Тучанки прислали свой ответ — они вступают в Альянс, и выражают огромную благодарность всем нам... Особенно вам, тебе и Диусу...

— Не думаю, что большую, чем тебе, Афал, ведь твои песни, которые они называли целительными...

— Перестань, они и тебя, как помнишь, слушали с огромным интересом и удовольствием. В общем, почти вся команда разъезжается по домам. Сумана уехала, правда, ещё вчера — дела семьи потребовали её присутствия срочно... Фрайну Такате тоже не терпится вернуться домой — оказывается, та женщина, что его разыскивала, это его возлюбленная. Вдали от него она поняла, что её чувства к нему сильнее, чем она думала, и она больше не хочет терять времени. Ну, и с ним, видимо, произошло что-то подобное же... В общем, кажется, Таката намерен жениться... Ну и да, шиМай-Ги и Майкл, как бы хотелось мне верить, что они долетят, что смогут, что мы услышим о них ещё, хоть и абсурдна, наверное, такая надежда...

— Значит, и...

— Нет, я сказала — почти все, но не все. Пока здесь остаются Рузанна — по её просьбе принц занялся поисками её родственников с Девоны, и до окончания этой его работы она будет здесь, связь с Тучанкью-то ведь... сам помнишь... и доктор Чинкони — он намерен, пользуясь случаем, приобрести кое-какую литературу, посетить некоторые лекции... В общем, восполнить вынужденное отставание в профессиональной жизни. Ну, и Штхиукка пока тоже остаётся здесь. Нет, у неё никаких особых надобностей нет, просто мне хотелось бы, чтобы она пока оставалась здесь.

— Вы очень подружились, я понимаю.

— Одной только дружбы было бы мало, чтобы удерживать кого-то рядом из одного только своего желания, — краем сознания Шин Афал отметила, что эти слова, в какой-то мере, относятся и к ним с Дэвидом, — просто я... Мне тяжело сознаться, но я боюсь за неё.

— Афал, — Дэвид взял девушку за руку, — в последнее время мы... маловато говорим, маловато делимся друг с другом своими переживаниями, а когда-то, в детстве, это было само собой разумеющимся. Да, конечно, тому есть причины — мне не хотелось обрушивать на тебя свои проблемы, которых ты всё равно не можешь решить, и ты, возможно, чувствовала то же самое... Но если тебе будет легче от того, что ты просто расскажешь — думаю, будет хорошо, если ты сделаешь это сейчас.

Минбарка покачала головой.

— Не знаю, Дэвид, не знаю... Всё сложно. Всё, видимо, всегда сложно в этой взрослой жизни. Я всё время боюсь, что поступаю неправильно. Я боюсь говорить об этом с учителем Шайенном, боюсь, что он скажет, что я поступаю наихудшим образом из возможного, но ведь именно так мне и хочется поступать. Мне кажется, так велит мне сердце, но ведь может быть и так, что оно велит недоброе. Я верю ей... самое страшное, что я верю ей. И внутри себя, и в наших разговорах говорю — ему. Но я не могу отринуть и забыть то, что неправильно так говорить. Неправильно считать себя умнее Вселенной... Я знаю, что я не решу её проблем с самоопределением, и наверное, я делаю для неё хуже, невольно укрепляя её в ошибочно выбранном пути, но мне просто хочется, чтоб она... как можно дольше прожила с ощущением безопасности. Здесь, на Минбаре, хоть многие осудят её и мало кто поймёт, но, по крайней мере, ничто не угрожает её здоровью и жизни. Дрази — народ, обладающий множеством прекрасных качеств, но они очень медленно меняются, и у них просто быть такой, как она — по-прежнему преступление против общества и религии. То, за что у нас получишь только осуждение, упрёк, что позволил себе так крепко запутаться, был невнимателен в учениях и церемониях, там... там преступление не против себя, против всех. Но ведь это не преступление, это её несчастье! Таким нужно помогать, а не сажать в тюрьмы и уничтожать...

— Дрази — очень мужественный народ. Видимо, вместо того, чтоб лечить больной палец, им проще его ампутировать.

— Да, и это очень печалит меня... Они должны бы стремиться помочь таким, как Штхиукка, и не принудительными браками или медикаментами, которые, по сути, подавляют их личность, как наркотик, они должны помочь им осознать причину их дисгармонии, помочь принять... Но как мне самой принять, после того, как что-то во мне надломилось, тогда, в ту ночь, когда мы едва не лишились жизни? И позже, во всех наших разговорах... Я не лгу, говоря с нею — он, и называя её тем именем, которым она называет себя. Но не лгу и сейчас, говоря с тобой. И не знаю, как могут жить во мне эти две не-лжи, и что мне сделать, чтоб они не разрушили меня. Наверное, только уничтожить одну из них... И я понимаю, какую — правильной. И для меня, и для неё. Но всё во мне восстаёт против этого... Я хотела бы пройти с Штхиуккой некоторые церемонии, которые проходила сама девочкой, почитать с нею вместе тексты наставниц и поэзию, посвящённую женской душе и красоте её проявлений, может быть, это поможет ей... И мне. Потому что не может оказать помощи тот, у кого самого в душе разлад. Я ведь раньше и не задумывалась, что такое вообще бывает. И тем более не могла представить, что таких, как Штхиукка, много... А она рвётся домой, вернуться к прежней работе по борьбе за их права, за перемены в законах мира...

— Если даже ты поможешь одной только Штхиукке, это уже будет помощь, Афал. А вернувшись, она сможет помочь и остальным. Объясни ей, что это будет лучше, пусть будет ещё отсрочка, зато она сможет более качественно помочь тем, с кем у неё одна беда.

— Спасибо, Дэвид, я знала, что ты меня поймёшь и дашь добрый совет. Признаться, это стало очень важным для меня. Там, на Тучанкью, в Су-Агай, я... Я почувствовала, что мир в моих глазах качнулся и перевернулся. Верно, встреча со смертью многое может менять в нас... Но чтобы так? Мир изменился, допустив то, что было невыносимым, но знает ли сам мир об этом? Как всему миру сказать, что он не таков, каким себя считает, что неизменные константы больше не неизменны? Допустимо ли одной личности восставать против мира? Хотя, теперь не одной... Так получилось, что, когда я пыталась, как я думала, вытащить Штхиукку из пропасти, она стянула меня к себе. И выберемся ли теперь мы обе? И позже, когда Штхиукка рассказывала мне об обычаях дрази... Знаешь, у них женщину от мужчины отличить очень сложно с самого рождения. Когда ребёнок рождается, его осматривают специально подготовленные... не знаю, как назвать, старейшины, жрецы или врачи, их называют Ведающие или Мудрейшие. Они по каким-то им одним известным признакам определяют, мальчик это или девочка. И... это ведь приговор на всю жизнь. Могут ведь они... хотя бы иногда... ошибаться?

— Ну... ведь даже если ошибутся... Потом ведь ошибка выяснится — на медосмотрах, ну и просто, брак, роды? Внутренне же они различаются, хоть внешне и не заметно.

Шин Афал покачала головой.

— Как знать... До трёх, или даже пяти лет ребёнка не показывают врачам, это считается совершенно ненужным, если ребёнок окажется слабым и больным и умрёт — то так тому и быть. А дальше... Питание мальчиков и девочек, условия их жизни в период интенсивного роста резко отличаются, возможно, это оказывает влияние на формирование гормонального фона, известны утверждения, что мальчик вырос недостаточно сильным и мужественным или девочка недостаточно женственной и поздно созрела для брака потому, что недополучили каких-то веществ...

— Ты думаешь, изначально они гермафродиты, но различные условия вызывают

доминирование у организма признаков того или иного пола? Смелое утверждение. Наверное, если б это было так, об этом лучше знать самим дрази, чем нам тут.

— Знаю, но мне кажется, не лишённое логики. В фауне многих миров можно найти примеры животных, способных менять пол в зависимости от условий окружающей среды, от преобладания особей того или иного пола в окружении, иногда просто от температуры воды или воздуха. В некоторых, не самых популярных мифах дрази есть упоминания о божествах-гермафродитах, о случаях партеногенеза... В частности, наиболее почитаемое на Захабанае божество Дрошалла хоть и именуется в мужском роде, нет никаких свидетельств, что оно было именно мужчиной. К тому же, Дрошалла не создавал дрази, он лишь принёс им свет знаний, «сделал их головы ясными, дал понятия». Возможно, Дрошалла разделил дрази на два пола, а до этого они существовали дикой первобытно-племенной общиной, хотя и это домыслы... Всё это угнетает меня, Дэвид. Одно дело помочь Штхиукке осознать и принять свой пол, данный ей Вселенной, определённо, не для мучений, а для радости, и совсем другое — заставить её просто примириться с решением, которое было принято относительно её жизни другими.

— Мы все время от времени принимаем то, что решено за нас другими.

— Это, конечно, верно. Но в нашей жизни эти решения не касались... подобного. И, сам знаешь, когда речь о чём-то действительно важном, решение можно оспорить. Может быть, если Мудрейшие когда-то ошиблись на её счёт, и теперь она поняла это, в этом есть смысл, хоть пока он и не понятен нам... Недавно мы именно об этом, кажется, говорили втроём с Андресом, обсуждая сейхтши. Он был прав, говоря, что этот символ не только для Минбара, для многих. «Неизвестно, что из него вырастет». Если мы будем целенаправленно поливать грибницу в каком-то месте специальным составом удобрений, вырастет такой цветок, как мы хотим. Но живое, разумное существо — не цветок, если оно, будучи удобряемо по заведённому регламенту, вроде и выросло таким, каким хотели — можем ли мы считать, что оно на самом деле таково?

Джек с минуту тупо смотрел в экран, с которого на него взирала до боли знакомая физиономия, которую, как он думал, он больше не увидит никогда.

— Кто-то говорил, что мы похожи. Кто-то из лорканцев раз спутал нас, это было уже на материке. Ну и что, я тоже их путал всё время, даром что столько вместе прошли... Что ни говори, наружность у меня тривиальная, у него тоже...

— Эти файлы рассекретили одними из последних, но и тогда по простому запросу о восстановлении родственных связей к ним не обращались. Требовалось прицельно искать именно в них, а для начала о них надо было хотя бы знать. А чтобы найти информацию о происхождении каждой из персон, нужно просмотреть файлы всех приёмников в поисках определённых кодов. Так уж вываливать всю подноготную, как видите, корпусовские не торопились. На что вообще вы надеялись, отравляясь в путь с информкристаллом с детскими фото и видео?

Джек опустил голову.

— Он сражался в этой войне вместе с нами, — проговорил он сквозь прижатые к лицу ладони, — потому что пришлось... Потому что нам всем пришлось... Потому что только вместе, все заодно, сражаясь, побеждая, мы могли надеяться на возвращение. Могли надеяться просто остаться в живых... Он вместе с нами выжил в снегах и болотах Северного континента, где повезло упасть нашему кораблю после коварного выстрела чудовищ,

которые узурпировали власть на Бримере, которые обманом заманили в свою ловушку сначала Виргинию, потом капитана Ли и лорканского генерала... Он вместе с нами на захваченном корабле лагерных надсмотрщиков пересёк океан, уцелел в диком крошечном морском сражении... Он вместе с Северным сопротивлением прошёл эту войну, прошёл половину Южного континента — к столице, к последнему сражению, к победе... И умер уже после победы, отдав свою жизнь за парня, которого даже не знал. Может быть, потому, что не хотел возвращаться для суда и тюрьмы, может быть, потому, что ещё в Колодце Вечности говорил, что смерть заглянула ему в лицо... А может быть, потому... Насколько я мог судить о его настроении, состоянии, то время, пока мы шли одной дорогой... Знаете, наша одежда, в которой мы улетели, за эти месяцы окопов, сражений, холода, крови пришла в негодность, поэтому все мы по возвращении выглядели довольно странно... И вместе с устаревшей, грязной и изорванной одеждой что-то ещё сгорело в пламени тех костров. И у Виктора, кажется, было ощущение, что он живёт уже вторую жизнь... Какую-то другую, где он — совсем не он... И эта другая жизнь не могла закончиться так, как первая.

Винтари не прерывал. Сложно представить себе, что чувствует человек, получивший от судьбы ещё одну, вот такую, пощёчину.

— Я всё думал... Все эти дни и месяцы там думал — кто он, какой он, ведь они ж не дождалась нас, ведь улетели, последний шанс я упустил. Да может, и хорошо — ну что я сказал бы ему? «Здравствуй, я твой брат, извини, что только сейчас, всю жизнь занимался чем угодно, только не тебя искал»? А вот теперь что бы сказал? «Хорошо, что мать не дожила, не узнала»... Жаль только, что я дожил, узнал, чего стоили все её поиски, звонки, запросы, потраченные деньги, выплаканные глаза, её вера... Что думать теперь — как же жаль, что мы не удовлетворились неточными вариантами с давно погибшими нелегалами — пусть бы не знал я точно, кто это из них? Может, и хорошо, что мне ни слова ему уже не сказать. Не нашёл бы я слов. До трёх лет его Бобом Харроу звали. А потом у него всё отняли — и имя, и свободу, и достоинство человеческое.

— Не всё до конца отняли, — покачал головой Винтари, — что-то человек, в самой тяжёлой борьбе с самим собой, бывает способен отстоять. Пусть и погибнув в этом сражении — но погибнув, сжимая древко стяга, водруженного над захваченной цитаделью врага.

Джек перевёл взгляд на него.

— Вы... вы сказали, что беседовали с мисс Карнеску. Не знаю, правильно ли вас просить... Да и должна ли она прямо вас послушать... Я бы тоже хотел с нею поговорить. Она ведь была близка с ним. Видимо, это моё проклятье такое — всегда опаздывать.

— Думаю, говорить, что вы везде опоздали, неправильно, покуда вы ещё живы. Может, таким образом жизнь просто пощадила вас и его. Всё же, действительно, то, что испытывали бы вы, стоя лицом к лицу, когда узнали бы правду, мало назвать неловкостью. Не знаю, утешитесь ли вы тем, что он не умирал несчастным человеком. А ваша жизнь в любом случае не закончена с вашим поиском.

===== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 5. Об ушедших =====

К дому Маркуса и Сьюзен Наташа Зотова шла, можно сказать, на автопилоте, глубоко погружённая в свои мысли. Да, кое-что это значит — три года выброшены из жизни... И теперь как-то нужно наверстать, уложить в голове всё то, что они, в своём безумном полёте

через время, пропустили, тех людей, которых они потеряли за то время, когда, казалось, только закрыли и открыли глаза...

Больше нет президента. Понятно, что это должно было однажды случиться, но точно не сейчас, точно не так, в порядке устаревшей новости... О нём чаще говорят не «умер», а «ушёл», видимо, и те, кто живут с этой новостью месяца, поверить и принять — не могут. Есть люди, которых немислимо хоронить. Ни сейчас, ни через 20, 30 лет. Словно вдруг рухнула стена, которая казалась нерушимой основой, и невозможно даже представить, как жить без неё. Кто-то может представить другого президента у Альянса, другого руководителя всего, что было таким немислимым трудом выстроено... А она, увы, пока нет.

Больше нет Сьюзен. Не в таком смысле, конечно, она жива... Но ведь и президента никто не видел мёртвым. Так что в сущности, сопоставимо — она отбыла в неведомый, далёкий мир, и вернётся ли когда-нибудь? Этого никто не обещал. И это ещё одна рухнувшая, казавшаяся незыблемой константа — то, что Сьюзен и Маркус смогли расстаться. Они были, пожалуй, лучшим образцом по-настоящему счастливой семьи. Такой, каких, кажется, на свете не бывает. Не так, как у президента и Деленн, отношения которых казались чем-то неземным, ожившей легендой, а нечто ближе, человечнее... Как подумаешь, сколько раз ещё мог расколоться и опрокинуться мир за эти три года, что ещё придётся как-то уложить в своей голове, хочется просто скрыться от всего, ничего не слышать, ничего не знать. И, кто бы что ни говорил, действительно — или она сумеет принять и понять мир новым, или уходить из анлашок, а куда, к чему... Не хочется и думать.

И поэтому, как ни немислимо и больно, она идёт к бывшей квартире Маркуса и Сьюзен. Увидеть её без тех, кто там жил. Да, там остался Уильям... Но его она, в общем-то, тоже не знала. Это уже совсем другая семья, и перспектива увидеть живого дилгара — это уже даже не самое удивительное, в общем ряду.

Открыл, по всей видимости, именно он, Ганя. Всплывшее в сознании имя тоже резануло, не то чтоб больно, но чувствительно. Сьюзен очень редко говорила о своём брате, зато уж если говорила — это оставалось в памяти навсегда. А теперь это имя носит ребёнок с узкими вертикальными зрачками. Он довольно хорошо говорит на земном, от чего впечатление ещё более странное...

Уильяма она увидела в зале, сидящего на ковре на полу с кубиками. Судя по напряжённому, сосредоточенному лицу ребёнка, что-то у него с этими кубиками не получалось.

«Сейчас уже можно смотреть и сравнивать, на кого из них он больше похож. А вместо этого думаешь, что правы были те, кто говорил, что невозможно совместить анлашок и семью. И как об этом не думать теперь...»

— Нет, Уильям, это не дилгарские значки, — проговорил необычный ребёнок, заметив, что малыш пытается складывать слова с помощью минбарских дополнительных символов, — только похожи, не они. Дилгарских кубиков вообще нет, в природе...

Уильям поднял расстроенный взгляд, в котором ясно читалось «ну так сделай, кто тут старший брат-то?». Наташа подошла к ребёнку и случайно бросила взгляд за приоткрытую ширму в соседнюю комнату, где темноволосая женщина, покачивая колыбельку, вполголоса напевала.

Занимались знамёна

Кумачом последних ран,

Шли лихие эскадроны

Приамурских партизан...

Выговор у женщины был откровенно не земной, кажется, не все слова в песне она понимала. Значит, это и есть Лаиса, центаврианка, воспитывающая теперь маленького Уильяма...

— Э... Необычная колыбельная...

Женщина повернулась, улыбаясь, приложила палец к губам, потом пояснила шёпотом:

— Традиционная колыбельная семьи Ивановых. Ганя выучил её от Сьюзен, научил меня...

— Ганя? — гостья растерянно посмотрела на дилгарёнка.

— Я счёл своим долгом выучить её, — с достоинством пояснил тот, — мать Сьюзен пела эту колыбельную Уильяму, как когда-то пели ей в детстве.

Наташа растерянно присела на низкий диванчик. Она помнила его, Софья и Талечка сидели на нём и кидались друг в друга маленькими воздушными шариками, когда она в последний раз была здесь в гостях. Что же сейчас так сдавливает сердце — необходимость привыкнуть, что они больше не выйдут ей навстречу, или вот это, эта песня? Есть то, что незнакомая центаврианка знает о Сьюзен, а она не знает, и не смогла бы узнать, если б не эти инопланетяне...

Лаиса вышла в зал, притворив дверь.

— Ганя, принесёшь госте чаю? О, ты уже...

Наташа поймала себя на том, что отчаянно комкает руки.

— Вы, наверное, хотите сейчас спросить, с каким вопросом я к вам... А я сама не знаю. Я с «Белой звезды-60», видите ли... Мы вернулись, как мы считали, очень быстро, а оказалось, что три года выброшены из жизни. Три года и очень много того, что было мне дорого... Я даже не знаю, много ли осталось. Мне надо как-то привыкнуть к этому, но я не знаю, можно ли к такому привыкнуть.

— Сьюзен была, вероятно, вашей подругой?

— Не знаю, подругой ли... Я б сказала, что скорее она была мне как мать, но она всё же слишком молода, чтоб быть мне матерью. Правильнее, как старшая сестра. Просто я сама русская, не знаю, понятно ли это вам... Центавриане ведь уже куда меньше делятся на национальности, чем земляне. Она очень поддерживала меня... Нет, не то чтоб у меня в жизни случилось что-то очень уж плохое, чтоб мне нужна была поддержка, это я сама такой человек...

— Успокойтесь, прошу, вы ни в чём не должны передо мной оправдываться. Любому человеку нужна поддержка...

Наташа приняла из рук дилгарёнка чашку и какое-то время просто рассеянно всматривалась в медно-золотистую жидкость.

— Я просто восхищалась ими, Сьюзен и Маркусом. Все говорят, что это невозможно совместить рейнджерское служение и семью. Я так счастлива была за них, что им это удалось. Нет, я сама не мечтала так... Я была именно рада за них. Сьюзен — великий человек. И Маркус тоже... Здесь так многое напоминает о них, о тех временах, которые для меня совсем недавние, а теперь оказывается, что они прошли давно и безвозвратно... И в то же время столько нового. И не просто другие люди пришли на место тех, кого я знала... Те, кого я знала, тоже стали другими людьми. И эта песня... я знаю её, она что угодно, но только не колыбельная... Но это не важно, конечно. Мне так грустно, что я не увижу их... прежними... Мы потерялись во времени на три года. И я всё ещё не уверена, что нашлись.

Лаиса с робкой сострадательной улыбкой положила ладонь ей на руку.

— Представляю, что вы пережили... Точнее, не представляю, конечно. Я немного слышала о вашей истории, и честно говоря, мне стало жутко. Знаете, в моём мире есть легенды... и в вашем тоже, да во многих мирах, наверное, есть... О том, как герой заходит в гости к странным незнакомцам, или просто засыпает в лесу, и возвращается домой, как он думал, через день или два, а оказалось — через 50 или 100 лет. И все его родные умерли, и его дома больше нет, на развалинах растёт густой бурьян... Так что, как ни неловко это говорить, вам ещё повезло...

Ещё за дверью Андрес услышал громкую, экспрессивную речь принца.

— А мне плевать, какие трудности у вас там со сбором информации! Если я сказал, что мне нужны эти данные срочно — значит, они должны были лежать у меня на столе ещё вчера, и сейчас я даю вам последний шанс заглазить эту оплошность! Я плачу вам, мне кажется, достаточно, чтобы проблемы с расшифровкой записей этого торговца не были для вас проблемами! Ладно, присылайте их так. Видимо, на Минбаре, по-вашему, найти переводчика с голианского проще... Но имейте в виду, это не лучшим образом отразится на вашем вознаграждении!

Андрес улыбнулся и постучался.

— Войдите. А, это вы... — Винтари нервно пригладил растрепавшиеся волосы.

— Я вижу, ваше высочество занято?

— В общем-то, уже нет. К моему большому сожалению, я не могу пока... быть занят этим вопросом в большей мере. Люди на Девоне, имеющие некоторые долги к моему роду, имели их столь долго, что... видимо, привыкли, и считали, что эти долги никогда не взыщутся. И что одно только то, что они разыскали дом и контору того торговца — сам он, конечно, давно умер — и получили его бумаги, это с их стороны огромный подвиг... А другие считают, по-видимому, что стоят настолько дорого, что то вознаграждение, которое я им предлагаю, стоит лишь того, чтоб едва-едва шевелиться, регулярно прерываясь на полуденную сиесту... Впрочем, не важно.

— Не беспокойтесь, принц, вы не сказали лишнего. И дело не в том, что я телепат, но уважение к чужим секретам у меня есть. Леди Талафи — ведь речь о ней? — рассказывала, в какой области вы оказываете ей помощь. Она говорила о том, что, возможно, ей потребуется и наше содействие — если окажется, что её родственники были проданы в какие-то далёкие миры. Согласие руководства я получил, шёл сообщить об этом леди Талафи, но её с утра нет... Да, ещё одна трагедия «Белой звезды-44» — мы потеряли единственного известного мне человека, который ещё немного помнил голианский...

— Вы о Рауле? Да... Я встречал в своей жизни мало голиан, но все они были мерзковатыми созданиями. Очень жаль, что я не успел познакомиться с приятным исключением.

— Ну, сама Раула считала себя, так сказать, голианкой наполовину, воспитывали-то её люди... Кстати, о человеческих воспитанниках. Я тут с некоторым удивлением заметил — или, может быть, ошибся? — что, хотя вы снова проявляете интерес к общественной жизни, политической жизни это не касается. Хотя я могу вас понять, вам, наверное, всё-таки тяжело...

— Вы о чём?

— О выборах. Было решено — и думаю, правильно решено — что нет никакого смысла

далее заставлять работать первых помощников в авральном режиме.

— Вы о выборах президента? Я слышал о них. Но я-то тут при чём? Центавр всё ещё не член Альянса, и его граждане в выборах не участвуют. Насчёт рейнджеров, правда, не знаю, но я, в любом случае, и не рейнджер.

— У вас что, спам-фильтр в почте косо настроен, и до Дворца Собраний вы так и не дошли?

— По поводу?

— По поводу гражданства, высочество! Вы к этому году, если у нас с вами проблем с арифметикой нет, уже десятый год живёте на Минбаре, и имеете право на получение минбарского гражданства. Ну да, не все эти десять лет вы безвылазно сидели здесь, но кто придираться-то будет? Нет, если вы беспокоитесь, что это отменяет ваше центаврианское гражданство, то это вовсе не так...

Винтари подскочил.

— Постойте. Вы ведь во Дворец Собраний сейчас? Я с вами, пожалуй.

— Простите. Я показалась вам, наверное, полной дурочкой.

Лаисе подумалось, как сложно, наверное, жителю любого мира определять возраст инопланетян. Пусть и столь похожих на них самих... Эта женщина, возможно, ей ровесница, но сейчас кажется маленькой девочкой. Наверное, из-за пухлого, мягкого лица. Обладатели резких, прямых черт часто кажутся старше.

— Не нужно так говорить. Вряд ли кому-то было б легко на вашем месте. Но насчёт того, чтоб уйти... Может быть, не мне здесь советовать, я не разбираюсь... Но не стоит так торопиться. Может быть, вам стоит... ну, взять отпуск? Если такое возможно у вас? Привести мысли в порядок после пережитого, куда-нибудь съездить... Например, домой, на Землю?

— Меня там никто не ждёт.

— Ох... жаль, если так. Но всё равно, мест, куда можно съездить отдохнуть, во вселенной много. Я сама, правда, нигде не была... Ну, в любом случае, не может быть, чтоб без нескольких конкретных людей вам больше было не нужно было само дело, которому вы посвятили несколько лет своей жизни. Ведь это, наверное, когда-то была ваша мечта... Как вы решили вступить в анлашок?

Чай был давно допит, но Наташа всё не выпускала чашку из рук, кажется, просто забыла о ней. Вероятно, ей просто отчаянно хотелось деть куда-то руки, вот она и сжимала ими аккуратное керамическое изделие в форме чашечки какого-то цветка.

— Сложно даже сказать, как решила... Это само как-то внутри оформилось. Я рано потеряла родителей...

— Соболезную.

— Да ничего, я это просто к тому, что мне не с кем было советоваться по выбору, кем быть. Да и никому это не было интересно. Ну, это был год правления Кларка, таких, как я, было много. Мои родители не были какими-то преступниками, бунтовщиками, они были самыми обычными людьми. Просто однажды мой отец как всегда уехал на заработки в другой город и больше не вернулся, а вскоре и маму арестовали, и больше я её не видела. А меня забрали в приют. Я ни с кем не говорила об этом. Ну, о том, что мои родители ни в чём не виноваты. Как-то поняла, что бесполезно. Что одни из окружавших меня людей и сами всё это знают, а другим нет смысла что-то доказывать, им спокойнее думать так.

— Я немного знаю об этом... страшное было время.

— Ага. Я же говорю, таких как я было много. Людей иногда просто арестовывали для того, чтоб показать начальству, что с врагами борются, выгородить себя... К счастью, это было недолго. И вот когда мы слышали о том, что всё кончено, что Кларка больше нет и Земле ничто не угрожает — мы слышали и о том, благодаря кому. Вот это я для себя очень хорошо поняла — Шеридан нас всех спас. Моих родителей не успел, да, но меня, и всех вокруг, всех, кто жил на Земле — спас. Я, опять же, ни с кем не говорила об этом, и я видела, что о нём до того говорили разное и после тоже. На хороших людей всегда льют грязь, это нормально... И тогда же я слышала о рейнджерах. Даже не знаю, почему мне это показалось таким прекрасным. Может быть, опять же, потому, что это тоже было связано с Шериданом, благодаря которому мы вообще ещё можем что-то выбирать. А может, просто это само по себе прекрасно — такие профессиональные герои... Прекрасно, когда кто-то берёт над тобой руководство и учит тебя, как лучше всего приносить пользу.

Ганя с Уильямом на полу играли в какую-то игру, очень тихо. Удивительно, как такой маленький ребёнок понимает, что нельзя шуметь, что в соседней комнате спит младенец...

— И что же случилось теперь? Вы разочаровались в этом?

— О нет, конечно, нет! Скорее, я в себе разочаровалась... Это ведь неправильно всё-таки, так фиксироваться на людях, а не на самом деле. Это не по-рейнджерски. Но все эти годы нормально было... Потому что они были — президент, Сьюзен с девочками... А теперь я не знаю, как всё может продолжаться без них. То есть, без любого человека жизнь продолжается, я это понимаю, но мне тяжело. И я думаю, может быть, я ошиблась, выбирая эту дорогу, может быть, всё для меня и держалось только на моей привязанности к конкретным людям. Так, конечно, неправильно...

— Наверное, вы чувствуете себя сейчас так, словно снова осиротели...

— А где ваша семья? Осталась на Центавре?

Лаиса покачала головой.

— У меня нет семьи. И никогда не было... во всяком случае, я её не помню. Семья у меня здесь — мои дети... То есть, мой сын и дети Маркуса и Сьюзен, которых оставили мне на воспитание. Ну, и в некотором роде Офелия и её сын, Элайя... Они с Вадимом родились в одну ночь, хотя приходятся друг другу дядей и племянником, так вышло.

— О... вы тоже выросли в приюте?

— Что? Нет, какое там, просто на улице.

— Как — на улице?

— Ну... обыкновенно. На Центавре это нормально. Самый низший слой из граждан... имеется в виду, из свободных, у кого есть личная свобода, но кроме неё, может больше ничего не быть... они не имеют своего жилья. Никто не считал, сколько таких людей, их невозможно учесть, никто не следит, сколько их рождается, сколько и когда умирает, об этом как-то не принято говорить, их высочество полагает, что всего около миллиарда. Это звучит как-то нелепо, конечно, что у тысяч людей нет даже документов, и никто по-серьёзному с этим ничего не делает. Но на Центавре многие вещи просто существуют и всё. Сейчас, когда я живу на Минбаре, мне тоже многое кажется странными, непостижимыми контрастами... Ну, здесь ведь тоже полно людей, не имеющих собственного жилья, но здесь это совсем другое. Здесь такие люди в почёте, их можно даже назвать привилегированными...

— Простите... Да, наверное, для меня это странно. Я и подумать не могла, что вы... ну,

из очень бедных слоёв... Вы такая красивая... Ну да, это глупо звучит. Но я подумала, что это только здесь вы одеваетесь так простенько, потому что у минбарцев не принята роскошь, а дома носили такие платья, в каких я обычно видела центаврианок... Ну, не вживую видела, в наших краях даже уже после падения Кларка инопланетяне редко бывали. На картинках, в видеозаписях...

Лаиса рассмеялась.

— Думаю, вы понимаете, что видели вы действительно по преимуществу богатых центавриан. Нищим не на что ездить в другие миры. То есть, они могут наниматься работниками в колонии, но это другое... Да, для землянина наши нищие, наверное, странные. Например, почти у всех есть какие-нибудь украшения, без них центавриане просто не представляют жизни. Вот так, да, украшения есть, а дома нет. Нет, продать украшения и купить дом — не вариант, если б всё было так просто... Чтоб купить дом или даже землю, нужно гораздо больше затрат, чем просто их стоимость. Можно поселиться где-то самочинно, но понимать, что тебя в любую минуту могут согнать, если ты кому-то помешаешь... На что-то надо платить налоги, подношения в храмы, необходимые подарки правителям города, региона, высоким гостям этих мест... где-то работать, занять документы, вообще, а если многих поколений твоих предков как бы не существовало — это проблема. И в конечном счёте, в этом просто не видят нужды. Временную, черновую работу можно найти там-сям, а на белую, достойную мы не привыкли рассчитывать. И проще не быть привязанным ни к какому месту, ни к какой собственности... Жить как гонимый ветром прах или сорванный цветок — пока смерть не заберёт тебя в свой час...

Планировка резиденции поначалу вызывала у Офелии много удивления. Хотя бы тем, что это здание одновременно и жилое, и административное. Жилые этажи с маленькими комнатками-квартирками, часть из которых обитаема, а часть предназначена для размещения гостей, этажи с рабочими кабинетами и залами для церемоний...

— Ничего странного, — говорила Виргиния, — минбарцы, можно сказать, всегда на работе, это для них вполне нормальные условия. Ну, и люди, как видишь, как-то подстроились...

Жилой этаж, где обитали теперь они, условно делился на минбарскую и человеческую половины. Разделялись они по признаку наличия ванной в квартирках. Минбарцы, которым в силу расовых особенностей ванна была не нужна, довольствовались раковиной. Вещи же, у тех и других, стирались в общей прачечной, именно туда сейчас направлялась Офелия с узлом белья. Но далеко уйти не успела, за первым же поворотом налетев на хорошо знакомую ей землянку в минбарском одеянии.

— Мисси! Вот это сюрприз! Ты здесь?

— Алион попросил зайти. И здесь, бывает, кому-то помощь нужна... Я скоро на спутник отправляюсь — помнишь, говорила я, раз в год каждый целитель вылетает для служения туда, для бесед с отбывающими там заключение преступниками — так вот чем же не хорошо, сперва тут вас всех проведать...

— Да... Получается, и медового месяца-то никакого у вас с Заком не получилось. Такие события тут... Мисси, ты зайдёшь ко мне? Стирку-то, стирку я и позже отнесу...

Мисси кивнула.

— И сама об этом думала. Тоже ж доктор просил за Элайечкой приглядывать, тревожит его что-то, даже больше, чем с Вадимом... Говорил, энцефалограмма у него какая-то

нехорошая. Теперь он улетел, так минбарские врачи над этой энцефалограммой головы ломают.

— Не знаю, ведёт он себя спокойно, кушает хорошо, плачет редко...

Мисси переступила порог маленькой комнаты и удивилась с порога — квартирка была смежной с соседней, и створки из тонкого пластика сейчас были раздвинуты.

— Там Виргиния живёт. Да, как-то вот мы решили поселиться по соседству, это удобно — то я ей в чём-то помогу, то она мне... Опять же, поговорить всегда есть с кем...

В обеих комнатах было пустовато, но для большинства жилищ на Минбаре это было не странно. Комната Офелии, впрочем, выглядела более обжитой — на полу лежал ковёр, один угол у окна занимала кровать с ребёнком, второй — небольшой кухонный стол со встроенной электропечкой.

— Ну да, — усмехнулась Офелия, проследив взгляд Мисси, — не всем хватает общей кухни и обедов по режиму... Мы ж люди, мало ли, как говорит Виргиния, когда приспичит перехватить. Она, бывает, допоздна засиживается, дел у них там всегда хватает, а ей же ещё языки учить... Я для неё всегда держу в холодильнике баночки с байси. С колой-то она завязала, после того, как ей врачи весь мозг проели, какая она вредная, да и всё равно поди достань её на Минбаре... А байси это куда вкуснее — цветочный мёд, сок ягод и фруктов...

На низком обеденном столике были разложены какие-то бумаги — видно, и Офелия что-то учила между домашними хлопотами.

— Странно, да... Помнится, раньше думалось — будет свой дом, так чего я только туда не хочу. И такие-то кресла, и такие-то накидки к ним, и занавесочки, и люстру красивую, стеклянную... С Этьеном у нас вечно как проклятье такое было — как видим какую красивую вещь, которую в дом хотели бы, так денег нет, а как деньги есть — так этой вещи нет уже, приходится что похуже покупать... А здесь вот смотришь — ну и вроде бы, всё, ничего для жизни больше не надо. Ну, вот только печку мы поставили, да. Сидеть и на полу тепло и мягко, вещей у нас немного и все в шкафах помещаются, Виргиния даже часть своего шкафа мне уступила — у неё там только два комплекта формы да та самая генеральская... Те вещи, что её мать здесь оставила, её багаж, она раздала в основном, сказала, возиться не хочет с разбором, кое-что мне отдала. Так что мне тоже ещё лет десять ничего не понадобится, пока не растолстею... Они у неё так в сумках и стояли в углу, я настояла, чтоб всё же разобрала, а то что ж это такое... Белья постельного половину отдала, а то б она так и спала, плащом прикрывшись... Ну, минбарские кровати — хорошо, что разборные — мы убрали, спим на надувных матрасах, до того удобно и мягко! Иногда сдвигаем, долго болтаем перед сном... Виргиния говорит, и на минбарских засыпала отлично, убежавшись за день, а я вот не могла. Нет, лежать на них... интересно так, приятно, успокаивает, мысли в порядок приводит. Но спать — невозможно!

Мисси присела возле стола, заглянула в бумаги. Это оказалось пособие по рисованию.

— Да, я тут со скуки рисовать начала. Виргиния мне помогает понемногу, говорит, хоть какое-то применение её образованию. Ну, у меня-то это так, баловство... А у тебя, Мисси, дом какой? У тебя-то в гостях я не была никогда, не знаю, куда приходить...

— Да у меня... собственно, где я сама, там и ты у меня в гостях. Если Зак переведётся сюда, здесь, в резиденции работать — так будет у нас тоже тут квартирка, а пока он в Айли нужен, так что нет общего дома.

— А у тебя своего что же, нет?

— У целителей его не бывает, Офелия, ни к чему. Мы всегда в пути, где работаем, там и

живём, для ночёвки в любой храм придти можем, и пищу, и одежду получить там же, или в любом минбарском доме. А вещей у меня и нет никаких, вещей у нас тоже не бывает, что нам нужно-то? Пара книг, бывает, смена белья, ну, в моём случае ещё расчёска... Всё это в сумку помещается. Если куда-то едем, где своей большой больницы нет, то берём с собой приборы какие-то, медикаменты, это конечно...

— И тебе... ничего такого не хотелось бы?

Мисси подпёрла кулаком щёку.

— Не знаю... Будет если когда-нибудь — так хорошо, не будет — так мне и так хорошо.

Опять же, много времени дома я всё равно проводить не смогу...

Распахнулась дверь на соседней половине, и ввалилась, собственно, Виргиния, одним движением опрокинула на пол прислоненный к стене надувной матрас и рухнула на него.

— Всё, можно выносить... Три часа, три часа обсуждали с кулани поставки гуманитарной помощи моради через их сектор! Ладно бы, от них что-то существенное требовалось, так ведь только возможность дозаправки кораблей — и ведь не бесплатно, чёрт возьми! — и обеспечение безопасности, потому что эти сволочи с Праксиса и Крича нам прошлые два раза... Что им, обеспечить безопасность в собственном секторе сложно? Спасибо, радость, — Виргиния приняла из рук Офелии холодную прозрачную призму с плещущейся внутри розовой жидкостью, прижала ко лбу, — тем более что за границы своего сектора, с мощностью их кораблей, они и не выходят... Ну что за лю... инопланетяне, то есть... Вот так жаль, что нельзя прямо через экран по башке накостылять! Такие мы подозрительные, такие независимые, что ты, прямо центавриане вместе с хуррами в сторонке отдыхают... Конечно, Альянс покушается на их территории, Альянс к ним шпионов засылает! Что Альянсу с вас поиметь, кроме анализов? По-моему, проще магистралью через вриев и торта воспользоваться, те хоть выделяются меньше... Но там и гости с Праксиса как у себя дома шастают, в смысле, не у вриев, конечно, у торта... Чувствую, ещё немного — возьму взвод «Белых звёзд» и прикрою эту шайку-лейку, пусть хоть расстреляют потом... Извините, Мисси, пар выпускаю. Все эти три часа не материлась. А через час ещё связь с базой на Моради, и там свои святые божьи... Никого не хочу обидеть, конечно...

В кровати загулил Элайя, Офелия пошла к нему.

— Что, кроха? — Виргиния приподнялась на локте, — тоже в шоке? Видел бы ты эту рожу куланскую на экране — плевать научился бы раньше, чем говорить...

Алион сложил пальцы рук в почтительном жесте.

— По правде говоря, обратиться к вам мне посоветовала госпожа Виргиния. Излишне напоминать о некоторых грустных обстоятельствах, но как вы знаете, совсем немного осталось тех, кто был с Андо в последние дни его жизни...

— Ну, и это точно не я. Если вы слышали, ну а вы, наверное, слышали — большую часть нашего пребывания на Брима я был вообще на другом континенте...

— Да, как и госпожа Виргиния, верно. Я уже говорил с Джеком Харроу, однако он мало способен мне помочь...

— Что же вам нужно?

Алион вздохнул.

— Я хотел бы знать больше о последних днях жизни Андо, о произошедших с ним изменениях. Как его учитель, я по-прежнему чувствую ответственность за него. И это может

быть полезно и для Офелии и Элайи, если вы слышали о...

— Да, слышал...

Комната Андреса производила прямо противоположное впечатление квартире Офелии и Виргинии. Минбарский дух покоя и упорядоченности просуществовал тут недолго. Почти всё свободное пространство было завалено бумагами, вещами, деталями от каких-то механизмов, стол, за которым они сейчас сидели, тоже сперва был заставлен приличной грудой пластиковых папок, Андрес просто взял это всё в охапку и перенёс на кровать, для удобства складирования приведя её в горизонтальное положение.

— Ну, как я уже сказал, в знатоки потёмок Андовской души меня записывать рано. За мной только скромный опыт моего беспардонного любопытства к необычному явлению, которое я встретил...

— Необычному явлению?

— Да, наверное, неправильно так говорить о человеке. Хотя правильно ли называть человеком того, кто сам себя таковым не считал, тоже вопрос. Внешне он землянин, по воспитанию нарн, но и нарном его называть неверно. Ну, насколько я успел узнать, в лёгкой оторопи от него были и земляне, и нарны, и вполне оправданно... Нормальный человек, будучи глупым, обольщается и привлекательной оболочкой, и немислимой силой, а будучи чуть умнее, понимает, что не стоит повторять путь мотылька, летящего на огонь. Я же не отношусь ни к той, ни к иной категории. И то событие в Колодце вечности, то зрелище, которое должно было, наверняка, потрясти меня до глубины души, воспринималось вполне как... данность, как должное. Божественная сила, заключённая в телесную оболочку, ну да... Остался, конечно, вопрос, зачем такое делать. Не слишком ли это бессердечно, оставлять сверхчеловека в несовершенном мире, как оброненную в пыль жемчужину. Жемчуг и в пыли не перестаёт быть жемчугом, только зачем он там, какой его смысл? Не подумайте только, что я идеализирую Андо, как я уже сказал, сила не только магнетически притягивает, но и пугает, но пожалуй, это равно не про меня...

— Вы хотели понять его?

— А это возможно? Скорее... это было глупым любопытством, именно им. Отправляясь к далёким звёздам, мы же не надеемся потрогать их и взять себе? Но странно не подойти ближе, когда видишь вдали необычное сияние... Мои глаза говорили мне, что я вижу человека, разум говорил иное, но противоречием это если и было, то недолго. Понять его... наверное, это возможно, только не мне это было дано. Может быть, Алану, но от него мы не услышим уже ничего никогда. Знаете... у меня иногда такое странное чувство... словно не просто так это всё было. Наша встреча, мой интерес и его реакция... словно что-то это оставило во мне, что-то значительное, только не могу пока понять, что. Как будто ко мне идёт запоздалое письмо, но пока не дошло...

Алион сидел на стуле прямо, словно аршин проглотил, и не отрываясь смотрел на свои сплетённые пальцы. По его бледному, отрешённому лицу сложно было понять, о чём он думает, а Андрес лезть в мозги минбарских телепатов как-то остерегался.

— Понимаю, неправильно полагать, что он успел стать для вас чем-то дорогим и близким, чтобы вы испытывали боль потери, но почему-то кажется, что вы... не вполне смирились с его смертью.

— Знаете, об этом вам лучше поговорить с другим человеком — с Дэвидом Шериданом. Я сам именно после разговора с ним понял, что именно я чувствую. Злость, досаду. Начерта нечеловеческая сила играла в человека — сходилась с людьми, заводила семью, если это не

её путь, не её свойство? Или почему это не помогло, не принесло счастья? Он всю жизнь искал... нечто, именуемое им богом. Тосковал по ушедшим ворлонцам, если точнее. А зачем они были ему нужны, что они могли ему дать, если всей вселенной они ничего хорошего, если разобраться, не дали? Какого чёрта они всё же увели его за собой?

Алион молчал, едва заметно покусывая тонкие губы.

— Дэвид говорит, конечно, не только в этом дело, хотя им владеет та же злость, тихая и усталая. Смерть президента послужила спусковым крючком для Андо... Дэвид говорит, ничего странного, Андо воин, для многих воинов было нормально совершить самоубийство, когда умирал их полководец... Может быть, он успокаивает так самого себя. Ведь отцу он Андо ещё уступил бы, ворлонцам — нет.

Виргиния, не отрываясь, смотрела на разворачиваемые на экране файлы. Её родственники, её семья. Ну да, эту семью она не знала никогда в жизни, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

У голоса Винтари были интонации лектора, хорошо знающего материал — многое из этого он уже рассказывал, ещё давно, Андо и Лаисе.

— Мать звали Яна, детей — Вадим и Мирослав. Сейчас уже невозможно определить кому из братьев принадлежало которое имя. Инициал М в документах Байрона мог бы считаться намёком, что Мирослав — он, но на самом деле это указание на город, откуда он был взят. Агенты, которые его изъяли, уже потом, в приёмнике-распределителе осознали, что не взяли никаких документов, и даже не узнали имени ребёнка. Но не возвращаться же было... В конце концов, практика переименовывания, наречения по имени наставника или даже по названию города, откуда ребёнка взяли, в Корпусе тоже была не редка, сентиментального отношения к родственным связям и родным именам как раз не наблюдалось. Директрису приёмника-распределителя, например, звали Софией как раз в честь города, где её нашли... Там он провёл первые три года жизни, до того времени, как смогли провести полноценные тесты. После этого его, как всех детей с наивысшим пси-уровнем, перевели в ближайший интернат пси-полиции, в Праге. Можно сказать, в этом ему повезло, по отзывам это один из лучших интернатов Пси-Корпуса вообще. Директор в своей прежней, нормальской жизни происходил из какой-то интеллигентной, профессорской семьи, учился в музыкальной школе по классу скрипки, в программе интерната много внимания уделялось литературе, музыке, культурологии, совершались выездные экскурсии, походы в театр... В общем, об интернате подробнее можно здесь посмотреть, он и сейчас функционирует, переведён в подчинение Бюро, конечно. Далее... С четырнадцати лет, в числе наиболее успешных учеников, привлекался к работе по сканированию преступников... Обычных преступников, нормалов, в смысле. Хотя для суда, как вы знаете, результаты телепатического сканирования значения не имеют, в следственной работе, на этапе расследования, они имеют порой огромную ценность. Вероятно, эта работа очень нравилась ему и... укрепила в убеждении, того времени, что долг и привилегия телепатов, как высшей расы среди людей, оказывать помощь в борьбе с преступностью... С шестнадцати лет участвовал в агитационной работе с населением, ему удалось убедить многих, кто сперва выбрал приём наркотиков, подавляющих пси-способности, вступить в Пси-Корпус. Года через два одарённого юношу заметил Бестер, пригласил к себе в интернатуру, сперва поручал допросы телепатов-преступников — грабителей, мошенников-гипнотизёров, просто психопатов, развлекавшихся убийствами нормалов... Потом, постепенно, стал вовлекать в

работу по выявлению нелегалов-сопротивленцев. Сперва эта работа нравилась Байрону — о чём, по крайней мере, свидетельствуют его доклады и служебное рвение вообще... Пока не произошёл один случай... Тот рапорт Байрона к рассмотрению не приняли, но в архивах Корпуса он сохранился, и вместе с другими материалами был обнародован во время судебного процесса над Бестером.

— Алан упоминал об этом... Когда он заставил его выстрелить по кораблю, перевозившему нелегалов?

— Да. Байрон, уверенный, что их работа должна помогать и нормалам не в последнюю очередь, был глубоко потрясён подобным отношением. Оно не вязалось с его прежней картиной мира. Он пытался перевестись из отдела Бестера, ему отказали. О дальнейшем, понятно дело, в корпусовских хрониках упоминаний мало, но есть две записи в корпусовском госпитале. Первый раз — через неделю после того события — он попал туда после того, как вошёл в камеру с задержанными нелегалами, один и без оружия. Охрана успела вытащить его вовремя, но досталось ему всё равно сильно... Второй раз — с попыткой суицида... В 58 году Байрон покинул Пси-Корпус, и снова всплыл в официальных хрониках уже на Вавилоне 5. Остальное уже, думаю, вам известно...

Виргиния опустила взгляд на ожесточённо сплетённые пальцы.

— Мне было тогда около года... И мне было пять лет, когда он погиб... Я помню свой день рождения в том году — огромный торт, дети всех знакомых и друзей семьи... Пять лет — это ведь ого-го какая дата, юбилей! Множество игр, клоуны, танцы... Папа подарил мне плюшевого розового медведя, такого огромного, что его еле протиснули в дверь детской, и его легко можно было использовать как второй диван... Помню, я засыпала в ту ночь, смотрела на светящиеся на потолке звёзды — знаете, такими часто украшают потолки и стены в детских, наши были не стилизованные пятиконечные звёздочки и полумесяцы с улыбками, нет, подробные звёздные системы, прямо над кроватью была солнечная система, у Сатурна постоянно отваливалось одно кольцо... Так вот, я засыпала и думала, что я самая счастливая девочка на свете... Даже писк маленькой Милли за стенкой не раздражал... Я и подумать не могла, что всего через три месяца... мой отец погибнет... Я не могу теперь вспомнить, что было тогда, в тот день, даже в тот месяц... Скорее всего, ничего особенного, я сидела у себя в комнате, складывала паззлы или читала какую-нибудь книжку — я уже умела читать... Это как-то несправедливо, знаете. Я была лишена возможности узнать даже, как бы он отреагировал, узнав о моём существовании... Мама считала, что, если тогда он и был неплохим парнем, то потом-то наверняка стал не очень хорошим человеком... Но ведь он стал хорошим человеком. А того медведя... Того медведя я потом подарила Милли, в знак примирения... Мне было как раз двенадцать, а ей семь... Для семи лет она вела себя на удивление глупо. И вот я рассказала маме, что это она украла её помаду и скормила её Джо... Джо-то простительно, ему три года было, он всё в рот тащил, что вкусно пахло... Милли очень завидовала, что у меня есть такой медведь, ей самой папа подарил на пятилетие тигра, поменьше... Она тогда обняла меня и сказала: «Всё-таки хорошо, что Пси-Корпуса больше нет и тебя не заберут». Джо как-то меньше в этом разбирался, когда ко мне первый раз пришли люди из Бюро, он закричал: «Всё, Джин, теперь тебя заберут, будешь знать, как выбалтывать секреты!». Но папа этим людям сказал, что со мной вообще никаких проблем, глазом не моргнул... Впрочем, к детям они и не проявляли особой строгости, только спросили, как я учусь, ну, вроде как, не подсматриваю ли, стоя у доски, правильные ответы в мыслях одноклассников... Я ответила, что сама по себе учусь лучше их, и чужих

ошибок сроду не списывала... Простите, что говорю вам всё это, просто... Я недавно говорила с этой девушкой, что приехала с вами, Рузанной Талафи. Мы так хорошо разговорились... Она сказала, что понимает меня. Что чувствовала то же самое — потом, когда узнала... Что всё то время, пока она радовалась, пока праздновала дни рождения в кругу своей небольшой, но любящей приёмной семьи, её родная семья гнула спину в рабстве, что возможно, в те дни, когда она получала какие-то подарки, или просто день складывался как-то очень хорошо, удачно — где-то далеко умирали её отец или мать, или кто-то из братьев и сестёр... Ужасно думать о подобном, даже если знаешь, что себя самого винить не в чем...

==== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 6. Место в мире =====

— Выборы... Выборы — это, конечно, хорошо, — Андрес прошёлся по комнате, на сей раз ни обо что не споткнувшись, ибо загодя перед следующим визитом Алиона прибрался, — а кто у нас кандидаты-то? Деленн, как знаю, свою кандидатуру выставлять отказалась, ей хватает работы в нашем Комитете... Кто тогда? Флианн, Дувалл, Робертсон, Радевски?

— С чего вы взяли, что это должен быть или человек, или минбарец? Все миры Альянса равноправны между собой, представитель любого из них может стать президентом. Конечно, это должен быть именно член правительства или какой-то заметной общественной организации, делом доказавший верность принципам Альянса...

Андрес хмыкнул, прислушиваясь к бульканью чая в банке — вроде, ещё свежий... Наверное, можно рискнуть предложить гостю.

— Андрес, по правде, есть один вопрос, занимающий меня, и я готов рискнуть задать его вам...

— Конечно, о чём вопрос, Алион, задавайте. Хотя я уже говорил, я не настолько хорошо знаю жизнь Андо...

Алион кивнул. Телепату легче подготовиться к тому, о чём пойдёт речь.

— Проникая в сознание Андо, в процессе наших занятий, я, неизбежно, видел в нём и страницы личного, интимного плана...

Андрес снова поперхнулся чаем, невольно порадовавшись, что тренировки Алиона и Андо были до, а не после их с Андо знакомства. Нет, сам лично он ничего не стыдился, не привык как-то... Но для целомудренного минбарца это было б... как бы сказать...

— Хотя Андо больше нет с нами, я хотел бы прояснить эти моменты, которых до конца не понимаю, хотя бы для того, чтоб... Воздать должное нашим занятиям, увы, не завершённым, и, может быть, если мне когда-то ещё снова придётся работать с землянами... Едва ли кто-нибудь из них, конечно, будет сравним с Андо, но это поможет мне понять характер землян в целом. Я заметил, что ряд мыслеобразов Андо пронизан глубоким, сильным эротизмом, что естественно, разумеется, для юноши его возраста, но эротизм этот направлен не только на женщин, но и на мужчин, и это не связано с одним только вопросом самоидентификации, отождествления, как подумал я поначалу, не только как пример, на кого он мог бы равняться... Там, где кончается естественное восхищение неким мужским примером и начинается плотское желание, у Андо грань тонка...

Когда минбарец спрашивает о чём-то интимном, это всегда звучит хоть записывая, подумал Андрес.

— Ясно, значит, начать всё же придётся со старика Фрейда... В смысле, я имею в виду

Зигмунда Фрейда, известного земного психолога, разработавшего... — Андрес замолчал, подбирая слова.

— Я читал немного. Не скажу, что это было легко для моего понимания... Возможно, вы посоветуете мне ещё какие-то источники, рассказывающие об этой стороне человеческой чувственности? Из того, что я читал, я понял, что некоторые земляне, вследствие ли нарушений нормального течения психологического развития в детстве или вследствие каких-то врождённых нарушений, предпочитают сексуальное общение с представителями своего пола... В то же время, есть утверждения, что это личный выбор этих людей. Мне хотелось бы, чтобы вы объяснили мне, которая же из теорий верна, и если это личный выбор... С какой целью он делается? Ведь, как я понял, долгое время такие люди... считались париями в вашем обществе... Это, возможно, некий вид духовного подвига в традициях землян?

Андрес уткнулся в ворот формы, не зная, плакать ему или смеяться.

— Сейчас, подождите, Алион, попробую объяснить... Думал, меня уже ничем в замешательство не приведёшь, но минбарцы удивить умеют...

— Куттак, вы настёрный и неприятный че... хурр, и мне очень неприятно тратить на вас своё время. Какое вам дело, почему я так хочу выкупить у вас этих рабов, если я плачу вам за них тысячу центаврианских дукатов? Вы надеетесь вытребовать с меня больше? Нет, вы вынуждаете меня на некрасивые действия. Если не позднее трёх дней после нашего разговора вы не оформите сделки купли-продажи на всех запрошенных мною рабов-центавриан и не передадите их в руки моих агентов — я вынужден буду приказать обнародовать собранный на вас компромат. После этого отношение ваших деловых партнёров к вам может настолько сильно измениться, что вы окажетесь в положении едва ли более завидном, чем сейчас у ваших рабов. Я искренне хочу расстаться с вами по-хорошему, Куттак. Почему вы этого не цените? — экран связи погас, Винтари без сил откинулся на спинку кресла, — Создатель, как не люблю, когда вынуждают быть падлой... Ну что ему, без именно этих рабов жизнь бы стала не мила? Он что, на мои деньги не накупит таких ещё сотню? Мои собственные сограждане на Приме были и то сговорчивее...

— Вы посылали за мной, принц?

— Да, Рузанна, проходите. Я как раз закончил один разговор... Не самый приятный, но, будем надеяться, результативный... И готов отчитаться перед вами о предварительных результатах. Хотя впрочем, лучше пройдёмте для разговора в сад.

Рузанна полюбила сад при резиденции, а вот на Винтари он навевал тихую, неизбывную тоску. Он свернул в сторону, противоположную той поляне, где тогда наблюдал игру Шеридана с сыном, но поляна словно всё равно смотрела ему вслед.

— Я сдержал обещание, Рузанна. Не скажу, что было просто — найти все сведения с вашей семье, тем более найти саму семью... Впрочем, бывали задачи и посложнее. В записях этого торговца-голианина был всё же своеобразный, но порядок. О других, с кем ещё мне приходилось иметь дело, этого, увы, не скажешь... Я выкупил всех, кто находился в рабстве на сегодняшний день, и выслал провожатых для тех, кто свободен, но не имел средств добраться сюда, не позднее недели сюда привезут всех... Я решил не распределять по степеням родства, и собрал всех, кто имеет хоть какое-то родство с семьёй вашей матери, всего получилось пятьдесят совершеннолетних родственников, это не считая детей... Что делать с ними дальше — решать вам. Захотите ли вы перевезти их на Девону или к себе на

Тучанкью, или же дать им возможность отправиться на Приму...

Рузанна медленно опустилась на скамью под раскидистым, медленно покачивающим длинными розовыми серёжками деревом.

— Более пятидесяти... Так много... И моя мать? Моя мать тоже среди них?

— Увы, нет. Ваша мать, к сожалению, умерла в 2261 году. Уже будучи свободной женщиной... Её звали Адир Тэри, она была продана семьёй в рабство Тракису вместе с младшей сестрой ещё в раннем детстве. Сестру он после перепродал на Харуну, а Адир оставалась у него в рабстве вплоть до 61 года, вы тоже родились его собственностью, но в 57 году, в возрасте трёх месяцев, были выкуплены семьёй Талафи, копию документа в его бумагах я тоже нашёл... Как видите, вас заслуженно сравнивали с Адирой, вы очень похожи на мать. Я сумел разыскать двух сестёр и брата Адир — семья была очень большая, но не все живы к настоящему времени, ваших двоюродных, троюродных сестёр и братьев, внучатых племянников.

Рузанна прикрыла глаза. Так много... информации, сбывшихся ожиданий... Более, чем... Сколько раз она слышала это имя — но и на миг не могла представить... Сколько раз она пыталась представить встречу — о, ну, не с матерью, слишком большим бы было чудом, обрести её живой... ну пусть с сестрой, с братом... Пятьдесят взрослых родственников и дети... Многие из которых, быть может, только благодаря ей и получают возможность встретиться, узнать друг о друге...

— А... а родственников отца вы не сумели разыскать?

— А чего их искать...

— Так, если я правильно понял, есть люди, которые предпочитают только свой пол, есть те, кто только противоположный, а есть те, кому...

— Ну, говорить «всё равно» всё-таки неправильно, это как-то... Знаете, Алион, вопрос сложный, до конца самими людьми не прояснённый, то есть, единого мнения нет... Лично мне ближе утверждение, что все люди по природе своей бисексуальны, а уж кто к чему больше склоняется... Шут его знает, от чего это зависит, у кого-то и правда, может, травмы детства, у кого-то — как первый опыт сложился...

— Мы, минбарцы, не привыкли воспринимать сексуальное желание как беспредметное. Влечение тела порождается влечением духа...

— Круто. В смысле, я понимаю, дисциплинированность вашего сознания не предполагает... секс без обязательств, прости господи... То есть, я вот знаю, что у вас здесь нет проституции... Совсем нет, как явления... Из-за этого разные духовно незрелые личности называют вас расой импотентов... Нет, сам я так не считаю...

Телепат понимает, что кому-то рядом плохо, раньше, чем услышит стон сквозь сон.

— Что такое? Что случилось, солнышко? Сон плохой приснился?

Девушка плакала. Тихо, но Виргиния, слух которой тоже, ввиду Элайчки, обострился, слышала.

— Не знаю... Вроде, снился... Я... Я вспомнила об Алане. Наверное, осознавать начинаю, что больше никогда... никогда его уже не увижу...

Виргиния обняла девушку, укачивая, как ребёнка.

— Никогда такого не было, так вот не накатывало... А, нет, было, тогда ещё, когда только познакомились... Тогда посмотрела, как она Алана обнимает, мне подумалось: меня

б так мама обнимала... Потом ещё подумалось: вот если б могло быть у нас, как у нормалов, она б могла, наверное, мне мачехой быть... Потом долго сердилась на себя — придут тоже глупости в голову! Ещё мама услышит, не дай бог... Мачеха — вроде бы слово такое злое, холодное, а у меня и мать как мачеха была... Почему мы с Аланом раньше не общались, почему я такой дурой была? У меня был один-единственный брат...

«У меня не единственный... Не легче, проверено».

— Просто в последнее время думала о Кэролин. О том, что она ведь однажды вернётся из мира морали, узнает о том, что произошло... Она и так всю жизнь страдала...

— Ну, со слов Софинела, сама Кэролин не считала себя несчастной. Наверное, это и лучше — найти во всём какой-то глубинный смысл, чем просто думать о том, что мужик у тебя был мудака, сын психбольной и вообще жизнь глобально не сложилась... Извини, конечно...

Офелия неловким движением вытерла мокрую щеку.

— Нет, ничего... К своему отцу я отношусь не лучше тебя, если не хуже. Он, можно сказать, и меня сиротой оставил... Он хотя бы отбывал наказание в камере, он там один сидел, а я отбывала его наказание среди людей. Как мало ни распространяйся о прошлом — мол, сирота, родом с Марса, и всё — где-то в документах мелькнёт девичья фамилия, обязательно кто-то да покосится — ой, Бестер? Того самого? И как вам живётся с этим? И пожалуй, страдания делают эгоистом... А теперь я подумала — а как ей, Кэролин, жилось? Конечно, эту фамилию они не носили... Но кто чего не знал-то, они ж не скрывали... Любовь, говорят, зла, что ж настолько-то...

Виргиния приподнялась на локте, натягивая на Офелию плед и поглаживая её по голове.

— Как-то в детстве я читала одно фэнтези, был там герой... Ну как герой — персонаж, глубоко отрицательный... Ну до того гадкий, сочувствовать нечему, придворный интриган, отравитель, впоследствии дослужился до... как же это там формулировалось... В общем, руководитель тайного придворного сыска и главный среди заплечных дел мастеров... Я тогда подумала — может быть, если б этого человека кто-то в жизни любил — он таким бы не был? Может быть, пригрей его какая-нибудь женщина, роди ему ребёнка — он бы и послал всё это к чёрту? Потом, когда дальше читала, я поняла, что ему самому это было как-то не надо, есть вот люди, женатые на работе, а ему такая работа более всего по душе... Если, видимо, привык ловить оргазм от власти над чужими жизнями и от мучений человеческих — обычный оргазм после этого пресен... Но саму мысль я запомнила — может быть, хоть у некоторых людей так шанс появляется... Ты это понимать и не обязана, Офелия, и прощать его, в общем-то, не обязана — ему это всё равно уже ничем не поможет, за свою душу и всё, что на ней, каждому самому ответ держать...

— Что случилось, Диус? С утра ты как будто был в хорошем настроении.

— Был... Но есть такие, кто мастера его портить, и если я о них умудрился забыть — это не значит, что забыли они обо мне.

— Проблемы дома? — догадался Дэвид.

— Ага, проблемы... Сегодня утром я обнаружил, что все мои счета заблокированы.

Дэвид обернулся ошарашенно.

— Как, почему? Кто и зачем это сделал?

— Собственно, я знаю немногих, кто был способен это сделать... Да, кое в чём прав

старик Арвини, длительное пребывание на Минбаре меняет характер центаврианина в сторону куда меньшей выживаемости. Легко забываешь, на какую подлость и дурость они способны... Если б я мог хотя бы предположить подобное — я б завёл отдельный счёт под свои гонорары за книги, это смешные суммы, конечно, зато честно заработанные, мои! Сейчас хотя бы не было такого ощущения внезапно нагрянувшей нищеты... — Винтари тяжело опустился на диван, закрыв лицо ладонями.

— Диус, ты знаешь, ни о какой нищете не может быть и речи, мы тебя не оставим... И ты ведь можешь подать протест императору?

— И подам! Но сдаётся мне, это не последние новости с милой родины.

Словно в ответ на его слова пискнул экран связи.

— Межпланетная? Ну вот...

— Я пойду...

— Нет, Дэвид, прошу, останься. Твоё присутствие придаст мне сил, а их потребуется очень много. Соединить...

На экране возникло надменное лицо нестарой знатной центаврианки. Дэвид отошёл из зоны обзора, но держался возле Диуса.

— Здравствуй, сын.

— Здравствуйте, матушка... — Винтари даже не пытался стереть с лица кислое выражение.

— Разве так приветствуют мать? Я уж не говорю о твоём внешнем виде. Я прекрасно знаю, что в Тузаноре сейчас не ранее утро...

— Матушка, давайте без долгих антимоний? Дел у меня ещё много, и я привык говорить коротко и по существу. Представьте, что все пустые словесные кружева уже сплетены.

Центаврианка хмыкнула, сложив губы в недовольную и презрительную гримасу.

— Что ж... Собственно, об этом я и хотела поговорить. О твоих делах. Как ты мог заметить, я заблокировала твои счета...

— Да, матушка, и я очень хотел поинтересоваться, какого чёрта.

— Меня необыкновенно расстроило видеть, как неразумно и преступно ты растрачиваешь средства семьи...

— Матушка, это мои собственные средства, к вам не имеющие отношения, у нас с вами всегда были отдельные счета, если уж вы свободно пользуетесь деньгами, унаследованными от... вашего покойного супруга, предоставьте мне спокойно делать то же самое!

— Я закрывала глаза на то, что ты так долго живёшь в чужом мире...

«Да, конечно, закрывала глаза. Просто там я тебе был нужен, как собаке пятая нога. Хоть бы я и вовсе отправился на Нарн и там сгинул. Интересно, что же изменилось теперь?».

— ...Злоупотребляя гостеприимством чужой семьи. Я закрывала глаза на то, что ты пятнаешь своё имя недостойными царственного рода занятиями. Но теперь, когда ты принял гражданство чужого мира... Это позор, ты должен это понимать! Позор!

— Интересно как. Для всех, значит — честь, быть принятым в другом мире, как равный, а для меня позор? Это с каких-то пор противоречит интересам Республики? То есть, матушка, вас кто-то уполномочил решать о интересах Республики вместо императора? От императора возражений не было!

— Диус, я требую каплю почтения! Я твоя мать, я родила тебя в муках!

— Матушка, вам делали кесарево, — Винтари едва подавил зевок, прежде театральности и убедительности в выступлениях матушки было как-то побольше, — и,

разумеется, под наркозом.

— Не смей мне перечить! Я всегда желала тебе только добра...

На это можно было вовсе не отвечать. Винтари встречал в своей жизни немало центавриан, которые, пожалуй, желали своим детям добра — в своём специфическом понимании, и леди Вакана к ним не относилась.

— Три дня назад скончался твой дедушка, Рудеус Винтари...

— Скорблю, насколько это возможно при том, что я его не видел никогда в жизни.

— Прекрати огрызаться! Ты должен понимать, что это означает. По заведённому порядку, ты должен бы занять его пост, став наместником колонии Винтари... Но в нынешних условиях, глядя на твоё поведение, я сомневаюсь, что подобное стоит допускать. Лично я, как мать...

Постепенно картина начала проясняться. Различные фракции при дворе, разумеется, сейчас всполошённые изменениями во внешней политике (которую игнорировать больше не получится, так как дракхи уже не отвлекают) будут искать для себя стратегий, несущих максимальные выгоды. К какой бы из этих фракций ни принадлежала сейчас леди Вакана, её определённо беспокоит... По всей видимости, любая перспектива возможного влияния Альянса на внутреннюю политику Центавра.

— Матушка, давайте перейдём сразу к делу. Мне отречься от поста в вашу пользу? Не знаю, насколько это вам поможет, учитывая, что ни разу за всю историю колонии у власти не становилась женщина, и вряд ли Двор Винтари одобрит такую новаторскую идею. Или вы готовы сразу назвать мне имя того, в чью пользу мне отречься?

— Диус, прекрати! Имей в виду, я намерена добиться твоего возвращения. Ты получил слишком много дурного влияния в чужом мире. Недопустимо много. И теперь мне, как матери, несущей за тебя ответственность, необходимо... Я понимаю, молодым центаврианам свойственно искать развлечений, и порой очень экзотических... Но время игр прошло, Диус, тебе пора стать взрослым и вспомнить, что такое ответственность!

Винтари набрал в грудь побольше воздуха. Терпение его, давно не тренируемое общением с родственниками, неумолимо подошло к концу.

— Леди... Можете называть это влияние дурным, конечно, ваше право, но главное, пожалуй, в чём оно теперь выражается — я ненавижу ложь. Почему бы вам прямо не сказать, что я мешаю вашим политическим интересам? При чём мешаю, вообще никак в них не вмешиваясь, фактом существования? Это будет и короче, и честнее, и сэкономит нам обоим кучу нервов. Я не намерен возвращаться, потому что слова о необходимости... моего возвращения... это тоже ложь. Я никому не нужен на родине, и менее всего вам. Едва ли вы действительно надеетесь... как-то перебить дурное влияние, о котором говорите, скорее надеетесь ограничить меня в возможностях вам помешать, даже ненамеренно. Я как раз понимаю, что такое ответственность, меня было, кому этому научить. Развлекался — ваш покойный супруг, вы, думаю, помните, какой он был весельчак... Чуть всю планету не пошутил. А я — вы правы, я неплохо отдохнул за то время, что вы меня не видели. В центаврианскую кампанию, в частности, когда мы разгребали всё то благо, принесённое родине теми, кого вы хотите, по-видимому, поставить мне в пример, качественно так отдохнул и развлёкся... И предпочту развлекаться и дальше. Я не считаю, что принёс бы существенную пользу на посту наместника Винтари — именно потому, да, что я знаю, что власть — это ответственность, что у меня был перед глазами пример действительно мудрого правителя, и я покуда его не стою. Но надеюсь стать достойным. Госпожа Деленн,

гостеприимством которой я, по вашим словам, злоупотребил, сказала мне недавно, что только наличие живых родственников помешало бы Джону Шеридану оформить усыновление официально. В противном случае — ни прежний, ни нынешний император, думаю, возражений бы не имели — и за это я их уважаю, они, в отличие от вас, не скрывают, что избавиться от меня только рады. Не ваша вина, что вы не могли дать мне настоящую семью, наша семья с самого начала была гиблым делом, но мешать мне жить или оставить меня в покое — уже ваш выбор.

— О чём вы говорили? — когда экран погас, Дэвид подошёл и тронул его за локоть, — я не всё успел понять...

— О родственной любви, о чём же ещё, — Винтари раздражённо прошёлся туда-сюда по комнате, — я уже говорил, что оцениваю свою родню более чем реально? У нас ничего не говорится напрямую, но со временем учишься читать между строк и слышать между слов. Приходится учиться...

— Она хочет забрать тебя? Зачем? Почему именно сейчас?

— Попробую объяснить... — центаврианин сел на кровать, устало потирая лицо, — видишь ли, император Котто, как бы плохо к нему ни относились моя матушка и ещё многие, совершенно не тиран. В вопросах внешней политики он прислушивается к мнению Двора. А среди советников и сенаторов по-прежнему царят разброд и шатания, иначе Центавр не торчал бы до сих пор, такой отдельный-независимый, как некий перст посреди Альянса. Я не знаю, какие у них ожидания в связи с... изменениями в составе правительства Альянса, полагают ли они, что теперь «империя пошатнётся», но то, что Вир Котто был гостем на прощальном обеде отца, они могли расценить как... готовность к сближению с Альянсом и далее — к вступлению в него... И как раз кстати решил отойти к праотцам Рудеус Винтари... Здесь нужна ещё одна небольшая отсылка. Наместничество в колонии Винтари — пост, передающийся в роду моей матери и закрепляемый пожизненно. Кстати говоря, одна из причин, почему род отца счёл эту партию блестящей — кому ж не хочется в перспективе собственную планету... На трон республики отец тогда не сильно-то рассчитывал, племянник-то он племянник, но достаточной поддержки влиятельных родов у него не было. А Рудеус Винтари уже тогда был в глубокой старческой немощи и маразме, на Приме многие сомневались, что он вообще жив. Поэтому мне дали фамилию Винтари — как, несомненно, его преемнику, предполагалось, что в пору моего малолетства править будет отец... Но дед, как видишь, оказался коварен и пережил отца... Чёрт возьми, сколько ж ему лет было? Он, наверное, ещё первый контакт с землянами застал уже не мальчиком... В общем, теперь глазами моей матери. Кто-то всё равно сообщил бы мне, что я теперь счастливый наследник. Если я — ставленник Альянса — стану новым наместником немаленькой и небедной, в общем-то, колонии, это может склонить многих колеблющихся советников к решению сотрудничать таки с Альянсом... А, по-видимому, именно этого меньше всего хочет фракция, в которую входит новый супруг моей матери.

— Ты считаешь, она вновь вышла замуж?

— Более чем уверен. Иначе держалась бы в стороне... Интересно, кто он... Женщины из знати у нас редко выходят замуж вторично, им, как правило, и одного супруга хватает за глаза, но уж если выходят... Рискну так же предположить, что она ждёт ребёнка от нового супруга, хотя тут уже не уверен, это вовсе не обязательно... В идеальном для них раскладе я, посидев под домашним арестом, покорно буду выполнять отведённую ими роль марионеточного правительства, в неидеальном — меня объявят сумасшедшим, благо, есть, в

кого...

— Диус, ты на Центавр не вернёшься, они не посмеют. Ты гражданин Минбара, гражданин Альянса. Мы отстаивали Амину Джани, тебя, что ли, не отстаиваем?

— Оставили б они меня в покое, а... Надо же, недопустимо я себя веду, недостойно. Пишу книги — о минбарской культуре для центавриан, о центаврианской для минбарцев, теперь вот о тучанкской для тех и других... Разбазариваю семейные деньги, помогая девушке найти своих родственников, выкупая своих, между прочим, соотечественников из рабства у чужаков... Работаю, как могу, на реабилитацию центавриан в глазах других рас...

Дэвид взял его руки в свои.

— Диус, брат мой. Как мне страшно и тревожно сейчас... Снова видеть, как тьма сгущается за тобой. Мы думали, что теперь-то нет тьмы в твоём мире, она не может тебе угрожать...

— В мире в целом — может, и нет... В остальном каждый сам за себя решает, что ему нести, тьму, свет или отборный бред. Мне тоже очень не по себе, Дэвид. Если она задастся целью отравить нам жизнь, она найдёт способ это сделать. Нет, есть и такой вариант, как принять пост... Хотя бы ей назло... Посмотрели бы, чья возьмёт... Но это было бы совсем уж детским и неразумным поступком. И несвоевременным. Я не хочу сказать, что против того, чтоб править когда-либо чем-либо вообще. Но я должен подойти к этому готовым. Я знаю, что моё прежнее желание дойти до верховной власти было в наибольшей мере страхом — впрочем, не я первый, не я последний. Когда-то я сказал, что когда я приду к власти, Республика узнает такую месть, какой и вообразить не могла. Это и сейчас так. Это более так, чем прежде... Как раз репрессиями их, после моего отца, не удивишь. А вот я нашёл бы, чем удивить. Упразднение сословных привилегий, выборное правительство на местах, смещение с унаследованных должностей — вот этого они бы не пережили... Но я прекрасно понимаю, что в том проигрываю Виру Котто, что сейчас слишком охвачен гневом и несдержан, и могу перегнуть палку. Я могу наворотить делов. Диктаторских замашек во мне всё же многовато. Мне следует ещё многому научиться, прежде чем принимать ответственность за чужие жизни.

— Какие ещё варианты у тебя сейчас есть?

— Пока сам не знаю. Я думаю, мне в любом случае стоит о многом переговорить с императором — что будет непросто, учитывая, что прежде наши отношения не отличались теплотой... Но надо когда-то начинать. В общем-то, время у нас ещё есть, давать ответ прямо завтра я не обязан...

Дэвид вздохнул. Ну да, не завтра, так послезавтра — немногим от этого легче.

— Ты на инаугурацию-то летишь?

— Куда я денусь... Она на Нарне будет проходить?

— Да, решили, так будет правильно. Потом уж все вместе вернёмся сюда.

— Что ж... В свете последних вон новостей лететь на Нарн — это кажется совсем каким-то не страшным... Забавно, да? Я с огромным удовольствием слетаю лучше на Нарн, чем в самое ближайшее время буду иметь ещё один душевный разговор с матушкой. Надо будет ещё пересмотреть родословное древо Горгатто, чтоб определить, в чью пользу я могу отречься, не оказывая тем колонии Винтари совсем уж медвежью услугу...

Стоя у высокого узкого окна, На'Тот обзревала панораму вечернего города. Заходящее солнце очерчивало силуэты крыш, дробилось и плавилось во множестве окон. Совершенно

невозможно поверить, что совсем скоро всё это придётся покинуть... Впрочем, грусти не было, грусть, если будет, придёт позднее. За эти годы сделано многое, может быть, не всё из возможного, но сейчас нужно делать другое, делать больше... Справится она или нет — она себя не спрашивала. Придётся справиться. Раз было так решено — значит, придётся справиться.

Когда совет Кха'Ри сообщил ей, что выдвигает её кандидатуру на пост президента, она долго не верила. Убедили... «Наш мир долгое время занимался лишь тем, что перебирался из одной беды в другую, прогрессом было то, что новая беда была меньше предыдущей. Никто никогда не смог бы представить, что нарны тоже могут представлять высшую власть в галактике. Больше так быть не должно. Из всех нас ты — больше всех достойна, хотя каждый из нас занимает своё место заслуженно и по делам, а не по словам. Но именно ты, как никто, являешься символом и олицетворением той большой работы, что была нами совершена. Мир должен видеть этот символ. Даже если не тебя выберут — имя твоё прозвучит, и это важно для Нарна. Даже дрази выставили своего кандидата, даже врии — неужели мы будем в стороне?».

На'Тот, конечно, понимала, о чём они говорили. Происхождение едва ли позволило бы ей в прежние времена занять место в Кха'Ри, хотя предки были и советниками, и главами провинций... Но в нынешнее время уже мало значения имело, кто были твои предки, война, как ничто, уничтожает сословия, единая потребность выжить и победить делает народ, на взгляд агрессора, единой массой бесплодно сопротивляющихся рабов, а на деле — единым крепко сжатым кулаком, способным сокрушить стену любой тюрьмы. Прежде символом был тот, кто происходил из семьи именитого полководца, вождя, но новому времени нужны были иные символы. Тогда, вернувшись из центаврианской тюрьмы, она пробыла в госпитале ровно столько времени, сколько врачи ещё способны были с нею справиться, и сразу включилась в работу. Сперва имя Г'Кара помогало ей в этом, потом уже собственное имя.

Сейчас случайный турист и вообразить не смог бы, как выглядела метрополия в те ужасные, чёрные дни. Любому захотелось бы, закрыв глаза, бежать отсюда прочь без оглядки, решив, что проще найти себе другую родину, чем что-то делать с этой.

«Но мы нарны, мы умеем возрождать из руин и пепла то, что никто другой восстановить не смог бы. Мы не боимся никакой работы, и наша родина будет жить, и ещё будет цвести».

Случайный очевидец, наверное, удивился бы, на каком подъёме, с каким энтузиазмом тогда всё делалось... Волонтёры от Земли, Минбара, Шри-Шрабы и Вриистана, впрочем наверное, случайными не были, и если удивлялись — вслух этого не говорили. Земляне и минбарцы были преимущественно рейнджерами, доставляли гуманитарные грузы, помогали с их распределением, помогали налаживать связь, восстанавливать дороги. От хаяков прибыло много врачей, привезли много медицинской техники, которую можно было адаптировать под местные условия, а врии помогали с разбором руин и восстановлением зданий — по их словам, им надо было где-то испытать новые антигравитационные технологии. Общаться с вриями было очень сложно, их языка на Нарне не знал никто, и всё взаимодействие шло через землян. Но именно с помощью их машин было восстановлено большинство крупных городов. Сложнее было с аграрными районами, после удара масс-драйверов невозможно было определить, где прежде были поля, а где леса. Минбар предлагал использовать выкупленные у центавриан терраформеры — пусть бы на планете появилась и полезная центаврианская техника, вполне закон компенсации, но более

выгодный, хотя и долгосрочный, проект нашёлся у хаяков...

Печально, пожалуй, будет оставлять детей... Но Куди подошёл к рубежу выбора имени, он становится взрослым нарном, а значит, все тревоги надо отставить в сторону и довериться врачам и учителям, а Оума пока нуждается в опеке отца, это его задача сейчас. В сущности, она вообще мало что может сделать здесь, приглашённые мастера с Аббы и телепаты из рейнджеров этим детям нужнее. С этими детьми не получится так, как с Андо...

Мысль эта неизбежно вызывала грусть. Когда доктора обратились с поиском добровольцев, она без колебаний вызвалась, хотя ей и говорили, что как Кха'ри она сделала достаточно для народа. Ради памяти Андо, обещаний, данных Г'Кару, обещаний Г'Кара, данных Лите... На этом мальчике всегда было много завязано, гораздо больше, чем сам он, наверное, мог бы представить. Вождь всегда должен быть с народом, впереди народа. И ещё трое Кха'ри согласились с ней, тоже приняв участие. И ни разу она не пожалела об этом, как, знала, никогда не жалел Г'Кар...

Кого Виргиния меньше всего ожидала увидеть на своём пороге, так это дрази, тем более облачённого в белый минбарский балахон.

— Здравствуйте...

— Штхиукка, — представился дрази, почтительно поклонившись, — мы с вами, так полагаю, знакомы заочно, очень жаль, что до этого момента не довелось лично, но мне много рассказывала о вас Шин Афал, моя подруга. Она советовала мне познакомиться с вами, кроме того, мне хотелось бы, если можно... попросить у вас какую-нибудь работу для себя. Раз уж я ещё сколько-то времени остаюсь на Минбаре, в промежутках между церемониями, которые устраивает для меня Шин Афал, мне хотелось бы... приносить какую-то пользу.

— А... — Виргиния отступила, пропуская гостью в их с Андресом и Хатеном рабочий кабинет, — ну, это нормально здесь. Что-то такое в воздухе, наверное, больше двух месяцев точно бездельничать ни у кого не получалось, руки начинают чесаться хотя бы к изучению языков...

— ...Правда, помощь с меня едва ли будет значительной, у меня нет средств, которые я могу пожертвовать на ваше дело, и нет влияния в родном мире, которое могло бы помочь вам договариваться о субсидиях и гуманитарных грузах...

Виргиния сняла со стула раскрытую коробку-стойку с информкристаллами и кивнула гостье на освободившееся место.

— Ничего страшного, у меня этого всего тоже не было. Но, Штхиукка, я не принимаю решения о приёме кого-то на работу, я сама...

— Я понимаю это, мисс Байрон, я прошу у вас работы не как работы, не как того, за что бы мне платили и что давало бы мне какой-то официальный статус, хотя и это, конечно, было б очень хорошо... а как возможность приносить пользу и учиться.

Виргиния отвернулась, вспыхнув румянцем.

— Строго говоря, я права на эту фамилию не имею... Я Виргиния Ханниривер, вообще-то.

— Нам, дрази, бывает сложно разобраться в традициях земного имянаречия. У нас роль фамилии играет название клана, или название местности... Но Шин Афал объясняла мне, как это у людей. Я догадываюсь, о чём вы говорите. Но я считаю, имеете. По-другому имеете.

— Чего?!

— Вы знаете ведь и другую историю этой фамилии. Был, когда-то в давние времена, и другой человек с той же фамилией. Поэт Джордж Байрон.

Виргиния округлила глаза. Дрази, говорящий о земной поэзии, пока в её картине мира был сродни пак'ма'ра в балетной пачке, танцующему «Лебединое озеро».

— Он был знаменит не только литературным наследием, которое после себя оставил. Когда народ Греции сражался против турок, оккупировавших их землю, он поехал туда, чтобы сражаться вместе с ними, хотя не был греком. Так же, как вы, не будучи ни арнассианкой, ни бреммейром, сражались в войнах этих народов. Шин Афал говорила, каким высоким символом вы стали для них. Она считает, мне будет очень полезно пообщаться с такой женщиной — воином, лидером, стратегом, которая при том не утратила женственности и очарования. Вы можете стать символом и для наших женщин... Земля в этом смысле прекрасный образец для нас...

Виргиния рассеянно перебирала бумаги у себя на столе. Хаос, конечно, медленно, но верно нарастает... Андреса она пока в этом не догнала, но всё впереди... Как Хатену удаётся содержать своё рабочее место в идеальном порядке?

— Разве у вас женщины... ну... не имеют совсем никакого веса в обществе, им запрещено работать или занимать ответственные посты? Я слышала...

— О нет, и работать, и даже, иногда, быть правителем в городе или посёлке — можно. Но это только если не во вред интересам семьи, по разрешению мужчин семьи, и только если она замужем. Первейшая задача женщины — быть женой и матерью, женщин в нашем мире рождается меньше, и они слишком большая ценность, чтобы позволять им избегать замужества и деторождения.

— А, ну такое бывает... У нас тоже многие религиозные ортодоксы оправдывали запрет даже на обучение женщин грамоте именно якобы заботой о их благе. Сейчас подобная дичь даже в закрытых сектантских поселениях, живущих натуральным хозяйством, редкость, среднюю школу обязательно заканчивают все дети, иначе их всякие комиссии задолбают...

Дрази улыбнулась.

— Видите ли, мисс Байрон... Не знаю, слышали ли вы обо мне, кто я, почему я здесь...

— Ну, я так поняла, вы участник делегации на Тучанкью?

— Да. Благодаря тому, что... Хотя наш народ, мягко говоря, не допускает доводить до иномирцев подобные темы, всё же моё имя стало в некотором роде известным, настолько, что сложно сделать вид, будто меня никогда не было... Я состою в организации — правильно даже сказать, я руководитель одной из секций этой организации — помогающей лицам с нетрадиционной ориентацией и расстройством гендерной идентификации...

— П-простите, что?

Какой-то безумный день, определённо. Дрази, рассуждающие о земной поэзии — ещё ладно. Дрази-геи и дрази-транссексуалы — это уже посложнее.

— Да, наверное, вы не привыкли к подобным разговорам... Хотя на Земле, насколько знаю, такие темы не являются запретными... Да, на Захабане бывает сложно достать информацию о культуре других миров — полную и правдивую информацию, я имею в виду. Но мы стараемся. Мы находим это важным — обмен опытом... Ведь проблема, которой посвящены наши действия — она шире, чем только вопрос чьих-то сексуальных предпочтений. Это вопрос равноправия, которого у нас, кажется, не наступит никогда... У нас не считается, что женщины дискриминируются, понимаете? Напротив, все говорят, что

женщины привилегированны. Ведь их меньше, чем мужчин, ведь они рожают детей, от них зависит продолжение рода... Нет, у нас не считается, как когда-то на Земле, что женщины низшие существа, напротив. Наши женщины — королевы... прикованные цепями к золотому трону. У них, дескать, есть право ничего не делать, сидеть дома, рожать и воспитывать детей, всё для них сделают мужчины семьи... Нет, у нас женщин обучают грамоте, дают начальное образование, но продолжить его и тем более найти работу женщина может, только если выйдет замуж. Пойти в армию или стать правителем женщина может, только если у неё есть хотя бы один ребёнок женского пола, залог продолжения рода. Сопrotивление этому правилу расценивается как безответственность... О подобном говорила шиМай-Ги, женщина-пилот с Тучанкью, её тоже упрекали за то, что она выбрала опасную, мужскую профессию... Но ей всё-таки разрешили, и вообще дискриминации там почти нет, женщин отговаривают только от опасных профессий, но никто не принуждает их как можно скорее вступить в брак, это удивительно, но более отсталые тучанки мудрее, чем мы!

— Ну, я всегда считала, что эмансипация — лучший друг прогресса... О каком прогрессе может идти речь, когда место женщины по-прежнему на кухне? И... не знаю, правильно ли я поняла... Ваша организация состоит из лиц нетрадиционной ориентации? И вы тоже...?

— Ну, не только. Я биологически женщина, и мне нравятся женщины, но себя я женщиной не считаю... не чувствую. Об этом сложно говорить, сложно это объяснять, многие иномирцы, я знаю, не различают полов у дрази... Вернее, они никогда не видели дрази-женщин, и даже считают, что мы гермафродиты...

Виргиния улыбнулась. Говорить становилось, понемногу, всё легче. Ну, что тут такого — обсуждать проблемы гендерной идентификации и сексуальных предпочтений дрази... Не сложнее, чем рассказывать о таковом же у землян. Она несколько месяцев среди гермафродитов прожила, ничего...

— То есть, вы... считаете себя мужчиной? Как вы это почувствовали, когда?

— Сложная тема. Это предмет постоянных размышлений, не только моих, но и всех в нашей организации. Что значит — чувствовать себя мужчиной, или чувствовать себя женщиной? Если снять с этих понятий все нагромождения общественных стереотипов — что останется, что настоящее? Ведь женщина — это не только рождение детей, домашнее хозяйство и наряды, украшения, женские ремёсла. Так же и мужчины — это не только войны, политика или наука... Многие думают, что некоторые мужчины хотят быть женщинами из-за привилегированности положения женщин, из-за того, что им ничего не надо делать, ни к чему стремиться, они с рождения обеспечены всем. И что некоторые женщины хотят быть мужчинами потому, что жизнь мужчин куда интереснее и насыщеннее. Возможно, у кого-то всё именно так обстоит, но точно не у всех. Я не хочу быть королевой, но не хочу быть и одним из рабов королевы. Тому, чего мы хотим — мы все — ещё нужно подобающее определение. Ведь есть и мужчины, любящие мужчин и при том не отказывающиеся от своего мужского естества, и женщины, любящие женщин, но не желающие мужской роли, не сожалеющие о том, что они женщины...

— Я понимаю это всё. У нас ведь, знаете, тоже такие явления есть...

— И так же в нашей организации находят прибежище гетеросексуальные парни и девушки, которым по той или иной причине невыносимо в сложившейся системе — кого хотели оженить с тем, кто им отвратителен, кому не позволили быть вместе с любимыми.

Женщины, которым захотелось учиться, работать, заниматься искусством, а не рожать детей. Сложно на самом деле сказать, женщины или мужчины у нас управляют обществом. На самом деле управление — это некий фантом... Ни те, ни другие не вправе решать за себя, как им жить. Решает семья, род, решают за каждого гражданина, неравноправие никогда не бьёт только по одной стороне... Поэтому мы с таким восторгом смотрим на ваш пример — на пример женщин Земли! Ваши женщины водят звездолёты, служат в армии, становятся президентами или командорами станций, и никто при этом не спрашивает с них, замужем ли они и есть ли у них дети. Мы понимаем, что Альянс, или Земля, или Минбар не решат наших проблем, не выступят за нас перед нашим обществом, но нам важны такие примеры, нам важно видеть, как сражались и побеждали другие...

— Тогда вам полезно будет пообщаться и с лорканцами, наверное... У них сейчас, кажется, назревают солидные перемены в обществе. У них там сейчас своя икона — жрец Синеасдан, оказавшийся переодетой женщиной. Даже неизвестно её настоящее имя... У них там было ещё веселее, чем у вас, там женщинам даже учиться не разрешали... Вообще прискорбно, что у вас там такие феодальные пережитки под эгидой заботы о нации процветают. Если учесть, что дрази вроде к вымирающим расам не относятся...

Штхиукка повела плечами.

— Мой народ имеет множество несомненных достоинств, но меняет что-то в своей жизни очень медленно и трудно. Доктрины, принятые некогда, под влиянием тех или иных исторических условий, живут очень долго, пока сама история не заставит отменить их... Существует исторический и идеологический парадокс — порицание бесплодия и безбрачия наряду с обычаем ритуальных сражений, укоренившимся когда-то именно как регулятор численности, хотя происхождение, конечно, имел иное... Но в век, когда возможна колонизация других планет, и нет угрозы перенаселения, и когда развитие медицинских технологий, искусственное оплодотворение позволило бы родить столько детей, и того пола, как душе потребно — и то, и другое бессмысленно. Но дрази держатся устоев, им кажется, что падение устоев ведёт за собой падение нации, что если позволить таким, как я, существовать открыто — то все женщины и все мужчины пожелают отказаться от брака, от сексуальных отношений с противоположным полом, от рождения детей, наступит демографический кризис и дрази вымрут. Им кажется, что мы совращаем молодых, заражаем их дурным примером... Хотя ничего нет соблазнительного в той доле, которая нам выпала. Мужчины и женщины из нашей организации селятся в покинутых деревнях, где очень скудная земля, они очень много трудятся, а им ещё приходится защищать себя от тех, кто считает их угрозой! Очень трудно найти работу, особенно тем, кто не был в браке, из женщин. Мужчинам легче, но когда узнают, кто они такие — приходится тяжелее... Многие ушли из семей, покинув супругов и детей, когда осознали, что не могут противиться зову своей природы и лгать... Настоящим достижением для нас было, когда наше поселение признали, мы нашли сбыт для нашей продукции, меня избрали главой общины, благодаря этому я могу делать заявления для прессы, держать связь с другими общинами, делать всё возможное, чтобы отношение общества к нам стало иным... Шин Афал... наверное, неправильно, что я это сейчас говорю, но врать тоже не могу. Она мне верит, и не называет меня в женском роде. Но на неё давят. То, что она общается со мной, что благодаря ей в том числе я всё ещё здесь, ей приходится как-то оправдывать перед своими старейшинами. А они, конечно, не могут оправдывать такой образ жизни и мыслей... И она изображает, что помогает мне принять свою женскую суть, придти в гармонию с ней. Минбарец не должен

лгать, ей очень тяжело. Вообще тяжело спорить с теми, кого считал авторитетом всю жизнь. И проще сказать, что ваш пример поможет мне утвердиться в личном самоопределении, поможет принять себя как женщину... Я же думаю, что моя личная самоидентификация — не самая большая проблема, от её решения существующий порядок вещей приятнее не станет... Вы были символом для многих, станете и для нас. Потому что были освободительницей народов, потому что, будучи женщиной, самостоятельны, независимы, потому что вы сестра Андо, о котором мне говорили, что он... во многом был таким же, как мы.

— Ну да, пожалуй... — Виргиния помолчала, укладывая в голове всё обилие новой информации, — Штхиукка, разрешите вопрос? Возможно, нескромный? Ваша речь, ваш лексикон... Возможно, я сужу как-то предвзято, но мне кажется, ваш коэффициент интеллекта превысит всех ваших официальных представителей, вместе взятых. Как так получается, если женщинам у вас положено только начальное образование?

— Самообразование, — развела руками Штхиукка, — когда тебе что-то запрещают, или, по крайней мере, ограничивают — становится понятно, что только своими силами чего-то достигнешь... Мне приходилось произносить много речей, писать статьи для газет... Это обязывает. Что же до наших... официальных представителей... Не судите их строго. Туда и не выбирают умнейших и речистых.

— Вот как?

— Тоже традиция. Посылаемые во внешний мир — как правило, воины, и не всегда высочайшего ранга. У дрази не принято щеголять умом перед другими расами, это считается нескромно. У нас есть и учёные, и поэты, но они, считается, пригодятся нам и дома. Уж не знаю, почему, но полагается, что для внешней политики много ума и не надо.

Виргиния прыснула в кулак.

— Ну, не могу сказать, что они такие одни... Это, конечно, создаёт порой трудности, но когда ж мы трудностей боялись... Да, можно ещё вопрос? Я слышала, у дрази большим почётом пользовалась бывшая анлашок-на Иванова. Почему? Она ведь женщина, к тому же женщина, занимающая влиятельный пост...

— Да, но замужняя и имеющая троих детей. Таких женщин и у нас уважают. Хотя, истоки этого почёта ещё раньше, до её замужества. Это после той истории, ещё на Вавилоне, когда она разрешила конфликт, вызванный нашей ритуальной войной, став вождём Зелёных.

— Неужели так впечатлились? Вождь — это понятно, конечно... Но ведь только на цикл.

Штхиукка улыбнулась.

— Дрази — очень упрямый народ. И ценят, когда кто-то сумел переупрямить, перехитрить их.

— Представляю, что теперь будет твориться с Центавром, — хохотнул Андрес, — они и так боялись Альянса, а теперь у Альянса ещё и президент — нарн! Впрочем, кто им виноват-то теперь... Иногда мне очень жаль императора Котто...

— Император Котто держится либеральных принципов и прислушивается к мнению народа, — Алион остановился возле высоких ступеней парадной лестницы центральной городской библиотеки, простые и величественные формы традиционной нарнской архитектуры вызывали в нём невольное восхищение, — правда, на народ сейчас оказывают немалое влияние радикальные силы... Им кажется, что вступление в Альянс стало бы

унижением для Центавра, признанием неспособности справиться самим... Эту обособленность они считают патриотизмом.

— Пусть, конечно. Быть патриотом никому не возбранно... Правда, один центаврианин тут сказал мне, что на Центавре отличить патриота и идиота вообще очень сложно... Что-то врии, экономика которых никаких существенных стрессов не испытывала лет сто, униженными себя не считают. Хотя может быть, потому и не считают. Я вообще заметил, что у многих народов патриотические настроения особенно обостряются после того, как им надают по шее, и очень не хочется признавать, что надавали справедливо... Интересно было для сравнения посмотреть уроки патриотического воспитания нарнов...

— Андо говорил, у нарнов нет патриотического воспитания как такового, они патриоты сами по себе.

— Понимаю... Видимо, сама атмосфера обязывает.

— Так жаль, — тихо проговорил Алион, — что Андо так и не был здесь... Я знаю, он любил свою родину, хоть и не слишком любил говорить об этом, считая разговоры о патриотизме пустыми. Он считал, что любовь к родине естественна, естественно, как дыхание, желание защищать её и служить ей. Из его воспоминаний я понял, что он долгое время в детстве провел в клиниках, где его изучали, чтобы создать телепатов Нарна. И из этих воспоминаний можно судить о том, что для него возможность быть полезным родному миру значила очень много... Не каждому ребёнку его возраста везёт такую возможность иметь. Кроме того, вы ведь знаете, кем является его отчим. Кем он был для своего народа и, конечно, для Андо. Хотя, разумеется, дело не только в авторитете отчима, не во влиянии его взглядов на жизнь Андо... Но, тем не менее, он очень хотел быть достойным своего отца.

На последних словах фриди Алион запнулся, не зная, продолжать ему или нет. Он поднял лицо к небу, там занимался закат, разливая по горизонту алые дороги. Тонкие черты лица фриди озарились этим алым свечением, зеленые глаза заблестели. Глубоко вдохнув, Алион посмотрел на человека.

— Вспоминаю то, что вы сказали тогда, как удивительно верно... «Зачем было сверхъестественной силе притворяться человеком, или почему человеческое бытие так и не принесло счастья». Что-то такое вертелось и у меня в голове, но вам удалось это лучше сформулировать. Я думал сперва об удивительной противоречивости натуры землян, я просто не готов был осознать то, что он представляет из себя на самом деле... Признаюсь, это просто сложно... для моего воспитания...

— Вот тут я, пожалуй, согласен с Дэвидом Шериданом, что отнюдь не повезло в этом минбарцам — они испытали влияние ворлонцев прямое, а не опосредованное, выработали перед ними почтение, чтоб не сказать — подобострастие... А разочаровываться в своих кумирах потом бывает ой как тяжело.

— Всем хочется иметь перед собой пример чего-то более высокого, светлого, мудрого — и землянам, и минбарцам.

— Тогда хороший вариант стать такими самим, разве нет?

— Некоторое время я думал о том, что... Мне было жаль, что в то время, когда ещё была такая возможность, я не узнал больше, не расспрашивал его. Но я был приставлен к нему, чтобы учить, чтобы помогать овладевать своей силой, а не чтобы удовлетворять своё любопытство. Сейчас мне уже легче переживать этот факт.

— Да уж, забавно... Многое они в него вложили — огромную силу, огромный потенциал... Только вот умение справиться с этим подарком, и умение найти себе

применение положить забыли. Или не сочли нужным размениваться на такие мелочи. Что тоже многое говорит о мудрости и совершенстве...

Алион опустил голову.

— Наверное, в этом вы тоже правы — что они увели его за собой... Может быть, и ненамеренно, а притянув, как большое целое притягивает свой малый элемент. Остаётся надеяться, что его сыну больше повезёт найти себя в этом мире.

Свернув за угол, на площадке перед красно-коричневым двухэтажным зданием в форме буквы П они увидели собравшуюся в кружок стайку нарнских детей. Перед этим они, кажется, играли в какую-то шумную, подвижную игру — песок на площадке был изрыт множеством ног, многие дети выглядели запыхавшимися. Сейчас сидящая в центре девочка — Андрес уже знал, что одежда девочек отличается более яркими красками, изображениями цветов — серьёзно и торжественно рассказывала что-то, остальные дети слушали её в молчании, лишь изредка перешушукиваясь. Увидев Алиона и Андреса, они все резко замолчали и уставились на них — смолкла и рассказчица. Мальчик постарше что-то спросил, Андрес развёл руками — нарнский он знал на уровне туристического разговорника.

— Извините их, — раздался у них за спиной хоть и сильно искажённый акцентом, но земной говор, — у нас на улицах всё же не так часто можно встретить настоящего минбарца...

Андрес обернулся.

— Ну, мы, честно говоря, тоже впервые видим маленьких нарнов, так что любопытство наше взаимно.

— Я фриди Алион, — Алион сложил руки в приветственном жесте, — мне жаль, что я смутил детей своим появлением, но мне хотелось послушать их рассказы. К сожалению, я мало понял — мой нарнский несовершенен...

— Они рассказывают истории по случаю великого дня. Истории о войне — как знают их они, ещё не учившие новейшей истории. Эти дети — мои ученики, большинство первогодки, они родились уже в отстроенной столице и не видели послевоенной разрухи, ужасы войны они знают только по рассказам старших. В их изложении это скорее похоже на мифы или сказки...

— Так вы школьный учитель?

— Да, я преподаю математику у первогодок и физику у средней школы, моё имя На'Рук.

— Прошу вас, На'Рук, если вам не сложно... Не могли бы вы попросить детей продолжить их рассказы, и перевести их для нас?

— Они покажутся вам очень наивными, господин Алион.

— Мы, минбарцы, высоко оцениваем значение сказок для воспитания. Я неплохо знаю новейшую историю, но совсем не знаю нарнских сказок, и нахожу это печальным упущением.

Сперва дети беспокойно косились на инопланетян, воспринимая их, видимо, чем-то вроде строгих экзаменаторов, но постепенно рассказчица осмелела — и гости слушали, в переводе На'Рука, как, спустя пятьдесят лет мирной жизни, центавриане снова вторглись на священную землю Нарна, как кровожадный император, заключивший сделку с самим Древним Злом, привёл сюда свои корабли, и мир лежал в руинах, и рекой лилась кровь, но было предсказано — до тех пор не падёт Нарн, пока на свободе великий вождь Г'Кар, и послал император всех своих слуг, чтобы нашли Г'Кара, и они искали день и ночь по всем концам галактики. Но Шеридан, военачальник землян, отказался выдать им Г'Кара, не

поддаваясь ни на угрозы, ни на обещание награды, и тогда император попросил Древнее Зло, чтобы оно похитило друга Г'Кара. Г'Кар отправился выручать друга, и попал в расставленную для него ловушку. И император думал, что теперь Нарн навечно в его власти. Но он не знал, что в это время военачальник землян Шеридан прогнал Древнее Зло из галактики, запретив ему впредь появляться здесь, и без могущественной поддержки император снова стал уязвим, как любой смертный. Император не щадил ни чужие народы, ни свой, и собрал на себе множество проклятий, и вселенная покарала его, властной рукой раздавив в его груди оба его сердца — тому, кто надеялся владеть землёй Нарна, можно только лежать в ней мёртвым. И поняли центавриане, что это знак, и навсегда ушли с этой земли.

Были истории и о героях войны, и в этих историях герои вырастали практически в былинных богатырей, и о центаврианах, не послушавших предостережения не трогать какую-нибудь святыню и в итоге погибших какой-нибудь ужасной смертью, и о том, как вставали из могил древние воины, чтобы вместе с живыми сражаться против захватчиков...

— Ну что, Андрес, — спросил потом Алион, — скажите, Вселенная ответила на ваш вопрос про патриотическое воспитание?

— Пожалуй... Пожалуй, мне жаль, что с нами здесь не было их высочества. Я слышал, он как раз фольклором увлекается, а это ведь уже фольклор. Если некоторым из этих историй я ещё могу найти логическое объяснение, то другим... Уж не сами ли они их сочиняют?

— Сдаётся, вы ищете не то логическое объяснение. История устная тем и отличается от истории написанной, что цель её — не излагать факты, а показывать отношение, восприятие этих фактов, и более того — поддерживать веру народа, дух народа, тогда, когда ничто другое не даст таких сил. История, которую мы читаем со страниц, говорит с нашим умом, а история, которую мы слышим, говорит с нашим сердцем.

После церемонии Винтари подошёл к На'Тот.

— Разрешите поздравить вас... госпожа президент.

— Благодарю, ваше высочество, — нарнка посмотрела на него пристально и, кажется, с лёгкой усмешкой, — я, признаться, удивлена, вы не в парадном мундире...

— Я долго сомневался, стоит ли мне его надевать. Всё-таки я не представляю здесь официально республику Центавр. Но в то же время, моё появление не при параде могло быть воспринято как неуважение... Но всё разрешилось проще — он на меня не налез. Всё-таки я не надевал его десять лет, а за это время несколько подрос.

На'Тот прищурилась.

— Было большой смелостью с вашей стороны прилететь сюда, принц.

— Я прилетел не как официальный представитель Центавра, а как воспитанник дома Шериданов. Кроме того, я глубоко верю в традиции толерантности, заложенные Альянсом, и я не мог не совершить сам шага, свидетельствующего о моей вере.

— Наверное, вы и правда переросли свой мундир, принц.

— В принципе, вот это тоже вполне вариант... — Винтари продолжал пролистывать файлы с личными делами, в актуальности которых был более-менее уверен. Хорошо хоть, доступ матушка ему не заблокировала — то ли не сообразила, то ли надеялась, что устыдится, любуясь, чем занимаются и чего достигают его родственники в то время, пока он

мается ерундой, — Родемар Горгатто, сам по себе, по характеру и дарованиям, звёзд с неба, может быть, и не хватал бы, но судьба одарила его столь чудной женой, что он предпочитает проводить время на службе, даже ночуя в кабинете... Если ему удастся отмазаться от перевоза семьи на Винтари, он, думаю, будет благодарен мне по гроб жизни и заповедует детям быть благодарными моим потомкам. Или вот, Норо Горгатто, довольно молодой, но образование получил неплохое... На Приме, в тени более влиятельных дядек, которые пока на тот свет не собираются, ему едва ли в ближайшее время подняться высоко, вакантных мест, так сказать, не наблюдается... Ух ты, помолвлен с какой-то Гратини... Видимо, после назначения Гордеуса послом эта фамилия резко начала интересовать многих, если уж даже род Горгатто... Правда, эта ветвь никогда не была слишком удачлива... Можно будет, кстати, по возвращении посоветоваться и с Гордеусом, в родовых хитросплетениях он, может, понимает и не столько, зато жизненной мудрости у него побольше, чем у меня...

Дэвид стоял у окна, любуясь на панораму заката.

— Странно... Всё это кажется таким знакомым... Эти крыши, это небо... Кажется, я видел это во сне. В тех снах, глазами Андо.

Винтари оторвался от штудирования файлов.

— Но ведь сам Андо никогда не был здесь. Хотя, конечно, он мог видеть это в мыслях других, каких-нибудь гостей с Нарна... Сложно даже представить, сколько всего можно увидеть глазами телепата. На всю жизнь потом, наверное, хватит осмыслять. У тебя ведь... сейчас больше нет этих снов?

Дэвид покачал головой, всё так же глядя в окно.

— Не так часто, и более смутно, большей частью я ничего не запоминаю. Чаще остаётся смутное ощущение, что я видел не свой сон...

— Но ведь... Андо больше нет, и ты говорил, что сны прекратились. Почему ты ничего не рассказываешь?!

— Не о чем рассказывать. Я сам не могу точно сказать, что именно вижу. Возможно, это лишь слабые отголоски, осмысление-переживание того, что я видел... раньше.

Винтари отложил планшет, лицо его было отрешённо-грустным.

— Не знаю, то ли я ненавижу Андо за это всё — если всё же окончательно принять на веру то, что между вами была эта непостижимая ментальная связь — то ли нет уже никакого смысла его ненавидеть...

— Знаешь, я вспомнил сейчас о том... Странно, я почти никогда в воспоминаниях Андо не видел отца. То есть, видел, но... Он там был, да, но его невозможно было увидеть... Я не знаю, говорил ли, но в памяти человека есть как бы два отображения чьего-то лица, или происходивших событий, или чего угодно... То, как человек это видел, как воспринял — например, бывает, что человек вспоминает лицо случайного знакомого похожим на кого-то, с кем он его в тот момент сравнил, и потом он удивляется, увидев, что оно вовсе не таково... и то, что есть на самом деле. И обычно, если человек не сканирует специально, он видит что-то в мыслях другого человека таким, каким он это видел, как воспринимал... Не спрашивай, откуда я всё это знаю. Так вот, один раз я видел отца в его воспоминаниях, именно видел его лицо... Видел его за стеной огня, но не в свете, как обычно. Я хорошо помню мысль... Мысль о том, что ни на кого не должна ложиться вина за то, что у него не было шанса... Не было, но ещё будет.

— Какого шанса?

— Сложно сказать... Защитить меня... Хотя мне кажется — нечто большее. Я думаю —

может быть, это страх Андо, за отца, за меня... из-за того, что я ахари. Он мог не говорить, не спрашивать, но ведь он не мог об этом не знать.

— Наверное... Знаешь, прямо сейчас созерцание морд моих именитых и не очень родственничков надоело мне до чёрта. Я предлагаю прогуляться. Солнце садиться только начало, время сейчас летнее, время у нас ещё есть.

— Прогуляться?

— Ну да. Надо же посмотреть местные достопримечательности, чтоб было, что рассказать тем, кто не был. К тому же, там сейчас как раз, полагаю, народные гулянья... Нет, я прекрасно понимаю твоё опасение, что это может быть не безопасно для меня, потому что я всё-таки остаюсь сыном все мы помним, кого, и все нарны не обязались относиться ко мне так же, как знакомые нам нарны-рейнджеры, но, во-первых, всю жизнь теперь бояться — недостойно центаврианина, во-вторых — ни к чему сразу настраиваться на плохое, всё-таки это столица и за порядком здесь следят, в-третьих — если что, отобьюсь, не маленький.

Было действительно ещё очень светло, но на площади уже зажигались фонари — не электрические, а традиционные нарнские, жёлтые и оранжевые шары. Звучала музыка — в основном народные духовые и ударные. От многочисленных лавочек с закусками и сувенирами зазывали торговцы. Дэвид вежливо улыбался и извинялся — как ни хороши были все эти пирожки на вид, после торжественного обеда они бы в них никак не влезли. Лавки с сувенирами заинтересовали его больше.

— Иноземцы, купите браслеты! Для любимых девушек, для матерей, для сестёр! Отличная ниджоракская ковка, не окисляются, не ржавеют, износу не будет триста лет, внукам достанутся, как новенькие!

Дэвид задумчиво повертел в руках широкую полоску металла с чёрно-красной гравировкой.

— Как думаешь, маме понравится? В конце концов, можно купить, носить или нет — уже ей решать... А что здесь изображено?

— Вот на этих — традиционные сюжеты. Г'Кван с учениками, Праздник Даров деревенская свадьба, праздник спортивных состязаний... На этих — растительные мотивы...

— Была б здесь Амина... Но боюсь, если я подарю ей браслет — заслужу косой взгляд от Тжи'Тена. А Рузанне не знаю, как покажется... Хотя можно попробовать...

— Трубки, перечницы, солонки, дудочки, свистульки — лучшей забавы для детей не придумаешь, да и взрослым нравится, — продолжал торговец, заметив, что Винтари заинтересовался керамикой. Вероятно, он не понял, что перед ним центаврианин — ну, это и не странно, кто б мог ожидать появления здесь центавриан даже спустя столько лет? А землян-то на церемонию прилетело видимо-невидимо, — отличный выбор, иноземец! Птица линн — самая редкая и сладкоголосая птица на Нарне, кому повезёт услышать её пение — тот, говорят, на семь лет благословлён небом на удачу в торговле и в любви!

— А, ну, это можно...

— Свистулька очень удачно имитирует её пение! Дуньте, попробуйте!

— Мне бы, наверное, больше свистулька в виде накалина подошла, — усмехнулся Винтари.

— А вы знаете легенду о центаврианах и накалинах?

— Нет, а что, такая есть? Откуда?

— Не знаю, мне дед рассказывал. Говорил, древняя сказка, только древней-то она быть не может, мы тогда центавриан не знали...

— Расскажите, интересно!

— Ну ладно, — торговец важно поправлял на лотке перечницы и статуэтки, — было это, говорят, очень давно, на заре миров, так давно, что некому было вести отсчёт лет, чтоб определить, как давно, да и счёта самого ещё не было. Решил центаврианский бог породить центавриан, а то некому было их с богиней почитать и прославлять, и пока богиня вынашивала первенца, сам ушёл создавать мир для них. А богиня, как всякая центаврианка, была капризна и не любила трудностей. Сказала она: «Тяжело мне столько времени мучиться, пусть уж он родится поскорее, устала я терпеть». Родилось дитя прежде срока, родилось безобразное и неразумное, и прославлять бога и богиню совсем не умело — в общем, накалин. Разгневалась богиня на неразумное дитя и прогнала его из дома. А чтобы на неё саму супруг не разгневался, когда вернётся, решила она родить другое дитя...

— От кого, простите, если супруг был в отъезде?

— Ай, не знаю, будто не найдёт женщина, если ей очень надо? В общем, когда вернулся супруг, ждало его уже готовое дитя, и красивое, и пригожее, разве что только очень уж балованное и непочтительное. Сразу, как бог вернулся, спрашивает — где, мол, мой мир обещанный? Хочу быть в нём королём! А тут приходит ещё старшее дитя, которое накалин, и тоже требует — моя, мол, планета, я первенец, и так я пострадал из-за этой глупой женщины, родился некрасивым и даже разума своего у меня нет. Страшно раскричался, раскапризничался второй ребёнок, узнав, что он не старший и не единственный, сказал, чтоб убрали с его глаз это чудовище, и что теперь родители, чтоб унять его расстройство, должны ему уже две планеты, а лучше три. Разгневался тогда бог на них всех, всех их проклял, да и себя самого, за такое неудачное творение. Предрёк он, что теперь накалины, раз у них своего разума нет, будут отнимать разум у других, а центавриане, хоть и живут в прекрасном, плодородном мире, будут теперь жадными, всего желать, но никогда не насытятся. А их с богиней, раз они такими дурными родителями оказались, и те и другие забудут, других, придуманных богов будут почитать, а не настоящих. И удалились бог и богиня в заповедные дали, а куда — никто не знает.

— Интересная сказка... Надо ж было придумать такое. ...Интересно, а в колониях были такие сказки?

— Не знаю, мне это дед рассказывал, а сам, говорил, от своего деда слышал, а больше я не слышал ни от кого... Может быть, и выдумал он всё, мог и выдумать... А в колониях наша семья никогда не жила. А почему вы спрашиваете?

— Так... Из-за одного нашего друга. Наверное, ещё долго, слыша что-нибудь, мы будем задумываться, мог ли он тоже это слышать...

==== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 7. Выбор =====

От торжественного обеда в доме новоиспечённого президента Винтари, может, и рад был как-то увильнуть — всё же конкретно он был на положении рядового гостя, не облечённого никаким высоким чином, и среди высшей дипломатии всех миров в этой невнятной роли было как-то неловко. Серьёзно, такого количества именитых тузов в одном месте он не видел до сего дня ни разу в жизни, ну, ведь и равных по значимости событий в жизни Альянса он до сих пор не лицезрел. Конечно, далеко не всё это были верховные правители (а у некоторых, как, к примеру, геймов, для внешних сношений предназначен строго определённый класс граждан, в силу расовых особенностей), но в любом случае это

были представители высших кругов. Но На'Тот отозвалась на этот счёт столь обтекаемо, что в коротком мозговом штурме с Дэвидом было принято решение всё же идти. Обвинение в непочтительности как-то хуже, чем возможная неловкость.

Первым удивлением было то, что обед, собственно, состоялся-то не в доме. Широкий длинный стол был накрыт в саду, нарядно убранном праздничными гирляндами. Как любезно пояснила На'Тот, в доме просто тесновато для такого количества гостей.

— Я, конечно, очень люблю свой дом и горжусь им, и охотно бы им похвасталась, но он действительно маловат. Поэтому похвастаюсь садом, он тоже вполне стоит того.

— Лично я нахожу идею блестящей, — Робертсон, пожилой негр богатырского телосложения, аккуратно переступил через миниатюрный мостик над пересекающим сад ручьём, — свежий воздух, зелень, солнце — по мне так лучшая обстановка для торжества, чем любой дворец. Хотя по правде говоря, я несколько удивлён. Вы ведь член Кха'Ри уже много лет. И вы живёте в столь... скромной обстановке?

— Это подходящая мне обстановка, это главное. Я люблю свой дом. Я сама выбирала место для него, сама проектировала, и в постройке тоже участвовала. Здесь всё сделано именно так, как мне больше всего нравится, и каждая вещь на своём месте, и ничто ничему не мешает. Я могла б, конечно, переселиться в дом побольше, но, во-первых, зачем? Мне нравится этот, мне хорошо в этом. Я вложила в него душу, приросла к нему за эти годы. Во-вторых, у нас и вообще мало теперь дворцов и особняков, как-то нет нужды. Наша жизнь на большую часть проходит в обществе, на работе...

— Ну, а как же дети? Я слышал, нарны как правило заводят много детей. Это понятно, после понесённых в войне потерь...

— Ну, лично мой вклад в демографию не слишком велик... А что — дети? Дети у нас, как только перестают зависеть от родителей физически, твёрдо стоят на ногах и внятно говорят, отдаются в школы. У нас преимущественно интернатское воспитание... Разумеется, если подходящая школа находится недалеко, то дети часто бывают дома, но это мало меняет. Дети должны привыкать к самостоятельности, а не к родительской опеке.

— Да, действительно, с учётом, что вы быстро взрослеющая раса, это вполне понятно...

Дэвид, в ожидании, пока соберутся все — неприлично садиться за стол в числе первых, когда ты неходишь в число важных гостей — прохаживался среди необычной формы кустов, усыпанных мелкими конусовидными то ли соцветьями, то ли завязями. Шум голосов доносился сюда ровным гулом, в котором невозможно было разобрать отдельные слова и опознать говорящих. Мог ли Андо представить себе, что наступит такой день? Если б мог — наверное, постарался б дожить до него...

Ну да, кольнула тут же едкая, злая мысль, был бы он счастлив и горд, как же. Для него ведь одно имело значение — его Свет и последний в мире сосуд этого Света... «То, что это твоя родина, что это твоя воспитательница, кумир твоего детства — пересилило б в тебе эту проклятую тоску? Хоть что-то могло её пересилить? У тебя всё было. Целый мир... Зачем тебе были они? Зачем тебе был отец, в котором того, кого ты искал, больше нет? Кого вообще больше нет... И среди них — тоже. И что с того, что он был на капельку лучше, чем все остальные? Одна только память стоила всего того, что у тебя было?»

Нет, конечно, так нельзя говорить. Не тому, кто видел... Дэвид пошевелил пальцами, поглаживающими бахромчатую листву кустарника, красные солнечные блики играли на кольце. Кольцо молчало. Как понять, молчание это безголосого или не желающего отвечать? «Я, конечно, знаю, что он значил для тебя, мне ли не знать. Хотя, знаю ли я это на самом

деле... Кто значил — отец или один эпизод в его прошлом? А я? Что мне не даёт покоя — мои сны, связанные с тобой и твоей жизнью, или другие сны, связанные с огнём и голосами — о чём ты тоже, кажется, мог дать какие-то ответы...»

— Вы тоже считаете, что это удивительно красиво? — раздался голос рядом, — действительно чудесный сад. Конечно, деревья пока совсем маленькие... Это понятно, мало прошло времени. Жаль то поколение, которое не успеет увидеть настоящих садов...

Дэвид обернулся. Рядом с ним стоял пак'ма'ра довольно необычного вида — его молочно-белая кожа была почти того же цвета, что основа его одежды, заметно отличающейся от обычных пакмаранских балахонов — практически приталенное платье с длинным и широким, собранным на запястье рукавом, поверх наброшена белая же, в мелкий малиновый узор накидка. «Пакмаранская мода» — это самый короткий анекдот, сказал кто-то. К одежде эти существа равнодушны, даже высшая знать (насколько так можно выразиться применительно к пак'ма'ра вообще) редко носит что-то иное, чем эти обычные серые, чёрные, иногда серо-зелёные балахоны. Дэвид попытался вспомнить виденный промельком список гостей — кажется, с Молата, кроме их кандидата, было ещё двое, кто-то из жрецов или учёных, у них это не столь уж различные понятия...

— Некоторые из высаженных здесь деревьев, кажется, быстрорастущие. Может быть, и увидят.

— Не столь существенно. В любом случае это чудо, и я рада, что мне удалось воочию увидеть это чудо. В большинстве миров знают, что такое восстанавливаться из руин, но то, что было здесь, и что стало, при том всего за несколько лет... Я видела, конечно, съёмки, наш мир имел мало возможностей оказать помощь, мы ведь тоже серьёзно пострадали от той войны. Столько существ из самых разных миров оставили здесь свой вклад, при чём многие — безвозмездно... Хотя так нельзя говорить, взамен они получили бесценный опыт. Я думаю, Альянс выбрал себе очень хорошего президента — символ упорного труда, веры в возрождение, мудрости...

Винтари фиксировал в походном блокноте основные моменты рассказа, услышанного по дороге — с тем, чтоб потом, возможно, что-то написать о своём путешествии на Нарн (не то чтоб он был готов поднимать такую серьёзную тему, но ведь его просто не поймут, если он об этом не напишет), когда высокие фиолетовые стебли слева от него зашелестели и расступились, явив взору существо около половины его роста, одетое в замысловато повязанный паланкин — а во что иное оно, имеющее четыре верхние конечности и куда более скромные, практически рудиментарные, нижние, ещё могло быть одето.

— Простите... Может быть, вы можете подсказать, как скоро появится господин посол Проксимы? Мне хотелось бы обсудить с ним один важный вопрос до того, как начнётся праздничный обед — то есть, это было бы очень удобно...

— Весьма сожалею, но — понятия не имею, — вежливо кивнул Винтари, изо всех сил стараясь не слишком таращиться на большеротую головёнку существа с глазами на стебельках.

— Ох... Извините. Я подумал, что вы, раз вы, по всей видимости, представитель прессы Проксимы... Но в любом случае, как землянин, вы могли бы мне помочь, если вас, конечно, не затруднит.

— Меня, разумеется, не затруднило бы вам помочь, только вот вы ошиблись, я вообще не землянин, я центаврианин. Но я, без ложной скромности скажу, довольно неплохо знаю земную культуру и язык, хотя, разумеется, продуктивней и разумней будет обратиться к

любому из здесь присутствующих землян...

— Ай, простите, прошу, какой досадный конфуз вышел. Именно этого я больше всего боялся, отправляясь впервые в иные миры — спутать такие схожие, на наш непривычный взгляд, расы. Надеюсь, я не слишком обидел вас...

— Ничуть, путают нас многие... Дело, разумеется, ещё и в том, что я в... несколько неподобающем для центавриан виде, потому как я здесь всё же не как официальное лицо, а как лично приглашённое, и будет правильнее не выделяться среди других гостей с Минбара. Думаю, следует представиться — Диус Винтари, переводчик, — поминать чины и статусы было слишком чревато экскурсом в традиции центаврианского имя-и престолонаследия, а этого не хотелось совершенно, — а вы...

— Торта, и ваш коллега по роду деятельности. Моё имя — Атинам Икиунат Кедахтан Эсельзам Акадакай. Вероятно, вы, как и многие, ещё не знакомы с представителями нашей расы, мы совсем недавно имели счастье присоединиться к Альянсу, до этого контактируя только со своими ближайшими соседями...

— Я слышал о торта, но, конечно, никогда их не видел. И это огромная честь для меня, возможно, первым из моих соотечественников познакомиться с представителем вашего мира, господин Акадакай, — внутри у Винтари разливалась, правду сказать, не столько гордость, сколько натуральная паника, кой чёрт вынес это создание непременно ему навстречу, чтоб нашёлся повод опозориться? Особых надежд запомнить правильно имя нового знакомого даже с десятого повтора он не питал, хорошо, запомнил хотя бы последнее, остаётся надеяться, что обращаться так у торта не считается недопустимой фамильярностью.

— Если вас не затруднит такая любезность, господин Диус Винтари, то, чтобы мне не впасть случайно в конфуз снова, не могли б вы проверить мою способность различать расы, а так же — насколько хорошо я запомнил имена присутствующих здесь представителей миров? Я, разумеется, хорошо знаком с послем Вриитана, а так же научился уверенно отличать нарнов, минбарцев, хаяков, дрази, только дрази я боюсь спутать с ллортами, но ллортов ведь здесь и нет... Ещё боюсь спутать иолу и бракири...

— О, ну это легко, у бракири вот такой вытянутый череп, — Винтари быстро оглянулся, не заметил ли кто его жестикуляцию, — а у иолу специфические носы... Ну и в общении их, конечно, не спутаешь никак.

— Видимо, только на нашу расу нет похожих? Вас, наверное, удивляет такое невежество, но мы ведь до недавнего времени мало общались с представителями других рас. Преимущественно через вриев, а лично видели в основном тех торговцев, которых они сопровождали в наш сектор.

— А, так вы были под их протекторатом? — Винтари, конечно, что-то слышал от Виргинии о ситуации с торта, но толком не понял.

— Официально нет. То есть, они, можно сказать, опекали нас с самой зари нашей цивилизации, но никогда не устанавливали над нами прямой власти, они вмешивались в нашу жизнь произвольно, по желанию.

— Честно говоря, не слышал пока о подобном.

— Это сложно объяснить, и наверное, это требует обстоятельной беседы, не в таких условиях... Скажите, правильно я понял, сейчас с госпожой президентом беседует бракири?

— Да, это Симман Тираза, один из Пятисот. Представитель верховной власти Бракоса.

Сложно поручиться, но кажется, на лице торта мелькнула детская радость от верности

предположения.

— А этот рисунок у него на лице... Или это не рисунок? У других бракири я не видел такого.

— Ну, это татуировка. Знак... э... профессиональной принадлежности, — Винтари не был уверен, что будет прилично и уместно сказать, что нынешний член Кроны, одно из первых лиц Синдикратии — бывший мафиози. Хотя в случае бракири не всегда легко сказать, кто там бывший, а кто вполне нынешний. Факт, что после Войны Изначальных в бракирийском обществе произошли некоторые бурления, слегка перетасовавшие фигуры в верхах...

— А к какой расе относится вон та женщина?

— Какая?

— Вон там, беседует с... кажется ведь, это пак'ма'ра?

Винтари призывал на помощь всё своё давно не тренированное актёрское мастерство, чтоб сделать вид, что это он совершенно случайно закашлялся.

— Вообще-то это Дэвид Шеридан, сын покойного предыдущего президента. Он... ну, частично землянин, частично минбарец. Поэтому у него волосы, рога и минбарская одежда.

— Удивительно, все делегаты с Минбара одеты по-разному.

— Ну, это вполне естественно, здесь ведь представители всех трёх каст, а так же рейнджеры...

— Я слышал, что минбарское общество делится на касты. А к какой касте относится сын президента, или ему, как полуземлянину, не нужна каста?

Винтари замаялся, не зная, как ответить на неудобный вопрос, и попутно размышляя, как так получается, что торта, мало знакомые с другими расами вообще, не удивляются существованию гибридов, но этот вопрос, видимо, интересовал его нового знакомого не настолько сильно.

— А тот с ним рядом — пак'ма'ра, всё верно? Они ведь, если правду говорят, смердят...

— Смердят. Но далеко не всегда. Преимущественно, если недавно покушали...

— А мы как раз сейчас садимся за стол. А ведь питаются они тухлятиной...

— Ну, не только. Вообще-то они едят много овощей, фруктов, у них развитое сельское хозяйство. Сегодня на стол будет подаваться, в частности, пакмаранский суп из морепродуктов. Пробовал его однажды, когда пакмаранская делегация гостила в резиденции, очень рекомендую. Кажется, и гости как раз уже все собрались...

Торта посеменял впереди, благодаря чему Винтари смог немного рассмотреть его короткие ластообразные ноги и выглядывающий из-под одеяния толстый хвост. Мимо хищной, пружинящей походкой прошествовал Симман Тираза, кивком головы здороваясь с представителем Марса, у которого изысканный костюм тоже едва ли скрывал его прежнюю социальную нишу. А этот наивный торта беспокоится о комфортности соседства с пак'ма'ра...

Впрочем, лично Винтари с соседством повезло — слева от него сидел представитель хаяков Лидган, справа — оба дрази, напротив — Маркус Коул, Дэвиду, конечно, было тяжелее — по одну сторону от него был Маркус, но по другую-то врий, а пакмаранская кухня — не единственное, чего в межгалактических обедах стоит опасаться... Впрочем, у Дэвида возможностей для выработки минбарской невозмутимости было при его юном возрасте немало.

Действительно, сложно понять, чем руководствовались, распределяя места, вроде бы, никакой системы — дрази сидят рядом, минбарцы и земляне — нет. Единственно, понятно, почему ближе всего к На'Тот сели Робертсон и Дувалл — видимо, обсуждать это трёхстороннее соглашение решили начать прямо сейчас. Потому же, наверное, и аббай Зимора сел рядом с Тиразой, у них тоже какие-то недообсуждённые вопросы...

— Как же удивительно замечательно всё это придумано, — пробасил ближайший из дрази, жадно пережёвывая хаотично нарезанные куски замаринованного мяса, — вспоминаю такой же обед в саду во время празднования в честь нашей матери. Собралась вся родня — то есть, как понимаете, поместиться в доме мы все никак не смогли бы, вот и накрыли в саду. Впрочем, необычного в этом не было, семейные праздники в саду — это нормально для нас, мы гордимся своими садами. А уж сад в доме моей матери был действительно великолепен! Если вы видели когда-нибудь цветущие венькши — ну, может быть, видели на картинках — то можете себе представить, что это такое, когда их ветви смыкаются шатром над вашей головой. А какие ожьени выращивала наша мать! Цветок к цветку, как на подбор. Сама вывела новый сорт, прославивший нашу местность среди садоводов... Думаю, этот сад тоже однажды станет предметом зависти и восхищения. Госпожа На'Тот хорошая хозяйка, тут Альянсу с президентом опять везёт.

— Ну, вы управление делами Альянса с садоводством всё ж на один уровень не ставьте, — весело откликнулась На'Тот, — и я лично новых сортов не выводила. Мои заслуги тут какие вообще? Воткнула — растёт.

— Да вот как сказать, — отозвался Робертсон, — сами ж говорили мне же, что сами тут всё выбирали и придумывали. Я б так не смог, честно. Меня когда жена спрашивает, какие светильники в спальню взять — это мне хуже ножа. Мне какая разница, лишь бы светили. А вы тут такой уют навели! И так всё разумно устроили, как по волшебству — ладно что каждой расе её блюда, хотя тоже трудно на Нарне, наверное, всё это достать... Но уж приготовить мой любимый гуляш...

— Вот уж тут точно никакого волшебства нет, вы об этом гуляше в нескольких интервью говорили.

— Оно конечно, в этом землянин прав, — громким шёпотом обратился к Винтари дрази, — куда ни глянь, всё похвалы достойно. Только вот мальчику, сыну Шеридана, можно было и посерьёзнее чего положить, чем салатик этот куций. Разве так мужчину кормят? Мужчине нужно мясо! Я б своим даже поделился, но тшилу, вроде, только нам и нарнам есть можно.

— Ваша забота приятна, господин Шинром, но минбарцы, знаете ли, вообще употребляют мало мяса. Я сам, за время жизни на Минбаре, от него, признаюсь, изрядно отвык.

— Это я знаю. Но ведь сын Шеридана только наполовину минбарец. Да и посмотрите на господина Токтрала...

— Господин Шинром, я всё слышу! Вы действительно напрасно беспокоитесь, мне очень нравится мой салат. А господин Токтрал — воин, у его клана другие традиции...

— Этого я не знал, извиняюсь. То есть, про касты и кланы я знаю. Но про разное питание не знал. А ведь у нас тоже такое есть. Тогда, конечно, это понятно — ведь госпожа Деленн жрец... Оно, правда, для мужчины правильнее быть воином, но род такой великой матери предавать нельзя.

— Вот и верь людям, мне-то говорили, что парень воин, — буркнул второй дрази.

— Вообще-то я мастер.

— Что?

Удивительно, как это бывает — фразу, негромко сказанную соседям через стол, неожиданно, в праздничном гвалте, шуме множества голосов, звоне посуды — услышали все. И на какое-то время слышно стало, как в ручье плещется мелкая полудомашняя птица, свившая гнездо на крыше дома.

— Вот как... — пробормотал наконец Шинром и вернулся к последним оставшимся кускам мяса. Винтари же последовать его примеру было куда труднее. Он смотрел в бледное, напряжённое лицо Дэвида и старался, чтоб по его собственному не очень читалось потрясение. Надо сделать вид, что не произошло ничего необычного... Флианн, определённо, сделал именно так.

Дэвид с трудом подавил порыв сжать руками голову и выбежать — настолько ясно, несомненно физически, он ощутил обращённые на него взгляды. Это было невысказано, и эта невысказанность и оглушала с особенной дикой силой — он не мог, фактически не мог видеть ВСЕХ сидящих за столом, и однако ж он видел всех, видел, как они смотрели на него. Флианн, Токтрал, Дувалл — старательно прячущие замешательство, раздражение, недоверие и в то же время облегчение. Влиятельнейшие старейшины кланов, и, как предполагал Дэвид, члены Серого Совета (так это или нет, он наверняка знать не мог, имена сатай знали родители, но не открывали даже ему), разумеется, тоже со смесью нетерпения и опасения ждали, когда он сделает свой выбор. Сложно сказать, разочарование или успокоение принесли им его слова, ну не радость же явно. Непонимание на лицах Робертсона и Картера — они, каждый в своей мере, почувствовали некие перемены в атмосфере, но не могли идентифицировать их причину верно. Склонялись, кажется, к варианту, что бесцеремонные дрази попали впросак, не угадав касту полукровки. Сами дрази испытали, похоже, даже некий восторг от того, что жизнь сумела их удивить — пополам с досадой, что ошибались. Но для дрази такие противоречия в настроении терпимы, особенно на сытый желудок. Тонко ухмыляется Тираза, полагая в этот момент, верно, что видит нечто родственное даже в полуминбарце — парень выбрал главенствующую касту, это здраво. О пак'ма'ра сложно сказать «улыбается», но Канка'Мала определённо улыбается, едва ли понимая, как и большинство присутствующих, сложность момента, но чувствуя, как ему нужна поддержка. Пристально, прищурившись, смотрит На'Тот — кажется, из всех, кто не с Минбара, только она поняла, что произошло. Нет, ещё Лейста, врий. Но он, отметив, как любопытное, оставил вниманием это наблюдение тут же, вернувшись к уничтожению расплзающихся с тарелки мек хуу. И Диус... Надрывная смесь тревоги и колышущейся где-то под ней, как возмущаемый приведённой в движение водой ил, ещё пока тихой ярости. Он ведь знает, помнит, сколько их было, этих разговоров, косых взглядов, плохо скрывааемых ноток раздражения. Поднимающуюся мутную волну пытается успокоить мысль, что теперь-то ответ прозвучал, теперь все отстанут...

Это словно пробежавшая по небу туча, ненадолго накрывшая тревожным сумраком. Вот она прошла — вернулось яркое солнце, деловитый треск насекомых в ветвях за спиной, разговоры, смех, звон посуды. Обед подходит к концу, встают, церемонно раскланиваясь и рассыпаясь в любезностях, старый иолу, непроницаемый врий, неловкий от смущения торта... Вот и в одно мгновение материализовались рядом, тремя столпами незыблемого порядка, все трое — белый жреческий балахон, чёрная воинская броня, сиреневый костюм мастера.

— Дэвид, как следует понимать сказанное тобой?

— В прямом смысле, — Дэвид невольно отступил к дереву, переводя взгляд с бледного почти идеально гладкого лица Флианна — только несколько глубоких, словно рубцы, морщин — на массивное, с крупными чертами, пересечённое двумя глубокими шрамами, диссонирующими с мелкими, густой сетью, морщинами, лицо Токтрала.

— Ты понимаешь, надеюсь, насколько это серьёзно? Ты причислил себя к касте мастеров, при множестве свидетелей.

— Я понимаю это и путь назад мне не нужен.

— Позволь узнать, — выступил вперёд Флианн, — что определило твой выбор. Разумеется, хоть и произошло это при... не самых подходящих обстоятельствах, мы не вправе его не принять. Но нам интересно, что помогло тебе принять решение, которое было для тебя несомненно непростым.

— Всё дело, наверное, в том, что ожидая от меня этого выбора, все, вольно или невольно, подразумевали выбор только из двух вариантов. Ничто не связывало меня с кастой мастеров, все мои родственники, все друзья относились либо к воинам, либо к жрецам. Но я не могу быть жрецом — я неверующий, и я не могу быть воином — я пацифист. Но мне думается, моя работа, как переводчика — это не работа жреца или тем более воина, и это дело, которому я готов посвятить не год и не два, а сколько угодно лет. Да, традиционно переводы считаются жреческой работой, но лишь потому, что ставились в один ряд с летописями и созданием священных книг, и потому, что у мастеров хватало и других дел. Но по мере развития нашей цивилизации, усовершенствование технологий делало труд мастеров всё менее ручным, всё более интеллектуальным, и всё больше мастеров привлекалось не только к художественному оформлению книг, но и к переводческому делу, и к составлению научных трудов. Пребывание в этом мире помогло мне увидеть в новом свете своё дело и свои стремления. Созидательный труд миллионов рабочих, мастеров каждый в своём деле, возродил этот мир. Там, где была безжизненная пустыня, встали города, расцвели сады, заработали электростанции. И это стало возможным благодаря тому, что они понимали друг друга...

— Твоя мать назвала касту мастеров важнейшей среди каст. Отрадно видеть, что твой выбор определён не честолюбием, а скромностью.

— У меня нет кровной связи с кастой мастеров, алит Токтрал, и сейчас я не вижу в том никакой беды. Кровная связь, думается мне, иногда может быть причиной самообмана — как бы мы ни чтити путь родителей и наставников, нам следует идти собственным путём. У каждой касты, у каждого клана своё величие, и не каста для нас, а мы для касты. Я думаю, самоотверженное трудолюбие мастеров ближе к моему жизненному пути, чем духовное подвижничество и военное искусство.

— Что ж... — подал голос молчавший до того Дувалл, — мы засвидетельствовали и приняли твой выбор. Я должен так же, как во всех тех нечастых случаях, когда юноша выбирает не ту касту, к которой относятся его родители, напомнить тебе, что твой выбор не слагает с тебя долга перед твоим кланом... Естественно, у меня сейчас с собой нет пояса, который я, согласно обычаю, должен на тебя надеть, но атрибуты ты получишь успеешь дома, главное — что гармонию наконец обрёл твой дух.

— Нет, не то чтоб мне показалось, что они тебя сейчас побьют, это уж совсем смешно, и как-то не вяжется с минбарцами. Но да, я испугался. Не знаю, чего. Что они будут опять на

тебя давить... Хотя чего им от тебя хотеть? Вроде бы, касты не рвали тебя на части, скорее, ждали выбора, чья ты дальше будешь головная боль. Если они действительно довольны, я рад. Грешным делом, ну живут же некоторые граждане Минбара с прочерком в графе «каста», почему тебе так нельзя...

Дэвид облизнул губы, подбирая ответ, когда путь им преградила На'Тот.

— Я б предложила вам двоим немного задержаться. Если, конечно, никакие неотложные дела этому не препятствуют.

Друзья переглянулись.

— Мы будем счастливы быть вам чем-то полезны, госпожа президент, а...

— По правде, скорее я надеялась быть полезной вам. Хоть у меня и нет полной уверенности, что это можно будет назвать именно пользой... Но мне думается, вам не безынтересно будет увидеть то, что я вам покажу. А уж радость это вам доставит или новую печаль — будет видно, я не настолько хорошо вас знаю, чтоб предполагать это наверняка.

Теряясь в догадках, Дэвид и Диус вошли вслед за ней в дом.

Дом встретил прохладой и полумраком, к букету запахов, витавших над праздничным столом, примешивались ноты не до конца выветрившегося древесного лака и чего-то пряного цветочного. В небольшой прихожей в стене был кран примерно на уровне пояса, в полу бетонная выемка с уходящим в наружную стену желобком — традиция требует омыwać ноги при входе в дом, в древние времена это обеспечивала хозяйка с огромным кувшином, но современные технологии дают возможность самообслуживания.

По боковому коридору, стены которого украшала роспись в виде парящих птиц, они прошли в комнату на другой стороне дома — небольшую и довольно светлую.

— Я хочу познакомить вас с моим сыном. Сейчас он гостит дома, готовится к церемонии выбора имени. Как видите, у нас тут тоже очень важный жизненный рубеж...

Дэвид и Диус вышли из-за спины На'Тот и замерли. Им навстречу из-за низкого стола поднялся мальчик. Первое, что бросилось в глаза — очень светлая, неестественно светлая для нарна кожа, на которой пятна казались игрой теней от ветвей за окном, и уж потом проступили, сперва сливавшиеся с красноватым солнечным светом, гладко причёсанные, собранные в пучок на затылке рыжие волосы.

— Куди, это Дэвид Шеридан и Диус Винтари, поприветствуй их.

Мальчик прижал кулак к груди. Лёгким уколом в груди отозвалась яркая смазанная картинка — сон о детстве Андо, который, кажется, не был именно сном. Хотя это лицо куда меньше похоже на человеческое, серьёзность и хрупкость в нём те же. Определённо, он понимает. Может, и не вполне — значение, которое имел Андо в жизни его необычных гостей, и имеет теперь он сам, ещё одно живое напоминание, но он определённо понимает, какими глазами смотрит на него Дэвид — полукровка на полукровку. И он сам смотрит так же.

— Здравствуй, Куди. Вероятно, я называю тебя так единственный раз, и ещё раз встречу тебя уже с новым именем. Я знаю, как важен выбор имени в жизни нарна, это выбор, определяющий всю дальнейшую жизнь, это выбранный путь. Я тоже не столь давно пересёк важный рубеж в своей жизни, желаю тебе перейти свой с честью.

Они вышли.

— Вы знали об этом, не так ли?

— Андо говорил нам. Но мы, конечно, и подумать не могли, что вы...

В комнате, напоминающей гостиную, был, напротив, полумрак — окон она не имела.

Четыре светильника, по одному на каждой стене, светили приглушённым светом, в нём роспись на стенах казалась объёмной, живой. На'Тот опустилась в широкое груботёсаное кресло — по его виду сложно было представить, чтоб оно было удобным.

— Я Кха'Ри, кому, как не мне, быть впереди наших граждан в самых важных и серьёзных вещах? Для мира, пережившего то, что мы все пережили, это было не только великим свершением, но и великим риском. Но зализав раны, восстановив силы достаточно, чтоб позволить себе такой шаг — мы его сделали. И из соображений секретности в том числе первые добровольцы были из круга посвящённых — правительства, учёных. Через три года, когда уже стало ясно, что эксперимент прошёл успешно, мы запустили вторую «волну»... Третья продолжается и сейчас. А четвёртой будут их дети.

— Теперь, так понимаю, это уже не секрет?

На'Тот улыбнулась.

— А чего мы могли бы опасаться? Разве какая-то из рас Альянса может представлять для нас угрозу? И разве какая-то из рас вне Альянса в настоящее время решится посостязаться с его мощью? Кажется, последние такие смельчаки бесславно кончили совсем недавно?

Тут всё верно, кивнул про себя Винтари, рубежи Нарна сейчас надёжно укреплены. Хотя бы ввиду соседства с пиратскими притонами у хурров и гроумов это неизбежно. Другие расы Альянса, возможно, и не очень устраивает устранение векового преимущества... Да может быть, и совсем не устраивает. Но отважиться на какие-то авантюры, особенно теперь...

— И у них уже проснулись способности?

— У Куди пока нет. У некоторых других детей — да. При разнице в половом созревании землян и нарнов, и разных комбинациях человеческих и нарнских генов, это достаточно индивидуальная вещь.

Винтари лениво размышлял ещё, можно ли допустить, что она говорит всё это именно для него. Что эта демонстрация мощи предназначена именно ему, как центаврианину. Нет, вряд ли, о тесноте и теплоте его взаимоотношений с Двором Примы она некоторое представление имеет. И вероятность изменения перспектив наверняка оценивает реально.

— Что ни говори, тут вам удивительно повезло. То, что вы с землянами оказались генетически совместимы...

— Чудо, но не настолько и удивительное. В геномах большинства гуманоидных, кислорододышащих рас много общего, вполне статистически допустимо, чтоб некоторые из них были схожи до возможности иметь общее потомство. Во вселенной мириады разумных рас, мы знакомы с немногими из них. Повезло нам в том, что наш поиск сократился на пару сотен лет, а не в самом факте. И я вижу не просто удачное стечение обстоятельств, а свою логику в том, что необходимый нам ген мы смогли получить от землян. Я знаю только два мира, в которых участь телепатов была настолько трагична, но в нашем случае, по крайней мере, нет нашей вины.

— Возможно, вы просто недостаточно много знаете об истории других миров, госпожа На'Тот. Вероятно, если б не моё положение, а так же, как ни странно, то, что я достаточно много времени провёл вне родного мира, я б тоже имел некоторые иллюзии... Но я во всяком случае хорошо знаю, что правительства умеют хранить свои тайны.

На'Тот помолчала, разглаживая складки на парадной мантии.

— Я позвала не только Дэвида, но и вас с определённой целью. Не потому только, что

вы друзья и редко идёте куда-то друг без друга. Я хотела, чтобы мой сын увидел центаврианина. Не чудовище, не варвара-убийцу. Обыкновенного, и даже приятного, умного молодого человека. Я, как и большинство моих соотечественников, уже не смогу смотреть на представителей вашей расы без ненависти. Я могу только держать её под контролем, не позволяя прорваться наружу. Вы должны, несомненно, это понимать. Ваши соотечественники старшего поколения, заставшие войну, тоже уже не изменяют себя — за редким исключением, подтверждающим правило. Как и пожилые земляне и минбарцы, к примеру. Но детям жить уже в другом времени, в другом мире. Он должен быть другим, чем наш, более разумным, более справедливым. Иначе всё это — возрождение после пережитого кровавого хаоса, эта генетическая программа, и глобально — все наши шаги на пути Альянса — не имело никакого смысла.

В дороге до космопорта Андрес, всю ночь пропьянствовавший за знакомство с местными (теперь уже черёд Дэвида и Диуса был поражаться способности этого человека находить выпивку при почти полном незнании языка) умилял свидетелей тем, что дремал на плече Алиона. Алион, надо думать, испытывал по этому поводу немалое смущение, но разбудить человека не решался.

Винтари вполголоса о чём-то разговаривал с На'Тот — и может быть, конечно, это на не слишком пристальный и пронизательный взгляд, но кажется, напряжение между ними постепенно становилось неощутимым.

Дэвид прикрыл глаза, вспоминая. Одной из причин, почему он мало говорил Диусу об этих снах — пожалуй, главной причиной — было то, что он просто не знал, как. Как говорить о том, что сам наутро не можешь до конца осмыслить, перевести на понятный самому себе язык... Как описать то, что является яркими, плавающимися в глазах картинками, которых он точно не мог видеть, тихими шёпотами, воспоминаниями о не им испытанном... «О чём ты? О потере случившейся или грядущей? Это стремление защитить, эта жажда защиты, это чувство молитвенной обречённости...». Но сон словно грустно улыбался — «пойми сам»... А потом будто обнимал — и нашептывал что-то совершенно иное, ядовитое, губительное, горячее и сладкое — как кровь, разогретая алкоголем, в тот безумный вечер...

В космопорту Тузанора уже встречала Рузанна. Пожалуй, даже если б в регионе не выдалась сегодня такая приятная, солнечная погодка, для устранения этого грустного обстоятельства вполне хватило б одной этой девушки, заметил потом Маркус. Много просто эмоциональных людей, даже очень много. Нечасто встретишь тех, кто так способен излучать живую детскую радость, что ею невольно заражаются окружающие.

— Я так рада вашему возвращению, ваше высочество! Так хотелось поделиться радостью, поблагодарить за помощь...

— Ваши родственники прибыли, вы уже встретили их?

Девушка всплеснула руками, не в силах сдержать бурю эмоций.

— Да! И это было чудесно. Вы боялись, что они разочаруют меня, так вот — этого не произошло. Я особенно счастлива была познакомиться со своей тётёй Таусой, это чудеснейшая женщина! Конечно, у неё практически нет никакого образования, но она очень житейски мудрая. И дети, дети... они такие чудесные! Я уже договорилась о зачислении в школы для некоторых из них — частично помог средствами доктор Чинкони, осталось приобрести где-нибудь дом, правда, едва ли мы сможем найти такой, чтобы в нём

поместились все...

Винтари аккуратно взял взволнованную соотечественницу под локоть, отводя подальше от пассажиропотока.

— Я говорил о вас с императором Котто, Рузанна. Хотя признать вас принцессой, конечно, невозможно, это не в возможностях даже императора...

— О, прошу вас...

— ...Но всё же кое-что вы, оказывается, унаследовали. В одном из писем покойный император говорил с императором нынешним, тогда ещё послом, Виром Котто, о судьбе родового имения Моллари. Оно поныне стоит незанятым, только под присмотром управляющего, ни из Моллари, ни из Джаддо так никто и не поселился там. Император Моллари писал: «Разве что, если бы у моей любезной Адиры были дети, я хотел бы, чтобы они жили там». Император Котто считает, что это вполне можно считать завещанием. Владение этим имением даёт вам право носить фамилию Моллари, хотя я понимаю, что вы можете и не воспользоваться этим правом, дорожа памятью покойных родителей.

На глаза Рузанны навернулись слёзы.

— Мой бедный отец... Судьба жестоко наказывает родителей за их ошибки, но вместе с ними наказывает и детей. Он не имел возможности даже знать обо мне, я не имела возможности быть с ним рядом, поддержать его в самые тяжёлые минуты... Почему же, почему она ему не сказала...

— Я думаю, Адира, будучи женщиной исключительно искренней и скромной, считала, что это не должно быть его проблемой. Любя его, она не ждала ничего для себя, и не спрашивала, любит ли он её так же сильно, как она его. Она ничего не хотела у него просить, даже разыскать потерянного ею ребёнка... Позже она сама пыталась вас разыскать, но Тракис отказался сказать, куда вас продал. И она снова ничего не сказала ему, чтобы не расстраивать его...

Деленн, которая в этот день была плотно занята переговорами, встретила их уже в резиденции. Комнаты для На'Тот и прибывшей с нею вместе её личной помощницы Ли'Ранк были готовы, обе заверили, что всё как нельзя более устраивает.

— Что ж, в таком случае мы ждём — после того, как вы отдохнёте с дороги, разумеется — дальнейшей инспекции и возможных распоряжений. Я гарантировала, что мы передадим вам резиденцию в том состоянии, в каком она будет удобнее всего для вашей работы, но до сих пор вы были весьма скупы в пожеланиях, и... Все, чьи должности не предполагают проживания в резиденции, готовы покинуть её в любой момент.

— А я надеюсь, что вы сейчас не серьёзно, госпожа Деленн. Вы полагали, что нарн начнёт своё вступление в должность президента Альянса с того, что выгонит кого-то из дома? Этого не будет. Я не собираюсь никого смещать, у меня пока нет списка кандидатов на те или иные роли, уж точно не до тех пор, как я хорошо разберусь в кухне дел, и сама проверю, кто и чего стоит. Не в моей привычке верить рекомендациям безусловно, но так же не в моей привычке ломать то, что хорошо работало до меня. И да, я совершенно не устала. Нужно что-то большее, чем недолгий перелёт, чтобы утомить нарна и президента, я думаю. Поэтому я попрошу вас выделить кого-нибудь, способного провести нам экскурсию по резиденции, чтобы не отвлекать вас от дел.

Виргиния была в отъезде, по каким-то делам в Йедоре, Офелия с Элайей — на очередном обследовании в клинике, Маркус, воспользовавшись тем, что к нему вопросов

пока не было, побежал проведать сыновей. Флианна, Дувалла и Токтрала в категоричной форме потребовали кого совет старейшин кланов, кого ещё некие высокие инстанции. Поэтому торжественный обед в честь высокого гостя прошёл в удивительно камерной, совершенно не официальной атмосфере. На Тот ошеломила всех, появившись в платье. Длинном, похожем на земное вечернее платье, тихо струящемся одеянии, переливающимся редкими голубоватыми искрами, словно глубокий космос. Диус тихо присвистнул — он даже не знал, что у нарнов такое вообще бывает. Ли Ранк была одета более непритязательно, в брючный костюм, тоже, впрочем, весьма элегантный и разрушающий все его представления о нарнах до основания.

— Мы слишком долго носили только военную форму. Это было необходимо, это было правильно, но новое время требует перемен во всём. Наверное, я поняла это, когда встретила Ду Тора. Хотя я знала, что он полюбил меня такой, какую увидел — в военной форме, всю такую напряжённую, серьёзную, приехавшую в Маркас для очередной сверки проекта, расстроенную сбоями в графиках — вышла накладка с техникой... мне захотелось быть для него и другой — женственной, красивой... Не сразу, конечно. Я долго сомневалась, задавалась вопросами — своевременно ли, имею ли право... А он ждал. Он говорил потом, что вообще не очень надеялся на взаимность — я тогда, конечно, ещё не была Кха Ри, но он-то был простым шофёром, возил в лагерь строителей продукты... А много ли кем можно работать, когда после войны у тебя осталась одна рука? Многие удивились, услышав, что я выхожу замуж, ещё больше удивились моему выбору... Казалось, что мы такие разные... А мне вовсе не кажется, что разные. После того, как мы объяснились... Мы несколько вечеров подряд — освобождались мы только перед самым заходом солнца — ходили по улицам и говорили, говорили... Обо всём. У нас не кончались темы, и при этом нам казалось, что мы очень давно знаем друг друга... Мы поженились сразу после сдачи отстроенного Маркаса. Чего-то более романтического я лично не могу себе представить.

Деленн улыбнулась — глядя на эту улыбку, Винтари не мог не думать вновь, с той же тупо ноющей болью в груди, как же мало эта улыбка похожа на прежнюю, чего же ей стоит, Создатель, жить, по-прежнему работать, и находить силы — хотя бы на такую улыбку...

— Слушая вас, я ещё больше жалею, что не смогла присутствовать... Но действительно не стоило откладывать церемонию из-за меня, эти переговоры, кажется, могли и триста лет продлиться. К счастью, Вселенная сжалась над нами, и совместно напором Виргинии и моим авторитетом... Или моим напором и авторитетом Виргинии — они, оказывается, слышали о роли Виргинии в событиях на Бриме, и их это впечатлило... Видимо, решили, что раз Альянс обзавёлся таким вот генералом и поставил его говорить с ними — значит, решили за них взяться серьёзно. Кстати, Диус, звонила ваша матушка, была жутко недовольна тем, что вы не можете подойти для разговора. Мне удалось тактично обойти вопрос, где вы сейчас, боюсь, она не поняла бы...

Винтари порадовался, что не успел отпить из поднесённого ко рту бокала и не поперхнулся.

— О нет... Мне удалось удержаться от того, чтобы попросить политического убежища на Нарне — туда-то, думаю, она бы за мной не сунулась — но прямо сейчас я к разговору с нею не готов...

Деленн чрезвычайно серьёзно вглядывалась в свою чашку, уголки её губ дрогнули призраком улыбки — прежней, озорной, лукавой.

— По правде говоря, я ждала вашего возвращения не только для огорчающих вас

новостей. Поступил запрос от Братьев Тишины — вы, думаю, помните, этот отшельнический орден с самыми строгими правилами, им положено постигать голос Вселенной в полной тишине. Так вот, они хотели узнать, можно ли им использовать помещения Йедора-Северного — теперь, когда телепаты отбыли на свою новую родину, их дома стоят незанятыми, а ведь это место может как раз отвечать запросам ордена — там тихо, скромный быт, почти никакой связи с внешним миром... Я думаю, вы с Дэвидом могли бы съездить туда и оценить...

— Почти никакой связи, в самом деле... Благодарю, мама! Это лучшее предложение, которое я мог бы получить! Не знаю, как Дэвид, а я буду счастлив отправиться туда!

В отличие от Деленн, На'Тот сдержать улыбку не удалось.

==== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 8. Торжество огня =====

Снова увидеть Ледяной город — теперь, так... странно судьба складывается. Третья встреча с этим местом, совсем иная, чем две прежние. Была лёгкая грусть от того, что никто не встретит их на белой снежной простыне посадочной площадки, что действительно абсолютное безмолвие царит теперь над ледяными пиками...

Путь на сей раз был водным, небольшое рыболовецкое судно неспешным ходом пересекало тёмную гладь океана, лавируя между льдинами. Слышны были редкие отрывистые перекрики рыболовов-мастеров, протяжные и печальные — галан, полярных птиц, белоснежных с красной грудкой — по древней, ещё доваленовских времён легенде местных племён, когда жестокий враг наступал на их землю, птица первой приняла удар на себя, защищая эту землю, словно родное гнездо — и враг отступил, на деле, конечно, всё было куда прозаичнее, птичка находилась в дальнем родстве с побережными сахху — красными, как мох, покрывающий утёсы, на которых они селились. Один раз из свинцово-тёмных глубин, метрах в пяти от корабля, всплыл иш — огромное океанское млекопитающее, посмотрел вокруг взглядом древнего бога, видевшего зарю миров и закаты цивилизаций, и погрузился обратно.

От причала идти было ещё довольно далеко, один из рыбаков проводил их часть пути, помог нести довольно увесистые тюки — поскольку едва ли в жилищах много что осталось, с собой были взяты два термопокрывала, два спальных мешка, провиант, рации — вместе с оборудованием весило это всё прилично.

Это тоже, если угодно, ирония, думал Винтари, отодвигая пологи тамбуров — что ближайшим домом в Йедоре-Северном является именно дом Уильяма. Тот самый, где тогда, в какой-то совсем другой жизни...

— Ну, похоже, если по этому вот судить — сохранилось всё отлично. Даже выстыло не до уличной температуры, правда, чтобы раздеваться — всё равно холодновато. Ну да это не проблема, печи тут должны были остаться...

Ничем не застланный пол выглядел сиротливо, впрочем, чистый лист не напоминал — поверхность его была неровной, хранила следы тесака строителей, а вот роспись на стенах осталась той же — да и что ей могло сделаться за прошедшие месяцы... Винтари долго стоял перед мрачной фреской авторства Андо — памяти об Адриане и её неродившемся ребёнке. Разумеется, не любовь всей жизни — хотя в 16 лет можно было ожидать именно таких мыслей... Всё же, какое удивительное бесчувствие нужно иметь, чтобы суметь это так спокойно пережить. Или какую силу духа. Страшную силу. Как ни старался, он не мог

представить себя на месте Андо.

...Полно, в этом и дело, что не мог. «Мы, нарны — воины с рождения и до последнего вздоха, — проговорил как-то Андо, на одном привале, где они пересеклись, во время центаврианской кампании, это было уже после гибели Кристиана, — мы знаем, что такое борьба, что такое потери и жертвы. Что такое честь, которая превышает любой крови, любых страданий. Мы поднимаемся и идём в бой, имея столько ран, сколько не получит ни один из вас, потому что умрёт на половине их числа. И не про телесные только раны я говорю. А вы — раса прирождённых господ. А что такое господин? Это тот, кто умрёт с голоду, потому что без слуг не сможет сделать себе бутерброд. Вы рыхлые и изнеженные, поэтому конечно, вы тяжело переживаете потери... Вернее, делаете вид, что переживаете. Вам так нравится ковыряться в своих переживаниях, ну и конечно, при этом прилично и правильно сделать вид, что переживаете вы не только из-за самоё себя». Сказал без всякой ненависти, вообще без особых эмоций, как констатацию факта, спокойно глотая приготовленный Лаисой чай.

«Так ли уж ты прав, Андо? А может, это ты прикрывал нарнской героикой тот факт, что просто не научился жить и любить?»

— Да как эта проклятая печь разжигается? Не знаешь, может быть, эти телепаты были немножечко техномагами и знали нужное заклинание? ...А, нет, всё в порядке, это не они техномаги, это мы два идиота. В ней просто кончилось горючее. А индикатора у неё нет... Для догадливых...

Дэвид раскрыл планшет с картой.

— Надо бы прикинуть, сколько всего нам надо обойти. За сегодня нам главное успеть Йедор, ночевать, скорее всего, останемся здесь. Но остальные-то поселения меньше... Ближайшие — Лапландия, Гренландия... Через пролив — Аляска и Йотунхейм... Севернее всего — Валенова Кубышка... Не спрашивай меня, почему так называли, самому интересно... Я и от остальных-то названий в шоке... Впрочем, не думаю, что нам надо обходить их все, достаточно пока Йедора, Лапландии и Гренландии, остальное они освоят по мере...

Невозможно не возвращаться, невольно, мыслями к событиям тех давних, как будто в другой жизни, дней. Здесь они сидели, когда в первый раз, в сопровождении Дамира, приехали сюда... Вот здесь сидел он, когда дети трогали его брошь и убеждали его, что он не наследник родительского проклятья. А там сидел Дэвид, когда... Кажется, на ледяном полу чернеет след от пролитого им чая, протёкшего в стыки термопокрывал...

Сейчас-то здесь уж точно не было жарко, однако от воспоминаний бросало в жар. ... Потрясённо-пришибленный, едва не вжавшийся в пол Дэвид, образы отца и матери сквозь ореол охватившего всё существо возбуждения, голос в голове: «Что вы чувствуете, Винтари?». Не хотелось думать, как много знал уже тогда о нём этот странный телепат — не хотелось, но не получалось не думать. «Между нами больше общего, чем вы думаете, позже вы поймёте это». Позже — не сейчас ли?

— Молодец, Диус!

— А? Что?

— Чай пролил, говорю! Ладно б куда-нибудь, а то на спальник!

— А, чёрт... Ладно, не волнуйся ты так, мой же спальник.

— Да как раз мой, но к чёрту детали... Успеет ли он высохнуть до ночи? Я боюсь, термопокрывалами тут не обойтись пока...

Спальник до ночи высохнуть не успел. К счастью, спальник Винтари шился, видимо, сильно на вырост, или на кого-то уж очень завидных габаритов, и вдвоём в него втиснуться

удалось. После прогулок по морозцу и беготни по множеству прорубленных в ледяных скалах лестниц засыпалось легко и быстро.

— Если подумать, здесь даже очень... ничего... — полусонно пробормотал Винтари, — жаль, мы маловато продуктов взяли. Я б здесь остался ещё где-то на недельку... Хотя, ввиду матушки я б здесь поселился на месяц-другой... Попросив кого-нибудь, кому религия не запрещает врать, сказать ей, что я умер...

— Диус, если... если тебе всё же придётся, необходимо будет... уехать... Я поеду с тобой! Я не отпущу тебя одного! И пусть они попытаются мне запретить!

— Пусть попытаются... Сошлюсь на славный пример покойного императора, который вообще притащил на Приму — нарна...

От непогашенной на ночь лампы по стенам бродили неясные тени, казалось, что узоры оживают, двигаются, переплетаются между собой. Самого момента засыпания Дэвид не засёк — кажется, он как раз размышлял, могут ли здесь обитать призраки. Вроде как, заброшенный город же... Можно ли здесь сейчас слышать тихие шаги, тихие голоса из прошлого? Нет, если разыграется воображение — конечно, можно... Ведь это место хранит столько памяти...

И тут же перед внутренним взором воскрес — ярче и некуда — тот день, тот их первый визит. Дэвид уже видел именно так что-нибудь во сне — словно не своими глазами, и даже не откуда-то сверху, а всеми глазами разом. Он видел себя — склонившего голову, о чём-то переговаривающегося с Дамиром, но видел себя так же как бы и изнутри, видел свои мысли, и это было странно... хотя уже и стало почти привычным за эти месяцы чужих снов. Но так странно и немного страшновато видеть свои мысли не такими, как сам их запомнил, а те слабые, им самим не подмеченные оттенки мыслей, что возвращались разве что во сне. Как искоса, боковым зрением он любуется Диусом, его улыбкой, его чувственными губами... Нет, сложно было отрицать — он всегда любовался им, с тех пор, как осознал это счастье — что у него теперь есть старший брат. Каким взрослым казался он ему даже тогда, когда он только приехал на Минбар, когда ему было столько лет, сколько ему сейчас... Как восхищала его сила, когда он поднимал его на руки — например, когда он подвернул ногу в их прогулке по холмам, или когда они шуточно боролись — каким восторгом было ощущать эту превосходящую силу, думать, что вот таким он сам станет через несколько лет... Сейчас Диус — взрослый мужчина, там, на Центавре, на его рослой, статной фигуре задерживались взгляды красавиц, из его лица исчезла юношеская мягкость, но улыбка осталась той же — мальчишеской, задорной, чувственной, гордой. И словно сместился взгляд — и его обдало, едва не сбив, накрыв с головой, волной эмоций Диуса... Тогда, в тот самый момент, о котором он старался не думать, не вспоминать... Его волнение, его тревога за реакцию младшего, невинного, неготового, сквозь биение собственной плоти под одеждой — стремление защитить его от смущения, неудобства, защитить это минбарское целомудрие, переживания за него — сквозь собственные переживания... Образы отца и матери — сплетённые тела — с таким восхищением, с таким восторгом, с такой немислимой любовью...

«Он другой, чем мы, — те слова об Андо, — его чувства, желания его души неотделимы от желаний его тела...».

Другой ли?

«Он центаврианин, — слова о Диусе, кажется, Шин Афал сказанные, — для них

естественно... стремление к наслаждению, к буйству чувств, к красивым вещам, красивым словам, красивым чувствам...».

Эта любовь, которой тесно переполнять оба сердца, и она разливается, заполняя собой всё тело, наполняя, словно весенние соки — все шесть его ростков, один из которых так безумно бился в его руке в тот сумасшедший вечер... Сколько этот момент преследовал его позже в снах — как этот росток обвивает его руку, обвивает его тело, змеится в его ладонях, ползёт по его груди... Особенно тогда, в том сне, когда Андо...

Он проснулся, почувствовав дрожь тела, к которому он во сне прильнул так тесно, заполз ладонями под рубашку, обхватив эти сильные, упругие, горячие ростки, прильнул губами к губам...

— Дэвид!

В темноте почти не видно глаз — одинаково шальных, но шумное, частое дыхание обжигает лица друг друга.

— Диус... Прости... Этот сон...

Широкая горячая ладонь судорожно похлопала по спине.

— Понимаю, понимаю, что сон. Чувствую... Что снилось-то, братишка? Шин Афал в откровенном наряде? Моему воображению, конечно, минбарцы в откровенном наряде не рисуются, но тебе-то вот, видимо, нарисовалось...

Вдвоём, в одном спальнике, так тесно и жарко, словно в материнской утробе. Напряжение обоих тел, прошибаемое единой дрожью...

— Диус, я... Я... Всё хорошо, я как-то должен взять себя в руки...

— Взять себя в руки... Хорошее выражение, своевременное... Подожди...

Рука Диуса скользнула между их сомкнутых тел вниз, обхватила твёрдую, как камень, плоть. Дэвид застонал, впиваясь ногтями в спину брата.

— Хотя, подожди... Не так...

Сквозь туман в голове Дэвид осознал, что это один из этих крепких, упругих ростков скользнул из-под рубашки вниз, обвил его орган, заскользил по нему, сжимая и расслабляя тиски колец.

— Я ведь говорил... Нам дана такая возможность... Помогать иногда себе... или другу... в трудную минуту... Что ни говори, но я заслуженно считаю нашу физиологию... великолепно продуманной...

Дэвид душил свой крик на его груди, вдыхая его запах, сходя с ума от жара его тела.

«Не спрашивай... Только не спрашивай, что мне снилось... тогда и теперь...».

Алион долго теребил в руках чашку с чаем, как бывало, когда он не мог решиться заговорить о чём-то сложном для него и волнующем.

— Я думаю о том... О той проблеме понимания, которая встала передо мной... Что, мне подумалось, в представлении Андо о принятии, в этой потребности всегда было много телесного... Когда мы с вами говорили о земной психологии, я подумал, что, вероятно, это от того, что Андо с ранних пор был лишён близости и тепла родителей. Каким бы ни было его воспитание, физиологически он человек, и со стороны... химических реакций, надо думать... Нереализованная потребность вылилась у него сначала в отчуждение, вследствие неумения выражать свои чувства, а затем... В представление, что тот, кто желает его принять и стать ему ближе, должен принять его всего, в целом, и его душу, и его тело. Возможно, это некоторая компенсация за...

Андрес, которому и в кошмарном сне не снилось, что ему придётся говорить о фрейдизме с минбарцем, задумчиво поскрёб подбородок.

— Может быть... Недоласканный ребёнок — это, в общем-то... хоть в сексуальные маньяки готовый кандидат.

Алион снова провернул в руках чашку.

— В свете того нашего разговора о человеческой сексуальности... Скажите, верно ли будет моё предположение, что телепаты более склонны к бисексуальности, чем нормалы?

Какие же они милые, когда смущаются, подумал человек. И в их мыслях, насколько, по крайней мере, можно понять без сканирования, мелькающие смутные образы — такие... им самим кажутся, наверное, очень откровенными...

— Ну... Возможно, что-то в этом утверждении и есть. В общем-то, это, с некоторых сторон, даже объяснимо... Нормалы, взаимодействуя друг с другом — я имею в виду не только сексуальное взаимодействие, а взаимодействие вообще — воспринимают в большей мере форму, как бы много ни говорили друг с другом, насколько бы доверительными ни были эти разговоры. Это естественно, как следствие самой природы. Мы же имеем возможность узнать другого человека практически изнутри, не только оформленные мысли, которые он сам бы, пусть со временем, облёк в слова, но и зачатки мыслей, побуждения, фоновые эмоции, воспоминания... У многих, кого я знал, в пику доктрине Пси-Корпуса не принято было блокирование мыслей, о чём бы человек ни думал в этот момент. Странно, но напряжения не было, точнее, достаточно быстро проходило.

— Это давало вам... ощущение того, что вас приняли?

— Ну да, можно это назвать и так. Просто исчезал страх. Этот страх, пожалуй, роднил нас с нормалами, хотя, конечно, он был у нас разным, и я не знаю, возможно ли для нормала полное избавление от него... Суть в том, что все мы боимся одиночества — и все мы одиноки, потому что быть неодинокими не умеем. Потому что боимся самой мысли... вторжения кого-то другого в нашу суть. Как чего-то невозможного, быть может, это родовая память ещё с тех времён, когда телепатия была достаточно редкой, или из стыда, который, опять же, прививается нам с детства... А вот если задуматься — зачем человеку это самое личное пространство, зачем ему эти самые уголки, в которые больше никто не смог бы проникнуть, то есть... что такого принципиального в том, чтоб эти уголки были неприкосновенны? Это подсознательное ожидание удара, насмешки, неприятия... Хотя если спросить себя — зачем нам человек, который не принял и ударил, то есть, какая нам разница до его отношения уже после того, как он обнаружил это неприятие и таким образом выбыл из ближнего круга? Тогда как одна реализованная возможность поделиться сокровенным, не мучаясь с подбором слов, даёт нереальное ощущение кайфа.

Минбарец, кажется, даже просиял, словно услышал нечто чрезвычайно его радующее и близкое.

— Возможно, примерно об этом говорят наши духовные наставники, когда учат побеждать страх! Страх раскрытия чего-то постыдного, чего-то неприятного нам самим в нас делает нас слабыми, заставляет замыкаться и тратить много сил на подавление этих мыслей, на сокрытие того, что нам не хотелось бы обнаруживать...

— Ну, могу сказать только, что пути у нас тут, конечно, разные... Если вам проще не иметь постыдных тайн и побеждать какие-то порочные побуждения в зачатке, то у нас... Во-первых, о сексе человек думает не двадцать четыре часа в сутки, во-вторых, то, чего человек стыдится, может быть связано и не с сексом... совсем не с сексом... В-третьих, потом, когда

ты получишь возможность взглянуть на себя чужими глазами, ты обнаружишь, что то, за что там тебе в детстве надрали уши или по поводу чего назвали не самыми лестными словами — в общем-то, далеко не самое страшное. Так вот, если говорить о физической близости... Вы, думаю, знаете о том, что во время сексуального общения барьеры, даже возводимые неосознанно, падают? И дело не в мазохистической потребности раскрыть перед кем-то всё нутро, мне думается. Думаю, каждому из нас приятно быть принятым... таким, какой есть... И половые различия, если вы об этом хотели спросить, стираются там, где ты видишь уже не в первую очередь оболочку, а душу, суть. Нет, стираются — это конечно, неверное слово... Просто, устройство человека таково, что, являясь, в сравнении с вами, например, изначально более чувственными и страстными, мы... не то чтоб стремимся подавить эту страстность, но ограничиваем себя в ней, при чём даже тогда, когда формального осуждения за её проявления можем и не получить. Как будто... число отпущенных нам не только соитий, но и мыслей о соитии ограничено, и мы должны давать отчёт о правильности и обоснованности любого нашего побуждения. Я понимаю, что для минбарского уха мои слова должны, наверное, звучать немного еретически...

Опустив глаза, Алион, с упорством истинного исследователя, изучал чашку, словно нашел в ней нечто удивительное.

— Я могу вас понять, отчасти, правда. То есть, я пытаюсь это сделать, насколько позволяет мне моё воспитание, моя минбарская сущность... Нужно быть честным, мы, минбарцы, как, впрочем, и многие другие, ставим во главу угла, в отправную точку, своё воспитание, свои ценности. И хотя сравнивать и присваивать оценки — это, конечно, неправильно, но ведь это неизбежно. Разумеется, моё понимание блага — это понимание минбарца, я отдаю себе в этом отчёт. Я пытаюсь понять то, о чём вы говорите, вы говорите хорошие, прекрасные вещи — о ценности каждого выбора, об уважении и самоуважении, о честности. Но... мы обычно просто смотрим на всё это под другим углом, понимаете? У вас об этом говорят — что секс не главное в жизни, и что важно обуздывать свои желания, не только сексуальные, я имею в виду... А у нас об этом мало говорят, но у нас так делают, с первых шагов в жизни. Без дисциплины и самодисциплины — чем мы будем?

— Мы или вы? Извините, извините. В общем-то, я тоже понимаю, о чём вы, вполне понимаю. Наверное, я просто идеалист, я не представляю вот этого, что без ограничений человек прямо таки идёт вразнос. Вроде бы, конечно, так бывает, и часто бывает, но, знаете, мне кажется, это просто с голодухи. А не будь этой голодухи... Ну, не может человек на самом деле хотеть прямо всего-всего и побольше. Не так много на самом-то деле ему надо. Излишества возникают из опасения лишиться доступа к желаемому, ну, вот как долго голодавший пытается наесться впрок. Когда мозги прояснятся, он ведь поймёт, что это невозможно.

— Мы предпочитаем понимать это не из пытки голодом, не знаю, внятно ли я выражаюсь сейчас. Дело не в одном только ограничении, как может вам, вероятно, показаться со стороны, простите, если опять сужу о вас стереотипно... Дело в том, чтоб понять свои желания, изучить их, прояснить, выявить их истинную природу. Без этого немисливо говорить о том, как сделать правильный выбор, не ошибиться, и...

— И бывает так, что изучаемое и выясняемое вам не нравится? Ну, что вы делаете с осознанием каких-то постыдных, неприличных желаний? О господи, кого и о чём я спрашиваю, какие у вас там постыдные желания могут быть...

Алион поднял на него строгий взгляд зелёных глаз.

— Зря вы так. Я не раз говорил, как помните, что у нас секс — это скорее закрепление брачного союза, скорее передача чувств на более высоком уровне доверия... Но не сама цель. Но это не значит, что наша плоть мертва и пробуждается лишь по указанию, понимаете? Мы учимся тому, чтоб...

— Чтоб она пробуждалась по указанию? Извините.

— ...чтоб наши желания не вредили нам, чтоб достижение желаемого шло нам во благо, помогало нашему духовному росту, приносило гармонию, а не разлад. Может казаться естественным, когда желание стоит впереди всего, служит отправной точкой наших действий, кажется, что именно так и устроен мир. Но в том и суть существа разумного, чтобы переставить это желание вслед соображениям пользы и блага, соображениям ответственности, очистить, облагородить это желание, знаете, как безобразную породу очищают, преобразуют, придают ей форму, превращая в прекрасный, искусно отточенный клинок...

— Понял, понял... Точнее, ничерта не понял, да, но думаю, это наживное. Ну, мне всё это не трудно понять в плане чего-то такого, чтоб ребёнок не капризничал, и сперва делал уроки, а потом требовал мороженое и мультики, или в том, чтоб не покупать какую-то дорогую фигню и потом сидеть без денег... С сексом оно в целом ведь примерно так же, сначала надо повзрослеть, отрастить мозги, потом уж... Но у вас, я так понимаю, всё это как-то сложнее простого «до брака ни-ни». Ну и что вот вы делаете, если до брака ещё как до Луны пешком, а трахаться уже хочется? Или у вас не бывает такого, и только слово «брак» запускает сигнальную цепочку? Ну, понятно, медитация, внушения... Убеждаете себя, что зелен виноград?

— Простите, что?

— Ах, земное выражение, из какой-то басни, от Виргинии услышал, означает, что человек, когда не может что-то получить, убеждает себя, что ему это вовсе не нужно. Что предмет желания вообще плох и недостоин внимания...

— Ну, это было б всё же очень примитивно. Всё это очень сложно, и требует пристального внимания, честности с собой, подробного самоанализа...

Андрес поднялся, чтоб налить себе ещё чаю. На кой чёрт вообще выпускают посуду размером с напёрсток? Ну да, для минбарцев самое оно. Алион вон ещё первую не допил, смакует вкус. С такими только и разговаривают о страсти и излишествах, ага.

— Относительно того, как такое желание возникло, почему сейчас, и что с этим следует делать, понимаю. Грубо говоря — желание возникло оттого, что у некой особы шикарная грудь, а вы молодой мужчина, давно не имевший секса, — «господи, а он имел секс вообще когда-нибудь»? — и вы убеждаете себя, что у вашей будущей жены грудь будет ещё круче и вообще секс с единственной избранницей в тысячу раз лучше, чем с кем попало. Нет, не подумайте, что я вас осуждаю, я о другом — мне, например, не очень понятно, как секс с кем попало уменьшает кайф от секса с той-самой-избранной. То есть, я могу представить, насколько должны обостряться все ощущения, если вот долго было нельзя, а теперь наконец можно... Теоретически, в смысле... Если мне действительно нравится тот, с кем я лёг в постель, на это никак не влияет то, что десять лет назад я тоже с кем-то спал. Опять же, я говорю с вами, как телепат с телепатом, нормалы, быть может, и могут рассуждать, что лучше одно тело, чем много разных, но мы-то понимаем, что каждый человек уникален, и влечение, страсть могут возникнуть более чем к одному, ко всем подряд и не бывает... Ну и вообще, если за всю жизнь человек так и не встретит действительно настоящую любовь,

которая пройдёт все эти ваши проверки-обряды — ему что теперь, вообще никогда...

Минбарец посмотрел на него удивлённо.

— Разумеется. А зачем?

Теперь пришёл черёд Андресу растеряться.

— Ну... хочется ведь. Вы ж сами говорите, плоть не по приказу оживает...

— Когда я говорил, что абстрактными, беспредметными наши желания не бывают, я имел в виду, что мы делаем их такими — предметными. Наше желание телесной близости, сексуальных удовольствий, которое, разумеется, иногда охватывает нас, особенно когда мы молоды, мы, грубо говоря, посвящаем нашим возлюбленным, которых мы однажды встретим. Мы воспринимаем это, как первые восточки нашего любовного экстаза, как обещание большего, когда мы встретимся... Да, ожидание может быть долгим, но если речь о душах, родных, предназначенных друг другу — какое ожидание может быть слишком долгим?

Андрес не сдержал усмешки.

— Простите, но в такое я не верю. Я понимаю, вы верите, для вас важно в это верить... Многие земляне, в общем-то, тоже верят, что в этом такого. Разве что, в мечтах об истинной и волшебной любви можно проморгать все шансы на что-то реальное. Я б так не смог. Более того, я б так не захотел. При том, что, честно, я кое в чём завидую вам. Вашей выдержанности, вашему самоконтролю, этому чистому, отточенному разуму, закалке вашего духа. Она повышает ваши способности в разы, хоть о способностях нормалов говоря, хоть о способностях телепатов. Но нет, я не променял бы восторга своих мимолётных связей на это.

Минбарец учтиво склонил голову.

— И вы правы. Значит, при всей мимолётности, эти связи много значат для вас, это не пустое, не легкомыслие, это оставило глубокий след в вас, стало кирпичиками, из которых слагается ваш дух...

Андрес поболтал остатками чая в чашке и посмотрел на собеседника пристально, с прищуром.

— Глупо было спрашивать вас о запретных желаниях и постыдных тайнах. Ещё глупее, чем полагать, что вы раса затюканных религией скромников, постоянно опускающих взгляд, чтобы не выдать плещущуюся в нём похоть, или что страх осуждения по силе эмоций захватывает вас больше, чем секс. Вы сидите передо мной, такой безупречный, образцовый, говорите таким спокойным, выдержанным тоном, таким изысканным слогом, и я должен представлять ваши эротические фантазии как-то иначе, чем высокохудожественное произведение, которое не зазорно б было явить самому придирчивому критику? Вы виртуозно ловите своё вожделение на стадии первого помысла, вы облагораживаете, ограняете его, приводя в возвышенную и исключительно достойную восторга картину, так? В ваших «посвящениях вашему будущему супружеству» вы сплетаете свои пальцы с её и касаетесь губами её губ, а если и представляете что-то более откровенное, то в исполненных пристойности и изысканной нежности сценах, и это считается у вас разгулом страсти, не так ли? Вы ведь и в момент полового акта беспокоитесь о том, как это выглядит, а не о том, чёрт возьми, чтоб просто сделать то, чего хочется? Извините, я не готов представлять себе эстетическую систему, где это могло б быть предметом стыда. Нет, я верю, что это для вас естественно. На что-то такое — вы просто не способны.

Алион зажмурился, кажется, ему перехватило дыхание от посланного мыслеобраза. Впрочем, он очень быстро взял себя в руки... как показалось Андресу сперва.

— Ошибаетесь, — зелень его глаз была совсем светлой, с явным металлическим

оттенком, — хотите увидеть?

Андрес, успевший мимолётно покаяться в содеянном — за такую провокацию можно ведь получить знатную ментальную затрещину, да, впрочем, и вполне физического тумака — откинулся на спинку стула.

— Честно говоря, не отказался бы. Мне действительно интересно, что у вас считается «горячим», или способным смутить ваш дух...

— Это будет справедливо. Я знаю, что вы всё это время наших встреч и разговоров уважали границы и не пытались меня сканировать — едва ли только из естественного страха, он не самая сильная ваша мотивация... Но я не делал того же. Я сканировал вас. Не в первые встречи. Там, на Нарне, и позже, по возвращении. Думаю, вы знаете, насколько моя сила превышает вашу, в том числе за счёт того, что вы называете религиозной затюканностью. Думаю, будет правильно, если вы узнаете. Тогда вы не будете судить самонадеянно и стереотипно, а точнее — изображать, что делаете это, чтобы задеть меня, пробить стену моей невозмутимости.

Андреса обдало неожиданной, невыносимой волной жара. А потом он вскрикнул, увидев... себя. Обнажённого. В объятьях обнажённой Виргинии. Вскрикнул от того фона ярости и боли, которые сопровождали эту картину. Картина жгла глаза, точнее, местопозади-глаз, как это всегда бывает с картинами, которым присвоено такое сильное эмоциональное сопровождение, но подобного он раньше не встречал. Эта боль не давила хаотично-обхватывающе, как это обычно должно быть, она вонзалась тонкой иглой, при том, что нельзя было назвать конкретное место её приложения.

— А... Алион... что это?

Зрачки Алиона покрывали почти всю радужку, светлый ободок вокруг них казался нестерпимым контрастом, как корона у солнечного затмения.

— Нет, это вы потрудитесь объяснить, что это. Что, как не постыдное, или что тогда называть постыдным, разве тот отчаянный порыв, что показали вы мне? Я почувствовал ваш интерес с этой девушкой, взаимный интерес. Да, я знаю, что вы не любовники и едва ли будете ими. Этот интерес вспыхнул в вас обоих и сейчас угасает, вы словно расходитесь в разные стороны, но он всё ещё эхом отдаётся во мне, хоть я и прочёл его тогда, когда он уже не мог ни к чему привести. Эхом вашего сожаления, что этого не будет. Да, если б вы хотели, вы предприняли б какие-то шаги к ней. Вы сожалеете именно о том, что вам не хочется этих шагов. Почему?

— Потому что она замечательная девушка, — Андрес запустил пятерню в волосы, словно пытаясь удержать черепную коробку от риска расколоться, — необыкновенная, возможно, единственная в мире... Если не хотеть такую, кого вообще можно хотеть? Но её сердце отдано другому...

— Ложь! Вы, может быть, хотели убедить себя, что она влюблена в техномага, но не убедили. Вы знаете, что она сама колебалась в этих чувствах, как вы в своих, но пришла к выводу об иной природе своих чувств, не предполагающих любовного союза. Хотя это, действительно, очень сильное чувство, возможно, самое сильное в её жизни... И вероятно, вам захотелось испытать что-то подобное её чувствам к техномагу. То, что можно назвать... избыточностью любви. Когда с предметом любви не хочется близости, не хочется озвучить даже эту любовь, и быть как можно дальше покажется спасением... от огня внутри. Вы так же, как она, перевели эту страсть в родственную плоскость. Он стал для неё отцом, таким, какого у неё никогда не было, на которого она может смотреть снизу вверх, как не смотрела

ни на кого никогда... Она стала для вас сестрой, не такой, как родная сестра, которой у вас никогда не было, а как те сёстры по духу, по оружию, которых у вас было много... лучшей из них. Драгоценной и близкой настолько, что это не нужно дополнительно окрашивать любовной страстью. Но мысль даже о том, что это могло быть и не случилось, жжёт меня... почему?

— Вы меня об этом спрашиваете?

Алион словно смотнул страницу, давление тонкой иглы ослабло.

— То, что вы пришли к успокоению, не принесло успокоения мне. Я злился, что вы могли совершить эту ошибку, хотя вы, конечно, ошибкой бы это не назвали и сожалеть бы не стали. Я злюсь и сейчас — из-за прошлой моей злости... Испытывая те душевные метания, которые не испытали в полной мере вы. Смотрите же!

Зеркальный коридор их с Андо близости. Жгучий клубок его и Андо страсти, прошитый тонкими нитями Алионова возмущения, пронзающими, раздирающими его. Снова боль, уже несколько другая — похожая на эти тонкие, как леска, нити. Картинка дрожит, беснуется перед глазами, её швыряет из ракурса в ракурс, словно глаза смотрящего пытаются смотреть сразу отовсюду.

— Алион, вы польстили мне, у меня вовсе не настолько красивое тело...

— Ваше любопытство к явлению, которое пугало и соблазняло. Готовность вступить в связь с существом иной природы, что вы прекрасно понимали... Как вы смогли это? Как вам удалось это? Я хотел постичь природу желаний Андо, чтобы навести к нему ещё один мост, помочь ему... а потом просто потому, что так и не постиг. И я хочу понять природу ваших желаний. Почему вы хотели его?

— Алион... я...

— Ваши насмешки, ваши горестные исповеди, в равной мере... и жажда слияния с тем, что может убить вас... С красивым телом и заключённым в него всеильным духом. Подняться до его уровня, опустить его до своего?

— Испытать и доставить удовольствие, всего лишь...

Ментальная хватка Алиона была стальной.

— Ложь! Сыграть с огнём, принявшим облик человека, позволить ему почувствовать себя слабым в чьих-то руках... Позволить себе быть слабым, заведомо слабее, чем то, чего вы решили коснуться. Оказаться так близко от смерти, как никогда ясно...

— Я танцевал со смертью тысячу раз. Мне нужна там была не смерть, а жизнь. Жизнь!

— Но он мёртв. И теперь только у вас я могу спросить... об этой тоске, об этих желаниях... Больном, надрывном желании отдаться... Ваша память хранит чувства тех, кто желал вас, как подобает женщине желать мужчину...

Андрес впивался пальцами в столешницу, скрипя зубами.

— Не так... Конечно, не так...

— Как можно, ответьте! Так исказить, переродить свою мужскую суть, чтобы желать — вот этого? Что теперь вы назовёте эстетичным, облагороженным, запретным, постыдным? Что вы такое, чтоб было так? Зачем это мне?

Следующую картинку Андрес осознать не успел. Это было уже выше его сил... Чайная чашка отлетела, ударившись в висок Алиону. И ментальная хватка тут же ослабла, пульсирующая боль затихала, словно расходящиеся по воде круги, всё дальше, всё слабее. Он осознал, что судорожно плотает ртом воздух, а потом увидел сидящего на полу, зажимая окровавленный висок, фриди.

— Алион...

— Мне нет прощения, и я знаю это.

Спотыкаясь в собственных ещё нетвёрдых ногах, он бросился к нему, разворачивая к себе его лицо, осматривая ссадину на виске.

— Алион, заткнитесь, ради бога. Я чуть вас не убил. Когда я успел стать истеричкой, швыряющейся посудой...

— Я в порядке. Я должен бы заставить вас забыть о произошедшем. Стереть память... я могу. Но не буду этого делать. Я перешёл черту, стиранием памяти этого не изменишь.

— Мы оба перешли черту, вот в чём правда. Я задираю вас... Задираю, как Андо тогда, всё верно. Моё проклятое любопытство, которое однажды закончит мою жизнь, и правильно... Алион, больше никогда ни с кем не говорите о постыдных желаниях. Никогда ничего не стыдитесь, в вас нет ничего недостойного, ничего неправильного. Вы прекрасны, полностью, со всем, что мне показали. Чисты, естественны, прекрасны...

Алион смотрел на него, стоящего с ним рядом на коленях, нависающего над его головой, огромными глазами, зрачки в которых постепенно сползались до точки.

— Прекрасно? Вот это — прекрасно?

— Вполне. То есть, что это доставляет вам дисгармонию — ужасно, но... Пожалуй, я тоже стёр бы вам память, если б умел, но нет, это неправильно. Я говорил тут, что понимаю то, это... Это ошеломляет, но я хочу понять, правда. Вы повергли меня... в начало пути в познании мира. Как... я ведь даже не вашей расы...

— То есть, будь я вашей расы, это не шокировало бы вас совершенно?

— Людей я, во всяком случае, немного знаю. Вы сказали — для вас невыносимо это, я поверил вам. Нет, не так... Я не верил. Я хотел услышать, что вы делали бы с этим, но я не готов был, правда. Я вообще никогда, чёрт меня побери, не был готов к тому, чтоб это было сложно. Всё и всегда было просто... даже с Андо.

Алион сперва переменял позу, подобрав под себя неловко вывернутые ноги, потом сделал первую попытку подняться. Андрес протянул ему руку, другой рукой хватаясь за столешницу — перед глазами, честно говоря, ещё плавали тёмные круги. Казалось, что в воздухе пахнет озоном, как после грозы.

— Вы не колебались... никогда. Вы шли за своими желаниями... А те, кто желал вас, те, кого желали вы? Неужели это может не вызывать... бури...

— Смотри о ком говорить вообще... и зачем говорить... — Андрес покачался, едва не рухнув на только было вернувшегося равновесие Алиона, — если человек, допустим, религиозно ушибнутый и сексуальная тема для него вследствие этого больная... Я не в обиду вам это сейчас говорю, у нас там клинические случаи бывают, в сравнении с которыми все ваши церемонии и духовно-нравственные установки отдыхают... Или вот, если говорить о контактах со своим полом... Если по человеку понятно, что он натурал, тем более он сам говорил о... неприемлемости подобного лично для него... Хотя обычно я всё-таки предпочитал женщин — ну и женщины как-то, в целом, предпочитали меня — я в пору боевой юности имел пару историй с... ну, не важно, в общем, контингент у нас был очень разный, и это как-то никого не смущало, нас как-то слишком сближала общая преступная жизнь, чтобы заморачиваться подобными вопросами чистоты рядов, понимаете ли... Так вот, после этого я один раз ошибся, подкатив к одному пареньку с тем же предложением. Ну, ввёл меня в заблуждение его внешний вид... Оказалось, он как-то совсем не по этой части, ну, получил я проповедь часа на три, ну, смотрел он на меня волком потом ещё с месяц...

Прошло, ничего. На моей памяти от этого никто не умер. Господи, зачем я вообще всё это говорю, а...

Алион неловким движением вытер кровь с виска — рана уже не кровоточила, удар прошёлся всё же частично по кромке гребня, мелкие осколки фарфора дождём осыпались с его одеяния.

— Андрес... Если уж случилось так, что я пал так несомненно и низко, большим падением не будет, если я спрошу... Вы были с представителями иной расы, кроме вашей?

— Ну... Если Андо, конечно, не считать, то нет. Хотя вру, было... почти... В Каракосе один раз мы с приятелем были в голоборделе... По делу были, выслеживали там одного типчика... Понятное дело, просто сесть в уголочке и выслеживать было как-то не вариант. Я решил, раз такой случай, попробовать чего-нибудь экзотического... Ну, реалистичность у них не на высоте, прямо скажу. А так, в анатомическом отношении... познавательно. Господи, Алион, зачем об этом говорить, если...

По лицу минбарца пронеслась болезненная тень всего того, что пронеслось в его мыслях — пронзительный ужас от произошедшего и смирение, сравнимое с опустошением, и любопытство — а чей образ там заказывал Андрес? — и сердитое пресечение этих размышлений — довольно, довольно уже всего того, что...

— Вы правы, простите. Теперь надо думать лишь о том, чтоб...

— ... здесь и сейчас совсем не это имеет значение? Алион, скажите, я упрошу вас моральные муки поиска слов, если скажу, что меня совсем не травмирует ваше желание со мной переспать? Нет, если оно травмирует вас, точнее, если вы ищете у меня такого ответа, которое было бы избавлением от того, чем вы хотели бы не занимать больше голову ни минуты... Во мне нет злорадства, относительно того, что я успел в вас прочесть... Я успел не всё, но в том, что успел, сам фон... как бы это ни было невероятно для меня, но я могу только принять это и назвать своим именем. Если вы хотите услышать от меня, что этот ваш интерес, эта ваша злость, эта ваша ментальная трёпка означает не то, что вы подумали, то нет, я этого не скажу. Чёрт возьми, вы что, первый гомосексуалист в своём мире? Простите, но ничего иного, кроме как, что это не ужасно, это не оскорбляет меня, это не противно мне, я сказать не могу. Можете дать мне в морду, моей морде не привыкать, честно.

Кажется, в глазах Алиона дрожали готовые оформиться слёзы, и уже не было даже сил поражаться его самообладанию.

— Я не прошу вас... помочь мне сбежать, убедить себя, внушить... Это было бы бессмысленно. Слова были произнесены, действия были допущены. Помилуй Вален мою душу, я мог убить вас...

— Ну, я вас, если на то пошло, тоже.

Они стояли на расстоянии шага, оба держась одной рукой за край стола, тяжело дыша, Андрес судорожно отбрасывал с лица постоянно падающие на глаза волосы.

— Теперь... всё, что нам осталось — прояснить, как в вашем мире принято реагировать на взаимный интерес и... придти к некому заключению, универсальному для нас обоих... Выйти с честью, сколько её ещё осталось для меня...

— Погодите, о каком взаимном интересе вы говорите?

— Что?

Андрес потёр свободной рукой висок.

— В отличие от вас, я представитель расы, в которой всё проще с сексуальной свободой. Разумеется, я старался не думать о вас в подобном ключе, потому что... потому что это как-

то бесчеловечно, мне казалось. И потому что мне ничего не светит, да. Соблазнить минбарца — это, во-первых, невозможно, во-вторых — неправильно, при вашем сверхсерьёзном отношении к... ко всему. И я так судил, по тому, что вы не размазали меня по стенке, что вы таких мыслей не заметили, ну, в том числе потому, что я предпочитал проигрывать в голове что-то из того, что реально было, это как-то лучше, чем думать о том, чего всё равно не будет... В общем, это к тому, чтоб вы не думали, что вы обескуражили меня чем-то таким, что мне чуждо. Просто запомните, желание не оскорбляет, и... надеюсь, что моё не оскорбило вас. Если что, здесь есть вторая чашка.

Пальцы Алиона дёрнулись в его сторону, словно чтоб прикосновением удостовериться, что это не сон, не бред.

— Вы... думали обо мне... аналогичным образом?

— Да. И простите, не собираюсь в этом каяться, даже если вы снова подкоптите мне мозг. В моей, земной системе ценностей красивый человек не становится запятнан чьими-то мыслями о том, как здорово б было прикоснуться к его коже, увидеть то, что скрыто под одеждой... Это нормально для меня. Я допускаю, что это не нормально для вас, что вам совсем не легче от того, что не только вам, но и мне пришли такие мысли... Вообще, они уже пришли, это факт. Не о чем жалеть.

— Мысль не равна действию, но мысль есть корень, из которого произрастают действия. Посему каковы наши мысли, таковы...

Андрес неловко обхватил минбарца за плечо, притянул к себе и впился губами в его губы.

— Всё-таки, я люблю рисковать.

Алион почувствовал, словно весь он — все его чувства, все нервные окончания — собрались в том месте, малом участке его тела, к которому прикасался землянин. Даже биение сердца, словно пульс сейчас разорвет кожу, и ощущение, словно кожа под пальцами человека горит огнем.

— Не могу сказать, что... Но я рискнул рассудком, своим и вашим, и какой бы путь мы ни избрали теперь... Это путь во мраке, без путеводной звезды...

Андрес медленно, осторожно поглаживал запястье минбарца — кожа светлее, прохладнее, чем земная, но под ней чувствуется бешеное биение скрытого огня. Широкие рукава жреческого одеяния легко пропускали движение пальцев по безволосой руке выше.

— Честно, я не вижу во всём этом никакого мрака.

Алион закрыл глаза, в попытке удержаться в этом странном, новом, кружащемся мире, скользнул ладонью по щеке человека, потом обвил рукой его шею. И, словно в каком-то не самом пристойном сне, робость Алиона потихоньку сменялась смелостью в движениях. Он отстраненно подумал, какое же холодное его тело, или, может, это тело человека пышет жаром, обжигая кожу, обжигая сердце, порождая, пробуждая в нём такой же невозможный, неистовый жар. Как теперь обо всём этом думать (а как можно не думать?) — неужели это имеет какое-то отношение к судьбе, неужели к этому странному повороту вела прямая дорога его двадцати шести лет, его трудов, достижений, надежд, успехов? Но разве это его выбор, его прихоть — этот поворот...

Рука Андреса переместилась на затылок Алиона, скользнула по рельефу костяного гребня. Так они стояли некоторое время, прижавшись лбами.

— Возможно, для вашего спокойствия и было б лучше, если б я помог вам убедить себя, что ничего этого нет, что-то придумал... Но я не люблю врать. Не в таких вещах точно. Меня

даже инстинкт самосохранения не останавливает, как видите...

Алион чуть отстранился, глядя в глаза землянину неотрывно, гипнотически.

— Вы сказали, что я неправильно представил ваше тело, что вы вовсе не такой... Я хотел бы увидеть, какой вы на самом деле.

Андрес запрокинул голову, беззвучно усмехаясь.

— Что ж, вы, по крайней мере, можете исправлять то, что представили, вы это смогли, ведь у вас была опора в смысле картин, фильмов, в нашей культуре всё же много обнажённого тела... А мне вот, увы, не удалось, хотя на воображение до сих пор не жаловался. Вы ж вообще редко раздеваетесь, даже спите в одежде. Когда я был подростком, я знал о минбарцах очень мало, слышал кучу разных слухов и вымыслов... Например, что вы холонокровные, как рыбы. Знаете, это просто взрывало мозг...

— В нашей литературе... военных лет... было очень много сравнений землян с животными. Это оставило много... ненависти, отвращения, укоренившихся надолго, пропитавших плоть и кровь. Но не всем... И плоть и кровь, как и дух, очищаются. Мы все станем лучше, выше, когда можем взглянуть на другого, отличного от нас, как на самого себя.

— Что ж, если это... нельзя никак увязать с вашим ожиданием самой главной встречи, сделать таким авансом в будущее, то наверное, сейчас... вы нашли не хуже смысл.

— Наши миры давно не враги, Андрес. Мы с вами никогда не были врагами. Это только вопрос эстетики... наш общий страх. Увидеть эту чуждость в другом, увидеть её в глазах другого...

Андрес закусил губу, чувствуя, как его охватывает совершенно неопиcуемый, немыслимый восторг от того, что он делает, лихорадочно выпутывая пуговицы из петель, стягивая рубашку с плохо слушающегося его тела, чувствуя, как режет подушечки пальцев собачка непокорной молнии на брюках. Оставшись совершенно голым, он оперся о столешницу обеими руками, чувствуя кожей и ослепительно яркий свет лампы, и скользкий по нему взгляд Алиона. Никогда прежде он, конечно, не раздевался для того, чтоб на него вот так смотрели, изучая, и подумать, следовательно, не мог, что ему это может нравиться — быть объектом изучения, чувствовать себя таким уязвимым, беззащитным...

— Вы очень красивы, — Алион, некоторое время стоявший на расстоянии полутора метров, сделал шаг вперёд, — да и вы знаете это, вы только думали, что это та красота, которая не может нравиться мне, что мне нужно нечто более... совершенное. Благодаря нашим разговорам о самоконтроле, о дисциплине сознания, мыслей вы считаете нас помешанными на совершенстве. Но разве это противоречит... У вас очень сильное, развитое тело. Это считается красивым и у вас, и у нас. Ваше тело... вполне похоже на ваше сознание. Я нахожу это восхитительным.

Андрес шумно сглотнул, почувствовав прикосновение прохладных, твёрдых пальцев к груди.

— Вы называете нас холонокровными, иногда — ледяными, хотя это совершенно не так. Иногда сравниваете с камнем, иногда — с ангелами. Не подразумевая восхищения, скорее со страхом, в значении чуждости человеческой слабости и даже презрения к ней. Вы сильный не меньше. Просто у нас с вами разная сила...

Ладонь минбарца медленно скользила по телу, тонкие пальцы ощупывали белёсые шрамы (происхождение не всех из них Андрес сейчас вспомнил бы, это было, сейчас казалось, так давно, в другой жизни), перебирали короткие завитки волос.

— Или, может быть, вы, как часто это бывает с землянами, стыдитесь вида своих гениталий?

— Ну, вообще-то им и не положено быть красивыми. То есть... в теле человека хватает мест, куда больше относящихся к эстетике, а этому вот быть красивым и не обязательно, у этого есть вполне практическое назначение, и...

— Но вы почему-то уверены, что у меня это всё красиво. Вы странно относитесь к себе... Вы говорили, до сих пор многие земляне стыдятся обнажаться, предпочитая заниматься сексом без света, накрытые покрывалами... Вы так удивились, когда я сказал, что у нас не принято гасить свет. Это так не сочетается с вашим представлением о том, что мы стыдимся физиологии ещё больше, чем вы. Как видите, у нас просто несколько иначе... У вас в противовес стыду и этой... зажатости появилась порнография, и то, что вы называете раскрепощённостью, когда люди испытывают наслаждение от того, что их обнажённым телом любуются, и стремятся стать... идеальными в плане сексуальности. Оттого, что в норме считается, как вы сейчас сказали, что человек красив лишь фрагментарно...

Андрес облизнул пересохшие губы, чувствуя, как всё внутри болезненно и сладко сжалось, когда с плеч Алиона соскользнула расшитая мантия, когда его пальцы взяли за завязки туники.

— И вы считаете, — он как зачарованный следил, как освобождается от ткани стройное, гибкое, изящное тело — словно рождается из мрамора статуя... — что то, чего вы не можете понять в нас, к примеру, влечение к людям своего пола — это тоже такой вызов этому... закреплению сексуальности?

— Не знаю. Я надеялся, что вместе мы найдём этот ответ, — Алион переступил через ворох ткани, оказавшись к землянину вплотную.

Ослепительно. Правильно, наверное, назвать это — ослепительным. Андрес, смеясь над предательской дрожью своих рук, коснулся голых предплечий Алиона, и дёрнулся, словно обжёгся. Сравнение с Пигмалионом, конечно, выглядит донельзя глупо...

— Как вы правы всё же. Я действительно нахожу, что у вас... красиво всё. Наверное, это очень разумно и правильно, что вы всё время в одежде — глаз к такой красоте просто не готов.

Алион улыбнулся.

— Ваше сравнение со статуей... очень печально, и интересно. Я читал эту легенду, когда изучал земную культуру. Мы много беседовали об этом с учителем... Многим кажется, что история эта печальная, трагичная. Ведь неправильно любить мёртвый мрамор вместо живого человека... Но она и о другом. Тот человек создал идеальную женщину, воплотил образ, прежде родившийся в его голове. Порождение его разума, концентрацию его мысли, исканий его души. Он полюбил... себя самого. Многим людям не дано и этого.

— Вот уж не смотрел на это... под таким углом. Я думал — чего ж Пигмалиону не хватало в живых-то женщинах...

— Не в них. В себе. Терпения, понимания, умения раскрыть свои желания... Ему было проще раскрыть совершенство в мёртвом камне, чем в живом теле... Это лишь легенда, лишь образ. В легенде говорится о совершенстве телесном, всё же, она ведь придумана нормалами. Конечно, возможности изменения тела имеют пределы... Замените тело на душу и всё встанет на свои места. Каждая женщина — чья-то Галатея... Более того, каждая женщина становится Пигмалионом для своего мужчины. И труд скульптора продолжается всю жизнь...

— Простите, это звучит как-то жутко. Менять другого человека под себя... разве вы можете иметь в виду именно это?

— Нет. И не имею. Менять его... под него самого. Разве вы думаете, совершенство не хотело выйти из мрамора, шагнуть в жизнь, явить себя? Разве вы, земляне, не хотите так отчаянно, так страстно быть идеалом для кого-то, разве не считаете «совершенство» высшим комплиментом? Мастер видит в необработанном камне то, чем он станет... Видит в нём то, чем он сам станет, совершив этот великий труд, как вырастет он, как очистится, раскрывая красоту, которая рождается — в нём самом. Я читал и ещё кое-что... В одной стране царь нашёл замечательный кусок драгоценного камня, и искал мастера, который обработает его лучше всего. В тех краях было много замечательных мастеров, способных выточить из камня всё, что угодно — любые фигуры, сосуды, украшения... Тем камень отличается от металла, что отколотое не приставишь назад, и начиная работу, мастер должен видеть конечную цель — и не отступаться. Тому царю удалось найти мастера, создавшего из камня шедевр. Когда мастер показал то, что он отколол при обработке — стружки было так мало, что она уместилась на диаметре мелкой монеты.

— Вы имеете в виду, что... лучше всего найти того, кого меньше всего придётся менять?

— Камень мёртв. Поэтому с ним всё довольно однозначно. Человеку же лучше познать свои желания, высечь идеал в себе самом, подготовить себя к этому совместному и обоюдному труду... Понять, каков он будет, этот труд — как у скульпторов, высекавших из мрамора неземной красоты женщин, или как у мастера, стружка у которого уместилась на мелкой монете.

— И вступить в связь не со своим избранником — это... испортить чью-то будущую работу, да?

— И да, и нет. Ведь мы, как я сказал, не камень.

— Если культура, учащая таким сравнениям, такой образности, не даёт на что-то ответов... Вероятно, только и остаётся, что искать их вместе. Но честное слово, я... не хочу ничего испортить. Действительно, когда так очарован... легче кажется отступить, остаться вдали от этого... избыточного чувства. Не смея ни сказать слов, ни совершить действий. Но снова и снова возвращаясь, хотя бы мысленно, потому что невозможно противиться этому притяжению...

И тогда Алион поцеловал его.

Андрес чувствовал, что теряет границы своего тела, теряет понимание, где его руки, ласкающие напряжённую плоть, обжигающиеся бушующим под прохладной кожей огнём, где его губы, накрывающие трепещущие губы Алиона, где он сам в этом взрыве невозможных, невероятных эмоций. Ему показалось, что он вдруг упал в бездонный океан звука — мелодии, прекраснее которой он никогда в жизни не слышал, и ни с чем не мог бы её сравнить. Музыка было много — как воздуха, как света, как возможных оттенков цвета, как граней у миллиона бриллиантов, рассыпающихся, кружащихся хрустальной круговертью. Что-то подобное не мечта даже — тому, что он никогда не стал бы воображать, потому что и представить не смог бы такое, потому что это выходило за все его представления о красоте.

«Такой красивый... Такое совершенство... Как я умудрился дожить до того, чтоб ощутить подобное...».

Словно безумный полёт — без тела, без веса, без границ, без стен... Словно сам превратился в струну, в звук. Эту волшебную песню, которая могла бы звучать только где-то среди звёзд, где-то в подобающе величественных сферах. Словно сквозь каждую клеточку

тела течёт этот сладкий шелест слов чужого языка, в которых звучит его имя... Что может быть более сладким, восхитительным, чем купаться в этом, растворяясь в лёгких, звенящих, призрачных образах — непостижимое разуму, восхищающее, как хрустальное великолепие снежного кружева, как застывший в камне огонь, как северное сияние... Можно ли сказать сейчас, кто из них сейчас отдаётся, вверяется, становится малой песчинкой в бурном потоке восторга и наслаждения? Хаотичные потоки их сознания, они, конечно, не могли смешиваться, как вода и масло, но капли водяной взвеси оседают на масляной плёнке, сверкая, как крошечные бриллианты, сливаясь в тонкие ручейки, отрываясь, взлетая вверх, снова рассыпаясь тысячами мелких водяных искр, но водный поток играет каплями масла, золотыми, тягучими, дробит их и собирает вновь...

— Ты так невозможно красив... так чист, высок... Я представить не смог бы, поверить не смог бы... если б прочитал об этом сотню книг, если б прожил сотню жизней...

==== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 9. Искры в снегу =====

Любвеобильный бес опять
Зовёт к себе, меня пленя,
Дано не каждому понять
Некоронованного короля...
Пойми, что есть у всех душа,
Что и король бывает пленник,
Уймись, жестокая толпа
И не кричи: «Изменник».
В полночный час я лишь слуга,
Пленённый взором беса,
Прощай, покой и власть моя,
Мне нет на троне места.
Пойми, что есть у всех душа,
Что и король бывает пленник,
Уймись, жестокая толпа
И не кричи: «Изменник».
За сладострастный миг в аду
Отдам корону я свою,
И догорю под гул толпы
В объятьях демона любви.
Пойми, что есть у всех душа,
Что и король бывает пленник,
Уймись, жестокая толпа
И не кричи: «Изменник».
Б.Моисеев

По выражению даже не лиц, наверное, только глаз они поняли — что-то успело произойти за время их отсутствия.

— Что-то случилось?

— Моя матушка... снова порадовала?

Зак махнул рукой.

— Да нет... Тут у нас и кадры, и вопросы поинтереснее... Офелии пришло сообщение, что на Элайю предъявляет требования Земля.

— Что?! С какой такой радости?

— Ну, я думаю, догадаться несложно — потому что он сын своего отца и много что мог от него унаследовать. Огромная сила, от такого только идиот откажется. А если речь об обоснованиях... Ну, вы знаете, Офелия была там, на Земле, замужем. На Марсе её брак был аннулирован, и она вышла замуж за Андо, но Земля, вроде как, не признала этого развода, и...

— И заявила об этом спустя столько времени?

— Да, звучит нелепо, но видимо, они и ждали, когда кто-нибудь родится. Сама Офелия им как-то не до зарезу, а вот столько ворлонского наследства — это уже лакомый кусок.

Винтари озадаченно почесал голову.

— И что ж это они, пытаются теперь изобразить, что Элайя сын этого... как там её первого мужа звали? А ничего, что они тут чисто физически не могли с ним совместного ребёнка заиметь? Насколько помню, беременность у землянок больше года не длится... Да и пусть даже так. Ведь она, как мать, имеет на него преимущественные права, или нет? То есть, на каком основании они могут принуждать Офелию вернуться на Землю, или передать Элайю бывшему мужу?

— Не спрашивай, сынок... Я сама этого не поняла. Там было что-то о... аморальном образе жизни... Что Офелии нельзя позволять воспитывать Элайю. Что вообще они там могут знать о жизни Офелии и Андо...

— А Земля у нас, значит, оплот и блюститель морали? — прищурился Дэвид.

— Сынок, я училась понимать землян очень долго. Сейчас, кажется, понимаю, что до конца не научилась. Не знаю, можем ли мы тут что-то сделать, выразить протест так, чтобы его не отклонили... В любом случае, сейчас нам следует поддержать Офелию. Всё-таки, без поддержки-то они, понятное дело, не останутся, но сама формулировка обидна.

— Вот уж напугали ежа голой жо... — Андрес оглянулся на Деленн, — жёсткой гражданской позицией! Андо был гражданином Нарна, и что-то мне слабо рисуется, что Нарн вот так запросто отдаст сильного телепата, по совместительству официально внука их пророка. Ну, а не захочет Офелия на Нарн — всё же условия там да, суровые — останется здесь, Виргиния только рада будет, они ведь её семья... Я так понимаю, у них там опять какие-то бурления во власти, и это некий поклон в сторону ультраправых, всегда ратовавших за семейные и патриотические ценности в ущерб логике и здравому смыслу, да заодно за то, чтоб использовать телепатов в хвост и в гриву под знаменем защиты бедненьких нормалов...

— Не реви! Прекрати реветь! — Виргиния ходила вокруг Офелии, сама ощутимо нервничая, — не выношу женских слёз! Вот правда, чувствуешь себя беспомощным...

— Будто сама не женщина, — Офелия удивлённо отняла ладони от заплаканного, покрасневшего лица.

— Я не реву! Почти никогда... И вообще... Я там, на Бриме, в силу особенностей местного языка и мышления вообще, уже сама привыкла себя в среднем роде воспринимать... Ну успокойся, солнышко, — она присела перед всхлипывающей девушкой, взяла её маленькие ручки в свои ладони, — мало ли, чего они там хотят. Хотеть, вообще, не вредно, с каких пор у нас Земля царь и бог во вселенной? Вы с Элайей — семья Андо, а

значит, граждане Нарна. Они что, собираются на Нарн залупиться? Дипломатического скандала хотят? Им что, амбиции дороже хороших отношений с Альянсом? Ты, вообще, не малолетняя, ты имеешь право выбирать, где тебе жить с ТВОИМ сыном. И я, как сотрудник, имею право, чтобы моя семья со мной здесь жила. А ты моя семья, ты брата моего жена, мать моего племянника... И здесь сейчас для Элайи лучше всего, это даже на Нарне признают — здесь идеальное врачебное наблюдение, здесь ему помогут обучиться владению его силой, у Минбара самые сильные учителя-телепаты. А как подрастёт — сможем с тобой слетать на Бриму, посмотреть, как они там проживают... На Арнассию — там как раз гиперпространственные ворота строят... Ну, и на Драс, наверное, слетаем — хотя, судя по рассказам Андо, смотреть там не на что... Да мало ли, куда! Мне вот тут предлагают в очередной рейс до Моради слетать... на чём-нибудь потяжелее... А то больно уж пираты обнаглели... Так может, ещё мир-другой меня добрым словом запомнит... В общем, не отдадим мы ни тебя, ни Элайю, могут с этими своими запросами и претензиями в туалет сходить.

— Извини... Я просто, наверное, так и не привыкла, что могу быть кому-то нужна...

— Ну ты даёшь! А кто мне будет жрать готовить? Я сама не способна, у меня это наследственное. Мамаша как-то рассказывала, осталась она одна где-то в летнем домике, что ли... решила сварить картошку. Так кинула её в кипящую воду и ждала, когда всплывёт... Думала, она как яйца же варится... Вот так и у меня. Оно конечно, ничего страшного, многие великие люди были никудышные кулинары, президент Шеридан, говорят — герой, икона, но на кухню его пускать было нельзя... Но есть-то охота иногда! Ну, успокойся. Нашла, из-за чего, честное слово.

— Не смотри на меня, я страшная сейчас...

— Перестань. Красивая ты. Всегда красивая. Что у моего брата, вкуса, что ли, не было?

По возвращении в свою комнату Винтари обнаружил, что ему оставлено письмо. Письмо обычное, написанное, не звуковое, и это удивило. Почерк был знаком, от центаврианской вязи сперва неприятно кольнуло в груди — подумалось про мать... Ерунда, зачем бы мать писала ему письмо, вместо того, чтоб просто позвонить? И почерк был не матери.

«Здравствуйте, мой прекрасный принц... Когда вы вернётесь и прочтёте это письмо, меня на Минбаре уже не будет. Как жаль, что возможности письма так малы, и мне не передать с ним ни своего тепла, ни своих слёз, всего того, что хотелось отдать вам... Но ведь и лично я никогда не решилась бы это сделать. Уже и это письмо было невероятной дерзостью, однако, приученная к честности своим воспитанием, и зная, как цените честность вы, я не могла не быть с вами честной теперь. Я не смогла бы уехать, не прощаясь, после всего того неоценимого добра, что вы для меня сделали, но говоря вам о своей благодарности, о своей признательности, я не могу говорить лишь полслова, не могу не сказать, как много вы в действительности значите для меня. И вы могли бы сказать, как не странно было подумать, что это романтическое увлечение девушки, выросшей в глубокой провинции, вашей красотой, вашим титулом... Я могла бы бесконечно говорить о том, как прекрасны вы, внешне, как и внутренне, как чисты, благородны, отважны и как покоряете с первого взора... Если какого-то мужчину и называть солнцем — так это вас... Но это было бы эгоизмом с моей стороны, потому что это едва ли нужно вам, не с моей стороны... За время, проведённое с вами рядом, я успела это понять. Я возвращаюсь на Тучанкью, и

выхожу замуж за доктора Чинкони — его любовь ко мне, в течение многих лет, стоит того, чтоб поступить именно так. Зная, что не нужна вам, лучшее, что я могу сделать — дать счастье тому, кому нужна... Я хотела бы написать, что искренне желаю счастья ей, той счастливой, что занимает ваше сердце... если б не предполагала, как всё обстоит. Ещё и поэтому я не могу дольше оставаться здесь, чтобы не поставить вас в неловкое положение, чтобы вам не пришлось искать, как ответить — о, не мне, нет — почему вы не хотите — о, даже не жениться на мне, имя моё слишком скромно для того, чтобы можно было всерьёз рассматривать такую вероятность, но по крайней мере, иметь со мной роман, что было бы уже ожидаемо... И не загадывая, увижу ли я вас ещё однажды — но зная, что не забуду — я прошу вас об одном — я хочу слышать, хотя бы иногда, когда новости будут долетать до нашего тихого края — что вы живы, здоровы и счастливы, что вашим желаниям, вашим целям сопутствует успех... Если вы однажды будете гостем в нашем скромном доме — это будет вершиной моего счастья. Теперь Тучанкью будет членом Альянса, чего вы так желали, частью мира, который вы любите больше, чем родной... И мы, кому было разрешено здесь остаться, тоже станем его гражданами. Это будет хотя бы как-то объединять нас, а о большем и мечтать грех...».

Винтари уронил руки с письмом на колени. Краем сознания, какая-то чужая мысль, говорила ему, что ведь можно ещё задержать, можно приехать, можно успеть до того, как состоится эта свадьба, что может быть, именно этого она хотела, когда писала это письмо, молилась об этом... Он знал, что не сделает этого. Не солжёт. Она права, кругом права... Насколько же он потерял контроль, что даже она знает, не хуже его, а может, и лучше — почему... Насколько сияющая бездна захватила его.

Эти две следующие ночи в Ледяном городе, дрожа в своём спальнике едва ли от холода как такового, он совсем не о ней думал... И не вспоминал он о ней. И слыша, как тихо ворочается в своём, высушем наконец, спальнике Дэвид, он думал об одном — как долго можно сопротивляться притяжению, когда знаешь, что оно взаимно? Днём каждый момент, каждый новый сделанный шаг, несмотря на все старания, приближал их именно к этому, пронзая тела маленькими шустрыми молниями любовного восторга. Слишком красивым было всё вокруг, этот мир, который казался их собственным — ведь никого больше не было вокруг, ни одного голоса, кроме их голосов... Снег, и проглядывающее сквозь тучи солнце, и крики невидимых в вышине птиц, и гордый рельеф ледяных торосов у пролива, и яркие фрески на стенах — интересно, оставят их Братья Тишины, или сведут, или завесят чем-нибудь, чтобы не отвлекали? Некоторые довольно-таки... Фривольных сюжетов... И тепло печи — выставшее жилище не позволит расползтись по разным углам, оно радо дать повод сесть поближе... Остаться бы здесь, жить в одном из этих домов, рисовать на тех стенах, что пока остались пустыми, вышивать, переписывать книги, ловить рыбу, встречать редкие корабли... Теперь, как никогда, понимаешь — это место хранит память счастья...

Он отложил письмо, закрыл руками лицо. Письмо пахло духами Рузанны, теперь руки пахнут ими, да только если б чем-то это могло ему помочь! Если б действительно ему пришлось бодаться с матерью и другими старшими рода из-за такого-то сомнительного выбора — девушка, выросшая в провинции, мелкая бедная дворянка, к тому же родившаяся в рабстве... правда, теперь владеющая фамильным особняком Моллари... Насколько б всё было просто...

За истёкшие полчаса Андрес несколько раз успел испугаться, что перепутал время и

место и увериться, что выглядит он здесь совершенно по-идиотски, хотя смотреть на него могли разве что птицы из-под незримых снизу балок да древние жрецы со старинных фресок.

Наконец из глубины храма послышались шаги. Андрес встрепенулся и отступил в тень, впрочем, это не слишком-то имело смысл — ученики, тихой светлой стайкой просеменившие к выходу во внутренний дворик храма, были телепатами, и присутствие его почувствовали, но минбарская деликатность не позволяла сколько-нибудь явно дать ход любопытству и оглянуться на него.

Алион шёл последним, провожая учеников доброй улыбкой. Андрес вышел ему навстречу.

— Как хорошо... Значит, ничего я не спутал, а то ведь с меня бы случилось. И так чуть не заблудился по дороге...

— Андрес... Что-то случилось? Я ведь... Я собирался к вам послезавтра...

— Ну, я этого точно не знал, и к тому же... — прежде, чем минбарец успел раскрыть рот от удивления, Андрес сунул ему в руки букет, — тут ведь дело случая. Я и не представлял, что тут можно подобное найти. Да, вот... Конечно, это, если на то пошло, и примитивно, и стереотипно, и возможно, не очень-то прилично, может выставить нас обоих в весьма странном свете и... Ну, я постарался не слишком попадаться здесь на глаза... Но так у нас на Земле выражают любовь и восхищение. Это настоящие, голландские... Как же их довели-то сюда такими свежими?

Алион покачулся, задрожавшими руками принимая букет роскошных цветов. Конечно, не стоит и говорить, что он подобного не ожидал. В минбарской культуре тоже очень много посвящено цветам, в том числе дарению цветов, но их случай мало подходил к какому-либо из касающихся двух мужчин...

— У нас тоже, но, Андрес... Не отказываюсь, и не хочу, чтобы это воспринималось как нечто обидное, но... не чрезмерное ли это?

— После произошедшего? Думаю, что скорее недостаточное. Чёрт побери, тут всё будет недостаточным, будет выглядеть плоским и глупым, но не плевать ли. Мне захотелось это сделать. Чаще всего, когда я что-то хочу сделать, я это делаю. Всё то, что меня переполняет, всё равно невозможно облечь ни в какую вразумительную форму, вот, пусть будет невразумительная... Эта ночь была одним из лучших событий в моей жизни, после такого, честно говоря, немного страшно жить, потому что ждать от жизни чего-то столь же яркого было б уже слишком...

Пальцы Алиона невесомо касались тугих бутонов, и по телу Андреса пробегали мурашки, так живо вспоминались эти прикосновения его всё ещё взбудораженным нервам.

— Не нужно так говорить. В вашей жизни будет ещё много счастья и наслаждения, и в том числе, конечно, и...

Андрес, не зная, куда деть руки, попытался засунуть их в карманы, потом сцепил за спиной. Нет, в самом деле, сам организм не приспособлен к тому, чтоб испытывать что-то подобное в возрасте куда старшем, чем 17 лет.

— Ну, я, конечно, не стал бы спорить, но мне б для начала ещё захотеть испытывать какое-то ещё наслаждение, после уже испытанного. Действительно, думать мне надо было, совершать ли некоторые действия... Ведь на стирание памяти я всё равно не согласен.

— Андрес, вы...

— Да, знаю, глупо, и попросту смешно. Кажется, я влюбился, как мальчишка, и кажется,

сам в этом виноват, не на что жаловаться. Говорил же, однажды моё любопытство, мой авантюризм меня убьёт. Надо, как вы говорите, искать своё, истинно своё... Я и раньше об этом не думал, и теперь мне это нахрен не надо. Я не смогу выкинуть вас из головы, я слишком близко подошёл к непостижимому и... немислимо прекрасному. Да, многого мне просто не понять, не осмыслить — в вас, в вашей жизни, в этом вот... хрустальном храме внутри вас... Но мне полное понимание для того, чтобы придти и сказать, что вы... просто ошеломляете, как северное сияние... как-то не требуется. Я вот этого самого северного сияния — как оно образуется — не понимаю, но смотрел же — увы, не вживую, конечно... и сердце замирало.

Алион протянул руку, прикасаясь к кисти землянина, сжимая ее, чувствуя, что пусть это ещё один маленький необратимый шаг, но совершенно невозможно от него удержаться.

— Эти цветы прекрасны. И ваши слова... что бы ни думали о них вы сами, останутся в ожерелье самых драгоценных слов, звучавших в этом храме...

— Я... Никогда не думал, что увижу северное сияние... далековато оно как-то от Венесуэлы... А тут — словно северное сияние само охватило меня своими шлейфами-крыльями, опустилось на плечи, подняло к звёздам... Никаких больше чудес в жизни не надо.

Офелия сложила руки на незаконченном рисунке и посмотрела на Виргинию жалобно.

— Научи меня быть такой, как ты, а?

Виргиния, лежащая на надувном матрасе в позе морской звезды, приоткрыла один глаз.

— Такой — это какой?

— Сильной... — Офелия снова принялась драить лист ластиком, — уверенной, дерзкой, бесстрашной. Слушая твои рассказы о Бриме, я думаю, есть ли для тебя вообще что-то невозможное. Ты на моём месте, определённо, знала бы, что делать... Уж точно, ты не просыпалась бы от кошмаров, что Элайю похитили, тебе не мерещился бы в толпе туристов-землян Этьен, и...

— И это нормально бы даже звучало, если б это не говорила девушка, сбежавшая от мужа с инопланетянином, сила которого примерно сопоставима с атомной бомбой, которая рванула спасать брата от дракхианского артефакта... Какой силы тебе не хватает в тебе самой-то? Слушай, мы просто немного по-разному жили, в твоей жизни не было того, что было в моей, и наоборот... Думаешь, эта, как ты говоришь, сила прямо так уж моя, здесь есть моя заслуга? Я просто росла как маленькая принцесса, у меня были родители, которые лучше всего научили меня одному навыку — делать то, что хочется. Ну, и второму не менее важному — хотеть хорошего, справедливого. В мою жизнь мало лезло Бюро, испытывай я такое давление, как ты в своём детстве, ещё неизвестно, что бы было... Будь у меня такие родители, как у тебя — сложно даже представить...

— Думаю, им пришлось бы непросто, — улыбнулась Офелия.

— Думаю, я просто не была бы собой. А была б, наверное, тобой. А вот хватило б у меня силы духа на то, что прошла, что выдержала ты... Хватит об этом, ладно? Каждый делает своё дело, то, что у него лучше всего получается. Ты — воспитываешь Элайю, а я — как и много ещё людей — защищаю тебя. И да, если хочешь знать, мне тоже снятся кошмары.

— Тебе? Никогда б не подумала...

— Ну, с тех пор, как мы поселились вместе, почти никогда. Потому ты, видимо, и не знаешь. Как-то оно отходит уже, отпускает...

Офелия нанесла на лист пару штрихов, но сосредоточиться на рисунке так и не смогла.

— Да... Жалея себя, всё-таки надо не забывать, что ты прошла войну. Ты мне мало показывала, но и этого хватает, чтобы...

— И не жди, что покажу что-то ещё, вот даже не проси. Когда солдат сражается, он сражается для того, чтоб никто не видел того, что видел он. Я вообще не люблю все эти военные рассказы не в кругу друзей. С Андресом об этом можно говорить, с малышом И, если он когда-нибудь захочет... И с нами эта память должна умереть. Над детьми должно быть мирное небо, затрёпанные слова, но это правда. Мы видели много разного дерьма. И это не то, чем теперь нужно хвастаться, выпендриваться перед другими, что мы это пережили. Это то, что больше никогда не должно произойти и даже в голову кому-то придти.

— У тебя-то была ещё Арнассия.

— О да. И иногда мне снилось, что я попала в плен к зенерам. На самом деле, конечно, не попадала, иначе вряд ли тут с тобой разговаривала бы. Сканировала отбитых пленников — потому что надо было знать о зенерах как можно больше. Надо. Так бы я без этих знаний счастливо прожила, уверяю. И наверное, это тоже теперь часть моей силы. Мне было уже легче на Бриме, и с этими пиратами теперь... Я просто знаю, что страшнее зенеров я уже ничего не увижу.

— Мне так спокойно рядом с тобой. И за это спокойствие совершенно нечем отплатить, я не могу ничего изменить в том, что с тобой было, не могу даже представить это, чтобы с полным правом сказать, что понимаю... Как много сказано о том, что сильные люди тоже бывают слабыми, что им тоже необходима поддержка. Глядя на тебя, правда, я не могу представить, чтоб ты когда-нибудь была слабой. Мне кажется, твоё упорство, твоя вера если не в себя саму, то в твои цели, твою правду никогда не изменяли тебе и не изменят. Странно, но в Андо я эту слабость видела, в тебе — нет. Тебя ничто не сломит, и ты вообще никогда не умрёшь... На самом деле я очень боюсь тебя потерять. Это меня ломает. Тогда вообще не во что будет верить. Андо и Алан погибли, президент, почти сверхчеловек, тоже умер... И иногда, наверное, действительно хочется сдаться, позволить забрать меня и Элайю на Землю, где будет, конечно, окружать страшное, но вполне привычное... И я никогда не узнаю, что с тобой что-то случилось, потому что мне не позволят это узнать. Когда за тебя беспокоятся, когда готовы встать на твою защиту — становится не спокойнее, а страшнее, почему-то.

Виргиния несильно размахнулась и швырнула в Офелию подушкой.

— Привыкай. Теперь у тебя есть близкие, всё, это факт, и между прочим, ты это выбрала сама. Я понимаю, что проще жилось, пока у тебя были родственнички как из того анекдота, «ваш крокодил — вы и спасайте». Но ты не из тех людей, кто создан для одиночества. И вообще, зря ты думаешь, что я не понимаю тебя. Там, на Бриме, на Арнасии я видела тех, кто потерял всю семью. На войне это, я уже говорила, преимущество. Тебе больше не за кого бояться, тебя нечем шантажировать. Человек, которому некого и нечего терять, становится опасным врагом. Мне не приходилось бояться за свою семью, они были слишком далеко от места событий. Хотя если уж не Бул-Була, то зенеры могли что-то предпринять в этом направлении, если б им хватило времени и сообразительности. Едва ли это помогло бы, как я полагаю, ведь, как по мне, самая большая ошибка полагать, что дороже всего человеку кровная родня... Иногда, когда долго не удавалось уснуть — от того, что ныли стёртые ноги, или в доме было слишком дымно, или из-за грохота выстрелов, когда

я ещё не привыкла к ним... Я почти проклинала это всё, что они стали мне так близки и дороги, и что я стала дорога им. И... Я знаю, что кое-кто следит, и будет продолжать следить за моей жизнью. Знаю, как, за счёт чего, и... Я могу только жалеть, что не могу чего-то такого же в ответ. Не могу, если он попадёт в беду, узнать, примчаться и навалить тем, кому там жить надоело. Но я могу с этим смириться, это то небольшое, с чем я точно могу смириться. Потому что он сильнее, старше, и потому, что уважаю его решение. Это, наверное, единственный вид опеки, который я приму теперь над собой, возможно, мама обидится на меня за это, но ей придётся принять — будет именно так.

— Дэвид?

В полумраке блеснули бирюзовые отсветы призм ночника. Света такие ночники почти не дают, просто немного помогают ориентироваться в пространстве при пробуждении среди ночи, полная темнота в домах минбарцев ночами бывает редко.

— Диус... что ты здесь делаешь?

— Мне показалось, ты кричал.

Глаза, после более светлого коридора, немного привыкли снова к темноте, начали различать обстановку. Винтари подошёл к кровати, где сидел, нервно комкая покрывало, Дэвид.

— Да, наверное... Хорошо, что я больше никого не разбудил.

— Ну, я не уверен, что больше никого. Просто комнаты Виргинии и Андреса в другой стороне, а Деленн с Райелл сегодня в храме... Тебе приснился дурной сон?

Дэвид судорожно приглаживал взлохмаченные волосы. Хотелось взять его за руку, так хотелось... И тем крепче он стискивал руки между коленями. Здесь, в бирюзово подсвеченном тёплом сумраке, висит тревожным эхом сон Дэвида — но здесь же, в выдыхаемом им воздухе из его спальни, и его сон.

— Вероятно, очень. Не помню. Точнее, ещё помню, но... всё уже как-то ускользает, не осознаётся... Мне жаль, что я потревожил тебя.

— Прекрати, пожалуйста. Те твои кошмары, о которых я не знаю, тревожат меня куда больше.

— Диус, не преувеличивай, это не так часто случается. Я просто... слишком много тревог за последнее время.

— Если ты об Офелии и Элайе, то ты, вроде бы, слышал, что сказала по этому поводу На'Тот. Земля хочет уважения к своим внутренним делам, со своими гражданами — так пусть уважает внутренние дела других миров, и признает для начала, что глупо претендовать на то, что ей никогда не принадлежало. Элайя — сын гражданки Марса и гражданина Нарна, при чём здесь Земля?

— Ты не слышал? Они настаивают на генетической экспертизе...

— Значит, у них там просто вспыхнула эпидемия сумасшествия. Они что, действительно не понимают, в чью пользу будут её результаты?

— Ты, видимо, ничего не понимаешь... Они настаивают на экспертизе на Земле. Якобы Этьену запрещены перелёты по состоянию здоровья, и... Я уверен, стоит Элайе попасть на Землю, они сделают всё, чтоб он её не покинул. Не забывай, это не просто маленький ребёнок, ради какого-то обычного младенца они и не пошевелились бы, чего б там ни хотел его отец, точнее, брошенный его матерью первый муж. Я вообще сомневаюсь, что тут хоть капля была желаний этого самого Этьена, он всё это время никаких поползновений не

предпринимал, чтоб найти и вернуть Офелию... Это сила, огромная сила, скрытая в его генах. Ради этой силы они пойдут на любой риск и на любую гнусность. Они не смогли в своё время получить генетический материал Литы, Андо, но хотя бы такой, ещё более разбавленный... Всё-таки разбавленный-то телепатами самого высокого рейтинга.

— Я понимаю, о чём ты говоришь, Дэвид, поверь. Я центаврианин, я способен представить себе, на что способны жаждущие могущества и власти. Но Альянс не допустит этого, ты же слышал, ты должен поверить, успокоиться.

Фосфоресцирующие пластины ночников бывают разных оттенков, а у некоторых способны менять оттенок, вследствие сложных процессов, происходящих в их кристаллической решётке, и сейчас Винтари был бы, наверное, рад, если б у этих был какой-то другой оттенок, более тёплый. Бирюзовый отсвет в глазах Дэвида показался ему в какой-то момент чрезмерно inferнальным, он поймал себя на том, что зябко ёжится. Рядом с братом, с существом, которое ему ближе всех живших когда-либо существ?

— Я тем и успокаиваю себя, Диус. У меня дурные предчувствия... сложно сказать, чего. Я боюсь, что на этом всё не закончится.

— Что тебе снилось? Ты можешь хоть раз рассказать без долгих выпытываний, что тебе снилось?

Плечи Дэвида поникли, он опустил голову, и стало немного полегче — не видя этого inferнального блеска... Как хорошо, что центаврианам лгать не запрещено. Не придётся признаваться, что никакого крика он не слышал, он сам приотворил дверь, чтобы... чтобы опять проклинать себя за это. Успокаивая тем, что ведь это правда, Дэвиду не раз снились кошмары, и хорошо, если кто-то окажется рядом... Самый изощрённый самообман, и он почти удачен.

— Я сам виноват, понимаю. Своим постоянным беспокойством, которое ты принимаешь за осуждение, видимо... Но ведь если ты не будешь рассказывать, это не исчезнет.

— Но по крайней мере, это останется только моим беспокойством, а не и твоим тоже.

— И какой в этом смысл? Дэвид, сны — это только сны. Мы, центавриане, верим в вещи сны — и что ты мне на этот счёт говорил раз за разом? То же могу сказать и я тебе.

— Я знаю. Именно поэтому я не говорю... Зачем? Сны — всего лишь сны. Даже если бывают иногда... беспокойными. Но ни один из них не обязан быть вещим. Это только отражение наших страхов. С наступлением дня они отступают...

Страхов? Если б было именно так, шептал Винтари, бессонными глазами следя, как светлеет потолок, вслед за небом за окном. Со страхами как-то проще... Сны не обязаны быть вещими, всё верно. Не только кошмары, любые. И не было сил даже сейчас, по пробуждении, повторять себе: это было только раз, было по надобности, нет ничего правильного в том, чтобы желать испытать это снова...

Но сны не бывают правильными или нет, они просто захватывают слабое сознание, просто сталкивают лицом к лицу с самым желанным и самым недопустимым, просто возрождают в памяти тот день — на Тучанкью, в Нэлшо Экуа, когда пошёл жёлтый тучанкский снег. Такой крупный и пушистый, совсем не похожий на снег, похожий на капли солнца, льющиеся с небес. И они выбежали играть в снежки — оба весьма примерно представляющие, как это делается, получившие лишь некоторые уроки от детей Ледяного Города, и Зак смеялся, что и к игре они относятся, как ко всему неизведанному, очень

серьёзно и основательно, и Дэвид, раскинув руки, ловил ртом снежинки — а ведь может быть, этот снег токсичен, они ведь не знают, что за частицы придали ему этот цвет, но невозможно удержаться от порыва ловить этот снег губами... Как во сне невозможно удержаться от порыва целовать эти губы с пьянящим вкусом сказочного, невозможного солнечного снега...

Он ведь... Он ведь именно сейчас, нельзя не понимать, сам не откажется от безумного искушения. Он горит, горит тем самым огнём юности, диких и бесформенных желаний — как смеялся он когда-то над этой борьбой смущения и любопытства вокруг инфокристалла с ксенопорнографией, как довольно улыбался, когда любопытство побеждало... Всё правильно, для чего ж ещё нужны старшие братья? Так всегда было, старший помогал младшему осознать, что у него есть тело и ему свойственно кое-чего хотеть... Чего проще — насладиться сполна этими неповторимыми моментами откровения... Но всё ли можно прикрыть благими намереньями? «Но что же ты делаешь? — шепчет пробудившееся сознание, — это у центавриан всё просто — всё, кроме того, чтоб просто жить...». Для центаврианина нормально восхищаться красотой и доблестью другого мужчины — вплоть до физических воплощений этого восхищения, для центаврианина нормально...помочь товарищу снять напряжение определённого рода, как нормально сделать это для себя. Но он — минбарец... Что это для них, привыкших воспевать не потворство желаниям тела, а самоконтроль и духовность? Но, Создатель, он — землянин... Невозможно представить, каково отношение к гомосексуализму у минбарцев, есть ли он здесь вообще, но из того, что он знал о Земле, явствует, что там — всю их историю всё было очень сложно, и рано обманываться той почти благостностью, которая установилась последние лет 50... Перед памятью человека, которого назвал отцом — можно ли так поступить с братом? Даже если это то, чего больше всего сейчас хочется — как обжигало когда-то желание, чтоб младший смотрел на него с восхищением, быть для него примером и в любви к родителям, в верности Его заветам...

Здесь, в доме, в саду — всё напоминает о проведённых вместе днях, о воплощённых вместе замыслах, здесь всё, сквозь беспечность детских лет, дышит пробуждающейся, разрастающейся страстью, ставшей основой жизни. «У него их улыбка — то его, то её, бог знает, как ему это удаётся»... «В тебе я вижу его»... Кажется, некоторые земляне утверждали, что в сексуальном влечении к родственникам нет ничего ненормального, что это естественная часть развития любого человека, и кажется, эти земляне были не слишком уважаемы за свои идеи, общественная мораль всегда порицает такие мысли...

И вовсе не меняет дела то, что родственники не по крови. Ведь если какие-то чувства определил для себя как родственные — значит, любовными, эротическими они быть не могут, смешение понятий недопустимо...

Здесь, в этом саду, он впервые размышлял о природе этого охватившего его восхищения, наблюдая игру отца с сыном. Слишком много всего в этом было, чтобы охватить, осмыслить сразу...

Такой простой, такой земной, достижимый — словно звёзды смогли вдруг приблизиться и лечь в ладони цветными снежинками с Тучанкью. Эта улыбка, это усталое и счастливое лицо, перепачканные землёй и травой брюки, заношенная домашняя футболка в пятнах пота, серебристые волоски на руке, посылавшей в бой корабли, а сейчас сжимавшей бадминтонную ракетку... И как можно спрашивать, можно ли влюбиться в мужчину, когда правильнее спрашивать — как можно не влюбиться? Андо понимал это, лучше многих

понимал...

Образ матери — впервые так тепло, так близко... И это среди минбарцев-то, считающихся холодными, бесстрастными, отстранённо-искусственными?

Восхищение женщиной, как женой достойнейшего из мужчин. Восхищение тем более глубокое, благоговейное, что она — не только приложение к своему великому супругу, как это обычно бывает, не только идеальное зеркало, отражающее свет величайшего солнца, она и сама и правила, и вела в бой корабли ещё до того, как стала его женой, её имя велико среди её народа... Восхищение тем более неистовое и горячее, что она никогда ничего не делала, чтобы быть привлекательной для всех, не использовала никаких приёмов обольщения, и это минбарское целомудрие, эта возвышенная, строгая красота пленяет более, чем любые соблазны, видимые когда-либо глазом... Тогда, когда он это осознал, он подумал, помнится, что прежде ничего не знал о настоящем любовном восторге, что вообще немногие на белом свете что-то о нём знают.

Мог ли он надеяться, что его чувства останутся такими же чистыми, незамутнёнными? Сияющая бездна разверзлась перед ним, и не было никаких сил противиться её притяжению...

И конечно, смутное шевеление в беседке — сердце узнало его раньше, чем голова осознала.

— Дэвид... Извини, не знал, что ты уже пришёл сюда для размышлений...

Узкая маленькая ладонь обхватила его кисть раньше, чем он успел бы удалиться на спасительное расстояние, и одним касанием разом выпила все силы, какие могли бы найтись, чтобы противиться искушению, остаться в рассудке.

— Не спрашиваю, с каких это пор ты избегаешь меня... Потому что знаю. Я не телепат, Диус, но знаю, когда одни мысли владеют нами, одни тревоги. Помнишь, так было уже — там, на Тучанкью, после твоего дня рождения, когда я избегал тебя, боялся показаться тебе на глаза от стыда — помнишь, как ты успокоил меня, сказав, чтоб я не помышлял о каких-то обидах, о каком-то стыде, что никаким недоразумениям не разрушить великого чуда нашей дружбы... Что же может разрушить связь братьев?

Винтари смотрел на аккуратные бледно-розовые ноготки, кожа под которыми побелела от напряжения, и чувствовал, как ноют губы, ноет всё тело, жаждущее прикосновения этих тонких пальцев.

— Моя дурная натура может...

— Что ты говоришь, Диус, зачем ты это говоришь!

— Ты знаешь, Дэвид, что тогда, когда я говорил с тобой на всякие... не всегда пристойные темы, шутя на тему твоего грядущего полового созревания, я был преступно беспечен. Я полагал, что останусь... подобающе отстранённым... Что смогу лишь, как старший брат, радоваться за твои любовные успехи, что ни ты, ни я не испытаем никогда никакого невыносимого для нас смятения... Но я знаю так же, что тебе не о чем тревожиться, я знаю, верю, что ты справишься, и никогда огонь, живущий в тебе, не будет для тебя причиной стыда. И я, хотя мы, центавриане, не сильны в обуздании своих желаний — я справлюсь тоже...

— Ты говоришь о желании ко мне — и хочешь, чтоб я был спокоен?

— Дэвид, прошу!

— Диус, ты знал, мы — всё же в этом моя физиология не вполне земная — созреваем медленнее, чем вы или земляне. И возможно, поэтому, а может, потому, что ты достаточно

меня старше, ты воспринимаешь меня как дитя. Но то, что должно было однажды пробудиться, пробудилось, и к кому, как не к тебе, мне с этим было придти?

Смотреть на Дэвида было нестерпимо, слишком пронзительно, так же, как во сне, близко, это лицо, затенённое тёмными прядями, это тело, которое через ткань одежды обжигало...

— Придти для того, чтоб поделиться, за советом. Хотя и для этого, честно говоря, не стоило бы... Но не для того же, чтоб мне отдать...

— Почему же нет? Разве не ты всегда был для меня предметом восхищения? Да, я знаю, другое выражение должно быть у того, что владеет сейчас нами, и то, что я делаю сейчас — это капитуляция духа перед плотью, да, я знаю, я справился бы, как ты говоришь... Если б сумел скрыть это в себе, как скрывал свои сны — те сны, какие ещё я видел там... Но если так случилось, что я открыл это тебе, обрекая тебя на чувство вины за то, что допустил это — ты не должен нести эту вину один, — он шагнул ближе, — и я должен разделить с тобой твоё, как ты разделил моё... Как всегда было. Как, помнишь, ты делил со мной наказания — и не роптал, никогда не роптал...

Рука Дэвида обвила его шею.

— Ты всегда был выше меня, сильнее меня, в тебе всегда было столько гордости, столько страсти... Как это могло не тянуть меня?

Губы прильнули к губам — и Винтари не мог бы сказать, чьё это было движение, но знал, что в этот костёр сейчас они бросаются в едином порыве, и ни один не готов отстать, уступив пальму первенства другому...

Шин Афал, выйдя из-за зарослей сирени, остолбенела на гравийной дорожке, ведущей к беседке. Прямо у входа, на открытой для взора площадке, стояли Дэвид и принц Винтари, сплетясь в тесных, совсем не братских объятьях. Руки Дэвида судорожно сжимали плечи названного брата, путались в растрёпанных русых кудрях, словно пойманные в сети птицы, скользили по бокам, где, Шин Афал, как будущий врач, знала...

«Вселенная, ради Валена, да что же это? Что такое это происходит? Как это может происходить?».

Она не видела, как мелькают под ногами песок, земля, трава, когда ноги сами несли её прочь, когда ужас, горечь, стыд гнали её, словно бич, и она желала лишь найти, где укрыться, спрятаться, не думать, где перестанет стоять перед глазами эта картина...

«Как это может быть? Как они... Как это может... Быть на самом деле...».

Но продолжали, всё так же явственно, стоять перед глазами слитые страстью тела, и она бежала бы, наверное, вечно, если бы в очередном коридоре не налетела на Штхиукку, выросшую на пути, словно неожиданная каменная стена.

— Шин! Что случилось? Куда ты несёшься, дороги не видя?

— Шт... Штхейн... Нет, немыслимо, невозможно, неправда, неправда! Уведи меня, укрой где-нибудь... Спрячь от этого ужаса, не хочу знать, не хочу помнить...

Крепкие когтистые пальцы сжали её плечи, слегка встряхивая.

— Шин, что произошло? По виду, за тобой гналось древнее чудовище с болот, что пожирает заблудившихся путников, сперва отгрызая у них языки, чтобы они не могли даже кричать от ужаса, и лишь в последнюю очередь выгрызая глаза? Ну, успокойся и расскажи, что напугало тебя. Если нужно уединённое место, выйдем в сад...

— О нет, только не в сад!

— Хорошо, понятно, чудовище прячется в саду... Ну ладно, в которой из гостиных или кабинетов сейчас не может никого появиться? Успокойся. Я верю, нет такой беды, с которой, подумав, не придумаешь, как справиться.

— С этим никак не справишься... — Шин Афал всхлипывала, почти повиснув на руке Штхиукки, — это невозможно, невысказано, даже думать об этом... Как же жить теперь...

В кабинете Штхиукка усадила Шин Афал на низенький диванчик, предварительно сметая с него наваленные с Андресом черновые варианты перевода сопроводительной документации, налила чай из модифицированного им же кофейного аппарата.

— Говори. Ты знаешь, мне ты можешь довериться. Как бы ни казалось страшно, или стыдно, или больно — если совсем никому не рассказывать о том, что тебя мучит, будет только ещё тяжелее и хуже. Ты знаешь, за эти дни мы многое доверили друг другу, не всякие сёстры бывают так близки...

Шин Афал пила чай маленькими, нервными глотками, то и дело отирая ладонью набегающие слёзы.

— Я не знаю, как говорить об этом... И стыдно, и страшно, и язык немеет, стоит только подумать...

— Обижает, подруга. Не ты ли учила меня принимать себя, учила отличать, в наших стремлениях изменить себя, истинное от ложного? Учила, что смелость начинается там, где не боишься быть честным относительно себя? Обещаю, никому не выдам твоих секретов, как ты не выдала моих.

— Это не мой секрет... И я не знаю, секрет ли. Если я не знала об этом — так, может, потому лишь, что не оказалась достойна доверия... Детство безнадёжно ушло, и Дэвид, душу которого я видела когда-то, словно она лежала у меня на ладони... Нет больше того Дэвида, и я не знаю, что остаётся мне в жизни, на что мне надеяться, во что верить...

— Да чем тебя умудрился обидеть Дэвид?

— Не знаю, меня ли он обидел, или самого себя... Да, я так радовалась, узнав, что он определился с кастой, и мне казалось, что теперь всё будет хорошо... Ну, во всяком случае, уже не будет этого напряжения, этой двусмысленности, а со всем остальным мы как-то да справимся. Почему мне так казалось, а? Твои рассказы, Штхейн, я слушала, как историю о другом мире, и подумать не могла, что и меня это может коснуться. Я думала, главная моя проблема — что сердце Дэвида не отвечает моим надеждам, почти уже угасшим. Я умею признавать ошибки, и если Вселенная говорит мне, что это моя ошибка, а не его — значит, это так и есть. И мне стало легче... почти стало. Я говорила тебе, что в нашем мире, при нашем вдумчивом и внимательном отношении... к подобным вопросам... такое просто не может быть... Как же я ошибалась... Как же жестоко Вселенная явила мне мою ошибку...

— Не понимаю, Шин... Дэвид...

— Я помню, Рузанна говорила: «Кажется, им никто и не нужен кроме друг друга...». Я тогда ответила, что это ведь естественно между братьями, пусть и не родными по крови... Но то, что я видела, не было естественным, совсем не было. Как же так могло получиться с ними... Да, я виновата, конечно, что всё не могла найти слов для решительного объяснения, так боялась ломать этот хрустальный замок доверия без слов из нашего детства... Боялась быть отвергнутой уже в новом качестве... Может быть, и лучше так, конечно — пусть больно, и страшно, но он избавлен от сложности объяснения мне... И я теперь избавлена от этих сложностей, и могу — и должна — сказать себе, что и не было моей любви.

Штхиукка почесала голову.

— Ты имеешь в виду, они с принцем... Что ты застала их за чем-то двусмысленным?

Шин Афал подняла на неё большие, полные слёз глаза.

— Двусмысленное — это то, у чего есть два смысла. Я б рада была узнать, какой ещё смысл может быть у того, что я видела, но кажется, нет его, другого смысла.

— Ну, не сказать, чтоб что-то такое... Давно можно было предположить... Но мне так подумалось, слишком уж у них всё как-то... невинно и неявно. Бывает, что крепкую и нежную дружбу можно принять за что-то большее ввиду испорченности собственного восприятия, так тоже нельзя.

Минбарка до боли крепко стиснула руку дрази.

— Штхейн... Мы много говорили о том, как и почему это бывает с мужчинами твоего мира... Но почему же с ними, с ними-то почему?

— Ну... Я не знаю, по правде, всё ли так просто... Велико искушение, в нашем случае, считать, что наши гомосексуалисты — следствие ошибки Ведающих, и наши геи — это нереализованные женщины, а наши лесби — соответственно... Но так ли это — мы в точности знать не можем. Не много ли ошибок, всё же, учитывая, что Ведающие — стары и мудры, и всю жизнь посвящают тому, чтоб по мельчайшим признакам определять, кому быть мужчиной, кому женщиной? Большинство-то вполне довольны! И... по мне судить нельзя обо всех, женщины, которые любят женщин, могут и не тяготиться своим полом как таковым, только тем ущербом в правах, который они имеют, они не отрицают своей женской привлекательности, что не мешает им ценить женскую привлекательность своих подруг, в другой женщине они любят, можно сказать, не свою противоположность, а своё подобие... Так же и мужчины-гомосексуалисты — не все женоподобны и манерны, многие мои друзья, ты слышала, были воинами, они восхищались мужскими качествами, они были сильны, отважны, стойки, как и подобает мужчине, они не избрали бы, даже предложи им это, сменить своё тело на женское. Я не знаю, что и как сложилось у Дэвида и принца, ты знаешь их дольше, чем я... Я не знаю, рождаются ли такими или становятся, ведь все осознают в разное время, кто-то — в раннем детстве, кто-то — уже имея семью и детей, и не моё дело знать это, моё дело — чтобы и таким жить можно было... Не всем можно помочь, по крайней мере, тем способом, как ты помогала мне.

— Но ведь...

— Ты хотела бы помочь, я понимаю. И хотела бы получить возможный ответ, в чём причина. Но... дело даже не в том, что, если ты спросишь меня, я скажу, что ничего страшного не происходит. Я... тебя я тоже понимаю, поверь. И скорее, скажу, что тебе не нужно впадать в отчаянье. Может быть... всё ещё не так окончательно и бесповоротно. В жизни любого, пока он молод, много исканий, попыток, проб и ошибок... Не всегда первая любовь — она же и последняя, если сейчас они... вместе, это не значит, что они вместе навсегда.

Погасший взгляд девушки рассеянно бродил по узорам плитки на полу.

— Но ведь... то же самое можно и мне сказать, верно? Что мне просто нужно успокоиться, принять это и... принять любовь Ранвила, например...

Дрази нервно сплетала и расплетала пальцы.

— У вас... не принято добиваться, или принято впадать в крайности в подобных ситуациях? Мне казалось, из твоих рассказов...

— Добиваться... Не знаю, само по себе это, может быть... Может быть, и следовало бы делать сейчас, но... мне никогда не казалось, что добиваться — в этом есть какой-то смысл.

Если тебя не приняли, не оценили за то время, за которое принял и оценил ты... Что ещё я могу предложить, чего он обо мне не знает? Если всего, что есть я, всё равно мало для любви... Значит, это моё чувство — ошибка, заблуждение, если нет ответа — значит, это не истинно, значит, просто должно чему-то научить... Но пока я не способна постичь этот урок, пока мне просто больно, и я чувствую себя отвергнутой, ничтожной...

— Ну, вот только так не говори, перестань.

— Я понимаю, что отчаянье, уныние — это худшее, чему сейчас можно поддаться, но... когда мы любим, мы как бы смотрим на себя глазами любимого. И сейчас... я не вижу себя в этих глазах, ничего не вижу, что поддержало и окрылило бы меня, всё бессмысленно, что я делала и могла бы делать, что я могу и что мечтаю мочь, меня просто нет...

Штхиукка взяла её руки в свои.

— Тогда воспользуйся пока моими глазами. Понимаю, это будет совсем не то, но... Можно, и даже полезно, наверное, иногда взглянуть и глазами того, кто любит тебя. Поверь, эти глаза тоже зорки, и их не слепит никакая непогода, и не смыкает ночь... В обоих наших мирах я не могу представить девушки прекрасней, чище и добрее тебя, а ведь я многих знаю. Но прекраснейшие женщины моего мира не трогали моего сердца так, как трогаешь ты. Быть может, и не встречу я тебя, в моей жизни было бы немало счастья... Ведь можно всю жизнь прожить на берегу тихого лесного ручья или шумного говорливого притока. Но когда встречаешь реку прекрасную, полноводную, раскинувшуюся среди плодородных берегов чистейшим зеркалом, отражающим небо, уже не можешь думать о том, что видел прежде, и готов вечно любоваться на эти синие просторы, и все рассветы и закаты видеть только на этой реке, и посвящать ей все песни... Ты столь прекрасна, чиста и пленительна, что, пожалуй, способна убедить меня в том, что я тоже женщина — чтобы таким образом отчасти отражать твой свет, чтобы, как камыш или рыба в глубине, быть частью этой реки...

Глаза Шин Афал были похожи на две бездны ни с чем не сравнимого шока.

— Штхейн...

— Помнишь, Андрес говорил тогда, про цветок сейхтши: «Неизвестно, что из него вырастет». Так и с чувствами иногда. Не знаешь, какими они станут, во что видоизменятся. С первой встречи, с первого разговора ты стала мне очень дорога, Шин Афал, но лишь теперь я в полной мере понимаю, насколько. Я знаю, видеть себя твоими глазами — счастье, откровение...

Голос минбарки не слушался её от волнения.

— Но, Штейн... Я ведь другой расы, и я...

— Разве это может иметь значение? Кроме установленных, привитых обществом понятий красоты и тех качеств вообще, что могут быть предпочтительны, есть и то, что просто касается нашей души — и всё меняет в ней... Как для тебя наличие волос не делает Дэвида менее красивым, так для меня, поверь, не делает тебя менее красивой отсутствие чешуи. И думаю, ты сама понимаешь, что не в чешуе вовсе дело... Не следует думать, что лишь сходство тела с нашим собственным привлекает нас. Любое внешнее подобие — лишь обман зрения, внутри же мы — отдельные, ни с чем не сравнимые миры. И любовь становится любовью не тогда, когда одно тело понравится нам более всех остальных тел, — губы Штхиукки коснулись пальцев минбарки, — а тогда, когда наш мир согревается светом другого мира более, чем своим собственным.

— Штхейн, я не понимаю... Если ты любишь меня — почему же говоришь мне, что, может быть, не всё безнадежно с Дэвидом, почему предлагаешь бороться за него... почему

ты за меня — не борешься?

Дрази улыбнулась.

— В прежние времена — быть может, так и было бы, потому что нет ничего больнее, чем отдавать любимое существо кому-то другому, и ни одно сердце по-настоящему никогда не может смириться с этим... Но убеждать тебя забыть его или тем более как-то очернить его в твоих глазах было бы как-то несправедливо. Это не повернуло бы твоё сердце ко мне, потому что отчаянье не делает этого. Любя, желаешь добра, даже если это будет тяжело для тебя самого. Свет счастья и надежды на лучшее в любимых глазах — дороже иллюзии обладания.

— Штхейн... Наверное, это должно сказать мне, что я сама была недостаточно праведна, недостаточно честна с тобой... О нет, послушай. Я много открывала тебе из своего мира, да, стараясь отдать тебе лучшее, что он может дать... Но я была недостаточно внимательна к миру твоему. Я не думала, что и я могу от этого мира что-то для себя взять... Потому Вселенная и явила мне этот знак — так... Там, на Тучанкью, я приняла тебя как мужчину, я не лгала... Я подумала в тот момент, что ты можешь быть одним из лучших мужчин, кого я знаю, и досадно, что жизнь распорядилась так, сделав тебя женщиной — многого лишив при этом и тебя, и какую-нибудь женщину вашего мира, которая могла бы быть твоей женой и иметь с тобой детей, и весь твой мир, лишив его прекрасного воина, защитника и, может быть, даже правителя... Но я проводила с тобой эти церемонии и беседы, желая вернуть тебе, как я говорила, веру в себя как в женщину... Потому что желала счастья тебе, а счастье невысказано без душевной гармонии, с внутренним конфликтом... Потому что боялась за тебя, и не хотела, чтобы болью, борьбой стала вся твоя жизнь. Но разве это достойное пожелание мужчине, воину? Я запуталась в своих мотивах, в своих движениях, как же я могу помочь кому-то, если себя не понимаю?

— Ну, по меркам вашего мира это ведь грех... Хотя, наверное, это по меркам любого мира... И ты не желала мне такой судьбы — всю жизнь жить в грехе...

Шин Афал покачала головой.

— Это ложь, и ты, и я это знаем. Я просто делала что могла, что вынуждена была делать, чтоб найти предлог оставить тебя здесь. И потому что это было прекрасным способом бегства от собственного страха. За тебя, за твою жизнь. И за свою... Я обвиняю Дэвида в ошибках, в слепоте, а сама? Воин должен быть готов к любому бою, должен уметь победить любой страх. Воин не сворачивает с пути, к какому бы трудному, суровому подвигу он ни вёл, и не выторговывает этим почести и всеобщее одобрение. Путь его прям и слова так же честны и чисты, как сталь его клинка. Я хотела оградить тебя... Хотела оградить себя, от подвига тяжёлого и не почётного — признать твою правоту. Сказать, что Вселенная ошибается, а Штхейн прав. Так какое право я имею жаловаться и страдать сейчас? И какое право я имею давать это признание тебе, своему другу, и не давать Дэвиду — человеку, которого люблю? И не поделом ли мне, что он не доверился мне, и не поделом ли, если он навсегда оттолкнёт меня за мою трусость и ложь?

— Ты деморализована, это понятно, и естественно обидеться на то, что он не сказал тебе... Но пойми, об этом не так-то легко заговорить. Для мужчины — сложнее... К мужчинам более пристрастное отношение, по крайней мере, насколько я могу судить об этом по тому, что знаю о землянах... Это воспринимается как... отрицание их мужественности, как то, что они уже не полноценные мужчины. Ты для него — друг его детства, почти сестра, логично, что он боялся... что ты оттолкнёшь его.

— Нет, Штхейн, не утешай меня. Я достаточно злоупотребила твоей добротой, твоим доверием мне. Я возомнила, что помогаю тебе. Я, имевшая глаза и не видевшая, почему мои чувства безответны, спорившая с сердцем возлюбленного, спорившая с Вселенной. Больше никаких церемоний, Штхейн. И если мне придётся ответить за свои слова перед старейшинами, я отвечу. Хоть что-то я сделаю, как подобает воину.

— Ради Дрошаллы, Шин...

Дверь со стуком распахнулась, и в кабинет ворвался цветущий, лучащийся позитивом Андрес Колменарес.

— А... Простите, у вас тут серьёзный разговор, я не вовремя? Я просто не думал, что тут кто-нибудь может быть, а мне вот чертовски захотелось поработать, тем более время до вечера куда-то девать надо... Но раз так — пойду прогуляюсь ещё где-нибудь.

— Постойте, Андрес... Возможно, вы, как земной мужчина, можете нам помочь. Скажите, что вы сказали бы, если б узнали, что какой-то ваш знакомый мужчина любит не женщину, а мужчину?

Андрес почесал голову, несколько, честно говоря, ошарашенный если не самим вопросом, то тем, кто и в какой момент его задал.

— Ну, сложно сказать так определённо... Смотря, наверное, о ком речь. О ком-то сказал бы, что так и знал, о ком-то — удивился бы...

— Нет, я немного не об этом. Что у вас, землян, принято говорить, чтобы... Ну, вернуть такого человека на путь истинный?

Андрес отворил рот, а потом рассмеялся.

— О, это сложная тема, разное... принято-то... Но обратились вы с этим как-то не по адресу, я сам никогда не считал, что тут нужно что-то говорить, кроме как... ну... поздравить, если взаимно, и посочувствовать, если нет...

Глаза Штхиукки и Шин Афал одинаково округлились.

— То есть... Вы не считаете это... недопустимым, грязным, извращением, как принято это считать у землян?

— Ну, вообще — не у всех землян это прямо принято. Разные у нас, конечно, есть... До сих пор Земля-матушка идиотами богата... Но я не с ними, не.

— Почему? Вы же... нормальный мужчина...

Андрес прошёл к кофейному автомату, нацедил в стакан чая, какое-то время придирчиво осматривал содержимое стакана, затем опёрся спиной о стену и воззрился на девушек, потягивая приятно кисловатый напиток.

— Ну, нормальный я не со столь давних пор, а вообще-то, если кто-то здесь ещё не знает, я бывший псих и террорист, так что мне на многие общественные условности плевать можно... А у нас на подобный вопрос Игнасио как-то сказал, что знает только три извращения — хоккей на траве, балет на льду и попытку срастить плазменную MJ-200 с нашей передвижной установкой. Вообще, я даже удивлён и умилён слышать такие вопросы после того, как здесь хотя бы какое-то время жил Андо Александер.

— А что Андо?

— Ну... тоже не считал это извращением и практиковал много и любовно. Лично готов засвидетельствовать.

— Но... Но Андо... У него ведь есть жена, сын...

— А одно другому когда-то мешало? — Штхиукка отошла от шока быстрее своей минбарской подруги, — я ведь говорил, многие наши мужчины были женаты и имели детей,

и иногда искренне были уверены, что любят своих жён... До того, как встречали кого-то, кого любили гораздо сильнее.

— Ну да, и это тоже, — кивнул Андрес, — Андо говорил, что любит её, любит действительно сильно и крепко, что, может быть, это единственная женщина во всём мире, которая значит для него так много... Но это совершенно не мешало ему любить мужчин, как любил до того, как встретил её.

— Разве... Разве можно любить двоих? — Шин Афал казалось, что она видит дурной сон, настолько невозможным было всё то, о чём они говорили, — вернее, даже... любить более, чем одного? Разве такое... разделение любви не есть... растрачивание себя, разбрасывание своей... душевной цельности?

— Хо, забавно, вот совсем недавно же подобный разговор имел... Да с чего, с чего вы воспринимаете человека как... некий конечный, невозполнимый ресурс, в личном плане? Ну, даже и было б так... Наверное, конечно, это круто — отдать всё, что есть и внутри, и снаружи хорошего, одному человеку. Чтоб сразу и много. А если такого человека нет? Сколько его ждать — полжизни, всю жизнь? А если не дождёшься никогда? Ну, к примеру, твоя самая истинная и подходящая половинка умерла в раннем детстве? Ведь даже в наше время, при всех чудесах медицины, дети иногда умирают. А они тоже чьи-то половинки, разве нет? Или твоя половинка живёт там, куда ты никогда не доедешь, просто возможности нет. Тогда остаётся два пути — или раздать это тепло, возможно, неподходящим, не твоим людям, которые потом, вполне вероятно, уйдут, найдя свои настоящие половинки, но до тех пор успеют тебе тоже что-то дать, или пусть этот нерастраченный огонь сожжёт тебя изнутри?

— Ну, никто не говорил прямо об одной-единственной настоящей половинке, это слишком упрощенно, и... Я понимаю, о чём вы говорите, конечно, понимаю. Но... разве это не несколько... жестоко по отношению к человеку, не обман, подпитывание ложных надежд?

— Заниматься с ним сексом не по большой любви, а по интересу? Ну, это как посмотреть... По-моему, так лучше дать хотя бы что-то, чем гордо-благородно не дать вообще ничего. К тому же, как знать, на моей памяти нередко люди чуть ли не познакомились в постели, а потом были вместе до тех пор, пока смерть не разлучала их... Разлучала, правда, достаточно быстро... И вот поэтому — стоило ли терять время из каких-то надуманных соображений приличия, не в обиду никому здесь, конечно?

Высокая, сроду не знавшая стрижки трава у зарослей сирени, окружающих беседку, скрывала лежащих полностью. В это время года она уже отцветала, её тёплым, пряным запахом был пропитан воздух. Пальцы Винтари рассеянно скользили по погнутым стеблям, по опадающим светло-зелёным соцветьям — такими же ласковыми, невесомыми касаньями, как пальцы Дэвида на его груди, в его волосах.

— Если ты... думаешь о том, что это неправильно, и это должно закончиться — то прошу, не думай об этом, хотя бы какое-то время, потому что я хотел бы, чтобы это не заканчивалось никогда. Ты думаешь о том, что не знаешь, что принесёт завтрашний день... Но может быть, он не принесёт ничего плохого, может быть, наша жизнь может остаться такой же, какой была, мы ведь... достаточно малые частицы Вселенной, чтобы она не вынуждена была постоянно думать о том, как усложнить нам жизнь?

— Не знаю... Ты говорил не раз, что мой родной мир представляется тебе стеной мрака,

встающей за моей спиной и жаждущей меня поглотить. Да, знаю, ты уже не думаешь так после того, как побывал там, точнее, не совсем так... Но всё же, хотя бы отчасти, и я чувствую его сейчас тенью, нависшей над нашей жизнью. Иногда мне кажется, что в нашем мире обитает некая незримая сила, которая, почувствовав, что какому-то жителю нашего мира вдруг стало очень хорошо, стремится во что бы то ни стало уничтожить его счастье, и побольнее... Потому что счастливые на этой земле не нужны, нужны те, кого боль, неустроенность будет толкать на любые дела, любые свершения, чтобы только забыть о том, чего пришлось лишиться.

— Но это вовсе не обязательно должно произойти и с нами. По крайней мере, не сейчас, только не сейчас. И только не как... какое-то наказание за то, что мы позволили себе делать не то, что нужно, а то, что хочется, если ты об этом.

— Дэвид, если бы я не знал, что тебя самого мучит это...

— Не выраженное, не высказанное, оно всё равно будет мучить меня, и намного больше. Помнишь, ты говорил о ценности момента, о том, как важно для центаврианина суметь не проронить ни капли из чаши наслаждения, которую подносит ему жизнь, пока эта чаша не вырвана из его рук? Так почему...

— Потому что ты мой брат, Дэвид, и я не могу думать сейчас только о своих желаниях.

— Хорошо, подумай и о моих тоже. Подумай как центаврианин. Ты говорил, что дружба, что совместно испытанное хорошее... общие приключения, общее удовольствие... это то, что становится сокровищем, стоящим... всего. А разве для меня было когда-нибудь что-нибудь большим счастьем, чем быть участником и в твоём труде, и в твоём удовольствии?

— Дэвид, ты представления не имеешь, чего хочешь.

— Это верно, не имею, точнее, весьма слабое... — рука Дэвида скользнула глубже под рубашку, — я имею представление о том, как это происходит у вас между мужчиной и женщиной, и немного, благодаря тем велида на Центавре, о том, как это происходит у вас между мужчинами... Но моя физиология, конечно, не позволяет... сделать для тебя то же, что ты сделал для меня... — он зачарованно смотрел, как гибкий орган вытягивается навстречу его прикосновению, обвивает его руку, — мне хочется прикоснуться к тебе... Всему тебе... всем собой... Я даже не знаю, достижимо ли это, то, как представляется мне... где-то в глубине мыслей, даже не осознаваемо до конца... Когда я тебя поцеловал... Когда я целовал твоё лицо, твоё тело... Что-то такое было, я знаю, в моём сне, в одном из тех снов, или не в одном... Как всё-таки прекрасно, что поцелуй — это то, что объединяет многие миры, что это то, что мы все знаем. И я знаю, по крайней мере, что это у меня есть... как средство... выразить, выплеснуть...

Второй орган, выскользнув из-под рубашки, пополз по его плечу к лицу, он коснулся его губами.

— И я знаю, что мои губы не устанут... Совершенно точно не устанут.

— Дэвид... — Винтари закусил губу, пытаясь справиться с собой, обуздать разбушевавшуюся плоть — бесполезно, — зачем ты... это безумие...

Дэвид прильнул к нему, практически расплостёршись на его теле, наслаждаясь тем, как все шесть гибких ростков, как живые лианы, обвивают его тело.

— Это то, что я, по крайней мере, точно могу... Это так мало, конечно... Не выше первого уровня за один раз... Но если подряд — это будет равняться шестому, или нет? Так, как в одном из моих снов... Ведь может быть так, чтобы что-то из этого сбылось? Ты

знаешь, мне так хотелось бы всё же суметь как-то описать тебе, но я не найду слов... Это... это даже нельзя вполне называть «видеть», потому что речь не только и не столько о зрительных образах... Это зеркальный коридор ощущений. И я не знаю даже, чьих — Андо, или моих... Но там есть то, что вырастает из самого моего сердца, из самого нутра, вырастает и разворачивается, как светящиеся крылья, и мне не остановить их полёт...

Виргиния была несколько удивлена, увидев Офелию, нетерпеливо прохаживающуюся за оградой у взлётной полосы.

— Эй... Ты что здесь делаешь? А Элайя с кем?

— Слава богу, вернулась, живая, здоровая! — Офелия повисла у неё на шее, — Элайю пока оставили в больнице. Нет, ничего серьёзного, просто плановое обследование, знаешь же этих врачей, им только дайся... Ой, а это что? Тебя ранило? — пальчики Офелии боязливо коснулись здоровенной ссадины на лбу Виргинии.

— Да ерунда, о переборку долбанулась... Неожиданно трянуло просто один раз... Все остальные-то разы трясло уже ожидаемо, — Виргиния крепко обняла девушку, — ой, да что мне делается, я с Бримы живой выбралась, оттуда бы, что ли, не выбралась? Как же я соскучилась по твоему щебету... Ну, рассказов теперь на неделю хватит, обещаю. Мы, в общем, нечаянно завоевали Праксис... Реально нечаянно, а нечего было туда отгонять захваченный у нас корабль... А тут ещё тракаланы случились, а у них как раз очередная смена политики со всем вытекающим желанием отмыться перед Альянсом... А у вас тут как, что нового?

Так, обнимаясь и разговаривая, они и дошли до резиденции — Виргинии, признаться, хотелось оттянуть отчёт перед руководством, всё-таки формальных санкций на масштабные военные действия не было, только на очистку сектора, тем более уж её приказ трём кораблям остаться на орбите Праксиса мог вызвать много возражений... Поэтому она вполне с энтузиазмом восприняла предложение Офелии прогуляться сначала на рынок, потом на сельскохозяйственную ярмарку, и домой они попали только к вечеру.

— Как-то даже пустовато без мелкого, — Виргиния бухнула на стол пакет с продуктами, способными, по её мнению, накормить полк, а ведь Офелия взяла «всё только самое нужное», — его когда вернут-то?

— Вроде, завтра обещали отдать... По крайней мере, завтра я туда пойду.

— Ладно, раз уж так, воспользуемся случаем и закатим пир по поводу того, что на Праксисе нам даже не очень навалили... Я ж тоже не с пустыми руками...

Офелия ошарашено уставилась на содержимое сумки.

— Это что?

— Ну а как думаешь, у воды — да не напиться? Праксис же, там этой контрабанды... Но-но, контрабанда — не значит контрафакт. Вполне приличные вещи, как меня уверяли источники, которым я доверяю... Да ничего мне с этого не будет, и тебе тоже, штука даже не крепкая, деликатес, берут за вкус, нахваливают, что прямо амброзия... Ну, в общем, сообрази там что-нибудь на тему закусок, знаешь же, я не по этой части, ровно разлить алкоголь по рюмкам — это вершина моего искусства сервировки стола... Ой, ты у меня на столе прибралась? Я всё переживала, что не успела перед отлётом.

— Будто, если б тебе никуда лететь не надо было — ты б прибралась, — улыбнулась Офелия, распаковывая коробки с замороженными морепродуктами.

— Ну, когда-нибудь-то наверняка бы прибралась, когда снова потеряла бы письмо

правительницы аббаев, как тогда... Вот Андрес как-то умудряется в своём бардаке не терять вообще ничего и никогда, надо будет попросить научить... А то талант наводить бардак я успешно развила до невиданных высот, а вот разбираться в нём потом... Ой, новые рисунки! Делаешь успехи.

— Чем заниматься-то в промежутках между кормленьями, купаньями и стиркой пелёнок? Когда подрастёт — тоже куда-нибудь работать устроюсь, а то тебе прямо завидую. А пока и от него не отойдёшь надолго, и всё время занятым тоже не получается... Он прекрасно и сам себя занимает, главное следить, чтоб никакую игрушку слопать не попытался.

— А это что — я?

Офелия смутилась — убрать незаконченные рисунки-то она забыла.

— Ну да... Ну, так, слабая попытка...

— Да не сказала бы я, что слабая, я тут, по-моему, лучше, чем в жизни... Во всяком случае, не такая лохматая...

В дверь сунулся Андрес.

— О, героиня дня! Ты когда научишься предупреждать, что возвращаешься? Мы б это дело отметили как следует... Нет, и позже можно, конечно, но вот именно сегодня — получается, никак, мы на экскурсию в Айли едем... Отменить уже никак, специально ж договаривались.

— Ах ты ж... Ну, придётся сидеть девичником, позовём Штхиукку...

— И Штхиукку никак, они с Шин тоже едут. Я ж говорю, предупреждать надо, заранее, сюрпризы — это, конечно, хорошо...

— Я не поняла, мне это что, всё одной пить? Тут кто остаётся-то — одни минбарцы?

— Вдвоём посидите, потрещите о своём, о девичьем... Ну, если много останется — я что, против, что ли? Здесь, сами понимаете, чаще всего выпить и не с кем, и нечего, хотя мне в последнее время и не требуется. В общем, не скучайте тут без меня...

Виргиния хмыкнула вслед закрывшейся двери.

— Зараза. На экскурсии его потянуло, видите ли. Явно, кто-то у него завёлся, что-то сам по себе он на культурную программу не очень рвался... По крайней мере, как я его знаю.

— Ревнуешь?

— С какой бы стати? Нет, одно время он мне очень даже нравился... Не, ну может быть, я и не против бы, не знаю... Но кажется, у меня больше к нему всё-таки дружеское. Вот интересно, а — всю жизнь какие парни встречались, чаще всего пренебрежительное потом отношение оставалось, мелковатые какие-то оказывались, без полёта... Первое впечатление производить умели, слов нет, даже иной раз убедительно, а вот второе и третье — уже как-то не то... Первый раз встретила кого-то, кто чего-то стоит — а размякнуть и повиснуть на сильном мужском плече всё равно не тянет... Выпить и вспомнить боевые деньки — другое дело... Да что я за баба такая?

— Ну, наверное... После всего-то... Уже непросто встретить такого, кто бы впечатлил... — Офелия продолжала биться с очередной пластиковой упаковкой, упаковка попаласть какая-то слишком прочная и спаянная намертво, но в инструкции значилось, что открывается вручную, и девушка не сдавалась.

— Ну, в какой-то мере, если так говорить — встретила... Давай сюда, не мучайся, — Виргиния рванула края пакета, и мелкий золотистый аббайский горох разлетелся дождём по всей комнате, — нда... поужинали... Ломать я всё-таки хорошо умею.

— Да не расстраивайся, мы ж две взяли.

— Нет уж, вторую открывай сама, хоть ножницами, хоть зубами, но мне не давай, нам и так это б теперь собрать — в пакете, заметь, ни одного не осталось, пакет идеально надвое... Слушай, а бокалы-то у нас есть? Да, картина «хозяйственность Виргинии», я вообще не замечаю, из какой посуды ем.

— Бокалов нет, об этом я не подумала!.. Но я как раз после твоего отлёта купила очень симпатичные чашечки... Понимаю, будет, наверное, очень забавно смотреться — пить вино из расписных чашечек, но для нас, думаю, нормально... Ты б, наверное, ела из сковородки руками, зато бокалы в доме бы были, но вот увы, за покупками у нас хожу я... Свечи зажечь сумеешь так, чтоб не устроить пожар? Шучу, шучу!

Вино было зеленоватое, слабо искрящееся и пахло такой удивительной цветочно-фруктовой смесью, что Офелия вздохнула, не разумнее ли подобное разливать сразу во флакончики для духов.

— Ну не знаю, именно духи, знаешь ли, не пробовала... Садовник вот у нас, было раз... Мать с какого-то перепугу оставила только купленные духи на столике внизу, так он их... Она его чуть не уволила, они стоили столько, что ему полгода за это без зарплаты работать надо б было... А ему что, так и не проникся, по-моему, глубиной святотатства.

— Зачем же вы его такого держали?

— Ну, садовник-то он вообще-то был хороший. Когда трезвый. Розы у нас были — ты бы видела! Папаша маме розы никогда не покупал — всё равно лучше наших поди найди.

Лёгкое касание фарфоровых кромок огласило комнату тихим мелодичным звоном.

— Ну, за Праксис, будь он неладен. И за ту роскошную взбучку, которую я получу уже совсем скоро. Понятно, конечно, они-то никакого официального протеста не выкатят... Хо, я б просто посмотрела на такое!.. Но с теми тракалланами надо держать ухо востро. Понятно ж, не из любви к нам они нам помогли, на новую колонию клешни потирают. Тракаллан среди этой братии было, говорят, порядочно — но так это ж делиться приходилось со всей остальной пиратской солянкой, а так можно выпросить, за великие свои заслуги, право организовать там форпост. А это уж мореди совсем не надо, оказаться в таких клещах... Они и так нервные там, а тут заголосят, что Альянс их тракалланам скармливает. Даром что они всё это время там скармливались всем желающим, и наши корабли регулярно огребали...

— И ты ещё с таким докладом с похмела идти собралась?

— Я тебя умоляю, с чего тут прямо похмелью быть? Тем более — перегару... Скажу, что духи себе новые прикупила. О, давай за духи. И за розы.

— Однако, твои тосты отличаются внезапностью.

— И вообще, кратко-то мы по дороге доложились. А обстоятельный доклад с ответами на все вопросы и до завтра подождёт. Что мне, отдохнуть после таких аттракционов не надо?

— А я с детства розы обожаю. Многие говорят — фу, банальность, а я обожаю, и больше всего именно красные... Ну, бордовые такие, с огромными тугими бутонами, не помню, как сорт называется...

— Щас, погоди, может, вспомню... Ещё раз покажи...

— Такие продавались в лавочке напротив магазина, где я работала. Я всё смотрела и думала — ну счастливые же люди, кому такое дарят... Особенно если не одну-три, а прямо букетом.

— Мне один раз один хмырь роскошный веник презентовал... Даже грустно было — такой букет роскошный, но каждый цветок же лучше дарителя раз в сто, за самого я б в

базарный день двух центов не дала, а по итогам и даром не надо оказалось... Ну до чего занудные бывают типажи, а, ну хоть каплю интеллекта при таком кошельке грех не иметь. Почему некоторые люди считают, что если у них есть деньги — всё, стремиться больше уже не к чему? Произвести впечатление на девушку с помощью роз можно ну раз, ну, два... В конце концов, захочу увидеть розы — я в сад выйду.

— А мне Андо один раз приволок такой букет... Он, наверное, их все там скупил, не удивлюсь, если после его визита лавочка закрылась до нового подвоза... Мы всем магазином тару собирали, чтобы их все расставить... Я за всю жизнь до этого столько цветов не получала, начальница говорила, что тоже.

— Ну, вообще, странно... Хотя какие твои годы, успели б надарить ещё... У тебя ж до Андо муж был, он что дарил?

— На такое у него годовой зарплаты б не хватило. Он дарил хризантемы, а весной тюльпаны. Небольшие такие букетики. Хрупкие, трогательные... Тюльпаны вообще, по моему, не смотрятся в больших букетах, а очень мило смотрится, когда тюльпан один. Я почему-то всегда, когда смотрела на тюльпаны, думала о детях... Странно, да? Ну, у нас ведь с Этьеном детей так и не получилось...

— Ну и плохо, что ли, что не получилось? Потом бы делили, нудное это дело... А кроме Этьена, у тебя ухажёры были?

— Ну, был один ещё в старших классах... Нудный тип, как ты бы сказала, и вообще, он ухаживал за всеми девчонками и в нашем, и в параллельных классах...

— Авось, какая-нибудь, да даст? Мудро, а что.

— Ну да, наверное... — Офелия рассмеялась и прильнула головой к плечу Виргинии, — он потом на старосте как-то умудрился жениться, то есть, думаю, это она его на себе женила, ей тоже хоть бы кого, она ещё более некрасивая была, чем я.

— Так, ну прекрати, кому сколько раз было сказано? Укушу сейчас!

— Не, ну правда... И что Андо во мне нашёл, а? Хотя что бы он в красоте понимал, он же на Нарне вырос, кто б ему там земные стандарты красоты преподавал...

— Так, ну началось. Тебе кто эту дурь в голову вбил, мать, что ли? А она сама что, красавица была? Судя по тому, как часто твой отец вас навещал, не очень-то.

— Ну, я её вообще как-то всегда разочаровывала... Сначала тем, что не мальчик родился...

— Ну, если б ты мальчиком родилась — Андо бы, думаю, всё равно бы оценил... Этьен вот уже вряд ли... Что, двум мужикам голову вскружить для тебя мало, что ли? Ой, ну что бы я, конечно, в девичьих проблемах понимала — у меня воздыхателей всегда было лопатой гребти, и они все мне были до форточки... Пришла б тогда — я б тебе отсыпала десяток, сама б потом решала, куда их девать, солить или в поленницу укладывать, ни на что полезное они всё равно не годятся.

— Да кто б на меня посмотрел, тем более тогда, я ж одевалась как пугало... И груди у меня не было... И сейчас нет...

Виргиния придержала Офелию и другой рукой отвесила ей подзатыльник.

— Элайе это скажи, что-то находит, а ему, по моему, виднее, чем мужикам... Зачем мужику, вообще, у бабы грудь? Своё уже откормились, так что это уже так, от лукавого... Фигурка у тебя очень даже, личико милое, волосы вообще шикарные... Чего тебе ещё надо? Вот прямо не понимаю я этого в женщинах, а! Если и грудь и задница есть — ыыы, я толстая, если худая — ыыы, я плоская, смотреть не на что, если волосы тёмные — ыыы, чего

я не блондинка, надо срочно покраситься, если блондинка — бьыы, таких, как я, море, чего бы мне над собой отчудить... Почему вы не умеете себя любить, пока вас кто-нибудь комплиментами не задолбаёт, да и то, стоит сделать в комплиментах перерыв на денёк — сразу уже какие-то страхи начинаются?

Офелия сконфуженно шмыгнула.

— Да я же... Я не ради комплиментов, я просто... Всегда, с самого подросткового возраста вот смотришь в зеркало, а потом на девчонок других — красивых, ярких, за которыми много взглядов замечаешь восторженных, и как-то... Нет, это, конечно, ничего, по сравнению с... С тем, из-за чего я на самом деле была, можно сказать, изгоем в обществе, но все равно... Мне никогда не было особо обидно, когда другие начинали дружить, встречаться с парнями... У меня вот даже, представляешь, первой влюбленности не было. Потому что фамилию, как собственную тень, не отстегнёшь, дома не оставишь. Так что это не всегда больно, что тебя не замечают, ты пустое место. Иногда это — покой, хотя бы недолгий... Это потом уже, спустя много лет, смотря на других подрастающих, юных, покупающих цветы и валентинки друг другу, понимаешь, что этого не было.

Виргиния задумчиво поглаживала её по голове.

— Ну да, это могу себе представить... Меня-то это миновало, меня, конечно, одно время пытались гнобить на тему телепатии, но как-то быстро увяли. Да, что ни говори, мне как-то всегда и во всём везло... Но с комплексами, знаешь ли, надо завязывать. Так-то и я б нашла, из-за чего комплексовать, но мне это и раньше было не свойственно, и теперь тем более... Нет, ну правда, ну что за глупости! Ну бери пример с меня, что ли... Ну взрослая же женщина уже, до сих пор, как подросток... Прекрати ты себе проблемы выдумывать!

Офелия хлюпнула носом и допила последний глоток — из всё ещё первой чашки, закалённая Бримой Виргиния допивала вторую.

— Ничего я не выдумываю...

Виргиния сколько-то времени искоса смотрела на её губки в зеленоватых капельках вина, а потом извернулась и поцеловала её.

Майкл открыл глаза. Это было так удивительно, что казалось нереальным... И в то же время было более реальным, чем всё, что было в жизни до сих пор. Над ним в кружеве древесных крон золотым, добрым светом светило небо, и с него падали золотые сверкающие хлопья, и таяли, не долетая до его лица.

Он повернул голову. С ним рядом сидела женщина... Сознанием он мог бы поклясться, что никогда раньше не видел её, а сердцем знал, что знает её очень хорошо. Женщина казалась созданной из этих золотых искр, падающих с неба — у неё были золотые кудрявые волосы, светло-карие, почти жёлтые глаза, редкие бледные веснушки на лице, даже кожа с каким-то густым, тёплым золотистым оттенком.

— С пробуждением, Май-Кыл, — и голос её, низкий, певучий, тоже был каким-то удивительно солнечным, тёплым... золотым.

— ШиМай-Ги?

— Да, это я. Мы оба живы, мы снова вернулись на землю. Но ты спал дольше, наверное, потому, что был ранен... Я смотрела, как ты спишь, это так чудесно — смотреть глазами, как ты.

— Но... что произошло, как это произошло? Ты стала человеком? Я остался человеком, и ты тоже им стала? Я думал, дерево... не может подобного сделать.

— Выходит, что может... Почему-то именно так оно решило сделать. Я думала, оно возьмёт за образец меня, и сделает тебя тоже тучанком... Но оно предпочло изменить меня, как тебя. Может быть, это потому, что... что я и прежде была необычной, и мечтала о том, что мне недоступно? Теперь я не смогу слышать мысли... наверное... Но смогу видеть звёзды. Как ты.

Майкл поднялся, оглядел свои руки. Руки как будто остались прежними, своё тело он узнал.

— А я... не изменился внешне? Остался таким же?

— Мне сложно сказать. Раньше ведь я не видела тебя, это было иное восприятие... Кажется, да, прежним. Мы можем пойти к озеру, увидеть своё отражение в воде... Это тоже то, что мне лишь теперь станет доступно. Ведь вода отражает только тогда, когда она спокойная, гладкая...

Она поднялась на ноги, подала руку ему.

— Так странно... Я и не представлял никогда, что буду ощущать себя... так. Я совершенно здоров... Мои глаза видят, так, как никогда не видели, даже в самом начале жизни... И всё тело такое лёгкое, что кажется, способно летать... Дерево сделало меня более здоровым, чем я изначально был.

— Думаю, будучи способным считывать информацию из ДНК, из памяти... оно воссоздало тебя как идеально здорового человека. Как и меня.

Он смотрел на неё и не мог налюбоваться — не такой, конечно, он её увидел и полюбил, но такой любил её не меньше.

— Может быть, странно, но я... не ощущаю, что стала какой-то сильно другой, что стала не собой. Это не чужое тело, оно моё... хотя оно и продолжает удивлять меня, оно моё. И... теперь между нами всё может быть, во всей полноте, во всей красоте... И я смогу спать. И видеть сны. Как ты.

Комментарий к Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 9. Искры в снегу

Иллюстрация. ШиМай-Ги и Майкл

<https://yadi.sk/i/YWYG462F3MV8YP>

==== Часть 6. СЕЙХТШИ. Гл. 10. Во власти страстей =====

— Оооох, Виргиния, это что... Это был пьяный сон, да?

— Ну, можно, наверное, и так сказать, ага... Ну, кому как, а я б такие сны почаще видела, пожалуй.

— Уйёооо... Господи... — Офелия постепенно трезвела, и осознание того, что она только что так весело-бессознательно творила, мягко наваливалось на неё, как душащая подушка на беспомощную жертву. Девушка закрыла лицо ладонями.

— Нет, я не поняла... Что-то плохо было, не так? Ну чего было не сказать, по ходу действия, что я не так делаю и как надо?

— Нет, я не об этом. Всё было чудесно. Даже слишком чудесно...

Виргиния села в постели, скрестив руки на груди.

— Аааа, вот оно что. Теперь себя поедом будем есть? Ты это бросай, дорогая. Я тебя, вроде, не насиловала, и демон в тебя не вселялся. Пять минут назад ты вон как пищала... Что это за политика такая — отрицать свои желания и стыдиться их? Ты, вообще говоря,

взрослая женщина, захотела — сделала, и перед кем это ты собралась извиняться?

— Но это же... нехорошо, Виргиния... неправильно.

— Неправильно шубу в трусы заправлять — не влазит... Сколько детей в голодающих странах от этого умерло или атомных бомб взорвалось? Так что прекрати мне.

— Это же разврат... Они отберут у меня Элайю...

— Кто — Земля? А тут где-то их соглядатаи под подушкой прятались? Или кто — минбарцы? Им больше делать нечего? И вообще — посмотрела б я на того, кто решится отобрать Элайю, если у него на пути встанет Виргиния Ханниривер.

— Виргиния...

— Бедная ты моя девочка... Ну что ж ты пугливая такая? Понимаю теперь, чего Андо за тебя так волновался.

— Андо...

Столько всего сразу металось в мыслях Офелии — переживание полученного удовольствия, желание получить это удовольствие ещё хотя бы раз, и стыд за свою несдержанность, когда стонала и вскрикивала под жадными ласками Виргинии, и вина перед Андо — она ведь нормальная девушка, она жена и мать...

— Ну, вот это уже вообще глупости. Перед памятью Андо стыдиться давай! Тебе Андовских любовных приключений всё равно уже не переплюнуть, силы дури не хватит. Ну, считай, что... что один вот у тебя в жизни был мужчина, и другого не будет, но удовольствие же как-то надо получать, вот почему бы и не... В конце концов, ты от этого не забеременеешь...

После занятий, которые он вел у детей высшего уровня телепатии, Алион направился в дальний зал храма, где у статуи Валерии стоял его бывший наставник, фриди Энх. Пожилой, сгорбленный минбарец что-то шептал, то и дело подслеповато взирая на мраморную фигуру.

Фриди Энх был безумно стар, все его сокурсники и друзья детства ушли к Валену ещё много лет назад. На Минбаре вообще было не так много равных ему долгожителей, и большинство из них давно удалились для тихой отшельнической жизни в уединённые северные храмы. Он же только три года как окончательно перестал набирать учеников, сейчас оказывая помощь советами более молодым фриди и жрецам. Негромкие шаги юноши он услышал издали, поэтому когда тот подошел, он обернулся, колыхнувшись в приветственном поклоне, как сухая тростинка. Его глаза, почти потерявшие цвет, заблестели, собралась сеточка морщин вокруг губ.

— Уж не врут ли мои старые глаза, действительно маленького Алиона я вижу перед собой?

— Простите меня, учитель, что так редко навещаю вас. Поверьте, это не от непочтительности, в моих мыслях вы каждый день... Но я не смею, зная вашу занятость, беспокоить вас...

— Когда ж мои любимые ученики доставляли мне беспокойство, Алион? Правильно сказать, не я, а ты занят. Да, уж я-то знаю, зря ты думаешь, что если я не выхожу со своих задворков, то не в курсе твоих дел. У тебя сейчас много учеников — сложных, сильных...

Они прошли на задний двор храма, где фриди Энх особенно любил предаваться полуденным размышлениям, подметая опавшую листву. Шёл он медленно, видно было, что ходить ему становилось всё тяжелее, однако он упорно отказывался даже от посоха, не говоря о том, чтоб к нему прикрепили поддерживающего под руку послушника, и опирался

только если на свою метлу.

— Ты-то понимаешь теперь, что первый, начальный период — самый сложный... Изучение, определение уровня силы, всех причудливых особенностей, которые природа вложила в каждое юное дарование. Наведение мостов... Не все из них останутся в твоих учениках, кого-то, и, возможно, многих тебе придётся передать под начало тех, кому лучше удастся раскрыть и развить их способности. Но ты не меньше будешь дорожить даже теми краткими историями ваших занятий... Погляди-ка, погляди, что покажу.

В глубоких трещинах побитого временем каменного карниза пробивались узкие белёдые стрелочки — первые проростки Валенова корня.

— Вишь, чего удумали, где вырасти! Каким же ветром занесло сюда их споры? И ведь не вынешь их отсюда. Вот, подсыпаю им землицы, а что делать? Починили бы карниз вовремя — конечно, не было б этого теперь. Вот так Вселенная воспитывает ленивых и невнимательных, Алион. Теперь все трещины опутаны грибницей, а они ведь глубокие. Но ты видишь, что Вселенная даже к ленивым и невнимательным добра — ведь растущий на скудной каменистой почве Валенов корень цветёт хоть мелким цветом, но необыкновенной красоты и изящества... Но ведь не о разрушающемся карнизе старого храма ты пришёл сюда говорить, ученик? Хотя и это было б похвальной и радующей целью для меня.

Юноша почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы — как ни редко видел теперь, но никогда не забывал он ласковой и хитрой улыбки любимого учителя, этих тонких, сухоньких рук, похожих на птичьи лапки, которые сейчас поливали свежепринесённую землю из маленькой лейки.

— Нет, фриди Энх. Скорее о разрушающемся храме моей жизни...

Энх, прищутив подслеповатые глаза, долго пристально вглядывался в юное, всегда такое светлое и строгое лицо ученика.

— Храм ли — жизнь? Великий Тайхал говорил, что жизнь — это дорога, трудная дорога через пустыню, где ты встречаешь и великие сокровища, и бездонные колодцы, полные сладчайшей воды, и прекрасные цветы, но ничего из этого не смеешь взять себе, ибо всё это предназначено другому, идущему следом за тобой... Великий Сакхин вторил ему, говоря, что жизнь — это мастерская каменщика, где ты в труде и темноте вытачиваешь искусной резьбы сосуды, из которых будут есть и пить те, кто придут к тебе, и видя, что череда их простирается до горизонта, ты не смеешь дать себе отдых, и не смеешь ничего из сделанного тобой взять себе... Тайхал и Сакхин были подвижниками-аскетами, их великие заслуги неоценимы, но мне, ты знаешь, ближе слова великого Датъела, говорившего, что жизнь — это чудесный сад, данный тебе для ежедневной радости. Сколько прекрасного и удивительного вижу я каждый день в этом маленьком старом дворе! Вот этот Валенов корень, или гнездо туюш — прямо под основанием статуи Семи Старцев, представляешь? А видел бы ты, что натворили наши гоки! Стащили занавес из восточного притвора, повесили на дерево у пруда и качаются на нём. Понимаешь ли ты, Алион? Пока мы молоды, когда мы только приходим юными послушниками в храм, мы полны рвения, нам хочется всё содержать в идеальном порядке. И мы злимся внутри себя, хоть и понимаем, что это непочтительно, на стариков, считая их неспешность и благодушие в хозяйственных делах святотатственной безалаберностью, хоть и оправданной возрастом, старческой немощью... Мы стремимся всё исправить, наладить, везде успеть, всё содержать в наилучшем виде. И не понимаем, почему старики смеются над нами. Лишь с возрастом мы многое понимаем... Наш ли это храм? Храм Майра? Или храм вот этого Валенова корня, и вьюна, опутавшего

колонны северного притвора, и разнообразных насекомых, на которых охотятся туюш, на которых, в свою очередь, охотятся гоки... Эта милая, неразумная, озорная природа учит нас смирению. Учит пониманию — все наши усилия, по отвоёвыванию нашего рукотворного святилища, у травы, насекомых и животных — у храма нерукотворного, лишь временны. И мы смиренно просим — милые гоки, милый вьюн, позвольте нам сосуществовать с вами, рядом с вами молиться... как гости, а не хозяева. Если тебе кажется, что твоя жизнь рушится — возможно, Вселенная учит тебя смирению. Возможно, ты придаёшь слишком большое значение своему служению, его месту в божественном порядке вещей... Это объяснимо — ты способный юноша и много трудишься...

Алион смущенно опустил глаза, похвалы учителя, в какой бы своеобразной форме они ни были, всегда волновали его сердце. Но что скажет учитель, когда услышит о причине его смятения...

— Учитель, вы помните, как начинался мой путь... Возможно, я и в самом деле был слишком самонадеянным, полагая, что могу и должен всего себя посвятить служению, не оставляя в своей жизни места личному... Однако все эти годы мне удавалось держать свой дух в полном равновесии...

— О, это частая ошибка юности, мой дорогой ученик. Нам кажется, что мы способны обуздать свои страсти самым надёжным и достойным восхищения образом, что именно нас ждут сиятельные вершины самого трудного, самого чистого подвига...

— Вы, несомненно, правы, учитель, однако уверяю...

Старый минбарец проковылял к скамейке в тени трёх соприкасающихся кронами деревьев, и тяжело опустился на неё, похлопав рядом с собой, приглашая Алиона присесть рядом.

— Тем и опасна горячность юности, Алион. Мы многого хотим, мы на многое готовы. И это прекрасно, вне всякого сомнения. Однако мы всегда должны держать в своей голове вопрос — нужна ли Вселенной моя жертвенность, моя безупречность, мой подвиг? Действительно ли она понесёт невосполнимую потерю, если мы не заберёмся на самую вершину пика подвижничества, которую избрали своей целью? Не много ли мы думаем о себе? Однако расскажи же, кто та мудрая, что спустила тебя с небес на землю, чьим существованием Вселенная даёт тебе новый интересный урок?

— В том и дело, учитель. Это не женщина. Это человек, земной мужчина.

Фриди снова обратил на ученика пронзительный, пылкий взгляд, некоторое время не произнося ни слова. Улыбки на его лице уже не было, и Алиону стало по-настоящему страшно, как никогда до сих пор в жизни. Однако он собирался быть твёрдым до конца, что бы ни уготовила ему судьба.

— Верно ли я понимаю тебя, ученик, что речь не о дружбе, или некоем влиянии земной культуры или философии, а единственно том смысле, который и можно видеть за твоими словами, за смятением, охватившем всё твоё существо?

— Верно, учитель.

Старый Энх отвёл взгляд, и некоторое время задумчиво смотрел вдаль.

— Алион, ты всегда был необыкновенным учеником, из тех, кто делает труд учителя особенным испытанием, особенным удовольствием. Ты умел задавать вопросы, открывавшие нам с новых сторон несомненные истины. Ты жадно пил знания, всё стремился постичь, всё охватить. Ты брался за каждое дело, большое или малое, с таким жаром и усердием... Удивительно ли, что и на закате моей жизни ты задаёшь мне столь интересные задачи...

— Клянусь, учитель, я и представить себе не смог бы...

Фриди сделал ему знак замолчать.

— А кто мог бы представить себе то, что произойдет с ним, в нём в завтрашнем дне? Только самонадеянный глупец, разве нет? Речь не об этом теперь. Я должен понять, о чём ты говоришь. Что произошло между вами.

Алион тяжело выдохнул.

— Всё.

Он почувствовал, как учитель потянулся к нему ментально — закономерно, есть то, для чего всё равно недостаточно слов самого обстоятельного рассказа, и раньше, чем осознал, что происходит, он уклонился от этого воздействия.

Юный фриди уронил лицо в ладони.

— Простите, я не хотел. То есть... вероятно, дело в том, что всё же это касается не одного меня. Я полагаю, достаточно того, что я пал в ваших глазах, и я не хотел бы, чтоб пал так же он и всё земное человечество.

— Не сам ли ты решил, что это падение?

— Учитель, я знаю цену и смысл того, что произошло между нами, я знаю, что это перевернуло мою жизнь. И знаю так же, что я не могу, не собираюсь жалеть об этом. Верно, мне слишком легко всё давалось до сих пор. Я не привык иметь дело с настоящими искушениями, и теперь, столкнувшись с таковым, совершенно не в силах ему противостоять, не в силах увидеть это так — как обольщение, разгул бессмысленной и вредоносной страсти, а не самое прекрасное, живое, настоящее, что испытывал я в своей жизни. Я понимаю, что так считает каждый, кто идёт на поводу страстей. Но когда я думаю об этом, мне, разумеется, кажется, что страсти и искушения других — вроде маленькой лужи, которую ничего не стоило бы преодолеть, если бы не преступное слабование, и только у меня — бескрайнее полноводное море с чистой и живой водой, в которую хочется погрузиться целиком, потому что она дарит радость, смысл, бессмертие...

— Под внешней сдержанностью, образцовым самообладанием у тебя всегда была горячая, чувственная натура, не я ли говорил тебе это?

— Всё верно, но мог ли я ожидать, что она проявится подобным образом? Вы правы, вероятно, говоря, что мне недоставало смирения. Высокие оценки, сложившийся в таком молодом возрасте авторитет вскружили мне голову, и тем досаднее, что я совершенно не видел этого, считая себя свободным и от таких движений души. Что ж, я получил достойный урок, только как мне быть теперь? Коли мне настала пора отринуть своё самомнение, так незаметно завладевшее мной, я должен признать, что стою на распутье и не знаю, что мне делать. Путь, которым я шёл, оказался слишком труден для меня, я не осилил его...

Старый учитель похлопал ученика по плечу.

— Как прекрасна и трогательна эта горячность юности, сколько она несёт нам проблем — и всё же, видя её, невольно замираешь в неловком умилении. Неужели, дитя, ты в самом деле готов оставить этот путь лишь потому, что встретил на нём испытания, настоящие испытания, которые способны смутить столь сильный дух, как твой? Это лишь означает, что ты на верном пути. Если ты ни разу не оступись, не усомнился в себе — не значит ли это, что Вселенная шадит тебя, оберегая от трудностей, считая тебя неготовым к ним? Я вижу, к чему ты клонишь. Ты считаешь себя недостойным и далее быть наставником молодых телепатов, потому что дух твой смущён, потому что ты нарушил собственное намеренье не делить свой пыл с любовной страстью, целиком отдав его твоему служению? Это лишь

означает, что ты взрослеешь. Несомненно, были и будут те, кто сможет идти именно таким путём — обуздания, запрещения телесных искусов, обращения себя в высокий, непоколебимый дух. Что ж, и это хорошо, и это правильно. Но это не твой путь. Многие великие учителя имели семьи, были счастливы в своей семейной жизни не меньше, чем в своих трудах. Возможно, тебе показалось, что такой путь менее труден, менее почётен, что он означает уступку брэнной плоти, означает... обкрадывание своего служения в пользу жизни личной и в чём-то обыденной?

— О нет, вовсе нет...

— Или может быть, ты полагал, что так не получится именно у тебя? Сдаётся мне, Вселенная иного мнения на этот счёт.

— Но ведь...

— Я понимаю, всё было б проще, если б речь шла о какой-нибудь достойной женщине из нашего народа. Не буду с тобой спорить. Но видимо, не место и не время сейчас для простоты. Нам с тобой вместе предстоит понять, что это за явление, к чему оно, к добру или к худу. Не всякое наше желание истинно, не каждый наш выбор правильный, а отличать истинное от ложного мы учимся всю жизнь. Но совершенно точно, если ты остановишься сейчас, откажешься от служения, которое так много значит для тебя — ты совершишь непростительную ошибку.

— Значит, я должен отказаться от... него?

— И этого я не говорил. Не буду скрывать, едва ли многие скажут так, как я. Я не понимаю того, о чём ты рассказал мне, а без понимания — не вправе выносить суждения, но мало ли тех, кто не понимая, судит? Я прожил долгую жизнь и на закате её могу сказать только одно — со всем нашим опытом, со всеми нашими достижениями мы всё те же неразумные дети, и Вселенная терпеливо и мудро улыбается нашему бахвальству, как много мы познали, как много освоили... И сейчас я, старый фриди, воспитавший не одно поколение учеников — малое дитя перед той загадкой, которую ты загадал мне. У меня нет ответов ни на твои вопросы, ни на мои собственные — и я знаю, как это пугает тебя сейчас. Нам нужны рамки, законы, руководства, чтобы идти прямым путём по жизни. Чтобы, достигнув её вершин, находить новые рамки, законы, руководства, ниспровергая старые... Новая ступень отрицает предыдущую, без которой, однако же, не было б её самой, и рождает ступень следующую, которая тоже ниспровергнет её — ветхую, прошлую... Как мы обновляемся каждый день, так обновляется и мир, только ему и дольше, и сложнее это делать... Ты не первый, кому судьбой суждено было совершить что-то, что могли не понять и осудить другие. Непросто бывает постичь смысл подобного испытания судьбы, но прежде, чем допустить в своё сердце осуждение, стоит подумать, имеем ли мы право считать, что Вселенная говорит нашими устами, нашими устами судит? Деленн когда-то тоже осуждали, и долго не принимали её и её выбора. Тогда многим казалось, что страшнее и порочнее и не придумать... И должны были признать, что права она, а не они. Но ведь были и те, кто не устаивался такого признания, всегда были... В любви, в выборе дела, которому посвящаем жизнь, в значимых для нас и нашего общества решениях мы можем получить признание и одобрение, а можем — осуждение и презрение. Можем быть правы или губительно заблуждаться. Не всегда правота вознаграждается признанием, а заблуждение — презрением. Испытуемый не борется с испытателями, а борется вместе с ними за истину. Расскажи мне об этом человеке и ваших отношениях, Алион.

Леди Вакана Горгатто, сколько к ней морально ни готовься, всё равно будет неожиданна, как внезапный сход снежной лавины, и приятна в той же степени.

— Здравствуй, сын. Я вижу, к добрым советам матери ты относишься так же, как и прежде, то есть — плюёшь в лицо...

— Матушка, — на сей раз Винтари разговаривал не стоя перед экраном, а сидя, в расслабленной позе, а кресле, так что чувствовал себя гораздо спокойнее, — с нашей последней беседы прошло, конечно, сколько-то времени, и при том времени, не знаю, как у вас, а у меня — богатого на события... Однако же я помню её довольно явственно. И добрых советов там не помню. Угрозы помню, попытки шантажа помню, а добрых советов — нет. Может быть, вы говорили с каким-то другим вашим сыном? Хотя я, признаться, не слышал, чтоб у вас был другой сын, кроме меня.

Лицо леди Ваканы, и без того далёкое от радушия, посерело, или, скорее, побурело.

— Ты очень расстроил меня, Диус, этим откровенным и агрессивным... нежеланием сотрудничать.

Винтари рассеянно погладил кромку обивки.

— А, так вы уже в курсе, матушка, что император не только одобрил мою идею по поводу назначения наместника на Винтари, но и разблокировал мои счета? Самое главное, вы ведь ничего не можете сделать, мои действия ничем не более противоречат законам и обычаям, чем ваши. Императора вполне устраивает моё желание быть и дальше вдали от родины, вполне устраивает кандидатура наместника, вполне устраивает, что надежды и чаянья вашего нового супруга пошли прахом. Матушка, что вас во всём этом удивило и расстроило? Это обычная практика в жизни нашего общества.

Леди Вакана поджала губы.

— Не спеши, Диус. Самонадеянность молодости сгубила уже многих. Не стоит так открыто выказывать кому-то свою неприязнь — никогда не знаешь, где и как тебе понадобится помощь этого человека. Впрочем, я впечатлена, конечно, твоей... находчивостью, с которой ты оставил колонию под своим контролем и при том обошёл меня... Довольно удачно, что тебе удалось заручиться поддержкой и расположением императора, однако тон вашего общения... полагаю, нуждается в корректировке. Любой разумный человек на твоём месте не кичился бы этим... вооружённым нейтралитетом, а постарался бы... вызвать доверие и расположение.

— Матушка, вооружённый нейтралитет у нас с вами. Пока нейтралитет. С Виром Котто же у нас — взаимопонимание по важнейшим для меня сейчас пунктам. Я уже говорил, мне исключительно приятны люди, с которыми можно говорить начистоту.

Леди Вакана, видимо, изо всех сил пыталась не выйти из себя, от явного напряжения длинные серьги в её ушах непрерывно звенели. Интересно, почему она продолжает этот разговор? Чего ещё хочет? Просто оставить последнее слово за собой, высказать своё мнение, испортив настроение?

— Я не понимаю, Диус, чем всё же, кроме детского упрямства, вызвано нежелание закрепить благоприятные сдвиги в ваших отношениях... Это могло бы помочь тебе вернуться на политическую арену, несмотря на все эти годы...

— Меня вполне устраивает моё нынешнее место на ней.

— Разумная осторожность, сын, перерастает в трусость и безынициативность куда быстрее, чем ты думаешь. Годы спустя ты будешь жалеть об упущенных возможностях.

— Матушка, давайте начистоту. Какие такие ещё возможности вы мне собираетесь

навялить? Я, хвала Создателю, и так благодетельствован судьбой, у меня есть, вопреки всем вашим стараниям, на что жить и чем заниматься.

Леди Вакана нервно оглянулась — что было, пожалуй, скорее рефлекторным жестом, едва ли она села бы перед экраном для важного разговора, если б не была убеждена, что ни одни лишние уши её не услышат.

— Император Котто, разумеется, молод и здоров, и проживёт ещё много лет... Но всё в руках Создателя. Не столь давно на него было совершено покушение... Оно, конечно, не удалось... Какой-то сумасшедший радикал, подкупленный врагами Республики... Между прочим, именно отъезд императора на дружеский обед у покойного президента дал злоумышленнику возможность подготовить покушение, поразмысли над этим... Так вот. В случае, если подобное повторится, и будет на сей раз успешно — трон снова останется без наследника... Ходят слухи, что супруга императора бесплодна, но несмотря на это, он не собирается ни разводиться с нею, ни брать вторую жену, то есть, наследника по крови у трона и не предвидится...

— Сочувствую их горю, но я-то тут при чём? Надеюсь, от меня никакой помощи не требуется?

— Диус, ты что, дурак? Это твой шанс стать главным претендентом! Для закрепления этого шанса тебе хорошо бы было... добиться большего доверия императора, а ещё лучше — породниться с ним. Зная твою инициативность, я навела кое-какие мосты для тебя... Мы нашли удивительное взаимопонимание с Дариусом Котто, они согласны выдать за тебя замуж Лентиллу, одну из кузин императора... Однако тут есть одна сложность. Император, видите ли, запретил им отдавать сестру замуж без её желания.

— Не могу не похвалить его мудрость... То есть, леди, если вы не поняли, перевожу: сердечно рад, что ваши планы потерпели крах в самом зачатке.

— Но если ты познакомишься с нею, сумеешь её очаровать и она даст согласие — проблемы нет.

Винтари зевнул.

— Ага. Матушка, скажите, а зачем мне это нужно? Жениться на женщине, которую я не знаю и не люблю...

— Диус, ты меня, вообще, слушаешь? Я и предлагаю тебе познакомиться с нею. Леди Лентилла юна и хороша собой, а так же, как говорят, умна, хорошо воспитана и обладает мягким, кротким характером.

— Матушка, сколько бы достоинств ни собралось в этой женщине... Я готов, допустим, совершить с нею несколько приятных прогулок с беседами о погоде, искусстве эпохи первого императора или садово-парковой архитектуре... Но я совершенно точно не стану на ней жениться. Лично для вас речь ведь о том, чтоб я понравился ей, а не о том, чтоб понравилась она мне? И всё ради того, чтобы у вас — нужно ли это мне, опять же никто не спрашивает — появилась снова надежда на верховную власть? Я понимаю, хотя связь того радикала, что покушался на императора, с вашим супругом доказать не удалось — слухи-то ползут... Пристальным недобрым вниманием Двора вы теперь обеспечены. И ваш супруг уж явно не кандидат. Поэтому вы решили вновь обратить внимание на такую ненадёжную фигуру, как я, решив, что с паршивой овцы — хоть шерсти клок. Матушка, я не собираюсь играть в ваши игры. И я сейчас серьёзно. Вам нечем мне пригрозить и нечем меня подкупить. Даже если вы вновь заблокируете мои счета — у меня здесь есть собственный, пусть и скромный, источник дохода. И я пальцем о палец не ударю для того, чтоб вы тешили

свои амбиции и успешно плели свои интриги. Плетите их, пожалуйста, без меня — сколько сможете.

Глаза леди Ваканы недобро сузились.

— У тебя кто-то есть, Диус. Ты встретил женщину, на которой намерен жениться, поэтому ты отвергаешь найденную тебе партию, даже не желая знакомиться с леди Лентиллой. Ты влюбился, и я подозреваю, она не центаврианка... Кто она? Землянка, минбарка?

Винтари нервно рассмеялся.

— Матушка, вы бредите.

— Имей в виду, Диус, это — тебе не будет позволено. Не добьюсь законным путём — у меня есть и другие. Ты с ней не будешь. Я узнаю, кто она... Ты женишься на инопланетянке только через мой труп.

— В таких случаях говорят — мне будет очень не хватать вас матушка, но всё же вы бредите.

Ранвил шёл по коридорам резиденции, обуреваемый мыслями, мрачнее которых у него до сего дня не было. Он пришёл сюда сейчас потому, что узнал, что именно здесь сейчас находится Шин Афал, и не мог не вспоминать, как когда-то приходил сюда к другу... Другу, которого сейчас больше всего не хотел встретить даже случайно на своём пути. Слишком трудно тогда будет сдержаться... а ведь совсем не для ссоры он сейчас сюда идёт, его настрой перед разговором с Шин Афал должен быть лишён малейших оттенков гнева... И без того много он гневался на судьбу, что из-за учебных занятий не смог приехать сразу, как только делегация вернулась с Тучанкью. Высшей несправедливостью было бы, если б сейчас оказалось, что Шин с Дэвидом... Что подделаешь, но детство, украшенное безмятежностью их детских игр, их доверия, кончилось. Там, где идёт спор за одну женщину, нет места прежней невинности чувств...

Свернув в коридор, где, как ему указали, находится искомый кабинет, он остолбенел, не в силах сперва поверить в открывшееся его взору зрелище. Дверь жилой комнаты, находящейся определённо на «человеческой» стороне, распахнулась, и из неё вышел минбарец в жреческом одеянии... Слово «вышел», впрочем, не отразило бы красоты ситуации — жрец, молодой, незнакомый Ранвилу, принадлежащий, судя по одеянию, к одному из Тузанорских храмов, буквально повис на шее землянина, страстно целуя его в губы, что-то нежно шепча в спутанные русые волосы.

Негодование и отвращение, охватившие Ранвила, были подобны потоку лавы, вырвавшемуся из кратера вулкана.

— Кто бы ты ни был, убеди меня, что мои глаза солгали мне, а не явили мне величайшую мерзость, невозможную в нашем мире!

Алион обернулся, невольно вскрикнув — он не слышал шагов, не слышал мыслей идущего, появление незнакомого юноши оказалось для него громом среди ясного неба.

— Я фриди Алион из храма...

— Фриди? Ты — фриди, учитель тех, кого вселенная одарила величайшим даром? И чему же ты их учишь? Тому, что я видел здесь сейчас? Теперь я понимаю, что имели в виду мои родственники, говоря, что от малого разврата рождается большой, что стремится своим гибельным семенем поразить всё... Теперь я понимаю, что был по-детски глуп, возражая на все убеждения не ходить в этот дом...

Алион собирался с мыслями, подыскивая слова, но его мягко отодвинул Андрес.

— А в чём, собственно, проблема, молодой человек? Не нравится чужая личная жизнь — завести свою не пробовали?

— Личной жизнью вы называете порок, который привнесли в наш мир, решив потрясти нас глубиной своей извращённости ещё больше, чем это было до сих пор возможно? Вы нагло, по-хозяйски ведёте себя на нашей земле, ходите по ней, как свои — вы решили, что вы свои настолько?

— Юноша, у меня на родине на этот счёт есть хорошая поговорка: не нравится — отвернись.

— Андрес...

— Нет уж, дай, я скажу. Я б не вмешивался, конечно, имей он на самом деле хоть какое-то право... Но я достаточно уже здесь прожил, чтобы разбираться... Он не из твоего клана, и более того — не из твоей касты, так что это с его стороны — наглость и вмешательство не в своё собачье дело. Тем более, что он младше и пока только ученик. Сначала станьте кем-то уровня фриди Алиона, юноша, а потом уж приходите высказывать своё бесценное мнение, если до тех пор не подрастеряете спесь. Возможно, он решил, что раз он воин — он умнее от рождения и может поучать жреца, получившего образование у лучших учителей храма? Так могу напомнить, верховодит, после реформы, вообще каста мастеров... И на обществе это, кажется, сказало только благотворно... Всегда считал, что в идее гегемонии пролетариата есть здоровое зерно.

Теперь Ранвил не мог без горечи и иронии вспомнить недавние свои мысли о том, что самым страшным для него было бы встретить в этих коридорах Дэвида... Несколько раз он замедлял шаг, пытаясь успокоиться, выбросить из головы виденное, слышанное — и не мог. Прежде мысли о возлюбленной помогали ему успокоиться, но сейчас рядом с мыслями о ней неизбежно следовали мысли о Дэвиде, который был с нею рядом на Тучанкью долгих восемь месяцев, и мог успеть склонить её сердце к себе, об этом доме, в который когда-то они вместе приходили для радости... И не хотелось думать, что правы были его родственники, говорившие, что, за кого бы ни почитали Деленн в народе, общество полукровки не лучшая компания для него. И не хотелось думать, что Деленн... может поощрять подобное. Скорее, она так объята горем сейчас, что не видит того, что происходит у неё под носом... Впрочем, пусть жрецы сами разбираются с теми новыми напастями, что обрушились на них...

Перед нужной дверью он остановился, снова попытавшись взять эмоции под контроль. Из-за двери слышался смех Шин Афал — как же давно он не слышал его... Нет, не следовало, не следовало ей уезжать. Без неё нашлось бы, кому полететь на Тучанкью. Они должны были вместе приступить к учению, идти рука об руку, как всегда шли... Не худшее служение, чем то, что предложили ей там... И у них была бы возможность.

— Согласна. Но всё же думаю, что это режиссёрская ошибка, которая исключительно в ущерб фильму.

— Шин, ну ты посмотри, какой год! Для того времени...

— Можно было учесть ошибки предшественников и поучиться у мастеров! Даже я, не слишком много понимая в земной культуре, вижу, что вот в этой сцене... такая бессмысленная напряжённость... как будто режиссёр прямо извиняется перед нами за то, что нам предстоит увидеть. Уже или бери и делай хорошо, или не делай вовсе!

— Может быть, ты и права.

Минбарка и дрази разом вздрогнули и обернулись на звук открывшейся двери и шагов.

— Ранвил! Ранвил, это ты! — глаза Шин Афал вспыхнули смесью радости и испуга, — ты здесь! Как твоё учёба?

Ранвил случайно бросил взгляд на экран, где фильм сейчас, ввиду бурного обсуждения, был поставлен на паузу, и приветственные слова, какие и были, замерли на его устах.

— Шин, что это?

Девушка потупилась.

— Сложно тебе будет так сразу объяснить... Мы с... — Шин Афал не смогла вспомнить, представляли ли Штхиукку и Ранвила друг другу тогда, когда собирали их группу, и решила, что раз так — прекрасная возможность представить сразу под нужным именем, — с Штхейном знакомимся с земной культурой, в частности, кино, в части... такого раздела, как эротика.

— Это я как-нибудь вижу. Но Шин, разве... эти два землянина, которые сейчас на экране, не одного пола? Я ясно вижу у обоих грудь, это две женщины!

— Ну да, мы изучаем именно гомосексуальную эротику... Ранвил, если тебя это коробит...

— Коробит? Меня это невероятно коробит, Шин! Я просто не понимаю, что здесь происходит! От тебя — от тебя я уж точно не ожидал подобного! С каких пор ты интересуешься... иноземными извращениями?

— С таких, — Шин Афал начала грозно подниматься, чувствуя, что разговор предстоит более тяжёлый, чем она первоначально надеялась, — как решила стать врачом, а врач, если тебе не известно, должен знать... всё о любых проблемах, которые могут возникнуть у страждущего, о страданиях не только тела, но и души... И с тех пор, как просила тебя не ограждать меня от моего выбора!

Парень искал, куда пристроить взор — не хотелось смотреть ни в сторону мерзости на экране, ни на любимую, глаза которой загораются несправедным, незаслуженным им гневом, ни на этого иномирца, что, если и не являлся инициатором... этого их странного времяпрепровождения... то ведь поддерживал, участвовал...

— Я помню о твоём решении, Шин. Но если ты хочешь быть врачом, тебе следовало сейчас поступить в обучение к какому-нибудь заслуженному учителю и прилежно посещать занятия, а не... а не заниматься просмотром земной эротики.

— Можно, Ранвил, я сама решу, что мне делать? Сейчас это важнейшее для меня как для будущего врача и как для друга.

— Шин. Нам следует немедленно уйти отсюда. Я теперь вижу, что малый порок ведёт к большему, и мне не хотелось бы, чтоб это касалось и тебя. Ты мне не чужая.

— Ранвил, мы с тобой, кажется, ещё давно обсудили твоё чувство собственности? Решения, которые касаются моего выбора, я с тобой обсуждать не обязана, ты мне покуда не наставник.

— ...Потому что нет никакой надобности смотреть на это, чтобы понимать, что этого быть не должно.

— Что-о?

— Ты здравомыслящая и чистая девушка, для чего тебе оскорблять свой взор... подобным?

— Ты снова совершенно напрасно решаешь за меня, мой взор ничуть не оскорблён! Я нахожу эту историю... очень трогательной и красивой, а вот тебе не стоило бы судить о том,

чего ты не видел.

Это было, определённо, уже слишком для Ранвила сегодня...

— Я видел достаточно, чтобы понять — ты испытываешь влияние, гибельное для твоей души и ума, Шин Афал, ты позоришь себя и клан, и если я для тебя не авторитет — что ж, я вынужден рассказать старейшинам...

Шин скрестила руки на груди.

— И что ты им скажешь? Смотреть фильмы пока не возбранно, а сказать, чтоб ты видел, что я сама совершала что-то предосудительное, ты не можешь.

— Ради твоего спасения я солгу, потому что в конечном счёте это для твоего блага. Я не хочу ждать, пока ты и совершишь... что-нибудь непоправимое, о чём сама потом будешь жалеть. Ты получила слишком много свободы в своих действиях, Шин Афал, и ты распорядилась ею себе во вред. Ты стоишь на краю... Чего-то страшного. Вернув тебя под опеку старейшин, я исполню свой долг.

— Понимаешь ли ты, что ты говоришь, парень? — вмешалась Штхиукка, — помню, Шин Афал говорила о Ранвиле, который любит её... Видать, она о каком-то другом Ранвиле говорила. Любя, не оскорбляют любимое существо и не лгут про него. Я, конечно, дрази, и любить умею только как дрази, но я знаю, что Шин Афал, любя Дэвида, не доносит на него и тем более не лжёт в угоду своим интересам.

— Я не с тобой разговариваю!

— Зато я с тобой разговариваю! Ты не смеешь претендовать на Шин Афал, будто она твоя собственность, и ты не смеешь угрожать ей. И не смеешь лезть в её дела незванным лишь на том основании, что по чистоте своей души она доверяла тебе.

Ранвил скрипнул зубами.

— Это тебе следует знать своё место, чужак! Или вы теперь решили, что тоже можете, как земляне, совращать наших женщин?

Шин Афал вышла вперёд, загораящая Штхиукку, грудь её возмущённо вздымалась.

— Ранвил! Что-то мне кажется, ты переходишь границы хамства! Я тоже могу спросить, что с тобой стало. Я помню тебя другим, учтивым, скромным и уважительным! Я ждала встречи с другом детства, я надеялась, что те вспышки, перед моим отъездом, были случайны, и за это время ты переосмыслишь... Не могу не согласиться с Штхейном, не называют любовью то, в чём столько яда! Там вот, — она кивнула на экран, — я видела любовь, а в тебе — не вижу!

— Шин, ты вынуждаешь меня! Я найду, что сказать старейшинам, поверь. Ты пожалеешь, что не послушала меня добровольно.

— Ради Валена, Ранвил, не разрушай последнее доброе, что было между нами!

— Остерегайся произносить святые имена нечистыми устами, Шин! Вера не живёт в сердце, отданном пороку.

— Довольно, — Штхиукка вышла к нему, мягко отодвигая Шин Афал, — ты из одной касты с нею, значит, воин... Но пока я не вижу в тебе воина, вижу лишь труса, надеющегося добиться женщины с помощью угроз. Если ты воин — ты сразишься со мной, чтобы искупить оскорбление, нанесённое Шин Афал!

— Штхейн! Перестань! Что значат его слова?

— Слова всегда значат, Шин. Он оскорбил тебя, дав понять, что для него ничто твоя воля, твоё решение, он оскорбил тебя, поставив под сомнение твою чистоту и твою веру. У нас, дрази, оскорбление чести — повод к вызову. Это уже закон. А хорошие законы своего

мира я соблюдаю.

Ранвил снова скрипнул зубами. Отказаться было немислимо — позволить этому чужаку посмеяться над ним было хуже смерти.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что место и время нашего сражения должно быть полной тайной, для сбережения чести девушки, и так же, на случай, если нас кто-нибудь застанет или потребует объяснения позже, у нас должно быть придумано объяснение, не затрагивающее чести Шин Афал.

— Зачем чего-то ждать, — кровожадно оскалился Ранвил, — можно сделать это прямо сейчас. Места проведения подобных сражений мне известны, осталось достать оружие.

— Я думаю, нам подойдут короткие мечи... Подобные есть в нашем мире, это не создаст проблем ни для тебя, ни для меня.

— Что ж... Если про дрази правду говорят, что они сильные воины... Денн-ша, полагаю?

— Денн-ша так денн-ша, — пожала плечами Штхиукка.

— Штхейн, остановись! Никто не должен защищать меня вместо меня, я и сама...

— Здесь уже не останавливаются, Шин. Здесь дело не в том, чтоб делать что-то за тебя, я это делаю за себя. Если б он извинился и взял свои слова назад — то да... Что ж, так я и думал.

Следовало, несомненно, что-то делать... Но что? Конечно, неоспоримым плюсом было то, что с неё клятву о неразглашении они взять забыли... Но всё равно следовало крепко подумать, к кому с этим можно пойти. Совершенно точно, не к Дэвиду и Диусу. Чем дальше они не будут знать о происходящем, тем лучше. Отношения Дэвида и Ранвила и так в последнее время напряжённые — между прочим, из-за неё. И Диусу, понятно, такие новости тоже не добавляют хорошего настроения. Нет, их подключение окончательно осложнит ситуацию. Точно нельзя допустить, чтоб узнала госпожа На'Тот. Тогда дуэлянты огребут таких неприятностей, что пожалеют, что на свет родились. Но как обеспечить, чтоб было как можно меньше огласки, если этот безумный Ранвил... В полном отчаянье и растерянности в коридоре она натолкнулась на Андреса. Вспомнив тот их разговор, она подумала, что ему-то может довериться.

— Я не знаю, к кому с этим можно пойти... К Деленн? Правильно ли её так волновать... Да и ведь тогда придётся рассказать ей то, что... Ранвил наговорит ей лишнего, совершенно точно. К кому-то из посольства дрази? К старейшинам воинов? Боюсь, Ранвил будет только рад такому раскладу... Но что-то делать нужно, и срочно. Мне никогда ещё не было так страшно за кого-то. Штхейн, конечно, дрази, они физически крепче, но Ранвил изучал боевые искусства несколько лет, а Штхейн — только около трёх лет, под руководством друзей из воинов, это не сравнимо... Может быть, позвать Виргинию? Это замечательная женщина, насколько я успела понять, Штхейн работает с ней...

Андрес почесал затылок.

— Так. Если я правильно понял, основных проблемы две. Во-первых, нужно постараться не допустить огласки, потому что это может оказаться даже хуже смерти, и во-вторых, нужно вообще суметь их найти... Куда они могли рвануть? И на чём, на своих двоих, на флаере?

— Если б на своих двоих, я смогла б их догнать. У Ранвила электрокар...

— Ну, этоне так плохо, будь флаер, они могли б умотать хоть в Ледяной город. А так

простор для дури немного ограничен... Да может быть, и ни к кому не надо, может, и сами справимся... Куда с наибольшей вероятностью они могли пойти? Есть ведь для этого места какие-то специальные?

Специальные места были. Едва поспевая за длинноногим Андресом, Шин Афал вспоминала, в порядке убывания, традиционные места поединков, куда мог повезти Штхиукку Ранвил. К сожалению, к большинству из них строптивый служебный электрокар Андреса мог подъехать не слишком близко, дальше приходилось бежать по весьма пересечённой местности, чувствуя, что сердце в любой момент готово оборваться.

Места эти были известны любому воину если не с детских лет, то с юношеских. Уединённые, огороженные каменными стенами площадки на пустынных местах на окраинах, иногда поблизости от военных школ или обелисков, были памятником ещё доваленовских времён и использовались для решения внутрикастовых споров и поныне. Время от времени старейшины совершали рейды, лениво разгоняя отчаянную молодёжь, которую, при юношеской склонности петушиться по любому хоть отдалённо подходящему поводу, эти выщербленные плиты, впитавшие в себя столько крови, тянули, как магнитом, но как таковые дуэли запрещать никому не пришло бы в голову. «Всё верно, у каждого должно быть право закончить свою жизнь безвременно, невесть за что, зато красиво», — думал Андрес, когда они покидали очередную площадку — дуэлянты там обнаружены были, только вот другие, и обнаружены до них собственным наставником. Сейчас наставник отчитывал учеников за вспыльчивость и легкомыслие, ученики — оба никак не старше Ранвила — выглядели при этом уныло, как осенняя лужа.

— Да куда ж они могли пойти... Жаль, но я не настолько разбираюсь в движениях его души, чтобы уметь сейчас угадать. Особенно сейчас, да...

— Сейчас он в движениях своей души сам не очень-то разбирается. Просто будем продолжать искать... А может быть, и этих подключим, наставников? Раз уж они всё равно здесь болтаются? Наврём им что-нибудь... Ну, ты не ври, я навру, что-нибудь придумаю. Не обязательно же рассказывать им всё, как на духу. Эти ж сами собрались сочинить какую-то легенду, ты говорила.

Шин Афал мотнула головой.

— Нет, не годится... Мы ведь не знаем их легенды, не совпадём... К тому же, старшим из своей касты Ранвил может и решить открыть правду, а он и так натворил достаточно глупостей. Пожалуй, теперь я вижу мудрость вселенной в том, что она послала мне встречу с Штхейном, иначе и я могла б долго полагать, что изменения, происходящие с ним, не столь глубоки, и, продолжая общаться с ним с той же открытостью нашего детства, лишь больше распаляла его ярость...

Когда Винтари закончил пересказ своего разговора с матерью, Дэвид подумал, что вот, какое-то чутьё у него всё же есть. Придя сейчас к брату под влияние наития, без конкретного повода, он угадал момент, когда тому нужна была поддержка. Всё же, подобное в любом случае тяжело, неприятно, даже если моральная победа по-прежнему остаётся за ним.

— Я думаю, я надеюсь, всё же... Это только угрозы, бесплодная злоба, она ничего на самом деле не сможет сделать...

— Я тоже так думаю. Но опасаться её всё же стоит. Ни одному мужчине не представить, на что способна разгневанная властная и коварная женщина. Она не ожидала, что я выйду из повиновения... настолько... Она оскорблена... Я тоже оскорблён, впрочем. Ожидать, что,

после намёков на намеренье объявить меня недееспособным, я радостно полечу на Приму знакомиться с потенциальной невестой! А где мои гарантии, что, в случае, если мы с леди Котто не приглянемся друг другу, именно это и не произойдёт? Вроде как, только сумасшедший мог отказаться от такой женщины? Хотя возможно... — голос его стал тихим, — именно так мне и стоило бы поступить... Поехать туда, жениться, принять власть над колонией в собственные руки, принять свою судьбу... Если б я только не знал, что сияющая бездна уже не отпустит меня...

— Диус...

— Что?

— Диус, это что вот сейчас было?

Винтари нервно взлохматил пятернёй волосы.

— Это было понимание, Дэвид, что ничем хорошим это не кончится. Я слишком хорошо понимаю свои мотивы... Достаточной наглостью было уже полюбить тебя как брата...

— Интересно слышать, как любовь называют наглостью, — Дэвид поднялся с кровати, делая шаг навстречу.

— Я помню, как всё начиналось... Как я был счастлив всем нашим встречам и разговорам, каждой нашей игре и затее, даже тогда, когда эти затеи становились уже не вполне невинными... Я так радовался, что обрёл детство, которого прежде у меня не было... Но видимо, я из тех, кому всего и всегда мало. Но детство кончается, и то, что было самой светлой радостью, становится самым тёмным искушением.

— Да, мы растём, и мы меняемся... И эти перемены пугают... Но ведь это то, чего хотим мы оба, хотим слишком сильно, чтобы отказаться от этого.

Рука с кольцом коснулась щеки Винтари, тот вздрогнул — кольцо казалось раскалённым.

— Дэвид, мне кажется, всё это... Это наваждение... Дэвид,ними кольцо!

— Зачем?

— Ты столько раз говорил, что... что что-то чувствуешь от него... И вообще всё это началось с тех пор, как ты его надел. Твои сны и... остальное... Я смеялся над Шин Афал, но теперь думаю, что она, видимо, права. Не знаю, как, но... видимо, это не просто кольцо. Ну, ничто не бывает просто рядом с Андо... Сними.

Дэвид посмотрел на руку с кольцом долгим задумчивым взглядом.

— Не сниму. Хотя понимаю, что это, наверное, помогло бы мне... убедить тебя в моей искренности, убедить, что это не пройдёт... Но я сумею убедить как-то иначе. Я не сниму кольцо, потому что обещал Андо. И... я знаю, о чём ты думаешь, Диус, но это не так. Я не спорю, что благодаря этой связи с Андо — может быть, она и выражена в этом кольце, я не знаю — вижу и чувствую много из того, что не моё. Как, например, тогда, когда... видел отца молодого, ещё на станции... Я ведь там не был никогда, а Андо был тогда, когда отца там уже не было. Это память, которую он сам получил... наверное, от матери... И я видел... хотя не совсем правильно говорить «видел»... его эротические воспоминания, его желания... И я не спорю, это влияло на меня, это... зажигало меня, а как могло быть иначе, если я... не только видел это глазами, но и чувствовал... руками, губами, всем телом, сердцем... Но тебя там не было, Диус. Кого-кого, а тебя он не хотел никогда. Как и меня... Не знаю, правильно ли ты понял, что тогда было, но я-то знаю... теперь знаю... Он хотел показать тебе... вывести из душевного равновесия, да... призвать нас обоих больше не

прятаться от своих чувств. Он знал об этих чувствах раньше, чем мы сами поняли. Но было это — и раньше, Диус... Может быть, тебе и сложно поверить, что просто так совпало, этот подарок и моё... половое созревание... Ну, так уж случилось, что подарок на шестнадцать лет... Но дело не в половом созревании, как бы ни удобнее казалось так думать. Я люблю тебя, Диус. В удовлетворении сексуального желания себе ещё можно отказать, в том, чтоб быть с любимым существом — нет.

Увы, ирония в этот день преследовала не только Ранвила, потому что нужной площадкой оказалась последняя в их списке. Звон мечей был слышен у подножия невысокого, но довольно крутого каменистого холма.

— Что ж, пожалуй, если они всё ещё сражаются — это совсем неплохо...

Обувь Шин Афал не пережила испытаний этого дня, и сейчас разваливалась на глазах, поэтому восхождение было медленным.

— Андрес, а вы можете услышать их? Что там происходит?

Андрес вовремя подхватил девушку, под ногой которой провернулся валун.

— Вообще-то, лучше б зрительный контакт... Но кое-что слышу, да. Эмоции... твоё имя... Так что да, на сей раз мы там, где надо.

В тот момент, когда они преодолели последние метры к арочному проходу в серо-розовой, украшенной затейливой вязью плюща стене, успокаивавшие их звуки сражения смолкли — отзвук последнего звонкого лязга стали о сталь долго висел в воздухе зловещим аккордом.

— Штхейн!

Преодолевая боль в подвёрнутой ноге, Шин Афал, уже босая — развалившаяся обувь так утратилась во время восхождения — бросилась внутрь строения.

Штхиукка лежала плашмя на неровном каменном полу — за много веков под воздействием дождей, ветра и солнца плиты выкрошились, местами вздыбились, проросли травой и даже кое-где небольшими кустиками — зажимая рукой рану в боку, а над ней был занесён меч Ранвила.

Не успеть, даже если бы у неё в руках сейчас было оружие, не схватить руку Ранвила, даже если одним прыжком перекрыть эти три метра...

Меч с опарашенным звоном отлетел и ударился о стену с силой, оказавшейся достаточной, чтобы погнуть не знающую усталости сталь. Ранвил шипел, сжимая выбитую из сустава руку, Шин Афал бросилась к пытающейся подняться Штхиукке.

— Не двигайся резко, рана может быть опасной.

— Про которую именно рану ты сейчас, то есть, как именно мне не двигаться? — улыбка Штхиукки переросла в гримасу. Белёная кровь на руках Шин Афал почти не была заметна, но она-то чувствовала её хорошо... Это было страшно не в меньшей степени, чем кровь красного цвета...

При виде Андреса Ранвил грязно выругался, а затем бросился бежать. Что Андреса, впрочем, исключительно устраивало, потому что одна с транспортировкой тяжело раненой Штхиукки Шин Афал могла и не справиться.

— Давай, парень... девка ли... Запутался я с вами... — он взвалил руку Штхиукки себе на плечо, — раз продержался столько времени — до больницы уж будь любезен, дотяни. С такой сиделкой у тебя нет ни единого шанса не поправиться...

— Прости меня, мама, что я не такой,
Что я не такой, как все,
За то, что служу я своей голубой,
Моей голубой звезде.
Если можешь, пойми,
Если можешь, прости,
Мне силу и мудрость твою обрести —
И нет большей радости.
— Не волнуйся, сынок, и себя не оплакивай,
Сердце матери любит всех одинаково.
Б.Моисеев.

Шин Афал расправила складки на одеяле Штхиукки — не то чтобы они как-то уж слишком мешали, просто её руки изнывали от желания сделать ещё что-нибудь.

— Как ты?

— Лучше. И поверь, я не лукавлю. Мы, дрази, очень крепкие, у землян есть поговорка — «заживает как на собаке», так вот, поверь, они создали эту поговорку несовершенной, потому что тогда просто не знали дрази. И как я могу не поправляться, опережая все прогнозы, когда за мной ухаживает самая прекрасная женщина-врач... ну ладно, будущая женщина-врач во вселенной?

Шин Афал опустила глаза — по-особенному сладко, подумала она, звучат комплименты из уст выздоравливающего друга.

— Меня мучит вопрос — что это было... Что спасло меня. Мне показалось, что ты отшвырнула меч из руки Ранвила... Отшвырнула, хотя была, как будто, далеко от него.

— Мне жаль тебя разочаровывать в моём могуществе, но это не я. Это Андрес.

— Андрес?

— Да, похоже, в отчаянный момент в нём пробудился новый дар... Он телекинетик.

Штхиукка покачала головой.

— А мне он ничего не сказал... Я уже благодарил этого достойного человека за спасение моей жизни, теперь надо, стало быть, внести уточнение в свою благодарность. Что слышно о Ранвиле? Он так и не появлялся?

— Я его не видела. А сама справок не наводила — я слишком сердита сейчас, чтобы у нас мог быть конструктивный разговор.

— И тебе не было неприятностей от твоих старейшин?

— Пока, во всяком случае, никаких. Мои наставники находят очень хорошей практикой для меня то, что я работаю сейчас в этой больнице и, в частности, ухаживаю за тобой. Кстати говоря, позволь, раз уж зашёл разговор, я тебя осмотрю.

Не без некоторого всё же усилия, Штхиукка поднялась с постели. Под одеялом она лежала голой — в одежде в данном случае не было принципиального смысла, поскольку у дрази нет наружных половых органов, ничью стыдливость это не задевает, и одежда бы только мешалась.

Наиболее опасная рана — в боку — сейчас была закрыта повязкой с регенерационным комплексом, её Шин Афал трогать не стала, решив, что обязательно присутствует при

перевязке, рана на руке, хоть и была глубокой, опасной не считалась, и была просто стянута пластиковыми скобами.

Девушка придирчиво взгляделась в соединённые края — между ними проступала молодая светло-зелёная кожа.

— Как всё же повезло, что не пострадало сухожилие... Они проходят у вас несколько иначе, чем у нас, у минбарца это была бы почти гарантия остаться без руки...

— Ну, у меня такая возможность тоже была. Первое время было такое странное ощущение, будто рука стала меньше... Не знаю, как объяснить. Как будто я не всю её чувствую. Даже поднять не мог. А теперь — вот, погляди, всеми пальцами шевелю!

— Ты слишком резво не шевели, скобы не сбей! Дай, посмотрю плечо...

— Плечо, доктор сказал, почти совсем уже в порядке. Там удар вскользь пришёлся, доктор только беспокоился, что немного зацепило... ну... карман... Но всё обошлось...

Шин Афал отодвинула руку Штхиукки, придирчиво осмотрела край почти зажившей царапины.

— Шрам, наверное, всё же останется... Но это малая беда в сравнении с тем, насколько хуже всё могло быть.

— Мне повезло, особенно в том, что вы успели вовремя... Ранвил сильный и отважный воин.

— Зато человек никудышный. Я с детства усвоила, что действительно храбрый, достойный уважения воин — это тот, чьи поступки чисты и прямы, как сталь клинка. Мало уметь быть безжалостным к врагу, надо уметь быть безжалостным к себе. Это я увидела в тебе, не в нём.

— Осторожней, Шин Афал, ты касаешься сейчас... моей эрогенной зоны, вообще-то.

— Ох, прости, это свойственно врачам — забывать, что какими-то своими действиями они могут смущать пациентов.

— Это ты прости меня, Шин, потому что... Нельзя сказать, чтоб я имел хоть что-то против того, чтоб ты касалась меня там.

Шин Афал, отдёргнувшая было руку, прислонилась лбом к широкой спине Штхиукки, а затем решительно скользнула рукой внутрь мягкого, тёплого кожистого кармана.

— Шин...

— Я недостаточно много знаю о том, как... какие действия приносят вам удовольствие... Особенно в случае, когда используются не обычные для этого органы... Тебе придётся направлять меня, подсказывать... Прошу, сядь. Это будет лучше из соображений комфорта для не вполне ещё оправившегося организма.

— Шин, то, что ты сейчас делаешь...

— Ранвил так стремился меня оградить... Надо же понять, от чего. И совершённое тобой... должно...

Перебирая пальцами мягкую влажную бахромку, Шин Афал думала о том, что многие считают дрази очень сильным, очень смелым народом... Но мало кто способен представить, насколько это могут быть нежные и страстные существа — но не может быть иначе при таких физических данных... Целуя на голове Штхиукки участки, свободные от чешуи, чувствуя суховатую, чуть шуршащую под губами кожу, другой рукой касаясь шеи, она впервые почувствовала эту странную, дикую радость, гордость во всей полноте — врач имеет власть над телом... Власть спасти жизнь, власть знать, как оно устроено, власть доставить ему удовольствие...

— Телекинез? У тебя? — глаза Алиона, и вообще большие и выразительные, сейчас были просто огромными.

— Ну... получается, да. Сам в шоке.

— Я, конечно, знаю, что телекинез не всегда проявляется сразу, в раннем детстве, иногда это вспышка в какой-то критический момент... Но ведь и до этого в твоей жизни были критические моменты, во время которых проявление телекинеза было бы более обоснованно.

Андрес почесал взлохмаченную голову.

— Ну да, пожалуй... Не, я действительно и предположить не мог. Правда, я тестов-то по-нормальному не проходил, только один раз тестировался, после чего, собственно, и подался в бега... Я, конечно, псих со справкой, это да, но это ж ещё не основание...

Алион задумчиво постучал ногтями по столешнице.

— Андрес... Я сам мало работал с телекинетиками, это всё же не мой уровень, не моя основная задача... Но я постараюсь подобрать тебе хорошего учителя. Ты ведь понимаешь, без обучения... этот дар может быть опасен для самого владельца.

— Да понимаю, конечно... — Андрес прошёл и сел рядом с минбарцем, приобнимая его за плечи, — я вот пытаюсь вспомнить тот момент, когда... когда я чуть не раскрыл тебе чашкой висок, в общем. Я был уверен, что я просто отшвырнул её рукой, но теперь что-то этой уверенности поубавилось. Так что очень даже понимаю я серьёзность ситуации, поверь. Разве что, может быть, среди учителей энтузиазма наблюдаться не будет. Всё-таки я землянин, и к тому же... ну, со своим приветом... Хотя обаятельный, конечно...

Алион улыбнулся.

— У тебя случалось это снова?

— Пока нет. Хотя я, честно говоря, только один раз попробовал... Страшно-то всё-таки. Ладно, если только свою комнату разнесу, тут и разницы никто не заметит, а если всю резиденцию?

— Попробуй сейчас, — Алион пододвинул к нему лежащую рядом на столе ручку, — я подскажу, покажу... примерно... как действовать...

Первые полчаса упорных попыток ручка не желала реагировать на ментальные усилия Андреса никак. Но Алион продолжал настаивать, ментально направляя, показывая, как нужно концентрировать и направлять силу.

— Сложно с нами, людьми, понимаю... — Андрес сдул с усталого лица налипшую прядь, — то ли у вас сознание — всё так логично, упорядоченно, спокойно, по полочкам...

— Это только так кажется. Конечно, вы не обучаетесь, как мы, с детства контролю над мыслями и побуждениями, но когда надо — вы вполне способны творить чудеса... Попробуй ещё раз. Только спокойнее. Не стоит пытаться вспомнить, как ты это делал тогда — ты не вспомнишь. И не концентрируйся на мысли, получится у тебя или нет. Обязательно получится, чуть раньше или чуть позже... Если уж это есть в тебе — никуда оно не денется.

— Ага, звучит малость зловеще...

Под воздействием очередного ментального импульса ручка слегка подпрыгнула на столешнице, а затем резко метнулась и ударила о стену у двери.

— Ничего, ничего страшного... — пробормотал Алион, вовремя успевший пригнуться, — у всех сперва предметы летают по комнате, и проще расколошматить что-то, чем пять минут подержать это в пяти сантиметрах над поверхностью. Главное, чтобы ты сам

перестал ее бояться, тогда не будет резких волн, бесконтрольного выплеска.

Алион смотрел на ручку, лежавшую у двери, касаясь пальцами волос Андреса, так же легко, невесомо касаясь его мыслей, успокаивая, направляя, настраивая. Сколько ж сюрпризов таит в себе этот человек? Какой удивительный ход вселенной, всегда, как говорит учитель Энх, играющей на стороне добра — что он оказался в нужное время в нужном месте...

— Ну-ка, интересно, смогу я её теперь... обратно оттуда? По идее, никаких проблем ввиду расстояния быть не должно, там-то оно тоже было не маленькое...

Ручка какое-то время хаотично каталась по полу, вертелась на одном месте, но затем покорно поползла в сторону стола.

— Не напрягайся так... Сейчас я попробую показать тебе, как нужно держать контакт, при этом оставляя приложенную силу постоянной величиной... Сам я, правда, знаю это только в теории...

Впрочем, для телепата его уровня не было проблемой увидеть эту силу, увидеть символическое отражение действий, совершаемых Андресом — он словно захватил ручку золотыми нитями и с их помощью тянул к себе. Что ж, образ вполне логичный, простой и надёжный... Многие, например, «отрачивают предметам лапки»... Нити время от времени рвутся или пропадают, мигая, но и с «лапками» проблем не меньше — меняется их количество, длина, а порой они оказываются на «спине» предмета...

— Что такое?

— Нет, ничего, просто... Твой ментальный фон сейчас... Он похож на фон Андо. Нет, конечно, он остаётся твоим, но... Это словно... пользуясь образами из твоей памяти — как когда обнимаешь кого-то, и одежда потом пахнет его духами.

— Ну, это, наверное, как-то объяснимо... Учитывая... нашу близость.

— Да, я тоже сперва подумал об этом. Но ведь прошло много времени, и... Сам характер этого следа... Я просто вспомнил... может быть, это глупости, конечно...

Андрес оторвался от ручки, проползшей уже половину пути.

— Ну, продолжай, раз уж начал. Глупости или не глупости — решим потом...

Алион облизнул губы, подбирая слова.

— Мне вспомнилось, как Андо говорил... о каком-то подарке для тех, кто стал ему близок. Я не знал, о чём он говорит, он ведь мог иметь в виду что угодно... Теперь я подумал — может быть, Андо подарил тебе эту способность?

— А это в его силах?

— Вполне возможно... Всё-таки он... не может считаться обычным телепатом, даже высшего уровня. Он говорил, что его мать сделала нечто подобное с ним... Конечно, дар он унаследовал от рождения, но что-то вложила в него она.

— Чёрт его знает, всё возможно... Я видел его крылья, после этого чему можно удивляться...

— Нет, ну это уже безумие какое-то.

— Вполне закономерное безумие. Я знал, что Шин Афал очень сблизилась с Штхиуккой...

— Знал?!

Дэвид вздохнул.

— Вероятно, ты не совсем верно понял меня сейчас. Я имел в виду именно дружеское

сближение... Хотя иногда мне начинало казаться, что возможно и большее, и знаешь — это радовало меня. Да, точно так же, как тебя радовало, что Рузанна выбрала доктора Чинкони. Я слишком давно понял, что не смогу ответить на эти чувства. И это, конечно, большая беда. Ведь объективно, лучше Шин Афал девушки не найти на всём Минбаре... Как и лучше Рузанну не найти на всём Центавре, да. Но откуда я возьму любовь, которой нет? Ты ведь не смог. Но Афал и Штхиукка... всё же это не казалось мне возможным. Видишь ли, у вас, когда говорят, что кто-то кого-то развращает, означает чаще всего, что обучает неким новым экстремальным сексуальным практикам, да? А у нас — куда более невинные вещи...

— Это я как-нибудь понял. Однако, когда Шин Афал кричала «Если он умрёт, я не буду жить»... При всём том, как много значит для минбарцев дружба... Да, хотелось бы мне считать так. Но пока что я вижу... зеркало. Зеркало, в котором отражаемся мы.

— Так раз жизнь окружает нас зеркалами — сперва Андо и его истории, теперь Шин Афал — может быть, она хочет, чтоб мы увидели всё таким, какое оно есть.

— Я вижу. Вижу, что всё зашло слишком далеко, что это сжатая до предела спираль, которая теперь начинает выпрямляться. Мы стоим на краю бури, мы видим, как тает наша беспечность... Мир растопит наш Ледяной город, Дэвид. Своей матери я не боюсь... не боюсь за себя. Я готов драться. Но я боюсь за тебя и... за всё. Её жажда власти, влияния беспредельна. В своей ярости она будет искать способ уничтожить помеху, чего б ей это ни стоило. И разве только она? Тебя не меньше жаждет уничтожить Ранвил. Даже уже понимая, что ты ему не соперник. Возможно, поэтому — ещё сильнее. Его гордость уязвлена отказом, его честь оскорблена тем, что ему не позволили довести поединок до конца... Андрес ведь потому сказал тебе, что полагает, следующая мишень — ты. У кого нам искать защиты? Да, глупо б было искать защиты от Ранвила, а от старейшин, от всей воинской касты? От всего мира? Не думаю, что старейшины мастеров обрадуются такому скандалу. Или старейшины жрецов — очередному скандалу, связанному с семьёй твоей матери.

— Значит, ты полагаешь, мы обречены?

— Дэвид...

— Кому мы сделали какое зло? Разве кто-то из нас выбирал то, что вызрело в нашем сердце и завладело нами, захватив наши сны, наши мысли, став нашей жизнью? Вероятно, это было б очень правильно и похвально, на взгляд всех, если б мы сумели это преодолеть, встать на «правильный» путь. Почему правильное для них должно быть правильным и для нас? Мир полон исключений. Когда-то выбор моей матери тоже потряс общество...

— Выбор твоей матери всё же был менее экзотичен, чем твой. Ты сам должен понимать даже лучше меня... Скажи, скажи честно, не боясь меня напугать — что тебя ждёт, если ты должен будешь сказать правду — что между вами с Шин Афал ничего нет, и почему. Что с тобой сделают? Проклянут, изгонят из касты, вообще из родного мира? Конечно, если так — я пойду с тобой, куда б ты ни отправился. Но куда мы пойдём? Если учесть, что мой мир тоже закрыт для нас? По крайней мере, у вас не предусмотрена смертная казнь... Хотя вообще сложно с наказаниями за то, что в вашем мире, вроде как, даже не признано существующим...

Дэвид встал, сделав шаг к стоящему у окна брату.

— Значит, как ты сам видишь, уже ничего не зависит от нас. Если только найти Ранвила раньше, чем он наговорит старейшинам...

— И заставить замолчать? Хорошенькое дело, как? Боюсь, просто вырвать подлый язык — недостаточно. Минбарец не убивает минбарца, Дэвид, разве нет? Конечно, это мог бы

сделать я, но боюсь, вскройся этот факт — это осложнило б наше положение ещё больше... Мне уж точно пришлось бы отправиться в объятия любезной матушки. Или ты имел в виду — воззвать к его разуму и порядочности? Шин Афал пыталась. Да и чёрт побери, не Ранвил, так кто-нибудь ещё... Благодетели, начиная с моей матушки, пытающиеся устроить нашу личную жизнь, блюстители морали всех мастей... Можно, конечно, пытаться скрываться всю жизнь. У нас, на Центавре, это умеют. А вот на Минбаре — вряд ли.

— Значит, вполне возможно, у нас осталась одна эта ночь... Что бы ни было потом, сейчас мы есть друг у друга. Ты упустишь этот момент, откажешься?

— Дэвид...

— Конечно, то, как это происходит у нас, насколько я узнал это... может как-то... покоробить тебя... я имею в виду отличия нашей физиологии и...

— Дэвид, остановись...

Но Дэвид уже развязывал пояс светло-серого домашнего одеяния.

— Если ты ещё помнишь... тот смутивший нас разговор об отличиях в нашей выделительной системе... У вас подобное в силу расовых особенностей невозможно, да и не требуется. Но если ты хотел бы... доставить и себе, и мне более полное удовольствие... Тебе было и прежде сложно отказаться от удовлетворения какого-то желания, особенно если оно совпадало с моим...

Сбросив одежду, он подошёл к Диусу, проклиная себя за неспособность сдвинуться с места, даже отвести взгляд, обвил руками его талию, прижимая его к своему обнажённому телу, положил голову ему на грудь.

— Пусть это и покажется... неестественным... Но это тоже способ соединить два тела... Строго говоря, рот тоже предназначен не в первую очередь для поцелуя. А я хочу, очень хочу почувствовать тебя в себе.

Винтари порадовался, что сейчас на нём жилет, впрочем, радовался он недолго — ловкие тонкие пальцы одну за другой отщёлкивали золотые застёжки, обжигая грудь через шёлк рубашки.

— Дэвид, ты не знаешь, о чём говоришь... Я слышал, что это... больно...

— Ты действительно думаешь, что такое соображение остановит меня? — губы Дэвида коснулись его губ — для чего ему пришлось привстать на цыпочки, — лично я слышал о боли, сопутствующей удовольствию... Просто сделай то, чего мы оба хотим, а потом, если хочешь — жалея... Или, если хочешь, представь, что это сон...

Винтари сглотнул.

— Я буду проклят, если сделаю это.

— Тогда будем прокляты вместе. Я люблю тебя, Диус, и это желание сильнее, чем страх...

Вырвавшиеся на свободу щупальца с готовностью обвили жмущееся к нему юное, невозможно красивое тело, кончики-стрелочки заскользили по лопаткам, по изгибу поясицы, одни зарылись в растрёпанные тёмные волосы, щекочась об остренькие рожки, другие скользнули по ягодицам, раньше какого бы то ни было указания сознания стремясь к исследованию вверяющегося ему тела.

— Как меня всегда восхищало это... — шептал Дэвид в перерывах между поцелуями, — с тех пор, как узнал... Это ведь практически безграничные возможности... Это действительно... быть созданным для наслаждения, для любовного соблазна... Чего вообще вам может не хватать, если вы — центавриане, существа с совершенной физиологией? Ты

так красив, такой чувственный, гордый, неистовый... Я знаю, какая страсть живёт в тебе... Никто не смог бы долго противиться подобному искушению... Ты был моим наваждением столько дней и ночей. И касаясь твоей руки, я чувствовал, что в твоей крови бурлит та же страсть. И не верил себе... Мы бежали от себя, и приходили в сны друг друга. Диус, в этих снах... мы уже перешагнули черту, разве нет?

Опрокидываясь на кровать, не выпуская руку Диуса, он нетерпеливо облизывал сохнувшие губы. Отбросив, с последними элементами одежды, последние протесты рассудка, Винтари склонился над ним. Кажется, подумал он, земное выражение «пожирать глазами» теперь понятно ему очень хорошо... Дэвид, млея под этим взглядом, раздвинул ноги, склонил голову набок, улыбаясь.

— Никогда ещё... так не возбуждал... этот естественный интерес к моему устройству... Уже это... стоило того... Тебе слишком идёт этот взгляд, это выражение лица...

«Создатель, если ты есть... останови меня... как-нибудь... потому что сам я уже не остановлюсь...».

Сплетясь в один извивающийся, стонущий клубок, они покатались по кровати. Неумелые, жадные ласки метались по всему телу, как язычки пламени. Со всей неистовостью семнадцати лет... И тех семнадцати лет, что сейчас, и тех, что тогда бурлили в крови, когда жгучее восхищение, заполнившее всё его существо, грозило перерасти во что-то совсем не целомудренное... Это было ещё понятно, это было объяснимо, он объяснял себе это тысячу раз. И с этим можно было жить. Жить, не мечтая об этих руках, этих губах, только любуясь. Чувствуя, что и этого много, как солнечного света тому, кто вышел из темноты. Это чудовище внутри не желало иного, кроме как лежать у ног божественной четы, видя сладкие, непристойные сны — но только сны... Зачем же этому чудовищу потребовался их сын? Зачем это чудовище потребовалось их сыну?

— Демон... маленький демон... Что же ты делаешь...

— Ну, пусть демон... — коварно улыбнувшись, Дэвид перевернулся спиной вверх, выгибаясь, — значит, всё же не ты повинен в моём падении, а я в твоём? И я получил тебя, получил... хотя бы сейчас, здесь.

Жаркое дыхание Диуса обжигало шею, живая сеть, стягивающая тело, дрогнула.

— Верно, я сошёл с ума...

— Разве? Ты центаврианин, так пей наслаждение, пока оно дано тебе... Слишком долго ты сдерживался...

Слишком долго, да. Десять лет огонь жил в хрустале, грел, не обжигал. Десять лет воздержания и самоудовлетворения, это не могло кончиться хорошо, Арвини был прав... Страстный шёпот оборвался стоном, когда один из этих гибких органов скользнул между ягодиц, требовательно и бесстыдно исследуя незнакомое строение. У центаврианок здесь располагаются родовые пути, у мужчин, соответственно, нет ничего.

— Я не уверен, Дэвид... Что это вообще возможно...

— Нет, это именно так... Просто... не бойся надавить сильнее... Это нормально, что туго...

Винтари склонился ниже, почти ложась на распростёртого под ним партнёра, два верхних органа оплели предплечья Дэвида.

— Да... да...

Дэвид стонал, впиваясь зубами и ногтями в простыни, чувствуя движение внутри, чувствуя горячее дыхание на своей спине. Широкая ладонь накрыла его стиснутые пальцы,

мягкое, родное тепло поверх жара кольца...

Они лежали, обнявшись, горячие, мокрые, наслаждаясь ощущением сладкой усталости, разливающейся по телу.

— Это было...

— Что?

— Невероятнее, чем всё, что я помню из своих снов. Так глубоко... Для человеческой физиологии это немыслимо... Ты засунул его весь? Прекрати делать такое лицо! Это... такая бездна... то, как ты играл им, глядя меня изнутри... И остальными при этом... Я и не думал, что они способны так вытягиваться...

— Дэвид!

— Что? Конечно, обычно это ты смущаешь меня, а не наоборот. Прошу, молчи. Что бы ни было дальше — оно всё равно будет, пусть тьма и сгущается за нашими спинами — не смотри в её сторону, хотя бы сейчас не смотри...

Деленн вздрогнула, обнаружив, что в тёмном, застывшем в вечерней тишине кабинете она не одна.

— Диус?

— Извини. Я не стал зажигать света. Мне и так нормально.

Деленн подошла к центаврианину, сидящему на полу у стены, обняв колени.

— Что случилось?

Диус позволил приобнять себя, прижать свою голову к её груди, но продолжал сидеть сжавшийся, напряжённый, словно одеревеневший.

— Разве нужны особые поводы, чтобы придти сюда, просто посидеть... вспомнить...

Пальцы Деленн перебирали мягкие светлые пряди, своевольно завивающиеся крупными локонами — отвыкшие от гребня волосы всё с большим трудом подчинялись какой бы то ни было укладке, предпочитая жить своей жизнью.

— Нет, особого повода не нужно... Но всё же как правило он есть. Когда я прихожу сюда и, совсем как ты, сижу, не зажигая света — мне кажется, что я поддалась печали, что эта печаль сейчас поглотит меня, разлитая в этой темноте и тишине... Но печаль отступает. Никуда не уходя — я знаю, она не покинет меня никогда. Но потом... знаешь сам, и наверное, тебя то же привело сюда... темнота скрадывает очертания, глушит звуки — и даже само время, кажется. И я словно снова слышу голос... Не всегда этот голос говорит что-нибудь ободряющее и важное по ситуации, иногда это просто покашливание, тихое бормотание... Или шаги, скрип кресла... И это больно... Но эта боль, в то же время, напоминает, что я жива. Однако я вижу, что твоя печаль — не отступает. Может быть, потому, что тебе сейчас нужен реальный, живой голос?

Винтари отвернулся.

— Слишком страшно думать, что ответил бы этот голос. Ты знаешь, как для сына важно — вырасти достойным отца... Слышать его одобрение, его гордость... Но не каждому сыну это дано...

— Так сложилась судьба. Особенно остро ощущаешь её слепоту и несправедливость именно в такие моменты — когда хочешь спросить совета, или просто услышать родной голос... И знаешь, что не услышишь его больше никогда. Конечно, в наше время это не совсем так... Мы можем слышать голос, сохранённый информационными носителями, видеть лицо на фотографии или видеозаписи... Это, конечно, совсем не замена... Но кто из

нас отказался бы хотя бы от такого утешения? Знаешь, я хочу кое-что тебе показать. Думаю, это будет и своевременно, и правильно. Я уже показывала это Дэвиду... Теперь покажу и тебе. Письмо отца, которое он писал ему, когда мы только приехали сюда. Когда Дэвида ещё на свете не было... Совсем не странно, что у него оказалось два адресата. Пойдём.

Уныло плетясь вслед за Деленн, Диус продолжал думать невесёлые думы. Конечно, она не поняла, что он имел в виду. Она подумала, что это просто тоска, такая же, как та, что одолевала её. Нет, тоска была... как могло её не быть... Тоска была, но тоска — это то, что любой бы понял, это то, что не надо объяснять. И кажется, что в сумеречных, притихших коридорах притаился немой вопрос, немой укор...

У дверей он всё же поймал её руку, задержал на пороге. Решимости смотреть в глаза не было, сколько он ни собирал эту решимость.

— Матушка... Ты хорошо знаешь, как больно бывает, когда не можешь спросить совета или просто поделиться тем, что есть на сердце в этот миг. Что делать, когда понимаешь, что невысказанно этим поделиться, когда знаешь, что ответ, даже если он будет... Когда знаешь, что будет боль... Потому что есть то, в чём тяжело ждать понимания. Но это не изменишь никак, потому что не изменишь себя, не изменишь себе. Наверное, тогда и мечтают так страстно... быть достойным, сделать что-то значительное, оправдать... когда понимают, что этому не сбыться. Матушка, бывает ли так, что вселенная создаёт нас с таким сердцем, создаёт сразу не для гордости, а для разочарования, боли?

— Диус, я не знаю, конечно, о чём ты говоришь сейчас, в чём себя винишь себя... Я только знаю, что дети даются родителям для того, чтобы быть любимыми, и любить — естественно для родителей. И если в сердце родительском нет любви — это сердце черно и холодно, а не дети плохие. Я стараюсь не судить тех, кого плохо знала, но это не касается твоих родителей. К ним у меня не повернётся язык применить святые слова «отец» и «мать». И я знаю, что Джон любил тебя, любил не потому, чтоб был чем-то недоволен в Дэвиде, и даже не потому, что судьба одарила его только одним родным сыном — будь у него десять таких замечательных сыновей, ты стал бы одиннадцатым. И радуясь твоим успехам, он любил тебя не за них, и радовался не за себя, а за тебя... Хотя и за себя, наверное, тоже, потому что твоя радость не могла не быть и его радостью. Я знаю сердце Джона как своё собственное, и в какой-то мере могу говорить за него... И теперь, когда он ушёл, я люблю тебя за нас двоих.

— Наверное, хорошо, что он ушёл тогда, когда я ещё не успел совершить того, что разочаровало бы его...

Деленн взглянула ему в лицо с тревогой.

— Диус, я знаю, что ты хороший человек. Я знаю, что у тебя чистое сердце. Я уверена, что сейчас ты слишком строг к себе... Мне знакомо чувство долгого и жгучего сожаления о чём-то, переживание совершённых ошибок. Но я знаю, что ты просто не успел бы совершить что-то... действительно стоящее того, чтоб считать себя недостойным и тратить столько душевных сил на чувство вины. Я понимаю, что свойство юных лет таково, что каждое чувство, каждое событие воспринимается как... как под увеличительным стеклом, и любая упущенная возможность кажется последней, и любой промах воспринимается как фатальный... И зная твою бурную, категоричную натуру, я надеюсь лишь на то, что мне достанет материнского таланта развеять твои страхи. Расскажи мне, что тебя мучит. Я уверена, вместе мы найдём решение, о чём бы ни шла речь.

— Не раз я в мыслях начинал этот разговор... И обрывал его, с ужасом и отчаянием.

— Прислушай эту запись. И... я не тороплю тебя, но надеюсь, что она поддержит тебя, придаст тебе решимости. Знай, что я всегда жду тебя, чтобы выслушать — когда бы, и с чем бы, ты ни пришёл.

Она показала ему эту запись... Сердце кольнуло болью — это он, он должен был это сделать. Как делился с ним всем, хорошим и плохим. Но в тот момент он подумал, что это принесёт лишь новую боль. Он не хотел, чтоб сердце брата терзала тоска разлуки так же, как его собственное, чтоб поджившие раны растревляли новые напоминания. Запись часто несколько меняет голос, но здесь он звучит точно как в жизни, каким он его помнит. И не верится, что если обернуться — отец не стоит за плечом...

Эта запись чуть старше его. И можно представлять, как отец говорил это — сидя за столом в своём рабочем кабинете, или, может быть, прогуливаясь по саду... Мама говорила, что не присутствовала при этом...

«Если тебе будет трудно, просто поговори с ней. Она не осудит. Она будет только любить... Ничего страшного, если ты оступился и упал...».

Стоя в дверном проёме, Дэвид боялся пошевелиться, не то что сделать шаг. Как хотелось видеть сейчас лицо Диуса, держать его руку, пережить с ним вместе эти пронзительные, счастливые и горькие минуты. Он ведь сам и предполагать не мог, но это несомненно сейчас — он, отец, говорил это и для него, Диуса.

«Дом — это не место, это то, куда ведёт тебя сердце...».

Он развернулся и тихо вышел, а потом почти побежал к комнате Деленн.

Здесь ничего не менялось, кажется, на всей его памяти. И сиреневый свет тонких пластин светильника был таким же, как в тот вечер, когда отец рассказывал о своей поездке на Вавилон-5, а он, ещё только один раз увидевший этого нового удивительного гостя, сказал: «Пусть остаётся навсегда»... Это место было полно памяти настолько живой, что от этого было ещё страшнее. Казалось, что отец вышел совсем ненадолго, и вернётся в самый неожиданный момент, в самый разгар его исповеди... И неестественной казалась повисшая тишина, всё не нарушаемая звуком его шагов...

— Дэвид...

— Как мне хотелось оттянуть этот разговор ещё хотя бы на день... Но что будет значить этот день? Только очередное свидетельство моей слабости... Я должен сказать это первым, должен сказать теперь. Мне жаль, так жаль, что всё это должно происходить именно с тобой... Ты заслуживаешь лучшего из возможного, всегда заслуживала... как и отец.

— Дэвид, ради Валена, что происходит с вами обоими?

— ...Знаешь, почему я никогда не страдал от того, что мы не бывали на Земле, никогда туда не просился? Я ненавидел Землю. Слишком много в ней собралось для меня того, что... Столько жестокости, нетерпимости, столько отвратительного в истории... Да, достаточно изучать их историю, чтобы меньше всего на свете туда хотеть. Да, я знаю, они молодая раса, а молодым свойственны глупости... Но для меня их это не извиняет. Позже я перестал так думать — я познакомился с многими хорошими землянами, и я узнал, что в истории любого мира достаточно гадких примеров... Но вот недавно эта ненависть, этот страх вернулись. Я знаю, что у меня мало оснований считать себя минбарцем, на большую часть я человек... моя другая, минбарская часть держала меня от отчаянья, от мысли, что я чуждый здесь, я боролся с этим — и у меня почти получилось. Но теперь я чувствую, как теряю эту иллюзию гармонии... И будь я проклят, но я даже не пытаюсь её удержать. Из меня не получилось

хорошего минбарца — и по-видимому, это означает, что я человек... И я не знаю, что с этим делать, как дальше быть, но должен принять это, а что остаётся? Единственное, что всегда было мне дорого в мире людей — это мой отец. Только ради него я готов был попытаться, и оказался способен, не переносить на весь мир отношения к отдельным... которых, впрочем, слишком много... Пример отца помогал мне... суметь то, чего не мог я сам... Но сейчас — ничто не может помочь мне преодолеть... потому что сам не хочу. Зная, что это то, чего отец бы... не одобрил, не понял... но я не могу... Я знаю, что ступил на край, но ничто, ничто бы не смогло меня остановить...

Губы путались в двух языках, как душа, пойманная в сети соблазна, но постепенно становилось легче. Так же, как падать... Тебе ничего не нужно делать, всё происходит само, и в какой-то момент тебя охватывает даже дикая, сумасшедшая радость — полёта...

Деленн помолчала, подбирая слова — давно ей не было так сложно. Дэвид смотрел на обильную проседь в её волосах — словно лунный свет на тёмной ночной траве, на тонкие пальцы, растерянно теребящие край расшитого рукава, и ждал приговора с нарастающей глухой тоской.

— По правде говоря, я не слишком много понимаю... в этой теме, Дэвид. Она знакома мне не столь давно... Ты знаешь сам, наша культура... не предполагает обсуждения подобных тем. Да, я слышала, в порядке слуха, что у воинов некоторых кланов, в длительных походах, практиковалось... сексуальное общение между представителями одного пола, с целью снятия напряжения... Что представляется логичным, ведь если медитации не помогают — а воины, будем честны, не всегда бывают усердны в духовных практиках — лучше всё же снять это напряжение, чем позволить ему мешать делу. А секс с противоположным полом может привести к зачатию, что совершенно недопустимо... Но это лишь непроверенные слухи, которыми нельзя оперировать. Думаю, воины под пытками не сознались бы в такой своей нестойкости...

— Какое это имеет значение, мама...

— Поэтому я не знаю, что сказать об этом. Конечно, то, что это мучит вас — это очень плохо... В гармоничных отношениях не должно быть надрыва и боли. Но если я правильно поняла твои объяснения, и причина вашей тревоги в том, что вы не знали, допустимо ли то, что с вами происходит... То это то, через что проходят многие молодые люди, впервые обнаружившие у себя взрослые желания, если не получили об этом подобающего образования...

Не вполне веря, что он слышит именно то, что слышит, Дэвид поднял на Деленн потрясённый взгляд.

— То есть... это не запрещено?

— Дэвид, ты же понимаешь... Не может быть запрещено то, что неизвестно, о чём до сих пор не говорили. Нигде в наших законах я не встречала запрета на гомосексуальные отношения, и не встречала вообще такой формулировки. А я, как ты понимаешь, знаю об этом больше, чем ты, юноша, только вступивший во взрослую жизнь. Конечно, то, что не запрещено — оно и не разрешено... То есть, оставляет полную свободу для реакции каждого в соответствии со своим мнением, и мнения могут быть различны...

— Но ты... ты не считаешь это греховным, мама?

— Когда-то мой брак считали греховным, и поныне есть те, кто так думает. Поэтому я хорошо понимаю твои чувства. Но близкие души могут находить друг друга в разных формах, и хотя для меня тоже это... непривычно... я не вижу в происходящем ничего дурного. Как бы

ни... сложно мне было представить подобное не между мужчиной и женщиной, а между двумя мужчинами, я ваша мать, я люблю вас, я не могу вас оттолкнуть... И Джон... тоже никогда не был... как ты это назвал? Гомофобом... то есть, большую часть жизни он не встречал таких людей, только слышал о них, и не имел о них, пожалуй, ни положительного, ни отрицательного мнения. И... — она поколебалась, прежде чем произнести следующее, — однажды в жизни он тоже имел гомосексуальный контакт...

— Что?!

— Вы были на Тучанкью. Это было... их последняя встреча с Андо, после чего он отправился на тот захваченный дракхианским артефактом корабль... Довольно странные шутки иногда шутит судьба...

— Андо?!

— Да. Джон рассказывал мне об этом, сам, кажется, до конца не веря в произошедшее, сам себе пытаясь объяснить... Он ведь считал отношение Андо к нему сыновним. Да и я считала...

Он судорожно приглаживал растрёпанные волосы, восстанавливая замершее дыхание. Тот сон, тот безумный сон... Выходит, он не был просто сном.

— Как же ты сумела... пережить это?

— Довольно просто, честно говоря. Да, конечно, мне было сложно это понять, всё-таки эта тема мне... не так часто в жизни встречалась... Но не думаешь же ты, что одна измена, какой бы она ни была, способна разрушить то, что создавалось годами? Я не вижу для этого оснований.

— Многие женщины Земли удивились бы этим словам.

— Значит, я не настолько землянка. Но я считаю, что отношения кончаются тогда, когда кончается любовь, кончается доверие, а не когда... тело твоего супруга стало доступно кому-то кроме тебя. Гораздо важнее мне было понять... те потребности, которые ими руководили. Понимание — самое важное в любых отношениях, особенно в отношениях тех, кто настолько различается природой, воспитанием... Я чувствовала, что... хотя это и было, как будто, разовым явлением, очень важно ничего не упустить в понимании этого явления... я не ошиблась.

— И ты... так спокойно говорила об Андо, ни в чём не подавая вида...

— Я знаю, что он любил Джона. И я не имею права полагать, что он любил его меньше, чем я, лишь оттого, что его любовь была иной. Быть может, многие считают, что в любви тоже следует подчиняться определённым правилам... Многие полагали, что... Если даже я действительно люблю этого землянина, если даже он действительно достоин этой любви, мне всё же следовало оставить эти отношения... платоническими. Но я не считаю, что различия природы — основание... Природа не может предназначать, природе всё равно, какие особи спариваются. Лишь мы сами делаем секс духовным или наоборот... Я предполагаю, многие из тех, для кого Джон был героем, не поняли бы, осудили... Но мне всё же кажется, что права я, а не они. К идеалу нельзя относиться потребительски, отказывая ему в тех человеческих проявлениях, которые не устраивают лично нас, а судить чужую любовь не менее опасно, чем чужую религию. Все эти двадцать лет Джон не изменял мне, и думается, не только потому, что здесь ещё проблемой было найти, с кем... И если это произошло сейчас — глупо бы было считать себя обделённой, потому что не одна только верность показатель гармоничности союза, и несправедно было бы осудить, не попытавшись понять.

— И ты... поняла это?

— Не уверена, что поняла правильно... Для Андо, при его... восхищении Джоном, при его сиротском детстве в мире, где его, всё-таки, окружали существа природы иной, чем его, при его пылкой, впечатлительной натуре... наверное, было естественным... Это было влюблённостью, обычной юношеской влюблённостью, пусть и необычным был выбор объекта... В общем-то, я встречала вполне взрослых состоявшихся людей, которые, пожалуй, тоже были влюблены в него... Другое дело, что им не пришло бы в голову выражать свою любовь так.

— А... отец? Чем это было для него? Решил... попробовать что-то новое?

— Возможно. Возможно, для человека, который знает, что скоро умрёт, понятие того, что это называют пороком, уже не имеет такого значения... Он сказал, что это было... как снова стать молодым...

Шин Афал расслабленно водила кончиками пальцев по краям острых чешуек.

— Штхейн... Скажи, а что в моём теле нравится тебе больше всего?

— Шин, как ты можешь такое спрашивать? Я люблю тебя всю в целом, не разделяя, ни душу, ни тело.

— Штхейн, это вот ты как можешь быть таким занудой? Я знаю это, и у меня самой именно так. Но может быть, всё же... Знаешь ли, любой женщине приятно слышать про свою красоту.

Пальцы дрази нежно погладили её по щеке.

— У тебя волшебные глаза. Такие огромные, такие глубокие и ясные, как небо... В них можно смотреть бесконечно, с каким бы они ни были выражением, смеёшься ли ты, или говоришь о чём-то серьёзном. Мне нравятся твои руки — у тебя такие длинные, тонкие пальцы, такие ласковые, такие... чуткие, точные. А что больше всего меня впечатлило... пожалуй, это грудь. У нас такого нет, потому что у нас нет грудного вскармливания, наши дети сразу рождаются зубастыми... Когда я изучал, помнится, культуру землян, я удивлялся тому, что, хотя эти части тела у самок предназначены именно для детей, они вызывают эротический восторг у самцов, и являются, можно сказать, предметом культа... теперь я понимаю.

Минбарка рассмеялась.

— А я... меня восхищает, пожалуй, то, сколько в твоём теле эrogenных зон. Сколько в тебе удивительного, чистого огня... Так странно... Теперь только я поняла, как мудры были мои наставники, говорившие, что я заблуждаюсь насчёт своих чувств к Дэвиду. Они не изменились. Просто теперь я поняла, что они есть на самом деле. Теперь, когда мне есть, с чем сравнить... Это словно, увидев розовый цветок сейхтши, я думала... что это и есть то, что я искала... но это ведь лишь потому, что я ещё не увидела красный. «Неизвестно, что из него вырастет»... Этот умный человек, Андрес, сам не зная, выразил эту мысль лучше, чем сумел бы кто-то другой. Неизвестно, что вырастет из нас, из наших чувств. Но когда цветок распускается, мы бываем ошеломлены его красотой...

— Привет, команданте. Что делаешь? — в дверь сунулся Андрес.

— Утешаю эту дуру, — кивнула Виргиния на Офелию, — да, да, хоть любимая, а дура. Решила с чего-то, что мне это теперь грозит какими-то необъятными проблемами, ага, той самой Виргинии, которая натворила делов на пару пожизненных сроков и пару

прижизненных памятников, как выразился как бы даже не ты... Вечно навоображает проблем и за меня, и за себя, казалось бы, лучше применение для фантазии должно быть...

Андрес крикнул.

— Э... Я уж даже боюсь спрашивать, что за проблемы, меня тут другое зацепило... Вы что... того... это?

— А... Я что, тебе не говорила? Странно, почему-то казалось, что говорила.

— Нда... Как-то это, признаться... Слушай, вот всю жизнь был уверен, что это воздушно-капельным путём не передаётся, и вообще не передаётся... А теперь начинаю сомневаться. Интересно, какова скорость распространения инфекции, и как скоро гетеросексуалов в резиденции не останется?

— А что, кто-то ещё...?

Андрес кашлянул, демонстративно-невинно поглядывая в потолок.

— Что? Ты? Что, серьёзно? Нет, я видела... мельком... Но я думала, что это девушка... У них не всегда можно понять, какого оно пола...

— То есть, что это минбарец, тебя уже не смущало?

— Ай, на вкус и цвет все фломастеры разные. А ты у нас всегда был... ну... в общем, от тебя можно было ожидать. Ну, я не удивлена, короче говоря. Я, в смысле, удивлена, что минбарцы на это тоже, оказывается, способны... Недоценивают их земляне, ой, недоценивают. Ну вот, видишь, дорогая? Прахом пошла твоя золотая идея выдать меня за него замуж. Я как чуяла, что он в этом плане валюта совершенно ненадёжная.

— Простите за опоздание, мне только что сообщили... Что случилось? — Винтари переступил порог и прикрыл дверь.

В комнате за длинным столом собралась более чем разномастная, но в основном знакомая компания. Незнакомым был только немолодой полный дрази — судя по одеянию, недавно переназначенный дразийский посол.

— Ну что ж, все собрались... Но не думаю, что появление принца что-то решит, — проговорил он, — я изложил уже свой вопрос, вы дали свой ответ, я понял вашу позицию, но не знаю, устроит ли он старейшин... Меня-то устроит, почему нет, но тут не всё я решаю.

— Суть в том, — тихо и зло проговорила Виргиния, — что Штхиукку требуют отослать... Пришёл запрос от её родственников с Захабана. Им пришло... сообщение о её недопустимом, порочном поведении здесь, нарушении законов... Бред какой-то, кто мог такое сказать?

— Ранвил, — поджала губы Шин Афал, — тут к гадалке не ходи. Его так возмущало, когда я предпочитала ему Дэвида, можно представить, что с ним сейчас. Да смилуется над ним Вселенная, но на глаза мне ему лучше не попадаться.

— Ранвил не мог повернуть такое в одиночку, — проговорила Деленн вполголоса, — это значит, что у него нашлись сторонники как минимум среди взрослых его клана... Вот это уже грустно. Как бы то ни было, — она снова заговорила во всеуслышанье, — я готова заявить, что Штхиукка не совершала никакого преступления, не нарушала никаких наших законов, и многие здесь... я думаю, все... готовы это подтвердить.

— Это так, — кивнул Андрес, — за всё то время, что она у нас работает... Я о ней только хорошее могу сказать.

— Вас ввели в заблуждение, — подал голос и Винтари, — если хотите, мы все подпишемся... Это какое-то недоразумение.

— Я передам ваш ответ, но ничего обещать не могу. Если они будут настаивать, нам придётся... Они сказали, что и позволять ей уезжать к вам было недопустимо, но это решение тогда было не в их власти...

Дверь за послем закрылась, но собравшиеся долго не расходились.

— Если они заберут Штхейна, я поеду с ним. Пусть как хотят объясняют мне, что я, дескать, не имею на это права... Пусть и со мной тогда что хотят делают, я тоже виновата. Может, хоть объяснят, в чём вина тех, кто просто любит друг друга.

— Мама, мы не можем этого допустить!

— Я знаю, сынок, но я не знаю, что мы можем сделать. Это ведь внутреннее дело... Тогда, с Аминой Джани, у нас получилось, но благодаря Лондо и её отцу...

— Я понимаю, полюбить женщину-минбарку — это, конечно, более шокирующее, чем мужчину-нарна... Мама, Альянс известен как оплот толерантности, чего будут стоить все наши заявления, если мы сейчас сдадимся? Если позволим миру-члену Альянса... Сегодня Штхиукка и Шин Афал, а завтра — Андрес и Алион, или мы с Диусом?

— Конечно, мы что-нибудь придумаем, иного и быть не может, — Андрес поднялся из-за стола, нервно прошёлся по комнате, — если потребуется, подделаем свидетельство о смерти, спрячем где-нибудь, ну, что-нибудь придумаем... Ведь правда, госпожа Деленн? А может, я им просто фигурно дулю нарисую? Ну, не станут же они копыя ломать из-за одной, даже ничерта не знатной, девчонки-транса? К ней же никакой принц там посвататься не мог? Ну, могу попросить Офелию дулю нарисовать, она в рисовании потрясающие успехи делает, да и проблемой, полагаю, проникнется тоже... Да, Виргиния?

Деленн горестно стискивала руки.

— Конечно, Андрес, мы сделаем всё возможное. Но я надеюсь всё же, до конфликта не дойдёт. Это ведь действительно нерационально... Я надеюсь, той стороне тоже не нужен подобный скандал. Хотя возможно, силы, которым этот скандал нужен, всё же слишком влиятельны...

— Вот никогда не понимал таких, — Андрес несильно стукнул кулаком по стенке стеллажа, — что за любовь лезть в чужую постель? Да ещё и прикрывать это какими-то рассуждениями о нравственности, о благе нации... От этого что, хоть одна экономика рухнула, стихийное бедствие случилось? Содом и Гоморру не поминать, уже даже дети знают, что если эти города в чём-то были прокляты, так в географическом положении, а гомосексуализма там было не сильно больше, чем где-то ещё.

— Мама, ты ведь знаешь, дрази... очень консервативный народ, но они тоже меняются под влиянием непреодолимых обстоятельств. Если мы заявим протест, если напомним, что в декларации принципов Альянса значится недопустимость никакой дискриминации, и если там не упомянут как пример гомосексуализм — то лишь потому, что писал декларацию Г'Кар, а на Нарне гомосексуализм тоже, похоже, неизвестен...

— Я понимаю, сынок, понимаю! Но я не знаю, сможем ли мы... Сделать такое заявление сами, не знаю, согласится ли с нами На'Тот, не знаю, уместно ли поднимать сейчас так остро именно этот вопрос...

— Так же, как тогда с телепатами? — тихо спросил Дэвид.

Деленн вздрогнула.

— Почему... ты вспомнил об этом, сынок?

— Потому что это та же ситуация. Тоже ущемлённая в правах группа, которую просто не хотят замечать... Протесты, которые просто неудобно услышать. Не сейчас,

несвоевременно... То, от чего отворачиваются, как-то стыдно, как-то словно несерьёзно, проще сделать вид, что проблемы нет, вернёмся к ней как-нибудь завтра... И потому, что... Я знаю, мало для кого реально вспомнить свою прошлую жизнь, да и ни к чему это — надо жить будущим, а не прошлым... Но мне кажется, я был там, среди тех, кто тогда покончил с собой, чтобы не сдаваться Корпусу. Я думаю, что потому и родился у вас, что хотел... дать отцу ещё один шанс защитить меня. Выходит, опять не вышло? Конечно, мы знаем, дрази цивилизованная раса, в случае суда Штхиукку не ждёт смерть, всего лишь тюрьма, принудительное «лечение» или что-то в этом роде... Но это тоже то, чего мы не допустим. Если потребуется, мы встанем живым щитом... И трагедия повторится...

— Дэвид!

— Да, Диус. Именно об этом говорили мои сны, огонь в моих снах. Это уже было... Люди, лишённые человеческих прав, лишённые надежды, только потому, что они — другие... Без вины виновные перед миром. И я не хочу, чтоб это повторилось. Если есть другой путь, самое время его найти.

— Да, не знаю, на какой ответ они надеются, — пробормотал Андрес, — если сам сын первого президента, легендарной, что ни говори, личности... Да кто что до сих пор знал о гомосексуальном лобби. Как хотите, но Альянс своих не сдаёт.

— Андрес, вам кто-нибудь говорил, что вы восхитительный хам?

— Да, много раз, а что я не так сказал?

Среди входящих в зал не было, наверное, никого, кто не был бы охвачен таким волнением, что оно пережимало горло. Потому что сегодня объявят решение по вопросу. Потому что объявит сама На'Тот. Потому что от этого решения зависит, какой будет дальнейшая жизнь.

— Да всё же полагаю, никому эскалация конфликта не нужна. А то ведь... мы мирные, конечно, и всё такое... только не надо нам на горло наступать. А то одна такая война не ждали, а случилась, помнится.

— Видно, в ком говорит военный, — улыбнулся Винтари.

Андрес поморщился.

— Не люблю всё-таки, когда так говорят... Мы не были военными, мы были незаконным бандформированием. Кто был законным, думаю, объяснять не надо... Именно военным я бы никогда не стал. Я слишком люблю свободу, чтобы подчиняться приказам — не тех, кого я знаю и кому верю, с кем меня одно горнило выковало, а кого поставят... Мы недавно об этом с Дэвидом говорили, кстати. Он сказал, что понял, почему собирался идти в анлашок. И почему не пошёл, соответственно... Потому что не искренним у него было это желание. Бегством. От страха не оправдать родительские ожидания, расстроить отца... Тем, что слишком анархическая натура, и вообще пацифист... Что вот он в случае чего, на месте отца, и переживать не стал бы на тему того, что пошёл против прямого начальства и словил обвинение в измене. Беда многих детей военных, что поделаешь... Мне проще, мой отец не воевал. У него, конечно, отмаза была... Ему на заводе колено раздробило — нога почти не сгибалась... Но он и сам бы не пошёл. Сказал, не верить, что наша армия без одной живой единицы справится — это или самомнение, или пораженчество. У него самого отец на дилгарской войне погиб, двое детей без отца выросло... Оно конечно, защитить родину любой ценой и всё такое, но ковать победу в тылу и восстанавливать хозяйство после войны тоже кому-то нужно... Им даже похоронить ничего не досталось, для нас он такой судьбы не

хотел. Война — это хорошо для тех, кому нечего терять, или кому самоубиться хочется поскорее и погероичнее.

— Даже странно слышать такие слова от тебя, Андрес.

— Я всегда объективно относился к своей жизни и всему, что в ней. Я эту войну не сам выбирал, меня к ней вынудили. И если потребуется — ещё раз вынудят. Я лишь о том, что сам, добровольно, в армию — не пошёл бы. Так что не понимаю, за что сначала Андо, потом Алион считали меня воином... я не воин, я разбойник.

— У Андо было специфическое мышление, — улыбнулась подошедшая Виргиния, — и он-то был воином. Потомственным, можно сказать. Воином был его отчим, и его... дед, получается. Диус рассказывал, что смог раскопать... Один из немногих, кто вернулся живым из дилгарского плена. Правда, ненадолго вернулся... Умер, так и не увидев своих сыновей.

— Да, Андо просто фантастически повезло потерять всех родственников крайне рано... Неудивительно, что он... сам так стремился обрести семью... И не странно, что семьёй для него захотелось стать. Сколько раз мы ещё пожалеем, что его нет с нами...

— Ага, им сейчас тоже нашлось бы место здесь — и ему, и бестерёнышу...

— Не могу не согласиться, — вздохнул Винтари, — но хочу предупредить... Назовёшь меня картажённышем — такого тумака получишь, что и не снилось.

— Понял, понял, не дурак.

В зал быстрым, деловым шагом вошла На'Тот, заняла своё место во главе стола, и все разговоры смолкли. Дэвид вглядывался в лица матери, дразийского посла, минбарских старейшин — пытался понять, знают ли они что-то о решении, каково оно.

— Я перейду сразу к делу, я не умею составлять длинные вступительные речи, и думаю, никому здесь они и не нужны. Вы все знаете, какой вопрос мы здесь обсуждаем, и все об этом вопросе волнуетесь. О вопросе выдачи Штхиукки из семейства Тол-Тайши по требованиям её родственников, по обвинению в недопустимом поведении. Я знаю так же, что это было инициировано минбарской стороной, и обсуждение допустимости этого вмешательства уже породило новые споры между кастами жрецов и воинов...

Присутствовавшие за столом фриди Алион и старейшина клана Шин Афал Ленхе холодно переглянулись.

— Я сразу скажу — как нарн, я не имею своей чёткой позиции по этому вопросу. На Нарне неизвестен гомосексуализм, по крайней мере, я никогда не слышала о подобном, и нет чётких установок, допустимо это или нет. Наши моральные нормы, например, допускают свободные отношения между супругами, то есть, супружескую верность у нас соблюдают сугубо по желанию, а это близко... По крайней мере, прямо сейчас я не способна увидеть в этом явлении ничего вредоносного, и мне непонятна паранойя, существующая на этот счёт здесь или где-то ещё...

Лица большинства собравшихся начинали медленно, недоверчиво светлеть.

— Я так же понимаю, что сейчас мы должны отказать в этом требовании — а то, что мы должны отказать, несомненно, потому что если мы собрались соблюдать традиции толерантности, мы должны делать это и в малом, и в большом — именно так, чтоб показать оправданность, справедливость нашего решения... Мы, конечно, не сможем убедить их сразу, но мы сможем заложить первый камень в основу этого убеждения. Или же вынуть первый камень из стены непонимания, как будет угодно. Я могла бы, конечно, заявить, что Штхиукка из Тол-Тайши делает здесь важную и нужную работу, которая ценнее возможного... осуждения её личного выбора, но я вижу, что это не убеждает некоторых...

Поэтому Штхиукке и Шин Афал будет прислано приглашение из медицинского университета Энфили, с недавно открытой там кафедры ксенобиологии, которую возглавляет доктор Франклин. Выучившись там, они смогут стать специалистами, ценность которых уже не смогут отрицать у них на родине. Конечно, если Штхиукку не влечёт ксенобиология, она сможет поступить на какой-нибудь другой факультет...

— О нет, что вы, поверьте, ксенобиология... меня вполне влечёт... — пробормотала потрясённая Штхиукка.

— Такая подготовка будет вполне в интересах и комиссии, в которой работает здесь Штхиукка, и клана Шин Афал, с этим, надеюсь, никто спорить не будет. Как и с авторитетом доктора Франклина. Ни мир Дрази, ни мир Минбара не будет, думаю, спорить с тем, что будет для них честью, а не позором. Никто в здравом уме не станет протестовать против того, чтоб их граждане, которых они сами считали неблагополучными, получали хорошее образование и приносили пользу. Далее... понимая, что следует предупредить возникновение подобных вопросов в дальнейшем... Зная о претензиях центаврианской стороны, находя их невразумительными и будучи, как нарн, вообще возмущена ими до глубины души... Я имею предложение и к принцу Винтари. Вы, возможно, слышали о недавно установленном контакте с одним новым миром... Точнее, не совсем новым, но до сих пор общения с его жителями мы, в силу различных специфических причин, не имели. Мир этот примечателен тем, что знает о нас гораздо дольше, чем мы о нём. Точнее, не то чтобы о нас всех... О Земле. И Земля, невольно, оказала немалое влияние на его историческое развитие... Но это история долгая. В недавнем итоге там произошла мировая революция, и новое единое правительство сейчас, продолжая непростую работу по установлению нового порядка, по построению по-настоящему мирного, справедливого общества, как нельзя более заинтересовано в общении с нами и в примерах настоящей толерантности, единства несмотря на различия... Именно в вашем лице мы можем им это дать. Сегодня утром я говорила с комиссаром Даркани, он очень жалел, что не имел возможности познакомиться с президентом Шериданом, но счастлив будет познакомиться с его сыном. И с вами, Диус Винтари, тоже.

— И его... Не будет смущать то, в каких мы отношениях?

— Полагаю, менее всего на свете. Так же с вами отправится Виргиния Ханниривер, потому что в состав её комиссии вы будете входить. Виргиния сможет ознакомить народ Корианны с деятельностью Альянса именно с этой, важной для нас стороны — объединения и взаимопомощи. Её пример, как освободительницы двух миров, тоже будет очень важен для мира, не столь давно сбросившего власть лжецов и эксплуататоров.

Виргиния сидела вся красная, впервые в жизни испытывая такое сильное смущение.

— Вы, ваше высочество, будете заниматься тем же, чем всегда — переводами, изучением культуры нового мира, ознакомлением этого мира с культурами наших миров. Советую взять с собой все материалы, которые у вас накопились, работы предстоит много... Но Дэвид окажет вам всю возможную помощь, как это было всегда. Ввиду того, что командировка получится долгой — сроков возвращения мы вам не ставим — каждый из вас сможет взять с собой семью... Правда, Деленн уже высказалась, сказав, что не может оставить те дела, которые у неё есть здесь, а в дальнейшем планирует, подготовив себе замену, удалиться в храм Сестёр Валерии для уединённой жизни в тишине и молитвах... Принц Винтари здесь, на Минбаре, семьи, кроме воспитавшей его, не имеет... А Виргиния может взять с собой Офелию Александер и Элайю, как своих ближайших здесь

родственников. Советую начать сборы как можно скорее, вылет корабля на Энфили завтра, дата вылета на Корианну ещё пока не назначена, конечно...

— Нет, ну до чего... не откажешь в умении найти выход, да ещё так, чтоб вроде как с пользой... Особенно это вот... вылет корабля на Энфили — завтра... Конечно! Дрази ж ответа по Штхиукке ждали послезавтра. А тут, вроде как — и рады бы, да увы, улетела уже... И мамаше Диусовой теперь хоть от злости лопни — достать она его там не сможет, поди, это место сначала на карте найди... Официально-то она его затребовать и не могла, совершеннолетний уже, всё по закону. А теперь и не подошлешь никого, да и не позвонишь с очередным сношением в мозг... Хороший выход, как ни посмотреть — это ж легендарная Корианна, к которой мало у кого нет суеверной опаски... Ну как, это ж там, вроде как, где-то та нора, в которую Дэвидов папаша Теней с ворлонцами засунул. Слушай, а о нас-то они забыли! Как думаешь, напомнить, попроситься тоже, чего Виргиния, одна, что ли, должна там вкалывать? Или ладно уж, будем наводить толерантность здесь, или куда пошлют? Хотя что нам-то сделается... Меня Земля требовать не станет, я ей и в былые времена ни нафиг не сдался, а тебе уже вроде бы дали понять, что при твоём уровне мастерства и полезности для общества ты своей заднице сам хозяин...

— Андрес, смотрю на тебя и не знаю, как тебя назвать — оптимистом или циником...

— Да меня как только не называли, милый.

Больше книг на сайте - Knigolub.net